This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 3433 07855282 9

Digitized by Google

Digitized by Google

*QCA
Moskvityn

Digitized by Google

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

НА 1851 ГОДЪ.

Часть IV.

МОСКВА.
Въ типографіи В. Готье и Н. Степанова.
1851.

Digitized by Google
Printed in Soviet Union

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
770753A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1935 L

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Іюля 1 дня, 1851 года.

Цензоръ *Д. Ржевскій.*

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

1851.

№ 13. Іюль. Кн. 1.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПАРИЗИНЫ БАЙРОНА.

I.

То часъ, когда изъ-за вѣтвей,
Слышнѣе пѣсня соловья.
То часъ, какъ любящихъ слова
Въ тиши нѣжнѣе и страстнѣй,
И шумъ колеблющихся волнъ
Какой-то музыкою полнъ,
И каждый цвѣтъ блеститъ росой,
И звѣзды ярки въ небесахъ,
Вода синѣй во тьмѣ ночной,
Темнѣе зелень на листахъ,
И полусвѣтъ лежитъ на всемъ,
Съ прозрачно-нѣжной темнотой,
Который слѣдуетъ за днемъ,
Лишь сумерки растаютъ подъ луной.

PERL. JAN 21 1935

Digitized by Google

II.

Но не слушать въ тиши, какъ шумитъ водопадъ
Паризина прокралась изъ мрачныхъ палатъ,
Не за тѣмъ, чтобъ молиться ночнымъ небесамъ
Выходила синьйора въ тѣнистый свой садъ,
Не за тѣмъ и въ бесѣдкѣ, чтобъ въ ней
Наслаждаться прохладой подъ сѣнью вѣтвей.
Она слушаетъ жадно—но не пѣснь соловья,
Хотя словно къ сказкѣ внимательно ухо ея....
Вотъ шорохъ за темною сѣтью вѣтвей,
И блѣднѣютъ ланиты.... и сердце забилось сильнѣй....
Вотъ голосъ послышался въ шелестѣ листьевъ чуть-чуть....
Ярко вспыхнули щеки, высоко волнуется грудь....
Еще минута—близокъ срокъ....
Прошла—и онъ у милыхъ ногъ!

III.

И что для нихъ весь міръ кругомъ,
Съ его движеньемъ, ночью, днемъ?
Вся жизнь—и неба и земли,
Чужда ихъ оку и уму,
Какъ будто умерли всему
Они—кругомъ, вблизи, вдали,
Живя лишь для себя двоихъ,
Какъ будто бъ не было другихъ....
И вздохи тягостные ихъ
Безумной радости полны.
Пусть задыхаясь отъ нихъ,
Грудь разорвать сердца должны....
Опасность.... стыдъ или вина
Тревожно-нѣжнаго ихъ сна
Ничто не въ силахъ перервать.
Что нужды имъ?... И кто изъ насъ,
Кому страстей горячку знать
Дано въ удѣлъ.... минуту, часъ
Не позабылъ у милыхъ ногъ....
Всему не умереть бы могъ,

Digitized by Google

Не презирать людской молвы.
Но все пройдетъ, увы, увы!
Проснемся мы, но лишь тогда
Какъ сонъ исчезъ—и навсегда!

IV.

Со взглядомъ долгимъ и нѣмымъ,
Любви преступной мѣсто имъ
Оставить должно.... Пусть уста
Какъ бы прощаясь навсегда,
Слились въ лобзаньѣ.... Жарки ихъ
Лобзанья, вздохъ ихъ страстно-тихъ....
И Паризины грѣшный взглядъ
Боится неба вышины;
Какъ обличители вины,
Святила яркія глядятъ,
А все какъ прежде, жарки ихъ
Лобзанья, вздохъ ихъ страстно-тихъ....
Какъ бы прикованы стоятъ
Они на мѣстѣ.... но должны
Разстаться, врозь идти съ тоской
Глубокой, съ смутною душой
Съ стыдомъ, сопутникомъ вины.

V.

На одинокомъ ложѣ сна
Все такъ же Уго мысль грѣшна.
Она жъ преступную главу
Склоняетъ къ сердцу мужа.... сонъ
Ее объялъ, но смутенъ онъ;
Въ тревожномъ снѣ, какъ на яву,
Зоветъ того въ бреду больномъ,
Чье имя не сказала бъ днемъ,
И мужа къ жаркимъ персямъ жметъ....
Лобзаньемъ пробужденъ,
Ее въ объятья онъ беретъ,
И весь восторгомъ упоенъ,

Digitized by Google

Мечтаетъ сладко, что и вздохъ,
И поцѣлуй, и трепетъ могъ
Внушить лишь онъ во время сна,
Что и во снѣ—его она!

VI.

Ее сжимаетъ страстно онъ
И льнетъ къ устамъ.... но что съ тобой
Принцъ Азо? чѣмъ ты пораженъ,
Какъ бы Архангела трубой?
И точно.... звука бъ не слыхалъ
Онъ въ гробѣ равнаго тому....
. . . .

И точно.... въ звукѣ страшномъ томъ
Душѣ проклятіе звучитъ,
Въ томъ звукѣ, въ имени чужомъ
Ея вина и Азо стыдъ.
И чье же имя?... Какъ волна,
Которая къ крутымъ скаламъ
Уноситъ, бѣшено-вольна,
Похищенный со брега хламъ
И разбиваетъ.... такъ въ его
Душѣ все этотъ звукъ разбилъ.
Чье жъ имя? Уго!... да, того,
И думать онъ не могъ о комъ;
Чью мать онъ первую любилъ,
Кто былъ грѣха его плодомъ,
Біанки сыномъ—жертвы той,
Довѣрчивой и молодой....

А. Григорьевъ.

Digitized by Google

ИЗЪ ГЕТЕ.

Единаго Лилли, кого ты любить могла,
Хочешь вполнѣ ты себѣ и по праву....
Твой онъ вполнѣ и единственно.
Ибо вдали отъ тебя мнѣ,
Жизни быстро-стремительной
Все движеніе шумное
Словно легкій флеръ, сквозь который я
Вижу твой ликъ изъ-за облака,
И привѣтливо-вѣрный, онъ свѣтитъ мнѣ,
Какъ за радужнымъ блескомъ сіянья полночнаго,
Вѣчныя звѣзды сверкаютъ.

А. Григорьевъ.

СОНЪ И ПАЗИФАЯ.

Ярко блестящая пряжка надъ бѣлою полною грудью
Дѣвы-Хариты младой ризы вязала концы;
Сзади вились по плечамъ, умащенныя сладкою амброй,
Запахъ далеко лія, волны кудрей золотыхъ;
Свѣжій вѣнецъ прилегалъ къ высоко подвязаннымъ косамъ;
Серьги съ подвѣской тройной, съ блескомъ качались въ ушахъ;
Тихо ступала нога круглобедрая. Такъ Пазифаю
Юноша-Сонъ увидалъ, полонъ желанья любви.
Крѣпкой обвита рукой, покраснѣла Харита младая,
Но возрастающій жаръ вѣжды прекрасной сомкнулъ,
И въ упоеньи любви, на цвѣты опускался, дѣва,
Члены раскинувъ, съ кудрей свой уронила вѣнецъ.

А. Фетъ.

Digitized by Google

ГРЕЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

«Отопри-ка мнѣ вороты, иль окно открой скорѣй,
И горячимъ поцѣлуемъ друга милаго согрѣй!
Иль хоть дай налюбоваться лучезарною красой,
Ты, съ очами голубыми, съ темнорусою косой!»
— Кто ты, кто ты тамъ стучишься и мѣшаешь мнѣ заснуть?
И почемъ меня ты знаешь, докажи мнѣ чѣмъ-нибудь!
«На дворѣ твоемъ широкомъ, я примѣтилъ у воротъ:
Вишня спѣлая и яблоня кудрявая ростетъ!»
— Лжешь ты, лжешь ты все, негодный, иль сказалъ тебѣ сосѣдъ!
У меня, въ моихъ покояхъ, ты не знаешь ли примѣтъ?—
«У тебя въ опочивальнѣ лампа мѣдная виситъ,
По утрамъ ее ты гасишь, по ночамъ она горитъ!»
— Лжешь ты, лжешь ты все, негодный, иль сказалъ тебѣ сосѣдъ!
У меня на бѣломъ тѣлѣ ты не знаешь ли примѣтъ?
«Знаю, знаю: у тебя одно укушено плечо,
То, что, помнишь ли, недавно цѣловалъ я горячо.
Да подъ бѣлыми грудями у тебя еще пятно.»
— Помню, помню, другъ мой милый! отворю сейчасъ окно!—

1851. Москва.

П. Бергъ.

Digitized by Google

УРСУЛА.

ПОВѢСТЬ ГЕРЦОГИНИ Д'АРБУВИЛЬ. (*)

Я хочу просто разсказать вамъ то, что видѣла. Это—одно изъ грустныхъ воспоминаній моей жизни, — одна изъ тѣхъ мыслей, къ которымъ стремится душа съ тихою печалью въ часы уныпія. Изъ такихъ мыслей раждается, не знаю какое-то отреченіе отъ слишкомъ живыхъ надеждъ этого міра, какое-то самозабвеніе, заглушающее всякій ропотъ, и призывающее насъ къ молчаливой покорности.

Если когда-нибудь станутъ читать эти страницы, я бы не желала, чтобъ ихъ прочли люди счастливые, совершенно счастливые. Для нихъ тутъ нѣтъ ни чего, — ни изобрѣтенія, ни происшествій. Но есть души, которыя немного страдали, много мечтали, и склонны къ легкой грусти. Эти души замѣчая мимоходомъ какое-либо страданіе, или слыша звукъ, похожій на вздохъ, — останавливаются, прислушиваются, и сожалѣютъ. Съ ними я могу говорить—какъ будетъ говориться; разсказать имъ повѣсть, простую, какъ все истинное, трогательную, какъ все простое.

На сѣверѣ, близъ Бельгійской границы, стоитъ мрачный, неизвѣстный городокъ. Военныя предосторожности окружили его высокими укрѣпленіями, которыя, кажется, хотятъ раздавить собою ветхіе домики, находящіеся внутри его. Бѣднымъ жителямъ, окруженнымъ стѣнами, нельзя уже стало съ тѣхъ поръ построить ни одного домика, на луговинѣ окружающей ихъ городокъ. При умноженіи народонаселенія, они умень-

(*) См. Москвитян. 1850 г. N 21 и 22.

Digitized by Google

шли свои площади, пересѣкли улицы, пожертвовали пространствомъ, правильностью, благосостояніемъ. Домы, построенные одинъ возлѣ другаго, и стѣсненные окружающими ихъ стѣнами, издали представляютъ взорамъ видъ огромной темницы.

Климатъ сѣверной Франціи, не будучи очень холоднымъ, угрюмо-печаленъ: сырость, туманъ, тучи и снѣгъ омрачаютъ небо, и оледенлютъ землю въ продолженіе полугода. Густой и черный дымъ каменнаго угля, возвышаясь надъ каждымъ жилищемъ, увеличиваетъ мрачный видъ этого сѣвернаго городка.

Я никогда не забуду холоднаго впечатлѣнія грусти, которое пропзвелъ онъ на меня, въ то время, какъ я переѣзжала подъемный мостъ, служащій въѣздомъ. Съ ужасомъ спрашивала я самое себя: неужели тутъ есть существа, которыя здѣсь родились и должны умереть, не зная ничего о прочей землѣ. Въ самомъ дѣлѣ были люди, которымъ выпала такая участь. Но Провидѣніе, всегда благое, даже и въ лишеніяхъ, кои Оно налагаетъ, ниспослало жителямъ этого городка необходимость трудиться, желаніе пріобрѣсть благосостояніе, въ которомъ они нуждаются, и этими средствами отняло у своихъ бѣдныхъ, обездоленныхъ дѣтей, время думать о томъ, что небо ихъ мрачно и лишено солнечнаго свѣта. Они даже забыли то, чего не имѣютъ. Но я, при входѣ въ этотъ мрачный и дымный городъ, старалась припомнить всѣ солнечные дни моей жизни, всѣ часы, проведенные на просторѣ и подъ яснымъ небомъ. Съ этой минуты, я стала благодарить за то, что прежде считала общимъ достояніемъ всѣхъ людей: за свѣтъ, за воздухъ, за горизонтъ.

Я жила полтора года въ этомъ городкѣ, и начала бы, можетъ быть, роптать на это продолжительное заключеніе, какъ вдругъ со мною случилось слѣдующее:

Чтобъ дойдти до однихъ воротъ укрѣпленія, я должна была ежедневно, въ часъ прогулки, проходить маленькій переулокъ, похожій на лѣстницу, въ которомъ почва была изрыта на подобіе ступеней, для того чтобы сдѣлать спускъ удобнѣе. Проходя по этому узкому и темному переулку, давно уже я опережала свои шаги, думая только о томъ, куда я шла

Digitized by Google

съ такимъ нетерпѣніемъ; но однажды, случайно, глаза мои остановились на бѣдномъ домикѣ, который одинъ, казалось, только и былъ обитаемъ. Онъ былъ въ одинъ этажъ и съ двумя окнами; между этими окнами была маленькая дверь, а сверху чердакъ. Стѣны дома были выкрашены темно-сѣрою краской; окна состояли изъ тысячи переплетинъ съ тусклыми и зеленоватыми стеклами. Свѣтъ не могъ проникать за эту преграду и освѣщать внутренность комнаты. Къ тому же, улица была слишкомъ узка для того, чтобы когда-либо могло проникнуть въ нее солнышко. Въ ней царствовала непрестанная тѣнь и всегда было холодно, даже въ жары.

Зимою, когда снѣгъ замерзалъ на ступеняхъ переулка, нельзя было сдѣлать шагу, не подвергаясь опасности упасть; потому дорога эта была такъ пустынна, что, можетъ быть, я одна проходила по ней однажды въ день. Не помню, чтобы я когда-нибудь встрѣтила тамъ прохожаго, или увидала птицу, садившуюся на минуту въ трещину стѣны. Надѣюсь,—говорила я сама себѣ,—что въ этомъ печальномъ домѣ живутъ люди, которые уже достигли послѣднихъ предѣловъ жизни, и по этому не могутъ ни печалиться, ни сожалѣть. Жить въ немъ молодому было бы ужасно!

Домикъ по прежнему оставался молчаливымъ; въ немъ не слыхать было никакого шума, не замѣтно никакого движенія. Онъ былъ спокоенъ, какъ могила, и каждый день я спрашивала себя: кто же живетъ въ немъ?

Наступила весна. Въ переулкѣ снѣгъ замѣнился слякотью; слякоть уступила мѣсто почвѣ болѣе сухой; потомъ около стѣнъ показалась травка. Уголочекъ неба, который съ большимъ трудомъ можно было видѣть отсюда, сдѣлался чище. Наконецъ, даже въ это темное мѣсто, весна забросила признакъ жизни. Но въ домикѣ все не было замѣтно ни шума, ни движенія.

Однажды, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, я отправилась, по обыкновенію, на свою ежедневную прогулку, какъ вдругъ замѣтила (да простятъ мнѣ читатели это выраженіе), съ глубокою

Digitized by Google

горестію, маленькій пучекъ фіалокъ, стоявшихъ въ стаканѣ, на одномъ изъ оконъ домика.

— О! воскликнула я, здѣсь кто-нибудь да страдаетъ!

Для того, чтобы любить цвѣты надобно, быть или молоду, или, по крайней мѣрѣ, сохранить воспоминанія юности; надобно быть несовершенно поглощену матеріальною жизнію, надобно имѣть сладостную способность—ничего не дѣлая, не быть праздным, то есть, надобно мечтать, воспоминать, надѣяться. Чтобы чувствовать наслажденіе, которое доставляетъ благоуханіе цвѣтка, надобно сохранить извѣстную степень душевной чувствительности. Въ этомъ наслажденіи есть нѣчто идеальное, нѣчто поэтическое, просвѣчивающееся посреди существенностей жизни. Когда, въ бѣдномъ и трудолюбивомъ существованіи, я вижу любовь къ цвѣтамъ, то предчувствую борьбу между нуждами жизни и влеченіями души. Мнѣ кажется, что я могу говорить, даже разговориться съ тѣмъ, кто выращаетъ цвѣтокъ возлѣ стѣны своей хижины. Въ этотъ день букетъ фіалокъ огорчилъ меня; онъ говорилъ: здѣсь есть существо, которое живетъ, сожалѣя о воздухѣ, о солнцѣ, о счастіи; которое чувствуетъ, чего не достаетъ ему, которое такъ бѣдно радостями, что я, бѣдная фіалка, составляю уже отраду въ его жизни...

Съ грустію смотрѣла я на эти цвѣты; я спрашивала себя, не слишкомъ ли скоро завянутъ они отъ темноты и холода переулка и не дойдетъ ли до нихъ порывъ вѣтра. Они внушали мнѣ участіе. Я бы желала надолго сохранить ихъ для того, кто ихъ любилъ.

На другой день я опять шла мимо сѣраго домика. Цвѣты уже нѣсколько поизмѣнились, проживши минувшій день. Они постарѣли, и ихъ безцвѣтные лепесточки уже повисли. Не смотря на то, они еще сохраняли нѣсколько запаха, объ нихъ еще заботились. Подойдя ближе, я замѣтила, что окно было нѣсколько отворено. Лучь, не скажу солнца, но лучь дневнаго свѣта проникалъ въ домъ, и оставлялъ на полу свѣтлую полосу; но налѣво и направо отъ этой полосы темнота была еще сильнѣе, и я не могла ничего разсмотрѣть.

Digitized by Google

На завтра, я опять проходила мимо; то былъ день почти лѣтній; птицы пѣли; на деревьяхъ показались почки; тысячи насѣкомыхъ жужжали въ воздухѣ. Все блистало отъ солнца. Жизнь, почти радость, проявлялась всюду.

Одно изъ оконъ домика было отворено настежь.

Я подошла ближе, и увидѣла сидѣвшую и работавшую у окна женщину. Первый взглядъ, который я бросила на нее, удвоилъ печаль, внушенную ея скучнымъ жилищемъ. Я не могла бы сказать, какихъ лѣтъ была эта женщина. Она не была ужъ очень молода, не была, или уже перестала быть хорошенькою. Она была блѣдна, болѣзненна или печальна — не могу опредѣлить въ точности. Но вѣрно то, что черты лица были у ней пріятныя; что недостатокъ свѣжести могъ произойдти отъ горя также, какъ и отъ числа лѣтъ; что эта блѣдность, если бы она не огорчала сердца, то имѣла бы нѣсколько прелести при черномъ матовомъ цвѣтѣ ея волосъ. Она нагнулась на свою работу; она была тонка, или похудѣла. Руки ея были бѣлы, но нѣсколько костлявы и длинны. На ней было темное платье, черный фартукъ, бѣленькій воротничекъ, совсѣмъ гладкій; а букетъ, который стоялъ два дня на окнѣ, былъ уже почти спрятанъ въ одной изъ складокъ лифа, конечно для того, чтобы не потерять даже малѣйшаго его запаха.

Она подняла глаза и поклонилась мнѣ; тутъ я разглядѣла ее лучше.

Она была еще молода, но такъ близка къ той минутѣ, въ которую перестаютъ быть молодыми, что на это послѣднее прощанье съ молодостью было грустно смотрѣть. Было очевидно, что она страдала, но вѣроятно безъ борьбы, безъ ропота, почти безъ слезъ. На лицѣ ея выражалось молчаніе, покорность и спокойствіе,—но то спокойствіе, которое настаетъ послѣ смерти. Я воображала себѣ, что она не испытала никакого потрясенія, что душа ея томилась — и угасла; что она не сокрушилась, а склонилась, согнулась и упала на землю безъ шума, безъ перелома.

Да, взоръ, лицо, положеніе этой женщины говорили все

Digitized by Google

это. Есть вѣдь люди, которые высказываются съ одного взгляда, и о которыхъ помнишь, видѣвши ихъ на одну секунду.

Каждый день я находила ее на одномъ и томъ же мѣстѣ. Она кланялась мнѣ; потомъ, спустя нѣкоторое время, она прибавляла къ своему поклону грустную и пріятную улыбку. Вотъ что я могла узнать о существованіи этой женщины, которую видѣла постоянно сидящую подъ окномъ.

По воскресеньямъ она не работала. Я полагала, что въ эти дни она ходила куда-нибудь, потому что по понедѣльникамъ на окнѣ стоялъ букетикъ фіалокъ. Но на слѣдующіе дни онъ увядалъ и былъ замѣняемъ только по прошествіи недѣли. Я думала еще, что она почти бѣдна и заработываетъ потихоньку насущный хлѣбъ, потому что я, видѣла какъ она шила по прекрасной и богатой кисеѣ, а сама была одѣта чрезвычайно просто. Наконецъ, она не одна жила въ домѣ; потому что однажды нѣсколько повелительный голосъ позвалъ: «Урсула!» и она поспѣшно встала. Этотъ голосъ не былъ голосъ господина; Урсула повиновалась не такъ, какъ повинуется служанка. Было замѣтно какое-то сердечное желаніе въ поспѣшности, съ которою она встала, хотя голосъ не имѣлъ никакого нѣжнаго выраженія. Я думала, что, можетъ быть, Урсула не любима тѣми, которые живутъ съ нею; что съ нею даже обращаются грубо, тогда какъ она по своему печальному и кроткому характеру привязалась къ нимъ, не получая въ замѣнъ своей привязанности ничего.

Время текло, и съ каждымъ днемъ я болѣе и болѣе знакомилась съ таинственною жизнію бѣдной Урсулы, не смотря на то, что у меня, для узнанія ея тайны, не было другаго средства, какъ проходить однажды въ день мимо ея открытаго окна.

Я уже сказала, что она, смотря на меня, улыбалась; вскорѣ, во время прогулки, я стала рвать цвѣты, потомъ поутру, робко, съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, я положила ихъ на окно Урсулы. Урсула покраснѣла, потомъ улыбнулась еще пріятнѣе обыкновеннаго. Послѣ того каждый день у ней

Digitized by Google

былъ новый букетъ; мало по малу къ полевымъ цвѣтамъ я стала примѣшивать растенія изъ моего сада. На окнѣ появились цѣлые пучки цвѣтовъ, цвѣты въ поясѣ Урсулы. Наконецъ наступила весна—лѣто для сѣраго домика.

Однажды вечеромъ, при входѣ моемъ въ городъ, шелъ проливной дождь, въ то время, какъ я проходила по узкому переулку. Урсула бросилась къ двери, отворила ее, взяла меня за руку, ввела, и когда мы вошли въ корридоръ, предшествовавшій комнатѣ, въ которой она обыкновенно сидѣла, бѣдная дѣвушка схватила меня за руки и съ глазами почти полными слезъ, сказала:

— Благодарю васъ!

Это былъ нашъ первый разговоръ. Я вошла.

Комната, въ которой работала Урсула, служила вмѣсто гостиной; ноги леденѣли на красныхъ плитахъ пола; соломенные стулья составляли единственную ея мебель, два старые подзеркальника украшали ея углы. Эта комната, длинная, узкая, освѣщаемая однимъ окошечкомъ, выходящимъ на улицу, была темна, холодна и сыра.

О! Урсула была права, что садилась подъ окномъ, ловила воздухъ и свѣтъ, столь необходимые для жизни! Я поняла тогда причину блѣдности бѣдной дѣвушки. Она не то, чтобы лишилась свѣжести: она никогда не имѣла ея! Она изныла, какъ растенія, прозябавшія въ тѣни.

Въ темномъ углу гостиной, на двухъ креслахъ, болѣе покойныхъ, чѣмъ остальные, сидѣли два человѣка, которыхъ сначала я, за темнотою, не могла разглядѣть. То были старикъ и женщина почти однихъ съ нимъ лѣтъ. Она вязала вдали отъ окна, и не смотря на свою работу: она была слѣпа. Старикъ ничего не дѣлалъ; онъ смотрѣлъ неподвижно и безсмысленно впередъ. Увы! Онъ переступилъ обыкновенныя границы жизни, въ немъ существовало одно тѣло; нельзя было, взглянувши на этого бѣднаго старика, не понять, что онъ впалъ въ совершенное дѣтство.

Можно подумать, что когда жизнь слишкомъ продолжается, то душа, какъ бы недовольная своимъ долгимъ плѣномъ, ста-

Digitized by Google

рается вырваться изъ своей темницы, и своими усиліями разрываетъ узы единства. Она возмущаетъ свое жилище. Она еще не улетѣла, но уже не тамъ, гдѣ бы должна быть.

Вотъ что скрывалъ сѣренькій домикъ въ своемъ уединеніи, молчаніи и темнотѣ. Слѣпую старушку, безумнаго старика, бѣдную молодую дѣвушку, увядшую прежде времени, потому что молодость ея была стѣснена, угнетена старостью, ее окружающею, старыми стѣнами, удерживавшими ее въ плѣну!

Увы! Участь Урсулы была еще печальнѣе, чѣмъ я полагала; смотря на ея блѣдность и уныніе, я думала, что она страдала отъ какого-нибудь несчастія; а въ ея жизни не было ничего.... ничего!

Она видѣла, какъ съ каждымъ днемъ улетала ея молодость, красота, надежды, жизнь; а между тѣмъ не было ничего, ничего, кромѣ молчанія и забвенія!

Я стала часто навѣщать Урсулу, и вотъ что однажды, сидя со мною у окна, разсказала она про свою жизнь.

— Я родилась въ этомъ домикѣ; никогда не выходила изъ него; но родители мои не здѣшніе: тутъ мы чужестранцы, безъ связей, безъ друзей. Родители мои женились не молодые. Я никогда не знала ихъ молодыми. Матушка ослѣпла. Это несчастіе отяжелило ея характеръ; потому родительскій домъ всегда былъ для меня такъ мраченъ; я никогда въ немъ не пѣла. Ни кто въ немъ не былъ счастливъ; дѣтство мое было молчаливо; мнѣ никогда не позволялось ни малѣйшаго шума; ласкали меня рѣдко. Однакоже родители любили меня, но не говорили о томъ, что чувствовали; я судила о ихъ сердцѣ по своему; я любила—и заключила изъ этого, что и они любятъ меня. Но жизнь моя не всегда была такъ печальна, какъ теперь: у меня была сестра....

На глазахъ Урсулы заблистали слезы; но слезы эти остановились; онѣ ужъ привыкли скрываться въ сердцѣ бѣдной дѣвушки. Она продолжала:

— У меня была старшая сестра; она была, подобно матушкѣ, немного молчалива, но сострадательна, кротка, ласкова

Digitized by Google

со мною. Мы очень любили другъ друга.... Раздѣляли между собою попеченія о нашихъ родителяхъ. Никогда мы не имѣли счастія погулять вмѣстѣ, тамъ, въ лѣсу, на холмикѣ. Одна изъ насъ всегда оставалась дома, чтобы ходить за старымъ отцомъ; но та, которая выходила, приносила другой вѣтки боярышника, сорванныя у плетней, говорила сестрѣ о солнцѣ, о деревьяхъ, о воздухѣ. И этой казалось, что и она уходила изъ дома; потомъ ввечеру, мы работали вмѣстѣ при свѣтѣ лампы. Въ это время мы не могли разговаривать, потому что наши родители дремали возлѣ насъ; по крайней мѣрѣ, одна изъ насъ, поднявъ глаза, встрѣчала на лицѣ другой пріятную улыбку; потомъ мы отправлялись спать къ себѣ въ комнату, и засыпали не прежде, какъ дружескій голосъ повторялъ уже нѣсколько разъ: «Прощай, доброй ночи, сестра»!

«Отъ чего Богу было не угодно оставить насъ вмѣстѣ, а? Но я не ропщу, потому что Марѳа тамъ счастлива!

«Не знаю, отъ недостатка ли воздуха, движенія, или недостатка счастія, зародилась болѣзнь Марѳы; но я видѣла, какъ она слабѣла, изнемогала, страдала. Увы! я одна безпокоилась о ней; матушка не могла ее видѣть, а Марѳа никогда не жаловалась. Батюшка начиналъ уже впадать въ безчувствіе, въ которомъ вы теперь его видите. Уже очень поздно успѣла я уговорить сестру послать за докторомъ.

«Тогда ужъ нечего было дѣлать; она протомилась еще нѣсколько времени, потомъ—скончалась.

«Наканунѣ своей смерти, она посадила меня возлѣ своей кровати, взяла мою руку своими дрожащими руками, и сказала:

«— Прощай, моя бѣдная Урсула. На землѣ мнѣ жаль только одну тебя. Будь терпѣлива, ухаживай хорошенько за батюшкою и за матушкою; они добры, Урсула, любятъ насъ, хотя не всегда говорятъ намъ это. Береги для нихъ свое здоровье; ты можешь умереть только послѣ нихъ. Прощай, милая сестра; не плачь слишкомъ много; молись чаще Богу.... и до свиданія, Урсула»!

Digitized by Google

«Спустя три дня, сестру мою вынесли отсюда въ гробу, и я осталась одна съ родителями.

«Когда я сказала матушкѣ о смерти сестры, она вскрикнула, сдѣлала нѣсколько шаговъ по комнатѣ и упала на колѣни. Я подошла къ ней, подняла ее и посадила на кресло. Съ тѣхъ поръ она уже не плакала, не кричала; только сдѣлалась еще молчаливѣе прежняго, и я вижу, что она чаще обыкновеннаго перебираетъ пальцами свои четки.

«Мнѣ почти нечего вамъ болѣе разсказывать. Батюшка впалъ въ совершенное дѣтство; мы потеряли наше маленькое состояніе. Мнѣ хотѣлось, чтобы родители мои не замѣтили этого; обмануть ихъ такъ легко: одинъ ничего не понимаетъ, другая не видитъ. Я принялась работать и стала потихоньку продавать свое вышиванье. Со смерти сестры я ни съ кѣмъ ужъ не говорю. Люблю чтеніе, но не могу читать: надо работать. Воздухомъ пользуюсь я только по воскресеньямъ; не могу ходить далеко, потому что одна.

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, бывши моложе, я много мечтала вотъ здѣсь, у окна, смотря на небо; я населяла мое одиночество тысячами вымысловъ, которые сокращали мнѣ долгіе дни. Теперь какое-то оцѣпенѣніе овладѣло моими мыслями: я уже не мечтаю.

«Покуда я была молода, недурна собою, я все еще надѣялась на случай, на какую-нибудь перемѣну въ моей участи. Теперь мнѣ двадцать девять лѣтъ; печаль болѣе, чѣмъ самые годы, состарила мое лицо. Все кончено!... Я ужъ ничего не жду, ничего не надѣюсь; здѣсь окончу свои однокіе дни.

«Не думайте однакожъ, чтобъ я тотчасъ покорилась моей горькой участи. Нѣтъ, бывали дни, когда сердце мое возмущалось и не хотѣло состарѣться не любя. Не быть любимой еще возможно, но не любить—это убійственно! Признаться ли? Я роптала на Провидѣніе.

«Но это внутреннее волненіе также миновалось, какъ и мои надежды. Я думаю о радостныхъ словахъ Мареы: «до свиданія, сестра»! и во мнѣ теперь только одна страдательная

Digitized by Google

покорность, одно смиренное самоотверженіе. Я часто молюсь, рѣдко плачу. А вы, — вы счастливы»?

Я не отвѣчала на вопросъ Урсулы; говорить при ней о счастіи, было бы тоже, что говорить о неблагодарномъ другѣ съ тѣми, которыхъ онъ забылъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ прекрасное осеннее утро, я вышла изъ дома, чтобы отправиться къ Урсулѣ, какъ вдругъ молодой поручикъ того полка, который стоялъ въ городкѣ гарнизономъ, пришелъ навѣстить меня; видя, что я хотѣла идти, онъ предложилъ мнѣ руку и отправился со мною къ узкому переулку Урсулы. Случайно я стала говорить о ней, объ участіи, которое она во мнѣ возбуждаетъ; замѣтивъ, что молодой человѣкъ, котораго назову Морицомъ д'Эрваль, слушаетъ съ удовольствіемъ этотъ разсказъ, я пошла медленнѣе. Когда мы дошли до сѣренькаго домика, я успѣла окончить исторію Урсулы. Онъ посмотрѣлъ на нее съ участіемъ и жалостью, поклонился и ушелъ. Урсула, надѣявшаяся видѣть только одну меня, при видѣ незнакомца смутилась и слегка покраснѣла. Не знаю, отъ этого ли минутнаго проблеска жизни въ ея лицѣ, или отъ того, что мнѣ такъ хотѣлось, но бѣдная дѣвушка показалась мнѣ даже хорошенькою.

Не могу описать тѣхъ неопредѣленныхъ мыслей, которыя промелькнули у меня въ головѣ: я долго смотрѣла на Урсулу, потомъ, погруженная въ свои размышленія, встала, взяла нѣсколько прядей ея волосъ, и спустила ихъ пониже на ея блѣдныя щеки. Потомъ я сняла у себя съ шеи черную бархатку, надѣла на нее и приколола цвѣты къ ея поясу. Урсула улыбалась, не понимая моихъ мыслей. Меня всегда огорчала улыбка Урсулы: ничего не можетъ быть печальнѣе улыбки несчастныхъ. Они какъ будто улыбаются для другихъ, а не для себя.

Прошло много времени прежде, чѣмъ я опять увидала Морица д'Эрваль, много дней прежде, чѣмъ случай привелъ насъ опять вмѣстѣ съ нимъ къ сѣренькому домику. Но наконецъ это случилось, на возвратномъ пути съ веселой

Digitized by Google

прогулки въ довольно многочисленномъ обществѣ. При входѣ въ городъ, всѣ разошлись; я взяла подъ руку Морица д'Эрваль, и мы пошли къ Урсулѣ. Не было никакой основательной причины, но я невольно почувствовала сильное волненіе; я уже не говорила, но строила въ умѣ тысячу мечтательныхъ плановъ. Ммѣ казалось невозможнымъ, чтобы молодой офицеръ не отгадалъ, о чемъ я думала. Я воображала, почти надѣялась, что онъ понимаетъ мое внутреннее волненіе; но увы! можетъ быть, ничего этого не было.... Вѣдь есть много такого, что выражается только словами!

Это было вечеромъ, однимъ изъ тѣхъ прекрасныхъ осенних вечеровъ, когда все спокойно и все отдыхаетъ; ни малѣйшій вѣтерокъ не шелестилъ въ деревьяхъ, освѣщенныхъ послѣдними лучами заходящаго солнца. Невозможно было не предаться сладкимъ мечтаніямъ при видѣ этой прекрасной природы, которая въ эту минуту усыпляла все, находящееся въ ея лонѣ, кромѣ человѣка, который еще бодрствовалъ, для того, чтобы мыслить. То была одна изъ тѣхъ минутъ, когда душа умиляется, когда мы становимся лучше, когда мы готовы плакать, не имѣя однакоже никакого горя.

Я подняла глаза, и съ самаго входа въ переулокъ увидѣла Урсулу. Послѣдній лучь солнца падалъ на окно и блисталъ на головѣ Урсулы. Ея черные волосы отъ этого какъ-то необыкновенно лоснились. Искра радости сверкнула у ней въ глазахъ, когда она увидала меня, и она улыбалась тою печальною улыбкою, которую я столько любила. Какъ ни густы были складки ея чернаго платья, но все-таки можно было замѣтить, гдѣ станъ ея перехватывался поясомъ. Отъ чего этотъ станъ былъ очень тонокъ, очень гибокъ и не лишенъ граціи. Фіалки, ея любимые цвѣты, были приколоты къ лифу.

Въ блѣдности Урсулы, въ ея черномъ платьѣ, въ цвѣтахъ, въ этомъ лучѣ заходящаго солнца, ее освѣщавшаго, было что-то гармонически согласное съ красотою вечера, съ сладкою мечтательностію, которая овладѣла нами.

Digitized by Google

— Вотъ Урсула! —сказала я Морицу д'Эрваль, обращая его вниманіе на низенькое окошко домика.

Онъ посмотрѣлъ, потомъ пошелъ, устремивъ на нее глаза. Этотъ взоръ смутилъ бѣдную дѣвушку, застѣнчивую, какъ бываютъ застѣнчивы въ пятнадцать лѣтъ, и когда мы подошли къ ней, на лицѣ ея игралъ самый живой румянецъ. Морицъ д'Эрваль остановился, обмѣнялся съ нами нѣсколькими словами, и удалился. Но съ этого дня онъ сталъ часто возвращаться въ городъ по переулку Урсулы; разъ какъ-то ему случилось съ ней раскланяться. Наконецъ однажды онъ зашелъ къ ней вмѣстѣ со мною.

Бываютъ люди, ужъ такъ отвыкшіе отъ надежды, что даже не постигаютъ счастія, случающагося съ ними. Исчезавшая въ своей печали, въ своей безнадежности, какъ въ густомъ покровѣ, скрывающемъ отъ нея внѣшній міръ, Урсула ничего не видѣла, ничего не объясняла себѣ, ничѣмъ не волновалась. Она оставалась при Морицѣ, какъ и при мнѣ, также убитою, также покорною своей участи.

Что касается до Морица, я не могу ясно растолковать, что происходило у него въ сердцѣ. Онъ не любилъ, по крайней мѣрѣ, я такъ полагала; но жалость, которую Урсула внушала ему, доходила до привязанности, до преданности. Душа этого молодаго человѣка, нѣсколько восторженнаго и мечтательнаго, любила атмосферу грусти, окружавшую Урсулу. Онъ приходилъ къ ней толковать о дурной сторонѣ жизни, роптать на счастіе, говорить только о неудачахъ, не замѣчая, что въ этомъ обмѣнѣ печали, исходило изъ двухъ сердецъ, еще юныхъ, сладостное сочувствіе, похожее на счастіе, котораго существованіе они отрицали.

Наконецъ однажды, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, и опять вечеромъ, Морицъ д'Эрваль, гуляя по полю со мною у опушки лѣса, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашихъ общихъ друзей, сказалъ мнѣ:

—Составлять счастіе другаго, не есть ли самое существенное счастіе въ этомъ мірѣ?... И не заключается ли въ радости, которую доставляешь другому, самая неизъяснимая сладость....

Digitized by Google

Принести себя на жертву тому, кто безъ васъ зналъ бы въ жизни однѣ слезы, не завиднѣе ли самой блестящей участи? Оживить умирающую душу.... не прекрасная ли это мечта?

Я со страхомъ смотрѣла на него. Слезы блистали у него на рѣсницахъ.

— Да! — сказалъ онъ, — спросите Урсулу, хочетъ ли она выйти за меня за мужъ?

Радостное восклицаніе было моимъ отвѣтомъ, и я бросилась къ жилищу бѣдной дѣвушки.

Когда я вошла къ Урсулѣ, она, по обыкновенію, сидѣла у окна за работою, въ какомъ-то усыпленіи. Одиночество, отсутствіе всякаго шума, недостатокъ всякаго сочувствія, дѣйствительно усыпили ея душу. Единственная Божія милость заключалась въ томъ, что она уже не страдала. Лишь другіе только жалѣли о неподвижности этого существованія, не имѣвшаго ни жизни, ни молодости. Она улыбнулась, глядя на меня. Это было одно изъ самыхъ сильныхъ движеній ея бѣдной убитой души. Я не побоялась сильно потрясти ея больнаго организма, поразивъ ее внезапнымъ ощущеніемъ счастія: я хотѣла видѣть, на время ли исчезла жизнь, или погасла совершенно.

Я сѣла возлѣ нея на стулъ, взяла ее за руку, и устремивъ на нее глаза, сказала:

— Урсула, Морицъ д'Эрваль поручилъ мнѣ спросить тебя, хочешь ли ты быть его женою?

Бѣдная дѣвушка была поражена, какъ громомъ; въ ту же минуту слезы брызнули изъ глазъ ея; кровь ея, такъ долго бывшая въ неподвижности, потекла быстро, и разлила на щекахъ ея самый яркій румянецъ; грудь ея поднималась; она едва переводила дыханіе; сердце ея сильно билось; руки ея судорожно сжимали мои. Урсула была лишь въ усыпленіи: она пробуждалась.

Урсула полюбила вдругъ; можетъ быть, она любила и до сихъ поръ, но въ тайнѣ отъ себя и отъ другихъ; въ эту минуту завѣса была разорвана, и она увидѣла свою любовь.

Digitized by Google

Черезъ нѣсколько секундъ, она провела рукою по лбу, и сказала тихимъ голосомъ:

— Нѣтъ, это невозможно!

Я повторила опять тѣ же слова:

«Морицъ д'Эрваль спрашиваетъ, хочешь ли ты быть его женою», — для того, чтобы пріучить Урсулу къ соединенію этихъ словъ, которыя, подобно тому, какъ гармоническія ноты составляютъ аккордъ, составляли для бѣдной дѣвушки неизвѣстную мелодію.

— Его женою! повторяла она съ восторгомъ, его женою!

И, бросившись къ креслу своей матери, она сказала:

— Матушка, слышите ли? онъ хочетъ, чтобы я была его женою.

— Дочь моя, — отвѣчала слѣпая, ища своею рукою руку Урсулы, — милая дочь моя, Богъ рано или поздно долженъ былъ наградить тебя за твою добродѣтель.

— Господи! — воскликнула Урсула, что это дѣлается нынче со мною? *Его женою! Милая дочь моя!*

Она бросилась на колѣни, скрестила руки, и слезы полились изъ глазъ ея.

Въ эту минуту послышались шаги въ маленькомъ корридорѣ.

— Это онъ! — воскликнула Урсула — О Господи! — прибавила она, положивъ обѣ руки на сердце, — вотъ она, жизнь-то!

Я вышла потаенною дверью, и оставила Урсулу одну, прекрасную отъ слезъ, волненія, счастія, — принять Морица д'Эрваль.

Съ этого дня Урсула совершенно измѣнилась. Она выпрямилась, оживилась, помолодѣла, подъ сладкимъ вліяніемъ счастія. Она нашла болѣе, чѣмъ улетѣвшую красоту: въ ней выдѣлось какое-то внутреннее сіяніе, придававшее ея лицу неопредѣленное выраженіе скрытой радости. Ея счастіе заняло что-то отъ ея прежняго характера; оно было сосредоточено въ самомъ себѣ, молчаливо, спокойно, восторженно втайнѣ. Оттого Морицу, полюбившему женщину, сидящую въ тѣни, блѣдную и разочарованную въ жизни, нечего было

Digitized by Google

перемѣнять въ картинѣ, которая ему понравилась, хотя Урсула была счастлива.

Они проводили другъ подлѣ друга цѣлые вечера въ маленькой гостиной, освѣщаемые лишь мѣсячными лучами, доходившими изъ открытаго окна. Они говорили немного, а болѣе смотрѣли одинъ на другаго и мечтали вдвоемъ.

Урсула любила искренно, простодушно. Она говорила Морицу:

— Я счастлива; люблю тебя, и благодарю.

Для ихъ счастія имъ не нужно было ни солнца, ни вольнаго воздуха, ни простору. Сѣренькій домикъ одинъ былъ свидѣтелемъ этой любви. Урсула все работала, и оставалась близъ родителей. Но если тѣло ея неподвижно занимало то же мѣсто, какъ и прежде, то душа ея улетѣла, свободная, воскресшая, свѣтлая; стѣны этого тѣснаго жилища уже ея не сдерживали; она получила крылья. Такъ волшебное дѣйствіе надежды не только украшаетъ будущность, но даже овладѣваетъ настоящимъ, и своею могучею призмою измѣняетъ видъ всего! Бѣдный домикъ былъ также мраченъ и теменъ, какъ и за двадцать лѣтъ.... Но одна мысль, проскользнувшая въ глубину женскаго сердца, сдѣлала изъ него настоящій дворецъ! О! мечты, надежды, посѣщайте, посѣщайте жизнь нашу, хоть бы потомъ вамъ и пришлось исчезнуть, какъ исчезаютъ въ небѣ облака!... Тотъ, кто не зналъ васъ, въ тысячу разъ бѣднѣе того, кто о васъ сожалѣетъ. Такъ протекло для Урсулы счастливѣйшее время.

Но наступилъ день, когда Морицъ, входя въ маленькую гостиную, сказалъ своей невѣстѣ:

— Другъ мой, поспѣшимъ нашею свадьбою; полкъ скоро смѣнится съ караула; намъ надо жениться, чтобъ тебѣ можно было ѣхать со мною.

— А мы далеко поѣдемъ, Морицъ!

— Что же, развѣ ты боишься, милая Урсула, видѣть новыя страны, другой уголокъ земли?

— Не за себя, Морицъ, но за моихъ родителей: они слишкомъ стары, чтобы пуститься въ дальній путь.

Digitized by Google

Морицъ стоялъ неподвижно передъ Урсулою. Хотя густой покровъ, налагаемый счастіемъ на глаза, не позволялъ Морицу размышлять, но онъ зналъ хорошо, что Урсула должна была разстаться съ своими родителями, для того чтобы раздѣлить съ нимъ его кочующую жизнь. Онъ предвидѣлъ ея горе, но, полагаясь на любовь, которую внушалъ къ себѣ, думалъ, что эта преданная любовь поможетъ осушить слезы, которыхъ не онъ причиною. Надобно было наконецъ объяснить Урсулѣ ея будущность. И Морицъ, грустный отъ неизбѣжнаго горя, которое принесетъ онъ своей невѣстѣ, взялъ ее за-руку, посадилъ на обыкновенное мѣсто, и сказалъ ей тихо:

— Другъ мой, твоему отцу и матери невозможно слѣдовать за нами въ нашей кочующей жизни!... До сихъ поръ, Урсула, мы любили и плакали вмѣстѣ; мы дѣлали изъ жизни мечту, не предлагая себѣ никакого вопроса о ея положительныхъ требованіяхъ. Пришла минута поговорить о нашей будущности. Другъ мой, я не имѣю состоянія, все мое богатство — моя шпага. Я только-что начинаю служить; жалованье мое состоитъ изъ нѣсколькихъ сотъ франковъ, что осуждаетъ насъ обоихъ на многія лишенія. Я надѣялся на твое мужество. Но ты одна должна за мною слѣдовать. Присутствіе твоихъ родителей вовлекло бы насъ въ неизбѣжную нищету; мы стали бы нуждаться въ кускѣ хлѣба!

— Покинуть батюшку и матушку! — воскликнула Урсула.

— Оставить ихъ съ тѣмъ, что они имѣютъ, въ этомъ домикѣ; поручи ихъ надежнымъ людямъ, а сама послѣдуй за твоимъ мужемъ.

— Оставить батюшку и матушку!... — повторяла Урсула; такъ ты не знаешь, что для ихъ существованія недостаточно того, что они имѣютъ; что я работаю безъ ихъ вѣдома, для того чтобы платить за наемъ этого печальнаго жилища, что уже лѣтъ двадцать они окружены только моими попеченіями?

— Бѣдная моя Урсула, — продолжалъ Морицъ, — надобно покориться необходимости. Ты скрывала отъ нихъ потерю ихъ маленькаго состоянія, — пусть же теперь они узнаютъ объ этомъ, потому что это необходимо! Устрой ихъ жизнь такъ, какъ

Digitized by Google

позволяетъ ихъ оставшееся имущество, оттого-что—увы! другъ мой, намъ нѣчего давать имъ.

— Ѣхать, не взявъ ихъ съ собой!... Это невозможно! Я говорю тебѣ, что должна для нихъ работать!

— Урсула, Урсула!—продолжалъ Морицъ, сжимая въ своихъ рукахъ руки бѣдной дѣвушки,—умоляю тебя, не предавайся порывамъ твоего великодушнаго сердца; подумай, разсмотри хорошенько. Мы не отказываемъ давать имъ, но намъ нечего дать. Мы можемъ жить только одни, и это еще потому, что ты и я имѣемъ довольно мужества для того, чтобы страдать.

— Я не могу ихъ оставить!...—возразила Урсула, съ сокрушеніемъ смотря на стариковъ, дремавшихъ въ своихъ креслахъ.

— Такъ ты не любишь меня, Урсула?—сказалъ Морицъ своей невѣстѣ.

Бѣдная дѣвушка отвѣчала однимъ потокомъ слезъ.

Морицъ долго еще пробылъ съ нею. Говорилъ ей сладостныя слова любви, разъ сто толковалъ ей о своемъ положеніи, увѣрялъ ее въ невозможности исполнить ея мечты, входилъ въ подробности будущаго существованія ея родителей, потомъ ушелъ, осыпавъ ее ласковыми именами. Она слушала его, не отвѣчая.

Урсула, оставшись одна, склонилась головою на руку, и просидѣла неподвижно нѣсколько часовъ сряду. Увы! позднее счастіе, мелькнувшее въ ея жизни, улетало! Сладкія мечты, эти подруги молодости, такъ давно для нея уже не существовавшія, возвратились только съ тѣмъ, чтобы улетѣть снова! Забвеніе, молчаніе, темнота, опять овладѣли этимъ существомъ, которое лишь на минуту хотѣло-было оспорить у нихъ счастіе! Такъ прошла ночь! Что произошло въ душѣ бѣдной дѣвушки? Это знаетъ одинъ Богъ. А она не открыла на землѣ никому....

При первыхъ лучахъ солнца, она вздрогнула, затворила окно, стоявшее открытымъ съ самаго вечера, и блѣдная, дрожащая отъ холода и волненія, взяла листъ бумаги, перо, и написала слѣдующее:

Digitized by Google

«Прощай, Морицъ!. Я остаюсь съ батюшкой и матушкой. Они нуждаются въ моихъ попеченіяхъ и работѣ. Оставить ихъ на старости, значило бы умертвить ихъ. Я одна остаюсь у нихъ на свѣтѣ! Сестра, при послѣднемъ издыханіи, поручила ихъ мнѣ, и сказала: «до свиданія, Урсула!» Я бы не увидала ее, если бы не исполнила своей обязанности.

«Я очень любила тебя, и всегда буду любить! Отнынѣ жизнь моя будетъ лишь воспоминаніемъ о тебѣ. Ты былъ добръ, великодушенъ; но, увы! мы слишкомъ бѣдны, чтобы жениться. Я поняла это вчера....—Прощай!... Надо имѣть много мужества, чтобы написать это слово!... Надѣюсь, что жизнь твоя будетъ пріятна. Другая женщина, болѣе меня счастливая, будетъ любить тебя.... Вѣдь такъ легко любить тебя! Но-все таки не позабывай совершенно бѣдной Урсулы. Прощай, другъ мой! О! я знала, что не могу быть счастлива!

Урсула.»

Я сокращаю разсказъ. Урсула опять увидѣла Морица, меня. Но всѣ наши просьбы, мольбы были напрасны: она никакъ не хотѣла оставить своихъ родителей. «Я должна для нихъ роботать!» говорила она. Тщетно, сдѣлавшись за нее эгоисткою, я говорила ей про любовь Морица, про ея собственное счастіе. Тщетно съ нѣкоторою жестокостью, я напоминала про ея лѣта, про невозможность ожидать какой-нибудь перемѣны въ ея судьбѣ.... Она плакала, слушая меня, омочая слезами работу, которую не хотѣла прерывать. Потомъ, склонивши на грудь голову, повторила тихимъ голосомъ:

— Они умрутъ отъ этого; я должна для нихъ работать!

Она требовала отъ насъ, чтобы мы не говорили ея матери о томъ, что случилось. Тѣ, для которыхъ она жертвовала собою, не узнали объ этомъ никогда. Благовидная ложь скрыла отъ нихъ причину разрыва свадьбы ихъ дочери.... Урсула опять сидѣла на своемъ мѣстѣ подъ окномъ, опять принялась за вышиванье, работала безъ отдыха, неподвижная блѣдная, убитая горемъ.

Увы! Морицъ д'Эрваль имѣлъ одну изъ тѣхъ душъ, ко-

Digitized by Google

торыя полагаютъ границы самой преданности, и не умѣютъ дѣлать возвышенныхъ сумасбродствъ. Его сердце, такъ же, какъ и разумъ, допускало, что есть вещи невозможныя. Если бы свадьба Урсулы свершилась безъ препятствій, можетъ быть, до своего послѣдняго издыханія, она бы вѣрила въ *безграничность* любви своего мужа. Бываютъ привязанности, не допускающія затрудненій. Но явилось препятствіе, какъ роковое испытаніе, и показало ясно, даже самому Морицу, что его любовь имѣетъ предѣлы!

Морицъ умолялъ, долго плакалъ, потомъ обидѣлся, впалъ въ уныніе и—удалился.

Насталъ день, въ который Урсула, сидя подъ окномъ, услышала издали полковую музыку, и тяжелые, мѣрные шаги раздались въ ушахъ ея. Это выходилъ полкъ, предшествуемый музыкою. Звуки трубъ, какъ печальное прощаніе, раздались, и потомъ замолкли въ переулкѣ, въ которомъ жила Урсула. Она слушала съ трепетомъ. Музыка, сначала громкая и близкая отъ нея, вскорѣ стихла и удалилась. Потомъ издали, долеталъ до нея только одинъ неопредѣленный гулъ: потомъ, время отъ времени, вѣтеръ доносилъ какой-нибудь одинокій звукъ; потомъ, наконецъ, совершенное молчаніе наступило послѣ всѣхъ пѣсенъ, исчезавшихъ въ пространствѣ. Послѣдняя надежда Урсулиной жизни, казалось, была соединена съ этими аккордами, раздававшимися издалека.... Она убѣгала, удалялась, угасала съ ними! Бѣдная дѣвушка уронила на колѣни шитье, и закрыла лице руками. Между ея пальцъ пробилось нѣсколько слезъ. Она оставалась въ такомъ положеніи, покуда слышался шумъ шаговъ и полковая музыка; потомъ опять принялась за работу.... и принялась за нее на всю жизнь!

Съ тѣхъ поръ Урсула сдѣлалась еще блѣднѣе, молчаливѣе, неподвижнѣе прежняго. Эти новыя слезы унесли за собою послѣдніе слѣды ея молодости и красоты. Она постарѣла въ нѣсколько дней. Теперь она ужъ никому не могла нравиться; но если бы и могла, такъ не захотѣла бы этого. «Все кон-

Digitized by Google

чено!» сказала она уже давно; и теперь она была права: точно, для нея все было кончено!

О Морицѣ д'Эрваль съ этихъ поръ не было никакого слуха. Урсула понравилась ему, какъ прелестная картина, грустное выраженіе которой тронуло его душу; отдаляясь, краски этой картины поблѣднѣли, потомъ исчезли. Онъ позабылъ!

Боже мой, какъ многое забывается въ этой жизни! Зачѣмъ небо, позволившее, чтобы столько людей забывали любовь отъ привычки видѣть себя вмѣстѣ, не позволило тѣмъ, которые находятся въ разлукѣ, долго оплакивать другъ друга? О, Боже! Какъ часто бываетъ тяжела жизнь, Тобою созданная!

Годъ спустя послѣ этихъ происшествій, мать Урсулы занемогла. Противъ ея болѣзни не было никакихъ средствъ; это сама жизнь улетала безъ потрясеній, безъ разрыва. Урсула сидѣла, молилась возлѣ кровати своей матери, потомъ приняла послѣдній вздохъ съ послѣднимъ ея благословеніемъ.

— Теперь твоя очередь, Марѳа,—сказала Урсула;—матушка теперь возлѣ тебя! Приведи ее къ Богу!

Потомъ она встала на колѣни передъ старикомъ, который остался одинъ. Она надѣла на него черное платье, такъ онъ что онъ и не замѣтилъ этого; но на второй день, послѣ смерти бѣдной слѣпой, когда вынесли кресло, на которомъ сидѣла она столько лѣтъ возлѣ старика-мужа, старикъ обернулся къ пустому мѣсту и вскрикнулъ:

— Жена!

Урсула стала говорить, старалась развлечь его, но онъ повторялъ:

— Жена!

И двѣ слезы выкатились у него изъ глазъ. Вечеромъ принесли ему пищу; но онъ отвернулъ голову, и печальнымъ голосомъ, устремивъ глаза на пустое мѣсто, сказалъ опять:

— Жена!

Урсула, въ отчаяніи, пробовала все, что только могли изобрѣсть ея горе и любовь.... Старичекъ нагнулся къ тому мѣсту, гдѣ стояло кресло слѣпой, и, не принимая никакой

Digitized by Google

пищи, скрестивъ руки, смотрѣлъ на Урсулу, повторяя, какъ ребенокъ, который умоляетъ, чтобы получить, чего ему хочется:

— Жена!

Мѣсяцъ спустя, онъ умеръ.

Въ послѣднія минуты, когда призванный священникъ старался заставить его подумать о Богѣ, его Создателѣ, была минута, когда ему показалось, что умиравшій разумъ оживился, потому что старикъ скрестилъ руки, посмотрѣлъ на небо, и воскликнулъ въ послѣдній разъ: «жена!» какъ будто она пролетѣла надъ его головою.

Урсула, когда выносили изъ сѣраго домика гробъ ея отца, прошептала:

— Боже мой! я заслуживала, чтобы они пожили еще нѣсколько времени.

И Урсула осталась одна навсегда.

Все это случилось уже много лѣтъ тому назадъ.

Я должна была оставить городъ.... оставить Урсулу. Я путешествовала, много событій одно за другимъ прошло въ моей жизни, не изгладивъ изъ моей памяти исторію бѣдной дѣвушки. Но Урсула, какъ и всѣ люди, разбитые горемъ, и отказывающіеся отъ всякаго утѣшенія, перестала ко мнѣ писать. Послѣ тщетныхъ усилій заставить ее плакать вмѣстѣ со мною, я потеряла ея слѣдъ.

Что съ нею сдѣлалось? Жива ли она? Умерла ли?

Увы! бѣдная дѣвушка никогда не была счастлива, — и я боюсь, что она еще жива!

А. П.

Digitized by Google

УЧРЕЖДЕНІЕ ДЛЯ СТУДЕНТОВЪ

ЛАВРСКОЙ СЕМИНАРІИ,

содержимыхъ коштомъ Платона, Митрополита Московскаго и Калужскаго.

1. Содержаться пяти студентамъ, изъ конхъ одинъ инспекторъ.

2. Всѣмъ имъ и будущимъ по нихъ именоваться по фамиліи—Платоновъ, какимъ прозваніемъ имъ писаться не только будучи въ Семинаріи, но и по выпускѣ изъ оной, въ какомъ бы они состояніи ни были.

3. Избираемымъ имъ быть отъ насъ, доколѣ мы будемъ въ живыхъ, а послѣ насъ избираемымъ имъ быть отъ Ректора и Префекта.

4. Всякой студентъ, желающій на сіе содержаніе опредѣлиться, долженъ дать подписку, что онъ не желаетъ вступить въ какое либо состояніе, какъ только въ духовное: и о семъ спрашивать ихъ каждый годъ, не перемѣнили ли своего намѣренія; и ежели отмѣнили, то изъ сего содержанія немедля исключать.

5. Свойство избираемыхъ должно быть непремѣнно, чтобъ они были отцевъ недостаточныхъ, но наилучшихъ нравовъ, ученія, понятія и прилежанія; притомъ троимъ изъ Риторики, одному изъ Философіи и одному изъ Богословія, который долженъ быть инспекторомъ.

6. Пищею, питьемъ и платьемъ довольствоваться всѣмъ одинаково безъ всякой одному отъ другаго отличности, и жить всѣмъ въ одной кельѣ, нарочно отъ насъ приготовленной.

Digitized by Google

7. На все содержаніе, то есть, на пищу, платье и обувь каждому полагается по 30 руб. въ годъ, и того на пятерыхъ 150 рублей.

8. Быть при нихъ истопнику, который долженъ быть изъ стариковъ, и на него полагается 15 р.: его должность приготовить пищу, вычистить платье, истопить, и содержать все въ опрятности и беречь все въ келіи.

9. На дрова и на свѣчи въ годъ полагается 15 рублей.

10. На бумагу и книги полагается въ годъ по 10 рублей, и сіи книги должны навсегда оставаться для будущихъ Студентовъ Платоновыхъ въ Семинаріи, и чрезъ нѣсколько лѣтъ можно завести не худую библіотеку.

11. На посуду, на бѣлье для стола и на почпику въ келіи полагается въ годъ по 10 рублей.

12. На все содержаніе по сему будетъ въ годъ на пять человѣкъ 200 руб. и сіи деньги всегда получать Лаврскому учрежденному Собору изъ Воспитательнаго Дома процентами съ положенной отъ насъ въ оной домъ вѣчно четырехъ тысячь рублей суммы, втораго числа Августа.

13. Ежели паче чаянія, на которую статью будетъ нѣсколько назначеннаго числа денегъ недоставать, то дозволительно по хозяйству, что отъ одной статьи будетъ оставаться, обращать на другую, и сіе зависѣть будетъ отъ опекуна.

14. Опекунъ будетъ отъ насъ назначаемъ, а въ небытность нашу, отъ Ректора и Префекта, одинъ изъ лучшихъ учителей.

15. Опекуна должность есть смотрѣть надъ Студентами и надъ Инспекторомъ, все ли исправно какъ въ разсужденіи ученія, благонравія, такъ содержанія, чистоты и опрятности, и для того посѣщать ихъ долженъ конечно хотя чрезъ день единожды.

16. Онъ же опекунъ содержитъ у себя деньги и выдаетъ Инспектору, что надлежитъ на содержаніе, и подъ его присмотромъ приготовляется пища, платье, получаются книги, дрова и прочее.

Digitized by Google

17. Онъ же опекунъ долженъ требовать отъ Инспектора записки въ расходѣ.

18. Онъ же опекунъ долженъ намъ репортовать письменно о благосостоянiи Студентовъ чрезъ два мѣсяца: а ежели будетъ какая неисправность, или кои изъ Студентовъ окажутся не хороши или въ ученiи, или въ нравахъ, представлять намъ.

19. Инспектора должность есть, смотрѣть надъ Студентами, чтобъ были они исправны въ должности, вели бы себя порядочно и опрятно, читать съ ними книги, и всякiя затрудненiя въ чтенiи, также и по школѣ объясненiями своими рѣшать, также смотрѣть за кельей, платьемъ и всѣмъ содержанiемъ, чтобъ было все порядочно и хозяйственно, и самому ему слушаться опекуна.

20. Студенты между собою должны всегда разговаривать или по-латыни или по-французски, или по-нѣмецки, кои тѣмъ языкамъ учатся.

21. Студенты не могутъ никогда въ домы къ отцамъ и сродникамъ отпускаемы быть, а дозволена можетъ быть имъ одна прогулка, но и то не болѣе, какъ единожды въ двѣ недѣли, съ дозволенiя опекуна; но никогда нигдѣ кромѣ своей кельи не ночевать, и не отпускать никогда никуда одного, но или всѣхъ, или двухъ вмѣстѣ; а въ баню ходить чрезъ двѣ недѣли всѣмъ съ инспекторомъ.

22. Двое изъ студентовъ всегда должны обучаться Греческому языку, и на ономъ разговаривать.

23. Платье у всѣхъ одинаковое: казакины голубаго сукна съ заворотами синими, камзолъ, штаны, тулупъ покрытый и халатъ: казакины на два года съ выворотомъ, камзолъ и штаны на годъ, тулупъ съ овчинами на три года съ перемѣною покрышекъ, и халатъ на годъ, шляпа на годъ, шапка на два года, и перчатки теплые на годъ.

24. По третямъ года долженъ опекунъ намъ представлять Студентовъ для осмотру.

25. Болѣе сего содержанiя сiи студенты отъ Семинарiи требовать и получать не должны.

Digitized by Google

26. Сіи студенты по окончаніи курса ученія, когда явятся достойными, обнадеживаются отъ насъ хорошею протекціею, впрочемъ бывъ просвѣщены и благонравны, и сами собою стрѣтятся съ счастіемъ.

27. Никто сего учрежденія перемѣнить не долженъ; а желаемъ мы и молимъ Бога, чтобы оно цѣло и ненарушимо сохранялось навсегда, ибо наше намѣреніе ни къ чему клонится, какъ токмо подать помощь бѣднымъ, но благоуспѣшнымъ и благонравнымъ ученикамъ, церковь снабдить хорошими служителями и изъявить нашу предъ Богомъ благодарность за преподанное намъ отъ Него свыше какое либо просвѣщеніе.

28. Сіе подлинное учрежденіе за рукою нашею хранить при дѣлахъ въ соборѣ, а копію за скрѣпою опекуна прибить на стѣнѣ въ кельи, гдѣ будутъ жить студенты.

Платонъ Митрополитъ Московскій и Архимандритъ Троицкія Лавры.

Москва.
1789 года Августа 21 дня

(*Сообщено П. С. Казанскимъ.*)

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

О СУДЕБНЫХЪ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХЪ, ПО ДРЕВНЕМУ РУССКОМУ ПРАВУ, и пр. *Пахмана*. Москва, 1851. Стр. VI, 212, въ 8 д. л.

Это—разсужденіе на степень магистра, замѣчательное тѣмъ, что впервые вноситъ понятіе о родовомъ бытѣ въ сферу юриспруденціи, и притомъ, *для рѣшенія вопросовъ права*. Юридическая сторона разсужденія весьма удовлетворительна, заключая въ себѣ полное и ясное изложеніе судебныхъ доказательствъ, со временъ договоровъ Олега и Игоря съ Греками до Уложенія. Особенно справедливость требуетъ сказать это о второй части сочиненія, гдѣ авторъ излагаетъ исторію судебныхъ доказательствъ въ послѣдніе два съ половиною вѣка до законодательства Царя Алексѣя Михайловича. Первой части повредилъ родовой бытъ, и повредилъ существенно. Пользуясь этимъ случаемъ, посмотримъ ближе и пристальнѣе на этотъ родовой бытъ, составляющій теперь предметъ многихъ споровъ и частыхъ нападокъ.

И, во-первыхъ, что̀ такое родовой бытъ, по мнѣнію г. Пахмана? Вотъ картина, представленная авторомъ (*). «*Лѣтопись, изображая древнѣйшую жизнь Русскихъ Славянъ, представляетъ ихъ въ видѣ отдѣльныхъ племенъ, изъ коихъ каждое, съ принадлежащими къ нему родами, жило на своей землѣ, отдѣльно и независимо отъ другихъ племенъ*,—живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ.» Почти слово въ слово, по Нестору, и спорить тутъ невозможно. Дѣйствительно такъ жили древнѣйшіе Рус-

(*) Стр. 12.

Digitized by Google

скіе Славяне. Но былъ ли это родовой бытъ? Вотъ вопросъ. Далѣе г. Пахманъ говоритъ (*), что *отличительныя черты первоначальнаго родоваго быта суть: добродушіе, искренность, взаимное довѣріе.* Тутъ что-нибудь да не такъ. Это — золотой вѣкъ или какой-то *золотой бытъ*, о которомъ давно уже перестали говорить. Не даромъ и г. Пахманъ здѣсь не приводитъ словъ Нестора, въ доказательство своихъ словъ; не даромъ здѣсь къ понятію *родоваго быта* прибавляетъ онъ новое понятіе *первоначальнаго*, о которомъ прежде не говорилъ. Но послѣдуемъ за авторомъ. «*При такихъ условіяхъ*, т. е. при общемъ добродушіи, искренности, взаимномъ довѣріи, *нарушеніе правъ, обиды, споры, представляются явленіями весьма рѣдкими; а судебная расправа была столь же проста, какъ и расправа отца. Очевидно, что судебныхъ доказательствъ — быть не могло. Показаніе истца признается несомнѣнно вѣрнымъ. Значеніе* (судебныхъ доказательствъ) *можно отчасти приписать только очевиднымъ признакамъ нарушенія правъ.*» Противъ всего этого можно сдѣлать одно возраженіе: напрасно г. Пахманъ дробитъ эти слѣдствія описаннаго имъ первоначальнаго родоваго быта. *При сказанныхъ условіяхъ*, просто, однимъ словомъ, *не было нужды ни въ судѣ, ни въ расправѣ.* Но таковы ли дѣйствительныя условія и отличительныя черты родоваго быта, принятаго авторомъ за начало для его выводовъ? Кто это скажетъ теперь; кто рѣшится повторить? Какіе *отечественные изслѣдователи* (**) могли ввести въ такой грѣхъ или промахъ нашего автора? Понимаемый такимъ образомъ, родовой бытъ долженъ былъ отомстить автору, и испортить его весьма хорошее дѣло, въ самомъ началѣ.

Что же онъ такое, этотъ родовой бытъ? Прежде всего должно отличать *родовыя, родственныя отношенія* отъ родоваго быта. Отношенія родства, свойства — могутъ быть вездѣ, и должны быть повсюду и вѣчно. Но, сами по себѣ, эти от-

(*) Стр. 13.

(**) Стр. 2, строк. 6, 7, сверху.

Digitized by Google

ношенія не составляютъ родоваго быта. Родовыя отношенія суть естественныя связи, имѣющія мѣсто между отдѣльными лицами,—отношенія, которыя потомъ опредѣляются обычаями народа, законами государства, и входятъ въ составъ правъ и обязанностей. Также точно должно отличать родовой бытъ *отъ жизни въ семьѣ и родѣ*. Живемъ и мы, кто въ семьѣ, кто семейно; но нельзя сказать, чтобъ мы жили въ быту родовомъ. Современный бытъ Россіи, безъ сомнѣнія, есть бытъ государственный, хотя трудно представить себѣ у насъ кого-нибудь безъ семьи и рода. *Не помнящимъ родства*, въ наше время, достается вездѣ въ благоустроенныхъ обществахъ, и достается болѣе, чѣмъ древнимъ *изгоямъ*. Родовой бытъ справедливо противополагается у г. Пахмана общинному и государственному, и составляетъ, по мнѣнію автора, какъ бы первичную форму бытія Русскаго народа. Существованіе такого быта, который предшествовалъ, у древнѣйшихъ Русскихъ Славянъ, позднѣйшему политическому, доказывается у г. Пахмана выраженіями Нестора—*живяху кождо съ родомъ своимъ, володѣя родомъ своимъ*, и т. д. Если бы не было у Нестора о томъ ни одного слова, существованіе первичнаго быта у древнѣйшихъ Славянъ было бы дѣломъ рѣшительно безспорнымъ. Другой вопросъ, каковъ былъ тотъ бытъ древнѣйшихъ Славянъ, который описанъ Несторомъ въ выраженіяхъ, приводимыхъ г. Пахманомъ? Древнѣйшіе Русскіе Славяне Нестора уже составляли общества – извѣстныя племена; имѣли правителей—старѣйшинъ и князей; наконецъ, знали нѣкоторые законы—обычай, норовъ; съ тѣмъ вмѣстѣ, очевидно, вѣдались судомъ и расправой. Можно ли такой бытъ назвать родовымъ?

Изъ сказаннаго видно, что понятіе о родовомъ бытѣ авторъ относитъ, болѣе или менѣе ясно, къ сферѣ науки о государственномъ правѣ, въ его историческомъ развитіи. Родовой бытъ изображается въ видѣ первой ступени общественности, въ видѣ зародыша и начала дальнѣйшаго политическаго развитія народа. Мы очень рады были, встрѣтивъ вопросъ о родовомъ бытѣ впервые на его мѣстѣ, въ юридическомъ сочиненіи, и, по праву, ожидали отъ автора кое-какихъ объясненій. Но г.

Digitized by Google

Пахманъ, на бѣду для своей собственной задачи, принялъ понятіе о родовомъ бытѣ на вѣру, какъ результатъ (*) изъ сочиненій историческаго содержанія, куда оно, естественно, вносится, какъ предполагаемый результатъ юридическихъ изслѣдованій. Дѣло осталось по прежнему нерѣшеннымъ и темнымъ.

Въ области права, родовой бытъ долженъ обозначать собою извѣстную степень общественнаго существованія народа. Не то или другое лицо представляется въ родовомъ быту, а цѣлый народъ извѣстнаго періода исторіи характеризуется родовымъ бытомъ. Весь народъ Русскій, хоть бы напр., до пришествія Варяговъ, покоится въ родовомъ бытѣ. Какимъ же способомъ дойдемъ мы до понятія о народѣ, о чемъ-то цѣломъ и единомъ, представляя его въ то же время разбитымъ и разрозненнымъ, среди родовыхъ отношеній? Можно ли говорить тамъ о народной жизни, гдѣ нѣтъ ничего общаго въ частяхъ народа, кромѣ явленій, отрицающихъ общность семей, родовъ? Одно изъ двухъ: или, говоря о родовомъ бытѣ, вы должны отрицать общую жизнь народа, и представлять его отдѣльными небольшими группами семействъ: тогда нечего говорить о народѣ; тогда нѣтъ предмета для исторіи; тогда вы входите въ область совершенной темноты и хаоса. Или, говоря о родовомъ бытѣ, вы станете представлять себѣ общую жизнь извѣстнаго народа, соединеннаго единствомъ языка, вѣрованій, обычаевъ: тогда родовой бытъ нельзя будетъ примѣнить къ жизни народа, и онъ останется выраженіемъ для существованія отдѣльныхъ лицъ и семействъ. Соглашаясь, что

(*) Г. Пахманъ дѣйствовалъ съ большою ловкостію, допуская въ свое сочиненіе такое понятіе о родовомъ бытѣ. Кто не замѣтитъ, изъ слѣдующихъ словъ, его недовѣрія къ этому родовому быту? «*Замѣчаемъ измѣненія въ системѣ доказательствъ*, говоритъ авторъ, на 1 стр., *но главныя начала не раскрываются опредѣлительно и т. п. Причина* неопредѣленности, продолжаетъ онъ на 2 стр., *независимо* отъ того и другаго, *скрывается*, безъ сомнѣнія, *въ характерѣ всей нашей древней исторіи, какъ онъ понятъ отечественными изслѣдователями. Это—борьба элемента родоваго съ государственнымъ. Если такой взглядъ исторически вѣренъ, то*, нѣтъ сомнѣнія, *что источникъ неопредѣленности долженъ скрываться въ борьбѣ означенныхъ началъ.*» Вотъ какъ объясняется выраженіе: *безъ сомнѣнія!*

Digitized by Google

нѣкогда родственная связь была единственнымъ основаніемъ для соединенія людей, мы однакожъ ограничиваемъ дѣйствіе этого основанія естественнымъ человѣческимъ обществомъ — семьею, родомъ, и не можемъ допустить этого основанія для объясненія связи въ цѣломъ народѣ или даже въ племени. И племя уже не знаетъ и не чувствуетъ своего родства физическаго, которое необходимо, по чувству, подчиняетъ членовъ одному главѣ семейства.

Разсмотримъ, въ видѣ примѣра, бытъ Славянъ, описанный Несторомъ, и, обыкновенно, называемый родовымъ. Если бы дѣйствительно Славяне того времени жили бытомъ родовымъ, какъ попали бы въ описаніе Нестора — *языкъ Словенскій*, племена, имъ вычисляемыя, Полянъ, Древлянъ, Вятичей, Радимичей, — съ ихъ князьями, старыми, отчими обычаями, городами — Новгородомъ, Кіевомъ? Изъ родоваго быта, связаннаго одною кровію, однимъ родствомъ, нельзя вывести ни понятія о князѣ, ни нужды въ городѣ, ни возможности обычая, общаго для цѣлаго племени. Племя слишкомъ широко для того, чтобы сложиться и существовать на основаніи одного кровнаго союза. Оно ведетъ уже войны, беретъ въ плѣнъ, овладѣваетъ землею, и ее дѣлитъ, по извѣстнымъ понятіямъ о заслугахъ, доблести, силѣ и т. п. Племя заключаетъ въ себѣ множество родовъ, которые не равны и по своему положенію, качеству, и по своему составу, по числу семействъ. Что же соединяетъ эти роды въ племенное единство? Племя цѣлые вѣки наростаетъ изъ родовъ, какъ роды изъ семействъ; какъ же члены этого племени сохранятъ живую память о своемъ родственномъ единствѣ? Племя разселяется на извѣстномъ значительномъ пространствѣ, занимая часто многія рѣки, во всю длину, и многія земли, въ разныхъ направленіяхъ; гдѣ же тутъ доискиваться родства, и кто станетъ признавать его, при чужой бѣдѣ? Но Несторъ говоритъ *о родахъ!* Да, но когда? Во времена, которыхъ не опредѣляетъ годами, — во времена до-историческія. «Кій, Щекъ и Хоривъ — мужи мудри и смыслени — нарицахуся Поляне, отъ нихъ же есть Поляне въ Кіевѣ — и эти-то Поляне, — родоначальники Полянъ, какъ пле-

Digitized by Google

мени, — Кій, Щекъ, Хоривъ, жили особѣ и володѣли роды своими, какъ и другіе Поляне, отцы и дѣды этихъ трехъ братьевъ» (*). Послѣ того Несторъ уже описываетъ бытъ Славянъ племенной (**), когда они образовали особыя племена, съ особыми обычаями и норовами. Этотъ племенной бытъ не сообщалъ Славянамъ никакой силы, почему одни племена платили дань Хозарамъ, другія Варягамъ, пока не наполнилась ими *Русска земля* (***), и пока потомъ, при содѣйствіи Варяговъ, не образовался изъ нихъ одинъ сильный народъ (****), сперва грозный для Византіи, наконецъ занявшій у нея свое просвѣщеніе христіанскою вѣрою. Вотъ естественное теченіе разсказа Нестора. Началъ онъ разсказомъ о родахъ, родовымъ бытомъ — бытомъ до-историческимъ; перешелъ къ разсказу о племенахъ—быту общинному, по городамъ и селамъ, и заключаетъ свое введеніе образованіемъ изъ племенъ одного Русскаго народа. Гдѣ же родовой бытъ? Ужели можно внести его въ исторію юриспруденціи?—Обращаемся къ Разсужденію г. Пахмана, и разсмотримъ выводы, которые онъ дѣлаетъ изъ родоваго быта для древнѣйшаго нашего права.

Для уясненія дѣла, предложимъ себѣ нѣсколько вопросовъ. Чѣмъ отличается родовой бытъ, какъ онъ понятъ г. Пахманомъ, отъ послѣдующихъ степеней развитія общественности? Извѣстно, что предметъ и содержаніе, которые опредѣляются бытомъ родовымъ, общиннымъ или государственнымъ, постоянно, въ каждомъ изъ нихъ, остаются тѣ же: земля и вообще предметы владѣнія; отношенія лицъ къ предметамъ владѣнія и между собою, по родству и крови, по взаимному согласію и волѣ. Но, можетъ быть, начала, которымп опредѣляются эти предметы, будутъ измѣняться вмѣстѣ съ перемѣною быта? Весьма возможно; но эта перемѣна началъ не зависитъ отъ быта, а отъ причинъ, которыя производятъ перемѣны въ самомъ бытѣ. Напр. пришествіе Варяговъ, введеніе Христі-

(*) Лавр. 4.
(**) Лавр. 5.
(***) Лавр. 7.
(****) Лавр. 8 и слѣд.

Digitized by Google

анства, нашествіе Монголовъ, безъ сомнѣнія, должны были измѣнить начала и убѣжденія Руси, но также точно, какъ и самый бытъ ея. Начала и убѣжденія народа касательно права собственности, личной свободы, семейныхъ отношеній, правдиваго суда и твердой расправы родятся и развиваются въ умѣ народа и его совѣсти или нравственности, и измѣняются только съ развитіемъ народнаго духа, а не быта. Но, можетъ быть, начальники и главы племенъ Славянскихъ, въ періодъ родоваго быта, могли имѣть вліяніе на эти начала и сообщали имъ особое свойство, по кровной связи своей съ членами рода? Опять нѣтъ, если мы будемъ принимать слова Нестора даже въ смыслѣ г. Пахмана; ибо Несторъ говоритъ, что Славянскіе роды имѣли свои *обычаи* и разнаго рода *норовы*, т. е. правила и начала, которыя стояли выше частнаго, личнаго произвола.—Не обращая вниманія на случайныя исключенія, мы должны предполагать, что старѣйшины и начальники судили и рядили, въ каждомъ родѣ, по этимъ обычаямъ. И, безъ сомнѣнія, ни одинъ князь не дозволилъ бы умыкать женъ, какъ князь Полянъ не дозволялъ, въ своемъ племени, умыкать дѣвицъ, по обычаю Древлянъ. Начальники мѣнялись; родоначальники уступали мѣсто старѣйшинамъ; старѣйшины—князьямъ; но дѣла родовъ, вообще говоря, шли путемъ давнихъ обычаевъ.

Другими словами, родовой бытъ не могъ имѣть никакого вліянія на самыя начала юридической жизни; напротивъ, какъ первоначальная форма, онъ самъ зависѣлъ отъ свойства началъ и ихъ развитія. Выводить начала и установленія юридическія изъ этого быта весьма несправедливо, и даже опасно, какъ доказалъ своею работою г. Пахманъ. По его выводу, въ родовомъ быту, *истецъ пользовался полнымъ довѣріемъ*; стóило ему разинуть ротъ, дѣло рѣшалось въ его пользу; отвѣтчикъ былъ безотвѣтенъ. Разумѣется, въ такомъ случаѣ, весь смышленый народъ пошелъ бы въ истцы, и не стало бы отвѣтчиковъ. По выводу г. Пахмана, въ родовомъ быту, *признаки нарушенія права*, напр. изломанная, испорченная вещь, *были и доказательствами*. Разумѣется, и здѣсь бы смышленый

Digitized by Google

народъ нашелся, и сталъ бы ломать и портить свои дурныя вещи, и требовать у безотвѣтныхъ отвѣтчиковъ вещей получше и подороже. Родоначальники, старѣйшины, очевидно, судили и рядили зря. Да и за чѣмъ держали ихъ Славяне, при такой расправѣ родоваго быта?

Но, если начало Разсужденія неудачно, за то остальное достойно всѣхъ похвалъ, сказанныхъ словесно на диспутѣ, и напечатанныхъ. Finis coronat opus. *В. Л.*

Мы получили еще рецензію Разсужденія г. Пахмана, (въ сущности совершенно согласную съ выше-предложенною, которая, не смотря на свою краткость, обличаетъ знатока и мастера), и помѣщаемъ ее въ извлеченіи. Намъ особенно пріятно, что занимающіеся Русскою Исторіею начинаютъ, наконецъ, обнаруживать ясно свое мнѣніе о призракахъ родоваго быта и его насильственныхъ приложеніяхъ. До сихъ поръ мы слышали только Гг. Аксакова, Бѣляева, Шеппинга. Теперь подали голосъ В. Л. и г. Мстиславскій. Г. Катковъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ отозвался очень глухо. Будемъ надѣяться, что и всѣ скоро увидятъ въ такъ называемомъ родовомъ бытѣ одинъ только звукъ, пустое слово, а не историческій ключь. Но жаль, что нѣсколько молодыхъ ученыхъ перепортили свои труды ни за что, ни про что. *М. П.*

.... Намъ кажется, говоритъ г. Мстиславскій, что авторъ, вопреки объявленія своего на стр. 2, не извлекалъ системы своей или теоріи изъ *данныхъ* явленій разсматриваемаго періода, а прилагалъ къ дѣлу *готовую*. Отчего иногда случается, что или данныя не отвѣчаютъ на вопросы, предлагаемые авторомъ, или отвѣты, приписываемые даннымъ, оказываются принадлежащими самому автору или извѣстной теоріи.

Что касается до перваго, то, признаемся, мы вовсе не понимаемъ, зачѣмъ означаются иногда особыми §§ вопросы въ родѣ слѣдующихъ: о порядкѣ допроса свидѣтелей; о порядкѣ представленія и вызова свидѣтелей; о послѣдствіяхъ неявки?

Digitized by Google

и т. п. (стр. 62, 65). Если для того только, чтобъ имѣть право сказать, что о томъ или другомъ не находимъ никакихъ извѣстій въ памятникахъ даннаго періода (стр. 65), то, казалось бы, не стоило труда и задавать подобные вопросы. А между тѣмъ изъ-за нихъ выставляются иной разъ предположенія въ родѣ слѣдующаго: «Не находя въ Русской Правдѣ ничего относительно судебныхъ поединковъ, мы не отрицаемъ того предположенія, что статьи о нихъ *утратились*, тѣмъ болѣе, что поединки могли у насъ существовать въ эпоху Русской Правды» (стр. 112). Помнится намъ, что г. Калачевъ выразилъ въ «Изслѣдованіяхъ» своихъ о Русской Правдѣ совершенно противоположное мнѣніе о полнотѣ статей Р. Правды. Оправдывая цѣль изданія своего текста Русской Правды на основаніи 50 списковъ, онъ далъ понять, между прочимъ, что если бы впослѣдствіи и случилось открыть новые списки, то можно быть увѣреннымъ, что они не представятъ ничего новаго относительно содержанія статей своихъ. Какъ согласить теперь два такія противоположныя мнѣнія? — Но положимъ, впрочемъ, что не оправдается предположеніе г. Калачева;—наука отъ этого не въ убыткѣ: распространится кругъ понятій нашихъ о древнемъ Русскомъ правѣ, объяснится хотя одно слово или выраженіе, не совсѣмъ удобопонятное изъ извѣстныхъ доселѣ списковъ. А если не оправдается ваше предположеніе?... то *во-первыхъ*.... слово сказано будетъ даромъ, и *во-вторыхъ*.... иной, пожалуй, воспользуется имъ, употребитъ по своему, оснуетъ новую теорію или систему, а пуще всего, будетъ ссылаться на вашъ авторитетъ, какъ напр. ссылаетесь же вы на *родовое начало*, какъ послѣднее слово новѣйшей науки, положенное, по точнымъ словамъ вашимъ, «въ основу вѣрнаго историческаго взгляда на всю нашу древнюю исторію» (стр. 4, 12)....

Но обратимся къ отвѣтамъ или *заключеніямъ*, извлекаемымъ, по словамъ автора, «изъ содержанія дошедшихъ до насъ юридическихъ памятниковъ» (стр. 2). Возмемъ разсужденіе объ испытаніяхъ желѣзомъ и водой, относимыхъ авторомъ къ т. н. *ордаліямъ* или *судамъ Божіимъ*.

Digitized by Google

Изъ содержанія Русской Правды ясно всякому, кто только внимательно изучалъ этотъ памятникъ, что испытаніе *желѣзомъ* и родственное ему испытаніе *водой* не могли принадлежать къ числу народныхъ судебныхъ обычаевъ въ древней Россіи, такъ какъ ими нарушается напр. естественная, логическая связь между послѣдними. Есть мнѣніе, принадлежащее Карамзину, и защищаемое, какъ извѣстно, другими учеными, что они заимствованы изъ Скандинавіи, особенно испытаніе желѣзомъ (judicium ferri), относительно котораго въ Шведскихъ законахъ говорится: всѣ сомнительныя дѣла должны быть рѣшаемы желѣзомъ и судомъ Божіимъ; кого огонь не сожжетъ, тотъ невиненъ, кого сожжетъ, тотъ преступникъ (Стирнг. de jure Sueonum). Авторъ, уступая Скандинавскому вліянію внѣшнюю сторону этого обычая, относительно внутренней стороны не согласенъ съ означеннымъ мнѣніемъ, приписывая туземное происхожденіе у насъ этому *суду Божію*. На чемъ же авторъ основываетъ мнѣніе свое о туземномъ происхожденіи у насъ *ордалій*, иначе *судовъ Божіихъ* (Gottesurtheile, Gottesgerichte, ordale, judicia Dei)?... Послушаемъ самого автора.

«Есть мнѣніе, что суды Божіи, существовавшіе у насъ въ древнѣйшія времена, заимствованы нами отъ Германцевъ; но съ этимъ мнѣніемъ *нельзя согласиться*. Религіозное вѣрованіе, лежащее въ основаніи судовъ Божіихъ, есть вѣрованіе, свойственное каждому народу, каковы бы ни были его понятія о верховномъ существѣ. Кромѣ Германскихъ народовъ, они были извѣстны у древнихъ Грековъ; особенно были развиты ордаліи у Индійцевъ, и освящены законами и постоянною судебною практикою; они были извѣстны у древнихъ Евреевъ, также въ Африкѣ,—въ Сенегамбіи, Гвинеѣ, въ Тибетѣ, Перу и т. д.» (стр. 66); и въ другомъ мѣстѣ: «о заимствованіи, какъ мы замѣтили выше (т. е. на стр. 66), нельзя говорить относительно такихъ явленій (говорится собственно объ испытаніи желѣзомъ и водой), которыя повторяются у многихъ народовъ, разъединенныхъ между собой и временемъ и пространствомъ» (стр. 68).

Вотъ все, сказанное авторомъ въ огражденіе мнѣнія своего.

Digitized by Google

Ясно, что авторъ основываетъ мнѣніе свое о туземномъ происхожденіи у насъ ордалій и собственно испытаній водой и желѣзомъ на томъ, что они были въ обычаѣ у многихъ народовъ, или, пожалуй, имѣли туземное происхожденіе у Германцевъ, Грековъ, Индійцевъ и т. д.—Но развѣ то, что свойственно многимъ, обязательно для каждаго народа?... *Во-первыхъ* не логично, а *во-вторыхъ* ясно, что у автора теорія идетъ впереди дѣла. Что же касается до мнѣнія о господствѣ *суевѣрія* и *грубыхъ заблужденій*, съ идеею копхъ сопряжена у автора идея туземнаго происхожденія ордалій, какъ у многихъ народовъ, напр. Германскихъ, такъ и у насъ (стр. 3, 5), то должно согласиться, что мнѣніе это нуждается въ значительныхъ подкрѣпленіяхъ относительно Русскаго народа, напр. въ періодъ Русской Правды, такъ какъ оно имѣетъ прямыя улики противъ себя въ самой Правдѣ Русской.

Не опровергнувъ мнѣнія Карамзина и не утвердивъ своего, авторъ впадаетъ за тѣмъ въ новую ошибку, полагая, что испытаніямъ подвергался у насъ не одинъ отвѣтчикъ, но также *истецъ*, и обнаруживаетъ несостоятельность своей теоріи, основывая такое положеніе свое на слѣдующихъ словахъ статьи: «Искавше ли послуха не налѣзуть, а *истца* начнетъ головою клепати: и *тому* дати правду желѣзо; такоже во всѣхъ тяжахъ, въ татбѣ и въ поклепѣ, оже не будетъ лица, то *дати ему* желѣзо *изневоли*....» Подчеркнувъ, какъ мы видѣли, слова *истца*, *тому*, *изневоли* и т. д., авторъ пишетъ: «*Истецъ* подвергался испытаніямъ вообще при отсутствіи доказательствъ, которыя бы подтверждали справедливость иска или обвиненія, а именно: въ искахъ о смертоубійствѣ и о воровствѣ, когда не могъ представить свидѣтелей или подкрѣпить свой искъ другими доказательствами; въ этихъ случаяхъ онъ подвергался испытаніямъ противъ воли, какъ видно изъ приведенныхъ выше словъ: «искавше ли послуха не налѣзуть...» и проч. (стр. 75). Но замѣтимъ, что нѣкоторыя изъ подчеркнутыхъ словъ читаются по другимъ спискамъ совершенно иначе: такъ напр. вмѣсто слова *тому*, на которомъ въ особенности хочетъ опереться мнѣніе автора,

Digitized by Google

полагающаго, что слово это относится къ *истцу*, въ Троицкомъ, какъ и во вмногихъ другихъ спискахъ, значится *имъ*: «искавше ли послуха не налѣзуть, а істьця начнеть головою клепати: тогда дати *імъ* правду желѣзо....» (см. Текст. Р. Правд., изд. Н. Калачева. стр. 7). Положимъ, авторъ вправѣ не соглашаться напр. съ мнѣніемъ г. Дубенскаго, полагающаго, на основаніи чтенія *имъ*, что на желѣзо должны были идти истецъ и отвѣтчикъ—оба, положимъ, вправѣ даже потому, что, если бы, какъ говоритъ авторъ, подвергались испытанію и тотъ и другой, то никогда дѣла не могли бы рѣшаться, по свойству самаго испытанія, долженствовавшаго, по обыкновеннымъ законамъ природы, имѣть однѣ и тѣ же послѣдствія для обѣихъ сторонъ (стр. 75); но онъ не правъ противъ текста статьи, не обративъ никакого вниманія на слово *правду*, стоящее впереди желѣза. Если бы авторъ обратилъ вниманіе на это слово и принялъ въ соображеніе напр. замѣчаніе г. Калачева, что *правда* употреблялась у насъ также и въ смыслѣ суда, то онъ увидѣлъ бы, что выраженіе: «дати імъ правду желѣзо» означаетъ не болѣе не менѣе, какъ: дать имъ *судъ* желѣзо, т. е. разсудить ихъ—истца и отвѣтчика посредствомъ желѣза. А такъ какъ другое выраженіе: «тогда дати *ему* желѣзо *изъ неволи*» получаетъ полное опредѣленіе свое въ статьѣ *о послухъхъ свободныхъ* (она будетъ приведена въ своемъ мѣстѣ), въ которой ясно изображено, по чьему требованію и кому давалось желѣзо,—то можно быть увѣреннымъ, что, если бы авторъ принялъ въ соображеніе совокупность всѣхъ этихъ словъ и выраженій,—онъ не заставилъ бы *истца*, въ доказательство справедливости иска своего, брать въ руки раскаленное *желѣзо*, тѣмъ болѣе, что послѣдствія *желѣзнаго* доказательства были, по собственнымъ словамъ автора, *одни и тѣ же*. — Впрочемъ, авторъ, кажется, и самъ чувствовалъ неловкость такого объясненія своего, и чтобы облегчить ее, обращается къ слову: *изъ неволи*, говоря, что истецъ подвергался испытаніямъ противъ воли, когда не могъ представить свидѣтелей, или подкрѣпить свой искъ другими доказательствами.—Но какая

Digitized by Google

же, спрашивается, неволя могла настоять въ этомъ случаѣ истцу, когда искъ восходилъ отъ него, и онъ не могъ же не знать, какія потребны были доказательства въ томъ или другомъ случаѣ?—Не доказавъ положенія своего изъ Русской Правды, авторъ обращается къ Римскому праву, и говоритъ, что слово *изъ неволи* напоминаетъ Римское правило: onus probandi incumbit ei qui agit, и имѣетъ тотъ смыслъ, что истецъ, взводящій на кого-либо искъ или обвиненіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подвергающій его отвѣтственности и даже безчестію со стороны общества, не можетъ, при недостаткѣ доказательствъ, оставить свой искъ безъ окончанія, но долженъ, для подтвержденія его справедливости, *по неволѣ* подвергнуться одному изъ судовъ Божіихъ (стр. 98). Но мы уже имѣли случай замѣтить, что *неволи* въ собственномъ смыслѣ не могло настоять истцу, какъ не было никакой неволи возводить ему на кого-либо искъ или обвиненіе (*поклепъ*). А что до Римскаго правила, по которому тяжесть доказыванія лежала на истцѣ, — полагаемъ, такъ у Римлянъ, какъ и у прочихъ народовъ,—то должно согласиться, что между этимъ правиломъ и случаемъ испытанія отвѣтчика желѣзомъ такъ же мало общаго, какъ между обычными способами доказыванія—по Русской Правдѣ—и необычайнымъ доказательствомъ—желѣзомъ, которое не иначе было понимаемо Русскою Правдой, какъ въ образѣ истинной *муки*: «А желѣзнаго платити 40 кунъ, а мечнику 5 кунъ, а полгривны дѣтьскому: то ти желѣзныи урокъ, кто си въ чемь емлеть. Аже иметь на желѣзо по свободныхъ людии рѣчи, любо ли запа нань будеть, любо прохожение нощное, или кимь любо образомь аже не ожьжется, то про *муки* не платити ему; но одино желѣзное кто и будеть ялъ» (*); или другая статья: «Ты тяжѣ всѣ судять послухи свободными; будеть ли послухъ холопъ, то холопу на правду не вылазити; но оже хощеть истець или иметь и, а река тако: по сего рѣчи емлю тя, но язъ емлю тя, а не холопъ и емѣти и на желѣзо; аже обинити и, то емлеть

(*) См. «Текст. Р. Правд.» изд. Н. Калачева, 1846 г., стр. 16.

Digitized by Google

на немь свое, не обинить ли его, платити ему гривна за *муку*, зане по холопьи рѣчи ялъ и» (*). Изъ послѣдней статьи, носящей, по нѣкоторымъ спискамъ, названіе «о свободныхъ послусѣхъ», авторъ можетъ усмотрѣть ясно, что *неволя* идти на желѣзо настояла *обвиняемому*, т. е. отвѣтчику, а зависѣла она отъ *хотѣнія*: «по оже хощеть истець или иметь и....» и т. д...

Предложимъ теперь нѣсколько замѣтокъ собственно историческихъ, имѣя въ виду показать вообще неудобоприложимость готовыхъ теорій, даже самыхъ лучшихъ, къ нашей древней исторіи. Коснувшись *желѣзнаго урока*, т. е. пошлинъ, платимыхъ истцемъ при употребленіи въ качествѣ судебнаго доказательства—*желѣза*, авторъ говоритъ, что 40 кунъ платились князю, 5 кунъ мечнику и полгривны дѣтскому (стр. 80). Полагаемъ: 40 кунъ платились *судіямъ*, а не князю, въ пользу котораго шли виры и продажи. — Приводя на стр. 28 слова лѣтописца: «имяху бо обычаи свои, и законъ отець своихъ и преданья», авторъ замѣчаетъ, что здѣсь слово «законъ» имѣетъ также значеніе нравовъ, обычаевъ, а, можетъ быть, въ особенности значеніе правилъ вѣры. Отвѣчаемъ: предположеній можно дѣлать сколько угодно, но *здѣсь* они безполезны, потому что многое изъ того, что лѣтописецъ называетъ «закономъ отецъ своихъ и преданьями», живетъ доселѣ въ разнообразныхъ выраженіяхъ и оборотахъ Русской Правды, отличныхъ по своему складу отъ обыкновенной рѣчи, и которые, безъ всякаго сомнѣнія, прежде нежели получили письменную форму памятника, имѣли живую форму народныхъ пословицъ или притчей, вообще—*преданій*, что и утверждаетъ лѣтописецъ. — Относительно *дѣтскаго* авторъ выставляетъ замѣчаніе г. Куницина, что онъ имѣлъ значеніе полицейскаго служителя,—и свое собственное, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ лицо, облеченное судебною властію (стр. 80). Отвѣчаемъ: дѣтскій не былъ ни тѣмъ, ни другимъ; а если бы авторъ объяснилъ настоящее значеніе этого лица и сопротивостоявшаго ему на судѣ меч-

(*) См. тамъ же.

Digitized by Google

ника; то можно быть увѣреннымъ, что онъ не сказалъ бы, что у насъ до XV вѣка не было никакого различія между формами судопроизводства гражданскаго и уголовнаго, а увидѣлъ бы существованіе той и другой формы и, можетъ быть, не одной *формы*—еще въ періодъ Русской Правды,—потому что судъ о *головѣ* производился, по Русской Правдѣ, въ присутствіи не однихъ судей, но также мечника и дѣтскаго отрока, между тѣмъ какъ дѣла не уголовныя разсматривались одними судіями, исключая случай испытанія отвѣтчика посредствомъ *желѣза*, въ каковомъ случаѣ также требовалось присутствіе того и другаго. – Авторъ относитъ *присягу* къ ордаліямъ или судамъ Божіимъ (стр. 24, 81); а мы думаемъ, что судъ совѣсти есть одинъ изъ первыхъ, и несомнѣнное доказательство существованія у насъ такого суда, въ періодѣ Правды, видимъ въ статьѣ объ *урокахъ ротныхъ*, отличныхъ по своему содержанію вообще отъ *уроковъ судебныхъ*, и въ частности отъ уроковъ *вирныхъ* и отъ *желѣзнаго урока*.

Мы коснулись только нѣкоторыхъ, и то болѣе теоретическихъ, положеній автора, какъ несовмѣстныхъ съ современнымъ состояніемъ историческихъ наукъ у насъ, требующихъ основательнаго, критическаго изученія памятниковъ, давно уже опередившихъ недалекій взглядъ заемныхъ теорій; что же касается до этой существенной, матеріальной стороны, то за добросовѣстное и отчетливое изложеніе матеріаловъ, вошедшихъ въ составъ сочиненія автора, нельзя не отдать ему полной справедливости.

В. М—ій.

Указаніе для производства уголовныхъ слѣдствій, Сост. *Н. Калайдовичъ*. Изд. 2-е. Спб. 1850. Стр. 166. въ 12 д.

Москвитянинъ еще въ 1849 году высказалъ свое мнѣніе объ этой книгѣ, и второе изданіе служитъ доказательствомъ, что у насъ существуетъ потребность въ такихъ сочиненіяхъ, въ которыхъ заключаются практическія замѣчанія о приложеніи законовъ. Новое изданіе сдѣлано безъ всякой перемѣны. Статья о формальномъ слѣдствіи по прежнему

Digitized by Google

не полна. Мы бы желали видѣть въ книгѣ г. Калайдовича побольше такихъ очерковъ, какъ очеркъ горлана-крестьянина; потомъ, какъ забыть нашихъ деревенскихъ бабъ.... Дайте намъ описаніе всѣхъ особенностей деревенскаго быта: это много облегчитъ молодаго слѣдователя, незнакомаго съ жизнью, только что окончившаго свое ученіе, а для такихъ именно и назначена книга г. Калайдовича.

Накалакевскій теплый минеральный источникъ въ Мингреліи. Изд. Д-ръ С. *Плешковскій*. Тилфисъ. 1851.

Тамъ, гдѣ бьетъ этотъ цѣлительный ключь, на берегу рѣки Техуры, въ гористой мѣстности, разстояніемъ отъ Кутаиса 40 верстъ, въ древности находилась столица Колхидскихъ царей. Мѣстные жители пользовались имъ издавна; но неудобства пути и недостатокъ помѣщенія были причиною, что изъ другихъ мѣстъ больные рѣдко являлись сюда. Въ настоящее время этихъ препятствій почти не существуетъ: по распоряженію владѣтеля Мингреліи, Князя Д. Д. Дадіана, устроена, въ прошломъ году, каменная стѣна для воспрепятствованія затопленію источника при наводненіи рѣки Техуры; вскорѣ будетъ построенъ купальный домъ съ ваннами и пріютное помѣщеніе для посѣтителей; обращено вниманіе на удобство въ доставленіи продовольствія больнымъ пріѣзжимъ; доступъ верховой ѣзды къ источнику облегченъ исправленіемъ ведущей къ нему дороги; ближайшая окрестность очищена. Словомъ, не достаетъ общества, газетъ, танцовальной залы да оркестра музыки, чтобы Накалакевскому источнику стать на ряду съ какою-нибудь минераль-водною знаменитостію, потому что цѣлебная сила его во многихъ болѣзняхъ, на основаніи химическаго разложенія воды, не подлежитъ никакому сомнѣнію. И такъ, во здравіе пейте Накалакевскую воду всѣ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, а касательно комфорта не заботьтесь слишкомъ: комфортъ—понятіе условное; иной ѣдетъ за границу лечиться и беретъ съ собой своего повара, опасаясь, что иностранные метрдотели не угодятъ на его больной вкусъ; а иному чашка молока, свѣжій воздухъ да ясная погода на сердцѣ—болѣе ничего и не нужно, и весь тутъ комфортъ.

Кромѣ Накалакевскаго минеральнаго источника, въ этой же брошюрѣ описанъ Рачинскій кисложелѣзный ключь, столь же пользительный въ разныхъ недугахъ. Самая брошюра издана съ доброю цѣлію: въ пользу учебнаго заведенія Св. Нины въ Кутаисѣ.

Digitized by Google

Генеральный Штабъ практически согласованный съ арміею. Перев. съ Нѣм. Генералъ-Маіоръ *Стефанъ*. Спб. 1850. стр. 140, въ 8 *д. л.*

Подлинникъ этого сочиненія принадлежитъ Австрійскому Полковнику Штреннеру, и считается классическимъ въ военной литературѣ. Сокративъ его въ нѣкоторыхъ частяхъ, переводчикъ прибавилъ къ нему нѣсколько своихъ примѣчаній, такъ что вся книга состоитъ изъ введенія и 6 главъ. Въ введеніи разсматривается вопросъ объ отношеніи адъютантской части (дежурства) къ Генеральному Штабу, и развивается афоризмъ: «единство—душа арміи», взятый эпиграфомъ для сочиненія. Въ слѣдующихъ 6 главахъ разематриваются: училище Генеральнаго Штаба; нравственныя и физическія качества, науки и свѣдѣнія, необходимыя для офицеровъ; служба Генеральнаго Штаба въ мирное время и на войнѣ.—Замѣтимъ еще, что сочиненіе это первоначально было напечатано въ Военномъ Журналѣ (за прошлый годъ)—превосходномъ изданіи, которое, къ сожалѣнію, слишкомъ мало извѣстно нашей публикѣ. *К.*

Библіотека для чтенія, 1851 года, NN 4-й и 5-й. Апрѣль и Май.

Въ отдѣлѣ Русской Словесности этихъ двухъ книжекъ помѣщены: *Notturno*, стихотвореніе *Н. Щербины*; Мачиха, повѣсть *Лейлы*, части первая и вторая, Двѣ доли, повѣсть *Анны Гернеръ* и наконецъ Амальфи и Пиза, замѣтки туриста, *П. Яковлева*. — Разберемъ ихъ по порядку. Notturno Н. Щербины какъ-то мало останавливаетъ на себѣ вниманіе. Пока читаешь его, замѣчаешь и хорошій стихъ и нѣкоторыя картины, напоминающія знакомыя намъ всѣмъ явленія въ природѣ, но по прочтеніи не остается того цѣлаго впечатлѣнія, которое даетъ особую цѣну лирическимъ стихотвореніямъ. — Одно изъ самыхъ дорогихъ свойствъ поэтическихъ произведеній этого рода, состоитъ въ томъ, что продолженіе ихъ условливается вложеннымъ содержаніемъ,—читатель чувствуетъ, какъ вмѣстѣ съ послѣднимъ стихомъ исчерпывается совершенно идея, породившая стихотвореніе, и отходитъ совершенно удовлетвореннымъ, пріобрѣтя не простой наборъ, положимъ, пріятныхъ ощущеній, но нѣчто такъ твердо слитое, что оно безъ всякаго труда сохраняется въ его душѣ, не смотря на то, что поэтъ былъ *повидимому* совершенно произволенъ сочетать такія или иныя

Digitized by Google

ощущенія въ своемъ стихотвореніи.... Вотъ именно этого нѣтъ въ Notturno *Г. Щербины;* правда, оно довольно естественно состоитъ изъ двухъ половинъ, изъ которыхъ въ первой набросано нѣсколько очерковъ вечерней природы, во второй изображено нѣсколько личныхъ ощущеній поэта, есть вѣрная и очень понятная связь между этими двумя половинами; но очень можно бы продолжить нѣсколько болѣе какъ первую, такъ и вторую половины, разумѣется, не измѣняя общаго тона стихотворенія, и оно не только не потеряло бы, но обогатилось бы прибавленіями, имѣющими такое же достоинство, какъ и все остальное; понятно, что не можетъ быть органическаго единства въ такомъ произведеніи, котораго части не стоятъ въ неизмѣнной пропорціи съ цѣлымъ, а между тѣмъ безъ этой органической связи лирическое стихотвореніе всегда имѣетъ видъ какъ будто недоношеннаго, преждевременно родившагося на свѣтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и характеръ сочиненнаго, произвольнаго, близкаго къ простому стихотворству. — Впрочемъ все высказанное нами не можетъ быть отнесено прямо къ Н. Щербинѣ уже и потому, что стихотвореніе его, по поводу котораго пришли намъ въ голову высказанныя мысли, во-первыхъ все-таки недурно, а во 2-хъ подписано 1845-мъ годомъ, слѣдов. принадлежитъ къ ранней дѣятельности этого поэта, послѣ которой мы имѣемъ его *же Греческія стихотворенія.* Переходимъ къ прозѣ и именно къ *Мачихѣ* – повѣсти Лейлы.

Странныя вещи совершаются на свѣтѣ. Кто изъ насъ не помнитъ того времени, когда Библіотека для чтенія такъ ловко и остроумно издѣвалась надъ плохими произведеніями Русской Литературы, когда все, что ни было смѣшнаго и страннаго въ печати, вдвое страннѣе и смѣшнѣе являлось подъ искусною рукою ея критика, и одинъ уже видъ цвѣтной обертки этого журнала вызывалъ на уста улыбку — предтечу будущаго, неистощимаго смѣха. Доставалось же тогда (и по дѣломъ) всѣмъ непризваннымъ поэтамъ, романистамъ, драматургамъ и проч. И какъ весело дѣлалось все это: какъ пчела, умѣющая, говорятъ, извлекать медъ и изъ ядовитыхъ растѣній, Библіотека для чтенія владѣла потерянным въ наше время даромъ, воспользоваться самымъ плохимъ собраніемъ стихотвореній, самою безобразною повѣстью, для того, чтобы доставить несомнѣнное удовольствіе своимъ читателямъ. Изчезло безвозвратно это веселье, легкое время, какъ-то тяжелы стали наши критики, и уклонившись отъ своей прямой обязанности занимать публику, стали сердито и коротко отзываться о такихъ произведеніяхъ. Изрѣдка только появится въ какомъ-нибудь журналѣ легкая и игривая

Digitized by Google

статья по поводу какого-нибудь плохаго изданія, но уже и въ самихъ читателяхъ не встрѣчаетъ она такаго радушнаго и лестнаго пріема, какъ бывало прежде. Конечно, можно, пожалуй, утѣшиться мыслью, что потребности публики стали лучше, что сама критика сдѣлалась серьезнѣе; но сколько ни разумнѣе всякое настоящее въ сравненіи съ прошлымъ, всегда есть въ этомъ послѣднемъ что-нибудь такое, о чемъ пожалѣешь невольно. Вотъ передъ нами двѣ части повѣсти, помѣщенной въ Библіотекѣ для чтенія. Весело подумать, что бы сдѣлала съ ними прежде сама же Библіотека для чтенія, къ какому длинному ряду милыхъ и веселыхъ шутокъ подала бы она поводъ рецензенту, что бы смѣху было читателямъ. И вотъ именно такая *удобная для критики* повѣсть лежитъ передъ нами, а между тѣмъ какъ-то угрюмо смотришь на нее и нѣтъ никакой охоты шутить. Да и какъ впрочемъ не сдѣлаться угрюмымъ, когда, по обязанности рецензента, прочтешь почти 120 страницъ самой странной и неловкой болтовни, не встрѣтивъ въ этой сухой и безплодной степи ни одного мѣста, на которомъ бы отдохнуло вниманіе, ни одного живаго образа, ни одной свѣтлой мысли... Въ вышедшихъ до сихъ поръ двухъ частяхъ *Мачихи* нѣтъ даже содержанія, потому что ничего не происходитъ. Передъ глазами читателя бранятся только постоянно двѣ молодыя женщины, и бранятся самымъ страннымъ образомъ,—Почти единственно въ этомъ состоитъ вся первая часть, только во второй начинается нѣчто, какъ будто похожее на завязку, есть нѣкоторое столкновеніе, изъ котораго могло бы что-нибудь выйти,—выйдетъ ли, это другой вопросъ.—Но если въ *Мачихѣ* нѣтъ никакихъ достоинствъ положительныхъ, то есть очень много претензій, выражающихся то въ попыткахъ на оригинальныя мысли, то въ сочиненіи новыхъ словъ, то въ изображеніи какихъ-то странныхъ отношеній между двумя молодыми женщинами, въ чемъ авторъ, вѣроятно, видитъ откровенное представленіе дѣйствительности, но что очень близко граничитъ съ цинизмомъ. Постараемся подтвердить сказанное выписками.

Къ претензіямъ на оригинальныя мысли мы причисляемъ слѣдующія: «Въ этихъ тряпкахъ (нарядахъ), которымъ многіе стараются оказывать презрѣніе, заключается болѣе высокихъ тайнъ природы, болѣе *элементовъ гуманности(?)*, болѣе мудрости, нежели какъ воображаютъ философы! (стр. 83)» «У мужчинъ вмѣсто нервовъ канаты (стр. 123). Мужчину стоитъ только взбѣсить порядочно—тогда онъ весь вашъ—нѣженъ, покоренъ, преданъ, любитъ безъ памяти. Это опытомъ доказано, (стр. 86). «и другія, которыя скучно перепечатывать.

Digitized by Google

Къ новымъ или страннымъ словамъ и фразамъ принадлежатъ слѣдующія: произвольство, желательство, громоразразительное положеніе, выглядѣть, пожарное выраженіе взора, сугубо (въ устахъ малоденькой дѣвочки), отвѣчать съ Африканскою сухостью, врачиха (женскій родъ отъ врачъ); я готова *клясться*, если увижу, что я неправа (слова опять таки молодой дѣвушки).

Но всего болѣе въ этой повѣсти такихъ фразъ, которыя мы назвали выше циническими. Какъ иначе отозваться о слѣдующихъ выраженіяхъ, вложенныхъ въ уста восмнадцатилѣтней дѣвушки въ разговорахъ ея съ мачихою, почти ровестницею. «Хорошо вамъ представляться благоразумною, вы ужъ были замужемъ, а мнѣ-то каково; я знаю, зачѣмъ вамъ *приспичило* скорѣй въ деревню; я давно примѣтила, что вы хотите прибрать его (жениха) къ рукамъ.—Но довольно, замѣтьте, что все это говорится дѣвушкою, которую самъ авторъ называетъ умною и хорошо образованною. Читатели, можетъ быть, посѣтуютъ на то, что мы такъ долго останавливали вниманіе ихъ на такомъ *странномъ* произведеніи, какъ *Мачиха*.—Но что же дѣлать иначе, какъ не приводить иногда въ совершенную ясность достоинства повѣстей, печатаемыхъ въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ журналовъ. Позволительно, конечно, напечатать иногда и не вполнѣ хорошую повѣсть, если ужь на нихъ очень сильно требованіе, но вѣдь всему же есть мѣра или, какъ это еще сильнѣе говорится по Латини: *est modus in rebus*.

Любопытна также и другая повѣсть, помѣщенная въ Апрѣльской книжкѣ Библіотеки для чтенія. Она называется *Двѣ доли*, и написана *Анною Герперъ*. Мысль этой повѣсти, сколько мы могли понять, заключается въ томъ, что одна мать была несчастлива, а дочь ея счастлива,—отсюда объясняется и названіе повѣсти. — Конечно задуматься можно и надъ такимъ явленіемъ въ жизни, но сдѣлать изъ него повѣсть нѣтъ никакой возможности. Характеры матери и дочери не только не обрисованы вѣрно, но даже почти совсѣмъ не тронуты. Впрочемъ въ этой повѣсти по крайней мѣрѣ нѣтъ никакихъ претензій, и потому она все-таки лучше первой.

Амальфи и Пиза. Замѣтки туриста, В. Яковлева. Замѣтки эти написаны живо и читаются съ удовольствіемъ.—Конечно, въ нихъ нѣтъ ничего новаго и оригинальнаго, никакихъ результатовъ внимательнаго изученія страны и ея жителей; авторъ бѣгло описываетъ свои впечатлѣнія; пробудятся въ немъ историческія воспоминанія, онъ останавливается на нихъ; поразитъ его картинная мѣстность — онъ рисуетъ ее, съ такою же охотою и такъ же интересно умѣетъ онъ разсказать ка-

Digitized by Google

кую-нибудь встрѣчу въ горахъ, тарантеллу, прогулку по морю. Если бы не лежала на всѣхъ этихъ замѣткахъ печать нѣкоторой неумѣренной восторжености и наклонности къ оригинальнымъ и живымъ оборотамъ, иногда какъ будто искуственнымъ, то они представляли бы очень пріятное явленіе въ нашей литературѣ. Впрочемъ и въ настоящемъ видѣ есть много мѣстъ, которыя по живости и картинности изложенія невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе. Къ такимъ принадлежитъ напр. ночь въ галлереяхъ Campo-Santo, которую мы выписываемъ, чтобы познакомить читателей съ манерою разскащика.

«Съ утра я брожу по этому кладбищу, превратившемуся въ музей; потомъ отдыхаю на мраморной скамьѣ, противъ собора. Городской шумъ сюда не долетаетъ. Площадь пустынна; трава ея желтѣетъ подъ лѣтними лучами, но не помята: разнузданные кони рѣзвятся здѣсь какъ въ степи. Но приходите сюда въ часы сумрака при звѣздномъ мерцаніи, смотря на громадные памятники Пизы, вы невольно отступаете отъ чудесной башни, которая уже рушится.... Одиннадцать часовъ било на башнѣ, когда я постучался у входа въ Campo-Santo. Сонный ключарь принялъ меня въ сумрачныя галлереи, снова замкнулъ дверь и точно ночной призракъ улегся въ порожній гранитный саркофагъ, въ которомъ четыре тысячи лѣтъ покоилась какая-нибудь Ѳивская мумія... Я остался одинъ посреди безмолвнаго и пустыннаго кладбища... но какого кладбища? Это дворецъ мертвыхъ, украшенный мраморными аркадами, расписанный фресками, благоухающій кипарисами. При нѣжномъ свѣтѣ лунной тосканской ночи, Campo-Santo является во всемъ своемъ таинственномъ великолѣпіи. Полуразбитые мраморные остатки древняго искусства, кажутся сейчасъ вышедшими изъ-подъ рѣзца ваятеля. Бюсты, статуи, группы оживляются, точно блѣдные призраки, вышедшіе изъ могилъ: на каждомъ шагу вы встрѣчаете опустѣвшіе саркофаги. Вдоль стѣнъ, между гробницами, гдѣ поутру вы видѣли одни блѣдныя фрески, при лунномъ полусвѣтѣ толпится безконечный рой тѣней, одушевленыхъ,—но жизнью не земною. Даже это странное смѣшеніе католическихъ памятниковъ съ остатками языческой древности, поражавшее васъ днемъ, теперь едва замѣтно. — Между тѣмъ какъ средневѣковыя картины представляютъ вамъ мирныя сцены пустынническої жизни;— на античныхъ барельефахъ продолжаются языческія празднества; надъ готической гробницей вы замѣчаете пляшущихъ грацій; подъ трагическими сценами фресокъ Органьи, видите сфинкса, съ его Египетскимъ спокойствіемъ; надъ гробомъ Гибелина — колонну съ мусульманской чалмой, подъ урной, обвитой гирляндой Ванка — прахъ ревностнаго

Digitized by Google

католика; наконецъ, между всѣми этими гробницами, Campo-Santo пріютило фронтисписъ капища Діаны. — Ночь длится въ бесѣдѣ съ призраками. Сквозь мраморные узоры аркадъ виднѣется темная лазурь ночи и сверкающія звѣзды. Кипарисы неподвижны; изъ кустарника, покрывающаго Campo-Santo, золотистыми роями вылетаютъ живыя искры. Но что за мелодическій ропотъ возникаетъ подъ портиками?... Это вѣтеръ блуждаетъ по готической колоннадѣ. Вотъ снова мнѣ слышится заглушенный стонъ, какъ будто изъ глубины могильной.... Это отдаленный шумъ моря.»

Такъ-же живо и почти такъ же удачно написано все это путешествіе, котораго продолженіе мы встрѣтили бы съ большимъ удовольствіемъ.

Въ отдѣлѣ иностранной словесности помѣщены четвертая и пятая часть *Шерли*; но такъ какъ этотъ романъ еще не конченъ, то мы не будемъ пока говорить о немъ. И потому переходимъ къ отдѣлу наукъ и художествъ.

Приключенія Плацидіи, эпизодъ изъ 5-го столѣтія, статья Амедея Тьерри. Это простая и трогательная исторія дочери Ѳеодосія Великаго и супруги варвара Атаульфа, вышедшей за него по любви, потомъ овдовѣвшей и принужденной выйти за римлянина Констанція. Около этой Плацидіи группируются нѣсколько другихъ лицъ, и изъ всего этого выходитъ довольно живая картина. Авторъ излагаетъ «приключенія Плацидіи, списывая почти слово въ слово тогдашнія хроники, самыя сухія и неудобопонятныя изъ всѣхъ историческихъ лѣтописей. Но сама эта эпоха, говоритъ онъ, полна поэзіи. Она оживляетъ въ памяти историка малѣйшія подробности великаго переворота, происшедшаго въ обществѣ 5-го столѣтія, когда варварство смѣшалось съ утонченною образованностью и произвело невѣроятную смѣсь сословій, породъ, государствъ и міровъ.

Таковы были приключенія дочери Ѳеодосія Великаго,—такъ заключаетъ авторъ свой разсказъ,—жившей въ пятомъ столѣтіи въ Галліи, и оставившей тамъ воспоминаніе о своей любопытной судьбѣ. Долго еще посѣщали, въ Нарбоннѣ, домъ Ингенуя; долго разсказывали, по преданіямъ, объ этой любви, возникшей посреди убійствъ, вздоховъ, заглушаемыхъ шумомъ, сопровождающимъ разрушенія міра. Эти разсказы переходили изъ роду въ родъ, были прикрашены и мало-по-малу превратились въ повѣсти о странствующихъ, принцессахъ, о красавицахъ, завоеванныхъ съ мечемъ въ рукахъ, укрощающихъ свирѣпыхъ побѣдителей, и для которыхъ приданое собирается грабежемъ королевствъ. Здѣсь-то, а не въ исторіи Меровинговъ или Карловин-

Digitized by Google

говъ, надобно искать источника этихъ сказокъ, сочиненныхъ въ средніе вѣка, и услаждавшихъ досуги нашихъ прабабушекъ; и въ простыхъ историческихъ происшествіяхъ можно найти начало оригинальнѣйшихъ вымысловъ народной поэзіи.

Нельзя не побладарить редакцію Биб. для Чт. за переводъ этого интереснаго разсказа.

Музыка и виртуозы (разговоръ между любителемъ пѣнія, скрипачемъ солистомъ и капельмейстеромъ). Сочинитель этого разговора Г. А. Сѣровъ вздумалъ возобновить въ нашей литературѣ діалогическую форму, которую мы считали уже погибшею, и, разумѣется, долженъ былъ подчиниться законамъ, существующимъ для этого метода изложенія, т. е. вывести одного *Здравомысла* (въ настоящемъ случаѣ капельмейстера), и одного или двухъ другихъ, которыхъ обязанность состоитъ въ томъ, чтобы задирать Здравомысла своими промахами и вызывать его на произнесеніе безъ апелляціонныхъ положеній. — Споръ происходитъ о преимуществахъ вокальной музыки предъ инструментальною, но здѣсь же говорится и о *виртуозахъ* и о *концертантномъ стилѣ*, и о *скромности*, необходимомъ свойствѣ виртуозовъ, и о многомъ другомъ. — Нельзя не замѣтить, впрочемъ, что довольно скучно читать подобные разговоры, и что простая статья объ этомъ же предметѣ, конечно, потребовала бы болѣе серьёзной и внимательной отдѣлки, но за то и сама была бы интереснѣе. Это о формѣ; что же касается до содержанія этой статьи, то судить о немъ уже дѣло музыкантовъ.

Къ очень интереснымъ статьямъ въ этомъ отдѣлѣ Библіотеки для Чтенія принадлежитъ также «Путешествіе и труды Августа Леярда въ древней Ассиріи и открытіе памятниковъ Ниневіи, статья третья». Картина страны, еще не успѣвшей оправиться отъ хищническаго набѣга Курдовъ и ожидавшей въ страхѣ новаго нападенія, представлена очень живо. Пріемы, дѣланные путешественникамъ въ различныхъ селеніяхъ, костюмы, обычаи жителей, ихъ благоговѣйное почтеніе къ патріарху, удаленному отъ своей паствы — все это описано съ большимъ искусствомъ и придаетъ этому разсказу значительный интересъ. Вообще путешествіе это представляетъ очень много живыхъ и интересныхъ подробностей, а описаніе памятниковъ, видѣнныхъ путешественниками близъ христіанской деревни Мальтаи, недалеко отъ города Догука, кажется намъ такъ любопытнымъ, что мы спѣшимъ подѣлиться имъ съ нашими читателями, испросивъ, разумѣется, у Библіот. для чт. извиненія въ этомъ похищеніи.

Digitized by Google

«Короткій, но очень трудный переходъ, по весьма крутому всходу, привелъ меня къ памятникамъ.

Четыре доски высѣчены въ скалѣ. На каждой доскѣ девять фигуръ. Изваяніе — Ассирійское, и очевидно позднѣйшаго періода, современное зданіямъ Корсабадскимъ и Кугонджинскимъ. Изображенія, изваянныя въ четырехъ барельефахъ, всѣ одинаковы и представляютъ по видимому поклоненіе богамъ. Двѣ фигуры, первая и послѣдняя, представляютъ царей; остальныя — языческія божества, стоящія на животныхъ. Первое въ рогатой шапкѣ, квадратной, не закругленной на верхушкѣ, съ острымъ концемъ или съ гербовою лиліей, — изваяніе такъ искажено, что я не могъ въ точности различить, остріе ли это или лилія. Въ одной рукѣ оно держитъ кольцо, а въ другой ремень или змѣю, и стоитъ на двухъ животныхъ, одно быкъ, а другое въ родѣ грифа, или льва съ орлиною головою, но безъ крыльевъ. Второе божество, безбородое, держитъ въ одной рукѣ кольцо, и сидитъ на престолѣ, котораго спинка и нижнія части поддерживаются человѣческими фигурами съ хвостами (нѣсколько похожими на тѣ, что на вазѣ, открытой въ Пимрудѣ), и птицами съ человѣческими головами. Все покоится на двухъ животныхъ, на львѣ и быкѣ.

Третье божество походитъ на первое и стоитъ на крылатомъ быкѣ. У четырехъ слѣдующихъ на оконечности рогатой шапки звѣзда о шести лучахъ. Первое изъ нихъ держитъ въ одной рукѣ кольцо, и стоитъ на грифѣ безъ крыльевъ; второе также держитъ кольцо, и сидитъ на лошади, покрытой попоной, на подобіе лошадей, представленныхъ на изваяніяхъ Хорсабадскихъ; третье машетъ чѣмъ-то, совершенно похожимъ на условный перунъ въ статулхъ и изображеніяхъ Греческаго Юпитера, и поддерживается крылатымъ львомъ: четвертое — безбородое, держитъ кольцо, и стоитъ на львѣ безъ крыльевъ.

«Два царя, лицомъ къ божествамъ, имѣютъ одну руку поднятую, а въ другой держатъ булаву, или нѣчто подобное.

«Всѣ изваянія сильно пострадали отъ долгаго нахожденія на воздухѣ; одно было почти истреблено прорубкою входа въ комнату, высѣченную за нимъ въ скалѣ, и вѣроятно служившую нѣкогда могилою. Такъ какъ изваяніе было пожертвовано этому изсѣченію, то, кажется, оно должно принадлежать народу, отличному отъ того, который зарывалъ, тамъ своихъ покойниковъ, и занимавшему страну въ древнѣйшій періодъ. Впрочемъ, возможно и то, что дверью могилы служила плита, на которой продолжался барельефъ, и что все было тщательно прилажено, чтобы скрыть входъ. Подобныя изсѣченныя могилы встрѣчаются

Digitized by Google

между изваяніями на скалахъ въ Бавіанѣ, которыя принадлежатъ къ одному періоду съ Мальтайскими.

«Детали въ этихъ барельефахъ, сколько можно ихъ различить, совершенно сходны съ тѣми, что на позднѣйшихъ Ассирійскихъ памятникахъ. По головному убору царей, по формѣ престола сидящаго божества, и по самой отдѣлкѣ, изваянія Мальтайскія очень похожи на Хорсабадскія».

О достоинствѣ статьи: *Художественная выставка рѣдкихъ вещей*, А. Александрова, которой помѣщена въ Майской книжкѣ первая часть, равно какъ и о вѣрности сужденій, въ ней высказанныхъ, мы не беремся произнести своего сужденія; но уже и потому она обращаетъ на себя вниманіе, что представляетъ полное и подробное описаніе всѣхъ замѣчательныхъ вещей, бывшихъ на выставкѣ, и написана легкимъ, оживленнымъ слогомъ.

Въ отдѣлѣ промышленности и сельскаго хозяйства помѣщены вторая и третья части статьи: *Тонкорунное овцеводство въ Россіи*. Мы уже говорили и прежде о достоинствахъ этой статьи, представляющей довольно полный историческій обзоръ движенія этой важной отрасли сельскаго хозяйства, и тѣхъ постановленій и учрежденій правительства, которыя имѣли цѣлью поощреніе развитія ея въ нашемъ отечествѣ. Повторяемъ еще разъ, что подобная статья сдѣлала бы честь всякому журналу.

Въ отдѣлѣ критики остановилъ наше вниманіе разборъ *Тюфяка*, повѣсти г. Писемскаго, напечатанной сперва въ нашемъ журналѣ и потомъ уже вышедшей отдѣльною книжкой. По принятому редакціею Библіотеки для Чтенія правилу, она не говоритъ ничего о повѣстяхъ, помѣщаемыхъ только въ журналахъ, и дожидается, для произнесенія своего суда, появленія ихъ въ особомъ изданіи. Можно бы, пожалуй, замѣтить кое-что о странности такого правила, но уже давно сказано, что у всякаго барона своя фантазія. Стало быть нечего и говорить объ этомъ. Что касается до разбора *Тюфяка*, то нельзя не согласиться, что можно бы написать нѣчто и подѣльнѣе, послѣ всѣхъ критикъ на эту повѣсть, помѣщенныхъ въ разныхъ журналахъ. Конечно, очень похвально, когда критикъ въ своей рецензіи старается только высказать свое сужденіе о данномъ произведеніи, не заботясь о томъ, чтобы задѣть другихъ критиковъ того же произведенія, и въ этомъ отношеніи рецензентъ Библіотеки для Чтенія подаетъ своей статейкой прекрасный примѣръ; но странно же, съ другой стороны, притворяться или быть въ самомъ дѣлѣ совершенно невѣдущимъ о томъ, что пишется другими,

Digitized by Google

и не принять къ свѣдѣнію тѣхъ ошибокъ, или тѣхъ дѣльныхъ мыслей, которыя попадались въ статьяхъ другихъ критиковъ. Вѣдь все подобное расширяетъ нашъ взглядъ на дѣло, указываетъ въ немъ новыя стороны, и странно же пренебрегать такою выгодою.

Литературная лѣтопись Библіотеки для Чтенія. Но въ разбираемыхъ теперь двухъ книгахъ она не представляетъ ничего особаго. Скажемъ лучше нѣсколько словъ объ общемъ ея характерѣ. Насъ всегда поражало въ ней то обстоятельство, что, будучи знакомъ съ тою книгой, какая въ ней разбирается, никакъ не угадаешь напередъ, что скажетъ о ней Лѣтопись. Преимущественно это относится къ произведеніямъ, принадлежащимъ къ области изящнаго. Такая неожиданность сужденій имѣетъ впрочемъ свою хорошую сторону: она придаетъ литературѣ разнообразіе, котораго конечно бы не было, если бы всѣ были согласны въ своихъ сужденіяхъ.

Къ большимъ статьямъ въ *смѣси* принадлежатъ: Сальваторъ Роза (статья вторая и послѣдняя), и Исторія гравированія, Генриха Делаборда. Не лишены также интереса и мелкія извѣстія.

Этимъ мы и оканчиваемъ отчетъ объ Апрѣльской и Майской книжкѣ Библіотеки для Чтенія, сообщивъ читателямъ на прощаніе коротенькій результатъ, выведенный нами изъ нашихъ изслѣдованій о характерѣ этого журнала. Изъ многократныхъ попытокъ оказывается, что въ отдѣлѣ Русской словесности лучше и не покушаться; отдѣлъ иностранной словесности замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ стараются помѣстить такія произведенія, которыя еще не были помѣщены въ другихъ Русскихъ журналахъ; отдѣлъ наукъ и художествъ, а также и и отдѣлъ промышленности и сельскаго хозяйства представляетъ часто *очень* интересныя статьи; критики и литературной лѣтописи — иногда курьозныя статьи; смѣсь — много живыхъ мелкихъ извѣстій, а изрѣдка премиленькіе или пресмѣшные переводные разсказы.

Современникъ, № 5. Май.

1) *Мертвое озеро*. Томъ второй. Часть седьмая.

Глава, которой открывается седьмая часть романа, называется: «Новыя лица». Быть такъ! познакомимтесь еще съ новыми лицами, которыя впрочемъ на этотъ разъ оказываются болѣе достойными названія лицъ, нежели два Дагобера предшествовавшей части. Вопросъ о томъ, для чего являются безпрестанно все новыя лица, —

Digitized by Google

почему авторы забываютъ совершенно о главныхъ герояхъ романа— мы оставляемъ въ сторонѣ, какъ совершенно излишній въ отношеніи къ такимъ безцвѣтнымъ компиляціямъ, какъ «Мертвое озеро.» Пора привыкнуть къ мысли, что героевъ тутъ нѣтъ, что основной мысли и связи искать нечего,—что все, приходящее случайно въ голову авторамъ, переходитъ тотчасъ же и въ романъ.

Новыя лица—приживалки въ домѣ старой и богатой вдовы — и надобно признаться, онѣ списаны довольно вѣрно съ дѣйствительности, —во многихъ случаяхъ, какъ увидимъ мы далѣе, подмѣчены даже внутреннія пружины ихъ существованія.

«Приживалки были почти однѣхъ лѣтъ всѣ, т. е. не моложе 35 лѣтъ «и не старше 40. Онѣ всѣ имѣли что-то общее между собою, какъ «во взглядѣ и умильно-приторной, угодливой улыбкѣ, такъ въ голосѣ «и въ движеніяхъ. Одѣты онѣ были бѣдно, но чисто. Прически ихъ «напоминали страшную старину, и безъ исключенія у всѣхъ проборы «были косые: это дѣлало ихъ лица еще непріятнѣе. Онѣ всѣ сидѣли «въ уголку, кромѣ одной, сидѣвшей у стола, за самоваромъ, съ болѣе «свободными движеніями и взглядами. Эта особа имѣла лицо широ- «кое, злое, носъ малый, а ротъ огромный; уши безобразныя, кото- «рыя ежеминутно передергивались какъ телеграфъ. Роста она была «ниже средняго; фигуру имѣла плоскую; походка почтенной прижи- «валки болѣе походила на припрыгиванье, чѣмъ на обыкновенную «походку. Цвѣтъ лица у ней былъ красноватый, а горло рѣзко отдѣ- «лялось своимъ *сходствомъ съ горломъ индѣйки*: оно имѣло способ- «ность краснѣть, если владѣтельница его чѣмъ-нибудь была недо- «вольна, а такъ какъ это случалось поминутно, то горло прижи- «валки безпрерывно мѣняло свой цвѣтъ, то краснѣя, то блѣднѣя.»

Черты изображенія — какъ видите, очень рѣзки, даже грубы не много—но мы не противъ этихъ крупныхъ чертъ, лишь бы онѣ имѣли основу въ дѣйствительности.

Подобострастная лесть въ отношеніи къ старой вдовѣ, соперничанье другъ на друга, злость приживалокъ, вѣчный страхъ ихъ за свое дѣйствительно-сомнительное положеніе, все это обозначено довольно ловко и мѣтко.

«Что это, какъ долго не выходитъ сегодня Наталья Кириловна, «замѣтила она (особа съ горломъ индѣйки) неопредѣленно, не адре- «суясь въ особенности ни къ кому изъ сидѣвшихъ въ комнатѣ.

«Можетъ быть, *опочивала* ночь дурно! отвѣчала одна изъ четырехъ «приживалокъ, высокая ростомъ и весьма худая, съ мутными глазами,

Digitized by Google

«болѣзненнымъ цвѣтомъ лица и съ огромными зубами. *Къ украшенію «этой особы служилъ еще довольно большой и непривлекательный «зобъ;* она безпрерывно мотала головой, напоминая алебастровыхъ «зайчиковъ съ проволочными шеями, что̀ носятъ на лоткахъ по «улицамъ.

«Вотъ было бы хорошо, если бы она слышала *все*! радостно ска- «зала Ольга Петровна (такъ звали главную приживалку, сидѣвшую «у стола).

«И-и-и, что вы, Ольга Петровна, сохрани Боже! пугливо воскли- «нула приживалка съ зобомъ и сильнѣе замотала головой.

«Не дай Богъ! какъ можно! произнесли остальныя.»

Предметъ особенной ненависти Ольги Петровны — десятилѣтняя дѣвочка, воспитанница Натальи Кириловны, Зина. Эта Зина—едва ли не лучше выдержанный характеръ въ всемъ романѣ. Ея борьба съ Ольгой Петровной—борьба ловкая, хитрая, лукавая: она рано поняла и характеръ своей благодѣтельницы, и интриги приживалокъ; она сжилась съ этой сферою, и хотя умна, но не выше, въ нравственномъ смыслѣ, окружающихъ ее.

Что касается до самой Натальи Кириловны—то она богатая старая дѣва, въ которой баловство родителей и богатство развили необыкновенныя причуды. «Уже лѣтъ десять какъ она не переступала «черезъ порогъ своего дома, потому что причуды ея приняли об- «ширные размѣры и странныя формы. Она сердилась, если кто «ѣхалъ по улицѣ скоро, кричала, завидѣвъ собаку, воображая, что она «должна быть непремѣнно бѣшеная, и приказывала убивать ее своимъ «лакеямъ, которые обыкновенно ѣхали за ней верхомъ.» Наталья Кириловна мало по малу зачерствѣла окончательно въ узкомъ эгоизмѣ—по натурѣ, можетъ быть, не злая и не глупая, сдѣлалась домашнимъ тираномъ,—но она привязалась къ своему двоюродному племяннику, и естественно, что эта привязанность приняла у нея такіе же фантастическіе размѣры, какъ и ея причуды. Многія черты этой привязанности обозначены прекрасно въ романѣ, хотя собственно авторы повторяютъ здѣсь сами себя. Уже въ первой части романа, мы видѣли такую же страстную привязанность злой и капризной старой дѣвы къ ея воспитаннику.

«Наталья Кириловна въ первой годъ рѣдко видѣла своего племян- «ника. Но мало по малу она начала сбрасывать съ себя холодность «и равнодушіе къ этому мальчику, чувства болѣе нѣжныя проникли «въ сердце этой женщины, никогда до той поры не испытавшей любви

Digitized by Google

«къ кому нибудь. Всѣ въ домѣ покорялись прихотямъ ребенка. На-«талья Кириловна уничтожилась передъ желаніями своего племянника, «который былъ живой, умный и необыкновенно красивый мальчикъ.

«Трудно описать отчаяніе Натальи Кириловны, когда ея племян-«никъ немного захворалъ. Дни и ночи она сидѣла у его кровати; и «тѣ, кто зналъ ее съ дѣтства, въ первый разъ замѣтили слѣды слезъ «на ея холодномъ лицѣ.

«Тяжело было для домашнихъ выздоровленіе и безъ того каприз-«наго ребенка; Наталья Кириловна, боясь его слезъ, предупреждала «его. Дѣтская была завалена игрушками, на покупку которыхъ была «истрачена значительная сумма. Но это мало развлекало ребенка; «онъ капризничалъ и въ одинъ вечеръ началъ кричать и плакать, что «ему скучно. Никто не могъ его развеселить. Множество прижи-«валокъ, набранныхъ въ домъ для присмотра за дворней и для вы-«думыванія игръ ребенку, истощили запасъ терпѣнія и не знали, что «говорить, потому что ребенокъ не давалъ имъ разинуть рта, крича: «не могу слушать, скучно, скучно!... Прижи валки, дѣти всей дворни «собрались въ дѣтскую и принялись танцовать передъ капризнымъ «мальчикомъ; но и это было безъуспѣшно. Наталья Кириловна теря-«лась, придумывая, чѣмъ бы развлечь ребенка, и вдругъ сама пусти-«лась танцовать, припѣвая и постукивая своей палкой.

«Все, что было въ комнатѣ, съ ужасомъ глядѣло на неловкія тѣло-«движенія Натальи Кириловны, которую привыкли видѣть съ вѣчно «гордой осанкой. И теперь—эта женщина плясала передъ ребенкомъ, «который одинъ изъ всѣхъ присутствовавшихъ улыбался. Замѣтивъ «это, Наталья Кириловна начала вертѣться сильнѣе и громче припѣ-«вать. Ребенокъ залился смѣхомъ и забилъ въ ладоши. Но не долго «могла утѣшать Наталья Кириловна своего племянника: съ ней сдѣ-«лалось дурно, и ее въ изнеможеніи отвели въ спальню и уложили «въ постель.»

Племянникъ выросъ и отправился путешествовать. Съ отъѣздомъ племянника, Наталья Кириловна начала скучать; все, что напоминало его, она приказала перенесть въ свою спальню. Одна изъ воспитан-ницъ, которой онъ оказывалъ болѣе вниманія, сдѣлалась неотлучной тѣнью ея и должна была каждый вечеръ разсказывать что-нибудь объ отсутствующемъ старухѣ. Эта воспитанница была Зина. Развитіе различныхъ качествъ натуры Зины подъ вліяніемъ гнета Натальи Кириловны—представлено превосходно. Зина сначала понравилась старухѣ потому, что умѣла занять ея праздное воображеніе склад-

Digitized by Google

нымъ разсказомъ о сплетняхъ и мелочныхъ буряхъ маленькаго домашняго мірка—и вслѣдствіе этого, сама постепенно вдавалась въ импровизацію:

«Часто Зина изнывала отъ напряженныхъ усилій своего воображенія, сидя на скамейкѣ у кровати Натальи Кириловны, въ комнатѣ, «освѣщенной одной свѣчей, подъ зеленымъ колпакомъ, рѣшительно «не зная, что говорить.

«Что съ тобой, матушка? ты, кажется, сегодня двухъ словъ не «умѣешь связать! говаривала тогда Наталья Кириловна. Ну что такое «интереснаго слушать о твоей дѣвичьей? *Не знаешь ничего, такъ «сочини что нибудь сама*! строго замѣчала Наталья Кириловна.»

Въ самомъ дѣлѣ—какъ же не сочинять ей, бѣдной дѣвочкѣ, которую поятъ и кормятъ, одѣваютъ и обуваютъ.—Вѣдь отъ того, въ какой степени развлечетъ она свою *благодѣтельницу*—зависитъ все ея существованіе.... Она наконецъ привыкла къ мысли, что должна быть потѣхою чужой праздности—она вынуждена была понять это,—привыкла къ сценамъ, отъ которыхъ прежде горько плакала.

«По наущенію приживалокъ, въ особенности Ольги Петровны, ко«торая, вѣроятно, изъ безпредѣльной преданности къ своей благодѣ«тельницѣ, *не могла равнодушно видѣть въ ней расположенія къ «кому нибудь*, — Наталья Кириловна, приказывая иногда собрать «узелокъ съ бѣльемъ и платьемъ Зины, вручала его ей и говорила *грустно:*

«Иди, иди изъ моего дома!

«*Дѣвочка горько плакала, цѣловала колѣна старухи, просила «пощады; приживалки тащили ее за руки изъ комнаты, и часто «Зина* на колѣняхъ и обливаясь слезами *ползала* за Натальей Кири«ловной, умоляя о прощеніи.... И долго еще Зина рыдала сидя въ «дѣвичьей.»

Такія унизительныя сцены повторялись, конечно, довольно часто, и естественно, что дѣйствіе ихъ на Зину постепенно, такъ сказать, притуплялось. Убѣждаясь все болѣе и болѣе въ ничтожности причинъ гнѣва, въ ничтожности причинъ прощенія, оплакавши, можетъ быть, сто разъ всю безвыходность унизительнаго положенія—Зина покорилась трагической необходимости, отреклась отъ всякаго нравственнаго достоинства—помирилась съ постыдными комедіями, разыгрываемыми передъ нею другими, стала сама играть комедію.... Горькая правда, а все-таки правда!

«Сдѣлавшись постарше, она плакала только передъ глазами На-

Digitized by Google

«тальи Кириловны, а выходя въ дѣвичью, очень покойно вытирала «слезы и весело разговаривала съ горничными, зная, что не прой«детъ двухъ часовъ, какъ за ней придетъ какая-нибудь изъ прижи«валокъ, и скажетъ, чтобъ она шла вновь просить прощенья у своей «благодѣтельницы, которая уже скучала безъ Зины и нетерпѣливо «ждала ее.»

И Зина цѣною человѣческаго достоинства купила вліяніе на Наталью Кириловну.... Зины стали бояться въ домѣ, приживалки стали ей льстить, кромѣ Ольги Петровны: съ ней только должно было бороться Зинѣ, свыкшейся уже съ домомъ, гдѣ, по энергическому описанію автора, «не смотря на наружное согласіе, кипѣла вражда, «зависть и всѣ житейскія страсти. Праздность процвѣтала и никого «не удивляла въ домѣ. Приживалки цѣлые дни возились съ ко«феемъ или чаемъ, вѣроятно, чувствуя потребность поминутно проma«чивать горло, пересохшее отъ болтовни и сплетней.»

Перипетіи борьбы между Зиной и Ольгой Петровной возбуждаютъ большой интересъ. Ихъ только и прослѣдимъ мы, обращая вниманіе на внѣшнюю ткань исторіи, только по связи съ этими перипетіями.

Надобно вамъ сказать, что въ Зинѣ развилась охота покровительствовать. Такъ покровительствуетъ она Гришѣ, совоспитаннику племянника Натальи Кириловны, такъ покровительствуетъ она Дагобера, т. е. Ивана Софроныча, съ его дражайшей половиной, бывшей прежде воспитанницей Натальи Кириловны, и съ дочерью Настей. Эти лица весьма мало интересны—и отецъ съ дочерью явнымъ образомъ предназначены представлять гонимую добродѣтель. Семья Ивана Софроныча пріѣзжаетъ къ благодѣтельницѣ не во время, ночью, и своимъ пріѣздомъ потревожила покой благодѣтельницы. Ольга Петровна пользуется этимъ случаемъ—уничтожить Зину, но не на такую напала. Начинается допросъ:

«Ѳедосья Васильевна пріѣхала-съ! въ одинъ голосъ сказали при«живалки.

«А когда? а когда? что, небось утромъ? обращаясь къ Лукьяну, «говорила Ольга Петровна.

«Никакъ нѣтъ-съ: ночью, отвѣчалъ Лукьянъ.

«Видите! вотъ, вотъ она все такъ лжетъ! дрожа отъ радости, ска«зала Ольга Петровна, обращаясь къ Натальѣ Кириловнѣ, которая «забарабанила быстро пальцами по столу.

«Вы что-то сегодня очень сердиты и такія глупости говорите, что

Digitized by Google

«право скучно слушать, вставъ съ креселъ и выпрямившись, грозно «сказала Наталья Кириловна.—Ну кто посмѣетъ солгать мнѣ?

«*Да какъ можно! избави Боже! да видано ли, да слыхано ли?* «раздались въ отвѣтъ восклицанія прижвалокъ.

«Тогда Наталья Кириловна обратилась къ Лукьяну и повелитель- «но сказала:

«Говори, какой шумъ былъ ночью на дворѣ?

«Кошку ловили-съ! поспѣшно отвѣчалъ Лукьянъ.

«И ты тоже смѣешь! выходя изъ себя, говорила Ольга Петровна.

«Если угодно, я вамъ убитую кошку покажу: такая рыжая, улы- «баясь, сказалъ Лукьянъ.

«Ольга Петровна всплеснула руками и, съ ужасомъ вскрикнувъ: «батюшки! мой васька! выбѣжала изъ комнаты.»

Нечего и говорить, что все это подстроено хитрой дѣвочкой.

Но вотъ попалась и она, попалась въ какой-то непростительной шалости, выдана матерью Насти, выдана даже самой Настей—и отдана подъ начало Ольгѣ Петровнѣ. Не думайте, чтобы потерялась она въ критическомъ положеніи—нѣтъ—она уже достаточно развращена для того, чтобы вынести всякое униженіе, употребить въ дѣло лесть, притворство, даже подлость—только бы достигнуть своей цѣ- ли.... Эгоизмъ, самый холодный и безпощадный эгоизмъ опуталъ уже сѣтями эту легкомысленную и не глубокую, хотя даровитую натуру.

«Первые дни страшно было посмотрѣть на Зину: она ничего не «ѣла и все плакала. Ольга Петровна придумывала всякаго рода уни- «женія для свой жертвы и въ случаѣ сопротивленія шла жаловаться «Натальѣ Кириловнѣ, которая наконецъ дала ей право наказывать «Зину по собственному усмотрѣнію. Зина безусловно покорилась сво- «ему врагу, увидѣвъ его превосходство....»

Довольно сказать, что она льстила Ольгѣ Петровнѣ, наговаривала на Настю, разъиграла трогательную сцену, испрашивая прощеніе у своей *благодѣтельницы*—но поставила на своемъ, пріобрѣла еще больше вліянія на старуху и отплатила Ольгѣ Петровнѣ.

До какой степени гадка стала она сама, побѣдивши свою гадкую соперницу, показываютъ ея отношенія къ Настѣ:

«Зина только наружно сохраняла къ ней прежнюю дружбу, и сама «была главною двигательницею всѣхъ преслѣдованій, обрушившихся «на голову бѣдной дѣвочки. Зина имѣла много причинъ не любить «Настю: Настя была лучше ея лицемъ, умѣла уже хорошо читать и «писать, и часто своей откровенностью и наивностью брала верхъ

Digitized by Google

«надъ хитростями Зины—такъ что Зинѣ становилось вдругъ не ловко.« Зина вообще мало училась—да и некогда было ей учиться—ей мѣшала Наталья Кириловна: «Соскучившись, она отрывала ее отъ урока, «говоря: ты развѣ не можешь бросить свои глупыя книги; видишь «вѣдь, что я сегодня больна. И Зина бросала урокъ и старалась «развлечь ее.

Настя съ отцемъ наконецъ прогнаны изъ дому благодѣтельницы, за то, что въ Настю влюбился Гриша, совоспитанникъ племянника благодѣтельницы....

Пріѣзжаетъ Тавровскій, племянникъ Натал и Кириловны, но не является къ теткѣ, а играетъ въ карты, у какой-то барыни. Зина увѣдомляетъ его запискою, что старуха очень сердита, и такимъ образомъ вступаетъ въ отношеніе съ нимъ....

2) *Странный человѣкъ, г. Н. А—ва.*

Мы всегда рады появленію разсказовъ остроумнаго и наблюдательнаго автора «Провинціальныхъ писемъ», и особенно рады тѣмъ изъ нихъ, въ которыхъ онъ не выходитъ изъ хорошо-знакомой ему колеи, не идеализируетъ дѣйствительности и отдается всѣмъ порывамъ своего нѣсколько злобнаго юмора. «Странный человѣкъ» принадлежитъ именно къ такимъ разсказамъ. Субъектъ, попавшійся подъ анатомическій скальпель автора «Володи Верженцева» и «Лобеуса»—преинтересный, и притомъ болѣзненныя стороны его организма повидимому вполнѣ извѣстны г. А-ву. Никита Флегонтычь ѣдетъ съ обозомъ какъ *пристало*й человѣкъ. «То есть какъ же пристало?» спрашиваетъ авторъ извозчиковъ, бесѣдуя съ ними на постояломъ дворѣ.

«Пристало, просто, батюшка. Нагнали мы его верстъ за сто отъ«сюда, пѣшеходомъ. Проситъ, возьмите меня съ собою до Москвы, «позвольте на возу сидѣть, кормы давайте, а я вамъ за то во всю «дорогу, по ночамъ, лошадей караулить буду. Я—говоритъ—мастеръ «караулить лошадей. Спросилъ я у него бумагу: бумага есть, въ «порядкѣ, написано, что при мѣстахъ бывалъ.... Намъ хоть кара«ульщика-то бы и не надо, да жалко стало: одежа на немъ такая «худенькая, видно обѣднялъ на ту пору.... Взяли....» Изъ дальнѣйшаго разсказа оказывается, что Никита Флегонтычь все пустяки дѣлаетъ, что за нимъ еще смотрѣть надо.... «Тѣмъ только больно любъ «сдѣлался парнямъ нашимъ,—говоритъ извощикъ,—что на ночлегахъ «и отдыхахъ тѣшитъ ихъ до упаду.»—Именно, онъ «все виды свои «выводитъ и разсужденія выправляетъ.» И точно, съ первыхъ же

Digitized by Google

словъ, Никита Флегонтычь оказывается человѣкомъ *выправляющимъ разсужденія*, къ чему приступаетъ обыкновенно, принимаясь крутить хохолокъ бѣлыхъ волосъ, оставшійся у него на вискѣ. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ онъ извощику Нефеду: «Никогда не сбу«дешь клади съ рукъ—я тебѣ говорю, братецъ. Что значитъ сбыть «съ рукъ?... Ты взялъ, напримѣръ, рубль и бросилъ его въ рѣку— «это ты рубль сбылъ съ рукъ, потому что онъ оттуда не придетъ «къ тебѣ назадъ какъ пудель. Смотри же теперь: отдалъ ты купцу «пудъ хлѣба, а черезъ недѣлю купилъ на базарѣ пудъ муки... Вы«ходитъ одно и тоже, нуль, мечта,—и никакой у тебя сдачи не было. «Понимаешь ли?»

Глубокомысленно? не правда ли?—И вѣдь согласитесь, что не одинъ Никита Флегонтычь *выправляетъ* такія глубокомысленныя разсужденія. «Человѣкъ этотъ—какъ справедливо выражается г. А-въ—каза«лось, стоялъ на рубежѣ, отдѣляющемъ свѣтлый міръ ума отъ прихотей «и настойчивости безумія.—Онъ похожъ былъ на недоноска, не успѣв«шаго развиться ни въ какую сторону.» Лучшій отвѣтъ на всѣ его разсужденія, по видимому, отличающіяся логичностью—отвѣтъ Нефеда: «Эхъ, Никита Флегонтычь! пестро ты говоришь, а толку что-то мало «выходитъ». Никита Флегонтычь самъ сознаетъ свое несчастіе: «Вы «и я—говоритъ онъ автору—стоимъ оба на высотѣ познаній, *а по«знанія у насъ нѣтъ совершенно никакого*. Жажда тебя мучитъ, а «удовлетворенія нигдѣ не отыщешь. *Всякій предметъ тебѣ вдвойнѣ «кажется*. Ты думаешь онъ черный, а передумаешь, выходитъ онъ «бѣлый. На всякій вопросъ, по доброму, слѣдовало бы имѣть одинъ «отвѣтъ, а у меня ихъ два и больше. Вотъ гдѣ несчастіе! да и дру«гое еще есть. Смотрѣть ни на что не льзя,—все кажется, *позади «предмета, есть ещѣ предметъ, который мнѣ одному видѣнъ и «съ первымъ разнорѣчитъ*.»

Согласитесь, что если бы герой г. Станкевича, о которомъ мы недавно говорили, былъ хоть на минуту искренекъ, онъ заговорилъ бы точь въ точь, какъ Никита Флегонтычь Распутица. «И въ любой «картинѣ—говоритъ между прочимъ Никита Флегонтычь — что вы «видите? писанныя фигуры; а невидимыхъ фигуръ, которыя между «тѣми разгуливаютъ, вы не видите, а вѣдь онѣ-то всю сущность «картины и составляютъ.»

Превосходно разсказываетъ Никита Флегонтычь о томъ, какъ, предавшись прилежному изученію нѣмецкихъ книгъ, онъ посреди тяжелыхъ занятій, набрелъ на мысль, что упустилъ изъ виду весьма

Digitized by Google

важное обстоятельство, именно *пренебрегъ потребностью взаимной любви*,—о томъ, какъ любилъ онъ и страдалъ: *мучительно.... порядкомъ и весьма сходно съ описаніями*,—прибавляя *глубокомысленно:* «Такимъ образомъ пережилъ я *тревоженія* молодости и «расплатился разъ на всегда съ неизбѣжными заблужденіями ея.»

Однимъ словомъ, Никита Флегонтычъ—остроумная, мастерская каррикатура, которой идеализированные подлинники найдутся не въ одной современной повѣсти, и нельзя не поблагодарить г. А--ва за эту каррикатуру.

Въ отдѣлѣ критики помѣщена статья о «Кометѣ», изъ которой мы узнаемъ между прочимъ слѣдующія важныя истины: 1) Что критика художественная отжила, что эта критика въ лицѣ Рётшера не признавала достоинствъ въ Мольерѣ, Корнелѣ, Шиллерѣ—вещи, которыя можно говорить только нашей публикѣ, ибо этой послѣдней неизвѣстно,—что говоритъ Рётшеръ о Тартюфѣ, о Донѣ Карлосѣ и проч. въ своихъ различныхъ и весьма достойныхъ изученія Abhandlungen, 2) что «Первое Апрѣля» г-жи Туръ, послѣ драматической пословицы г. Тургенева: «Гдѣ тонко, тамъ и рвется» рѣшительно, лучше всего, что было написано у насъ въ этомъ родѣ. Между прочимъ, главное достоинство «Перваго Апрѣля» полагается въ живомъ, остроумномъ разговорѣ, переносящемъ читателя въ сферу дѣйствующихъ въ немъ лицъ, при чемъ изъявляется сожалѣніе, что русскій языкъ не привыкъ еще къ *гибкости* и *тонкости*, какихъ требуетъ *легкая, бьющая болтовня* гостиной. Мы, къ сожалѣнію, *разговори*-то именно и не слышимъ въ сценахъ г-жи Туръ, если разумѣть подъ драматическимъ разговоромъ такой, въ которомъ тонко ли, рѣзко ли—но во всякомъ случаѣ обозначаются индивидуальные оттѣнки дѣйствующихъ лицъ—и съ другой стороны, слишкомъ высоко цѣнимъ превосходную, отличающуюся художественной окончанностью, комедію г. Тургенева: «Гдѣ тонко, тамъ и рвется», чтобы причислить къ одному съ ней роду «Первое Апрѣля».... Мы не говоримъ ничего о сужденіи автора статьи на счетъ таланта г. Островскаго вообще и его «Неожиданнаго случая» въ особенности—не желая повторять мнѣніе одного изъ нашихъ сотрудниковъ, высказанное имъ въ прошедшей книжкѣ нашего журнала и вполнѣ нами раздѣляемое.

Замѣтимъ въ этомъ N Современника прекрасныя статьи: «Историческое значеніе капитала»; «Открытіе неизвѣстной доныне пьесы Мольера»—и покамѣсть, оставимъ въ сторонѣ «Замѣтки о Русской журналистикѣ, Г. новаго поэта, замѣнившія «Письма иногороднаго

Digitized by Google

подписчика», ожидая съ нетерпѣніемъ, чтобы яснѣе высказать литературныя начала начинающаго критика. *Г.*

Нѣсколько словъ о г-нѣ Шульгофѣ по поводу статьи г-на Сѣрова.

Въ V-мъ N «Современника» мы были чрезвычайно удивлены статьей г. Сѣрова о Петербургскихъ концертахъ, въ которой, разбирая между прочимъ игру г. Шульгофа, г. Сѣровъ говоритъ, что въ ней нѣтъ ничего особеннаго и что многія дамы въ Петербургѣ сыграютъ не хуже самаго г. Шульгофа его-же собственныя сочиненія!?.. Мы беремся за перо не для защиты г. Шульгофа: его слава слишкомъ велика, чтобы выиграть или потерять что-нибудь отъ фельетонныхъ мнѣній, но для того, чтобы при семъ удобномъ случаѣ сказать нѣсколько словъ о г. Шульгофѣ и высказать наше мнѣніе о разныхъ музыкальныхъ статейкахъ, являющихся въ нѣкоторыхъ Русскихъ газетахъ и журналахъ. Намъ говорили о г. Шульгофѣ прежде, чѣмъ мы его слышали, что направленіе его игры и композиціи составляетъ нѣчто среднее между игрой и композиціями Фильда и Шопена. Игры ихъ мы не слыхали, а сравнивая ихъ композиціи съ композиціями г. Шульгофа, скажемъ, что между ними видна большая разница въ талантѣ: сочиненія г. Шульгофа хороши, составлены съ знаніемъ дѣла, въ нихъ есть прекрасные мотивы, изящные и блестящіе пассажи, но нѣтъ свободы, нѣтъ цѣлости въ содержаніи, что составляетъ необходимое условіе всякаго вполнѣ музыкальнаго произведенія и видно въ композиціяхъ Фильда и Шопена. Въ отношеніи же отсутствія элемента трескучести (если можно такъ выразиться) и въ устройствѣ мотивовъ и пассажей, не выходящихъ изъ предѣловъ фортепіано, не дѣлающихъ его подражаніемъ ни оркестру, ни скрыпкѣ, ни прочимъ инструментамъ (мы разумѣемъ здѣсь оригинальныя сочиненія г. Шульгофа)—это направленіе дѣйствительно схоже съ направленіемъ Фильда и Шопена. Во всѣхъ его сочиненіяхъ видно разумное пониманіе средствъ фортепіано и умѣнье извлечь изъ этихъ средствъ все возможно-прекрасное. Вслѣдствіе этого, вся его внѣшняя сила отличается блескомъ и прелестью, соединенными съ величайшей простотой. Мы видѣли, какой огромный эффектъ произвели его сочиненія на публику; но этотъ огромный эффектъ больше произошелъ отъ удивительнаго исполненія г. Шульгофа; мы увѣрены, что его сочиненія не такъ скоро были бы замѣчены публикой безъ превосходнаго ихъ выполненія самимъ г. Шульгофомъ.

Отсутствіе геніальности въ композиціи ярко обнаружилось при

Digitized by Google

исполненіи его сочиненій другими фортепіанистами, не смотря на то, что они играли ихъ очень осторожно, подражая скромной игрѣ г. Шульгофа, но все-таки композиціи производили весьма слабый эффектъ, съигранныя не самимъ авторомъ. Въ Москвѣ г. Шульгофъ, кромѣ своихъ сочиненій, игралъ и чужія, въ томъ числѣ 1-ю часть Sonate pathétique Бетговена, и его же прекрасную сонату (f-dur) со скрипкой. Объемъ и цѣль нашей статьи не позволяютъ намъ слишкомъ распространяться объ игрѣ г. Шульгофа; осмѣлимся только замѣтить г. Сѣрову, что такія піесы, какъ транскрированная г. Шульфомъ увертюра Вебера «Оберонъ», тарантелла Алькана, пожалуй еще и «Etude des trilles» требуютъ огромнаго механизма, и были исполнены г. Шульгофомъ съ такимъ совершенствомъ, съ такимъ умомъ, какъ едва ли удастся съиграть не только Петербургскимъ дамамъ, но и самой г-жѣ Бореръ, этому гигантскому дарованію между всѣми женщинами-виртуозками, которыхъ мы слышали. Прибавимъ еще: въ своемъ родѣ г. Шульгофъ рѣшительно неподражаемъ. Въ заключеніе же, скажемъ нѣсколько словъ о Русской музыкальной критикѣ: кромѣ прекрасныхъ и дѣльныхъ статей г. Дамке въ Библіотекѣ для Чтенія, и многихъ статей, помѣщаемыхъ въ музыкальной хроникѣ Отеч. Зап. и еще нѣкоторыхъ въ фельетонахъ С. Петербургскихъ Вѣдомостей, всѣ прочія статейки суть болѣе или менѣе слѣдующаго содержанія: въ нихъ трактуется о томъ, что такой-то, или такая-то прекрасно играетъ или поетъ, что звуки его, или ея инструмента или голоса подобны кристаллу, трогаютъ душу и проч. и проч. Это бы еще была не бѣда, потому что весьма похвально, о добротѣ души, восхищаться кристальными звуками своего фаворита, надъ этимъ можно еще немножко посмѣяться; но бѣда въ томъ, что нѣкоторые господа, не имѣя рѣшительно никакихъ свѣдѣній въ искуствѣ, часто позволяютъ себѣ весьма рѣзкіе приговоры о такихъ артистахъ и композиторахъ (*), которые высоко стоятъ въ искусствѣ,—это уже досадно, и досаднѣе еще то, что не имѣя противниковъ, эти гг. полновластно царствуютъ въ фельетонномъ мірѣ разныхъ журналовъ и газетъ, а пора бы, кажется, имъ догадаться, что писать о томъ, чего не понимаешь, страшный грѣхъ противъ здраваго смысла.

(*) Одно изъ подобныхъ сужденій читали мы недавно въ статьѣ, помѣщенной въ Московскихъ Вѣдомостяхъ: дѣло шло о Камаринской г-на Глинки, которую весьма порицалъ г. авторъ. Подобныя вещи странно видѣть въ печати.—Странно такъ же видѣть, какъ *музыкальныя* статьи Современника легко обращаются съ великими именами Мейербера, Мендельсона и т. д.

Digitized by Google

ГЕРЦОГИ ГИЗЫ.

(ОКОНЧАНІЕ.)

II. Послѣдніе Гизы.

Въ 1603 году, Французскій дворъ очень спокойно присутствовалъ на свадьбѣ Карла герцога Гиза съ принцессой Моденской. Но послѣ нѣсколькихъ дней торжествъ и удовольствій, молодой супругъ былъ вовлеченъ въ жаркую придворную ссору. Два брата (изъ дома Бурбоновъ) принцъ Конти и графъ Соассонскій, столкнувшись каретами, на Луврской дорогѣ, заспорили о томъ, кто первый долженъ свернуть вспторону, и заспорили такъ горячо, что дѣло дошло до вызова. Гизъ, которому королева поручила уговорить Конти, какъ противника болѣе непреклоннаго, очень удачно исполнилъ ея порученье. Между тѣмъ придворные перетолковали въ другую сторону вмѣшательство въ это дѣло принца Лотарингскаго, и заставили на него смотрѣть графа Соассонскаго, какъ на оскорбителя, въ лицѣ сего, достоинства принцевъ крови. Тотчасъ же составились двѣ партіи, готовыя поддерживать, въ наступающей борьбѣ, графа Соассонскаго и Гиза, сдѣлавшагося уже его противникомъ. Коннетабль обвинялъ Гиза передъ Совѣтомъ, и требовалъ его ареста; королева и Сюлли его оправдывали. Гизъ изъявилъ готовность передать графу Соассонскому свое извиненье, черезъ посредство маршала Бульйони и герцога Эпернонъ, но графъ не удовольствовался этимъ, и требовалъ извиненья прямаго и личнаго. Принцъ Лотарингскій, боясь за свою свободу, готовъ уже былъ согласиться и на это условіе, но отправившись въ отель Соассонъ, зашелъ къ своему дядѣ, Майенѣ, который жилъ тамъ же и который тоже вошелъ въ это дѣло, желая кончить его миролюбно, но съ тѣмъ вмѣстѣ и не уронить достоинства своего дома. Въ самомъ дѣлѣ, на другой день, онъ отправился къ королевѣ и сказалъ ей, отъ имени своего племянника, слѣдующія слова:

Digitized by Google

«Государыня, если то, что случилось во вторникъ, подастъ какой-нибудь поводъ г-ну графу де Соассонъ жаловаться на меня, то я могу увѣрить Ваше Величество, что я не имѣлъ никакого намѣренія нанесть ему неудовольствіе, и очень сожалѣю, если сдѣлалъ это. Напротивъ, еслибъ я встрѣтилъ его, я бы отдалъ ему всѣ должныя почести, потому что желаю остаться его покорнѣйшимъ слугой. — «Мнѣ очень пріятно слышать то, что вы говорите, — отвѣчала королева, — и я остаюсь этимъ совершенно довольна.» — Послѣ такого отзыва королевы, никто больше не смѣлъ упоминать объ этомъ происшествіи.» (*).

Вотъ переходъ отъ *великихъ Гизовъ къ маленькимъ Гизамъ;* послѣ трагедіи водевиль. Майенъ, начальникъ Лиги, заключаетъ собой первую пьесу и начинаетъ вторую. Нѣкогда чуть чуть не король Франціи и дѣйствительный король Парижа, усомнившись теперь въ своемъ прекрасномъ и спокойномъ убѣжищѣ — Соассонской отелѣ, переходитъ отъ важныхъ своихъ занятій къ мирному устройству семейныхъ дѣлъ.

Съ этой минуты Гизы исчезаютъ. Сыну Балафре отъ всей славы предковъ его осталась въ наслѣдство одна только шпага. Онъ обратилъ ее противъ Испанцевъ, которымъ слишкомъ много льстилъ, можетъ быть именно съ тѣмъ, чтобъ имѣть причину воевать съ ними. Привычка повелѣвать не скоро забывается; Гизы, вынужденные отказаться отъ почестей, не могли вмѣстѣ съ тѣмъ вдругъ отказаться отъ своей запосчивости и съ трудомъ подчинялись законамъ. Послѣ смерти Генриха IV, герцогъ Карлъ Гизъ и принцъ Жоанвильскій, братъ его, думали опять возобновить счастливые дни баррикадъ и лиги. Надобно прочесть въ книгѣ г. де Булье убійство барона де Люксъ, совершенное кавалеромъ Гизомъ, сыномъ герцога Генриха, родившимся уже послѣ его смерти. Этотъ разсказъ чрезвычайно живъ и исполненъ чувства. Вспышки подобнаго рода проявлялись отъ времени до времени въ фамиліи Гизовъ; герцогъ Карлъ, глава ихъ дома, ободренный безнаказанностью, вздумалъ возобновить прошедшее, и очертя голову предался всѣмъ дурачествамъ своей молодости; но онъ забылъ, что тогда уже былъ Ришелье. Едва только пустился онъ въ разныя приключенія, какъ желѣзная рука остановила его и вытолкнула въ Италію, гдѣ этотъ старый шалунъ, все еще воображая себя начальникомъ шайки, умеръ въ неизвѣстности, не вооруживъ за себя ни одного человѣка.

(*) Nistoire de Ducs de Guises IV.

Digitized by Google

Я не буду слѣдовать за историкомъ въ быстромъ исчисленіи всѣхъ принцевъ Лотарингскихъ до царствованія Людовика XIV. Но онъ разсказываетъ съ самыми занимательными подробностями о Неаполитанской экспедиціи, гдѣ, какъ и во всѣхъ дѣйствіяхъ Гизовъ, храбрость, изобрѣтательность воображенія и увлекательность смѣшиваются съ двуличіями, которыя были свойственны кардиналу Лотарингскому, герцогу Генриху, герцогу Майеню, и которымъ были не причастны только Клодъ и Франциск. Безъ всякаго сомнѣнія пріятно видѣть этого блестящаго паладина, называющаго себя наслѣдникомъ Анжуйскаго дома, когда онъ вступаетъ въ Неаполь, чтобъ провозгласить себя обладателемъ, немножко фантастической, короны своихъ предковъ. Когда герцогъ Гизъ представляется намъ посреди этого миѳологическаго моря, въ своей росписной и вызолоченной галерѣ, какъ полубогъ, какъ аргонавтъ; когда цѣлое народонаселеніе, вполовину обнаженное, какъ древніе народы, бѣжитъ къ нему на встрѣчу, съ криками радости и похвалы,—тогда охотно увлекаешься обаяніемъ и сочувствуешь современникамъ, которыя, видя Конде и Гиза въ каррусели, вскрикивали: «Вотъ герой баснословный рядомъ съ героемъ историческимъ!» Но когда съ очарованныхъ береговъ Мергелины переносишься въ отвратительное подземелье, въ грязную пещеру *Торіона дель Кармиля*, когда видишь г. Гиза льстецомъ Дженаро Аннеса, въ сообществѣ гнусныхъ товарищей разврата и отвратительной любовницы, вкругъ ложа которой блещутъ алмазы и жемчугъ, дорогія вазы и ткани, серебро и золото, похищенные во дворцахъ и церквахъ: когда видишь наконецъ этого аристократа, этого принца, стремившагося къ коронѣ и потомъ ночующаго въ домѣ укрывателя воровскихъ вещей, тогда чувство отвращенія заглушаетъ всѣ прочія чувства. Нравственное паденіе Гизовъ замедлилось, однакожь, на нѣкоторое время. Одинъ изъ нихъ, сдѣлавшись чистымъ прислужникомъ Жюля Мазарина и сторожемъ великаго Конде, выигрывалъ еще сраженія и завоевалъ острова Св. Маргариты. Во время Фронды, герцогъ Эльбёфъ, единственный остатокъ Лотарингскаго Дома во Франціи, потомокъ младшаго сына Клодова, попробовалъ было, по примѣру предковъ своихъ, зажечь междоусобную войну, но его тотчасъ же заставили отказаться отъ начальства надъ войсками.

Приключенія Маріи де Роганъ, Герцогини де Шеврёзъ, набрасываютъ также романическій интересъ на послѣднихъ Гизовъ, которые все еще продолжали играть военную и политическую роль, только въ уменьшенныхъ размѣрахъ. Послѣ этихъ послѣднихъ отблесковъ уга-

Digitized by Google

сающей славы Гизовъ видишь только упадокъ ихъ, скажемъ больше, униженіе до послѣдній степени, даже до подозрѣнія въ отравленіи....

Къ портретной галлереѣ Гизовъ надобно теперь прибавить еще нѣсколько лицъ, очерченныхъ Сень-Симономъ, который сдѣлалъ членовъ Лотарингскаго дома своими привиллегированными жертвами. Какая энергія, какой комическій жаръ, какая горькая ѣдкость въ этихъ яркихъ очеркахъ! Сколько поймано имъ, такъ сказать, на мѣстѣ преступленія лицъ изъ этой фамиліи, столь многочесленной, пользовавшейся такой силой во Франціи, нѣкогда украшавшей ее, и потомъ сдѣлавшейся наказаніемъ для двора Людовика XIV, своею дерзостью, своими пороками и своимъ корыстолюбіемъ, которое, возрастая постепенно въ упадающихъ потомкахъ Гизовъ, обратилось наконецъ въ какую-то непреодолимую алчность! Какъ ярко обрисованы, на примѣръ, портреты ле Грана—графа Арманьяка, Великаго Конюшаго, и графа Морсана, его брата. Вотъ что говоритъ о послѣднемъ Сень-Симонъ: «Придворный, подло раболѣпствующій, пресыщенный грабежемъ церквей, женщинъ, вдовъ и сиротъ, былъ пораженъ апоплексіей горла, которая, не повредивъ ни умственныхъ его способностей, ни прочихъ частей тѣла, лишила его только возможности ѣсть. Болѣе двухъ мѣсяцовъ находился онъ въ такомъ мучительномъ положеніи, до тѣхъ поръ, пока не могъ уже пропускать въ горло ни одной капли, безъ большаго труда. Онъ заставлялъ при себѣ обѣдать всѣхъ своихъ людей, и съ жадностью вдыхалъ запахъ подаваемыхъ имъ кушаньевъ, томясь между тѣмъ страшнымъ голодомъ, отъ котораго наконецъ и умеръ. Такая смерть графа Морсана сильно поразила всѣхъ, которымъ были извѣстны его грабительства. Кажется, что послѣ такого перерожденія, при такихъ низкихъ качествахъ, Гизы не могли сохранить ни малѣйшаго остатка прежняго своего могущественнаго вліянья. Они не только потеряли все свое внутреннее достоинство, но не смотря на наружный блескъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, основанный на королевскихъ милостяхъ, не пользовались даже независимымъ состояніемъ, до такой степени, что многіе изъ членовъ ихъ дома впали въ совершенную бѣдность.

Ясно, что ужъ нельзя было ожидать ничего важнаго и опаснаго отъ тѣхъ, которые нѣкогда были Гизами; а между тѣмъ они все еще какъ-то увлекали остатками прежняго обаянія и другихъ и самихъ себя. У нихъ, по крайней мѣрѣ, вырывались иногда смѣлыя выходки. Вотъ одна довольно любопытная, которую разсказываетъ Сень-Симонъ. «Принцы Лотарингской крови никогда не могли быть истинно привязаны къ Французскому Двору, и еще меньше къ принцамъ крови Бурбонской.

Digitized by Google

Это я говорю по поводу грубости, которая сорвалась съ языка г. Легранъ и выказала настоящія его чувства. Однажды, въ Марли, онъ игралъ съ королемъ въ *ланскне*, а онъ былъ самый вздорный и горячій игрокъ. Незнаю, по какому случаю Великая герцогиня Тосканская (дочь Гастона, герцога Орлеанскаго) тоже вмѣшалась въ игру. Она сдѣлала огромный ударъ Леграну, который, ударивъ, въ свою очередь, кулакомъ по столу и склонившись лицомъ къ сукну стола, воскликнулъ очень громко: «о проклятый домъ! перестанешъ ли ты вредить намъ?» Великая герцогиня покраснѣла, улыбнулась и промолчала. Король, и всѣ бывшіе тутъ кавалеры и дамы слышали эти слова очень хорошо. Великій конюшій приподнялъ носъ надъ столомъ и посмотрѣлъ на всю честную компанію, съ шутовскимъ видомъ.»

Et le roi que fit-il?—Le roi se prit à rire (*).

Это очень вѣроятно и такъ и должно быть, но Сень-Симонъ думаетъ иначе и принимаетъ вещи за серьёзныя. По его мнѣнію отель Гизовъ въ царствованіе Людовика XIV, то же самое, что была она въ царствованіи Генриха III, и принцъ Водетонъ, побочный сынъ Карла IV, герцогъ Лотарингскій, лице нѣкогда очень извѣстное, но нынче совершенно забытое, противъ котораго онъ вооружается съ двойнымъ ожесточеніемъ, кажется ему вторымъ Майенемъ или Балафре. Въ исторіи *стула съ спинкой* онъ видитъ новыя баррикады; происшествіе это представляется ему чѣмъ-то важнымъ и выказывающимъ все коварное лукавство «этихъ волчатъ»—какъ называетъ онъ Гизовъ,—которыхъ, по его мнѣнію, такъ хорошо описалъ, въ своихъ превосходныхъ письмахъ, Кардиналъ д'Осса.» Разскажемъ эту исторію со стуломъ. У Водемона, этого Эль-Бёфскаго Лигёра, были кривыя и чрезвычайно короткія ноги; ему какъ-то вздумалось сѣсть на стулъ, въ присутствіи Короля, въ Мэрлійскомъ салонѣ, къ крайнему неудовольствію всѣхъ прочихъ герцоговъ и самого Сень-Симона, взыскательнаго въ такихъ случаяхъ еще больше другихъ. Король приказалъ перемѣнить подъ нимъ стулъ, и подать ему табуретъ съ скамейкой подъ ноги. Восхищенный этимъ, Сень-Симонъ воспѣваетъ похвальный гимнъ Королю, и восклицаетъ: «Изъ высшаго класса, Водемонъ поступилъ наконецъ въ классъ безногихъ!»

Въ другомъ происшествіи дерзость *Гизовичей* выказалась еще больше и взволновала весь дворъ въ отношеніи этикета, на который Сень-Симонъ смотрѣлъ съ такимъ уваженіемъ. Всегда думали, что при

(*) А что сдѣлалъ король? Король засмѣялся.

Digitized by Google

дворѣ Людовика XIV была строгая дисциплина. Но это мнѣніе ошибочное; Гизы ее нарушили. Наглость Лотарингскаго дома выходила изъ всякихъ границъ. Во всѣхъ церемоніалахъ, на всѣхъ выходахъ принцы и принцесы Лотарингскія старались занять мѣста выше герцоговъ и герцогинь Франціи. Наконецъ дѣло дошло до того, что во время одного церемоніала, обманувъ и оттеревъ назадъ какую-то глупенькую штатсъ-даму, принцессы Лотарингскія вошли въ придворную церковь прежде герцогинь. Такое страшное преступленіе должно было зажечь войну во всѣхъ четырехъ концахъ государства, какъ во время борьбы католицизма съ протестанизмомъ. Къ счастью г. Сень-Симонъ былъ тутъ на лицо для спасенія Франціи. Онъ поступилъ геройски, и замѣнилъ въ этой народной войнѣ Коливьи. Конечно, здѣсь дѣло шло не о сраженіи, а просто о томъ, чтобъ идти съ жалобой къ королю, но никто изъ герцоговъ не принималъ на себя такого посольства,— или не осмѣливаясь на это, или боясь показаться смѣшнымъ. Г. Сень-Симонъ рѣшился на геройскій подвигъ, и одинъ одинехонекъ приблизился къ логовищу льва, т. е. къ дверямъ кабинета Людовика XIV, что, говоря по правдѣ, тоже было довольно опасно. Король стоялъ въ амбразурѣ окна, и былъ очень въ хорошемъ расположеніи духа. Имѣя не совсѣмъ острый слухъ, онъ наклонилъ ухо къ посланнику, голосъ котораго немножко дрожалъ, не смотря на то, что онъ увѣряетъ въ противномъ; потомъ Его Величество очень граціозно и привѣтливо поднялъ голову, какъ бы говоря: «хорошо; тутъ нѣтъ ничего худаго.»

Благодаря героизму г. Сень-Симона, дѣло рѣшилось въ пользу герцоговъ. Принцесы Лотарингскіе были *обойдены* въ церемоніалѣ въ свою очередь, должны были занять лѣвую сторону и даже просить извиненія у герцогинь. Но такъ какъ въ успѣхѣ трудно умѣрить себя, то г. Сень-Симонъ наслаждался своимъ торжествомъ не совсѣмъ скромно. Онъ началъ говорить въ слухъ, и очень вольно, на счетъ Лотарингскаго дома, на счетъ его честолюбія, на счетъ его наглости, и потомъ вздумалъ лично оскорблять г-на Ле-Гранъ, безпрестанно проходя мимо его, съ видомъ гордымъ, и озирая его съ головы до ногъ, что въ самомъ дѣлѣ должно было показаться страннымъ, потому что г. Сень-Симонъ не былъ ни великаномъ для того, чтобъ смотрѣть на Ле-Грана съ высока, ни карлой, чтобы поднимать на него глаза такъ, какъ онъ это дѣлалъ. «Наружность моя не была привлекательна»— говоритъ въ одномъ мѣстѣ самъ о себѣ Сень-Симонъ. Погруженный въ свой огромный паратный парикъ, онъ часто былъ долженъ снимать его, потому что у него дѣлались приливы крови къ головѣ. Но ни его

Digitized by Google

невѣстой молодую вдову, изъ знатной фамиліи, герцогиню де Ледегюильеръ, дочь Маршара Діора. Несмотря на владѣтельный санъ герцога, г-жи де Легюильеръ отказала ему начисто, во-первыхъ потому, что Французы не любятъ экспатрироваться, а во-вторыхъ и репутація герцога не слишкомъ льстила ему. Не бывъ еще старикомъ, онъ уже казался имъ отъ излишествъ разгульной жизни, и съ помощію налоговъ, которыми обременялъ своихъ подданныхъ, содержалъ великолѣпный сераль. Кромѣ того, первая его жена умерла скоропостижно, и даже тѣ, которые въ этомъ случаѣ поддерживали сторону герцога, говорили, что она умерла съ печали.

Потомки Гизовъ, готовые ухватиться за всякій случай, захотѣли воспользоваться и этимъ, безъ сомнѣнія называя поступокъ г-жи Ледегюильеръ глупостью. У одной изъ принцессъ Лотарингскаго дома, герцогини д'Эльбёоръ (Франциска де Ловьель) была дочь невѣста. Герцогиня была женщина грубая, невоспитанная, и чрезвычайно честолюбивая; напротивъ дочь ея, юная Сусанна, могла служить образцомъ кротости и, если судить по ея портрету, образцомъ красоты увлекательной. Лицо ея не было похоже на лица Миньяровой кисти, въ которыхъ выраженіе кокетства преобладаетъ надъ всѣмъ; напротивъ лицо Сусанны, что было рѣдкостью въ XVII, вѣкѣ выражало красоту меланхолическую, трогательную. Ея мать и всѣ родные предложили ей, или лучше сказать отдали приказаніе, выдти за герцога Мантуанскаго, и такое приказаніе заставило ее содрогнуться. Зная репутацію герцога, она то же хотѣла отказать ему; но тутъ весь Лотарингскій домъ напалъ на нее, и она не имѣла силъ противиться такимъ общимъ настояніямъ. Одна надежда оставалась ей: Лудовикъ XIV былъ противъ этого союза; можетъ быть онъ не нравился ему по прежней политикѣ, всегда отклонявшей союзъ Гизовъ съ иностранными дворами; или можетъ быть — и что гораздо вѣроятнѣе, — сама дѣвица Эльбёоръ тайно просила его защиты. Лудовикъ XIV всегда любилъ откровенность, и хотя уже охлажденный ко всему своими набожными занятіями и лѣтами, онъ все еще оказывалъ благосклонность угнетенной красотѣ. Онъ не въ силахъ уже былъ покровительствовать ей съ твердостью, но по крайней мѣрѣ очень охотно выслушивалъ подобныхъ просительницъ. Сопротивленіе короля скоро однакожъ было уничтожено интригами и настояніями членовъ Лотарингскаго дома, которые, по примѣру предковъ своихъ, не пощадили никакихъ средствъ для того, чтобъ достигнуть своей цѣли и ускорить этотъ бракъ. Дѣйствительно время его приближалось, гибель Сусанны становилась неизбѣжна, какъ вдругъ другая

Digitized by Google

любовь заставила герцога Мантуанскаго забыть свою прекрасную невѣсту. Легкомысленный, непостоянный, мало заботящійся о данномъ словѣ, герцогъ уѣхалъ изъ Парижа, вовсе не думая о томъ, что онъ долженъ жениться черезъ нѣсколько дней. Дѣвица Эльбёоръ думала, что она спасена; но ея мать и тетка взяли ее, и, вопреки всѣхъ приличій, поскакали съ ней вмѣстѣ, за бѣглецомъ. Они преслѣдовали его, на дорогѣ въ Италію, отъ станціи до станціи. И наконецъ, настигли въ Неверѣ, въ гостинницѣ. Ему напомнили его обѣщаніе: онъ началъ отпираться, началъ спрашивать, чего отъ него хотятъ. Съ большимъ трудомъ его убѣдили, усовѣстили, и тутъ начинается одна изъ тѣхъ сценъ, которыя только Сень-Симонъ имѣетъ право разсказать. «Едва только вырвано было у него согласье, какъ г-жа Эльбёоръ и г-жа Пампадуръ, сестра ея, послали герцогскій экипажъ за священникомъ, который въ ту же минуту и обвѣнчалъ герцога съ Сусанной. Тотчасъ послѣ свадебнаго обряда, всѣ бывшіе въ комнатѣ вышли, чтобы дать новобрачнымъ полную свободу, хотя герцогъ вовсе не желалъ этого и просилъ всѣхъ остаться. Г-жа Пампадуръ, вышедъ изъ комнаты, остановилась у дверей и стала подслушивать. Новобрачные не приближались другъ къ другу, и завели постороннiй разговоръ, который, впрочемъ, довольно трудно было имъ поддерживать. Разсудивъ наконецъ, что больше дожидаться нечего, г-жа Пампадуръ позвала свою сестру, и они опять вошли къ молодымъ. Было ясно, какъ пріятно герцогу его супружество».

Дѣйствительно, не трудно было предвидѣть послѣдствія такого союза, и несчастная Сусанна испытала это слишкомъ горько. Раздраженный насиліемъ, съ которымъ навязали ему жену, герцогъ Мантуанскій началъ мстить Сусаннѣ, которая въ этомъ случаѣ сама была жертвой. Онъ обращался съ ней какъ нельзя хуже, дѣлалъ ее свидѣтельницей самыхъ необузданныхъ своихъ поступковъ, предпочелъ ей недостойную соперницу, окружилъ ее шпіонами и клеветниками. Страшась за свою репутацію, даже за жизнь и свободу, герцогиня Мантуанская рѣшилась обмануть бдительность своихъ враговъ. Она прибѣгла къ единственной оставшейся ей надеждѣ, къ состраданія короля, и тайно написала къ г-жѣ Ментенонъ, на глазахъ которой она родилась, и которая любила ее съ самаго дѣтства. Именемъ этой любви заклинала она г-жу Ментенонъ доставить ей средства къ побѣгу, для спасенія чести и жизни. «Какъ ни ужасно мое положеніе,—писала она,—какъ ни дерзко мое предпріятіе, но я надѣюсь, что Провидѣніе, которое допустило меня сдѣлаться жертвой послушанія роднымъ, и привело сюда противъ

Digitized by Google

моей воли и желанія, поможетъ мнѣ и освободиться отсюда достойной сожалѣнія, но не порицанія. Я надѣюсь также на милость короля и на вашу, и прошу васъ, именемъ самаго Бога, скрыть мою къ вамъ просьбу отъ всѣхъ, *даже* отъ моей матушки» (*).

Герцогинѣ Мантуанской удалось уйти и скрыться въ одномъ изъ монастырей Лотарингіи, въ Понта-Муссонъ, гдѣ однакожъ она пробыла не долго. Одержимая грудной болѣзнью, еще больше усилившейся отъ горя, она переѣхала въ Винценской замокъ, гдѣ ей дали помѣщеніе. «Она переселилась въ Винценъ,—говоритъ Сень-Симонъ,—подъ тѣмъ *предлогомъ*, что ей нужно пить молоко и пользоваться деревенскимъ воздухомъ». И такъ въ этомъ жилищѣ интригъ и соперничества, большихъ и малыхъ выходовъ, въ этой атмосферѣ, въ которую вѣчно былъ погруженъ Сень-Симонъ, воздухъ полей, тѣнь лѣсовъ, ароматъ цвѣтовъ, тишина, спокойствіе, блескъ дня и слабый свѣтъ сумерекъ, все, что только могло облегчить разстерзанное сердце, освѣжить больную грудь, оживить умирающую молодую женщину, все это, говорю я, по мнѣнію Сень-Симона, не было для нея существенной необходимостью, удовольствіемъ, счастіемъ, а однимъ только предлогомъ! Къ несчастью и самая ея мать была одинакаго мнѣнія съ ея врагами. Вмѣсто того, чтобъ окружить Сусанну нѣжными попеченіями, родственники съумѣли только гордиться ея титуломъ, купленнымъ такой дорогой цѣной. Они принуждали ее разыгрывать роль государыни и требовали для нея всѣхъ почестей, принадлежащихъ ея сану; даже сами выдумывали почести, вовсе ей не принадлежащія. Только и слышно было отъ нихъ, что о гордыхъ претензіяхъ герцогини Мантуанской; она не соблаговолила допустить *къ рукѣ* такую-то принцессу, она приказала отодвинуть назадъ карету такой-то герцогини. Наконецъ ее перессорили со всѣми, и возстановили противъ нея многочисленную толпу ея почитателей, уважавшихъ ея несчастіе, увлекавшихся ея очаровательнымъ обращеніемъ. Совершенно покорная своей матери и своимъ родственникамъ, она не имѣла твердости имъ противиться, но видѣла все бѣдствіе своего положенія, и просила совѣтовъ и помощи у г-жи Ментенонъ. «Я молода,—писала она,—и притомъ не опытна. Я имѣю надобность въ руководителѣ, имѣю надобность въ вашей дружбѣ.» Никто ни принималъ въ ней участія; она была оставлена, оклеветана. Ее обвиняли въ томъ, въ чемъ были виноваты другіе, и наконецъ нашли въ ней смѣшныя стороны: ея кротость и тихость стали на-

(*) Письма г-жи Ментенонъ, VII, стр. 130.

Digitized by Google

зывать сантиментальностью и притворствомъ (*). Весь свѣтъ отступился отъ нея.

Что же дѣлали въ это время ея недостойные родственники. Удаливъ отъ себя хорошее общество, они собрали дурное, и жажда корысти побѣдила самую гордость этого дома, который жилъ только королевскими милостями; игроки, искатели приключеній наполнили Винценскій замокъ, сдѣлавшійся публичнымъ игорнымъ домомъ. Молодая, добродѣтельная, безукоризненная герцогиня Мантуанская впала въ общее презрѣніе. Наконецъ смерть избавила ее отъ позора, вовсе ею незаслуженнаго. Утомленіе, которое наводило на нее окружающее ее общество, безсонныя ночи, истощили послѣднія ея силы, и сдѣлали ея болѣзнь неизлѣчимой. Напрасно прибѣгали къ шарлатанамъ и эмпирикамъ. Герцогиня умерла отъ своей продолжительной и жестокой болѣзни, которую переносила она съ такимъ терпѣніемъ, съ такой покорностью волѣ Промысла, которая исторгла даже слово запоздалаго участія у охладѣвшей къ ней вмѣстѣ съ другими, г-жи Ментенонъ: «бѣдная герцогиня Мантуанская умерла,—писала она къ принцессѣ Урсинской. Я больше виню ея мать, чѣмъ ее».

Такъ кончила жизнь эта молодая женщина. Быть можетъ, она унесла съ собой въ гробъ нѣжную и грустную тайну, которая какъ будто бы пробивается сквозь жосткій и строгій разсказъ Сень-Симона.... Сусанна умерла, не доживъ еще и до двадцати четырехъ лѣтъ.

Въ XVIII вѣкѣ положеніе Лотарингскаго дома становится менѣе драматическимъ. Передъ самой революціей жизнь членовъ его текла легко и спокойно, какъ жизнь всей Французской аристократіи, съ которой они не думали уже и равняться. Страсть къ царствованію прошла въ нихъ, и все честолюбіе ограничивалось желаніемъ жить пріятно въ Версали или въ Монжё. Имя этого замка соединяется съ воспоминаніями о молодости Вольтера, жившаго въ немъ нѣсколько времени. Покровительствуемый Лотарингскимъ домомъ, онъ сдѣлался потомъ, въ свою очередь, его покровителемъ. Это Вольтеру пришла мысль устроить сватьбу своего друга, Ришелье, съ дочерью Гиза; и онъ велъ переговоры объ этомъ со всѣмъ терпѣніемъ и внимательностію дѣловаго человѣка (**). Онъ же ссужалъ нуждающихся Гизовъ деньгами, которыхъ ему никогда не возвратили, и говорилъ съ ними такимъ

(*) Г-жа Ментенонъ къ принцессѣ Урсинской. Т. I *писемъ*, стр. 453.
(**) *Correspondence*, edition Renouard, t. XLVI, p. 362.

Digitized by Google

фамильярнымъ тономъ, которому предки ихъ, Францискъ, даже самъ Балафре, не смотря на всю свою парадность, вѣроятно, немножко бы удивились. Въ самомъ дѣлѣ надобно согласиться, что Вольтеръ перешелъ границы обѣихъ принятыхъ имъ на себя ролей: и свата и благосклоннаго кредитора. Вотъ, на примѣръ, какіе стихи осмѣлился онъ поднесть Герцогинѣ Ришелье, родной дочери принца Гиза.

Plus mon oéil étonné vous suit et vous observe,
Et plus vous ravissez mes esprits éperdus;
Avec les yeux noirs des Venus,
Vous avez l'esprit de Minerve;
Nais Minerve et Vénus ont reçus des avis,
Il faut bien que je vous en donne,
Me parlez desormais de vous qu'à vous amis,
Et de votre père à personne (*).

Напротивъ о г. Ришелье можно говорить цѣлому свѣту. Репутація его всегда была безукоризненна, но не совсѣмъ такова была репутація сестры его, герцогини де Буильонъ. По словамъ нѣкоторыхъ, она была соперницей Адріены Лекувертюръ. Г-нъ Скибъ, основываясь на современныхъ мемуарахъ (**), сдѣлалъ героиней этого анекдота, впрочемъ не подтвержденнаго никакими фактами, принцессу де Буильонъ Собіесскую. Кузенъ ея, принцъ Ликсгеймъ, убитъ на дуели герцогомъ Ришелье, котораго произхожденіе онъ считалъ не такъ знатнымъ, чтобы онъ былъ достоинъ родства съ потомками Гизовъ. Ликсгеймъ говорилъ объ этомъ слишкомъ вольно, и Ришелье заставилъ его замолчать, убивъ на гласисѣ Филипсбурга. Вдова Ликсгейма сдѣлалась знаменита уже подъ другимъ именемъ. Это она, граціозная маршальша де Мирето, вдохновила Монтескіё единственными порядочными стихами, которые удалось сочинить этому великому писателю во всю свою жизнь. Вообще въ эту эпоху отрасль Лотарингскаго дома, водворившаяся во Франціи, поддерживалась только однѣми женщинами. Г-жа Мерсанъ, воспитательница наслѣдныхъ принцевъ и принцесъ, въ честь которой одинъ изъ павильоновъ Тюилерійскаго дворца названъ ея именемъ, пользо-

(*) Чѣмъ больше я смотрю на васъ, тѣмъ больше вы меня восхищаете; у васъ прекрасные черные глаза Венеры и умъ Минервы, но Минерва и Венера принимали совѣты, и я вамъ дамъ совѣтъ: говорить о себѣ только вашимъ друзьямъ, а о вашемъ отцѣ не говорить никому.

(**) Между прочимъ на *Journal de l'avocat Barbio*, изданный Французскимъ историческимъ обществомъ.

Digitized by Google

валась большимъ уваженіемъ, и была женщина почти государственная. Салонъ ея былъ сборнымъ мѣстомъ партіи оппозиціонной герцогу Шоазелю. Родственный союзъ съ Австрійскимъ домомъ и сама Марія Антуанета подвергались тамъ жестокому порицанію. Сарказмы, направляемые изъ павильона Мерсанъ на юную дофину, послужили поводомъ и примѣромъ для всѣхъ жалкихъ обвиненій, отъ которыхъ впослѣдствіи такъ много страдала королева. Другая принцесса Лотарингскаго дома, Юлія Бретань де Рогань Гюимене, графиня де Бріонъ, славилась своей красотой; и всѣ мы видѣли еще ея невѣстку, принцесу Водемонъ, (дѣвица де Монморанси), сохранившую въ нашемъ обществѣ, смѣшанномъ изъ всѣхъ сословій, обращеніе и манеры того времени, когда искусство жить въ свѣтѣ доведено было до высочайшаго достоинства. Вѣжливость, чувство собственнаго достоинства, наружность, вполнѣ соотвѣтствующая знатной дамѣ нисколько не затмѣвали простоты ея характера и природнаго ума. Поэтому Ривароль очень удачно сравнилъ ее съ «природой, иногда суровой, часто прекрасной и всегда благодѣтельной.»

Съ именемъ г-жи де Бріонъ соединяется воспоминаніе о послѣдней побѣдѣ, одержанной домомъ Гизовъ. Французскій дворъ праздновалъ свадьбу дофина съ эрцгерцогиней Австрійской, Маріей Антуанетой. Въ программу торжествъ входилъ, по обыкновенію, парадный балъ. Тотчасъ же разнесся слухъ, что на этомъ балѣ принцесса Лотарингская, дочь графини де Бріонъ, и сынъ ея принцъ Ламбескъ, будутъ танцовать менуэтъ непосредственно послѣ принцевъ крови. Говорятъ, что такая честь была исходатайствована дѣтямъ графини де Бріонъ самой Императрицей Маріей Терезіей, что впрочемъ не совсѣмъ вѣроятно. Какъ бы то ни было, только все Французское дворянство, высшее, среднее, низшее, единодушно возстали противъ этого. Рѣшились подать королю записку, черезъ епископа Наіонскаго. Записка была написана въ тонѣ самомъ патетическомъ, и въ ней живо было выражено крайнее огорченіе вельможъ королевства; просители, въ подкрѣпленіе правъ своихъ, подняли всю Французскую исторію, со временъ Франциска I, и ссылаясь на нее, - ужъ конечно не забыли первыхъ Гизовъ и лиги. Король не давалъ никакого рѣшенія четыре дни: можно посудить, каково было общее нетерпѣніе и безпокойство впродолженіе этого времени. Наконецъ Лудовикъ XV далъ отвѣтъ уклончивый: онъ только призывалъ дворянство къ вѣрности, къ покорности, и, по его собственнымъ выраженіямъ, къ взаимной дружбѣ. Но это воззваніе не успокоило претендателей, особенно дамъ, которыя должны были уча-

Digitized by Google

ствовать въ менуэтѣ. Король сердился, но наконецъ сдѣлалъ *половинную* уступку: дѣвица де Бріонпъ должна была танцовать тотчасъ послѣ принцевъ крови, но братъ ея, принцъ Ламбекъ, послѣ г-жи де Лаваль, кавалеромъ которой былъ назначенъ графъ д'Артуа.... Блаженны тѣ времена, когда подобныя вещи составляли дѣло государственное!.

Этотъ самый принцъ Ламбекъ, извѣстный въ Вѣнѣ подъ именемъ принца Карла Лотарингскаго, послѣдній въ своемъ родѣ, умеръ нетакъ давно, находясь на службѣ старшей отрасли своего дома, нѣкогда покровительствуемой Гизами, иногда даже презираемой ими, и наконецъ безъ всякихъ происковъ и усилій, а по одному духу обстоятельствъ, достигшей той степени величія, которой тщетно добивались Гизы.

Такъ кончилъ, во времена наши, темную и безвѣстную жизнь свою послѣдній потомокъ «этихъ воиновъ—героевъ, этихъ смѣлыхъ и глубокихъ политиковъ, поборниковъ вѣры, защитниковъ и вмѣстѣ разрушителей троновъ; этихъ послѣднихъ представителей, если не феодализма, такъ по крайней мѣрѣ аристократическаго могущества.» Ихъ историкъ, который такъ вѣрно очертилъ ихъ характеры въ началѣ своего сочиненья, и кончилъ свой трудъ съ искусствомъ и талантомъ, заслужившими справедливый успѣхъ. Несмотря на то, что отдѣлить біографію Гизовъ отъ общихъ событій Французской исторіи, съ которыми они такъ тѣсно связаны, было дѣломъ довольно труднымъ, маркизъ де Буле почти вездѣ преодолѣлъ эти трудности очень удачно. Онъ далъ Французской литературѣ очень важную монографію, которой ей недоставало; и полная благодарность ему за прекрасный разсказъ о событіяхъ эпохи достопамятной, во время которой, въ числѣ прочихъ историческихъ лицъ, и предки его сражались съ честью.

Digitized by Google

Geneviève, par A. de Lamartine. 1850. *Женевьева*, разсказъ А. Ламартина.

La nature, la nature et encore la nature!

Lamartine. Geneviève.

Кто-то уже очень давно сказалъ, что искусство въ томъ, чтобы его не было замѣтно. Кто бы ни былъ этотъ *кто-то*, но онъ сказалъ правду. Искусство — творчество, а творчество, т. е. способность творить, обнаруживается на самомъ твореніи, какъ необходимомъ его слѣдствіи. Оттого, твореніе автора только тогда полно жизни и красоты, когда вызвано дѣйствительной, а не воображаемой творческой способностью и имѣетъ это достоинство лишь въ той мѣрѣ, въ какой надѣленъ авторъ этой способностью. Другаго мѣрила невозможно приложить къ литературному произведенію, рѣшаясь произнести надъ нимъ безпристрастный судъ. Оно полно жизни, оно увлекаетъ читателя въ созданный писателемъ міръ, если представляетъ мысль автора въ тѣхъ дѣйствительно человѣческихъ образахъ, которые мы называемъ характерами, въ образахъ, свободно раскрывающихся, не сдавленныхъ тяжелой печатью личности автора. При такомъ условіи нечего и говорить о завязкѣ, этомъ фокусѣ столкновеній созданныхъ авторомъ характеровъ, потому что полные жизни, облеченные въ плоть и кровь, типы непремѣнно должны подѣйствовать одинъ на другаго такъ, а не иначе. Оттого думаемъ мы, что созданіе живыхъ характеровъ — главный и несомнѣнный признакъ таланта. Скажемъ болѣе — бо́льшая или мéньшая живость характеровъ предполагаетъ бо́льшую или мéньшую степень таланта. Вотъ почему мы рѣшительно отказываемся признать большой талантъ за однимъ изъ современныхъ Французскихъ писателей, за авторомъ сентиментальной «Женевьевы», сентиментальныхъ «Признаній,» сентиментальныхъ «Гармоній» и наконецъ сентиментальныхъ поэмъ. Русскій умъ слишкомъ свѣтелъ, чтобы много сочувствовать его сентиментальной метафизикѣ. Гораздо съ бо́льшимъ участіемъ и любовью читаемъ мы Проспера Меримѣ, Альфреда Мюссѣ и нѣкоторыхъ другихъ современныхъ Французскихъ романистовъ и драматурговъ.

Digitized by Google

Это не значитъ, однако, чтобы мы отказывали г. Ламартину въ талантѣ: мы только отказываемъ ему въ *большомъ* талантѣ, основываясь на блѣдности большей части его характеровъ, изъ которыхъ безпрестанно просвѣчиваетъ его сентиментальная личность. Едва ли кто-либо не согласится съ нами въ томъ, что сентиментальность — признакъ холодноватой натуры, ищущей замѣнить чувство воображеніемъ и здравый смыслъ натянутой, нелегко переваримой моралью. — Въ ней-то и заключается, по нашему мнѣнію, явный и важный недостатокъ музы г. Ламартина; она-то, быть можетъ, помѣшала его таланту развиться вполнѣ! Сентиментальность — вещь страшная по своему вліянію на всего внутренняго человѣка. Она подъѣдаетъ жизнь его въ самомъ корнѣ, она удаляетъ его изъ дѣйствительнаго міра въ блѣдный міръ блѣдной фантазіи, она чуть не останавливаетъ біенія сердца и движенія крови въ жилахъ! Пусть вспомнитъ читатель «Рафаэля,» эти *pages de la vingtième année*; пусть вспомнитъ онъ, какъ, при всемъ желаніи убѣдить себя и весь міръ въ дѣйствительности и глубокой искренности страсти этого молодаго человѣка, г. Ламартинъ не можетъ не заставить его драпироваться передъ собою, передъ женщиной, будто бы любимой имъ, наконецъ передъ читателями его записокъ, и тѣмъ отнять у него всякую вѣру въ ея искренность и дѣйствительность! Кто же, спрашиваемъ мы, кто же не подумалъ, закрывая книгу, что и Рафаэль, и его Юлія, и любовь ихъ безцвѣтны, потому что натянуты и сентиментальны, что Рафаэль и Юлія — не живые характеры, а темные образы, слабо освѣщенные той «вѣчно задумчивой луной,» которую такъ сильно и вмѣстѣ такъ холодно любятъ мечтатели. Кто же, прочитавъ «Признанія,» не почувствовалъ совершеннѣйшей полноты образовъ, которые авторъ напрасно силится создать передъ нами. Прекрасный образъ Граціеллы одинъ составляетъ исключеніе, да и то авторъ, даже въ молодости, остался равнодушенъ къ этому образу. Всѣ прочія лица «Признаній» — идеально добры, идеально честны, идеально самоотвержены: ихъ и не отличишь одно отъ другаго.

«Женевьевой» начинается рядъ разсказовъ, назначенныхъ г. Ламартиномъ для простаго народа. Лѣто 1846 года провелъ онъ въ Марсели, гдѣ, какъ почти во всѣхъ провинціальныхъ городахъ Франціи, появленіе стихотворца произвело необыкновенное движеніе, и слѣдовательно нарушило обычную монотонію жизни. Провинціалы страшно любопытны узнать столичныя лица, особенно столичнаго поэта. Въ числѣ литераторовъ, посѣтившихъ Ламартина чуть не въ самую минуту его

Digitized by Google

пріѣзда въ Марсель, была дѣвушка, нарочно пріѣхавшая изъ Э, чтобы увидѣть его. Ей было около сорока лѣтъ.

— Что заставило васъ пріѣхать сюда? спросилъ ее Ламартинъ. *Вы не то, что эти волны, которыя приливаютъ и отливаютъ, сами не зная зачѣмъ. Вы мыслите;* вы кажетесь мнѣ дѣвушкой умной и живой; какая же мысль заставила васъ взять мѣсто въ дилижансѣ и пріѣхать изъ Э прямо ко мнѣ?

Оказывается, что сорокалѣтняя дѣвушка не только любитъ стихи, «*qui chantent bien dans l'oreille ou qui pleurent bien dans les yeux* (мы отказываемся перевести эти слова), но и сама пишетъ посланія и эпитафіи къ своему щегленку. Г. Ламартинъ такъ характеризуетъ ея поэзію: *это*, говоритъ онъ, *грустная монотонія, это романсъ, построенный на нѣсколькихъ нотахъ, и семь-восемь образовъ для выраженія безконечнаго.*

Быть можетъ, она была очень почтенная дѣвушка, одна изъ тѣхъ любознательныхъ и мыслящихъ натуръ, которыя, не смотря ни на какія обстоятельства, достигаютъ своей цѣли — выучиваются грамотѣ, и такимъ образомъ получаютъ возможность удовлетворить свою любознательность. Но, судя по разсказу г. Ламартина, мы не можемъ сказать этого утвердительно — такъ слабо очерченъ ея характеръ, такъ много натянутаго въ ея разговорѣ. Она жалуется, между прочимъ, на бѣдность книгъ и писателей, доступныхъ ея сословію (она была бѣдная швея couturière). Это можетъ быть и справедливо, но она говоритъ объ этомъ не какъ живое существо, а какъ тѣ неподвижныя дѣти, которымъ вмѣняютъ въ достоинство ихъ неподвижность. — Это лишаетъ разговоры всякаго живаго интереса. Ламартинъ говоритъ съ ней, какъ наставникъ съ десятилѣтнимъ ребенкомъ, на которомъ лежитъ неизгладимая печать изъ здраваго и широкаго, а узкаго благонравія. Въ разговорѣ ея много истиннаго и справедливаго, но въ то же время пропасть фразъ. Всѣмъ извѣстна бѣдность дѣтской литературы; народъ во многихъ отношеніяхъ похожъ на ребенка; народная книга должна быть приспособлена къ народному характеру и народнымъ понятіямъ, — но вопросъ въ томъ, что̀ значитъ это приспособленіе и что̀ охотнѣе поетъ и читаетъ народъ — «Гармонію» и «Женевьеву» Ламартина, или пѣсни Беранже?

Этотъ разговоръ заставилъ г. Ламартина, разсказать исторію Женевьевы. Къ тому же, авторъ *Joccfyn* получилъ множество писемъ отъ своихъ поклонниковъ, которые спрашивали его, между прочимъ, кто была Марта, что̀ сталось съ ней по смерти священника, и въ

Digitized by Google

самомъ ли дѣлѣ носила она это имя. Г. Ламартинъ отвѣчаетъ, что ее звали и зовутъ Женевьевой, потому что она еще жива. «Вотъ повѣсть ея жизни, говоритъ онъ, повѣсть однообразная, короткая, блѣдная, какъ зимній день, этотъ небольшой промежутокъ между продолжительными сумерками. Я помню разсказъ ея, какъ будто она говорила со мной только вчера. *Небо надѣлило меня способностью запоминать мѣста, лица, звукъ голоса; для меня не существуетъ времени. Двадцать лѣтъ — ночь для меня. Но это внѣшняя память. Мнѣ не нужно памяти, чтобы не забыть впечатлѣній, привязанностей, чувствъ, ударовъ, поразившихъ сердце. Они не перестаютъ жить въ моемъ сердцѣ. Они не минули, а совершаются во мнѣ; прошедшее чуждо моей натурѣ: все въ ней настоящее.... Внутри меня въ самомъ дѣлѣ совершается тайна вѣчнаго движенія, котораго механики напрасно ищутъ внѣ Бога. Это рано доказало и дало мнѣ почувствовать духовность души и безконечность. Я увѣренъ, что не ошибусь ни въ одномъ обстоятельствѣ, подробности, словѣ, звукѣ голоса, разсказывая мой разговоръ съ Женевьевой*».

Мы не будемъ подробно разсказывать исторіи Женевьевы, и только укажемъ на общее содержаніе новой повѣсти Ламартина. Женевьева — бѣдная дѣвушка, рано лишившаяся отца и матери, и обязанная сама снискивать себѣ пропитаніе. Она добра, трудолюбива, набожна, честна, самоотверженна, чувствительна, терпѣлива и т. д. — словомъ, владѣетъ всѣми качествами души, въ которыхъ совершенно теряется ея личный характеръ. Она переживаетъ много горя, она несчастлива большую часть своей жизни, она осталась чиста, какъ голубь, не смотря на всѣ тяжелыя обстоятельства, она принесла себя на жертву поруганію, чтобы спасти *репутацію* своей умершей сестры, она, наконецъ, не позволитъ себѣ убить муху на томъ основаніи, что не человѣкъ далъ ей жизнь. Но, спрашивается, что же изъ этого для народа, который имѣлъ въ виду г. Ламартинъ? Мы думаемъ, что разсказъ его гораздо болѣе интересенъ для высшихъ классовъ общества, нежели для народа. Онъ знакомитъ ихъ съ жизнью, обычаями, народа, слѣдовательно съ вещами, которыя и безъ «Женевьевы» очень хорошо извѣстны народу. Что же новаго сказалъ г. Ламартинъ той портнихѣ изъ Э, которой посвятилъ свой разсказъ? Она сама пережила едва ли не все, пережитое Женевьевой. Сентиментальная біографія служанки не прибавитъ ничего къ стихотвореніямъ, въ которыхъ она воспѣваетъ своего друга — щегленка. Если мы не ошибаемся, г. Ла-

Digitized by Google

мартинъ вращается въ заколдованномъ кругу, безъ ясно сознанной цѣли. Систематическая, холодная мораль его не увлекаетъ человѣка съ сердцемъ, а тѣмъ болѣе народъ, у котораго больше сердца, нежели способности и охоты къ метафизическимъ отвлеченностямъ, напоминающимъ блаженной памяти алхимію. Какъ ни старается г. Ламартинъ о простотѣ разсказа, но въ разсказѣ его всего менѣе простоты.—Вы найдете въ немъ удачныя сцены, даже прекрасныя описанія мѣстностей; но цѣлое далеко отъ того, чтобъ удовлетворить всѣмъ, хотя главнымъ, требованіямъ искусства. Читая «Женевьеву», вы рѣшительно теряетесь, когда задумаетесь надъ ея характеромъ. Мѣстами авторъ ставитъ ее на недостижимую семтиментально-нравственную высоту; иногда вы думаете видѣть въ ней ясные признаки идіотизма; изъ жалкой и несчастной авторъ, самъ того не зная, дѣлаетъ ее смѣшной каррикатурой. Дѣло въ томъ, что она ни нравственная героиня, ни каррикатура, а просто добрая, простая женщина и преданная служанка. Но г. Ламартинъ любитъ *возвышенное*. «Съ религіознымъ уваженіемъ и нѣжной улыбкой, говоритъ онъ, созерцалъ я всегда тотъ классъ людей, которыхъ въ древности называли рабами или вольноотпущенными, въ Греціи кормилицами, *domestique* или живою частью дома въ средніе вѣка, *domus* во Франціи, семьей въ Италіи и Испаніи, и это настоящее названіе домашней прислуги (*), потому что слуга въ основаніи не что иное, какъ пополненіе, разширеніе того милаго и нѣжнаго союза между людьми, который называется семействомъ. Эта семья безкровнаго родства, семья по усыновленію, и пр. пр.... *Слуга для семейства тоже, что внутренній дворъ для самаго дома*». Вотъ въ чемъ главный недостатокъ г. Ламартина, какъ художника.

Намъ остается указать на тѣ отрывки въ разсказѣ г. Ламартина, которые кажутся намъ наиболѣе удачными.

Оставшись сиротой, Женевьева открыла маленькую лавочку и торговала мелочами. Молодой разнощикъ Киприанъ (Cyrien) часто навѣщалъ ее, и закупалъ у ней свои товары. — Это былъ здоровый, добродушный юноша, привязавшійся къ ней и задумавшій на ней жениться. Однажды прислалъ онъ къ ней своего отца; Женевьева понравилась старику, и онъ предложилъ ей выйдти за сына. Вотъ ея

(*) Русскій бытъ представляетъ названіе, еще болѣе возвышенное, болѣе значительное, болѣе трогательное: *домочадцы*. *М. П.*

Digitized by Google

свиданіе съ Кипріаномъ въ первое воскресенье послѣ ея разговора съ отцомъ.

«Въ воскресенье Кипріанъ, по обыкновенію, пришелъ ко мнѣ, говоритъ Женевьева. Ему было вмѣстѣ и весело и совѣстно; мнѣ тоже. Онъ робко протянулъ мою руку черезъ конторку, за которой я складывала серпянку, слегка пожалъ ее, и смотрѣлъ мнѣ въ лицо, чтобы узнать, не сержусь ли я на него. Я не сказала ни слова и вовсе не казалась сердитой. Это ободрило его.

— Такъ вы не сердитесь на меня, Женевьева? сказалъ онъ.

Я отвѣчала ему только: *нѣтъ*—голосомъ очень нѣжнымъ, и не отнимала руки. Мы оставались въ этомъ положеніи долго, долго, не говоря ни слова, но сердце мое такъ сильно билось, и его сердце тоже, что ихъ было слышно, какъ малтшикъ.

— Женевьева, сказалъ онъ наконецъ, отецъ говорилъ съ вами?

— Да, отвѣчала я ему и не сказала больше ни слова.

— Такъ насъ могутъ благословить въ наступающемъ мѣсяцѣ.

— Въ наступающемъ мѣсяцѣ? отвѣчала я.

— Конечно! сказалъ онъ, вставая, и отъ радости началъ бить въ ладоши.

— Конечно! отвѣчала я съ важностью, какъ будто произносила клятву.

— Такъ пойдемъ гулять по лугу, потому что я не могу усидѣть на мѣстѣ. У меня болятъ ноги—такъ хочется мнѣ выйти съ вами, Женевьева, и всѣмъ земляками, которые намъ встрѣтятся и спросятъ: «съ кѣмъ это Кипріанъ?» отвѣтитъ: съ моей *невѣстой*.

И мы вышли.

Мы гуляли весь вечеръ, далеко, очень далеко, по лугамъ, по берегу рѣки. Малютка сестра моя была съ нами: она не понимала, что происходитъ между нами, бѣгала взадъ и впередъ, забавляясь бабочкой или маленькой рыбкой, показывавшейся въ водѣ. Мы говорили также мало, какъ и дома, мы все время держались за руки, т. е. за концы пальцевъ, какъ дѣти, идущія въ школу. Это было ему пріятно, мнѣ тоже, и мы вздыхали такъ глубоко, такъ глубоко, что малютка отъ времени до времени тихо говорила мнѣ: «Ты грустна, Женевьева. И за чѣмъ этотъ противный Кипріанъ огорчаетъ тебя»?

Это смѣшило Кипріана, которому я передавала слова дѣвочки, когда она убѣгала отъ насъ. Я закрывала глаза фартукомъ, будто утирая

Digitized by Google

слезы, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы улыбнуться и съ улыбкой посмотрѣть на Кипріана. Онъ пожималъ мнѣ руку. Дѣвочка сдергивала фартукъ съ моихъ глазъ и говорила: «а! вы смѣетесь, стало быть все это шутка»!

Вотъ описаніе помолвки въ томъ видѣ, въ какомъ она совершается въ Дофинэ.

«Не успѣла я завязать башмаки и спереди и сзади приколоть къ зеленому шелковому платью мою красную косынку, какъ услышала шаги мула, остановившагося у крыльца. Кто-то постучался; я отворила дверь: это былъ Кипріанъ, въ новомъ платьѣ, въ новыхъ башмакахъ, въ новой шляпѣ съ широкими полями, изъ-за которыхъ виднѣлись его длинные черные волосы. На дворѣ еще было не совсѣмъ свѣтло, хотя прошло уже три недѣли отъ святой. Подъ окнами, на улицѣ, не было еще никого.

Кипріанъ выѣхалъ ночью, чтобы привезти меня въ свою деревню рано утромъ, и поспѣть къ обѣднѣ въ сельскую церковь. Мулъ ѣлъ у крыльца изъ мѣшка, повѣшеннаго ему на шею. На немъ было красное перо, цѣпь изъ бубенчиковъ, которые весело звучали при малѣйшемъ движеніи шеи, кожаный нагрудникъ, украшенный блестящими какъ золото бляхами, широкое, покрытое цвѣтнымъ шерстянымъ ковромъ, сѣдло съ толстой костяной и мѣдной рукоятью спереди, чтобы опираться, и двумя желѣзными стременами, на коротенькихъ ремняхъ, чтобы женщина могла поставить въ нихъ ноги.

— Поспѣшимъ, Женевьева, сказалъ Кипріанъ. Не надо терять времени; путь длинепъ, а солнце поднимается быстро. Когда оно выйдетъ изъ-за рощи, семья моя будетъ уже ждать насъ.

«Я заперла дверь, и отдала ему ключи, какъ будто онъ уже мужъ мой. Онъ взялъ меня на руки, посадилъ на сѣдло, поставилъ мои ноги въ стремена, далъ мнѣ въ одну руку поводья, а другою совѣтовалъ держаться за рукоять сѣдла.

«Не бойтесь, Женевьева, сказалъ онъ, я пойду съ боку немного впереди и поведу мула подъ уздцы. Если онъ оступится и вы испугаетесь, то закричите мнѣ и бросайтесь прямо ко мнѣ: я не дамъ вамъ упасть на земь».

«Я боялась, но не сказала ни слова и скоро успокоилась, смотря на плеча и волосы Кипріана, почти касавшіеся моего колѣна и сметавшіе мнѣ пыль съ башмака. Я думала: «мнѣ нечего бояться, когда онъ

Digitized by Google

такъ близко отъ меня». Было еще не совсѣмъ свѣтло, когда мы миновали мостикъ и стали подниматься по тропинкѣ, ведущей въ горы. Кипріанъ не оглядывался на меня и не говорилъ со мною ни слова; онъ громко запѣлъ, и притомъ, такимъ звучнымъ голосомъ, что окрестныя скалы повторяли его пѣсню. То была горная обручальная пѣсня:

«Belle, ouvrez moi la porte
A l'heure de minuit».

Голосу Кипріана вторили бубенчики и копыта мула; пробуждающійся соловей, улетающій жаворонокъ, шумный водопадъ и молодыя дѣвушки, накинувшія постели и выбѣгавшія на улицу, чтобы посмотрѣть на насъ, все это было такъ весело! Я была счастлива: мнѣ казалось, я поднимаюсь на седьмое небо.... Минутами сердце сжималось при мысли, что я покинула Жозетту, но грусть по ней продолжалась недолго. Кипріанъ сворачивалъ на другую скалу, входилъ въ другой лѣсъ, переходилъ черезъ ручей босыми ногами, или сидя за мною на улѣ, и мнѣ снова становилось весело и отрадно.

. . . . . .

— И онъ ни разу не поцѣловалъ васъ, Женевьева? спросилъ Ламартинъ.

— О нѣтъ! клянусь вамъ, что нѣтъ! отвѣчала Женевьева. Онъ слишкомъ честенъ для этого. Онъ краснѣлъ болѣе меня. Онъ не коснулся меня губами, пока отецъ не сказалъ ему потомъ за обѣдомъ: «Кипріанъ, поцѣлуй же невѣсту»!

«Отъ времени до времени, останавливались мы въ тѣни, на краю пѣнящагося ручья, чтобы дать вздохнуть мулу. Кипріанъ срывалъ вѣтку съ молодой сосны, и давалъ ее мнѣ, чтобъ освѣжиться ею и сгонять мухъ съ лица; когда мнѣ захотѣлось пить, онъ зачерпнулъ горсть воды изъ ручья и далъ мнѣ напиться. Вода отъ рукъ его казалась мнѣ особенно вкусной, какъ будто это еще болѣе сближало меня съ тѣмъ, кто долженъ былъ сдѣлаться моимъ мужемъ, *какъ будто я въ самомъ дѣлѣ пила потъ и жизнь его* (!). Когда я напилась, онъ пилъ послѣ меня и бросалъ мнѣ въ лицо нѣсколько освѣжительныхъ капель воды. Вотъ все, что случилось съ нами въ дорогѣ.

. . . . . .

Digitized by Google

Когда мы подъѣхали къ длинному деревянному мосту, окрашенному красной краской, мы услышали ружейные выстрѣлы, которые какъ громъ раздавались въ пропасти. «Не бойтесь, сказалъ Кипріанъ; родные идутъ намъ на встрѣчу съ парнями и дѣвушками».

«Мы встрѣтили ихъ на серединѣ моста. Ихъ было человѣкъ тридцать. Тутъ были парни и дѣвушки, старые и малые. Отецъ Кипріана стоялъ впереди всѣхъ. Кипріанъ передалъ ему мула. Дѣти бросали подъ ноги животнаго хлѣбныя зерна и макъ; весь мостъ былъ усѣянъ краснымъ макомъ, но я была краснѣе мака: мнѣ было совѣстно, что меня встрѣчаютъ съ почестями, какъ королеву!

«Меня проводили такимъ образомъ до церкви, гдѣ священникъ благословилъ насъ, и отсюда въ хижину Кипріанова отца, гдѣ мы должны были привѣтствовать старуху-мать и отвѣдали хлѣба. Передъ всякой избой мы находили столикъ, покрытый пеньковой скатертью, пироги, сахарные блины, пирожки, бѣлое вино и цвѣты въ водѣ. Матери и дочери стояли у порога; надо было отвѣдать всего по пути. Таковъ обычай. Исполнивъ его, невѣста принадлежала къ общинѣ.

«Мать Кипріана подала мнѣ сосновую лѣсенку о трехъ ступенькахъ, когда я сходила съ мула. Она взяла меня за руку, и не смотря на то, что хромала, торжественно повела меня въ хлѣвъ, въ житницу, въ амбаръ, къ колодцу, въ прачешную, къ печкѣ и наконецъ въ домъ. Здѣсь стоялъ длинный столъ; на столѣ лежалъ сдобный хлѣбъ, кушанья и вино; она повела меня къ плитѣ, на которой дымились кострюли; она заставила меня дотронуться до котла и тагана; потомъ поцѣловала меня и сказала два-три слова на мѣстномъ нарѣчіи, которыхъ я не поняла.

«Я не смѣла отвѣчать ей, и если бъ не увидѣла въ эту минуту Кипріана, который стоялъ сзади съ родными, я бы убѣжала. Мужчины сѣли за столъ; мать, я и другія женщины прислуживали имъ. Отецъ отъ времени до времени сажалъ меня на скамью, давалъ мнѣ ѣсть и выпить съ нимъ кружку бѣлаго вина; остальное время, приподнявъ платье, и пришпиливъ его къ поясу, засучивъ рукава, и безъ прически, ходила я съ другими женщинами мѣсить вотрушки, вымывать блюда и наполнять бутылки. «Она не горда, а добрая работница, говорили старухи Кипріановой матери; Богъ пославъ вамъ счастье; у васъ будетъ хорошая служанка въ домѣ».

Digitized by Google

После обѣда Женевьева на томъ же мулѣ отправилась въ свою деревню Вуаронъ. Отецъ посадилъ ее на мула. Вся деревня провожала ее до краснаго моста. *В.*

Авторъ, можетъ быть, правъ въ основаніи, но нельзя не признаться, что Ламартинъ исполненъ увлекательныхъ страницъ, и пріятно бываетъ иногда забываться, унесясь съ нимъ въ міръ *его* сентиментальности. Духъ нашего вѣка совершенно другой, противоположный, — потому Ламартинъ и не можетъ имѣть столько поклонниковъ, сколько имѣлъ бы онъ, родясь въ другое время, потому и нравятся теперь больше Пр. Мериме, Алф. де Мюссе, которые, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, должны, кажется, уступить ему въ своей valeur intrinseque. *М. П.*

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

1851.

№ 14. Іюль. Кн. 2.

СУНДЪ И УПАСУНДЪ.

РАЗСКАЗЪ

ИЗЪ МАГАВГАРАТЫ.

(Посвящается Каэтану Андреевичу Коссовичу).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Переведенный мною разсказъ о «Сундѣ и Упасундѣ» есть одинъ изъ эпизодовъ древне-Индійской поэмы Магабга́раты, которая сочинена отшельникомъ Вьясою, за 2,000 лѣтъ до Р. Х. Въ ней разсказывается о разрывѣ и борьбѣ двухъ родственныхъ племенъ — Ку́ру и Панду́, но въ этотъ главный разсказъ входитъ множество побочныхъ, которые имѣютъ между собою связь, и взятые вмѣстѣ съ главнымъ, составляютъ одно цѣлое. Съ листовъ Магабга̀раты вѣетъ чѣмъ-то дивнымъ, особеннымъ, незнакомымъ, и въ этомъ старомъ есть очень много новаго. Но чтобъ чувствовать отраду и сладость этихъ свѣжихъ, нѣтронутыхъ рудниковъ, чтобъ понимать эти чудные, величественные разсказы и увлекаться ими, надо много труда и терпѣнія, надо глубоко изучить этотъ міръ и совершенно сродниться съ нимъ душею. Тогда только оживетъ передъ вами мертвая Санскритская буква, и вы получите чистѣйшее наслажденіе отъ прочтенія знаменитой Магабга̀раты.

Digitized by Google

Эта поэма напечатана была всего только одинъ разъ, въ Калькуттѣ, въ 1834 и 1839 годахъ, разными учеными Индусами, при помощи Англійскаго Комитета Народнаго Просвѣщенія и Азіятскаго Бенгальскаго Общества. Ни на одномъ изъ Европейскихъ языковъ нѣтъ ея полнаго перевода. Намъ извѣстны одни отрывки, какъ-то: эпизодъ о «*Савитрй*» въ Нѣмецкихъ стихотворныхъ переводахъ Боппа, Гольцмана и Гёфера; эпизодъ о «*Потопѣ*», разсказанный по-Русски нашимъ санскритологомъ Петровымъ; «*Бгавадъ-Гита*», классически переданная на Латинскій языкъ А. Шлегелемъ и Х. Лассеномъ; «*Путешествіе Арджуна въ міръ Индры*» — переводъ Боппа, и наконецъ «*Наль и Дамаянти*» разсказъ, извѣстный и Русскимъ читателямъ въ переводахъ Гг. Жуковскаго и Вельтмана.

Вотъ все, или почти все, что мы знаемъ изъ огромнаго сочиненія Вьясы. Но все это, взятое вмѣстѣ, есть только одна капля въ этомъ Индійскомъ морѣ — въ Магабгаратѣ.

Въ Калькуттскомъ изданіи Магабгараты, передъ самымъ ея текстомъ, напечатано нѣсколько тысячъ стиховъ, написанныхъ въ видѣ предисловія позднѣйшимъ Индійскимъ поэтомъ, котораго имя неизвѣстно. Любопытны его восторженныя похвалы поэмѣ. Я приведу нѣсколько изъ нихъ въ самомъ вѣрномъ прозаическомъ переводѣ, потому что вѣрный стихотворный переводъ ихъ совершенно невозможенъ.

Вотъ какъ говоритъ древній Индійскій редакторъ Магабгараты объ ней и объ ея сочинителѣ:

«Отшельникъ Кришна — Двайпаяна (Вьяса) составлялъ эту поэму въ продолженіи трехъ лѣтъ. Во все это время онъ не имѣлъ никакихъ иныхъ желаній и помышленій. Все время стоялъ на ногахъ, онъ, чистый и могучій духомъ; огонь благочестія и самопорабощенія проникалъ всю его душу.»

«Человѣкъ, ставши на путь, ведущій къ небу, не обрѣтаетъ такого наслажденія, какое вкушаешь, слушая сіе сказаніе, исполненное чистоты »

«Все, чѣмъ держится законъ и общественная жизнь; все, чѣмъ движутся страсти; и все, что возвышаетъ человѣка надъ страстями, если есть все сіе въ Магабгаратѣ, то есть и въ жизни; если же не найдешь сего въ Магабгаратѣ, то не найдешь и въ дѣйствительности.»

«Пусть Двурожденный (т. е. Брагманъ, или Кшаттрія) знаетъ 4 Вѣды, со всѣми Ангами и Упанишадами, но если онъ не знаетъ сего сказанія, то онъ не мудръ.»

Digitized by Google

«Неизмѣримый разумомъ Вьяса изложилъ здѣсь законы человѣческихъ отношеній, великіе законы правды и любви.»

«Если выслушаешь это повѣствованіе, то тебя уже не плѣнитъ никакой другой разсказъ, какъ послѣ пѣнія Пускокилы ты не станешь слушать карканья ворона.»

«Если ты не вкушалъ сладости сего разсказа, то знай, что безъ него нѣтъ поэзіи на землѣ, какъ безъ вкушенія пищи нѣтъ крѣпости человѣческому тѣлу.»

«Какъ ищущіе благоденствія подданные, находятъ его въ великомъ и мудромъ государѣ, такъ и поэты, ищущіе вдохновенія, находятъ его въ глубокомъ кладязѣ сего повѣствованія.»

Сколько правды въ этихъ словахъ, рѣшить трудно. Надо сдѣлаться Брàгмэномъ и прочесть Магабгàрату. Но прочесть ее не такъ легко: въ ней, какъ говоритъ тотъ же поэтъ—18 книгъ, къ которымъ, какъ дополненіе, присоединяется 19-я, Гариванса (потомство Гарія, т. е. Вишну). Въ этихъ 19 книгахъ 387,024 стиха!! Это исчисленіе написано также стихами. Любопытно видѣть, къ какимъ хитростямъ и поэтическимъ вольностямъ (впрочемъ не противорѣча законамъ своего языка) прибѣгаетъ редакторъ Магабгàраты, исчисляя стихи ея. Вотъ какъ онъ начинаетъ:

«Ади-пàрва—книга первая—содержитъ въ себѣ восемь тысячъ слокъ (т. е. двустишій) и еще восемьдесятъ слокъ, и еще четыреста слокъ.»

«Книга вторая содержитъ въ себѣ двѣ тысячи слокъ и еще пятьсотъ слокъ и еще одиннадцать слокъ,» и т. д.

Теперь перейдемъ къ эпизоду о «Сундѣ и Упасундѣ.» Въ основаніи этого разсказа лежитъ древнее миѳологическое преданіе. — Дàйтіи, потомки богини Дити, жены Кàсъяпа, одного изъ міростроителей, находились въ вѣчной враждѣ съ Адитѣями, сыновьями Адити, другой жены Кàсъяпа. Причиною ихъ вражды было слѣдующее обстоятельство. Когда существа были созданы Брагмою и міростроителями, должно было имъ увѣковѣчить свое бытіе—достать изъ нѣдръ океана влагу безсмертія. Долго трудились заодно Дàйтіи и Адитѣи; наконецъ желанная влага заблистала; Дàйтіи бросились къ ней и каждый закричалъ: «моя влага! моя влага!» Брàгма и Вишну наказали ихъ за это, лишивъ влаги и отдавъ ее кроткимъ Адитѣямъ, потому что они трудились съ самоотверженіемъ, меньше тѣхъ думая о наградѣ.

Мой переводъ Сунда и Упасунда сдѣланъ безъ всякихъ ученыхъ притязаній и довольно далекъ отъ подлинника. Это скорѣе подражаніе, нежели переводъ. Здѣсь читатель не найдетъ всего того, что разска-

770753A

Digitized by Google

зывается о Сундѣ и Упасундѣ въ Магабгàратѣ. У меня только сущность, экстрактъ того разсказа, потому что я хотѣлъ сдѣлать какъ можно болѣе доступнымъ и удобнымъ для чтенія этотъ эпизодъ, а въ подлинникѣ (если не ознакомишься окончательно съ духомъ Санскритской поэзіи) онъ кажется довольно нескладнымъ произведеніемъ, исполненнымъ безпрестанныхъ повтореній и какого-то безпорядка, къ чему очень трудно привыкнуть.

Слоки, или двустишія подлинника я замѣнилъ четырехстишіями, потому что тамъ каждый стихъ слоки имѣетъ посереднѣ пересѣченіе, больше, нежели цезуру, такъ что изъ двухъ слокъ выходитъ четыре стиха. Размѣръ подлинника совершенно такой, какъ у меня, съ тою только разницею, что у меня онъ правильнѣе, а тамъ количество четырехсложной стопы чрезвычайно неопредѣленно и самый размѣръ слоки, состоящей обыкновенно изъ восьми такихъ стопъ, или изъ 32-хъ слоговъ, безпрестанно измѣняется; но дактиль на концѣ слышится вездѣ и тамъ. Я пробовалъ-было и другіе размѣры, но ни одинъ не пришелся къ дѣлу какъ надо, и я принужденъ былъ обратиться къ этимъ однообразнымъ дактилямъ. Бываютъ случаи, когда размѣръ есть дѣло очень важное. Такъ Данте попятенъ и живъ только въ своихъ неподражаемыхъ терцинахъ; Гомеръ въ своихъ гекзаметрахъ; а нашего Илью Муромца, или Ваську Буслаева, или Соловья Будиміровича никогда не перескажете ямбомъ или хореемъ такъ, какъ онъ пропѣтъ Русскимъ напѣвомъ у Кирши Данилова. Здѣсь же, въ Магабгàратѣ, этотъ постоянный дактиль на концѣ нуженъ для выраженія какой-то величавости и торжественности разсказа, какой-то священной тишины, располагающей ко вниманію.

Собственныя имена (въ которыхъ, какъ я полагаю, нѣтъ никакой особенной важности) я переводилъ двояко: иногда, для размѣра, удерживалъ окончаніе подлинника *ась*, а иногда замѣнялъ его нашимъ *ъ*: такъ *Сундась* я перевелъ *Сундъ*, а *Ракшась*, *Ямась*, *Кàлясь* и другіе оставилъ какъ въ подлинникѣ. Я имѣю въ свою защиту немногіе примѣры словъ, взятыхъ съ Греческаго, гдѣ окончаніе подлинника *os* сохранилось безъ перемѣны: Патмосъ, Родосъ, Косъ. Тогда какъ въ другихъ случаяхъ os измѣнилось въ ъ: Ἀλέξανδρος—Александръ и м. д.

Въ заключеніе я хочу сказать о нѣкоторыхъ затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ переводчикомъ съ Санскритскаго языка на какой-нибудь изъ Европейскихъ, хотя читателямъ нѣтъ никакого дѣла до этихъ затрудненій. Мы привыкли переводить съ языковъ Европейскихъ и знаемъ всѣ условія этихъ переводовъ. Другое дѣло языкъ Санскритскій. Мы со своими

Digitized by Google

языками передъ нимъ тоже, что одвострунная скрипка передъ четырехструнною, и никогда не возьмемъ всѣхъ его нотъ и тоновъ, какъ бы ни были длинны наши пальцы. Одно изъ главнѣйшихъ его свойствъ — необыкновенная и почти непонятная для насъ гибкость и, такъ сказать, тягучесть. Всякая мысль по-Санскритски можетъ быть выражена, смотря по надобности, въ одномъ, въ двухъ, въ трехъ, въ десяти, въ двадцати словахъ. Напримѣръ: «я вижу столъ, окрашенный красной краской, покрытый лакомъ и стоящій въ углу.» Все это древній Индусъ сказалъ бы въ двухъ словахъ: онъ сказалъ бы: *вижу столъ*, но передъ словомъ *столъ* поставилъ бы все то, что надо объ немъ сказать, взявши для того не полныя слова, а только ихъ корни, которые, по свойству языка, обратились бы въ эпитеты къ слову, передъ которымъ поставлены. Это удивительное свойство языка преимущественно затрудняетъ переводчика. Представьте себѣ, что въ рѣчи встрѣтится три-четыре такихъ сжатыхъ слова: у васъ выйдетъ 20! Это, конечно, большею частью, еще не бѣда, но бываютъ случаи, когда сжатость и краткость въ рѣчи совершенно необходимы. Читатели Москвитянина вѣроятно припомнятъ отрывокъ изъ Васантасены, переведенный г. Коссовичемъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Витъ преслѣдуетъ баядерку Васантасену по улицамъ города, они, на бѣгу, должны говорить кратко; въ двухъ-трехъ словахъ высказывать все. И точно: Индійскій поэтъ употребляетъ для этого самый сжатый языкъ, гдѣ иногда въ одномъ звукѣ сказано очень много. А у насъ выходятъ преогромные переводы.

Еще, кромѣ свойства, о которомъ я упомянулъ, у Санскритской рѣчи есть свой особенный складъ и порядокъ, съ которымъ также очень трудно бороться. Для примѣра я приведу здѣсь буквальный переводъ одного мѣста изъ Сакунтали. Раджа говоритъ своему кучеру объ антилопѣ, которую они преслѣдуютъ: «посмотри: шее-изгибо-очаровательная, къ налетающей колесницѣ привязанно-взорая, задне-половиною-тѣла стрѣло-паденіе-боязнью въ передне-тѣло-ушедшая, дарбгами полуизжеванными усталость-открыто-ротъ выпавшими сѣе-путная, смотри однако, высоко-прыганіемъ въ воздухѣ больше, чѣмъ по землѣ шествуетъ.» Не угодно ли все это понять и выразить Русскою живою рѣчью!

Вотъ переводъ этихъ строкъ: «посмотри, она, выгнувъ очаровательно свою шею, устремила взоръ на быструю колесницу, преслѣдующую ее; она поджала заднюю часть своего тѣла, боясь нашихъ стрѣлъ, и усѣеваетъ путь полуизжеванными дарбгами, выпадающими у нея изъ роту, открытаго отъ усталости! Но взгляни: все-таки она быстрыми прыжками несется больше по воздуху, чѣмъ по землѣ!»

Digitized by Google

Какъ живописно и какъ невыносимо-длинно! Впрочемъ это длинно только по-Русски, а въ подлинникѣ, всего лишь пять коротких стиховъ.

Все это, всѣ эти сухія, длинныя и утомительныя объясненія я почелъ нужнымъ высказать, защищая не столько себя и свой переводъ, сколько другихъ, которые занимаются этимъ дѣломъ гораздо серьознѣе меня. Очень грустно слышать, когда ихъ упрекаютъ въ тяжеломъ слогѣ, въ длинотѣ и неблагозвучіи періодовъ, не зная, можетъ быть, до какой степени трудно здѣсь быть краткимъ, легкимъ и благозвучнымъ въ выраженіи.

Кончая эти строки, приношу мою искреннюю благодарность извѣстному нашему санскритологу К. А. Коссовичу, который помогалъ мнѣ въ настоящемъ трудѣ моемъ совѣтами и сообщилъ мнѣ нѣсколько переводовъ Сунда и Упасунда на разныхъ языкахъ, и всѣ необходимыя примѣчанія.

Желающимъ прочесть самый близкій построчный переводъ предлагаемаго эпизода, рекомендую книгу Ф. Боппа:—Ardschuna's Reise zu Indra's Himmel, nebst anderen Episoden des Maha-bharata. 1824. Berlin.

Н. Б.

Digitized by Google

СУНДЪ И УПАСУНДЪ.

I.

Послушай вмѣстѣ съ братьями
Старинное сказаніе
Во всѣхъ его подробностяхъ,
О Пàртга, о Юдгиштгира! [1]

Въ дни оны былъ у Дàйтіевъ [2]
Могучій царь Никумбгаса,
Родившійся отъ племени
Асуръ-Гинанъ-Якàсину. [3].

И были у Никумбгасы
Два сына—Сундъ и Упасундъ,
Богатыри могучіе,
Во всемъ другъ съ другомъ схожіе.

Одни и тѣ же помыслы
Въ нихъ были и желанія,
Однѣ и тѣ же радости,
Однѣ и тѣ же горести.

Въ единый часъ за трапезу
Садились братья дружные,
Одинъ другому сладкое
И говоря, и дѣлая.

Когда же въ возрастъ мужескій
Вступили Сундъ и Упасундъ,
И укрѣпились мышцы ихъ
Несокрушимой силою:

Digitized by Google

Явилось въ нихъ отважное
И дерзкое желаніе—
Завоевать вселенную,
Великое трехміріе. [4]

Замысливъ подвигъ дерзостный,
Восходятъ оба Дѝйтія
На холмъ высокій Ви́ндгіясъ, [5]
Свершить обѣтъ Питѝмагѣ. [6]

И тамъ, облекшись въ вѝлкалу, [7]
Томятся лютымъ голодомъ,
И жаждой превеликою
Терзаются и мучатся.

Препобѣдивши похоти,
Питаясь только вѣтрами,
На пальцахъ, неподвижные,
Стоятъ они и молятся.

Какъ древо, станъ ихъ вытянутъ,
Ихъ руки къ верху подняты,
И не моргая, очи ихъ
Глядятъ, не закрываются.

И загорѣлся Ви́ндгіясъ
Неутушимымъ пламенемъ
Такого благочестія,
И дымъ всклубилъ онъ по̀ небу.

Смутились въ небѣ Дѐвасы
И стали противъ Дѝйтіевъ
Коварствовать, препятствуя
Святой обѣтъ имъ выполнить.

Прельщали ихъ каменьми,
И серебромъ, и золотомъ,
И красотою женскою,
Непобѣдимосильною.

Digitized by Google

Но крѣпки были Дàйтіи
Душой обѣтовѣрною:
Молились, не покорствуя
Соблазнамъ и прельщеніямъ.

Вдругъ чудо непонятное,
Передъ очами Дàйтіевъ,
Душой великодоблестныхъ,
Свершилось на Виндгіясѣ:

Ихъ жены, сестры, матери,
Преслѣдуемы Рàкшасомъ,
Бѣжали мимо, требуя
Защиты ихъ и помощи.

Съ распущенными кòсами,
Одеждъ своихъ лишенныя,
Роняя украшенія,
Молили: о, спасите насъ!

Но крѣпки были Дàйтіи:
Обѣта не нарушили —
И вмигъ видѣнье чудное,
Какъ облако разсѣялось.

И самъ тогда Питàмага,
Міровъ блюститель, Праотецъ,
Обѣтовѣрнымъ Дàйтіямъ
Явился, Брàгма видимый.

И повелѣлъ молящимся
Асýрасамъ, да выскажутъ
Ему желанья тайныя
И помыслы сердечные.

Тогда, передъ Питàмагой
Представъ, сказали Дàйтіи:
«Отецъ, когда доволенъ ты
Обѣтнымъ нашимъ подвигомъ:

Digitized by Google

Услыши насъ и дàруй намъ
Волшебствъ искусство тайное,
И дàруй намъ оружіе,
Въ бою непобѣдимое!

И облеки насъ образомъ
Свободноперемѣнчивымъ
По нашему желанію,
И сдѣлай насъ безсмертными»!

—Все будетъ вамъ даровано
По вашему желанію,
О чемъ теперь вы молите;
Единаго безсмертія

Не будетъ вамъ. Потребуйте
Инаго — и исполнится!
Просите смерть, о Дàйтіи,
Подобную безсмертію!

Святой обѣтъ вы подняли, —
Сказавъ: да будемъ властвовать!
И потому не дастся вамъ
Наслѣдіе безсмертія! —

«Даруй же намъ въ наслѣдіе,
Отецъ всесовершеннѣйшій,
Все, что́ живетъ и движется
Во всѣхъ странахъ трехмірія!

И все, что́ безъ движенія —
Деревья, камни, золото,
И землю всю пространную
Даруй ты намъ въ наслѣдіе!

И да не знаемъ страха мы:
Страхъ цѣлаго трехмірія
Въ двоихъ насъ да сокроется»!
И имъ въ отвѣтъ Питàмага:

Digitized by Google

—Все будетъ вамъ даровано,
О чемъ теперь вы моліте,
И доля смерти дастся вамъ
По вашему желанію! —

Сказавши такъ и Дѣйтіевъ
Дарами изобильными
Благословивъ, Питѣмага
Ушелъ въ міръ Брѣгмы нѣ небо.

Тогда вожди Асѵ̀расовъ,
Всещедро надѣленные
Дарами благодатными,
Сошли съ холма Виндгійскаго.

Народъ, вождей увидѣвши,
Премудрыхъ и прославленныхъ
И одаренныхъ Брѣгмою,
Бѣжалъ толпами встрѣчу имъ.

—Они же, сбросивъ вѣлкалу,
И сдѣлавшись кудрявыми,
Украсились богатыми
Безпыльными одеждами;

И много драгоцѣнностей
Надѣли, и устроили
Веселія и пиршества,
И праздники великіе.

Ѣшь, пей, ликуй и радуйся,
Пой пѣсни, веселитесь! — вотъ
Какія рѣчи слышались
И день, и ночь у Дѣйтіевъ.

Народъ шумѣлъ и тѣшился;
И такъ у нихъ играющихъ
Промчались годы цѣлые
Какъ быстрыя мгновенія.

Digitized by Google

II.

Едва пиры окончились,
Вожди, горя желаніемъ
Завоевать трехміріе,
Созвали рать великую.

Потомъ, когда созвѣздія
Явились благосклонныя,
Пошли они, могучіе,
Напутствуемы ближними.

И шли великой ратію,
Вооружась: кто палицей,
Кто копіемъ, кто молотомъ,
Кто тяжкою сѣкирою.

Чараны[9] вдохновенные
Сопровождали Дайтіевъ
Торжественными пѣснями
И гимнами побѣдными.

Сперва они по воздуху,
Вездѣ ходить могущіе,
Пошли къ селеньямъ Дѣвасовъ,
Пылая битвы пламенемъ.

И побѣжали Дѣвасы,
Провидя, что Питамага
Благословилъ Асурасовъ
Дарами благодатными.

Тогда, занявъ трехміріе
И побѣдивши Якшасовъ, [10]
Пошли войною Дайтіи
На существа воздушныя;

Потомъ на змѣевъ огненныхъ,
Внутри земли гнѣздящихся;
Потомъ пошли на Млѣчасовъ, [11]
Средь моря обитающихъ;

Digitized by Google

Потомъ пошли на Брàгмановъ [12]
И на святыхъ отшельниковъ,
И въ воду ихъ свѣтильники
Бросали, нѐ потребствуя.

Тогда святые Брàгманы
И доблестью богатые
Отшельники разгнѣвались —
И проклинали Дàйтіевъ ;

Но страшныя проклятія,
Какъ скàламъ стрѣлы острыя,
Безвредны были Дàйтіямъ,
Благословеннымъ Брàгмою.

И, забывая подвиги,
Отшельники и Брàгманы
Бѣжали отъ Асу̀расовъ,
Какъ змѣи отъ Гару̀манта. [13]

И были ихъ обители
Разнесены, разграблены ;
Сосуды драгоцѣнные
Разбиты и раскиданы.

Стояла вся вселенная
Пустая и безмолвная,
Какъ будто бы убитая
Жестокимъ богомъ Времени. [14]

Затихли всюду праздники,
Пиры и ликованія,
И жертвы благодатныя
Не воскурялись Дѐвасамъ.

На запустѣлыхъ пастбищахъ
Не видно было пастырей ;
Земля была наполнена
Костями и черепьями.

Digitized by Google

А грозные Асу̀расы,
Слонами ставши ярыми,
Съ ланитами распухшими
По всей вселенной рыскали.

То злобными гіенами,
То львами, то пантерами,
Попеременно дѣлались
И убивали Двиджасовъ. [15]

И наконецъ, соперника
Нигдѣ себѣ не вѣдая,
Въ долинѣ Куру [16] пышную
Себѣ столицу создали;

И въ честь завоеванія
Великаго трехмірія
Установили праздники,
Веселія и пиршества.

III.

Тогда высокомудрые,
Разгнѣванные Сиддгасы, [17]
Увидѣвъ истребленіе,
Пошли къ отцу Пита̀магѣ.

И видятъ Бра̀гму-Праотца,
На лучезарномъ облакѣ
Въ сіяніи сидящаго,
Среди боговъ и Дѣвасовъ,

Вайкга̀ны, [18] Балякгильясы, [19]
Адж̀асы, [20] Маричипасы, [21]
Вимудги, [22] Теджага̀рбгасы, [23]
И мужи Брагмомудрые, [24]

Digitized by Google

И Магадѣва [25] съ Агнисомъ, [26]
И солнце вмѣстѣ съ мѣсяцемъ,
И Сукрасъ [27] рядомъ съ Ваюсомъ,—[28]
Сидѣли вкругъ Питамаги.

Тогда, предъ свѣтлымъ Брагмою
Склонившись, стали Сиддгасы
Разсказывать дѣянія
Жестокосердыхъ Дайтіевъ.

Что было, все повѣдали,
Моля отца—Питамагу
Явить имъ правосудіе
И защитить отъ Дайтіевъ.

Разсказъ молящихъ выслушавъ,
Питамага задумался, —
И смерть неотвратимую
Опредѣлилъ Асурасамъ.

Потомъ Всесовершеннѣйшій,
Призвавши Висвакарману, [29]
Сказалъ: создай мнѣ женщину
Красы всеувлекательной!

И мудрый Висвакармана,
Благословенный Брагмою,
Пошелъ и создалъ женщину
Блестящую и чудную.

И все, что въ мірѣ движется,
И все, что безъ движенія, —
Отвсюду Висвакармана
Изъялъ одно прекрасное, —

И слилъ очаровательно,
Благословенный Брагмою,
Въ единомъ свѣтломъ образѣ
Новосозданной женщины.

Digitized by Google

Потомъ рукою щедрою
На плечи ей прекрасныя
Въ роскошномъ изобилiи
Просыпалъ драгоцѣнности.

Во всемъ составѣ созданной
Единой части не было,
На что́ не заглядѣлся бы,
Взоръ самыхъ небожителей.

И такъ какъ все прекрасное
Зерно къ зерну подобрано
Въ ней было, то Питàмага
Нарекъ ее—Тилёттама. [50]

И такъ онъ новосозданной
Сказалъ: «ступай къ Асурасамъ
И красотой всесильною
Посѣй вражду межъ братьями!

Такъ сдѣлай»!—И Тилёттама,
Сказавъ:—я это сдѣлаю!—
Склонилась передъ Брàгмою
И мимо небожителей

Пошла. Къ Востоку Бгàгаванъ [51]
Сидѣлъ тогда, а къ Западу
Магèсварасъ [52], а къ Сѣверу
Сидѣли Дèвы свѣтлые.

Когда пошла Тилёттама,
То Бгàгаванъ, не двигаясь,
Глазами жадно-страстными
За ней повсюду слѣдовалъ.

На всѣ четыре стороны
У Бгагавàна свѣтлаго
Четыре лика выросло,
Со взорами изъ лотоса [53].

Digitized by Google

Когда пошла Тилёттама
Востокомъ — вдругъ восточное
У Бгагава̀на выросло
Лице; когда же къ Западу

Пошла — мгновенно къ Западу
Лице явилось; Сѣвромъ
Пошла — явилось къ Сѣверу
Еще лице; какъ на̀ Полдень

Пошла она — и Бга̀ганъ
За ней лицемъ полуденнымъ
Слѣдилъ ужѐ. И съ Индрою
Случилось нѣчто дивное:

И позади, и спѐреди,
У Индры всемогущаго
Тогда сверкнули тысячи
Очей огнепылающихъ.

Такъ Магадѐва нѣкогда
Пріялъ четыре образа;
Такъ и убійца Ба̀ляса [84]
Тысячеглазымъ сдѣлался.

И мудрецы, и Дѐвасы
Туда, гдѣ шла Тилёттама,
За ней слѣдили взорами,
То въ ту, то въ эту сторону.

Единый лишь Пита̀мага
Спокойно на Тилёттаму
Глядѣлъ очами тихими
И божески-безстрастными.

Когда ушла Тилёттама,
Всѣ мудрецы и Дѐвасы,
И мужи Брагмомудрые
Подумали: все кончено!

Digitized by Google

Тогда Всесовершеннѣйшій
Владыка успокоился,
И распустилъ собраніе
Пресвѣтлыхъ небожителей.

IV.

Межъ тѣмъ вожди Асу̀расовъ,
Завоевавъ трехміріе
И побѣдивши Дѐвасовъ,
И Якшасовъ, и Ра̀кшасовъ,

И всѣ у нихъ сокровища
Отнявши, и не вѣдая
Нигдѣ себѣ соперника,
Устроили веселія,

И праздники, и пиршества,
И всякими забавами,
Какъ боги всемогущіе,
Въ своей столицѣ тѣшились.

То насыщались яствами,
То сладостными питьями,
То прелестями женскими,
То жгли благоуханія.

И по полямъ, и по̀ лѣсу,
И по горамъ утесистымъ,
И въ небесахъ по воздуху
Ходили, какъ безсмертные.

Однажды на отлогости
Виндгіяса высокаго,
Въ тѣни цвѣтущихъ Са̀лясовъ [38],
Сидѣли Сундъ и Упасундъ.

Кругомъ толпились женщины;
Однѣ, при звонѣ ва̀дитра [39],
Увеселяли Да̀йтіевъ
Плѣнительными пѣснями.

Digitized by Google

Другія, антилопами
Вокругъ носясь и бѣгая,
То играми, то плясками
Прельщали побѣдителей.

Вдругъ, видятъ — тихо по̀ лугу,
Блистая сонмомъ прелестей,
Въ пурпурномъ одѣяніи,
Съ плеча лукаво спущенномъ,

Ища цвѣтовъ Карнѝкара [37],
По берегамъ растущаго,
Идетъ, какъ бы безсмертная,
Прекрасная Тилёттама.

Едва ее идущую
Асу̀расы увидѣли,
Вдругъ бросили сѣдалища
И къ ней на встрѣчу кинулись.

И за руки Тилёттаму,
Любовью оба полные,
Схватили: Сундъ за правую,
А Упасундъ за лѣвую.

И въ мигъ вошло въ нихъ бѣшенство
И отлетѣла кроткая
Любовь отъ нихъ. «Моя она!»
— Она моя! — воскликнули. —

И другъ на друга бросились,
Какъ звѣри разъяренные,
Схвативъ мечи тяжелые,
И пали въ битвѣ яростной.

И долго на Виндгѝсѣ,
Съ растерзанными членами,
Какъ солнцы, съ неба сбитыя,
Лежали два Асураса.

Digitized by Google

Увидѣвъ это зрѣлище,
Ихъ воины и женщины,
Исполненные ужаса,
Бѣжали въ преисподнюю.

Тогда Всесовершеннѣйшій
Творецъ міровъ Питàмага
На землю, въ сонмѣ Дѐвасовъ,
Низшелъ почтить Тилёттаму.

И рекъ, чтобы Тилёттама,
Какъ Лѐкшми [58] гибкотѣлая,
Себѣ, что̀ хочетъ, выбрала
Во всѣхъ странахъ трехмірія.

И выбрала Тилёттама
Себѣ міры блестящіе;
И ей тогда Питàмага
Сказалъ Всесовершеннѣйшій:

«Ты будешь вмѣстѣ съ солнцами
Витать въ мірахъ блистающихъ,
Лучами осіянная
И оку недоступная!»

И одаривъ Тилёттаму
Такою благодатію,
Творецъ міровъ Питàмага
Ушелъ въ міръ Брàгмы нà небо.

Н. Бергъ.

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Юдгиштгира, иначе Пàртха,—сынъ царицы Прѝтьи, или Кỳнти, одинъ изъ героевъ Магабгàраты, которому разсказывается повѣсть о Сундѣ и Упасундѣ.

2) Дàйтія—какъ сказано въ предисловіи—значитъ сынъ богини Дити, жены Кàсъяпа и потомъ вообще потомокъ Дити. Дàйтіи называются иначе Асурами, въ противоположность Адитѐямъ, которые называются Суpами, или Дѐвами. У меня Асурасы, Сурасы, Дѐвасы.

3) Гинàнъ-Якàсипу—сынъ одного изъ вождей Дàйтіевъ.

4) Трехміріемъ (тройлѣкъямъ) Индусы называли землю, воздухъ и небо (звѣздное пространство).

5) Такъ называется одна изъ цѣпи горъ, отдѣляющихъ Индустанъ отъ Декана.

6) Питàмага—собственно значитъ великій отецъ, праотецъ. Это обыкновенное названіе Брàгмы.

7) Одѣяніе изъ древесной коры.

8) Рàкшасы—кровожадныя существа исполинскаго роста, пожиравшія людей.

9) Чарàны—плясуны и пѣвцы Индійскаго неба.

10) Якшасы—стражи сокровищъ бога Кувера, одного изъ Адитѐевъ.

11) Именемъ Млѐчхи назывались у Индусовъ народы чуждаго имъ происхожденія.

12) Высшее сословіе древне-Индійскаго общества—каста жрецовъ.

13) Гарутмантъ, или Гарудъ—сынъ Кàсъяпа и Винàты. О томъ, какъ онъ отмстилъ змѣямъ, говорится подробно въ «сказаніи о Джимутавàганѣ» переводъ К. А. Коссовича.

14) Богъ Времени—Кàлясъ, иначе Ямасъ — есть также и богъ Смерти.

15) Двиджасъ—буквально значитъ дважды рожденный. Употребляется иногда вмѣсто имени Брàгманъ и вмѣсто Кшатрія (воинъ).

16) Знаменитая долина въ Санкритскомъ эпосѣ, бывшая полемъ битвы между племенами Куру и Панду.

17) Особенный родъ боговъ, или Дѐвасовъ.

18) Отшельники.

19) Боги, величиною въ палецъ, обладающіе необыкновенною мудростію. Они произошли изъ волосъ Брàгмы.

20) Буквально - нерожденные.

Digitized by Google

21) Питающіеся лучами.

22) Буквально — восторженные.

23) . . . . . .

24) Брагмомудрый — Брàгмарши — это третья степень мудрецовъ; всѣхъ степеней 4: мудрецъ просто, мудрецъ изъ низшаго класса — называется *Риши*; за симъ слѣдуетъ Рàджарши — мудрецъ изъ касты Кшàттріевъ; далѣе Брàгмарши — Брагмомудрый — и наконецъ Парàмарши, разумѣющій даже и то, что̀ выходитъ изъ предѣла понятій и чувствъ.

25) Вишну.

26) Богъ огня.

27) Сàкрасъ, или Индра — богъ видимой природы.

28) Вàюсъ, или Вàю — вѣтеръ.

29) Висвакармана — Всетворящій.

30) Словомъ *Тила* называется по-Санкритски особенный родъ риса — sesamum orientale.

31) Сива.

32) Индра.

33) Лòтосъ — цвѣтокъ, принадлежащій къ роду водяныхъ лилій. Онъ имѣетъ множество породъ и названій. Былъ особенно почитаемъ древними Индусами.

34) Бàлясъ — одинъ изъ Дàйтіевъ, нападавшій на Адитѣевъ. Его убилъ Индра.

35) Дерево — въ ботаникѣ schorea robusta.

36) Вàдитръ — музыкальный инструментъ, вѣроятно въ родѣ лиры, или арфы. Названіемъ напоминаетъ Греческое *βάρβιτον* и Чешское Varito.

37) Кариникаръ — цвѣтокъ въ ботаникѣ Cassia fistula.

38) Жена Вишну, богиня красоты и блаженства, Индійская Венера.

Digitized by Google

ИСТОРІЯ РАЗДѢЛЕНІЯ ВРЕМЕНИ.

Раздѣленіе времени на недѣли имѣетъ свое начало въ самой глубокой древности. Книга Бытія говоритъ намъ, что сотвореніе міра совершилось въ шесть дней, а седьмой былъ посвященъ покою. Не смотря на то, не всѣ однакожъ древніе народы удержали это раздѣленіе.

Греки дѣлили свои мѣсяцы на *декады*, или періоды, состоящіе изъ десяти дней. Французы въ 1792 году хотѣли ввести у себя такое же раздѣленіе времени, но не успѣли въ этомъ.

Греческія декады назывались:

Первая: *ἱστάμενος μὴν* (начало мѣсяца).

Вторая: *Μεσῶν μὴν* (середина мѣсяца).

Третья: *Φθίνων μὴν* (конецъ мѣсяца).

У Грековъ не было собственно ни праздниковъ, ни шабашей, какъ дней отдохновенія, ни въ десятый, ни въ седьмой день. Первый день мѣсяца у нихъ назывался *νουμηνία*, день новолунія, и былъ посвященъ Гекатѣ, богинѣ Луны. Другіе дни именовались просто по числительному порядку, т. е.: *ἱστάμενος*, второй; *μεσῶν*, третій; *φθίνων*, четвертый, и такъ далѣе, кромѣ послѣднихъ дней второй и третьей декады, которые уже назывались *εἰκας* и *τριακάς* (двадцатымъ и тридцатымъ). Седьмой день первой декады былъ посвященъ Аполлону, девятый Тезею. У нихъ были еще и другіе религіозные праздники, въ различные дни и различныя времена года.

Digitized by Google

У Римлянъ не было ни *декадъ*, состоящихъ изъ десяти дней, ни недѣль, состоящихъ изъ семи; они дѣлили свои мѣсяцы на три неравныя части, называвшіяся: *календы*, *ноны* и *иды*, дни которыхъ тоже не имѣли никакого другаго названія, кромѣ именъ числительныхъ. Первый день календы начинался съ перваго дня новолунія; въ этотъ день еще издревле было обыкновеніе *призывать*, т. е. созывать народъ для приношенія, въ честь этого событія, жертвъ, или для ознаменованія его какимъ-либо религіознымъ обрядомъ. Этотъ же день былъ и въ родѣ Еврейскаго шабаша, составляя раздѣленіе между днями, назначенными для дѣловыхъ занятій. Отсюда слово *calendae*, отъ *calo*, по-Гречески *καλέω*, призывать, день, въ который призываютъ. Ноны (отъ *nonus*, девятый) составляли девять дней, предшествующихъ *идамъ*, а *иды*, происходящіе, по мнѣнію нѣкоторыхъ, отъ глагола *iduare*, раздѣлять, но гораздо вѣроятнѣе отъ имени богини Іо, празднества которой совершались во время полнолунія, означали средній день или половину мѣсяца. Кажется, что Римляне, принявъ этотъ способъ исчисленія времени, совершенно перевернули его, и не исчисленіе свое соображали со временемъ, а уже самое время подгоняли къ своимъ календамъ, нонамъ и идамъ. Такъ, напримѣръ, выраженіе: *tertio calendas* значило у нихъ третій день *передъ* календами. Третій день послѣ календъ они, въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ года, называли *пятнадцатый день ноны*, а въ продолженіе прочихъ восьми мѣсяцевъ *тринадцатый день ноны*. Эта система, довольно сложная, стала еще сбивчивѣе, когда успѣхи, сдѣланные въ астрономіи, за полвѣка до Рождества Христова, заставили замѣнить лунный годъ солнечнымъ. До того времени, вмѣсто 365 дней, въ году считали только 360, раздѣляя его на 12 мѣсяцевъ, заключавшихъ въ себѣ каждый по 30 дней; это исчисленіе было принято какъ самое приблизительное къ кругообороту луны, который совершается въ 29 дней, 44 минуты 2,9. Чтобъ уровнять теченіе своего гражданскаго года съ теченіемъ года солнечнаго, Римляне продолжали и укорачивали мѣсяцы по своему произволу, и

Digitized by Google

наконецъ далп въ этомъ случаѣ полную свободу своимъ жрецамъ, или, какъ они у нихъ назывались, *понтифексамъ*. Такая неопредѣленность и сбивчивость въ ходѣ времени дала возможность имѣшаться сюда и интригамъ политическимъ: дни, назначаемые для выборовъ въ общественныя должности, отдалялись или наступали скорѣе по усмотрѣнію правительства. Все это довело до такой путаницы, что когда Юлій Цезарь измѣнилъ календарь, такъ лѣтніе мѣсяцы пришлись осенью, осенніе зимой и т. д. По совѣту Халдейскаго астронома Созигена, Цезарь отодвинулъ 25 марта на 90 дней назадъ, для того, чтобы оно соотвѣтствовало весеннему равноденствію, и привелъ мѣсяцы въ то самое число дней, какое каждый изъ нихъ имѣетъ теперь (*). Но сдѣлавъ это измѣненіе, Цезарь нисколько не измѣнилъ названія дней и не ввелъ никакого новаго раздѣленія мѣсяцевъ. Лишній день, остающійся въ продолженіе каждыхъ четырехъ лѣтъ и прибавляемый нами къ Февралю, прибавлялся у Римлянъ къ календамъ передъ Февральскими *идами*, т. е. между половиною Февраля и 1-мъ числомъ Марта. День этотъ прилагался не къ послѣднему числу мѣсяца, какъ у насъ, а включался между шестымъ и седьмымъ днями календы, которая въ такомъ случаѣ состояла уже не изъ 15, а изъ 16 дней, и называлась *bis-sexto calendas*, т. е. дѣлимая на 2, *высокосная* календа, отъ чего произошло и названіе нашего высокоснаго года.

Много лѣтъ прошло прежде, чѣмъ Римскій народъ совершенно привыкъ къ Юліанскому календарю; не смотря на то, что эта реформа сдѣлала важное улучшеніе, ей много еще препятствовало раздѣленіе времени на календы, ноны и иды. Между тѣмъ она все-таки способствовала Римлянамъ къ принятію, впослѣдствіи, исчисленія времени гораздо болѣе простаго и легкаго. Въ эту эпоху, завоеванія Римлянъ познако-

(*) Это исправленіе календаря совершилось посредствомъ двухъ способовъ: продолженіемъ нѣкоторыхъ мѣсяцевъ нѣсколькими лишними днями, и включеніемъ, только на одинъ первый годъ (47 до Р. Хр.), между Ноябремъ и Декабремъ, еще двухъ экстраординарныхъ мѣсяцевъ, одинъ въ 38 дней, другой въ 34.

Digitized by Google

мили ихъ съ календарями другихъ народовъ. Индійцы, Сиріяне, Арабы и Египтяне считали время семидневными недѣлями. Когда эти страны, или по крайней мѣрѣ части этихъ странъ, сдѣлались Римскими провинціями, правители ихъ начали считать время по методѣ, принятой восточными народами, которыми они управляли. И эта метода, превосходства которой надъ Римской нельзя было не признать, постепенно перешла изъ провинцій и въ самый Римъ. Въ III и IV вѣкахъ, календы, ноны и иды повсемѣстно замѣнились уже семидневными недѣлями, и дни стали называть именами планетъ: dies solis (день Солнца), dies Lunae (день Луны), dies Martis (день Марса), dies Mercurii (день Меркурія), dies Iovis (день Юпитера), dies Veneris (день Венеры), dies Saturnis (день Сатурна).

Эти астрономическія названія дней ясно доказываютъ, что принятіе Римлянами семидневныхъ недѣль было дѣломъ совершенно независимымъ отъ религіи Іудейской или Христіанской, хотя распространеніе Христіанства, въ послѣдствіи и въ нѣкоторомъ отношеніи, тоже не осталось безъ вліянія на это измѣненіе. Еврейскія имена дней суть слѣдующіе: *іомъ ахардъ*, день одинъ; *іомъ шени*, день два; *іомъ шелиши*, день три; *іомъ ребіи* или *аруба*, день четыре; *іомъ шамиши*, день пять; *іомъ шишехи*, день шесть; седьмой день называется *іомъ шаба* или *шебашъ*, и также *саббашъ* или *шаббашъ*.

И такъ Римскія имена дней были заимствованы не отъ Іудеевъ, но изъ календарей Индійскихъ, Халдейскихъ и Египетскихъ, и очень любопытно прослѣдить вліяніе миѳологіи народовъ западной Азіи и Африки на тевтоническія племена сѣверной Европы.

Мы мало имѣемъ свѣдѣній о недѣльномъ раздѣленіи времени у Египтянъ, и не многіе историческіе документы, которые говорятъ объ этомъ, не принадлежатъ къ глубокой древности. Геродотъ говоритъ только, что Египтяне посвящали свои мѣсяцы и дни различнымъ божествамъ. Плиній утверждаетъ, что, по ихъ мнѣнію, каждый день на-

Digitized by Google

ходился подъ вліяніемъ какой-либо планеты, сообразно съ порядкомъ ихъ обращенія, и Діонъ Кассій, писавшій въ III-мъ вѣкѣ, въ то время, когда недѣльное раздѣленіе времени было принято уже во всей Италіи, доказываетъ, что это раздѣленіе перешло изъ Египта вмѣстѣ съ его номенклатурою дней. Этотъ послѣдній писатель прибавляетъ, что у Египтянъ каждый часъ дня былъ посвященъ особенной планетѣ, такимъ порядкомъ, что по истеченіи каждыхъ семи дней, первый часъ дня опять принадлежалъ той же планетѣ. Вотъ порядокъ, въ которомъ семь планетъ слѣдовали одна за другой: Сатурнъ, Юпитеръ, Марсъ, Солнце, Венера, Меркурій и Луна; первые часы недѣли, посвященные Сатурну, были исчислены такъ, что послѣ нихъ наступали часы Солнца, потомъ часы Луны, потомъ часы Марса; а часы Юпитера приходились уже на слѣдующее утро, и т. д. Діонъ Кассій говоритъ также, что каждый день назывался именемъ той планеты, которая предшествовала его восходу.

Христманъ, Латинскій писатель позднѣйшаго времени, приписываетъ астрономическое названіе дней Вавилонянамъ. Городотъ говоритъ, что раздѣленіе дня на двѣнадцать частей Греки заимствовали отъ Халдеянъ. Птоломей замѣчаетъ, что Халдеяне очень вѣрно вычисляли уже эклиптику во времена Навуходоносора, за 730 лѣтъ до Р. Х. Но намъ кажется всего вѣрнѣе, что семидневная недѣля имѣетъ свое начало въ Индіи. Индійскіе астрологи имѣли обыкновеніе, о которомъ говоритъ Діонъ Кассій, посвящать различные часы дня различнымъ планетамъ, и по названію планеты перваго часа дня давали названіе и самому дню.

Вотъ названія семи дней недѣли на древне-Санкритскомъ языкѣ, который былъ языкомъ священныхъ книгъ Индійцевъ:

Адиціа-варъ.	день Солнца.
Сома-варъ.	день Луны.
Мангала-варъ.	день Марса.
Будда-варъ	день Меркурія.

Digitized by Google

Врихаспатъ-варъ. . . . . день Юпитера.
Субра-варъ . . . . . день Венеры.
Сани-варъ. . . . . день Сатурна.

Корень этихъ именъ постоянно остается въ названіи дней на всѣхъ Индійскихъ нарѣчіяхъ, и замѣчено, что во всемъ Индустанѣ число *семь* считается числомъ мистическимъ, которому и до сихъ поръ приписывается таинственный смыслъ. Въ своемъ сочиненіи о празднествахъ Индусовъ, профессоръ Вильсонъ говоритъ, что тамъ, кромѣ дня, посвященнаго *Адиціи* или *Рави* (солнцу), каждый седьмой день луны также считается священнымъ, особенно же седьмые дни послѣ новолунія, изъ числа которыхъ одинъ, называющійся *Баскаріа-Саптами*, и бывающій зимой, празднуется съ особымъ, великолѣпнымъ торжествомъ. Въ молитвахъ, читающихся во время богослуженія, слово *семь* занимаетъ у Индійцевъ также важное мѣсто. *Саптами*, или *великая седьмица*, составляетъ у нихъ одно изъ именъ, представляющихъ божество. Поклонники ея такъ обращаются къ ней: «Матерь всей твари, Седмица, ты, которая составляешь единое съ повелителемъ *семи* коней и *семи* таинственныхъ словъ, слава тебѣ въ обители солнца». И потомъ, простираясь передъ изображеніемъ солнца, они прибавляютъ: «Слава тебѣ, свѣтило *семи* міровъ, блистающее въ колесницѣ, влекомой *семью* быстрыми конями; слава тебѣ, безконечное, творящее, слава тебѣ въ этотъ *седьмой* день Луны» (*).

Въ *Ригъ-Веда-Санхита*, въ сборникѣ древнихъ Индійскихъ гимновъ, которые такъ же чтутся Индійцами, какъ псалмы Давида Израильтянами, слово *семь* ежеминутно встрѣчается въ такихъ изрѣченіяхъ, какъ слѣдующія:

«Податель свѣта, божественный Сиріусъ съ блистающими кудрями, *семь* коней влекутъ тебя въ твоей огненной колесницѣ....

«Солнце, на колесницѣ, запряженной *семью* конями, спо-

(*) *Asiatic journale*, vol. VIII. p 85.

Digitized by Google

койно катится по воздушному пространству и несется на ней надъ мірами» (*).

Это, можетъ быть, аллегорическій намекъ на семь цвѣтовъ призмы или на семь дней недѣли; но дальше мы находимъ еще «*семь* холмовъ, *семь* трудныхъ переходовъ, *семь* дней, посвященныхъ таинствамъ, совершаемымъ. Индрой (**); трижды *семь* таинственныхъ обрядовъ и *семь* проразныхъ рѣкъ, истекающихъ съ а»неб (***). Каста Браминовъ раздѣляется также на семь степеней, что̀ имѣло свое начало отъ *семи Риехисовъ*, или покаянниковъ, особъ священныхъ, о которыхъ упоминается въ Ведахъ.

Не забудемъ однакожъ, что число *семь* есть по преимуществу священное число. Изъ книги Бытія знаемъ мы, что сотвореніе міра совершилось въ *семь* дней, и у Евреевъ установленъ шабашъ въ каждый *седьмой* день. Кромѣ того свящ. книги говорятъ еще ошабашѣ въ каждые *семь* мѣсяцевъ; въ каждыя *семь* лѣтъ, и о юбилеѣ, который праздновали черезъ *семью семь* лѣтъ. У нихъ же видимъ мы, что животныя входили въ ковчегъ по *семи* паръ; *семь* жрецовъ, съ *семью* трубами, обходящихъ впродолженіи *семи* дней стѣны Ерихона; Валаама, воздвигающаго *семь* олтарей, для принесенія на нихъ въ жертву *семи* быковъ и *семи* агнцевъ; серебро, *семь* разъ очищенное въ горнилѣ; *семь* женъ у одного мужа... А въ Апокалипсисѣ находимъ *семь* храмовъ, *семь* подсвѣчниковъ, *семь* духовъ, *семь* звѣздъ, *семь* свѣтильниковъ, *семь* печатей, *семь* ангеловъ, *семь* сосудовъ, *семь* казней, *семь* громовъ, змѣя о *семи* главахъ и въ *семи* коронахъ, и проч. проч.

Что корни нѣкоторыхъ словъ во всѣхъ вообще языкахъ восточной Азіи имѣютъ между собой большое сходство, это

(*) The first Asthaka, or book of the Rig-veda; translated by Professor Wilson, p. 133.

(**) Вильсонъ, въ той же книгѣ, стр. 164.

(***) Тамъ же стр. 192.

Digitized by Google

достовѣрно; но вопросъ, который именно народъ началъ прежде употреблять эти слова, едва ли въ настоящее время можетъ быть рѣшенъ съ точностью. Впрочемъ этимологія слова *семь* достаточно объясняетъ причины, связавшія съ нимъ преданія, и бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на происхожденіе шабаша.

Еврейское слово *саба* или *шаба*, а у новѣйшихъ Евреевъ *шебашъ*, что значитъ *семь*, значитъ еще лѣта. *Сабъ* то же, что *старикъ*, человѣкъ *послѣдній отъ лѣтъ*. *Саббашъ*, который имѣетъ у насъ значеніе *отдохновенія*, значитъ также и *старость*, и происходитъ, безъ сомнѣнія, отъ одного и того же корня. *Сбо* на языкѣ Копто-Египетскомъ значитъ *ученость*. *Сабо*, по-Коптски тоже, что *sage* мудрецъ, ученый. Друиды назывались *Сабами*, а религія ихъ *сабеизмомъ* или *шабеизмомъ*. У Кельтовъ *Таб-айхъ* назывался день, въ которой собирались *саббы* (*), отсюда значеніе слова *шабашъ*, какъ собранія, которымъ впослѣдствіи стали именовать сборища вѣдьмъ и колдуновъ.

И такъ шабашемъ назывался день, когда *старики*, или *старшины правленія*, имѣли обыкновеніе собираться или для совѣтовъ о дѣлахъ общественныхъ, или для церемоній религіозныхъ. Дни, проходившіе между ихъ сборищами, составляли періоды *шабашей*; продолженіе этихъ періодовъ уже обозначалось самымъ словомъ *шабашъ*, равнозначительнымъ слову *семь*. Такимъ образомъ словомъ *шабашъ* опредѣлялось теченіе недѣли, точно также, какъ словомъ *мѣсяцъ* опредѣлялось теченіе луны (**). Собранія частію политическія, преимущественно же религіозныя въ день *шабаша* придали важность его значенію, которая сама собой передалась и числу *саба*,

(*) Anacalypsis, vol. II, p. 297.

(**) Сходство этихъ двухъ послѣднихъ словъ очень замѣтно въ Англійскомъ языкѣ: *moon*, луна и *month*, мѣсяцъ. У Грековъ (μὴν и μηνὴ) значитъ въ одно время *луна* и *мѣсяцъ*. На Латинскомъ *mensis*, и на Санкритскомъ *масъ*, мѣсяцъ, или *маса* луна, имѣютъ одинаковое происхожденіе. Смот. Плутархъ, Тим. На Еврейскомъ, *луна* и *мѣсяцъ* называются однимъ и тѣмъ же словомъ: *Ирахъ*, которое обыкновенно пишется Іерахъ.

Digitized by Google

семь, соотвѣтствовавшему тогда, по случаю этихъ сборищъ, совершенію и окончанію всѣхъ важныхъ дѣлъ. Впослѣдствіи, съ помощію астрологіи, число это сдѣлалось числомъ счастливымъ, *священнымъ*.

Названія дней новѣйшихъ Аравитянъ соотвѣтствуютъ названіямъ дней Еврейскимъ. У нихъ точно также: *іомъ-ахадъ*, день одинъ; *іомъ-тхена*, день два; *іомъ-тульта*, день три; *іомъ-арба*, день четыре; *іомъ-хамза*, день пять; *дорума* день *мечети* или *соединенія* (магометане, точно также какъ и христіане, шестой день вывели изъ-подъ общей нумераціи), *сабтъ*, седьмой день. Но г. Принсепъ (*) говоритъ, что дни у древнихъ Арабовъ назывались: *бавалъ*, *бахумъ*, *джабаръ*, *дабаръ*, *симунисъ*, *аруба*, и *шійяръ*.

Бавалъ долженъ происходить отъ Боала или *Бела*, которому поклонялись отступившіе отъ Бога Іудеи (**), и о которомъ Римскіе и Греческіе историки говорятъ, какъ о божествѣ Ассиріанъ, Финикіянъ и Карѳагенцевъ. *Баальтисъ* у Финикіянъ и Сиріанъ было имя Солнца. Отсюда имя *Бальбекъ*, которое Греки перевели *Геліо-полисомъ*, что̀ значитъ *городъ солнца*. На монетахъ Карѳагенскихъ, и на бо̀льшей части надписей, найденныхъ въ Пальмирѣ, имя Ваала видно около изображенія солнца. Тождество Ваала съ солнцемъ еще больше подтверждается частымъ упоминаніемъ объ алтаряхъ, воздвигаемыхъ ему на «мѣстахъ возвышенныхъ», и объ огнѣ, возжигаемомъ въ честь его,—обыкновеніе очень извѣстное у поклонниковъ огня и солнца. Ваалъ, вѣроятно, происходитъ отъ Еврейскихъ словъ *ба*, сожигать, бросать въ огонь, и *алъ*, Богъ, что, слѣдовательно, и могло значить: Богъ-огонь или Богъ огня, соотвѣтственно значенію Аполлона у Грековъ (***). Имя Ваала имѣетъ множество измѣненій: Балъ, Белъ,

(*) Смотри статью подъ заглавіемъ: Ancient Eras, въ «Companion tothe British Almanack» 1830.

(**) Подъ видомъ золотаго тельца или телицы.

(***) Огнепоклонство входило въ нѣкоторые обряды и древней религіи Ирландцевъ, да вѣроятно и во всѣ религіи Друидовъ. И теперь еще Ирландцы зажигаютъ большой огонь, на горахъ, 1-го Мая, въ день всѣхъ Святыхъ и Св.

Digitized by Google

Ваалъ, Веліалъ, Вельзевулъ, Веленасъ, или Веланаръ. Его между прочимъ смѣшивали съ Молохомъ, упоминаемымъ въ Ветхомъ Завѣтѣ.

Ваваль значитъ еще господинъ и повелитель; солнце дѣйствительно есть свѣтило, управляющее временемъ и господствующее надъ нимъ. Возмемъ здѣсь еще въ соображеніе употребленіе числительныхъ именъ, для обозначенія дней недѣли. *Аввалъ* на новомъ Арабскомъ языкѣ значитъ *первый*; такъ же точно назывался и у древнихъ Арабовъ день, посвященный Богу, по крайней мѣрѣ по свидѣтельству нѣкоторыхъ оріенталистовъ, которые предпочитаютъ это слово слову *бавалъ*. Но если принять слово *аввалъ* въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, тогда оно не могло произойти иначе, какъ отъ испорченности слова *Алъ*, Богъ.

Различіе въ названіи дней у древнихъ Арабовъ съ новѣйшими подаетъ поводъ думать, что и настоящія Еврейскія названія ихъ относятся ко временамъ не совсѣмъ древнимъ. Очень вѣроятно, что у Евреевъ произошло въ этомъ случаѣ измѣненіе въ ту эпоху, когда Моисей измѣнилъ лѣтосчисленіе, и велѣлъ Израильтянамъ вести его со времени исхода изъ Египта, какъ съ начала новой эры. Первымъ мѣсяцемъ этого счисленія былъ *Абибъ*, или Мартъ. Его начали съ перваго новолунія весенняго равноденствія. Съ этой эпохи Іудеи наблюдали двойной годовой оборотъ: годъ священный или церковный, который начинался съ равноденствія весенняго, и по теченію котораго у нихъ разсчитывались церковные праз-

---

Жанна. Суевѣрные исполнители этого обряда, вошедшаго въ употребленіе и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Франціи, также въ день Св. Жана, думаютъ этимъ умилостивить ее въ пользу своей жатвы и стадъ. У Ирландцевъ это называется *Baal-theine*; а ночь на день всѣхъ святыхъ *Oidhche Lamhna*, ночь *Ламны* и *Бальсаба*. *Ламна* значитъ солнце, на Цельтійскомъ нарѣчіи. *Sean Баль-сабъ* значитъ на Цельтійско-Ирландскомъ *Господь* и *смерть*, и соотвѣтствуетъ Еврейскому *балъ—Господь*, и *забахъ—умерщвлять, приносить въ жертву*. Значитъ, что *Oidhche Lamhna*, была ночь жертвоприношенія Господу. *Забахъ* и *Саба* суть измѣненія одного и того же слова, доказывающаго одинаковость обыкновенія.

Digitized by Google

дники; и годъ хронологическій или гражданскій, который начинался съ равноденствія осенняго. Изъ этихъ двухъ годовыхъ оборотовъ, одинъ, безъ сомнѣнія, соотвѣтствовалъ лунному теченію, другой солнечному. У Египтянъ годъ начинался въ Августѣ, съ появленіемъ Сиріуса, *Собачьей звѣзды* (*), при восходѣ солнца. Писаніе ничего не говоритъ намъ объ измѣненіи Іудейскихъ недѣль со времени новой ихъ эры, но во всякомъ случаѣ измѣненіе должно было произойти, и во всякомъ случаѣ праздникъ Пасхи ставилъ ихъ въ необходимость вести нумерацію дней, какъ бы впрочемъ они ни назывались у нихъ. Недѣля Пасхи должна была начинаться у Іудеевъ 14-го Марта, былъ ли этотъ день *Аввалъ*, *Ахванъ*, *Джибаръ*, или какой другой—все равно. По этому можно полагать опредѣлительно, что Іудеи, отдѣленные отъ другихъ народовъ, должны были непремѣнно вести счетъ днямъ во все продолженіе года. Впослѣдствіи видимъ уже мы у Евреевъ номенклатуру дней числительную, замѣнившую прежнія, болѣе древнія, названія, и эта номенклатура распространилась и въ другихъ странахъ, вмѣстѣ съ исламизмомъ. Въ Персіи, напримѣръ, всѣ дни недѣли въ настоящее время различаются точно также: *іакъ-шамбе*, *до-шамбе*, *си-шамбе*, *харъ-шамбе*, *панъ-шамбе*, т. е. первый день, второй день, третій день, четвертый день и пятый день; пятница называется *джума* (день мечети), а суббота *хаста*, седьмой день. Но древніе Персіяне, говорятъ, не знали недѣльнаго раздѣленія вре-

(*) Египтяне, караулившіе разлитія Нила, замѣтили, что вода начинаетъ прибывать съ того времени, когда выходъ Сиріуса бываетъ передъ самымъ солнечнымъ восходомъ. По этому они дали Сиріусу, какъ бы предупреждавшему ихъ о разлитіи воды, имя *сторожевой собаки*. Названіе это передалось потомъ и Августу мѣсяцу, въ теченіи котораго обыкновенно начиналось разлитіе Нила и слѣдовательно появлялась *собачья* звѣзда. Мы называемъ это время *каникулами*, а Англичане *dog dags*, *собачьими днями*. Впрочемъ иногда и у насъ Іюль и Августъ называютъ также собачьими мѣсяцами, и приписываютъ происхожденіе этого названія тому, что въ эту пору преимущественно бѣсятся собаки.

Digitized by Google

мени, и каждый день мѣсяца называли особеннымъ именемъ (*). Турецкая номенклатура дней тоже сходна, въ своемъ основаніи, съ этой: *базарь-гуни*, базарный день, *базарь-артази*, день послѣ базара; *сали*, вторникъ (происхожденіе этого слова неизвѣстно); *харь-шамбахъ*, четвертый день; *пани-шамбахъ* пятый день; *джума*, день мечети; *джама-артази*, день послѣ мечети.

Сдѣлавъ изслѣдованіе о происхожденіи слова *семь*, и упомянувъ о таинственномъ вліяніи, которое ему приписывали, мы замѣтимъ здѣсь, что каждое число, въ свою очередь, у того или другаго народа, служило предметомъ нѣкоторыхъ суевѣрій. Пиѳагоръ, который, какъ говорятъ, путешествовалъ по Египту, Халдеѣ, Ассиріи и Индіи, принесъ съ собой въ Грецію, съ востока, таинственную вѣру въ числа. Уже раздѣляя мнѣніе этого философа, Греческіе писатели (за 500 лѣтъ до Р. *Х.*), начали чтить число *семь*, какъ священное. Но число, которое преимущественно чтили Пиѳагорейцы, было τετραχτύς, или *четыре*, какъ составляющее квадратъ и какъ основаніе системы всѣхъ вычисленій. Вліяніе этого числа видѣли въ *четырехъ* временахъ года, въ *четырехъ* странахъ свѣста, въ *четырехъ* промежуткахъ лиры, и т. д. Въ слѣдствіе этой системы надобно было раздѣлить математическія науки на *четыре* разряда, и дать всѣмъ вещамъ раздѣленіе четверное.

Во времена новѣйшія, *сорокъ* дней составляли философскій мѣсяцъ, и по первымъ *сорока* днямъ заключали о томъ, каково будетъ цѣлое сорокалѣтіе.

Тріады считались числомъ священнымъ между Пиѳагорейцами. *Монада* (единица, частица нераздѣльная) была эмблемой творческаго могущества и первымъ началомъ всего. *Дуада* считалась матеріей, и на соединеніе *дуады* съ *монадой*, (т. е. единицы со второй цифрой) смотрѣли какъ на символъ начала, средины и конца всѣхъ вещей. Эту мысль, вѣроятно, философы заимствовали у Индійцевъ, у которыхъ *Брама*

(*) Dictionnaire persan de Richardson. Edit de 1829, p. 292.

Digitized by Google

создатель, *Вишну* хранитель, и *Сива* разрушитель, составляли, въ соединеніи своемъ, Тріаду.

Число пять, или *пентада*, имѣло также у послѣдователей Пиѳагора свой таинственный смыслъ, слагаясь изъ четнаго и нечетнаго числа. Эти послѣднія числа философы раздѣляли какъ мужскія и женскія. Замѣчательно, что и Китайцы точно также относили *четныя* числа къ женскому роду — *инъ*, а *нечетныя* къ мужескому — *янгъ*, и въ отношеніи вѣры въ число *пять* ушли еще далѣе. У нихъ число, составленное изъ суммы пяти первыхъ четныхъ чиселъ 2, 4, 6, 8 и 10, т. е. 30 называется земнымъ числомъ; а составленное изъ суммы пяти первыхъ нечетныхъ чиселъ 1, 3, 5, 7 и 9, т. е. 25 небеснымъ. *Пять* представляетъ по нхнему сердце. У нихъ *пять* планетъ: Сатурнъ, Юпитеръ, Марсъ, Венера и Меркурій; *пять* внутренностей: желудокъ, печень, сердце, легкое и почки; *пять* стихій: земля, лѣсъ, огонь, металлъ и вода; *пять* первоначальныхъ цвѣтовъ: желтый, зеленый, красный, бѣлый и черный; *пять* различныхъ вкусовъ: сладкій, кислый, горькій, острый и соленый (*). Во время свонхъ весеннихъ праздниковъ, въ честь земледѣлія, они сѣютъ *пять* сортовъ хлѣбныхъ сѣмянъ, празднуютъ всенародно и съ великимъ торжествомъ *пятый* день *пятой* луны, и черезъ каждые *пять* дней у нихъ открывается базаръ. Но за цѣпью Гималайскихъ горъ, и по мѣрѣ удаленія отъ Египта и Индіи, также какъ и странъ, прилегающихъ къ нимъ, всякій слѣдъ *шабаша* исчезаетъ; народы, живущіе тамъ, не приписываютъ важности ни *седьмому*, ни какому-либо другому числу, и не наблюдаютъ ни въ религіозномъ, ни въ гражданскомъ отношеніи недѣльнаго раздѣленія времени, которое составляетъ принадлежность Индійскихъ обычаевъ и Европейской образованности.

Китайцы не только отдаютъ преимущество числу *пяти* передъ *семью* въ его значеніи (за исключеніемъ поклонниковъ

(*) *Davis's Chinese*, p. 295.

Digitized by Google

Индійскаго буддизма, которое впрочемъ составляетъ въ Китаѣ секту слабую), но не имѣютъ и недѣль, или лучше сказать имѣютъ недѣли пятидневныя, если только можно назвать недѣлей эти пять дней, протекающіе отъ базара до базара (*). Китайскій годъ заключаетъ въ себѣ мѣсяцы двоякаго рода: лунные и солнечные, изъ которыхъ послѣдніе раздѣляютъ его на 24 періода, такъ что Китайскій солнечный мѣсяцъ составляетъ собственно только половину нашего мѣсяца и продолжается не болѣе 15 дней. Дни и мѣсяцы лунные обозначаются числительными именами тѣхъ и другихъ, какъ напримѣръ 1-й день 4-го мѣсяца, 9-й 6-го и т. д. Что же касается до коротенькихъ, солнечныхъ мѣсяцевъ, ихъ называютъ: первый, *Лейх-чжунъ* (мѣсяцъ начала весны) или первый *Лейх-чжа* (начала лѣта), и т. д. Въ терминологіи астрологической вмѣсто названія времени, употребляютъ названіе его созвѣздія, напр. *кео*, рогъ; *неу*, женщина; *цзингъ*, звѣзда,—въ смыслѣ метафорическомъ, въ которомъ и мы говоримъ иногда: *въ каникулы*, *на Всѣхъ Святыхъ*, *съ заговѣнья*.

Вмѣсто нашихъ двѣнадцати знаковъ зодіака, Китайская астрономія считаетъ, въ своемъ лунномъ году, двадцать восемь созвѣздій, число, дѣлимое на четыре и на семь. Китайцы наблюдаютъ дни благопріятные и неблагопріятные, счастливые и несчастные, по качеству звѣзды, подъ вліяніемъ которой находится тотъ или другой день. Ваканціи, т. е. гулевые дни у Китайцевъ бываютъ только во время праздниковъ, совершающихся черезъ каждые три мѣсяца; кромѣ того они празднуютъ съ особеннымъ торжествомъ новый годъ; и такъ какъ зимнее время, въ которое начинается у нихъ, такъ же какъ и у насъ, новый годъ, для большой части работъ неудобно, то празднество это продол-

(*) Докторъ Моррисонъ замѣчаетъ въ своемъ «*View of China*», что у Китайцевъ нѣтъ *шабаша* или дня отдохновенія, и заключаетъ по этому, что они не имѣли сношеній съ прочими народами въ то время, когда вводилось это установленіе.

Digitized by Google

жается, во всѣхъ классахъ народа, отъ двухъ до трехъ недѣль, а присутственныя мѣста закрываются на мѣсяцъ.

Китайскій календарь имѣетъ своимъ основаніемъ, съ немногими измѣненіями, раздѣленіе времени, принятое всѣми Монгольскими племенами, занимающими обширныя страны восточной Азіи. Отъ Тибета до Явы всѣ народы слѣдуютъ одному и тому же раздѣленію мѣсяцевъ, принимаютъ, вмѣсто нашего 100-лѣтняго вѣка, кругъ въ 60 лѣтъ, и употребляютъ одну и ту же номенклатуру дней и мѣсяцевъ; у всѣхъ точно также бываютъ базары черезъ каждые пять дней, и нѣтъ семидневныхъ недѣль, съ религіознымъ празднествомъ въ седьмой день, кромѣ тѣхъ однакожъ, у которыхъ Индійскій буддизмъ измѣнилъ древнія собственныя обыкновенія.

Если мы изъ стараго свѣта перейдемъ въ новый, то замѣтимъ вещь чрезвычайно любопытную и которой безъ сомнѣнія нельзя было предполагать: это сходство обычаевъ восточной Азіи съ природными обычаями средней Америки. Удревнихъ Мексиканцевъ, покоренныхъ Фернандомъ Кортесомъ, были также пятидневныя недѣли, и принятый ими циклъ, или полный кругооборотъ солнца, въ 52 года, очень близко соотвѣтствовалъ Татарскому и Китайскому, въ 60 лѣтъ. Ихъ мѣсяцы состояли изъ 20 дней, и ихъ годъ заключалъ въ себѣ 18 мѣсяцевъ съ 5-ю прибавочными днями. (*) У нихъ были и астрологическіе мѣсяцы, состоявшіе изъ 13 дней. 1461 этихъ мѣсяцевъ составляли ихъ 52-хъ-лѣтній циклъ, и замѣчательно, что это то самое число, которое у Египтянъ сдѣлало важный зодіа-

(*) Для счисленія времени, Ацтеки соразмѣряли свой гражданскій годъ съ годомъ солнечнымъ. Такъ какъ солнечный годъ содержитъ въ себѣ около 6-ти часовъ лишнихъ сверхъ 365 дней, то этимъ часамъ вели счетъ, такъ же, какъ теперь дѣлаемъ мы; только эти часы прилагались у Ацтековъ не такъ, какъ у насъ, черезъ каждые три года, къ высокосному году, а какъ у нѣкоторыхъ Азіатскихъ народовъ, черезъ періодъ гораздо болѣе продолжительный, именно черезъ 52 года, которыя составляли ихъ циклъ. Тогда они разомъ прибавляли къ этому кругообороту 13 дней, или точнѣе 12 дней и $^{17}/_{20}$. Прескоттъ: *Завоеваніе Мексики.*

Digitized by Google

кальный періодъ 1461 года, когда ихъ годовыя времена и праздники возвратились снова къ своему исходному пункту.

Сходство многихъ древнихъ Мексиканскихъ и Перуанскихъ обычаевъ съ Азіатскими, такъ же какъ и нѣкоторое наружное сходство обоихъ племенъ, подаетъ поводъ почти къ несомнѣнному заключенію, что во времена глубокой древности, между обитателями Америки и Азіи были сношенія. Возможность этихъ сношеній, черезъ Беринговъ проливъ и цѣпь острововъ, которая идетъ по Тихому океану, подъ 52-мъ градусомъ сѣверной широты, ясно доказана. Но такъ какъ во время открытія Америки Испанцами и Португальцами, тамъ не было вовсе ни коровъ, ни лошадей, ни овецъ и вообще никакихъ домашнихъ животныхъ, кромѣ Эскимосскихъ собакъ, то это доказываетъ, въ свою очередь, не смотря на совершенное противорѣчіе вообще принятой идеѣ объ этомъ предметѣ, что переселеніе Монгольскихъ племенъ совершилось не изъ Азіи въ Америку, а изъ Америки въ Азію.

Здѣсь не лишнимъ будетъ замѣтить, что во времена первобытныя, когда охота была необходимостью для человѣка, весь міръ составлялъ не что иное, какъ огромное поле охоты. Дикіе Индійцы, преслѣдуя звѣрей лѣсовъ своихъ, и часто преслѣдуемые сами другимъ племенемъ, должны были по необходимости переходить съ одного конца материка на другой. Изъ этого можно сдѣлать выводъ, на который историки мало обращали вниманія, и который состоитъ въ томъ, что въ древнія времена, при такомъ положеніи общества всѣ уголки земли и всѣ ея захолустья непремѣнно были гораздо подробнѣе изслѣдованы, чѣмъ изслѣдованы они послѣ того нашими учеными. Едва ли былъ тогда хоть одинъ народъ постоянно осѣдлый на одной точкѣ земнаго шара. Массы двигались съ мѣста на мѣсто, отыскивая новую дичь, новыя пастбища, новыя рыбныя ловли; необходимость дѣлала людей неутомимыми путешественниками. Теперь, не смотря на наши желѣзныя дороги, на наши пароходы, путешествіе досталось только на долю немногаго числа торговцевъ, да ученыхъ изслѣдователей, между тѣмъ какъ милліоны людей, столпив-

Digitized by Google

шись на одномъ и томъ же кускѣ земли, родятся, живутъ и умираютъ подъ звукъ одного и того же колокола своей деревни. Какая разница между однообразной жизнью нашего хлѣбопашца или мастероваго съ суровой и подвижной жизнью дикаго Американца, который преслѣдуетъ стадо буйволовъ, въ бѣшеномъ ихъ бѣгѣ, по горамъ и долинамъ, на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ! Археологи часто затрудняются, встрѣчая языческія имена, которыя носятъ на себѣ нѣкоторые изъ острововъ Великобританіи, какъ напримѣръ, острова *Аррани* (*Arran*), *Илы* (*Ila*), *Буты* (*Bute*), *Шкіе* (*Skye*), *Іона* (Iona), и рѣки: Изида и Камъ или Гранта (Cam, Granta) (*), но мы имѣемъ полное право полагать, что не только Англія, Шотландія и Ирландія, но даже страны еще болѣе сѣверныя, какова напримѣръ Исландія, были не однократно посѣщаемы первобытными и многочисленными племенами разныхъ чужеземныхъ народовъ, которые между тѣмъ составляли, такъ сказать, рой одного улья, и родиной которыхъ была плоская возвышенность тропическихъ странъ.

Другая любопытная черта, которую указываютъ намъ изслѣдованія историческія и этнологическія, это замѣчаніе, что начальное переселеніе народовъ происходило съ Востока на Западъ, а не съ Запада на Востокъ, т. е., какъ говорится, по солнцу, по направленію пассатныхъ вѣтровъ и по теченію морей. Народы шли, какъ идутъ по вольному пастбищу огромныя стада и всѣ вообще травоядныя животныя, обыкновено придерживаясь направленія вѣтра; на морѣ придерживались они того же правила, боясь встрѣтить противное теченіе или противный отливъ.

(*) *Бута* (*Bute*), должно происходить отъ *Буды*, *Аррань* и *Ила*—имена жены *Будды*; *Шкіе* (Skie) вѣроятно происходитъ отъ *Шакіа*; *Манъ* отъ *Ман-Аррань*, *Махи-Манъ*, или *Мену*. *Іона*, по-Еврейски значущее *Голубь*, *Голубица*, происходитъ отъ Египетскихъ *Іо* и *Изиды*, и отъ Венеры Кипрской, однимъ изъ девизовъ которой былъ голубь, и гдѣ одинъ изъ острововъ такъ же назывался *Коломба*. Рѣка *Изида* въ Оксфортѣ, и гербъ этого города, на которомъ изображенъ быкъ, указываютъ такъ же на сходство мнеологіи друидовъ съ мнеологіей древняго Востока. *Комъ* и *Гранта* Кембриджа тоже два божества Индіи. *Anacalypsis*, V. II, p. 287 и 295.

Digitized by Google

Изъ этого слѣдуетъ положительно, что переселенія иначе не можетъ быть, какъ изъ Америки въ Азію, но никакъ не обратно. Наружное сходство сѣверныхъ Американцевъ съ Монгольскимъ племенемъ и моносиллабическій или Китайскій характеръ языка многочисленныхъ обитателей Новой Испаніи (*) никакъ не должно приписывать нашествію Монголовъ на Америку, но скорѣй переселенію самихъ Монголовъ изъ Америки. Не возможно предполагать, чтобы племена Татаръ, племена чисто пастушескія, переселяясь изъ Азіи въ Америку, на судахъ навѣрное довольно просторныхъ для того, чтобы помѣстить барана, не захватили съ собой туда этихъ животныхъ; между тѣмъ какъ очень правдоподобно допустить, что Американскіе охотники, переселившись въ природную страну барановъ, легко могли превратиться въ мирныхъ пастырей.

И такъ образованность Мексиканцевъ, Перуанцевъ, и всѣхъ этихъ угасшихъ племенъ, о существованіи которыхъ свидѣтельствуютъ только гигантскія развалины, разбросанныя по всей средней Америкѣ до береговъ океана, была образованность чисто древняя; или, по крайней мѣрѣ, надобно предполагать, что Американскія племена отдѣлились отъ прочихъ племенъ человѣчества до введенія въ употребленіе желѣза и до открытія письменности. Древніе Мексиканцы обработывали золото, серебро, олово и мѣдь, но желѣза они не знали, не смотря на то, что Америка имъ изобилуетъ, а замѣняли его твердымъ камнемъ въ родѣ гагата. Ихъ письмена ограничивались гіероглифическими начертаніями, а цифры замѣнялись символическимъ расположеніемъ точекъ.

И у нихъ не было *шабашей*.

Въ этомъ-то отношеніи и любопытно было намъ изслѣдовать происхожденіе образованности Мексиканской и Перувіанской. Если оно шло изъ древняго міра, то это ясно уже доказываетъ, что *шабашъ* не былъ обыкновеніемъ общимъ. Какова бы впрочемъ ни была его древность, но по крайней мѣрѣ

(*) Прескоттъ. *Завоеваніе Мексики.*

Digitized by Google

Азіятцы не имѣли о немъ понятія до изобрѣтенія письменныхъ знаковъ, выражающихъ звуки, и до введенія въ употребленіе желѣза. Точно такъ и въ цѣлой Америкѣ, отъ сѣвера и до юга, нѣтъ никакихъ слѣдовъ, чтобы первобытные ея жители придерживались семидневнаго раздѣленія времени; между тѣмъ какъ многія ихъ обыкновенія были сходны съ восточными и, въ томъ числѣ, съ Еврейскими. По этому нѣкоторые писатели заключили, что сѣверная Америка населилась частью разсѣявшагося племени Іудеевъ. Но Іудеи, разсѣявшись по Азіи и Европѣ, повсюду приносили съ собой шабашъ, который между тѣмъ, до открытія Новаго Свѣта Португальцами и Испанцами, вовсе, какъ уже мы сказали, не былъ тамъ извѣстенъ. Это ужъ одно можетъ послужить доказательствомъ, что Индійцы Сѣверной Америки составляютъ племя совершенно различное съ Іудеями.

Если мы перейдемъ отъ Америки къ многочисленнымъ группамъ острововъ Тихаго Океана, извѣстныхъ подъ именемъ Полинезіи, мы и тамъ напрасно будемъ искать недѣльнаго раздѣленія времени. У всѣхъ тамошнихъ жителей мы найдемъ одинъ и тотъ же календарь, раздѣляющій время на мѣсяцы, которые начинаются съ рожденіемъ луны, но нигдѣ нѣтъ семидневныхъ недѣль, какъ у жителей Индустана и новѣйшей Европы. Дни считаются отъ восхожденія до захожденія солнца, и каждый называется своимъ особеннымъ именемъ. На всемъ Полинезскомъ Архипелагѣ есть праздники, разсчисленные по временамъ года и соотвѣтствующіе болѣе или менѣе праздникамъ западнаго полушарія; но нѣтъ ни *шабаша*, ни семидневныхъ недѣль, которыя также неизвѣстны, по крайней мѣрѣ сколько мы знаемъ, ни жителямъ Новой Зеландіи, ни Австраліи. Въ сложности, раздѣленіе времени на семидневныя недѣли не только нельзя назвать обыкновеніемъ общимъ, но даже и въ наши времена, не смотря на все вліяніе въ этомъ отношеніи религіи Христіанской и Іудейской, оно извѣстно едва ли половинѣ обитателей земнаго шара.

Шабашъ чисто въ Іудейскомъ смыслѣ, т. е. совершенное отчужденіе въ этотъ день отъ всѣхъ житейскихъ занятій,

Digitized by Google

принадлежитъ исключительно ихъ только религіи. При всемъ своемъ уваженіи къ числу семи, Индійцы никакъ не вмѣняли себѣ въ обязанность оставлять всѣ свои занятія въ седьмой день. Разумѣется, занятія прерывались въ часы богослуженія, но потомъ опять шли своимъ чередомъ, и преимущественно въ эти дни собирались у нихъ торги и ярмарки. У магометанъ, которые творятъ омовеніе и молитву по пяти разъ въ день, а во время *рамазана* наблюдаютъ рожденіе луны, постясь до захожденія солнца, при всей строгости ихъ религіозныхъ правилъ, нисколько не считается грѣхомъ работать въ день ихъ *шабаша*, т. е. въ пятницу, въ промежутки времени, остающагося отъ молитвъ. Точно тоже видимъ мы и у многихъ христіанскихъ народовъ. Противное мнѣніе встрѣчается только у Англійскихъ протестантовъ, Шотландскихъ пуританъ и у ихъ Американскихъ послѣдователей. Воскресные торги и ярмарки суть вещи обыкновенныя на всемъ Европейскомъ материкѣ, и до Кромвеля это обыкновеніе существовало такъ же и въ Англіи. Церкви Греческая, Католическая и Протестантская никого не стѣсняютъ строгими правилами шабашей раввинскихъ; воскресный день у Христіанъ обыкновенно дѣлится между обязанностями религіозными, домашними работами и занятіями, составляющими отдохновеніе.

Матеріалы, собранные по поводу вопроса, который мы изложили здѣсь только въ главныхъ его очеркахъ, могутъ служить предметомъ важнаго историческаго изученія. Благодаря этимъ матеріаламъ, можно составить точную идею о первомъ шагѣ человѣчества къ образованности, и объ успѣхахъ его въ борьбѣ съ грубостью и невѣжествомъ первыхъ вѣковъ.

Безъ труда можно дойти до источника, изъ котораго люди почерпнули первыя понятія объ исчисленіи времени, и видѣть, какъ солнце, луна и звѣзды послужили имъ «знаками, посредствомъ которыхъ они могли опредѣлять дни, времена года и самые годы». Первый замѣченный періодъ былъ, безъ сомнѣнія, замѣнъ свѣта тьмою и тьмы свѣтомъ; потомъ замѣтили періодъ болѣе продолжительный отъ восхожденія, до новаго восхожденія солнца, или отъ заката его до заката.

Digitized by Google

Такимъ образомъ, «утро» и вечеръ» составили первый «день» (*). Скоро обозначился срокъ времени еще большіе долгій; луна помогала въ этомъ случаѣ, и между двумя новолуніями заключался «мѣсяцъ.» Періодъ между новолуніемъ и полной луной составилъ полмѣсяца (то, что Французы называютъ *la quinzaine*, пятнадцать дней, а Англичане *fortnigt*, отъ *four-teen nights*, четырнадцать ночей); наконецъ, въ нѣкоторыхъ странахъ, замѣченныя измѣненія луны съ каждой ея четвертью, раздѣлили мѣсяцъ на четыре части.

Послѣ мѣсяца, долгайшіе обороты времени раздѣлились временами года: зимой, порою посѣва и порою жатвы. Это-то тройные періоды года, сохранявшіеся въ преданіяхъ, были неправильно названы толкователями древнихъ письменъ «годами.» Впрочемъ у различныхъ народовъ и число временъ года было различное. Одни считали четыре времени, какъ и мы: весну, лѣто, осень и зиму; другіе три: посѣвъ, жатву и зиму; третьи только два времени: зиму и лѣто. Кончили тѣмъ, что послѣ не иначе стали считать время, какъ отъ зимы до зимы; и потомъ стали наблюдать теченіе небесныхъ свѣтилъ, чтобъ опредѣлить годъ солнечный. Отсюда во многихъ мѣстахъ родилось обыкновеніе, наблюдать годъ двоякаго рода: церковный, по которому сохранялся порядокъ церковныхъ праздниковъ, по древнему установленію, и который считался по измѣненіямъ

(*) Евреи продолжаютъ и теперь считать дни отъ восхожденія до захожденія солнца, а не отъ полночи до полночи, какъ считается вообще въ цѣлой Европѣ. У Вавилонянъ день начинался съ восхожденіемъ солнца, и въ немъ считалось, до слѣдующаго восхожденія, 24 часа, которые не дѣлились на два равные періода, т. е. на 12 часовъ дня и 12 ночи. Въ Библіи не упоминается о часахъ до временъ пророка Даніила, который ознакомился съ нравами Вавилонянъ. Геродотъ говоритъ, что Греки научили Египтянъ раздѣлять дни на 12 часовъ. Сначала часы были не равные, и продолжались сообразно съ долготою дня, что въ нѣкоторыхъ земляхъ осталось еще и до сихъ поръ. Раздѣленіе дня на 24 части вошло въ употребленіе у Римлянъ не задолго до первой Пунической войны. Они раздѣляли свою ночь на четыре *стражи*, и день на періоды, сообразные съ этимъ же раздѣленіемъ. Во время пребыванія І. Христа на землѣ, Римляне и Іудеи, хотя и продолжали раздѣлять время *стражами*, но въ Писаніи уже ясно говорится о 12 часахъ дня.

Digitized by Google

луны, и гражданскій или солнечный, который указывалъ хронологію болѣе точную.

Семидневная недѣля, безъ всякаго сомнѣнія, имѣетъ свое начало отъ лунныхъ измѣненій и сообразныхъ съ ними празднествъ у древнихъ народовъ; но она не вошла въ обыкновеніе общее потому, что празднества во время четвертей луны не были столько общими, какъ празднества во время новолунія и полнолунія; между тѣмъ «день новолунія», по своему значенію хронологическому, считался въ древнемъ мірѣ, да и въ наши времена еще считается между племенами необразованными, днемъ важнымъ и торжественнымъ. Это мнѣніе было общее въ полномъ смыслѣ слова. Послѣ дня новолунія вторымъ днемъ, имѣющимъ такъ же сильное вліяніе на главныя событія жизни, считали непосредственно день полной луны. Эти-то дни преимущественно избирали *сабы* для своихъ совѣщаній, что и дало имъ названіе, какъ уже мы говорили, «дней саба» или *шабаша*. Когда, впослѣдствіи, *сабы* начали собираться при началѣ каждой четверти луны, періодъ, заключающійся между этихъ сборищъ, образовалъ недѣлю или *седьмицу*, названіе которой равно опредѣляется у Евреевъ словами *саба* и *сабоахтъ*, значеніе которыхъ мы разбирали уже выше.

Семь сутокъ недѣли, принимаемой въ томъ размѣрѣ, о которомъ мы теперь говоримъ, не могли заключать въ себѣ каждые непремѣнно по 24 часа; это были недѣли *лунныя*, по ходу которыхъ первый день каждаго мѣсяца непремѣнно начинался съ рожденіемъ луны. По этому онѣ не могли соотвѣтствовать нашимъ недѣлямъ, нисколько независимымъ отъ лунныхъ измѣненій, и установившимся вмѣстѣ съ установленіемъ солнечнаго года. Солнечный годъ потребовалъ и новой номенклатуры; названія: «день новолунія и день полнолунія» замѣнились общимъ именемъ «дня луны», *lunae dies* (*),

(*) У Французовъ *lundi*. У насъ, какъ извѣстно, названіе дней совершенно не относится къ лунѣ или мѣсяцу, а собственно только къ недѣлѣ. *Понедѣльникъ*, первый день послѣ недѣли, и т. д., уже по числительному порядку самой недѣли.

Digitized by Google

уже безъ отношенія его къ прибыли или ущербу луны. Вмѣстѣ съ установленіемъ солнечнаго года, и самый семидневный кругооборотъ дней, можетъ быть, тоже бы уничтожился, еслибы седьмой день не былъ освященъ, въ новѣйшія времена религіей, а въ древнія, также частію обрядами религіозными, частію сборищами, судившими дѣла гражданскія.

Когда восточные Азіатцы и жители средней Америки нашли настоящую долготу дня, они замѣтили, что мѣсяцы и годы гораздо вѣрнѣе дѣлятся на пять, чѣмъ на всякое другое число, и вѣроятно приняли бы у себя пятидневныя недѣли, точно такъ же, какъ западные ихъ сосѣди приняли семидневныя, еслибъ только этому не воспротивились ихъ древніе обычаи. Въ Америкѣ, календарь Ацтековъ заключаетъ въ каждомъ мѣсяцѣ равное число дней и недѣль, что гораздо удобнѣе нашего раздѣленія, и ихъ астрономическія исчисленія до того вѣрны, что въ 1519 году, когда Испанцы вторглись въ Мексику, Ацтеки, по своему календарю, шли совершенно согласно съ настоящимъ временемъ, между тѣмъ какъ Европейцы, по календарю Юліанскому, ушли отъ него впередъ около одиннадцати дней (*).

На обоихъ полушаріяхъ наблюденіе небесныхъ тѣлъ, показывающихъ раздѣленіе времени, исключительно принадлежало древнимъ жрецамъ, или, лучше сказать, это была первоначальная наука тѣхъ людей, которые впослѣдствіи, посредствомъ ея, и сдѣлались жрецами. Старцы или *сабы*, которые старались сначала замѣчать рожденіе луны, и первые успѣли сдѣлать въ этомъ случаѣ нужныя открытія, составили наконецъ касту мудрецовъ, или астрологовъ-предсказателей, совѣты которыхъ считались необходимыми каждый разъ, когда встрѣчался вопросъ о какомъ-нибудь важномъ государственномъ дѣлѣ. Уваженіе къ ихъ знаніямъ вселило вѣру, что они почерпаютъ эти знанія изъ источниковъ сверхъестественныхъ,

(*) Прескоттъ. *Завоеваніе Мексики.*

Digitized by Google

и эта вѣра, соединившись съ вѣрою во вліяніе звѣздъ на дѣла человѣческія, породила *сабеизмъ*, или поклоненіе солнцу и лунѣ. Эта религія самая древнѣйшая изъ всѣхъ языческихъ религій. Первыми храмами этой религіи были хижины предсказателей, которые обыкновенно устроивали свои жилища на горахъ, для удобства астрономическихъ наблюденій. Алтарями жертвоприношеній служили камни, на которыхъ они, во время своихъ ночныхъ занятій, зажигали огонь, и приготовляли себѣ пищу. Жертвами богамъ служили животныя, приносимыя въ подарокъ предсказателямъ, для закланія на этихъ алтаряхъ. Пользуясь суевѣріемъ народа, астрологи присвоили себѣ право не только назначать, сообразно съ теченіемъ планетъ, дни благопріятные для начинанія дѣлъ политическихъ, но также предсказывать счастливые и несчастные дни вообще, по вліянію на нихъ таинственныхъ существъ, населяющихъ солнце и луну. Они доказывали необходимость поклоненія этимъ неизвѣстнымъ существамъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ открывали и средства, которыми можно ихъ умплостивить.

У всѣхъ народовъ древняго происхожденія, которымъ чуждо еще образованіе, жрецъ всегда вмѣстѣ и астрологъ, или, по крайней мѣрѣ, на него возложена обязанность наблюдать измѣненія луны и по нимъ опредѣлять время, какъ по единственному календарю цѣлаго племени.

Этимъ объясняется фактъ, подтверждаемый всѣми писателями и всѣми памятниками историческими, что во времена древней цивилизаціи религія и большая часть власти гражданской сосредоточивались въ рукахъ іерархіи *астрономической*. Въ Египтѣ, Вавилонѣ, въ Средней Азіи и средней Америкѣ жрецы были астрономы, потому что астрономія была ихъ постоянная наука, переходящая изъ рода въ родъ; и когда жрецы изучили ее до того, что могли предсказывать затмѣнія, они пріобрѣли надъ народомъ власть моральную, которая заставляла трепетать царей, и противъ которой никакія военныя силы не могли бороться съ успѣхомъ.

Digitized by Google

Отсюда тоже происходитъ примѣсь миѳовъ и символовъ астрономическихъ, встрѣчаемая во всѣхъ древнихъ религіяхъ, и которая даже вкрадывалась въ испорченное христіанское ученіе, проповѣдуемое еретиками въ III вѣкѣ. Еще больше: слѣды этихъ символовъ сохранились еще и теперь въ нашихъ знакахъ Зодіака. Древніе жрецы астрономы (Халдеи, Индіяне или Египтяне), наблюдая теченіе солнца, какъ тогда думали, между звѣздъ, замѣтили, что въ различныя времена года оно приближается къ различнымъ созвѣздіямъ, и дали этимъ созвѣздіямъ названія, соотвѣтствующія свойствамъ тѣхъ временъ, въ которыя солнце къ нимъ приближалось, а иныя изъ нихъ назвали именами животныхъ и другихъ знакомыхъ предметовъ, по предполагаемому сходству съ ними самой формы созвѣздія. Такимъ образомъ дождливая пора года дала своему созвѣздію названіе *Водолей*; *Овенъ* названъ такъ отъ времени стриженія овецъ, и *Скорпіонъ* долженъ былъ служить эмблемой палящихъ жаровъ осени восточныхъ странъ. Отсюда произошли двѣнадцать знаковъ *Зодіака*, и это чудное сходство ихъ у всѣхъ древнихъ народовъ, которое поставило антикваріевъ въ страшное затрудненіе. Между тѣмъ вовсе не нужно, кажется, предполагать, чтобы народы заимствовали знаки эти другъ у друга; напротивъ, очевидно, что, по законамъ ума человѣческаго, всѣ касты священныхъ астрономовъ были приводимы инстинктомъ, къ однимъ и тѣмъ же результатамъ.

Поклоненіе солнцу, какъ великому представителю божества, наблюденіе надъ теченіемъ звѣздъ, названія созвѣздій и вліяніе временъ года, все это вмѣстѣ послужило основаніемъ для учрежденія годовыхъ религіозныхъ торжествъ и обрядовъ, и внесло въ религію различныя эмблемы. Когда, напримѣръ, солнце вступило въ созвѣздіе *Тельца*, во время весенняго равноденствія, *телецъ* или *быкъ* служилъ эмблемою божества. Не самое животное въ началѣ обожали въ немъ Египтяне, но подъ этой формой они поклонялись *Апису*, т. е. *аб-изъ*, создатель, источникъ жизни (по-Еврейски *Абъ*—отецъ, и *изъ*—существованіе). *Озирисъ* и *Изида* соотвѣтствовали другъ другу: *Озирисъ*

Digitized by Google

былъ верховный учредитель порядка (по-Еврейски *Сиръ* значитъ учреждать, управлять; откуда происходитъ Французское слово *Sir*, государь). Въ смыслѣ же метафорическомъ, *Озирисъ* представлялъ солнце, какъ верховнаго распорядителя времени; а символомъ *Изиды*—источника плодородія, была луна, какъ заимствующая свѣтъ свой отъ солнца. Такъ какъ *быкъ* или *телецъ*, по поводу весенняго равноденствія, былъ посвященъ *Озирису*, то и *корову* посвятили *Изидѣ*, эмблемами которой были также овца и голубка. Отсюда произошло поклоненіе Израильтянъ золотому тельцу, и отсюда же суевѣрное поклоненіе быкамъ, коровамъ, баранамъ и голубямъ, которое распространялось по всей Азіи, и существуетъ, мѣстами, и до нашихъ временъ (*). Отъ посвященія божеству разныхъ эмблемъ, родилась мысль поклоняться этимъ видимымъ вещамъ, вмѣсто духа невидимаго, и изъ этого составилось идолопоклонство. Израильтяне вѣровали въ Бога подъ именемъ Іеговы, но они говорили Ларону: «покажи намъ Бога, которому мы покланяемся,» и по этому случаю Ааронъ сдѣлалъ имъ золотаго тельца.

Аммонъ Ре Египетскій слѣдался впослѣдствіи эмблемой Юпитера Аммона Греческаго. Далѣе видимъ мы, что Іеровоамъ, указавъ народу два золотыхъ тельца, сказалъ: «Вотъ твои боги, Израиль, которые вывели тебя изъ Египта».

Это были вѣроятно эмблемы быка и коровы, посвященныя Египтянами *Озирису* и *Изидѣ*, *Ваалы* Арабовъ и Сиріянъ.

Позднѣйшіе слѣды этихъ идей древней цивилизаціи мы видимъ у Ацтековъ и Перуанцевъ. Мы находимъ ихъ, какъ древнихъ Халдеевъ или Египтянъ, подъ вліяніемъ іерархіи астрономовъ и астрологовъ, которые изучали небеса, какъ священную

(*) У Китайцевъ быкъ до сихъ поръ играетъ важную роль во время ихъ весеннихъ праздниковъ, учрежденныхъ въ честь земледѣлія. У нихъ дѣлается статуя быка изъ глины; послѣ извѣстныхъ церемоній, эту статую, наполненную внутри еще маленькими статуями быковъ, разбиваютъ, и народъ наперерывъ расхватываетъ эти изображенія. (Davis's Chinese, ch. 18).

Digitized by Google

книгу; слагали созвѣздія въ формы, изобрѣтаемыя ихъ воображеніемъ, и составляли изъ нихъ аллегорическія религіозныя изображенія; наблюдали теченіе звѣздъ, для составленія гороскоповъ, и которые, наконецъ, собирали факты и пріобрѣтали знанія для того только, чтобы все это употреблять въ пользу своей касты. Такъ точно было у Египтянъ, у Ассиріянъ, у Мидянъ, у Персовъ и у всѣхъ древнихъ народовъ, до Грековъ и Римлянъ включительно. Древнее вліяніе миѳологіи *сабовъ* или астрологовъ перешло въ Аѳины и въ Римъ, гдѣ пустило новые корни. Слѣды его до сихъ поръ не изгладились, и теперь, посреди насъ, въ половинѣ девятнадцатаго вѣка, мы встрѣчаемъ еще на каждомъ шагу безчисленное множество суевѣрныхъ обычаевъ, истинное начало которыхъ нигдѣ иначе нельзя найдти, какъ въ астрономіи и астрологіи первыхъ вѣковъ.

Digitized by Google

ПИСЬМО КНЯЗЯ ОДОЕВСКАГО

КЪ ЦАРЮ АЛЕКСѢЮ МИХАЙЛОВИЧУ.

Списокъ съ отписки слово въ слово.

Благословеніемъ всесильнаго Бога отъ высочайшей и всемогущей Его десницы святымъ елеемъ помазану истинному поборнику православные христіанскіе вѣры, ни въ чесомъ несуменныя Авраамскія, пророческія, Апостольскія, мученическія, отеческія, преподобныхъ и праведныхъ и всѣхъ святыхъ, богоугодно пожившихъ и Богу угодившихъ, благочестивому великому Государю, Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всея Россіи Самодержцу, холопъ твой, Микитка Одоевской, челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, въ .... году, Сентября въ 8-е, въ твоей Государевѣ Царевѣ и Великого Князя Алексѣя Михайловича всея Россіи, грамотѣ писано ко мнѣ, холопу твоему, о благосостояніи святыхъ Божіихъ церквахъ, и о высокомъ великаго Государя здравіи, и о пресвѣтлыхъ чудесахъ великаго свѣтильника и чудотворца Филиппа, Митрополита Московского и всеа Россіи, и ко мнѣ, холопу твоему, и къ дѣтишкамъ моимъ твоя Государская неизреченная милость. И я холопъ твой з дѣтишками своими со Алешкою и .... видя такую твою Государскую милость къ себѣ, отъ радости въ слезахъ Бога благодарили и вседомовно о вашемъ Государскомъ здравіи молили и молимъ, чтобъ вамъ Государемъ по вашей Государской вѣрѣ умножилъ ваши Государскіе лѣта и подаровалъ бы вамъ, Великому Государю, наслѣдіе рода царствія вашего, и видѣти бъ вамъ, Государемъ, дѣти дѣтей своихъ даже и до четвертого рода, и державу бы царствія вашего милостію своею сохранилъ во всякомъ устроеніи и во из-

Digitized by Google

обилiи плодовъ земныхъ. И что Государь мнѣ, холопу твоему, и дѣтишкамъ моимъ далъ Богъ, за такую милость должно отдати за православную христiанскую вѣру и за святыя Божiя церкви и за тебя, Великаго Государя, пострадати нетокмо до крови, но и до смерти; и за такое твое Государское человѣколюбiе и милость къ намъ, рабомъ твоимъ, похвала тебѣ, Государю, не отъ человѣкъ, но отъ Бога. Зѣло, Государь, страшно высокая начати и проповѣдати преславно есть отнѣле же .... сечеся царски .... ень дѣда твоего Государева блаточестиваго и праведнаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича, всеа Россiи Самодержца, умноженiя ради грѣхъ всѣхъ православныхъ христiанъ Московскаго Государства попущенiемъ Божiимъ, учели державу Россiйскаго царствiя самовласно восхищати, и отъ сего учало быть межъусобiе и метежи, и за сiе предалъ Богъ Россiйское Государство въ плѣнъ и въ расхищенiе языкомъ, яко древняго Израиля, и самый царствующiи градъ Москву завладѣли еретики Поляки и Литва, и церкви Божiи обругали, и всякое украшенiе Московскаго Государства разорили и пусто положили. И иже всяческимъ Творецъ Господь Богъ нашъ, искони промышляя полезная на спасенiе человѣкомъ, восхотѣ обновити корень Россiйскаго Царствiя, отъ того же процвѣте Благочестивая Государыня Царица и Великая Княгиня Настасея Романовна, избралъ благочестивую вѣтвь отца твоего Государева, Государя нашего Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича, всея Россiи Самодержца, отъ самыхъ пеленъ возраста помазахъ его Государя елеемъ радости на Московское Государство, яко древле при Царѣ Саулѣ Давида на царство. И волею, Государь, Божiей прославися сiе Божiе дарованiе на отцѣ твоемъ Государѣ нашемъ царское именованiе всемъ людемъ и въ тѣ времена владымымъ Царемъ извѣстися; и се слышаще, завистiю таеми, ничесо же успѣша, и въ Московскую, Государь, осаду при Полякахъ и Литвѣ отецъ твой Государь нашъ пребывалъ яко агнецъ незлобивый посреде волковъ; и отъ нихъ еретиковъ Царское именованiе на немъ Государѣ не утаися; они же невозмогоша ни-

Digitized by Google

чего сотворити, понеже, Богомъ пасомъ, сохранися отъ всѣхъ здравъ даже до лѣта устроенія, и Россійскаго Государствія всенародное множество отъ злобъ своихъ обратися на покояніе къ Богу, и проповѣдали постъ даже и до ссущихъ младенцевъ, якоже древле Неневитяне. Человѣколюбивый Богъ, видя обращеніе, Московское Государство изъ еретическихъ рукъ исхитилъ рукою своею крѣпкою и мышцею высокою, якоже древняго Израиля изъ Египта, и Божіимъ, Государь, благоволеніемъ Московскаго Государства народи вси вкупѣ согласившеся, и собрали на Россійское Царство Государемъ царемъ, и Великимъ Княземъ древле избраннаго и помазаннаго Богомъ отца твоего Государя нашего; и всенародное множество молили у него и просили, чтобъ пожаловалъ принялъ Богомъ дарованный ему престолъ и скипетръ Россійскаго Царствія и былъ Государемъ и Царемъ. И онъ, Великій Государь, исполняя заповѣди Христовы, неспѣшно такому дѣлу касается; но благоволеніемъ Божіимъ ко прошеныо всенароднаго множества едва преклоняется, и пришедъ въ царствующій градъ Москву на богодарованный ему Государю Царскій Престолъ, и о разоренін Церквей Божіихъ и монастырей и о запустеніи такого Великаго Государства душевно поболѣ, и всемогущему Богу и Пресвятой Богородицѣ и всѣмъ Святымъ со слезами молися о смирномъ строеніи державы своея, царствующаго града Москвы и всеа Великія Россіи; и по его Государской вѣрѣ благому изволенію даде ему Богъ разумъ воеже творити волю благу и богоугодну и совершенну вѣчну на небесехъ, и повелѣніемъ его Государскимъ начаша церкви Божія и монастыри строити и всякими лепотами украшати, и царствующаго града Москвы и протчихъ городовъ и Всероссійскаго Царствія расточенные люди собралъ, и своею Государскою милостію одаровалъ, и не во многихъ, Государь, лѣтѣхъ аки отъ лютые зимы пролетіе вниде и аки отъ солнечные теплоты удоліе процвѣте, тако, Государь, и царствующій градъ Москва и прочіе грады и веси поспѣшеніемъ Божіимъ и ево Государскою милостію и разумомъ обновилися и процвѣли паче древнихъ лѣтъ,

Digitized by Google

и потомъ Государь междоусобія укротилъ, и окрестныя Государства умирилъ, и царство свое миромъ оградилъ; и не до сего, Государь, стати и молчанію предати, но подобаетъ чудеса Божія ясно вѣщати. Древле, Государь, первому благочестивому и великому Царю Константину подаровалъ Богъ отъ земныхъ недръ честный крестъ Господень, на немже плотію распялся Христосъ Богъ нашъ, въ сохраненіе благочестивые его державы и всемъ вѣрнымъ во спасеніе: подобно, Государь, тому и отцу твоему, благочестивому Государю Царю и Великому Князю, Михаилу Ѳедоровичу всеа Руси, даровалъ Богъ ему, Государю, отъ басурманскихъ рукъ божественную ризу Христа Бога нашего въ сохраненіе благочестивые его державы Россійскаго царства въ вѣчны роды и всѣмъ православнымъ христіаномъ во спасеніе; равно, Государь, благочестіе и вѣра обоихъ великихъ Государей, равно имъ и дарованіе Божіе, и отъ сея, Государь, божественныя ризы Христа Бога нашего и донынѣ источники чюдесъ проливаются. Потомъ даровалъ ему, Государь, Господь Богъ благочестиву отрасль тебя, Государя, въ наслѣдія благочестивыя его державы Россійскаго царствія, и о семъ Государь велми Бога благодарилъ, и тебя, Государь, благочестію и страху Божію научи, и возрасти, Государь, и процвѣте въ дому Божіи отчи, яко маслина плодовита въ дому Божіи; и изволеніемъ, Государь, Божіимъ отецъ твой, Государь нашъ, оставилъ земное свое царство въ наслѣдіе тебѣ, Государю; а самъ переселился въ вѣчные обители небеснаго царствія; и его Государевыми молитвами подаровалъ тебѣ, Государю, Богъ премудрость, якоже древле Царю Соломону; возлюбилъ еси, великіи Государь, судъ и правду и милость, и возненавидѣлъ беззаконіе. Сего ради помаза тя Богъ елеемъ радости паче причастникъ твоихъ. Истины Государь исполнитель заповѣдемъ Христовымъ возлюбилъ благолѣпіе дому Божія, церкви Божія и монастыри всякимъ благолѣпіемъ украсилъ, и благочестивые своея державы люди благоразсудилъ, управилъ, и отъ басурманскаго нахожденія царство свое оградилъ, и православныхъ христіянъ

Digitized by Google

отъ плѣненія освободилъ, и враговъ неработны явилъ, и о семъ, Государь, достоитъ благодарити со псалмопѣвцемъ Давидомъ: Блаженъ мужъ, бояйся Господа, въ заповѣдехъ Его восхощетъ зѣло, сильно на земли будетъ сѣмя его. Родъ правыхъ благословится; слава и богатство въ дому его, и правда его пребываетъ во вѣки. И подаровалъ тебѣ, Государю, Богъ по благочестію истинному ревнителя, возвратя твердаго адаманта, по благочестію же ревнителя, за истину пострадавшаго, чюдесемъ источника, за тебя, Государя, и за всѣхъ православныхъ христіанъ присnаго молитвенника къ Богу, Ѳилиппа Митрополита Московскаго и всея Россіи мощи въ царствующій градъ Москву на его святительскій престолъ, якоже древле при благочестивомъ и великомъ Царѣ Ѳеодосіи юномъ покаянную великого проповѣдника и за истину также пострадавшаго, Іоанна Златоустаго, на его святительскій престолъ отъ Команъ въ Царьградъ. О благочестивые и великіе Государи Цари, отецъ и сынъ! Се вамъ, Государемъ, похвала и слава не отъ человѣкъ, но отъ Бога; понеже славящихъ Его православляетъ васъ, великихъ Государей, и обогатилъ паче инѣхъ Царей земныхъ. Сіе, Государь, богатство паче злата, топазія. Гдѣ, Государь, слышать но во мнимыхъ христіанскихъ Государствахъ, чтобъ слѣпые воочесплить, хромые ходили и болящіе различными недуги исцѣлялись? Токмо вамъ, благочестивымъ Государемъ, подаровалъ Богъ сію славу, честь. Буди, Великій Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичь, всеа Россіи Самодержецъ, здравъ на многіе лѣта со своею благочестивою и благородною Царицею а съ нашею Государынею, Благовѣрною Царицею помощницею твоему благочестію, и своими Государевыми благовѣрными и благородными сестрами, а съ нашими Государынями, благовѣрною Царевною и Великою Княжною Ириною Михайловною, благовѣрною Царевною и Великою Княжною Анною Михайловною, благовѣрною Царевною и Великою Княжною Татьяною Михайловною, и со своими Государевыми благовѣрными и благородными дочерьми, а съ нашими Государынями, благовѣрною Царевною и Великою Княжною, Евдокеею Алексѣевною и благовѣрною Царевною и Великою

Digitized by Google

Княжною, Маѳою Алексѣевною, и съ отцемъ своимъ богомольцемъ, а съ нашимъ Великимъ Господиномъ Никономъ, Патріархомъ Московскимъ и всеа Россіи, и со всеми своими Государевы богомольцы, и съ бояры, и съ Христолюбивымъ воинствомъ и доброхоты, и со всѣми православными Христіаны, и по вашей Государской вѣрѣ и благочестію подастъ Господь Богъ вамъ, Государемъ, Наслѣдникомъ Царствія вашего, и корень вашъ Государской не пресечется во вѣки аминь. А твоя Государская милость ко мнѣ, холопу твоему и къ дѣтишкамъ моимъ незабвена будетъ до исхода живота нашего, а грамота твоя Государская въ родъ нашъ соблюдетца во вѣки. А что, Государь, написано въ концѣ твоей Государевы грамоты, того я, холопъ твой, прочесть неразумѣлъ; милость, Государь, покажи надо мною, холопомъ своимъ, вели разрѣшить мое недоумѣніе. А въ вотчинѣ твоей Государевѣ, въ царствующемъ градѣ Казанѣ, и въ пригородехъ Казанскихъ, и въ весехъ люди Божіи и твои Государевы православные Христіане и бесурмане и разныхъ вѣръ, милостію Божіею, а твоими Государскими молитвами и счастьемъ, въ добромъ устроеніи. А мѣдныя, Государь, руды милостію Божіею и твоимъ Государскимъ счастьемъ, сыскано много, и заводы, Государь, къ мѣдному дѣлу заводимъ; а писано къ тебѣ, Государю, про то подлинно прежде сего выныхъ отпискахъ. Да и о семъ, Государь, у тебя Государя милости прошу; будетъ простотою своею о чемъ погрешилъ въ сей отпискѣ, положи, Государь, на милость холопу твоему, какъ тебѣ милосердому Государю, Богъ извѣститъ. А сокольники твои Государевы Михей Табалинъ и Игнатей Кельинъ пріѣхали въ Казань съ твоими Государевыми грамотами, к намъ, холопомъ твоимъ, Сентября въ 18-е, и по твоему Великаго Государя Узаку я, холопъ твой, давъ имъ подводы и провожатыхъ, отпустилъ ихъ въ Сибирь, въ 20 числѣ на первомъ часу дни.

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Опытъ о преподаваніи, Ивана *Гасфельда*. Спб. 1851 г.

Въ настоящее время важность, необходимость и польза образованія сознается у насъ вообще. Въ наше время, и люди простые, наши мужички, уже считаютъ важнымъ и полезнымъ пріобрѣтеніемъ, если дѣти ихъ мало-мальски обучены грамотѣ, или хотя могутъ прочесть на дорожномъ столбѣ число верстъ, и люди-вельможи благодарятъ судьбу, если попадется къ нимъ въ домъ учитель-гувернеръ съ разнообразными свѣдѣніями. Правда, что и въ наше время есть еще много людей, которые разсматриваютъ образованіе съ внѣшней стороны, — со стороны тѣхъ выгодъ, которыя имъ достигаются. Но какія бы ни были причины, побуждающія въ наше время родителей образовывать дѣтей, и молодыхъ людей учиться, — близкія или дальнія, внутреннія или внѣшнія, — важно здѣсь то, что возможно-полное образованіе считается первою и существенною необходимостію. И пусть родители воспитываютъ дѣтей, чтобы сдѣлать ихъ знатными и богатыми, и пусть сама наша молодежь учится для того, чтобы образованіемъ проложить себѣ дорогу къ службѣ и пріобрѣсти средства для жизни; но нельзя не радоваться и такому взгляду на воспитаніе, когда вспомнишь, какъ не далеко еще ушло отъ насъ то время, когда на науку смотрѣли иначе, и когда дѣти, при отправленіи въ учебное заведеніе, оплакивались горькими, безнадежными слезами.

Но при такомъ всеобщемъ сознаніи важности и необходимости образованія, не прекращаются жалобы, что наука есть трудъ тяжелый, изнурительный, нерѣдко отнимающій у родителей единственное ихъ дитя, а учителей, достойныхъ назваться въ строгомъ смыслѣ наставниками, еще очень не много. Дѣйствительно, не смотря на множество толковъ и системъ о воспитаніи дѣтей и методахъ преподаванія наукъ, начиная отъ Ликурга, Платона, Сократа, Цицерона и до Локка, Песталлоци, Ж. Ж. Руссо, Нимейера и многихъ другихъ второстепенныхъ писателей въ этомъ родѣ, споръ еще не рѣшевъ, и воспитаніе

Digitized by Google

и образованіе дѣтей есть по истинѣ дѣло темное, запутанное и трудное. Но этого нельзя привести въ оправданіе родителямъ, которые не хотятъ знать, въ чемъ должно состоять воспитаніе дѣтей, и поступаютъ ощупью и безсознательно; тутъ родители неизвинительно виноваты. У насъ, когда настала пора учить дѣтей, отдаютъ ихъ въ учебное заведеніе, или берутъ въ свой домъ гувернера или учителя. Мы не намѣрены говорить о воспитаніи, которое получаютъ дѣти въ учебныхъ заведеніяхъ: тутъ правительство предписало и утвердило, чему и какъ должны дѣти учиться; здѣсь все подведено подъ форму и законъ, и воля родителей отсюда устранена; самые учители здѣсь обязаны слѣдовать программамъ, руководствамъ, развѣ съ небольшими отступленіями. Мы хотимъ говорить только о домашнемъ воспитаніи, или о воспитаніи, гдѣ воля родителей свободна и просторна, а наставники или учители также могутъ поступать какъ угодно относительно методы и способовъ своихъ занятій и преподаваній наукъ. По нашему личному убѣжденію, мы предпочитаемъ воспитаніе и образованіе общественное или публичное воспитанію и образованію домашнему. Не говоря о весьма многихъ преимуществахъ перваго передъ послѣднимъ, укажемъ только на то обстоятельство, что большая часть, такъ называемыхъ, дѣльныхъ молодыхъ людей, у насъ выходила и выходитъ изъ воспитанниковъ публичныхъ заведеній, а не домашнихъ, и родители, признавая это преимущество, эти выгоды, какъ бы долго ни воспитывали дома дѣтей, отдаютъ ихъ, хотя на короткое время, въ старшіе классы среднихъ учебныхъ заведеній или въ университеты. Слѣдовательно, общественное воспитаніе у насъ завершаетъ воспитаніе домашнее, и это завершеніе послѣдняго первымъ считается также существенною необходимостію. Будемъ же говорить о воспитаніи и образованіи домашнемъ.

Вина родителей, которые при воспитаніи дѣтей поступаютъ безсознательно и ощупью, состоитъ въ томъ, что они, признавая необходимость воспитанія и образованія, не хотятъ прежде всего уяснить самимъ себѣ, въ чемъ должно состоять это воспитаніе и образованіе. Многіе очень умные, образованные и нѣжные отцы и матери и не подозрѣваютъ, что есть великое множество книгъ и системъ, трактующихъ весьма разумно и дѣльно о воспитаніи и образованіи. Смѣшно бы было, если бы родители вздумали исключительно слѣдовать методѣ воспитанія какого-либо одного автора; но нельзя не считать страннымъ и предосудительнымъ, что иной отецъ или мать готовы лучше читать какой-либо пустой романъ и безтолковую повѣсть, нежели про-

Digitized by Google

честь дѣльный трактатъ о воспитаніи и образованіи дѣтей. Эти отцы и матери заботятся, чтобы дѣти ихъ были удобно помѣщены и красиво одѣты, и храни Богъ, если дитя заболѣетъ! горю нѣтъ мѣры, слезамъ утѣшенія; тотчасъ во всѣ концы шлютъ за докторами, но до появленія доктора, употребятъ и знаютъ употребить тысячи средствъ къ облегченію больнаго. Но если ребенокъ заболѣетъ духомъ, если въ сердцѣ дитяти явится червякъ, который видимо подтачиваетъ все нравственное основаніе этого будущаго человѣка, увы! тутъ еще болѣе слезъ и отчаянія, но помочь этой бѣдѣ не берутся, не могутъ и не знаютъ....

Какъ медикъ есть врачь физическихъ недуговъ человѣческихъ, такъ наставникъ или учитель должны быть врачами духовныхъ, нравственныхъ. Но посмотрите, много ли найдется у насъ такихъ врачей, такихъ наставниковъ и учителей? Число ихъ въ настоящее время велико; но многіе изъ нихъ взялись за воспитаніе и образованіе дѣтей отъ недостатка, ограниченнаго состоянія, слѣдовательно и видятъ въ своихъ занятіяхъ только средства къ своему насущному содержанію; другіе сдѣлались наставниками и учителями отъ того, что служба и казенное мѣсто не доставляетъ имъ тѣхъ выгодъ и удобствъ, какъ жизнь учителя въ хорошемъ и богатомъ домѣ, гдѣ они и спокойны и обезпечены, даже черезъ-чуръ, на нѣсколько лѣтъ впередъ обезпечены. У насъ, напримѣръ, гимназистъ или семинаристъ, студентъ или бывшій въ университетѣ даютъ уроки, поступаютъ жить въ дома отъ того, что они люди бѣдные и не имѣютъ другихъ средствъ къ своему содержанію; кандидатъ или дѣйствительный студентъ предпочитаютъ, по окончаніи университетскаго курса, отправиться въ деревню и взять на себя обязанности наставника и учителя потому, что въ этой должности даютъ имъ тысячу или полторы серебромъ денегъ и все квартирное содержаніе, а на казенной службѣ они не получатъ на первый разъ и четвертой части этой суммы. Ясно, что какъ родители берутъ въ свой домъ учителей ex obligatio, такъ и учители поступаютъ къ нимъ ex professio; то есть, какъ родители приглашаютъ учителей отъ того, что нужно, необходимо образовывать дѣтей, такъ молодые люди становятся учителями потому, что имъ представилось удобное мѣсто или, какъ говорятъ они, выгодная кондиція. Родители, взявшіе къ себѣ въ домъ учителя, все дѣло воспитанія оставляютъ на его волю, потому что сами ничего не разумѣютъ въ этомъ дѣлѣ; молодые же люди становятся учителями не по призванію, не по внутреннему убѣжденію и не по сознанію важности и пользы

Digitized by Google

своихъ обязанностей. Между тѣмъ, неужели между многими учителями или тѣми, которые принимаютъ на себя роль наставниковъ и учителей, нѣтъ наставниковъ и учителей въ истинномъ смыслѣ этого слова? Конечно есть. Но у насъ существуетъ странное предубѣжденіе родителей: они всегда готовы предпочесть гимназиста семинаристу, кандидата дѣйствительному студенту, справедливо считая, что кандидатъ больше знаетъ студента, гимназистъ семинариста; но тутъ не берется во вниманіе самое главное и существенное достоинство наставника или учителя—его способность къ этому дѣлу. Намъ не разъ случалось встрѣчать такихъ семинаристовъ, которые учили лучше многихъ и очень многихъ кандидатовъ, и дѣйствительныхъ студентовъ, которые преподавали науки лучше нѣкоторыхъ профессоровъ; а имъ, этимъ семинаристамъ и студентамъ, платили цѣну весьма ограниченную, сравнительно съ тою, какую готовы были платить кандидату и магистру, и тотчасъ промѣнивали ихъ на перваго *патентованнаго ученаго мужа*. Удивляйтесь же послѣ этого, что у насъ иногда огромныя суммы истрачиваются, и самыя горячія заботы и усилія сосредоточиваются на воспитаніе и образованіе дѣтей, а дѣти все-таки не оправдываютъ въ послѣдствіи и половины отъ нихъ ожидаемаго и предполагаемаго.

Не менѣе важна касательно воспитанія и другая странность родителей. Они любятъ давать разнообразныя познанія своимъ дѣтямъ; но никогда не стараются подмѣтить въ дѣтяхъ врожденныя способности къ одной какой-нибудь наукѣ или искусству. Часто дитя обнаруживаетъ особенное расположеніе, напримѣръ, къ математикѣ, одному какому-нибудь языку или искусству: но его продолжаютъ мучить надъ исторіею и географіею, фехтованьемъ или танцами, а число математическихъ уроковъ, рисованья или музыки, остается одно и то же въ продолженіе недѣли. Отъ этого, когда дитя сдѣлается уже молодымъ человѣкомъ и захочетъ избрать любимые предметы для своихъ занятій, не рѣдко оставляетъ въ сторонѣ эти любимые предметы отъ скудности знанія ихъ, и берется за другіе, къ которымъ гораздо слабѣе сочувствуетъ, но болѣе отчетливо ихъ знаетъ. Лучше всего видѣть примѣры этому на тѣхъ молодыхъ людяхъ, которые поступаютъ въ университеты изъ домашнихъ воспитанниковъ. Большая часть изъ нихъ идетъ по юридическому факультету потому, что здѣсь, при поступленіи въ университетъ, не требуется особенныхъ знаній въ древнихъ языкахъ и наукахъ математическихъ, хотя эти молодые люди иногда преимущественно любятъ науки историко-филологическаго и

Digitized by Google

математическаго факультетовъ. Вотъ почему въ аудиторіяхъ университета очень часто можно встрѣтить молодаго слушателя, который съ удовольствіемъ слушаетъ лекціи тригонометріи или Славянскихъ нарѣчій, нежели Римскаго и общенароднаго права, и даже предпочитающаго первыя послѣднимъ. Вотъ почему иной студентъ-математикъ съ удовольствіемъ читаетъ во все продолженіе своего пребыванія въ университетѣ Русскія лѣтописи, и только передъ экзаменомъ заглядываетъ, и то по необходимости, въ тетради математическихъ лекцій. — У меня есть знакомый. Онъ семи лѣтъ, не зная ни одной ноты, даже рѣдко прикасаясь къ клавишамъ фортепьянъ, началъ по слуху наигрывать всѣ слышанныя имъ пѣсни, романсы и танцовальныя пьесы. Родители мало и даже никакого не обращали вниманія на способности и расположеніе ребенка къ музыкѣ, и заставляли его чаще сидѣть надъ исторіею и ариѳметикою. Между тѣмъ страсть къ музыкѣ сама собою въ немъ развивалась, и когда онъ сталъ уже взрослымъ молодымъ человѣкомъ и его опредѣлили въ военную службу, онъ имѣлъ въ стѣнахъ своей квартиры фортепьяны прежде, чѣмъ былъ готовъ новый его мундиръ. Въ 30 лѣтъ, всѣ любители и нелюбящіе музыки восхищались игрою его, хотя ноты для него все еще оставались невѣдомымъ міромъ. На бѣду, мой знакомый жилъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не было хорошихъ учителей музыки. Когда онъ переселился въ одну изъ нашихъ столицъ и ему случалось слышать себѣ похвалы извѣстныхъ артистовъ, онъ плакалъ, какъ дитя. Часто онъ говорилъ въ дружескомъ кругу: «если бы меня съ тѣхъ поръ, какъ начали учить писать цифры, учили музыкѣ, изъ меня, можетъ быть, что-нибудь и вышло, а теперь меня ставятъ иногда въ тупикъ самыя пустыя недоразумѣнія въ нотахъ». Другой примѣръ. Дитя страстно любило птичекъ и цвѣты; но кто же изъ дѣтей не любитъ ихъ? Такъ думали отецъ и мать нашего ребенка, и не обращали вниманія, даже бранили, когда онъ отрывалъ глаза отъ книги и засматривался на канарейку или попугая, или пачкалъ платья, гоняясь въ саду за жуками и бабочками, или обсыпалъ себя пылью травъ и цвѣтовъ. Потомъ молодой человѣкъ учился въ гимназіи и, по окончаніи курса, былъ также опредѣленъ въ гражданскую службу; но онъ скоро оставилъ ее и поселился въ своей деревнѣ. Живя на свободѣ и распоряжаясь собою свободно, онъ сдѣлался теперь замѣчательнымъ натуралистомъ и агрономомъ, считается членомъ нашего Общества естествоиспытателей, доставлялъ и доставляетъ ему множество матеріаловъ съ весьма дѣльными своими замѣчаніями, а все-таки не перестаетъ сожалѣть и жа-

Digitized by Google

ловаться, что его не учили въ молодости тому, къ чему онъ обнаруживалъ свои способности. — Что бываютъ врожденныя способности и неспособности къ изученію языковъ, мы приведемъ на память читателей Мецофанти, знавшаго нѣсколько десятковъ ихъ, и А. С. Пушкина, жаловавшагося, что онъ никакъ не можетъ выучиться Нѣмецкому языку, а если и сдѣлаетъ въ немъ какіе успѣхи, то очень скоро опять забываетъ.

Но благодаря судьбу, у насъ есть уже много родителей, которые воспитываютъ своихъ дѣтей не изъ однѣхъ матеріальныхъ выгодъ, и педагоги, которые видятъ въ своихъ занятіяхъ не одни только средства къ жизни. При этомъ стали также обращать вниманіе, чтобы наиболѣе развивать врожденныя способности дитяти къ извѣстной наукѣ или искусству. Далѣе, самое преподаваніе, не говоря уже о появленіи многихъ превосходныхъ учебниковъ и учебныхъ пособій, почти съ каждымъ днемъ у насъ улучшается. Этому улучшенію способствуютъ какъ успѣхи просвѣщенія вообще, такъ многіе трактаты и споры о методахъ преподаванія или обученія въ особенности. Книги и статьи подобнаго рода возбуждаютъ большое вниманіе родителей и педагоговъ, читаются съ удовольствіемъ, и, если онѣ дѣльны и полезны, заслуживаютъ глубокую благодарность. По этому нельзя не предполагать, чтобы не возбудила подобнаго вниманія и не заслужила искренней благодарности и книга г. Гасфельда: «Опытъ о преподаваніи». Въ ней встрѣтите вы много весьма дѣльныхъ, полезныхъ и умныхъ совѣтовъ и замѣчаній. Докажемъ это.

Г. Гасфельдъ убѣжденъ, что «обученіе можно привести къ гораздо простѣйшей формѣ противъ той, въ которой его представляли себѣ въ теченіе многихъ вѣковъ, и можно открыть систему преподаванія, неизмѣняемо основанную на законахъ природы» (стр. 5).

За этимъ авторъ представляетъ картину постепеннаго развитія ребенка съ ранняго дѣтства до значительной возмужалости тѣломъ и духомъ. Здѣсь авторъ говоритъ: «внимательный наблюдатель откроетъ, что духъ и тѣло дитяти развиваются въ одномъ и томъ же отношеніи, что они движутся параллельно, и удерживаются въ самомъ точномъ равновѣсіи, если только дитя совершенно здорово» (стр. 12). По нашему мнѣнію, въ такомъ же равновѣсіи должны находиться духъ и тѣло и въ послѣдствіи, когда дитя перейдетъ въ юношу. Величайшій у насъ недостатокъ, существующій при воспитаніи дѣтей, состоитъ въ томъ, что до сихъ поръ мало обращалось вниманія на физическое развитіе дѣтей. При постоянномъ упражненіи умственныхъ ихъ силъ, только

Digitized by Google

разъ въ недѣлю, а иногда и того рѣже, позволяютъ дѣтямъ погулять или покататься на воздухѣ; большую же часть времени они проводятъ въ стѣнахъ комнаты, гдѣ только въ немногихъ, чаще въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, есть гимнастическія упражненія. Отъ того учащіяся дѣти наши блѣдны и слабы, а самое развитіе умственныхъ ихъ силъ идетъ не такъ быстро, какъ этого можно бы было ожидать, если бы развитіе духа и тѣла, выражаясь словами г. Гасфельда, двигалось параллельно. Поэтому намъ нравится слѣдующій весьма благоразумный совѣтъ автора: «пусть дѣти остаются дѣтьми; заботьтесь объ ихъ тѣлесномъ здоровьѣ, давайте имъ здоровую пищу; пускай ихъ бѣгаютъ и играютъ съ другими дѣтьми; берите ихъ домой лишь тогда, когда они достаточно устали, когда уже можно разсчитывать, что сонъ ихъ будетъ здоровъ и покоенъ» (стр. 16).

Далѣе г. Гасфельдъ утверждаетъ, что дѣтей не прежде должно начинать учить, какъ когда они сами «дадутъ вамъ почувствовать, что пора уже начать вести ихъ обученіе искусно-систематически.» (стр. 17). Подобное же требованіе касательно времени обученія дѣтей было выражено многими классическими писателями «о воспитаніи.» Ж. Ж. Руссо, напримѣръ, также требуетъ, чтобы дитя непремѣнно начинало учиться не прежде, какъ когда оно обнаружитъ къ тому сильнѣйшее расположеніе и желаніе. Но многія дѣти никогда его не обнаруживаютъ. Многія изъ нихъ бываютъ окружены безчисленными игрушками, забавами; имъ нѣтъ времени и обнаружить желанія или расположенія сѣсть за книгу и учиться; другія же хотя и обнаружатъ его, но въ эпоху уже полнаго своего развитія, когда они начнутъ сознавать необходимость знанія, и когда будетъ уже поздно надѣяться на быстрое развитіе умственныхъ ихъ силъ. Поэтому, намъ кажется, что мнѣніе г. Гасфельда относительно поры обученія дѣтей будетъ справедливо, если прибавить, что въ дѣтяхъ должно быть подготовлено и развито желаніе и расположеніе учиться, которое они должны рано обнаружить.

Далѣе авторъ говоритъ, что, при началѣ ученія дѣтей, родители и учители обыкновенно впадаютъ въ самыя важныя ошибки. «Не рѣдко этотъ переходъ отъ мнимой праздности къ трудовической дѣятельности совершается чрезвычайно непріятнымъ для ребенка способомъ, и слишкомъ часто предполагаютъ, что непремѣнно нужно заставлять ребенка учиться. Наши первые наставники исполняютъ иногда свою многотрудную обязанность съ величайшимъ отвращеніемъ; дѣти очень хорошіе наблюдатели, и обыкновенно учатся съ такою же неохотою, съ какою ихъ учатъ. Иной разъ учитель требуетъ отъ ребенка слишкомъ

Digitized by Google

многаго; слѣдствіе этого извѣстно: ребенокъ учится мало, или и совсѣмъ не учится. Торжественнаго лица учителя достаточно, чтобы сдѣлать для ученика урокъ въ высшей степени безполезнымъ и мучительнымъ. Средства, употребляемыя для возбужденія вниманія ученика, не всегда бываютъ самыя лучшія, и въ такомъ случаѣ они не рѣдко ведутъ къ слѣдствіямъ, для избѣжанія которыхъ слѣдовало бы напрягать всѣ свои силы. Самая форма обученія непріятно поражаетъ, и слишкомъ много требуетъ вниманія къ скучнымъ урокамъ. *Но самая важная ошибка состоитъ въ томъ, что ребенка занимаютъ изученіемъ самыхъ безполезныхъ вещей, между тѣмъ, какъ предметы великой важности оставляются безъ всякаго вниманія. Родители очень часто полагаютъ, что нѣтъ необходимости въ самомъ началѣ приглашать хорошаго учителя, и полагаютъ всему дурное основаніе*» (стр. 18 и 19). Подчеркнутыя нами строки особенно достойны вниманія.

«По моему мнѣнію,» говоритъ авторъ, «самый совершенный способъ обученія долженъ состоять въ движеніи по прямой линіи отъ незнанія къ знанію» (стр. 22).

На вопросъ, какъ должно учить дитя читать, авторъ отвѣчаетъ: «мы должны выучить дѣтей читать, но не тѣмъ способомъ, какъ это обыкновенно дѣлается: цѣлыя недѣли и мѣсяцы занимаютъ ихъ азбукою и скучными складами. На это теряется слишкомъ много времени, и ученье наскучаетъ дѣтямъ прежде, чѣмъ они узнаютъ его достоинство. Возьмите маленькій томикъ, напечатанный по возможности ясно, содержащій въ себѣ легкія фразы, повторяйте буквы въ томъ порядкѣ, въ какомъ они тамъ находятся, и повѣрьте, дѣти, хотя бы число ихъ въ вашемъ классѣ простиралось до пятидесяти, этимъ способомъ гораздо скорѣе узнаютъ буквы, нежели тѣмъ, который обыкновенно употребляютъ для этого труднаго дѣла. Правда, дѣти не будутъ знать буквъ въ алфавитномъ порядкѣ, но много ли выгодъ пріобрѣтаютъ они отъ этого порядка? Никакой!» (24 стр.). Мысль, высказанная г. Гасфельдомъ, объ обученіи дѣтей чтенію прямо съ фразъ, не прибѣгая къ азбукѣ, уже давно извѣстна, и желательно, чтобы эта метода вошла во всеобщее употребленіе.

На вопросъ: «чему же должны учиться дѣти?» авторъ отвѣчаетъ слѣдующими, въ высшей степени достойными вниманія словами, которыя уже были высказанны почтеннымъ Профессоромъ Московскаго Университета С. П. Шевыревымъ, въ рѣчи, произнесенной въ торжественномъ собраніи во время университ. акта «Объ отношеніи семейнаго

Digitized by Google

воспитанія къ государственному», 1842 г., стр. 48 — 49): «Прежде всего языку страны, въ которой они рождены и воспитаны, языку, на которомъ говорили у ихъ колыбели, на которомъ пѣвцы воспѣли дѣянія ихъ предковъ; этотъ языкъ, *а не другой*, долженъ быть основаніемъ всѣхъ нашихъ познаній; на немъ сообщены были намъ первыя наставленія въ нашей молодости; помощью его сдѣланы были первыя впечатлѣнія на младенческую душу. На этомъ языкѣ мы молимся, на немъ говоритъ съ нами Государь — благодѣтель, на немъ написаны наши законы. На этомъ языкѣ насъ учатъ любить наше отечество, которое, по справедливости, должно быть средоточіемъ всѣхъ нашихъ помышленій. Житель полярныхъ странъ не завидуетъ людямъ, родившимся въ тѣни померанцевъ; онъ не броситъ льда своего, чтобы дышать благоуханіемъ лѣсовъ, о которомъ онъ не имѣетъ понятія; онъ полагаетъ, что южныя страны, въ которыхъ не водится китовъ, должны быть почти необитаемы. Это чувство естественно, достойно уваженія.»

«Нѣтъ надобности говорить, что первыя начала религіи и основанія общаго образованія должны быть сообщены намъ на первомъ языкѣ, которымъ мы говоримъ, т. е. на языкѣ отечественномъ. Мудрецъ не вздумаетъ посадить своихъ лучшихъ растеній въ саду сосѣда» (стр. 31).

«Когда разсудокъ ребенка нѣсколько образовался, онъ владѣетъ уже *общимъ логическимъ чувствомъ грамматики* (?), которая въ главныхъ чертахъ своихъ, одна и та же во всѣхъ языкахъ образованныхъ народовъ. Только въ эту пору, никакъ не раньше наступаетъ время учить его чужимъ языкамъ.»

«Помощью перваго языка, который узнаемъ, должны мы научиться отвлекать, сравнивать, совокуплять, анализировать и мыслить; пріобрѣтши извѣстную ловкость въ этихъ умственныхъ дѣйствіяхъ, мы сравнительно гораздо легче научимся чужимъ языкамъ. Человѣкъ вовсе не необыкновенныхъ способностей легко узнаетъ пять, шесть языковъ, но не можетъ имѣть претензій на ученость. Только изъ алмаза можно вышлифовать брилліантъ.»

«На обладаніе иностранными языками вовсе не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на абсолютное знаніе: оно составляетъ не болѣе какъ средство, ведущее къ знанію, и то только при благоразумномъ его употребленіи. Но если пріобрѣтенная нами способность говорить на языкахъ различныхъ народовъ ведетъ насъ къ неразборчивому подражанію свойствамъ, которыхъ собственно слѣдовало бы избѣгать, *то нашей національности грозитъ опасность*, и лучше было бы, если бы воображеніе

Digitized by Google

наше не пускалось за границу за безполезными удобствами; ибо нѣтъ сомнѣнія, что лучше не знать чужихъ языковъ, чѣмъ знать ихъ, и употреблять свое знаніе безразсудно.» (стр. 35, 36 и 37).

Здѣсь сказано, что подражаніе свойствамъ языковъ различныхъ народовъ грозитъ опасностью нашей національности. Это черезъ чуръ уже преувеличено; все же остальное въ высшей степени вѣрно и замѣчательно.

Далѣе, на слѣдующихъ страницахъ, г. Гасфельдъ излагаетъ свою методу преподаванія Англійскаго языка. Эта метода такъ хороша, что она, съ небольшими измѣненіями, можетъ быть приложена къ изученію и другихъ языковъ. Въ одномъ только можетъ встрѣтиться здѣсь затрудненіе: это предположеніе автора, что «первые двадцать уроковъ языка не слишкомъ труднаго относительно грамматическихъ формъ, должно преподавать по таблицамъ; текстъ, служащій для чтенія, долженъ быть напечатанъ на отдѣльныхъ листкахъ такъ, чтобы между каждыми двумя строчками текста первыхъ десяти уроковъ оставалось около дюйма; въ этомъ промежуткѣ слушатели записываютъ свои замѣчанія и значенія словъ.» (стр. 54). Слѣдовательно приложеніе методы г. Гасфельда къ изученію другихъ языковъ, предполагаетъ прежде изданіе таблицъ, «составленіе которыхъ,» по замѣчанію же г. Гасфельда, «необходимо предполагаетъ въ учителѣ большую опытность въ его занятіяхъ. Новичокъ не напишетъ ихъ такъ, какъ это сдѣлаетъ человѣкъ опытный» (56 стр.). Но мы отъ всей души желаемъ, чтобы эти таблицы по всѣмъ преподаваемымъ у насъ языкамъ были составлены скорѣе, тѣмъ болѣе, что преподаваніе языковъ, особенно не въ столицахъ, у насъ идетъ плохо Иные ученики, на примѣръ, семь лѣтъ учатся Латинскому, Нѣмецкому и Французскому языкамъ, а по окончаніи курса не въ состояніи безъ лексиконовъ и труда прочесть Корнелія Непота и какой-нибудь легкій разсказъ на Французскомъ или Нѣмецкомъ языкѣ. Не говоримъ уже о томъ, что не многіе выучиваются говорить по-Французски или по-Нѣмецки, отъ чего иногда ученикъ по окончаніи курса, не знаетъ основательно ни грамматики, ни большаго запаса словъ, и не имѣетъ понятія о литературѣ тѣхъ языковъ, которымъ онъ учился семь лѣтъ? По нашему мнѣнію главнѣйшая этому причина состоитъ въ томъ, что учители—иностранцы, совершенно незнающіе языка Русскаго. Большею частію они имѣютъ обыкновеніе учить такимъ образомъ: отмѣчаютъ карандашемъ въ грамматикахъ Шапсаля, Лейбрихта, Цумпта цѣлые параграфы тѣхъ правилъ, которыя ученикъ долженъ выучить; но правила эти никогда не объясняются, а если

Digitized by Google

и объясняются, то ученикъ рѣшительно ихъ не понимаетъ на новомъ, еще неизвѣстномъ для него языкѣ. Бѣдный ученикъ долго сидитъ надъ заучиваніемъ заданныхъ правилъ, наконецъ выдолбитъ ихъ такъ, что языкъ можетъ безошибочно ихъ проболтать; учитель пансіонскій запишетъ ему 4 или 5, но ученикъ все-таки ихъ не понимаетъ и къ вечеру того же дня забываетъ. Ему задаютъ переводы съ иностраннаго языка на Русскій; если это дѣлается въ классѣ, въ присутствіи учителя, то учитель, незнающій Русскаго языка, только перефразироваетъ ихъ, а не переводитъ, и этихъ фразъ никто не понимаетъ изъ тѣхъ учениковъ, которые прежде не вынесли изъ дому запаса для пониманія ихъ. Если же переводъ съ иностраннаго языка на Русскій дѣлается на дому, то тутъ ученикъ можетъ написать по-Русски все, что̀ прійдетъ ему въ голову; учитель не пойметъ.

Такъ-какъ значеніе словъ не объясняется ни при изученіи грамматическихъ правилъ, ни при переводахъ, то число этихъ словъ весьма не велико остается въ памяти ученика, да и изъ этихъ словъ онъ не можетъ выразить правильно мысли, не зная, гдѣ какое изъ нихъ употребляется по своему значенію. Ясно, что для устраненія этого недостатка необходимо, чтобы учители иностранныхъ языковъ были изъ Русскихъ, или хотя и иностранцы, но съ основательнымъ знаніемъ языка Русскаго. Доказательствомъ этому служатъ успѣхи учащихся въ тѣхъ гимназіяхъ, гдѣ находятся учители, на примѣръ, Латинскаго и Греческаго языковъ, окончившіе курсъ въ Педагогическомъ Институтѣ или въ одномъ изъ нашихъ Университетовъ; во Французскомъ же и Нѣмецкомъ языкахъ успѣваютъ тамъ, гдѣ встрѣчаются Французы и Нѣмцы хотя съ ограниченнымъ знаніемъ нашего природнаго языка. Мы думаемъ, что иностранцевъ учителей можно совершенно замѣнить Русскими педагогами, и думаемъ потому, что въ Гимназіяхъ преподаваніе языковъ преимущественно теоретическое, а теорію ихъ весьма основательно знаютъ многіе изъ нашихъ молодыхъ педагоговъ. Иностранцевъ же, Французовъ и Нѣмцевъ, незнающихъ Русскаго языка, можно допустить только въ высшихъ классахъ, гдѣ ученики уже приготовлены къ пониманію ихъ, или дать имъ мѣста гувернеровъ, надзирателей, слѣдовательно тамъ, гдѣ преимущественно должна быть практика.

Поэтому намъ кажется въ высшей степени справедливымъ и мнѣніе Г. Гасфельда, «что учитель долженъ знать природный языкъ своихъ «слушателей» (стр. 40), и что онъ «не прежде долженъ составлять

Digitized by Google

«фразы на преподаваемомъ языкѣ, какъ когда ученики на немъ же «будутъ въ состояніи отвѣчать ему» (стр. 42).

На 48-й страницѣ авторъ говоритъ: «больше нужно думать о обога-«щеніи ученика формами словъ, чѣмъ самыми словами; помощью «первыхъ увеличивается число выраженій; послѣднія въ чрезвычайно «большомъ числѣ могутъ развѣ обременить память, но никакъ не «обогатятъ ея». И на 49 страницѣ: «должна быть причина для введенія каждаго новаго слова; оно должно быть неразрывно связано со всѣми предъидущими лекціями». Еще на 50 стр. «мало по малу должно вводить «большую быстроту выраженій, постепенно пріучать ухо къ схватыванію «словъ, произносимыхъ людьми, не привыкшими говорить такъ ясно, «какъ долженъ говорить учитель; ибо уроженцы земли, языку которой «мы учимся, не расположены обращать большое вниманіе на своихъ «собесѣдниковъ; они привыкли говорить съ своими земляками, и не «думаютъ поблажать слушателю. Они говорятъ на своемъ языкѣ съ «такою же безпечностью, съ какою говорили на немъ предъ ними съ «самаго нѣжнаго ихъ младенчества. И не совсѣмъ-то легкое дѣло для «иностранца, даже владѣющаго глубокимъ знаніемъ языка, понять вы-«раженія, съ которыми уже сильно сдружилось ухо туземца.» (Стр. 50).

Мы достаточно выписали изъ книги Г. Гасфельда, чтобъ показать, какъ много въ ней умнаго, дѣльнаго и достойнаго вниманія. Но не можемъ удержаться, чтобы не выписать еще слѣдующихъ словъ, касающихся до учителей вообще.

«Первое условіе, необходимое для преподаванія, состоитъ въ слѣ-«дующемъ: учитель долженъ владѣть полезными знаніями, и быть въ «состояніи передать другимъ то, что онъ знаетъ самъ» (стр. 23).

Это требованіе отъ учителя разбираемаго нами автора особенно замѣчательно въ томъ отношеніи, что многіе изъ нашихъ молодыхъ педагоговъ, дающихъ уроки въ домахъ, берутся за преподаваніе всѣхъ предметовъ; они готовы учить Китайскому языку и Тарабарской грамотѣ, которая существуетъ только въ воображеніи людей, лишь бы представился тому только случай. Неудивительно же, что иной учитъ и Исторіи, и Математикѣ, Словесности и Естественной Исторіи. По нашему мнѣнію, учителемъ должно быть тѣхъ наукъ, которыя основательно и многосторонне извѣстны, а знать такъ можно только одну или двѣ науки, а не десять.

«Ребенокъ долженъ начать учиться, моя первая прозьба къ учителю: «никогда не забывайте, что вы были то же ребенкомъ; отправляйте «вашу должность добросовѣстно, заслужите любовь вашихъ маленькихъ

Digitized by Google

«питомцевъ, и они васъ полюбятъ; въ вашихъ рукахъ будетъ самое «надежное и самое чистое средство побужденія; изучите вашихъ «маленькихъ питомцевъ, научитесь сперва сами; и потомъ уже начи- «найте учить. Если вы были столько счастливы, что имѣли хорошихъ «учителей въ молодости, подражайте имъ; если нѣтъ, избѣгайте ихъ «ошибокъ. Забудьте гордость и тщеславіе, приноровите ваши выраженія «къ способностямъ вашихъ питомцевъ, будьте нѣжны въ упрекахъ, «и бережливы на похвалы; не употребляйте лести, не возбуждайте «соревнованія,—иначе вы возбудите въ нихъ лишь неутолимую жажду «къ похвалѣ, и вольете въ эти маленькія существа, созданныя для «того, чтобы любить другъ друга, мучительныя чувства зависти и «ненависти,—и это въ самомъ нѣжномъ младенчествѣ!—Показывайте «имъ привлекательныя черты знанія, и они полюбятъ этотъ даръ Божій «ради его самого, будутъ стараться пріобрѣсти его ради наслажденія «владѣть имъ, а не ради тщеславія выставлять его» (стр. 20).

«Учитель долженъ владѣть простымъ искусствомъ низойти на степень «своихъ слушателей: его тщеславіе должно заснуть; съ маленькимъ «мальчикомъ онъ долженъ быть старшимъ братомъ, съ дѣвочкой онъ «долженъ умѣть говорить и о куклахъ. Всѣ преимущества, пріобрѣ- «тенныя имъ цѣлыми годами занятій, должны изчезнуть во время урока. «Учитель долженъ выбирать для разговора предметы пріятные и знакомые «его слушателямъ, нисколько притомъ не заботясь о себѣ» (стр. 57).

Того же требуютъ отъ учителей почти всѣ классическіе писатели о воспитаніи, Ж. Ж. Руссо, Пистолоцци, Нимейеръ и другіе.

Г. Гасфельдъ, вопреки многимъ врагамъ всякой системы, непремѣнно требуетъ, чтобы учитель въ своихъ занятіяхъ былъ строго систематиченъ.

«Всѣ предшествующіе уроки, данные имъ (учителемъ) питомцамъ, «должны постоянно сохраняться въ умѣ его; каждое слово, имъ про- «изнесенное, должно стоять передъ нимъ, какъ написанное. Онъ не долженъ предлагать ни одного вопроса, на который нельзя было бы «дать отвѣта, основаннаго на предъидущихъ урокахъ. Эта связь «между уроками, это постоянное возвращеніе къ прежнему есть дѣло «чрезвычайной важности; безъ этого нѣтъ системы, и весь актъ «обученія, которой долженъ собственно представлять цѣлый, недѣ- «лимый запасъ свѣдѣній, становится отрывочнымъ и легко утра- «чивается». (Стр. 30).

«*Дитя должно научиться образовать и совокуплять мысли (?)*; «для этого учитель долженъ владѣть искусствомъ изъяснять все

Digitized by Google

«самымъ простымъ образомъ; онъ долженъ продолжать объясненіе «со многими перемѣнами до тѣхъ поръ, пока вопросы и отвѣты уче- «ника не убѣдятъ его вполнѣ, что тотъ въ совершенствѣ понялъ «изъясняемую мысль, и сочеталъ ее съ знаніями, пріобрѣтенными въ «предъидущіе уроки; слѣдовательно при обученіи постоянно должно «оглядываться назадъ; нѣсколько, хотя очень мало, должно каждый «день прибавлять къ прежнему знанію, и ни одна частица его не должна «быть потеряна. Если вы учите такимъ образомъ, вы глубоко въ землю «сажаете сѣмя; оно проростетъ и далеко разстелетъ свои корни, оно «выйдетъ на поверхность почвы, поднимется до облакъ, подъ тѣнью «его отдохнетъ усталый путешественникъ, на вѣтвяхъ его орлы совьютъ «себѣ гнѣзда» (стр. 28).

Мы далеко не выписали изъ книги Г. Гасфельда всѣхъ прекрасныхъ мѣстъ; ихъ очень много.

Если бы кто захотѣлъ отыскать въ «Опытѣ о преподаваніи» ошибки, то могъ бы ихъ найти въ неточности выраженій мыслей, но и этихъ ошибокъ очень мало. Такъ, напримѣръ, на 10 страницѣ Г. Гасфельдъ, желая сказать, что дитя сначала укрѣпляется въ тѣлесныхъ органахъ, и потомъ начинаетъ стоять и ходить, выражается такимъ образомъ: «Дитя уже пріобрѣло извѣстную крѣпость въ своихъ низкихъ «оконечностяхъ»(!?).

Или, на 26 страницѣ: «слова суть воспріемлемые слухомъ пред- «ставители идей и мыслей.» Если здѣсь разумѣются отдѣльныя слова, что они суть воспріемлемые слухомъ представители идей и мыслей,— какъ это должно понимать изъ книги Г. Госфельда, то что же будутъ предложенія и періоды, гдѣ слова являются не отдѣльно, а въ сочетаніи съ другими? Развѣ предложенія и періоды въ этомъ случаѣ не суть также воспріемлемые слухомъ представители идей и мыслей?

На страницѣ 34-й, каллиграфія смѣшана вообще съ знаніемъ писать. «Хотя каллиграфія есть чисто механическая ловкость, которую «можно пріобрѣсти въ весьма короткое время, но пренебрегать ею не «слѣдуетъ. *Она составляетъ существенную часть нашего воспи-* «*танія* (не образованія ли?); даетъ намъ средства сообщаться съ «самыми отдаленными частями земнаго шара, чрезвычайно облегчаетъ «*всѣ* наши обязанности (неужели каллиграфія облегчаетъ обязанности «наши и къ Богу, Церкви и проч?), особенно если мы съ значительною «ловкостію владѣемъ этимъ искусствомъ; въ жизни насъ ожидающей, «она дѣлаетъ насъ менѣе зависимыми отъ нашихъ подчиненныхъ; не «одинъ секретъ былъ выданъ потому, что *знаменитый* (?) владѣтель

Digitized by Google

«его былъ неискуснымъ писцомъ, и оттого долженъ былъ вѣрить его «другимъ, людямъ болѣе искуснымъ, но менѣе скромнымъ.» Мы думаемъ, что кто пишетъ такъ, какъ царапаетъ курица, и тотъ, будучи *знаменитымъ* владѣтелемъ секрета, не проситъ другаго написать его. Бурмистръ, на примѣръ, не прибѣгнетъ съ прозьбою къ каллиграфу написать барину доносъ на прикащика, если самъ можетъ какъ-нибудь писать. Деревенская барышня не попроситъ ученаго мужа написать billet doux, если она съумѣетъ хотя булавкою нацарапать его.

На страницѣ 33-й: «Математика должна составлять часть образованія «каждаго мальчика (отъ чего же и не дѣвочки?); эта положительная «наука, если только хорошо преподаютъ ее, даетъ совершенно опре«дѣленную форму юному мышленію; она проникаетъ все наше *ум*«*ственное существованіе* (?) *и сообщаетъ намъ средства отличить* «*истину отъ заблужденія.*» Неужели только одна Математика?

Не нравятся намъ и такія выраженія: «многіе полагаютъ, что дѣти «начинаютъ учиться лишь тогда, когда они *принимаются кушать* «*свой пряничный алфавитъ* (стр. 17). Или: «родителямъ нравится изумительная память ихъ *милашекъ*». (!) (стр. 26).

Но вообще такихъ ошибокъ въ книгѣ Г. Гасфельда мало, и слогъ хорошъ. Изданіе ея очень красиво.

Н. Роговскій-Рожанскій.

Легенда о Монтрозѣ. Историческій романъ Вальтера-Скотта. Перев. съ Англійскаго. Москва. 1851 г. Въ типогр. Кирилова. Въ 16-ю долю листа. Часть 1-я, 196 стран. Часть 2-я, 190 стран.

Трудно въ наше время представить себѣ хотя одного читателя, который бы незнакомъ былъ хотя съ нѣкоторыми изъ произведеній великаго Шотландскаго романиста и *для* котораго эти произведенія не сливались бы во едино съ лучшими впечатлѣніями молодости! Трудно подумать такъ же, чтобы въ наше время могъ опять возникнуть вопросъ о томъ, къ истинному или къ ложному роду въ искусствѣ принадлежатъ эти романы или, лучше сказать, эти міры, созданные великимъ поэтомъ. Понять страстное поклоненіе Вальтеру-Скотту, пожалуй, доходящее до крайности—весьма возможно, но понять равнодушіе къ нему мы отрекаемся и за себя лично и за бо́льшую часть читающей массы. Въ самомъ дѣлѣ, если тотъ поэтъ,—кто творитъ живые образы—то едва ли найдется писатель болѣе В. Скотта до-

Digitized by Google

стойный этого имени. Лица, имъ изображаемыя, до такой степени ясны въ фантазіи самого поэта и изображены съ такимъ высокимъ, чуждымъ всякой задней мысли простодушіемъ, что они ходятъ какъ живые передъ читателемъ: каждый почти романъ его—цѣлый, самъ въ себѣ замкнутый, полный міръ, съ которымъ вы сживаетесь все болѣе и болѣе, чѣмъ дальше въ него углубляетесь. Помните ли вы, напримѣръ, этотъ маленькій міръ Шетлендскихъ острововъ въ «Морскомъ разбойникѣ» съ мирнымъ бытомъ стараго Лэрда Магнуса Труаля, помните ли вы дочерей стараго Лэрда — бѣлокурую и простую Бланку, червоволосую и фантастическую Минну, — болтуна-поэта Галькрò, съ его безконечными разсказами о Драйденѣ, — агронома Триптолема Айловли, возмутившаго своими педантскими теоріями душу стараго упрямаго Лэрда,—Фэйтфюль-Чидскую Норну, всю окруженную обаяніемъ таинственности ужаса. Вы знали эти лица, вы пировали съ одними у стараго Магнуса Труаля, дѣля съ ними отъ души ихъ маленькія радости и маленькія огорченія,—вы любили ихъ, мирились даже съ плутомъ разнощикомъ Брайсомъ, такъ наивно пользовавшимся остатками кораблекрушенія—вамъ жаль было, что странный пришлецъ Клевлендъ разрушилъ спокойствіе маленькаго мірка—и съ другой стороны, не могли вы отказать въ симпатіи этому молодцу капитану съ его разгульными товарищами, удалыми разбойниками.—Вамъ жаль, глубоко жаль было поэтической Минны, полюбившей блестящаго и опаснаго пришлеца,—болѣзненно сжималось ваше сердце за бѣдную грустную красавицу, когда ѣхала она съ отцемъ къ старой съумасшедшей Норнѣ искать у нея исцѣленія отъ любовнаго недуга,—когда въ темную сырую ночь, презирающая опасности по своей гордой и фантастической натурѣ, но все-таки пугливая, слабая и трепещущая, встрѣчена была она старымъ и добрымъ болтуномъ Галькрò. Чудный, неотразимо-влекущій міръ—чудные, до послѣднихъ изгибовъ личности знакомые вамъ характеры».... А Невѣста Ламмермурская — одна изъ вѣчныхъ поэмъ любви, можетъ быть самая простодушная послѣ поэмы:

О Ромео и Юліи его,

можетъ быть столько же печальная.... А міръ Иваноя или Айвенго съ его королемъ Ричардомъ, съ необузданно-страстнымъ храмовникомъ Бріаномъ—съ разрывающей сердце сценой прощанія жидовки Ребекки съ рыцаремъ Айвенго.... А Вудстокъ съ его Оливеромъ Кромвеллемъ,—а романы изъ эпохи крестовыхъ походовъ,—и наконецъ несравненный достолюбезный капитанъ Далджети Друмтваккетъ «Легенды о Монтрозѣ? ... Но есть ли возможность исчислить всѣ живыя су-

Digitized by Google

щества, вызванныя изъ темной дали прошедшаго геніальнымъ повѣствователемъ. Вообще, по силѣ и простотѣ изображенія, по непосредственности творчества — Вальтеръ-Скоттъ стоитъ совершенно въ уровень съ величайшимъ изъ поэтовъ, съ Шекспиромъ . . . А между тѣмъ, неизмѣримая бездна лежитъ еще между имъ и творцемъ Гамлета и Фальстаффа. Эту бездну положило между ними — міросозерцаніе, безконечно-широкое у одного и нѣсколько узкое у другаго. Вальтеръ-Скоттъ — поэтъ реставраціи, со всѣми ея достоинствами и недостатками, съ любовью къ прошедшему, такъ сказать, въ укоръ настоящему, Шекспиръ — поэтъ своего настоящаго и вѣчнаго будущаго, полный разумной вѣры въ человѣка, не сковавшій своего идеала условными формами: все равно доступно ему, — ибо во всемъ видитъ онъ ясно пути судебъ Божіихъ.... Замѣчательно странно то, что читая романы Вальтера-Скотта, не сосредоточиваешь *никогда* своего интереса на главномъ героѣ, — кому какое дѣло до этого ограниченнаго рыцаря Айвенго, — до этого добраго мальчика Мордона-Мертона въ «Морскомъ разбойникѣ» — до этого благороднаго Ментейна въ «Легендѣ о Монтрозѣ», до самаго Квинтенъ-Дорварда, въ романѣ этого имени? Дѣло не въ нихъ, въ этихъ сшитыхъ на одну мѣрку прекрасныхъ молодыхъ людяхъ, не въ ихъ пустыхъ и довольно водяныхъ страстишкахъ — дѣло въ Бріанѣ и Ребеккѣ, въ Клевелендѣ и Миннѣ, въ Далджетти и Алланѣ Макъ Олеѣ, въ Людовикѣ XI-мъ. Не таковъ идеалъ человѣка у Шекспира — не на одну мѣрку сшиты эти Гамлетъ, Лиръ, Отелло, Тальботъ, Фоконбриджъ — не таковъ наконецъ Генрихъ V-й, это полное отраженіе великой личности самаго поэта. Они — главные центры всего: ибо они, съ своими страшными заблужденіями и истинно-великими качествами — настоящіе представители человѣчности — въ нихъ караются уклоненія отъ правды и въ нихъ же возвеличивается правда жизни....

Но, повторяемъ опять — по яркости и простотѣ представленія, по многообразію типовъ, только созданія В. Скотта достойны занять мѣсто съ созданіями Шекспира.... Отрадно успокоивается душа человѣческая, сживаясь съ этими цѣльными, замкнутыми въ себѣ мірами — передъ которыми — увы! блѣднѣютъ весьма замѣтно, всѣ безъ исключенія произведенія новой литературы.

Мы не станемъ разсказывать читателямъ содержанія превосходнаго романа: «Легенда о Монтрозѣ». Вѣроятно — однимъ изъ нихъ оно знакомо по французскимъ или нѣмецкимъ переводамъ, — большинству по старому русскому переводу, явившемуся въ двадцатыхъ годахъ подъ

Digitized by Google

названіемъ: «Выслужившійся офицеръ или война Монтроза», остальные же, наконецъ, вѣроятно, не замедлятъ познакомиться съ новымъ переводомъ. Мы лично—перечли этотъ удивительный романъ чуть ли не въ четвертый разъ—и, давно не испытывали такого полнаго наслажденія. Стоитъ только нѣсколько вдаться въ міръ поэта, ознакомиться сколько-нибудь съ этими мастерски созданными лицами, поражающими то своей простотою, какъ характеръ самого Монтрозы, то мрачной поэзіей, которой проникнутъ образъ Аллана Макъ-Олея, то дикой энергіей, какъ личность Ранальда, то простодушной женской прелестью, какъ Аннота Ляль, то наконецъ истиннымъ, полнымъ жизни комизмомъ, какъ почтенный капитанъ Далджетти Друмтваккетъ—и вы сами, точно какъ будто пережили всю эту давно минувшую жизнь, вамъ трудно отрываться отъ нея, — вамъ жаль, что кончена повѣсть, хотя вы сами видите, что нечего прибавить къ ней.... Есть что-то чрезвычайно успокоительное въ этомъ чтеніи, что-то равно дѣйствующее на всякій возрастъ.

Оставляемъ въ сторонѣ главнаго героя, благороднаго Лорда Ментейна: онъ принадлежитъ къ общему роду прекрасныхъ молодыхъ людей, представителей всякой добродѣтели и возвышенной чести, хотя Лордъ Ментейнъ все-таки не въ такой степени вялъ, какъ рыцарь Айвенго, и не въ такой степени безцвѣтенъ, какъ Мордовъ-Мертёнъ.— Остановимся прежде всего на трагическомъ лицѣ Аллана Макъ Олея. Характеръ его истинно-трагическій — хотя нигдѣ великій поэтъ не поставилъ его на ходули: понятно, какъ подъ сѣвернымъ туманнымъ небомъ эта страстная натура развилась односторонне, какъ сложилось его мрачное и скорбное воззрѣніе на жизнь, еще болѣе усиленное развитіемъ фантастической стороны души, вѣры въ предопредѣленіе и видѣнія. Съ самаго перваго появленія—эта фигура обозначается чрезвычайно рельефно.

«Изъ боковой двери быстрыми шагами вошелъ въ залу горецъ, прямой, тонкій станъ котораго, полное вооруженіе, перья на шляпѣ, и твердая самоувѣренная походка показывала человѣка высокаго званія. Задумчиво подошелъ онъ къ столу и не сказалъ ни слова въ отвѣтъ графу Ментейну, который, назвавъ его Алланомъ, привѣтливо спросилъ о здоровьѣ. «Теперь ненадо ни слова говорить съ нимъ» шепталъ старикъ дворецкій. Высокій горецъ сѣлъ на пустое мѣсто возлѣ камина, вперивъ глаза въ красное пламя и высокую кучу торфа, и, казалось, погрузился въ глубокое раздумье. Видъ мрачной суровости, проистекавшей, можетъ быть, отъ уединенной жизни, если бы то былъ

Digitized by Google

Лоуландецъ, можно было бы приписать религіозному фанатизму, но эта умственная болѣзнь, столь обыкновенная въ Англіи и въ Шотландіи у Лоуландцевъ, очень рѣдко встрѣчалась у горцевъ того времени. У нихъ были особенные предразсудки, которые омрачали умы ихъ преходящими химерами, точно такъ же, какъ фанатическій пуританизмъ умы ихъ сосѣдей.

«Ваше сіятельство, сказалъ слуга горецъ, наклонившись къ графу Ментейну, — «ваше сіятельство — не должны теперь говорить ни слова съ Алланомъ: его умъ омраченъ».

«Графъ Ментейнъ сдѣлалъ утвердительный знакъ головою и пересталъ распрашивать молчаливаго горца».

Все окружающее Аллана слѣпо вѣритъ въ его способность бесѣдовать съ невиднымъ міромъ и поддерживаетъ въ немъ суевѣрное расположеніе души. Неукротимый въ припадкахъ своей маніи, смиряющійся только при звукахъ голоса простодушной и милой Анноты Ляль, — гордый какъ демонъ, — исполненный горскихъ понятій о кровной мести, — онъ — истинный центръ драмы. Любовь его къ Аннотѣ и робка и глубока, и вмѣстѣ подозрительна и ревнива: ревность подсказываетъ ему, что Ментейнъ его счастливый соперникъ, и онъ принимаетъ свои подозрѣнія за тайный голосъ невидимыхъ духовъ.

Другой трагическій образъ — Ранальдъ Макъ Эгль, — начальникъ «дѣтей тумана» — презираемаго племени, полнаго заклятой ненависти къ своимъ преслѣдователямъ, въ особенности къ Макъ-Олеямъ, хранящаго свои особыя таинственныя вѣрованія. Одна изъ самыхъ поразительныхъ сценъ романа — та, когда переодѣтый Ранальдъ бесѣдуетъ съ своимъ кровнымъ врагомъ Алланомъ и раздуваетъ въ немъ ненависть къ Ментейну:

«Пытливо-суровые взгляды Аллана такъ смутили Ранальда Макъ-Эгля, что рука его легла было уже на кинжалъ, готовясь отразить непріятельское нападеніе, какъ внезапно Алланъ Макъ-Олей, прошедши быстрыми шагами по палаткѣ, протянулъ ему руку въ знакъ дружбы. Они сѣли другъ возлѣ друга и стали разговаривать тихимъ таинственнымъ голосомъ. Это вовсе не удивило Ментейна и Аллана Макъ-Олея, — потому что у горцевъ между ясновидящими была какая-то симпатія, обнаруживавшаяся при первой встрѣчѣ. Они любили говорить другъ съ другомъ о свойствахъ своихъ видѣній»....

Въ этомъ разговорѣ Алланъ раскрываетъ тайну своей души, преслѣдующую его самаго видѣніями и призраками.

Digitized by Google

«Повторяю еще, говорилъ онъ—мнѣ представлялся какой-то горецъ, который, казалось, вонзилъ кинжалъ въ грудь Ментейну, тому молодому человѣку въ пунцовомъ платьѣ съ золотымъ шитьемъ, который недавно вышелъ отсюда. Но не смотря на всѣ мои старанія, сколько ни *таращилъ* я глазъ, никакъ не могъ разсмотрѣть лице этого горца, равно какъ и догадаться, кто онъ, хотя видъ и пріемы его не совсѣмъ были мнѣ безъизвѣстны.

«Обертывали ли вы вашъ плодъ»—спросилъ Ранальдъ—какъ предписывается въ подобныхъ случаяхъ, правилами опытныхъ ясновидящихъ?

«Разумѣется, отвѣчалъ Алланъ тихимъ и дрожащимъ, какъ будто отъ внутренняго волненія, голосомъ.

«Въ какомъ же видѣ представлялось вамъ тогда это видѣніе? спросилъ Ранальдъ.

«Съ плодомъ тоже обернутымъ, отвѣчалъ Алланъ тѣмъ же тихимъ и дрожащимъ голосомъ.

«Если такъ, будьте увѣрены, что собственная ваша, а не чья-нибудь другая рука будетъ орудіемъ смерти того человѣка, тѣнь котораго вы видѣли.

«О, моя тревожная душа, уже тысячу разъ, пугала себя этою мыслью»—вскричалъ Алланъ. «Но это невозможно! Если бы даже въ вѣчной книгѣ судебъ прочелъ я подобный приговоръ — и тогда бы я *объявилъ* это невозможнымъ! мы связаны съ нимъ узами кровнаго родства и связью, во сто разъ еще священнѣйшею: мы дрались въ однихъ рядахъ, сабли наши дымились кровью однихъ и тѣхъ же враговъ! Можно ли мнѣ дотронуться до него хотя пальцемъ?

«Однако, это случится,—отвѣчалъ Ранальдъ, — непремѣнно случится, хотя причина и таится еще во мракѣ будущаго. Положимъ, прибавилъ онъ, едва сдерживая свои ощущенія, что вы преслѣдовали вмѣстѣ враговъ, какъ бульдоги добычу; но развѣ никогда не случалось вамъ видѣть, какъ начинаютъ драку и грызутся бульдоги надъ самымъ трупомъ издыхающаго оленя.

«О нѣтъ, это невозможно! проговорилъ Макъ-Олей, вставая. Какое это предопредѣленіе судебъ. Это внушеніе какого-нибудь злаго духа изъ тартара.

«Сказавъ это—онъ выбѣжалъ изъ комнаты.

«Однако чему быть, того не миновать! проговорилъ Сынъ Тумана, смотря въ слѣдъ ему съ восторженнымъ видомъ,—стрѣла, напитанная

Digitized by Google

ядомъ, уже подъ бокомъ у тебя. Радуйтесь тѣни убитыхъ! Сабли убійцъ вашихъ обагрятся скоро въ собственной ихъ крови».

Сцена смерти Ранальда Макъ Эгля въ особенности ярко обрисовываетъ эту дикую и энергическую натуру:

«Постой на минуту», обращается онъ къ своему внуку,—«выслушай послѣднюю волю отца твоего отца. Помни судьбу твоего племени и свято чти древніе обычаи «Дѣтей Тумана». Теперь мы нечто иное, какъ разсѣянная толпа, которую тѣснитъ изъ долины въ долину сабля каждаго кіана, владѣющаго тѣми мѣстами, гдѣ его предки рубили дрова и носили воду для нашихъ отцовъ. *Но, въ глубинѣ дремучаго лѣса, ты, Кеннетъ, сынъ Эпорта не признавай ты Эрда, не собирай денегъ, не держи стадъ, не ищи вренъ.* Пусть горная дичина замѣнитъ тебѣ стада; если жъ ты будешь чувствовать недостатокъ, то расхищай имущества твоихъ притѣснителей Саксонцевъ и Галловъ, изъ которыхъ послѣдніе тѣ же самые Саксонцы, *потому что предпочитаютъ стада и пастбища и чести храбрости.* Впрочемъ, для насъ это хорошо, что они такъ поступаютъ. Они вызываютъ *этимъ* насъ къ отмщенію и освящаютъ права нашей мести. Помни, Кеннетъ, тѣхъ, которые дѣлали добро нашему племени, и не щади своей крови, если она имъ понадобится. Если Меслемъ придетъ къ тебѣ,—ты защити его, хотя бы даже цѣлое войско шло за нимъ, въ Глашоѳ и Арнамурханѣ мы жили съ нимъ въ мирѣ, въ то время, какъ онъ съ своими проходилъ мимо. Сыновья Діармиды, племя Дарланвараша, скопище Мептейна,—на нихъ мое проклятіе, Дитя Тумана! И ты не щади ихъ, не щади ни одного изъ носящихъ на себѣ *эти* имена, если случай представится тебѣ. А онъ скоро представится; потому что ихъ собственныя сабли скоро устремятся другъ противъ друга, побѣжденный же убѣжитъ къ племени Тумана и погибнетъ отъ его Дѣтей. Повторяю тебѣ еще разъ, Клинетъ, иди и стряси прахъ ногъ твоихъ отъ жилища людей, соединенныхъ между собою здѣсь для войны или для мира! Прощай, мой возлюбленный! Пусть смерть твоя будетъ похожа на смерть предковъ твоихъ; чтобъ трудъ и старость не потрясли преждевременно твоего духа! Ступай! Живи свободенъ; помни услуги оказанныя тебѣ; мсти обиды, нанесенныя твоему племени. Ступай»!

Историкъ ли, поэтъ ли всегда останавливается съ невольнымъ сочувствіемъ на судьбахъ племенъ, представляющихъ собою, такъ сказать, окаменѣлости давно прошедшаго, среди новыхъ явленій цивилизаціи. Горсть ли это туземцевъ ушедшихъ отъ меча побѣдителей, —

Digitized by Google

горсть ли завоевателей, вытѣсненныхъ новыми завоевателями, но нельзя безъ глубокаго участія смотрѣть на отчаянную, трагическую борьбу меньшинства, закоренѣлаго въ своихъ вѣрованіяхъ, враждебнаго въ отношеніи ко всему новому, гордаго своей борьбой, своимъ беззащитнымъ положеніемъ. Можетъ быть никто не способенъ былъ такъ симпатизировать подобной борьбѣ, какъ великій Шотландскій романистъ, полный самъ какой-то суевѣрной любви къ прошедшему. Никто такъ же не передавалъ этихъ трагическихъ образовъ съ такою простотою и непосредственностью.

Вѣрный самъ себѣ до послѣдней минуты, его Ранальдъ не внимаетъ увѣщаніямъ майора Далджетти, заботящимся о томъ, чтобы языческая смерть его, не подала дурнаго примѣра войску: — и желающаго, чтобы пріятель его не умеръ, какъ татаринъ:

«Единственнымъ отвѣтомъ умирающаго на *этѣ* слова была просьба, чтобы его подняли и положили на такое мѣсто, откуда бы онъ могъ видѣть часть окрестности земли. Глубокій снѣгъ и иней, лежавшіе такъ долго на вершинахъ горъ, стекая теперь внизъ быстрыми потоками, пробирались по высокимъ горнымъ мрачнымъ зубцамъ крутыхъ утесовъ, которые были похожи на дикія острова океана травъ.

«Духъ Тумана! сказалъ Рапольдъ Макъ Эгль, — племя наше называетъ тебя отцемъ своимъ и защитникомъ. Пріими въ храмъ Тумановъ, того, кого ты такъ часто хранилъ при жизни.

«Сказавши это, онъ упалъ навзничь на руки человѣка, державшаго его, и молча обернулся къ стѣнѣ».

Въ яркой противуположности съ этими мрачными грандіозными характерами — является капитанъ Далджетти Друмтваккетъ, комическій типъ, если не равный Сэру Джону Фальстаффу, то по крайней мѣрѣ, достойный занять первое за нимъ мѣсто. И здѣсь опять приходится изумляться непосредственности изображенія. Не смотря на всю симпатію къ прошедшему, къ дикой энергіи Ранальда, къ аристократической гордости и необузданности Аллана Макъ Алея, — поэтъ однако никогда не обращается въ сатирика, рисуя достолюбезную личность Далджетти; пусть Ментейнъ презираетъ храбраго служаку, пусть Макъ Олеи смотрятъ на него съ презрѣніемъ пополамъ съ враждою, — великій Монтроза инаго мнѣнія о капитанѣ. И въ самомъ дѣлѣ — Далджетти-сынъ своей эпохи: въ немъ есть даже своего рода честность, хотя крайне ограниченная и не выходящая изъ круга фрунтовыхъ понятій. Самолюбіе — и притомъ весьма грубое — у него на первомъ планѣ — но въ немъ есть неоцѣненныя качества: находчивость и

Digitized by Google

рѣшительность въ опасныхъ случаяхъ, вѣрность собаки въ отношеніи къ тому, кто его нанялъ — строгость въ исполненіи обязанности до педантизма, до того, что онъ скорѣе готовъ умереть, чѣмъ перейдти въ службу конвента, днемъ раньше истеченія срока, на который нанимался онъ въ королевскую службу. Въ немъ наконецъ много юмору, чрезвычайно оригинальнаго юмору, то наивнаго, то циническаго.... Вообще—это одинъ изъ типовъ, которыхъ позабыть нельзя, разъ познакомившись съ ними.

Что касается до перевода романа—то хотя онъ и сдѣланъ съ подлинника, но страдаетъ совершеннымъ отсутствіемъ отдѣлки, изящества. Вальтера-Скотта нельзя переводить такъ, какъ переводятся «Монтекристо», разныя «Тайны» или романы Феваля — и это мы считаемъ долгомъ напомнить переводчику, тѣмъ болѣе, что *вѣрнымъ* и *изящнымъ* переводомъ всѣхъ романовъ Вальтера-Скотта, онъ можетъ оказать весьма значительную услугу нашей литературѣ. *Г.*

Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, изд. Археографическою Коммиссіею. Т. V. Спб. 1851. Стр. 17 и 279 въ 4 *д. л.*

Дополненія къ актамъ историческимъ. Спб. 1851. Т. IV. Стр. XII, 416, 11 и 12 въ 4 *д. л.*

Акты относящіеся къ Исторіи Западной Россіи. Т. IV. Спб. 1851. Стр. XIII, 529, 26 и 20 въ 4 *д. л.*

RERUM ROSSICARUM SCRIPTORES EXTERI etc. (Сказанія иностранныхъ писателей о Россіи. Т. I. Московскія лѣтописи Конрада Буссова и Петра Петрея) Спб. 1851. Стр. XI, 385 въ 4 *д. л.*

Въ V томѣ П. С. Р. Л. заключается Псковская вторая Лѣтопись съ прибавленіями и Софійская первая. Сходствуя до XV в. содержаніемъ съ другими лѣтописными памятниками, Псковская вторая съ XV столѣтія содержитъ въ себѣ повѣсти, которыя пропущены или изложены въ послѣдней не столь обстоятельно. Дѣла Псковской церкви, сношенія Псковитянъ съ Московскими Великими Князьями, Новгородомъ и Литвою, розмирія и битвы съ Ливонскими рыцарями, строеніе церквей въ Псковѣ и пригородовъ въ Псковской области, способы и цѣнность народнаго продовольствія, моровыя язвы, пожары и голодъ свирѣпствовавшіе по временамъ въ Псковѣ, изображены въ этой Лѣтописи въ краткихъ, но живыхъ и иногда довольно подробныхъ очер-

Digitized by Google

ихъ. Въ «Прибавленіяхъ» помѣщены слѣд. отдѣльныя повѣсти: а) объ осадѣ Пскова Шведскимъ Королемъ Густавомъ Адольфомъ и военныхъ дѣйствіяхъ Шведовъ въ Псковской области, въ 1615 г., о Московскихъ событіяхъ во время смутнаго перехода и О восшествіи на престолъ Царя Михаила Ѳеодоровича; б) объ отступленіи Пскова отъ Московскаго государства въ эпоху междоцарствія, и о послѣдовавшихъ отъ того безпачалій и народныхъ бѣдствіяхъ, и в) о крещеніи Чуди и Лопарей, и исполненіи языческихъ обрядовъ въ Новгородской области, въ 1534 г. (Карамзину Пск. 2-я Л. была извѣстна подъ именемъ Пск. Синодальной). Вслѣдъ за Временникомъ Нестора, Софійская I Л. описываетъ Новгородскія событія, заимствованныя, съ подновленіемъ слога, изъ Лаврентіевской и Новгородской I и IV Л., а съ XIV вѣка дѣянія Московскаго и другихъ удѣльныхъ княжествъ. Въ составъ этой лѣтописи вполнѣ и въ отрывкахъ вошли слѣд. статьи: Русская правда, повѣсть о житіи Александра Невскаго, описаніе мученической кончины двухъ Михаиловъ Черниговскаго и Тверскаго, сказаніе о подвигахъ Димитрія Донскаго и о взятіи Тохтамышемъ Москвы, и духовное завѣщаніе Св. Митрополита Кипріана.

Въ IV от. «Дополненій къ Актамъ историческимъ» содержатся грамоты, относящіяся ко второму десятилѣтію царствованія Алексѣя Михаиловича (1655—1664). Большая часть этихъ документовъ состоятъ изъ грамотъ, наказовъ и отписокъ о дѣйствіяхъ Русскихъ въ сѣверной и восточной Сибири, и о мѣрахъ Правительства къ введенію благоустройства въ тамошнемъ краѣ. Въ нихъ, между прочимъ, заключаются любопытныя извѣстія о плаваніи Дежнева, о войнѣ Русскихъ съ Китайцами, объ устройствѣ и умноженіи регулярныхъ, солдатскихъ и рейтарскихъ полковъ и проч.

Содержаніе IV ст. «Актовъ, относящихся къ Исторіи Западной Россіи», составляютъ грамоты и историческіе документы (числомъ болѣе 1000), принадлежащіе къ государствованію въ Литовской Руси Польскаго Короля Сигизмунда III (1588—1632). Къ примѣчательнѣйшимъ изъ нихъ относятся: договоръ Сигизмунда съ Московскими боярами по случаю призванія на престолъ сына его Владислава; посольство перваго Самозванца къ Сигизмунду; матеріалы для жизнеописанія Курбскаго, для исторіи Уніи, для исторіи Православной Церкви въ Галиціи; грамоты, объясняющія законодательство, судопроизводство, управленіе и внутренній бытъ Литовской Руси и друг.

Въ т. «Сказаній иностранныхъ писателей о Россіи напечатаны на Нѣмецкомъ языкѣ. Хроника Конрада Буссова и находящіяся съ нею въ

Digitized by Google

связи мѣста ихъ Петреевой лѣтописи, о событіяхъ смутнаго періода нашей исторіи (отъ 1601—1613 г.) Русскій переводъ сочиненія Буссово напечатанъ Проф. Устряловымъ въ I т. «Сказаній современниковъ и Димитріѣ Самозванцѣ», подъ именемъ Беровой Московской лѣтописа.

Гидрографическое описаніе сѣвернаго берега Россіи, сост. *М. Рейнеке*. 2 Ч. Спб. 1843—50. Стр. LXVI, 512 и 362 въ 4 д. л.

Атласъ Бѣлаго моря, составленный авторомъ этой книги, находится въ употребленіи у моряковъ уже 17 лѣтъ, пользуясь большимъ авторитетомъ. Теперь является необходимое объясненіе къ нему, составляющее, вмѣстѣ съ атласомъ, плодъ многолѣтнихъ трудовъ М. Ф. Рейнеке, который, съ 1827 по 1832 годъ, начальствовалъ экспедиціею, снаряженною для повѣрки и пополненія прежнихъ картъ Бѣлаго моря. Первая часть «Гидрографическаго описанія» посвящена собственно Бѣлому морю, вторая—Лапландскому берегу, (*) или, какъ называютъ его наши промышленники, Мурманскому.—«При составленіи «Описанія сѣвернаго берега Россіи», говоритъ авторъ, я имѣлъ въ виду, что одна *лоція*, т. е. наставленіе *для* входовъ къ якорнымъ мѣстамъ, хотя и удовлетворяетъ необходимымъ потребностямъ мореплавателя, но недостаточна *для* ознакомленія съ прочими свойствами описываемаго края. Поэтому рѣшился помѣстить тутъ всѣ замѣчанія, которыя казались мнѣ, для такой цѣли, не безполезными. Бо́льшая часть гидрографическихъ и статистическихъ замѣтокъ собрана мною и моими помощниками, на мѣстѣ занятій нашихъ, по личнымъ наблюденіямъ или достовѣрнымъ разсказамъ тумемцевъ. Гидрографическія показанія о мѣстахъ нами осмотрѣнныхъ взяты изъ журналовъ прежнихъ описей и изъ рукописныхъ лоцій Поморскихъ мореходовъ. Свѣдѣнія историческія выписаны частію изъ дѣлъ присутственныхъ мѣстъ въ городахъ, гдѣ намъ случалось быть, и пополнены изъ прежнихъ извѣстныхъ описаній Архангелогородскаго края».—Принятый въ книгѣ способъ изложенія слѣдующій: 1) Въ введеніи—обзоръ прежнихъ морскихъ съемокъ и картъ, и отчетъ объ изслѣдованіяхъ, сдѣланныхъ экспедиціею, и о картахъ, изъ этого составленныхъ. 2) Въ общемъ обзорѣ—главныя и

(*) По нѣкоторымъ обстоятельствамъ, 2-я ч. была издана прежде 1-й, въ 1843 году.

Digitized by Google

отличительныя черты, относительно гидрографіи, статистики и физическихъ свойствъ того края. Въ приложеніяхъ къ этому обзору—таблицы съ гидрографическими подробностями и указанія, служащія ключемъ къ частнымъ описаніямъ якорныхъ мѣстъ. 3) Въ частныхъ описаніяхъ—собственно лоція, съ подробнымъ, по возможности, описаніемъ береговъ, мелей, теченій и якорныхъ мѣстъ. Въ приложеніяхъ помѣщены статистическія свѣдѣнія о примѣчательныхъ мѣстахъ, а для объясненія нѣкоторыхъ словъ, употребляемыхъ Архангелогородскими мореходами, краткій словарь. — О достоинствахъ обширнаго труда г. Рейнеке должны судить спеціалисты. Довольно сказать, что онъ увѣнчанъ полною Демидовскою преміею.

Путевыя замѣтки. Грузино, Новгородъ, Боровичи, Устюжна. *Д. Мацкевича.* Спб. 1851. Стр. 62 въ 8 д. л.

«Петербургскій Сентябрь часто принадлежитъ къ мѣсяцамъ самымъ скучнымъ и печальнымъ.... Но нѣтъ ничего лучше длинныхъ ненастныхъ вечеровъ Петербургскаго Сентября для тихихъ семейныхъ или дружескихъ бесѣдъ вокругъ пылающаго камина или шумящаго самовара».... Въ одинъ изъ такихъ-то вечеровъ небольшой кружокъ молодыхъ людей распивалъ чай, и одинъ изъ собесѣдниковъ разсказывалъ о томъ, какъ онъ провелъ лѣто, именно о своей поѣздкѣ въ Грузино, Новгородъ, Боровичи и Устюжну. Казалось, должно бы ожидать, что разскащикъ обратитъ главное вниманіе на свои личныя впечатлѣнія, impressions de voyage: напротивъ, онъ почти ничего не сказалъ объ этомъ, а какъ любитель исторіи, сообщилъ все, что читалъ объ этихъ мѣстахъ. Не знаемъ, какъ приняли этотъ разсказъ его собесѣдники, и сколько нашли они въ немъ для себя новаго, нечитаннаго гдѣ-нибудь прежде: но мы прочли «Путевыя замѣтки» не безъ удовольствія, тѣмъ болѣе, что путешествуютъ у насъ по Россіи очень мало, а съ исторической или вообще какой-нибудь цѣлью, не по надобности, не для одного времяпрепровожденія, еще меньше. Впрочемъ, поѣздка автора не совсѣмъ была безплодна для любимаго имъ предмета: въ Устюжнѣ онъ отыскалъ нѣсколько новыхъ свѣдѣній объ осадѣ этого города Поляками въ 1609 году. Слѣдующія подробности о Грузинѣ встрѣтились намъ въ печати тоже, кажется, въ первый разъ.

«Главный домъ или дворецъ, въ которомъ останавливался блаженной памяти Императоръ Александръ, во время посѣщенія Его Величествомъ

Digitized by Google

Грузина, наполненъ предметами, посвященными воспоминаніямъ о Благословенномъ: тутъ есть портреты и бюсты Государя, подаренные Его Величествомъ Гр. Аракчееву, и разныя любопытныя и драгоцѣнныя вещи, и между прочимъ столовые бронзовые часы, играющіе тотъ самый маршъ, при звукахъ котораго Императоръ Александръ съ своими побѣдоносными войсками вступилъ, въ 1814 г., въ Парижъ. Часы эти образцовое произведеніе въ своемъ родѣ: они изображаютъ мавзолей Императору Александру на пьедесталѣ. Возлѣ мавзолея поставленъ изъ черной бронзы воинъ, держащій корону. Въ немъ легко узнать Гр. Аракчеева. На мавзолеѣ возвышается бюстъ Императора Александра, а въ верхнюю часть мавзолея вставлена вызолоченная часовая доска. По сторонамъ ея четыре знака зодіака, относящіеся къ мѣсяцамъ Декабрю, Марту, Сентябрю и Ноябрю, и напоминающіе время рожденія Императора, восшествія его на престолъ, коронованія и кончины. Подъ доской надпись: «Императоръ Александръ Благословенный скончался въ Таганрогѣ, 19 Ноября 1825». Часы бьютъ только разъ въ день, поутру въ 10 часовъ 50 минутъ. Въ это время отворяются находящіяся подъ доскою дверцы; за ними видѣнъ портретъ покойнаго Государя и надъ нимъ слова: «въ четвергъ въ 10 часовъ и 50 минутъ утра». При послѣднемъ ударѣ часовъ, слышна музыка, повторяющаяся три раза. Главную доску пьедестала украшаетъ барельефъ, изображающій присоединеніе къ Россіи Царства Польскаго и В. Княжества Финляндскаго; на одной изъ боковыхъ сторонъ гербъ Гр. Аракчеева, а на другой надпись: «Памяти Государя и благодѣтеля — признательный подданный. Парижъ. 1826.» Барельефъ исполненъ въ Парижѣ по рисунку извѣстнаго нашего художника Егорова. Въ кабинетѣ, на письменномъ столѣ, лежитъ между прочимъ портфель, въ которой Графъ представлялъ Государю для доклада дѣла по своей части. Всѣ эти предметы, свидѣтельствующіе о благоволеніи къ нему незабвеннаго Императора, по завѣщанію покойнаго Графа Алексѣя Андреевича, должны оставаться здѣсь, въ такомъ видѣ и порядкѣ, какъ видимъ ихъ теперь, на вѣчныя времена».

Нѣкоторыя изъ замѣчаній автора, относящихся не къ исторіи, нельзя оставить безъ вниманія. Таково, напримѣръ, его мнѣніе о ямщикахъ, у которыхъ, по его словамъ «въ осанкѣ и во взглядѣ гораздо болѣе естественности и непринужденности, чѣмъ у иныхъ людей, стоящихъ выше ихъ на ступеняхъ общественной лѣстницы». Или вотъ еще что замѣтилъ авторъ вообще о Русскомъ мужичкѣ: «Иногда плетется огромный обозъ, гдѣ все поражаетъ громадностію размѣровъ: рогожныя

Digitized by Google

избитки, лошади съ пестрыми дугами и люди питомцы *Великой* Россіи, могучіе, пригожіе, въ своихъ высокихъ, остроконечныхъ шляпахъ. Мужики сидятъ часто въ телѣгѣ кучками, и слушаютъ, какъ одинъ изъ нихъ читаетъ книгу, какую-нибудь народную сказку, до которыхъ крестьяне наши такіе охотники. На лицахъ слушателей написано величайшее вниманіе: они, кажется, не роняютъ ни одного словечка изъ того, что слышатъ. Въ народѣ Русскомъ, полномъ жизни, молодости и силы, чрезвычайно много любви къ чудеснымъ, поэтическимъ вымысламъ: разсказы о небывалыхъ приключеніяхъ сказочныхъ героевъ воспламеняютъ воображеніе и даютъ обильную пищу игривой фантазіи». Насчетъ игривости фантазіи и любви къ чудесному можно поспорить; но за извѣстіе, что извощики дорогою занимаются чтеніемъ, вмѣсто того чтобы дремать, лежа въ телѣгѣ, или курнякать «Степь Саратовскую, изрѣдка покрикивая на коней,—за это извѣстіе слѣдуетъ поблагодарить автора....

О затмѣніяхъ солнца вообще и въ особенности о полномъ солнечномъ затмѣніи, которое случится $\frac{16}{28}$ Іюля 1851 года. Сост. *М. Хотинскимъ*. Спб. 1851. Стр. 72 въ 12 *д. л.*

Читатели Москвитянина, безъ сомнѣнія, помнятъ статью нашего извѣстнаго астронома Ѳ. А. Семенова, который первый изъ Русскихъ ученыхъ вычислилъ данныя солнечнаго затмѣнія въ этомъ году и составилъ карту для него. (Москв. 1850, N 13) Поэтому, считая излишнимъ входить въ какія-либо подробности по поводу брошюры г. Хотинскаго, скажемъ только, что она написана общепонятно для каждаго, даже не учившагося астрономіи.

Руководство къ Русскому таможенному тарифу по Европейской торговлѣ. Сос. *О. Бартниковскимъ*. Спб. 1851. Стр. 96 въ 12 *д. л.*

Полныя таможенныя тарифы, 1841 и 1851 г. въ сравнительныхъ таблицахъ, и проч. сост. *Д. Соколовъ* и *С. Комаровъ*. Спб. 1851.

Видно, этотъ предметъ не пересталъ еще быть современною новостью, и желающіе ознакомиться съ нимъ не удовлетворились ни объемистой книгой «Общій тарифъ», ни брошюрой: «Сравненіе таможенныхъ тарифовъ 1841 и 1851 г.» Новое «Руководство» и «тарифы» не заклю-

Digitized by Google

чаютъ въ себѣ ничего новаго, но составлены тщательно, и слѣдовательно должны принести пользу тѣмъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ. Употребленіе тарифовъ, составленныхъ гг. Соколовымъ и Комаровымъ, много облегчаетъ алфавитный указатель поименованныхъ въ нихъ предметовъ.

Адресъ-Календарь лѣтнихъ жителей Сокольниковъ, 1851 года. М. 1851. Стр. 27 въ 24 д. л.

Бывало, лѣтомъ половина Москвы разъѣзжалась по деревнямъ, а половина оставалась въ городѣ, и, благодаря приволью въ тѣнистыхъ садахъ, бульварахъ, окрестныхъ рощахъ, не жаловалась на недостатокъ ни зелени, ни чистаго воздуха. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, на памяти у всѣхъ у насъ, климатъ Москвы не измѣнился, число садовъ не уменьшилось, бульваровъ прибавилось, удобства загородныхъ прогулокъ увеличились—и все-таки, не смотря на это, Москвичи сѣтуютъ на скуку городской лѣтней жизни, жалуются на пыль и жаръ, требуютъ какъ можно больше зелени, вздыхаютъ о сельской природѣ, словомъ, «дачеманируютъ». Откуда взялась эта любовь къ природѣ, эта Нѣмецкая страсть быть лѣтомъ непремѣнно ins Grüne—Москвичи знаютъ какъ нельзя лучше, хотя не сознаются въ подражаніи. Между тѣмъ, дачная жизнь развивается съ каждымъ годомъ, и если не дойдетъ до того, что клочекъ земли да пара тощихъ березъ будутъ составлять дачу, такъ это лишь потому, что, не говоря уже о предмѣстіяхъ, окрестности Москвы представляютъ такое раздолье для дачниковъ, какое рѣдко гдѣ можно найдти. Затѣмъ, почти все остальное совершенно по-Петербургски: удачниковъ то же времяпрепровожденіе, то же сочувствіе къ природѣ, выражаемое тѣмъ, что въ вистъ-ералашъ играютъ на открытомъ воздухѣ, та же необходимость общества и визитовъ, тѣ же концерты, то же Тиволи (!!!), тѣ же иллюминаціи, и наконецъ.... та же литература. «Адресъ-Календарь Сокольниковъ».... Да, Сокольники занимаютъ самое почетное мѣсто между Московскими дачами. Прежде они могли бояться соперничества Петровскаго парка; теперь, особенно съ открытіемъ желѣзной дороги, слава и процвѣтаніе ихъ упрочены навсегда. Концерты Зейденштехера съ «великолѣпными огнями,» полковая музыка, цыгане, павильонъ для танцевъ, кандитерскія, кофейныя, наконецъ—источники живой воды—для кого въ купальняхъ на Яузѣ, для кого въ гигіеническихъ ваннахъ доктора Кноблока, для кого въ аптекѣ; наконецъ здоровый воздухъ и прекрасное мѣстоположеніе,

Digitized by Google

которыми всякой можетъ пользоваться даромъ; наконецъ «Адресъ-Календарь,» за который надобно заплатить 15 коп. серебромъ: все это соединяетъ въ себѣ главныя требованія дачной жизни, поставленной на городскую ногу и окруженной приличнымъ комфортомъ....

А что же сказать о Сокольницкомъ Адресъ-Календарѣ? Ничего,— книжечка, довольно красивая и съ своей цѣлію сообразная.

О родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ у западныхъ Славянъ, по поводу статьи объ нихъ г. Соловьева, помѣщенной въ «Кометѣ» (*).

.... Г. Соловьевъ по обычаю опять говоритъ о родовыхъ отношеніяхъ,—это условіе, безъ котораго онъ не можетъ писать. Конечно для науки нѣтъ убытка, ежели кто-либо изъ трудящихся занимается преимущественно однимъ вопросомъ; наука здѣсь даже выигрываетъ; ибо хотя взглядъ изслѣдователя невольно съуживается отъ занятія однимъ вопросомъ; тѣмъ не менѣе вопросъ получаетъ большую опредѣленность и ясность, такъ что наконецъ дѣлается для всякаго понятнымъ, стоитъ ли этотъ вопросъ того, чтобы имъ заниматься, есть ли онъ дѣйствительно существенный вопросъ науки, или важность, ему приписываемая, взята со стороны, и существенно ему не принадлежитъ. Г. Соловьевъ, написавши цѣлую большую книгу объ отношеніяхъ Русскихъ князей Рюрикова дома, и издавши нѣсколько статей въ томъ же духѣ, кажется, достигъ этой желанной ясности, и ежели не себя, то другихъ вполнѣ убѣдилъ, что вопросъ о родовыхъ отношеніяхъ князей не вытекаетъ изъ Русской исторіи, и не имѣетъ въ ней никакого значенія, и что въ пользу этаго вопроса ничего уже нельзя сказать новаго, что остается только повторять и перефразировать сказанное и недоказанное. Но чтобы наши слова не показались придиркою, мы обратимся къ настоящей статьѣ г. Соловьева, и укажемъ, на сколько наше замѣчаніе подтверждается самою статьею.

(*) Мы выразили уже въ послѣднемъ нумерѣ наше удовольствіе, что туманъ родовыхъ отношеній, пущенный неопытностію, а разпространенный малосвѣдущею и своекорыстною журналистикой, давно разсѣянный въ глазахъ знающихъ людей,—нашелъ уже многихъ судей въ печати, изъ которыхъ иные зашли даже слишкомъ далеко, отвергая безусловно всякое родовое отношеніе. Нынѣ помѣщая еще одну дѣльную статью, пожалѣемъ только, что она является безъ имени. *М. П.*

Digitized by Google

Онъ начинаетъ свою статью такъ: «Давно уже писатели Русской исторіи начали останавливаться на удивительныхъ отношеніяхъ между нашими древними князьями, искать объясненій странному раздѣлу между ними, при которомъ боковыя линіи не исключались изъ владѣнія главнымъ столомъ, переходившимъ не отъ отца къ сыну, но къ старшему въ цѣломъ родѣ Ярослава 1-го. Въ настоящее время это явленіе обратило на себя особенное вниманіе изслѣдователей, пришедшихъ къ тому убѣжденію, что отношенія между нашими древними князьями были чисто родовыя, и что постепенный переходъ этихъ родовыхъ отношеній въ государственныя составляетъ господствующее явленіе, около котораго вращается весь интересъ древней Русской исторіи, до самаго пресѣченія Рюриковой династіи». Это небольшое начало заключаетъ въ себѣ сущность всѣхъ писаній г. Соловьева; оно повторяется и модулируется имъ постоянно вездѣ; но правильно ли сказанное здѣсь г. Соловьевымъ и повторенное имъ нѣсколько разъ прежде, это вопросъ, который мы теперь и постарасмся разрѣшить.

По словамъ г. Соловьева, изслѣдователи Русской исторіи, замѣчая, что по раздѣлу, существовавшему между древними Русскими князьями, боковыя линіи не исключались изъ владѣнія главнымъ столомъ, переходившимъ не отъ отца къ сыну, но къ старшему въ цѣломъ родѣ Ярослава 1-го, въ настоящее время пришли къ убѣжденію, что отношенія между нашими древними князьями были чисто родовыя. Здѣсь не мѣсто перечислять немногочисленныхъ писателей, пришедшихъ, по словамъ г. Соловьева, къ сказанному убѣжденію; главный вопросъ заключается не въ этомъ, а въ томъ, въ чемъ состоитъ это убѣжденіе. Конечно, въ наукѣ исторической убѣжденіе должно состоять въ фактахъ, и въ надлежащемъ и прямомъ пониманіи фактовъ. Посмотримъ же, что говорятъ факты Русской исторіи, понимаемые просто и естественно, безъ натяжекъ.

По словамъ лѣтописи, Ярославъ передъ кончиной своей урядилъ сыновей, сказавши имъ послѣ увѣщанія въ любви и мирѣ: «Поручаю въ собе мѣсто столъ старѣйшему сыну своему и брату вашему Изяславу Кіевъ, сего послушайте, якоже послушаете мене, та то вы будетъ въ мене мѣсто; а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Володимиръ, а Вячеславу Смолинескъ.» И тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ не переступати предѣла братня, ни сгонити; рекъ Изяславу: «аще кто хощетъ обидѣти брата своего, то ты помогай егоже обидятъ» (1). Здѣсь каждый видитъ, что нѣтъ и помину или

(1) Пол. Соб. Лѣт. Т. I. стр. 70.

Digitized by Google

даже намека, на нераздѣльное владѣніе общею родовою волостью, какъ думаетъ доказать г. Соловьевъ въ своей книгѣ объ отношеніяхъ между князьями Рюрикова дома (2), Ярославъ прямо назначаетъ удѣлы: «Раздѣли имъ грады, заповѣда имъ не переступати предѣла братня, ни сгонити.» Слѣдовательно, каждому сыну назначаетъ отдѣльное владѣніе и даже опредѣляетъ границы владѣній: «не переступати предѣла братня,» т. е. выдѣляетъ каждаго сына изъ общаго наслѣдія, точно также, какъ и теперь какой-нибудь умирающій вотчинникъ сталъ бы назначать своимъ сыновьямъ одному такую деревню, другому другую, третьему третью, и такъ далѣе; напр. сказалъ бы: старшему сыну моему Павлу даю деревню Поярково, гдѣ я самъ жилъ, второму сыну Сергѣю даю деревню Перелыгино, третьему Кузмѣ Савостьяново и подобн. Конечно, упомянутыхъ Павла, Сергѣя и Козму, теперь ни кто не назоветъ общими нераздѣльными владѣльцами родовой собственности. А форма и смыслъ приведеннаго нами раздѣла владѣній между сыновьями нынѣшняго вотчинника совершенно одинаковы съ формою и смысломъ Ярославова раздѣла, записаннаго въ лѣтописи; слѣдовательно фактъ, записанный въ лѣтописи, рѣшительно противорѣчитъ положенію о нераздѣльномъ владѣніи общею родовою собственностію между сыновьями Святослава. Г. Соловьевъ видѣлъ самъ, кажется, слабую сторону своего положенія о небываломъ нераздѣльномъ владѣніи родовою собственностію; и посему тогда же старался заподозрить свидѣтельство лѣтописи, называя его позднѣйшею вставкою (3); конечно, назвать вставною что угодно немудрено, но должно доказать, почему именно такое-то мѣсто лѣтописи кажется вставкою; посмотримъ же, какъ доказываетъ свои слова г. Соловьевъ. Первымъ доказательствомъ онъ полагаетъ то, что выраженія, употребленныя лѣтописцемъ при описаніи кончины Ярослава, принадлежатъ къ тѣмъ мѣстамъ въ лѣтописи, которыя встрѣчаются постоянно въ извѣстныхъ случаяхъ (4). Но такое доказательство ни по какой логикѣ не могло бы отвергать подлинности формъ раздѣла Ярославова; естественно, что при одинакихъ случаяхъ могли быть и одинакія выраженія, тѣмъ больше въ языкѣ простомъ, неизысканномъ. Притомъ же въ продолженіи XI, XII и XIII вѣковъ лѣтопись нигдѣ не употребляетъ при описаніи кончинъ княжескихъ, тѣхъ выраженій, какія приведены лѣтопи-

(2) Ист. отнош. между кн. Рюр. дома, стр. 71.
(3) Тамже, 71. (4) Тамже, 72.

Digitized by Google

сцемъ при описаніи кончины Ярослава. Такъ о кончинѣ Всеволода Ярославича лѣтопись говоритъ: «разболѣвшюся ему вельми, посла по сына своего Володимира Чернигову, пришедшю Володимиру, видѣвъ и вельми больна суща, и плакався; пресѣдящю Володимеру и Ростиславу, сыну его меньшему, пришедшу же часу, преставися тихо и кротко, и приближися ко отцемъ своимъ» (5). Или о кончинѣ Всеслава Полотъскаго: «Преставися Всеславъ Полотъскій князь, мѣсяца Априля въ 14 день, въ 9 часъ дне въ среду» (6). Или объ Олегѣ Святославичѣ: «преставися Олегъ Святославичь въ 8 день Августа» (7). Или о Святополкѣ Михаилѣ: «приспѣ празникъ пасхы, и празноваша и по праздницѣ разболѣся князь; а преставися благовѣрный князь Михаилъ зовемый Святополкъ, мѣсяца Априля въ 16 день за Вышгородомъ» (8). Или о Мономахѣ: «преставися благовѣрный князь, христолюбивый и великый князь всеа Русіи, Володимеръ Мономахъ. Сего преставленіе бысть Маія въ 19, и спрятавше тѣло его положиша у св. Софьѣ, въ отьца Всеволода, пѣвше обычныя пѣсни надъ нимъ. Святители же жалюще си плакахуся по св. и добромъ князи, весь народъ и вси людіе по немъ плакахуся, и сынове его Мстиславъ, Ярополкъ, Вячьславъ, Георгій, Андрей, и внуци его, и сынове его разидошася кождо въ свою волость, идѣже бяше комуждо ихъ раздаялъ волости» (9). О кончинѣ Мстислава: «преставися благовѣрный князь Мстиславъ, Володимерь сынъ, оставивъ княженіе брату своему Ярополку, емуже и дѣти свои съ Богомъ на руцѣ предасть; преставися Мстиславъ Априля въ 15, празной недѣли въ пятокъ» (10). О кончинѣ Всеволода Ольговича: «Всеволодъ же пришедъ въ Кіевъ разболися, и посла по брата своего по Игоря и по Святослава, и бысть вельми боленъ, и ста подъ Вышегородомъ въ островѣ; и Всеволодъ же призва къ собѣ Кіяне и нача молвити: «азъ есмь вельми боленъ, а се вы братъ мой Игорь, имѣтесь по мнѣ.» Въ утрій же день преставися Всеволодъ мѣсяца Августа въ 1 день» (11). Или о кончинѣ Изяслава Мстиславича сказано: «разболѣся вел. князь Кіевскій Изяславъ, честный, благовѣрный и христолюбивый, славный Изяславъ Мстиславичь, внукъ Володимерь, и плакася по немъ вся Руская земля, и вси Черніи Клобуци, яко по цари и господинѣ своемъ, наипачеже яко по отци, въ недѣлю на ночь преставися на Филиповъ день» (12). О Юрьѣ Долгорукомъ: «пивъ Гюрги въ осменика у Петрила, въ тъ день на ночь разболѣся, и бысть болѣсти его 5 дній. И пре-

(5) Пол. Соб. Лѣт. Т. I. 93. (6) Тамже 117. (7) Тамже 127. (8) Ипат. 4. (9) Ibid. 10. (10) ibid. 12. (11) ibid. 22. (12) ibid. 74.

Digitized by Google

ставися Кіевѣ Гюрги Володимировичь, князь Кіевскій, мѣсяца Мая въ 15, въ среду на ночь» (13). Или о Ростиславѣ Мстиславичѣ: «и нондона съ нимъ (Ростиславомъ) изъ Смоленска, а уже ему вельми изнемогающу, а и бы въ селѣ Рогнѣдинѣ въ Зарубѣ, и нача молвити Иванкови Фроловичю покладнику своему, и Борисови Захарьичю: «взовита ми Семьона попа, ать створитъ молитву;» а самъ вздѣвъ руцѣ свои нача молитву творити.... И бѣ видѣти слезы его лежачи на сранію его, яко женчужная зерна. И тако, отирая слезы убрузцемъ, успе мѣсаца марта въ 14 день» (14). Или о кончинѣ Давыда Смоленскаго: «преставися князь Давыдъ Смоленскій и постригся и въ скымѣ бывъ» (15). Или о кончинѣ Всеволода Юрьевича: «егда приспѣ конецъ ему временьнаго сего и многомятежнаго житія, тихо и безмолвно преставися, и приложися ко отцемъ своимъ; и плакашася по немъ сынове его плачемъ великимъ, и вси боляре его и мужи и вся земля власти его» (16). Или наконецъ о кончинѣ В. К. Александра Невскаго сказано: «преставися великый князь Олександръ сынъ Ярославль» (17). Такимъ образомъ мы здѣсь видимъ 12 лѣтописныхъ описаній, какъ оканчивали жизнь свою наши древніе князья, и ни одно изъ нихъ не походитъ на описаніе кончины Ярослава, даже въ XIV вѣкѣ, когда писанъ Лаврентіевскій списокъ лѣтописи, нигдѣ не встрѣчается описанія подобнаго тому, которое употребилъ Несторъ при описаніи кончины Ярослава. Слѣдовательно первое доказательство, выставленное г. Соловьевымъ, доказываетъ не подложность заподозрѣваемаго имъ свидѣтельства Нестора о раздѣлѣ владѣній, учиненномъ Ярославомъ, но или поверхностное знакомство изслѣдователя съ лѣтописями, или клевѣту на лѣтописцевъ.

Далѣе г. Соловьевъ, желая поддержать свои подозрѣнія относительно Ярославова раздѣла, выставляетъ доказательствомъ какія-то несообразности въ ходѣ событій другъ за другомъ. Онъ говоритъ: «въ началѣ описанія сказано: еще живу сущю ему (Ярославу) наряди сыны своя, рекъ имъ: «се азъ отхожу свѣта своего.» «Наряди сыны своя» показываетъ, что всѣ сыновья тутъ были, но какимъ же образомъ случилось, что во время кончины в. к. подлѣ него былъ только одинъ Всеволодъ? Какимъ образомъ Изяславъ, которому умирающій князь поручаетъ старшинство и Кіевскій столъ, оставляетъ смертный одръ его и ѣдетъ въ Новгородъ? Онъ не могъ думать, что отецъ его еще долго проживетъ, потому что въ лѣтописи Ярославъ говоритъ: «се азъ отхожу свѣта сего.» Вмѣстѣ съ Изяславомъ разъѣхались другіе Ярося-

(13) Ibid. 81. (14) ibid. 95. (15) Лавр. 174. (16) ibid. 185. (17) Лавр. 204.

Digitized by Google

вичи, кромѣ Всеволода, который и похоронилъ отца.... Изъ всего видно, что лѣтописецъ, желая непремѣнно заставить Ярослава сказать что-нибудь о братолюбіи, соединилъ два отдаленныя другъ отъ друга событія: разсылку сыновей по областямъ и кончину Ярослава» ([18]). Это второе доказательство о подложности Ярославова раздѣла служитъ новымъ свидѣтельствомъ, что г. Соловьевъ, или съ намѣреніемъ не хочетъ понимать лѣтописей, или очень слабо знакомъ съ ними. Ему представляются въ разсказѣ лѣтописца два отдаленныя событія, тогда какъ въ дѣйствительности они слѣдовали одно за другимъ непосредственно. Ярославъ уже старый и слабый здоровьемъ, пользуясь случаемъ, что всѣ сыновья его собрались въ Кіевъ, пригласилъ ихъ къ себѣ и учинилъ между ними раздѣлъ владѣній на случай своей смерти, и потомъ отпустилъ изъ Кіева, или даже можетъ быть послалъ одного въ Новгородъ, другаго въ Волынь, можетъ быть для ратныхъ дѣлъ или по другимъ какимъ нуждамъ правленія, остальныхъ въ другія мѣста, удержавъ только при себѣ любимца Всеволода. Подобные случаи въ нашихъ лѣтописяхъ встрѣчаются не разъ. Такъ напримѣръ подъ 1218 годомъ лѣтопись говоритъ: «Великій князь Костянтинъ, сынъ Всеволожъ, посла старѣйшаго сына своего Василька Ростову на столъ, а Всеволода на Ярославль на столъ, рекъ имъ: возлюбленная моя чада! будита межи собою въ любви, Бога бойтася всею душею, заповѣди его во всемъ сблюдающа, и моя нравы вся воспріимѣте, яже мя видѣста творяща.... азъ бо вѣмъ, сына моя, яко отшествіе мое близь приближается отъ свѣта сего, и се поручаю васъ Богу и Пречистой Его Матери, и брату и господину Гюргю, да то вы будетъ въ мене мѣсто, и тако цѣловавъ ею любезно, отпусти ею когождо въ свою власть. Тояще зимы, мѣсяца Февраля въ 2 день.... преставися христолюбивый великій князь Костянтинъ» ([19]). Здѣсь описаніе нѣсколько подробнѣе, и потому спорить противъ него нѣтъ никакой возможности; но въ сущности и описаніе Ярославовой кончины совершенно одинаково. Константинъ, чувствуя приближеніе смерти, раздѣлилъ свои владѣнія между сыновьями, и простившись, отпустилъ ихъ на удѣлы; точно тоже сдѣлалъ и Ярославъ въ такихъ же обстоятельствахъ, и подозрѣвать здѣсь несообразность можетъ только тотъ, у котораго есть задняя мысль; слѣдовательно и второе, оно же и послѣднее, доказательство г. Соловьева не

(18) Истор. отн. между Русск. кн. стр. 73.

(19) Лавр. 187.

Digitized by Google

доказываетъ подложности Ярославова раздѣла. А когда это такъ, то стало быть сыновья Ярослава получили особые удѣлы, а не были владѣльцами нераздѣльной родовой области; и слѣдовательно перваго и основнаго положенія родоваго быта въ нашей исторіи не существуетъ, и вопросъ объ этомъ предметѣ навязывается изслѣдователями со стороны, а не вытекаетъ изъ жизни народной, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ и значеніи, какое думаетъ придать родовому быту г. Соловьевъ (*).

Далѣе, всѣ свидѣтельства лѣтописей XI, XII, XIII и XIV столѣтій постоянно указываютъ, что князья въ своихъ удѣлахъ были полными самостоятельными владыками, а не временными владѣльцами общей нераздѣльной родовой собственности. Такъ въ 1097 году Давыдъ Игоревичъ говоритъ в. к. Святополку, когда Василько Ростиславичъ, остановившись на дорогѣ подъ Кіевомъ, не хотѣлъ заѣхать къ Святополку въ гости: «видиши ли — не помнитъ тебе, ходя въ твою руку; аще ти отъидетъ въ свою волость, да узриши, аще ти не займетъ градъ твоихъ Турова и Пинъска» (20). Здѣсь Давидъ ясно отличаетъ Василькову волость отъ Святополковой, и даже говоритъ, что Василько тогда только можетъ считаться въ рукахъ Святополковыхъ, когда находится въ Кіевской области; когда же уѣдетъ въ свою волость, то и у Святополка отниметъ города. Да и въ этомъ же году еще прежде указаннаго нами случая всѣ потомки Ярослава на общемъ съѣздѣ раздѣлили между собою волости; и при этомъ раздѣлѣ прямо сказано: «кождо да держитъ отчину свою: Святополкъ Кіевъ Изяславлю, Володимеръ Всеволожу, Давыдъ и Олегъ и Ярославъ Святославлю» (21). А еще прежде, въ 1096 году Олегъ Святославичъ говорилъ Изяславу Владимировичу, захватившему Муромъ: «иди въ волость отца своего Ростову, а то есть волость отца моего, да хочю ту сѣдя порядъ створити со отцемъ твоимъ» (22). Слѣдовательно потомки сыновей Ярослава имѣли отдѣльныя владѣнія, и именно тѣ, которыя принадлежали ихъ отцамъ, и такъ они не были временными владѣльцами общей нераздѣльной родовой собственности, и о нераздѣлимости родоваго достоянія тутъ нѣтъ и помину, слѣдовательно ее тогда не было и въ самой жизни, и г. Соловьевъ напрасно ее навязываетъ Русскимъ XI столѣтія. Въ XII столѣтіи тѣ же свидѣтельства о княжескихъ удѣлахъ и отчинахъ и о несуще-

(20 Лавр. 110. (21) ibid. 109. (22) ibid. 107.

(*) По моему мнѣнію Ярославъ роздалъ города и волости за долго до своей смерти, — подобно Володимиру Святому; но это ни сколько не уменьшаетъ силы въ возраженіи критика. *М. П.*

Digitized by Google

ствованіи въ тогдашней жизни идей о нераздѣльномъ владѣніи общею родовою собственностію, такъ въ 1135 году: Ольговичи и ихъ союзники говорятъ Ярополку Кіевскому: «что ны отець держалъ при вашемъ отци, того же и мы хочемъ; аже не вдасть, то не жалуйте что ся удѣеть» (25). Или подъ 1140 годомъ Андрей Владимировичъ Переяславскій, когда Всеволодъ Ольговичъ Кіевскій приказывалъ ему перейти въ Курскъ, отвѣчалъ: «лѣпьши ми того смерть и съ дружиною на своей отчинѣ и на дѣдинѣ взяти, нежели Курское княженіе, отець мой Курскъ не сѣдѣлъ, но въ Переяславли» (26). Или въ 1142 году братья Всеволодовы говорятъ: «дастъ ны по городу, Берестій и Дорогычинъ, Черторыескъ и Кльчьскъ, а отчинѣ своеѣ не дасть Вятичь» (27). Или въ 1157 году Юрій Долгорукій говоритъ Владимиру Андреевичу: «сыну! азъ есмь съ твоимъ отцомъ, а съ моимъ братомъ Андреемъ, крестъ цѣловалъ на томъ, яко кто ся наю останеть, то тый будеть обоимъ дѣтемъ отець, и волость удержати» (28). Во всѣхъ сихъ извѣстіяхъ ясное свидѣтельство о существованіи въ XII вѣкѣ удѣловъ, а не нераздѣльнаго владѣнія общимъ родовымъ достояніемъ (*). Тѣ же свидѣтельства встрѣчаемъ и въ XIII вѣкѣ; такъ, напримѣръ, въ 1218 году вел. кн. Константинъ Всеволодичь назначаетъ особые удѣлы сыновьямъ въ своихъ Ростовскихъ владѣніяхъ (29). Или Ярославъ Всеволодичь назначаетъ удѣлы своимъ дѣтямъ, и удѣлы сіи постоянно остаются въ ихъ потомствѣ на долгое время; то же дѣлаютъ Тверскіе, Московскіе, Суздальскіе и другіе князья въ XIV вѣкѣ. Итакъ факты Русской жизни въ продолженіи первыхъ четырехъ вѣковъ по смерти Ярослава не подаютъ и намековъ на нераздѣльное владѣніе князей общимъ родовымъ достояніемъ, и говорятъ совершенно противное сему положенію.

Теперь посмотримъ въ извѣстіяхъ нашихъ лѣтописей, сколько найдется свидѣтельствъ о правѣ родоваго старѣйшинства во владѣніи старшимъ столомъ. Ярославъ отказалъ Кіевъ старшему сыну, и наказалъ другимъ сыновьямъ, чтобы они слушали старшаго, «якоже послушаете мене, да то вы будетъ въ мене мѣсто» (30). Лѣтопись даже свидѣтельствуетъ, что Ярославъ говорилъ третьему сыну своему Всеволоду: «аще ти подастъ Богъ пріяти власть стола моего по братьи своей, съ правдою, а не насиліемъ» (31). Это послѣднее извѣстіе указываетъ на

(23) Ипат. 13. (24) ibid. 16. (25) ibid. 18. (26) idid. 80.

(27) Лавр. 187. (28) ibid. 69. (29) ibid. 92.

(*) Общимъ родовымъ достояніемъ можно называть Русскую землю только въ томъ смыслѣ, что всякій князь считалъ себя въ правѣ имѣть въ ней какой-нибудь и отъ кого-нибудь участокъ. *М. П.*

Digitized by Google

существованіе правила наслѣдовать брату послѣ брата, а не сыну послѣ отца во владѣніи великокняжескимъ престоломъ. И точно это правило исполнялось при благопріятствующихъ обстоятельствахъ. Такъ Изяславу наслѣдовалъ за смертію Святослава Всеволодъ; а послѣ Всеволода былъ великимъ княземъ Святополкъ сынъ Изяславовъ, какъ старшій въ родѣ; потомъ Кіевъ принадлежалъ Владиміру Мономаху, а не сыну Святополкову. Послѣ Мономаха владѣлъ Кіевомъ Мстиславъ сынъ его, а потомъ другой сынъ Ярополкъ; но они не были уже старшими въ Ярославовомъ родѣ, ибо старше ихъ были внуки старшихъ дѣтей Ярослава, т. е. Изяславовы и Святославовы. Такимъ образомъ правило родоваго старѣйшинства перестало быть правиломъ на дѣлѣ, еще въ первой половинѣ XII столѣтія, да и до этаго времени оно въ сущности не прилагалось къ дѣлу: ибо еще Изяславъ, оставленный Ярославомъ для младшихъ дѣтей вмѣсто себя, вовсе не былъ таковымъ для своихъ братьевъ, и даже былъ изгнанъ ими изъ Кіева, и до тѣхъ поръ не могъ воротиться, пока не умеръ второй братъ Святославъ. Потомъ Всеволодъ преемствовалъ Изяславу, не столько потому, что онъ былъ старшій въ родѣ, сколько потому, что былъ несравненно сильнѣе всѣхъ другихъ наличныхъ князей, своихъ племянниковъ; ибо онъ по своимъ союзамъ то съ Святославомъ, то съ Изяславомъ, кромѣ своей наслѣдственной области Переяславской успѣлъ захватить владѣнія своихъ племянниковъ, т. е. области Черниговскую и Смоленскую. Святополкъ также владѣлъ Кіевомъ очевидно не по старѣйшинству, а потому что Владиміръ Мономахъ уступилъ ему это владѣніе. Мономахъ же въ этой уступкѣ, конечно, руководствовался не уваженіемъ къ старшинству, а тѣмъ, что въ случаѣ его притязаній на Кіевъ Святополкъ соединился бы съ дѣтьми Святослава, которыхъ родовымъ достояніемъ неправильно владѣлъ Мономахъ. Лѣтопись объ этомъ ясно говоритъ; вотъ ея слова: «Володимеръ же нача размышляти, река: «аще сяду на столѣ отца своего, то имамъ рать съ Святополкомъ взяти, яко есть столъ преже отца его былъ» (30). Здѣсь Владиміръ самъ говоритъ, что уступаетъ Кіевъ не изъ уваженія къ старѣйшинству Святополка, но потому что при неуступкѣ нужно было воевать съ Святополкомъ, и что слѣдовательно война сія еще не совсѣмъ была сподручна. Когда же по смерти Святополка Мономахъ занялъ Кіевъ, и былъ на столько силенъ, что уже не могъ опасаться соперничества со стороны другихъ князей, то не подумалъ и вспомнить о старѣйшинствѣ и прямо назначилъ наслѣдникомъ Кіевскаго стола сына своего Мстислава (31), тогда какъ

(30) Лавр. 93. (31) Лавр. 139.

Digitized by Google

живы были не только сыновья Давида и Олега Святославичей, троюродные братья Мстиславу и старшіе его по родовымъ счетамъ, но даже двоюродный братъ самаго Мономаха Ярославъ Святославичь, дядя Мстиславовъ. Все это ясно показываетъ, что правило родоваго старѣйшинства при наслѣдованіи старшимъ княжескимъ столомъ, уже при сыновьяхъ и внукахъ Ярослава не имѣло никакой силы, и старшіе, ежели не имѣли своихъ особенныхъ средствъ, то даже не предъявляли своего права противу младшихъ, имѣвшихъ средство поддержать свое искательство; такъ Святославичи молчали противъ Всеволодичей, пока сіи были сильны. Слѣдовательно право родоваго старѣйшинства даже при сыновьяхъ и внукахъ Ярослава не было уже мѣркою княжескихъ отношеній; а чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе оно теряло свое значеніе; съ легкой руки Мстислава племянники стали перебивать владѣніе Кіевомъ не только у двоюродныхъ, но даже у родныхъ дядей, а младшіе родные братья отбивать престолъ у старшихъ. Такъ Мстиславовъ сынъ Изяславъ перебилъ владѣніе Кіевскимъ престоломъ у дяди своего Юрія Долгорукаго; а этотъ Юрій перебилъ право у старшаго своего брата Вячеслава. Конечно, Изяславъ во время споровъ съ Долгорукимъ за Кіевъ иногда прибѣгалъ къ старѣйшинству Вячеслава, и показывалъ, что правитъ Кіевскою областью отъ имени старшаго дяди; но онъ это дѣлалъ только съ тою цѣлію, чтобы пользоваться дружиною Вячеслава, которая ему была нужна для войны съ сильнымъ соперникомъ Юріемъ Долгорукимъ и его союзникомъ Владимиромъ Галицкимъ, а со всѣмъ не для того, чтобы укрываться старшинствомъ дяди, которое не думалъ уважать и самъ Долгорукій. Тоже самое нѣсколько прежде происходило въ домѣ Святославичей; въ 1127 году Всеволодъ Ольговичь выгналъ изъ Чернигова дядю своего Ярослава Святославича; тогдашній великій Князь Кіевскій Мстиславъ вступился было за Ярослава, но скоро отступился отъ него и оставилъ Всеволода въ покоѣ, какъ бы чувствуя, что и самъ не больше имѣетъ правъ на Кіевъ, какъ Всеволодъ на Черниговъ (*).

По смерти Изяслава право старѣйшинства даже не упоминалось между Князьями. Такъ Изяславу преемствовалъ на Кіевскомъ престолѣ братъ его Ростиславъ, но не по старшинству своему, а по приглашенію Вячеслава и Кіевлянъ, потомъ Кіевляне пригласили къ себѣ въ Князья Изяслава Давыдовича изъ Черниговскаго дома; этотъ Изяславъ, не имѣя силъ защищаться, сдаетъ Кіевъ Долгорукому; при чемъ замѣчательно

(*) Объ этомъ предметѣ см. въ моихъ изслѣдованіяхъ, Т. IV. *М. П.*

Digitized by Google

выраженіе сего послѣдняго, сказанное Изяславу: «мнѣ отчина Кіевъ, а не тобѣ» (32). Здѣсь Долгорукій не думаетъ считаться старѣйшинствомъ съ Изяславомъ, но выставляетъ отчинное право,—мнѣ отчина Кіевъ. По смерти Долгорукаго Изяславъ Давыдовичь опять занялъ Кіевъ, но не по праву старѣйшинства, хотя онъ дѣйствительно былъ давно уже старѣйшимъ во всемъ родѣ Ярославовомъ, ибо самъ не думалъ соблюдать старшинства въ своемъ родѣ, отдавши послѣ себя Черниговъ племяннику своему Святославу Володимировичу по отчинному праву, а не по праву старшинства, по которому бы Черниговъ слѣдовалъ двоюродному его брату Святославу Ольговичу. Потомъ, когда изгнали Изяслава Давыдовича, то въ Кіевъ приглашенъ былъ Ростиславъ Мстиславичь Смоленскій, также по отчинному праву, ибо приглашеніе сіе было явно въ нарушеніе правъ старѣйшинства Изяслава Давыдовича, который Ростиславу проходился дядей. По смерти Ростислава занялъ Кіевъ Мстиславъ Изяславичь по приглашенію народа и Князей, а не по старѣйшинству, ибо старше его былъ дядя его Владимиръ Мстиславичь, который самъ участвовалъ въ приглашеніи Мстислава (33). И приглашеніе сіе было сдѣлано, не по какому-либо искусственному представленію старѣйшинства Мстиславова, о которомъ тогда не имѣли и понятія, но только по тому, что другіе Князья думали поживиться отъ Мстислава волостями, какъ прямо сказано въ лѣтописи (34). Потомъ, когда выгнали Мстислава, то получилъ Кіевъ Глѣбъ Юрьевичь изъ Долгорукихъ, и опять не по старшинству, а по волѣ своего старшаго брата Андрея Боголюбскаго. По смерти Глѣба занялъ Кіевъ Владимиръ Андреевичь Дорогобужскій по приглашенію племянниковъ, а не по старшинству, ибо послѣ Глѣба старшинство принадлежало дѣтямъ Долгорукаго. Послѣ Владимира Кіевъ получилъ Романъ Ростиславичь, по назначенію Андрея Боголюбскаго; потомъ Кіевъ перешелъ къ Ярославу Изяславичу Луцкому, который по роду своему хотя былъ старшій противъ Ростиславича, но получилъ Кіевъ не по старшинству, а только потому, чтобы противоставить его притязаніямъ Боголюбскаго. Послѣ Ярослава Кіевъ былъ занятъ опять Романомъ Смоленскимъ, а потомъ братомъ его Рюрикомъ, и далѣе Святославомъ Всеволодовичемъ Черниговскимъ, совершенно безъ отношеній къ старѣйшинству, а только по тому, кому изъ нихъ благопріятствовали обстоятельства. По смерти Святослава Кіевъ опять былъ занятъ Рюрикомъ, у котораго отнялъ его Романъ Мстиславичь Волынскій, племянникъ Рюриковъ,

(32) Лавр. 148. (33) Ипат. 96. (34) Ипат. 96.

Digitized by Google

который уступилъ Кіевъ Рюрикову сыну Ростиславу. По смерти Романа Рюрикъ опять занялъ Кіевъ, а потомъ уступилъ его Всеволоду Черному, сыну покойнаго Святослава Всеволодовича Черниговскаго. Потомъ Ростиславичи отняли Кіевъ у Всеволода, и отдали Мстиславу Романовичу, племяннику Рюрикову, когда Рюрикъ былъ еще живъ. Когда Мстиславъ палъ въ битвѣ на Калкѣ, Кіевскимъ княземъ сдѣлался двоюродный братъ его Владиміръ Рюриковичъ. У этаго Владиміра Кіевъ отнялъ Михаилъ Всеволодичъ Черниговскій и отдалъ его союзнику своему Изяславу Мстиславичу; Изяслава выгналъ Ярославъ Всеволодовичъ, племянникъ Боголюбскаго, а у Ярослава отнялъ Кіевъ опять Володиміръ Рюриковичъ, котораго выгналъ оттуда Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій, а Михаила выгналъ Даніилъ Романовичъ Галичьскій, а потомъ Кіевъ опять достался Михаилу, и по убіеніи его въ ордѣ Батыемъ, родъ Русскихъ Князей въ Кіевѣ прекратился. И всѣ сіи занятія происходили безъ отношенія не только къ старшинству, но и даже къ отчинному праву; Кіевъ переходилъ отъ одного рода къ другому, потомъ опять возвращался въ прежній родъ, отъ старшихъ къ младшимъ, отъ младшихъ къ старшимъ, смотря по тому, кому благопріятствовали обстоятельства. Такимъ образомъ изъ 29 князей, владѣвшихъ Кіевомъ по смерти Ярослава до Батыя, трое были сыновья Ярославовы: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, одинъ, произходившій отъ старшаго Ярославова сына Изяслава Святополкъ, семеро произходили изъ поколѣнія втораго Ярославова сына Святослава, собственно изъ племени его внука Олега, *одинъ* сынъ Всеволодовъ Владиміръ Мономахъ, *четверо* сыновей Мономаховыхъ; *два* Мстиславича; Изяславъ и Ростиславъ Смоленскій; *трое* изъ поколѣнія Изяслава Мстиславича; двое изъ роду Юрія Долгоруkаго, и *одинъ* Владиміръ Андреевичь Дорогобужскій, внукъ Мономаховъ, котораго отецъ умеръ не бывши великимъ княземъ.

Изъ сихъ двадцати девяти Князей *для* насъ особенно замѣчательны по отношенію къ одному изъ основныхъ положеній г. Соловьева, князья Всеволодъ и Игорь Ольговичи, Изяславъ Давыдовичь и Владиміръ Андреевичь Дорогобужскій. Г. Соловьевъ, объясняя случаи, исключавшіе князей изъ старшинства и даже изъ владѣнія родовою собственностію, говоритъ: «Могло случиться, что князь навсегда оставался младшимъ членомъ рода, и навсегда малолѣтнымъ, слѣд. навсегда неспособнымъ не только получить велико-княжеское достоинство, но даже участокъ во владѣніи, быть совладѣльцемъ съ старшими. Это могло произойти, когда какой-нибудь князь умиралъ, не будучи старшимъ въ родѣ,

Digitized by Google

или великимъ княземъ; въ такомъ случаѣ дѣти его навсегда оставались младшими (35); т. е. судя по представленнымъ здѣсь разсужденіямъ г. Соловьева, навсегда неспособными не только получить велико-княжеское достоинство, но даже участокъ во владѣніи. Первая часть этого положенія дѣйствительно и случилась съ Олегомъ и Давыдомъ Святославичами и съ Андреемъ Володимировичемъ: они точно умерли, не бывши старшими членами рода, т. е. великими князьями. Теперь надо бы было ожидать, что сбудется и вторая половина положенія, т. е. ихъ дѣти никогда не только не будутъ великими князьями, но даже не получатъ участка во владѣніи общимъ нераздѣльнымъ достояніемъ рода; ибо г. Соловьевъ выдаетъ вторую часть своего положенія за основный законъ въ отношеніяхъ между князьями, законъ, почерпнутый изъ самой жизни древнихъ Русскихъ князей, изъ свойствъ родоваго быта. Но жизнь древнихъ Русскихъ и не думала слѣдовать закону, навязываемому ей г. Соловьевымъ; дѣти Олега и Давыда Святославичей и Андрея Владимировича, никогда не бывшихъ великими князьями, и даже не объявлявшихъ притязанія на это достоинство, не только владѣли удѣлами, но и были даже великими князьми; и одинъ изъ нихъ Всеволодъ Ольговичь даже можетъ считать въ разрядѣ великихъ князей Кіевскихъ цѣлое и прямое свое потомство, т. е. сына (Святослава Всеволодича), внука (Всеволода Святославича) и правнука (Михаила Всеволодича). Такимъ образомъ прямые и ясные факты Русской древней жизни свидѣтельствуютъ, что приведенный здѣсь законъ княжескихъ отношеній, навязываемый ей г. Соловьевымъ, очевидно взятъ по ошибкѣ изъ какой-нибудь другой жизни, а не изъ Русской. А посему руководствоваться симъ закономъ при изученіи Русской исторіи, значитъ ни больше ни меньше, какъ искажать исторію.

Вотъ основныя положенія г. Соловьева, постоянно и вездѣ навязываемыя имъ древней Русской исторіи, какъ законъ жизни старыхъ Русскихъ князей, какъ основаніе всѣхъ ихъ отношеній другъ къ другу, какъ основа родоваго быта, царившаго, по его мнѣнію, въ древней Русской жизни, и по сему долженствующія быть ключемъ къ правильному пониманію всѣхъ явленій въ древней Русской исторіи. Приведенныя нами здѣсь ясныя и неопровержимыя свидѣтельства лѣтописей, поставленныя, какъ они есть сами по себѣ, безъ натяжекъ и толкованій съ заднею мыслію, для всякаго ясно говорятъ, что положенія сіи, одни вовсе не принадлежатъ къ Русской исторіи, какъ взятыя ошибочно со-

(35) Ист. отнош. Кн. Рюр. дома, стр. 31.

Digitized by Google

всѣмъ изъ другой, а не изъ Русской жизни, а другія такое слабое вліяніе имѣли на древнюю жизнь Руси, что едва замѣтны въ ней, и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть мѣркою, на которую бы прикладывались всѣ явленія древней Русской жизни, какъ того желаетъ авторъ; что родовой бытъ, проповѣдуемый имъ по своему, и служащій, по его мнѣнію, краеугольнымъ камнемъ всей Славянской Русской жизни отъ незапамятныхъ временъ чуть не до конца XVII вѣка, вовсе не имѣлъ на Руси такого значенія, какое ему приписываютъ. Въ разборѣ остальныхъ положеній г. Соловьева, разсыпанныхъ въ разныхъ его сочиненіяхъ, въ настоящее время не состоитъ уже надобности; ибо г. Соловьевъ высказался уже довольно ясно, и теперь каждый безъ указаній видитъ, что приведенныя и разобранныя нами здѣсь положенія служатъ для него главною основою, на которой зиждутся всѣ остальныя его правила и мнѣнія; а ежели основа, какъ здѣсь доказано фактами, взятыми изъ нашихъ лѣтописей, оказывается несостоятельною; то очевидно, что та же несостоятельность присуща и всему зданію, построенному на такой основѣ. Притомъ же мы здѣсь разбираемъ не всѣ сочиненія автора, а только послѣднюю его статью о родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ у западныхъ Славянъ, и обратились къ разбору положеній, высказанныхъ авторомъ въ прежнихъ сочиненіяхъ, единственно по тому, что настоящая статья зиждется на сихъ же положеніяхъ, и безъ ихъ пересмотра не можетъ быть понята надлежащимъ образомъ, да и по указанію самого автора написана для того, чтобы показать, что законы родоваго быта, придуманные имъ для Русской исторіи, есть общи и для другихъ Славянъ (36).

Первое, что бросается въ этой статьѣ каждому въ глаза, это рѣшительное отсутствіе указаній на источники, которыми пользовался авторъ при ея составленіи; онъ нигдѣ не приводитъ ни одного свидѣтельства ни изъ Чешскихъ, ни изъ Польскихъ лѣтописей, онъ просто хочетъ, чтобы ему вѣрили на слово, чтобы всѣ положенія, имъ проповѣдуемыя, основывались только на его авторитетѣ; (а сколько можно полагаться на его авторитетъ, каждый ясно можетъ видѣть изъ представленнаго выше разбора основныхъ положеній въ отношеніи къ Русской исторіи). Слѣдовательно статья эта совершенно лишена характера учено-историческихъ изслѣдованій, гдѣ факты и свидѣтельство древнихъ памятниковъ должны быть основаніемъ и опорою всякаго труда, а по сему ее должно разсматривать не больше, какъ литтературное произведеніе, гдѣ

(36) Комета Альманахъ, стр. 233.

Digitized by Google

все зависитъ отъ логики сочинителя. И такъ волей-неволей, по самому характеру статьи, мы должны разсматривать ее только въ этомъ отношеніи.

Авторъ, упомянувши мелькомъ о Любушиномъ судѣ, и о какой-то борьбѣ Славянскаго обычая съ Нѣмецкимъ, прямо говоритъ: «Послѣ Буривоя (съ котораго начала проясняться Богемская исторія) остались двое сыновей, Спитигнѣвъ и Вратиславъ; оба брата княжили по старинному Славянскому обычаю, владѣли нераздѣльно: обоихъ мы видимъ въ 895 году на Имперскомъ сеймѣ въ Регенсбургѣ, гдѣ они признаютъ надъ собою верховную власть Римско-Германскаго Императора». Что послѣ Буривоя остались два сына Спитигнѣвъ и Вратиславъ, противъ этого логически возражать нельзя, это по законамъ логики правильно, (мы не ссылаемся на исторію и не будемъ ссылаться во всемъ разборѣ потому, что авторъ не ссылается на нее самъ, и намъ рѣшительно не слѣдъ присоединять ее сюда, какъ вещь совершенно не относящуюся къ статьѣ); но что оба брата княжили по старинному Славянскому обычаю, владѣли нераздѣльно,—этого положенія изъ словъ автора нигдѣ не видать; ибо, ежели принять за основу сего положенія слѣдующее извѣстіе: «обоихъ мы видимъ въ 895 году на Имперскомъ сеймѣ въ Регенсбургѣ, гдѣ оба они признаютъ надъ собою верховную власть Римско-Германскаго Императора» (37), то надобно сказать и о всѣхъ Германскихъ князьяхъ, бывшихъ на томъ же сеймѣ и признававшихъ верховную власть Императора, что и они также княжили по старинному Славянскому обычаю, а не по Нѣмецкому; можетъ быть, г. Соловьевъ такъ и думаетъ, мы не знаемъ объ этомъ; но во всякомъ случаѣ онъ выразился очень темно, и безъ основанія, требуемаго логикою.

Далѣе авторъ говоритъ: «Неизвѣстно, были ли сыновья у Спитигнѣва, но братъ его Вратиславъ оставилъ по смерти своей троихъ сыновей — Вячеслава, Болеслава и Спитигнѣва, владѣвшихъ нераздѣльно и одноправно по старому обычаю; кроткій Вячеславъ былъ вѣрнымъ подручникомъ Императора, давалъ ему ежегодно по 500 гривенъ серебра и по 120 воловъ; но второму брату Болеславу не нравилась эта подчиненность: онъ убилъ Вячеслава, и тотчасъ началъ дѣйствовать противъ Германіи» (38). Что Вратиславъ оставилъ троихъ сыновей, это логически правильно; но что они владѣли нераздѣльно и одноправно по старому обычаю, этого опять не видать, почему такъ говоритъ авторъ;

(37) Ibid. 234. (38) Ibid. 235.

Digitized by Google

а скорѣе изъ слѣдующихъ словъ самаго же автора можно заключить, что братья правили раздѣльно, каждый своею долею, ибо одинъ Вячеславъ платилъ ежегодно Императору по 500 гривенъ серебра и по 120 воловъ, а другой Болеславъ не платилъ, чего при нераздѣльномъ и одноправномъ правленіи сдѣлать нельзя. Стало быть здѣсь таже неясность въ изложеніи и недостаточность въ логическихъ основаніяхъ, какія уже были замѣчены прежде, и разпространяться о нихъ много, послѣ сказаннаго, нѣтъ никакой нужды.

Пантеонъ и Репертуаръ Русской сцены. Май. Книжка пятая и шестая.

Прежде всего, мы считаемъ пріятною обязанностью замѣтить, что, съ нѣкотораго времени, Пантеонъ сдѣлался несравненно осторожнѣе — по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ своимъ критическимъ статьямъ, — и если бы журналъ отказался отъ своихъ двухъ отдѣловъ, именно «Юмористики» и «Балагура» — если бы не помѣщалъ онъ почти постоянно вздорныхъ повѣстей вообще и разсказовъ о юности знаменитыхъ артистовъ въ особенности, то можно было бы съ достовѣрностью предположить, что это изданіе сознало наконецъ свою настоящую, спеціальную цѣль и рѣшилось не измѣнять ей. Къ сожалѣнію, только статьи о театрѣ стали отличаться дѣльностью — и то, кажется, благодаря тому, что ихъ принялъ на себя самъ редакторъ, Ѳ. А. Кони, коротко знакомый и съ драматическою литературою и съ сценическимъ искусствомъ. Такъ и въ этой книжкѣ, мы съ удовольствіемъ прочли его отчетъ о русскомъ театрѣ въ Петербургѣ, отличающійся здравымъ взглядомъ на дѣло и строгостью въ отношеніи къ повседневной посредственности. Напрасно только, кажется намъ, почтенный авторъ отчета такъ ловко и подробно разсказываетъ содержаніе разныхъ доморощенныхъ драмъ и водевилей, забываемыхъ публикою почти тотчасъ же по опущеніи занавѣса. Гораздо интереснѣе было бы читать объ артистахъ, игравшихъ въ этихъ несчастныхъ штукахъ. Впрочемъ, заключенія, выводимыя г. Кони на счетъ этихъ произведеній — почти всѣ остроумны и основательны. Кромѣ статей о театрѣ, встрѣтили мы и всѣ другіе отдѣлы журнала, а именно:

I) Отдѣлъ повѣствовательный. Тутъ помѣщены два разсказа — одинъ оригинальный, другой переводный. *Оригинальный* принадлежитъ г. Савинову, называется: «Русскій комикъ XVIII-го столѣтія» — и, какъ можно догадаться уже по названію — написанъ по извѣстному рецепту,

Digitized by Google

т. е. художникъ противупоставленъ непонимающей его презрѣнной толпѣ. Художникъ тутъ—комикъ Крутицкій; толпа—во первыхъ его отецъ; это—толпа добрая;—во вторыхъ пріятель отца—это толпа злая, какой-то купчина. Представитель злой толпы подозрѣваетъ въ чернокнижіи Крутицкаго, который учитъ роль изъ оперы: «Мельникъ»,—отецъ или представитель толпы доброй, отпускаетъ сына на театръ, но хочетъ непремѣнно, чтобы тотъ игралъ героевъ, а не мужиковъ и т. д. Штука весьма обыкновенная и даже съ клеймомъ извѣстной фабрики. Разсказъ переводный называется «Сцены изъ жизни Моцарта», и по своей безцвѣтности не далеко отстоитъ отъ оригинальнаго.

II) Исторія искусства. Въ этомъ отдѣлѣ встрѣтили мы статью г. Густава Планша *о Комедіяхъ г. Ожье.* Всякъ, кто знакомъ съ такъ называемыми французскими критиками отъ г. Планша до г. Филарета Шаля включительно, за котораго недавно такъ гнѣвно вступился «Современникъ», вѣроятно, вспомнивши пословицу, что «свой своему по неволѣ другъ»—всякій, повторяемъ мы, кто читалъ эти пресловутые отзывы—вѣроятно, жалѣлъ потомъ о времени, потраченномъ имъ на прочтеніе, о времени, которое могъ бы употребить съ бо́льшею пользою на знакомство съ самыми источниками или сочиненіями о семъ предметѣ Нѣмцевъ и Англичанъ. Для французскихъ критиковъ (за исключеніемъ весьма не многихъ) до сихъ поръ еще

Печатный всякій листъ быть кажется святымъ,

до сихъ поръ еще въ теоріи изящнаго они не шагнули дальше курса Баттё, нѣкоторые посмѣлѣе—курса Блера, и наконецъ весьма немногіе отважились на эстетику Гегеля въ переработкѣ г. Бенара. Все остальное, они, говоря quasi-ученымъ языкомъ, *игнорируютъ.*

Такъ и Густавъ Планшъ обнаруживаетъ совершенно дѣтскую наивность въ своихъ понятіяхъ о комедіи. Онъ, напримѣръ, простодушно убѣжденъ, что г. Ожье изобразилъ греческую жизнь въ своей комедіи: La Ciguë, переведенной по русски г. Зотовымъ, о которой мы представили довольно подробный отчетъ, разсматривая предшествовавшій N Пантеона,—и мало ли въ чемъ убѣжденъ г. Планшъ; почему же впрочемъ и не быть ему такъ убѣжденнымъ? Вѣдь убѣжденъ же г. Филаретъ Шаль, что онъ *изучалъ* испанскую драму, разсказавши содержаніе двухъ, трехъ драмъ Кальдерона, да двухъ драмъ Аларкона, — убѣжденъ же г. Арсеній Гуссе, что онъ въ своихъ «Portraits litteraires du XVIII siecle» представилъ живую картину литературной жизни избранной имъ эпохи? Да извинятъ намъ читатели нашъ нѣсколько легкій тонъ въ отношеніи къ французской критикѣ. Въ не-

Digitized by Google

давнее время, нѣкоторые изъ нашихъ Петербургскихъ журналовъ начали рѣшительно обращаться къ галломаніи въ этомъ отношеніи и посмѣиваться надъ Нѣмцами. Не беремъ на себя защиты Нѣмецкихъ критиковъ въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ они виноваты дѣйствительно, т. е. въ излишней любви къ отвлеченностямъ, въ туманности взгляда,—но все-таки изъ тьмы запутанностей нѣмецкой критики блеснетъ подъ часъ лучь свѣта, тогда какъ французская ясность не даетъ ровно ничего. Разумѣется, мы исключимъ изъ этого числа не многихъ, занимавшихся основательно изученіемъ литературы, преимущественно историковъ литературы, — исключимъ такъ же и даровитыхъ людей, которые мимоходомъ сказали много превосходныхъ частныхъ замѣчаній объ искусствѣ, людей, обладавшихъ *тактомъ*, каковы Нодье, Шатобріанъ,—не смотря на отсталость своихъ теорій,—но собственно критики, критики эстетической у французовъ не было и прежде, нѣтъ и до сихъ поръ.

III) Въ отдѣлѣ *мемуаровъ* напечатана статья «Жизнь актрисы Кино», написанная именно въ томъ легкомъ родѣ, о которомъ мы только что говорили. Жаль, что прерваны редакціею «Записки Тальмы», замѣненныя этимъ пустымъ и не говорящимъ ровно ничего очеркомъ.

IV) *Юмористика.* Г. П. Александровъ, написавшій штуку «Невѣсты», назвалъ ее сценами изъ жизни. Мы съ своей стороны, замѣтили только, что жизни-то именно и недостаетъ въ этихъ сценахъ изъ жизни. Это даже—не простая копія съ маленькой, никому не нужной дѣйствительности, даже не безплодное переписыванье обыденныхъ разговоровъ,—но дѣйствительности такой нигдѣ не найдется, да и разговоровъ такихъ ни гдѣ не услышите. Сцены отличаются удивительнымъ сродствомъ съ комедіями г. Ѳедорова, г. Яковлевскаго, г. Руднева и иныхъ современныхъ драматурговъ.

V) Въ отдѣлѣ смѣси помѣщено нѣсколько статей довольно интересныхъ, какъ то: отрывки изъ записокъ русскаго моряка, Письмо изъ Калифорніи, Исторія перваго горнаго завода въ Россіи,—но какимъ образомъ попали эти статьи въ изданіе, посвященное драматургіи и сценѣ—мы рѣшительно недоумѣваемъ. Если уже, напримѣръ, «Исторія перваго горнаго завода въ Россіи» относится къ театру, то спрашивается—почему же не войти въ Пантеонъ и Репертуаръ статьямъ о желѣзныхъ дорогахъ, о городской полиціи и т. д.—Уже одно заглавіе подобной статьи, когда встрѣчаешь его въ театральномъ журналѣ, возбуждаетъ впечатлѣніе чрезвычайно комическое.

VI) Есть наконецъ въ Пантеонѣ отдѣлъ «Балагуръ.» Анекдоты его

Digitized by Google

и шуточки говорятъ сами за себя. Нѣсколько изъ нихъ, самыхъ коротенькихъ, мы выписываемъ на выдержку:

«Чадолюбивый отецъ жаловался въ обществѣ, что у него три до«чери красавицы, изъ которыхъ каждой онъ назначилъ по 10,000 руб. «серебр., а между тѣмъ до сихъ поръ никто не беретъ. Помилуйте, «возразилъ какой-то *остряк*, да я первый съ удовольствіемъ возьму «парочку.»

Остроумно, не правда ли? А вотъ шуточка отличающаяся особенною новостью:

«Дѣдушка, кто выдумалъ порохъ?

«Не помню, душенька, а на что тебѣ?

«Да тетушка говоритъ, что не вы.»

Въ числѣ *новостей* встрѣчаемъ такъ же эпиграмму Пирона:

Ci git Piron qui ne fut rien,
Pas même académicien.

Мы подозрѣваемъ впрочемъ, что отдѣлъ: «Балагуръ» имѣетъ въ журналѣ назначеніе приготовлять читателей къ тому наслажденію, которымъ даритъ ихъ ежемѣсячно Репертуаръ русской сцены. Такъ и въ нынѣшней книжкѣ, водевиль г. Ѳедорова: «Въ чужомъ глазу сучекъ мы видимъ—въ своемъ не видимъ и бревна» вполнѣ стоитъ анекдотовъ Балагура. Мы, впрочемъ, не станемъ *знакомить* читателей съ этимъ произведеніемъ, а перейдемъ къ капитальной вещи Майской книжки Пантеона, къ трагедіи Т. Кёрнера: «Цринни», переведенной г. Аппельротомъ.

Т. Кёрнеръ—такъ рано умершій для искусства, искренне-оплаканный тогдашнимъ молодымъ поколѣніемъ Германіи, не принадлежитъ, конечно, къ числу свѣтилъ первой величины,—но онъ и своею кратковременною, и чистою отъ всякаго упрека жизнію, и благородною смертію на полѣ чести и особеннымъ характеромъ своего лиризма, какъ нельзя болѣе осуществилъ стихъ того великаго поэта, чьего могучаго вдохновенія былъ онъ нѣсколько слабымъ, но живымъ отзывомъ, —знаменитый стихъ, который служитъ постояннымъ Motto для всѣхъ Шиллеровскихъ драмъ,—основою всего созерцанія поэта и его школы:

Es ist das Loos des Schönen auf der Erde....

Лиризмъ Кёрнера представляетъ собою свѣтлую крайность Шиллеровскаго лиризма. Das Schöne, das Erhabne—безъ малѣйшей почти примѣси личнаго элемента—вотъ сущность Кёрнеровскихъ стихотвореній. Вспомните только:

Digitized by Google

Vater, ich rufe Dich....

вспомните послѣдній сонетъ благороднаго юнаго мечтателя:

Die Wunde brennt—die bleichen Lippen beben.:..

вспомните, наконецъ, самую эпоху, по своимъ стремленіямъ къ возстановленію прошедшаго, совершенно противуположную той, которая ей предшествовала, противуположную этому Drang und Sturm Periode, породившему желѣзно-рукаго Гёца фонъ Берлихингена съ его безчисленными спутниками и Карла Моора съ таковыми же—эту эпоху *первыхъ* романтиковъ, еще жившихъ въ областяхъ неопредѣленнаго *Высокаго* и неопредѣленнаго *Прекраснаго*—вспомните только всю эту обстановку—и, сочувствуя Керперовскому лиризму, сочувствуя благородной смерти прекраснаго юноши, вы повторите однако слова Ленскаго въ Онѣгинѣ:

Все благо: бдѣнія и сна
Приходитъ часъ опредѣленный.

Что такая эпоха, вся, такъ сказать, облеченная розовымъ флеромъ таинственнаго, чудеснаго, неопредѣленнаго, — эпоха, нѣсколько разъ проговаривавшаяся въ своей несостоятельности въ отношеніи къ практической жизни, взывавшая вмѣстѣ съ Іоганной:

Kein Gott erscheint, kein Engel zeigt sich mehr

или утѣшавшая себя въ скептической резигнаціи:

Du hast gehofft—dein Lohn ist abgetragen,
Dein Glaube war dein zugewognes Glück,

что такая эпоха менѣе всякой другой была способна къ созданію драмы—это ясно уже само собою. Еще менѣе способенъ былъ къ драмѣ юноша Кёрнеръ. Ему все представлялось въ видѣ преувеличенномъ — и героизмъ, и любовь, и злодѣйство; вездѣ и во всемъ выражалъ онъ только свои чисто лирическія стремленія—и въ самыхъ герояхъ своихъ видѣлъ не людей, не лица—а отвлеченныя чувствованія. Между тѣмъ, такъ искренни, такъ, можно сказать, святы были эти стремленія въ натурѣ самаго поэта—что нельзя отказать въ сочувствіи его лирическимъ драмамъ, его Розамундѣ, его Тони, наконецъ его Црини.

Взгляните, напримѣръ, на Црини какъ на драму—и многое, что дорого въ этомъ произведеніи по отношенію къ личности его автора, многое, чего, можетъ быть, нельзя читать безъ слезъ и энтузіазма въ лирическую минуту—подъ ножемъ холоднаго анализа покажется безцвѣтнымъ, неумѣстнымъ, даже—боимся сказать—комическимъ. Разсмотрите два основныхъ характера драмы—султана Солимана и самаго Црини—что вы въ нихъ увидите? Бомбастъ, бомбастъ и одинъ бомбастъ. Этотъ Солиманъ передъ смертію читаетъ о самомъ себѣ слѣдующій монологъ:

Digitized by Google

Душа героя знаетъ ли заботы?
Я жилъ въ бояхъ и для одной лишь славы,
Минуты счастья искупалъ я кровью
И сладость жизни всю испилъ до капли.
Моихъ дѣяній грозный отголосокъ
Какъ громъ во всей вселенной отозвался
И въ трепетъ человѣчество привелъ.
Мои дѣла возбудятъ удивленье
Позднѣйшаго потомства и проложатъ
Къ безсмертію себѣ блестящій путь.
Пусть червь, раздавленный моей стопою,
Разскажетъ міру, что я шелъ по трупамъ
И по развалинамъ, что милліоны
Людей низринулъ я во мракъ могильный
Единственно по прихоти своей,
Стенанья одного червя умолкнутъ
Отъ кликовъ милліоновъ, ослѣпленныхъ
Зарницею моей великой славы.
Одно великое не умираетъ
И въ гробъ подъ землей оно нетлѣнно....

Во всѣхъ словахъ, во всѣхъ дѣйствіяхъ Солимана, какимъ онъ является въ трагедіи, такъ и видно, что онъ предназначенъ представлять собою несокрушимую гордость, дикое величіе.... Что касается до графа Црини, то этотъ послѣдній, въ контрастъ Солиману—идеалъ безкорыстнѣйшаго героя, чуждаго всякихъ человѣческихъ слабостей. Весь Кёрнеровскій Црини, однимъ словомъ, не что иное, какъ риторическое расположеніе слѣдующаго монолога:

И такъ ужъ я стою на грани жизни,
Настанетъ скоро смерти грозный часъ,
И заплативъ послѣдній долгъ отчизнѣ,
Въ душѣ умолкнетъ всѣхъ желаній гласъ.
Не даромъ въ битвѣ кровь моя прольется,—
Душа въ обитель свѣта вознесется.

Истлѣетъ въ прахъ наше поколѣнье,
Пройдутъ вѣка, и благодарный внукъ
Мой прахъ почтитъ слезою умиленья.
За край родной кто палъ отъ вражьихъ рукъ,
Тотъ памятникъ себѣ воздвигъ священный,
Въ сердцахъ сограждавъ вѣчный и нетлѣнный.

Digitized by Google

Я слѣдую сердечному стремленью,
Что къ славнымъ подвигамъ меня влекло,
Я слѣпо покоряюсь Провидѣнью,
Оно меня на жертву обрекло,
Славнѣйшій нынѣ подвигъ я свершаю:
За вѣру, за отчизну умираю....

За что вѣка привѣтствуютъ героя?
И пѣснь за что гласитъ его дѣла?
Онъ грудью твердою стоялъ средь боя
Оплотомъ чести, карой зла....
И смѣлаго ударъ судьбы сражаетъ,
Но смертью онъ побѣду искупаетъ....

Весь характеръ Црини, если только можно назвать характеромъ неясный образъ, поставленный на неизмѣримыя ходули, не что иное, какъ парафраза этого монолога, который въ свою очередь, есть то же не что иное, какъ отголосокъ Шиллеровыхъ стихотвореній «Des Mädchen von Orleans» и «Wilhelm Tell.»

Какъ героизмъ въ драмѣ Шиллоровскій и доведенный до крайности, до призрачности, лишенный тѣхъ чертъ, которыя дѣлаютъ дѣйствительно грандіозными образы Веррины,—Маркиза Позы и Валленштейна, въ особенности послѣдняго, такъ точно и любовь въ «Црини» Кернера—любовь Шиллеровскихъ героевъ и героинь. Юраничъ, это тотъ же Максъ, только доведенный до крайнихъ предѣловъ ложнаго пафоса; Елена—таже Текла, только гораздо болѣе вдающаяся въ сентенціи: Максъ и Текла, взятые отдѣльно сами по себѣ, и въ поэмѣ Шиллера довольно блѣдны: они имѣютъ значеніе потому только, что близь нихъ рельефнѣе выдается мрачная фигура Валленштейна. Текла хороша только въ сценѣ съ капитаномъ, принесшимъ ей вѣсть о погибели Макса, а самъ Максъ прекрасенъ только въ воспоминаніи Валленштейна:

Er ist dahin, ist Staub....
Er ist der Glückliche; Er hat vollendet.
Für ihn ist keine Zukunft mehr...,
. . . . . .
Mir däucht wenn ich ihn sähe, wär mir wohl.
Er ist der Stern, der meinem Leben strahlt
Und wunderbar oft stärkte mich sein Anblick....

Что же сталось съ этими Максомъ и Теклой, переименованными въ Юранича и Елену. Вотъ какъ говоритъ Юраничъ:

Digitized by Google

Я счастливъ ли?
Передо мною небо растворилось;
О, я такъ счастливъ, такъ богатъ теперь,
Какъ на землѣ едва ли кто бываетъ.
Тебя, моя Елена, пріобрѣлъ
Не только сердцемъ я, но и мечемъ.

на что Елена отвѣчаетъ ему:

О гордый юноша! Уже ли ты
Свободною любовью недоволенъ?
Не воину, а юношѣ Лоренцо
Я безкорыстно сердце подарила.

Отношеніе Елены къ матери такъ же мало естественно, какъ и отношеніе къ Лоренцо. Мать ея читаетъ ей въ полномъ смыслѣ слова: Eine Predigt объ обязанностяхъ супруги воина, и Елéна, послѣ нѣсколькихъ возраженій, соглашается съ ней и сама настроивается на общій *героическій* тонъ пьесы.

Сцена, наиболѣе исполненная ложнаго паѳоса — переговоры Црини съ визиремъ Мегметомъ Соколовичемъ. Паѳосъ поглотилъ тутъ все, и человѣка уже не видать въ Црини, такъ легко раздѣлывающемся съ мыслію о казни сына. Стоитъ только привести себѣ на память сцены между Тальботами, отцомъ и сыномъ, и сцену смерти того и другаго въ первой части Шекспирова Генриха VI-го, чтобы этотъ героизмъ Кернеровской драмы потерялъ почти всякую цѣну.... и съ другой стороны — всѣ эти героическія женщины блѣднѣютъ передъ простой и мужественной Порціей въ Шекспировскомъ же Юліѣ Цезарѣ.

Самая осада города, защищаемаго небольшою горстью храбрыхъ, составляющая внѣшнюю канву Кернеровой трагедіи, не употреблена въ дѣло настоящимъ образомъ. Кто знаетъ только по разбору Сисмонди драму Сервантеса: «Осада Нумансіи» съ ея исполненными истиннаго хотя и суроваго героизма сценами, тотъ, конечно, не приметъ большаго участія въ Осадѣ Сигета.

Однимъ словомъ, лиризмъ, и одинъ лиризмъ, составляетъ достоинство Црини — да и тотъ интересуетъ только по отношенію къ личности автора. Въ переводѣ, драма, разумѣется, потеряла весьма много, тѣмъ болѣе, что языкъ часто не повинуется г. Аппельроту, что стихъ его во многихъ мѣстахъ тянется вяло, что рѣчь у него не драматическая. Вообще мы предпочитаемъ изданный въ тридцатыхъ годахъ прозаическій переводъ «Црини» — имѣющій, по крайней мѣрѣ, достоинство подстрочной вѣрности. У г. Аппельрота встрѣчаемъ мы безпрестанно слѣдующее перенесеніе словъ:

Digitized by Google

Никто не можетъ похвалиться, *что*
Меня заставилъ своротить съ дороги,

что не многимъ превосходитъ извѣстные стихи:

Вѣтры сѣверные ду-
Ютъ, гулять не пойду;

или подобныя ударенія:

Султана воля и *средь Австріи*....
(стр. 11)
О Цринн я твою *довѣренность*
Пріобрѣла....
(стр. 17)

или наконецъ усѣченія и сокращенія:

Слухъ носится, что Турки *воружились*.
(стр. 17)

Какъ видно, г. Аппельротъ принялся за переводъ въ стихахъ не по призванію, иначе онъ не обходился бы со стихомъ такъ небрежно. Такими переводами можно только убить подлинникъ, особенно если само содержаніе довольно бѣдно. Даже драмамъ Шекспира вредятъ дурные переводы, какими изобилуетъ наша литература—даже Байроновъ Донъ Жуанъ искаженъ переводомъ до того, что и узнать его нельзя;—тѣмъ печальнѣе судьбы переводныхъ трагедій Кернера или другаго второстепеннаго поэта. Относительная польза такихъ переводовъ заключается только въ томъ, что въ нихъ выступаютъ ярко недостатки подлинниковъ для критика, неподкупаемаго уже изяществомъ формы,—но этой пользы, конечно, не имѣлъ въ виду г. Аппельротъ, не имѣютъ такъ же въ виду и другіе наши переводчики. Въ настоящее время въ особенности страсть переводить въ стихахъ безъ малѣйшаго призванія къ этому дѣлу, распространилась чрезвычайно. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего легче, какъ передавать чужой звучный и полный силы стихъ размѣренными строчками, иногда гладкими и безцвѣтными, иногда шероховатыми, а иногда и вовсе *нечитаемыми*. Нужны только смѣлость и способность обходиться безъ церемоній, très cavalièrement, съ избраннымъ авторомъ, хотя бы этотъ авторъ былъ Шекспиръ. Критика равнодушно смотритъ на плохое и хорошее въ этомъ родѣ, глумится даже, когда добросовѣстный, знающій дѣло и владѣющій стихомъ переводчикъ примется за дѣльный трудъ, какъ глумилась она недавно надъ извѣщеніемъ, что г. Бергъ занимается переводами *народныхъ пѣсенъ*, забывши при этомъ кстати посмѣяться и надъ Гердеромъ, издавшимъ, какъ извѣстно, «Die Stimmen der Völker».... Надобно надѣяться, что

Digitized by Google

подобное странное равнодушіе къ хорошему и дурному, какъ слѣдствіе невѣжества, пройдетъ вмѣстѣ съ молодостью у нашей критики, и что, вслѣдствіе этого, насъ перестанутъ угощать и переводчики искаженіями хорошихъ подлинниковъ.

Едва мы окончили разборъ пятой книжки Пантеона, какъ получили шестую, и прочитавши ее, рѣшились передать читателямъ ея содержаніе, вслѣдъ за разсмотрѣнною уже 5-ю книжкою этого журнала.

Первое мѣсто занимаетъ въ ней произведеніе г. Ив. Ни—ва: «Куликовская битва», названное скромно историческими сценами. Да не винитъ насъ авторъ въ томъ недовѣріи, съ которымъ мы приступили къ его «Куликовской битвѣ.» Мы глубоко убѣждены въ томъ, что сильное и здоровое дарованіе въ состояніи извлечь изъ быта нашего отечества какія угодно драмы—историческія ли, семейныя ли, все равно,—но вмѣстѣ съ тѣмъ, видѣли и читали уже столько бездарнѣйшихъ штукъ въ этомъ родѣ, столько странныхъ клеветъ на русскую исторію и на русскаго человѣка — или, съ другой стороны, видѣли столько неудачныхъ попытокъ, сдѣланныхъ людьми даровитыми или добросовѣстными, были свидѣтелями сценическихъ паденій такихъ драмъ, которыя дышали, такъ сказать, правдою изображаемаго ими быта, и между тѣмъ страдали отсутствіемъ сценическаго интереса,—что подозрительность наша въ отношеніи ко всѣмъ подобнымъ произведеніямъ объясняется весьма легко. Въ самомъ дѣлѣ, Борисъ Годуновъ, и только Борисъ Годуновъ во всей цѣлости; двѣ, три патетическихъ сцены въ Димитріѣ самозванцѣ А. С. Хомякова, нѣсколько *истинныхъ* сценъ въ Маринѣ Посадницѣ М. П. Погодина—вотъ все, что русская драматургія произвела достойнаго великихъ событій исторіи нашего отечества. Остальное или молодыя попытки дарованія, какъ «Царская невѣста», или искусныя драматическія компиляціи людей, набившихъ руку, или наконецъ жалкія и смѣшныя претензіи бездарности.... Внѣ всего этого стоитъ драма—лѣтопись К. С. Аксакова, полная энергіи и правды, возвышенной любви къ родинѣ и къ русскому человѣку — благороднѣйшая драматическая ошибка, не принадлежащая собственно къ области искусства. Нечего говорить, кажется, что историческая драма—вовсе не то, что понимаютъ подъ нею рутинеры съ одной стороны, и авторъ «Освобожденія Москвы» съ другой, и было бы довольно странно говорить о значеніи исторической драмы по поводу одного изъ дюжинныхъ произведеній. Смѣшно было бы приводить тутъ драмы Шекспира, смѣшно упоминать даже о драмѣ-хроникѣ Мериме: La jacquerie.

Digitized by Google

Недовѣріе, съ которымъ приступали мы къ историческимъ сценамъ г. Ив. Ни—ва оправдывалось все болѣе и болѣе, чѣмъ дальше мы читали. Начинаются историческія сцены саморазглагольствіемъ Рязанскаго князя Олега, сидящаго у окна, въ которое видна рѣка, *осіяваемая* мѣсяцемъ: между прочимъ, мы узнаемъ изъ этого саморазглагольствія, что Ока бѣжитъ изъ Рязани въ Москву....

Течетъ Ока, въ Москву она бѣжитъ....
За нею въ слѣдъ мои влекутся мысли.

Приходитъ Кореевъ—предназначенный авторомъ быть злымъ духомъ князя Олега Рязанскаго. Князь Олегъ пускается съ нимъ въ слѣдующіе политико-экономическіе вопросы.

Олегъ.

Хозяйственный вопросъ я предложу,
Ты вѣришь ли хлѣбовъ перерожденью?

Кореевъ.

Что за вопросъ? бываетъ, говорятъ,
Что изъ овса родится рожь—овсянка.

Олегъ.

И въ нравственномъ посѣвѣ *тоже есть*.
Гдѣ вспыльчивость посѣетъ оскорбленье,
Тамъ выростетъ досада на себя... и т. д.

Не смотря на свои возраженія, Олегъ сдается, впрочемъ, на лукавые совѣты Кореева, и, какъ обыкновенно бываетъ у нашихъ драматурговъ, читаетъ великолѣпную тираду, по его уходѣ:

Онъ впрочемъ правъ, въ виду худаго мало:
Сомнителенъ Димитрія успѣхъ,
А если вдругъ онъ дѣло проиграетъ,
Такъ я въ Москвѣ и я глава собратій!
И я бразды правленія приму,
Его отца исполню начинанья,
Соединю въ одну державу все.
Тамъ гордый Псковъ—*и есть ручьи Славянъ*
Въ одно солью я море, и потомъ
Мечтать себѣ дозволю о татарахъ (???),
Ихъ трепетать заставлю передъ Русью,
Поссорю ихъ сперва между собою,
И смутами воспользуюсь строптивыхъ....

Digitized by Google

съ величіемъ встаетъ (Sic!).

И слава, честь главу мою вѣнчаютъ,
И лѣтопись гласитъ изъ рода въ родъ
О дѣйствіяхъ премудраго Олега!
Онъ все связалъ, что рушили вѣка;
Низвергнулъ то, что полтораста лѣтъ
Надъ бѣдною страною тяготѣло;
Онъ счастіе, блаженство водворилъ,
Онъ начерталъ премудрые законы,
Источникъ онъ всѣхъ благъ и счастья Руси!
И имя я великаго усвою,
И, *загремѣвъ въ листахъ бытописаній*,
Въ сказаніяхъ народовъ не умру!
О сладкая великому награда!

Все въ этомъ монологѣ исполнено претензій—да и претензій-то нисколько не оригинальныхъ. Всѣ такія мечтанія о своемъ будущемъ величіи слышали мы отъ разныхъ героевъ гг. Кукольника и Полеваго....

Слѣдить содержаніе «историческихъ сценъ» было бы излишне. Лица историческія въ нихъ безцвѣтны, или, какъ Мамай, нарисованы густыми красками лубочныхъ литографій,—лица, изобрѣтенныя самимъ авторомъ—или взяты имъ на прокатъ у Кукольника и Полеваго, или просто нелѣпы. Нелѣпъ въ особенности пѣвецъ Андрей Серкизъ, распѣвающій пѣсни при весьма неудобныхъ случаяхъ. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ поетъ:

Что такъ бьешься, ретивое,
И тоскуешь?
Али что-либо ты злое,
Сердце, чуешь?
Вѣтеръ свищетъ, навѣваетъ
Непогоду,
Сердце ноетъ, предвѣщаетъ
Намъ невзгоду....

Но главная-то бѣда не въ томъ, что Серкизъ поетъ пѣсни; бѣда въ томъ, что въ сочиненіи этого господина проглядываетъ шиллеровская претензія. Онъ представляетъ собою рано гибнущее прекрасное....

Едва ли не нелѣпѣе еще пѣвца Серкиза племянникъ злодѣя Епифана Кореева Андрей Кореевъ, предназначенный представлять собою размашистую русскую удаль и любовь къ отечеству, притворяющійся съ дядею въ Рязани и смѣющійся надъ его неудавшимися хитростями на самомъ полѣ Куликовской битвы.

Digitized by Google

Что касается до couleur locale, неизбѣжнаго во всякой исторической драмѣ, и пріобрѣтаемаго, какъ извѣстно весьма дешево — то особенно ярокъ мѣстный цвѣтъ въ изображеніи татаръ. Такъ, напримѣръ, входитъ къ Мамаю Девлетъ Кильдей, и говоритъ:

Салямъ алейкумъ, нашъ великій ханъ.

Тотъ, какъ слѣдуетъ, отвѣчаетъ ему:

Алейкумъ эсалямъ! Что ты мнѣ скажешь?

Мамай, разумѣется, страшно грозится на Россію:

Невѣрные! зачѣмъ же лѣзутъ въ споръ?
Вотъ то ихъ хвостъ, мы выметемъ Россію
И дань возмемъ, вотъ что на небѣ звѣздъ,
Ты видишь самъ Мамая назначенье,
Противъ небесъ строптиво не пойдешь....

Нѣкто Бырдай въ особенности занимается возбужденіемъ ярости въ татарскомъ ханѣ, и совершенно по-татарски льститъ его самолюбію:

Но могутъ ли герои цѣлой Руси
Съ свѣтиломъ дня Мамаемъ состязаться?
Медвѣдь и волкъ, шакалы, барсы, тигры
Дерзнутъ ли всѣ идти противъ слона,
Особенно, когда онъ раздраженъ?...

Самъ Мамай походитъ нѣсколько на Солимана въ Кернеровскомъ «Црини»—только авторъ придалъ ему, конечно, больше лютости. Оно такъ и быть должно—недаромъ же онъ татаринъ!

Въ отдѣлѣ повѣствовательномъ—помѣщена ужасная и чувствительная повѣсть г. Савинова: Красная Феска.

Статья «Начало и развитіе оперы въ Европѣ» — больше обѣщаетъ, нежели даетъ, хотя все-таки читается съ интересомъ.... О Юмористикѣ Пантеона вообще и о разсказѣ г. Бутовскаго «Двѣ сдачи въ Преферансъ»—мы рѣшаемся умолчать. Театральную лѣтопись—мы, кажется, сглазили. Въ шестой книжкѣ — она потеряла свой серьезный тонъ и пустилась въ каламбуры вмѣстѣ съ разбираемыми ею штуками.

«Всякій шутъ Иванъ Иванычъ»—шутка-поговорка въ двухъ картинахъ съ куплетами—вещь, о которой говорить совѣстно. Куплеты ея, кромѣ претензій и безвкусія, отличаются еще совершеннымъ незнаніемъ русскаго языка:

Мы съ женой на *старость* (и) лѣтъ
Накутили было бѣдъ,

Digitized by Google

Но по счастію, *око* (что?)
Все окончилось смѣшно.
А вѣдь мало-ль есть семей,
Гдѣ отъ женъ иль отъ мужей
Какъ нарвется кавардакъ (??!!??),
То *расходятся* не такъ....

Какой это языкъ?...
А вотъ и стереотипный, неизбѣжный куплетъ о Петербургѣ:

Питеръ—дивная столица,
Я осмѣлюсь доложить,
Распотѣшить мастерица
И карманъ растормошить....
Здѣсь что шагъ, то удивленье,
Всюду мраморъ да гранитъ,
И ужъ точно, освѣщенье
Все на газъ обстоитъ (!)

и т. д., все въ этомъ же родѣ по извѣстному образцу—куплету о Петербургѣ въ «Комедіи съ Дядюшкой....» *Г.*

Военный Журналъ, издав. Военно-Ученымъ Комитетомъ. 1850. NN 4, 5 и 6.

Разбирая «Морской Сборникъ,» мы упоминали уже о ложномъ предубѣжденіи противъ спеціальности, существующемъ въ большинствѣ нашей публики. Другое превосходное изданіе—«Военный Журналъ,» можетъ служить доказательствомъ неосновательности этого предубѣжденія. Не говоримъ уже о томъ, много ли имѣетъ онъ читателей, въ какомъ числѣ экземпляровъ расходится,—но спросимъ: многіе ли знаютъ о его существованіи, хотя по имени? Сколько намъ извѣстно, очень не многіе. «Военный»—такъ, стало быть, онъ надобенъ только военному человѣку, «морской»—моряку.... такъ думаетъ большая часть людей съ притязаніями на имя образованныхъ. Въ этомъ случаѣ, многіе похожи на жителя какого-нибудь захолустья, который дальше своей стороны нигдѣ не бывалъ, и тотчасъ заблудится, какъ перейдетъ заповѣдную черту. То же самое (употребимъ старое классическое выраженіе) въ «храмѣ знанія»: одинъ уголокъ его знакомъ намъ, тутъ мы дома, а на всѣ прочіе смотримъ какъ на terra incognita. «Такія-то науки нужны для такого, а мнѣ дѣла до нихъ нѣтъ....» Положимъ,

Digitized by Google

что въ области знаній, одни общи для всѣхъ, а другія назначены для извѣстнаго круга: но вѣдь между ними существуетъ такая тѣсная связь, что одно не полно безъ другаго. Отъ спеціалиста требуется полное знаніе избраннаго имъ предмета, отъ всякаго образованнаго человѣка—знакомство со всѣмъ, въ чемъ проявляется мысль.... Но—виноваты: мы заговорили о «пользѣ наукъ,» вдались въ тѣ общія мѣста, которыя ясны какъ день.... что же дѣлать? Непріятно повторять эти общія мѣста, но, видно, они позабылись многими: иначе, по крайней мѣрѣ, нельзя объяснить равнодушія нашей публики къ нѣкоторымъ спеціальнымъ изданіямъ.

Подобно «Морскому Сборнику,» «Военный Журналъ» спеціаленъ на столько, что, представляя богатый запасъ знаній для военнаго человѣка, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ составить занимательное чтеніе для всякаго любознательнаго, не требуя никакихъ предварительныхъ спеціальныхъ свѣдѣній. Мы постоянно помѣщали содержаніе его книжекъ за прошлый годъ, и теперь рѣшились разсмотрѣть три послѣднія—(полугодіе), съ тою цѣлію, чтобы каждый читатель могъ изъ нашего обзора судить объ общедоступной занимательности этого изданія.

Первый отдѣлъ В. Ж. «Военныя науки вообще» долженъ бы, повидимому, быть доступнымъ для однихъ военныхъ; но помѣщенныя въ немъ статьи отличаются самымъ популярнымъ изложеніемъ. Таковы: Генеральный Штабъ, практически согласованный съ арміею (*); О военной наукѣ въ связи ея съ прочими и съ общественнымъ бытомъ (соч. Луиджи Бланка, замѣчательное сколько по изложенію, столько и по взгляду автора); Очеркъ исторіи Генеральнаго Штаба въ западной Европѣ и въ Россіи (соч. Князя Голицына). Послѣдняя статья особенно важна по новости предмета. «Генеральный Штабъ, говоритъ авторъ, составляетъ нынѣ существенную принадлежность всякой благоустроенной арміи и одну изъ важнѣйшихъ отраслей ея внутренняго устройства. Исторія его, по тѣсной связи своей съ исторіею образованія и устройства Европейскихъ армій и, можно сказать, съ исторіею всего новѣйшаго военнаго искусства, чрезвычайно любопытна и поучительна. Не смотря на то—странное дѣло—Генеральный Штабъ до сихъ поръ еще не удостоился чести имѣть своего историка, и ни въ одной Европейской военной литературѣ нѣтъ даже краткой исторіи его». Пополняя этотъ недостатокъ, авторъ скромно замѣчаетъ, что не имѣетъ притязанія на честь быть первымъ историкомъ Генеральнаго Штаба; но

(*) Статья эта издана потомъ отдѣльно, и мы уже говорили объ ней.

Digitized by Google

эта честь принадлежитъ ему по всѣмъ правамъ, за тщательно и добросовѣстно составленный трудъ. Изслѣдованіе Князя Голицына раздѣлено на слѣд. части: общее понятіе о Генеральномъ Штабѣ въ наше время; рѣшеніе вопроса: существовалъ ли, и въ какомъ видѣ, Г. Ш. въ древнія времена; очеркъ исторіи Г. Ш. въ западной Европѣ и въ Россіи. Послѣдняя часть (исторія Г. Ш. въ Россіи) еще не напечатана. —«Комментаріи Наполеона» (ст. I. Основныя правила военнаго искусства). Подъ этимъ заглавіемъ напечатано въ Journal des armes spéciales нѣсколько статей г. Левассора, который желалъ привести въ нѣкоторую систему замѣчанія Наполеона о военномъ искусствѣ. На сколько удалось ему это намѣреніе, можно видѣть уже изъ начала статьи. «*Необходимость правилъ.* Всѣ великіе полководцы древности и тѣ, которые достойно слѣдовали по проложеннымъ ими путямъ, были обязаны славою своихъ подвиговъ исключительно тому, что дѣйствовали на основаніи истинныхъ правилъ военнаго искусства, т. е. на основаніи точнаго соображенія своихъ средствъ съ цѣлію и обстоятельствами. Сколь ни велики были ихъ предпріятія, сколько ни огромны успѣхи, они постоянно смотрѣли на войну, какъ на науку. Въ этомъ-то смыслѣ, дѣйствія великихъ полководцевъ должны намъ служить образцами, и только при внимательномъ изученіи сихъ примѣровъ, мы можемъ питать надежду приблизиться къ нимъ. Самые блистательные мои подвиги были приписываны счастію, и, конечно, не задумаются вмѣнить мнѣ въ ошибки мои неудачи, хотя иногда лучшіе планы не удаются по обстоятельствамъ совершенно случайнымъ, между тѣмъ какъ, по прихотямъ счастія, соображенія ошибочныя оканчиваются успѣшно. Если бы я написалъ исторію моихъ походовъ, то многіе удивились бы, что я постоянно изощрялъ мой умъ и мои способности изученіемъ основныхъ правилъ военнаго искусства.» — Намъ кажется, что желаніе говорить отъ имени Наполеона должно увеличить трудность задачи, избранной авторомъ, и даже, можетъ быть, повредить ему, точно также, какъ потеряла отъ этого же въ отношеніи историческомъ біографія Наполеона, составленная извѣстнымъ военнымъ писателемъ. Но, какъ бы то ни было, важность предмета, избраннаго г. Левассоромъ, очевидна, и интересъ его сочиненія, вѣроятно, долженъ возрасти въ слѣдующихъ статьяхъ.

Во 2 отд. «Исторія военнаго искусства» помѣщены: «Прежде и теперь» — мастерски составленный, бѣглый очеркъ постепенныхъ усовершенствованій въ военномъ искусствѣ. Авторъ статьи — Нѣмецъ; потому понятно, что, говоря о новѣйшемъ времени, онъ обратилъ

Digitized by Google

преимущественное вниманіе на Германію. Желательно, чтобы подобный очеркъ былъ составленъ и въ отношеніи къ Русскому войску. Любопытна также статья: «Завоеваніе Португальцами Тангера.»

«Библіографія» посвящена разсмотрѣнію замѣчательнѣйшихъ военныхъ сочиненій. (Можно надѣяться, что со временемъ Редакція В. Ж. будетъ упоминать здѣсь о *всѣхъ* книгахъ по этому предмету, появляющихся и на Русскомъ языкѣ. До сихъ поръ въ этомъ отношеніи замѣтны пропуски.) Наиболѣе любопытны разборы: Переписки принца Евгенія Савойскаго, Сочиненій о военныхъ событіяхъ въ Италіи въ 1848—49 годахъ, и Историческаго обозрѣнія Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка.

«Смѣсь» и «Разныя извѣстія» В. Ж. представляютъ не мѣньшую занимательность, даже и не для военныхъ. Таковы статьи: Лагерь и казармы Британской арміи; О субординаціи; Огнестрѣльная хлопчатая бумага; Новое сочиненіе о войнѣ 1812 и 1813 г.; Отзывъ Американца о Наполеонѣ; О значеніи Гибралтарскаго пролива, и проч. Для доказательства извлечемъ по нѣсколько строкъ изъ нѣкоторыхъ.

Лагерь и казармы Британской арміи. Подъ такимъ заглавіемъ вышла въ Лондонѣ книга, авторъ которой самъ служилъ въ Британскомъ войскѣ. Между прочимъ, онъ составилъ таблицу, показывающую пропорцію причинъ, условливающихъ нынѣ, въ Англіи, вступленіе въ военную службу. Изъ 120 человѣкъ, становящихся подъ ружье, находятся: 80 бѣдняковъ (пролетаріевъ), которые, не имѣя средствъ къ существованію, думаютъ обезпечить тѣмъ свою судьбу; 20 бѣдныхъ изъ образованнаго сословія, стеченіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ ввергнутыхъ въ несчастіе; 16 лѣнивцевъ, смотрящихъ на военную службу какъ на ремесло легкое; 8 негодяевъ, почитающихъ армію своимъ послѣднимъ убѣжищемъ; 1 преступникъ, старающійся ускользнуть отъ преслѣдованія законовъ; 2 непослушныхъ родителямъ сыновей; 8 недовольныхъ жизнію и безпокойныхъ характеромъ; 1 честолюбецъ, и 2, побужденныхъ къ этому шагу другими причинами.... Любопытно бы узнать, до какой степени вѣрна эта таблица. Описывая свою службу въ Индіи, авторъ говоритъ, что въ тамошней Англійской арміи господствуетъ чрезвычайная страсть къ спиртнымъ напиткамъ. Военные суды въ Индіи заняты, большею частію, слѣдствіями по дѣламъ, касающимся пьянства. Бѣлая горячка — обыкновенная болѣзнь въ мѣстныхъ военныхъ госпиталяхъ; рѣдко проходитъ недѣля, чтобы не поступалъ больной, одержимый этимъ недугомъ. Въ продолженіе 10-мѣсячной стоянки полка, въ которомъ служилъ авторъ, умерло

Digitized by Google

слишкомъ 50 челов.; изъ нихъ 25 лишились жизни отъ чрезмѣрнаго употребленія спиртныхъ напитковъ....

Новое сочиненіе о войнѣ 1812 и 1813 годовъ принадлежитъ полковнику Англійской службы Джоржу Каткарту, (Commentaries on the War in Russia and Germany in 1812 and 1813. By Colonel the Hon. George Cathcart. London. 1850.) Авторъ имѣлъ возможность основательно изучить описываемыя имъ событія. Отецъ его, Лордъ Каткартъ, былъ назначенъ, не задолго предъ открытіемъ кампаніи, Британскимъ посланникомъ въ Петербургъ, и находился въ свитѣ Императора Александра во всю войну 1813 г. Авторъ записокъ, тогда 19-лѣтній юноша, поручикъ гвардіи, состоялъ при отцѣ своемъ въ званіи адъютанта. До капитуляціи Парижа онъ постоянно былъ при арміи, присутствовалъ при всѣхъ военныхъ операціяхъ, и имѣлъ случай видѣть 8 великихъ сраженій, выигранныхъ или проигранныхъ, въ которыхъ Наполеонъ командовалъ лично.... Разсматривая, между прочимъ, военныя свойства и преимущества разныхъ армій, полковникъ Каткартъ говоритъ: «Французы, народъ храбрый и воспламенительный, блистательны и страшны въ аттакѣ. Въ случаѣ отбоя происходитъ такая же сильная реакція, которая могла бы имѣть пагубныя слѣдствія, если бы не было наготовѣ резерва. Тогда Французовъ легко снова собрать, и мужество ихъ возстановляется. Русскіе хотя не такъ воспламенительны, однако, при аттакахъ, никакая армія не можетъ сравниться съ ними храбростію и стойкостію, при чемъ они имѣютъ еще то преимущество, что незнакомы, повидимому, съ чувствомъ страха, и, будучи опрокинуты или разбиты, никогда не могутъ быть доведены до безпорядочнаго бѣгства съ поля сраженія. Прусскія войска, участвовавшія въ сихъ компаніяхъ, состояли, большею частію, изъ весьма молодыхъ солдатъ, проникнутыхъ энтузіазмомъ, который возбуждалъ ихъ къ блистательнѣйшимъ подвигамъ. При пораженіи, слѣдствія минутнаго безпорядка и замѣшательства, неизбѣжныя во всѣхъ молодыхъ войскахъ, были у Пруссаковъ не столько ощутительны, какъ у Французовъ; но хотя Пруссаки опять выстраивались и воспламенялись патріотическимъ одушевленіемъ, однако, въ случаѣ несчастія, не могли соперничествовать съ Русскими въ стоицизмѣ. Собственно Австрійцы были превосходно дисциплинированы и храбры, но пѣхота ихъ уступала въ энергіи Французамъ и Пруссакамъ, а по физическимъ средствамъ Австрійцы далеко отставали отъ крѣпкихъ и здоровыхъ Русскихъ солдатъ. Богемцы (Чехи) казались здоровѣе и сильнѣе, но, по характеру, мало разнились отъ своихъ Австрійскихъ ратныхъ товарищей. Венгерская

Digitized by Google

пѣхота рѣшительно превосходила и тѣхъ и другихъ нравственною и физическою силою, и образцовый гренадерскій корпусъ, сформированный изъ Венгерцевъ, не имѣлъ себѣ подобнаго во всей союзной арміи.» Вотъ нѣсколько словъ о Наполеонѣ въ день сраженія при Бауценѣ: «21 Мая (н. с.) было прекрасное лѣтнее утро. Все было тихо, и даже ружейные выстрѣлы по линіи форпостовъ слышались изрѣдка. Мы собрались на мѣсто сраженія, на разсвѣтѣ. Императоръ Россійскій и Король Прусскій уже находились на возвышеніи передъ фронтомъ, въ центрѣ боевой линіи. Между тѣмъ непріятель пришелъ въ движеніе, и, казалось, сосредоточивалъ свои главныя силы на высотахъ, непосредственно передъ Бауценомъ, угрожая или нашему лѣвому флангу, или нашему центру. Ясно можно было разсмотрѣть самого Наполеона, окруженнаго штабомъ, и очевидно занятаго построеніемъ своихъ войскъ. Потомъ онъ слѣзъ съ лошади и сталъ ходить взадъ и впередъ, заложивъ руки за спину и разговаривая съ офицерами своей свиты. Всѣ наши подзорныя трубы были направлены на Императора Французовъ; но какъ Лордъ Каткартъ имѣлъ лучшую трубу, то всѣ пользовались ею, даже Императоръ Александръ и Король Прусскій. Хотя оба непріятельскіе штаба не были внѣ выстрѣловъ, и самъ Наполеонъ находился подъ Русскими выстрѣлами, однако союзники не хотѣли тревожить его наблюденій. Мы узнали Бертіе и другихъ генераловъ, но одинъ человѣкъ, съ которымъ разговаривалъ Наполеонъ, посматривая потомъ на карту, оставался для членовъ союзной главной квартиры загадкою. Онъ былъ въ свѣтло-желтомъ мундирѣ, и, послѣ многихъ догадокъ, мы рѣшили, что это долженъ быть Мюратъ, большой щеголь, являвшійся въ разнообразныхъ костюмахъ. При справедливости нашего предположенія, обстоятельство сіе было важно: присутствіе Мюрата доказывало, что вооруженіе Итальянцевъ подвинулось, и кромѣ того, его личная дѣятельность, какъ превосходнаго кавалерійскаго генерала, требовала съ нашей стороны особенной бдительности. Въ такомъ убѣжденіи оставались мы до вечера, когда узнали, чрезъ плѣнныхъ и дезертировъ, что человѣкъ въ желтомъ мундирѣ былъ просто Саксонскій почталіонъ, который служилъ Французамъ проводникомъ и котораго Наполеонъ разспрашивалъ о названіи различныхъ деревень.» — Эти отрывки заставляютъ жалѣть, что въ В. Ж. не представлено большихъ извлеченій изъ замѣчательнаго сочиненія Каткарта.

Кстати же будетъ здѣсь и *Отзывъ Американца о Наполеонѣ*. Этотъ Американецъ — г. Эмерсонъ, издалъ въ Лондонѣ томъ своихъ

Digitized by Google

философскихъ очерковъ, въ которомъ, между портретами Монтаня, Сведенборга, Гёте, Шекспира, находится и портретъ Наполеона. Вотъ нѣкоторыя выставленныя имъ характеристическія черты, не вездѣ однако вѣрныя, и внушенныя отчасти желаніемъ быть оригинальнымъ. «Бонапарте, говоритъ Американскій писатель, былъ самымъ точнымъ и самымъ замѣчательнымъ выраженіемъ 19-го вѣка, ума и дѣйствія, мысли умовъ образованныхъ и стремленія массъ. Анекдоты о Наполеонѣ, его исторія, его записки, читаются съ жадностію, именно потому, что каждый изучаетъ въ сихъ книгахъ свою собственную исторію. (?!) Наполеонъ типъ вполнѣ современный. Какъ представитель массъ, онъ сосредоточивалъ въ себѣ умъ и геній Франціи, поглощалъ въ себѣ все, чтобы выразить все съ бо́льшею силою; казалось, онъ одинъ выигрывалъ битвы, составлялъ своды законовъ, установлялъ мѣры и вѣсы, проводилъ дороги, пролагалъ пути чрезъ Альпы. Инженеры, ученые, талантъ и умъ, всѣ относились къ нему одному, и Наполеонъ все принималъ, всему сообщалъ свою печать. Отъ того своеобразность его выказывалась разительнѣе, ибо его устами говорила Франція, его рукой дѣйствовала Франція. Наполеонъ прибѣгалъ только къ естественнымъ двигателямъ, но силы ихъ онъ извѣшивалъ съ математическою точностію и одушевлялъ своимъ геніемъ. Никогда не терялъ онъ изъ вида примѣненія теоріи къ практикѣ. Въ этомъ смыслѣ, и война была для него ариѳметическимъ правиломъ, состоявшимъ въ томъ, чтобы всегда имѣть бо́льшее, въ сравненіи съ непріятелемъ, число войскъ на пунктѣ, гдѣ предполагалась аттака. Всѣ его маневры ограничивались тѣмъ, что онъ шелъ на непріятеля тангенсомъ, и разбивалъ непріятельскія силы по одиначкѣ. Быстрота эволюціи давала ему относительный перевѣсъ. Выборъ средствъ, ихъ упрощеніе и соображеніе, вотъ одна изъ тайнъ торжества Наполеона. Хотя онъ и называлъ себя человѣкомъ судьбы, однако не всегда довѣрялъ случаю, и никогда не тратилъ времени на пустословныя доказательства. Гроза болтуновъ и людей, затемнявшихъ истину, онъ видѣлъ, гдѣ сопротивлялась ему матерія, угадывалъ пружину, которую надлежало привести въ движеніе, рычагъ, которымъ надлежало дѣйствовать, и сопротивленіе было побѣждено. И битвы были такимъ образомъ заранѣе выигрываемы въ его головѣ; и какъ всегда у него было уже разсчитано, то онъ и не нуждался въ совѣтникахъ. Ни въ политикѣ, ни въ войнѣ, Наполеонъ никогда не колебался, потому что имѣлъ планъ, для осуществленія котораго жертвовалъ всѣмъ. Если бы было можно, онъ сократилъ бы прямую линію, лишь бы скорѣе

Digitized by Google

достигнуть цѣли. Рѣшившись однажды на что-нибудь, онъ смѣло шелъ впередъ, ничего не жалѣя, ни снарядовъ, ни денегъ, ни солдатъ, ни генераловъ, ни самого себя. Быстрый, какъ молнія, въ аттакѣ, онъ былъ неуязвимъ въ своихъ ретраншаментахъ; но по своей системѣ, почиталъ аттаку лучшею обороною; самая запальчивость его была результатомъ разсчета; самыя смѣлыя мѣры были основаны на глубокихъ соображеніяхъ. «При Монтебелло, говоритъ онъ, я приказалъ Келлерману идти въ аттаку съ 800 кавалеристами, и съ 800 человѣками онъ разсѣялъ 6000 Венгерскихъ гренадеровъ, передъ глазами Австрійской кавалеріи. Эта кавалерія стояла въ полу-льё; она могла прибыть на поле сраженія въ четверть часа, и я замѣтилъ, что именно эти четверть часа *всегда* рѣшали побѣду.»—Утверждали, что Наполеонъ не умѣлъ отступать. Но передъ сраженіемъ онъ думалъ не столько о томъ, что̀ сдѣлаетъ въ случаѣ успѣха, сколько о томъ, какъ надобно будетъ поступить при неудачѣ. Когда явился Наполеонъ, всѣ военные полагали, что въ военномъ искусствѣ уже не могло быть ничего новаго, какъ и теперь думаютъ иные, что ни въ политикѣ, ни въ литературѣ, ни въ торговлѣ, ни въ земледѣліи, ни въ философіи, не могутъ имѣть мѣста никакія нововведенія. Во всѣ времена, мнимые мудрецы твердили, что міръ устарѣлъ, обветшалъ. Наполеонъ вѣрилъ, въ этомъ случаѣ, больше своему здравому смыслу, нежели стереотипному приговору вѣковъ. Онъ не упалъ духомъ отъ того пріема, которымъ были встрѣчены его нововведенія, и не обращалъ вниманія на всевозможныя возраженія. Утверждали, напримѣръ, что зимой Альпы непроходимы. «Зима, говорилъ напротивъ Наполеонъ, самое удобное время для перехода чрезъ высокія горы. Снѣгъ тогда крѣпокъ, погода постояннѣе, и нечего бояться лавинъ, единственной опасности въ Альпахъ. Въ сихъ возвышенныхъ странахъ, часто бываютъ прекрасные дни въ Декабрѣ, дни холодные и сухіе, при ясномъ небѣ». Обвиняли Наполеона въ шарлатанствѣ, упрекали его за искаженіе имъ исторіи въ бюллетеняхъ и въ Монитерѣ, особенно за желаніе его изумлять и ослѣплять міръ; говорили, что въ самомъ величіи его было нѣчто искусственное и театральное, какъ и въ народѣ, котораго онъ представлялъ собою. Конечно, всякая медаль имѣетъ свою оборотную сторону; но надобно сознаться, что этотъ театральный герой хорошо съигралъ свою роль. Исторія должна произнести приговоръ ему и аббату Прадону, утверждавшему, что этотъ герой былъ просто Юпитеръ-Скапенъ, которому онъ служилъ иногда суфлеромъ. Если Наполеонъ имѣлъ своихъ фанатиковъ, то онъ имѣлъ также и своихъ

Digitized by Google

враговъ: не могъ же онъ быть безнаказанно возмутителемъ міра, разрушителемъ прошедшаго, творцемъ новой Франціи, преемникомъ старинной монархіи и дѣтищемъ революціи».

Такъ судитъ о Наполеонѣ Американецъ, видимо расположенный къ нему. А кстати объ Американцахъ. Въ В. Ж. помѣщенъ біографическій очеркъ покойнаго Президента Соединенныхъ Штатовъ, Захарія Тейлора. Вотъ одинъ характеристическій анекдотъ изъ этого очерка. Командуя, въ чинѣ генерала, Американской арміей противъ Мексиканцевъ, Тейлоръ, наканунѣ рѣшительной битвы при Буэнавистѣ, созвалъ военный совѣтъ. Офицеры обнаружили большую нерѣшительность, выставили на видъ непомѣрный численный перевѣсъ непріятеля, и нѣкоторые говорили даже объ «отступательномъ движеніи» Американской арміи. «Все ли вы сказали, господа»? спросилъ наконецъ главнокомандующій, и прибавилъ хладнокровно: «въ такомъ случаѣ, я откладываю совѣтъ *до завтра, послѣ сраженія*». На другой день была одержана блистательная побѣда, имѣвшая слѣдствіемъ присоединеніе къ союзу Калифорніи и Новой Мексики....

Кажется, послѣ этихъ отрывковъ нельзя не согласиться, что В. Ж. можно читать съ пользою и занимательностію не однимъ военнымъ людямъ.

Московскій Врачебный Журналъ, издав. *Алексѣемъ Полуниным* и *Дмитріемъ Миномъ*. Москва, 1851. Книжки 1 и 2.

Непредвидѣнныя обстоятельства были причиною, что Москвитянинъ замедлилъ подѣлиться съ своими читателями тѣми пріятными впечатлѣніями, которыя производитъ въ душѣ каждаго благомыслящаго, каждаго любителя всеобщаго и отечественнаго просвѣщенія появленіе возродившагося въ такомъ прекрасномъ видѣ, Московскаго Врачебнаго Журнала. Честь основанія названнаго журнала принадлежитъ достопочтенному и неусыпному Президенту Московскаго Физико-Медицинскаго Общества, А. Е. *Евеніусу*. Не смотря на все рвеніе перваго основателя и издателя, продолжать начатое изданіе, множество служебныхъ занятій принудили его сложить съ себя это бремя. Но къ счастію, оно нашло могучія рамена, съ юношескою бодростію и мужественною отвагою принявшія его на себя: изданіе не пало, но возвысилось, и журналъ, благодаря просвѣщенной дѣятельности извѣ-

Digitized by Google

стныхъ уже своими полезными трудами издателей, и многихъ, сколько просвѣщенныхъ, столько и опытныхъ, сотрудниковъ, становится на ряду съ лучшими Европейскими своими собратьями. Московскій Врачебный Журналъ является вѣрнымъ отголоскомъ, богатымъ сборникомъ Европейскихъ успѣховъ въ различныхъ отрасляхъ медицины, современнымъ представителемъ столь быстраго въ новѣйшее время движенія ея въ собственномъ нашемъ отечествѣ, посредникомъ между существующимъ направленіемъ ея въ Москвѣ и многочисленными воспитанниками Московскаго Университета, разсыпанными по всей Россіи. Содержаніе Московскаго Врачебнаго Журнала такъ обширно, многозначительно, разнообразно, поучительно, что невольно выходишь изъ обыкновеннаго, ограниченнаго круга понятій о врачеваніи или леченіи, и переносишься къ чистѣйшему, лучшему, возвышеннѣйшему понятію о жизни и врачеваніи.

Человѣкъ — жилецъ въ великомъ зданіи земной природы, въ которомъ безпрерывно дѣйствуютъ разнообразныя стихіи, а отъ нихъ находится въ большей или меньшей зависимости тѣлесный составъ его; и потому для собственнаго своего блага онъ долженъ познакомиться съ ними, чтобы знать, какъ должно ему обращаться въ кругу ихъ дѣйствія. Такое знаніе особенно важно для врача, чтобы ставить больныхъ въ выгоднѣйшія для здоровья ихъ отношенія съ силами природы, посредствомъ которыхъ онъ дѣйствуетъ на природу человѣческую; слѣдовательно врачь долженъ быть другъ природы, знающій потаенныя пружины ея дѣйствій. Отсюда становится весьма очевидною польза медицинскаго журнала, знакомящаго читателей съ успѣхами познанія природы. Новый Московской Врач. Ж. начинается статьею современныхъ понятій объ атмосферѣ и ея вліяніи на человѣка, которая по ясности изложенія и важности содержанія можетъ быть весьма интересною не только для врачей, но и для каждаго образованнаго человѣка; авторъ статьи г. *Минъ*, представилъ въ ней новое свидѣтельство своего таланта, своего образованія, своего усердія на пользу общую. *Гиппократъ*, заслужившій названіе отца Медицины, одаренный отъ природы проницательнымъ взглядомъ на вещи и необыкновенною наблюдательностію, глубоко понималъ всю важность и необходимость познанія внѣшней природы; твореніе Гиппократа, говоритъ одинъ извѣстный истолкователь его, относящееся къ познанію воздуха, водъ и мѣстностей, кажется, превосходитъ всѣ другія письмена великаго мужа, по изученію предмета и краснорѣчію; обыкновенный, важный тонъ Гиппократовой рѣчи облекается здѣсь особенною прелестію; и потому

Digitized by Google

не должно удивляться, что столько славныхъ ученыхъ посвящали труды свои изученію этого удивительнаго творенія. Мы радуемся, что направленіе Моск. Вр. Ж. соотвѣтствуетъ высокому направленію Медицины, которое далъ ей уже Гиппократъ. Кромѣ статьи г. *Мина*, здѣсь встрѣчаются еще двѣ рѣчи: въ одной изъ нихъ, въ рѣчи г. *Полунина*, живо изображается связь Естественныхъ наукъ съ Медициною, примѣненіе общесторонняго изученія природы къ Медицинѣ; въ другой, въ рѣчи г. *Басова*, говорится о могуществѣ природы и спасительномъ соединеніи ея съ Хирургіею. «Пространство, говоритъ авторъ послѣдней въ началѣ ея, занимаемое нашимъ тѣломъ во вселенной, безконечно мало относительно къ ея безмѣрному протяженію. Еще меньше глазъ, тотъ дивный органъ, въ которомъ изображается сводъ небесный съ міріадами звѣздъ, которымъ усматриваемъ обширныя поверхности, покрытыя вѣчно движущимися волнами, въ которомъ рисуются цвѣтами испещренные луга, которымъ схватываемъ изумительное разнообразіе видимаго міра. Посмотрите же, какъ мало окно въ глазѣ, сквозь которое мы видимъ безграничный океанъ и красоту вселенной, какъ мала та дверь, которою всходятъ тьмочисленные слуги великаго посланника и исполнителя Творческихъ повелѣній — свѣта, тончайшіе и быстротечные лучи его, переносящіе по зыбямъ эоира разнообразнѣйшія формы и цвѣта тѣлъ природы въ приготовленные и открытые для нихъ чертоги глаза. Не представляется ли здѣсь печать Предвѣчной Премудрости, установившей путь столь ограниченный для свободнаго вхожденія въ органъ зрѣнія всего видимаго на землѣ, въ моряхъ, воздухѣ и небесахъ». Не выражается ли уже здѣсь, въ приведенныхъ для примѣра немногихъ строкахъ, могущество природы, силами которой по всемогущему слову Творца устроивается такой чудный органъ и отношенія его къ видимому міру? Продолженіе рѣчи соотвѣтствуетъ ея началу, и читатели найдутъ въ ней не одинъ примѣръ удивительныхъ оборотовъ въ дѣйствіяхъ природы человѣческой. Повидимому авторъ, долженствовавшій говорить рѣчь не въ кругу врачей, но среди многочисленнаго собранія слушателей, большею частію незнакомыхъ съ Медициною, старался сдѣлать избранный имъ предметъ сколько возможно доступнымъ для понятія всѣхъ, — дѣло, какъ извѣстно каждому, не очень легкое; въ этомъ отношеніи рѣчь его заслуживаетъ особеннаго вниманія, и старанія автора, кажется, были не напрасны. Весьма отрадно видѣть, что эта бесѣда о природѣ, восхваляя могущество ея, выходитъ изъ предѣловъ слѣпаго поклоненія и привязанности къ ея силамъ, но обращается къ Виновнику бытія, указы-

Digitized by Google

ваетъ въ могуществѣ природы и спасительныхъ дѣйствіяхъ ея противъ болѣзней слѣды Творческой Премудрости и Благости, и чрезъ то примыкаетъ къ незыблемымъ основаніямъ Вѣры, которая есть главнѣйшая опора Царства Русскаго. Ктожъ теперь изъ нашихъ читателей не согласится, что направленіе Моск. Вр. Ж. возвышенно и прекрасно?

Наша Медицина, благодаря мудрымъ распоряженіямъ и попечительности Правительства, болѣе и болѣе возвышается; какъ же не порадоваться появленію журнала, въ которомъ выражается высшее направленіе столь важной для благоденствія народовъ науки, который не наполняется выставкою эфемерныхъ наблюденій или розсказней о средствахъ и леченіяхъ, безотчетно придвигаемыхъ ко вратамъ славы и встрѣчающихъ на пути непроходимую для нихъ рѣку забвенія, но содержитъ въ себѣ прилежную разработку всѣхъ основаній глубокаго, прочнаго и обширнаго познанія Медицины.

Загляните, съ какимъ знаніемъ и искусствомъ г. *Варнекъ* входитъ въ лабиринтъ строенія печени и отдѣленія желчи, съ какимъ терпѣніемъ проходитъ по немъ, чтобы объяснить строеніе и механизмъ дѣйствія столь важнаго органа: надобно быть не-врачемъ, или даже совсѣмъ не любопытнымъ, отказаться отъ просвѣщенія по недостатку времени или другимъ причинамъ, чтобы, взглянувши на приложенный къ журналу рисунокъ, весьма ясно показывающій строеніе печени у рака, не взглянуть на прекрасную путеводительницу по лабиринту — статью г. *Варнека*, такъ ясно говорящую, что успѣхъ сравнительной (анатоміи и) физіологіи имѣетъ сильное вліяніе на развитіе физіологіи человѣка и всѣхъ ея приложеній къ медицинѣ. Г. *Лясковскій* въ статьѣ «фармакологическія особи», — благородно и отважно выступаетъ съ глубокомысленными своими изслѣдованіями на обширное поле неточностей и сомнѣній относительно приготовленія, дѣйствія и употребленія лекарствъ. «Не должны ли мы, говоритъ въ одномъ мѣстѣ авторъ, выражать добросовѣстно состояніе этой науки и, не боясь ложнаго стыда, безъ утайки обнаруживать недостаточность нашихъ свѣденій, — для того чтобъ знать, что намъ остается еще изслѣдовать?... Что же происходитъ отъ распространенія между массою врачей такихъ понятій, какъ идіосинкразія и т. п.?—Вмѣсто того, чтобы силиться сорвать съ темныхъ случаевъ, препятствующихъ развитію науки, ту занавѣску, которая мѣшаетъ прозрѣть эти случаи, для нихъ сшивается новая номенклатурная одежда, затягивающая ихъ со всѣхъ сторонъ и почитаемая за тѣмъ, вслѣдствіе ея ученой выкройки, неприкосновенною эмпириками - исполнителями. Въ наукѣ появляется парядный истуканъ, которому выгодно приносить

Digitized by Google

жертвы. Онъ даетъ отпущеніе медицинскимъ грѣхамъ.... Если предполаганіе такой идіосинкразіи способствовало распространенію ложныхъ понятій между врачами со стороны физіологіи и патологіи, то оно, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, произвело истинный застой въ развитіи терапіи со стороны лекарствовѣденія. Провозглашеніе этой идіосинкразіи составило убаюкивающую пѣснь, подъ звуками которой уснуло не одно дитя фармакологической пытливости.... Въ самомъ дѣлѣ, нельзя, кажется, сомнѣваться въ томъ, что въ безчисленныхъ случаяхъ, въ которыхъ предположеніе созидало внутри тѣла больнаго идіосинкразію (особенное смѣшеніе), эта идіосинкразія существовала дѣйствительно, но только не въ тѣлѣ больнаго, а въ лекарствѣ..., въ весьма понятномъ различіи вещественнаго состава одноименныхъ лекарствъ, въ потаенныхъ отдѣлахъ москательныхъ балагановъ, въ кастрюляхъ лаборантовъ, въ формулахъ фармакопей и т. п.» Ограничиваемся выпискою этихъ строкъ изъ статьи г. Лясковскаго, полной проницательнаго критическаго взгляда на свойства лекарствъ, и представляющей новое доказательство того, что разбираемый нами журналъ заслуживаетъ нелестныя похвалы. Строгая критика необходима и весьма важна какъ въ фармакологіи, такъ и въ терапевтикѣ, какъ въ познаніи, такъ и назначеніи и употребленіи лекарствъ; только знакомство съ нею можетъ показать всю несовременность рецептовъ *Радемахера* и подобныхъ имъ, изобличающихъ,—скажемъ словами г. Лясковскаго, — забавное невѣжество своего автора, представляющихъ запоздалый памятникъ алхиміи среднихъ вѣковъ.

Начавши съ природы вообще, указавши потомъ на замѣчательныя статьи анатомическо-физіологическую и фармакологическую, необходимо указать теперь на статьи гигіеническія и токсикологическія, куда относятся: Г. *Мина*, о ядѣ, развивающемся въ колбасахъ и рыбѣ, г. *Лясковскаго*, о бѣлужинномъ ядѣ, г. *Севрука* опыты надъ дѣйствіемъ масляной кислоты на животный организмъ, поводомъ къ которымъ были смертельные случаи отъ употребленія въ пищу соленой бѣлужины. Неумышленныя отравленія отъ употребленія пищевыхъ веществъ пробудятъ, какъ должно надѣяться, надлежащее вниманіе врачей и вообще людей образованныхъ, къ которому призываютъ ихъ вышеуказанныя статьи Моск. Вр. Журнала, и вниманіе къ самому журналу, польза и занимательность котораго становятся болѣе и болѣе очевидными.

Современныя понятія о столь тяжелой болѣзни, какъ тифъ, ясно и точно изложенныя въ статьѣ о тифѣ г. *Полунина;* терапевтическій опытъ г. *Иноземцева* надъ отправленіемъ узловатой нервной системы

Digitized by Google

и зависящимъ отъ нея отдѣленіемъ мочи, опытъ, въ которомъ моча, бывшая густою и кровянаго цвѣта, не разъ становилась свѣтлою, нормальною при употребленіи рожковъ (secale cornutum), и опять измѣнялась по вышесказанному при употребленіи вмѣсто рожковъ эмульсіи; наблюденія г. *Севрука*, относящіяся къ двумъ жестокимъ болѣзнямъ — огневику и углевику; рѣдкій случай подвздошной жировой грыжи, которую вырѣзалъ и описалъ г. *Басовъ;* его же наблюденіе и замѣчанія относительно бродящей внутренней рожи и смертельной отёчной жабы, на которую онъ обращаетъ достодолжное вниманіе въ хирургическомъ отношеніи, указывая въ отчаянныхъ случаяхъ на спасеніе погибающихъ отъ ней посредствомъ операціи: вотъ патологическія, терапевтическія и хирургическія статьи, на которыя достаточно взглянуть, чтобы убѣдиться въ богатствѣ и занимательности журнала въ этихъ отношеніяхъ.

Всѣ доселѣ упомянутыя статьи суть оригинальныя, составляютъ бо́льшую часть журнала, и вмѣстѣ съ другими также оригинальными могли бы составить порядочный томъ, если бы печать новаго М. Вр. Журнала не была такъ убориста и форматъ его не былъ такъ великъ, каковы они суть. Можно порадоваться такой дѣятельности журналистовъ и сотрудниковъ. Но кромѣ тѣхъ статей онъ представляетъ еще прекрасный и богатый выборъ — извлеченія изъ иностранныхъ журналовъ всего интереснѣйшаго по всѣмъ отраслямъ Медицины; извѣстія о торжественномъ собраніи Им. Моск. Университета, о засѣданіи Парижской Академіи Наукъ, о Московскомъ физико-медицинскомъ и другихъ обществахъ и проч. — Цѣль предлагаемой статьи не есть подробный разборъ этого журнала, который потребовалъ бы многихъ страницъ; но желаніе познакомить читателей нашихъ съ этимъ полезнѣйшимъ и, можно сказать, изящнымъ изданіемъ, которому нельзя не пожелать отъ всей души бо́льшаго и бо́льшаго во всемъ успѣха. Надѣемся, что онъ найдетъ полное сочувствіе и ободреніе въ просвѣщенной медицинской и немедицинской Русской публикѣ, умѣющей цѣнить и всегда поддерживать истинное рвеніе и стремленіе къ общественной пользѣ и распространенію полезныхъ свѣденій, относящихся къ познанію жизни и къ ея сохраненію, рвеніе, такъ ясно выразившееся въ Моск. Вр. Журналѣ; и желаемъ, чтобы онъ сдѣлался у врачей *настольною книгою*.

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

1851.

№ 15. Августъ. Кн. 1.

ФИЗІОНОМІЯ НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКИ.

Чортъ знаетъ: говорилъ, говорилъ, а ничего не вышесшь.

Слова моего пріятеля.

— but all descriptions garble
The true effect, and so we had better not
Be too minute, an outline is the best,—
A lively reader's fancy does the rest.
Don Juan, canto VI.

Значеніе Нижегородской ярмарки въ отношеніи торговомъ давно уже опредѣлено. Объ немъ мы говорить не будемъ. Мы посмотримъ на ярмарку какъ на сборное мѣсто двухъ-сотъ-тысячнаго самаго пестраго народонаселенія, которое, среди серьёзныхъ занятій коммерческихъ, не забываетъ и веселиться, и тѣмъ оживляетъ, обыкновенно довольно тихую, Нижегородскую жизнь.

Нашъ взглядъ на настоящій предметъ, можетъ быть, будетъ отзываться дилеттантизмомъ, будетъ поверхностнымъ; заранѣе въ томъ просимъ извиненія.

Нижегородская ярмарка начинается ex facto въ первыхъ чис-

Digitized by Google

лахъ Іюля, и оканчивается уже въ Сентябрѣ, тогда какъ ex jure начало ея 15 Іюля, и конецъ 25 Августа. Такимъ образомъ, Августъ мѣсяцъ есть время разгара ярмарочной торговли, время суматохи и кипѣнія Нижегородской жизни. — Послѣ Макарьева дня (25 Іюля) ряды лавокъ наполняются товарами, вездѣ видны вереницы обозовъ, табуны скота и цѣлыя толпы мелочныхъ разнощиковъ.

Нечего говорить о томъ, какую важную роль играетъ ярмарка даже въ частномъ, семейномъ быту Нижегородцевъ. Къ этому времени отцы семействъ стараются скопить побольше денегъ на годовую провизію, на удовольствія и наряды дѣтей. Это терминъ разнаго рода сдѣлокъ, срокъ денежныхъ платежей. Образъ жизни совершенно измѣняется. Съ ранняго утра, у всякаго въ головѣ идея ѣхать на ярмарку, ѣхать такъ, Богъ знаетъ для чего, а не ѣхать нельзя, потому что всѣ ѣдутъ. Да и что дѣлать тѣмъ, которые бы остались въ городѣ? Дома всѣ пусты, гулянья никѣмъ не посѣщаются; меркатильный колоритъ ложится на всѣхъ и на все, и надо слишкомъ много стоицизма, чтобы не послѣдовать общему стремленію. Но за то, какія ужасныя опустошенія, въ одинъ этотъ мѣсяцъ, происходятъ въ бумажникахъ и кошелькахъ Нижегородцевъ и пріѣзжихъ собственно на ярмарку! Съ какимъ вздохомъ иной, возвратясь домой, пересчитываетъ неприметно убавившуюся пачку кредитныхъ билетовъ, и оправдываетъ себя, при этомъ случаѣ, вѣчной фразой: «что дѣлать, теперь ярмарка!»

Отъ чего же происходитъ это разрушительное вліяніе меркатильнаго сезона на капиталы и капитальцы потребителей, разумѣется, въ пользу торговаго сословія?

Если вы хотите это понять, то садитесь въ мальпостъ; если вы житель столицы, велите заложить свой тарантасъ, если вы поклонникъ провинціальной или деревенской жизни, а если вы нашъ братъ горожанинъ, то, съ патріотическою гордостію, помѣститесь въ омнибусъ, и пріѣзжайте на ярмарку. Тутъ вы убѣдитесь, что, пройдя это множество рядовъ, наполненныхъ всѣмъ, что только породилъ самый изысканный

Digitized by Google

вкусъ образованныхъ націй, надо быть варваромъ, эскимосомъ, или, по крайней мѣрѣ, Діогеномъ, чтобы не взять нужную, а иногда и вовсе ненужную, но тѣмъ болѣе привлекательную вещицу, заплатить за нее иногда и дорого, но что дѣлать! За то, если вы купили вещь для себя, то всегда найдете въ головѣ довольно аргументовъ, чтобы доказать, что она была вамъ совершенно необходима; если же вы купили ее въ подарокъ хорошенькой дочери, если вы отецъ, —молодой женѣ, или.... но положимъ, что вы нѣжный отецъ или любезный мужъ. Представьте, что вы возвратились домой. Васъ встрѣчаетъ дочь, которая, вѣрно, прехорошенья, потому что я уважаю отцовъ только хорошенькихъ дочерей, а къ вамъ я чувствую какое-то особенное уваженіе, особенную симпатію. Итакъ, представьте, васъ встрѣчаетъ хорошенькая шестнадцатилѣтняя (вѣрно не многимъ ошибся) дочь, говоритъ вамъ своимъ музыкальнымъ голосомъ: Bon soir, papa, (вы, конечно, ѣздили вечеромъ, потому что это вѣрное средство видѣть ярмарочный beau-monde и купить все вдвое дороже. Видите, я очень хорошаго объ васъ мнѣнія). Вы вручаете ей гостинецъ, получаете въ замѣнъ два нѣжныхъ поцѣлуя.... А! чего это стоитъ! Теперь представьте, что вы любезный мужъ. Ваша жена прелестна какъ Венера. Я въ этомъ увѣренъ потому, что у васъ прекрасный вкусъ. Положимъ, что утромъ вы не много поссорились, такъ, потому что жена ваша лѣвою ногою, — pardon, — ножкою, да еще маленькою, хорошенькою ножкою (я видѣлъ, какъ вы покупали ей бархатныя туфли), встала съ постели, или, можетъ быть, это была одна изъ тѣхъ querelles de convenance, которыя, какъ говорятъ люди опытные, необходимы для поддержанія семейнаго счастія. Итакъ по утру вы поссорились; жена ваша даже не простилась съ вами, когда вы уѣзжали. Теперь вы хотите побѣдить ее великодушіемъ, берете ей въ магазинѣ у Lyon матерію на платье, возвращаетесь домой, съ увѣренностію въ побѣдѣ и выгодномъ мирѣ. И что же? Ссора забыта; уже бѣленькая ручка жены обнимаетъ васъ, уже жена вамъ шепчетъ на ухо что-то такое, отъ чего вы вовсе и не помнпаете о брошенныхъ вами пятидесяти, ста рубляхъ.

Digitized by Google

Даже, если вы не отецъ и не мужъ.... Но довольно. Какъ же послѣ этого обвинять ярмарку, какъ сердиться, что она такъ жадно поглощаетъ ваши богатства, не пугаясь ихъ громадности, если вы имѣете счастіе быть вторымъ Крёзомъ, и не пренебрегая послѣднимъ рублемъ, который вы со вздохомъ вынимаете изъ кошелька, давая клятву никогда не ѣздить на островъ этой опасной Калипсы. Мнѣ часто выпадала доля втораго рода; но я справедливъ, не браню ярмарки, а напротивъ, всегда скажу, что она благодарна къ людямъ, умѣющимъ цѣнить эстетическую сторону ея дѣятельности.

Итакъ, по чувству патріота, эмпирофила, терпсимаха, или назовите меня какъ угодно, я бы рѣшился писать апологію ярмарки, написалъ бы ее высокопарно, съ претензіями на ученость, однимъ словомъ, во вкусѣ апологій блаженнаго стараго времени, но мнѣ кажется, что пока къ тому нѣтъ побудительной причины, потому что ярмарку любитъ всякій, кто бывалъ на ней, исключая, разумѣется, тѣхъ, надъ довѣрчивостію или щедростію которыхъ она слишкомъ жестоко пошутила. Въ этомъ мнѣніи я, кажется, не встрѣчу противниковъ, особенно въ женщинахъ, особенно молоденькихъ, потому что гдѣ же (я не говорю о столицахъ) удобнѣе, во-первыхъ, купить или получить въ подарокъ, новый бурнусъ, граціозную шляпку, и во-вторыхъ, показаться въ нихъ въ кругу истинныхъ цѣнителей прекраснаго, гдѣ все это удобнѣе, легче сдѣлать, какъ не на ярмаркѣ, которая такъ развиваетъ общественность?

Сбираясь описывать ярмарку по просту, безъ затѣй, мы будемъ располагать это описаніе разныхъ сторонъ ея въ порядкѣ важности ихъ вліянія на умы и вкусы не торговаго, цѣховаго, занятаго класса, а на умы собственно *ярмарочной публики*, т. е. той касты, которая пріѣзжаетъ сюда покупать все для себя нужное, пріѣзжаетъ, слѣдовательно, съ цѣлію *наслажденія*. Съ этой-то точки возрожденнаго ярмарочнаго и очень скоропреходящаго эпикуреизма, мы будемъ смотрѣть на первое, по важности, временное торжище Россіи.

Digitized by Google

Пассажъ.

Пріѣхавъ на ярмарку изъ города, вы, вѣрно, остановите экипажъ свой у Главнаго дома, съ тѣмъ, чтобы посмотрѣть пассажъ.

Безмолвная нѣкогда, вѣчно-пустая колоннада Главнаго дома, теперь уже нѣсколько лѣтъ составляетъ любимое мѣсто прогулки ярмарочной публики. Наружныя арки забраны стеклянными рамами; во всѣхъ остальныхъ устроены лавки, отдѣланныя и драпированныя съ большимъ вкусомъ.

Пассажъ надо смотрѣть вечеромъ. Утромъ вы увидите тутъ десятка два-три разсчетливыхъ покупателей, которые, съ стоическимъ хладнокровіемъ, перерываютъ кипы товаровъ, спрашиваютъ о цѣнѣ той или другой вещи, и уходятъ, большею частію, не купивши, но обѣщаясь *подумать*, а иногда прося *отложить*.

Но когда стемнѣетъ, сюда собираются, во-первыхъ, тѣ, которые располагаютъ провести вечеръ въ театрѣ, клубѣ, или быть въ концертѣ, во-вторыхъ, собственно habitués пассажа. Тутъ всѣ лавки освѣщаются. На устроенную по срединѣ эстраду выходитъ оркестръ музыкантовъ, и вы цѣлый вечеръ слушаете то длинную увертюру, то вальсъ Штрауса, то цѣлый рядъ самыхъ новыхъ, но, увы, самыхъ эфемерныхъ полекъ.— Музыка сдѣлалась у насъ непремѣнною принадлежностію всякаго рода публичныхъ гуляній. Ее слушаетъ съ удовольствіемъ и записной меломанъ, вздрагивая иногда отъ какофоническихъ аккордовъ, которые беретъ оркестръ, вѣроятно, съ тою цѣлію, чтобы доказать ту великую истину, что только присутствіе диссонанса заставляетъ понимать всю прелесть гармоніи. Еще съ большимъ удовольствіемъ ее слушаетъ профанъ, нисколько не удивляясь новымъ *re*, новымъ *si*, которыми подчуетъ его щедрый корифей.

Итакъ, музыка играетъ. Посмотримъ же, что дѣлается въ пассажѣ. Ряды аркъ давно уже наполнены самою пестрою толпою. Городскіе и пріѣзжіе франты, люди положительные, отжившіе юноши, старички съ юными чувствами, спекулянты,

Digitized by Google

артисты, школьники, собственно такъ называемые фланёры ex professo; потомъ, прелестныя, хорошенькія, и, увы, безобразныя женщины, всѣхъ возрастовъ, всѣхъ классовъ, съ самыми разнообразными предположеніями на нынѣшній вечеръ, —все это ходитъ, останавливается, говоритъ, смѣется, толкается. Le passage n'est plus à passer.

Надо замѣтить, что здѣсь вы видите явное сближеніе востока съ западомъ—рѣшеніе той великой задачи, надъ которой такъ давно уже бьются ученые. Возлѣ галантерейныхъ модныхъ лавокъ красуются лавки Черкесовъ, Армянъ и Персіянъ. Всѣ эти Азіатцы, большею частію, очень статны, съ прекрасными выразительными глазами. Вотъ одна изъ причинъ (конечно, второстепенныхъ), отъ чего нѣкоторыя дамы такъ охотно останавливаются передъ лавками жителей полудня, не такъ торгуются съ ними, какъ съ чадами сѣвера, и даже, какъ говорятъ, начинаютъ вѣрить въ Фатализмъ; вотъ причина, почему нынѣ въ такой модѣ канаузъ, мовь и другія ткани черноглазыхъ Азіатцевъ.

Но и мы, получившіе въ удѣлъ пару сѣрыхъ глазъ, въ которыхъ никакой Прометей не отыскалъ бы ни малѣйшей искры, (за то и не попалъ бы въ число нашихъ соотчичей—Кавказцевъ), и мы согласимся, что эти Азіатскія лавки чрезвычайно украшаютъ пассажъ, уничтожаютъ монотонію Европейскихъ рядовъ, становятся въ самый наглядный контрастъ, напримѣръ, съ лавкою M-me L'Hôpital. Цѣлыя кипы ковровъ, приваленныя къ колоннамъ, замѣняютъ диваны, и служатъ мѣстомъ отдохновенія для усталыхъ поклонниковъ фланёрства. Мы упомянули имя M-me L'Hôpital. Ея лавка, которая болѣе похожа на выставку (exposition) дамскихъ нарядовъ, соединяетъ въ себѣ образцы всего, что придумала мода, чтобы сдѣлать изъ хорошенькой женщины самое очаровательное, воздушное созданіе, придумала на бѣду бережливымъ отцамъ и ревнивымъ мужьямъ, которыя смотрятъ на эти вещи съ точки зрѣнія самаго отчаяннаго пессимизма. Говоря о лавкѣ, нельзя не замѣтить, что хозяйки ея—двѣ хорошенькія Француженки, одна брюнетка, другая блондинка, очень граціозныя

Digitized by Google

и любезныя.—За недостаткомъ мѣста, тутъ выложена только малая часть товаровъ M-me L'Hôpital, товаровъ, въ числѣ которыхъ всякая бездѣлица отличается особеннымъ вкусомъ. За то, передъ лавкой ея вѣчно нѣсколько дамъ и кружокъ молодежи; даже записные мизогины рѣшаются подойдти къ заманчивой лавкѣ, и рѣдко уходятъ съ пустыми руками.—

Если вы близоруки, а между тѣмъ имѣете непреодолимое желаніе разсмотрѣть физіономіи, мелькающія мимо васъ подъ пляпками всѣхъ цвѣтовъ и фасоновъ, то, не выходя изъ пассажа, ступайте въ лавку оптика *Швабе*. Онъ надѣнетъ васъ очками, лорнетомъ, биноклемъ, и тогда ни одно хорошенькое личико не укроется отъ вашего взора.—Хорошія и относительно-дешевыя вещи вы можете получить въ лавкѣ *Якобсона* или нашего Нижегородца *Гребенщикова*. — Кромѣ того, въ пассажѣ двѣ лавки съ картинами, папиросная лавка Спиглазова, выставка вазъ и статуетокъ изъ сыраго мрамора, и пр. и пр.

А между тѣмъ, толпа все ходитъ, все прогуливается по пассажу, описывая обыкновенно кругъ около оркестра, въ которомъ столько же гармоніи и ассонанса, сколько и въ самой публикѣ, нерѣдко представляющей сочетаніе альфы и омеги ярмарочнаго населенія. Вездѣ слышны разговоры, фразы, заглушаемыя то кстати, то некстати, ударами смычковъ и звуками неумолимыхъ волторнъ.

— Ну, что же, mon cher, уступаютъ за сто двадцать рублей;—вѣдь, право, это недорого, говоритъ хорошенькая дама, обращаясь съ восхитительною улыбкою къ мужу, который, кажется, въ эту минуту вовсе не раздѣляетъ мнѣнія жены.

Въ оркестрѣ tutti con moto.

Мужъ притворяется, что не слышитъ сладкой апострофы своей половины, и начинаетъ дѣловой разговоръ съ господиномъ съ вседневной физіономіей, который, какъ deus ex machina, избавилъ его отъ трагической роли, которую налагало на него требованіе жены.

Тщетно послѣдняя, подстрекаемая аргументами купца, доказываетъ, что сто двадцать рублей дать за такую хорошень-

Digitized by Google

кую мантилью, какую она торгуетъ, ничего не значитъ, что это почти даромъ,—мужъ неумолимъ.

— Я вамъ говорю, что дайте росписку въ полученіи, а прежде нечего и толковать.

— Но, помилуйте, какъ же дать росписку! Я, конечно, вамъ вѣрю....

Оркестръ играетъ allegro furioso.

Послѣднихъ словъ вседневнаго господина не слышно.

Дама приходитъ въ отчаяніе, бросаетъ взглядъ сожалѣнія на обольстительную мантилью, и увлекаемая мужемъ, уходитъ изъ пассажа.

Оркестръ продолжаетъ играть финалъ какой-то громогласной увертюры.

— Изволили быть-съ у Петра Иваныча? говоритъ молодой человѣкъ въ жилетѣ съ райскими птицами, догоняя даму съ переспѣлыми формами.

— Какъ же, были, Иванъ Семенычь, были, цѣлый вечеръ протанцовали. Ахъ, какъ было весело!

— Чай, теперь музыку достать трудно-съ: всѣ въ комедіяхъ-съ.

— Наняли-было Потапыча криваго, да такой грѣховодникъ: жена была пмяннпца, ну знаете, выпилъ лишнее, взяли въ Часть. Ужъ Петръ Иванычъ да нахлѣбпикъ на гитарахъ играли.

— Говорятъ-съ, что Петръ Иванычъ-то хорошо играютъ. Я-было хотѣлъ у нихъ позаняться.

— Очень хорошо играютъ, особенно мазурку, знаете, эдакъ на разстрой.

Усатый баринъ съ угрожающими бровями разлучилъ райскихъ птицъ и переспѣлыя формы. Онъ жарко говорилъ съ какимъ-то повѣреннымъ въ сертукѣ *по сіе время*.

— Чортъ его знаетъ—все дѣло испортилъ. Говоритъ: запалена лошадь, нѣтъ груди, бабки, говоритъ, слабы, заднія ноги дурно вставлены у лошади. Нѣтъ, любезный, ты сначала пошайтася по конюшнямъ, да потомъ и разсуждай. Вишь,

Digitized by Google

бестія, подъѣхалъ: ноги дурно вставлены. Да что толковать? ты, чай, видѣлъ—добра лошадь, безъ всякаго ораута, а ноги—вотъ.

При этомъ баринъ поднялъ палку, и сталъ держать ее въ вертикальномъ положеніи.

— Ну, такъ что же, сударь, то есть барышникъ-то разстроилъ? сказалъ повѣренный, поглаживая бороду.

— Развелъ, мошенникъ! Ну да ужъ я же ему!

При этомъ проходившій мимо учитель, взглянувъ на разсержен:наго гиппофила, невольно вспомнилъ Нептуна, укрощавшаго вѣтеръ, и произнесъ въ классическомъ восторгѣ: Quos ego!

Повѣренный лукаво улыбнулся, самодовольно поправилъ полы сертука, и пошелъ вслѣдъ за разгнѣваннымъ бариномъ.

Оркестръ заигралъ польку.

У Армянской лавки сошлись дама, одѣтая à quatre épingles, и молодой человѣкъ, кажется, сейчасъ вырѣзанный изъ парижской картинки.

— Des siècles, madame, vous etiez invisible.

— Ah, charmée de vous voir. Скажите, пожалуйста, не слыхали вы, что за исторія вышла у графини съ Отрѣзковымъ?

— Mais c'èst revoltant. Видите ли въ чемъ дѣло: графиня....

Въ оркестрѣ послышался ужасный ударъ смычковъ. Разговаривающіе отступили и сѣли на тюкъ Персидскихъ ковровъ.

Hé bien, je vous écoute!

— Представьте себѣ....

Въ это время въ дверяхъ пассажа показалась дама въ черномъ бурнусѣ. Дама à quatre épingles и молодой человѣкъ съ картинки пошли къ ней на встрѣчу.

— Vous vous faites désirer, comtesse; я только васъ ждала, чтобы ѣхать chez la dame noire. Allons!

Дамы пошли къ подъѣзду. Молодой человѣкъ посадилъ ихъ въ экипажъ, распрощался съ ними и возвратился. Усталый оркестръ не спѣша игралъ какой-то галопъ.

Молодой человѣкъ съ картинки подошелъ къ офицеру, тор-

Digitized by Google

гующему мраморную вазу. Въ это время въ толпѣ мелькнула желтая шляпка. Молодой человѣкъ обернулся.

— Ну что?

— Ничего,

— Какова, а?

— Хороша.

— Да ты, братецъ, ледъ: прелестна! А бурнусъ замѣтилъ?

— Нѣтъ.

— Мой подарокъ. Пятьдесятъ рублей заплатилъ, слышишь? значитъ стóитъ....

— Ты гдѣ нынче ужинаешь?

— Я думаю, дома.

— Фи, mon cher, пойдемъ къ Морелю.

Толпа рѣдѣла.

— Какъ же?—дама самъ-третей и никакой масти....

— Дрянная собачонка-то—весь хвостъ вылѣзъ.

— Впрочемъ загляните въ лѣтопись; тамъ вы увидите, какое важное участіе....

— Чепчикъ-то стоитъ три рубля, да ленты два съ полтиной.

The heart is like the sky, a part of heaven,
But changes night and day, too, like the sky.
Don Juan, canto II.

Если вы подъѣдете къ главному ярмарочному дому съ городской стороны и войдете въ пассажъ, то вы увидите на право входъ въ дворянскій клубъ, и на лѣво—въ ресторацію Мореля. Клубъ и Морель—двѣ великія пружины дѣятельности городскаго и ярмарочнаго населенія.

Для клуба, охотникъ поиграть въ карты презираетъ разстояніе, непогоду, нерѣдко упреки жены, ѣдетъ за нѣсколько верстъ, чтобы сыграть двѣ-три пули въ преферансъ, съѣсть кусокъ бифстека, иззябнуть, возвращаясь домой черезъ рѣку, дурно проспать ночь, подъ вліяніемъ проигрыша.

Digitized by Google

— Нѣтъ, никогда уже болыше не поѣду въ клубъ, говоритъ мужъ-картежникъ, вставъ поутру съ постели, не выспавшись, и подходя къ женѣ, которая уже давно за самоваромъ: — съ тѣхъ поръ какъ началась ярмарка, мы съ тобою вовсе не видимся, ma chère, не существуемъ другъ для друга. Напримѣръ, вчера—утромъ на ярмаркѣ, вечеромъ на ярмаркѣ, вернулся я, ты уже спала; теперь я только что всталъ, и долженъ ѣхать пробовать вина съ Петровымъ.

Жена молчитъ; по лицу видно, что она не въ восторгѣ отъ прошедшей ночи.

— Ну что ты сдѣлалъ вчера?

— Разумѣется, проигралъ; развѣ я когда-нибудь выигрываю?

— Такъ для чего же ты играешь?

— Такъ, знаешь.... ну что же вѣдь больше дѣлать? Нѣтъ, да я больше не поѣду. Это скучно. Сегодня вечеромъ я дома; мы будемъ одни.... я хочу помириться съ тобою....

— Полно, mon cher, я не сержусь на тебя, но видишь ли что: сегодня вечеромъ мнѣ надо съѣздить за шляпкой; мнѣ она будетъ нужна къ завтрему.

Мужъ не отвѣчаетъ ни слова, да и что отвѣтить на эдакій аргументъ! онъ обиваетъ пепелъ съ папироски, потягивается да припоминаетъ вчерашнія игры.

Вечеромъ онъ опять въ клубѣ. Это произошло чисто-случайно. Жена была въ магазинѣ; тутъ ужъ недалеко: не то что тащиться изъ города!

While Bacchus pours out wine, or hands a jelly:
Eggs, oysters, too, are amatory food.
Don Juan, canto II.

Ресторація Мореля.

Когда у васъ пустъ желудокъ, когда вамъ жарко, или, просто, когда вамъ хочется съ пріятелемъ распить бутылку рёдерера, Морель получаетъ въ глазахъ вашихъ высокое зна-

Digitized by Google

ченіе. Ни одно славное имя не произведетъ тогда на ваше ухо такого пріятнаго впечатлѣнія, какъ скромное имя ресторатёра.

Войдите къ нему.

Длинная зала, довольно мило убранная, уставлена двумя рядами столовъ, между которыми во всю длину—промежутокъ, ведущій къ буфету. Здѣсь на полочкахъ, обставленныхъ цвѣтами и деревьями, красуются хорошенькіе штофы и графины съ водками и ликерами, тутъ маленькія бутылочки шато-лафита и шато-д'икема съ фольговыми пробками, тутъ золотые ярлыки рёдерера.

Если бы самъ Бахусъ, въ своей барсовой кожѣ, съ тирсомъ и вѣнкомъ изъ лозъ виноградныхъ на головѣ, оставивъ Элладу, населенную теперь ненавистными для него мусульманами, если бы самъ Бахусъ взглянулъ на эту пирамиду, въ которой, конечно, болѣе жизни, чѣмъ въ колоссальной храминѣ Хеопсовой, то, вѣрно бы, на всегда оставилъ скучный Олимпъ, гдѣ то и дѣло ссора да брань между небожителями, забылъ бы Гебу и ея нектаръ, и сталъ бы прогуливаться по ярмаркѣ, какъ нѣкогда гулялъ по Индіи, основывая, вмѣсто городовъ, кондитерскія да кофейни.

Какъ бы полюбили тебя, добрый Діонисъ, какой бы шумный кружокъ составлялся вокругъ тебя, какіе оглушительные залпы изъ пробокъ дѣлали бы твои винолюбивые сателлиты! И вѣрно, Нижегородцы съумѣли бы тебѣ понравиться; вѣрно, франты наши стали бы носить тросточки въ видѣ тирса, а вѣтвь винограда сдѣлалась бы любимою куаффюрой модной дамы.

И дѣйствительно, въ залу вошелъ.... Саратовскій помѣщикъ Василій Васильевичъ Тупокопытовъ. На немъ сакъ-пальто небывалой моды, бархатный жилетъ, который онъ сшилъ себѣ уже на ярмаркѣ, и надѣлъ теперь, презрѣвъ совѣтомъ портнаго—не носить бархатнаго жилета въ Августѣ, — сапоги, не производящіе никакого шума, хотя владѣтель ихъ довольно твердою ногою шелъ по скользкой стезѣ ярмарочной жизни,— на головѣ клокъ сѣдыхъ волосъ и пространная, какъ Саратов-

Digitized by Google

скія степи, лысина. Да простить мнѣ благосклонный читатель, что голова Василья Васильевича заняла послѣднее мѣсто въ моемъ описаніи. Это произошло безъ всякаго, съ моей стороны, намѣренія унизить внутреннія и внѣшнія достоинства лишенной волосъ его головы. Чтобы загладить свою ошибку, я съ особеннымъ рвеніемъ, съ особенною любовью, займусь описаніемъ физіономіи Василья Васильевича.

Случалось ли вамъ ѣздить по проселочнымъ дорогамъ, и останавливаться передъ околицею какой-нибудь деревушки, въ которую никогда не заглядывалъ ея владѣлецъ. Вы смотрите, и удивляетесь: что это, какъ будто все не на мѣстѣ! Заборъ тамъ, гдѣ бы слѣдовало быть избѣ, изба тамъ, гдѣ бы должно быть дерево, дерево тоже какъ не въ своей тарелкѣ— обсохло, обгнило, раскололось; у дерева стоитъ корова, что-то не въ духѣ, смотритъ пристально на вспаханное поле да пожевываетъ. Надъ всѣмъ этимъ—сѣрое, сердитое небо; изорвавшіяся, точно послѣ драки, облака, несутся прочь поскорѣе, безъ оглядки. Мелкій ненастный дождь окропляетъ вашу повозку, гаситъ вашу сигару, и, тихо ударяясь о влажную землю, краснорѣчиво обѣщаетъ вамъ скучное путешествіе.

— Что это, какъ все тутъ неприглядно, неопрятно, некстати, какъ должно быть здѣсь скучно, думаете вы, завертываетесь крѣпче въ шинель, и засыпаете.

Точно такое же чувство овладѣло бы вами, если бы вы пристальнѣе разглядѣли благороднѣйшую часть тѣла Василія Васильевича. Какъ будто физіономія его была нѣкогда въ общемъ владѣніи у бранчивыхъ помѣщиковъ, представляя явные слѣды черезполосицы. Долго, видно, дѣлили они свои территоріи, рѣзали ихъ вдоль и поперекъ, клиньями и полосами, рыли ямы и вбивали колья безъ пощады, вздорили, спорили, наконецъ плюнули, и раздѣлили какъ рука взяла. Тутъ, говорятъ, будь глазъ, здѣсь ротъ, тутъ носъ. Раздѣлили, да и сами не рады; стали другъ друга обрѣзывать да обмѣрпвать, колья повыдергали, нарыли новыхъ ямъ, межи перепахали. Просто, чортъ ногу переломитъ въ дачѣ. Наконецъ, пришелъ землемѣръ, и провелъ окончательныя межи. Но и тутъ ладу

Digitized by Google

нѣтъ: носъ такъ и наровитъ, чтобы заѣхать въ глазъ да загнать его подальше, въ болото, а бѣдная бровь попала между двухъ огней, корчится, изгибается, описываетъ дуги самыми разнообразными радугами. По всему видно, что она не на своемъ мѣстѣ. Надъ всею этой картиной издѣвается пространный ротъ, искривясь ироническою улыбкой; его положеніе самое завидное, раздолье такое, что любо глядѣть. То онъ съежится почти въ незамѣтную точку неопредѣленнаго цвѣта, то растянется далеко, далеко, такъ что бѣдныя уши подъ-часъ дрожатъ за свое существованіе.

Не подозрѣвая такого хаотическаго состоянія своей физіономіи, Василій Васильевичь преспокойно сѣлъ за одинъ изъ крайнихъ столовъ, поставилъ къ окошку свою палку, положилъ свой картузъ возлѣ себя, и, самодовольно потирая руки, спросилъ себѣ рюмку водки, придумывая, между тѣмъ, какъ поступить въ дальнѣйшемъ ходѣ собственнаго насыщенія.

Красивая рюмка на подносикѣ, въ сопровожденіи прослезившагося передъ смертію куска швейцарскаго сыру, явилась предъ Василіемъ Васильевичемъ.

Но отчего же онъ не прикасается къ столь любимой имъ настойкѣ? отчего глаза его такъ странно вращаются при взглядѣ на эту скромную интродукцію завтрака?

— Что это? наконецъ проговорилъ онъ робкимъ голосомъ, что это.... это, то есть, пробная что ли, то есть это единственно для пробы, хороша ли настойка, а?

— Никакъ нѣтъ-съ, это обыкновенная рюмка.

— Ну такъ ты, братецъ, пожалуй мнѣ необыкновенную, знаешь, понатуральнѣе.

Человѣкъ, подававшій водку, понялъ причину замѣшательства Василія Васильевича, принесъ графинъ и рюмку гораздо большаго калибра, за что и былъ награжденъ благосклонною улыбкой водкофила.

Вслѣдъ за тѣмъ, по данной картѣ, Василій Васильевичъ назначилъ блюда для своего завтрака, и сталъ, между тѣмъ, посматривать, что происходило вокругъ его, не забывая дѣлать важные опыты для рѣшенія вопроса о томъ: когда вкус-

Digitized by Google

нѣе настойка—если ее нальешь вровень съ краями, или только вполовину, или, наконецъ, чуть на донышко. Не знаю, къ какимъ результатамъ привели его эти эксперименты, только рюмка щедрою рукою стала наполняться, угрожая бѣдному графину совершеннымъ истощеніемъ.

Что же дѣлается вокругъ нашего героя?

За столами сидятъ поклонники меркантильности, сидятъ кружками, компаніями, исправно кушаютъ, и ведутъ живой разговоръ, вѣроятно о разныхъ предметахъ, до общежитія, продажи и купли относящихся. Такъ бы выразился Василій Васильевичь, если бы вздумалъ описать свое пребываніе у Мореля. Но Василій Васильевичь былъ слишкомъ благоразуменъ для того, чтобы описывать такія неважныя обстоятельства своей жизни. Замѣтимъ мимоходомъ, что, по выходѣ изъ земскаго суда, въ которомъ онъ дослужился до губернскихъ секретарей, Василій Васильевичь въ весь свой вѣкъ не написалъ ничего, кромѣ двухъ просьбъ на плута—сосѣда, который оттянулъ-было у него пустошь. Да и къ чему описывать? ну если кто спроситъ, то можно такъ разсказать, а отъ жены, напримѣръ, онъ и вовсе скроетъ, что ходилъ къ нѣмцу завтракать.

— Что это, ты не нашелъ что ли тамъ русскаго-то трактира, что сталъ пріучаться къ нѣмецкимъ-то яствамъ, сказала бы его супруга, въ отвѣтъ на подобный разсказъ. Или денегъ лишнихъ много завелось? Эдакъ-то, отецъ мой, будешь транжирить, такъ далеко не уѣдешь: какъ разъ пустишь по міру жену и дѣтей.

Предвидя подобныя сему замѣчанія со стороны своей супруги, Василій Васильевичь рѣшился, вообще, умолчать о своемъ поведеніи на ярмаркѣ, готовя, въ отвѣтъ на многочисленные распросы своей Марьи Петровны, самыя общія фразы, или околичности. Между тѣмъ, кругомъ говоръ, стукъ тарелками, ножами, звукъ откупориваемыхъ бутылокъ, возгласы нетерпѣливыхъ и крики удовлетворенныхъ гастрономовъ.

Прислушивается Василій Васильевичь къ разговорамъ, хочется ему дознаться, о чемъ можно разсуждать съ такимъ

Digitized by Google

жаромъ? Другое дѣло—при расплатѣ послѣ пикета или преферанса; ну тамъ понятно—денежки, насущный интересъ; отчего и не покричать? А тутъ, не можетъ же быть, что всякій изъ этихъ господъ надулъ одинъ другаго. Притомъ, на видъ-то все люди смирные. Правда, что волосы у нихъ какъ-то эдакъ зачесаны за́ уши, что не совсѣмъ прилично скромному человѣку; но одѣты чисто, не то что какіе-нибудь выжиги. Василій Васильевичъ напрягаетъ свой слухъ, чтобы понять, въ чемъ дѣло у этихъ господъ. Но, Богъ знаетъ: словъ много, а смыслу нѣтъ въ рѣчахъ, какъ будто просто языкомъ, ради скуки, болтаютъ. Иное слово будто и понятно, да не хорошо и сказать-то его—такое нехорошее слово. Ну вотъ въ эдакомъ же родѣ говорятъ въ Сарептѣ, думаетъ Василій Васильевичъ; проѣзжалъ я тамъ прошлой зимой. Такъ! значитъ и это Нѣмцы. Но что же за чудо, неужели здѣсь вовсе Русскимъ духомъ не пахнетъ? неужели я одинъ попалъ сюда?... А! вонъ тамъ усатый-то полковникъ, лихой долженъ быть. Вѣдь вотъ, подошелъ бы къ нему эдакъ побесѣдовать; да нѣтъ, вѣрно сердитъ, пожалуй укажетъ на двери; лучше не мѣшать ему.

Въ это время вошли въ дверь трое молодыхъ людей, въ джакеткахъ, съ хлыстиками въ рукахъ.

— Ухъ, какъ жарко! Эй, человѣкъ, шампанскаго!

— Скажи пожалуйста, что сдѣлалось съ твоею лошадью: отчего она вдругъ стала упрямиться?

— Тутъ была маленькая хитрость: я нарочно хотѣлъ отстать, чтобы дать время...—При этомъ онъ сказалъ что-то въ полголоса.

— Charmant, charmant! закричали всѣ трое. Бутылка шампанскаго подана, пробка вылетѣла, бѣлая пѣна запскрилась изъ горлышка, и скоро переполнила стаканы. За первою бутылкою послѣдовала вторая, за второю третья. Прошло съ полчаса.

—А, пора !сказалъ одинъ изъ нихъ, увидавъ что-то въ окно.

Всѣ трое встали, и вышли изъ комнаты, оставивъ недопитые стаканы.

Digitized by Google

Вонъ оно, какъ валяютъ, подумалъ Василій Васильевичъ, глядя вслѣдъ уходившимъ,—сдѣлалось, видите, жарко, такъ ради этого случая изволили вытянуть три бутылочки. Ну, ужъ должно быть образованные люди. Да видно ужъ и не впервые: денегъ не заплатили, а съ нихъ и не спрашиваютъ. Нѣтъ, я помню, какъ разъ я забрался въ трактиръ-то, еще мальчишкой былъ, да хотѣлъ улизнуть, такъ шинеленку-то сняли; въ другой разъ не захотѣлось.—Философскія размышленія Василія Васильевича вдругъ прерваны были громкими залпами пробокъ. Какой-то господинъ, сидѣвшій недалеко отъ него, долго размахивалъ руками, что-то доказывалъ съ удивительною энергіею, краснѣлъ и блѣднѣлъ попеременно. Вся его компанія слушала его въ мертвомъ молчаніи. Наконецъ лица прояснились, глаза просіяли у слушателей, жестъ оратора, казалось, приходилъ къ концу. Конецъ былъ ex abrupto. Сдѣлавъ трагическій жестъ правою рукою, господинъ сказалъ что-то во всеуслышаніе. Вдругъ лакеи засуетились, и черезъ минуту шесть бутылокъ шампанскаго явились для вознагражденія терпѣливой аудиторіи. Всѣ, казалось, были довольны, потирали руки, гордо поправлялись на стульяхъ. По всему было замѣтно, что сейчасъ совершилась какая-нибудь сдѣлка. Ораторъ впалъ въ совершенную апатію, съ ожесточеніемъ опоражнивалъ налитые стаканы. Вмѣсто звучнаго solo его голоса, теперь слышалось отчаянное tutti, а стаканы все наполнялись, а пустыя бутылки уносились, уступая мѣсто новымъ, непочатымъ, еще покрытымъ блестками своей подвальной жизни.... Какое высокое значеніе получило ты въ нашъ вѣкъ, вино благословенной Шампаніи! Какое жестокое сердце,

Quis te bibendo
Myrmidonûm, Dolopûm aut duri miles Ulyxi
Temperet a lacrymis gaudii et felicitatis,

скажемъ вмѣстѣ съ Виргиліемъ.

Что краснорѣчивѣе, что глубже говоритъ душѣ, что сильнѣе заставляетъ биться радостью сердце, что скорѣе, легче разгонитъ печаль, разсѣетъ грусть, утолитъ жаръ безнадеж-

Digitized by Google

ной страсти, что воодушевляетъ поэта, что подсказываетъ ему самый удачный мелодическій стихъ, что роскошно разлагается въ чудные аккорды въ душѣ музыканта, какъ не ты, благословенная, огнистая струя. Заключенная въ мрачную бутылку, проведя всю жизнь въ подземельѣ, ты жадно вырываешься на свободу, рѣзвишься, искришься, бросаешь во всѣ стороны серебряную пѣну, ты сама какъ будто наслаждаешься мгновеніемъ. Огоньки бѣгаютъ по твоей поверхности, а внутри, послушайте, внутри какой-то таинственный говоръ, понятный для души, отверзтой къ впечатлѣніямъ прекраснаго, а не огрубѣвшаго отъ пошлой, вседневной жизни, слуха....

Quand le vin de champagne
Fait en échappant
Pan, pan,
La douce gaitê me gagne.

Филармоническая сторона ярморки.

And there are songs....
Byron.

Въ этомъ же самомъ корпусѣ, изъ пассажа, вы можете пройти въ концертную и бальную залу. О балахъ говорить нечего. Ярмарочные балы ни чѣмъ не отличаются отъ другихъ баловъ. И здѣсь, какъ и вездѣ, много бываетъ хорошенькихъ дамъ и дѣвицъ, еще болѣе дурныхъ и посредственныхъ. И здѣсь дочки прыгаютъ до упаду, и маменьки зѣваютъ отъ скуки да любуются, глядя на веселящуюся молодежь, и здѣсь есть дансеры ex professo, и люди видящіе въ танцахъ поденную, неизбѣжную работу. Скажемъ нѣсколько словъ о концертахъ. Странное явленіе. Въ то время, когда ярмарка живетъ и дышетъ подъ музыку, когда никакой звѣрь, никакая картина не покажется вамъ безъ того, чтобы подъ ухомъ у васъ не гудѣлъ нарочно-нанятой фаготъ или не пищала неумолимая скрипка,—серьёзная, высокая музыка не но

Digitized by Google

душѣ ярмарочному населенію. Это происходитъ, быть можетъ, отъ того, что истинный любитель ярмарки хочетъ *веселиться*; онъ смотритъ на музыку какъ на средство, а не на цѣль. Отъ того, онъ съ удовольствіемъ прохаживается подъ звуки галопа или польки, весело подтягиваетъ какой-нибудь плаксивой симфоніи, незатѣйливо выполняемой, разсѣянно слушаетъ увертюру. Но все это для него дѣло постороннее. Онъ видитъ въ этой шумной музыкѣ одно изъ тѣхъ наркотическихъ средствъ для души, которыя необходимы человѣку, живущему для мгновенія. Но если вы его введете въ залъ, гдѣ собрались истинные меломаны съ цѣлію слушать, если вы его поставите лицемъ къ лицу съ артистомъ, который разовьетъ предъ нимъ высокую, вѣчную музыкальную идею, идею, которая не терпитъ поверхностнаго вниманія, которая всецѣло овладѣваетъ душею, потрясаетъ всѣ фибры вашего существа, которой впечатлѣніе столь сильно, что не скоро позволитъ освободиться изъ-подъ своего вліянія,—ему сдѣлается душно, тяжело, онъ пойметъ тогда, что серьёзная музыкальная идея не всякому и не вдругъ доступна, что она требуетъ извѣстнаго настроенія души, психической гармоніи между творцомъ и слушателемъ.

Но если ярмарочная публика дѣйствительно холодна къ высокимъ музыкальнымъ талантамъ, то съ другой стороны, въ защиту ея вкуса надо сказать то, что въ этомъ нѣсколько виноваты сами гг. артисты. Зная, что большинство ярмарочнаго населенія состоитъ изъ людей чисто-Русскихъ по вкусу и образованію, зная, что истинныхъ цѣнителей музыки въ этой огромной массѣ мало, что музыкальное образованіе не составляетъ удѣла каждаго даже просвѣщеннаго человѣка, зная все это, они бы должны были нѣсколько польстить національности, сойти съ своихъ котуриъ, дать средство понимать себя большинству, однимъ словомъ—или внести въ характеръ своей музыки Русскій элементъ (особенно, если артистъ самъ Русскій), или самымъ составомъ концерта, выборомъ пьесъ, заинтересовать, затронуть чисто-Русское сердце, не привыкшее еще, въ этомъ случаѣ, подчиняться приговору умствующей головы. Справедливость этого замѣчанія доказали концерты

Digitized by Google

Шуберта и Лазарева. Распространяться въ похвалахъ первому значило бы повторять сказанное уже сто разъ. Но что же вышло на дѣлѣ? Въ концертѣ Г. К. Шуберта залъ былъ, можно сказать, пустъ, тогда какъ у Лазарева онъ былъ полонъ, полонъ не знатоками ex professo, не педантами, а людьми, пришедшими послушать народной музыки, безъ претензій и вычуръ, а такъ, на распашку, по-русски.

Но вы скажете на это: для чего артисту популярность? для чего, въ угоду толпѣ, дѣлать изъ своего творческаго таланта забавную игрушку для профана?

Я не объ этомъ говорю. Не впадайте въ тривіальность, не унижайте своего таланта въ видахъ прибыли, а только старайтесь о томъ, чтобы васъ понимали.

Для чего природа вложила въ васъ этотъ божественный даръ? Не для того, чтобы, вы эгоистически курили ѳиміамъ сознаваемой вами идеи изящнаго, не для того, чтобы, на своемъ таинственномъ, загадочномъ языкѣ, вы говорили только съ прозелитами искусства. Нѣтъ, вашъ талантъ есть достояніе всѣхъ вашихъ современниковъ, всѣ они съ одинаковымъ правомъ потребуютъ отъ васъ каждый своего, и верхъ вашего торжества будетъ тогда, когда вы удовлетворите всякаго, прибѣгающаго къ вашему таланту съ цѣлію благороднаго наслажденія.

Покажите знатоку глубину вашихъ идей, изумите его геніально-неожиданными сочетаніями звуковъ, представьте передъ нимъ титаническую борьбу диссонанса съ гармоніею—и онъ пойметъ, оцѣнитъ васъ. Но не забудьте, что въ толпѣ вашихъ слушателей есть люди, которые, можетъ, еще лучше понимаютъ прекрасное, но понимаютъ его сердцемъ, безъ резонёрства, и для нихъ будьте понятны. Представьте имъ пластическую, наглядную сторону своего искусства, развейте передъ ними идею пьесы просто, послѣдовательно, натурально, а не дробите ее, не анализируйте такъ своенравно, не грозите ей совершеннымъ уничтоженіемъ въ ряду бурныхъ фантазій.

Тогда, повѣрьте мнѣ, вы будете любимцемъ не касты, а цѣлой націи.

Digitized by Google

Ярмарку посѣщали многіе замѣчательные артисты. Лѣтъ 8 тому назадъ, была здѣсь Англійская пѣвица, г-жа *Бишопъ*, которая въ своихъ концертахъ давала сценическія представленія: съ нею былъ арфистъ *Бокса*. Потомъ *Шубертъ*, который былъ два раза, *Грасси*, *Оноре*, молодой превосходный піанистъ *Рубинштейнъ*, изъ Русскихъ — покойный *Варламовъ*, *Дмитріевъ-Свѣчинъ* и *Аѳанасьевъ*. Г-жа Бишопъ пѣла, между прочимъ, Татарскія пѣсни, отъ чего поклонники Магомета были въ великомъ восторгѣ.

Театръ, кондитерскія etc.

Q. An saltem ludi prohibendi?
R. Non, nisi turpes, aut cum excessu fiant,
— — nè habeant, serò quod dicant:
Dives eram dudum, fecerunt me tria nudum,
Alea, vina, Venus: tribus his sum factus egenus.
Philos. p. IV s. Ethica.

Теперь мы выйдемъ изъ пассажа — вамъ, вѣрно, жарко и душно; освѣжимся ночнымъ воздухомъ. Небо усѣяно звѣздами, прохладный вѣтеръ дуетъ съ Волги. Повернемъ на право. Прямо въ глазахъ у васъ каналъ, черезъ который ведетъ мостикъ, а за нимъ ряды гостинницъ и балагановъ. Все это освѣщено прекрасно; безчисленные огоньки блестящею чертою окаймляютъ берега канала, и звѣздное небо, отражаясь въ водѣ вмѣстѣ съ освѣщеніемъ искусственнымъ, представляется дномъ какого-то чуднаго царства пигмеевъ, гдѣ все полно таинственной, непостижимой дѣятельности. Остановитесь не доходя до моста. Сзади у васъ ярмарочный гостинный дворъ, уже совершенно потонувшій во мракѣ, впереди рѣзвая картина трактирной и балаганной жизни. Со всѣхъ сторонъ долетаютъ до вашего слуха отдаленные звуки десятковъ оркестровъ; все это смѣшано съ народнымъ говоромъ, стукомъ экипажей, все это носитъ какой-то праздничный, карнавальный колоритъ. Мимо гостинницъ и кондитерскихъ, вы подходите къ театру. Пред-

Digitized by Google

ставленіе обыкновенно начинается въ 9 часовъ. Въ это время купцы только что оканчиваютъ дѣла свои, запираютъ лавки, и отправляются провести остатокъ вечера въ театрѣ.

На театральномъ крыльцѣ уже давно толпится народъ; кареты, коляски, дрожки съ своими species и varietates всѣхъ возможныхъ временъ и фасоновъ, останавливаются предъ дверьми ярмарочнаго одеона; дверка кареты отворится, на низенькую подножку встанетъ маленькая, хорошенькая ножка, прыгнетъ на крыльцо, и изчезнетъ за дверью, не давши вамъ налюбоваться узенькою пяткою. Вслѣдъ за каретой на лежачихъ рессорахъ, которой густой, ровный стукъ сладко раздается въ душѣ ея владѣльца, и непріятно шевелитъ слухъ обладателя высокой кареты прошлаго времени, кареты необъятной, громадной, теряющей вершину за облаками, — тянутся извощичьи дрожки, въ которыхъ какой-нибудь злой волшебникъ помѣстилъ отдѣленіе адскаго оркестра. Какъ ни ступитъ лошадь, и колеса, и оглобли, и каждый винтикъ зазвѣнятъ, завоютъ, желѣзо не ладитъ съ деревомъ, лѣзутъ врознь, хотятъ уничтожить другъ друга. Извощикъ терпѣливо переноситъ ссору двухъ элементовъ своего экипажа, изрѣдка только, сомнительнымъ взоромъ, посмотритъ на задъ на увитыя веревками рессоры; потомъ, какъ будто оставшись довольнымъ современнымъ положеніемъ этого утлаго челнока житейскаго моря, пріударитъ лошадку, но пріударитъ такъ, хладнокровно, въ полной увѣренности, что этотъ ударъ нисколько не измѣнитъ ея благоразумнаго шага.

На афишѣ стоитъ: *Любовный напитокъ*, опера Доницетти; актъ первый, *У страха глаза велики, или уберегъ, но надолго ли?* и *Зала для стрижки волосъ*.

Возьмемъ билеты въ кресла. Въ первомъ ряду цѣна по 1 р. 50 к. сер.

Театръ довольно великъ, свѣтелъ и чистъ; ложи открытыя; въ глубинѣ надъ ложами галлерея, которая очень помѣстительна; оркестръ удовлетворителенъ.

Театръ мало по малу наполняется; въ ложахъ появляются дамы хорошенькія, молоденькія, большею частію съ ярма-

Digitized by Google

рочныхъ обновахъ; между рядами креселъ видны городскіе и пріѣзжіе львы, франты дурнаго тона, снисходительные помѣщики, купцы съ бородами и безъ бородъ, со всѣми возможными прическами, изрѣдка пестрѣютъ шляпки модистокъ. Галлерея посѣщается преимущественно людьми разсчетливыми всѣхъ сословій, въ особенности купцами; тутъ же видны горничныя аристократки; въ райкѣ пролетаріи всѣхъ классовъ, поклонники дешевыхъ наслажденій.

Оркестръ играетъ увертюру. Меломаны слушаютъ ее съ важностію, бьютъ легонько тактъ, и въ лучшихъ мѣстахъ, показываютъ улыбку восторга; непосвященная въ таинства часть публики разговариваетъ, судитъ, рядитъ, лорнируетъ хорошее и дурное.

Увертюра кончена, занавѣсъ поднятъ. Вдругъ со всѣхъ сторонъ рукоплесканія. Цѣнители изящнаго отчаянно бьютъ въ ладоши; ихъ примѣру слѣдуетъ вся масса публики.

На сценѣ сельская картина: толпа крестьянъ и крестьянокъ, и впереди ихъ прекрасная Аддина, съ книгою въ рукѣ. Вотъ причина общаго восторга. Аддина дѣйствительно прекрасна: у нея большіе голубые глаза, обворожительный ротъ, жемчужные зубы. Она высока ростомъ, стройна и граціозна ammirabilmente. На ней коротенькое бѣленькое платье, отдѣланное голубыми лентами, на головѣ куаффюра изъ такихъ же лентъ.

O, qu'elle est belle! слышится въ креслахъ.

Опера начинается прекраснымъ хоромъ. Вскорѣ раздается и голосъ Аддины въ сольной партіи.

Что, если бы тебѣ, любезный читатель, случилось идти по горамъ поэтической Гельвеціи, и, гдѣ-нибудь между скалъ въ долинѣ, увидать живописную хижину, а передъ нею Аддину въ толпѣ хорошенькихъ крестьянокъ; что, если бы эта Аддина, своимъ звучнымъ голосомъ, спѣла тебѣ прелестную арію Доницетти, и пѣніе это далеко бы разнеслось между горами въ свѣжемъ, прохладномъ воздухѣ долинъ, что, если бы она была мила и любезна съ тобою κατ' ἐξοχήν? Не покинулъ ли бы ты свой сѣверъ, не переселился ли бы на берега Женевскія, чтобы съ прелестною пастушкою провести остатокъ прозаи-

Digitized by Google

чески-начатой жизни? Ubi bene, ibi patria, сказалъ бы ты въ убѣжденіе своего разсудка.

Теперь ты не въ Швейцаріи, но Аддина передъ тобою; она прелестна какъ юная природа, а голосъ ея сладокъ какъ признаніе въ любви. Но поѣзди же въ Гельвецію, добрый читатель: тамъ ты не найдешь такой Аддины!

Аддина, въ кругу простыхъ, безхитростныхъ, буколическихъ, пожалуй, поселянъ, считается умницею: она читаетъ книги, и *все знаетъ*. Оттого передъ нею всѣ благоговѣютъ, всѣ ея слушаются, уважаютъ ее. Но это не помѣшало одному крестьянину полюбить Аддину, полюбить нѣжно, горячо, но, увы, безнадежно. У него соперникъ—сержантъ, ловкій, смѣлый, увѣренный въ себѣ.

Сержантъ выходитъ на сцену, поднося букетъ Аддинѣ. Что можетъ быть очаровательнѣе аріи, которою онъ привѣтствуетъ свою возлюбленную. Ея волнообразный, убаюкивающій ритмъ созданъ, мнѣ кажется, при плескѣ горнаго потока, въ тѣни благовонной долины.—Сержантъ милъ и любезенъ, но слишкомъ самолюбивъ; Аддина имъ недовольна. Ее трогаетъ нѣмая страсть пастушка, который признается ей въ прекрасной, пластически-ясной аріи. Какъ ручей, съ которымъ онъ сравниваетъ свое сердце, она свѣжа и благотворна. Въ ней слышится голосъ чистой любви, полной преданности судьбѣ и какой-то тоскливой безнадежности.

Роль буффа, доктора Дулькомаро, выполнена прекрасно.

Послѣ окончанія перваго акта, долго публика оставалась подъ обаяніемъ послѣднихъ звуковъ голоса Аддины. Но пора нѣмаго восторга прошла, наступила пора критики.

— Она была сегодня неподражаема, сказалъ престарѣлый театралъ, съ зачесаннымъ вверхъ кокомъ,—я всегда говорю, эдакую пѣвицу хоть въ Петербургъ.

— И съ какимъ вкусомъ одѣта, прелесть!—замѣтилъ высокій юноша въ очкахъ.

— Впрочемъ таланты надобно разцѣнивать по отношенію къ мѣстнымъ способамъ. Эстетическое чувство абсолютно удовлетворено быть не можетъ; всякое, такъ называемое, совер-

Digitized by Google

шенство, есть ни что иное, какъ.... — Тутъ голосъ оратора былъ заглушенъ говоромъ выходящей изъ креселъ толпы.

— Игры много; вотъ что важно. Только знатокъ пойметъ, какъ рѣдко соединяется это съ талантомъ вокальнымъ.

— Infinimenl d'âme, infiniment d'âme!

— Пройдемся-ка по водочкѣ, Петръ Васильичъ, что-то холодно. Ну ужъ потѣшила, Богъ съ ней; не жалко цѣлковаго.

Публика, во ожиданіи второй пьесы, выходила изъ театра, съ цѣлію покурить, закусить, выпить или провѣтриться. Не подходящіе ни подъ одну изъ этихъ категорій остались лорнировать дамъ.

— Кто эта брюнетка въ букляхъ, на право?

— Это,—позволь—это пріѣзжая изъ Одессы; on la dit très-galante.

— Impossible!... такъ надо познакомиться.

— Это не полковница ли Жокарева, смѣю спросить-съ.

— Нѣтъ, мужъ ея негоціантъ.

— А то я думалъ-съ, что это полковница Жокарева, потому что у насъ въ полку былъ полковникъ Жокаревъ.

Сказавши это, воинъ съ довольнымъ видомъ сталъ крутить свой пигмеическій усъ.

Между тѣмъ, вышедшая изъ театра публика спѣшила подышать свѣжимъ воздухомъ, а вслѣдъ за тѣмъ, затянуться облаками дыма въ одной изъ кондитерскихъ.

Въ связи съ театромъ устроено Café restaurant Дмитріева и кондитерская Кемарскаго, а перейдя улицу, кондитерская Мишеля.

Здѣсь, посреди густыхъ облаковъ табачнаго дыма, вы увидите всѣхъ посѣтителей театровъ и балагановъ, пришедшихъ отдохнуть отъ впечатлѣній видѣннаго и слышаннаго, передать другъ другу свои мнѣнія, а главное—выпить и закусить.

Всѣ кондитерскія сходны между собою. Въ каждой буфетъ, уставленный графинами водки и тарелками съ сыромъ, балыкомъ, кильками и подобными псевдо-возбудителями человѣческаго аппетита, полки, заключающія въ себѣ всѣ аристокра-

Digitized by Google

тическія фамиліи винопроизводительнаго міра, трубки съ перышками, насаженными съ гигіеническою цѣлію, по стѣнамъ картинки, которыя были бы соблазнительны, если бы не были столь уродливы, и вездѣ дымъ отъ трубокъ, сигаръ, сигаретокъ, папиросовъ, пахитосовъ, табахитосовъ, дымъ неумолимый какъ кредиторъ, ѣдкій какъ сатира,... и всякія поэтическія и прозаическія уста вдыхаютъ его то съ упоеніемъ эпикуренизма, то съ циническою жадностію, то съ хладнокровіемъ пресыщенія. Узенькія струйки вьются, летятъ къ потолку, сливаются въ общую массу, разстилаются по полу и радостно вырываются въ растворенную дверь.

Престарѣлый театралъ съ кокомъ вошелъ къ Дмитріеву, съ жаромъ разговаривая съ какимъ-то существомъ, тотчасъ потонувшимъ въ волнахъ дымнаго моря.

Ну вотъ хоть бы нынѣче! Ну какъ же было не вызвать? Чортъ знаетъ, хлопаешь, никто не поддержитъ.... Человѣкъ, водки!

— Да вѣдь я бы радъ, но что же дѣлать? никто не симпатизируетъ, — отвѣчалъ тоненькій голосъ изъ-за облака.

— Не симпатизируетъ!... стали бы симпатизировать, если бы изъ своего кармана сдѣлали костюмы. Ты думаешь, чего мнѣ стоила эта опера, а?

— Не знаю.... робко отвѣчалъ голосъ невидимаго существа.

— То-то и есть, не знаешь. Полтораста рублей стоитъ мнѣ опера. Ну, теперь знаешь?

По всему было замѣтно, что театралъ былъ взволнованъ: онъ бросилъ нѣсколько папиросокъ, увѣряя, что онѣ не курятся, забраковалъ поданную ему рюмку водки, и съ особеннымъ ожесточеніемъ относился къ существу, таившемуся за волнами дыма.

Въ дверь вбѣжалъ искатель сильныхъ ощущеній, въ соломенной фуражкѣ, и бросился къ сидѣвшему въ углу испитому артисту.

— Ужъ наши-то уѣхали туда.... знаешь....

— Какъ уѣхали? да мы то чего же смотримъ?

Digitized by Google

— Да театръ-то еще не кончился. Мнѣ бы хотѣлось посмотрѣть Малиновскую.

— Вздоръ, братецъ, то важнѣе. У тебя есть извощикъ?

— Есть.

— Ну, такъ ѣдемъ.

Друзья вышли на крыльцо, сѣли на парнаго извощика, сказали ему что-то, и онъ, съ особенною энергіею, ударилъ по лошадямъ, какъ будто предвидя значительную поживу.

Вслѣдъ за тѣмъ, высокій юноша съ длинными русыми волосами, въ поношенномъ пальто, съ цинически-развязными манерами, медленно вошелъ въ дверь, трагически подступилъ къ сидѣвшему на диванѣ литератору изъ дворянъ, и сжалъ его въ объятіяхъ.

— Петровъ, какими судьбами? проговорилъ литераторъ, разжевывая бисквитъ, обмоченный въ пѣнѣ шеколада.

— Пріѣхалъ навѣстить тебя, мой Титиръ. Ну, что твой вѣтвистый букъ, твоя унылая свирѣль?

Литераторъ изъ дворянъ махнулъ рукою, и допилъ шеколадъ, какъ будто желая залить какую-то нѣмую тоску.

— Проза, carissime, проза! Я нынѣче сдѣлался серьёзнымъ, дѣловымъ человѣкомъ, смотрю на міръ иронически, бросилъ Теокрита, но не забылъ своего Мелибея.

При этомъ литераторъ изъ дворянъ протянулъ руку юношѣ-цинику.

— Возможно ли? Своенравный поклонникъ Піэридъ, не любившій подчиняться никакому догматизму, никакому авторитету, вдругъ сдѣлался дѣльнымъ, полезнымъ человѣкомъ. Не вѣрю, dearest, не вѣрю. Ἐπέχω καὶ οὐδὲν ὁρίζω, скажу вмѣстѣ съ Пиррономъ, не повѣрю до тѣхъ поръ, пока ты не разскажешь мнѣ своихъ похожденій; непремѣнно,—Geschichte deines Lebens, безъ того не отстану.

Литераторъ изъ дворянъ принялъ элегическую позу, велѣлъ мальчику подать два стакана пунша, и началъ. Долго, долго говорилъ онъ. Уже давно допитой стаканъ запѣнился полнымъ до краевъ, буфетчикъ записалъ уже довольно значи-

Digitized by Google

тельную цифру на счетъ ученыхъ друзей, а они все говорили, говорили съ жаромъ, одушевленіемъ....

Между тѣмъ въ сторонѣ—разговоръ болѣе практическій.

— Выпей, ну хоть еще рюмочку.

— Не могу-съ, уже достаточно—а впрочемъ развѣ для бодрости?...

— Ну, конечно. Эй, малый, дай-ка еще этой-то вотъ, задорной.

Подали графинъ какой-то адской водки. Подчующій и подчуемый сѣли за столъ, хотѣли-было что-то сказать другъ другу, но промолчали, краснорѣчиво поглядывая на стоящій передъ ними графинъ.

Между тѣмъ въ театрѣ шла и отошла вторая пьеса. Публика хохотала, хлопала, вызывала.

Оркестръ сыгралъ двѣ-три польки, занавѣсъ поднялся, и передъ глазами зрителей явилась внутренность salon pour la coupe de cheveux Вндаля, и самъ поклонникъ филокоміи въ черномъ фракѣ, pantalon colant, башмакахъ, съ раскаленными щипцами въ рукѣ и готовымъ комплиментомъ на устахъ. Пьеска идетъ очень удачно. Она оканчивается миніатюрнымъ баломъ, на которомъ вы видите четыре типа дансёровъ Французскаго цинизма, Нѣмецкой наивности, полу-Русской чопорности и чисто-Русской недоученой веселости.

Театръ кончился. На крыльцѣ толпа. Отвсюду подаются экипажи, и въ разныхъ направленіяхъ развозятъ полу-сонную публику. Группы пѣшеходовъ завершаютъ процессію.

— Поѣдемъ слушать цыганъ, сказалъ гулливый помѣщикъ высокому гусару съ рыжими усами, который въ раздумьи стоялъ на подъѣздѣ, считая, что слишкомъ было бы рано отправиться домой.

— Прекрасная идея! гдѣ они сегодня?

— У Веренинова. Эй, извощикъ!

— Да вотъ, я думаю, и Петръ Васильичъ не прочь будетъ отъ нашей компаніи.

Слова эти относились къ низенькому старичку съ смѣющейся

Digitized by Google

физіономіей, который въ это время заносилъ ногу въ дрожки, съ благочестивымъ намѣреніемъ ѣхать домой.

— Нѣтъ, ужь поздно. Притомъ же жена нездорова, сказалъ онъ нерѣшительнымъ голосомъ.

— Э, полно, что за отговорки, такъ ли въ старые годы живали! Ну, ѣдемъ что ли, дружище!

Старичекъ, убѣжденный доводами усатаго Демосѳена, какъ будто нехотя согласился, и отправился вслѣдъ за гусаромъ и помѣщикомъ, разсчитывая, между тѣмъ, что женѣ можно будетъ сказать, что театръ прошелъ до разсвѣта, что это несносно, и что впередъ уже никогда не поѣдетъ.

Скоро дрожки нашихъ героевъ остановились передъ яркоосвѣщенною гостинницею. Друзья медленно вошли на крыльцо, небрежно отвѣтили на поклонъ буфетчика и лакеевъ, заглянули въ сосѣднюю залу, и поднялись по лѣстницѣ въ верхній этажъ. Здѣсь почти никого не было изъ посѣтителей; только въ сторонѣ сидѣла группа цыганъ, пившихъ чай.

При видѣ этихъ смуглыхъ лицъ, усы гусара конвульсивно подернулись, помѣщикъ съ какою-то отвагою забросилъ назадъ свои кудри, глаза старичка покрылись масломъ.

— Наташа, Маша, Любаша! вскричалъ гусаръ, вглядываясь поочередно въ лица смуглянокъ; вотъ, чортъ возьми, славная встрѣча. Недѣлю назадъ слушалъ я васъ въ Москвѣ, и теперь опять я съ вами. У меня какъ будто сердце чуяло. Ну, что жъ вы встали? Обнимите стараго воина, прижмите его къ ретивому понѣжнѣе, да спойте ему пѣсенку любимую, удалую. Эй, человѣкъ, шампанскаго дорогимъ пѣсельникамъ. Да чтобъ остановки не было. Весь погребъ сюда на сцену.

Цыганки окружили стараго кутилу, заговорили съ нимъ про Москву, про послѣднія гуляпья, про вновь сложенныя пѣсни.

— А что же Стеши не видно, моей милой Стеши?

— Она больна, осталась въ Москвѣ.

— Эхъ, жаль. Вотъ дѣвушка, прелесть, сказалъ онъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ,—что глаза, что ротъ! а голосъ.... у! да что и говорить. — Ну-ка, потѣшьте меня, какъ бывало въ старые годы, затяните веселую.

Digitized by Google

На верхъ взошли нѣсколько цыганъ, и весело поклонились старому знакомому. Гитары настроены, стаканы налиты. Вотъ раздался звонкій голосъ Любаши, замлѣлся, потонулъ въ какой-то безднѣ нѣги и огня, и потомъ снова, какъ стонъ сладострастія, вырвался наружу, хватая за сердце, повертывая его какъ игрушку; вотъ снова замеръ онъ, и исчезъ въ бакхическомъ аккордѣ хора. Какъ море бушуютъ звуки, неистово стараются покрыть другъ друга; никакого ритма, повидимому, нѣтъ въ этомъ хаотическомъ хорѣ. Что ни нота, то крикъ, вздохъ, ропотъ, стенаніе. Гдѣ же тутъ музыка? Но отчего же вы такъ жадно прислушиваетесь къ этой бурѣ чувствъ, отчего же вы задерживаете дыханіе, боясь пропустить едва замѣтный звукъ переводимаго голоса, отчего каждый взрывъ этого волкана страсти находитъ родную струну въ вашемъ сердцѣ, и такъ мощно потрясаетъ ее? Тутъ говоритъ чувство свѣжее, неистраченное чувство, страсть, изношенная, растерянная вами по пути безцвѣтной жизни, сама природа вѣщаетъ намъ здѣсь на своемъ понятномъ языкѣ, въ укоръ изысканности теорій, отуманивающихъ голову, изсушающихъ сердце, всегда готовое, при первомъ случаѣ, отозваться на знакомый, не забытый еще, голосъ чувства. Не разъ любовался я тобою, свободный, разгульный таборъ, не разъ восхищался выразительными лицами твоихъ дѣтей, ихъ огненнымъ, полнымъ нѣги взоромъ, стройнымъ, гибкимъ станомъ, вѣчно-беззаботною улыбкою на коралловыхъ устахъ твоихъ смуглыхъ красавицъ.

Я люблю тебя, разгульная каста, люблю не какъ загадку для этнографа, не какъ отродье древнѣйшей изъ націй въ мірѣ, такъ чудно передавшей свой типъ своимъ потомкамъ черезъ цѣлыя тысячелѣтія. Я люблю тебя за твои пѣсни, за твои чудныя, страстныя пѣсни. Слушая ихъ, я забываю сухую, пошлую дѣйствительность, въ какомъ-то нѣмомъ восторгѣ я ловлю каждый звукъ этой бакхической музыки, — и трудно, тяжело оторваться отъ этой искусительной чаши. Прильнулъ бы къ ней жадными устами, и до конца бы выпилъ эту жгучую отраву.

Посмотрите на самихъ пѣвцовъ: — съ какимъ чувствомъ, съ

Digitized by Google

какою энергіею они поютъ каждую пѣсню. Взгляните на эту гордую осанку, на этотъ пламенный взоръ, на эти свободныя движенія, представляющія часто самый смѣлый гроттескъ, тѣмъ болѣе привлекательный, что онъ совершенно натураленъ: онъ есть отраженіе души, предающейся чарующему восторгу.

Помѣщикъ забылъ объ агрономіи и хозяйственныхъ разсчетахъ, и щедрою рукою вынималъ изъ бумажника кредитные билеты. Онъ жадно затягивался поданною ему трубкой, и, пуская кольца дыма, старался надѣвать ихъ на стоявшій передъ нимъ стаканъ шампанскаго.

Старичекъ взиралъ на дщерей Азіи какъ на запрещенный плодъ. Онъ помянутно улыбался, барабанилъ пальцами по столу, и дѣлалъ въ умѣ какія-то невыгодныя для своей супруги сравненія.

Гусаръ оперся на обѣ руки, и пристально глядѣлъ на разгульную группу. Лицо его горѣло отъ восхищенія; на усахъ, какъ два бриллианта, блестѣли капли рёдерера.

Уже все приняло въ его глазахъ какой-то фантастическій характеръ; всѣ предметы окрасились волшебнымъ розовымъ цвѣтомъ. Очаровательное пѣніе, огненные взоры красавицъ, ихъ сладострастныя движенія, упоительный жаръ, разлитой въ жилахъ жгучими струями рёдерера, все это слилось для него въ какой-то чудный, обольстительный рядъ непрерывныхъ восторговъ. Какъ будто эти облака дыма, эта атмосфера, полная какого-то бакхическаго зноя, совсѣмъ скрыли отъ него бѣдную землю съ ея несчастіями, неудобствами и лишеніями и вѣчно одинакою, пошлою физіономіей. Онъ забылъ объ этой скучной планетѣ, которая даетъ человѣку наслажденія по каплѣ, записывая каждую изъ нихъ на длинный счетъ его благосостоянія и репутаціи, и выговаривая, за-одно съ неумолимою смертію, страшные проценты съ расточительнаго субъекта; онъ парилъ теперь въ какое-то надземное царство вѣчной нѣги и наслажденія; цѣлое море упоенія представлялось его жадным взорамъ, и онъ въ изступленіи глоталъ его жгучія волны.

Digitized by Google

The moment night with dusky mantle covers
The skies (and the more duskily the better).
Byron.

Оставимъ нашихъ пріятелей въ этомъ чаду восторга, вырвемся изъ знойной сферы наслажденія и спокойнымъ окомъ пытливаго наблюдателя взглянемъ на все пространство ярмарки съ ея многообразными принадлежностями.

Звѣзды уже потухаютъ на небѣ, свѣжій вѣтерокъ возвѣщаетъ утро; огни постепенно гаснутъ въ окнахъ гостинницъ и домовъ. Все стихаетъ. Изрѣдка только запоздалый полусонный извощикъ проѣдетъ по улицѣ, и стукъ его дрожекъ глухо отдается между каменными рядами лавокъ, какъ будто въ укоръ гулливому человѣчеству, превращающему ночь въ день, а день въ ночь, и заставляющему, вмѣстѣ съ собою, насиловать природу бѣдную лошадь, непремѣнное условіе своихъ гедопическихъ экскурсій. За то, съ какимъ негодованіемъ смотрятъ, я думаю, потомки пегасовъ и букефаловъ на преуспѣяніе меркатильности, и только изобрѣтеніе Фультона, избавившее тысячи изъ нихъ собратій отъ безпрерывнаго головокруженія, примиряетъ ихъ съ плодами цивилизаціи.

Въ лавкахъ въ это время, уже огни погашены, и тысячи торговцевъ, отъ милліонера до мелочнаго разнощика, покоятся крѣпкимъ сномъ послѣ дневныхъ трудовъ своихъ.

Что витаетъ надъ головами вашими въ эти минуты краткаго покоя, многочисленные представители Русскаго промышленнаго сословія? Не рисуетъ ли вамъ фантазія картинъ всѣхъ странъ, щедро наполнившихъ своими произведеніями полки вашихъ лавокъ? Не слышится ли кому-нибудь изъ васъ ревъ сѣвернаго медвѣдя, сердито вздымающаго глыбу пушистаго снѣга у входа въ свою берлогу? Налитыми кровью глазами, онъ смотритъ на шкуры своихъ братьевъ, подруги своей угрюмой жизни, превратившіяся въ щегольскую шубу, и жалобно раздается ревъ его у одинокой берлоги. Не представляется ли кому-нибудь изъ васъ картина далекаго моря? Кроткій тюлень выставляетъ грустное лицо поверхъ плывущей льдины,

Digitized by Google

разсѣянно смотритъ въ даль, и напрасно ищетъ любимаго товарища. Давно уже не встрѣчалъ онъ его въ синемъ лонѣ холоднаго, равнодушнаго моря, и на вопросы его, трущіяся другъ о друга льдины вѣщаютъ о неизмѣнномъ законѣ прехожденія. Какъ страшныя орудія пытки, представляются ему ряды ящиковъ, на которыхъ растянуты истерзанныя кожи милыхъ его сердцу. Они блестятъ, ерошатся между рядами гвоздей, неумолимо приковавшихъ ихъ къ произведенію человѣческой прихоти, и часто, часто вспоминаютъ о пріятныхъ минутахъ, проведенныхъ на днѣ океана. Долго смотритъ одинокій тюлень на синѣющія у горизонта волны, слезы катятся у него изъ глазъ, и съ стукомъ падаютъ на обледенѣлую грудь. Что ему за дѣло, что члены его семьи, друзья его дѣтства согрѣваютъ желудки тысячей людей, что они необходимые спутники ѣдущаго всѣми путями человѣчества, что ему эти почести, эта важная роль, которую они играютъ? Теперь онъ не встрѣтитъ знакомаго лица, все перемѣнилось, порода ихъ обмелѣла тѣломъ и духомъ, и грустно ему, глядя на свои сѣдины, вспомнить, что у него не будетъ потомства. Слезы сыплются изъ глазъ несчастнаго старца, и затѣйливо кристаллизируются на матовомъ фонѣ снѣга. Но, вотъ, поверхность земли раскрывается; вы спускаетесь въ ея нѣдра. Мрачные своды пересѣкаютъ тамъ другъ друга; влажный, удушливый газъ скопляется въ этихъ вмѣстилищахъ. Норы глистовъ, червей и боящихся дня четвероногихъ пронизали пласты глины и чернозема. Быстрые ручьи льются въ разныхъ направленіяхъ по скрытымъ ложамъ, съ шумомъ впадаютъ въ рѣки и озера, закованныя въ гранитныя массы, и подъ-часъ, въ видѣ фонтановъ, выбиваются на свѣтъ Божій, гдѣ, журча и играя при лучахъ яркаго солнца, текутъ по мягкому лугу. Сладострастно обнимаютъ они зеленые стебельки цвѣтовъ, попадающихся на пути, и рѣзво прыгаютъ по разноцвѣтнымъ ступенямъ каменистаго русла. А вотъ, тянется длинная жила руды, цѣпкими клещами захватившей громадныя подземныя пространства. Она какъ будто боится жадности человѣка; она предвидитъ, что ее скоро оторвутъ отъ роднаго, десятками

Digitized by Google

вѣковъ укатаннаго ложа, перекуютъ, переплавятъ, наложатъ на нее клеймо прихоти и тщеславія, и въ какой-то непонятной, причудливой формѣ, выставятъ на показъ холодно испытующему взору практически-настроеннаго человѣчества.

Тускло блеститъ алмазъ на темномъ днѣ подземной глубины. Онъ одѣтъ въ плотную кору, нѣжится въ уютномъ уголкѣ, доставшемся ему при довременномъ переворотѣ земнаго шара, когда горы, падая и раздавливая горы, открывали цѣлыя моря подъ земною толщею, и когда неизмѣримые волканы, раскаливъ нашу планету, изорвали, изтерзали ее, погнали воды на горы, на мѣстѣ безднъ взгромоздили Эльбрусы, Давалагири и Шимборазо, и, преобразовавъ всю поверхность земную, загадали трудную загадку геологу просвѣщеннаго вѣка, который тщетно вглядывается въ вѣковыя раны страждущей планеты, и отыскиваетъ причину ея необъяснимой болѣзни. Но и тебя достанутъ, блестящая слезка чувствительной нѣкогда земли, разколютъ твою теплую одежду, обсѣкутъ все, что напоминаетъ тебѣ твою безвѣстную жизнь, и заковавъ въ золотыя цѣпи, поведутъ къ алтарю роскоши и барыша. И вотъ, ты вдѣлана въ блестящій фермуаръ. Вмѣстѣ съ вереницею крупныхъ жемчужинъ, поднятыхъ на днѣ океана, ты связана въ одно богатое ожерелье. Вы лежите на бѣлой, какъ мраморъ, обольстительной, какъ взглядъ непритворной любви, шеѣ красавицы. Тысяча взоровъ устремлены на васъ, дѣти подземнаго царства, тысяча взоровъ какъ будто волшебствомъ прикованы къ вамъ. Но не обольщайтесь—не вы причины общаго восторга, не вы магнитный полюсъ для способной чувствовать касты человѣчества. Не ослѣпительные переливы твоихъ призматическихъ огней, бѣдный алмазъ, не матовая, розовая бѣлизна драгоцѣнныхъ перловъ заставляютъ такъ прогрессивно биться еще юныя, свѣжія сердца не отжившаго поколѣнія людей. Роскошныя формы воздымающейся отъ полноты чувствъ груди, нѣжно-голубые контуры античной шеи, огненный взглядъ, брошенный будто на удачу изъ-подъ темныхъ ресницъ—вотъ что влечетъ всѣхъ къ вамъ, богатыя рамы прелестной картины, тѣмъ рѣзче выдающей красоты свои, чѣмъ

Digitized by Google

болѣе вы стараетесь своимъ бездушнымъ оптическимъ блескомъ затмить искру разгорающагося подъ тугимъ корсетомъ этикета и приличій, чувства. И всѣ царства природы, всѣ края пространной земли имѣютъ здѣсь своихъ представителей, породы людей всѣхъ цвѣтовъ и типовъ, различествуя въ убѣжденіяхъ и вѣрованіяхъ религіозныхъ и политическихъ, съ одинаковымъ рвеніемъ служатъ идеѣ прибыли, признаютъ ее, эту идею, за одинъ изъ могучихъ двигателей человѣческой дѣятельности, и отвсюду несутъ разнообразныя произведенія къ многочисленнымъ фокусамъ эллиптически-растяжимаго торговаго міра.

Извощики—необходимое условіе вашихъ поѣздокъ на ярмарку, если у васъ нѣтъ своего крѣпкаго экипажа и здоровыхъ лошадей. Если ваша карета или дрожки покрылись почтенными сѣдинами, если ваши лошади стали задумываться и размышлять о суетѣ мірской, то не прерывайте ихъ благочестивыхъ думъ, а берите извощика. Извощики очень гуманны на ярмаркѣ. Изъ города до ярмарочнаго театра, за пролетки, вы заплатите четвертакъ, очень покойно проѣдете по шоссе, идущему вдоль нижняго базара, потомъ по длинному мосту, изрѣдка вздрагивающему подъ ударами тысячей ногъ, копытъ и лапъ, въ обуви всѣхъ сортовъ и безъ оной, подъ колесами, смазанными мазью, саломъ, дегтемъ и пылью, и, вслѣдъ за тѣмъ, вы очутитесь на ярмаркѣ, между рядами лавокъ, обозовъ, толпами продавцовъ и покупателей.

Преуспѣяніе человѣческой мудрости, желаніе сблизить людей другъ съ другомъ, развить общественность (я не хочу подозрѣвать другой цѣли), породили въ Нижнемъ, на время ярмарки, омнибусы. Это родъ крытой линейки, запряженной четырьмя лошадьми съ кондукторомъ, вооруженнымъ громогласною трубой. На задней сторонѣ этого omnibus доступнаго экипажа, въ оправданіе его названія, вы видите надпись: цѣна 10 коп. сер. Десять копѣекъ изъ города на ярмарку, или обратно! Да это, просто, даромъ! Вы садитесь, и что же? Возлѣ васъ хорошенькое существо въ образѣ гризетки, съ кар-

Digitized by Google

томъ, въ которомъ, вѣрно, шляпка или чепчикъ. Но дѣло не въ картонѣ. На дворѣ вѣтрено. Вслѣдствіе этого, платокъ, покрывающій шейку хорошенькаго существа, развѣвается по воздуху; шейка становится видиѣе. Существо поправитъ платочикъ, но такъ, что новая часть шейки предстанетъ любопытнымъ взорамъ. Въ это время на дорогѣ неровность. Омнибусъ безъ рессоръ, потому толчокъ довольно чувствителенъ. Въ испугѣ, хорошенькое существо хватаетъ васъ за руку. Въ предупрежденіе подобныхъ несчастій, вы подвигаетесь ближе къ картону, поддерживаете его рукою. Подъ картономъ рука ваша встрѣчаетъ ручьку, ненарочно жметъ ее. Вслѣдъ за этимъ, новый толчокъ, новое пожатіе рукп. Совершенно растерявшись, вы произносите какое-то нескромное слово. Вамъ отвѣчаютъ молчаніемъ, потомъ фразою: «какъ можно!», произнесенною нетвердымъ голосомъ. Вы остаетесь довольными. Достигнувъ цѣли путешествія, вы выходите, и идете вслѣдъ за картономъ, боясь за участь шляпки или чепчика, претерпѣвшихъ столько толчковъ и возбудившихъ тѣмъ ваше состраданіе.

Между тѣмъ, пока вы играли роль защитника слабыхъ, вокругъ васъ происходили маленькія драмы и водевили житейскія. Тутъ жена бранила шопотомъ, переходившимъ часто въ крикъ, своего мужа за мотовство, состоявшее въ ежедневномъ посѣщеніи трактира, гдѣ онъ игралъ на билльярдѣ на пиво. Тутъ грозный мужъ обѣщался поколотить какого-то франта за то, что сей послѣдній совершенно нечаянно, какъ увѣряла жена, попалъ къ ней въ спальню, ошибясь дверью. Тутъ восхищались нѣкоторые, выторговавъ у купца, сверхъ чаянія, полтинникъ; другіе вздыхали, потому что истратили больше, чѣмъ ожидали. А омнибусъ все это время ѣхалъ, не обращая вниманія на разнородные интересы своихъ пассажировъ, и кондукторъ, завидя задыхающагося отъ жара пѣшехода, гостепріимно манилъ его подъ сѣнь этого ковчега, плывшаго по сыпучимъ волнамъ всюду-проникающей пыли. Но пѣшеходъ, вслѣдствіе какихъ-то экономическихъ соображеній, махалъ отрицательно рукою, и съ сожалѣніемъ глядѣлъ на удаляющуюся доску съ надписью: цѣна 10 коп. сер.

Digitized by Google

Самолюбіе есть одна изъ господствующихъ страстей въ человѣкѣ. Будь онъ богатъ или бѣденъ, хорошъ или дуренъ, счастливъ, или несчастливъ, самолюбіе привьется къ нему, овладѣетъ имъ, и всегда выразится ясно, наглядно, сообразно съ его положеніемъ въ обществѣ. Намъ недовольно того, что мы неразлучны съ своимъ *я*, что мы во всякомъ зеркалѣ, во всякомъ катоптрическомъ тѣлѣ, видимъ свою физіономію, иногда, правду сказать, очень не красивую,—нѣтъ, мы желаемъ имѣть повтореніе той же физіономіи на стѣнѣ, на письменномъ столѣ, въ медальонѣ, въ браслетѣ etc. И въ этомъ случаѣ, какъ я уже сказалъ, самолюбіе проявляется сообразно съ общественнымъ положеніемъ человѣка. Деспотъ восточный выливаетъ свой образъ изъ золота и мѣди, въ громадномъ размѣрѣ, въ угрожающей позѣ *для* строптивыхъ подданныхъ. Левъ нашего вѣка принимаетъ самый байроническій видъ, лишь только упадетъ на него копирующій взглядъ живописца. Воинъ, съ особою отвагою, опирается на свою саблю, и грозно смотритъ на анти-марціальную половину человѣческаго рода. Франтъ долго приглаживаетъ волосы, и поправляетъ складки новаго жилета. Педантъ принимаетъ глубокомысленную физіономію, какъ будто рѣшаетъ судьбу Европы. Кутило ex professo держитъ папироску, и допиваетъ стаканъ шампанскаго. Сентиментальная дѣвица непремѣнно съ птичкой, цвѣточкомъ, или развернутымъ письмомъ, молодая вдова съ ищущимъ кого-то взоромъ. Всякій выражаетъ свою любимую привычку, свою idée fixe, считая ее непогрѣшительною.

Но самолюбіе, проявляющееся въ желаніи имѣть свой портретъ, бываетъ двухъ родовъ: первое, когда мы снимаемъ его для себя, для того, чтобы постоянно любоваться своею физіономіей; это признакъ грубаго самолюбія, черта неразвитаго ума; второе, когда мы снимаемъ портретъ для другихъ—шагъ впередъ на пути образованности. Наконецъ, когда мы желаемъ имѣть передъ собою милый образъ, хотя въ слабомъ оттискѣ той одушевленной красоты, которая присуща ему въ натурѣ, когда цѣль наша состоитъ въ забвеніи всѣхъ порочныхъ склон-

Digitized by Google

ностей при созерцаніи прелестнаго облика, самолюбіе изчезаетъ, и дѣятельная объективная любовь заступаетъ мѣсто холоднаго любопытства и тщеславія.

На двухъ концахъ моста, перекинутаго черезъ каналъ, стоятъ два балагана съ вывѣсками: Дагерротипные портреты. Одинъ изъ нихъ Пейхеца, а другой Александровскаго. При входѣ въ комнату дагерротиписта, вы увидите десятки портретовъ разныхъ величинъ и форматовъ; каждый изъ нихъ такъ отчетливъ, такъ точно-индивидуаленъ, что смотришь съ удовольствіемъ на незнакомую и часто безобразную физіономію, какъ будто чародѣйствомъ перенесенную на эту блестящую пластинку.

Если вы желаете имѣть удачный, со вкусомъ снятый портретъ, то ступайте къ г. Пейхену. Онъ посадитъ васъ подъ открытымъ небомъ у хорошенькаго столика, дастъ вамъ, по возможности, граціозную позу, если вы отъ природы не любимецъ харитъ, нѣсколько секундъ велитъ вамъ смотрѣть на одну точку, и потомъ скажетъ вамъ, что портретъ готовъ. Вы съ любопытствомъ подойдете къ досечкѣ, которую онъ вамъ покажетъ, подвергнувъ ее прежде какому-то химическому процессу. На другой день вы берете портретъ, дарите его.... ну кому бы то ни было, и получаете въ награду поцѣлуй, или, можетъ быть, нѣчто лучшее.

CONCLUSIO.

I non mean to be serious;—it is time.
Don Juan, canto XIII.

Ярмарочный гостиный дворъ выстроенъ чрезвычайно регулярно. Главная часть его расположена въ видѣ прямыхъ корпусовъ, идущихъ отъ главнаго дома къ собору, и пересѣкаемыхъ проулками. Со стороны собора, онъ замыкается китайскими лавками, выстроенными во вкусѣ утвердившейся на срединѣ націи, а съ противоположной стороны поперечнымъ кор-

Digitized by Google

пусомъ, образующимъ съ главнымъ домомъ пространную площадь. Ряды сундучный, москатильный, винные балаганы—деревянные.

Любимое мѣсто прогулокъ ярмарочной публики есть модный рядъ, занимающій средину между другими. Здѣсь по улицѣ устроенъ бульваръ, убитый щебнемъ и обсаженный кустарниками. Зеленыя лавочки, стоящія по обѣимъ сторонамъ, служатъ для отдохновенія гуляющимъ.

И чего, чего нѣтъ въ этомъ модномъ ряду! Сколько соблазновъ для любящихъ рядиться кавалеровъ и таковыхъ же дамъ! Все, начиная отъ дорогихъ фермуаровъ, браслетовъ, французскихъ шелковыхъ матерій, до ботинокъ, перчатокъ, шпилекъ, булавокъ, отъ великолѣпнаго бурнуса до граціозной куаффюрки, отъ богатыхъ бронзовыхъ часовъ до часовъ маленькихъ, которые владѣтельница ихъ вѣшаетъ на шателенку, прицѣпленную къ упругому корсету; всѣ бездѣлушки для стола, статуэтки, препараты косметическіе — все это заставляетъ не рѣдко разбѣгаться хорошенькіе глазки, заставляетъ биться закованные въ корсетъ сердечки. Съ другой стороны, чудовищныя пальто всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ, пестрые cache-nez, эксцентрическія фуражки, тросточки, плюши, казимиры, разнообразные какъ кожа хамелеона, трико, картинки и каррикатурки, смертоносное оружіе, гибкіе бичи, лакированные и прюнелевые сапоги, сапожки и ботинки, башмаки, туфли, пестрые какъ ярмарочная жизнь, широкіе и располагающіе къ лѣгѣ какъ стихъ Гафиза, халаты,—все это прельщаетъ другую половину ярмарочнаго населенія.

Нижегородская ярмарка, имѣвшая колыбелью страну востока и міръ монгольскій, по мѣрѣ движенія своего на западъ, болѣе и болѣе утрачивала азіатскій характеръ, усвоивая себѣ съ каждымъ годомъ видъ европейскаго торжища. За то теперь Персіяне, Армяне, Бухарцы—гости, а не хозяева, не корифеи ярмарки и ея дѣятельности. Теперь восточный житель пріятно разнообразитъ своимъ костюмомъ торговую толпу, а не составляетъ основу этой меркатильной картины, и баранья шапка, чалма, бѣлая войлочная шляпа на бритой головѣ

Digitized by Google

правовѣрнаго живописно мелькаютъ посреди шляпъ полрковыхъ черныхъ съ подхватцомъ и безъ подхватца, съ лентами, павлиными перьями, пряжками, и безъ этихъ аттрибутовъ франтоватаго крестьянина, между шапками и картузами рабочаго класса, мѣщанъ и мелкихъ торговцевъ.

Попавши въ сердце Россіи, ярмарка должна была обрусѣть въ своихъ отправленіяхъ. Это замѣтно какъ въ ходѣ торговли, такъ и въ пріемахъ русскаго купеческаго сословія. Съ одной стороны, мѣна товара на товаръ, характеризующая торговлю азіатскую, и доказывающая вообще неразвитость меркантильныхъ началъ, уступила мѣсто покупкѣ на чистыя деньги и въ кредитъ, съ другой стороны, не осталось и слѣдовъ той лѣни, той неподвижности, которая не покидаетъ восточнаго купца даже среди его торговыхъ занятій. Ее замѣнило русское проворство, русская готовность угодить, услужить, пріобрѣсти поболѣе покупателей. Эта наклонность, проистекающая, можетъ быть изъ славянской добродѣтели—гостепріимства, выражается въ привычкѣ *зазывать*, *закликать* покупателей, исчисляя передъ ними всѣ товары, наполняющіе ту или другую лавку. Но хорошо еще, если вы найдете въ рекомендуемой лавкѣ все, что назвалъ вамъ сей-часъ закликало, увѣряя, что у нихъ все гораздо дешевле и лучше, чѣмъ у другихъ. А то бываетъ и такъ, что многое высчитывается номинально, по старой памяти, по рутинѣ,—и если вы, услыхавши, что тутъ есть самый лучшій гроденапль, войдете въ лавку, и спросите гроденаплю, вамъ отвѣтятъ ни сколько не смѣшавшись: «гроденаплю никакъ нѣтъ-съ; сей-часъ былъ, но весь купленъ; впрочемъ есть очень хорошій атласъ; онъ будетъ прочнѣе и наряднѣе.» За этимъ слѣдуютъ доказательства, что вамъ гораздо лучше купить атласу. Что дѣйствительно не корыстолюбіе, не одно желаніе прибыли, заставляетъ иныхъ купцовъ такъ настойчиво просить въ свою лавку, доказывается тѣмъ, что, если вы очень торгуетесь, то вамъ уступаютъ вещь не рѣдко за свою цѣну, лишь бы не отпустить васъ съ пустыми руками, а иногда идутъ за чѣмъ-нибудь за полверсты, въ другую лавку, желая непремѣнно продать вамъ у

Digitized by Google

себя. Въ этомъ, какъ-будто, заключается point d'honneur нашего купечества. Конечно, эта черта сохранилась только между купечествомъ чисто-русскимъ по нравамъ и образованію; какъ всякій обычай, усвоенный большинствомъ, конечно и она разумна, и, можетъ быть, относительно необходима. Между тѣмъ, вліяніе западной цивилизаціи произвело то, что привычка зазывать мало по малу оставляется, и можно думать, что наши купцы скоро найдутъ въ своихъ пріемахъ золотую средину, избѣгнувъ двухъ крайностей — угрюмости и флегматизма Англичанъ и прежней излишней наклонности къ услужливости.

Вотъ, любезный читатель, физіологическій очеркъ Нижегородской ярмарки, которымъ я хотѣлъ познакомить тебя съ ея различными сторонами. Цѣль моя была показать, что наша ярмарка, кромѣ важности торгово экономической, представляетъ интересъ вообще для наблюдательнаго ума, и удовлетворяетъ, по возможности, ищущаго разнообразныхъ впечатлѣній человѣка. Для собственнаго убѣжденія, пріѣзжай на ярмарку, вглядись въ нее окомъ безпристрастія, и если ты не согласишься со мною, то, значитъ, я ошибся.

Въ свое извиненіе скажу тогда, во-первыхъ:

Errare humanum est,

во-вторыхъ:

Dulce est *desipere* in loco.

Digitized by Google

СЦЕНЫ ИЗЪ МЕХИКАНСКОЙ ВОЙНЫ 1811 ГОДА.

Солдатъ Курено (*).

Дорога отъ Гвадалахара до Тепика идетъ черезъ Сіерру Мадре. Тамъ, въ этой цѣпи каменистыхъ горъ, то высоко поднимающихъ свои острые верхи, то раздѣляющихся узкими шероховатыми ущеліями, остались неизгладимые слѣды послѣдней войны Мехиканцевъ съ Испанцами. Я нетерпѣливо желалъ видѣть эту любопытную часть Мехики; товарищъ мой, капитанъ Донъ-Руперто, спѣшилъ не меньше моего къ этимъ мѣстамъ, гдѣ, въ молодости, онъ провелъ столько дней и столько ночей, обильныхъ приключеніями. Несмотря на то, не прежде какъ послѣ двухъдневнаго путешествія отъ деревни Ахдахатланъ, при выѣздѣ изъ долины Санта-Изабела, увидѣли мы голубоватыя вершины Кордильеровъ, рисующіяся на горизонтѣ, какъ зубчатые городки кружева. Съ этой минуты мы ускорили бѣгъ нашихъ коней, и черезъ нѣсколько часовъ ѣзды, по дорогѣ, извивающейся между огромными деревьями, достигли наконецъ бамбуковой хижины, которая стояла не вдалекѣ отъ горъ, и которую капитанъ Руперто заранѣе назначилъ мѣстомъ нашего отдыха.

— Гей! Курено! — закричалъ онъ, останавливая свою лошадь передъ хижиной; — живъ ли ты?

— Кто тамъ! — спросилъ какой-то разбитый, дребезжащій голосъ изъ хижины.

— Я, капитанъ Кастаносъ, *con mil diabolis*! — отвѣчалъ капитанъ, — тотъ, кто приставлялъ фитиль къ пушкѣ, подъ которой ты былъ лафетомъ.

(*) *Курено* значитъ пушечный лафетъ. Солдатъ Курено—то же, что солдатъ-лафетъ.

Digitized by Google

Страшная фигура показалась на порогѣ хижины. Это былъ старикъ, изуродованный ужаснѣйшимъ образомъ, у котораго всѣ спинныя кости, казалось, были вывихнуты и переломаны. Несчастный шелъ согнувшись въ дугу. Лицо его, изнуренное старостью и страданіями, сохранило, однакожъ, въ своихъ чертахъ такое выраженіе благородства и гордости, которое поразило меня. Длинныя пряди сѣдыхъ волосъ падали въ безпорядкѣ на его мускулистый лобъ, низко пригнутый къ землѣ, и изрытый глубокими морщинами. На обнаженныхъ рукахъ его были видны толстыя жилы, очень похожія на вѣтви плюща, обвивающаго могучій дубъ. При взглядѣ на этого чуднаго старика, на его суровое лице, вполовину закрытое космами волосъ, точно гривой, казалось, что видишь стараго льва, изувѣченнаго, во время своей силы и молодости, пулями охотниковъ.

— Ну, слава Богу! мой храбрый Курено,—сказалъ капитанъ, — я очень радъ, что вижу въ живыхъ тебя, обломка прежнихъ нашихъ временъ.

— Да,—отвѣчалъ Курено, — поколѣніе наше исчезаетъ; пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и нигдѣ не увидятъ старыхъ солдатъ Мехики.

— А Гуанахуатена здѣсь?

— Нѣтъ, я одинъ, — отвѣчалъ Курено.—Вотъ ужъ годъ, какъ спитъ тамъ;—и онъ показалъ на тамариндовое дерево, стоящее въ нѣсколькихъ шагахъ отъ хижины.

— Миръ праху ея!—сказалъ капитанъ.—Но надобно правду сказать, мой храбрый товарищъ, что тебя плохо наградили за твои заслуги.

—Чего же мнѣ больше,—отвѣчалъ солдатъ простодушно и безъ всякаго неудовольствія; — у меня есть кусокъ земли, очень достаточный для моей жизни, и слишкомъ достаточный для могилы. Развѣ мы ломали кости свои изъ какой-нибудь награды? Потомство вспомнитъ про Курено — и будетъ съ меня.

Слова капитана Руперто и стараго солдата дали мнѣ понять, что я вижу передъ собой одного изъ тѣхъ людей, ко-

Digitized by Google

торыхъ судьба, несмотря на всѣ ихъ жертвы и подвиги, обрекла забвенію. Но кто былъ этотъ герой, въ чемъ состояли его заслуги — этого я не зналъ еще. Мы вошли въ хижину, и тамъ я былъ свидѣтелемъ разговора почти совершенно для меня непонятнаго. Собесѣдники говорили только объ Испанской войнѣ, въ которой они участвовали; напоминали другъ другу событія, очень хорошо извѣстныя имъ, но нисколько не извѣстныя мнѣ. Черезъ полчаса, однакожъ, капитанъ Руперто долженъ былъ разстаться съ своимъ старымъ товарищемъ, потому что до *венты* (*), стоящей у подножія Сіерры-Мадре, гдѣ былъ назначенъ нашъ ночлегъ, оставалось еще далеко.

— У васъ славная лошадь, — сказалъ мнѣ нашъ хозяинъ въ то время, когда я сталъ садиться на нее.

Лошадь, при видѣ уродливой скорченной фигуры старика, который, приближаясь къ ней, скорѣе ползъ, чѣмъ шелъ, испугалась и хотѣла стать на дыбы; но въ ту же минуту Курено протянулъ къ ней руку, и она стала, какъ вкопаная. Между тѣмъ нога моя была ужъ въ стремѣ, и мнѣ не видно было, черезъ шею лошади, что такое согнувшійся Курено сдѣлалъ съ ней.

— Что это значитъ?—спросилъ я, удивленный такимъ внезапнымъ ея спокойствіемъ.

— Ничего, — отвѣчалъ чудакъ; — садитесь, я держу вашу лошадь.—Когда я сѣлъ, я увидѣлъ, что Курено держалъ, въ своемъ жилистомъ кулакѣ, переднюю ногу моей лошади такъ крѣпко, какъ будто она была прикована къ землѣ.

— Прикажете пустить? — спросилъ богатырь, смѣясь.

— Сдѣлай одолженіе;—отвѣчалъ я этому Милону Кротонскому;—иначе лошадь моя никогда у тебя не вырвется.

Освободившись изъ этихъ тисковъ, испуганное животное со всѣхъ ногъ бросилось всторону, и мнѣ стоило большаго труда снова подъѣхать къ хижинѣ.

(*) Постоялый дворъ, гостинница.

Digitized by Google

— Увы! — сказалъ старикъ со вздохомъ, — послѣ одного пушечнаго выстрѣла, сдѣланнаго вотъ этимъ господиномъ капитаномъ, Домомъ Руперто, я съ каждымъ днемъ слабѣю.

— Что же ты былъ во время твоей молодости, синьоръ-Курено? — сказалъ я.

— Кастонось когда-нибудь вамъ разскажетъ, — отвѣчалъ старый солдатъ, который отпустилъ насъ не прежде, какъ взявъ съ капитана обѣщаніе заѣхать къ нему на цѣлый день, на возвратномъ пути.

Оставивъ этого чуднаго пустынника, мы продолжали нашъ путь по направленію къ Сіерра-Мадре. Ея вершины, ея каменистыя скалы, ея острыя пики все яснѣе и яснѣе возникали изъ тумановъ съ своими обнаженными боками, съ своими извилистыми тропинками, съ своими зіяющими безднами. Скоро мы въѣхали подъ мрачную тѣнь огромныхъ скалъ, совершенно заслонившихъ отъ насъ солнце, между тѣмъ какъ позади насъ, послѣдніе лучи его ярко догарали на вершинахъ Текильи. Тутъ капитанъ указалъ мнѣ вдали, на одномъ отлогомъ уступѣ Сіерры, ниже котораго лѣниво тянулись тяжелыя массы облаковъ, небольшое квадратное строеніе. Это строеніе, составлявшее родъ маленькой, уединенной крѣпостцы, и казавшееся на такой высотѣ аэролитомъ, упавшимъ туда съ неба, была *вента*, мѣсто нашего ночлега.

У подошвы горъ мы остановились, чтобы дать лошадямъ маленькій отдыхъ, передъ труднымъ путемъ по горнымъ тропинкамъ, въ который пустились наконецъ при невѣрномъ свѣтѣ сумерекъ. Мы надѣялись на луну, и луна дѣйствительно не измѣнила намъ. Она озарила своимъ блѣднымъ сіяніемъ узкую тропинку, по которой пробирались мы, и которая, прихотливо извиваясь то вкругъ подножія голой скалы, то надъ обрывомъ глубокой пропасти, постоянно вела однакоже къ *вентѣ*. Черезъ два часа утомительнаго пути, мы достигли наконецъ площадки, на которой стояла *вента*, и которая издали казалась очень узенькой, но въ сущности составляла обширную площадь, опоясанную цѣпью горныхъ вершинъ. Что касается до самой *венты*, это была, какъ и

Digitized by Google

всѣ Мехиканскія *венты*, бѣлый домикъ, съ красной, черепичной кровлей и съ колонадой, образующей перистиль. Онъ стоялъ на самомъ краю площадки, и изъ него была видна вся дорога, по которой мы ѣхали, и такой обширный ландшафтъ, какой только можетъ обнять взоръ орла, плавающаго подъ облаками.

Прежде насъ пріѣхали въ эту гостинницу погонщики муловъ; расположившись около нея становищемъ, они разложили огни, и ихъ спутанные мулы жевали свой кормъ, заданный имъ на ночь. Подъ портикомъ *венты* спали, на голомъ полу, съ дюжину Индійцевъ, подлѣ каретнаго кузова, снятаго съ дрогъ. Только такимъ образомъ, на рукахъ носильщиковъ, можно перетащить карету черезъ Сіерру-Мадре.

Этотъ кузовъ и эти Индійцы давали намъ знать, что въ *вентѣ* есть еще путешественники; и въ самомъ дѣлѣ это былъ одинъ изъ Индѣйскихъ депутатовъ, присутствовавшихъ на Мехиканскомъ конгрессѣ, возвращавшійся, съ своимъ семействомъ, изъ Тепика, куда мы съ капитаномъ отправлялись.

Между тѣмъ какъ капитанъ Руперто отправился заказывать ужинъ, я сѣлъ на балконѣ гостинницы, откуда взоръ свободно могъ проникать въ ущелія Сіерры. Луна озаряла мрачныя углубленія, изъ которыхъ тихо поднимался вечерній туманъ. Повсюду виднѣлись массы горъ, взгроможденныя одна на другую, скалы, разсѣвшіяся и раздвинутыя какъ будто силой подземныхъ волкановъ, которые угасли впослѣдствіи; а далѣе, взоръ терялся въ длинныхъ равнинахъ, по которымъ тянулись безконечные отроги нижнихъ уступовъ Сіерры. Только возвращеніе капитана, объявившаго, что ужинъ готовъ, могло меня отвлечь отъ созерцанія этой чудной перспективы. Сдѣлавъ сытному ужину гостинницы всю должную честь, какой только могъ ожидать онъ отъ проголодавшихся путешественниковъ, мы снова вышли насладиться свѣжимъ прекраснымъ вечеромъ. Капитанъ вывелъ меня на тропинку, заросшую густой травой, и вдругъ остановившись, указалъ пальцемъ на землю: у нашихъ ногъ лежала пушка, до половины вросшая въ землю собственной своей тяжестью.

Digitized by Google

Капитанъ сѣлъ на нее, и пригласилъ меня сдѣлать то же. Въ эту минуту чистое, синее небо было усыпано милліонами звѣздъ; въ воздухѣ разливалась самая пріятная прохлада; погонщики муловъ, расположившіеся около *венты*, пѣли, сидя передъ огнемъ, свои простые романсы; звонъ колокольчиковъ, навязанныхъ на шеяхъ муловъ, смѣшивался съ брянчаньемъ гитары; всякій глухой, отдаленный шумъ, всякій далекій топотъ копытъ доносился до насъ тонкой струей вечерняго вѣтерка, и сторожевыя собаки *венты* отвѣчали на эти отдаленные звуки протяжнымъ лаемъ. Капитанъ привелъ меня въ этотъ часъ къ этой пушкѣ для того, какъ говорилъ онъ, что здѣсь казалось ему очень кстати разсказать мнѣ свои военныя похожденія. Я совершенно согласился съ нимъ, и онъ началъ разсказъ, который я слушалъ, не прерывая

I.

Горный уступъ.

Экспедиція Гидальго и его первыхъ военныхъ товарищей,— началъ капитанъ,—составляетъ, такъ сказать, первый періодъ Мехиканской народной войны. Послѣ того сцена совершенно измѣнилась: вмѣсто нестройныхъ массъ, на театръ военныхъ дѣйствій выступило нѣсколько ротъ, хорошо сформированныхъ, которыя успѣли собраться въ самыхъ скрытныхъ убѣжищахъ горной мѣстности. Предводительствуя небольшимъ числомъ солдатъ опытныхъ, новые начальники Мехиканской войны не были стѣснены въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ Гидальго и Аллендъ, цѣлымъ народонаселеніемъ. Они запретили грабить города и истреблять хлѣбъ въ поляхъ; не велѣли прикасаться къ стадамъ; нисколько не мѣшали движенію торговли,—и всѣ эти распоряженія скоро привлекли въ Мехиканскую армію богатыхъ хлѣбопашцевъ, купцовъ, владѣтелей обширныхъ фермъ. Послѣ ареста Гидальго, въ Баханѣ, мѣсто его заступилъ Донъ Игнаціо Районъ, который, не смотря на то, что приготовлялся въ коллегіи Сантъ-Ильдефонсо больше къ службѣ гражданской, чѣмъ къ военной, скоро, однакоже,

Digitized by Google

успѣль стать высоко на своемъ новомъ поприщѣ. Армія его, къ которой присоединились еще партизаны Гидальго, успѣвшіе спастись отъ солдатъ Элизондо, и которая была расположена въ Сальтиллѣ, состояла не больше какъ изъ четырехъ тысячь человѣкъ. Но Донъ Игнаціо не колебался съ этой горстью людей открыть компанію. Прежде всего онъ рѣшился овладѣть Кахатехасомъ; а чтобъ достигнуть этого города, надобно было пройти полтораста миль въ странѣ пустынной, безводной и населенной непріятелями. Между тѣмъ занять Кахатехасъ было необходимо для того, чтобъ сдѣлать этотъ важный пунктъ центромъ военныхъ дѣйствій. Эта трудная экспедиція, исполненная съ рѣдкой храбростью и искусствомъ, считается и до сихъ поръ однимъ изъ лучшихъ военныхъ подвиговъ генерала Района.

Я участвовалъ въ походѣ отъ Сальтиллы до Кахатехаса. Мы выступили 26-го Марта 1811 года, и едва только оставили Сальтиллью, какъ должны были начать стычки съ Испанскими *гверильясами*. Въ продолженіе цѣлыхъ четырехъ дней *гверильясы* не давали намъ ни на минуту покоя. Наконецъ, въ Пинонскихъ ущеліяхъ, насъ остановила дивизія генерала Окха. Войска наши, утомленныя четырехъ-дневнымъ переходомъ, начали отступать, и никакъ не устояли-бы передъ сильнымъ натискомъ непріятеля, еслибы не поспѣлъ во время одинъ изъ нашихъ начальниковъ, генералъ Торрецъ, который въ свою очередь ударилъ на Испанцевъ съ такимъ ожесточеніемъ, что они, вмѣстѣ съ нашими пушками и богажемъ, которыя было захватили, оставили на мѣстѣ до трехъсотъ человѣкъ убитыхъ. Къ несчастью, они успѣли проколоть наши мѣха и разбить наши боченки; вода вытекла изъ тѣхъ и другихъ, а намъ оставалось еще сдѣлать слишкомъ сто миль по пустынной степи, гдѣ не было ни колодцевъ, ни источниковъ. Съ нами была толпа женщинъ. Каждый изъ насъ, сдѣлавшись солдатомъ вдругъ, по необходимости долженъ былъ весть съ собой и жену. Вы никакъ не можете вообразить, какія страшныя муки заставляла насъ терпѣть жажда, во время этого долгаго пути, подъ знойнымъ

Digitized by Google

солнцемъ, никогда ни заслоняемымъ облаками, и по раскаленной, песчаной землѣ, которая не освѣжается даже росою.

Недостатокъ воды въ нашемъ войскѣ не только заставилъ страдать людей и животныхъ, но даже сдѣлалъ для насъ безполезными наши артиллерійскія орудія, на которыя мы надѣялись какъ на лучшую нашу опору. Послѣ двухъ, или трехъ выстрѣловъ, пушка такъ накалялась отъ знойнаго солнца, что ее невозможно ужъ было заряжать. И при всѣхъ этихъ невыгодныхъ обстоятельствахъ, при этомъ физическомъ изнуреніи, мы должны еще были выдерживать жаркія атаки Испанскихъ отрядовъ. Между тѣмъ энергія нашей арміи нисколько не ослабѣвала; наши женщины первыя подавали намъ примѣръ храбрости, и изъ числа ихъ имя Гуана Хуатены, спутницы изувѣченнаго солдата, котораго вы видѣли нынче утромъ, на долго останется въ памяти. Она во многихъ случаяхъ помогала намъ своимъ изобрѣтательнымъ воображеніемъ, и разъ, для того, чтобъ увеличить въ глазахъ Испанцевъ силы наши, выстроила всѣхъ своихъ подругъ во фронтъ, съ пушкою впереди. Обманутый этой военной хитростью, непріятель дѣйствительно уступилъ намъ очень выгодную позицію, господствующую надъ Кахатехасомъ.

Блистательные успѣхи нашего оружія заставили наконецъ Испанцевъ прекратить эти безконечныя стычки, которыя столько безпокоили насъ вначалѣ похода. Послѣ дѣла, въ которомъ хитрость Гуанахуатены упрочила намъ побѣду, мы остановились на мѣстѣ, называющемся *Лась-Анимасъ*. Печальное зрѣлище представлялъ въ этотъ день нашъ лагерь. Томимые жаждой, изнуренные усталостью, мы лежали на землѣ, усѣянной трупами нашихъ лошадей и вьючныхъ муловъ. Мрачная тишина, царствующая въ нашихъ палаткахъ, прерывалась только стонами раненыхъ, просившихъ хоть капли воды, чтобъ освѣжить лихорадочный жаръ, терзавшій ихъ внутренность. Нѣсколько солдатъ бродили, какъ привидѣнія, между этими несчастными, изъ которыхъ одни были едва живы, другіе ужъ совсѣмъ бездыханны; часовые съ трудомъ могли держать ружья на плечахъ и передвигать ноги. Я

Digitized by Google

самъ изнемогъ почти до безчувственности, и чтобы хоть сколько-нибудь заглушить жажду, меня томившую, сосалъ желѣзный эфесъ моей сабли. Не вдалекѣ отъ меня сидѣла женщина, которой мой прежній товарищъ, Альбино Конде, поручилъ своего сына, и которую я, исполняя его послѣднюю волю, взялъ потомъ къ себѣ, вмѣстѣ съ ребенкомъ. Она плакала и громко молила всѣхъ святыхъ, чтобъ они послали на насъ хоть какое-нибудь дождевое облачко.

Но солнце сѣло чисто и закатилось во всемъ блескѣ лучей своихъ за ясный, безоблачный горизонтъ. Я тоже молился, чтобъ мародеры моего отряда, посланные для отысканія какого-нибудь родника или ручья, нашли его, и пуще всего не забыли бы своего капитана. Молитва моя была услышана: черезъ нѣсколько минутъ, я увидѣлъ одного моего мародера, который прокрадывался ко мнѣ тихо, какъ волкъ. Это былъ мужъ Гуанахуатены, тотъ самый солдатъ, съ которымъ вы познакомились нынче. Въ это время настоящее его имя, Вальдивія, не замѣнилось еще именемъ Курено, и онъ былъ вовсе не таковъ, какимъ вы его видѣли; напротивъ станъ его былъ прямъ и твердъ, какъ могучее дерево. Я не буду вамъ разсказывать о его богатырской силѣ, которой сами вы были свидѣтелемъ, а скажу только, что его храбрость и смѣтливость равнялись этой силѣ. Во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Вальдивія, такъ же какъ и жена его, умѣлъ найтися.

— Синьоръ капитанъ,—сказалъ онъ, приближаясь ко мнѣ таинственно, и закутанный въ плащь Испанскаго драгуна, доставшійся ему на полѣ битвы;—синьоръ капитанъ, я принесъ вамъ мѣхъ, въ которомъ есть нѣсколько капель воды для васъ, для ребенка и для женщины; только, ради Бога тише, чтобы этого никто не зналъ.

— Вода! закричалъ я въ восторгѣ, который заставилъ меня забыть всякую осторожность.

— Тише! — перебилъ Вальдивія.—И если вы хотите послушать меня, такъ погодите пить до тѣхъ поръ, пока со-

Digitized by Google

всѣмъ стемнѣетъ; а когда вы напьетесь, я скажу вамъ, гдѣ много воды, и предложу дѣльце, на которое вы, вѣрно, согласитесь.

— Я съ жадностью протягивалъ руку къ мѣху:

— Дай мнѣ воды ради самого Бога! — говорилъ я; — дай скорѣй; я умираю отъ жажды, какъ же мнѣ дождаться ночи.

— Черезъ десять минутъ будетъ совсѣмъ темно, — возразилъ Вальдивія хладнокровно, — и до тѣхъ поръ я не дамъ вамъ воды, потому что бѣшеная толпа солдатъ сейчасъ бросится отнимать ее и убьетъ васъ. Прикажите-ка лучше осѣдлать вашу лошадь, и выведите ее вотъ подъ эти *мескиты*, гдѣ моя стоитъ на-готовѣ, и гдѣ я васъ буду дожидаться. Намъ надобно быть готовымъ сейчасъ. Въ вашемъ распоряженіи есть около ста всадниковъ. Отдайте имъ приказаніе собраться вонъ тамъ, въ долинѣ. Мы скажемъ часовому, что отправляемся отыскивать воду, и насъ пропустятъ безъ генералова приказанія.

Вальдивія ушелъ, не сказавъ больше ни слова, и не смотря на всѣ мои просьбы, унесъ съ собой мѣхъ. Я поспѣшилъ исполнить его совѣтъ, и какъ только совсѣмъ смерклось, всадники мои были въ готовности на назначенномъ мѣстѣ. Я взялъ въ поводъ мою лошадь, взялъ съ собой женщину и ребенка, и пошелъ подъ мескиты, къ Вальдивіи. Вмѣсто обѣщанныхъ нѣсколькихъ капель воды, онъ подалъ мнѣ полный мѣхъ. Жажда моя была до того велика, что мнѣ надобно было сдѣлать страшное усиліе надъ собой, чтобъ не выпить всё; однакожъ я оставилъ для женщины и для маленькаго Альбино достаточную пропорцію, и когда мы опорожнили мѣхъ, я спросилъ Вальдивію:

— Ну что же такое ты хотѣлъ предложить мнѣ?

— Овладѣть, съ вашей сотней всадниковъ, *хачіендой* (*), въ двухъ миляхъ отсюда. Она занята Испанскимъ отрядомъ, но тамъ много воды.

(*) Родъ укрѣпленной фермы или плантаціи.

Digitized by Google

— Ѣдемъ! — вскричалъ я. —Но если это такъ, почему же не сказать объ этомъ генералу и не попросить у него тысячу человѣкъ?

— Почему? — возразилъ Вальдивія, — потому что въ эту минуту армія едва ли послушается генерала, и приказъ его объ этой экспедиціи только ускоритъ исполненіе заговора, который состоитъ въ томъ, чтобъ сдаться Испанцамъ. Да, да, синьоръ капитанъ, если мы не возмемъ сейчасъ *хачіенду* Святаго Ефстафія, въ которую я умѣлъ пробраться и наполнить тамъ этотъ мѣхъ, завтра у генерала Района не будетъ ни одного солдата. Между нами есть измѣнникъ, и этотъ измѣнникъ генералъ Понсъ.

Вальдивія еще не успѣлъ кончить своей рѣчи, какъ въ одной сторонѣ лагеря послышался шумъ, который постепенно началъ увеличиваться все больше и больше. Факелы замелькали тамъ и сямъ, и освѣтили толпы солдатъ, крики которыхъ доносились до насъ. Потомъ, при свѣтѣ тѣхъ же факеловъ, мы увидѣли генерала Района, вышедшаго изъ своей палатки. Одинъ, и даже безъ шляпы, приблизился онъ къ самой буйной толпѣ мятежниковъ, и хотѣлъ говорить съ ними, но голоса его, всегда уважаемаго, теперь не хотѣли слушать.

— Я ошибся днемъ! — воскликнулъ Вальдивія; — но генералъ, вѣроятно, уговоритъ недовольныхъ, и они успокоятся до утра. Ѣдемъ; время терять нельзя; надобно успѣть какъ можно скорѣе сообщить генералу, что у его войска есть вода.

Шумъ въ лагерѣ все еще продолжался, но не столько уже буйный, и голосъ генерала становился все слышнѣе и слышнѣе между голосами недовольныхъ солдатъ. Я сѣлъ на лошадь, и сказалъ Вальдивіѣ, чтобъ и онъ садился. —Нѣтъ, отвѣчалъ, онъ, — прежде еще мнѣ надобно привести сюда непріятельскаго часоваго, которымъ я запасся на случай.

Не объяснял больше ничего, Вальдивія удалился, и черезъ минуту я увидѣлъ, что онъ несетъ, подъ мышкой, какую-то черную шевелящуюся массу. Когда онъ подошелъ ближе, я разсмотрѣлъ, что это былъ человѣкъ, одѣтый въ форму Испанскихъ копе́йщиковъ. Вальдивія поставилъ его на землю,

Digitized by Google

развязалъ веревки, которыми онъ былъ связанъ, и велѣлъ ему сѣсть, позади себя, на лошадь. Храбрый богатырь мой, развѣдавъ о колодцѣ *хачіенды*, не долго думалъ, какъ достать воды изъ него: онъ разсчелъ, что самый простой способъ для этого, снять часоваго, поставленнаго у бассейна, и разсчелъ еще, что онъ будетъ для насъ очень нужнымъ путеводителемъ при нападеніи на ферму! Какъ схватилъ онъ его, какъ втащилъ къ себѣ на лошадь и связалъ, объ этомъ нечего было и спрашивать, глядя на его жилистыя, могучія руки. Пока Вальдивія ходилъ за часовымъ, въ лагерѣ все успокоилось, и тѣмъ больше намъ надобно было спѣшить исполненіемъ нашего предпріятія, такъ счастливо начатаго; отрядъ мой былъ готовъ; мы поѣхали такъ скоро, какъ только могли служить наши изнуренныя лошади. Въ продолженіи перехода, я узналъ отъ плѣнника, что гарнизонъ *хачіенды* Св. Ефстафія состоялъ человѣкъ изъ пятп-сотъ, подъ начальствомъ коменданта Ларринзара, человѣка гордаго, грубаго и очень нелюбимаго войскомъ. Онъ сообщилъ мнѣ также всѣ нужныя свѣденія о расположеніи гарнизона въ этой небольшой крѣпостцѣ, о тѣхъ пунктахъ, которые были защищены слабѣе прочихъ.

При всей нашей поспѣшности мы не могли слишкомъ скоро проѣхать эти двѣ мили: лошади наши были слабы, а дорога дьявольски затруднительна. Не вдалекѣ отъ Кахатехаса цѣпь Сіерра-Мадре раздѣляется на двѣ вѣтви. Одна, и именно та, гдѣ теперь находимся мы, идетъ отъ сѣвера къ югу, параллельно съ берегами Тихаго Океана; другая направляется къ востоку, дѣлая дугу, сообразную съ изгибомъ Мехиканскаго залива. На одномъ изъ самыхъ возвышенныхъ пунктовъ этой послѣдней цѣпи горъ стояла *хачіенда*, къ которой мы шли. Она занимала вершину самой обширной площади Кордильеровъ.

Благодаря темнотѣ безлунной ночи, мы приблизились къ мѣсту нашего назначенія незамѣченные непріятелемъ; оставивъ мой отрядъ подъ прикрытіемъ высокихъ деревьевъ, я поѣхалъ впередъ, чтобъ осмотрѣть мѣстность. *Хачіенда*, ко-

Digitized by Google

торой намъ надобно было овладѣть, составляла обширный параллелограмъ, поддерживаемый толстыми контрфорсами изъ тесанаго камня; рѣдкія окна, или, скорѣе, бойницы, съ толстыми желѣзными рѣшетками, были пробиты въ строеніи только съ той стороны, которой оно было обращено къ горамъ. Конюшни, сараи и житницы *хачіенды* были окружены толстой и зубчатой стѣной, составляющей часть этого параллелограма, и въ этомъ-то укрѣпленномъ дворѣ помѣщался Испанскій гарнизонъ. На углу строенія, противуположномъ той сторонѣ, откуда я его разсматривалъ, возвышалась надъ плоской кровлей колокольня въ три яруса, и указывала, что въ этомъ мѣстѣ была часовня. Задній фасъ *хачіенды* былъ еще лучше защищенъ, чѣмъ бока ея; передъ нимъ зіяла узкая, бездонная пропасть, по другую сторону которой возвышался отвѣсный каменистый утесъ; примыкая къ ней, стѣны Хачіенды почти смыкались съ другой стѣной, вытесанной самой природой изъ цѣльной скалы. Это мѣсто называется туземцами: *Эль-Воладеро*.

Мнѣ хотѣлось осмотрѣть ферму со всѣхъ сторонъ, и какая-то непонятная военная гордость подстрекала меня объѣхать строеніе и со стороны пропасти, между которой и стѣнами *хачіенды* лежала тропинка не шире, какъ въ шесть футовъ. Днемъ ѣхать по ней еще было возможно, но ночью это составляло опасность страшную даже и для такого привычнаго ѣздока, какъ я. Стѣны фермы шли къ низу откосомъ, и тропинка, огибаясь вплоть около нихъ, то же склонялась косогоромъ, къ крѣпости *Эль-Воладеро*. Несмотря на то, я поѣхалъ по ней.

Я проѣхалъ безъ всякихъ препятствій ужъ половину моего ненадежнаго пути, какъ вдругъ моя лошадь заржала; это заставило меня содрогнуться; я былъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ тропинка до того съузилась, что на ней только-только что могли помѣститься ноги лошади. Возвратиться назадъ было невозможно, а между тѣмъ я понялъ, что кто-то ѣдетъ мнѣ на встрѣчу.

— Гей! — крикнулъ я изо всей силы, разсудивъ, что ужъ

Digitized by Google

безопаснѣе открыть себя, чѣмъ съѣхаться съ кѣмъ-нибудь на этомъ мѣстѣ, — кто тамъ ѣдетъ? остановись.

Но было ужъ поздно. Изъ-за контрфорса, противъ котораго былъ я, и которые, отъ времени до времени, съуживали эту проклятую дорогу до самаго нельзя, показался всадникъ. Я невольно встрепенулся на сѣдлѣ, и меня прошибъ холодный потъ.

— Стой, стой!—закричалъ я, устрашенный опасностью, которая грозила обоимъ намъ; — нельзя ли вамъ, синьоръ кавалеръ, отъѣхать назадъ? Мнѣ невозможно.

— И мнѣ тоже, — отвѣчалъ всадникъ мрачнымъ голосомъ.

Я началъ молиться о душѣ моей. Намъ не было никакихъ средствъ ни воротиться назадъ, ни разъѣхаться, ни слѣзть съ лошадей. Если бы на этомъ мѣстѣ встрѣтились отецъ съ сыномъ, и тогда одинъ изъ нихъ долженъ бы былъ неминуемо слетѣть въ пропасть, чтобъ дать другому дорогу.

Нѣсколько секундъ прошло между тѣмъ, и лошади наши, сблизившись голова съ головой, остановились. Вытянувъ шеи, раздувъ ноздри, онѣ обнюхивали одна другую, и тяжелое дыханіе ихъ доказывало, что онѣ также трепещутъ отъ ужаса, какъ и ихъ всадники, стоящіе другъ передъ другомъ, въ мрачномъ молчаніи. Съ одной стороны надъ нами возвышались крутыя и гладкія стѣны *хачіенды*, съ другой, въ трехъ футахъ отъ стѣнъ, зіяла непзмѣримая бездна. Мнѣ пришла мысль: не врагъ ли стоитъ передо мной? и эта мысль оживила надеждой молодое мое сердце, кипѣвшее въ то время горячей любовью къ отчизнѣ.

— Кто передо мной, другъ или врагъ Мехики?—спросилъ я незнакомца, приготовляясь напасть на него, въ случаѣ отрицательнаго отвѣта.

— Другъ, — отвѣчалъ мнѣ всадникъ. — Я полковникъ Гардуно.

— А я капитанъ Кастаносъ.

Мы съ полковникомъ были давнишніе знакомцы, и навѣрное давно бы узнали другъ друга, если бы не были такъ

Digitized by Google

встревожены нашей вовсе неумѣстной встрѣчей. Дня за два назадъ, полковникъ былъ посланъ съ отдѣльнымъ отрядомъ, который мы считали погибшимъ, потому что съ тѣхъ поръ не получали о немъ никакого извѣстія.

— Ну, полковникъ, — сказалъ я, — мнѣ очень жаль, что вы не Испанецъ.... Вы, вѣроятно, также какъ и я, очень хорошо понимаете, чѣмъ должна кончиться наша встрѣча?

Говоря эти слова, я невольно протянулъ руку къ лукѣ моего сѣдла, за пистолетомъ.

— Да,—сказалъ полковникъ очень хладнокровно, — я такъ хорошо вижу наше положеніе, что давно бы ужъ раздробилъ голову вашей лошади, если бъ только не боялся, что моя, испугавшись выстрѣла, полетитъ въ пропасть вмѣстѣ съ вами.

Въ самомъ дѣлѣ я замѣтилъ, что полковникъ держалъ свои пистолеты въ рукѣ. Мы опять замолчали. Лошади наши стояли какъ вкопаныя, боясь шевельнуться на краю этой бездны. Между тѣмъ первый порывъ моего ужаса прошелъ; я сталъ спокойнѣе.

— Что же мы будемъ дѣлать?—спросилъ я полковника.

— Бросить жеребій, кому изъ насъ летѣть въ пропасть.

Я разсудилъ, что это дѣйствительно было единственное средство, которое могло рѣшить нашу участь.

— Но тотъ, на кого падетъ эта участь,—продолжалъ полковникъ,—долженъ попробовать отъѣхать назадъ. Конечно, это шансъ очень невѣрный, но все-таки шансъ, и сверхъ того очень выгодный для другаго.

— Такъ вы совершенно не дорожите жизнью?—вскричалъ я, ужаснувшись снова хладнокровія, съ которымъ полковникъ дѣлалъ мнѣ это предложеніе.

— Я дорожу жизнью, можетъ быть, больше, чѣмъ вы,— отвѣчалъ полковникъ отрывисто,—потому что есть на свѣтѣ человѣкъ, который нанесъ мнѣ смертельную обиду и которому я еще не отплатилъ; но вы видите, что время прохо-

Digitized by Google

дить. Не угодно ли вамъ приступить къ розыгрышу нашей послѣдней лотереи?

Но какимъ образомъ бросить жеребій? Послюнить палецъ, какъ дѣти? Но ни тому, ни другому изъ насъ не возможно было протянуть руку надъ головой лошади, которая при малѣйшемъ неосторожномъ движеніи могла дрогнуть и оступиться. Посредствомъ копья или рѣшетки? Но въ темнотѣ ночи нельзя было разсмотрѣть, на какую сторону упадетъ монета.

— Полковникъ придумалъ способъ, который не приходилъ мнѣ въ голову.

— Послушайте, синьоръ капитанъ, — сказалъ полковникъ, которому я сообщилъ мое недоумѣніе,—вотъ какъ рѣшимъ мы дѣло. Наши непуганныя лошади безпрестанно храпятъ и фыркаютъ; тотъ, чья лошадь прежде фыркнетъ...

— Выиграетъ? перебилъ я.

— Нѣтъ, проиграетъ. Я знаю, что вы лихой наѣздникъ, и можете сдѣлать съ лошадью все, что хотите. Что касается до меня, который, какъ вы сами знаете, еще въ прошломъ году носилъ полукафтанье студента богословія, я новичекъ въ верховой ѣздѣ. Вы можете заставить вашу лошадь фыркнуть насильственно, но остановить ее отъ этого едва ли.

Я согласился, потому что согласиться было надобно. Проходитъ минута, двѣ, три, которыя кажутся мнѣ цѣлой вѣчностью! Наконецъ фыркнула, увы! моя лошадь. Полковникъ не выразилъ своей радости никакимъ восклицаніемъ, ни малѣйшимъ наружнымъ движеніемъ; но внутренно онъ, вѣроятно, поблагодарилъ Бога отъ всего сердца.

— Вы дадите мнѣ еще минуту сроку для послѣдней молитвы? спросилъ я его задыхающимся голосомъ.

— Даже пять минутъ. Довольно ли съ васъ этого?

— Да,—отвѣчалъ я.—Полковникъ вынулъ часы. Я поднялъ глаза къ небу, сіяющему звѣздами. Я насматривался на него въ послѣдній разъ и творилъ теплую, послѣднюю молитву.

— Пять минутъ прошли,—сказалъ полковникъ.

Digitized by Google

Я не отвѣчалъ ничего, и нетвердой рукой подобралъ поводья, которыя скользили изъ моихъ пальцевъ, дрожащихъ отъ нервическаго сотрясенія.

— Еще минуту,—сказалъ я полковнику,—потому что мнѣ надобно собрать все присутствіе духа, чтобъ исполнить трудный маневръ, который мнѣ остается къ спасенію.

— Хорошо,—сказалъ полковникъ.

Я, какъ ужь вы знаете, воспитанъ въ деревнѣ. Все мое дѣтство и часть моей юности провелъ я почти постоянно на лошади, и смѣло скажу, что, если былъ въ мірѣ человѣкъ, способный исполнить такую молодецкую штуку верховой ѣзды, которая мнѣ предстояла, такъ это именно я. Я сдѣлалъ надъ собой усиліе почти сверхъестественное, и настроилъ себя такъ, что ужъ равнодушнѣе смотрѣлъ въ глаза смерти, съ которой и прежде случалось мнѣ встрѣтиться не одинъ разъ слишкомъ близко. Въ эту минуту во мнѣ опять ожила надежда.

Когда лошадь моя почувствовала поводья, которые были опущены съ самой встрѣчи моей съ полковникомъ, она вздрогнула. Я крѣпче утвердился въ сѣдлѣ, желая дать понятіе устрашенному животному, что хозяинъ его не робѣетъ; ободривъ такимъ образомъ лошадь мою, я заставилъ ее, посредствомъ поводьевъ и шенкелей, отступать назадъ. Ужъ голова ея была довольно далеко отъ головы лошади полковника, который, съ своей стороны, тоже ободрялъ меня своимъ голосомъ. Тутъ я далъ немножко вздохнуть бѣдному животному, которое тряслось всѣми членами, и потомъ началъ продолжать тотъ же маневръ.

Сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, я вдругъ почувствовалъ, что задняя нога моей лошади оскользнулась; трепетъ пробѣжалъ по мнѣ; я зажмурилъ глаза и проворно откачнулся на сѣдлѣ, къ стѣнѣ *Хачіенды*. На ея гладкой поверхности не было ни высунувшагося камня, ни прутика, ни даже вѣтки плюща, за которую бы я могъ ухватиться, но мое быстрое движеніе вмѣстѣ съ отчаяннымъ усиліемъ лошади спасли меня

Digitized by Google

отъ смерти: лошадь стала отять на всѣ четыре ноги, но онѣ до того тряслись подъ ней, что она почти садилась на колѣни.

Въ эту минуту я достигъ мѣстечка немножко больше просторнаго. Еще бы футъ-два земли, и я бы заставилъ мою лошадь повернуться на заднихъ ногахъ; но здѣсь рискнуть на такую штуку было слишкомъ опасно. Я опять хотѣлъ осаживать лошадь назадъ, но оступившись разъ, она не трогалась съ мѣста, и отъ моихъ понужденій только поднималась въ легкій курбетъ. Ничто не помогло: ни голосъ мой, ни поводья, ни шпоры. Между тѣмъ я все еще не терялъ присутствія духа, потому что мнѣ очень не хотѣлось умереть. Наконецъ у меня въ головѣ вдругъ блеснула мысль, которую я въ туже минуту рѣшился исполнить: это былъ очень невѣрный, но послѣдній и единственный шансъ къ спасенію.

При мнѣ всегда былъ длинный и тонкій ножъ, который я клалъ за отворотъ сапога. Я досталъ его, и лѣвой рукой началъ гладить шею моей лошади, лаская ее съ тѣмъ вмѣстѣ и моимъ голосомъ. Бѣдное животное отвѣчало на мои ласки тихимъ, жалобнымъ ржаніемъ. Постепенно я велъ руку по шеѣ, все выше и выше, до того мѣста, гдѣ становая жила соединяется съ черепомъ. Щекотливая лошадь встревожилась, затрясла головой, но я ее успокоилъ моимъ голосомъ. Когда я ощупалъ пальцами біеніе становой жилы, біеніе, такъ сказать, ея жизни въ мозгу, я наклонился на сѣдлѣ, къ сторонѣ стѣны, потихоньку вынулъ ноги изъ стремянъ, и потомъ, однимъ махомъ, вонзилъ тонкое лезвіе ножа въ становую жилу лошади, около самой холки. Какъ пораженная громомъ, лошадь, безъ малѣйшаго неправильнаго движенія, упала прямо ничкомъ, а я, ставъ ногами на землю, въ туже минуту отпрыгнулъ къ стѣнѣ. Я былъ спасенъ. Крикъ радости невольно вырвался у меня; полковникъ отвѣчалъ на мое восклицаніе, и эти клики повторились на днѣ пропасти какимъ-то протяжнымъ раскатомъ, какъ будто она стонала о томъ, что отъ нея ускользнула добыча. Прислонившись къ стѣнѣ, я уперся ногами въ трупъ моей лошади, и онъ покатился въ бездну. — Отдохнувъ съ минуту, я скорѣй пробѣжалъ, чѣмъ прошелъ

Digitized by Google

весь обратный путь по тропинкѣ, до того мѣста, откуда подъѣхалъ къ ней. Но когда я вышелъ въ долину, когда опасность совершенно миновалась, я упалъ безъ чувствъ: такъ сильны были потрясенія, которыя испыталъ я. Когда я открылъ глаза, передо мной стоялъ полковникъ.

II.

Хачіенда Святаго Ефстафія.

Поздравивъ меня съ спасеніемъ, расхваливъ мою ловкость и хладнокровіе, полковникъ спросилъ, по какому случаю очутился я ночью, одинъ, подъ стѣнами строенія, занятаго непріятельскимъ гарнизономъ. Я ему разсказалъ планъ мой.

— Сколько у васъ людей? спросилъ онъ.

— Около ста человѣкъ, которые рѣшились или достать воды, или умереть.

При этихъ словахъ, глаза полковника засверкали радостью и какимъ то-свирѣпствомъ.

— Васъ тоже мучитъ жажда? спросилъ я.

— Да, жажда мщенія,—отвѣчалъ онъ;—и вотъ отъ чего, не смотря на мою обязанность возвратиться въ лагерь, я до сихъ поръ не возвращаюсь туда. День и ночь скитаюсь я около этихъ стѣнъ, и стараюсь найти возможность отомстить.

— Но за что же, полковникъ?

— За обиду, которой я не долженъ пережить, не омывъ ее кровью врага, или не заплативъ ему за безчестье безчестьемъ. У меня въ отрядѣ осталось еще человѣкъ пятьдесятъ, и я присоединю ихъ къ вашимъ,—прибавилъ полковникъ, круто повернувъ разговоръ и повидимому не желая болѣе дѣлать никакихъ объясненій на мой вопросъ.

Я назначилъ ему мѣсто, гдѣ онъ можетъ меня найти, и поспѣшилъ къ моей командѣ, которая ожидала меня съ нетерпѣніемъ. Едва только успѣлъ разсказать я Вальдивіи происшествіе, которое случилось со мной, какъ ужъ полковникъ Гардуно явился съ своими всадниками. Онъ сообщилъ намъ, что еще на канунѣ пробовалъ овладѣть *хачіендой* и нападалъ на нее, но былъ отраженъ съ значительнымъ урономъ. Тутъ

Digitized by Google

мы составили военный совѣтъ, и полковникъ сдѣлалъ строгій допросъ плѣнному Испанцу; потомъ нашъ отрядъ тронулся съ мѣста.

— Есть ли часовой на колокольнѣ?—спросилъ опять полковникъ плѣнника, когда мы подошли къ стѣнамъ фермы.

— Тамъ ставятъ всякую ночь часоваго, — отвѣчалъ Испанецъ,—но вы можете быть увѣрены, что онъ спитъ на своемъ посту, на которомъ за нимъ никто не наблюдаетъ, по неудобности взбираться туда.

Пока Испанецъ говорилъ эти слова, за стѣнами *хачіенды* послышалась перекличка часовыхъ: *Alerta Centinela!* Мы внимательно прислушивались къ этимъ окликамъ, которые раздавались то тамъ, то здѣсь, и потомъ замирали вдали. На колокольнѣ никто не откликнулся; это подтвердило намъ, что часовой дѣйствительно спитъ.

— Ахъ, еслибъ у насъ была хоть одна пушка! —воскликнулъ Вальдивія;—между тѣмъ какъ человѣкъ пятьдесятъ, съ помощію своихъ *лассо* (*), могли бы взобраться на плоскую крышу, надъ которой возвышается эта колокольня, мы разбили бы ворота, и такимъ образомъ напали бы съ двухъ сторонъ на этихъ собакъ, *башмашниковъ* (*gahupines*) (**).

— Мы оставили пушку въ кустарникѣ, недалеко отсюда,— сказалъ полковникъ;—но она не годна къ употребленію. Подъ ней сломанъ лафетъ, и теперь это совершенно безполезный кусокъ мѣди.

— А есть ли у васъ заряды? — спросилъ я полковника въ свою очередь.

Подлѣ пушки стоитъ и ящикъ съ зарядами, — отвѣчалъ Гардуно;—но я вамъ говорю, что она никуда не годится. Это все равно, что ружье безъ прикладa.

Я бросилъ значительный взоръ на моего богатыря, Вальдивію, который понялъ меня.

(*) Волосяная веревка, съ желѣзнымъ кольцемъ на концѣ, которую Американскіе Индійцы употребляютъ вмѣсто аркана.

(**) *Gachupine*—человѣкъ, который носитъ башмаки. Это имя Индійцы дали своимъ первымъ Испанскимъ завоевателямъ.

Digitized by Google

— Я возьму съ собой нѣсколько человѣкъ, и пойду, отыщу пушку,—сказалъ онъ.—Ну, господа, нынче мы напьемся досыта.

— Возьми съ собой побольше людей,—сказалъ я ему.

— Какова пушка? Если она не тяжеле всадника съ лошадью, такъ и мнѣ не нужно помощника.

— Она тяжеле,—перебилъ полковникъ;—съ тобой поѣдутъ десять человѣкъ, которые знаютъ, въ какомъ она мѣстѣ.

Черезъ четверть часа Вальдивія возвратился съ своей командой. Опутавъ пушку веревками, они тащили ее лошадьми, по землѣ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, пушка зацѣпилась за камень, и лошади не могли сдвинуть ее съ мѣста; но Вальдивія помогъ горю: онъ приподнялъ пушку, и она опять пошла. Я между тѣмъ выстроилъ моихъ людей шагахъ въ трехъ-стахъ отъ *хачіенды*.

— Теперь, друзья мои,—сказалъ я имъ,—мы можемъ сдѣлать нападеніе двумя способами: или съ крикомъ отчаянно броситься всѣмъ на одинъ пунктъ, или раздѣлиться на два отряда, и пока одни станутъ разбивать ворота ядрами, другіе полѣзутъ приступомъ на стѣну, съ той стороны, гдѣ выдается терраса, подъ колокольней. Тѣ, которые пойдутъ на приступъ, возьмутъ съ собою плѣнника, и онъ будетъ ихъ проводникомъ, подъ страхомъ смерти. Но знайте, что для этого нужно пятьдесятъ человѣкъ самыхъ храбрыхъ и рѣшительныхъ охотниковъ: стѣна стоитъ надъ бездонной пропастью, и воротиться съ нея невозможно: тотъ, кто вздумаетъ спуститься назадъ, погибнетъ безвозвратно.

— Я первый иду на приступъ,—воскликнулъ полковникъ,—и можетъ быть наша смѣлость поможетъ намъ добраться до самаго коменданта!

— Вамъ, какъ я вижу, очень хочется захватить его,—замѣтилъ я полковнику.

— Да, какъ врага, который нанесъ мнѣ смертельную обиду.

Примѣръ полковника ободрилъ нашихъ *гверильеросовъ*; охотниковъ нашлось много, и онъ выбралъ изъ нихъ самыхъ лучшихъ. Одинъ только Испанецъ шелъ на эту экспедицію не совсѣмъ охотно, и ему, повидимому, очень не хотѣлось

Digitized by Google

лѣзть на стѣну въ двадцать пять футовъ вышины, и которая при томъ перпендикулярно возвышалась надъ пропастью.

Пятьдесятъ человѣкъ, отобранные полковникомъ, начали приготовляться къ приступу. Стѣны *хачіенды* были украшены очень частыми выступами, въ родѣ зубцовъ, которые здѣсь называются *астопая*, и служатъ признакомъ благороднаго происхожденія владѣльца. Каждый солдатъ, продѣвъ свое *лассо* въ кольцо, закинулъ его на зубецъ мертвой петлей, и стѣна въ минуту покрылась этими висячими, веревочными лѣстницами. Но прежде чѣмъ начался приступъ, мы условились съ полковникомъ, что солдаты его, взобравшись на стѣну, не должны нападать на Испанскій гарнизонъ до тѣхъ поръ, пока я не сдѣлаю по воротамъ трехъ пушечныхъ выстрѣловъ, которыхъ намъ казалось достаточно для разбитія воротъ. Потомъ Гардуно, съ обыкновеннымъ своимъ хладнокровіемъ, первый взялся за веревку, по которой долженъ былъ лѣзть на стѣну; далъ ее въ руки Испанцу, и велѣлъ ему лѣзть впередъ, а самъ, взявъ кинжалы въ зубы, послѣдовалъ за нимъ. По его примѣру, начали подниматься и солдаты, и скоро пятьдесятъ человѣкъ, держась руками за веревки и упираясь ногами въ стѣну, повисли надъ пропастью, какъ будто пятьдесятъ демоновъ, выскочившіе изъ нея.

Подвигъ этотъ былъ подвигъ страшный, потому что оскользнись какъ-нибудь рука или отцѣпись *лассо*, человѣку не было никакого спасенія; но со всѣмъ тѣмъ постъ, который занималъ я, былъ еще опаснѣе. Часовой, поставленный на колокольнѣ, если бы даже и не спалъ онъ, не могъ замѣтить людей, поднимающихся на стѣну, за выступомъ платформы; но насъ могли открыть тотчасъ по выходѣ изъ рощи, и прежде, чѣмъ мы успѣли бы подойти на дистанцію, гдѣ нужно было намъ поставить пушку, которую приходилось опять волочь за собой по землѣ.

Я медлилъ открывать себя до тѣхъ поръ, пока всѣ наши взобрались на стѣну и взошли на террасу. Прежде всего я велѣлъ зарядить пушку; къ ней опять прицѣпили лошадей, и потащили ее. Но едва сдѣлали мы нѣсколько шаговъ, какъ

Digitized by Google

часовой, поставленный на плоской крышѣ одного изъ сараевъ фермы, замѣтилъ насъ, и выстрѣлилъ изъ своего карабина. Пуля однакожъ не сдѣлала намъ никакого вреда, и мы удвоили наши усилія, стараясь какъ можно скорѣе поставить пушку противъ воротъ, на которые хотѣли напасть. Скоро послышался другой выстрѣлъ, и потомъ, за стѣнами *хачіенды*, раздались звуки трубъ и громъ барабана. Видя, что намъ не удалось застать гарнизонъ въ разсплохъ, и занять нужную намъ позицію прежде, чѣмъ насъ замѣтятъ, я приказалъ моимъ всадникамъ кричать ура, безпрерывно измѣняя голоса, чтобы увеличить такимъ образомъ, въ воображеніи непріятеля, число нашихъ силъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ помощію этой хитрости, голоса ста человѣкъ казались голосами пятисотъ человѣкъ; съ этимъ вмѣстѣ я приложилъ къ пушкѣ фитиль, и громъ ея выстрѣла покрылъ своими перекатами эти дикіе крики.

Въ минуту стѣны *хачіенды* покрылись Испанскими солдатами, которые открыли по насъ сильный огонь. Несмотря на то, что онъ становился для насъ гибеленъ, солдаты мои, томимые жаждой питья и жаждой побѣды, выдерживали его мужественно. Мы отвѣчали на непріятельскіе выстрѣлы нашими; всадники, тащившіе пушку, удвоили свои усилія; но когда они огибали уголъ стѣны, заходя къ переднему фасу *хачіенды*, гдѣ были главные ворота, ихъ вдругъ остановилъ широкій и глубокій ровъ, черезъ который не было никакой возможности перетащить орудіе, безъ помощи понтоннаго моста. Это неожиданное препятствіе поставило насъ въ страшное затрудненіе.

— Ничего,—сказалъ Вальдивія,—мы разобьемъ стѣну. Эти кирпичи еще скорѣе разлетятся отъ ядеръ, чѣмъ крѣпкія ворота, окованныя желѣзомъ.

Замѣчаніе его дѣйствительно было справедливо, и я соскочилъ съ лошади, чтобы навесть пушку. Но едва я подошелъ къ ней и бросилъ взглядъ по ея направленію, у меня невольно вырвался крикъ отчаянья. Мы были задержаны на такомъ мѣстѣ, что наша пушка не могла бить въ непріятельскую

Digitized by Google

стѣну, и ядра должны были упираться въ землю ниже ея. Все казалось потерянымъ: какъ навесть орудіе безъ лафета? А между тѣмъ непріятельскія пули сыпались на насъ градомъ; положеніе наше становилось критическимъ. Безъ лѣстницъ намъ не было никакой возможности броситься на приступъ подъ такимъ сильнымъ огнемъ, и пятьдесятъ человѣкъ, взобравшіеся уже на террасу *хачіенды*, съ тѣмъ, чтобы напасть на гарнизонъ вмѣстѣ съ нами, подвергались теперь неминуемой опасности или лечь на мѣстѣ, или быть взятыми въ плѣнъ.

— На сколько надобно поднять пушку, чтобъ навесть ее на стѣну?—спросилъ меня Вальдивія.

— Фута на полтара,—отвѣчалъ я ему, пригнувшись снова къ пушкѣ, и измѣряя глазомъ ея направленіе.

— А если у васъ будетъ лафетъ въ полтара фута вышины, пробьете ли вы тогда брешь?

— Непремѣнно.

— Въ такомъ случаѣ моя спина замѣнитъ вамъ лафетъ.

— Ты шутишь, Вальдивія! — сказалъ я, глядя на него съ удивленіемъ.

— Нисколько.

— Всѣ знали его богатырскую силу, но всѣ, точно также, какъ я, удивились такому оригинальному предложенію. Между тѣмъ Вальдивія, въ доказательство того, что онъ дѣйствительно не шутилъ, сталъ на колѣни, уперся руками въ землю, и приготовилъ свои широкія плеча для поддержанія пушки.

— Шесть человѣкъ съ трудомъ подняли ее и взвалили на спину Вальдивіи. Геркулесъ и не поморщился отъ этой тяжести, не погнулся отъ нея ни на одну линію. Подъ животъ Вальдивіи подцѣли *лассо* и прикрутили имъ пушку къ туловищу неустрашимаго солдата, какъ каронаду къ борту корабля.

— Набивайте пушку порохомъ до самаго жерла! —закричалъ Вальдивія.

— Непріятельскія пули продолжали на насъ сыпаться, и одинъ изъ людей, находившихся при пушкѣ, повалился

Digitized by Google

мертвой подлѣ самаго солдата, превратившагося въ лафетъ. Орудіе однакоже зарядили.

— Пагнись немножко, — сказалъ я Вальдивіи. — Такъ, хорошо; ну теперь держись крѣпче.

— Живой лафетъ сдѣлался неподвиженъ, какъ будто выкованный изъ желѣза. Я приложилъ фитиль къ затравкѣ; выстрѣлъ грянулъ, и въ стѣнѣ открылось обширное отверзтіе.

— Ну что?—спросилъ Вальдивія, приподнимаясь немного на своихъ могучихъ рукахъ, чтобъ посмотрѣть на дѣйствіе ядра.

— Славно, любезный,—сказалъ я:— ядро попало прямо въ цѣль.—Вальдивія снова нагнулся; пушку снова зарядили огромнымъ зарядомъ;—второй выстрѣлъ раздался, и надъ стѣной взвилось цѣлое облако пыли.

— Послѣ этого выстрѣла Вальдивія опять приподнялся.... Славно было видѣть, синьоръ кавалеръ, славно было видѣть, какъ этотъ молодецъ, сила котораго равнялась силѣ двадцати человѣкъ, приподнималъ на себѣ тяжелую пушку какъ перушко! Жилы лба его напряглись, лицо горѣло, и воспламененнымъ взоромъ слѣдилъ онъ за дѣйствіемъ ядеръ, летѣвшихъ съ его спины. Крики восторга и удивленія невольно вырывались у моихъ солдатъ, надежда которыхъ, напиться свѣжей, холодной воды, оживала съ каждой минутой.

— Еще одинъ выстрѣлъ,—вскричалъ богатырь, — только цѣльте немножко лѣвѣе.

Я послѣдовалъ совѣту Вальдивіи. Пушку зарядили въ третій разъ, и въ третій разъ она грянула. Тутъ у Вальдивіи вырвалось какое-то глухое восклицаніе; онъ по прежнему хотѣлъ приподняться, но ужъ не могъ. Пушку сняли съ него. Онъ вздохнулъ свободнѣе, попробовалъ еще разъ встать на ноги, но усиліе напрасное! ноги отказались служить ему, и этотъ человѣкъ, еще за минуту назадъ только сильный и бодрый, оставался неподвиженъ подъ своей собственной тяжестью, какъ бездушная масса.

Нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что это чудо силы, что этотъ богатырь, замѣнившій намъ собой военную машину,

Digitized by Google

былъ парализированъ, я не могъ однакожъ оставаться подлѣ него, и долженъ былъ поспѣшно броситься къ брешѣ, которую мы пробили. Въ то же самое время, пятьдесятъ человѣкъ, предводительствуемые полковникомъ, по нашему третьему выстрѣлу, выскочили изъ своей засады, и съ крикомъ бросившись на непріятеля, отвлекли часть его отъ защиты бреши. Въ одно мгновеніе проложили мы себѣ кровавый путь между рядами Испанцевъ. Сквозь брешь солдаты наши увидѣли, по срединѣ двора *хачіенды*, колодезь, и тогда ужъ никакія силы человѣческія не въ состояніи были удержать ихъ стремительной атаки. На дворѣ завязалась страшная свалка, точно на кораблѣ во время абордажа. Сумракъ ночи скрывалъ отъ Испанцевъ нашу малочисленность, между тѣмъ какъ ихъ силы приблизительно были намъ извѣстны. Крики: *да здравствуетъ Мехика*! раздавались со всѣхъ сторонъ, и наконецъ я услышалъ голосъ полковника, который кричалъ: — къ коменданту, ребята, къ коменданту! Взять его живаго и не дѣлать ему ни одной цараппны!

Какъ жалѣлъ я въ эту минуту, что съ нами не было Вальдивіи, могучія руки котораго очень бы намъ пригодились, но дѣлать было нечего. Пока я напрасно старался пробиться къ коменданту, который былъ замѣтенъ по своему мундиру, вдругъ надъ нимъ взвилась широкая петля *лассо* и опустилась прямо на его голову; я видѣлъ, какъ онъ зашатался, какъ упалъ, но больше ужъ не видалъ и не слыхалъ ничего: Ударъ въ голову карабиннымъ прикладомъ повалилъ меня безъ чувствъ къ ногамъ сражающихся... Когда я опомнился; на дворѣ *хачіенды* было уже тихо, и подлѣ меня лежалъ храбрый Вальдивія. Нѣсколько человѣкъ нашихъ солдатъ держали въ рукахъ зажженные факелы, и поднявъ ихъ высоко, ярко освѣщали ими довольно большое пространство, по срединѣ котораго вколачивали въ землю четыре кола.

— Гдѣ мы?—спросилъ я Вальдивію, котораго тотчасъ же узналъ.

— Въ нашемъ собственномъ владѣніи, чортъ возьми!—сказалъ

Digitized by Google

онъ. — Я говорилъ вамъ, что мы останемся побѣдителями. Правда, что эта побѣда стоитъ мнѣ....

— А это что за церемонія приготовляется здѣсь?—прервалъ я его.

— Это церемонія мщенія, которымъ сей-часъ будетъ наслаждаться полковникъ Гардуно.

Когда колья были вколочены, привели человѣка, съ блѣднымъ, свирѣпымъ лицемъ. На немъ не было ужъ мундира, но я узналъ въ немъ Испанскаго коменданта.

— Комендантъ,—сказалъ полковникъ, приблизившись къ нему,—вы нанесли самое низкое оскорбленіе непріятелю, котораго взяли въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ; теперь этотъ непріятель заплотитъ вамъ тѣмъ же.

По знаку полковника, коменданта положили ничькомъ между четырехъ кольевъ, и привязали къ нимъ его руки и ноги; потомъ начался свистъ прутьевъ.... Я отвернулся, понявъ очень хорошо, отчего полковникъ такъ жадно искалъ случая отмстить Испанскому коменданту.

— Ну, ступайте теперь, куда хотите,— сказалъ полковникъ, кончивъ экзекуцію;—и впередъ не безчестите свое имя нарушеніемъ военныхъ законовъ.

Комендантъ удалился, при насмѣшливыхъ крикахъ солдатъ, скрежеща зубами отъ злобы и отчаянія.

— Ну, а ты что?—спросилъ я Вальдивію.

— Я исполнилъ мое обѣщаніе,—отвѣчалъ солдатъ.—Нарочный, котораго я послалъ къ генералу Району, увѣдомитъ его о нашей побѣдѣ, и армія его не перейдетъ къ Испанцамъ. Что касается собственно до меня, я едва ли больше гожусь на что-нибудь: спина моя, кажется, совсѣмъ сломана.

Геркулесъ, два раза выдержавшій на себѣ сотрясеніе пушки при выстрѣлѣ, не вынесъ третьяго. Но со всѣмъ тѣмъ страшная сила пороха не могла переломить его желѣзныхъ костей, а только нанесла ему вывихъ. Вотъ отъ чего онъ и остался живъ.

Благодаря геройскому подвигу этого человѣка, прозваннаго съ тѣхъ поръ *лафетомъ*, генералъ Районъ могъ продолжать

Digitized by Google

свое движеніе на Кахатехасъ, и 15-го Апрѣля 1811 года, т. е. черезъ двадцать дней по выходѣ нашемъ изъ Сальтильо, мы заняли этотъ городъ, который составлялъ одинъ изъ важнѣйшихъ военныхъ пунктовъ Мехики.

Взятіе Кахатехаса навело ужасъ на непріятеля, и имена Района и Торреца, до тѣхъ поръ неизвѣстные, сдѣлались знамениты. Къ несчастію, переходъ отъ Сальтильо до Кахатехаса, и взятіе этого города, какъ будтобы истощили всю энергію и всѣ военныя способности генерала Района. Съ этой минуты, онъ дѣлалъ только однѣ безпрерывныя ошибки, которыя, съ рѣдкими исключеніями, давали Испанцамъ постоянный перевѣсъ надъ нимъ. Наконецъ, онъ, при всей своей храбрости, совершенно потерялъ вѣру въ свое военное счастье, и при первой минутной неудачѣ бѣжалъ отъ непріятелей. Звѣзда его закатилась; онъ видѣлъ это самъ, но не только не хотѣлъ уступить кому-нибудь другому главное начальство надъ арміей, а напротивъ всѣми мѣрами старался вредить каждому генералу, который затмевалъ его своими талантами. Однимъ словомъ, вся военная слава Района чуть ли не заключается въ исторіи Курено, которую я разсказалъ вамъ, и которая составляетъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ этой кампаніи.

Капитанъ умолкъ. Наступила совершенная ночь; огни погонщиковъ угасли, и шумъ вечера замѣнился торжественной тишиной. Намъ нуженъ былъ отдыхъ для завтрашняго пути, въ который мы хотѣли пуститься пораньше, но со всѣмъ тѣмъ я не могъ не спросить капитана: осталось ли въ военныхъ лѣтописяхъ Мехики имя Курено, подлѣ имени генерала, котораго онъ спасъ своимъ геройскимъ подвигомъ.

— Увы!—отвѣчалъ капитанъ, — когда поколѣніе нашихъ старыхъ воиновъ угаснетъ, ни одна душа не будетъ знать, чѣмъ былъ обязанъ генералъ Районъ солдату Вальдивіи.

Digitized by Google

ОРГАНИЗМЪ И ЖИЗНЬ,

РАЗСМАТРИВАЕМЫЕ СЪ МАТЕРІАЛЬНОЙ (ХИМИЧЕСКОЙ) СТОРОНЫ.

(Первоначальныя понятія.)

Если явленія міра неорганическаго поражаютъ наблюдателя своею громадностію и своимъ блескомъ, то наоборотъ явленія міра органическаго, живаго въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова, совершаясь въ малыхъ размѣрахъ, изумляютъ своею сложностію и разнообразіемъ. Гроза, землетрясеніе, изверженіе волкана, подъемъ или провалъ горнаго хребта представляютъ не болѣе таинственнаго, загадочнаго, занимательнаго для мыслителя, какъ жизнь малѣйшей былинки, разцвѣтаніе и увяданіе цвѣтка, рожденіе и смерть едва замѣтнаго червя. Правда, не всякаго занимаютъ эти явленія, потому что не всякій способенъ всмотрѣться въ нихъ, осмыслить ихъ для себя, тогда какъ явленія міра неорганическаго каждый осмыслитъ по своему. Зевсъ Громовержецъ находитъ поклонниковъ прежде Цереры: за то въ миѳѣ Цереры болѣе внутренняго смысла, чѣмъ въ миѳѣ Зевса, громящаго Титановъ.

Жестоко ошибся бы тотъ, кто бы подумалъ, что постигнуть сущность жизни одного малѣйшаго растенія легче, чѣмъ постигнуть сущность явленій, совершающихся въ цѣлой массѣ планеты. И то и другое природа навсегда сокрыла отъ пытливой мысли непроницаемой завѣсой. Можно видѣть явленія, можно ихъ сравнивать и различать, соединять и раздѣлять, можно подмѣчать ихъ формы, ихъ *типы*, можно выводить законы, по которымъ они совершаются; но нельзя понять ихъ сущности, нельзя опредѣлить, что они сами въ себѣ. Много успѣховъ сдѣлала наука, много сдѣлаетъ еще, но никогда не переступитъ той завѣтной черты, гдѣ оканчивается все конечное.

И потому мы не беремся опредѣлять, что такое организмъ,

Digitized by Google

что такое жизнь; не беремся даже различить положительно живое существо отъ мертваго, потому что не имѣемъ для этого достаточныхъ признаковъ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ предѣлы жизни и смерти? Срубленное и изсушенное дерево намъ кажется мертвымъ. Но вотъ на него дѣйствуетъ свѣтъ, теплота, влажность. Оно разрушается, тлѣетъ, по видимому умираетъ болѣе, чѣмъ прежде,—но это неправда. На немъ оказалась плѣсень, и микроскопъ доказалъ, что эта плѣсень есть совокупность безконечнаго множества живыхъ растеній. Въ немъ зародились черви. Стало быть, дерево, или лучше, вещество дерева, разрушаясь, не умерло, а ожило въ новой формѣ. Изъ куска мяса, повидимому мертваго, вырабатываются частицы плоти и крови животнаго; стало быть, то, что казалось мертвымъ, ожило. Кто знаетъ, можетъ быть, изъ, безжизненнаго кремня, при условіяхъ, которыхъ мы не можемъ предвидѣть, явится живое существо; можетъ быть эта сухая масса, по всемощному слову Господа силъ, одѣнется плотью, напитается влагою, пронижется жилами, получитъ духъ жизни и подвигнется и оживетъ.

Это мечта, скажутъ многіе,—не мечта, скажетъ каждый, кто рѣшится всмотрѣться въ дѣло. Передо мной окаменѣлое дерево. Разлагаю—оказывается, что оно состоитъ почти изъ чистаго кремнезема. Какая-то до сихъ поръ таинственная сила могла превратить древесину въ кварцъ. Это сдѣлалось, конечно, путемъ химическаго соединенія. Но что могло соединиться при однихъ условіяхъ, то при другихъ можетъ разложиться. Стало быть, если изъ древесны могъ образоваться кремень, то почемужь изъ кремня не можетъ образоваться древесина, или, по крайней мѣрѣ, уголь? Образовавшаяся древесина оживетъ черезъ тлѣніе; образовавшійся уголь превратится въ газъ (сгорить), и въ этомъ видѣ вдохнется организмами, уподобится плоти ихъ

Но оживленіе возможно и безъ разложенія. Голая гранитовая скала, разрушаясь мало по малу, превращается въ глинистую массу. Въ этой массѣ укореняются растенія, всасывающія составныя начала глины, какъ-то: щелочи, кремнеземъ, глиноземъ. Эти вещества,

Digitized by Google

мертвыя въ гранитѣ, теперь, подъ животворнымъ вліяніемъ организма, ожили сами,—ибо въ живомъ тѣлѣ все живо.

Такъ оживаетъ фосфорнокислая известь въ тѣлѣ млекопитающаго животнаго, поташь въ тѣлѣ растенія, мѣлъ или мраморъ—въ раковинѣ.

По этому мы не видимъ строгаго смысла въ выраженіяхъ: вещество мертвое и вещество живое, вещество неорганическое и вещество органическое. Что можетъ жить, то не мертво, и если не живо, не жизнедѣятельно, то, по крайней мѣрѣ, жизнеспособно.

Жива ли кость въ тѣлѣ животнаго, древесина въ древесномъ стволѣ, скорлупа яица, створка живой раковины? Несомнѣнно съ одной строны, что кость питается и измѣняется непрерывно, стало быть въ ней является существенный признакъ жизни—непрерывное измѣненіе вещества. Но это измѣненіе достигаетъ только извѣстнаго предѣла. Главное вещество кости—фосфорнокислая известь повидимому или вовсе не измѣняется, или измѣняется весьма медленно и только наполняется болѣе и болѣе. Притомъ не подлежитъ сомнѣнію, что измѣненіе кости сильнѣе въ слояхъ наружныхъ, и тѣмъ слабѣе, чѣмъ глубже слой.

Любопытнѣе всего здѣсь то, что внутренность кости становится полою и наполняется веществомъ мягкимъ, почти жидкимъ, костнымъ мозгомъ. Откуда берется это вещество? По своему составу оно сходно съ веществомъ кости и существенно отличается отъ него только малымъ количествомъ солей. Отъ кости оно отдѣлено внутреннею околокостною плевою. Сосуды кровеносные до него не достигаютъ. Слѣдовательно вещество это отдѣляется изъ самой кости сквозь плеву. Всматриваясь внимательнѣе въ этотъ процессъ, мы находимъ слѣдующее: внутри кости съ самаго перваго ея образованія находятся микроскопическія зернушки. Эти зернушки одарены двоякою способностію: a) притягивать къ себѣ жидкое вещество изъ кости, и b) размножаться. Но это размноженіе достигаетъ только извѣстнаго предѣла. Оно прекращается съ ростомъ животнаго. Въ этой эпохѣ количество

Digitized by Google

костнаго мозга нѣсколько времени остается одинаковымъ, а это значитъ, что образованіе приходитъ въ равновѣсіе съ истребленіемъ. Потомъ истребленіе беретъ перевѣсъ надъ образованіемъ—количество мозга уменьшается и наконецъ кость изсыхаетъ.

Что мы видимъ въ кости и костномъ мозгѣ животнаго, тоже самое видимъ въ древесинѣ и сердцевинѣ растенія. Есть, конечно, значительная разница въ составѣ между костью и древесиною, мозгомъ и сердцевиною; но значеніе, по формѣ образованія и истощенія, рѣшительно одно.

Туже форму найдемъ мы въ отложеніи жира въ клѣтчаткѣ животнаго, крахмала въ клѣткахъ картофеля, сахара въ корняхъ свекловицы, напр.

Наконецъ—давно извѣстно, что явленія болѣзненныя совершаются по тѣмъ же законамъ, какъ и явленія обыкновенныя, съ тѣмъ лишь развитіемъ, что законы неправильно примѣняются. Всѣмъ извѣстны больныя яица, такъ называемые болтуны. Эти яица образуются въ организмѣ птицы рѣшительно также, какъ образуется въ животномъ кость съ ея мозгомъ, въ растеніи древесина съ сердцевиною, какъ образуется клѣтка съ ея жиромъ, крахмаломъ, сахаромъ.

Но въ образованіи здороваго, обыкновеннаго яица есть что-то другое. Кромѣ силы, размножающей зернушки (corpuscula), и силы, притягивающей изъ скорлупы жидкость, бѣлокъ, здѣсь является еще сила сосредоточивающая и соединяющая зернушки, такъ что изъ нихъ образуется наконецъ желтокъ, а изъ желтка, при извѣстныхъ условіяхъ, цыпленокъ. Въ грубомъ видѣ подобное явленіе можно наблюдать въ крови. Положите каплю ея подъ микроскопъ, принявъ наперед ту предосторожность, чтобы ссѣданіе было замедлено, но не совсѣмъ остановлено. Вы увидите, что между двумя кровяными шариками, образуется соединительная нить, между другими тоже, и наконецъ пропзойдетъ цѣлая сѣть изъ шариковъ, связанныхъ нитями,—свертокъ (coagulum). Вещество соединяющее, вещество, изъ котораго образуются нити, здѣсь есть фибринъ. Какое-нибудь подобное вещество должно быть

Digitized by Google

и въ желткѣ. Однакожь приписать этому веществу исключительно образованіе желтка невозможно, ибо здѣсь является не безобразная масса, подобная свертку крови, а что-то стройное. Такъ и изъ крови въ живомъ и здоровомъ организмѣ образуются не свертки, а частицы органа, имѣющія свою опредѣленную и всегда одинаковую форму.

Обращаясь къ нашему вопросу, мы находимъ, что вещество костнаго мозга окончательно вырабатывается въ кости, вещество сердцевины въ слояхъ древесины, вещество яица въ скорлупѣ. Слѣдовательно кость, древесину, скорлупу мы должны почитать живыми и дѣятельными, хотя жизнедѣятельность скорлупы достигаетъ только извѣстнаго предѣла, когда она распадается и отпадаетъ. Не таково значеніе раковинъ. Первоначально соотвѣтствуя скорлупѣ и будучи органомъ для вырастанія въ ней содержимаго, раковина въ послѣдствіи остается при животномъ и питается отъ него, какъ кость питается въ позднѣйшемъ періодѣ жизни животнаго на счетъ костнаго мозга. Изо всего этого мы выводимъ покуда одно заключеніе, именно то, что все, находящееся въ живомъ тѣлѣ, живо.

Обыкновенно различаютъ вещества органическія отъ неорганическихъ по ихъ составу, принимая за основаніе, что первыя состоятъ изъ углерода, водорода и кислорода, иногда азота, послѣднія изъ другихъ элементовъ, или, если изъ тѣхъ же, то иначе соединенныхъ. Но это различіе едва ли основательно. Изъ тѣхъ же элементовъ состоятъ, по всей вѣроятности, такъ называемыя простыя вещества, и если они не разложены, то не потому, чтобъ были просты, а потому, что связь составныхъ началъ такъ крѣпка, что превосходитъ наши средства разложенія.

Гораздо важнѣе различеніе вещества живаго отъ мертваго по формѣ. Первое принимаетъ форму, болѣе или менѣе подходящую къ шару, послѣднее имѣетъ форму правильно геометрическую (кристаллъ). Однакожь эта послѣдняя форма

Digitized by Google

при извѣстныхъ условіяхъ является и въ веществахъ явно органическаго произхожденія, напр. въ сахарѣ, и съ другой стороны частицы вещества неорганическаго также при извѣстныхъ условіяхъ могутъ принимать форму округлую. При томъ, принявъ это различіе, пришлось бы допустить, что все жидкое, и особенно все газообразное, живо. Предположеніе по нашему мнѣнію, не лишенное основанія, однакожь не доказанное до сихъ поръ ничѣмъ и никѣмъ.

При всѣхъ трудностяхъ опредѣленія органическаго вещества или тѣла, мы, однакожь, не смѣшаемъ обыкновеннаго растенія или животнаго съ минераломъ. И потому, не гонялись наконецъ за строгимъ опредѣленіемъ, мы можемъ слѣдить жизнь, въ той мѣрѣ, въ какой она намъ доступна. Но предварительно скажемъ нѣсколько словъ объ организмѣ высшемъ и низшемъ.

Что законы жизни для самаго высшаго млекопитающаго животнаго и самаго безобразнаго слизняка одни и тѣже, это рѣшено несомнѣнно. Вся разница въ томъ, что высшій организмъ разнообразнѣе въ своихъ частяхъ, многосложнѣе въ своихъ отправленіяхъ, чѣмъ низшій. Безъ сомнѣнія, отправленія организма соотвѣтствуютъ его потребностямъ: но въ низшихъ организмахъ потребности или весма ограничены, или выполняются разными отдѣльными существами, составляющими, относительно единства отправленій, какъ бы одинъ организмъ. Я смотрю на улей пчелъ какъ на одинъ организмъ, въ которомъ различныя отправленія производятся разными особями, рабочими пчелами, трутнями, маткою. Въ высшихъ организмахъ большая часть отправленій совершается одною, нѣкоторыя двумя особами. Такимъ образомъ въ ульѣ рабочая пчела замѣняетъ руки и ноги, матка, можетъ быть, нервные центры высшихъ организмовъ, по крайней мѣрѣ по отправленіямъ.

Предположимъ, что есть животныя, у которыхъ при огромной величинѣ тѣла нѣтъ нервныхъ центровъ, т. е. нѣтъ головнаго и спиннаго мозга. Въ этомъ случаѣ каждая часть этого животнаго будетъ жить своею отдѣльною жизнью,

Digitized by Google

совершенно независимо отъ другой части, съ которою она будетъ связана только механически. Разсѣките это животное надвое, на множество частей, и вы увидите, что каждая часть живетъ, потому что каждая часть чувствуетъ и движется, даже питается, ибо въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно каждая часть снабжена нужными для того органами. Любопытный примѣръ этого рода животныхъ представляетъ плоская глиста (taenia solium и bothryocephalus). Между одной и другой частью этого страннаго существа нѣтъ, повидимому, никакой существенной связи.

Предположимъ дальше, что разныя части животнаго тѣла, имѣя отдѣльные нервы чувствующіе и движущіе, связаны однакожь общей узловой системой. Животное будетъ имѣть общій желудокъ, можетъ быть, общую кровеносную систему: но каждая его часть будетъ снабжена отдѣльными органами чувствъ и движенія. Такимъ образомъ, если животное будетъ состоять изъ десяти колецъ, то оно будетъ имѣть десятка два глазъ, столькоже ушей, столькоже, или болѣе, органовъ, замѣняющихъ ему руки, ноги инр. Очевидно, что эти органы во столько разъ должны быть слабѣе, во сколько они многочисленнѣе.

Въ высшихъ организмахъ является общая нервная система, болѣе или менѣе развитая. Органы чувствованія и движенія становятся отъ этого малочисленнѣе, за то сильнѣе. Если предположимъ, что то или другое млекопитающее животное не имѣло бы нервной системы, то мы должны предположить, что оно имѣло бы для каждаго позвонка два глаза, два уха, четыре оконечности, и о страданіи или опасности одного позвонка другой узналъ бы единственно помощію зрѣнія и слуха.

Въ низшихъ организмахъ каждую часть мы имѣемъ право считать особымъ организмомъ или совершенно отдѣленнымъ отъ цѣлаго (пчела отъ улья), или связаннымъ съ нимъ, механически (звѣнья плоской глисты), или органически, но слабо (кольца кольчатыхъ животныхъ); въ высшихъ каждую часть мы также могли бы считать особымъ организмомъ, но состоящимъ въ неразрывной связи съ цѣлой системой, такъ что

Digitized by Google

уничтоженіе одной части или уничтожило бы цѣлую систему, или, по крайней мѣрѣ, отняло бы нѣкоторыя изъ ея отправленій.

Въ низшихъ организмахъ каждая часть, развиваясь сама по себѣ, принимаетъ опредѣленную форму самобытно-живаго существа и при благопріятныхъ условіяхъ достигаетъ до высшаго возможнаго предѣла развитія: въ высшихъ организмахъ, каждая часть, развиваясь подъ вліяніемъ цѣлой системы, принимаетъ то же опредѣленную форму, но не форму самобытнаго живаго существа, а форму соотвѣтствующую системѣ, и достигаетъ только той степени развитія, какую можетъ допустить цѣлость системы. Отступленіе составитъ болѣзнь цѣлой системы.

Такимъ образомъ каждый высшій организмъ мы почитаемъ состоящимъ изъ безчисленнаго множества низшихъ, ограниченныхъ въ своемъ развитіи и своей дѣятельности силою системы. Изъ этого слѣдуетъ, что,

a) Хотя дѣятельность каждой частицы высшаго организма и ограничена дѣйствіемъ системы, но существенныя органическія отправленія, каковы: непрерывное измѣненіе вещества, опредѣленная продолжительность жизни и способность размножать свой видъ, неминуемо должны принадлежать каждой частицѣ.

b) Частица, освободившись отъ вліянія системы, будетъ развиваться, но не такъ, какъ она развилась бы подъ вліяніемъ системы, а своеобразно, какъ независимый организмъ.— Развитіе этихъ двухъ положеній составитъ нашу теорію органической жизни.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что количество, напр., крови въ тѣлѣ взрослаго человѣка несравненно больше, чѣмъ въ тѣлѣ младенца. Но доказано, что органическая часть крови, кровяные шарики ни чуть не крупнѣе у взрослаго, чѣмъ у ребенка. Стало быть, число шариковъ несравненно болѣе у взрослаго, чѣмъ у ребенка, и стало быть, въ крови есть сила, размножающая кровяные шарики.

Digitized by Google

Извѣстно, что количество, напр., клѣтчатки несравненно больше у взрослаго человѣка, чѣмъ у ребенка; но величина клѣтокъ у взрослаго ничуть не значительнѣе величины клѣтокъ у ребенка. Стало быть, въ организмѣ есть сила размножающая клѣтки, и вѣроятно, эта сила принадлежитъ самой клѣтчаткѣ.

Каждый органъ взрослаго человѣка больше, чѣмъ тотъже органъ младенца; и однакожь первоначальныя органическія частицы въ органѣ взрослаго человѣка ничуть не крупнѣе соотвѣтствующихъ частицъ въ органѣ младенца. Стало быть, гораздо значительнѣе ихъ число, и стало быть, въ каждомъ органѣ есть сила, размножающая органическія частицы.

Но какъ размножаются органическія частицы въ организмѣ взрослымъ, такъ размножаются самые органы въ зародышѣ, такъ размножаются и цѣлые организмы. Мысль эта можетъ показаться смѣлою, даже дерзкою, тѣмъ не менѣе она истинна.

Omnia vivunt ex ovo, и Omnia vivunt ex liquido, говаривали старые физіологи. Въ обоихъ положеніяхъ есть истина, но ни то, ни другое невѣрно въ своей исключительности, и даже оба вмѣстѣ не обнимаютъ цѣлаго предмета. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что каждый органъ питается изъ крови, т. е. изъ крови получаетъ и шарики, служащіе яичками для его частицъ, и жидкость, служащую питательнымъ веществомъ каждой частицы; и однакожь частицы органа образуются только въ органѣ, и въ каждомъ органѣ особыя, своего вида. Внѣ организма изъ тѣхъ же шариковъ и той же жидкости происходитъ безобразный свертокъ, а не дивно правильная частица органа.

Очевидно, что сила, дающая форму яицу и жидкости, заключается въ самомъ органѣ, а не въ крови. Эту силу называютъ *силою уподобляющею*: пожалуй такъ, хоть мы съ своей стороны гораздо лучше рѣшились бы назвать ее *силою организующею*. Не надобно считать ее невещественною или невѣсомою, какъ обыкновенно думаютъ ученые: напротивъ,

Digitized by Google

она вещественна такъ точно, какъ вещественна цвѣточная пыль, какъ вещественна плодотворная жидкость самца въ царствѣ животныхъ. Безъ этой силы органъ получаетъ изъ крови столькоже шариковъ, столькоже жидкости, но эти шарики, эта жидкость не оживаютъ въ приличной органу формѣ и извергаются вонъ или безъ измѣненія, или особымъ образомъ измѣненные, и измѣнивши, разстроивши самый органъ.

Каждая частица организма, подобно цѣлой системѣ, должна имѣть опредѣленную продолжительность жизни въ данной формѣ, должна также, какъ и цѣлая система, имѣть свои возрасты. Зарожденіе, ростъ, достигающій до высшаго, назначеннаго для этой частицы предѣла,—размноженіе вида и наконецъ старость также точно свойственны каждой частицѣ, какъ и цѣлому организму. Замѣчательно, что, когда первоначальный простой зародышъ достигаетъ извѣстнаго предѣла развитія, въ немъ или отъ него начинаютъ раждаться зародыши органовъ; когда всѣ эти зародыши явились, начинаютъ образоваться зародыши частицъ; когда такимъ образомъ каждый органъ достигъ до высшаго возможнаго развитія, сила производящая обращается на образованіе новыхъ организмовъ тогоже вида, а прежній организмъ старѣетъ, тощаетъ и наконецъ умираетъ, т. е. уничтожается сила, связующая его части. Но не надобно смѣшивать смерть организма съ смертью частицъ. Организмъ несравненно долговѣчнѣе частицъ и въ продолженіи своей жизни перемѣняетъ ихъ много разъ. Многіе натуралисты думаютъ, что черезъ шесть лѣтъ не остается въ тѣлѣ ни одной частицы прежней, а всѣ замѣняются новыми.

Частица умершая отдѣляется отъ своего органа, теряетъ свою форму, расплывается въ жидкости и изводится вонъ изъ организма въ видѣ отдѣленій (secreta) и изверженій (excreta).

Что одинъ органъ родится отъ другаго органа, это подтверждается ихъ перерожденіемъ въ растеніяхъ. Лепестокъ, тычинка, даже пестикъ суть видоизмѣненія листа. При однихъ условіяхъ, именно при условіяхъ благопріятствующихъ развитію и жизни недѣлимаго, намѣсто тычинки является

Digitized by Google

лепестокъ; при другихъ, благопріятствующихъ размноженію особей, лепестокъ перераждается въ тычинку. Подобнымъ образомъ листъ можетъ переродиться въ листокъ чашечки и наоборотъ. Стало быть зародышъ листа, листка, лепестка, тычинки и пестика одинаковъ, и стало быть зародышъ лепестка можетъ произойдти отъ зародыша листка. Подобнымъ образомъ, надобно думать, отъ зародыша одного органа въ тѣлѣ животномъ родится зародышъ другаго органа: ибо развитіе органовъ животнаго тѣла въ ихъ типической, простѣйшей формѣ ничуть не значительнѣе развитія органовъ растенія.

Окончательный выводъ нашъ изъ предъидущаго разсужденія будетъ тотъ, что частица родится отъ частицы, органъ отъ органа такъ точно, какъ организмъ отъ организма. Даже первоначальный типъ организаціи во всѣхъ случаяхъ будетъ одинаковъ. Типъ этотъ мы знаемъ: онъ всегда, постоянно есть пузырекъ съ сосудомъ, въ него оканчивающимся. Какъ пузырекъ, такъ и сосудъ въ послѣдствіи растутъ и въ тоже время въ пузырькѣ образуются новые пузырьки, сначала совершенно подобные первому, но потомъ иногда получающіе особыя формы. Каждый пузырекъ получаетъ свой сосудъ (каналъ) отъ первоначальнаго сосуда, съ которымъ или остается въ непосредственной связи во всю жизнь организма, органа или частицы, или, напротивъ, эта связь разрывается и пузырекъ съ своимъ сосудомъ становится отдѣльнымъ, притомъ проходнымъ или непроходнымъ, смотря по назначенію въ организмѣ.

Подобно тому, какъ тычинка цвѣтка, по совершеніи оплодотворенія, мало по малу теряетъ свою организацію и наконецъ умираетъ, и частица органа, оплодотворивъ частицу крови, мало по малу теряетъ свою форму, расплывается, умираетъ и изводится вонъ изъ организма. На мѣсто ея поступаетъ вновь родившаяся частица, исполняющая въ организмѣ тоже дѣло, какое и прежняя, т. е. растущая, живущая, оплодотворяющая и наконецъ умирающая. Подобно тому, какъ изъ ранняго цвѣтка при равно благопріятныхъ условіяхъ родится больше сѣменъ, чѣмъ изъ поздняго, и отъ частицъ юнаго организма

Digitized by Google

родится болѣе новыхъ частицъ, чѣмъ отъ частицъ зрѣлаго и стараго. Оттого юный организмъ растетъ, т. е. частицы его размножаются и производительность превосходитъ смертность; въ организмѣ зрѣломъ они уравниваются, въ старомъ смертность береть перевѣсъ надъ производительностью; организмъ худѣетъ.

Всѣми признано истиннымъ положеніе, что болѣзненныя явленія суть только видоизмѣненія явленій физіологическихъ, и что притомъ изъ этихъ видоизмѣненій весма часто становится яснѣе законъ самаго жизненнаго процесса. Изъ предъидущей теоріи можно уже заключить, что питаніе и вообще измѣненіе вещества можетъ быть порочнымъ а) или отъ порочнаго свойства питающей жидкости, напр. крови. Если ея шарики неспособны оплодотворяться, или по оплодотвореніи неспособны къ развитію и жизни въ формѣ органа, то съ одной стороны органъ худѣетъ, съ другой составъ самаго питательнаго сока становится неправильнымъ, или, какъ обыкновенно выражаются, порочнымъ, содержа въ себѣ вещества чуждыя для сока. Отсюда разныя болѣзненныя отложенія. б) Или отъ порочнаго свойства питаемаго органа, какъ-то: отъ неспособности его къ оплодотворенію частицъ сока или крови, отъ неспособности уподоблять себѣ оплодотворенное. Въ первомъ случаѣ частицы питательнаго сока, напр. крови, уже готовыя къ оплодотворенію, но не оплодотворясь, производятъ усиленное раздраженіе самаго органа и иногда цѣлаго организма, такъ называемое воспаленіе, съ послѣдующими явленіями: во второмъ случаѣ частицы органа замѣняются частицами менѣе организованными, напр. частицы мускула частицами жира, ткань легкихъ бугорками, древесина мякотью, похожею на сердцевину, крахмалъ сахаромъ. с) Или отъ избытка плодотворной силы органа—излишнее питаніе, (hypertrophia). Для объясненія этого явленія нужно припомнить, что какъ цѣлый организмъ имѣетъ двоякую цѣль, именно поддержаніе самого себя, чрезъ непрерывное измѣненіе или обновленіе своего вещества, и поддержаніе и размноженіе вида, такъ и каждый

Digitized by Google

органъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что его второе значеніе состоитъ въ поддержаніи организма. Легкое, напр., съ одной стороны питается само, съ другой, превращая черную кровь въ красную, служитъ для питанія цѣлаго организма. Мускулъ и самъ питается, и служитъ орудіемъ движенія; печень вырабатываетъ изъ крови и частицы своего существа и желчь. Если одно изъ двухъ отправленій усиливается, то другое неминуемо слабѣетъ, и наоборотъ. На излишне тучной почвѣ тычинки цвѣтка перерождаются въ лепестки: цвѣтокъ становится махровымъ и теряетъ способность размноженія вида. Такъ отолстѣніе сердца уничтожаетъ его способность сокращаться и двигать кровь; излишнее питаніе селезенки разстроиваетъ пищевареніе. Можетъ быть также d), что одна часть органа развивается на счетъ другой или одинъ органъ на счетъ другаго. Это можетъ быть или съ полною замѣною всѣхъ отправленій органа, или безъ замѣны. Примѣры явленій перваго рода весма многочисленны. Если изъ двухъ цвѣточныхъ почекъ срѣзать одну, другая разовьется гораздо сильнѣе и роскошнѣе. По сокрушеніи одного кровеноснаго сосуда сильно развивается другой, и кровеобращеніе возстановляется. Такъ точно недостатокъ одной желѣзы обыкновенно восполняется сильнымъ развитіемъ ея пары.

Иногда при недѣятельности или слабости одного органа усиливается другой, имѣющій хотя неодинаковое, но подобное значеніе. Легкія и печень служатъ для очищенія или претворенія крови. У утробнаго младенца легкія не дѣйствуютъ. За то печень чрезвычайно развита и въ извѣстной мѣрѣ замѣняетъ легкія. Такъ потовыя желѣзы до извѣстной степени могутъ замѣнять почки, и наоборотъ. Но разительнѣйшіе примѣры этого явленія мы встрѣчаемъ въ растеніяхъ. Здѣсь замѣщеніе можетъ простираться даже до высшихъ жизненныхъ отправленій, до размноженія вида. Извѣстно, что многія растенія размножаются не только отъ сѣменъ, но отъ корней и вѣтвей. Другія размножаются еще страннѣе, напр. картофель отъ шишекъ. И однакожъ не подлежитъ сомнѣнію, что въ картофелѣ оплодотвореніе совершается обыкновеннымъ

Digitized by Google

образомъ, въ цвѣткѣ; только плодъ въ нашемъ климатѣ не созрѣваетъ. Видъ немпнуемо долженъ бы былъ погибнуть, еслибъ природа не употребила страннаго средства для его сохраненія. Она перенесла вещество сѣмени, уже оплодотворенное, въ шишки, гдѣ подъ защитою крахмала и земли оно можетъ сохраниться и послужить къ размноженію вида. Любопытно знать, будутъ ли способны къ размноженію вида шишки картофеля, если не будетъ цвѣта.

Послѣднее явленіе, сюда относящееся, есть е) образованіе лжеорганизмовъ (pseudorganisationes). Въ нашей теоріи это явленіе объясняется очень легко. Мы видѣли, что частица раждается отъ частицы подобно тому, какъ организмъ отъ организма; но что въ своемъ развитіи, и относительно формъ и относительно величины, каждая частица ограничивается силою системы. Уничтожится дѣйствіе системы на эту частицу, и она, при благопріятныхъ условіяхъ, будетъ развиваться самобытно и своеобразно, составитъ особый организмъ, болѣе или менѣе совершенный. Мы видѣли, что частицы могутъ умирать въ живомъ организмѣ; такъ точно частицы могутъ жить и въ мертвомъ, по крайней мѣрѣ жизнеспособность ихъ не прекращается со смертью, съ разрушеніемъ системы. Изъ частицъ трупа, при достаточной теплотѣ, влажности, доступѣ воздуха, образуются черви. Изъ зародыша частицъ живаго животнаго внутри организма являются глисты. Изъ частицъ живаго растенія образуются грибы и потомъ черви.

Любопытно бы было рѣшить вопросъ: достигаютъ ли эти организмы полнаго развитія, т. е. получаютъ ли они способность размножать свой видъ обыкновеннымъ путемъ. Существованіе въ нѣкоторыхъ изъ нихъ органовъ размноженія вида повидимому наводитъ на положительное рѣшеніе: но не надобно забывать, что присутствіе органа не всегда соединено съ его дѣятельностію. Сосцы есть у самцовъ, но не дѣйствуютъ; подобнымъ образомъ могутъ остаться недѣятельными и другіе органы.

Что касается до формы образованія этихъ лжеорганизмовъ, она достаточно извѣстна. Первоначально образуется шарикъ,

Digitized by Google

потомъ пузырекъ, не соединенный съ органомъ вполнѣ и служащій гнѣздомъ (placenta) лжеорганизму. Въ этомъ пузырькѣ могутъ образоваться новые пузырьки, изъ которыхъ произойдутъ самыя животныя. Около нихъ собирается вещество, служащее для питанія животныхъ, подобно тому, какъ около желтка собирается бѣлокъ. Наконецъ животное образуется и начинаетъ жить собственною жизнію или на счетъ организма, его произведшаго, или совершенно оставивъ его, насчетъ другихъ организмовъ.

Очевидно, что каждый видъ организма и въ организмахъ сложныхъ каждый органъ долженъ производить этимъ способомъ особыя формы лжеорганизмовъ. Такъ иной видъ грибовъ образуется отъ корня ели, иной отъ корня березы, иной отъ гніющаго пня. Такъ одинъ видъ червей является въ печени, другой въ кишкахъ, иной въ кожѣ. Даже въ одномъ организмѣ и въ одномъ органѣ, но въ разныхъ возрастахъ, являются разныя формы лжеорганизмовъ. Такъ въ одномъ возрастѣ является одинъ, въ другомъ другой видъ ascaris, въ третьемъ taenia.

Продолжительность жизни этихъ существъ въ зародышномъ состояніи весма различна отъ различныхъ причинъ. Съ одной стороны понятно, что чѣмъ больше пищи, тѣмъ быстрѣе развитіе, и наоборотъ; количество же пищи для лжеорганизма обратно пропорціонально количеству пищи, потребляемой истиннымъ организмомъ. Извѣстно, что грибы растутъ преимущественно прежде цвѣта и послѣ созрѣванія плода дерева. Для питанія ихъ нужны азотисныя вещества: но пока растеніе цвѣтетъ, пока наливается его плодъ, вещества эти поглощаются цвѣтомъ и плодомъ и потому естественно развитіе грибовъ замедляется. Худосочное свойство крови животнаго, ослабляя питаніе истиннаго организма, естественно усиливаетъ развитіе лжеорганизмовъ, доброкачественное наоборотъ. Далѣе самое количество зародышей, при одинаковыхъ условіяхъ, естественно должно или ускорять или замедлять ихъ развитіе. Если одно и тоже количество пищи должно служить и для питанія одного и для питанія сотни зародышей, то понятно,

Digitized by Google

что въ первомъ случаѣ развитіе будетъ во сто разъ быстрѣе, чѣмъ въ послѣднемъ. Наконецъ различные виды лжеорганизмовъ должны препятствовать развитію другъ друга, отнимая другъ у друга пищу. Такимъ образомъ кожныя сыпи или язвы замедляютъ теченіе внутреннихъ органическихъ болѣзней; съ закрытіемъ первыхъ усиливаются послѣднія.

Грибъ по нашей теоріи не есть ни растеніе, ни животное. Это зародышъ животнаго лжеорганизма, происшедшій чрезъ перерожденіе частицы растенія или животнаго, это оплодотворенное яицо, изъ котораго въ послѣдствіи образуется животное. Подобная форма должна быть свойственна всѣмъ лжеорганизмамъ и нѣкоторые остаются въ ней весьма долгое время, другіе напротивъ, быстро развиваясь, являются въ видѣ червей.

Въ природѣ органической нѣтъ смерти въ собственномъ значеніи этаго слова: есть только перерожденіе вещества, уподобленіе его высшими организмами ихъ крови и плоти или при разрушеніи высшихъ организмовъ переходъ ихъ плоти и крови въ низшія, отдѣльныя органическія формы. Правда, органическая матерія можетъ оставаться нѣсколько времени недѣятельною; но никогда она не теряетъ своей жизнеспособности и должна окончательно ожить въ той или другой формѣ. Что оживляетъ ее, мы не знаемъ и не узнаемъ никогда: но какъ она оживаетъ, какъ принимаетъ ту или другую форму, какъ переходитъ изъ одной формы въ другую, мы знаемъ изъ многочисленныхъ и весма точныхъ наблюденій. Съ усовершенствованіемъ средства наблюденія данныя будутъ многочисленнѣе, точнѣе, яснѣе. Наука сдѣлаетъ еще огромные успѣхи, но, повторимъ еще разъ, никогда не раскроетъ она тайны организаціи и жизни въ нихъ самихъ, не постигнетъ ихъ сущности. Сущность жизни волею Творца навсегда сокрыта для смертныхъ. С.

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Письма объ Индіи, князя *А. Д. Салтыкова* (*). Москва. 1851 года, въ 8-ку.

Азія едва ли не прежде Европы дѣлается намъ извѣстною. Азія есть колыбель перваго человѣчества и почти всѣхъ религій, страна, въ которой зародились первыя сѣмена всего того, что впослѣдствіи на почвѣ Европы принесло изобильные и драгоцѣнные плоды. Изъ Азіи мы получаемъ золото и серебро, чай и кофе, прекрасный фарфоръ и превосходный лакъ, дорогія шали, парчи и роскошные ковры; въ Азіи все рѣзко противоположно Европѣ,—и природа съ ея произведеніями, и люди съ ихъ нравами, обычаями, жизнію, даже цвѣтомъ тѣла и волосъ, и чертами лицъ. Эти впечатлѣнія объ Азіи врѣзываются въ нашей памяти съ самаго раннаго нашего дѣтства; а извѣстно, что изъ всѣхъ впечатлѣній, впечатлѣнія дѣтства самыя сильныя и глубокія, и остаются въ душѣ нашей на всю жизнь. Подъ вліяніемъ ихъ, мы никогда не перестаемъ фантазіею стремиться на Востокъ, гдѣ, вслѣдствіе этихъ же впечатлѣній, все должно быть, какъ намъ кажется, чудно, поразительно, увлекательно и обаятельно. Такимъ образомъ въ душѣ нашей мало по малу является и возрастаетъ желаніе короче познакомиться съ этою страною, ея жителями и ихъ всецѣлою жизнію. Вотъ почему, если намъ попадаются подъ руку описанія путешествій по Европѣ и Азіи, то мы всегда готовы предпочесть послѣднія первымъ. Вотъ почему и «Письма объ Индіи» Князя Салтыкова, мы увѣрены, обратятъ на себя вниманіе читателей, потому что въ нихъ интересъ и занимательность далеко превышаютъ скуку, какая нерѣдко бываетъ при чтеніи подобныхъ сочиненій.

Первый вопросъ, который представляется въ нашей головѣ, по

(*) Сужденіе иностранцевъ объ этой книгѣ помѣщено въ одной изъ прежнихъ книгъ Москвитянина.

Digitized by Google

прочтеніи «писемъ объ Индіи», былъ вопросъ: къ какому разряду сочиненій должно ихъ отнести,—ученымъ или литературнымъ, и къ какимъ литературнымъ,—изящнымъ и занимательнымъ, или неизящнымъ и нестоющимъ вниманія читателей? Изъ книги Князя Салтыкова ясно видно, что онъ въ перепискѣ съ своимъ другомъ имѣлъ цѣлію сообщить ему все, что случалось съ нимъ на пути изъ Европы въ Азію и въ самой Азіи, и описать всѣ предметы, какіе встрѣчались и быстро смѣнялись передъ его глазами; слѣдовательно, въ книгѣ князя Салтыкова нѣтъ ни особенно важныхъ наблюденій, ни глубокомысленныхъ догадокъ, соображеній, сравненій и выводовъ, ни даже велерѣчивыхъ описаній мѣстъ и картинъ природы, какъ это встрѣчается во всѣхъ, такъ называемыхъ ученыхъ путешествіяхъ. Необыкновенно же легкій и ясный слогъ, простое описаніе новыхъ въ каждомъ письмѣ предмедовъ, возбуждающихъ и поддерживающихъ любопытство въ читателѣ, требуютъ отнести «Письма объ Индіи» къ литературнымъ и даже изящнымъ литературнымъ произведеніямъ.

Мы думаемъ, что князь Салтыковъ очень хорошо поступилъ, что въ своихъ письмахъ не прибѣгнулъ къ ученымъ соображеніямъ, догадкамъ, сближеніямъ и сравненіямъ. Тогда книга его въ глазахъ читателей, вѣроятно, потеряла бы много. Князь Салтыковъ, кажется, хорошо самъ это понимаетъ, и просто описываетъ попадавшіяся ему на пути мѣста и предметы, предоставляя читателю всякія сравненія и сближенія; отъ того подобныхъ мѣстъ въ «Письмахъ объ Индіи» очень мало.

Стр. 9-я: «Обширной городъ Бомбай раскинутъ посреди пальмоваго «лѣса. 280,000 Индійцевъ и Гебровъ населяютъ его.... Передъ вами— «люди полунагіе, въ бѣлыхъ полостяхъ, съ мѣднымъ цвѣтомъ лица, «съ разрисованными плечами и руками, въ чалмахъ бѣлыхъ, алыхъ, «желтыхъ или зеленыхъ. *Передъ вами женщины, также едва «облеченныя въ разноцвѣтныя прозрачныя, какъ паутина, ткани, «разукрашенныя золотыми и серебряными ожерельями, кольцами, «подвѣсками, на шеѣ, на рукахъ, на ногахъ, серьгами въ ушахъ, «въ ноздряхъ, раздушенныя благовонными цвѣтами, вплетенными «въ волосы....*» и прочее.

И на 12-й страницѣ: «Безъискуственная грація туземцевъ – для «Англичанъ Европейская грамота: простота не нравится уму, привык- «шему къ вычурности. *А между тѣмъ, что можетъ быть пла- «чевнѣе смѣшныхъ нарядовъ, безобразящихъ нашихъ дамъ, въ*

Digitized by Google

«*сравненіи съ чудной первобытной одеждой Индіянокъ, скроенной «и прилаженной самой природой!*»

На с. 61 напрасно авторъ думаетъ, что «*языческой Руси Князья «вели такуюже жизнь, какъ Индійскіе Раджи*».

Во 1-хъ, въ языческой Руси князья, при своемъ безпокойномъ, норманскомъ характерѣ, не сидѣли въ «низкихъ удушливыхъ покояхъ»; имъ вообще не сидѣлось на одномъ мѣстѣ, и они метались въ разные концы новаго своего отечества, или тревожили другія государства, напримѣръ, Грецію, и были сами тревожимы другими племенами и народами; слѣд. они и не вели однообразной и скучной семейной жизни. Во 2-хъ, самымъ главнымъ предметомъ увеселеній Русскихъ языческихъ князей въ мирное время были пиры съ дружиною и народомъ, и зрѣлищъ никакихъ и никогда въ древнѣй Руси не бывало,— по крайней мѣрѣ никто изъ лѣтописцевъ о нихъ не говоритъ ни слова.

Замѣтимъ еще, что въ «Письмахъ объ Индіи» нерѣдко встрѣчаются описанія различныхъ удобствъ и невыгодъ, мелкихъ удачъ и неудачъ, какія случаются съ каждымъ путешественникомъ. Въ нихъ вы прочтете, напримѣръ, что онъ нуждался въ деньгахъ, въ Европейской пищѣ, въ удобномъ квартирномъ помѣщеніи, что его нѣсколько разъ роняли съ паланкина и безпокоили крысы и насѣкомыя; прочтете даж о томъ, какія онъ дѣлалъ предположенія касательно своей поѣздки въ такія-то и такія мѣста, и какія писалъ распоряженія своему управляющему, и наконецъ, какіе сны снились ему на пути.... За исключеніемъ этихъ недостатковъ, которыхъ, впрочемъ, тоже мало, мы назвали бы «Письма объ Индіи» неукоризненными. Особенно намъ нравится слогъ: легкій, плавный слогъ! Далѣе: въ каждомъ письмѣ вы встрѣтите, какъ мы уже сказали, новые предметы, отъ чего всѣ «Письма» занимательны и читаются съ удовольствіемъ. Правда, что многіе изъ этихъ предметовъ извѣстны читателямъ; но эта извѣстность — условная: иные подробно знаютъ, напримѣръ, обряды сожженія женщинъ съ умершими мужьями, а другія только кое-что объ этомъ слышали. Въ «Письмахъ» же Салтыкова всѣ эти предметы описаны и довольно подробно, и очень занимательно.

Рекомендуемъ книгу князя Салтыкова читателямъ, такъ называемаго, *легкаго чтенія*, то есть повѣстей и романовъ. У насъ и до сихъ поръ есть еще люди, которые не перестаютъ жаловаться на скудность книгъ, годныхъ для чтенія. Многіе, читая только романы и повѣсти, и начитавшись ихъ вдоволь, скоро ими пресыщаются; всѣ, послѣ прочтенныхъ романовъ и повѣстей, вновь выходящіе, кажутся имъ извѣ-

Digitized by Google

стными по содержанію и скучными по изложенію, отчего требуютъ романовъ и повѣстей съ героями возвышенныхъ характеровъ, сильныхъ страстей, могучей воли, со сценами поразительными, съ обстановками новыми и занимательными. Но такъ какъ великость, сила и могущество рѣдкое явленіе въ природѣ и мірѣ нравственномъ; то и такіе романы и повѣсти появляются очень рѣдко. Взяться же за чтеніе чего-либо посерьезнѣе романовъ и повѣстей, для этого требуется много условій: подготовленіе къ нему, трудъ, умѣнье и прочее. Такимъ образомъ приходится читателямъ легкаго чтенія или совсѣмъ отказаться отъ чтенія, или читать то, что имъ черезъ-чуръ уже надоѣло. Для такихъ-то читателей описанія путешествій есть необходимая отрасль литературы, а въ числѣ ихъ «Письма объ Индіи» есть прекрасная книга, потому что эти письма и занимательны, и очень хороши, и даже полезны, и стоятъ гораздо выше многихъ длинныхъ и скучныхъ романовъ и повѣстей. *И. Р.-Р.*

Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. По Высочайшему повелѣнію, изданные II Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи. *Часть I.* Сношенія съ государствами европейскими. *I томъ* — съ Имперіею Римскою, съ 1488—1595.— С. П. Б. 1851. I—XXV. 1620.

Для полной, вѣрной оцѣнки того значенія и той важности, которыя должно приписать изданію древнихъ дипломатическихъ актовъ, нуженъ длинный рядъ работъ по части древней русской дипломатіи, и длинный рядъ годовъ исторической русской литературы, точно такъ же, какъ это нужно для вѣрной оцѣнки изданій Археографической Коммиссіи. Оба изданія имѣютъ то общаго между собою, что воскрешаютъ предъ нами наше прошедшее, столь знаменательное для всего настоящаго и всего будущаго. Настоящее, занятое своими собственными вопросами и задачами, разсматриваетъ прошедшее только съ своей точки зрѣнія, и не можетъ вполнѣ обнять и понять все богатство прошедшаго. Для полной разработки, полнаго обсужденія и полнаго усвоенія уроковъ и указаній прошедшаго, нужно нѣсколько такихъ моментовъ изъ будущаго, которые, въ свой чередъ, назовутся настоящимъ, и приложатъ свое вниманіе и свое усиліе къ разработкѣ прошедшаго. Работа надъ прошедшимъ есть задача для каждаго настоящаго и заслуга для всего будущаго. Посему изданіе памятниковъ имѣетъ полное право на бла-

Digitized by Google

говѣйную признательность многихъ грядущихъ поколѣній, которыя не могутъ не сочувствовать живительной мысли возрожденія прошедшаго.

Съ такимъ чувствомъ приступили мы къ чтенію и изученію давно ожиданнаго сокровища, которое теперь, по волѣ Государя Императора, открыто предъ нами, трудами II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Этимъ изданіемъ наконецъ осуществляется потребность обнародованія дипломатическихъ актовъ, высказанная еще Императрицею Екатериною II (1). Но, какъ многое изъ задуманнаго Великими Петромъ I и Екатериною II, изданіе государственныхъ актовъ Россіи предоставлено было совершить благополучно царствующему Императору Николаю I. По идеѣ, данной Государыней Екатериною II, трудились, но безъ послѣдствій, и Миллеръ, и Малиновскій, и Бантышъ-Каменскій, и графъ Румянцевъ (2). Только графъ М. М. Сперанскій положилъ прочное начало дѣлу изданія, помѣстивъ въ Полномъ Собр. Законовъ, государственные трактаты Россіи, съ половины XVII в.

Но изданіе дипломатическихъ актовъ, лежащее предъ нами, существенно отличается отъ изданія трактатовъ, помѣщенныхъ въ Полномъ Собраніи, въ значеніи законовъ Имперіи. Въ этомъ изданіи трактатовъ, естественно, опущено все, что служило близкимъ или отдаленнымъ поводомъ и мотивомъ къ составленію самаго трактата, — опущены всѣ переговоры и вся внѣшность заключенія акта. Изданіе дипломатическихъ актовъ имѣетъ совершенно другой характеръ. Читая памятники этихъ актовъ, мы какъ бы лично присутствуемъ при историческомъ развитіи нашей дипломатіи, и слѣдимъ за исторіею всѣхъ и каждаго изъ ея актовъ, начиная съ первой минуты зарожденія его въ умѣ правительства по всѣмъ степенямъ развитія въ переговорахъ, и со всею наглядностію окончательнаго составленія, въ формѣ трактата. Это единственное собраніе, за исключеніемъ, быть можетъ, собранія юридическихъ актовъ (3), въ которомъ сохранялось каждое слово, съ его древнею, на-

---

(1) Ук. 1779, Янв. 28, п. П. П. С. З. N 14, 834, въ книгѣ штатовъ дух. и гражд. «для россійской исторіи, повелѣваемъ учинить собраніе всѣхъ нашихъ древнихъ и новыхъ трактатовъ, по примѣру Дюмонова, и поручить статскому совѣтнику Миллеру».

(2) См. введеніе въ Собр. Русск. Грамот. и Роброклоп. Указатель трактат. VII и слѣд.

(3) Весьма жаль, что, при изданіи Юридическихъ Актовъ, ограничились только нѣсколькими документами, въ каждомъ родѣ, образцами. Древнія формы только любопытны; древняя жизнь всегда поучительна.

Digitized by Google

нною силою, напр. *угорскими вшами королю Батуру не заплатить найма его воинамъ* (1); — равно кмъ, въ актахъ этаго собранія, сохранилась и всякая фраза, которою наши древніе дипломаты скрывали, при нуждѣ, свои задушевныя мысли и желанія, въ родѣ слѣдующей: *паробокъ есми у Государя своего молодой, болшія дѣла мнѣ какъ вѣдать мочно* (2)? Правда, всѣ эти слова и мысли и фразы относятся къ одному предмету — къ сношеніямъ внѣшнимъ; но чего не касались эти сношенія въ самой Россіи отъ сватовства и браковъ государей до суда и расправы надъ иностранцами, до торговли, судоходства, лмовъ?

Передъ нами, пока, I-й томъ I-й части сношеній съ Европою, содержащій въ себѣ *сношенія Россіи съ Римскою имперіею*, съ 1488 до 1595. Но сколько тутъ предметовъ для размышленія; сколько вопросовъ для изъученія! Общее содержаніе этихъ актовъ — ходъ событій, подавшихъ поводъ къ сношеніямъ этихъ державъ, равно какъ самый результатъ посольствъ имперскихъ и русскихъ — все это извѣстно было давно, — извѣстно изъ исторіи Карамзина и изъ другихъ сочиненій. Посему, говоря объ изданіи дипломатическихъ актовъ, показать только содержаніе этихъ актовъ, значитъ ничего еще не сказать объ нихъ. Достоинство и важность дѣла требуетъ болѣе глубокаго вниманія и обстоятельнаго знакомства съ изданными актами.

Должно вспомнить, что издаваемые теперь Памятники принадлежатъ времени, когда ни въ Россіи, ни на западѣ Европы не было *постоянныхъ миссій* или посольствъ, которыя бы проживали цѣлые годы, при извѣстномъ дворѣ, въ качествѣ законнаго присутственнаго мѣста, для наблюденія за ходомъ дѣлъ, и для остановленія своимъ veto всего, что противно пользамъ ихъ отечества. Въ этомъ состоитъ существенное отличіе древней дипломатіи отъ новой, образовавшейся, на западѣ, преимущественно, съ половины, а, въ Россіи, съ конца XVII в., или съ Петра В. До этой эпохи, повсюду, въ Европѣ, послы приходили и уходили, по мѣрѣ временной надобности, и по требованію случая; посольства оставались въ мѣстѣ назначенія только до окончанія однаго дѣла, до рѣшенія однаго вопроса, и потомъ замѣнялись другими, новыми, при другихъ лицахъ, съ другими дѣлами, съ другими наказами. Отсюда выходило естественное преобладаніе словесныхъ переговоровъ передъ письменными сношеніями: во-первыхъ потому, что одна изъ

(1) Диплом. Акт. I, 827.

(2) Диплом. Акт. I, 777.

Digitized by Google

сторонъ могла быть совершенно неготовою къ вершенію дѣла, задуманнаго и обдуманнаго другою, и должна быть склоняема къ дѣйствію или бездѣйствію длиннымъ рядомъ переговоровъ, доказательствъ, убѣжденій. Съ другой стороны, словесные переговоры были необходимы и потому, что каждое новое посольство должно было выполнять весь чинъ посольскій, *съ правленія* или перваго представленія до прощальной аудіенціи.

Между тѣмъ, при отсутствіи въ тогдашней дипломатіи, особенно напр. въ сношеніяхъ Россіи, одного общаго языка, которымъ владѣетъ новѣйшая дипломатія, и по причинѣ всегдашней важности вопросовъ, составляющихъ предметъ государственныхъ сношеній, должно было прибѣгать къ переводу словесныхъ рѣчей на бумагу, и къ письменнымъ документамъ. Отсюда образовалось то огромное количество актовъ, — наказовъ, статейныхъ списковъ, рѣчей и отвѣтовъ, — которое входитъ въ составъ изданія дипломатическихъ актовъ; это положеніе дѣлъ оказалось теперь весьма полезнымъ, для изученія исторіи древней дипломатіи, но въ то время было не безъ затрудненій правительства.

Мы уже сказали, что всякое новое посольство могло вызвать къ дѣятельности новыя лица, — съ новыми наказами, съ новыми усиліями и новыми средствами ума и характера. Естественно, что отсюда, въ результатѣ, получалось замѣчательное разнообразіе въ тактикѣ переговоровъ, въ ходѣ доказательствъ, въ способѣ взаимнаго убѣжденія сторонъ. Отсюда же могла произойти опасность получить разнорѣчивыя рѣшенія по одному и тому же дѣлу, не вслѣдствіе перемѣны въ существѣ его обстоятельствъ, а вслѣдствіе особенностей въ личности посланниковъ. Эта опасность вызвала, для древней дипломатіи, такое устройство, по которому дѣла переговоровъ совершались почти непосредственно Государемъ, въ его Думѣ и Думой или Совѣтомъ. Рѣдки случаи, въ которыхъ иноземныя посольства правились не въ присутствіи Государя; никогда не слушаетъ Государь посольствъ, безъ боляръ, Пановъ Рады или Совѣта; отправленіе собственныхъ пословъ происходило также, при помощи подробнѣйшихъ наказовъ, съ обозначеніемъ иногда самыхъ словъ, въ которыя должно было облечь мысль Правителя. Разумѣется, было бы несправедливо представлять пословъ того времени говорящими машинами или чисто-страдательными лицами. Они *носили образъ Государя* (1), — были его совѣтниками, и засѣдали въ Думѣ, при совѣщаніи о предметѣ ихъ посольства, — въ самыхъ Наказахъ пред-

(1) См. мою рѣчь о Древ. Рус. Диплом., 1817. Стр. 86. Доп. Акт. 275.

Digitized by Google

писывалось имъ говорить о дѣлахъ, *какъ пригоже* (1), или, какъ *Богъ положитъ имъ на сердцѣ* (2). Ограниченія личнаго вліянія пословъ были необходимы для сохраненія того единства, при разнообразіи, которое необходимо всякому государственному дѣлу, и которое такъ характеризуетъ акты древней нашей дипломатіи. Акты дипломатіи хранились въ государевой казнѣ, и, при всякомъ случаѣ, Дума и Рада справлялись съ ними, держась, по возможности, разъ даннаго отвѣта, разъ возбужденнаго вопроса и добытаго переговорами рѣшенія. Нѣтъ нужды, что годы, десятки лѣтъ, а за ними и столѣтія раздѣляютъ появленіе одного посольства отъ другаго; если только дѣло, ихъ вызвавшее, одно и тоже, отвѣтъ на послѣднее посольство уже напередъ данъ, — стоило *возрить въ старыя грамоты* (3). И этаго отвѣта предковъ держались потомки всѣми силами. Въ этомъ выражается духъ единства нашей древней дипломатіи, господствовавшій въ ея взглядѣ на пользы отечества, въ ея требованіяхъ, въ ея направленіяхъ. Въ сохраненіи этаго единства состояли всѣ ограниченія, со стороны наказовъ, для дѣйствія пословъ.

Другая черта, характеризующая нашу древнюю дипломатію, уже вытекаетъ изъ этаго единства, и состоитъ въ настойчивости, съ одной, и въ неуступчивости, съ другой стороны. Несправедливо было бы назвать это свойство неподвижностію или застоемъ; въ послѣднемъ случаѣ, сношенія съ Россіею были бы невозможны, тогда какъ до насъ дошла масса вершеныхъ дѣлъ посольскихъ, почти со всѣми государствами Европы и частію Азіи. Правда, что переговоры шли встарину весьма мешкатно; да вѣдь не у насъ однихъ! На западѣ въ это время также чувствовали неудобства отъ медленности, и, при нѣкоторыхъ дворахъ, старались, хоть и безуспѣшно, помочь этому горю установленіемъ болѣе продолжительныхъ и постоянныхъ сроковъ пребыванія посольства, напр. втеченіе 6 лѣтъ (4). Въ Россіи не дѣлали и того, какъ бы зная, что мешкатность переговоровъ происходила отъ всего учрежденія посольствъ, не бывшихъ постоянными, и особенно отъ свойства вопросовъ дипломатіи, требующихъ всесторонняго разсмотрѣнія. *Дѣло переговоровъ — дѣло великое*, говоритъ наши актъ, — дѣло цѣлой русской исторіи, говоримъ мы, и соглашаемся, что спѣшить было не возможно. Да и некуда было торопиться. Близкихъ къ намъ, ежедневъ-

(1) Во многихъ мѣстахъ Дипл. Акт.

(2) Рѣчь о древ. Дипл., 86, примѣч. 2.

(3) Диплом. Акт. 153.

(4) Большею частію между родственными домами. Дипл. Акт. 761.

Digitized by Google

ныхъ событій, въ Европѣ еще не было. Между тѣмъ Россія требовала къ себѣ всего вниманія правительства, и возбуждала въ своихъ правительственныхъ лицахъ все ихъ вниманіе. Интересы отечества предстояли уму Думы, какъ единственныя требованія закона и сердца, какъ единственный достойный предметъ изученія. Въ этомъ отношеніи замѣчательны знанія и навыкъ нашихъ древнихъ дипломатовъ. Несмотря на всю массу разнородныхъ вопросовъ, подлежавшихъ рѣшенію, ни объ одинъ вопросъ не спотыкается ни дьякъ, ни бояринъ: потому что ни одинъ вопросъ не представляется ему чѣмъ-то новымъ и случайнымъ, безъ связи съ исторіей и со всѣмъ прошедшимъ; отвѣтъ прежде данный въ памяти каждаго, и — вотъ основаніе для дальнѣйшихъ переговоровъ. Можно обойти вопросъ и прежнее его рѣшеніе; но измѣнить, переговорами, было невозможно. Между тѣмъ, сравнивая отвѣты нашихъ бояръ съ отвѣтами литовскихъ и цесарскихъ уполномоченныхъ, частенько и теперь станешь на сторону нашихъ бояръ Юрья да Шигоны. Россія думала только о себѣ, во всѣхъ своихъ сношеніяхъ; вотъ источникъ ея неуступчивости и настойчивости. Да какое же государство не думаетъ и не думало прежде всего о себѣ? И разумная мысль, разумная заботливость о себѣ не есть эгоизмъ, а тотъ естественный путь, указанный самимъ Провидѣніемъ, который ведетъ государства къ образованію мирнаго человѣческаго общества, по началамъ народнаго права. Разумныя и потому успѣшныя усилія къ собственному развитію ведутъ государства къ болѣе и болѣе прочному сближенію съ другими, — къ сближенію съ возрастающимъ количествомъ точекъ соприкосновенія, — къ сближенію съ умножающеюся возможностію замѣнять свои уступки пріобрѣтеніями. Кто болѣе другихъ сдѣлалъ для себя, болѣе другихъ можетъ сдѣлать для своихъ сочленовъ, въ обществѣ.

Наконецъ, соображая все разнообразіе средствъ древней дипломатіи, разумно сдержанное единствомъ управленія и уваженіемъ къ прошедшему, соображая эту вѣрность хода переговоровъ и эту несомнѣнную привычность бояръ и дьяковъ рѣшать дѣла посольскія, мы приходимъ къ необходимому заключенію, что наша дипломатія не могла родиться вдругъ, въ концѣ XV вѣка, въ такой полнотѣ, въ какой видимъ ее въ изданныхъ актахъ, пережившихъ, по особеннымъ счастливымъ обстоятельствамъ, другіе болѣе древніе акты. Нѣтъ, наша дипломатія должна быть древнѣе самихъ этихъ актовъ, ею произведенныхъ, и должна лежать своими корнями глубоко въ отдаленнѣйшей древности Руси (1).

(1) Въ рѣчи *о древ. рус. дипломатіи* найдемъ много доказательствъ древности тѣхъ формъ и тѣхъ началъ, которыя встрѣчаются въ изданныхъ теперь актахъ. На нѣкоторыя мѣста укажу въ этой статьѣ.

Digitized by Google

Посмотрите, какъ все правильно и полно развито въ русской дипломатіи конца XV и въ XVI вѣкѣ.

Какъ скоро иноземное посольство приближалось къ русской границѣ, начальникъ ближайшаго къ рубежу мѣста или города тотъ-часъ давалъ о томъ знать сосѣднему воеводѣ, а воевода гналъ гонца съ грамотою къ Москвѣ. Изъ Москвы, отъ В. Князя и Царя дѣлался вопросъ о томъ, кто пріѣхалъ, *послы ли великіе*, собственно *послы*, или *послы легкіе*, иначе *посланники*, или *гонцы*, *гончики легкіе* (1). Гонцы не имѣли, говоря современнымъ языкомъ, никакого дипломатическаго характера, и составляли встарину тоже, что въ наше время курьеры (2). По различенію, которое дѣлали у насъ между послами и посланниками, была различна форма *встрѣчи* и *пріема* этихъ двухъ родовъ уполномоченныхъ.

Между тѣмъ въ Москвѣ готовились къ встрѣчѣ; посылались приставы съ подорожными, и *болре*, *для пріятія словъ*; назначались кормы и мѣста стоянки, по всему пути, отъ рубежа до столицы. Пріемъ дѣлался по опредѣленнымъ правиламъ, — *по обычаю*, *по взаимности* или *по закону возмездія*, реторсіи, если нашимъ посламъ, въ отечествѣ новоприбывшихъ, отказано было въ какой-нибудь обычной почести (3). Такъ, по взаимности, В. К. Іоаннъ Васильевичъ III *подастъ руку* цесарскому послу Делатору, потому что Цесарь подавалъ свою руку нашему послу (4). По тому же В. К. Василій Іоанновичъ впослѣдствіи, не давая, по обычаю, руки посламъ литовскимъ, подаетъ ее Герберштейну (5). Наоборотъ, Великій же Князь Іоаннъ III *не велитъ* Юрію Траханіоту *поклонъ править Цесарю*, потому что посолъ цесарскій *не правилъ ему поклона* (6).

Правленіе посольства происходитъ, по Диплом. Актамъ, въ порядкѣ, установленномъ въ глубокой древности (7). Прежде всего отдается *поклонъ* — NN велѣлъ тебѣ поклониться; послѣ того, идетъ вопросъ о здоровьѣ; далѣе выраженіе благодарности за подарки, *поминки*; за тѣмъ, посолъ долженъ подать поминки; наконецъ представить вѣрющую грамоту, и рѣчь говорить статьями, чередуясь съ това-

(1) Диплом. Акт. 482, 487, и др.

(2) Рѣчь о древ. Дипл. 85. Предисловіе къ Дипл. Актамъ XIV, примѣч.

(3) По обычаю пріемъ описанъ во всѣхъ почти случаяхъ, упоминаемыхъ въ Диплом. Актахъ.

(4) Дипл. Акт. 26. (5) Дипл. Акт. 262.—173, 174, 176, 190 и мн. др.

(6) Ibid. 82. (7) Рѣчь о древ. Дипл. 35.

Digitized by Google

рицами, членами посольства (1). Съ этой рѣчи начинались *переговоры*.

Способъ веденія переговоровъ былъ различенъ, какъ и въ наше время, по различію въ полномочіяхъ. Одни послы имѣли право только *переговоры вести* и трактовать о дѣлѣ; другіе имѣли власть *переговариваться* и *утверждать*, т. е. заключать договоръ, — то, до чего договорились (2). Состоялся *актъ грамоты*, сообразно переговорнымъ статьямъ, — посольство кончало свое дѣло. Слѣдовательно, чинъ посольства, въ это время, есть уже правильный, логическій актъ, котораго отдѣльные моменты состоятъ: 1, въ *пріемѣ* или предложеніи, вопросѣ; 2, въ *переговорахъ* или сужденіи, и 3, въ *отпускѣ съ грамотой* или заключеніи, рѣшеніи, приговорѣ. Эту древнюю форму дипломатическихъ сношеній можно назвать классической, потому что въ ней сохранялось и единство мѣста, и единство предмета, и единство лицъ.

Посмотрите теперь на *частные вопросы*, касающіеся посольскаго права и, такъ сказать, теоріи переговоровъ. Начнемъ съ того, что русское правительство, при всякомъ случаѣ, высказываетъ свое желаніе имѣть частыя, непрерывныя сношенія съ державами европейскими. В. Князь Іоаннъ III часто говорилъ Максимиліану: какъ было бы желательно, чтобы *наши люди ѣздили между нами здоровья нашего видѣти* (3). Съ 1520 годовъ прерываются наши сношенія съ Римской Имперіею; за то съ 1570-хъ посольства изъ Россіи и обратно учащаются, при помощи *обвѣщеній*, такъ называемыхъ lettres de condoléance et de félicitation, посылаемыхъ Іоанномъ IV къ Максимиліану II и Рудольфу II (4).

Кто могъ быть посломъ, въ глазахъ русскаго правительства? По нашимъ обычаямъ, нѣкоторыя державы должны были слать къ намъ великихъ пословъ, напр. Литва и Польша должны были присылать своихъ *Пановъ Рады* (5), хотя Герберштейнъ, въ 1517 г., увѣрялъ, что послать можно и *раби* (6). Но, во всякомъ случаѣ, права пословъ были обезпечены въ Россіи ясными, опредѣлительными понятіями. Посла разсматривали у насъ, какъ представителя Государя, потому что *всякъ посланникъ лицо Государя своего носитъ* (7); считали

(1) Акт. Дипл. 14, 15 и мн. друг. (2) Акт. Дипл. 597, и друг. (3) Дипл. Акт. 154, 720, 766 и друг.

(4) Обвѣщенія, съ выраженіемъ сожалѣній, утѣшеній или и съ поздравленіями, см. Дипл. Акт. 718, 721, 722, 910, 929 и друг.

(5) Дипл. Акт. 240. (6) Ibid. (7) Дипл. Акт. 275.

Digitized by Google

обязанностію не чинить послу не токмо личныхъ оскорбленій и обидъ въ имуществѣ, но и принужденія въ *дѣлахъ его и рѣчахъ* (1). Замѣчательна при этомъ *довѣренность*, которую оказываютъ, при нашемъ Дворѣ, посольству иноземному, то отстраняя мысль, будто его подозрѣваютъ въ лазутничествѣ (2),—то дозволяя посламъ одной державы видѣться съ послами другой, — и даже отрекаясь отъ чтенія грамотъ, посылаемыхъ изъ Москвы иноземнымъ посломъ къ правительству и другимъ лицамъ враждебной въ то время Литовско-Польской державы (3). Всего этаго *посольскаго права*, естественно, русскій Дворъ требуетъ отъ другихъ и для своихъ пословъ. — Дѣлая, впрочемъ, относительно *почестей* и *церемоніала*, различіе между посольствами разныхъ державъ, и не желая никому уступать своего преимущества, даже въ этомъ отношеніи, русскій Дворъ осторожно выводитъ пословъ своихъ изъ всѣхъ случаевъ столкновенія въ этикетѣ. Въ наказахъ, данныхъ въ разныя времена, посламъ русскимъ, отправлявшимся къ Императорамъ, постоянно повторяется предписаніе принимать приглашеніе *къ столу* только въ томъ случаѣ, когда тамъ не будетъ пословъ другой державы, или, когда дадутъ слово посадить ихъ на первомъ мѣстѣ. Въ противномъ случаѣ, они могутъ выйти даже изъ-за стола (4).

Не менѣе опредѣленныхъ правилъ можно вывести изъ актовъ относительно веденія переговоровъ, относительно мѣста, лицъ, участвовавшихъ,—принятыхъ формъ и способовъ. Такъ главнымъ мѣстомъ переговоровъ издавна почиталась Москва, какъ въ болѣе отдаленные вѣка Кіевъ (5); и посылать пословъ своихъ въ иной городъ, за рубежъ, или вести переговоры не въ Москвѣ считалось, по старымъ обычаямъ, *безчестьемъ для* Россіи (6). Въ тоже время, дѣла наши со Швеціей, Ливоніей, Норвегіей, рѣшались, большею частію, въ Новѣгородѣ (7). — Тамъ и здѣсь, послы должны были говорить съ боярами; Царь и Великій Князь не слушаетъ ихъ безъ бояръ, хотя случалось, что бояре выслушивали, въ Москвѣ, какъ въ Новгородѣ, не въ присутствіи В. Князя

(1) Дип. Акт. 237, 243, 250. См. также Рѣчь о древ. Дипл. 35, 58 и друг. мѣста.

(2) Дипл. Акт. 213. Хотя люди короля Сигизмунда находились при Герберштейнѣ, но бояре объявили ему, чтобъ онъ *о томъ* сумнѣнія никотораго не держалъ.

(3) Диплом. Акт. 213. 219. 247. 250. (4) Дипл. Акт. 854. (5) Рѣчь о древ. Дипл. 36. (6) Дипл. Акт. 209, 212, 225, 255—257.

(7) Дипл. Акт. 81. И въ то время, когда мы держали Новгородъ, по ихъ волѣ, и когда почали держать въ своей волѣ.

Digitized by Google

и Царя (1). Бояре иногда всѣ присутствуютъ при переговорахъ, большею частію только нѣкоторые. При боярахъ, самъ Государь изрѣдка говаривалъ съ послами (2), *а Государево слово живетъ крѣпко и неподвижно, и инако слово его не живетъ* (3).

Языкъ переговоровъ, разумѣется, былъ двойной, съ переводомъ на латинскій или нѣмецкій (4). Знакомыхъ съ этими языками, должно быть, было довольно, если словесные отвѣты, по обычаю, давались тутъ же, тотчасъ; и притомъ такіе отвѣты, что въ тотъ же день могли быть перенесены на бумагу и составить актъ вѣчнаго обязательства. Эти письменные отвѣты и рѣчи, переведенные на языкъ понятный для посла, сообщались ему непремѣнно на другой день, до начала дальнѣйшихъ переговоровъ, составляя какъ бы протоколъ предшествовавшаго засѣданія. Общее правило для переговоровъ, съ русской стороны, состояло въ томъ, чтобы говорить, *какъ пригоже, съ крѣпка, на крѣпко* (5). При этомъ дѣлалось различіе между обязанностію *говорить о дѣлѣ* и только *заговаривать*, возбуждать вопросъ, какъ бы невзначай, безъ особеннаго интереса (6). Рѣчи, не заключавшія дѣла или не усиливаемыя доказательствами, назывались *разговорными*, или *только рѣчами, въ которыхъ дѣла нѣтъ* (7). Нельзя и здѣсь не замѣтить прекрасной черты нашего Двора,—*совѣстливости* въ веденіи дѣла. Услыхавъ, что Максимиліанъ I занялъ престолъ отца своего, съ которымъ имѣлись условія о взаимной помощи, и что Максимиліанъ имѣетъ нужду въ русскомъ содѣйствіи противъ короля польскаго, Іоаннъ III, поговоривъ о томъ съ боярами, положилъ послать грамоту къ Максимиліану, съ предложеніемъ услугъ, если онѣ нужны, потому что *то пригоже* (8).

Перейдемъ теперь къ самому *предмету переговоровъ*, и покажемъ рѣшенія, которыя древняя русская дипломатія считала справедливыми относительно различныхъ вопросовъ международныхъ отношеній.

а) *О сватовствѣ*, которое должно быть *къ чести* В. Князя. За Маркграфа не обѣщать Великой Княжны, потому что В. Князь Московскій Іоаннъ III происходитъ отъ древняго княжескаго рода, состоявшаго въ любви и пріязни съ Цесарями Византіи, наконецъ имѣетъ теперь въ свойствѣ Ивана Палеолога Римскаго Цесаря: *такому Вели-*

(1) Дип. Ак. I, 419, 206. (2) Дипл. Акт. 82.
(3) Ibid. 536, 537. 1348: какъ слово свое молвилъ, такъ и стоитъ.
(4) Дипл. Акт. 41. (5) Дипл. Акт. 126, 223, 382. (6) Акт. дипл. 95, 96.
(7) Акт. дипл. 96. (8) Акт. дипл. 297. (9) Дипл. Акт. 151.

Digitized by Google

кому Государю какъ давати дочи за Маркрабія? Если же зайдетъ рѣчь о сынѣ Римскаго Цесаря, тогда обѣщать ему руку В. Княжны (1). *О приданномъ* запрещается русскимъ посламъ трактовать съ совѣтниками германскаго Императора, потому что въ Россіи не слыхано, чтобы *между великими Государями о приданномъ ряда была;* а станется дѣло, Государь Московскій, для своего имени и для своей дочери, дастъ *казну*, *какъ пригоже* (2). *О имуществѣ того изъ супруговъ, который умретъ бездѣтнымъ*, у насъ того убѣжденія, что оно дѣлается законнымъ наслѣдіемъ ближайшихъ родственниковъ покойнаго (3).

б) *О правѣ на русскую землю.* Общее выраженіе для этаго права есть *вотчина* или *отчина*, — выраженіе, повторяемое въ нашихъ дипломатическихъ и государственныхъ грамотахъ съ древнѣйшихъ временъ, съ Ярослава I и его преемниковъ, и притомъ всегда въ одномъ значеніи — *единства*, *нераздѣльности* и *неотчуждаемости* русской земли. Тоже самое встрѣчаемъ мы въ разсматриваемыхъ актахъ, гдѣ начало вотчинности налагаетъ, какъ бы, обязанность на каждаго В. Князя не токмо не отрекаться отъ той или другой части русской земли, но всегда стараться объ ея собраніи воедино, объ ея возвращеніи и присоединеніи къ Россіи (4).

в) *О союзахъ* съ иноземными державами. Въ дипломатическихъ актахъ употребляется, въ этомъ смыслѣ, слово *завѣщаніе*, очевидно измѣненное изъ древнѣйшаго выраженія Нестора — *свѣщанья*, совѣщаніе, уговоръ, условіе (5). Отсюда заимствуютъ акты титулъ *завѣщательнаго брата*, который взаимно даютъ себѣ наши Государи и нѣмецкіе Императоры (6). Характеръ союзовъ того времени состоитъ въ *общности*, въ обязанности стоять одной сторонѣ за другую, *всѣми силами*, — дѣйствовать *за одинъ*, — и *одноличко*, одному союзнику безъ другаго *ни смолвы, ни миру съ врагомъ не чинить* (7). Эта обязанность продолжалась *до живота*, — формула, замѣнявшая другую, западную — *воевать противъ Короля NN и дѣтей его* (8).

г) *О мирѣ и понятіяхъ, касавшихся военнаго права.* Война счи-

(1) Дипл. Акт. 6, 17, 29, 30.

(2) По началу вотчинности русской земли, въ приданное за русскими В. Княжнами всегда давали одно движимое, казну. См. мою рѣчь о древ. Дипл., 59. Акт. Дипл. 46.

(3) Дипл. Акт. 279, 284. (4) 287, 288.

(5) Рѣчь о древ. Дипл. 17. Дипл. Акт. 117, 123, 222; 29, 30, 49, 51.

(6) Дипл. Акт. 131, 200. (7) Дипл. Акт. 91. (8) Дипл. Акт, 58, 84.

Digitized by Google

тается, по русскимъ актамъ, *послѣднимъ средствомъ*, ultima ratio, и наши бояре постоянно твердятъ, что *сначала надо искати миромъ, потомъ войною* (1). Дѣлалось; въ это время, различіе между *миромъ прочнымъ*, *вѣчнымъ* (2), — *перемиріемъ*, которое было заключаемо на срокъ, — и *отложеніемъ оружія*, suspension d'armes, которое нисколько не рѣшало спорнаго вопроса, и только отлагало на время враждебныя дѣйствія воюющихъ сторонъ. Оно заключаемо было на самый короткій срокъ, и оставляло обѣ стороны въ положеніи, извѣстномъ подъ именемъ uti possidetis (3).

Но мы напрасно бы старались представить здѣсь читателямъ всѣ предметы, входившіе въ составъ переговоровъ; этихъ предметовъ тамъ тысячи. Притомъ же, извлекая отдѣльные вопросы изъ актовъ, все-таки нельзя дать полнаго понятія о томъ духѣ, который господствуетъ въ живой бесѣдѣ дипломатическихъ актовъ. Наконецъ, мы оставляемъ переговоры и для того, чтобы найти время сказать нѣсколько словъ о самыхъ дипломатическихъ бумагахъ древности.

Наша древняя дипломатія знала, въ разсматриваемый нами періодъ, разнообразнѣйшія формы для своихъ документовъ: *вѣрющія грамоты*, или письма, которыми Государь приглашаетъ другаго Государя почтить его посла довѣріемъ; *Наказы*, или уполномочія, служившія, какъ и нынѣ, основаніемъ и предѣлами для дѣятельности посланника; — *Списки*, такъ называемые *статейные*, или копіи со словъ и рѣчей, произносимыхъ послами, во время переговоровъ; — *опасы*, *гелейтовые листы*, или посольскіе паспорты, для свободнаго проѣзда и выѣзда пословъ изъ государства, гдѣ они были акредитованы; — *подорожныя грамоты*, при помощи которыхъ послы могли пользоваться ямскою гоньбою (4); — наконецъ собственно *грамоты*, перемирныя, докончальныя и т. п. — Все это *исходило* отъ Царя и Думы, *возвращалось* къ Царю и Думѣ, и *хранилось* въ государевой казнѣ (5). Отсюда уже можно видѣть, до какой степени подозрительно обвиненіе, которое Котошихинъ взводитъ на бояръ русскихъ (6), намекая, что они, будучи въ послахъ, сочиняли рѣчи свои, въ статейныхъ спискахъ, послѣ, на досугѣ, обдумавши, съ

---

(1) Дипл. Акт. 234. (2) Рѣчь о древ. Дипл. 18.

(3) Даже плѣнные не освобождались изъ плѣну; Дипл. Акт. 290, 394, 396, 439 и т. д.

(4) При надобности, послы ѣхали день и ночь, Дипл. Акт. 538.

(5) Этому обстоятельству мы обязаны сохраненіемъ Диплом. Актовъ. См. Рѣчь о древ. Дипл. 87. (6) Котошихинъ, глав. IV.

Digitized by Google

прикрасами. Мы видѣли, что посольскія рѣчи говорились въ присутствіи двора, который давалъ на нихъ отвѣты тутъ же, и что рѣчи и отвѣты, въ тотъ же день, передавались бумагѣ, въ видѣ журнала или протокола. Скажи наши послы одно, и напиши въ своемъ протоколѣ другое, не согласное съ протоколомъ Пановъ Рады или Цесарскихъ совѣтниковъ,—нельзя было бы избѣгнуть возраженій. Оставь они при Цесарскомъ дворѣ отвѣтъ, какъ удался, и вези другой, похитрѣй, въ Москву, въ собственномъ статейномъ спискѣ,—не миновать столкновеній между государями, которымъ стоило возрить въ грамоты, чтобы найти виновныхъ. Нѣтъ, статейные списки были нѣчто въ родѣ фреско въ живописи; поправки, подчистки были невозможны.

Здѣсь было бы у мѣста обратить вниманіе на языкъ дипломатическихъ актовъ,—языкъ чисто-русскій, по мѣстамъ, безъ всякой примѣси, и свободный отъ вліянія церковнаго,—языкъ разговорный, на которомъ происходили бесѣды при дворѣ Московскомъ (1). Но у насъ еще много своего дѣла. Мы должны упомянуть здѣсь о дипломатическихъ формулахъ и титулахъ.

Титулъ: *Божіею милостію*, *Мы* и пр., столь древній въ нашей дипломатіи (2), измѣняется въ XVI в., съ Іоанна IV, тѣмъ, что ему предшествуетъ, въ каждой почти грамотѣ Царя, воззваніе къ Святой Троицѣ, и глубокая, прекрасная молитва глаголать о народѣ, по волѣ Божіей. «Троице Пресущественная, и Пребожественная и Преблагая — «Дателю премудрости, Преневѣдомый, и Пресвѣтлый, Крайній Верхъ! «Направи насъ на истину Твою, и научи насъ на повелѣнія Твоя, да «возглаголемъ о людехъ Твоихъ по волѣ Твоей. Сего убо Бога на«шего милостію» и т. д. (3).

Обратимъ также вниманіе на титулъ, который даютъ цесарскіе послы нашимъ боярамъ, величая ихъ названіемъ *величайшихъ отцевъ* (4). Этимъ римскимъ привѣтствіемъ, безъ сомнѣнія, цесарскіе послы также мало думали указать на родовыя отношенія, какъ и Цесари наименованіемъ нашего Государя *завѣщательнымъ братомъ* (5).

Но довольно о дипломатіи вообще. Для болѣе наглядпаго знакомства съ нею, укажемъ на два, на три случая древней дипломатической дѣятельности, по изданнымъ памятникамъ. Возьмемъ сначала *переговоры*

(1 Напр., какъ легко читается мѣсто въ Дипл. Акт., 792 – 794. (2) Рѣчь о древ. Дипл. 48. (3) См. также рѣчь, 68, 69. (4) Дипл. Акт. 389 и др. мѣста.

(5) Тоже должно сказать о *молодшихъ*, въ противоположность *старѣйшихъ*, Seniores, Seigneurs, какъ въ фразѣ: молодой паробокъ—и пр. см. выше.

Digitized by Google

о посредничествѣ, которое принялъ на себя Герберштейнъ, *для замиренія* Россіи съ Литвою, 1517 (1). 21 Апрѣля этаго года, Цесарскій посолъ Герберштейнъ говорилъ В. Князю Василію Іоанновичу, при боярахъ его, слѣдующую рѣчь: «извѣстно цѣлой вселенной, какой вредъ наносятъ христіанству Государи Европы, своими распрями и кровопролитными бранями. Пользуясь ихъ раздорами, невѣрные тѣмъ съ большею смѣлостію нападаютъ на нихъ, и тѣмъ съ большимъ успѣхомъ покоряютъ христіанскія земли своей власти, какъ напр. Константинополь и Греческое царство, Боснію, Сербію, Далмацію и друг. Посему Римскій Цесарь Максимиліанъ, помня обязанность христіанскаго Государя защищать стадо овецъ Христовыхъ, и вѣдая, что это можетъ совершиться только при общемъ мирѣ въ христіанствѣ, принялъ всѣ средства къ замиренію Европы, принуждая къ тому однихъ войною, дѣйствуя на другихъ свойствомъ, на иныхъ союзомъ или родствомъ. И нынѣ обращается къ твоей наиясности и къ королю Сигизмунду, въ надеждѣ замирить васъ своимъ посредничествомъ».

Апр. 22, положено сказать Герберштейну отвѣтъ, чрезъ бояръ Юрья, Шигону, Григорія и Меншаго, которые говорили свои статьи, чередуясь два раза, и увѣряя Императорскаго посла, что В. Князь совершенно согласенъ въ необходимости мира въ христіанствѣ, чтобъ *бесерменская рука не высилася*, а *царства невѣрныхъ не ширилися;* что В. Князь охотно предлагаетъ миръ Сигизмунду, которому стоитъ прислать пословъ въ Москву, *для* заключенія докончанья, какъ *пригоже;* наконецъ, что В. Князь радъ навсегда сохранить съ Максиміліаномъ 1 завѣщанье и вѣчный миръ, *и дѣлд съ нимъ дѣлать за одинъ, до живота.*

Выслушавъ отвѣтъ, Герберштейнъ предлагаетъ себя въ посредники, *промежники*, въ переговорахъ Россіи съ Литвою, а городъ Ригу или иной какой городъ въ мѣсто съѣзда пословъ обѣихъ сторонъ. Посредничество охотно принято, но вопросъ о мѣстѣ съѣзда подвергся спору. «*О томъ*, Жигимонтъ, положи на своемъ разумѣ, пригоже ли Король чинитъ, прося, чтобъ Государь нашъ послалъ своихъ пословъ гдѣ на границу, а самъ своихъ къ нашему Государю послать не хочетъ; вставливаетъ новины, а старины не памятуетъ?» Всегда прежде и всѣ дѣла дѣлались у нашего Государя, въ Москвѣ, и отступить отъ этаго обычая *непригоже, безчестье, умаленіе, для* В. Князя.

Затрудненіе устраняется согласіемъ Короля Сигизмунда прислать въ

(1) *Диплом.* Акт. 197 и слѣд.

Digitized by Google

Москву пословъ своихъ, подъ условіемъ не считать этаго случая обязательнымъ обычаемъ на послѣдующее время. Герберштейнъ отправляетъ своего племянника Фонъ-Турна, въ Литву, съ грамотами къ Королю, о высылкѣ въ Москву пословъ литовскихъ; и, не смотря на отговорки бояръ, основанныя на довѣренности къ нему, какъ послу Императора, настаиваетъ, чтобы они прочли грамоты, отправляемыя имъ съ Фонъ-Турномъ.

Въ ожиданіи прибытія литовскаго посольства, Герберштейнъ предлагаетъ боярамъ вопросъ, можно ли будетъ ему видаться прямо и сноситься непосредственно съ литовскими послами; и проситъ у бояръ на то особой *науки*, инструкціи? Бояре отвѣчаютъ ему полною довѣренностію, говоря, чтобъ онъ дѣлалъ дѣло по наказу своего Государя, Цесаря, а *они какую еще могутъ дать ему науку?*

Наконецъ литовскіе послы, Щитъ и Богушъ, прибыли. Но переговоровъ нельзя было начать, потому что Сигизмундъ, отправляя посольство на Москву, въ то же вр мя продолжаетъ вести войну. Щитъ и Богушъ говорятъ въ защиту Короля, что *война до перемирья*, и что это наблюдается *даже у невѣрныхъ*. Это наша старинная поговорка: *рать стоитъ до мира, а миръ стоитъ до рати* (1), только превратно истолкованная. Сомнительный успѣхъ войны заставляетъ литовскихъ пословъ торопиться переговорами; надежда русскихъ выиграть въ войнѣ и потомъ въ переговорахъ заставляетъ бояръ медлить. Но вотъ получается вѣсть о торжествѣ русскаго оружія. Открывается, въ присутствіи Московскаго Государя, общее засѣданіе русскихъ бояръ и литовскихъ пословъ, при посредничествѣ Герберштейна.

Объ стороны сходятся въ желаніи мира, для отраженія невѣрныхъ; расходятся въ условіяхъ собственнаго замиренія, требуя, съ обѣихъ сторонъ, чтобы *миръ былъ, какъ пригоже*. «*Ино, что пригожство*», спрашиваетъ Герберштейнъ. Русскіе говорятъ: 1, *исчесть*, В. Княгинѣ Еленѣ причиненную, *направить*, наказавъ виновныхъ; 2, города, въ Литвѣ ей принадлежавшіе, передать В. Князю; и 3, вотчину В. Князя — Кіевъ, Полотскъ, Витебскъ и другія мѣста возвратить. Щитъ и Богушъ, отрицая законность всѣхъ русскихъ требованій, настаиваютъ на возвращеніи Литвѣ Смоленска, и половины Новгорода, Пскова, Вязьмы, Дорогобужа.

Герберштейнъ, выслушавъ эти требованія, объявляетъ, что обѣ стороны *говорятъ высоко*, и что онъ *не знаетъ середняго пути*. Впро-

(1) Рѣчь о древ. Диплом. 42.

Digitized by Google

чемъ тутъ же старается доказать, что В. Князь никакого не имѣетъ права на города литовскіе, бывшіе во владѣніи В. Княгини Елены. Бояре ссылаются на весь свѣтъ въ томъ, что имѣніе одного изъ супруговъ, умершаго бездѣтно, переходитъ къ ближайшему родственнику; а *кто ближе В. Князя къ В. Княгинѣ Еленѣ?* Далѣе Герберштейнъ, находившій справедливымъ даже требованіе Литвы о возвращеніи ей Смоленска, нисколько не признаетъ законными русскія требованія относительно вотчины Московскаго В. Князя, и для расположенія Московской Думы къ уступкамъ, приводитъ примѣръ великодушнаго отрѣченія отъ Вероны, сдѣланнаго Максимиліаномъ въ пользу Венеціи. Бояре отвѣчаютъ, что В. Князь Московскій никогда не можетъ отступиться отъ своей вотчины, какъ безспорнаго своего права. «То вѣдаетъ братъ нашъ, которымъ обычаемъ Венеціяномъ Верону отдалъ, продолжаютъ они словами В. Князя, а мы того обычая не имѣемъ, ни имѣти хотимъ, чтобъ намъ своа вотчина отдавати.»

Итакъ о мирѣ между Россіей и Литвой говорить было нечего; перемиріе имѣло свои трудности, и первая изъ нихъ состояла въ вопросѣ о плѣнныхъ. По понятіямъ нашего правительства, какъ и дѣйствительно, перемиріе ведетъ за собою выдачу или размѣнъ плѣнныхъ. Щитъ и Богушъ не соглашаются. И Герберштейнъ долженъ былъ, не кончивъ дѣла, уѣхать изъ Россіи, проживъ въ ней болѣе полутора года, и признавшись, что онъ не могъ служить посредникомъ между Россіей и Литвой по причинѣ незнанія ихъ отношеній.

Дѣло, начатое Герберштейномъ, кончилось впрочемъ скоро, при слѣдующемъ императорскомъ посольствѣ; Россія и Литва заключили *отложеніе оружія*, по началу uti possidetis, не именуя своихъ взаимныхъ владѣній, и безъ размѣна плѣнныхъ, срокомъ на одинъ годъ.

Другой важный случай, вызвавшій императорское посольство, въ лицѣ Кобенцеля и принца Фонъ-Бухау, имѣлъ мѣсто при царѣ Іоаннѣ IV, и состоялъ въ дѣлѣ объ избраніи эрцгерцога Эрнеста на престолъ Польскій 1576 г. (1).

Отправленный передъ тѣмъ въ Австрію русскій посолъ Іоанна IV, Ушаковъ, былъ задержанъ Шведами; но царскія грамоты дошли до Императора Максимиліана II, который воспользовался предложеніемъ Іоанна, и отправилъ къ нему своихъ пословъ, для соглашенія въ средствахъ избранія Эрнеста на престолъ польскій. Съ приближеніемъ посольства къ русскимъ границамъ, дано о томъ знать въ Москву, Го-

(1) Дипл. Акт. 481 и слѣд.

Digitized by Google

сударю, который, назначивъ бояръ для встрѣчи великихъ пословъ Императора, повелѣлъ остановить ихъ на время въ Дорогобужѣ, и потомъ проводить въ Можайскъ, гдѣ и принялъ ихъ лично. Вѣроятно, опустошенія, произведенныя Крымскимъ ханомъ въ Москвѣ, не позволили Царю сдѣлать пріемъ посламъ въ его столицѣ. Въ Можайскѣ, Іоаннъ IV расположился въ частномъ домѣ; и тамъ, въ *брусяной меншей избѣ, въ русскомъ саженомъ платьи*, въ *царской шапкѣ и діадимѣ, со скипетромъ въ рукахъ* принялъ цесарскихъ пословъ, *при сынѣ своемъ царевичѣ Иванѣ*, одѣтомъ *въ саженую шубу*, окруженный боярами и дворянами *въ золотномъ платьи*, наполнявшими собою избу, сѣни, крыльцо.

Кобенцель и принцъ Фонъ-Бухау правили сначала поздравленье или поклонъ, потомъ спросили о здоровьѣ, далѣе подали поминокъ—*ланцугу золоту—съ каменьями, а на ней имя Цесаря — «мыслете» написано, съ его цесарскимъ вѣнцомъ;* наконецъ подали *вѣрющую грамоту.*

Царь подалъ имъ руку и велѣлъ сѣсть на ближайшей къ нему *скамьи, у большаго ковра.* Наконецъ молвилъ посламъ и дворянамъ ихъ: *будте у насъ у стола.*

Столъ былъ въ *большой брусной избѣ. Бояре и дворяне сидѣли въ шубахъ пагольныхъ; а стольники и чашники были въ золотномъ платьи и въ чепяхъ золотыхъ. А поставецъ былъ соловецъ и колодезь, судно и писарь, и иные многіе суды золотые и поставцы; и столовые суды всѣ были золотые. А въ столовыхъ сѣняхъ были суды многіе, разные поставцы серебряные*

Такой замѣчательный пріемъ сдѣланъ былъ Яну Кобенцелю и Даніелю принцу Фонъ-Бухау царемъ Іоанномъ IV, Января 24, 1576, въ Можайскѣ. Что до задержки ихъ въ Дорогобужѣ, то еще прежде того Царь велѣлъ объявить австрійскому посольству, что, если рѣшились ихъ остановить въ дорогѣ, такъ это сдѣлано по особеннымъ обстоятельствамъ, въ противность господствующимъ въ Россіи обычаямъ, именно потому, что иногда торговые люди выдаютъ себя за посланниковъ. Тогда же данъ наказъ приставамъ, сопровождавшимъ пословъ, какъ отвѣчать, на случай, если послы спросятъ у нихъ про хана Крымскаго, про Казань и Астрахань, Швецію, Ливонію и т. д. О Крымскомъ ханѣ сказать, что Царь не былъ въ Москвѣ, во время нападенія хана, потому что не задолго передъ тѣмъ заключено съ ханомъ перемиріе, и Царь *на то оплошалъ* (1), былъ въ отъѣздѣ и т. п. О дру-

(1) Также точно отвѣчали мы, въ другомъ случаѣ, на вопросъ о взятіи Полотска Стефаномъ Баторіемъ, Дипл. Акт. 778.

Digitized by Google

гихъ сказать, что или побѣждены и покорены, или замирены; о Ливонцахъ отвѣчать, что они *подуровали*, теперь ихъ смиряютъ и т. д.

Наконецъ 26 Январ., въ той же брусяной *дубовой избѣ*, начались переговоры. Императорскіе послы убѣждаютъ Московскаго Царя, не допускать, чтобы на польскомъ престолѣ возсѣлъ турецкій султанъ, французскій король или семиградскій князь; писать о томъ къ литовскимъ и польскимъ панамъ Рады, убѣждая ихъ избрать на королевство сына Максимиліана Эрнеста. За своего кандидата австрійскіе послы обязуются, что онъ будетъ владѣть Литвой и Польшей нераздѣльно, а Кіевъ и другія мѣста, какъ *безспорную вотчину Московскаго Государя, своему брату Іоанну поступится*. Сверхъ того обѣщаютъ Царю Кобенцель и принцъ Ф. Бухау помощь Императора противъ Швеціи, и, болѣе или менѣе ясно, содѣйствіе къ завоеванію Ливоніи.

Столь лестныя для насъ предложенія не могли не быть приняты съ радушіемъ. Вкрадывалось недовѣріе, которое и высказано посламъ въ слѣд. формѣ: «было бъ то дѣло между государями крѣпко и неподвижно. Государь нашъ кому слово молвитъ, и то живетъ крѣпко и неподвижно. Не такъ бы было, какъ король Людовикъ, Владиславовъ сынъ, Угорской; какъ на него пришелъ турецкій Султанъ, Цесарь и нѣмецкіе государи ему не пособили и его выдали.» Несмотря на то, разумѣется, послы Императора говорили, что и его слово инако не живетъ, и успокоили бояръ и Царя, такъ что ихъ отпустили съ благопріятнымъ отвѣтомъ, и скоро вслѣдъ за ними послали грамоты къ польскимъ и литовскимъ панамъ Рады.

Въ этихъ грамотахъ царь Іоаннъ IV предлагаетъ избрать на престолъ или сына своего Ѳеодора, или его самаго Царя, или наконецъ Цесарева сына. На этомъ условіи, Царь обѣщаетъ Радѣ миръ и докончанье, столько необходимыя для всего христіанства, и для соединенной Польско-Литовской державы. Въ противномъ, случаѣ можетъ быть кровопролитіе, за которое Богъ взыщетъ на виновныхъ.

Стефанъ Батуръ (1), какъ извѣстно, былъ счастливѣе всѣхъ соискателей; предсказаніе Іоанна сбылось.

(1) По поводу этаго древняго правописанія можно бы сдѣлать замѣчаніе важное для нашего времени. Теперь вошло въ обычай писать имена государей Московскихъ въ сокращенной формѣ, напр. В. Князь *Иванъ*, Царь *Иванъ*, и т. д. Дѣйствительно встрѣчаются въ древнихъ актахъ такія сокращенія, но не вездѣ. Въ то же время, въ актахъ употребляется и полная форма *В. Князь Іоаннъ, Царь Іоаннъ*,—*Іоанновичь*. Имя царей писалось, какъ титулъ, въ двухъ формахъ. Между тѣмъ, въ словѣ: *Батуръ* (откуда Батурины) нѣтъ выбора; а мы все пишемъ его Баторіемъ.

Digitized by Google

Вотъ случай преступленія, совершеннаго иноземнымъ посломъ въ Россіи, 1519 (1). Новоприбывшій изъ имперіи Янъ Криштопъ (Христофъ) *самъ Гришу, подьячего, билъ по уху, а дитина его у подключникова дитины кордомъ у руки персть отсѣкъ*, и т. д. В. Князь былъ тогда на Волокѣ; получивъ такое донесеніе о безчиніи посла, онъ велѣлъ своимъ боярамъ довести о томъ до свѣдѣнія пословъ, товарищей Яна, и предложить имъ, чтобъ они *Яна всчюнули, чтобъ Янъ впередъ такъ не чинилъ*, чтобъ брату Государя нашего *Максимиліяну отъ него нечти не было, а людямъ Государя нашего срамоты не было*. Послы Императора Францискъ де Колла, Антоній де Конти и Фонъ-Турнъ объявили боярамъ, что *они надъ Яномъ воли не имьютъ, и всчюнути его отъ того не могутъ*. Посему бояре, доложивъ о томъ В. Князю, отвели Яну особое подворье, отдѣльное отъ другихъ пословъ, и *вельли его беречи*, приставили къ нему стражу, чтобъ Янъ другаго лиха не учинилъ, и такъ держали его до пріѣзда въ Москву В. Князя, который приказалъ выдать Яна Криштофа *на руки посламъ* и на ихъ береженье.

Вообще уже въ этомъ первомъ томѣ дипломатическихъ актовъ такъ много занимательнаго, поучительнаго и достойнаго изъученія, что съ трудомъ отрываешься отъ чтенія до послѣдняго столбца, а ихъ тутъ болѣе полуторы тысячи.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о самомъ изданіи. Отчетливость и дипломатическая вѣрность его такова, что въ цѣломъ, объемистомъ томѣ, намъ не случилось встрѣтить ни малѣйшей опечатки. Бумага, печать, удобство формата не оставляютъ ничего болѣе желать. Книга снабжена предисловіемъ, замѣчаніями, реэстромъ и оглавленіемъ. Предисловіе особенно интересно извѣстіями о приказѣ посольскомъ, V—XII, который завѣдывалъ дѣлами посольскаго правленія, и о приказѣ розрядномъ, XXIV—XXV, который также участвовалъ въ посольскомъ дѣлѣ, распоряжаясь, такъ сказать, внѣшнею его стороною, пріемомъ, размѣщеніемъ, угощеніемъ, оказаніемъ внѣшнихъ почестей. Равномѣрно замѣчательно предисловіе яснымъ, общимъ очертаніемъ посольскихъ обычаевъ и всего посольскаго производства. Но здѣсь можно было бы пожелать историческаго введенія во всѣ томы, предлежащіе къ изданію,—и введенія обширнаго, которое, съ одной стороны, изобразило бы, учено-исторически, происхожденіе и дальнѣйшее развитіе нашей древней дипломатіи (2), а, съ другой, изложило бы акты или слѣды ихъ, со-

(1) Дипл. Акт. 411 и слѣд

(2) Первая попытка такого изслѣдованія дана въ моей Рѣчи о древ. рус. Дипломатіи.

Digitized by Google

хранившіеся отъ первыхъ періодовъ Русской Исторіи. Такое изданіе вполнѣ бы осуществило прекрасный планъ Императрицы Екатерины II, которая за образецъ изданія дипломатическихъ документовъ принимаетъ Дюмоновъ Corps universel diplomatique, заключающій въ себѣ акты съ 800 года по Рождествѣ Христовѣ, и, въ видѣ дополненія, Разсужденіе Руссе о сношеніяхъ древнѣйшихъ народовъ (1),—чтобъ намъ не въ чѣмъ было завидовать ни общему собранію Дюмона, ни частному, англійскому, Реймера. *В. Лешковъ.*

Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Книжка V. Сбн. 1851.

Статья первая.

Предъ нами лежитъ новая книжка ежегодныхъ изданій Географическаго Общества, на которыя мы привыкли смотрѣть съ истиннымъ уваженіемъ и которыя бываютъ всегда наполнены трудами,, составляющими дѣйствительное обогащеніе науки. На этотъ разъ главнымъ предметомъ разысканій, помѣщенныхъ въ «Запискахъ», была географія степей средней Азіи, имѣющихъ на сѣверѣ Аралъ съ его загадочнымъ происхожденіемъ, служащихъ раздольемъ для кочевокъ нѣкоторыхъ племенъ, и мѣстами представляющихъ осѣдлое населеніе. Описанія Аральскаго моря, г. Макшеева, Хивинскаго ханства г. Данилевскаго, свѣденія о дикокаменныхъ киргизахъ, доставленныя отъ Генералъ-Губернатора Западной Сибири, пояснительная записка къ картѣ Аральскаго моря и Хивинскаго ханства г. Ханыкова, это все статьи, которыя доставляютъ множество новыхъ и важныхъ фактовъ и которыя приноситъ въ даръ географической наукѣ наша русская ученость. На ней лежала обязанность познакомить Европу съ средне-азійскими степями и тамошними степными государствами, потому что ничьиученыя экспедиціи или торговые караваны не могутъ туда проникнуть съ такими удобствами, какъ наши. Въ этомъ отношеніи должно отдать ученой дѣятельности Россіи полную и заслуженную справедливость: какъ скоро призваніе раскрыть малоизвѣстныя государства средней Азіи было понято, многіе путешественники

---

(1) Къ такому превосходному изданію, каково наше изданіе Дипломатическихъ актовъ, позволено быть придирчивымъ. Къ числу придирокъ, которыя можно сдѣлать, относимъ слѣд. вопросъ: почему въ заглавіи: *Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи,* прибавлено: *съ державами иностранными?* Не подумалъ бы кто, что предполагаются возможными дипломатическія сношенія не съ державами иностранными, а внутри государства.

Digitized by Google

направили туда свою пытливость, и, какъ плодъ своихъ разысканій, представили нашему любопытству чрезвычайно интересныя картины общественнаго быта и сценъ природы. Мы находились бы въ большомъ затрудненіи, если бы спросили насъ, кому изъ нашихъ ученыхъ путешественниковъ, начиная съ Муравьева, отдать преимущество: по ихъ свѣденіямъ составлены въ Европѣ описанія Бухары и Хивы, ихъ имена цитуются во всѣхъ сочиненіяхъ, имѣющихъ предметомъ Среднюю Азію. Оставляя теперь труды этихъ изыскателей, остановимъ наше вниманіе на новомъ описаніи Хивинскаго ханства, составленномъ г. Данилевскимъ съ отчетливою подробностію и полнотою, и притомъ среди такихъ благопріятныхъ для изслѣдованія обстоятельствъ, которыми не пользовались его предшественники. Мы увѣрены, что окажемъ читателямъ истинную услугу, познакомивъ ихъ съ любопытнымъ описаніемъ г. Данилевскаго и дополнивъ его свѣденіями изъ другихъ статей.

Нѣкоторые полагали, что Хивинское ханство лежитъ между 36° и 44° с. ш., но правильнѣе будетъ сказать, что оно, какъ степное государство, не имѣетъ опредѣленныхъ границъ, и что въ немъ кочуютъ племена, которыхъ подданство очень сомнительно. Астрономическое положеніе города Хивы было опредѣляемо различно; впрочемъ предѣлы, въ которыхъ заключены разныя показанія о широтѣ, не велики: отъ 40° 40′ до 41° 40′ с. ш., больше разницы относительно долготы (меридіанъ Ферро): отъ 75° 40′ до 78° 40′. При такомъ астрономическомъ положеніи климатъ города Хивы, лежащаго 5 градусами южнѣе Астрахани, долженъ быть, конечно, очень тепелъ, и, въ самомъ дѣлѣ, весна тамъ начинается въ Февралѣ, въ Мартѣ виноградныя, фиговыя и гранатныя деревья распускаются, а въ первыхъ числахъ Апрѣля покрываются зеленью. Но степной климатъ ханства отличается крайностями: въ Сентябрѣ мѣсяцѣ случаются уже утреннія морозы, которыхъ сила постепенно возрастаетъ, и въ Декабрѣ или Январѣ дѣлается столь ощутительною, что даже замерзаетъ Аму-Дарья. Въ Декабрѣ же мѣсяцѣ начинаетъ порошить снѣгъ, который однако лежитъ не болѣе трехъ или четырехъ дней и никогда не выпадаетъ въ такомъ изобиліи, чтобы покрывалъ землю нѣсколько толстымъ слоемъ. Эти термометрическія и атмосферныя явленія показываютъ, какими рѣзкими признаками отличается климатъ степей средней Азіи отъ Европейскаго. Астрономическое положеніе Хивинскаго ханства соотвѣтствуетъ Неаполитанскому королевству; но не только здѣсь, даже во Франціи средняя температура зимнихъ мѣсяцовъ нигдѣ не опускается ниже нуля, и рѣки, кромѣ необычайныхъ случаевъ, не замерзаютъ. Въ Парижѣ Сена замерзла во всю

Digitized by Google

ширину только одинъ разъ (1829 г.) во все время текущаго столѣтія. Не смотря на свою особенность, характеризуемую отдаленными предѣлами холода и тепла, и быстрыми переходами отъ одного къ другому, климатъ Хивы вообще здоровъ и повальныхъ или эндемическихъ болѣзней тамъ незамѣтно. Только лихорадка, чахотка и воспаленіе глазъ, состоящія въ связи съ мѣстнымъ свойствомъ страны, появляются чаще, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и въ особенности чахотка, по сухости воздуха, дѣйствуетъ быстро. О чахоткѣ сдѣлано еще замѣчаніе, что она развивается преимущественно у тѣхъ, кто употребляетъ много опія. Воспаленіе глазъ происходитъ какъ отъ сухости воздуха, такъ и отъ страшной пыли. Можно, впрочемъ, полагать, что населеніе Хивы могло бы возрастать гораздо скорѣе, если бы тамъ была извѣстна медицина и были введены медицинскія учрежденія, напр. для прививанія оспы, котораго совершенно не знаютъ. Доселѣ вся практика находится въ рукахъ невѣжественныхъ врачей или, лучше, шарлатановъ, которые употребляютъ нѣсколько эмпирическихъ или симпатическихъ средствъ, нисколько не понимая болѣзней: хивинскіе врачи жгутъ передъ родильницею, въ трудныхъ родахъ, змѣиную кожу! Кровь они пускаютъ маленькимъ ножемъ, всего чаще изъ переносья.

Въ Хивинскомъ ханствѣ протекаетъ нѣсколько рѣкъ, изъ которыхъ самая знаменитая Аму-Дарья. Думаютъ, что она нѣкогда текла не въ Аральское, а въ Каспійское море. Касаясь съ большою осторожностію этого вопроса, Данилевскій упоминаетъ о нѣкоторыхъ лощинахъ и сухихъ руслахъ, по которымъ онъ самъ шелъ, или о которыхъ успѣлъ собрать нѣкоторыя свѣденія. Эти новые факты имѣютъ большую важность для рѣшенія вопроса о прежнемъ теченіи Аму-Дарьи, равно какъ и сообщенное извѣстіе о мнѣніи самихъ хивинцевъ. Они полагаютъ, что теченіе рѣки точно измѣнилось, но что это произошло чрезъ приведеніе въ исполненіе намѣреній одного хана, который, имѣя столицу въ городѣ Ургенчѣ, захотѣлъ переселить часть жителей, стѣсненныхъ малымъ количествомъ земли, съ лѣвой стороны Аму на правую, по направленію на сѣверъ къ Аральскому морю. Песчаное свойство страны заставило прорыть много каналовъ для орошенія пашни, отъ чего воды Аму-Дарьи получили новое стремленіе и рѣка съ тѣхъ поръ проложила себѣ новый путь къ Аральскому морю. Оставляя этотъ любопытный историческій вопросъ, возвратимся къ настоящей гидрографіи. Аму-Дарья протекаетъ въ ханствѣ около семи-сотъ верстъ и въ этомъ пространствѣ омываетъ населенныя мѣста на протяженіи четырехъ-сотъ верстъ. На берегахъ ея стоитъ нѣсколько большихъ городовъ: Пит-

Digitized by Google

някъ, Новый Ургенчь, Кипчакъ, Кодженли, Кунградъ. Ширина рѣки въ южной половинѣ ея теченія мѣняется отъ 200—425 саж., удерживая впрочемъ чаще послѣдній размѣръ. Но отъ Кипчака рѣка постепенно дѣлается уже, такъ что противъ Кунграда она имѣетъ не болѣе 60 саж. Это съуживаніе въ сѣверныхъ мѣстахъ очень естественно, потому что, оканчивая тамъ свое теченіе и приближаясь къ поглощающему ее бассейну Аральскаго моря, она прокладываетъ путь по странѣ, имѣющей весьма малый склонъ, раздѣляетъ свои воды и пускаетъ рукава, которые при устьѣ образуютъ настоящую дельту. Глубина ея различна, но во многихъ мѣстахъ найдена около семи аршинъ, а по разсказамъ жителей, Аму-Дарья нигдѣ не имѣетъ значительной глубины, хотя на ней нѣтъ и бродовъ; особенно мелки ея устья, но изъ нихъ восточный имѣетъ до четырехъ футовъ (*). Соотвѣтственно съ этими отношеніями нельзя ожидать, что рѣка быстра, и дѣйствительно въ мѣстахъ наблюденія найдено было, что скорость теченія составляетъ отъ 30—35 саж. въ минуту, а по близости къ морю, гдѣ рѣка образуетъ дельту, даже менѣе — до 20 саж. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. отъ новаго Ургенча до Кунграда, лодка съ товаромъ, безъ парусовъ и веселъ, дѣлаетъ по семи верстъ въ часъ, что даетъ 58 саж. въ минуту. Берега рѣки, кромѣ рѣдкихъ и незначительныхъ промежутковъ, покрыты тальникомъ и колючимъ кустарникомъ. У Кунграда появляется густой камышъ, который разростается сплошною массою, особенно въ низшемъ теченіи рѣки, и затрудняетъ всякое сообщеніе, по чему кочующія въ этихъ мѣстахъ племена должны были прорубить просѣки и проложить тропинки.

Мы потому распространились объ Аму-Дарьѣ, что она имѣетъ особенную важность для Хивинскаго ханства. Если когда-нибудь сравненіе рѣки съ артеріею, по которой разносится питаніе и жизнь, можетъ имѣть мѣсто, то это именно въ настоящемъ случаѣ. Вся главная масса народа, занимающагося земледѣліемъ, живетъ въ южной полосѣ ханства, омываемаго Аму-Дарьей, мѣстами только встрѣчающіеся пески дѣлаютъ ее необитаемою. Хотя вообще полагаютъ, что на Востокѣ народъ лѣнивъ и что тамъ земля представляетъ видъ дикости и запустѣнія, но этого никакъ нельзя сказать объ южной часта Хивы, населенной народомъ дѣятельнымъ, который, только чрезъ неусыпный трудъ, могъ превратить пустыни въ обильныя поля и цвѣтущіе сады, если только вѣрить всѣмъ сообщаемымъ свѣденіямъ, полученнымъ

(*) Пояснительная записка г. Ханыкова, стр. 292.

Digitized by Google

чрезъ разспросы. Довольно привести одинъ фактъ: пшеницы высѣвается на тапанъ до 5 батмановъ (т е на десятину до $2^1/_4$ четвертей), и она въ хорошіе годы родится самъ-12 и 14! Такимъ образомъ съ десятины получается отъ 27 до 30 четв. пшеницы, которая продается отъ 22 до 30 к. с. за батманъ, т. е. 1 пудъ 8 фунтовъ. Довольно привести, повторимъ, этотъ фактъ земледѣльческаго производства, чтобъ отдать полную справедливость хивинскому хозяйству, потому что этотъ блистательный р зультатъ не одолженъ своимъ существованіемъ природѣ, плодоносной почвѣ, или счастливому климату, а человѣческому прилежанію и искуству. Отъ Аму-Дарьи проведено 14 главныхъ каналовъ, которые имѣютъ около 10, а мѣстами даже около 24 саж. ширины, такъ что могутъ служить для плаванія. Мы сочли, что они имѣютъ протяженія 830 верстъ. Къ этимъ главнымъ резервуарамъ воды проведены боковые каналы гораздо меньшей ширины, но своими развѣтвленіями идущіе на протяженіи 800 верстъ. Наконецъ отъ боковыхъ каналовъ идутъ канавки, направленныя къ полямъ и садамъ каждаго владѣльца, для орошенія которыхъ они служатъ. Сухой климатъ, недостатокъ дождевой воды, глинистая, солонцовая и вообще неблагодарная почва, свойственная степной полосѣ, заставили жителей прибѣгнуть къ системѣ искусственнаго орошенія и покрыть землю сѣтью каналовъ. Поле раздѣляется на участки, каждые величиною въ $^1/_3$ нашей десятины, и этотъ участокъ окапывается упомянутыми каналами, которые наполняются водою близъ лежащихъ боковыхъ резервуаровъ. Поверхность поля срывается ниже уровня воды; вмѣсто навоза, котораго недостаетъ по малому скоговодству, разбросывается кусками глина обветшавшихъ зданій, земля, взятая около жилыхъ мѣстъ и смѣшанная съ золою, соломой, потомъ все это разравнивается и на поле напускаютъ изъ каналовъ воду, которая покрываетъ его дюйма на два (не много болѣе вершка) и стоитъ до тѣхъ поръ, пока уйдетъ въ землю. Тогда начинаются сельскія работы, разрыхленіе почвы, сѣвъ, и послѣ показавшихся всходовъ, напускаютъ воду еще нѣсколько разъ, смотря по состоянію погоды и роду владѣлываемаго хлѣба. Необходимая потребность орошать поля, и чрезвычайная, государственная важность каналовъ, отсюда проистекающая, послужили поводомъ къ нѣкоторымъ общественнымъ учрежденіямъ. Каналы надо чистить, чтобы отъ ихъ постепеннаго засоренія нисколько не затруднялось орошеніе; плотины, которыми въ осеннее время запружается ихъ истокъ изъ Аму-Дарьи, надо снимать; и этотъ рядъ работъ совершается въ февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ посредствомъ общественной повинности. Каждое семейство, которое для оро-

Digitized by Google

шенія пользуется водою изъ извѣстнаго канала, обязано выставить одного работника, который исправляетъ по наряду работы, и все это происходитъ подъ наблюденіемъ ханскаго чиновника. Но тѣже самые каналы, которые поддерживаютъ плодородіе полей, могутъ быть причиной бѣдствій и опустошеній, если не обуздать стремленіе водъ Аму-Дарьи, которая во время разлива можетъ затопить пашни и жилища. Съ этою цѣлію ежегодно въ ноябрѣ мѣсяцѣ устроиваютъ плотины при истокѣ изъ Аму-Дарьи тѣхъ каналовъ, гдѣ замѣчается большій напоръ воды. Изъ кустарника, который обильно растетъ по берегамъ рѣки, устроиваютъ родъ туръ, наполняемыхъ глиною; эти туры опускаютъ на дно и связываютъ свитыми изъ камыша канатами, для того, чтобы они лучше могли сопротивляться натиску воды. Иногда на первый этажъ туръ накладывается вторый, и все покрывается землею, кустарникомъ, чтобъ придать большую тяжесть. Такія плотины оказываются достаточными. Кромѣ того въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ берега рѣки очень низки, такъ что рѣка отъ прибыли воды угрожаетъ наводненіемъ, дѣлаются продольныя плотины, о которыхъ мы не нашли подробностей, но которыхъ устройство, вѣроятно, такое же.

Богатое земледѣльческое производство, котораго Хивинцы достигаютъ при помощи изложенныхъ гидротехническихъ и сельскихъ работъ, дало возможность народу значительно размножиться, такъ что въ южной населенной части принимаютъ по 1150 душъ на кв. милю, и даже въ сѣверныхъ мѣстахъ, гдѣ преобладаютъ пустыри и камышъ, принимаютъ не менѣе 773 душъ. Число всего народа полагается до 75,000 семействъ, или, считая по 4 души на семейство, до 300,000 человѣкъ. Въ Хивѣ усматривается та особенность, что значительная часть хлѣбопашцевъ (около $^1/_3$ всего народа) не ведутъ осѣдлой жизни. Вѣроятно они живутъ по полямъ только во время сельскихъ работъ, а по окончаніи уборки хлѣба, и сдѣлавъ новые запасы, отправляются со скотомъ кочевать въ привольныя степи. Главныя части разноплеменнаго населенія ханства суть: *осѣдлыя* племена: Сарты, Узбеки и Аралы, *кочевыя*: Каракалпаки, Киргизы, и Трухмены, *плѣнныя:* Персіяне и Ямшиды. Сарты коренные жители ханства, Узбеки завоеватали. Прежде Узбеки имѣли разныя преимущества по службѣ и пользовались разными исключительными правами, но ихъ сила стала возбуждать недовѣріе хановъ, въ слѣдствіе котораго значительные роды были истреблены, такъ что теперь важнѣйшія должности, управленіе городами и ханскими имуществами сосредоточились въ рѣкахъ Сартовъ. Киргизы кочуютъ въ разныхъ мѣстахъ степей и въ камышахъ, около устьевъ Аму-Дарьи,

Digitized by Google

по берегамъ Арала. Они очень бѣдны, такъ что не всегда въ состояніи платить хану дань. Для управленія ими устроена на берегу Сыръ-Дарьи крѣпостца Бишъ-Кэле, въ которой прежде жилъ хивинскій чиновникъ. Но въ 1842 году толпа Киргизовъ напала на эту крѣпостцу, убила ея начальника, и хивинскій ханъ до сихъ поръ еще не успѣлъ водворить здѣсь прежняго порядка управленія. Столь же слабы узы, которыя связываютъ съ Хивою Туркменъ, народъ многочисленный, сильный и кочующій въ отдаленіи отъ ханства. Нѣтъ сомнѣнія, что они совсѣмъ уклонились бы отъ хивинскаго подданства, еслибъ не было нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствъ. Одно изъ нихъ — это перевозка товаровъ изъ Россіи въ Хиву и обратно, для чего нанимаютъ Туркменовъ: въ случаѣ неудовольствій эти извозчики могли бы быть задержаны хивинскими властями. Потомъ недостатокъ хлѣба и вообще жизненныхъ средствъ заставляетъ ихъ посѣщать базары хивинскаго ханства и искать тамъ необходимое. Персіянъ считается въ ханствѣ до 15,000 семействъ, т. е. $^1/_8$ доля всего народа. Они были увлечены въ плѣнъ ханами, которые въ разныя времена дѣлали набѣги на Персидскіе предѣлы, и поселены въ разныхъ мѣстахъ для исправленія самыхъ тягостныхъ работъ. Нѣкоторыя изъ Персіянъ выкупились на волю и живутъ своимъ хозяйствомъ, но возвратиться на родину не могутъ. Ямшиды изъ рода Авганцевъ. Они въ числѣ 7,000 кибитокъ также были плѣнены въ 1839 году и пригнаны въ Хиву, гдѣ отданы имъ подъ кочевья земли по направленію къ городу Кипчаку, земли, до того скудныя, что Ямшиды не въ состояніи платить дани.

Много любопытнаго встрѣтили мы также въ топографическомъ изображеніи края и въ свѣденіяхъ о разныхъ отрасляхъ сельской промышленности и торговли, но изъ опасенія распространить чрезъ мѣру свой отчетъ, должны будемъ ограничиться указаніемъ на эти статьи и рекомендовать ихъ любознательному читателю. Не можемъ только умолчать, что въ разбираемой книгѣ мы нашли рецензію, съ обвиненіями которой мы никакъ не соглашаемся. Рецензія эта посвящаетъ цѣлыхъ 28 страницъ мелкой печати на изложеніе разныхъ недостатковъ «Экономической Статистики» изданной г. Горловымъ. Если книга эта дѣйствительно такъ несовершенна, какъ доказываетъ г. рецензентъ, то она не стоитъ такого подробнаго разбора; если же она такъ замѣчательна, что заслуживаетъ такой подробный отчетъ, то непонятно, какъ въ ней не найдено ни одной хорошей стороны, даже ни одного дѣльнаго замѣчанія (*). Рецензія облечена такою формою и мѣстами написана

(*) Просимъ на слова наши не смотрѣть, какъ на риторическую фигуру, а принять въ буквальномъ смыслѣ—не найдено даже *никодного* дѣльнаго замѣчанія.—

Digitized by Google

такимъ серьезнымъ тономъ, что неопытный читатель легко можетъ повѣрить на слово г. рецензету. Такъ какъ «Экономическая Статистика» по нашему мнѣнію, не заслуживаетъ тѣхъ порицаній, которыя произноситъ г. рецензентъ, и такъ какъ вся резензія состоитъ изъ обвиненій, которыя легко устранить, то мы сообщимъ наше мнѣніе о ней въ слѣдующей статьѣ. — *Z.*

Современникъ. N 6. Іюнь. N 7. Іюль.

Полемика — дѣло хорошее, когда она имѣетъ цѣль литературную — т. е. когда результатъ ея — разъясненіе тѣхъ или другихъ началъ критики. Другаго рода полемики, основанной на личной литературной враждѣ, поддерживаемой заносчивостью самолюбія — мы не хотимъ признавать. Пока не доходило дѣло до началъ нашей критики — мы молчали, считая весьма не учтивымъ занимать публику мелкими личными отношеніями. *Новый поэтъ* въ двухъ своихъ письмахъ, напечатанныхъ въ 6-мъ и 7-мъ N Современника, высказалъ довольно ясно и по своему насмѣшливо — неудовольствіе, возбужденное въ немъ нашими положеніями. Прекрасно — мы готовы отвѣчать, какъ ему — представителю извѣстнаго направленія критики, такъ и публикѣ, довольно равнодушной впрочемъ къ тѣмъ или другимъ направленіямъ.

Но прежде, чѣмъ пунктъ за пунктомъ примемся мы возражать г. Новому поэту, — мы готовы предложить вопросъ о причинѣ вражды ко всему новому, замѣчаемой въ русской литературѣ, въ pendant къ вопросу князя В. Ѳ. Одоевскаго, о враждѣ къ просвѣщенію, замѣчаемой въ Русской литературѣ? Въ самомъ дѣлѣ, почему повторяется постоянно одинъ и тотъ же фактъ: извѣстное направленіе вопіетъ сначала неистово противъ всего ему предшествовавшаго — во имя чего-то новаго, потомъ, когда истощитъ все, что въ этомъ новомъ было справедливаго, пустится въ крайности, — застынетъ или лучше сказать окаменѣетъ въ нихъ, и позоритъ все простое, все некрайнее именемъ новаго, молодаго и т. д. Во первыхъ — что за бѣда, если положенія новы, были бы они истинны; — потомъ, — за чѣмъ упрекать въ претензіи на новость, то, что этой претензіи не имѣетъ.

Вопросъ поставляется такимъ образомъ:

Или въ нашихъ положеніяхъ видятъ дѣйствительно что-то новое — и онѣ не нравятся потому, что новы.

Digitized by Google

Или — насъ упрекаютъ въ томъ, что мы выдаемъ старое за новое, и хотятъ отъ насъ непремѣнно новыхъ истинъ, во что бы то ни стало.

На новость положеній мы не имѣемъ притязаній: на серьезность и искренность убѣжденій, можетъ быть и старыхъ, но нами усвоенныхъ и принятыхъ за истинныя, — безъ сомнѣнія, имѣемъ и должны имѣть.

Прежде всего г. Новый поэтъ и вообще критики Современника посмѣиваются — надъ словомъ *художественность*, которое будто бы наслѣдовано нами отъ однаго журнала, и надъ словомъ *искренность* — исключительно будто бы намъ принадлежащимъ.

«Художественность! искренность таланта!» — такъ восклицаетъ г. Новый «поэтъ въ письмѣ своемъ за Май мѣсяцъ — «Вотъ условіе, безъ котораго «никакое произведеніе не можетъ быть прочно, не можетъ составлять «пріобрѣтеніе въ литературѣ! Перечитывая на дняхъ «Москвитянинъ», «я вполнѣ убѣдился въ этомъ, сознался, что молодая редакція этого «журнала точно провозглашаетъ истины высокія и *новыя*. Я каюсь и «беру назадъ опрометчивыя слова свои въ V N Современника, касающіяся «этой редакціи ....Художественность! искренность таланта!

«Художественность и искренность повсюду преслѣдуютъ меня, гдѣ «бы я ни былъ: на Невскомъ проспектѣ, у Дюссо, въ Лѣтнемъ «саду, или даже на Минеральныхъ водахъ у г. Излера, гдѣ поютъ «цыгане и братья Мальчугины, изъ коихъ одна — сестра, гдѣ деклами- «руетъ малороссійскія пѣсни г. Карпенко, пляшутъ на канатахъ акро- «баты, гдѣ есть между прочимъ акробаты, бенгальскіе огни и два «хора музыки. Я не хочу писать повѣстей, романовъ, драмъ, стихо- «твореній — хорошихъ, забавныхъ, поучительныхъ и проч. Нѣтъ! я «рѣшился *творить* теперь художественныя произведенія, въ которыхъ «бы обнаруживалась искренность таланта, *то есть* эта чистота пред- «ставленій и воспроизведенія жизни во всей ея непосредственной про- «стотѣ, жизни не балованной, такъ сказать, частыми и ослабляющими «художественную способность разсужденіями и сомнѣніями, ни вмѣ- «шательствомъ личности и чисто личныхъ ощущеній — произведенія, въ «которыхъ характеры были бы типичны, оригинальны и цѣлесообразны — «произведенія, въ основаніи которыхъ лежали бы непремѣнно глубокія «мысли, и что бы эти мысли зачинались въ головѣ моей не въ отвле- «ченной формѣ, а въ живыхъ образахъ, и домысливались только особен- «нымъ художественнымъ процессомъ до болѣе типическаго предста- «вленія и проч. и проч. Вотъ какія произведенія я хочу творить.»

Digitized by Google

Въ этой обращенной на слова художественность и искренность — тирадѣ, которую мы выписали буквально со всѣми ея милыми уклоненіями отъ предмета въ пользу минеральныхъ водъ, братьевъ Мальчугиныхъ, Дюссо и проч. — въ этой тирадѣ, недостаетъ прежде всего искренности. *Не можетъ быть*, чтобы г. Новый поэтъ дѣйствительно подозрѣвалъ насъ въ *провозглашеніи* высокихъ и новыхъ истинъ. Мы уже разъ объявили, что не провозглашаемъ новаго — не потому впрочемъ, чтобы вооружились противъ новаго дѣльнаго — а отстаиваемъ изъ стараго, то, что было въ немъ справедливаго, что таковымъ остается и что напрасно позабываютъ. Мы рѣшились, однимъ словомъ, проходить зады съ *современной* критикой. *Не можетъ быть*, чтобы г. Новый поэтъ былъ искрененъ въ своей иронiи надъ *художественностью*.... Чѣмъ, какъ не законами *искусства*, должна руководствоваться критика произведеній, принадлежащихъ къ области *искусства?* съ какой точки зрѣнія смотрѣть на произведенія литературныя, какъ не съ литературной.... съ точки зрѣнія промышленности, или вообще, политико-экономической? Правда, читали мы, назадъ тому года четыре, политико-экономическія статьи о стихотвореніяхъ Кольцова, но все, что было въ нихъ дѣльнаго, къ литературѣ не относилось, а все относившееся къ литературной оцѣнкѣ было въ нихъ ученически-слабо. Не давно объявили намъ торжественно, что критика чисто-художественная свое время отжила, и замѣнилась критикой *исторической*. *Не можетъ быть*, чтобы г. Новый поэтъ предполагалъ въ насъ незнаніе значенія *исторической* критики. Историческая критика, которая разсматриваетъ произведеніе въ связи съ личностью автора и съ жизнію эпохи, есть высшій видъ художественной критики: Гервинусъ, Гильдебрандъ, Фильмаръ и другіе знаменитые представители ея, въ оцѣнкѣ произведеній по связи ихъ съ личностью автора и съ духомъ эпохи, не опускаютъ изъ виду и чисто-художественной точки зрѣнія. Но какими началами исторической критики руководствуется редакція Современника, выдающая за талантливыя произведенія — «Дачный разсказъ», «Записки Тамарина», — какими началами исторической критики объясняется, напримѣръ, выходка иногороднаго подписчика противъ Индѣйской драмы, переведенной когда-то въ Москвитянинѣ г. Коссовичемъ, — что за историческая критика у г. Новаго поэта — мы не знаемъ. *Не можетъ быть*, чтобы г. Новый поэтъ серьезно смѣялся и надъ *искренностью*, которой мы требуемъ отъ художественныхъ произведеній. Смотрѣть ли на литературу съ точки зрѣнія критики исторической, т. е. какъ на отраженіе общественной жизни извѣстнаго народа, извѣстной эпохи —

Digitized by Google

и на произведеніе, какъ на связанное съ личностью автора, поясняемое этою личностью и въ свою очередь ее поясняющее — или съ точки зрѣнія художественной, какъ на отраженіе и воспроизведеніе жизни вообще съ разумными законами ею управляющими, человѣческой личности съ психологическими пружинами ею движущими, — все таки произведеніе дорого, поколику оно искренне, поколику оно не клевещетъ на жизнь вообще, и на жизнь извѣстной эпохи въ особенности.... Съ исторической ли, съ художественной ли точки зрѣнія — повѣсти, печатаемыя въ Современникѣ и посвященныя на воспроизведеніе призрачныхъ явленій — ложны. *Не можетъ быть*, наконецъ, чтобы можно было добросовѣстно обвинять насъ въ *поклоненіи* драматическому этюду г. Островскаго, какъ идеалу искреннихъ произведеній. Этюдъ г. Островскаго самъ по себѣ; онъ имѣетъ свои собственныя достоинства, и самая пародія г. Новаго поэта выставила эти достоинства, ибо все забавное въ ней принадлежитъ г. Островскому; но мы съ своей стороны не брали и не беремъ на себя отвѣтственности за достоинства и недостатки «Неожиданнаго случая». Мы только не приписывали себѣ страннаго права ограничивать дѣятельность какого бы то ни было даровитаго человѣка извѣстнымъ бытомъ; не прилагали къ легкому очерку — положеній о комедіи вообще, и не мудрствуя лукаво — видѣли и видимъ хорошее даже въ легкомъ очеркѣ. Мы, однимъ словомъ, смотрѣли на этюдъ безотносительно, тогда какъ критика Современника взглянула на него подъ тѣмъ угломъ зрѣнія, что г. Островскій долженъ *непремѣнно* писать комедіи изъ купеческаго быта, и до другаго чего-нибудь не имѣетъ права касаться. Въ такомъ опекунствѣ, похожемъ нѣсколько на тактику разныхъ *стражей чистоты русскаго языка и литературы* — есть много комическаго, и мы жалѣемъ, что это комическое ускользнуло отъ вниманія г. Новаго поэта. Вотъ бы пища его сатирическому уму — какъ говоритъ Ноздревъ.

Если все это — оставляя въ сторонѣ достоинства и недостатки «Неожиданнаго случая» — такъ, если г. Новый поэтъ не можетъ быть *искренень* въ своихъ нападкахъ на художественность и искренность, то спрашивается, изъ чего хлопочетъ нашъ противникъ?. Онъ могъ написать пародію на этюдъ, хотя ничего не доказалъ этимъ, кромѣ достоинствъ самаго этюда, и въ каррикатурѣ выставилъ только рѣзко тонкія психологическія черты подлинника, — но связать съ «Неожиданнымъ случаемъ» — наши эстетическія положенія, если только угодно ему признавать ихъ нашими, онъ не имѣлъ никакаго права.

«При отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга», повѣствуетъ онъ въ письмѣ

Digitized by Google

«за Іюнь, «меня провожали болѣе или менѣе знакомые литераторы, «и въ томъ числѣ критикъ, разбиравшій въ «Современникѣ» драма- «тическій этюдъ г. Островскаго, помѣщенный въ *Кометѣ*, этотъ «критикъ, не возвысившійся еще, къ сожалѣнію, до пониманія художе- «ственности и искренности, за полчаса до минуты разставанья, до «роковаго звука кондукторской трубы, я отвелъ въ сторону критика «Драматическаго этюда» крѣпко пожалъ ему руку, посмотрѣлъ на «него значительно и сказалъ:

«Вы знаете, какъ глубоко и искренно я васъ уважаю. Вы человѣкъ «съ талантомъ и со вкусомъ; но ваши взгляды на искусство устарѣли. «Вамъ бы слѣдовало усвоить себѣ новѣйшую теорію *художествен- «ности* и *искренности*, а для этого я совѣтовалъ бы вамъ читать, «перечитывать и изучать библіографическія статейки «Москвитянина», «подъ которыми подписываются буквы Г. Е. О. и У. Подъ этими «таинственными буквами скрываются всѣ замѣчательные мыслители, «пролагающіе совершенно новую тропу въ мірѣ искусства. Я скажу «болѣе: вамъ не дурно было бы самому съѣздить въ Москву для «того, чтобы короче познакомиться съ этими теоріями, глубоко про- «никнуться ими; тогда бы взглядъ вашъ просвѣтлѣлъ, кругозоръ рас- «ширился, вы уразумѣли бы во-первыхъ художественное значеніе «*Неожиданнаго случая* и моихъ *Разстегаевъ*, а во-вторыхъ, у- «видѣли бы неизмѣримую пропасть, раздѣляющую беллетрестическія «произведенія отъ художественныхъ».

«Здѣсь надобно замѣтить, что за недѣлю до моего отъѣзда, я «прочелъ на мои Разстегаи еще въ рукописи критику «Современника», который отозвался о нихъ почти такъ же неблагосклонно, какъ и о «Неожиданномъ случаѣ.»

«Не просвѣтленный новыми художественными теоріями, критикъ «иронически улыбался, слушая меня, какъ будто сожалѣя о моемъ «заблужденіи и воображая, что онъ находится въ истинѣ.

«— Объясните мнѣ одно, — сказалъ онъ — что доказываютъ ваши «*Лиловый* и *Пюсовый*? къ чему выводитъ такія пошлыя лица? Вы- «ражаетъ ли въ вашихъ «Разстегаяхъ» это пошлое какую-нибудь идею? И не въ правѣ ли сказать читатели:

«Съ кого они портреты пишутъ,
«Гдѣ разговоры эти слышутъ?

«Какъ, вы не видите идеи въ *Разстегаяхъ*? воскликнулъ я, раз- «горячась. Право, мнѣ искренно жаль васъ. Слушайте же, я разскажу

Digitized by Google

вамъ, какъ зародились *Разстеваи* въ головѣ моей, и какое они «имѣютъ значеніе. Между множествомъ смѣшнаго въ жизни вамъ по- «падались, конечно, на глаза и тѣ странныя отношенія, которыя не «рѣдко связываютъ людей между собою, заставляя ихъ принимать «другъ въ другѣ какое-то дѣтское, неразумное участіе, выражающееся «обыкновенно тѣмъ, что одинъ считаетъ себя обиженнымъ, если другой «не разскажетъ ему тотчасъ же, хотя бы ничтожнѣйшее обстоятельство «въ своей жизни! Иногда ихъ даже тяготятъ подобныя обязательства, «но они добродушно выполняютъ ихъ во имя связывающей ихъ «дружбы и т. д.»

Всю эту довольно длинную выписку дѣлаемъ мы съ цѣлію подтвердить прежде-сказанное. Послѣдняя часть выходки — не пародія, а просто переписка того, что высказано однимъ изъ нашихъ сотрудниковъ по поводу «Неожиданнаго случая». Пародировать такъ — очень легко; — только, опять не искренен здѣсь г. Новый поэтъ. *Не можетъ же онъ* добродушно вѣрить въ возможность существованія такихъ людей, которыя на основаніи двухъ, трехъ статей считали бы себя замѣчательными мыслителями, пролагающими новую тропу въ мірѣ исскуства. Искать же новаго и вѣчно новаго довольно странно. Претензіи на оригинальность въ наше время выражаются не такъ. Гораздо *оригинальнѣе* принимать гордо рѣшительный тонъ, изъявлять съ высоты величія *презрѣніе* къ серьезнымъ принципамъ, нежели отстаивать принципы, и, повторяемъ опять, проходить зады. *Оригинальнѣе* гораздо обратить критику въ шутовство, — бесѣдовать съ читателями по поводу книги, объ устрицахъ и шампанскомъ, описывать впечатлѣнія великосвѣтскаго человѣка на Московскихъ гуляньяхъ. Это вдвойнѣ *хорошо*, во-первыхъ и для публики *занятно*, а во-вторыхъ — можно похвастаться и своею великосвѣтскостью.

Мы на такую оригинальность не мѣтимъ, но крѣпко готовы стоять за свою добросовѣстность. Ею осмѣливаемся мы объяснить и то, что подъ нашими небольшими статьями подписываемъ мы буквы Г. Е. О. У., возмущающія г. Новаго Поэта и возмущавшія блаженной памяти Иногороднаго подписчика. Редакція журнала, конечно, должна быть органическимъ цѣлымъ, т. е. состоять изъ личностей, болѣе или менѣе связанныхъ убѣжденіями — но все таки, она состоитъ изъ личностей. Каждая изъ этихъ личностей имѣетъ свой оттѣнокъ и въ правѣ имѣть его. Что за деспотическій уровень, нивелирующій все, стирающій всѣ различія, что за темная сила кружка, который кладетъ на все одно клеймо, что за стереотипные взгляды? Г. Новый поэтъ *не*

Digitized by Google

можетъ не видать, что если есть что-либо новое въ нашихъ воззрѣніяхъ, такъ это именно весьма старая вражда къ темной силѣ кружковъ, и точно столько же старая любовь къ правдѣ. Это старое, дѣйствительно, должно казаться новымъ г. Новому поэту.

До сихъ поръ, нападки его, какъ видите, самыя неопредѣленныя и, къ чести его сказать, самыя невинныя. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего невиннѣе, какъ шутить: скажутъ только развѣ:

Шутитъ, весь вѣкъ шутитъ—какъ васъ на это станетъ?

Но отшутиться можно даже и отъ такаго возраженія. Неопредѣленность же нападокъ ясна съ перваго раза. Какой критики желаетъ новый поэтъ? Исторической — но мы не только противъ нея, а за нее, но смѣшно было бы прилагать законы исторической критики къ эфемернымъ журнальнымъ явленіямъ. Политикоэкономической?—но *таковая* по крайней мѣрѣ очень односторонна и близорука. Вѣроятнѣе всего, что—критики на основаніи личныхъ впечатлѣній и при томъ не чьихъ-ли бо, а впечатлѣній его самаго, г. Новаго поэта, или, по малой мѣрѣ, Иногороднаго подписчика. Поясните же намъ все-таки *законы*, которыми управляются ваши личныя впечатлѣнія.

Въ послѣднемъ письмѣ своемъ, г. Новый Поэтъ высказалъ впрочемъ и нѣчто опредѣленное, хотя относящееся къ частному случаю и привязанное опять къ слову:

«Молодая редакція Москвитянина—говоритъ онъ — изобрѣла новое «слово *свищъ* и прибавляетъ притомъ, что это слово не совсѣмъ «учтивое. Разбирая *Антонину* г-жи Туръ, молодая редакція говоритъ: « Антонина *страждетъ недугомъ* многихъ очень даровитыхъ и «умныхъ женскихъ натуръ—любовью къ людямъ, *которыхъ назовешь* «*всегда по неволѣ* не совсѣмъ учтивымъ именемъ *свищей*. Да про- «стятъ намъ это *странное названіе*, мы не знаемъ другаго, которое «бы *вѣрнѣе* опредѣляло натуру Славина (въ повѣсти Ошибка) или «Мишеля (въ Антонинѣ) (Москвитянинъ N 11. стр. 325.).»

« Почему Славинъ и Мишель *свищи* и почему это странное не «совсѣмъ учтивое и—я прибавлю отъ себя—непонятное названіе *вѣрнѣе*, «нежели какое-либо другое слово, опредѣляетъ натуру такихъ людей? «Правда, Славинъ и Мишель—люди поверхностные, обыкновенные, не «герои, но они *люди свѣтскіе*, порядочные, и ничего нѣтъ удивитель- «наго, что они умѣютъ возбуждать *недугъ* въ даровитыхъ, умныхъ «и притомъ такъ же *свѣтскихъ* женщинахъ. Не влюбляться же имъ «непремѣнно въ людей съ глубокими натурами, въ ученыхъ и лите- «раторовъ, да и притомъ, развѣ можно указать мѣсто сердцу женщины,

« Примолвя, тутъ остановись. »

Digitized by Google

Эта выходка опять страждетъ явно *недугомъ* недостатка искренности. Прежде всего, г. Новый Поэтъ — какъ русскій человѣкъ, не можетъ не знать значенія слова: *свищь*. Свищемъ называется орѣхъ, который съ виду кажется и настоящимъ орѣхомъ, а внутри весь прогнилъ... Потомъ, Славинъ и Мишель люди точно поверхностные — но не *обыкновенные*. Потому-то они и *свищи*, что имѣютъ претензію на необыкновенность, на глубокія страсти и моральныя страданія — и при первомъ же столкновеніи съ какою-либо бабушкою или тетушкою, оказываются крайне несостоятельными въ своихъ страстяхъ и страданіяхъ. Что они люди *свѣтскіе*, мы не споримъ, но чтобы они были люди порядочные, это подлежитъ большому сомнѣнію. Считались они, правда, когда-то порядочными, но время славы ихъ, кажется, прошло. Что они способны возбуждать недугъ въ даровитыхъ и притомъ *свѣтскихъ* женщинахъ, опять не споримъ, но говоримъ только, что это фактъ чрезвычайно печальный, что доказывается примѣромъ Ольги въ «Ошибкѣ» и Антонины. Наконецъ, откуда взялъ г. Новый поэтъ, что мы рекомендуемъ даровитымъ и свѣтскимъ женщинамъ влюбляться въ глубокія натуры, и тѣмъ паче, въ ученыхъ и въ литераторовъ? Не въ томъ дѣло — глубока или нѣтъ натура — а въ томъ, есть ли въ ней *правда*, какова бы пожалуй эта правда ни была.

Жизнь лучше словъ и правда лучше лжи...

и можно скорбѣть объ Антонинѣ, не упрекая ее впрочемъ въ привязанности къ Мишелю — скорбѣть, что *всю* любовь свою отдала она пустому мальчишкѣ, въ которомъ нѣтъ ничего *своего*, кромѣ способности плакать надъ собственнымъ безсиліемъ. Г. Новый поэтъ не станетъ же себя и насъ увѣрять, что Антонина была очень счастлива отъ встрѣчи съ такою натурою.

Оставляемъ полемику и займемся литературною частію двухъ №° Журнала.

Мертвое озеро. Въ 6-мъ и 7-мъ N «Современника» оконченъ второй томъ этаго романа — и, что важнѣе всего, въ части восьмой втораго тома, появилось наконецъ само «Мертвое озеро». Главный герой восьмой и девятой части втораго тома — Тавровскій, племянникъ Натальи Кириловны. Еще въ концѣ седьмой части, авторы романа предупреждали, что читателю придется часто встрѣчаться съ Тавровскимъ, и сами выдавали характеръ его за многосторонній. По всей видимости, они даже дорожатъ этимъ лицемъ — стало быть, критика поставлена ими въ обязанность слѣдить за развитіемъ этого характера.

Digitized by Google

«Здѣсь не мѣсто — говорятъ авторы романа, въ первый разъ знакомя читателя съ племянникомъ Натальи Кириловны — вдаваться въ подробное «описаніе его многосторонняго характера, который долженъ развиться «постепенно самъ собой. Слѣдуетъ разсказать только событія, пред- «шествовавшія отъѣзду Тавровскаго изъ Петербурга. Это случилось «съ небольшимъ черезъ годъ, по возвращеніи его изъ-за границы. «Въ этотъ годъ, Тавровскій истратилъ въ Петербургѣ до милліона и «задолжалъ почти столько же; онъ велъ жизнь праздную, разсѣянную «и шумную, давалъ праздники, проказничалъ, былъ записнымъ театра- «ломъ, проигрывалъ страшныя суммы. Лошади и экипажи его были «лучшіе въ городѣ, и онъ поминутно то дарилъ, то проигрывалъ ихъ, «а себѣ заводилъ еще лучшіе. Игра не была его исключительной «страстію; онъ могъ не играть вовсе цѣлый годъ и даже ни разу «не вспомнить о картахъ, но если уже попадалъ за зеленый столъ, то «игралъ страстно, безразсудно, забывалъ все, кромѣ картъ. За картами «онъ изумлялъ своею горячностью, страшными кушами, и еще необы- «кновенной физической крѣпостью. Казалось, онъ могъ вовсе не спать. «Въ то время, какъ люди, съ которыми онъ игралъ, мѣнялись, онъ «одинъ готовъ былъ сидѣть сколько угодно, переживая самыхъ «отчаянныхъ банкометовъ, которые, играя съ нимъ, уходили спать «по очереди. Два милліона, прожитые въ годъ, доставили ему въ Петер- «бургѣ общую популярность — у однихъ онъ слылъ за мота и чуть не «помѣшаннаго, у другихъ — за отличнѣйшаго малаго, пріятнаго собесѣд- «ника и надежнаго товарища — у всѣхъ вообще за прекраснаго, но «взбалмошнаго человѣка. А ему просто было скучно; *такая полоса «была тогда*, какъ онъ самъ иногда обозначалъ нѣкоторые періоды «своей жизни; онъ былъ до того избалованъ людьми и счастьемъ, «что ему никогда и въ голову не приходило спрашивать: зачѣмъ онъ «дѣлаетъ то или другое? и не лучше ли не дѣлать или сдѣлать иначе? «И онъ никогда не задавалъ себѣ такихъ вопросовъ, и никогда не «жалѣлъ о томъ, что сдѣлано. Онъ такъ же легко дѣлалъ и хорошее, «какъ дурное; только онъ никогда не искалъ ни того, ни другаго. «Не мало было людей, гдѣ нибудь потихоньку благословлявшихъ его «имя, потому что если ему случалось сдѣлать добро, то онъ никогда «не дѣлалъ его вполовину, и человѣкъ, которому посчастливилось «возбудить его сострадательность, уже на всю остальную жизнь не «нуждался болѣе ни въ чьемъ участіи, и эти благородные порывы, «которые почти всегда дѣлались извѣстными — не черезъ самаго Тавров- «скаго, который черезъ минуту забывалъ о нихъ, а потому что они

Digitized by Google

«всегда отличались оригинальностью — мирили съ нимъ тѣхъ, кого «возмущала его расточительность. Всѣ же прочіе, знавшіе его, отзыва- «лись о немъ съ восторгомъ, потому что, проматываясь, онъ, если и «дѣлалъ вредъ, то одному себѣ. Выходки его всегда были забавны и «оригинальны. Когда популярность его возросла въ Петербургѣ до «такой степени, что о немъ начали говорить тотчасъ послѣ погоды и «дневныхъ новостей,—одинъ актеръ — тогдашній комикъ и любимецъ «публики—вздумалъ копировать его: онъ одѣлся точь въ точь какъ «Тавровскій, усвоилъ его манеру, походку, и явился на сцену. Тавров- «скій всѣхъ болѣе аплодировалъ актеру, громко хвалилъ его и на «другой день актеръ получилъ посылку съ коротенькой запиской: «Милостивый государь! вы съиграли свою роль превосходно, благо- «дарю васъ; одну только невѣрность замѣтилъ я: на васъ были «стеклянныя запонки, а Товровскій не носитъ никакихъ, кромѣ брил- «антовыхъ, которыя и прошу васъ принять въ знакъ моего уваженія «къ вашему таланту. *Тавровскій.*»

«Таковъ былъ Тавровскій; всѣ удивлялись ему, всѣ подчинялись «неотразимому вліянію его ума, любезности, привлекательности, и «самые кредиторы его сознавались, что, пріѣдя къ нему съ рѣшитель- «нымъ намѣреніемъ вытребовать свои деньги, они чувствовали, погово- «ривъ съ нимъ полчаса, желаніе предложить ему еще въ долгъ денегъ.»

Нельзя не отдать справедливости искуству, хотя и чисто внѣшнему, съ которымъ авторы романа совокупили въ избранномъ ими героѣ— нѣсколько анекдотическихъ, извѣстныхъ всѣмъ чертъ—нельзя не видать такъ же, что они довольно добросовѣстно стараются отдѣлаться отъ тяготѣющаго надъ всѣми болѣе или менѣе вліянія призрака Печорина, и создать что-либо новое изъ *различныхъ* чертъ имъ знакомыхъ— но эти черты не связаны никакимъ внутреннимъ единствомъ, потому что, какъ кажется, недостаточно извѣстны еще авторамъ психологиче- скія пружины дѣйствій и странностей типа, который существуетъ дѣйствительно. Этотъ типъ — не Печоринъ: онъ живетъ слишкомъ очертя голову, слишкомъ безъ задней мысли—онъ не станетъ анали- зировать *напередъ* всѣхъ своихъ ощущеній, не посмотрится въ зеркало передъ дуэлью. Этотъ типъ точно былъ и есть въ русской жизни: можетъ быть, поприщемъ для полнаго разгула его, былъ XVIII вѣкъ. Съ другой стороны, много общаго, не исключительно русскаго вошло въ его образованіе. Нѣкоторыя черты его напоминаютъ то Roué XVIII столѣтія, то Дона Жуана въ костюмѣ Маркиза, мольеровскаго Дона Жуана, отъ котораго съ поклонами уходитъ Mr Dimanche, пришедшій

Digitized by Google

за долгомъ — по вообще, въ нашей литературѣ, этотъ типъ еще не вызрѣлъ, и Тавровскій—далеко ниже задачи, предположенной авторами романа,—вышелъ далеко не тѣмъ, о чемъ бродило у нихъ въ душѣ смутное предчувствіе...

Въ деревнѣ, куда уѣхалъ Тавровскій, въ одну изъ своихъ прогулокъ, встрѣтился онъ случайно съ двумя дикими красавицами—крайне фантастическими, и существующими только въ воображеніи авторовъ романа:

«Съ визгомъ и крикомъ вбѣжали на площадку двѣ женскія фигуры; «какъ дикія козы, онѣ бѣгали, прыгали, догоняя другъ друга и раз- «махивая длинными сучьями, которыми каждая была вооружена и отъ «которыхъ листья разлетались во всѣ стороны. Странность ихъ туалета «такъ поразила скрытаго наблюдателя, что онъ не вдругъ могъ понять, «что такое онъ видитъ. Пестрыя ситцевыя платья обрисовывали «стройныя и гибкія ихъ таліи, руки, шея были открыты, на плеча «накинуты были куски бѣлаго полотна, узломъ завязаннаго у горла, «на этихъ лоскуткахъ, какъ змѣи, рѣзко отдѣлялись черныя ихъ косы. «Лица и плечи были закрыты широкими листьями репейника, которые «около головы образовывали что-то въ родѣ полей пастушеской шляпы— «вѣроятно для защиты лица отъ солнца.»

Видно, что авторы не жалѣютъ красокъ и стараются придать какъ можно болѣе эффекта своимъ фантастическимъ фигурамъ. Жаль только, что эффектъ-то выходитъ ложный.

«*Наконецъ* одна изъ нихъ—продолжаютъ далѣе авторы—утомленная, «упала на траву, что-то сказавъ на странномъ языкѣ. Подруга послѣдо- «вала ея примѣру, но не для того, чтобъ отдохнуть: *она стала* «*кататься по травѣ быстро, какъ шаръ брошенный по скату* «*горы* (?). *Наконецъ* она вдругъ неожиданно остановилась при поворотѣ «на спину, закинула руки на голову, отводя сначала листья отъ своего «лица, и щурясь стала глядѣть на небо. То была молодая худощавая «цыганка, съ чертами лица правильными и рѣзкими. Ея смуглота была «съ лоскомъ и съ такимъ яркимъ румянцемъ, какъ будто въ немъ «было что-то *кровавое*. Брови сходились на ея высокомъ лбу, густыя «рѣсницы придавали ея и безъ того чернымъ глазамъ *страшно дикій* «блескъ. Губы были тонки, такъ что довольно большіе зубы постоянно «были на виду и легкая черная тѣнь на верхней губѣ придавала имъ «*страшную* рѣзкость; курчавые ея волосы были синеватаго цвѣта, «а заплетенныя двѣ косы крутились *какъ змѣи*.»

Digitized by Google

Вотъ вамъ одна цыганка. Какая *страшная* рѣзкость, какая *страшная* выпуклость въ изображеніи — скажемъ мы, употребляя любимый эпитетъ авторовъ. А вотъ другая, представляющая совершенную противоположность — и изображенная, такъ сказать, отрицательно:

«Подруга ея *рѣзко* отличалась нѣжностью своей кожи, хотя тоже «смуглой. У ней не было этого кроваваго румянца и той лоснящейся «смуглоты, ни тѣхъ матово-сизыхъ, курчавыхъ волосъ. Казалось, типъ «цыганскій *смягчился* въ ней въ самую лучшую его сторону. Глаза «у ней были черны, но *длинныя мягкія* рѣсницы *смягчали* ихъ блескъ; «брови не сходились какъ у первой, а *нѣжно* были проведены. Волосы «были длинны и *слегка* вились только около лба и висковъ. Она была «средняго роста: черты ея были болѣе округлены. Движенія и смѣхъ — «все въ ней было *мягче*, чѣмъ у худощавой цыганки. Она отбросила «отъ своего лица завялые листья, и, накинувъ на голову кусокъ полотна, «приняла полулежащую позу и какъ бы о чемъ-то думала, разглядывая «траву и лѣниво перебрасываясь словами съ лежавшей на спинѣ «цыганкой.»

Тавровскій шалитъ съ цыганками — онѣ въ свою очередь тоже шалятъ съ нимъ, пугаютъ его Мертвымъ озеромъ, изъ котораго будто бы онѣ вышли — но между тѣмъ, на обѣихъ, и въ особенности на Любу, у которой *смягчался* цыганскій типъ, онъ производитъ сильное впечатлѣніе; — Стеша впрочемъ тоже съ своей стороны не равнодушна къ нему — и все отношеніе двухъ шаловливыхъ дѣвушекъ къ Тавровскому, выходило бы въ романѣ довольно граціозно и мило — если бы не вмѣшалось тутъ мелодраматическое чучело, въ особѣ цыгана, который — *мрачно* глядитъ на Тавровскаго, злится на него и съ перваго же разу подымаетъ на него ножъ.

Происхожденіе страсти Тавровскаго къ Любѣ — весьма основательно выведено авторомъ изъ его капризной и раздражающейся сопротивленіемъ натуры. На дикарку подѣйствовалъ онъ своей наружностью, ловкостью, смѣлостью — наконецъ своимъ пѣніемъ. Тавровскій увлеченъ наконецъ самъ.

Вскорѣ потомъ, Тавровскій поѣхалъ къ одному изъ ближайшихъ своихъ сосѣдей, и въ дочери его узналъ цыганку Любу. Куратовъ, сосѣдъ Тавровскаго, любилъ цыганку, прижилъ съ нею дѣтей, потомъ разлюбилъ ее, и она съ горя утопилась въ Мертвомъ озерѣ.

Перервемъ нѣсколько разсказъ объ отношеніяхъ Тавровскаго къ Любѣ, чтобы заняться главнымъ героемъ романа, «Мертвымъ озеромъ». Оно

Digitized by Google

появилось наконецъ на сценѣ, окруженное суевѣрными преданіями и всякаго рода эффектами:

«Какое-то уныніе разливалось кругомъ озера, которое даже въ бурю «было покойно. Вѣтеръ, бушующій на горахъ, завывая, какъ бы стра- «шился нарушить спокойствіе озера; однѣ только верхушки деревъ «медленно покачивались и наполняли воздухъ страннымъ гуломъ. «Мрачный и раскиданный ельникъ стоялъ неподвижно, простирая свои «длинные сучья къ озеру, какъ бы стараясь защитить его отъ солнца. «Осока, страшной высоты тростникъ окаймляли озеро, а изумрудный «мохъ въ видѣ травы, предательски укрывался между кустарниками «ельника.»

«Ни дичь, ни звѣри, ни огромное количество рыбъ не *плѣняли* «жителей. Деревня была расположена на горѣ, позади барскаго дома. «Съ незапамятныхъ временъ было тутъ преданіе, что озеро и лѣсъ, «его окружающій, населены *злыми духами*. Одна страшная необходи- «мость въ дровахъ или въ срубкѣ дерева отваживала мужиковъ спу- «скаться въ лѣсъ къ озеру. Ни разу не возвращались домой, безъ какихъ- «нибудь подтвержденій о страшныхъ слухахъ, ходившихъ по деревнѣ «объ озерѣ. Огромную щуку, забредшую на берегъ озера, чтобъ «погрѣться на солнцѣ, принимали за злаго духа, и мужикъ, бросивъ «свою неконченную работу, бѣжалъ какъ безумный домой разсказать «о зломъ духѣ, въ видѣ огромной рыбы. *Пропавшія* у мужика корова, «лошадь—все *приписывалось* озеру (?).

«Къ подтвержденію суевѣрія жителей деревни, *много способствовали* «*безъ вѣсти пропавшіе люди, бывшіе въ лѣсу около озера*. Вѣроятно «они погибали въ страшныхъ болотахъ, но никто не сомнѣвался, что «погибшіе были жертвой злыхъ духовъ, а не своей неосторожности.»

Видите ли, какъ эффектно — хотя не весьма грамотнымъ языкомъ описано Мертвое озеро! Можно предполагать, что это все не даромъ, что читателей ожидаютъ различныя ужасныя происшествія, но только не теперь. Авторы бросаютъ Мертвое озеро, и опять увлекаютъ Тавровскаго въ Петербургъ, заставивши его обручиться съ Любой. Въ Петербургѣ къ нему является Дагоберъ, т. е. Иванъ Софронычъ. Иванъ Софронычъ спасаетъ его отъ раззоренія, отыгрываетъ за него 350,000 рублей, а Тавровскій вдругъ, ни съ того ни съ сего, пріѣзжаетъ къ нему, да принимается ухаживать за его дочерью. Иванъ Софронычъ въ качествѣ добродѣтельнаго человѣка дѣлаетъ сцену, и второй томъ романа оканчивается подъ весьма неблагопріятными ауспиціями.

Digitized by Google

Кромѣ «Мертваго озера» въ 6-мъ N Современника мы прочли еще по части руской словесности: «Воспоминаніе о Захарѣ Иванычѣ» г. Вонлярлярскаго, остроумный и бойкій разсказъ, въ которомъ основа совершенно ничтожна, но за то подробности очень хороши. Хорошъ и самъ Захаръ Иванычъ, и каммердинеръ его Трифонъ и и содержатель русской гостинницы въ Дрезденѣ, *несчастный* Гайдуковъ и наконецъ Александръ Фридрихъ Зельферъ съ отцемъ его Христіяномъ Зельферомъ. Вѣроятно всѣ прочли уже прекрасный беллетристическій разсказъ г. Вонлярлярскаго и знакомы съ этими упомянутыми нами лицами.

Разсказъ: «Друзья» въ 7-мъ N мы лично прочли тоже не безъ удовольствія, и даже удивлялись, почему онъ показался многимъ чрезвычайно дѣтскимъ. Герой и героиня—очень милы и искренни,—что они молоды, это еще не бѣда, тѣмъ болѣе, что авторъ самъ сознаетъ ихъ молодость и даже побаивается за нихъ въ заключеніи разсказа.

Кромѣ беллетристики, особеннаго вниманія заслуживаютъ: продолженіе очень хорошихъ статей г. Хотинскаго «О Волшебствѣ и Натуральной магіи» (статья 4),—статья «О Пропилеяхъ» г. Б. Ордынскаго, написанная съ знаніемъ дѣла и съ безпристрастіемъ,—статья г. Милютина: Обзоръ Дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ Римскою имперіей, составленная по изданнымъ недавно памятникамъ. Замѣтимъ только, что напрасно Польскаго короля рецензентъ называетъ жадным нѣсколько разъ: Польское слово жадный значитъ просто никакой.

Нельзя не отдать справедливости разнообразію и интересу «Смѣси» въ обоихъ нумерахъ Журнала. *Г.*

Отечественныя Записки 1851 года N. 6 и 7-й, Іюнь и Іюль.

Мои Старые знакомцы: III «*Передняя*», В. М. Лазаревскаго. Два первые разсказа того же автора были уже напечатаны въ нынѣшнемъ же году въ Отечественныхъ Запискахъ. Мы высказали тогда свое сужденіе, какъ объ нихъ, такъ и вообще о талантѣ и манерѣ Г. Лазаревскаго. Оставаясь и теперь при томъ же мнѣніи, мы можемъ, слѣдовательно, только немного прибавить къ сказанному прежде. Во всякомъ, литературномъ ли, или какомъ другомъ дѣлѣ, есть всегда передовые, начинатели, которые сами прокладываютъ новый путь, открывая живые, еще не тронутые родники, и есть люди, которые подчиняются новому направленію, идутъ по немъ вслѣдъ за другими. Первыхъ вызываетъ

Digitized by Google

на новое поприще само дѣло, ихъ близкое знакомство съ чѣмъ бы то ни было, живое пониманіе духа того, о чемъ они пишутъ. Вслѣдствіе всего этаго они вдругъ начинаютъ видѣть интересъ въ томъ, въ чемъ другіе не подозрѣвали интереса. За ними начинаютъ и всѣ смотрѣть другими глазами на вещи, удивляясь иногда, какъ имъ самимъ не пришло тоже въ голову, когда, повидимому, стоило только поглядѣть, чтобы увидѣть. Но не замѣчаютъ они, что недостаточно еще идти по пути, удачно проложенному другими, для того, чтобы самимъ достигнуть удачи, что способность придать интересъ и значеніе чему-нибудь новому дается только тому, кто вынесъ свой взглядъ изъ самой дѣйствительности, кто не схватилъ его на сторонѣ, по наслышкамъ, а добылъ самъ изъ живыхъ источниковъ. Тогда только образы, которые онъ вынесетъ изъ вновь открытой имъ сферы, будутъ истинны и вѣрны дѣйствительности, тогда только вполнѣ правы и обязательны для другихъ будутъ его сочувствія или несочувствія къ изображенному предмету и вообще плодотворною станетъ его дѣятельность. Если же посторонними путями добытыя убѣжденія и взгляды станетъ вносить писатель въ поверхностно знакомую ему сферу, если принесетъ онъ готовую любовь или нелюбовь къ извѣстному дѣлу, тогда обнаружится шаткость во всемъ, что ни произведетъ онъ, случайны будутъ его любовь или ирония и можетъ онъ оподозрить дѣло, попавъ даже и на правую его сторону. Такъ, безъ всякаго сомнѣнія, стало теперь у насъ насущною потребностію знакомство съ народностію, изученіе простонароднаго быта, потребностію такою сильною, что она вызвала на это поприще много дѣятелей, что подкупается вниманіе публики однимъ внѣшнимъ видомъ этого направленія въ какомъ-нибудь произведеніи. При такихъ условіяхъ всегда найдутся люди, которые подчинятся общимъ требованіямъ и начнутъ *изучать* бытъ простыхъ классовъ, на которые прежде обращали мало вниманія, и передавать публикѣ результаты своихъ наблюденій; но тотъ-часъ же обнаружится малое знакомство ихъ съ избраннымъ дѣломъ, несамородность ихъ направленія, несамостоятельность тѣхъ чувствъ, подъ вліяніемъ которыхъ формируются ихъ произведенія. —

Но обратимся къ Г. Лазаревскому.... Уже въ первыхъ его разсказахъ было замѣчено нами много произвольнаго, натянутаго, невѣрнаго съ дѣйствительностію; но мы могли ожидать отъ него исправленія въ этихъ недостаткахъ. Напротивъ — напечатаный теперь третій разсказъ »*Передняя*« еще слабѣе двухъ предъидущихъ. Представить въ интереспомъ, трогательномъ видѣ два лица изъ лакейскаго быта и выжать

Digitized by Google

во что бы то ни стало драмматическій эффектъ изъ ихъ столкновенія,— вотъ задача, которую предложилъ себѣ Г. Лазаревскій. Достигъ онъ этой задачи тѣмъ, что идеализировалъ обоихъ своихъ героевъ, вложивъ въ нихъ такія мысли, чувства и рѣчи, которыя свойственны развѣ только господамъ. Таковы напр: разговоръ Насти съ Фердинандомъ о ея родинѣ, разсказъ ея о встрѣчѣ на перевозѣ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, и многое другое, что такъ и бросается въ глаза своею неестественностію. Драматическаго эффекта достигъ Г. Лазаревскій опять таки пожертвованіемъ естественности. Изъ данныхъ разсказа очень трудно понять, зачѣмъ ушла Настя къ себѣ на родину. Неужели потому только, что теплѣе тамъ, цвѣту больше въ полѣ, могилы стоятъ по степямъ, да небо такое ясное, звѣзды такъ и горятъ»?.... Странно!.. Страданія Фердинанда безъ нея и наконецъ его походъ вслѣдъ за нею, хотя и трогательны, но также неестественны.—

Несомнѣнными достоинствами Г. Лазаревскаго остаются и въ этомъ разсказѣ нѣкоторыя удачныя лирическія мѣста и умѣнье тронуть своихъ читателей. Жаль только, что въ настоящемъ случаѣ они были несовмѣстимы съ задачею автора изобразить простонародный бытъ, который онъ мало знаетъ. Посмотримъ, что будетъ далѣе?—

Въ седьмой части *Стараго дома* выходитъ наконецъ на сцену «Каліостро въ Петербургѣ»—Судя объ этомъ предметѣ съ самой снисходительной точки зрѣнія, мы все таки должны замѣтить, что Каліостро можно было вывести и эффектнѣе и таинственнѣе, что бы, конечно, доставило больше удовольствія нѣкоторымъ охотникамъ и охотницамъ до страшнаго и чувствительнаго. Какъ же можно сравнить «Каліостро въ Петербургѣ» напр. съ Монте-Кристо. Таже исторія о Каліострѣ въ Петербургѣ продолжается и въ Іюльской книжкѣ Отечественныхъ Записокъ, но не смотря на то, что въ этой же книжкѣ напечатанъ и эпилогъ, весь Старый Домъ окончится только въ слѣдующей книжкѣ.

Теперь намъ слѣдуетъ говорить уже о знакомомъ намъ авторѣ нѣсколькихъ повѣстей, *М. М. Достоевскомъ*, который выступаетъ въ іюньской книжкѣ Отечественныхъ Записокъ на новое поприще, поприще драматическое, съ комедіей въ одномъ дѣйствіи: *Старшая и Меньшая*. При самомъ началѣ чтенія этой комедіи, мы невольно обратили вниманіе на одно обстоятельство, которое уже и прежде непріятно поражало насъ въ другихъ современныхъ комедіяхъ. Почти къ каждому слову дѣйствующихъ лицъ прибавлены объясненія: какимъ голосомъ это сказано, съ какимъ тѣлодвиженіемъ и т. д., однимъ

Digitized by Google

словомъ, вся комедія испещрена вносными примѣчаніями такого, напр. содержанія: (съ раболѣпной улыбкой, досказывая, хвастливо и съ желаніемъ разговориться, вдругъ теряетъ свою сановитость и проворно загораживаетъ ему дорогу, какъ будто у него не хватило рѣшимости...) и много другихъ. Для кого сдѣланы всѣ эти примѣчанія? Для актеровъ или для публики? Если въ комедіи выведены лица, которыхъ характеры обрисованы живо и вѣрно, если столкновенія между этими лицами происходятъ естественнымъ образомъ, тогда безъ сомнѣнія всякій догадается въ данномъ случаѣ и о томъ, какимъ голосомъ сказана какая-нибудь фраза и какимъ тѣлодвиженіемъ она сопровождается. Если же ничего этаго нѣтъ, то никакія примѣчанія не помогутъ читателю понять лучше и цѣльнѣе дѣйствующія лица комедіи и ихъ отношенія. Напротивъ они ясно указываютъ, что авторъ какъ бы опасается, что бы не поняли иначе тѣхъ душевныхъ движеній, которыя въ извѣстныхъ случаяхъ проходятъ въ душѣ дѣйствующихъ лицъ, и вѣроятно его опасенія на чемъ-нибудь основываются. Но странно же однако видѣть, что авторъ, уже создавъ свои лица, давъ имъ объективное существованіе, все еще боится выпустить ихъ изъ своихъ рукъ и какъ бы опасается за каждое ихъ слово и жестъ, забывая, что, разъ вышедши изъ его рукъ, они дѣлаются общимъ достояніемъ и всякій получаетъ право судить о нихъ на основаніи тѣхъ существенныхъ данныхъ, которыя лежатъ въ нихъ самихъ, а не по тѣмъ рекомендаціямъ, которыми сопровождаетъ ихъ безпрерывно авторъ. Къ сожалѣнію, подобный обычай довольно распространился въ нашей литературѣ въ послѣднее время. Прежде, у нашихъ лучшихъ комиковъ этого не было. Зачѣмъ же понадобились они нашимъ новымъ сочинителямъ? Всякому, конечно, случалось замѣчать, какая огромная разница бываетъ иногда между впечатлѣніемъ, производимымъ пьесою въ чтеніи, и тою же самою пьесою, сыгранной хорошими актерами. Смотришь на сценѣ, пьеса идетъ живо, встрѣчаешь въ ней если не характеры, то извѣстные типы, смѣешься надъ комическими положеніями; читаешь ту же самую пьесу — куда дѣвались всѣ ея достоинства! Нѣтъ ни цѣльныхъ характеровъ, ни истинно комическихъ положеній. Стоитъ только позадуматься надъ этимъ вопросомъ, чтобы увидѣть, что главнѣйшая доля очарованія, испытаннаго нами въ первомъ случаѣ, принадлежитъ, безспорно, не самой пьесѣ, но искусной игрѣ актеровъ и сценической обстановкѣ пьесы. Авторъ иногда только намекнетъ на какую-нибудь черту характера, не сознавши ея самъ съ достаточной ясностью и еще менѣе выразивши ее яркимъ образомъ. Искусный актеръ дополнитъ, возсоздастъ

Digitized by Google

все недодѣланное, а иногда сочинить и новое. Для этого онъ, конечно, имѣетъ болѣе средствъ, нежели авторъ; въ его распоряженіи и тонъ голоса, и манеры, и выраженіе лица. Изъ какого-нибудь положенія самаго по себѣ мало комическаго, онъ съумѣетъ создать по крайней мѣрѣ смѣшное, и опять также потому, что не одно только слово имѣетъ онъ въ своей власти. Кто, наконецъ, не знаетъ, что можетъ иногда сдѣлать комическій актеръ изъ безмолвной роли, единственно посредствомъ тѣлодвиженій и проч. Всѣ эти пособія сцены и игры давали иногда ходъ плохимъ пьесамъ, возвышали достоинство слабыхъ, однимъ словомъ, содѣйствовали ихъ успѣху. Все это, пожалуй, очень законно; но люди разсуждающіе все таки отличали дѣйствительныя достоинства пьесы отъ тѣхъ, которымъ они обязаны сценическому обаянію; истиннымъ орудіемъ дѣйствія пьесы на читателя они все таки полагали слово и считали незаконнымъ вносить напр. въ комедію, назначенную для чтенія, описательные образы въ родѣ гравюръ, прилагаемыхъ къ извѣстнымъ родамъ сочиненій. — Но въ такомъ случаѣ въ рукахъ комическаго писателя оставалось менѣе средствъ къ произведенію эффекта, онъ долженъ былъ болѣе трудиться надъ языкомъ своихъ дѣйствующихъ лицъ, болѣе опредѣленно обозначать ихъ положенія, болѣе заботиться о комизмѣ самихъ характеровъ, о движеніи въ пьесѣ. — Все это становится, разумѣется, менѣе нужнымъ, при внесеніи въ комедію описаній, ибо тогда уже авторъ распоряжается большимъ количествомъ средствъ къ возбужденію смѣха въ читателяхъ; гдѣ напр. въ разговорномъ языкѣ нѣтъ комизма, онъ опишетъ вамъ смѣшные жесты своихъ лицъ, ихъ гримасы, и вы разсмѣетесь невольно. Тамъ же, гдѣ есть комическое въ данномъ положеніи лица, но выражено очень слабо, неясно, такъ что изъ однихъ рѣчей дѣйствующихъ лицъ и изъ ихъ характеровъ нельзя понять его, онъ разскажетъ вамъ отъ себя за своего героя, что думаетъ, чувствуетъ и дѣлаетъ онъ въ это время. — Въ какой степени этотъ новый обычай нашихъ писателей и этотъ очевидный разсчетъ единственно на игру актеровъ вредно дѣйствуетъ на успѣхъ нашей драмы, объ этомъ, кажется, говорить нечего.

Конечно только въ представленіи получаетъ драматическая піеса полный смыслъ и значеніе, и, конечно, не все равно прочесть піесу или увидѣть ее на сценѣ, хорошо разыгранную; однако она должна быть такъ написана, чтобы помощію однихъ словъ, вложенныхъ авторомъ въ уста своихъ героевъ, уяснялось, по крайней мѣрѣ для мысли, все въ піесѣ, понятенъ былъ малѣйшій оттѣнокъ тѣхъ душевныхъ движеній, которымъ это слово служитъ внѣшнимъ выраженіемъ;

Digitized by Google

и этаго преимущественно долженъ стараться достигнуть авторъ въ піесѣ, назначаемой имъ для чтенія. Читатель, конечно, иногда можетъ воображать себѣ фигуры героевъ, съ которыми онъ знакомится въ комедіи, ихъ тѣлодвиженія въ извѣстномъ случаѣ, тонъ ихъ голоса; но такія представленія будутъ случайныя, не существенныя, главнѣйшее же вниманіе его будетъ устремлено на пониманіе тѣхъ психологическихъ движеній, которыя имѣлъ въ виду авторъ и которыя составляютъ сущность дѣла. Сценическое представленіе, при всѣхъ своихъ преимуществахъ предъ простымъ чтеніемъ, не можетъ также имѣть ничего инаго въ виду, кромѣ того, чтобы ясно и отчетливо выставить психологическій міръ героевъ комедіи; ибо въ немъ только заключается истинный комизмъ, а не въ тѣхъ кривляньяхъ, перемѣнахъ голоса и прочихъ тѣлодвиженіяхъ, которыя должны служить только проводниками къ постиженію внутреннихъ перемѣнъ въ дѣйствующихъ лицахъ. Если такимъ образомъ вся внѣшняя обстановка, находящаяся во власти актера, должна служить только къ пониманію душевныхъ движеній представляемаго имъ лица; то какую услугу могутъ оказать, къ пониманію піесы при чтеніи, отрывочныя показанія объ этой обстановкѣ въ родѣ тѣхъ, которыя мы привели выше изъ комедіи Г. Достоевскаго? Не ясно ли, что они могутъ только мѣшать, ставя возлѣ слова, лучшаго проводника душевныхъ движеній, неясный и неполный образъ, только запутывающій пониманіе. Не ясно ли также, что единственное ихъ назначеніе есть приданіе внѣшняго, не существеннаго комизма тому, въ чемъ дѣйствительно нѣтъ комизма.

Можетъ быть такія объяснительныя фразы нужны для актеровъ. Но во первыхъ они вредны уже тѣмъ, что для актеровъ даровитыхъ, облегчая повидимому дѣло, въ самомъ дѣлѣ пріучаютъ ихъ къ игрѣ мѣстами, къ игрѣ фразъ, и такимъ образомъ удаляютъ ихъ отъ настоящаго пути, въ которомъ каждое слово должно вытекать изъ пониманія цѣлой фигуры изображаемаго лица; они отнимаютъ у актеровъ ту самобытность, которую отнимать у нихъ не должно, какъ у художниковъ своего рода; ибо не должно забывать, что нельзя допустить совершенной опеки автора надъ актерами и считать этихъ послѣднихъ за механическихъ исполнителей воли перваго, въ особенности въ такихъ піесахъ, которыя могутъ быть подняты единственно игрою даровитыхъ актеровъ.

Можетъ быть и не стоило бы заниматься долго такимъ неважнымъ обстоятельствомъ, каковы объяснительныя фразы, замѣченныя нами въ комедіи г. Достоевскаго; и дѣйствительно мы бы не пустились въ

Digitized by Google

длинное разсужденіе объ этомъ предметѣ, если бы подобное явленіе было одинокимъ; но къ несчастію, въ нашей литературѣ начинаетъ образовываться подобное направленіе, и противъ него-то возстать сочли мы долгомъ. Поэтому пусть не сочтетъ г. Достоевскій словъ нашихъ, направленными единственно на него: враждуя съ направленіемъ, можно позволить себѣ и тѣ нѣсколько рѣзкія фразы, которыхъ бы мы постарались не допустить, если бы имѣли дѣло съ личностію автора. Переходимъ теперь къ самой комедіи *Старшая и Меньшая*....

Содержаніе ея слѣдующее. У г. Стручкова, ссужающаго деньгами подъ разныя залоги, двѣ дочери: Прасковья Петровна 21 года и Авдотья Петровна 19 лѣтъ. Меньшая, какъ это довольно ясно видно изъ комедіи, дѣвушка съ характеромъ, разчетливая, не мечтательница и главная въ домѣ; Старшая, сколько можно догадаться изъ піесы, довольно глупенькая и безхарактерная фантазёрка (впрочемъ это послѣднее лицо очень не удалось автору). За Меньшую сватается Максимъ Савичъ Кубышкинъ, *извѣстный болѣе подъ именемъ Максима Савича*, богатый человѣкъ лѣтъ 50; она готова выдти за него по разсчету; но встрѣчается препятствіе — мать не хочетъ ее выдать за мужъ прежде старшей. Максимъ Савичъ, *страстно* влюбленный въ свою невѣсту, употребляетъ всѣ усилія для устраненія этого препятствія, и уже представилъ 5 женіховъ для Старшей; но ни одинъ изъ нихъ ей не понравился. Неутомимый Максимъ Савичъ отыскиваетъ наконецъ шестаго; это нѣкто Борисъ Николаевичъ Коринъ, должникъ его «лѣтъ 35, очень молодой человѣкъ, одѣтъ изящно и, какъ говорится, *благородно:* въ утреннемъ лѣтнемъ костюмѣ, на шеѣ лорнетка; протягиваетъ на удареніяхъ и *вообще тонируетъ*.» Разчитывая на этого шестаго женіха, Максимъ Савичъ посылаетъ сказать ему, что будетъ у него на другой день; тотъ, полагая, что онъ пріѣдетъ за долгомъ, спѣшитъ къ Стручкову заложить нѣкоторыя изъ вещей; здѣсь они встрѣчаются. Максимъ Савичъ предлагаетъ простить долгъ Корину, если онъ согласится жениться на Старшей дочери Стручкова; Коринъ отказывается и хочетъ даже уѣхать; но по просьбѣ Максима Савича остается обѣдать. Максимъ Савичъ уходитъ къ старику Стручкову и оставляетъ Корина одного; въ это время входитъ Меньшая. Между ними происходитъ одна изъ тѣхъ сценъ, по случаю собаки, вышитой по канвѣ, которыя могутъ иногда быть очень хорошо разыгранными, но которыя довольно странны въ чтеніи. Съ этой самой минуты начинаются между двумя нѣкоторыя отношенія, которыя выражаются пока въ обоюдномъ кокетствѣ. (Кажется, мысль автора была изобразить сочувствіе двухъ лицъ, ко-

Digitized by Google

торыя знаютъ другъ другу цѣну и отличили себя взаимно среди пустыхъ и ничтожныхъ лицъ, ихъ окружающихъ). Между тѣмъ Старшая успѣла уже почему-то влюбиться въ Корина и начинаетъ ревновать къ нему Меньшую; Коринъ съ своей стороны открывается въ любви Меньшой и проситъ ея руки. Объясненіе ихъ подслушано Максимомъ Савичемъ и приводитъ его въ очень комическое бѣшенство. Была минута, когда младшая, увлеченная блестящею, въ сравненіи съ Максимомъ Савичемъ, фигурою Корина, поколебалась было въ выборѣ между богатствомъ своего жениха и симпатіею къ Корину; но врожденная разчетливость торжествуетъ, и она отдаетъ свою руку Максиму Савичу. Коринъ, вѣроятно, тоже рѣшается жениться на Старшей, хотя этого и не видно прямо изъ комедіи.

Мы очень хорошо понимаемъ, что сухое изложеніе содержанія комедіи, подобное нашему, не можетъ дать полнаго понятія о самой піесѣ, притомъ о такой піесѣ, которая вся держится на разговорахъ и вообще на отдѣльныхъ сценахъ; но, по крайней мѣрѣ, изъ разсказаннаго нами читатели могутъ познакомиться съ завязкою и движеніемъ піесы и судить о достоинствахъ комедіи въ этомъ отношеніи; о другихъ мы скажемъ. Лучшее въ піесѣ лицо Меньшой: отъ того многія сцены, въ которыхъ участвуетъ она (какъ напр. объясненіе Корина въ любви, и нѣкоторыя сцены съ Максимомъ Савичемъ) ведены очень искусно и по всѣмъ вѣроятіямъ выйдутъ на сценѣ очень удачными. Недуренъ также Максимъ Савичъ, которымъ вообще авторъ умѣлъ ловко воспользоваться для комическихъ сценъ. Коринъ понятенъ очень мало, не смотря на то, что очень подробно описанъ авторомъ, Старшая еще меньше. Не нравится намъ также манера выводить лакеевъ только дураками и больше ничѣмъ—такой комизмъ очень поверхностенъ. Къ натяжкамъ въ піесѣ мы причисляемъ каламбуръ лакея въ отвѣтъ Корину на вопросъ его: «принимаетъ ли баринъ?» каламбуръ горничной на счетъ головы и нѣкоторыя другія. Вообще піеса написана игриво, не лишена забавныхъ сценъ и можетъ имѣть успѣхъ на сценѣ. Но какая же это комедія?...

По иностранной литературѣ, кромѣ 5 и 6 частей Давида Копперфильда младшаго, въ Іюльской книжкѣ напечатана еще 1-я часть Исторіи Пенденниса—романа Вилльяма Тэккерея.

Въ отдѣлѣ статей ученаго содержанія напечатаны: *Религіозно-языческое значеніе избы Славянина* А. И. Афанасьева, *Взглядъ на современное состояніе астрономіи въ Англіи*, *Очеркъ климатовъ въ отношеніи къ ихъ различной теплотѣ*, и наконецъ *Этическая*

Digitized by Google

поэзіи—статья Ѳ. Буслаева. Первая статья представляетъ весьма любопытное собраніе фактовъ, заимствованныхъ авторомъ изъ множества источниковъ. Въ наше время нельзя смотрѣть безъ особеннаго участія на каждую попытку объяснить что-нибудь изъ нашей старины и нашего народнаго быта; даже простой сборъ фактовъ, сгруппированныхъ около одного вопроса, представляетъ уже значительный интересъ, если иногда и не самъ по себѣ, то, по крайней мѣрѣ, какъ матеріалъ для будущихъ изслѣдованій. Впрочемъ въ такомъ новомъ дѣлѣ, какъ изученіе нашей старины, и при небольшомъ количествѣ хорошихъ изслѣдованій, нельзя, конечно, избѣжать недосмотровъ и промаховъ или даже и натяжекъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ авторъ является толкователемъ собранныхъ имъ фактовъ. Такими представляются намъ въ интересной статьѣ г. Аѳанасьева нѣкоторыя мѣста; такъ напр. говоря, что пѣтухъ въ языческорелигіозной системѣ былъ «символомъ очага, его аттрибутомъ,» авторъ, между прочимъ, приводитъ въ доказательство пословицы: «и пѣтухъ на своемъ пепелищѣ храбрится» (на своемъ пепелищѣ и курица гребетъ). «Здѣсь, говоритъ онъ, прямо высказана тѣсная связь пѣтуха съ пепелищемъ, подъ которымъ разумѣется изба и очагъ; сравните: огонь—огнище, пепелъ—пепелище. Теперь становится вполнѣ понятнымъ, почему домовой нисколько не стѣсняется пѣтушьимъ крикомъ, котораго такъ боится вся нечистая сила!» Такъ ли это? Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ: «Народныя преданія сохранили много свидѣтельствъ о богослужебномъ значеніи стариковъ и старухъ.... Хозяинъ, какъ служитель очага, носилъ имя огнищанина; отъ хозяйки, по народной поговоркѣ, *должно пахнуть дымомъ*». Хозяйка у нашего народа есть по преимуществу стряпуха, по этому не мудрено, что, по народному представленію, отъ нея, если она хозяйка настоящая, должно пахнуть дымомъ. Намъ кажется, что такое объясненіе евдали не естественнѣе.

Вторая статья есть записка Біо, составленная имъ по случаю ревизіи Гринвичской Обсерваторіи 1850 г. «Такія ежегодныя ревизіи были учреждены въ 1710 году для повѣрки работъ на обсерваторіи. Благовидною цѣлію хотѣли тогда прикрыть несправедливый поступокъ противъ Флемстида, управлявшаго тридцать шесть лѣтъ Гринвичской Обсерваторіею; тогда хотѣли принудить его къ безвозмездной выдачѣ собранныхъ имъ наблюденій посредствомъ собственныхъ его снарядовъ, которыя пріобрѣталъ онъ съ большими пожертвованіями. Наблюденія Флемстида нужны были Ньютону для его теоріи луны. Нынѣшнія ревизіи не оскорбляютъ уже директора Обсерваторіи, но способствуютъ

Digitized by Google

къ усовершенствованію и разпространенію его трудовъ. Ревизіонная коммисія составляется изъ президентовъ Королевскаго Общества Наукъ и Общества Астрономическаго, изъ пяти непремѣнныхъ членовъ того и другаго Общества и изъ двухъ астрономовъ Оксфордскаго и Кембриджскаго Университетовъ. Ревизія производится всегда въ первую субботу мѣсяца Іюня. Ученая коммисія выслушиваетъ общее донесеніе директора, сообщаетъ ему свои замѣчанія, разсматриваетъ его требованія, и послѣ отдаетъ отчетъ Совѣту Адмиральтейства, который опредѣляетъ новыя издержки для Обсерваторіи. Гринвичская Обсерваторія состоитъ нынѣ подъ управленіемъ знаменитаго Эйра (Airy)».

Настоящая записка, не смотря на краткость свою, представляетъ много интереса; но особенно утѣшительными показались намъ свѣденія о множествѣ любителей астрономіи, занимающихся небомъ не по обязанности, а изъ одного благороднаго желанія поддержать и разпространить науку.

Очеркъ климатовъ по интереснымъ свѣденіямъ и популярному изложенію заслуживаетъ также вниманія.

Въ Іюльской книжкѣ помѣщена чрезвычайно интересная статья Ѳ. Буслаева — *Этическая поэзія.* Статья эта представляетъ очень много любопытныхъ указаній, сближеній и т. д. Въ особенности методъ автора отличаетъ эту статью отъ другихъ статей, близкаго содержанія, появляющихся въ нашихъ журналахъ. Впрочемъ для полной оцѣнки достоинствъ этой статьи нужно, во первыхъ, подождать окончанія ея, а во вторыхъ, посвятить ей довольно обширную критическую статью, что, можетъ быть, и будетъ сдѣлано въ нашемъ журналѣ. Въ помѣщенной теперь первой части содержатся слѣдующіе отдѣлы: языкъ; періодъ доисторическій. — Происхожденіе поэзіи; миѳъ; сказаніе. — Разрозненные члены эпическаго преданія; эпическіе пріемы.

Въ отдѣлѣ критики помѣщены: вторая и послѣдняя часть статьи Т. Н. Грановскаго о сочиненіи П. Кудрявцева — *Судьбы Италіи.* Не принимая на себя произнести сужденіе о справедливости всего, что высказано г. Грановскимъ по поводу сочиненія г. Кудрявцева, мы не можемъ однако не отдать должнаго вниманія прекрасному изложенію и ясности доводовъ, приводимыхъ критикомъ.

Другая критическая статья принадлежитъ Г. Кавелину; она написана по поводу статьи г. Афанасьева о *Вѣдунѣ и Вѣдьмѣ*, напечатанной въ Альманахѣ-Комета. Было бы интересно прочитать отвѣтъ г. Афанасьева на эту статью, ибо, при очевидномъ несходствѣ его мнѣній съ мнѣніями г. Кавелина о томъ же предметѣ, вопросъ могъ бы очень

Digitized by Google

далеко подвинуться впередъ, какъ это всегда бываетъ при столкновеніи двухъ добросовѣстныхъ, но противоположныхъ мнѣній.

Исчислимъ еще нѣсколько болѣе или менѣе интересныхъ статей, помѣщенныхъ въ *смѣси* Іюньской и Іюльской книжекъ От. Зап., и тѣмъ заключимъ нашу рецензію. Мы уже говорили не разъ о достоинствѣ статей такого содержанія, каковъ образъ открытій и изслѣдованій по естественнымъ наукамъ, сдѣланнымъ въ 1849 году. Въ Іюньской книжкѣ помѣщена еще такая же статья, которая занимается открытіями и изслѣдованіями, сдѣланными въ 1850 году. Интересъ ея не менѣе прежнихъ, жаль только, если этотъ обзоръ 1850 года отниметъ у автора возможность окончить обзоръ 1849.

Къ числу любопытныхъ же статей должно причислить слѣдующія: Воспоминанія очевидца о войнѣ Соединенныхъ Штатовъ съ Мексикою въ 1847 и 1848 годахъ; художественная выставка вещей, принадлежащихъ частнымъ лицамъ; Англійскіе туристы—очеркъ Вильяма Текерея, путешествіе Габе и Гюка въ Тибетъ, и въ особенности: два письма изъ Варшавы, отъ г. Лѣствицына къ Редактору От. Зап., въ которыхъ сообщаются самыя подробныя, до сего времени, извѣстія о любопытной находкѣ въ рѣкѣ Сбручѣ, въ Подоліи, въ такъ называемыхъ горахъ Мёдоборскихъ, мы разумѣемъ истуканъ Святовида, о которомъ было уже писано во многихъ журналахъ.—Къ сказаннымъ письмамъ приложенъ и рисунокъ истукана.

Что касается до повѣсти г. Котляревскаго—Гуляйпольцы, то она представляетъ, конечно, нѣкоторый интересъ своимъ мѣстнымъ колоритомъ, но нельзя не замѣтить, что во всемъ касающемся творчества, какъ характеровъ, такъ и положеній, въ авторѣ ея видно мало искусства и таланта.

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

1851.

№ 16. Августъ. Кн. 2.

22 АВГУСТА 1851 ГОДА.

Былъ день... Въ столицѣ православной,
Представъ предъ Господа алтарь,
ТЫ возложилъ вѣнецъ державный
Нашъ Православный ГОСУДАРЬ!

Въ тотъ день, въ веселіи великомъ,
Въ сіяньѣ свѣтломъ торжества,
ТЕБЯ срѣтала громкимъ кликомъ
Первопрестольная Москва.

Молитвы голосъ всенародній
ТЕБЯ напутствовалъ тогда:
ТЫ телъ, Помазанникъ Господній,
На путь великаго труда.

Текли года ТВОЕЙ державы,
И четверть вѣка облекло
Вѣнцомъ величія и славы
ТВОЕ высокое чело...

Digitized by Google

И вновь, въ веселіи великомъ,
Въ сіяньѣ свѣтломъ торжества,
ТЕБЯ срѣтаетъ громкимъ кликомъ
Первопрестольная Москва.

И надъ столицей умиленной,
Привѣтамъ радостнымъ внемля,
Несется благовѣстъ священный
Со стѣнъ священнаго Кремля:

Звучитъ онъ словомъ преподобнымъ
Руси Предстателей святыхъ,
Благословеніемъ загробнымъ
Почившихъ Праотцевъ ТВОИХЪ,

Вѣковъ грядущихъ упованьемъ,
Вѣковъ минувшихъ торжествомъ,
И настоящимъ ликованьемъ
На свѣтломъ праздникѣ ТВОЕМЪ.

Маститый градъ вѣщаетъ слова;
Въ его устахъ гремятъ, какъ встарь,
Два заповѣдныхъ Русскихъ слова,
Два слова: БОГЪ и ГОСУДАРЬ!

Л. Мей.

Digitized by Google

СЛОВО

въ день Рождения Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича, говоренное въ Большомъ Успенскомъ Соборѣ, Синодальнымъ Членомъ Филаретомъ, Митрополитомъ Московскимъ, Іюня 25-го дня 1851 года (*).

Яко свободни, а не яко прикровеніе имуще злобы свободу, но яко раби Божіи: всѣхъ почитайте, братство возлюбите, Бога бойтеся, царя чтите.
1 Пет. II. 16. 17.

Что важнѣйшія изъ сихъ заповѣдей, преподанныхъ Апостоломъ, знакомы намъ, и не остаются у насъ безъ дѣйствія, о томъ свидѣтельствовать можетъ нынѣшній день.

Заповѣдь: *Царя чтите*, является въ дѣйствіи, когда благословенный день рожденія благословенно царствующаго Царя вы воспоминаете радостно и торжественно.

Заповѣдь: *Бога бойтеся*, является въ дѣйствіи, когда вы вашу радость о Царѣ, ваши о Немъ желанія и надежды при-

---

(*) Осмѣливаемся украсить наше изданіе послѣднимъ изъ произнесенныхъ словъ Всероссійскаго златоуста. *Ред.*

Digitized by Google

носите предъ Бога, чтобы Онъ благословилъ вашу радость, призрѣлъ на ваши желанія, совершилъ ваши надежды.

И да будетъ неразрывенъ союзъ сихъ двухъ заповѣдей, прекрасный и благотворный! Народъ, благоугождающій Богу, достоинъ имѣть благословеннаго Богомъ Царя. Народъ, чтущій Царя, благоугождаетъ чрезъ сіе Богу: потому что Царь есть устроеніе Божіе.

Какъ небо безспорно лучше земли, и небесное лучше земнаго: то также безспорно лучшимъ на землѣ должно быть то, что устроено по образу небесному, чему и училъ Богъ Боговидца Моисея: *Виждь, да сотвориши по образу, показанному тебѣ на горѣ* (Исход. XXV. 40.), то есть, на высотѣ Боговидѣнія. Согласно съ симъ Богъ, по образу Своего небеснаго единоначалія, устроилъ на земли Царя; по образу Своего вседержительства—Царя Самодержавнаго, по образу Своего царства непреходящаго, продолжающагося отъ вѣка и до вѣка—Царя наслѣдственнаго.

О если бы всѣ Цари земные довольно внимали своему небесному достоинству, и къ положеннымъ на нихъ чертамъ образа небеснаго вѣрно присоединяли требуемыя отъ нихъ, богоподобную правду и благость, небесную недремленность, чистоту мысли, святость намѣренія и дѣятельности! О если бы всѣ народы довольно разумѣли небесное достоинство Царя и устроеніе царства земнаго по образу небесному, и постоянно себя ознаменовывали чертами того же образа, благоговѣніемъ и любовію къ Царю, смиреннымъ послушаніемъ Его законамъ и повелѣніямъ, взаимнымъ согласіемъ и единодушіемъ, и удаляли отъ себя все, чему нѣтъ образа на небесахъ: провозношеніе, раздоръ, своеволіе, своекорыстіе, и всякое зло мысли, намѣренія и дѣйствія! Все, по образу небесному благоустроенное, по образу небесному было бы блаженно. Всѣ царства земныя были бы достойнымъ предверіемъ Царства Небеснаго.

Digitized by Google

Россія! Ты имѣешь участіе въ семъ благѣ паче многихъ царствъ и народовъ. *Держи, еже имаши, да никто же пріиметъ вѣнца твоего* (Апок. III. 11.). Сохраняй, и продолжай украшать твой свѣтлый вѣнецъ, непрерывно подвизаясь совершеннѣе исполнять вѣнцедательныя заповѣди: *Бога бойтеся, Царя чтите.*

Простираясь отъ извѣстнаго къ тому, что́, можетъ быть, менѣе усмотрѣно и понято въ словѣ апостольскомъ, обращаю ваше вниманіе на то, что Апостолъ, уча страху Божію, почтенію къ Царю, повиновенію начальствамъ, съ тѣмъ вмѣстѣ учитъ свободѣ. *Повинитеся,* говоритъ, *всякому человѣчу начальству Господа ради; аще царю, яко преобладающу, аще ли же княземъ, яко отъ него посланнымъ, — яко свободни.* Повинуйтесь, [redacted] свободные. Повинуйтесь, и пребывайте свободны.

Кто усомнился бы, довольно ли совмѣстимы сіи части ученія, того спросилъ бы я: если есть обязанные долгомъ повиновенія тебѣ, на примѣръ подчиненные по званію и должности, слуги, работники: не примѣчаешь ли, что одни изъ нихъ повинуются только по необходимости, неохотно, принужденно, другіе добровольно, охотно, усердно, слѣдственно свободно? И не разумѣешь ли, что повинующійся только по необходимости, будетъ уступать сей необходимости не болѣе, какъ поколику не можетъ преодолѣть ее, будетъ работать для тебя какъ можно менѣе, съ малою заботою о успѣхѣ дѣла и о твоей пользѣ, и даже готовъ совсѣмъ пренебречь дѣло, какъ скоро не будетъ понуждать надзоръ, или угрожать наказаніе и лишеніе воздаянія: напротивъ того повинующійся по свободному расположенію будетъ трудиться для тебя полною силою, вѣрно и безъ надзора, тщательно и внѣ страха наказанія? И такъ не очевидно ли, что повиновеніе можетъ быть соединено съ свободою, и что такое повиновеніе лучше повиновенія несвободнаго?

Но есть трудность въ томъ, какимъ способомъ согласить и соединить повиновеніе и свободу, когда ихъ направленія

Digitized by Google

представляются противоположными;—свобода хочетъ разширять человѣческую дѣятельность, а повиновеніе ограничиваетъ ее. Въ семъ случаѣ дѣло зависитъ наиболѣе отъ того, какъ понимаютъ свободу. Ибо едва ли есть въ языкахъ человѣческихъ слово, которое столько было бы подвержено неправому пониманію и злоупотребленіямъ, какъ слово: *свобода*.

Нѣкоторые подъ именемъ свободы хотятъ понимать способность и невозбранность дѣлать все, что хочешь. Это мечта; и мечта не просто несбыточная и нелѣпая, но беззаконная и пагубная.

Знаете ли, кто первый на земли прельщенъ былъ сею мечтою?—Первый человѣкъ, Адамъ. Получивъ при сотвореніи высокія способности и мо[illegible]ественныя силы, бывъ поставленъ владыкою рая и земли, онъ пользовался обширнѣйшею свободою, какую можетъ имѣть сотворенное существо. Но и сей свободѣ поставленъ былъ предѣлъ: древо познанія добра и зла. Адаму не предоставлено было свободы вкусить отъ плода его. Злоупотребитель свободы, старѣйшій человѣка, чрезъ злоупотребленіе свободы сдѣлавшійся духомъ тмы и злобы, темными внушеніями научилъ тому же злоупотребленію человѣка. Человѣкъ захотѣлъ имѣть свободу совершенно неограниченную, какъ Богъ, и дерзнулъ переступить за предѣлъ, положенный заповѣдію Божіею. И что же послѣдовало? Онъ не только не пріобрѣлъ большей свободы, но утратилъ большую часть и той, которую имѣлъ: и если бы и не осудилъ его Богъ, то естественная необходимость поврежденной грѣхопаденіемъ его природы такъ же осудила бы его на рабскій трудъ: *въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой*.

Удивительно покушеніе праотца незаконно разширить область свободы, и безъ того почти всемірную: впрочемъ оно можетъ быть изъяснено недостаткомъ знанія опытнаго, хитростію искусителя, и самою обширностію дѣйствительнаго владычества, при которой легко было не остановиться передъ предѣломъ, по видимому, ничтожнымъ. Что касается до его потомковъ, обнаруживающихъ подобное стремленіе,—не знаю,

Digitized by Google

болѣе ли надобно дивиться тому, что они не уважаютъ, и какъ бы не видятъ предѣловъ, указуемыхъ человѣческой свободѣ и закономъ Божіимъ, и самымъ составомъ общества человѣческаго, и необходимостію природы,—или болѣе оплакивать сію прирожденную заразу, которую они наслѣдовали отъ зараженнаго злоупотребленіемъ свободы праотца, и которую, по омраченію ума, подобнымъ образомъ наслѣдственному, недовольно умѣютъ усмотрѣть, и еще менѣе уврачевать, хотя это и просто при свѣтѣ истинномъ.

Разумѣйте же,—скажу съ Пророкомъ,—*разумѣйте безумніи въ людехъ, и буіи нѣкогда умудритеся* (Пс. XCIII. 8.). Поймите, мечтатели безграничной свободы, гибельное безуміе вашихъ мечтаній,—поймите наконецъ, хотя послѣ жестокихъ опытовъ, когда сокрушившая свои предѣлы свобода не разъ обагряла лице земли неповинною кровію, и проливая потоки крови человѣческой, утопляла въ нихъ и сама себя!

Но какъ же правильнѣе понять и опредѣлить свободу?—Любомудріе учитъ, что свобода есть способность и невозбранность разумно избирать и дѣлать лучшее и что она по естеству есть достояніе каждаго человѣка. Чего бы, кажется, и желать болѣе? Но сіе ученіе имѣетъ свой свѣтъ на высотѣ умозрѣнія природы человѣческой, какъ она должна быть: а нисходя къ опыту и дѣятельности, какова она есть, оно встрѣчаетъ темноту и преткновенія.

Въ непзчислимости рода человѣческаго многіе ли имѣютъ такъ открытый и образованный разумъ, чтобы вѣрно усматривать и отличать лучшее? И тѣ, которые видятъ лучшее, всегда ли имѣютъ довольно силы рѣшительно избрать оное и привести въ дѣйствіе? Отъ лучшихъ изъ человѣковъ не слышимъ ли жалобы: *еже хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣяти доброе не одрѣтаю* (Рим. VII. 18)? Что сказать о свободѣ людей, которые хотя не въ рабствѣ ни у кого, но покорены чувственности, обладаемы страстію, одержимы злою привычкою? Свободенъ ли корыстолюбецъ? Не закованъ ли

Digitized by Google

въ золотыя оковы? Свободенъ ли плотоугодникъ? Не связанъ ли, если не жесткими узами, то мягкими сѣтями? Свободенъ ли гордый и честолюбивый? Не прикованъ ли, не за руки и за ноги, но головою и сердцемъ, не прикованъ ли къ своему собственному истукану? Такимъ образомъ опытъ и сознаніе, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ людей, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не говорятъ ли того, что вообще говоритъ Божественная Истина: *всякъ творяй грѣхъ рабъ есть грѣха*—(Іоан. VIII. 34)?

Наблюденіе надъ людьми и надъ обществами человѣческими показываетъ, что люди, болѣе попустившіе себя въ сіе внутреннее, нравственное рабство,—въ рабство грѣхамъ, страстямъ, порокамъ, — чаще другихъ являются ревнителями внѣшней свободы, — сколь возможно разширенной свободы въ обществѣ человѣческомъ предъ закономъ и властію. Но разширеніе внѣшней свободы будетъ ли способствовать имъ къ освобожденію отъ рабства внутренняго?—Нѣтъ причины такъ думать; съ большею вѣроятностію опасаться должно противнаго. Въ комъ чувственность, страсть, порокъ уже получили преобладаніе, тотъ, по отдаленіи преградъ, противопоставляемыхъ порочнымъ дѣйствіямъ закономъ и властію, конечно, неудержимѣе прежняго предастся удовлетворенію страстей и похотей, и внѣшнею свободою воспользуется только для того, чтобы глубже погружаться во внутреннее рабство. Несчастная свобода, которую, какъ изъяснился Апостолъ, *имѣютъ, яко прикровеніе злобы*! Благословимъ законъ и власть, которые, поставляя, указуя и защищая поставленные по необходимости предѣлы свободнымъ дѣйствіямъ, сколько могутъ, препятствуютъ злоупотребленію свободы естественной и распространенію нравственнаго рабства, то есть рабства грѣху, страстямъ и порокамъ.

Я сказалъ: сколько могутъ; потому что совершеннаго прекращенія злоупотребленій свободы, и погруженныхъ въ рабство грѣха возведенія въ истинную и совершенную свободу не только нельзя ожидать отъ закона и власти земныхъ, но для сего не довлѣетъ и законъ небеснаго Законодателя. Законъ

Digitized by Google

предостерегаетъ отъ грѣха, согрѣшившаго обличаетъ и осуждаетъ: но не сообщаетъ рабу грѣха силы расторгнуть узы сего рабства, и не преподаетъ средства загладить содѣянныя беззаконія, которыя, какъ огненная печать грѣховнаго рабства, лежатъ на совѣсти. И въ семъ-то состоитъ *немощное закона* (Рим. VIII. 3), о которомъ необинуясь свидѣтельствуетъ Апостолъ.

Здѣсь вновь представляется вопросъ: что же есть истинная свобода, и кто можетъ ее дать и особенно—возвратить утратившему ее грѣхомъ?—Истинная свобода есть дѣятельная способность человѣка, не порабощеннаго грѣху, не тяготимаго осуждающею совѣстію, избирать лучшее при свѣтѣ истины Божіей, и приводить оное въ дѣйствіе при помощи благодатной силы Божіей. Возвратить сію свободу рабу грѣха можетъ только Тотъ, Кто даровалъ ее при сотвореніи безгрѣшному человѣку. Сіе объявилъ Самъ Творецъ свободы: *аще Сынъ вы свободитъ, воистинну свободни будете* (Ioan. VIII. 36). *Аще вы пребудете во словеси Моемъ, воистинну ученицы Мои будете, и уразумѣете истину, и истина свободитъ вы* (31. 32). Іисусъ Христосъ Сынъ Божій, въ воспринятомъ естествѣ нашемъ пострадавъ и умерши за насъ, Своею *кровію очистилъ совѣсть нашу отъ мертвыхъ дѣлъ* (Ев. IX. 14.), и расторгши узы смерти Своимъ воскресеніемъ, расторгъ и связующія насъ узы грѣха и смерти, и, по вознесеніи Своемъ на небо, низославъ Духа истины, даровалъ намъ чрезъ вѣру свѣтъ Своея истины—усматривать лучшее, и Свою благодатную силу—творить оное.

Вотъ свобода, которой не стѣсняетъ ни небо, ни земля, ни адъ, которая имѣетъ предѣломъ волю Божію, и это не въ ущербъ себѣ, потому что и стремится къ исполненію воли Божіей,—которая не имѣетъ нужды колебать законныя постановленія человѣческія, потому что умѣетъ въ нихъ усматривать ту истину, что *Господне есть царствіе, и Той обладаетъ языки* (Пс. XXI. 29.), которая непринужденно чтитъ законную человѣческую власть и ея повелѣнія, не

Digitized by Google

противныя Богу, поелику свѣтло видитъ ту истину, что *нѣсть власть, аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинены суть* (Рим. XIII. 1.). И такъ вотъ свобода, которая совершенно согласна съ повиновеніемъ закону и законной власти, потому что она и сама того хочетъ, чего требуетъ повиновеніе.

Много имѣлъ бы я сказать о христіанской внутренней, а не внѣшней, нравственной, и духовной, а не плотской, всегда благодѣлающей и никогда не мятежной свободѣ, которая можетъ жить въ хижинѣ такъ же удобно, какъ въ домѣ вельможескомъ или царскомъ, которою подвластный, не преставая быть подвластнымъ, можетъ пользоваться столько же, какъ властелинъ, которая и въ узахъ и въ темницѣ ненарушима, какъ то можно видѣть въ христіанскихъ мученикахъ. Но уже время положить конецъ слову.

Возлюбимъ свободу христіанскую,—свободу отъ грѣха, отъ страсти, отъ порока, свободу охотно повиноваться закону и власти, и дѣлать добро *Господа ради*, по вѣрѣ и любви къ Нему. И никто да не будетъ прельщенъ людьми, отъ какихъ остерегаетъ насъ Апостольское слово,—которые *свободу обѣщаваютъ, сами раби суще тлѣнія* (2 Петр. II. 19.). Аминь.

Digitized by Google

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ И ДУХОВНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

НА

ВОСТОКѢ.

(Современные очерки.)

При ослѣпительномъ блескѣ всемірной въ Лондонѣ выставки, на которой практическій умъ человѣка, тѣсно сроднившійся съ веществомъ, воплощается въ безчисленныхъ видоизмѣненіяхъ затѣйливаго искусства — едва ли будетъ кстати заговорить о чемъ-нибудь иномъ, постороннемъ. Едва ли не покажется страннымъ указывать на звѣзды духовнаго міра, въ ту самую минуту, когда солнце промышленности стало на своемъ зенитѣ, и отвѣсными лучами своими простираетъ повсюду жаркій, томительный полдень! Лондонская выставка сосредоточила нынѣ всеобщее вниманіе до такой невѣроятной степени, что у современнаго человѣчества теперь *одинъ* только *взглядъ*, устремленный на *одну* и ту же *точку* въ пространствѣ—туда, гдѣ владычица морей сановито угощаетъ пріѣзжихъ со всего бѣлаго свѣта, выставляя передъ ними груды вещества и несмѣтныя издѣлія хитраго творчества—словно *ширму* исполинскаго размѣра—за которою на роскошной постели притаившись лежитъ трудно-больной, самодовольный вѣкъ нашъ! Да, горделивый страдалецъ богатъ всѣми земными благами, кромѣ *здоровья*. Къ нему стеклись поклонники со всѣхъ концевъ земли съ привѣтствіями и возгласами, съ данію удивленія и восторженныхъ похвалъ; но отъ нихъ больному, увы, не чуть не легче!

Digitized by Google

Впрочемъ, какъ ни стали бы судить о больномъ и его богатствѣ, позволительно наблюдателю сомнѣваться въ прямой пользѣ Лондонской выставки, но отрицать знаменательность этого безпримѣрнаго вселенскаго зрѣлища, не возможно. Въ немъ высказался XIX вѣкъ какъ въ эпопеѣ ему свойственной. Всемірная выставка на берегахъ Темзы, совпадающая съ преполовеніемъ нынѣшняго столѣтія, возвѣщаетъ весьма многое чуткому слуху, ложно обѣщая земнороднымъ возможность какого-то бездушнаго братства, основаннаго на соревнованіи и взаимныхъ выгодахъ, безъ соучастія взаимной христіанской любви. Но въ тоже время, Лондонская выставка говоритъ намъ и правду; она обнаруживаетъ силу разумнаго и дружнаго трудолюбія: какой спасительный урокъ! ибо работа и трудъ для грѣшнаго человѣчества тоже, что громовой отводъ для высокаго, но шаткаго зданія; подъ ударами грозы.

Пора намъ обратиться къ нашему предмету, и безъ дальнѣйшихъ отступленій заняться обзоромъ всего новѣйшаго въ духовной литературѣ неподвижнаго Востока, надъ которымъ однакожь сбывается теперь словцо Галилея о шарѣ земномъ: *epur si muove!* Читатели Москвитянина, судя по себѣ, конечно, простятъ намъ невольное уклоненіе отъ Востока на Западъ; не даромъ Лондонская выставка названа всемірною, и по необходимости бросается каждому въ глаза. Въ кунсткамерѣ человѣчества мудрено было-бы *слона-то намъ и не примѣтить!*»

Движеніе умовъ на Востокѣ тѣмъ особенно замѣчательно, что оно увлекаетъ не однихъ христіанъ на встрѣчу загадочной будущности, но вмѣстѣ и мусульманъ располагаетъ къ нововведеніямъ. Любимая мечта современныхъ деистовъ начала по видимому сбываться. Вопреки устарѣлымъ предразсудкамъ турецкаго народа и турецкихъ книжниковъ, правительство заводитъ училища въ Константинополѣ, учредило недавно Академію наукъ, готовитъ Университетъ и вводитъ во всѣ отрасли внутренняго управленія новые гражданскіе уставы, отчасти заимствованные у западныхъ европейскихъ державъ. Между

Digitized by Google

прочимъ и цензура вновь издаваемыхъ или привозимыхъ книгъ незабыта имъ, такъ что при изданіи сочиненій христіанскихъ неизбѣжнымъ сдѣлалось отнынѣ остерегаться малѣйшаго намека на ученіе Магометово. Такимъ-то образомъ наукамъ и искусствамъ нашего времени открывается въ Турціи свободный доступъ, мимо заповѣдей, догматовъ и нравовъ христіанскихъ. Явленія странныя въ лѣтописяхъ міра — попытка воскресить сарацинскую образованность, стремленіе—перенять у современнаго просвѣщенія европейскаго *все* — кромѣ *спасительной истины*. Смотря по различію душевныхъ убѣжденій и вѣрованій, многіе въ наше время надѣются, многіе страшатся успѣха въ этомъ невиданномъ предпріятіи. Какъ бы то ни было, нельзя не замѣтить коренного различія между движеніемъ умовъ у христіанъ и у мусульманъ восточныхъ. Первые, въ продолженіе послѣднихъ 80 лѣтъ, движимые внутреннимъ побужденіемъ, не переставали и не перестаютъ заботиться о стяжаніи познаній земныхъ въ подкрѣпленіе своей народности и вѣры; напротивъ того племена мусульманскія лѣниво и неохотно повинуются данному правительствомъ направленію. Христіане борются съ препятствіями на поприщѣ гражданскихъ нововведеній; Турки придумываютъ и воздвигаютъ преграды на каждомъ шагу, и смотрятъ на усилія властей какъ на повальную болѣзнь, какъ на скоропреходящія повѣтрія. Но сословіе улемовъ или книжниковъ турецкихъ безсильно противъ потока, съ тѣхъ поръ какъ не стало въ Турціи янычаръ. Законники корана едва ли не предчувствуютъ, что мусульманство, стремясь къ европейскому просвѣщенію, совершаетъ надъ собою неотразимое, хотя и медленное самоубійство.

Обратимся къ стихіи христіанской въ народонаселеніи Востока; она къ сожалѣнію не однообразна и разлагается на разнородные составы: православныя племена, послѣдователи латинства, реформаты, армяне, несторіане, копты и т. д. Это раздробленіе не мало препятствуетъ распространенію христіанскихъ началъ, зиждительныхъ по существу, отъ вліянія которыхъ можно было бы ожидать прямаго возрожденія восточ-

Digitized by Google

ныхъ народовъ. И подлинно—не на что посмотрѣть мусульманамъ: вездѣ устарѣлыя и безсознательныя ереси; между ними разсыпалась горсть западныхъ пришельцевъ, проповѣдующихъ, на перекоръ другъ другу, не послѣдователямъ корана, а исповѣдникамъ Евангелія. И всѣ они въ одномъ только бываютъ согласны: я разумѣю — въ непріязни къ церкви православной. Но противоборство разнородныхъ силъ сообщило, съ нѣкотораго времени, неподвижному дотолѣ Востоку необыкновенное умственное движеніе. Въ Константинополѣ, Смирнѣ, въ Бейрутѣ, даже въ Аѳинахъ, духовная жизнь и духовная литература состоятъ изъ рѣзкихъ противоположностей. Вездѣ училища открываются не въ помощь, а въ подрывъ другимъ училищамъ. Напримѣръ, въ Византіи вы найдете учебныя заведенія православныхъ и рядомъ съ ними училища лазаристовъ, школы англо-американскихъ миссіонеровъ, и типографіи, работающія для противоположныхъ цѣлей. Тоже самое явленіе повторяется въ Смирнѣ, Бейрутѣ и у самаго Гроба Господня. Въ Египтѣ православные такъ малочисленны, что тамъ, при отдѣльномъ направленіи мѣстнаго правительства, казалось невозможнымъ сопротивленіе усиліямъ Запада. Однакоже и въ Египтѣ, съ недавняго времени, горсть православныхъ открыла въ Александріи и Каирѣ свои небольшія училища для мальчиковъ и дѣвочекъ съ намѣреніемъ отклонить двусмысленныя услуги западныхъ наставниковъ и наставницъ. Въ королевствѣ Греческомъ, среди христіанскихъ Аѳинъ, замѣтна та же борьба умственная, тѣ же усилія туземцевъ и пріѣзжихъ гостей, равно занятыхъ искуснымъ нападеніемъ и законною обороною. И тамъ, какъ вездѣ на Востокѣ, церковь наша, по неизслѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, постоянно находится въ осадномъ положеніи. Посему не удивительно, что на Востокѣ, какъ въ осажденномъ городѣ, не одни военные, но и простые граждане выступаютъ на бой, стараясь уничтожить подкопы и проломы, направленные противъ древняго оплота народности и вѣры. Любопытно и поучительно для всякаго мыслящаго наблюдателя слѣдить за дѣйствіями западной и восточной партіи, изъ коихъ первая порывается сродниться съ

Digitized by Google

собою Востокъ, а другая отражаетъ усилія Запада силою врожденнаго чувства и отдѣльной своей жизни.

Послѣ появленія въ Константинополѣ знаменитаго отвѣта восточныхъ патріарховъ на грамоту Пія IX-го, духовная жизнь нашей церкви обнаружилась снова многими утѣшительными признаками. Изъ нихъ главнѣйшій, которому суждено увѣковѣчиться въ исторіи, выразился въ соборныхъ дѣяніяхъ, имѣвшихъ цѣлію — примиреніе помѣстной церкви Греческаго королевства съ патріаршимъ престоломъ. Это важное событіе совершилось 29-го іюня прошлаго 1850 г. Іерархамъ независимой Греціи предоставлено навсегда право самоуправленія посредствомъ Аѳинскаго Синода, предсѣдательствуемаго митрополитомъ Аѳинскимъ. Недавно вышелъ изъ печати въ Константинополѣ полный сборникъ всѣхъ достопамятныхъ опредѣленій и граматъ, изданныхъ по этому случаю. Изъ нихъ видно, что духовенство и народъ Греціи, всегда желавшіе законнаго сліянія и общенія съ церковью-матерью, сдѣлали къ примиренію первый шагъ, который привелъ къ спасительной цѣли. Нельзя не порадоваться тому, что дѣйствія собора и опредѣленія его приняты въ послѣдствіи всѣми православными церквами. Но подъ вліяніемъ столь разнообразныхъ причинъ, духовная литература по необходимости должна была выражаться безчисленными мелкими произведеніями, носящими на себѣ характеръ болѣе или менѣе полемическій. Надлежало опровергать разностороннія нареканія иновѣрцевъ, отвѣчать Риму, защищать память Фотія и Михаила Керулларія противъ огромныхъ книгъ и мелкихъ брошюръ западнаго изувѣрства; а иногда входить въ пренія съ роемъ греческихъ журналовъ и газетъ, въ которыхъ отражаются мнѣнія и толки всѣхъ существующихъ на востокѣ партій. Вотъ почему современная литература восточная невольно напоминаетъ намъ извѣстный стихъ: «журналовъ тысячи, а книги ни одной.» Впрочемъ будь это сказано не въ буквальномъ смыслѣ. Кромѣ изумительнаго въ 4-хъ томахъ сочиненія О. Константина Икономоса о 70 толковникахъ (*), имъ же недавно издана не большая, но любо-

(*) См. Москвитянинъ 1850 г.

Digitized by Google

пытная и богатая свѣденіями книга подъ названіемъ *Сіонскій поклонникъ*. Чего въ ней нѣтъ! Начавъ съ писемъ св. Григорія Нисскаго о путешествіяхъ въ Іерусалимъ и небольшаго разсужденія о томъ же предметѣ монаха Пахомія, авторъ воскрешаетъ память всѣхъ именитыхъ богомольцевъ разныхъ вѣковъ. Архимандритъ Аѳинъ Мазараки перепечаталъ и дополнилъ собраніе словъ и рѣчей извѣстнаго и въ Россіи проповѣдника Иліи Миніати. О древностяхъ Константинополя и Аѳинъ издаются теперь полезныя сочиненія. Вышла въ Константинополѣ славянская грамматика для Грековъ, составленная трудами преподавателя церковно-славянскаго языка въ Халкійскомъ богословскомъ училищѣ. Появилась также на небосклонѣ словесности, подобно зловѣщей кометѣ, новая книга старца Ѳеофила Каири подъ заглавіемъ: *Гностика*, или о началахъ наукъ, религіи и философіи. Съ тѣхъ поръ, какъ училище, имъ основанное на островѣ Андросѣ, закрыто, Ѳеофилъ Капри не иначе можетъ распространять ложное и вредное свое ученіе, какъ посредствомъ тисненія. Вмѣсто опаснаго разсадника, ему осталось одно средство дѣйствовать на умы: онъ сѣетъ плевелы на удачу; разумѣется, своею книгою онъ вызвалъ къ единоборству не одного, а многихъ поборниковъ здраваго ученія и христіанской истины. Мы назовемъ здѣсь нѣкоторыхъ, по чувству признательности: это гг. Каллигасъ и Неофитъ Вамвасъ. Выходятъ кромѣ того въ свѣтъ и нѣкоторые полезные переводы по части религіи и наукъ, напр. «письма о Богослуженіи» А. Н. Муравьева и «письма о должностяхъ свящ. сана» скоро выйдутъ изъ печати въ Аѳинахъ; а въ области точныхъ и естественныхъ наукъ, исторіи, археологіи и медицины нѣкоторые профессоры Аѳинскаго Университета не остаются праздными.

На равнѣ съ журналистикою и учеными разысканіями развивается въ Греціи изящная Словесность. Однако говорить о ней подробно мы не намѣрены, потому что бо́льшая часть ея произведеній отзывается мѣстною политикою, и говоритъ языкомъ страстей. Скажемъ только, что любовь къ поэзіи еще жива въ древней и прелестной ея колыбели. Недавно богатый гре-

Digitized by Google

ческій купецъ Амвросій Ралли, живущій въ Тріестѣ, установилъ ежегодно денежную награду для выдачи тому, кто подъ творческимъ небомъ Греціи напишетъ лучшее стихотвореніе. И въ первый разъ въ настоящемъ году награда присуждена молодому поэту Залакостѣ за поэму, въ которой онъ изобразилъ пламенными чертами осаду, паденіе и славу Миссолонги.

Впрочемъ народная поэзія въ Греціи всего чаще сбивается на сатиру и драму, такъ какъ проза на полемику, вызываемую мѣстными обстоятельствами Эллады и вообще Востока. Такъ, напримѣръ, современныя, вновь усиливаемыя притязанія латинянъ на исключительное обладаніе св. мѣстами палестинскими заставили ревнителей православія отстаивать древнія права нашей церкви. Нѣкто г. Борѣ, изъ числа приверженцевъ латинства, издалъ недавно наступательную брошюру о семъ предметѣ, подъ заглавіемъ: *Question des Saints lieux*. Нельзя было смолчать, чтобы молчаніемъ неумѣстнымъ не подтвердить тяжкихъ обвиненій въ подлогѣ и нарушеніи чужихъ правъ. Ибо г. Борѣ смѣло утверждаетъ и силится доказать, что всѣ разновременныя грамоты, у Грековъ хранящіяся, не подлинны, вымышлены, не имѣютъ никакой достовѣрности. Нашелся въ Константинополѣ человѣкъ глубоко-ученый и твердо-вѣрующій, который немедленно откликнулся на вызовъ западнаго обвинителя полнымъ и дѣльнымъ опроверженіемъ на французскомъ языкѣ (*). Авторъ раздѣляетъ исторію св. мѣстъ на шесть періодовъ, отъ начала христіанской эры, и въ каждомъ изъ нихъ раскрываетъ судьбы Гроба Господня, доводя изслѣдованіе до настоящаго времени. Эту превосходную апологію, соединяющую основательность историческихъ и критическихъ свѣдѣній съ изяществомъ слога и меткою діалектикой, припи-

(*) Общепонятный переводъ вышелъ въ свѣтъ прежде греческаго подлинника, въ іюнѣ 1851 года, и озаглавленъ: Réponse à la brochure de Mr Borè, intitulée: Question des saints lieux. Не отстала впрочемъ отъ первой апологіи и вторая, приписываемая бывшему Патріарху Константію. Она уже вышла изъ печати въ французскомъ переводѣ; но намъ еще не получена. Византія, нѣкогда подвластная Франкамъ, отражаетъ нынѣ потомковъ ихъ — оружіемъ слова.

Digitized by Google

сываютъ извѣстному врачу и ученому Стефану Караѳеодори, знатоку восточныхъ языковъ и вмѣстѣ священной и классической словесности. Православные въ одинъ голосъ благодарны ему за трудъ побѣдоносный и благовременный.

По отношенію къ живому, устному слову, въ которомъ дышетъ человѣческая мысль и зачинается всякая народная дѣятельность, современный Востокъ представляетъ взору наблюдателя не менѣе поучительныя явленія. Общеупотребительные языки примѣтно въ немъ измѣняются и цѣлесообразно развиваются. На каждомъ изъ нихъ придумываютъ новыя слова для выраженія условныхъ понятій европейскихъ. Даже турецкій письменный языкъ правительства, столь богатый примѣсью арабскихъ и персидскихъ словъ, извлекая изъ стараго рудника дорогой металлъ первобытной восточной рѣчи, выбиваетъ изъ него ходячую, мелкую монету, съ чеканомъ современной мысли и гражданственности со всевозможными ея оттѣнками. Знатоки увѣряютъ, что съ нѣкотораго времени дипломатическій и дѣловой слогъ блистательной Порты примѣтнымъ образомъ совершенствуется.

Въ Греціи языкъ церкви, королевскаго двора, министерствъ, судебныхъ мѣстъ и періодическихъ изданій, крѣпнетъ съ каждымъ днемъ, устанавливается и природную чистоту свою соединяетъ съ удивительною воспріимчивостію. И это также несомнѣнный признакъ жизни духовной и умственной! Странное явленіе въ сферѣ антропологіи: современный греческій языкъ вмѣстѣ и *старъ* и *молодъ*, ожилъ и живетъ на всемъ *готовомъ*, не заимствуя ровно *ничего* изъ достатка чужихъ языковъ. Въ обширной области наукъ онъ вездѣ какъ-бы *у себя дома*; вземлетъ обратно все, ему принадлежащее, гдѣ бы оно ни встрѣтилось, и безъ малѣйшаго усилія облекаетъ новыя понятія и названія, родными звуками, придающими имъ точный, опредѣленный смыслъ и какую-то особенную прелесть. Ни въ разговорномъ, ни въ книжномъ языкѣ современныхъ намъ Эллиновъ вы не встрѣтите слѣдовъ той уродливой, ученой терминологіи, отъ которой такъ пострадалъ столь прекрасный собою языкъ русскій.

Digitized by Google

Кромѣ языковъ, собственно азійскихъ, въ предѣлахъ турецкой державы живутъ своею жизнью и на большомъ пространствѣ господствуютъ Славянскія и Румунскія нарѣчія. И въ нихъ замѣтно сильное движеніе народной мысли. Сербы, даже Болгаре воздѣлываютъ съ любовію заросшее иноязычіемъ поле роднаго языка при помощи ученыхъ разысканій и трудовъ южныхъ Славянъ, населяющихъ сосѣднюю Австрію. Конечно, въ сихъ благородныхъ усиліяхъ, часто отзывающихся мѣстнымъ патріотизмомъ, нѣтъ стройнаго единства; за то какъ много самосознанія и упованія на будущее!... Рядомъ съ Славянами вдоль лѣваго берега Дуная и выше къ западу, до подошвы Карпатскихъ горъ, разселено отдѣльное племя Румуновъ, инако Волоховъ и Молдаванъ. И они дорожатъ своимъ природнымъ Латино-славянскимъ языкомъ, обработываютъ его прилежно, какъ заповѣдное наслѣдство отъ предковъ. Переводъ Библіи и здѣсь положилъ твердое основаніе книжному, письменному языку, и сообщилъ ему безсмертіе слова жизни. Дотолѣ простонародная рѣчь Румуновъ была какъ молвь и лепетъ младенческій, которому суждено было замолкнуть среди могучаго говора народовъ сильнѣйшихъ. Къ сожалѣнію не одни Румуны, но и прочія племена Востока, заботясь каждое о сохраненіи своего природнаго языка, не ясно сознаютъ и плохо понимаютъ важность благодѣянія, оказываемаго имъ всѣмъ св. православною Церковью—которая матерински посвящаетъ всѣ нарѣчія, въ служеніе слову истины.

И подлинно нѣтъ языка столь грубаго и скуднаго, который не усвоилъ-бы себѣ новую жизнь, сдѣлавшись орудіемъ общественнаго богослуженія и молитвы. Съ нимъ вмѣстѣ освящается и народность каждаго отдѣльнаго племени: его особенная рѣчь съ той самой поры входитъ, такъ сказать, въ составъ трехъязычной надписи на Крестѣ Спасителя міра.

Въ заключеніе настоящаго очерка, оглянемся еще разъ на необъятную, подвижную картину, которую развертываетъ передъ нами наблюденіе современной человѣческой жизни. Каждый народъ старается, болѣе чѣмъ когда-либо, обозначить рѣзкими чертами свое отдѣльное бытіе, свою идеальную лич-

Digitized by Google

ность. Но въ то же время, вездѣ непреоборимо дѣйствуетъ и совершается во вселенной общій законъ сближенія и единенія между людьми разсѣянными по лицу земнаго шара. Ограниченному уму человѣческому не по силамъ и недано разгадать тайну столь противуположныхъ направленій. *Дробленіе безъ непріязни и борьбы: сочетаніе духовныхъ разнородныхъ силъ человѣчества, безъ искаженія народныхъ личностей:*—какая неразрѣшимая задача!... Это *асимптоты*, безконечно сближающіяся, но не совпадающія въ одной точкѣ! *Кто уразумѣ умъ Господень и кто совѣтникъ ему бысть?* Для любви и премудрости Божіей невозможнаго нѣтъ; чему свидѣтелемъ и орудіемъ въ теченіи двухъ тысячелѣтій, Религія христіанская. Она все оживляетъ и все миритъ, все движетъ въ духовномъ порядкѣ вещей, по волѣ и судьбамъ Тріединаго Божества. Изучая звѣздное небо надъ нами, мы найдемъ въ немъ вѣрное подобіе того, что нынѣ совершается въ современномъ намъ человѣчествѣ.

Планетныя системы неуклонно врачаются около своихъ средоточій. Но тѣмъ не менѣе и онѣ увлекаются всеобъемлющимъ движеніемъ міросданія, и отдѣльная жизнь ихъ безсознательно подчиняется одному закону. Не то-ли самое сбывается нынѣ, явственнѣе прежняго, во всѣхъ проявленіяхъ *народностей*, и человѣчества?... Мнимая борьба жизненныхъ началъ, которой мы не постигаемъ, поведетъ безъ сомнѣнія всѣ особящіяся личности не разрушая ихъ—къ высшему, всепримиряющему единству.

А. Стурдза.

Одесса
Іюля 20 дня 1851 го г.

Digitized by Google

НАШЪ ВѢКЪ.

Не плоть, а духъ растлился въ наши дни,
И человѣкъ отчаянно тоскуетъ....
Онъ къ свѣту рвется изъ ночной тѣни,
И свѣтъ обрѣтши, ропщетъ и бунтуетъ.

Безвѣріемъ палимъ и изсушенъ,
Невыносимое онъ днесь выноситъ....
И сознаетъ свою погибель онъ,
И жаждетъ вѣры — но о ней не проситъ....

Не скажетъ вѣкъ съ молитвой и слезой,
Какъ ни скорбитъ передъ замкнутой дверью:
«Впусти меня! — я вѣрю, Боже мой,
«Приди на помощь моему невѣрью!»

Ѳ. Тютчевъ.

Москва,
30 Іюня, 1851 г.

Digitized by Google

МОЗАИКА.

(ИЗЪ ДОРОЖНАГО ПОРТФЕЛЯ).

Аква Санта. — Неожиданная встрѣча съ русскимъ. — Неудачная операція доктора Баттони. — Что значатъ слухи. — Замокъ Чьуччи. — Приготовленія къ путешествію. — Начало пѣшаго хожденія къ Сибиллѣ. — Энтузіастъ природы и ненавистникъ развалинъ. — Квинто Дечимо. — Походный ужинъ. — Папскіе инженеры. — Разговоры путешественниковъ, охотно выслушивающихъ другъ друга. — Непріятная встрѣча.

На востокъ отъ Рима и на югъ отъ Аскола въ живописныхъ отрасляхъ Абруццъ, лежитъ городокъ Аква-Санта, опушенный по обрывчатымъ своимъ скатамъ оливковыми деревьями (*). Въ немъ только одна прямая и горизонтальная, и, можно прибавить, порядочная улица. Она то расширяется до того, что по ней могутъ пройти рядомъ девять навьюченныхъ муловъ; то такъ съуживается, что возъ сѣна, который везетъ пара воловъ, не рѣдко уноситъ съ собою, но чаще роняетъ на мостовую бѣлье, вывѣшенное въ окнахъ домовъ для сушки,— и тогда появленіе итальянки въ окнѣ становится нестерпимо. Она, какъ громовая туча, разражается въ воздухѣ бранью;— и долго, долго потомъ бываетъ слышенъ рѣзкій голосъ ея отповѣди и воламъ, и сѣну, и правящему скотами, и наконецъ самому бѣлью, какой нибудь безотвѣтной рубашкѣ.

(*) *Acqua Santa—Святая вода.* Такъ названъ этотъ городокъ благочестивыми жителями потому, что здѣсь находится сѣрный источникъ, приносящій очевидную пользу больнымъ, посѣщенія которыхъ учащаются съ каждымъ годомъ.

Digitized by Google

— Ого! — замѣтитъ пожалуй иной читатель, знакомый съ Италіей по нелѣпымъ слухамъ; — послѣ этого неудивительно, что итальянки такъ страшны въ любви и во всѣхъ ея обстановкахъ.

Я признаюсь, не видалъ здѣсь, за исключеніемъ театральныхъ подмостокъ, этихъ женщинъ ни съ кинжаломъ въ рукѣ, ни съ ядомъ въ перстнѣ; но часто бывалъ свидѣтелемъ, какъ онѣ, поссорившись между собою, срывали съ своихъ ногъ стоптанные башмаки и обращали ихъ въ довольно опасное орудіе, потому что послѣ схватки на лицахъ озарницъ являлись синяки и опухоли.

Разъ мнѣ случилось видѣть въ Римѣ, какъ три женщины, въ побоищѣ, до того спутались руками, ногами и носами, что подоспѣвшіе карабинеры должны были употребить по крайней мѣрѣ четверть часа времени, чтобы разнять ихъ; но предоставляю эти сцены созерцанію римской полиціи, тѣмъ охотнѣе, что желаю закурить сигару у одного изъ молодыхъ людей, которые сомкнулись въ группу на описанной мною улицѣ городка Аква-Санты.

По костюму — это едва-ль не ветурины, или должны быть мѣлкіе помѣщики. Тѣже полубархатныя, почти рыжаго цвѣта, куртки и сѣрыя шляпы съ широкими полями; только сорочки и шейные платки что-то слишкомъ щеголеваты; — да и по лицамъ видно, что не тутошные жители — ни одного правильнаго, краснваго профиля, и почти всѣ бѣлокуры. — Ба, да у нихъ портфели въ рукахъ! Вѣрно художники!

— Позвольте огня! — сказалъ я обратившись къ одному изъ нихъ, который отличался отъ прочихъ большимъ ростомъ и окладистой бородой, и курилъ сигару. Поблагодаривши за огонь, я помѣстился вблизи на камнѣ и невольно обратилъ на себя ихъ вниманье, — и вѣроятно потому, что также имѣлъ при-себѣ небольшую палку.

— Такъ ты, Шарль, непремѣнно идешь на Сибиллу? — (*) спросилъ художникъ съ окладистой бородой у маленькой, но

(*) Гора, вторая по высотѣ послѣ Гранъ-Сассо, въ Папскихъ владѣніяхъ.

Digitized by Google

плотной фигурки, вооруженной складнымъ стуломъ ландшафтиста.

— Я тебѣ сказалъ уже разъ, Фредерикъ, что хоть одинъ, но пойду, во что бы то ни стало. И право стыдно, господа, что вы такіе сони; ни одного товарища въ дорогу».

Я, постоянно мечтавшій сдѣлать въ этихъ мѣстахъ путешествіе пѣшкомъ, единственно потому не рѣшался на это, что самъ не имѣлъ спутника,—и теперь нетерпѣливо выжидалъ случая предложить себя въ сотоварищи Шарлю, который изъ трусости ли идти одному, или въ самомъ дѣлѣ недовольный отсутствіемъ предпріимчивости въ своихъ собратьяхъ, горячился противъ нихъ болѣе и болѣе.

— Только бы вамъ и видѣть, и рисовать тѣ дреколья и негодный тростникъ, которые было угодно синьорѣ Терезѣ навалить предъ окнами нашей квартиры! — сказалъ Шарль, махнулъ рукой и хотѣлъ уйти.

— Да покажи-же, что ты сегодня сдѣлалъ? — вскрикнулъ Фредерикъ, и всѣ повторили его слова окруживъ разсерженнаго.

Портфель открылась и пошла по рукамъ.

— Прекрасно, прекрасно, безподобное мѣсто, какія линіи горъ, чудесно!—и другія похвалы на французскомъ и итальянскомъ языкахъ и художнику, и снятой имъ мѣстности, посыпались въ изобиліи.

— Вотъ вершина горы св. Грегоріо, моя точка зрѣнія; посреди Монте де Фіори; вправо, на горизонтѣ Гранъ-Сассо; а влѣво видиѣется Адріатическое море, — говорилъ Шарль указывая всё это на своемъ рисункѣ.—А если съ этой точки зрѣнія,—прибавилъ онъ,—повернуться болѣе въ лѣвую сторону, то видна угрюмая Сибилла (*).

Снова раздались похвалы.

(*) Я надѣюсь издать путевыя мои записки отдѣльною книгою, къ которой будутъ приложены и политипажи; вотъ почему читатель встрѣчаетъ здѣсь одни голыя названія живописныхъ мѣстностей.

Digitized by Google

Вѣрно не даромъ,—подумалъ я; приблизился къ кружку, и увидѣлъ болѣе панорамный, но прекрасный рисунокъ обширнаго вида горъ.

— Вы также художникъ?—спросилъ меня Шарль.

Въ Италіи для художниковъ всѣхъ націй языкъ общій-итальянскій, и потому я тотчасъ же отвѣтилъ моему новому знакомцу по-итальянски:

— Вы угадали! и не только сходенъ съ вами по званію, но даже и по желаньямъ.

— Какимъ образомъ?

— Я также сбираюсь идти на Сибиллу.

— Чудесно!—вскрикнулъ Шарль,—пойдемте хоть сегодня вечеромъ; не такъ будетъ жарко.

— Что за неугомонный!—вымолвилъ Фредерикъ, выпустивъ это слово вмѣстѣ съ сигарочнымъ дымомъ.

— Я не могу идти сегодня,—отвѣтилъ я,—потому что далъ слово проѣзжему здѣсь доктору Баттони ѣхать съ нимъ въ Аквилю, что не такъ далеко отсюда.

— Да что же вы тамъ будете смотрѣть?—неужели развалины?—спросилъ Шарль.

— Нѣтъ, мраморныя статуи, недавно отрытыя въ тамошнемъ амфитеатрѣ.

— Вы вѣроятно скульпторъ?—спросилъ меня Фредерикъ.

— Потому-то я и отлагаю наше путешествіе на Сибиллу,—отвѣтилъ я.

— Такъ какъ же ты хочешь, Шарль,—замѣтилъ Фредерикъ,—чтобы скульпторъ промѣнялъ такія любопытныя вещи на твою Сибиллу; на эту, положимъ, высокую гору, но все-таки неболѣе какъ груду камней.

— Тебѣ бы только писать съ натуры горшки, метлы, да кострюли; да наводнять выставки изображеньями лимоновъ, устрицъ, раковъ.... несносный!—сказалъ разгорячась Фредерику Шарль, и взявъ меня подъ руку отошелъ въ сторону.

— Я очень радъ сотоварищу!—сказалъ онъ.

— Чрезъ недѣлю я буду готовъ къ походу! — сказалъ я пейзажисту, и мы распрощались.

Digitized by Google

Придя домой, я нашелъ письмо отъ Баттони, который писалъ, что на слѣдующій день, съ разсвѣтомъ, будутъ готовы верховыя лошади, и чтобы я взялъ съ собой лишь самое необходимое, дабы не обременять ни проводника, ни лошадей. Для сокращенія пути надо было перебираться чрезъ горы.

Вечеромъ я зашелъ въ кофейную, гдѣ надѣялся встрѣтить доктора, чтобы точнѣе условиться о времени нашего отъѣзда.

— Per-bacco! — вскрикнулъ онъ, увидѣвъ меня, и сильно ударилъ по столу кулакомъ, въ которомъ было сжато только что прочитанное имъ письмо.—Разбойники! — вскрикнулъ онъ рѣзче.

— Что съ вами, докторъ?

— Вотъ вамъ и поѣздка въ Аквилю! — продолжалъ онъ болѣе и болѣе разгорячаясь;—вотъ вамъ и статуи! — тутъ онъ такъ стряхнулъ въ воздухѣ кисть правой руки, что хрустнули суставы пальцевъ;—вотъ и оцѣнка; вотъ и стоятъ ли они того, чтобъ ихъ утаить; вотъ и выгоды продать ихъ тайно Англичанамъ!

— Что значатъ ваши слова? — спросилъ я Баттони, котораго счелъ въ эту минуту помѣшаннымъ.

— Мои слова ничего не значатъ, потому что ихъ нельзя привести въ исполненье!

— Я все-таки не понимаю васъ, что значитъ утаить статуи и продать ихъ тайно и выгодно Англичанамъ?! —объяснитесь, докторъ!

— Я васъ просилъ, — началъ Баттони почти шопотомъ, и какъ бы одумавшись, — съѣздить со мною, и лишь сказать ваше мнѣніе объ этихъ статуяхъ, чѣмъ вы оказали бы большую услугу и мнѣ, и смотрителю древностей въ Аквилѣ.

— Я очень желалъ видѣть эти рѣдкости; но не намѣревался брать никакого участія въ вашихъ, какъ кажется, несовсѣмъ чистыхъ предпріятіяхъ, и потому я съ вами не поѣду!

— Извините, что обезпокоилъ васъ моею просьбою, — сказалъ докторъ со вздохомъ, — я и самъ теперь не поѣду. Смотритель древностей въ Аквилѣ убитъ. Вотъ письмо жены его!

Digitized by Google

Баттони передавая мнѣ послѣднее, закричалъ, кафетьеру: стаканъ воды!—и началъ обѣими руками утирать потъ, выступившій у него на лбу.

Въ письмѣ я нашелъ слѣдующее:

«Нѣсколько ночей къ ряду обворовывали нашъ фруктовый «садъ. Въ ночь на пятницу мужъ мой, передъ тѣмъ какъ «ложиться спать, заслышалъ голоса подъ окномъ, которое «выходило въ этотъ садъ. Онъ схватилъ палку и выскочилъ «въ окно съ намѣреніемъ поймать воровъ. Вдругъ раздался «выстрѣлъ, на который сбѣжались всѣ домашніе, и мужа «моего нашли прострѣленнымъ на вылетъ въ грудь. О, какое «несчастіе, синьоръ Баттони! — пріѣзжайте, ради Бога «пріѣзжайте!

— Я вашъ!—сказалъ я Шарлю, вошедшему въ это время въ кофейную. Мы можемъ отправиться на Сибиллу хоть завтра!

— Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше!—вскрикнулъ онъ по-русски, вѣроятно съ намѣреніемъ поразить меня этою нечаянностью, и спросилъ: вѣдь вы Русскій?

— Точно! — сказалъ я обрадовавшись звукамъ роднаго языка;—но какъ вы объ этомъ узнали?

— Помилуйте!—Если здѣсь у смотрителя сѣрныхъ ваннъ разобьется на кухни горшокъ, то уже на другомъ концѣ улицы, въ домѣ каноника, знаютъ объ этомъ происшествіи въ туже минуту. Это должно быть уже телеграфическое свойство самаго здѣшняго воздуха, — замѣтилъ новый мой знакомецъ, улыбнувшись.—Представьте,—продолжалъ онъ,—какъ-то утромъ я выѣзжалъ изъ города, чтобы рисовать на горѣ св. Грегоріо. Оселъ мой, избѣгая встрѣчи съ нѣсколькими повозками, споткнулся. Я, съ портфелью, съ огромнымъ зонтикомъ, съ складнымъ стуломъ, съ поводьями въ рукахъ, рисковалъ серьёзнымъ паденіемъ; но представьте мое удивленье.... уронивши всѣ мои атрибуты на земь, я очутился чуть не въ объятьяхъ прехорошенькой дѣвушки, которая шла съ боку дороги. Можете вообразить, какъ я обрадовался моему чудесному спасенью; но оно не было такъ благопріятно для самой

Digitized by Google

дѣвушки. Жена здѣшняго мѣльника была свидѣтельницей этой сцены, и къ вечеру уже былъ изданъ первымъ тисненіемъ цѣлый романъ, завязкѣ котораго послужилъ также не мало платокъ, развязавшійся на моей шеѣ во время паденія, — подарокъ дѣвушкѣ въ знакъ моей благодарности. И я увѣренъ, что не позже, какъ мѣсяца черезъ два, матушка будетъ писать мнѣ изъ Петербурга, что....

— Какъ, да вы еще и изъ Петербурга?—перебилъ я Шарля, радуясь еще болѣе такой встрѣчѣ.

— Я родился тамъ, но уже пять лѣтъ не видалъ его, и ѣзжу по Франціи, Испаніи и Италіи.

— Извините, что перебилъ васъ! Что вы хотѣли сказать о письмѣ вашей матушки?

— Вѣрно напишетъ, что до нее дошли слухи, будто я скакалъ сломя голову чрезъ горы, на бѣшеномъ конѣ, и упалъ въ пропасть, куда увлекъ и несчастную красавицу итальянку.

Мы оба разсмѣялись.

— Повѣрьте,—продолжалъ пейзажистъ,—чѣмъ бо̀льшимъ пространствомъ отдѣляются люди, тѣмъ болѣе въ превратномъ видѣ доходятъ до нихъ слухи о происшествіяхъ и мѣлкихъ случаяхъ жизни. Вѣдь разсказывая что нибудь нельзя же не имѣть желанія заинтересовать слушателя; а въ этомъ случаѣ разскащикъ невольно и пошевелитъ свою фантазію, да и привретъ ловко, если онъ ловокъ безъ сомнѣнія.

— Вѣдь Итальянцы не глупый народъ! Они не даромъ пустили въ ходъ поговорку: se non è vero, è ben trovato, замѣтилъ я. А иногда разскащикъ, сдуру, — снова началъ Шарль, брякнетъ и совершенную нелѣпость, которая, переходя изъ устъ въ уста, постоянно ростетъ, пока не дойдетъ по назначенію къ тѣмъ людямъ, которые не могутъ же не брать участья въ своихъ близкихъ. Назадъ тому годъ, сестра моя увѣряла меня въ письмѣ, что я былъ въ плѣну у бандитовъ, и неотступно просила не скрывать отъ нее этого случая, и описать какъ можно подробнѣе всѣ ужасы, отъ которыхъ я такъ счастливо отдѣлался.

— Что же вы отвѣчали на это?

Digitized by Google

— Послалъ ей карикатуру. Нарисовалъ одного разбойника, рука котораго прошла сквозь прорванный карманъ моей блузы; а другаго бандита заставилъ разсматривать мою картину, — и изъ его рта помѣстилъ слова: questo non vale niente (*). Да, въ заключеніе описалъ ей истинное происшествіе, бывшее въ Римѣ, когда мошенники, напавъ на двухъ художниковъ ночью въ Колизеѣ, не нашли у нихъ въ карманахъ ни байка, и напутствовали восторженниковъ древности и лунныхъ римскихъ ночей побоями за то, что ходятъ гулять безъ денегъ.

Мы оба захохотали, — и отъ смѣха нашего проснулся сидѣвшій близъ насъ мущина лѣтъ тридцати пяти, котораго я зналъ какъ отличнаго игрока въ шашки. Протерши глаза, онъ привѣтствовалъ меня, и объявилъ, что я могу, когда мнѣ будетъ угодно, отправиться въ замокъ Чьуччи.

— Мнѣ хочется нарисовать его запустѣлый и чрезвычайно живописный дворъ, — сказалъ я Шарлю, полагая, что онъ знакомъ съ этимъ замкомъ.

— Я этого замка не знаю! — замѣтилъ пейзажистъ.

— Онъ отсюда всего миляхъ въ двухъ, въ сторону къ Асколи, и я уже былъ въ немъ одинъ разъ. Это строеніе очень любопытно какъ памятникъ среднихъ вѣковъ. Хотите знать его исторію? — она коротка.

— Прошу васъ!

— Владѣтель этого замка, какъ разсказываютъ здѣсь въ народѣ, имѣлъ большое число вассаловъ, и жестокими разбоями наводилъ ужасъ на окрестности. Папы отрѣшали его отъ Церкви; а онъ, по возвращеніи съ грабежа, опускалъ тяжелые запоры въ воротахъ своего огромнаго, неприступнаго логовища; пировалъ, замышляя къ другому дню новый планъ нападенія, и умственно дѣлилъ добычу слѣдующаго дня съ своими вассалами, какъ бы она уже находилась въ его рукахъ. Разсказываютъ, что изъ Рима въ ту пору было объявлено жителямъ здѣшнихъ окрестныхъ мѣстъ: кто доставитъ этого

(*) Это ничего не стоитъ, никуда не годится.

Digitized by Google

владѣльца замка живымъ или мертвымъ въ руки правительства, тому передадутся всѣ его богатства, и самая земля, и замокъ. Явились два рыбака, по фамиліи Чьуччи (*), которые доставляли въ замокъ рыбу. Они воспользовались отсутствіемъ вассаловъ, и пробрались къ ихъ начальнику, отрубили ему голову, которую и вынесли изъ замка въ тѣхъ же корзинахъ, въ которыхъ доставляли рыбу. Недавно двое молодыхъ людей, потомки этихъ рыбаковъ, удержавшіе ихъ фамилію, прожили все и вошли въ долги, такъ что самый замокъ и земля продавались съ молотка; а одинъ изъ Чьуччи заблаговременно продалъ въ здѣшнюю кузницу восемь полныхъ рыцарскихъ вооруженій, бывшихъ непослѣднимъ украшеніемъ въ залахъ замка,—и кузнецъ заплатилъ ему по три байка за пудъ.

— Да возрыдаетъ археологія!—примолвилъ шутя Шарль.— Однако серьезно говоря,—прибавилъ онъ,—это досадно! Вѣдь и вы, и я могли бы пріобрѣсти это вооруженіе.

— Кузнецъ не археологъ,—замѣтилъ я, — и потому естественно, что достояніе науки обратилось въ гвозди и подковы.

— Хотя я небольшой любитель развалинъ, но мнѣ хотѣлось бы увидать этотъ разбойничій притонъ,—сказалъ пейзажистъ, и обратился съ просьбою къ проснувшемуся Итальянцу, о позволеніи войти со мной вмѣстѣ въ замокъ, на что получилъ согласіе,

— Съ кѣмъ имѣю честь говорить? — спросилъ Шарль Итальянца.

— Съ Піэтро Бабети,—отвѣчалъ тотъ.

— Ясно!—замѣтилъ мнѣ Шарль.

— Чѣмъ вы занимаетесь?—спросилъ послѣдній Итальянца.

— Ничѣмъ.

— Что вы дѣлаете?—снова спросилъ пейзажистъ, полагая что не былъ понятъ.

— Ничего.

— Какъ, рѣшительно ничего?

(*) На здѣшнемъ мѣстномъ нарѣчіи это слово означаетъ свинью; далѣе читатель увидитъ, какъ потомки рыбаковъ поддержали фамилію своихъ предковъ.

Digitized by Google

— Рѣшительно ничего,—отвѣчалъ спокойно Итальянецъ и спросилъ себѣ сигару.

— Здѣсь такіе люди не рѣдки, — замѣтилъ я Шарлю; но за то онъ по крайней мѣрѣ славно играетъ въ шашки, — и тутъ же я получилъ приглашеніе Итальянца присѣсть къ столу съ шашками.

— Такъ завтра? — спросилъ меня Шарль, выходя изъ кофейной.

— Завтра,—отвѣтилъ я,—послѣ обѣда.

На другой день за хорошей погодой дѣло не стало. Поломбини, горбатенькій хозяинъ моей квартиры, ходившій въ припрыжку, не мало удивлялся, что я собираюсь идти на Сибиллу пѣшкомъ. Онъ говорилъ о неудобствахъ пути, о жарѣ; пугалъ усталостью, опасностями; неотступно навязывалъ мнѣ свою лошадь и, изъ желанія пріобрѣсти за это плату, приписывалъ ей такія необыкновенныя достоинства, какихъ можетъ быть и самъ не имѣлъ. Когда я отказался на отрѣзъ отъ его лошади, то онъ началъ предлагать въ проводники своего сына.

— Лучшаго проводника вы не можете мнѣ дать,—сказалъ я ему,—какъ ту толстую, съ желѣзнымъ остріемъ, палку, съ которой вы иногда прогуливаетесь; да еще я слышалъ—вы имѣете родственника въ Триссунго, въ которомъ я буду вѣроятно къ ночи, то не хотите ли написать къ нимъ письмо, чѣмъ премного обяжете!

Чрезъ полчаса я спряталъ въ мой альбомъ письмо съ вычурнымъ титломъ, стоющимъ нашего милостиваго государя, all' illustrissimo Signore, il Signore Marco Petrucci;—и поднялся на главную улицу городка изъ оврага, на отвѣсѣ котораго лѣпился, какъ птичье гнѣздо, домъ моего хозяина.

Шарль уже былъ готовъ, и вооруженный какъ я палкою, завидя меня издали, сталъ прощаться съ товарищами.

— Чтобы намъ не сбиться съ пути, — сказалъ онъ мнѣ, когда я приблизился къ художникамъ, то мы не пойдемъ

Digitized by Google

лѣсомъ, чрезъ который тропинка, какъ мнѣ говорили, часто уклоняется далеко въ сторону отъ рѣки, а послѣдняя между тѣмъ должна привести насъ къ цѣли;—и для того, чтобъ не заблудиться, я вамъ предлагаю спуститься въ оврагъ и идти лѣвымъ берегомъ, по самой окраинѣ.

— Помилуй, Шарль,—перебилъ Фредерикъ,—да лѣвымъ берегомъ вы также встрѣтите препятствія; онъ на всемъ протяженіи, какъ я слышалъ, покрытъ огромными каменьями.

— Ну, такъ полѣземъ чрезъ каменья, поплывемъ противъ водопадовъ!—вскричалъ пейзажистъ съ досадой.

— Ступай лучше лѣсомъ, говорю я тебѣ, а то сломаешь голову!—вскрикнулъ въ свою очередь, разгорячившись Фредерикъ, который правда былъ постарше насъ обоихъ.

— Надоѣлъ ты мнѣ сидѣнь!—возразилъ Шарль.—Вѣдь я иду не на твоихъ ногахъ! Наконецъ, я знаю, ты предпочитаешь умереть на постелѣ, а для меня такая смерть была бы невыносимо скучна. Не хочешь ли ты по этому тракту, гдѣ нѣтъ не только почтовой, но даже сельской дороги, въ мѣстахъ, гдѣ не было уже одиннадцать лѣтъ ни одного иностранца (*), не хочешь ли, Фредерикъ, проѣхаться здѣсь на лежачихъ рессорахъ какъ какой-нибудь англійскій лордъ, или не вздумаешь ли спрашивать въ попадающихся на пути астеріяхъ, блюда по картѣ Мабилля, какъ этого обыкновенно ищутъ нѣкоторые Русскіе денди.

— Дѣлай какъ хочешь!—перебилъ Фредерикъ.

— Они,—продолжалъ въ томъ же насмѣшливомъ тонѣ Шарль,—не встрѣчая въ Италіи французской кухни, бранятъ страну искусствъ, какъ будто ѣдутъ по Европѣ единственно съ цѣлью усовершенствовать себя въ кухонномъ дѣлѣ.—Однако пора въ дорогу!—Знаешь ли, сказалъ Шарль смѣясь и обращаясь къ Фредерику,—если я повредю себѣ голову, то попрошу скульптора, моего спутника, реставрировать ее.—Вы не откажитесь?—спросилъ пейзажистъ, обратившись ко мнѣ.

(*) Послѣдній былъ Прусскій инженеръ, который измѣрялъ горныя высоты Абруццъ.

Digitized by Google

— Не откажусь безъ сомнѣнія отъ опасностей пути, если бы онѣ встрѣтились; что же касается до реставраціи, то надѣюсь обойдется и безъ нее.

Мы пустились, и начали спускаться въ глубокій оврагъ по накиданнымъ нарочно для схода каменьямъ.

На городской башнѣ пробило 2 часа.

Мы были уже на четверть версты отъ Аква-Санты, когда этотъ городокъ, потонулъ въ оливковыхъ и каштановыхъ деревьхъ; вмѣстѣ съ нимъ исчезъ изъ нашихъ глазъ и кружокъ художниковъ, которые до того махали намъ платками и шляпами въ знакъ прощанья и счастливаго пути.

Теперь мы очутились вдвоемъ, глазъ на глазъ съ дивной природой.

— Боже мой, какія здѣсь мѣста!—вскрикнулъ Шарль.

Точно, не льзя было не полюбоваться этою мѣстностью. Между дикихъ скалъ, нагроможденныхъ одна на другую, съ оглушительнымъ шумомъ стремится рѣка, и, въ дикой вольности своей, то скачетъ чрезъ груды камней и осыпаетъ ихъ ослѣпительной пѣной, то стихнувъ на время разстилается обманчивой спокойствія, а потомъ съ новой яростью бросается на подножіе каменныхъ глыбъ; но безсильная опрокинуть вѣковыя громады, она съ воплемъ дробится въ брызги и упадая снова крутитъ волну и шлетъ ее на нескончаемый бой.—На скалѣ мнѣ почудилась тѣнь Сальватора Розы.

Когда мы прошли значительное пространство, то убѣдились, что правымъ берегомъ не льзя и подумать идти; онъ представлялъ сплошныя скалы; лѣвый же хотя и былъ заваленъ большими каменьями; но мы находили особенное удовольствіе въ преодолѣніи этихъ преградъ, и слова Шарля: полѣземъ чрезъ каменья, поплывемъ противъ водопадовъ, сбылись болѣе нежели на половину.

— Дивная природа,—говорилъ Шарль,—можно ли сравнить ее съ какими бы то ни было созданьями человѣка? Я признаюсь, только передъ ней, глазъ на глазъ съ нею, мужаюсь

Digitized by Google

силами и чувствую себя вполнѣ существующимъ. Въ ней какъ-то не замѣчаешь совершеннаго уничтоженія, не видишь смерти; а если и является послѣдняя, то всегда вмѣстѣ съ возрожденьемъ, вѣющимъ новою, сильною жизнію. Взгляните, подымается волна, гребень ея закипаетъ пѣной; мгновенье.... и она распалась, раскатилась; а потомъ обратилась едва не въ зеркальную поверхность, и въ паденіи своемъ опять плѣняетъ взоръ человѣка; а мѣсто ея заняла въ то же время другая волна;—а здѣсь надломленный и изсохшій сукъ каштановаго дерева оживаетъ въ вашихъ глазахъ, въ объятьяхъ игриваго плюща. Вонъ, громадный камень въ водѣ, можетъ быть темя этой выдающейся скалы, которое въ продолженіе вѣковъ прожигалось до сердцевины своей солнцемъ, теперь обливается прохладными, безпрестанно смѣняющими одна другую струями. И какъ не любить природу, не желать видѣть ее во всей красотѣ, не любоваться ея вѣчнымъ, ничѣмъ нерушимымъ обновленьемъ?

Шарль взялъ меня подъ руку, и мы пошли по проторенной дорожкѣ, возлѣ самаго края кипучей бездны.

— Признаюсь вамъ, — началъ снова мой спутникъ, — я не люблю, или вѣрнѣе сказать ненавижу развали[illegible] бы я ихъ ни встрѣтилъ. Для меня Римъ въ особенности[illegible]имъ. И право, немало счастливы тѣ художники, которые не подымая головы, могутъ просиживать цѣлые дни въ Колизеѣ, и тщательно копировать какую-нибудь упавшую съ высоты капитель. Эта сосредоченность на любви къ необходимымъ въ искусствѣ мелочамъ, сковываетъ ихъ ф[illegible], которая не поражается ужасающимъ видомъ колоссальнаго каменнаго скелета, такъ сильно говорящаго о бренности всего того, чѣмъ человѣкъ думаетъ гордиться. При каждомъ посѣщеніи какой бы то ни было развалины, я уношу въ своей груди грустное, подавляющее чувство; а въ Римѣ развалины повсюду, и на нихъ натыкаешься какъ на сгнившіе, распавшіеся гробы древняго міра. Много, правда, извлекаютъ поученій грядущія поколѣнія на этомъ обширномъ кладбищѣ; но видъ кладбища еще ужаснѣе дѣйствуетъ на душу, если на немъ слышится смѣхъ,

Digitized by Google

нарушающій его тишину; а въ Римѣ безумно-веселый карнавалъ зажигаетъ праздничные огни на могилахъ своихъ предковъ, и начинаетъ бѣснованья съ первымъ ударомъ капитолійскаго колокола, который какъ нарочно имѣетъ еще одну обязанность—извѣщать католическій міръ о смерти Папы.

— Помилуйте, вы, поклонникъ природы, и отдаетесь такимъ грустнымъ мыслямъ, когда предъ нашими глазами столько живыхъ красотъ?!—замѣтилъ я; но Шарль молчалъ, и молчалъ до тѣхъ поръ, пока мы не завидѣли картинный городокъ, расположенный по обѣимъ сторонамъ рѣки; здѣсь скалы праваго берега какъ бы посторонились, дабы дать пріютъ человѣку. Чѣмъ ближе мы становились къ этому городку, тѣмъ слышнѣе были крики людей и удары молотовъ, впадавшіе въ какую-то дикую гармонію съ шумнымъ потокомъ рѣки, что и пробудило Шарля отъ задумчивости.

— Это должно быть Квинто Дечимо!—сказалъ онъ.

— Сколько миль мы сдѣлали, какъ вы думаете?—спросилъ я его.

— Не могу сказать вамъ точно; но солнце должно быть уже низко; посмотрите, какими холодными тонами покрылось все [illegible]насъ!

— Однако тма, которая начинаетъ располагаться на ночь въ разсѣлинахъ камней и глубинахъ лѣса, не можетъ быть утѣшительна для путешественника,—и обновленіе свѣта ужъ никакъ не будетъ ранѣе завтрешняго утра,—замѣтилъ я шутя восторженнику об[illegible]ленія природы.

— Бьюсь объ закладъ! — вскричалъ Шарль смѣясь, — что луна, которой не было видно вотъ уже двѣ ночи къ ряду, выручитъ меня непремѣнно, повѣрьте мнѣ какъ пейзажисту!

Мы пришли въ Квинто Дечимо, гдѣ строился каменный мостъ, перекинутый красивою легкой аркой черезъ рѣку. Мы прошли черезъ временной деревянный, и глазамъ нашимъ представилась на правомъ берегу широкая прекрасная дорога, которая до того была отъ насъ скрыта группою домовъ.

Digitized by Google

— Присядемте и подкрѣпимся! — предложилъ мнѣ спутникъ, — и мы помѣстились на каменномъ прилавкѣ одного изъ домовъ, вблизи моста.

Костюмы наши врядъ ли могли обратить на насъ вниманіе столпившихся вдругъ въ этомъ мѣстѣ немногочисленныхъ жителей Квинто Дечимо. Блузы, опоясанныя ремнями, сѣрые шляпы, шинели, связанныя на спинѣ, — такой костюмъ здѣсь не диковина; но вѣроятно, физіономіи, совершенно не сходныя съ лицами окружавшихъ насъ, и нашъ языкъ привлекли любопытную толпу, сквозь которую Шарль быстро проскользнулъ, и черезъ минуту, воротившись ко мнѣ, развертывалъ изъ виноградныхъ листьевъ купленную имъ превосходную провѣсную ветчину.

— Съ этими господами церемониться нечего! — замѣтилъ онъ, поводя глазами по итальянцамъ, и откупоривая кубышку съ виномъ, которая висѣла у него на тесьмѣ чрезъ плечо.

— Мы теперь странники, и городскія приличія въ сторону! — прибавилъ я, и свернулъ въ трубку ломтикъ ветчины, на который немало зарились глаза дюжины находившихся вкругъ насъ оборванныхъ мальчишекъ; — и какіе красавчики были между ними!

Нѣсколько молодыхъ людей, также съ [redacted]енно красивыми лицами, рослые, одѣтые чисто и въ неизбѣжныхъ бархатныхъ курткахъ рыже-коричневаго цвѣта, усѣвшись около насъ, вступили съ нами въ разговоръ и начали вопросами: откуда мы и куда? — Это были инженеры, строившіе мостъ.

Мы отдали имъ полную справедливость въ прочности и непритязательной красотѣ мостовъ, какіе намъ случалось видѣть въ этомъ углѣ Италіи; въ непритязательной красотѣ, нужно прибавить, которая исходитъ изъ самаго удобства постройки.

— Иначе я и не понимаю красоты строенія; — замѣтилъ одинъ изъ нихъ.

— Намъ могутъ служить примѣромъ въ этомъ случаѣ и соты пчелъ, и паутина паука, и мало ли какія явленія въ мірѣ животныхъ, птицъ и насѣкомыхъ. Положимъ, что здѣсь дѣй-

Digitized by Google

ствуетъ такъ называемый нами инстинктъ; однако онъ ведетъ неразумныя существа къ цѣли безошибочно.

— У человѣка мысль должна порождать форму, — сказалъ педантически другой инженеръ.

— А если у человѣка нѣтъ мысли, а онъ хлопочетъ только о формѣ; можно ли, въ такомъ случаѣ, ждать красоты? — спросилъ Шарль, не переставая усердно утолять свой аппетитъ ветчиною.

— Отъ чего же,—замѣтилъ третій инженеръ:—можно ждать, какъ сидѣть у моря и ждать погоды.

— Такъ не однимъ намъ принадлежитъ эта пословица! — сказалъ я, обращаясь къ моему спутнику.

—Да неужели вы,—отвѣтилъ послѣдній,—не обращали до сихъ поръ вниманья на поговорки и пословицы итальянцевъ?— Я уже не впервые слышу такія, которыя какъ будто переведены слово въ слово съ нашего языка, хотя, вѣроятно, этого предположить нельзя.

— Какъ до сихъ поръ чрезъ Кочеру, какъ по ближайшему тракту,—спросилъ я инженеровъ,—здѣсь нѣтъ, не говорю уже почтовой, но даже проселочной дороги изъ Рима въ Асколи, въ этотъ любопытный городъ во всѣхъ отношеніяхъ?

— Это не ваши степи, синьоръ форестьере (*); здѣсь надо срубать скалы или вести дорогу по верхушкамъ каменьевъ, вонъ что выглядываютъ торчками изъ водопадовъ,—отвѣтилъ одинъ изъ нихъ, указывая на рѣку.

— Ужъ если пошло на затрудненія, то мы съ нашей стороны можемъ указать на наши пространства,—замѣтилъ я,— а вы ужъ лучше сознайтесь, господа, что поотстали таки маленько отъ прочихъ. Въ Европѣ едва ли не всѣ лучшіе города давно уже замѣнили солнце газовымъ освѣщеньемъ, а въ Римѣ, до сей поры, существуетъ единственный садъ при кофейной на Корсо, который дивитъ публику десяткомъ газовыхъ рожковъ.

(*) Иностранецъ.

Digitized by Google

— Скажите пожалуста,—спросилъ Шарль инженеровъ,—что же предполагаемая желѣзная дорога изъ Рима въ Неаполь?

— Папа Григорій не соглашается,—отвѣтили два инженера вдругъ. Въ это время городскіе часы пробили восемь.

— Время въ дорогу!—сказалъ Шарль, и мы встали съ мѣстъ.

— Однако, синьоры,—сказалъ шутливо одинъ изъ инженеровъ,—я долженъ васъ предупредить, что путь, который вамъ предстоитъ отсюда до вашего ночлега — Трпссунго, не лежитъ на рельсахъ, и вы не будете убаюканы быстрою ѣздою въ вагонахъ. Я совѣтывалъ бы вамъ переночевать здѣсь; а завтрешнее утро, пожалуй хоть съ восходомъ солнца, вы пуститесь дальше!

— Луна, съ свѣтомъ которой не можетъ спорить никакое газовое освѣщенье,—вскричалъ пейзажистъ, — эта луна, если не замѣнитъ намъ удобнаго пути, то дастъ возможность налюбоваться тѣми живописными мѣстами, которыя, правда, чрезъ ваше искусство, представятъ болѣе удобствъ къ сообщенію; но можетъ быть и потеряютъ свою первобытную красоту; а для преслѣдованія красоты, вы видите, мы не жалѣемъ ногъ.

— E'un veritabile artista!—вскрикнулъ кто-то въ толпѣ.

Стемнѣло и стало сыро. Мы накинули шинели на плеча, и вышли изъ городка въ дальнюю дорогу; насъ напутствовали криками: добрый путь, добрый вечеръ!

Отвага и полное довольство самихъ собою заиграли на лицѣ Шарля, и у него вырвалось восклицаніе:

— Какой славный народъ эти итальянцы!

— Да, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя рѣдко посѣщаются иностранцами,—отвѣтилъ я.—За то Римъ, Неаполь, Болонья, Венеція, и другіе болѣе значительные города, могутъ поставить цѣлые полки такихъ людей, у которыхъ совѣсти на столькоже, на сколько у капуциновъ здѣшнихъ монастырей трудолюбія. Да и въ какомъ впрочемъ центрѣ цивилизаціи и промышленности люди не поклоняются золотому тельцу; ему они готовы принести въ жертву все, исключая, безъ сомнѣнія, личной выгоды.

— Вотъ закладъ и былъ бы выигранъ; взгляните!—вскрикнулъ вдругъ Шарль.

Digitized by Google

Луна выкатилась изъ-за каштановаго лѣса, и освѣтила правый берегъ рѣки, по которому мы теперь шли; впереди мы завидѣли легкій деревянный мостъ, связанный изъ жердей, и дрожавшій подъ ногами перебѣгавшихъ чрезъ него овецъ; рѣка ревѣла; при встрѣчѣ съ нами овцы жались въ кучи, и производили своимъ бѣгомъ не шумъ, но шорохъ въ воздухѣ. За стадомъ шелъ пастухъ, покрытый въ родѣ бурки, козлинымъ мѣхомъ и вооруженный большой палкой; двѣ большія бѣлыя собаки, подобія тѣхъ, которыя невольно поражаютъ посѣтителя Ватикана, пріостановились, оглядѣли насъ, и, вѣроятно, не нашедши въ насъ сходства ни съ волками, ни съ разбойниками, замахали своими пушистыми хвостами и пошли за пастухомъ. — Tenino he, tenino he (*)! — кричалъ послѣдній отставшимъ овцамъ.

— Вотъ вамъ картина, Шарль! — И скажите, на чемъ держится этотъ мостикъ? Если бы я не видѣлъ, какъ прошло по немъ стадо, то, право, врядъ ли бы рѣшился перейти чрезъ него.

— А я совершенно о другомъ думаю,—перебилъ меня пейзажистъ,—что еслибы на эти прутики, продолжалъ онъ, случайно взбѣжалъ красивый конь, страшно бы онъ рухнулся въ бездну, и быстрый потокъ этихъ водъ не далъ бы замѣтить и пятна крови на крутыхъ бокахъ и прыткихъ ногахъ скакуна.

— О, да вы не довольствуетесь прелестью дѣйствительности и обладаете очень пылкой фантазіей!

— Вы правы, — отвѣтилъ Шарль, и призадумавшись продолжалъ,—но знаете ли.... мнѣ кажется, эта способность, при крайнемъ развитіи, бываетъ часто причиной и несчастій человѣка.

Спутникъ мой оказался въ высшей степени впечатлительнымъ, и въ порывчатомъ потокѣ своихъ мыслей самъ былъ похожъ на невзнузданнаго коня, котораго только что нарисовало на мосту его воображеніе.

(*) Это понуканіе овецъ непереводимо.

Digitized by Google

— По моему мнѣнію,—продолжалъ онъ,—фантазія составляетъ сферу истиннаго художника, какъ деньги дѣлаютъ сферу торгаша, какъ почести образуютъ сферу честолюбца. Послѣднимъ доступно расширять свою сферу и осуществлять ее, хотя постепенно; самый идеалъ ихъ лежитъ въ болѣе положительныхъ предѣлахъ матеріальнаго міра; но гдѣ вы укажете границу проявленія фантазіи, окрыленной восторженнымъ состояніемъ души? Не дразнятъ ли художника съ малолѣтства высокими идеалами геройства, благородства, самоотверженія, однимъ словомъ, всѣми красотами нравственной силы человѣка, желая побудить будущаго производителя къ проявленію истинно великихъ образцевъ? Не стараются ли въ самомъ началѣ художественнаго образованія шевелить и распалять чувствительность, дабы облагородить и пріучить къ совершенной и идеальной пѣгѣ фантазію? Не хлопочутъ ли, сколь возможно, направить его къ достиженію самаго точнаго выраженія прекраснаго, начатки и типы котораго онъ впослѣдствіи мечтаетъ найти въ окружающей его жизни.—И вотъ пылкій юноша, настроенный къ чудесному, къ высокому, съ тысячами проэктовъ самыхъ блистательныхъ дворцевъ, какихъ не строилъ и Вулканъ на Олимпѣ, съ страстнымъ желаніемъ расписать чуть не самое небо подвигами великихъ людей, съ любимыми мечтами, которыя рисуются предъ нимъ въ нескончаемыхъ рядахъ мраморовъ, съ поэтическимъ трепетомъ озирающій природу, вдругъ ринулся въ омутъ вседневной жизни, — и, Боже мой, сколько онъ надѣлаетъ въ этой жизни глупостей!— Нося съ собою свой міръ идей и фантазій, на сколько кочекъ неудачъ и оскорбленій наткнется онъ? — И вотъ онъ падаетъ съ своего седьмаго неба; блестящее и зыбкое зданіе его будущности разбивается въ куски отъ соприкосновенія съ нуждою, съ невѣжествомъ; градъ пересудовъ и насмѣшекъ бьетъ ему въ лицо. И вотъ плоды избыточной, облагороженной фантазіи; а опытность говоритъ: по дѣломъ, самъ виноватъ, зачѣмъ, вступая въ жизнь, не смотрѣлъ себѣ подъ ноги, а несъ голову вверхъ; вотъ по неволѣ и спотыкался, и натыкался на такихъ людей, которые ...

Digitized by Google

— Не споткнитесь, Шарль!—вскрикнулъ я моему спутнику, видя, что онъ разгорячился рѣчью, и готовъ былъ, обыкновеннымъ поднятіемъ ноги, перешагнуть яму, едва не въ сажень.

— Благодарю васъ за предостереженіе; но въ другой разъ я буду осторожнѣе. Я увлекся; а вы насмѣхаетесь!

— Полноте, Шарль; увлекаться туда,—сказалъ я, показывая на луну,—я готовъ съ вами вмѣстѣ, потому что мысль расшибается только о землю; но васъ и себя вмѣстѣ подвергать опасности упасть въ яму, и переломить голову или ногу, было бы непростительно съ моей стороны.

Спутникъ мой готовъ было что-то мнѣ сказать, какъ вдругъ на обломкѣ дерева, переброшенномъ чрезъ яму, предъ которой я остановилъ Шарля, выросла небольшая, но бравая мужская фигура, одѣтая въ красивый кампаньольскій костюмъ и съ ружьемъ на перевѣсѣ въ рукахъ.

— Не видали ли вы, здѣсь прошла дѣвушка? — спросилъ насъ кампаньолъ басистымъ, но не твердымъ голосомъ.

Этотъ вопросъ заставилъ насъ переглянуться между собою, и въ тоже время крѣпче ухватиться за наши палки.

— Пусть онъ первый перейдетъ яму!—сказалъ я Шарлю.

— Проходи!—вскрикнулъ громко пейзажистъ итальянцу,—и мы стали въ оборонительное положеніе, на случай какого-нибудь съ его стороны покушенія напасть на насъ.

Итальянецъ стиснулъ губы, молчалъ, однако перешелъ на нашу сторону, и мы предложили ему продолжать свою дорогу.

(Продолженіе впредь.)

Н. Рамазановъ.

Digitized by Google

ТРИ ДНЯ

ВЪ АУЛѢ ЮСУФЪ-КАДИ.

Скучны Кавказскія степи весною и лѣтомъ, а еще скучнѣе осенью и зимою. Ни тогда, когда одѣнутся онѣ зеленью и цвѣтами; ни тогда, когда наступитъ теплая пора и сѣнокосное время; ни тогда, какъ колосъ поспѣетъ къ жатвѣ и уборкѣ въ копны: никогда не слышно здѣсь веселыхъ пѣсень, которыми во время полевой работы воодушевляетъ себя сѣверный земледѣлецъ. Не слыхать здѣсь тѣхъ пѣсень, какъ не слыхать и щебетанья воздушныхъ пернатыхъ, весело порхающихъ въ сѣверныхъ дебряхъ. Вездѣ — небо, трава, да безмолвная тишина, изрѣдка лишь прерываемая дикими звуками свирѣли чобана, да дребезжаньемъ перепела; повсюду—

«Степь, песокъ, да трава,
Небеса, да земля;
Ни ползвука кругомъ—
Пустота, тишина;
Только вихрь съ ковылемъ
Пролепечутъ порой,
Только ястребъ съ орломъ
Пронесутся стрѣлой....»

Повсюду—степь, песокъ, да трава.... И этотъ край, еще такъ недавно пустынный и дикій, нынѣ населяется дѣятельнымъ многолюдіемъ; еще и теперь переселенцы спѣшатъ сюда шумными, радостными, безпечными толпами, спѣшатъ какъ въ обѣтованную землю! У нихъ, какъ и вездѣ, свои домашнія радости, свои удовольствія, свои заботы, свои труды, все-

Digitized by Google

дневные хлопоты, утраты и печали!... Но тихи и скромны свободные часы горнаго семьянина-земледѣльца; однообразна жизнь его, какъ однообразны и безотвѣтны широкія, подвластныя ему степи; самое веселье его — не то русское непритворное веселье, дышащее искренностью, радушіемъ и непринужденностью, — нѣтъ, оно какъ солнце, проглядывающее сквозь мрачныя тучи, какъ слезы, облегчающія грудь страдальца!... Впрочемъ, рядомъ съ бытомъ поселянина есть другой бытъ, другая жизнь, несравненно тоскливѣе, пустыннѣе, однообразнѣе первой: это — жизнь кочевыхъ племянъ, окруженныхъ повсюду степями и небомъ. Здѣсь все—

«Степь, песокъ, да трава,
По краямъ—небеса,
По срединѣ—курганъ....»

и ничего болѣе.... Одинокій человѣкъ, случайно заброшенный въ эту пустынную глушь на нѣсколько времени, дичаетъ какъ робкая лань, тоскуетъ какъ дитя безъ рода и племени.... Въ этихъ только мѣстахъ можно вполнѣ сознавать и чувствовать всю горечь бездольнаго одиночества!

I.

Во второй половинѣ Іюня 1846 года, осмью верстами южнѣе пограничнаго озера Манычь, кочевало свободное племя Туркменъ. То былъ аулъ Юсуфъ-Кàди, изъ рода Чоудыръ. Прошла недѣля, какъ снялся онъ съ урочища Бадринъ-Сàла, и расположился длинною полосою по обѣ стороны незначительной рѣчки, протекающей по глубокой балкѣ, простирающейся издалека съ сѣвера на югъ.

Дивная растительность благодатныхъ этихъ мѣстъ, не тронутыхъ плугомъ земледѣльца въ теченіи, быть можетъ, весьма длиннаго ряда вѣковъ, стоитъ быть воспѣтою въ поэтическихъ пѣсняхъ, слагаемыхъ туземными *бакши*. (*)

(*) *Бакши* — у Ногайцевъ и Туркменъ — пѣвецъ, аккомпанирующій пѣнію своему игрою на *кобурѣ*— у однихъ, и на двухъ-струнной *тамдрѣ*— у другихъ.

Digitized by Google

Дикая прелесть зеленѣющейся степи, обставленной грядами сторожевыхъ кургановъ и сливающейся съ далью синяго горизонта, на долго оставляетъ неизгладимое впечатлѣніе въ памяти и чувствахъ случайнаго посѣтителя широкой пустыни. Утомленный однообразіемъ глазъ повсюду видитъ только тоску, безотрадную тоску по отчизнѣ!

Ароматенъ и свѣжъ здѣшній воздухъ, воздухъ цвѣтущихъ и тучныхъ степей цѣлины, какъ ароматенъ и свѣжъ воздухъ цвѣтника. Влажность утренней росы и повременно набѣги дождевыхъ тучь освѣжаютъ жары лѣта, едва сносные безъ этого обновленія, подъ душнымъ войлокомъ тѣсной кибитки. Дыханіе не страдаетъ отъ пыли, какъ страдаетъ оно въ постоянныхъ жилищахъ цивилизованной осѣдлости. Человѣкъ и животное покоятся здѣсь на мягкой муравѣ и цвѣтахъ, благословляя пустынное приволье кочевой своей жизни.

Быстро ростутъ неприхотливыя жилища въ пустынѣ. Тамъ, гдѣ сего-дня степь, съ помятою травою и ковылемъ, гладкая какъ тихое море, завтра кипитъ уже жизнь многочисленнымъ муравейникомъ, развивается шумнымъ говоромъ словоохотливаго разсказчика, торопливымъ топотомъ коня запоздавшаго собесѣдника. Тамъ, гдѣ еще такъ не давно было только гнѣздо перепела или сайги, теперь курятся огни и жалобно блеютъ смиренныя жертвы котла, или отдыхаетъ стадо громадныхъ верблюдовъ. А черезъ двѣ недѣли — опять та же пустыня....

Было 21 Іюня. Аулъ *Юсуфъ-Кади* готовился къ какому-то празднеству, къ какому-то торжеству, занимавшему умы всѣхъ —отъ мала до велика, въ томъ числѣ и самого Кади, пользующагося глубокимъ уваженіемъ своего народа. Торжество это должно было совершиться 23 числа.

Что же это за торжество? Что это за праздникъ, ожидаемый съ такимъ единодушнымъ нетерпѣніемъ? Сколько намъ было извѣстно, это—не свадьба, не какой-нибудь слезливый

При всемъ тождествѣ названія, эти разнородные *бакши*—другъ отъ друга какъ небо отъ земли!

Digitized by Google

Курбань-Байрамъ; нѣтъ, это долженъ быть веселый, очень веселый праздникъ.... Иначе, къ чему столько безконечныхъ хлопотъ, приготовленій!—Гонцы еще вчера ускакали съ приглашеніями по всѣмъ направленіямъ, по всѣмъ ближайшимъ дружелюбнымъ ауламъ—и ускакали, какъ видѣлъ всякій, сломя голову. Въ числѣ посланныхъ былъ даже *Котѣ*, братъ жены *Чоудырскаго* Кàди. Теперь нѣтъ сомнѣнія, что это праздникъ не народный, не общій, а частный, домашній праздникъ въ семействѣ *Юсуфа*....

Но вотъ скачетъ дѣвушка лѣтъ десяти-двѣнадцати на маленькой горской лошадкѣ. Лицемъ она прекрасна какъ ангелъ; пышные локоны ея то разстилаются по плечамъ волнами, то играютъ съ вѣтромъ въ тактъ рѣзваго скока.... Станъ очаровательной малютки затянутъ въ цвѣтной шелкокый бешметъ, съ крючками и петельками изъ чистаго золота; на локонахъ бархатная шапочка, вся въ рѣзномъ серебрѣ. Какъ крѣпко, вольно и ловко держится эта юная наѣздница на богато-окованномъ черневымъ серебромъ орчакѣ! Двое провожатыхъ ѣдутъ слѣдомъ за нею.

Вдали отъ средины аула, къ сѣверо-востоку, въ сторонѣ, виднѣется нѣсколько разбросанныхъ кибитокъ въ кочевомъ безпорядкѣ. Одна изъ нихъ отличается особенною величиною, опрятностію и многолюдствомъ: это кибитка самаго *Юсуфа*. По сторонамъ ея расположены другія, меньшія, принадлежащія близкимъ роднымъ его жены; а въ тридцати шагахъ—во всемъ блескѣ роскоши степной красуется бѣлый шатеръ, щедро обвитый и изукрашенный лентами и алымъ сукномъ, какъ кибитка богатой четы молодыхъ: это жилье кунака — *Апицарь*, посѣтившаго на ту пору гостепріимнаго Кàди.

Болѣе сорока человѣкъ гостей съѣхалось уже въ этотъ день, по призыву, на назначенный праздникъ. По лѣвую сторону двери громадной кибитки, на коврахъ и травѣ, возсѣдали не спѣсивые посѣтители, и между ними—самъ Кàди, низенькій, полный жизни и здоровья, широкоплечій старикъ лѣтъ пятидесяти или шестидесяти, умный, смѣтливый, зоркій.... Судили-рядили, по восточному обычаю, о дѣлахъ степной полп-

Digitized by Google

тики и о домашнихъ, но чинно и тихо, безъ споровъ, что доказывало уваженіе къ хозяину гостей.

Вдругъ раздалась едва слышная рысь....

— *Аль айгэръ, Баби* (*Бавбэкъ*)!—произнесла звучнымъ голосомъ прелестная малютка-наѣздница, остановившись близъ собесѣдниковъ—и мигомъ спрыгнула на землю.

Тотчасъ ретивый конекъ былъ разсѣданъ услужливымъ дядею *Бавбэкъ* — и пущенъ на волю. При первыхъ звукахъ мелодическаго голоса малютки, въ дверяхъ кибитки появилась, въ нарядной одеждѣ изъ золота и шелку, высокая, стройная женщина, нѣкогда прекрасная собою.

— Афа!—радостно вскрикнуло дитя—и, ласкаясь, упало въ объятія счастливой матери....

Никто, увидя въ первый разъ эту восхитительную кудрявую головку, не повѣрилъ бы, что она принадлежитъ не дѣвушкѣ-наѣздницѣ, но *Абдалль*, единственному сыну *Юсуфа-Кади*, и высокой женщины, его единственной жены....

II.

Наступило 22 Іюня. Безоблачное небо предвѣщало жаркій день. Одноаульные посѣтители спѣшили шумными толпами къ двѣнадцати-*термейной* (*термѣ* — рѣшетка) кибиткѣ Юсуфа. Пріѣзжіе гости, расположившіеся на ночлегъ у знакомыхъ, собирались одинъ по-одному, кто верхомъ, кто пѣшкомъ, смотря по отдаленности временнаго помѣщенія. Стекались и *бакши* съ звонкими *тамдрами* и важные эфенди въ своихъ бѣлыхъ-на-бѣло чалмахъ и лучшей, праздничной одеждѣ; стекались и богачи-сибариты степные, и должностные люди—головы, старшины, *аксакалы*; сюда же торопились и бѣдняки, смиренная братія Ира....

Тридцать тучныхъ и рослыхъ кобылицъ, лучшихъ изъ всего косяка *Юсуфа*, давно стояли на привязи. Теперь ихъ было вдвое болѣе противъ того числа, какое пригонялось и привязывалось вседневно для наполненія величайшаго въ своемъ родѣ тулука, заключавшаго въ себѣ любимый степной

Digitized by Google

напитокъ—*кымызъ*. Пять человѣкъ занялись доеніемъ; десять зажиточныхъ семействъ обѣщали присылку готоваго *кымыза*; множество домашнихъ бѣдняковъ, охотниковъ при случаѣ полакомиться на чужой счетъ, дали хозяину вѣрное слово прислуживать гостямъ, въ теченіе двухъ дней, безплатно. По одному зову Кàди, шесть опрятныхъ кибитокъ мгновенно передвинулись къ нему изъ разныхъ угловъ аула, и просторно заключили въ рѣшетчатыхъ стѣнахъ своихъ нахлынувшія толпы разнородныхъ варваровъ....

Всю ночь раздавались въ кибиткахъ звучныя пѣсни. Болѣе двухъ-сотъ слушателей ловили каждый звукъ *тамдры*, каждое слово неутомимаго пѣвца *Алла-Гула*, сына *Мухаммеда-Бакши*, знаменитаго между своими старца-поэта, почему-то не учавствовавшаго въ нынѣшнемъ празднествѣ Кàди. Кромѣ его были здѣсь *Аджи-Муратъ* и извѣстный слѣпецъ *Сулейманъ-Бакши*. Оба послѣдніе имѣли по незначительному кружку слушателей, по большой части стариковъ или бѣдныхъ гостей, которымъ, по тѣснотѣ, не было мѣста между нарядною знатью, окружавшею знаменитаго *Алла-Гула*. Лпкующій и восторженный, онъ, казалось, забывалъ все слушающее его съ глубокимъ, благоговѣйнымъ вниманіемъ. Могучее пѣніе его разносилось далеко по зарѣ и покрывало даже дикія восклицанія и говоръ многочисленныхъ сборищъ, не имѣвшихъ помѣщенія по близости пѣвца. Чародѣй этотъ то извлекалъ изъ глазъ своихъ слушателей самыя непритворныя слезы, то возбуждалъ шумные клики восторга. Я однажды, только теперь, видѣлъ эти слезы, лившіяся ручьями, невольно, изъ глазъ посѣдѣвшихъ *аджи*, эфенди и прочихъ почетныхъ гостей; только теперь я видѣлъ ихъ къ изумленію своему, но ни прежде, ни послѣ—никогда не видалъ я слезъ на суровыхъ лицахъ Туркмена или Ногайца....

Вотъ, между прочимъ, одна изъ мелкихъ пѣсень *Алла-Гула*, это—пѣснь *Кіоръ-Оглы*, воспѣваемаго повсюду на Востокѣ, какого-то неизвѣстнаго исторіи герол (*).

(*) Переводъ этой характеристической пѣсни сдѣланъ для меня, въ числѣ многихъ другихъ, бывшимъ приставомъ Кара-Ногайскаго народа, нынѣ главнымъ

Digitized by Google

«Ворона не соловей—
Не оцѣнитъ запаха розы.
Въ полѣ ходящія бѣлыя птицы (*)
Не могутъ знать, что̀ такое озеро.
Тотъ, кто не трудился,
Кто на скатерть не клалъ пищи (**),
Кто не испыталъ трудовъ житейскихъ—
Тотъ и не знаетъ, въ чемъ заключается власть.
Давшій одно, а взявшій вдвое,
Съ словомъ добра смѣшивающій слово зла,
Достигшій знатности изъ послѣднихъ—
Какъ пойметъ онъ устройство общества?
Несовершенный въ мужествѣ,
Не плакавшій и не смѣявшійся (кстати?),
Не понимающій самого себя—
Не будетъ понимать и другихъ!
Кіоръ-Оглы, съ тѣхъ поръ, какъ явился на свѣтъ,
Не измѣнялъ своему назначенію....
Кто не выросъ въ брани,
Тотъ и не можетъ судить о храбрости!...»

Го́лоса и пѣсень у Туркменскихъ соловьевъ, какъ извѣстно, станетъ легко не на одну сряду недѣлю. Удивительная память и непонятная организація груди и горла!

— *Чай иссы* (чай горячій)! — проговорила привѣтливо стройная *Мендѝръ*, супруга Ка̀ди, обращаясь къ молодому куначу—*Апицдѝръ*.

— *Аллахъ-беренетъ-беръ-сенъ* (да благословитъ Аллахъ)!— отвѣчалъ онъ на это.

приставомъ, маіоромъ *Девлетъ-Мирзою Шихаліевымъ*, которому долгомъ считаю принести искреннѣйшую благодарность, не теряя надежды на подобныя одолженія и на будущее время. *А. А.*

(*) Здѣсь, очевидно, говорится о птицахъ безъ перепонки. Восточная муза, въ порывѣ своего импровизаторскаго вдохновенія, не имѣла времени сообразить, что въ числѣ «ходящихъ по полю бѣлыхъ птицъ» могутъ быть также гуси, лебеди и другія, которыя *могутъ знать, что̀ такое озеро*. *А. А.*

(**) То-есть: не предлагалъ угощенія для достиженія власти, какъ водится и нынѣ у Азіатцевъ. *А. А.*

Digitized by Google

Люди хлопотали, суетились, бѣгали взадъ и впередъ, сталкивались, шумѣли, словно пожаръ или чума были въ аулѣ. А онъ, этотъ прелестный мальчикъ, этотъ дѣвообразный *Абдалла*? Онъ едва понималъ, что не далѣе, какъ завтра, должна рѣшиться участь его вьющихся локоновъ, принадлежности пола иного.... Шелковый бешметъ его, сшитый пятью швеями въ одинъ день (*) изъ матеріи, подаренной богатымъ родственникомъ, давно уже красовался на домашней выставкѣ. Настала пора подарковъ всякаго рода юному виновнику празднества. Не требовали и не желали многаго: каждый приносилъ, что̀ могъ, по силамъ. Азіатскій обрядъ этотъ почтенъ былъ истинно по-европейски двумя кусками превосходной матеріи, подаренной кунакомъ-*Апшадзе*; они произвели во всѣхъ зрителяхъ дикую радость. Долго подарки переходятъ изъ рукъ въ руки, долго остаются вывѣшеннымп на-показъ; и чѣмъ они многочисленнѣе, тѣмъ выше стоитъ хозяинъ въ мнѣніи своихъ гостей; чѣмъ они богаче, тѣмъ болѣе молвы, пересудовъ и разсказовъ.

Абдалла, какъ мы сказали, единственное дитя *Юсуфа-Кади* и его единственной жены. Рѣдкій ребенокъ этотъ, тихостію нрава, послушаніемъ и необыкновенною привязанностію къ своимъ родителямъ пріобрѣлъ такую безпредѣльную любовь ихъ, что въ наше время и между Европейцами не легко найти подобное въ этомъ отношеніи семейство. Бракъ Кади и *Менди*, единственной—противъ обычая кочевыхъ богачей—жены его, не смотря на желаніе этой рѣдкой и достойной уваженія четы, не принесъ ей дѣтей женскаго пола. Недостатокъ этотъ придумали замѣнить хотя на-время, отступленіемъ отъ обычая, воспрещающаго мужчинѣ носить на головѣ волосы (кромѣ одного завѣтнаго пучка),—и вотъ почему *Абдалла*, носившій до-сихъ поръ локоны дѣвушки, былъ для своихъ родителей, въ одно время, и сыномъ и дочерью....

Многіе разсказывали мнѣ объ этомъ обстоятельствѣ иначе.

(*) Это въ обыкновеніи у степныхъ народовъ. Скорость въ приготовленіи обновъ между ними удивительна! *А. А.*

Digitized by Google

Утверждали, что Кàди имѣлъ уже нѣсколько дѣтей, но почти всѣ умирали въ самомъ раннемъ возрастѣ. Какъ быть, чтобы спасти хотя одного ребенка отъ ненасытной смерти? *Менàръ* была беременна. Вотъ однажды, когда наступалъ уже срокъ разрѣшенія, въ кибитку Кàди является незнакомая женщина и начинаетъ торговать у будущей матери ея ребенка. Сначала такое неслыханное предложеніе показалось родителямъ страннымъ; но, пораздумавъ нѣсколько и будучи убѣждены знахарями въ томъ, что предразсудокъ временной продажи дѣтей оказываетъ иногда спасительныя послѣдствія, они рѣшились покориться его вліянію на сохраненіе жизни ребенка.... Торгъ былъ слаженъ заблаговременно: платою должны были служить, если родится дѣвочка—одна доска (*бакшà*), если мальчикъ—двѣ доски чаю. При такихъ условіяхъ не воспрещается родителямъ подарить что-нибудь ребенку на содерженіе. Такіе подарки служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и платою за временныя попеченія о немъ до извѣстнаго возраста, и по обыкновенію, гдѣ оно существуетъ, должны составлять всегда порядочный задатокъ.

Родился *Абдалла*. Какъ сказано, такъ и сдѣлано: продали его въ другой аулъ.... Прошло времени не мало, годъ, два и болѣе: *Абдалла* росъ и хорошѣлъ всякому на диво. Но вдругъ разнеслось въ народѣ, что онъ умеръ.... Легко представить себѣ, какъ были опечалены такою вѣстью злополучные родители. Погоревали, погоревали — да и утѣшились: время сдѣлало свое.... Вотъ однажды сидѣли они вдвоемъ и вспоминали про старое горе.

— Можно войти?—послышалось въ это время за кибиткой.

— Войди,—отвѣчалъ Кàди, мгновенно принявъ на себя важный видъ служителя Аллаха и набожно произнеся вслухъ: «*Лаилагъ-иль-Аллахъ!*»

Вошла высокая женщина, закутанная съ ногъ до головы въ бѣлый прозрачный *тастàръ* (женское головное покрывало) и съ ребенкомъ въ рукахъ.

— Хотите купить?—спросила она неожиданно у супруговъ.

Digitized by Google

— Мальчикъ или дѣвочка? — спросили они оба въ одинъ голосъ.

— Угадайте!...

— Мальчикъ, — отвѣчали они опять, какъ бы согласившись....

— Такъ и быть, продамъ.... Цѣна два червонца, да, сверхъ того, сколько прибавите сами, не откажусь....

Дали два червонца, доску чаю, да разныхъ тряпокъ на женскія обновы.

— Любите его, какъ и я любила свое дитя, — промолвила потомъ гостья, а оно любить васъ будетъ, надѣюсь....

Тогда изъ-подъ раскрытаго *тастàра* глазамъ изумленныхъ супруговъ предстало прелестнѣйшее бѣлокурое дитя — сынъ ихъ *Абдалла*!....

Съ тѣхъ поръ ребенокъ ростетъ у родителей и хорошѣетъ день-отъ-дня; съ тѣхъ поръ носитъ онъ локоны и, какъ пріемышъ, называетъ родную мать свою нѣжнымъ, ласковымъ, мелодическимъ именемъ—«*Афа!*»

III.

Все ликовало въ аулѣ *Юсуфа-Кàди*. Самый день—23 Іюня, казалось, былъ свѣтлѣе, веселѣе, теплѣе обыкновеннаго. Всякій торопился сбросить съ себя прежнее одѣяніе и облечься въ полные щегольскіе и живописные свои костюмы. На всѣхъ появились шелковые, атласные и парчевые халаты и бешметы; заблистало серебро повсюду, гдѣ оно соотвѣтствовало средствамъ и вкусу.

Кунаки пріѣзжіе и одноаульные находились въ полномъ собраніи и съѣздѣ. Всѣхъ всадниковъ, не считая пѣшихъ пришельцевъ, было не менѣе четырехъ-сотъ.

Около полудня, кибитки мало-по-мало начинали пустѣть. Народъ, пресытившійся артистическимъ пѣніемъ и игрою неутомимыхъ бакши, спѣшилъ къ удовольствіямъ другаго рода. Скачка малотокъ на заклады происходила еще наканунѣ, вечеромъ. Теперь празднество открылось скачкою, джигитовкою пятидесяти и болѣе всадниковъ, раздѣлившихся на нѣсколько

Digitized by Google

партій. Дистанція бѣга простиралась на десять верстъ. Скакать въ-разсыпную, сломя голову, безъ соблюденія необходимыхъ скаковыхъ условій, по-нашему — дѣло, не стоющее вниманія; но, по понятіямъ кочеваго туземца, и этотъ родъ скачекъ имѣетъ свою занимательность и значеніе. Призы, вызывавшіе на удальство, заключались въ серебряныхъ деньгахъ, и завпсѣли совершенно отъ щедрости присутствовавшихъ богачей. Помнится, болѣе другихъ отличался въ этой скачкѣ одинъ приставскій казакъ (*дувáнщикъ, дувáнъ*) изъ туземцевъ, и остался въ значительномъ выигрышѣ. Туркмены въ искусствѣ наѣздничества—сказать не обинуясь—далеко уступаютъ Ногайцамъ, обитающимъ въ при-Пятигорскихъ аулахъ, Калаусо-Саблинскимъ и Бештау-Кумскимъ. Но объ этомъ предметѣ мы будемъ говорить въ Москвитянинѣ въ другое время.

Не входя въ описаніе всѣхъ игръ, сопровождавшихъ домашнее празднество *Юсуфа-Кáди*, разскажемъ здѣсь только то, что, по нашему мнѣнію, отличается, своею замѣчательною особенностію, своимъ оригинальнымъ характеромъ. Говоримъ о единоборствѣ силачей-охотниковъ.

Въ 4 часа по-полудни, когда безоблачное солнце, нестерпимо палившее своими знойными іюньскими лучами, начинало склоняться къ западу, всѣ разъединенныя выборомъ зрѣлищъ толпы стали сосредоточиваться въ одно мѣсто, на гладкую поляну, находившуюся позади кибитки *Юсуфа*. Бóльшая часть всадниковъ спѣшилась, образовавъ своими густыми рядами широкій кругъ, состоявшій изъ представителей двухъ родовъ: *Чоудыръ* и *Игдыръ*; не доставало третьяго рода Туркменъ, *Сёюнжяд-джи* (правильнѣе—*Сёюнъ-Аджи*), кочевавшаго въ то время гораздо дальше. На западной сторонѣ круга на первой линіи арены, помѣстились на цвѣтныхъ коврахъ, самые почетнѣйшіе богачи и достойные чалмоносцы — эфенди и *аджи* (меккскіе поклонники) обоихъ родовъ, числомъ до шестидесяти; на юго-восточной—расположились бойцы *Чоудырскіе*; на сѣверо-восточной—ихъ *Игдырскіе* противники, окруженные своими. На южной сторонѣ находился возсѣдавшій на складномъ креслѣ кунакъ-*Апицáръ*, а рядомъ съ нимъ, на травѣ—самъ Кáди и юный *Абдалла*.

Digitized by Google

Болѣе сорока всадниковъ избраны были съ обѣихъ сторонъ, чтобы блюсти порядокъ и тишину. Сонму духовенства, повсюду занимающему патріархальное мѣсто уваженія, принадлежало обычное право и честь произносить роковые приговоры, рѣшающіе счастливое имя побѣдителя. По законамъ туркменскихъ понятій о борьбѣ, нужно только упасть одному, чтобы побѣда тотчасъ же провозглашена была удѣломъ другаго. Упасть, по понятіямъ народнымъ, значитъ—быть побѣжденнымъ; не принимается въ уваженіе, если боецъ упадетъ, запнувшись за что-либо или поскользнувшись: онъ все равно побѣжденъ. Вотъ почему воину необходимо держаться на ногахъ до послѣдней крайности; иначе — вѣчный позоръ неизбѣженъ.

Двое прислужниковъ внесли маленькій треножный столикъ (у Ногайцевъ—*сапрà*) и съ подобающею важностію поставили его предъ толпою судей-эфендіевъ: на столикъ поставили большую деревянную чашку, наполненную мелко-нарѣзанными кусочками жареной баранины и такими же кусочками мязги отъ перетопленнаго бараньяго сала. Каждый изъ бойцевъ, приготовляясь выступить на скользное поприще борьбы, долженъ былъ съѣсть нѣсколько кусочковъ, вѣроятно, по Азіатскому обыкновенію, въ знакъ незлобія и мира. Знатоки силы и ловкости избранныхъ для состязанія бойцевъ, тоже совѣщались между собою о томъ, на кого должна была пасть изъ нихъ первая боязливая доля.... Обѣ стороны долго думали объ этомъ важномъ предметѣ, пока не раздался ропотъ всеобщаго ожиданія и нетерпѣнія. Выборъ палъ....

Въ то же мгновеніе великанъ, завернутый съ головы до ногъ въ бѣлую простыню, былъ медленно, тихо, выведенъ на средину арены. Онъ остановился и съ минуту стоялъ неподвижно, какъ-бы желая освоиться съ новостью своего положенія. Всѣ взоры устремились на него: всѣ старались угадать, кто онъ, и, жарко споря между собою, ошибались. Многіе требовали ускоренія развязки; но флегматическій, неповоротливый проводникъ все еще медлилъ, желая, казалось, возбудить большее любопытство зрителей. Наконецъ, онъ

Digitized by Google

взялъ исполина подъ руку, и, по-прежнему, тихо, лѣнивымъ шагомъ подвелъ его къ судьямъ, предъ которыми туркменскій Голіафъ, не открывая своего таинственнаго вида, почтительно опустился на одно колѣно. Тогда нѣсколько словъ, произнесенныхъ вполголоса старѣйшимъ изъ эфендіевъ, съ длинною серебряною бородою, и, вѣроятно, заключавшихъ въ себѣ краткую молитву и благословеніе—дали знакъ, по которому боецъ поднялся на ноги не менѣе почтительно, подошелъ къ столику, взялъ нѣсколько кусковъ баранины, и съѣлъ ихъ подъ простынею; потомъ обратясь къ судьямъ, приложилъ правую руку къ своей груди—и возвратился на средину круга объ-руку съ представлявшимъ его проводникомъ....

Этотъ боецъ былъ изъ рода *Чоудыръ*.

Сильно и глубоко поражены были этою нѣмою сценою *Игдырскіе* знатоки. Ростъ избраннаго противною партіей бойца изумлялъ ихъ и приводилъ въ нерѣшимость. Прошло четверть часа.... Ожидавшій соперника великанъ начиналъ бить ногою тактъ отъ скуки и нетерпѣнія. Еще нѣсколько мгновеній—и родъ *Игдыровъ* былъ-бы непремѣнно заклейменъ единодушнымъ и страшнымъ для всякаго названіемъ — *трусовъ!*... Но онъ не допустилъ себя до такого ужаснаго, торжественнаго посрамленія, и, съ ропотомъ разхлынувъ направо и на-лѣво, далъ дорогу представителю, ведшему съ собой бойца, окутаннаго, подобно *Чоудырскому*, бѣлою простынею. Этотъ былъ хотя, по-видимому, и средняго роста, но плотнаго, крѣпкаго сложенія. Твердою поступью приблизился онъ къ мѣсту представленія, опустился, какъ и прежній, на одно колѣно, получилъ благосклонное разрѣшеніе, съѣлъ нѣсколько кусочковъ сала, приложилъ правую руку къ груди— и возвратился на мѣсто, гдѣ былъ его проводникъ....

До этой минуты они еще не замѣчали другъ друга, и ни тотъ, ни другой не зналъ, съ кѣмъ придется ему имѣть дѣло, —какъ вдругъ быстро сорванныя съ нихъ проводниками простыни совершенно обнажили предъ зрителями атлетическія формы обоихъ, обличавшія несокрушимую крѣпость и силу....

Кому не случалось видѣть, какъ встрѣчаются два хищные

Digitized by Google

звѣря, рѣшившіеся растерзать одинъ другаго, тотъ едва-ли, не бывъ очевидцемъ, можетъ представить себѣ всю ярость и ненависть туркменскихъ бойцевъ, это невыразимое остервененіе и обоюдную жажду уничтоженія противника предъ лицемъ родныхъ, знакомыхъ, друзей!—Колоссальный ростъ одного и его прочные, мощные члены, казалось, слиты были изъ мѣди; ширина плечь и груди обѣщали силу и здоровье огромнаго вола. При этомъ рѣдкая пропорціональность формъ исполина до того была прекрасна, что зритель съ трудомъ могъ оторвать взоръ свой отъ этого страшнаго человѣка. Противникъ его едва только могъ равняться ему до плеча; но за то ужь какъ былъ онъ мускулистъ и крѣпокъ, какъ удивительно ловокъ и живъ, какъ отличался стройностью стана, нѣжностію пріятнаго не-азіатскаго лица и бѣлизною кожи!... Прелесть и заглядѣнье!

Въ воздухѣ завѣяли платки; но нигдѣ ни звука, ни шелеста, ни шопота: все безмолвствовало, притаивъ дыханіе и обратившись въ напряженное зрѣніе. Торжественна была эта минута, когда противники, въ нѣсколькихъ шагахъ, измѣряли взорами другъ друга! Насмѣшливый великанъ улыбался надмѣнно, заранѣе увѣренный въ несомнѣнной побѣдѣ; но прекрасное, увлекательное лице его противника, ставшаго въ граціозную позу и спокойно сложившаго на высокой груди свои бѣлыя руки, выражало надежду и отважность. Свѣтъ и вѣтеръ раздѣлены были по-ровну между обоими; перевязи, прикрывавшія среднія части тѣла и состоявшія изъ весьма искусно подобранныхъ внутрь *стань*, представляли какъ тому, такъ и другому, одинаковыя удобства въ борьбѣ и нападеніи....

Съ быстротою и легкостію серны красивый *Игдырецъ* первый измѣнилъ свою граціозную позу, и сдѣлавъ первое нападеніе, какъ эластическій шаръ эфирно отпрыгнувъ далеко въ сторону отъ бросившагося на него въ то же мгновеніе исполина. Завязалась рѣзвая, забавная, безконечная игра кошки съ мышью, игра, начинавшаяся нѣсколько разъ и всегда оканчивавшаяся необыкновенными антрша и воздушною ловкостію

Digitized by Google

одного, удачно и непостижимо избѣгавшаго яростныхъ усилій другаго, тщетно старавшагося схватить на-лету свою жертву. Здѣсь, какъ и всегда, въ этотъ періодъ борьбы, перевѣсъ былъ на сторонѣ хладнокровія и проворства. Мудрено пересказать, съ какимъ рѣдкимъ, невиданнымъ искусствомъ была ведена эта бѣшеная игра, раздражившая мощнаго силача до послѣдней степени остервенѣнія, и—напротивъ—все болѣе и болѣе занимавшая его веселаго, неутомимаго противника, который со всякимъ прыжкомъ становился все легче и легче, отважнѣе и живѣе. То подкрадывался онъ къ противнику на самое ближайшее разстояніе, съ быстротою молніи забѣгая сзади, или дразнилъ его почти предъ самыми глазами; то вихремъ кружился около него, катался колесомъ, становился на руки вверхъ ногами—и неуловимо ускользалъ, замѣтивъ малѣйшее невыгодное движеніе разсвирѣпѣвшаго непріятеля; то дѣлалъ онъ изумительныя прыжки черезъ голову, безвредно становясь на землю, какъ ни въ чемъ и не бывалъ; то иногда покушался даже прыгнуть на плечо великана, и, перекувырнувшись на воздухѣ, катился потомъ опять черезъ голову, какъ шаръ.

Но вотъ вы едва замѣтили, какъ они столкнулись, едва замѣтили, какъ сплелись они рука съ рукою, свились клубомъ, какъ змѣи.... и понеслись!... Уже ничто не въ состояніи было ихъ разнять, ничто не могло остановить этой варварской борьбы и ожесточенія: и то и другое лице, теперь равно было ожесточено злобою и гнѣвомъ. Какъ голодные волки рвутъ свою добычу, такъ два бойца—Туркмена рвали другъ друга желѣзными руками, вихремъ кружась по аренѣ. Напряженные члены и кровью налившіеся глаза ихъ, казалось, готовы были поминутно лопнуть; конвульсивно сжатыя губы, покрытыя кровавою пѣною и потомъ, шептали проклятія. То они готовы были оба рухнуть на землю; то высоко взбрасывали одинъ-другаго на воздухъ, не выпуская изъ рукъ; то тяжело, судорожно падали на колѣна, стараясь изломать замертво стиснутые члены; то снова становились на ноги, снова начинали безконечную борьбу—и снова кружились, снова неслись въ сумасшедшемъ остервенѣніи. Любо и трепетно

Digitized by Google

было смотрѣть на это бѣшенство! Можно было положительно сказать, что здѣсь дѣло шло скорѣе о смерти, нежели о жизни.... Слышно было даже, какъ трещали вывертываемыя руки и ноги—и каждый изъ зрителей легко предвидѣлъ, что, безъ вмѣшательства стражи, обезумѣвшіе бойцы оба должны были остаться на-мѣстѣ до грозной трубы Азраэля....

Между тѣмъ, къ общему изумленію, совершенно неожиданный оборотъ приняла эта дикая пытка силы и искусства. Въ самое рѣшительное мгновеніе, когда только-что собравшій всѣ свои силы исполинъ готовился сломать или раздавить своего противника, тотъ счастливо успѣлъ высвободиться изъ удушавшихъ его объятій, сдѣлалъ легкое движеніе впередъ, потомъ съ непостижимымъ проворствомъ перекинулся назадъ— и громадный *Чоудырскій* колоссъ, словно чудомъ поднятый на воздухъ, стремглавъ полетѣлъ чрезъ его голову, и въ двухъ саженяхъ всею тяжестью тѣла ударился о землю.... Дикая кошка на похитителя дѣтей своихъ, или только испуганная внезапнымъ шорохомъ бѣлка—можетъ прыгнуть такъ, какъ прыгнулъ на него побѣдитель!...

Яростно заволновались ряды гостей-черни. Одни торопились удержать побѣду за *Игдырцемъ*; другіе—сбросить, измять, раздавить торжествующаго бойца-непріятеля. Все закипѣло буйствомъ и бранью. Наѣздники смѣшались съ пѣшими зрителями, и малочисленной стражѣ весьма трудно было удержать бѣснующееся невѣжество въ границахъ прежняго порядка. Только громкія увѣщанія самого *Юсуфа-Кади* могли утишить волненіе. Одни торжествовали побѣду, другіе пылали ненавистью и мщеніемъ. Бойцы были уведены каждый въ свою сторону, а имя одержавшаго верхъ огласилось въ воздухѣ воплями и радостными кликами нѣсколькихъ сотъ человѣкъ!...

За первою парою слѣдовали другая, третья и т. д., до двѣнадцати. Каждая пара бойцевъ выходила на арену тѣмъ же самымъ порядкомъ, какъ и первая, и отличалась тѣмъ же, а иногда еще и большимъ звѣрствомъ и безпощадностью, пока кто-либо изъ бившихся не оставался побѣдителемъ. Многимъ изъ любителей нравилась «лежачая борьба», происходившая у двухъ или трехъ паръ. На нашъ взглядъ—ни

Digitized by Google

что не можетъ быть ужаснѣе этого боя. Ожесточеніе въ борьбѣ этой достигаетъ иногда съ обѣихъ сторонъ до того, что противники, въ забытьи и изступленіи, рвутъ другъ-друга зубами и ногтями, или, въ припадкѣ величайшаго бѣшенства и безсилія, грызутъ землю и вырываютъ руками огромные куски дерна! Въ такихъ крайнихъ случаяхъ присутствующіе спѣшатъ ихъ рознять; но, бывали случаи, разсказываютъ, что рознятые бойцы вымѣщали неудовлетворенную злобу свою на миротворителяхъ, какъ смогли, не имѣя права и возможности продолжать прерванную битву. Иногда, случается, побѣжденный боецъ по чувству-ли самоохраненія, или будучи трусливѣе своего противника, если удастся, катится по аренѣ въ забавное бѣгство.... Лежащая борьба, сколько можно судить о ней по двумъ-тремъ примѣрамъ, требуетъ невѣроятной ловкости и силы: здѣсь уже нѣтъ никакой надежды ни на быстоту ногъ, ни на случайности, прерывающія часто гимнастическія упражненія удальцовъ въ самомъ началѣ.

Послѣ борьбы, заключившей собою всѣ игры, кругъ зрителей сдвинулся тѣснѣе. *Юсуфъ-Кади* ввелъ въ него за одну руку жену свою, съ невообразимою щедростью украшенную золотомъ (*), и маленькаго *Абдаллу*, безсознательно и кротко озиравшагося на сжатыя массы гостей. Въ краткихъ, но выразительныхъ словахъ произнесъ *Юсуфъ* рѣчь свою къ духовенству и народу, объяснилъ въ ней свои домашнія обстоятельства, и, коснувшись слегка свершенія извѣстнаго числа лѣтъ Абдаллѣ, замѣнявшему до тѣхъ поръ сына и дочь, объявилъ, что теперь, по этому случаю, онъ охотно и съ радостію готовъ пожертвовать имъ на служеніе Аллаху, начавъ съ обученія дитяти, какъ заведено, священнымъ книгамъ и письму. Горькими слезами окончилъ онъ свои слова; тоскливая *Мендра* отвѣчала ему неутѣшнымъ рыданіемъ, трогавшимъ душу.... *Абдалла* едва-ли понималъ, что онъ одинъ причиною всего этого горя, и самъ плакалъ, глотая

(*) Бѣлый канаусовый *тастаръ* ея былъ въ нѣсколько рядовъ обшитъ по всѣмъ краямъ золотыми монетами, не говоря уже о другихъ частяхъ щегольскаго—по туркменскимъ понятіямъ—наряда. Все на ней блистало золотомъ, парчею и шелкомъ!

Digitized by Google

свои слезы.... Тогда старѣйшій изъ ефендіевъ на рѣчь *Юсуфа* отвѣчалъ утѣшительною, не менѣе сильною и вразумительною рѣчью. Народъ, не за-долго предъ тѣмъ жаждавшій варварскихъ зрѣлищъ, жался теперь, ловя каждое слово; многіе плакали. Трогательна была эта сцена, рѣшившая на всегда участь роскошныхъ волосъ *Абдаллы*!

Остается сказать еще нѣсколько словъ объ угощеніи. Оно, какъ требуютъ обычаи, состояло изъ конскаго и бараньяго мяса, приготовленнаго еще на-канунѣ. Приготовленіе состоитъ въ томъ, что сварятъ, что̀ слѣдуетъ, въ котлѣ, безъ всякой приправы, изрѣжутъ мелко-на-мелко—и дѣло съ концемъ. Сначала чинными рядами расположились было на мягкой муравѣ проголодавшіеся гости, предъ которыми, по распоряженію хозяина, немедленно очутились цѣлыя батареи деревянныхъ чашекъ съ *бишь-бармàкомъ*. Пока все еще шло благополучно, и одинъ разъ даже совершенно счастливо удалось прислуживавшимъ обнести первые ряды; но, послѣ того, вполовину насыщенные гоєти заблагоразсудили подняться на ноги и, при первомъ появленіи второй порціи, отважно броситься на похищеніе.... Началась страшная свалка. Кулакъ и плеть дѣйствовали дружно, повсюду отбивая аппетитную добычу и сбивая съ ногъ все, рѣшавшееся на опасное сопротивленіе. Малочисленная прислуга, видя буйный напоръ толпы и получая, не вѣдомо за что̀, щедро сыпавшіеся отвсюду полновѣсные удары и толчки, пустилась со всѣхъ ногъ въ благоразумное бѣгство.... Это голодное сумасшествіе свирѣпствовало до тѣхъ поръ, пока все на-чисто было опорожнено, пока груды брошенныхъ чашекъ не напомнили бѣснующимся, что обѣдъ былъ окончательно съѣденъ. Такъ заключилпсь на этотъ разъ—вѣжливость и обжорство!

Послѣ обѣда, гости, какъ водится, выкурили по трубкѣ табаку, при чемъ почетные выпили по чашкѣ кымызу, и потомъ, не поблагодаривъ даже хозяина за приглашеніе и пріемъ, сѣли на коней,—а чрезъ пять минутъ были уже далеко, джигитуя въ разсыпную....

Агаѳангелъ Архиповъ.

Digitized by Google

ПИСЬМО

БАРОНА Г. А. ФОНЪ-РОЗЕНКАМПФА

ИЗЪ С. ПЕТЕРБУРГА

КЪ ГРАФУ К. ЗАМОЙСКОМУ

ВЪ ВАРШАВУ.

(Письмо это въ Русскомъ переводѣ доставлено было для помѣщенія въ *Сибирскомъ Вѣстникѣ*, но не было въ немъ напечатано; мы не думаемъ однако же оскорбить скромности издававшаго этотъ журналъ Г. И. Спасскаго, напечатаніемъ этого письма и сдѣланныхъ имъ, по желанію нашему, на него примѣчаній, въ Москвитянинѣ, а напротивъ надѣемся чрезъ то воздать ему должное, равно какъ и покойному Барону Г. А. Фонъ-Розенкампфу, извѣстному любителямъ археологическихъ изысканій, между прочимъ, по сочиненію его: «Обозрѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ», который пріобрѣтаетъ теперь еще новое право на уваженіе, столь живымъ сочувствіемъ въ письмѣ своемъ къ истиннымъ заслугамъ и полезнымъ трудамъ. Ред.).

Въ доказательство моего къ Вамъ уваженія посылаю Вамъ тетрадь картъ и рисунковъ, изданныхъ здѣсь и принадлежащихъ къ большому стастистическому сочиненію о Сибири. Оно явилось первое послѣ великаго промежутка, для продолженія извѣстій объ этой странѣ, которыми обязаны мы *Миллеру*, *Фишеру*, *Георгію и Герману*. Издатель этого сочиненія, выходящаго періодически, подъ названіемъ *Сибирскаго Вѣстника*, Григорій Ивановичъ Спасскій, почтенный чиновникъ, долго жившій въ Сибири, и который, въ продолженіи того времени, обозрѣлъ ее въ разныхъ направленіяхъ, съ постояннымъ намѣреніемъ лучше узнать эту страну. Не имѣя

Digitized by Google

еще славы упомянутыхъ Академиковъ, онъ не менѣе ихъ основателенъ, и очень вѣренъ въ своихъ описаніяхъ, пишетъ правильно и ясно. Онъ во многихъ отношеніяхъ исправляетъ своихъ предшественниковъ на этомъ поприщѣ, и, что всего болѣе, особенно любитъ свой предметъ. Онъ продолжаетъ его на свой счетъ, чему минуло уже 7 лѣтъ; матеріаловъ у него вдвое или втрое противъ того, сколько издано. Можетъ быть надобно бы составить 50 такихъ книгъ, чтобы совокупить всѣ существенные и самые любопытные предметы, встрѣчающіеся въ этомъ новомъ мірѣ, который можно назвать сѣвернымъ *Перу*, и который теперь, говоря географически, есть продолженіе сѣверной Индіи.

Вы много обяжете ученый свѣтъ, сверхъ удовольствія, которое мнѣ доставите распространеніемъ извѣстности объ этомъ изданіи, которое достойно искуснаго переводчика, умѣющаго воспользоваться предметами, непосредственно занимательными для иностранцевъ; хотя въ немъ нѣтъ ни одной строки, которая не заслуживала бы внимательнаго чтенія во Франціи и во всей Англіи. (*) Вскорѣ вы и сами въ томъ убѣдитесь изъ этого изданія, которое не замедлю къ вамъ доставить, сколько его до-нынѣ вышло. Между тѣмъ разсмотрите посылаемую тетрадь. Вы найдете въ ней между прочимъ изображенія древностей и вступленіе въ исторію Сибири; руны, надписи, до сихъ поръ никѣмъ не разобранныя, кумиры не извѣстные и мѣстнымъ язычникамъ; огромныя гробницы, въ которыхъ найдены разныя вещи, сосуды, оружія и проч., доказывающія роскошь своего времени; орудія древней Чуди, служившія

(*) Нѣкоторые изъ любознательныхъ иностранцевъ предупредили желаніе почтеннаго автора этого письма, или отчасти и сочувствовали ему, напечатаніемъ переводовъ изъ Сибирскаго Вѣстника, именно въ Journal des Savants (Oktobre 1822) о древнихъ Сибирскихъ начертаніяхъ и надписяхъ; въ St. Petersbourg Zeitschriff (1824) Путешествія по Алтайскимъ горамъ; въ Conservateur Impartial (1824) Описанія Бурятовъ; всѣ эти сочиненія принадлежатъ самому издателю. Сверхъ того извлеченныя оттуда же разныя статьи помѣщены: въ Journal des Voyages, въ Дневникѣ Виленскомъ, въ Монитерѣ Варшавскомъ и въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ, выходящихъ въ Англіи.

Digitized by Google

для разработыванія рудниковъ; наконецъ развалины большаго города и многихъ зданій, когда-то обитаемыхъ народами, древнѣйшими Татаръ и Остяковъ, но о которыхъ не осталось никакого преданія, кромѣ лишь ихъ имени.

Все это будетъ занимательно для ученыхъ и путешественниковъ, которые вздумаютъ обозрѣть эти мѣста, подъ руководствомъ сказаннаго изданія. Что касается собственно до меня, то, не бывъ ни антикваріемъ, ни нумизматомъ, ни изслѣдователемъ языковъ, я ищу только положительнаго въ древнемъ и новомъ законодательствѣ для сближенія общежительныхъ отношеній минувшихъ вѣковъ съ настоящимъ, потому что нельзя хорошо узнать однихъ, не углубясь въ другіе. И въ этомъ отношеніи изданіе, продолжаемое Г. Спасскимъ, содержитъ также весьма занимательныя извѣстія, которыя, какъ надѣюсь, въ слѣдующихъ книгахъ еще болѣе будутъ развернуты. Внимательность моя къ Сибирской Исторіи и къ объясненіямъ, которыми даритъ насъ авторъ, возбуждена была теперь чтеніемъ Лѣтописи XVII вѣка, спустя около 50 лѣтъ по завоеваніи этой страны сочиненной Ильею Ремезовымъ (*). Онъ не увлекательный историкъ нашего времени, но его читаешь съ бо́льшимъ удовольствіемъ, нежели все недавно изданное объ этомъ предметѣ, потому что нашъ лѣтописецъ ограничивается только однѣми событіями, и излагаетъ ихъ съ простодушіемъ, принадлежащимъ только убѣжденію въ истинѣ. Повѣствованіе о завоеваніи Сибири есть

(*) Эта Лѣтопись называется еще и Тобольскою. Она составлена сыномъ боярскимъ Семеномъ Емельяновымъ Ремезовымъ и дѣтьми его Леонтіемъ, Семеномъ и Иваномъ, и находится въ С. Петербургской Академіи наукъ; откуда и авторъ письма могъ ею пользоваться, а что вѣроятнѣе, то онъ извлекъ сообщенныя имъ извѣстія изъ Лѣтописи позднѣйшаго времени, Ильи Черепанова, въ которую почти вполнѣ внесена со всѣми излишествами и недостатками Лѣтопись Ремезовыхъ, или даже отчасти Исторій Миллера и Карамзина. Лѣтопись Ремезовыхъ не имѣетъ такого достоинства, какъ Саввы Есипова и названная Карамзинымъ Строгановскою, хотя она принадлежала Г. И. Спасскому и получена имъ отъ него чрезъ А. Н. Оленина. Она наполнена множествомъ пустыхъ выдумокъ и украшена плохими картинками. Все же надобно бы и ее напечатать.

Digitized by Google

вмѣстѣ и жизнеописаніе знаменитаго человѣка, котораго два изображенія вы увидите въ началѣ тетради, сдѣланныя по современнымъ ему рисункамъ: на одномъ представленъ онъ въ одѣяніи военачальника, съ почетными знаками на груди. Въ этомъ одѣяніи принималъ онъ въ завоеванной столицѣ князей и данниковъ, покоренныхъ имъ Россіи. На другомъ изображеніи онъ представленъ въ вооруженіи, въ которомъ являлся на сраженіе.

Ермолай, или, какъ сокращенно называли его Донскіе казаки, Ермакъ, принадлежитъ также къ небольшому числу людей, производящихъ великія дѣла съ малыми средствами, и при томъ такими, которыя онъ самъ создалъ, и которымъ умѣлъ дать цѣну хорошо направленнымъ своимъ умомъ, и тою непреложною силою воли твердой и постоянной, отличающей людей необыкновенныхъ во всѣхъ вѣкахъ.

Взгляните на карту N 1, представляющую обширность страны, покоренной Ермакомъ съ 5 или 6 тысячами козаковъ. Весьма ошибся бы тотъ, кто, слѣдуя нѣкоторымъ писателямъ, не знавши хорошо источниковъ, увидѣлъ бы въ Ермакѣ только смѣлаго мятежника, который, предводительствуя шайкою отважныхъ разбойниковъ, получилъ случайно землю почти пустую и худо защищаемую невѣждами Татарами. Подлинно то, что онъ и его Донскіе товарищи, стѣсняемые въ своихъ древнихъ правáхъ и образѣ управленія, воеводами, можетъ быть превосходившими еще ихъ грабительствомъ, удалились во внутренность государства, и по рубежу отъ станицы до станицы достигли Пермской области, смежной съ Сибирью (*). Тамъ жилъ Максимъ Строгановъ, внукъ Аники (съ Семеномъ и Никитою Строгановыми же). Онъ увидѣлъ въ Ермакѣ человѣка, способнаго взяться за исполненіе обширнаго плана,

(*) Такая мысль, не оправдываемая ни Лѣтописями, ни преданіями, принята, можетъ быть, авторомъ письма для того, чтобы болѣе облагородить имя Ермака, сокрытіемъ старыхъ его грѣховъ на Волгѣ, въ чемъ онъ впрочемъ ни сколько не нуждался послѣ славныхъ дѣлъ, совершенныхъ имъ въ Сибири и обезсмертившихъ его имя.

Digitized by Google

начертаннаго имъ самимъ. Строгановъ помогъ ему своими свѣдѣніями и средствами, имѣя всегда въ виду пользу Россіи и своего Государя, предвареннаго уже объ этомъ походѣ. Не должно также думать, что Татары и князья ихъ были гораздо менѣе образованы, чѣмъ Русскіе того времени. Напротивъ того, страна была не менѣе населена нынѣшняго. Жители находились подъ властію хана (Кучума), имѣя свои обычаи и законы. Они имѣли также общины (communès) съ правомъ участія въ правленіи; вели торговыя связи съ Востокомъ, откуда получали предметы роскоши въ замѣнъ своего скота, рыбы, особливо зрѣриныхъ мѣховъ, которыя продавались дорого. У нихъ было и огнестрѣльное оружіе, даже пушки, и укрѣпленныя мѣста, сверхъ личной ихъ храбрости. Словомъ, у нихъ не было недостатка въ средствахъ, ни въ желаніи защищаться отъ непріятныхъ сосѣдей, которыхъ они часто отражали. Они, вѣрно, отразили бы войско въ 10 кратъ больше того, какое было у Ермака, если бы не этотъ витязь былъ начальникомъ его. Они покорились лишь его высокому духу. Между тѣмъ онъ въ 6 сраженіяхъ разбилъ хана, имѣвшаго время приготовиться. Ермакъ всегда гнался за нимъ по слѣдамъ, всегда одерживая надъ нимъ побѣду, и не давая ему отдыха, пока не отнялъ у него столицы и всѣхъ укрѣпленій. И такъ онъ умѣлъ не только истребить войско своего непріятеля, но, что составляло гораздо бо́льшую трудность, умѣлъ укрощать собственное войско и подчинилъ своихъ казаковъ строгому порядку. Никто изъ нихъ не смѣлъ пуститься на грабежъ, подъ опасеніемъ смертной казни; и онъ никогда не дозволялъ грабить тамъ, гдѣ не было сопротивленія. Не читавъ Виргилія, онъ зналъ правило Римскаго поэта parcere subjectis et divellere superbos (щадить покорившихся и низлагать гордыхъ), что̀ въ положеніи Ермака гораздо труднѣе было ему сдѣлать, нежели Виргилію свой прекрасный стихъ. Князь и его дворяне, начальствуя надъ своимъ народомъ, долженствовали содержать отъ себя войско этого завоевателя, которое отъ безпрерывныхъ сраженій ежедневно уменьшалось, но котораго храбрость и слава умножались въ тойже степени.

Digitized by Google

Какъ скоро какое-либо сословіе или кто порознь присягнули Царю, въ такомъ случаѣ они лично и съ имѣніемъ своимъ, пользовались полною безопасностію. Онъ сдѣлалъ еще болѣе — умѣлъ владѣть самимъ собою. Когда ему привели красавицу, дочь одного изъ покоренныхъ князей Елизея, какъ говоритъ Лѣтопись, то онъ, не зная по-латыни, поступилъ какъ Римскій полководецъ Сципіонъ, отослалъ ее къ отцу ея, не прикоснувшись къ ней. Ни одинъ изъ казаковъ его не смѣлъ, подъ смертною казнію, брать татарскихъ женъ, ни входить внутрь ихъ жилищъ, а если кто уличенъ былъ въ сообщеніи съ татаркою, даже безъ всякаго насилія, то долженъ былъ очищаться покаяніемъ предъ всѣмъ войскомъ, по всей строгости установленныхъ на то правилъ. Онъ требовалъ наблюденія какъ великаго и малаго поста, такъ и другихъ церковныхъ правилъ на всякомъ мѣстѣ, и священникамъ, сопутствовавшимъ съ ними, оказываемо было величайшее уваженіе. Наконецъ, онъ предоставлялъ всякому народу, Татарамъ, Остякамъ, Вогуличамъ и пр., исполнять свои законы вѣры и обычаи. Такимъ образомъ, внушая въ одной степени довѣріе и страхъ къ себѣ, Ермакъ уже не встрѣчалъ болѣе препятствій. Онъ оградился, какъ говоритъ лѣтописецъ, выгоднымъ о себѣ мнѣніемъ, сильнѣйшимъ его войска; и такое его поведеніе, соблюдаемое впродолженіи 6 лѣтъ, доказываетъ, что онъ былъ не то, что счастливый разбойникъ, или старшина Афгановъ, который проситъ у васъ учтиво вашего черепа, чтобы привязать его къ барабану. Онъ заключалъ въ себѣ свойства истиннаго законодателя, и при другихъ обстоятельствахъ содѣлался бы имъ: ex ungue leonem. Донесеніе его, посланное Царю по покореніи всѣхъ этихъ земель, съ прошеніемъ прислать кого-либо для принятія ихъ во владѣніе и управленіе, писанное имъ своеручно, исполнено достоинства. Рѣчь, говоренная имъ, когда товарищи его, видя войско, истощенное побѣдами до 600 человѣкъ, хотѣли возвратиться въ Россію или приблизиться къ подмогѣ, которой они ожидали, столь же сильна, какъ рѣчь Аннибалова въ Титѣ

Digitized by Google

Ливіи (*). Ермакъ умѣлъ пользоваться своими выгодами лучше этого славнаго вождя. Занявъ Сибирскую столицу, навсегда истребилъ владычество хана, покореннаго Россіи, простиравшееся, какъ вы видете на картѣ N 1, на 1000 верстъ въ длину и 700 верстъ въ ширину, слѣдуя по теченію рѣкъ Оби, Иртыша, Туры и пр. Счастіе осыпало его своими дарами, пока не окончились его подвиги, чрезъ достиженіе своей цѣли. 1584 г. 6 Августа (завоеваніе началось весною 1578 г.), онъ выступивъ на встрѣчу каравану, ожиданному изъ Бухаріи; остановился почти съ 300 казаковъ для ночлега при устьѣ Вагая, впадающаго въ Иртышъ, сомнѣваясь, чтобы ханъ, который не смѣлъ напасть на него въ чистомъ полѣ съ нѣсколькими тысячами Татаръ, отважился на то здѣсь съ другой стороны двухъ рѣкъ, и тѣмъ болѣе, чтобъ было мѣсто, гдѣ онъ могъ перейти въ бродъ столь широкую рѣку, какъ Иртышъ. Но ханъ воспользовался темнотою ночи, и

(*) Донесеніе, или лучше сказать, повинная, Царю Ивану Васильевичу отъ Ермака, вѣроятно, издѣлія Ремезовыхъ,—потому что ни чѣмъ не доказывается, чтобы Ермакъ былъ даже граматный человѣкъ, — вовсе не имѣетъ никакого достоинства; но рѣчи, говоренныя имъ или его товарищами, и тоже, безъ сомнѣнія, сложенныя самими лѣтописцами, довольно замѣчательны, какъ, напримѣръ, та, которая произнесена при упомянутомъ нашимъ авторомъ случаѣ: «О братія наша единомысленная, камо намъ бѣжати? уже осени достигшу и въ рѣкахъ ледъ смерзается, не дадимся бѣгству, и тоя худыя славы себѣ не получимъ, ни укоризны на себѣ не положимъ, но возложимъ упованіе на Бога; не отъ многихъ бо вои побѣда бываетъ, но свыше отъ Бога помощь дается; можетъ бо и безпомощнымъ Богъ помощи. Слышали есмы, братія, сами, колико зла сотворихъ безбожніи они и окаяннія Агаряне Сибирскія земли, Салтанъ Кучумъ, нашей Русской Пермьстей земли, Государевымъ городомъ запустѣніе, и православнымъ Христіаномъ посѣченіе и плѣненіе веліе, и Строгановыхъ острожкомъ колико зла учинища? Того ради всемогій Богъ мститъ имъ окоянным за кровь ихъ хрестьянскую. Воспомянемъ, братіе, обѣщаніе свое, како мы честнымъ людемъ, предъ Богомъ, обѣты и слово свое дали, и увѣрившеся крестнымъ цѣлованіемъ, елико Всемогій Богъ намъ помощи подастъ; а отнюдь не побѣжати, хотя до единаго всѣмъ умрети; а вспять возвратитися не можемъ, срама ради и преступленія ради слова своего, еже съ клятвою обѣщахомся. Аще намъ Всемогій въ Троицы славимый Богъ поможетъ, то и по смерти нашей память наша не оскудѣетъ въ тѣхъ странахъ, и слава наша вѣчна будетъ.»

Digitized by Google

стражи Ермака, при нечаянномъ на нее нападеніи вся была перерѣзана. Вскорѣ Татары окружили со всѣхъ сторонъ эту горсть сонныхъ людей, и пробились до самой ставки Ермака. Шумъ разбудилъ его. Онъ схватываетъ свое оружіе и пробивается сквозь непріятеля, поражая его. Ни одна изъ стрѣлъ, осыпавшихъ его, не ранила его. Онъ достигаетъ другаго берега рѣки, гдѣ ждали его суда. Тамъ онъ бросился на ближайшее, но, оступившись мимо доски, падаетъ въ рѣку. Обремененный двумя кольчугами, не могъ онъ выплыть и исчезъ въ водѣ. Остальные казаки перебиты. Одинъ лишъ только остался, чтобы принести въ Сибирь вѣсть объ этомъ несчастіи. Татары не знали, что̀ послѣдовало съ Ермакомъ, и уже на другой день рыбаки въ нѣкоторомъ разстояніи отъ того мѣста, закинувши сѣти, вытянули утопшаго, въ которомъ тотчасъ узнали Ермака. Объявлено было въ сосѣдствѣ. Самъ ханъ прибылъ туда. Сначала всѣ обрадовались при видѣ мертваго тѣла непобѣдимаго человѣка, котораго уже считали властителемъ во всей странѣ, и положа тѣло на возвышенномъ мѣстѣ, бросали въ него стрѣлы въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль. Отсюда передаю я вамъ почти слово въ слово лѣтописца. По удовлетвореніи первыхъ чувствованій мести, вдругъ всѣ Татары, какъ бы по вдохновенію, предались живѣйшему раскаянію. Они повергаются предъ тѣломъ Ермака на землю, и онъ имъ кажется не врагомъ, но чѣмъ-то выше человѣка, котораго они оплакиваютъ кончину; родилось сожалѣніе, что не избрали своимъ властителемъ того, который во время своей жизни явилъ имъ столько же доказательствъ своей правоты, сколько силы и храбрости. Его предаютъ погребенію съ величайшими почестями, заколаютъ въ жертву на его могилѣ 30 быковъ и 10 барановъ; раздѣляютъ между собою его оружіе и одѣяніе, спорятъ между собою о раздѣлѣ столь драгоцѣнныхъ остатковъ послѣ Ермака. Всякую субботу, будто бы видно было пламя, выходившее изъ земли того мѣста, гдѣ лежала голова Ермака; а въ родительскія субботы, когда совершается по обрядамъ Греческой церкви поминовеніе усопшихъ, то же самое пламя являлось въ видѣ столба.

Digitized by Google

Лѣтописецъ, жившій, какъ выше сказано, спустя 50 или 60 лѣтъ послѣ этихъ событій, простодушно увѣряетъ, что явленія эти и тогда еще продолжались, но только все это видѣли одни Татары, а не Русскіе, которые даже не знаютъ, гдѣ погребенъ этотъ храбрый витязь. Онъ же увѣряетъ, что Калмыцкой тайша Аблай исцѣлился отъ тяжкой болѣзни, напившись воды смѣшанной съ землею, взятою съ могилы Ермака; о чемъ, какъ и о другихъ случившихся съ нимъ происшествіяхъ засвидѣтельствовалъ приложеніемъ своей печати.

Вы видите, что добрые Татары, при всемъ простодушіи своемъ, чувствовали заслуги этого мужа, которыхъ долго не помнило собственное его отечество. И никакой памятникъ не свидѣтельствуетъ еще народной признательности за столь знаменитыя оказанныя имъ услуги, которыхъ слѣдствія, важныя для Россіи, раскрываться будутъ отъ вѣкъ въ вѣкъ (*). Но у побѣжденныхъ имъ народовъ, которыхъ онъ лишилъ независимости, сохранилось о немъ доброе мнѣніе, и онъ сдѣлался предметомъ народныхъ пѣсней и преданій. *Цицеронъ* сказалъ правду: Vita hominum in memoria populorum — жизнь людей въ памяти народовъ, и нашъ Державинъ: заслуги въ гробѣ созрѣваютъ.... великіе мужи возрастаютъ по смерти. Существенное дѣло въ томъ, чтобы совершить подвигъ, о которомъ люди должны вспомнать. Привѣтствуйте, пожалуйте, этого великаго мужа XIV вѣка, котораго мы еще такъ мало знаемъ.

Съ франц. В. Анастасевичъ.

(*) Памятникъ Ермаку поставленъ 18 Октября 1838 года въ Тобольскѣ. Въ Временникѣ (1849, кн. 3.) помѣщено описаніе его и приложенъ точный чертежъ.

2 Октября 1824 г.

Digitized by Google

Указъ о городской ѣздѣ.

Указъ о запираніи въ Бѣлой городъ воротъ въ ночныхъ часѣхъ, и въ саняхъ на возжахъ возницамъ не ѣздить, 191-го года. Стольники, и Полковники, и Стряпчіе, и Дворяня Московскіе, и Жильцы, и всякихъ чиновъ люди! Великіе Государи, Цари и Великіе Князи: Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всея Великія, и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцы, велѣли вамъ сказать:

Нынѣшняго $\frac{\text{рча}}{191}$-го года Генваря съ $\frac{\text{г}}{3}$-го числа, указали они, Великіе Государи, Бѣлой городъ съ вечера запирать въ началѣ $\frac{\text{а}}{4}$ часа ночи, и съ того часу въ Бѣлой городъ никого конныхъ и пѣшихъ не пропускать, а изъ города всякихъ чиновъ людей, кто куда ѣхать или иттить похочетъ, пропускать безъ задержанья; а съ утра городъ отпирать за часа до свѣта. Да вамъ же указали Великіе Государи сказать: вѣдомо имъ, Великимъ Государямъ, учинилось, что изъ васъ многіе учали ѣздить въ саняхъ на возжахъ съ бичами большими, чего никогда не повелось, и ѣдучи по улицамъ и по переулкамъ небреженіемъ людей побиваютъ; и впредь бы вамъ съ сего времени въ саняхъ на возжахъ не ѣздить, а ѣздить съ возницами по прежнему обычаю, чтобъ отъ того никакимъ людямъ увѣчья не было.

А буде кто изъ васъ впредь учнетъ такъ ѣздить, и тѣхъ людей указали Великіе Государи на караулахъ въ воротахъ имать, и приводить въ Стрѣлецкой Приказъ, и за то людемъ вашимъ чинить жестокое наказанье. И вамъ бы о томъ Великихъ Государей указъ вѣдать, и въ саняхъ ѣздить съ возницами, а не на возжахъ!

Да Великіежъ Государи указали васъ, Стольниковъ, и Стряпчихъ, и Дворянъ Московскихъ, и жильцовъ, которые по ихъ, Великихъ Государей, указу днюютъ въ верху, въ палатахъ по вся дни смотрить по часту; Стольникомъ же, которымъ въ дневанье приказано, чтобъ вы всякой въ свое дневанье были на ихъ Государевѣ дворѣ въ указныхъ палатахъ всѣ, и надъ вами смотрить, чтобъ вы въ указныхъ палатахъ всякой въ свое дневанье сидѣли смирно, и межъ себя безчинства и шуму никакова и брани не чинили; а буде учнетъ кто какое безчинство чинить и шумѣть, или межъ себя браниться, и такихъ людей велѣно имъ присылать въ Розрядъ. И вамъ бы впредь однолично въ указныхъ палатахъ быть всѣмъ, а безчинства никакова ни чинить, и шуму бъ и брани межъ себя у васъ отнюдь не было.

$\frac{\text{рча}}{191}$-го Генваря въ $\frac{\text{а}}{4}$ день сей Великихъ Государей указъ записанъ въ книгу; а тѣмъ всѣмъ чинамъ сказано за переградою сегожъ числа, и посланы о томъ для вѣдома памяти въ Стрѣлецкой, Земской, въ Ямской Приказы, и чтобъ Черные слободы конные охотники и всякихъ чиновъ люди, которые извозничаютъ, на возжахъ не ѣздить.

(Доставлено П. И. Ивановымъ.)

Digitized by Google

Измѣняется ли климатъ съ теченіемъ времени?

Вопросъ, поставленный мною въ заглавіи этой статьи, раздѣляетъ ученыхъ изслѣдователей природы на двѣ партіи: одни отвѣчаютъ на него прямо и утвердительно, другіе отрицательно, или, по крайней мѣрѣ, уклоняются отъ прямаго отвѣта. Первая партія гораздо сильнѣе послѣдней, потому что къ ней, кромѣ спеціальныхъ естествоиспытателей, присоединяется почти вся остальная часть *разсуждающаго человѣчества*, которая, при этомъ, гораздо болѣе довѣряетъ собственной опытности, — собственнымъ *поверхностнымъ* наблюденіямъ, — (да не оскорбятся этимъ эпитетомъ тѣ изъ читателей, которые не причисляютъ себя къ спеціальнымъ естествоиспытателямъ), — чѣмъ строгимъ выводамъ Метеорологовъ и Климатологовъ. — Причина, по которой спеціально-ученые не сходятся въ своихъ убѣжденіяхъ, заключается въ томъ, что правильныя метеорологическія наблюденія, на которыхъ можно бы было основать окончательное рѣшеніе выставленнаго мною вопроса, ведутъ свое начало съ недавняго времени. Причина же огромнаго большинства одной изъ этихъ партій, можетъ статься, объяснится для многихъ послѣдующими строками этой статьи. Что касается моего собственнаго убѣжденія, — если оно для кого-нибудь интересно, — то я высказалъ его въ одномъ изъ положеній, которыя въ 1848 году защищалъ публично въ здѣшнемъ Университетѣ; передаю его здѣсь слово въ слово: «Измѣненія земной поверхности, происходящія отъ истребленія «лѣсовъ, осушенія болотъ и пр. вообще отъ обработыванія почвы, «не производятъ столь замѣтной перемѣны въ климатѣ мѣстъ, которую «имъ обыкновенно приписываютъ. Разсказы древнихъ о суровости «климата Германіи слишкомъ преувеличены». — Изъ этихъ словъ читатели видятъ, что я не принадлежу къ большинству, но, выражая свое мнѣніе въ отрицательной формѣ, не могу быть причисленъ и къ крайней лѣвой сторонѣ. Заключеніе, выведенное посредствомъ *наведенія* (inductio), отъ частныхъ примѣровъ къ общему правилу, по моему

Digitized by Google

мнѣнію, и не должно быть выражаемо въ такой же формѣ, въ которую облекаются абсолютно-вѣрныя истины, исключая тѣхъ случаевъ, когда примѣры, служащіе основаніемъ къ заключенію, попадаются ежеминутно, на каждомъ шагу. Въ защиту своего положенія я указывалъ на такія явленія, которыя несомнѣнно замѣчены были древними и переданы потомству историками въ опредѣленныхъ и точныхъ выраженіяхъ, ссылался на явленія, ежедневно повторяющіяся и по этому не подлежащія никакому сомнѣнію, — на крутыя и быстрыя перемѣны погоды, случавшіяся и на нашей памяти, — въ слѣдствіе которыхъ одинъ и тотъ же мѣсяцъ, въ одномъ году бываетъ у насъ очень холоденъ, а въ другомъ необыкновенно тепелъ. Въ опроверженіе возраженій, основанныхъ преимущественно на сказаніяхъ древнихъ писателей о суровости климата тѣхъ странъ, которыя, по нашему мнѣнію, считаются теперь довольно благорастворенными, подвергалъ строгому критическому разбору *неопредѣленность* такихъ сказаній, приводилъ нѣкоторыя мѣста изъ другихъ, почти столько же древнихъ писателей, противорѣчащія этимъ сказаніямъ, и болѣе всего обращалъ вниманіе на шаткость и невѣрность сужденій о климатѣ различныхъ мѣстъ, составляемыхъ и въ наше время путешественниками, посѣщавшими описываемыя ими мѣста на весьма короткое время (*).

(*) Такъ напр. я припоминаю теперь, что, въ запискахъ одного французскаго путешественника, напечатанныхъ въ концѣ прошедшаго или въ началѣ текущаго столѣтія (не помню, подъ какимъ именно заглавіемъ), я читалъ слѣдующіе разсказы *очевидца* въ подтвержденіе сообщаемаго имъ своимъ соотечественникамъ понятія о суровости Петербургской зимы и о грубости русскихъ нравовъ: 1) «Однажды, идя по Невскому проспекту, — пишетъ «Французъ, — я увидѣлъ, что шедшій мнѣ на встрѣчу офицеръ остановился «передъ часовымъ, который не отдалъ ему подобающей чести; часовой «стоялъ неподвижно и не отвѣчалъ ни слова на строгія замѣчанія офицера; «выведенный такимъ упорствомъ изъ терпѣнія, офицеръ толкнулъ часоваго, и «тотъ повалился, какъ плаха, при чемъ голова его разскочилась на нѣсколько «частей какъ глыба льда.» Часовой, какъ видите, превратился въ ледъ отъ сильной стужи. 2) «Въ праздникъ крещенія совершается здѣсь крестный «ходъ на рѣку (Іордань)», продолжаетъ французъ; — «не смотря на силь- «ный холодъ, въ это время приносятъ новорожденныхъ для крещенія. «Священникъ беретъ, по порядку, младенцевъ изъ рукъ ихъ матерей и «погружаетъ въ прорубь, при чемъ не рѣдко случается, что онъ «роняетъ дѣтей въ воду; не обращая никакого вниманія на слезы матерей, «онъ преспокойно, въ такомъ случаѣ, обращается къ слѣдующимъ съ

Digitized by Google

Теперь мнѣ пріятно подѣлиться съ читателями Москвитянина разборомъ выставленнаго мною вопроса, сдѣланнымъ г. *Мартенсомъ* въ примѣненіи ко Франціи, — къ той именно странѣ, на которую чаще всего указываютъ послѣдователи мнѣнія объ измѣняемости климата. Этотъ разборъ помѣщенъ въ Annuaire météorologique de la France pour 1850. Привожу его здѣсь во всей подробности.

Измѣняется ли климатъ Франціи?

Вопросъ, предложенный въ такой формѣ, слишкомъ неопредѣленъ. Прежде всего мы должны отдѣлить вѣковыя перемѣны отъ такихъ, которыя могутъ и могли совершиться въ теченіи одной человѣческой жизни, напр. въ теченіи 80 лѣтъ. Спросите объ этомъ у любаго старика, — всякій будетъ отвѣчать одно и тоже: Во время его дѣтства зимы были гораздо короче, лѣтомъ жаръ сильнѣе и весна наступала гораздо раньше. — Но точныя и неумолимыя цифры разрушаютъ очарованіе, возбуждаемое подобными отвѣтами. Во многихъ городахъ, напр. въ Парижѣ, Берлинѣ, Миланѣ, Женевѣ, имѣется непрерывный рядъ наблюденій, обнимающихъ собою послѣднее столѣтіе. Справьтесь съ этими наблюденіями, и вы удостовѣритесь, что ничто не измѣнилось: ни *средняя* температура года, ни температура зимы, весны, лѣта и осени. Эти лѣтописи положительной Метеорологіи представляютъ намъ неправильную послѣдовательность годовъ, то теплыхъ, то холодныхъ или умѣренныхъ, — то дождливыхъ, то страшно сухихъ; въ нихъ мы находимъ и долгія зимы, и короткія, — и раннія весны, и поздніе. Ничто не измѣнилось, кромѣ этого старика, котораго память съ годами ослабѣла. Онъ былъ молодъ въ то время, когда зима казалась ему не такъ холодною и когда весна наступала для него раньше теперешняго. Жаръ его крови восполнялъ недостатокъ теплоты атмосферной; живость его воображенія украшала первые майскіе дни и заставляла улыбаться унылую природу, окованную еще въ это время холодомъ; однимъ словомъ, солнце его собственной молодости освѣщало и согрѣвало вокругъ него всю природу, украшая ее всѣми прелестями, которыя сообщаются

« словами: *nitchewo, dawaï drougoï*». Такого рода разсказы, конечно, уже сами въ себѣ заключаютъ очевидную *нелѣпость;* но сколько въ такой же степени *нелѣпыхъ* извѣстій случается намъ читать въ запискахъ иностранныхъ путешественниковъ, съ тѣмъ только различіемъ, что такимъ извѣстіямъ искусно придается какая-то правдоподобность.

Digitized by Google

внѣшнимъ предметамъ, при полнотѣ внутренняго счастія. Итакъ это общее убѣжденіе, передаваемое отъ одного поколѣнія другому, имѣетъ основаніемъ своимъ физіологическую или субъективную причину, которою съ одной стороны объясняется ложность его, а съ другой оправдывается то легковѣріе, въ слѣдствіе котораго это ложное убѣжденіе дѣлается общимъ достояніемъ. — Впрочемъ не свѣжо ли еще и у насъ воспоминаніе о зимахъ 1846, 1847 и 1848, которыя были такъ теплы (*), что, судя по нимъ, скорѣе можно составить понятіе объ улучшеніи нашего климата, чѣмъ объ измѣненіи его въ другую сторону.

Итакъ, если должно считать за доказанную истину, что климатъ Франціи не измѣнился въ теченіи послѣднихъ ста лѣтъ, то можно еще предложить себѣ вопросъ, не измѣнился ли онъ въ теченіи историческаго періода, для котораго положительные документы начинаются со временъ Римскаго владычества. — Этотъ вопросъ рѣшаемъ былъ и утвердительно и отрицательно: на первой сторонѣ находится *Араго*, подкрѣпляющій свое мнѣніе огромнымъ ученымъ авторитетомъ (см. Annuaire du bureau des longitudes pour 1833) и *Фюстеръ*, основывающій свои выводы на обширныхъ историческихъ изслѣдованіяхъ, (см. Sur les changements dans le climat de la France). Противное мнѣніе (отрицающее измѣненіе климата) защищали и защищаютъ: *Скавъ* (Schouw), — отецъ европейской географіи растеній; *Гаспаринъ*, ученѣйшій изъ нашихъ агрономовъ; *Дюро-де-ля-Малль*, одинъ изъ ветерановъ французскаго образованія, и *Альфонсъ-де-Кандоль*, одинъ изъ знаменитѣйшихъ нашихъ ботаниковъ. Я не могу входить здѣсь въ подробный разборъ всѣхъ доводовъ, приводимыхъ въ пользу каждаго изъ двухъ противоположныхъ мнѣній. Ограничусь короткимъ указаніемъ ихъ; пусть читатель обсудитъ потомъ самъ.

Три рода доказательствъ обыкновенно приводятъ въ пользу мнѣнія, что климатъ Франціи, будучи весьма суровымъ во времена римскаго владычества, улучшился около VIII столѣтія, а потомъ, отъ среднихъ вѣковъ до нашего времени, опять сдѣлался хуже. Во-первыхъ: ссылаются на свидѣтельства современныхъ историковъ, преимущественно на разсказы Юлія Цезаря и Діодора Сицилійскаго. Дѣйствительно эти

(*) Эти зимы и у насъ въ Москвѣ были *умѣренны*, исключая Января 1848 (нов. ст.), въ теченіе котораго стояли жестокіе морозы. М. С.

Digitized by Google

писатели не находятъ достаточно-сильныхъ словъ для выраженія суровости зимы въ Галліи. Но ихъ метафоры совершенно сходны съ тѣми, которыя употребляемъ и мы сами, когда, недовольные непостоянною погодою, вооружаемся противъ климата собственной нашей родины. Впрочемъ нечего и удивляться, что Итальянцы жалуются на холодъ въ центрѣ или даже на сѣверѣ Франціи. Такого рода сужденія имѣютъ всегда относительное значеніе. Всякой выхваляетъ или порицаетъ свой климатъ, сравнивая его съ климатомъ сосѣдственныхъ мѣстъ. Норвежскіе купцы, основавшіеся въ Лапландіи, восхваляютъ южную часть своего отечества такими же пышными выраженіями, какія употребляемъ мы, восхищаясь прекраснымъ небомъ Италіи. Они проклинаютъ трехъмѣсячную ночь и безконечную зиму, на которыя впрочемъ произвольно себя осудили, — тогда какъ природные Лапландцы хвастаются у себя мягкостію (или умѣренностію) зимняго холода передъ Русскими, которые пріѣзжаютъ къ нимъ изъ Архангельска для закупки теплыхъ мѣховъ. — Съ другой стороны Сициліецъ не можетъ произнести, безъ содроганія отъ внутренняго холода, слово: *maestro*, которымъ называется сѣверо-восточный вѣтеръ, дующій иногда зимою въ Неаполѣ. — Такого рода свидѣтельства не имѣютъ никакой силы, они состоятъ въ словахъ безъ всякаго опредѣленнаго смысла, безъ всякаго внутренняго значенія (*). Перейдемъ къ доказательствамъ болѣе основательнымъ. Они заимствованы отъ измѣненія предѣловъ, между которыми воздѣлывались и воздѣлываются опредѣленныя растенія.

(*) Точно также разсматриваетъ эти свидѣтельства и знаменитый *Біотъ*. «Путешествуя съ конца въ конецъ по Европѣ, можно доставить себѣ «весьма большое удовольствіе, если прислушиваться къ тому, какимъ «образомъ жители каждой страны отзываются о своихъ сѣверныхъ сосѣдяхъ, понося ихъ климатъ. Въ Италіи бранятъ климатъ Французскій, «находя его и жесткимъ и суровымъ. Здѣсь (во Франціи) мы считаемъ «себя весьма счастливыми, но Англія намъ кажется жилищемъ вѣчныхъ «туановъ. Въ Лондонѣ ни сколько не жалуются на свой климатъ, но, «говоря о Шотландіи, называютъ ее сторовою, лишенною солнечнаго свѣта. «Шотландцы находятъ такой отзывъ весьма смѣшнымъ, но сами жалѣютъ «о бѣдныхъ островитянахъ (т. е. о жителяхъ шотландскихъ острововъ). «А тѣ, въ свою очередь, утверждаютъ, что у нихъ не такъ холодно, какъ «въ самой Шотландіи, а что жители Исландіи и Фаррейскихъ острововъ, «въ этомъ отношеніи, дѣйствительно несчастны. — Я увѣренъ, что даже и «Исландцы умѣютъ чѣмъ-нибудь похвастаться передъ Шпицбергеномъ». (См. Recueil d'observations géodesiques, astronomiques et physiques. Paris, 1821. 4. p. 540). М С.

Digitized by Google

Въ древнихъ лѣтописяхъ упоминается о виноградникахъ Пикардіи, Нормандіи, Бретани и даже Англіи; въ нихъ означается даже, подъ какимъ годомъ, время собиранія винограда и приводится мѣста изъ современныхъ писателей, которые выхваляли различнымъ образомъ вина: Нантское, Парижское, Вернонское и Ланское. — Всѣ эти факты исторически вѣрны, но изъ нихъ выводятъ ложныя заключенія. — Въ то время, — когда сообщенія между различными мѣстами были не такъ часты, по причинѣ трудностей и даже опасностей въ дорогѣ, когда поземельная собственность была не такъ раздроблена, когда цѣнность земель была (сравнительно) не такъ велика, — бароны или монастыри, обладая обширными помѣстьями, отдѣляли небольшую часть ихъ для виноградниковъ, даже и въ такихъ мѣстахъ, въ которыхъ лѣтняя теплота (обыкновенно) была недостаточна для созрѣванія винограда. — Количество собираемаго винограда было очень бѣдно, и онъ никогда почти не дозрѣвалъ; — но чрезъ годовъ пять или шесть каждые, случалось довольно жаркое лѣто, послѣ котораго можно было приготовить *посредственное* виноградное вино въ замѣну обыкновенныхъ напитковъ, приготовляемыхъ изъ ягодъ и другихъ плодовъ. — И теперь еще мы встрѣчаемъ виноградники, совершенно неожиданно, въ такихъ мѣстахъ, въ которыхъ, по удобству сбыта, они доставляютъ владѣльцу значительную выгоду. Такіе виноградники существуютъ въ окрестностяхъ Парижа, Берлина, Дрездена, Мемеля и даже въ Даніи. Ужели же изъ этого слѣдуетъ заключить, что климатъ въ этихъ мѣстахъ гораздо благорастворенѣе, чѣмъ въ мѣстахъ сопредѣльныхъ съ ними, въ которыхъ однакожъ винодѣліе вовсе неизвѣстно? — Ни сколько. — Это объясняется тѣмъ, что рабочій классъ большихъ городовъ потребляетъ и *отвратительное* вино, которое ближайшіе производители могутъ доставлять туда за дешевую цѣну, потому что доставка для нихъ почти ничего не стоитъ.

Все, что сказано нами о воздѣлываніи винограда, можно повторить и относительно оливковыхъ деревьевъ. Прежде воздѣлываніемъ ихъ въ Провансѣ занимались несравненно въ бо́льшемъ объемѣ, чѣмъ въ настоящее время: эти деревья встрѣчались почти на каждомъ шагу вдоль Роны до самаго *Монтелимара*; — теперь же путешественникъ видитъ ихъ въ первый разъ уже проѣхавши *Понъ-сентъ-Еспри*. Причина такой перемѣны понятна. Жители этихъ мѣстъ, не видя для себя большой выгоды заниматься долѣе этою отраслію промышленности, потому что деревья чрезъ каждые 10 или 12 лѣтъ вымерзаютъ, и еще чаще подвергаются опустошенію вредныхъ насѣкомыхъ, замѣнили ее болѣе

Digitized by Google

прибыльною частію, именно разведеніемъ шелковицы и землепашествомъ. — Впрочемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и сѣвернѣе *Понъ-сентъ-Есприи* существуютъ еще оливковые сады, свидѣтельствуя тѣмъ, что климатъ этихъ мѣстъ не измѣнился; таковые сады находятся въ *Санъ-Жюльенъ-де-Пейрола*, *Понъ-Даркъ*, *Бошатель*, — въ 16 километрахъ (15 верстахъ) къ югу отъ *Валанса*. — Подобная же перемѣна произошла и относительно разведенія апельсинныхъ деревьевъ. Въ средніе вѣка они были повсемѣстно разводимы въ Провансѣ и въ Руссильонѣ; но мало по малу конкурренція Мальты, Испаніи и Сициліи отодвинула эти разсадники къ *Ниццѣ* и къ долинѣ Генуезской. Но съ тѣхъ поръ, какъ пароходы привозятъ необыкновенно скоро испанскіе и мальтійскіе апельсины къ сѣвернымъ берегамъ Европы, Лигурія потеряла всѣ прежнія выгоды своего положенія передъ означенными странами, т. е. ближайшее разстояніе и въ слѣдствіе того меньшую убыль товара при перевозкѣ его. Такимъ образомъ эта отрасль промышленности и тамъ теперь въ совершенномъ упадкѣ. Уже въ 1843 году цѣна апельсинъ была такъ не значительна, что, по этой причинѣ, оставляли ихъ на деревьяхъ, потому что выручка за нихъ не вознаграждала поденную плату за собираніе. — Владѣтели апельсинныхъ разсадниковъ начали уже заниматься приготовленіемъ воды изъ цвѣтовъ этихъ деревьевъ (l'eau de fleur d'oranger), съ твердою рѣшимостью, въ случаѣ неудачи этого производства, уничтожить до послѣдняго корня драгоцѣнныя деревья и на мѣсто ихъ насадить маслины. — Если такой переворотъ дѣйствительно совершится, то, лѣтъ черезъ сто, найдется, можетъ быть Метеорологъ, который станетъ приписывать уничтоженіе апельсинныхъ деревьевъ, въ Генуезской долинѣ, измѣненію ея климата.

Послѣднее доказательство, приводимое въ защиту мнѣнія объ измѣненіи климата Франціи, заимствуется отъ качества различныхъ винъ въ различное время. Въ этомъ отношеніи ссылаются постоянно на сказку (Fabliau) подъ заглавіемъ: « Bataille des vins » *Генриха Андели*, повѣствователя XIII столѣтія. Въ этой сказкѣ описывается, какимъ образомъ король французскій *Филиппъ Прекрасный* производитъ судъ надъ винами. «У него совѣтникомъ его капелланъ, родомъ «Англичанинъ, — человѣкъ полу-сумасшедшій, — который, надѣвши на себя «всѣ свои регаліи, подвергаетъ вина предварительному испытанію. Прежде «всего представляются вина изъ *Бовэ*, *Этампа*, *Шалона*; но, едва онъ «ихъ увидѣлъ, какъ, предавая тотчасъ же проклятію, выгналъ по«зорнымъ образомъ изъ залы и запретилъ имъ навсегда являться въ «обществѣ порядочныхъ людей. Этотъ строгій приговоръ сдѣлалъ

Digitized by Google

«такое сильное впечатлѣніе на вина *Манса* и *Тура*, что они тотчасъ «же со страха повернули назадъ (правда, что это было лѣтомъ) и «искали спасенія въ бѣгствѣ, не дожидаясь рѣшенія своей участи. — «Тоже случилось съ винами *Аржанса* (между Лизьё и Каеномъ), «*Ренъ* и *Шамбели*. Одного взгляда, брошеннаго случайно капелла- «номъ на ихъ сторону, достаточно было, чтобы ихъ привести въ «смятеніе. Они тотчасъ же скрылись, и прекрасно сдѣлали, — потому «что, если бы они сколько нибудь помедлили, то Богъ знаетъ, чтобы «съ ними было. Когда зала нѣсколько освободилась отъ этой сволочи, «въ ней осталось только доброе вино; потому что капелланъ даже «терпѣть не могъ *посредственности*. — Въ слѣдствіе чего предстали «*Кlермонское* и *Бовоазень*, и были приняты отличнымъ образомъ. «Ободренное такимъ пріемомъ, *Аржантёйль* приближается самонадѣ- «янно, и, безъ стыда, позволяетъ себя отвѣдать (se donne *sans rougir*), «выставляясь такимъ образомъ достойнѣе всѣхъ другихъ состязателей: «но *Ньеррфиттъ*, смѣшавши съ грязью, въ свойственныхъ ему выра- «женіяхъ, такое надменное притязаніе, утверждало въ свою очередь, «что оно заслуживаетъ предпочтеніе. и сослалось на свидѣтельство «своихъ сосѣдей: *Марли*, *Монморанси* и *Дёйль*....» Другія вина, которыя при этомъ выходятъ на сцену, или и до сихъ поръ считаются знаменитыми, или происходятъ изъ центральныхъ и южныхъ провинцій Франціи. — Отвѣдавши ихъ, капелланъ, «находя, что вино нѣсколько «вкуснѣе, чѣмъ всѣ напитки, приготовляемые изъ плодовъ и ягодъ на «его родинѣ, бросилъ свѣчу на полъ и предалъ проклятію всякій напи- «токъ, приготовленный во Фландріи Англіи и *по ту сторону Оазы* (par de la l'Oise) »

Эта сказка свидѣтельствуетъ противъ тѣхъ, которые приводятъ ее въ подтвержденіе своего мнѣнія. Она доказываетъ, что вина *Этампа*, *Бовэ*, *Шалона*, *Манса*, *Тура*, *Аржанса* и *Ренъ*, считались въ XIII вѣкѣ весьма дурными; и теперь тѣ изъ нихъ, которыя поддерживаютъ свое существованіе, пользуются такою же репутаціею. Относительно *Клермона* и *Бовоазень*, которыя, по видимому, были въ порядочномъ ходу, не льзя ничего сказать положительнаго, потому что теперь многія мѣстности извѣстны подъ этими двумя названіями. Но не очевидно ли, что *Генрихъ Андели* въ насмѣшку выводитъ на сцену, при этомъ состязаніи, вина изъ окрестностей Парижа? Изъ нихъ на самомъ виду «*Аржантёйль*, которое *безъ стыда* позволяетъ себя отвѣдать, выста- «вляясь такимъ образомъ достойнѣе всѣхъ другихъ состязателей.» — Такое состязаніе между одинаково-дурными винами, очевидно, есть

Digitized by Google

остроумная шутка, потому что ни одно изъ нихъ не удостривается никакой награды.

Мнѣ остается теперь отразить послѣднее доказательство, весьма часто приводимое въ защиту тогоже мнѣнія: оно былобы весьма сильно, еслибы не основывалось на смѣшеніи именъ. — Говорятъ, что Генрихъ IV заливалъ устрицы *Сюренскимъ* виномъ, изъ окрестностей Парижа. Но возможно ли предположить, чтобы этотъ король, столь великій знатокъ въ винахъ, выбралъ именно такой отвратительный напитокъ? Не должно ли согласиться, что это вино въ его время имѣло несравненно лучшее качество, чѣмъ теперь? Аббатъ Каронъ, основатель Сенскаго — и — Оазскаго Общества Естественной Исторіи, еще въ 1810 году, — когда онъ былъ секретаремъ Общества земледѣлія въ означенномъ департаментѣ, — открылъ происхожденіе этого гастрономическаго парадокса. Въ окрестностяхъ *Вандома*, въ старинной вотчинѣ Генриха IV, произрастаетъ особеннаго рода виноградъ, извѣстный у мѣстныхъ жителей подъ именемъ *сюренъ* (suren). Изъ него выдѣлывается бѣлое вино весьма пріятнаго вкуса, которое знатоки-гастрономы сберегаютъ съ большимъ тщаніемъ, потому что оно чѣмъ старѣе, тѣмъ лучше. Это-то вино, по требованію короля, поставляемо было къ его двору, и Генрихъ IV находилъ его весьма хорошимъ. А этого было достаточно, чтобы придворные находили его превосходнымъ, — въ слѣдствіе чего во все время его царствованія при дворѣ пили *Сюренское вино*. Близъ Вандома и до сихъ поръ еще существуетъ виноградникъ, извѣстный подъ названіемъ виноградника Генриха IV (Closerie de henri IV). Но Людовикъ XIII не имѣлъ къ этому вину такогоже пристрастія, какъ его отецъ, — оттого оно и вышло въ послѣдствіи изъ моды. Изъ этого разсказа видно, что многіе смѣшивали названіе особеннаго рода винограда съ названіемъ деревни въ окрестностяхъ Парижа.

Впрочемъ весьма несправедливо придавать большую силу такимъ доказательствамъ, въ пользу, или противъ, защищаемаго мнѣнія, которыя заимствуются отъ качества винъ въ различное время, потому что, какъ замѣтилъ и самъ *Араго*, — знаменитѣйшій защитникъ мнѣнія объ измѣненіи климата Франціи, — «это качество слишкомъ много «зависитъ отъ свойства употребляемаго для выдѣлки его винограда, «и отъ раченія, какое прилагаетъ при этомъ вино-производитель; — въ «слѣдствіе чего оно не можетъ служить въ этомъ вопросѣ неоспоримымъ «доказательствомъ.» — Прибавимъ къ этому, что вкусъ народа, съ теченіемъ времени, мѣняется; — вкусъ нашихъ предковъ нисколько не сходенъ съ нашимъ; въ настоящее время мы не можемъ считать тонкими

Digitized by Google

знатоками, по части гастрономіи, такихъ людей, которые лакомились воронами, аистами и бакланами (pelicanus carbo) и, по выраженію *Белона*, естествоиспытателя XIII столѣтія, мясо выпи (ardea stellaris) считали «между прелестями Французскими (entre les delices français)».

Слѣдуетъ ли теперь заключить, что климатъ Франціи не измѣнился? Нѣтъ.... Намъ остается только жалѣть, что Исторія Метеорологіи не доставляетъ намъ никакой возможности отвѣчать на этотъ вопросъ ни положительно, ни отрицательно. Чрезъ нѣсколько вѣковъ, когда будетъ собранъ длинный и непрерывный рядъ термометрическихъ наблюденій, сдѣланныхъ посредствомъ весьма тщательно вывѣренныхъ инструментовъ, можно будетъ отвѣчать на этотъ вопросъ и легко и рѣшительно.—Тогда извѣстно будетъ, измѣнился ли климатъ, или нѣтъ; и, въ случаѣ измѣненія, можно будетъ опредѣлить, въ какомъ смыслѣ и на сколько именно произошла въ немъ перемѣна.—Теперь же этотъ вопросъ остается *нерѣшеннымъ*, подобно многимъ другимъ вопросамъ, въ высшей степени связаннымъ съ настоящимъ и съ будущимъ благосостояніемъ человѣчества.

Сообщивъ во всей подробности разборъ Мартенса, не лишнимъ считаю прибавить еще краткіе выводы, относительно тогоже вопроса, сдѣланные другими современными Метеорологами; всѣ эти выводы ведутъ къ тому заключенію, что мы не имѣемъ, въ настоящее время, никакихъ положительныхъ данныхъ объ измѣненіи климата какой-нибудь страны въ продолженіи историческаго времени, и что всѣ явленія, на которыя указываютъ защитники противнаго мнѣнія, или ничего не доказываютъ, или, скорѣе даже, доказываютъ неизмѣняемость климата. Такимъ образомъ, судя потому, «что воздѣлываніе винограда невозможно «въ той странѣ, которой *средняя годичная температура* значительно «выше 17°, и что финики не созрѣваютъ тамъ, гдѣ *температура* «ниже 18°, надобно заключить, что температура страны, въ которой и «финики и виноградъ въ одинаковой степени приносятъ хорошіе плоды, «не ниже 17°, и не выше 18°.—Въ такомъ положеніи была *Палестина* «еще во времена Моисеевы,—въ такомъ же положеніи она остается и «доселѣ. Итакъ въ этомъ случаѣ показанія естественнаго термометра «доставляютъ намъ прямое доказательство неизмѣняемости температуры «въ Палестинѣ съ самаго начала временъ историческихъ до нашего «времени.—*Страбонъ* опредѣленно утверждаетъ, что въ его время «*Севенскія* горы (въ Галліи Нарбонской) составляли сѣверную границу «разведенія оливковаго дерева. Тоже самое мы находимъ и теперь.—

Digitized by Google

«*Теофрастъ* упоминаетъ, что вывезенное изъ Персіи въ Грецію дерево «*Cordia myxa*, только на островѣ *Кипрѣ* могло доставлять съѣдобные «плоды,—но нигдѣ дальше къ сѣверу;—то же самое и въ наше время «извѣстно о плодахъ этого дерева.—Средняя температура въ *Римѣ*, «по новѣйшемъ многолѣтнимъ наблюденіямъ ,=12°,4. — *Плиній*, «при описаніи Римской равнины, упоминаетъ о миртахъ и лаврахъ, «которые, какъ извѣстно теперь, для успѣшнаго прозябенія, требуютъ «средней температуры не менѣе 11°,5; изъ этого обстоятельства «слѣдуетъ заключить, что температура Рима и въ тогдашнее время «была не многимъ выше 11°,5, потому что онъ прибавляетъ, кромѣ «того, что лавры въ Тосканѣ, равно какъ и въ окрестностяхъ Рима, «нерѣдко погибали отъ холода.—*Варронъ* обозначаетъ время собиранія «винограда около Рима между 21 Сентября и 23 Октября,—и теперь «въ общей сложности изъ многихъ лѣтъ оно падаетъ на 2 Октября.— «Слишкомъ сильная теплота Итальянскихъ равнинъ не благопріятствуетъ «произрастанію высокорослыхъ елей; поэтому означенные деревья встрѣ- «чаются только на значительной высотѣ Аппенинскихъ склоновъ;— «точно такія же замѣчанія относительно распространенія этихъ деревьевъ «находимъ у *Плинія* и у *Виргилія*.» (*)

Кромѣ изложенныхъ, болѣе или менѣе точныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о неизмѣняемости *средней температуры* различныхъ мѣстъ на земной поверхности, читателямъ, безъ сомнѣнія, извѣстенъ весьма остроумный выводъ, сдѣланный *Лапласомъ*, по которому въ *средней температурѣ* всего земнаго шара со временъ *Гиппарха* (слѣдовательно въ продолженіи почти 2.000 лѣтъ) не обнаруживается *замѣтнаго* уменьшенія,—но въ тоже время имъ извѣстно также, что всѣ изслѣдованія коры земной ведутъ насъ къ заключенію, что температура, по мѣрѣ углубленія, увеличивается, и что, судя поэтому, внутри земнаго шара долженъ господствовать такой сильный жаръ, при которомъ всѣ извѣстныя намъ вещества, входящія въ составъ земли, находятся тамъ въ расплавленномъ состояніи.—Сличая такіе выводы между собою, читатели, не занимающіеся спеціально этимъ предметомъ, конечно, находятъ въ нихъ противорѣчіе общеизвѣстному физическому закону, по которому всякое теплое тѣло, помѣщенное въ холодномъ пространствѣ, всегда охлаждается.—Слѣдовательно они непремѣнно должны усомниться въ справедливости того или другаго вывода.— И въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ понять, что теплота внутренняго ядра

(*) Cм. *Dove*—Meteorologische Untersuchungen, стр. 95.

Digitized by Google

земли не выходитъ чрезъ холодную твердую оболочку ея въ окружающее пространство? Худая теплопроводность внѣшней коры земной можетъ только замедлить, но не можетъ совсѣмъ остановить, истеченіе теплоты изъ внутренности земли въ атмосферу; — во всякомъ случаѣ охлажденіе всей земли, какъ бы оно мало и медленно ни было, должно происходить непрерывно, — а слѣдов. и температура на поверхности земли непремѣнно должна уменшаться въ такой же прогрессіи, — и это уменшеніе должно наконецъ, — по истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, — обнаружиться въ измѣненіи климата различныхъ мѣстъ. Стало быть или невѣрно заключеніе о внутренней температурѣ земли, или ошибоченъ выводъ *Лапласа* о неизмѣняемости средней температуры земнаго шара.

Противъ такого силлогизма возражать нечего. Охлажденіе внутренняго ядра земли, а съ тѣмъ вмѣстѣ и охлажденіе земной поверхности, дѣйствительно должно происходить по тѣмъ же самымъ законамъ, по которымъ происходитъ охлажденіе всякаго теплаго тѣла, помѣщеннаго въ холодномъ пространствѣ. — Но чтобы объяснить такой физическій *парадоксъ*, — чтобы понять, почему не обнаруживается и слѣда такого охлажденія земли, въ строгомъ выводѣ *Лапласа*, надобно принять въ соображеніе различные предѣлы, которыми ограничиваются всѣ наши — человѣческія измѣренія. — Такъ напр. въ общежитіи, при измѣреніи времени, мы ограничиваемся *минутами*, — только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ принимаемъ въ расчетъ *секунды*; Астрономы стараются принимать въ расчетъ не только *десятыя*, но даже и *сотыя доли* секунды. Но вѣдь секунду можно раздѣлить не только на 100, но и на 1,000, и на 10,000 и т. д. частей; всѣ эти величины, какъ бы онѣ малы ни были, мы можемъ представить въ умѣ своемъ. Это несомнѣнно, — но измѣреніе ихъ на самомъ дѣлѣ можетъ простираться только до извѣстнаго предѣла. Точно тоже надобно замѣтить и о другихъ величинахъ, измѣряемыхъ нами посредствомъ различныхъ инструментовъ. Поэтому мы принимаемъ вообще *равными* между собою такія величины, между которыми наши измѣренія не обнаруживаютъ разности, — но эти величины не всегда *дѣйствительно* равны между собою: онѣ могутъ быть больше или меньше одна другой, такими количествами, которыхъ мы измѣрить не можемъ. — Выводъ *Лапласа*, о неизмѣняемости средней температуры земнаго шара со временъ *Гиппарха*, основанъ на томъ, что въ скорости суточнаго обращенія земли, въ наше время и во время *Гиппарха*, не обнаруживается такой разности, которая бы равнялась *одной сотой* доли

Digitized by Google

секунды. — Сообразно уже съ этимъ дѣлается заключеніе, что въ средней температурѣ земнаго шара, въ продолженіи тогоже времени, не произошло такой перемѣны, которая бы равнялась *четыремъ десятымъ долямъ* градуса, по Цельсіеву термометру. — Стало быть, если и произошла какая-либо перемѣна, въ теченіи 2,000 лѣтъ, то эта перемѣна относительно скорости суточнаго обращенія земли должна быть меньше одной *сотой доли* секунды, а относительно средней температуры земнаго шара меньше Ц. четырехъ десятыхъ долей градуса.

Полагая теперь, что перемѣны, меньшія вышеприведенныхъ, дѣйствительно случились, и соображаясь съ законами охлажденія, найденными по опыту для нѣкоторыхъ веществъ, при данныхъ обстоятельствахъ, многіе естествоиспытатели рѣшали слѣдующій вопросъ: *сколько времени потребно для того, чтобы земной шаръ охладился на одинъ градусъ Реомюрова термометра?* — Такъ напр. *Бишофъ*, основываясь на собственныхъ опытахъ надъ постепеннымъ охлажденіемъ базальтовыхъ шаровъ, вылитыхъ изъ расплавленной массы, и принимая вмѣстѣ съ *Фурье*, что средняя температура земнаго шара со временъ Гиппарха уменьшилась на 0,°024 Р., находитъ, что для такого уменьшенія температуры подъ экваторомъ, которая бы равнялась одному градусу Реомюрова термометра, потребно 82,836 лѣтъ; — для совершеннаго же охлажденія земной поверхности, т. е. для того, чтобы температура земной поверхности сравнялась съ температурою небеснаго пространства (=−45,°6), потребно 49,105,914, т. е. около 50 милліоновъ лѣтъ (*).

Конечно, эти выводы не могутъ быть принимаемы совершенно вѣрными, потому что въ основаніе ихъ, какъ сказано, приняты *гипотетическія* числа: перемѣна температуры земнаго шара со временъ *Гиппарха*=0,024, Р. и температура небеснаго пространства=−45,°6. — Во всякомъ случаѣ, однакожъ, они даютъ намъ приблизительное понятіе о томъ, съ какою медленностію происходитъ охлажденіе земнаго шара, — что это охлажденіе, если оно и дѣйствительно продолжается, мы можемъ считать, не только для столѣтія, но даже и для тысящелѣтія, равнымъ нулю.

М. Спасскій.

(*) См. *Bischof* — Wärmelehre, стр. 479.

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Морскія войны временъ Французской Республики и Имперіи. Соч. Жюрьенъ-де-ла-Гравьера, Капитана Французскаго флота. Переводъ съ Франц. 2 части. Изд. Морскимъ Ученымъ Комитетомъ. Въ тип. А. Дмитріева. 1851.

Изъ всѣхъ Европейскихъ государствъ, Исторія Франціи извѣстна намъ подробнѣе другихъ. Мы познакомились съ французскимъ языкомъ и его литературою раньше, чѣмъ съ языками и литературою другихъ Европейскихъ народовъ; намъ долго нравились Французы, и мы долго были подъ вліяніемъ ихъ общественной жизни, развитія, цивилизаціи. Всё это привело насъ къ болѣе подробному знакомству съ Исторіею жизни Французовъ, чѣмъ прочихъ народовъ. Но въ самой Исторіи Франціи подробнѣе всего извѣстна намъ Исторія первой Французской Республики и Имперіи.

Книга, заглавіе которой мы сей часъ выписали, знакомитъ насъ еще подробнѣе съ этою великою эпохою, объясняя намъ дѣятельность Франціи на морѣ съ 1793 по 1805 годъ. Разумѣется, что Англія, какъ морская держава по преимуществу, играетъ во время морскихъ войнъ этихъ годовъ первую роль. Гравьеръ описываетъ войны ея съ Франціею и союзными державами ея, и описываетъ ихъ ясно, полно и вѣрно, такъ что намъ кажется, отчетливѣе, наглядиѣе и лучше картинъ морскихъ битвъ этихъ годовъ, и подробнѣе фактовъ, относящихся къ этимъ морскимъ битвамъ, не возможно представить и изложить; здѣсь онѣ всѣ главнѣйшія и необходимыя исчерпаны. Но лежащая предъ нами книга имѣетъ въ виду не одно описаніе исторіи морскихъ войнъ 1793—1805 годовъ, но еще другую, не менѣе важную цѣль, которая ставитъ эту книгу въ разрядъ небывалыхъ еще на Русскомъ языкѣ и достойныхъ особеннаго вниманія каждаго моряка. Читатель, не знакомый съ языкомъ, или, лучше сказать, терминами, употребляемыми моряками въ морскомъ дѣлѣ, не вездѣ пойметъ описанія морскихъ битвъ. Такъ напримѣръ, кромѣ *блокированія*, *крейсерованія*, *бук-*

Digitized by Google

сированія и тому подобныхъ дѣйствій кораблей, читатель встрѣчаетъ при описаніи битвъ слѣдующія слова и выраженія: «Обозначимъ хорошенько положеніе обѣихъ *эскадръ* въ эту критическую минуту: Англійскій «*авангардъ* поворотилъ *оверъ-штагъ*, и догонялъ 16 кораблей Кор«довы; *аррьергардъ продолжалъ идти тѣмъ же гамомъ*, чтобы «*послѣдовательно поворачивал*, *входить въ кильватеръ* Виктори. «Испанскій адмиралъ полагалъ, что теперь настоящій моментъ для того, «чтобы пройти *подъ вѣтеръ* непріятельской линіи; онъ надѣялся, что «въ дыму этотъ маневръ укроется отъ Адмирала Джервиса. Ведя самъ «колонну, онъ спустился къ Англійскому аррьергарду. Но Нельсонъ, «вновь поднявшій свой коммодорскій *брейдъ-вымпелъ* на кораблѣ Кап«тенъ (Капитанъ Миллеръ), наблюдалъ за судьбою дня. Сзади его, «въ аррьергардѣ, было только два корабля: Экселентъ, подъ командою «Коллингвуда, и небольшой 64-хъ-пушечный Дайадемъ. Едва только «маневръ Кордовы успѣлъ обозначиться, какъ Нельсонъ, угадавъ цѣль «его, понялъ, что ему не будетъ времени предувѣдомить Адмирала «Джервиса, и ждать его приказаній. И въ самомъ дѣлѣ, нельзя было «терять ни минуты, чтобы воспротивиться намѣренію Испанскаго Адми«рала. Нельсонъ, не колеблясь, выходитъ изъ линіи, *поворачиваетъ* «*черезъ фордевиндъ*, и пройдя между кораблями Экселентъ и Дай«адемъ, которые продолжаютъ *идти тѣмъ же курсомъ*, загораживаетъ дорогу Сантисима Тринидадъ, этому огромному трехъ-дечному, «съ которымъ ему суждено было еще разъ встрѣтиться при Трафальгарѣ. «Онъ принуждаетъ его *привести къ вѣтру*, и отбрасываетъ его на Англій«скій авангардъ. Часть этого авангарда тогда *проходитъ подъ вѣтеръ* «*Испанской линіи*, чтобы предупредить вторую подобную попытку «Испанскаго Адмирала. Остальные же Англійскіе корабли, имѣя въ го«ловѣ Виктори, *выходятъ на вѣтеръ* у Испанцевъ и *ставятъ* ихъ «*аррьергардъ въ два огня*» и тому под.

Въ книгѣ «Морскихъ войнъ» описываются подробно морскія силы воюющихъ державъ, характезируются адмиралы и начальники кораблей, обозначаются вполнѣ мѣстности битвъ и веденіе этихъ битвъ, словомъ, въ ней описывается все то, что имѣютъ въ виду стратегія и тактика, какъ науки. Извѣстно, какъ еще мало обработаны эти двѣ существеннѣйшія и необходимѣйшія отрасли и на Западѣ, а и того менѣе обработаны стратегія и тактика въ приложеніи къ морскому дѣлу. Онѣ, какъ преимущественно практическія, и особено тактика, должны основываться на опытахъ, на фактахъ. На основаніи только опытовъ и фактовъ можетъ явиться ихъ теорія, а слѣдовательно эти опыты и факты

Digitized by Google

существенно необходимы для созданія, развитія и усовершенствованія ея. Чѣмъ больше будетъ собрано подобныхъ опытовъ и фактовъ, чѣмъ разнообразнѣе они и способнѣе къ приложенію на дѣлѣ, тѣмъ лучше, яснѣе, истиннѣе будетъ самая теорія. Безъ тактики Суворова и Наполеона, (разумѣется на сухомъ пути), нѣтъ тактики въ настоящее время, какъ теоріи, какъ науки; а какимъ образомъ могла явиться эта теорія безъ описанія и изученія всѣхъ военныхъ дѣлъ этихъ двухъ великихъ полководцевъ? Къ такимъ же результатамъ должна привести и книга «Морскихъ войнъ», какъ описаніе знаменитыхъ битвъ знаменитыхъ адмираловъ и сильнѣйшихъ морскихъ державъ. Глядя съ этой-то точки на «Морскія войны,» мы находимъ, что подобной книги еще не было на Русскомъ языкѣ, хотя она также весьма замѣчательна и въ историческомъ отношеніи. Въ ней передъ каждой битвой обозначены не только число судовъ, ихъ вооруженіе, количество людей, но и качество каждаго корабля и внутренее, нравственное достоинство находящагося на немъ начальника и подчиненныхъ его. Выпишемъ для примѣра слѣдующія, какъ самыя краткія мѣста.

«Флотъ, ввѣренный Джервису, состоялъ изъ 25-ти-кораблей, 24-хъ «фрегатовъ, 10 корветовъ, 7-ми бриговъ, 5-ти большихъ транспортовъ, «о 22-хъ орудіяхъ каждый, 2-хъ 14-ти-пушечныхъ тендеровъ, одного «лазаретнаго судна, одного брандера, одного судна для пріема плѣнныхъ, а всего изъ 76-ти судовъ (стр. 79. часть 1.).

«Испанцы, писалъ Нельсонъ въ 1795 году, дѣлаютъ прекрасныя «суда, но имъ не сдѣлать такъ легко матросовъ. Экипажи ихъ плохи, «а офицеры еще хуже; притомъ они неповоротливы и лѣнивы (стр. 89 часть 1).

«Принимаясь за преобразованіе флота, Лордъ Джервисъ обратилъ «вниманіе на три предмета: на порядокъ, въ которомъ содержатся «суда, потому что отъ этого, по его мнѣнію, зависѣло здоровье ко«манды; на военное образованіе и на дисциплину эскадры. Въ эту «эпоху тифусъ и скорбутъ опустошали корабельные экипажи. Употребленіе кислыхъ напитковъ начало уже предохранять Англійскія суда «отъ послѣдней болѣзни, но тифусъ еще часто бывалъ слѣдствіемъ «заключенія большаго числа людей въ маломъ и сыромъ пространствѣ. «Въ то самое время, какъ Лордъ Джервисъ прибылъ въ Средиземное «море, Испанскій корабль Танкреди, постигнутый этой заразой, при«нужденъ былъ оставить эскадру и возвратиться въ Неаполь, чтобы «высадить тамъ остатки своей команды. Адмиралъ Джервисъ, прослу«живший на морѣ сорокъ восемь лѣтъ, могъ, основываясь на опытѣ,

Digitized by Google

«указать предохранительныя средства противъ этой болѣзни. По его «приказанію, на всѣхъ корабляхъ, въ носовой части баттарейной па«лубы, были устроены просторные лазареты, отдѣлявшіеся отъ батта«рей съемною переборкою, и освѣжавшіеся при помощи двухъ широ«кихъ портовъ. Кромѣ того, онъ приказалъ непремѣнно хотя разъ въ «недѣлю, выколачивать и провѣтривать матросскія койки, тюфяки и «одѣяла; запретилъ *скачивать* водою жилыя палубы и кубрики; и что«бы вѣрнѣе заставить исполнять свои приказанія, требовалъ, чтобы под«робности этихъ періодическихъ заботъ, также какъ и подробности «ежедневной чистоты, вносились въ корабельные журналы за подписью «самихъ капитановъ (стр. 70 и 71. ч. 1.)

Описанія битвъ превосходны. Здѣсь находится много даже умилительныхъ сценъ, превосходнѣйшихъ поэтическихъ картинъ. Чтобы доставить удовольствіе нашимъ читателямъ, выпишемъ нѣкоторыя мѣста хотя изъ описанія Трафальгарской битвы, чтобы вмѣстѣ съ этимъ дать возможность судить о языкѣ перевода и живости изложенія битвъ.

«Какъ только увѣрился Нельсонъ, что его приказанія выполнены, «что эскадра его выстроена въ двѣ колоны, и идетъ подъ всѣми па«русами на французскіе корабли, онъ сошелъ въ каюту. Тамъ взявъ «дневникъ свой, въ который еще въ тоже утро занесъ послѣднія дви«женія своей эскадры, онъ сталъ на колѣни, и написалъ слѣдующую «краткую молитву:

«Да благоволитъ Богъ Всемогущій даровать Англіи, ради общаго «блага всей Европы, полную и славную побѣду! Да не позволитъ Онъ «ни одной частной слабости помрачить блескъ ея, и да не попуститъ «Британскій флотъ забыть священный долгъ человѣколюбія! Что «касается меня самого, моя жизнь въ рукахъ Того, Кто ее даровалъ «мнѣ. Да благословитъ Онъ мои усилія на вѣрную службу отечеству! «Его волѣ предаю себя и справедливое дѣло, защита котораго мнѣ «ввѣрена.

«Выполнивъ эту благочестивую обязанность, Нельсонъ, какъ нѣжный «отецъ, считалъ долгомъ еще одно: къ духовной своей онъ прибавилъ «статью, въ которой завѣщалъ Леди Гамильтонъ и дочь ея Горацію «Нельсонъ признательности Англіи. Приготовясь такимъ образомъ къ «смерти, онъ вышелъ на верхъ, гдѣ ожидали его приказаній потребо«ванные имъ командиры фрегатовъ. Подойдя къ командиру фрегата «Эвріалъ, капитану Бляквуду, пользовавшемуся, вмѣстѣ съ капитаномъ «Гарди, особенною его дружбою и довѣренностью, онъ сказалъ: коман«диры нашихъ фрегатовъ близко будутъ сегодня къ непріятелю, по-

Digitized by Google

«тому что я хочу удержать ихъ на Виктори какъ можно долѣе. Нель-«сонъ, если вѣрить свидѣтельству капитана Бляквуда, былъ въ эту «минуту спокоенъ и рѣшителенъ, но болѣе серьёзенъ и важенъ, чѣмъ «обыкновенно.

«Нѣсколько разъ, замѣчая бодрый видъ союзнаго флота, онъ изъя-«вилъ сожалѣніе, что этотъ флотъ поворотилъ, и, казалось, съ тай-«нымъ безпокойствомъ посматривалъ на горизонтъ, уже предвѣщавшій «бурю, и на поле битвы, перенесенное маневромъ Вилльнёва отъ входа «въ проливъ къ сосѣдству опасныхъ рифовъ Кониль и Санти-Петри. «Около 11-ти часовъ, онъ пошелъ по баттареямъ, гдѣ люди стояли «уже по мѣстамъ у орудій, поблагодарилъ офицеровъ за ихъ распо-«ряженія, сказалъ по нѣскольку одобрительныхъ словъ каждому комен-«дору, и укрѣпленный въ своей увѣренности видомъ этихъ мужествен-«ныхъ лицъ и этихъ жилистыхъ рукъ, вышелъ опять на верхъ, чтобъ «сдѣлать окончательный сигналъ аттаки Коллингвуду.

«Сигналъ былъ коротокъ и ясенъ: «я имѣю намѣреніе», увѣдомлялъ «онъ телеграфомъ Коллингвуда, «прорѣзать непріятельскій авангардъ, «чтобы пресѣчь ему путь въ Кадиксъ. Вы, съ своей стороны, про-«рѣжьте арьергардъ у двѣнадцатаго корабля съ хвоста линіи. И «между тѣмъ какъ Ройяль-Соверень готовился исполнить это приказа-«ніе, самъ Нельсонъ направилъ Виктори къ Сантиссима-Тринидадъ, один-«надцатому съ головы въ линіи союзниковъ. Этимъ двойнымъ движе-«ніемъ, онъ предоставлялъ себѣ аттаковать своими 12-ю кораблями, «уже не 16, какъ предполагалъ сначала, а 23 непріятельскихъ корабля. «Мнѣ нужно, по крайней мѣрѣ, 20 кораблей изъ этого флота», ска-«залъ онъ капитану Бляквуду въ томъ увлеченіи, какое всегда овла-«дѣвало имъ съ приближеніемъ битвы: «взять или истребить менѣе, «не значило бы побѣдить» (стр. 130 ч. II).

«Былъ полдень. Англичане подняли бѣлый флагъ Св. Георгія. При «повторенныхъ кликахъ: да здравствуетъ Императоръ! трехцвѣтный «флагъ взвился надъ кормами французскихъ кораблей. Въ тоже время «Испанцы, подъ флагомъ обѣихъ Кастилій, подняли длинный деревян-«ный крестъ. Вилльнёвъ подаетъ сигналъ къ бою, и корабль Фуіе «посылаетъ первое ядро въ Ройяль-Соверень; батальный огонь сопро-«вождаетъ этотъ выстрѣлъ, но Англійскій корабль молчитъ. Ройяль-«Соверень находится въ одной милѣ впереди Белльиля, и почти на «траверзѣ Виктори, въ разстояніи отъ него около двухъ миль. Безъ «поврежденій, среди этого дурно-направленнаго огня, онъ идетъ къ «кораблю Санта-Анна, ни на одно мгновеніе не уклоняясь отъ своего

Digitized by Google

«пути, молчаливый, безстрашный, будто охраняемый какою-то невиди-«мою силой. Нѣсколько ядеръ, попавшихъ въ корпусъ судна, не при-«чинили вреда командѣ, которой приказано было лечь у пушекъ въ «баттареяхъ, а снаряды, пролетающіе между рангоутовъ, обрываютъ «только нѣсколько неважныхъ снастей. Выдерживая въ продолженіе де-«сяти минутъ огонь соединеннаго флота, и готовясь врѣзаться во фран-«цузскій аррьергардъ, Коллингвудъ обратился къ своему флагъ-капи-«тану: «Ротерамъ! Чего бы не далъ Нельсонъ, чтобъ быть на на-«шемъ мѣстѣ»? «Смотрите», восклицалъ въ то же время Нель-«сонъ, «какъ благородно Коллингвудъ ведетъ въ дѣло свою эскадру!» «И точно, Коллингвудъ указалъ путь Англійскому флоту и пожалъ «первые лавры этого дня (стр. 135 ч. II.)».

Пропускаемъ подробное описаніе маневръ, эволюцій, аттакъ и сшибокъ кораблей; оно понятно и наглядно, при разсматриваніи приложенныхъ плановъ, на которыхъ обозначены всѣ диверсіи судовъ, а потому къ иной битвѣ приложено по нѣсколько плановъ, и переходимъ къ страшнымъ картинамъ, патетическимъ сценамъ.

«При видѣ столькихъ жертвъ, Англійскіе лекаря, подавая имъ на-«скоро недостаточную помощь, начинаютъ сомнѣваться въ успѣхѣ сра-«женія. Священникъ съ ужасомъ и отвращеніемъ бѣжитъ отъ этого «страшнаго мѣста, отъ этой бойни, какъ онъ еще много лѣтъ спустя «называлъ это мрачное, душное и облитое кровью пространство. Онъ «выскакиваетъ на шканцы, и среди дыму и общей суматохи видитъ «Нельсона и Капитана Гарди, прохаживающихся на ютѣ. Не вдалекѣ отъ «нихъ нѣсколько человѣкъ бѣгло перестрѣливаются съ марсами Фран-«цузскаго корабля. Вдругъ адмиралъ покачнулся и падаетъ на палубу. «Пуля съ крюйсель Редутабля ударила адмирала въ лѣвое плечо, про-«била эполетъ, и пройдя въ грудь, остановилась у позвоночнаго хребта. «Священникъ спѣшитъ къ нему, но его опередили одинъ сержантъ и «двое рулевыхъ. Они поднимаютъ адмирала, обагреннаго кровью, ко-«торою облита палуба. Гарди, не слыхавшій его паденія, оборачивается «въ эту минуту, и испуганный, блѣднѣе самого Нельсона, говоритъ ему: «Надѣюсь, милордъ, что вы ранены неопасно?» «Для меня все кончено, «Гарди», отвѣчаетъ адмиралъ. *Наконецъ* имъ удалось! Мнѣ раздробило «хребетъ». Матросы, поднявшіе Нельсона, берутъ его на руки и кла-«дутъ на кубрикѣ, среди кучи раненыхъ (стр. 140 ч. II).

«Съ своего смертнаго одра, Нельсонъ слышитъ восклицанія, кото-«рыми экипажъ Викторіи привѣтствуетъ взятіе Буцентавра. Онъ про-«ситъ, чтобы позвали капитана Гарди. «Гарди», говоритъ онъ, вопро-

Digitized by Google

«шая его взоромъ: «какъ идетъ сраженіе?... побѣда за нами?» «Безъ «сомнѣнія, милордъ», отвѣчаетъ Гарди: «мы уже овладѣли 12 или 14 «непріятельскими кораблями, но 5 кораблей авангарда поворотили, и «кажется, намѣрены напасть на Виктори. Я собралъ около насъ 2 и 3 «еще не тронутые корабля, и мы готовимъ имъ хорошую встрѣчу.» «Надѣюсь, Гарди,» прибавилъ адмиралъ: «что изъ *нашихъ* кораблей «ни одинъ не спустилъ флага»?... Гарди спѣшитъ его успокоить. «Будь- «те увѣрены, милордъ», говоритъ онъ: «съ этой стороны нечего опа- «саться.» Тогда Нельсонъ привлекаетъ ближе къ себѣ командира Вик- «тори. «Гарди», шепчетъ онъ ему на ухо: «я уже мертвецъ.... еще «нѣсколько минутъ, и все будетъ кончено. Подойди поближе.... По- «слушай, Гарди.... когда меня не станетъ, обрѣжь у меня клокъ во- «лосъ, и передай его моей Леди Гамильтонъ.... да не бросай въ море «мое бѣдное тѣло». Гарди съ чувствомъ пожимаетъ руку адмирала, и спѣшитъ на верхъ (стр. 149 ч. II).

«Побѣда Англійскаго флота полная, рѣшительная. Гарди, освободив- «шись отъ всѣхъ опасеній, хочетъ лично увѣрить въ этомъ адмирала. «Еще разъ, сквозь окровавленную толпу раненыхъ, онъ пробирается «къ ложу Нельсона. Среди этой жаркой и удушливой атмосферы, герой «лежалъ тревожимый послѣднею заботой. Уже холодной потъ высту- «палъ на его челѣ, оконечности членовъ его уже охладѣли, и онъ, «казалось, удерживалъ послѣднее дыханіе на губахъ своихъ за тѣмъ «только, чтобы унести съ собою въ могилу отраду новаго торжества. «Разсказомъ о славномъ окончаніи великой битвы, Гарди кладетъ пре- «дѣлъ ужаснымъ мученіямъ, и тихо развязываетъ крылья этой энерги- «ческой душѣ. Нельсонъ отдаетъ ему еще нѣсколько приказаній, шеп- «четъ прерывающимся голосомъ еще нѣсколько словъ, потомъ, послѣд- «нимъ усиліемъ приподнявшись до половины, «благодареніе Богу», го- «воритъ онъ: «*я исполнилъ мой долгъ!*» и упавши снова на постель, «черезъ четверть часа отдаетъ душу Богу спокойно, безъ потрясеній, «безъ конвульсій (стр. 151 ч. II).

Извѣстно, какъ важны въ морской тактикѣ Нельсонъ и Джервисъ. Теоріи тактики ихъ возбуждали и возбуждаютъ многіе споры ученыхъ моряковъ и не перестанутъ занимать первыя мѣста въ этой наукѣ. Гравьеръ старался преимущественно охарактеризовать этихъ двухъ адмираловъ, и со всею подробностію описываетъ ихъ военныя дѣйствія, хотя также прекрасно очерчены характеры Латушъ, Вилльнёва и другихъ. При чтеніи «Морскихъ войнъ временъ Французской Республики и Имперіи», ясно видно, что онъ имѣлъ въ виду именно изложить пра-

Digitized by Google

вила тактики Джервиса и Нельсона и показать, на основаніи этихъ правилъ, причины торжества на морѣ Англіи надъ союзнымъ флотомъ Франціи, Испаніи, Швеціи и другихъ государствъ. Какова теорія тактики этихъ двухъ геніевъ-адмираловъ, предоставляемъ судить самимъ морякамъ. Въ переведенной книгѣ Гравьера они найдутъ ей и критическую оцѣнку. Мы только скажемъ, что авторъ Морскихъ войнъ изложилъ въ своей книгѣ почти полную біографію Нельсона. Въ ней онъ показалъ даже домашнія и семейныя отношенія этого адмирала. Сначала при чтеніи ихъ намъ казалось, что Гравьеръ судитъ пристрастно о немъ; но многіе случаи, гдѣ онъ отдаетъ ему полную справедливость, заставили перемѣнить наше мнѣніе. Тѣмъ не менѣе Гравьеръ, то приписывая Нельсону геніальность, то отнимая ее у него, не рѣдко самъ себѣ противорѣчитъ. Для доказательства сличимъ хотя слѣдующія мѣста.

«Нельсонъ былъ, безъ сомнѣнія, величайшій изъ Англійскихъ адми«раловъ; но не много менѣе счастія, и его соотечественники, сами «столько же строгіе, какъ и адмиралъ Декре, провозгласили бы его «*самымъ неспособнымъ*. (Просимъ читателя это замѣтить!) Въ самомъ «дѣлѣ, Нельсонъ былъ одинаково дерзокъ, одинаково пренебрегалъ «всѣми правилами, какъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ торжествовалъ, «такъ и въ тѣхъ, гдѣ фортуна ему измѣняла. При Абукирѣ и Тене«риффѣ, подъ Копенгагеномъ и Булонью, тактика его одна и таже: «разница только въ успѣхѣ. Вездѣ та же смѣлость, то же увлеченіе, «та же наклонность испытывать невозможное. Вся тактика Нельсона, «со всѣмъ ея величіемъ и ея ошибочностью, заключается въ одномъ «правилѣ: броситься съ рѣшимостію въ самый пылъ опасности, и на«дѣяться на товарищей, чтобы выйти изъ нея побѣдителемъ. Это пра«вило внушалъ онъ капитанамъ своимъ подъ Булонью,—это правило «выполнялъ онъ на дѣлѣ, до послѣдней минуты жизни. Слѣдя за нимъ «на полѣ битвы, изучивъ средства и ихъ результаты *въ великихъ обы«тіяхъ, имъ совершенныхъ*, чувствуешь невольное желаніе, вопреки «принятымъ идеямъ, приложить къ нему мнѣніе Джервиса о побѣди«телѣ при Кампердоунѣ. Это былъ храбрый офицеръ, мало постигав«шій тонкости тактики, въ которыхъ онъ скоро бы запутался. Увидя «непріятеля, онъ поспѣшилъ къ нему, не заботясь о томъ, какой вы«строить ордеръ баталіи. Чтобы побѣдить, онъ разсчитывалъ на му«жественный примѣръ, какой онъ хотѣлъ подать своимъ капитанамъ, «и результатъ соотвѣтствовалъ его надеждамъ (Стр. 119 ч. I).

Не правда ли, что все это нами выписанное сбивается на толки тѣхъ

Digitized by Google

добрыхъ людей, которые въ простотѣ сердечной толкуютъ, что если бы Наполеонъ не былъ такъ счастливъ, да если бы у него не было другихъ храбрыхъ полководцевъ, которые выигрывали ему сраженія, то онъ такой же человѣкъ, какъ и они грѣшные, эти самые добрые люди? При мнѣніи, что Нельсонъ одерживалъ побѣды смѣлостью и рѣшительностію, можно, пожалуй, заключить, что и Юлій Цезарь и Суворовъ, были неспособные полководцы, потому что они въ основаніи своей тактики полагали: veni, vidi et vici.... Должно быть Нельсонъ былъ прехитрый человѣкъ, потому что, будучи *совсѣмъ не способнымъ, совершилъ великія событія*.... Но выпишемъ еще нѣсколько строкъ для сравненія.

«*Инструкція, которую Нельсонъ написалъ для своихъ офицеровъ*, «принимая начальство надъ Доунскою эскадрой, быть можетъ, лучше, «нежели вся его оффиціальная переписка, *выказываетъ его прямой и* «*вѣрный взглядъ, привыкшій обнимать разомъ обширный гори-*«*зонтъ. Знаменитый адмиралъ въ нѣсколькихъ строкахъ обрисо-*«*вываетъ твердою, искусною рукою, свой общій планъ аттаки и* «*защиты, и съ намѣреніемъ умалчиваетъ о подробностяхъ. Геній* «*не испытанный боялся бы быть не достаточно полнымъ; Нель-*«*сонъ напротивъ, опасался слишкомъ большой ясности.* Онъ оста-«навливается тамъ, гдѣ могутъ встрѣтиться неожиданныя случайности, «и избѣгаетъ точности, которая на такомъ обширномъ и неопредѣлен-«номъ поприщѣ оставила бы открытое поле вялости и нерѣшительно-«сти. (Стр. 42, ч. II).

Право, престранный человѣкъ былъ этотъ покойникъ Нельсонъ! Какъ таки, будучи *совсѣмъ не способнымъ*, онъ въ тоже время имѣлъ прямой и вѣрный взглядъ, привыкшій разомъ обнимать обширный горизонтъ, обрисовывалъ твердою, искусною рукою въ нѣсколькихъ строкахъ планъ аттаки и защиты?...

Непостижимый человѣкъ!...

Разумѣется, что всѣ эти сдѣланныя нами замѣчанія не относятся къ русскому переводчику, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подъ строкою сдѣлалъ очень дѣльныя замѣчанія и поправки относительно историческихъ фактовъ.

Гравьеръ, какъ мы сказали, особенно хотѣлъ охарактезировать Нельсона. По видимому, онъ хотѣлъ описать жизнь его и какъ адмирала, и какъ человѣка, ради чего и описываетъ семейныя его отношенія; но почему же не сдѣлалъ онъ того и съ біографіею другихъ адмираловъ, хотя напримѣръ, Джервиса, котораго онъ только характезируетъ, какъ

Digitized by Google

адмирала? Джервисъ былъ тоже великій человѣкъ, геній, и тактика его также замѣчательна. Слѣдовательно въ трудѣ Гравьера какъ будто нѣтъ соразмѣрности частей—то есть, представляя полную біографію Нельсона, онъ долженъ бы описать также и біографію другихъ адмираловъ. Это бы еще ничего, а главное, что многія обстоятельства жизни Нельсона не идутъ къ дѣлу. Изъ «Морскихъ войнъ» ясно, что цѣль автора была, описывая ихъ, представить правила морской тактики, которыми руководствовались какъ Нельсонъ, такъ и другіе адмиралы. Но скажите, что приложимо къ тактикѣ изъ описанія отношеній Нельсона къ безнравственной Леди Гамильтонъ, плодомъ которыхъ была незаконно рожденная дочь?... Это, кажется, ни къ какой тактикѣ не приложимо. Еще таки, когда объясняются причины пребыванія Нельсона у береговъ Неаполитанскаго королевства и острова Мальты, эти отношенія служатъ истолкованіемъ этихъ причинъ, въ другихъ же мѣстахъ книги Гравьера онѣ вовсе не нужны, потому что не идутъ къ дѣлу, къ предпринятой цѣли. Извѣстно, что каждый человѣкъ, будь онъ адмиралъ или полководецъ, министръ, поэтъ и тому подобное, но поставленный въ двухъ сферахъ жизни, общественной, государственной или политической, и частной, домашней или семейной, можетъ дѣйствовать совершенно различно. Онъ можетъ быть великимъ адмираломъ или полководцемъ, замѣчательнымъ министромъ или поэтомъ, и въ то же время очень дурнымъ семьяниномъ, родственникомъ, и на оборотъ.

«Морскія войны», давно уже переведенныя на другіе языки, появились и у насъ. Мы совершенно увѣрены, что онѣ обратятъ вниманіе нашихъ историковъ, а особенно моряковъ, и сдѣлаются для послѣднихъ настольною и любимою книгою. Послѣдніе двѣ главы второй части: —«Вліяніе Джервиса и Нельсона на судьбы Англійскаго флота» и «какъ нужно дѣйствовать Франціи въ ожиданіи новой войны на морѣ», просто, должны быть, кажется, на-изусть выучены каждымъ морякомъ. И вообще въ книгѣ «Морскихъ войнъ» такъ много дѣльнаго, разумнаго, замѣчательнаго, касательно исторіи ихъ, а особенно морскаго дѣла, что если бы мы вздумали выписывать все то, что замѣчательно въ историческомъ отношеніи и на что должны обратить вниманіе наши моряки, то вынуждены бы были выписать полъ-книги каждой части. Слогъ перевода, какъ видѣли наши читатели изъ сдѣланныхъ нами краткихъ выписокъ, совершенно не укоризненъ; а изданіе книги, какого лучше быть не можетъ.

Принесемъ же нашу искреннюю, глубочайшую благодарность, какъ переводчику за тщательный прекрасный переводъ ея, такъ и Комитету Морскихъ Ученыхъ за превосходное изданіе! *И. Р.-Р.*

Digitized by Google

Описаніе пути отъ Иркутска до Москвы, составленное 1849 г. *В. П.*—М. 1851 г., въ 12 д., 230 стр.

»Описаніе пути отъ Иркутска до Москвы!» Да это составляетъ болѣе 5,300 верстъ! Какое огромное разстояніе, и какое обиліе матеріаловъ должно представиться наблюдательному путешественнику на такомъ пространствѣ! Девять губерній съ ихъ городами и одна столица — Москва!....

Посмотримъ теперь, на сколько авторъ »Описанія пути отъ Иркутска до Москвы» былъ не скупъ на сообщеніе нами ожиданныхъ свѣдѣній. По количеству страницъ, на первомъ планѣ представляется губернія Пермская (38 стр.); за нею губерніи: Томская (32 стр.), Иркутская, отъ самаго Иркутска (30 стр.), Тобольская (27 стр.), Енисейская (25 стр.), Вятская и Владимірская (по 17 стр. для каждой), Казанская (16 стр.), Нижегородская (14 стр.), и Московская (5 стр.); и собственно для Москвы — 10 страницъ.....

Всего на 5,339 верстъ пришлось 230 страницъ, или по страницѣ на каждыя 24 версты. Между тѣмъ *семь* губернскихъ и до *двадцати* уѣздныхъ городовъ, по этому тракту лежащихъ, должны бы потребовать для себя по нѣскольку страницъ; но Авторъ очень скупился для нихъ: онъ имъ жертвовалъ весьма мало. Мы уже не говоримъ о Москвѣ, собственно которой авторъ посвятилъ 10 страницъ; этого, конечно, для нея очень мало, или очень много: о ней не наговоришься и не напишешься, потому что она границами имѣетъ: *все* или *ничего*. Слѣдовательно за Москву можно даже съ Авторомъ и помириться; но за другіе города, на примѣръ Нижній и Владиміръ, коимъ обоимъ уѣлено въ книгѣ только 6 страницъ—безъ враждебной мысли къ автору остаться нельзя. Иркутскъ, Томскъ, Пермь, Казань—почти также не болѣе ихъ были удостоены его вниманіемъ къ нимъ. Но ежели число страницъ не можетъ быть мѣркою для вмѣстимости, то взглянемъ, что и какъ именно авторъ описываетъ въ своемъ дальнемъ путешествіи. Вотъ, на примѣръ, по выѣздѣ изъ Нижняго-Новгорода, какъ онъ разсказываетъ намъ про первую станцію отъ Орловки (см. 196 и 197 стр).

»Орловская станція находится подлѣ тракта. Мѣстность ея сырая и болотная. Здѣсь до пяти домовъ.

»Отъ Орловской до Чернорѣчинской (а далѣе авторъ три раза называетъ ее »Чернолѣсскою«) станціи $22^{3}/_{4}$ вер.

»Отъ станціи Орловской шоссе окружаетъ большой сосновой лѣсъ На 2 в. два моста по $5^{1}/_{2}$ саж. каждой. На 4 в. два моста по 6

Digitized by Google

саж. Здѣсь дорогу окружаетъ березовой и сосновой лѣсъ. Отъ 4 и болѣе половины 5 вер. она окружена надолбами. На 6 вер. мостъ въ $5^1/_2$ саж. На 7 и 8 она огорожена надолбами. На 10 вер. около тракта въ лѣвой сторонѣ деревня въ 4 дома Подлѣсская. Подлѣ деревни этой небольшое озеро. Далѣе дорогу окружаетъ большой, сосновой лѣсъ, до котораго отъ деревни шоссе огорожено надолбами. На 11 вер. мостъ въ 2 саж. и отъ него небольшіе подъемъ и спускъ. При концѣ спуска дорога огорожена надолбами. На 13 вер. мостъ въ 8 саж. и другой въ $2^1/_2$ саж. На 14 дорога съ обѣихъ сторонъ саженъ на 20 огорожена надолбами. На 15 дорога огорожена надолбами на 12 саж., далѣе мостъ въ 20 с. Здѣсь вправо подлѣ тракта узкое и длинное озеро, а въ лѣвой сторонѣ болото. На 18 вер. продолжительной, едва замѣтной подъемъ. Здѣсь дорога огорожена надолбами на 16 саж. съ правой стороны. На 20 она огорожена надолбами на 22 саж., за тѣмъ слѣдуютъ два моста — одинъ въ 1 саж. а другой въ $2^1/_2$ саж. На 21 два моста по 6 саж. противъ нихъ, на лѣвой сторонѣ отъ тракта, два долгихъ озера. На 22 вер. мостъ въ 12 саж. Дорогу окружаютъ съ обѣихъ сторонъ надолбы.« – Вотъ вамъ и полное буква-въ-букву описаніе станціи, занявшее цѣлую печатную страницу; всѣмъ прочимъ станціямъ посчастливилось не много болѣе, а нѣмъ еще менѣе.

Конечно, Орловская станція одна изъ самыхъ бѣдныхъ и новыхъ; правда и то, что авторъ, представляя плодъ своихъ искренно-усердныхъ и добросовѣстныхъ путовыхъ наблюденій, и обѣщалъ не болѣе, какъ только: «составить описаніе почтоваго тракта (*) отъ Иркутска до Москвы, какъ линіи, на протяженіи которой болѣе населенности, жизни и, движенія и развитія внутреннихъ силъ государства.« Выполненіе этой темы, заданной себѣ авторомъ, отъ береговъ Ангары до береговъ Москвы, требовало бы болѣе; но ни Исторіи, ни Статистики, ни для указаній на замѣчательности по дорогѣ – онъ не удѣлилъ почти ни какого мѣста въ книгѣ; а представилъ, какъ мы видѣли выше, одну топографію, съемку мѣстности, нивеллировку, слѣдя ее почти шагъ за шагомъ: *всѣ* мостики, спуски и подъемы, повышенія и пониженія поверхности дороги, гати и надолбы, качество земли и лѣсовъ, степей и кустарниковъ и т. п.; а между тѣмъ ни *про одно* село и деревню (кромѣ,

(*) Отъ коего, впрочемъ, авторъ однажды уклонился въ объѣздъ сокращенного, или, какъ онъ говоритъ! » купецкою дорогою отъ Канска (а не Канска), чрезъ Шадринъ до бывшаго города Тюкалы (вѣроятно, Тюкалинска). Купцы этою дорогою, до Екатеринбурга, сокращаютъ путь противъ почтоваго до 300 верстъ.

Digitized by Google

какъ на стр. 149-й о селеніи Дубровскомъ), не сказалъ, кому они принадлежатъ и сколько въ нихъ душъ крестьянъ, или жителей въ городахъ.

Хотя авторъ и имѣлъ время и терпѣніе высчитывать или измѣрять подробно величину *каждаго* по дорогѣ мостика и протяженіе гатей и надолбовъ; но видно, что онъ слишкомъ торопился выполнить свою любимую, сокровенную идею, или «мечту», какъ онъ говоритъ, чтобы »попутешествовать, поглядѣть на Божій міръ, полюбоваться разнообразіемъ и красотою творенія, посмотрѣть на нашу матушку-Москву—бѣлокаменную и благоговѣйно преклониться предъ ея святынею». Иначе онъ заглянулъ бы по дорогѣ въ храмы Божіи, или, по крайней мѣрѣ, что-нибудь бы сказалъ о святыняхъ и достопамятностяхъ на примѣръ Владиміра, Нижняго-Новгорода и другихъ городовъ, и о разныхъ достопримѣчательностяхъ, что слѣдующему въ-слѣдъ за нимъ, по его маршруту и указанію, любопытному путешественнику служило бы вмѣсто чичероне. Но писать одну только съемку мѣстности, или дѣлать опись мостовъ, гатей, надолбовъ, подъемовъ и спусковъ съ горъ и пригорковъ, качества лѣсовъ и земли, и т. п. слишкомъ видимыхъ каждому предметовъ и безъ указанія—скучновато. Сотни мостовъ отъ одной сажени до пяти и болѣе - предметы незанимательны, если они не спеціальны,—хотя бы по крайней мѣрѣ они отличались какою-нибудь исторіею, или подкрѣплялись смѣтами объ ихъ цѣнности, или замѣчательною трудностію въ ихъ построеніи, или наконецъ особенною величиною. Не достаточно служить маршрутомъ только путешественнику, но слѣдовало бы имѣть въ виду услужить и тому изъ любопытныхъ читателей, который никогда не ѣздилъ и не поѣдетъ по этой дорогѣ. Иное дѣло указать на такія мосты, какъ на примѣръ въ Енисейской губерніи между станціями Тинскою и Поимскою—до 2-хъ верстъ, и на слѣдующей, за селеніемъ Новопоимскимъ—мостъ въ длину около 3-хъ верстъ, или близъ города Красноярска мостъ въ 300 сажень, соединяющій два довольно большія селенія—Кожевниково и Шумково (*). Это непріятное замѣчаніе высказывается потому болѣе, что авторъ владѣетъ языкомъ мыслію и шутливостію, и что онъ могъ бы во мно-

(*) Енисейская губернія представляетъ и еще особенность: въ 15-ти верстахъ отъ города Красноярска, который, по замѣчанію автора, нынѣ спитъ какъ утомленная барыня, послѣ бала,—находится на степи и по берегу Качи, деревня Тварагова, въ коей 48 домовъ, устроенныхъ по тракту въ одну линію; она сплошь съ деревнями: Установой (въ 50 домовъ), Тороковой (въ 51 д.),

Digitized by Google

гиѣ мѣстахъ отцвѣчать свои скучные разсказы. Въ доказательство нашихъ словъ прослѣдимъ (взглядомъ) пройденный имъ путь отъ Иркутска до Москвы и представимъ нѣсколько выписокъ въ разныхъ родахъ и предметахъ.

По Иркутской губерніи вообще, и въ особенности городу *Иркутску*, какъ мѣсту своего жительства, и еще съ свѣжими силами при отправкѣ въ дальній путь — авторъ посвятилъ на описаніе болѣе своего вниманія. — О городѣ *Нижнеудинскѣ* авторъ замѣчаетъ: »Особенности Нижнеудинска: лѣтомъ страшное обиліе мошекъ (муситовъ), и всегдашняя дороговизна на жизненные припасы, происходящая отъ сосѣдства съ Бирюсинскими золотыми пріисками. Отъ мошекъ защищаются волосяными сѣтками и дымокурами въ каждомъ дворѣ, а отъ дороговизны — христіанскимъ смиреніемъ. И за всѣмъ тѣмъ живутъ весело.«

По губерніи Енисейской: О городѣ *Канскѣ* (о коемъ, по обыкновенію, не сказано даже о числѣ жителей, и домовъ) авторъ ничего особеннаго не замѣтилъ, кромѣ того, что въ городѣ быть сельскій замѣтенъ во всемъ — отъ постройки домовъ до образа жизни и одежды жителей, и что между промышленнымъ и торговымъ классами, замѣтны Евреи, тамъ пріютившіеся и, по ловкости своей, разбогатѣвшіе. — О селѣ *Рыбномъ*, при рѣчкѣ Рыбной, впадающей въ р. Канъ: — »Селеніе это примѣчательно тѣмъ, что сюда выходятъ рабочіе съ золотыхъ пріисковъ по окончаніи лѣтнихъ работъ, и здѣсь пропиваютъ на винѣ весь полугодовой и тяжкой трудъ свой, такъ что нѣкоторые не уходятъ далѣе Рыбнаго селенія и возвращаются назадъ на пріиски, не имѣя средства слѣдовать на мѣста своихъ жительствъ. За то въ Рыбномъ три новенькихъ винные подвала.« — О городѣ *Красноярскѣ*, сказавши, что природа его — отъ г. Канска — поразительно сходна съ природою Забайкальскою, — что его окружаетъ степь въ нѣсколько верстъ, на коей можно бы построить, не стѣсняясь, городъ величиною съ Лондонъ, — что на постройку тамошняго великолѣпнаго во всей Сибири собора, въ черѣ уже оконченнаго, пожертвовано золотопромышленниками болѣе милліона, — авторъ замѣчаетъ, что Красноярскъ, съ 1837 по 1845 годъ, когда былъ тамъ разгаръ золотопромышленности, изумлялъ всю Сибирь своею роскошью: невѣроятныя сокровища извлекались тогда изъ

Емельяновой (во 146 д.) и Заледѣевой (во 180 дом.), что составило протяженія на 6 верстъ. Подобную сосредоточенность населенія едва ли гдѣ можно еще встрѣтить.

Digitized by Google

нѣдръ Енисейской губерніи, деньги массами разсыпались въ Красноярскѣ, дома и квартиры утроились въ цѣнѣ, жизненные припасы учетверились (цѣна ржаному хлѣбу была по 5 р. асс. за пудъ); но жизнь кипѣла бурно, шумно, упоительно! Но въ 1845 году золотопромышленная дѣятельность перешла въ Енисейскъ, и съ того времени роскошь города Красноярска — почила!

По губерніи Томской, — о губ. городѣ *Томскѣ* говоритъ: »При входѣ въ городской садъ, устроенъ публичный, деревянный театръ, т. е. не досчаной балаганъ, а театръ съ ложами и очень краснваго устройства! Томскъ, доселѣ славившійся только своими лошадьми и ямщиками, обскакалъ, опередилъ въ любви къ Таліи, всѣ города въ Сибири. Труппа кочующихъ артистовъ, нашедшихъ здѣсь пріютъ и осѣдлость, тѣшатъ публику разными пьесами, отъ комедіи до трагедіи, — включительно. Сумароковъ и Шиллеръ, Коцебу и Аблесимовъ, проходятъ по сценѣ, самодовольно улыбаясь.« — »Въ Томскѣ и Ачинскѣ есть особенность въ городскихъ экипажахъ — это предлинныя линейки, довольно неуклюжія, но почему-то въ особенномъ употребленіи. На вкусы нѣтъ правила. На подобной линейкѣ, можетъ очень спокойно не токмо усѣсться, но даже (если угодно) улечься, цѣлое семейство. — Просторно и оригинально!« — Лѣтомъ Томскъ тихъ и пустыненъ, но зимою во время съѣзда золотопромышленниковъ и торговцевъ, оживляется дѣятельностію. Содержаніе въ Томскѣ, сравнительно съ Красноярскимъ — въ трое дешевле. — О городѣ *Колывани* авторъ замѣчаетъ только, что онъ изобилуетъ сѣнокосными и хлѣбопахатными землями и рыбою, а окрестныя горы — кедровыми орѣхами. Въ его рѣчкѣ Чеусѣ ловятъ разнаго рода рыбу: стерлядь, хотя небольшая, но очень вкусна и продается не дороже 4 руб. асс. пудъ. Караси же — въ 25 коп. асс пудъ! — О городѣ *Каинскѣ* (т. е. *Каинскъ*), гдѣ за недостаткомъ сосноваго лѣса употребляютъ кедръ, березу и осину, и гдѣ кровли на многихъ домахъ изъ бересты, покрытой сверху дерномъ, — авторъ говоритъ: » Въ самомъ городѣ цѣлую улицу занимаютъ Евреи. Въ похвалу города можно сказать то, что здѣсь живутъ тихо и незатѣйливо, городскіе экипажи такіе же, какъ и въ Ачинскѣ — длинныя линейки, родныя сестры телѣгѣ; одно непохвально, — это обыкновеніе, отпускать на улицу по волѣ собакъ, которыя стаями каждый экипажъ встрѣчаютъ и провожаютъ, прыгая подъ устцы лошадямъ съ воемъ и ласмъ.« — Отъ станціи Турумовой до села Спасскаго, на протяженіи верстъ десяти — »степь сливается съ горизонтомъ, и нѣтъ грустнѣе чувства, какое наполняетъ сердце путника на безграничной степи. Человѣкъ тогда кажется былин-

Digitized by Google

кою, покрытою безпредѣльнымъ небеснымъ сводомъ; взоръ утопаетъ то въ синемъ воздухѣ, то въ глубокой дали, какъ посреди моря, и вполнѣ чувствуется тогда одиночество. — Какъ ни тяжело плаваніе въ морѣ житейскомъ, гдѣ и бури и подводные камни; но на степи гладкой и просторной, одному, еще хуже. — Степь убѣдительно доказываетъ и сердцу и разуму, что человѣкъ созданъ для жизни общественной.«

По Тобольской губерніи, о бывшемъ городѣ *Тюкалѣ* (то есть *Тюкалинскѣ*), авторъ замѣчаетъ: »Тюкала имѣетъ нѣсколько улицъ, достаточно грязныхъ, унизанныхъ бѣдными, съ берестяными кровлями хижинами, между которыми есть дома и на городскую стать, особенно замѣтнѣе другихъ красуется домъ повѣреннаго питейнаго откупа, обставленный въ видѣ батареи, опустѣлыми винными бочьками. — Тюкала лишилась имени города около 8, или 10 лѣтъ, и кажется, не груститъ о потерѣ своей городской знаменитости, памятникомъ которой остались публичный садъ и деревянной гостинной дворъ, съ отверстыми и до нынѣ лавками, въ которыхъ по полкамъ красуются разные товары, для крестьянской потребности. Въ Тюкалѣ двѣ церкви, одна каменная, а другая деревянная и до 350 домовъ.«—О городѣ *Ишимѣ* — что въ немъ замѣтно повсюду довольство, потому что тамъ цѣны на жизненные припасы очень дешевы и потребителей (вѣроятно, по числу жителей) не много. »Глядя на счастливыя лица Ишимскихъ жителей, озабоченныхъ токмо насущностію дня, я невольно вздохнулъ и пожалѣлъ о томъ, почему человѣкъ вѣчно стремится къ чему-нибудь! — Не истинное ли счастіе, укрыться отъ бурь житейскихъ въ какомъ-нибудь Ишимѣ, и прозябать въ тиши?« — Говоря о *Барабинской степи* (*), авторъ заключаетъ: »Крестьяне, не смотря на ихъ березовые домики и берестяныя кровли съ жердочьками, всѣ вообще зажиточны, такъ что рѣдкой изъ нихъ не имѣетъ двухъ паръ лошадей. У богатыхъ, горницы раскрашены, кажется, однимъ барабинскимъ артистомъ; потому что фантазія его вездѣ одинакова: она на потолкахъ ломовъ расписала цвѣты, не существующіе въ природѣ, а на дверяхъ изобразила цѣпныхъ медвѣдей, сильно смахивающихъ на домашнихъ свиней. — У многихъ домовъ, ставни разкрашены и расписаны узорами, а на тесовыхъ крышахъ у домовъ, верхній охлупень (князёкъ) съ рѣзьбою и прорѣзями.

(*) Крестьяне и крестьянки Барабинской степи поселены здѣсь Екатериною Великою частію изъ раскольниковъ, бѣжавшихъ въ Польшу и укрывшихся въ извѣстный тамъ, раскольничій притонъ Вѣтку, и частію изъ поселенцевъ (ссылочныхъ) и ихъ потомковъ.

Digitized by Google

Около воротъ заплоты такъ же съ прорѣзями. Картинки суздальской гравировки украшаютъ стѣны въ горницахъ, а въ одномъ домѣ, чадолюбивый родитель, вмѣсто картинокъ, облѣпилъ полстѣны — чистописаніемъ своего сына. Это мой Мишка навараксалъ, говоритъ онъ, самодовольно улыбаясь и поглаживая свою бороду. И счастливый родитель глотаетъ похвалы своему борзо-писцу Мишкѣ! — Суздальскія картинки нынѣ стали въ Сибири очень рѣдки, и только на Барабинской степи еще можно полюбоваться — гисторіями въ лицахъ: о носѣ и сильномъ морозѣ, о Ѳомѣ музыкантѣ и Еремѣ плясунѣ, козѣ въ сарафанѣ и проч. Обертки съ сургучу здѣсь также играютъ роль картинокъ, и по поводу этому, здѣсь имена нѣкоторыхъ сургучныхъ фабрикантовъ въ большой славѣ.«

По Пермской губерніи, и частію Тобольской, Авторъ замѣчаетъ *о курганахъ*, что они встрѣчаются тамъ безпрерывно и непремѣнно *по три* въ недальнемъ одинъ отъ другаго разстояніи. »Эта тройственность кургановъ даетъ мысль, что они устроены такъ, а не иначе, по какому-нибудь вѣрованію. Курганы эти — могильные памятники, но какому народу они принадлежали, нѣтъ преданія. Очевидно однакоже, что они принадлежали народу кочевому, по устройству ихъ на степяхъ и около рѣкъ и большихъ озеръ, тамъ, гдѣ пастбища.« — О городѣ *Шадринѣ*, имѣющемъ 4 каменныя церкви и до 600 домовъ, что Шадринъ довольно значительный городъ по торговлѣ, однакожъ бытъ сельскій все еще замѣтенъ въ его обитателяхъ. Такова сила мѣстности! За тѣмъ авторъ разсуждаетъ о роскоши, и вмѣстѣ неудобствахъ и дороговизнѣ (не существующихъ, впрочемъ, для купцовъ или торговцевъ) проѣзжать на вольной почтѣ — отъ Шадрина до Казани и далѣе, на разстояніи болѣе 1,000 верстъ..... О городѣ *Екатеринбургѣ*, имѣющемъ 8 каменныхъ церквей и одну часовню: въ немъ »много каменныхъ домовъ, очень красиво выстроенныхъ; большая улица, широкая и прямая, вымощена камнемъ и обсажена березовою аллеею, а прочія улицы неровныя, съ рытвинами и грязныя; есть переулки, которые походятъ на лазейки; есть улицы, гдѣ вы проѣзжаете съ опасностію на каждомъ шагу — упасть съ экипажа — прямо въ болото грязи, по причинѣ рытвинъ, выбоинъ и торчащихъ въ разныхъ мѣстахъ камней. Тротуары деревянные и не во всѣхъ улицахъ. Вообще нельзя похвалиться здѣсь устройствомъ и красотою домовъ, и нельзя надивиться терпѣнію жителей имѣть такія улицы! — Изъ городскихъ удобствъ: двѣ гостинницы, двѣ кондитерскія и постоялый дворъ — каменные. Много домовъ съ лавками, погребками и разнаго рода заведеніями, а

Digitized by Google

на одномъ каменномъ домѣ, растянуты полутора-саженныя, вызолоченныя ножницы. Вывѣска огромная и оригинальная!« — Екатеринбургъ нынѣ наилучшій городъ по восточную сторону Уральскаго хребта. Между Екатеринбургомъ и Кунгуромъ, на станціи Златоустовской авторъ говоритъ: »Замѣчательно, что здѣшніе домашнія утки и гуси, летаютъ такъ же легко и свободно, какъ и полевыя. Это же самое я замѣтилъ и на Барабинской степи. Птицы эти улетаютъ тамъ за 20 вер. на озера, гдѣ погостивъ нѣсколько дней, возвращаются домой.« — О городѣ *Кунгурѣ*, въ коемъ 7 церквей и до 20 каменныхъ домовъ, авторъ замѣчаетъ: »Городской бытъ въ смѣшеніи съ деревенскимъ. Въ промышленности преобладаетъ извозничество и производство необходимыхъ для извозу вещей. Кунгуръ славится во всей Сибири, особенно своими сапогами, изъ конины кожи и юфти, съ длинными и узкими голенищами и съ тройнымъ рядомъ мѣдныхъ и желѣзныхъ гвоздей, на толстыхъ подошвахъ и плоскихъ каблукахъ. Эта обувь составляетъ щегольство ямщиковъ, извощиковъ и крестьянъ, и на крѣпкой ногѣ не уступаетъ копыту лошади.« — О губ. городѣ *Перми*, въ коемъ 8 каменныхъ церквей, авторъ, при сообщеніи кратчайшихъ свѣдѣній, говоритъ: »Если въ городѣ мало особенно замѣчательнаго, то за городомъ на кладбищѣ, есть примѣчательный памятникъ — это надгробный монументъ, надъ могилою знаменитаго Доктора Граля, имя котораго, какъ друга человѣчества, достойно занимать мѣсто на страницахъ Исторіи. Этотъ примѣрный медикъ всю жизнь свою посвятилъ на помощь своимъ больнымъ. Днемъ и ночью у него были въ готовности заложенныя въ экипажъ лошади, чтобы по первому же призыву спѣшить на помощь. Безъ различія лицъ и званія, онъ съ одинаковою готовностію спѣшилъ и въ палаты богача и въ убогую хижину. За практику ничего не принималъ, кромѣ подарковъ въ день своего Ангела. Бѣдные пользовались отъ него медикаментами безденежно. Должность свою отправлялъ онъ всегда въ мундирѣ. Такъ высоко онъ цѣнилъ назначеніе медика и его священную обязанность! Практика его была до того велика, что только утромъ въ извѣстные часы и ночью можно было найдти его дома. Остальное время дня, все было посвящено больнымъ. Я предполагалъ увидѣть памятникъ Гралю на городской площади, и, ошибся!« — Объ *Оханскѣ*, въ коемъ каменная церковь и до 300 домовъ — все деревянные и простенькіе: »Только домъ питейнаго откупа виднѣе другихъ. Вообще городъ Оханскъ былъ бы очень хорошею деревнею, не тяготясь именемъ города.«

По Вятской губерніи, говоря о городѣ *Малмыжѣ*, въ коемъ двѣ

Digitized by Google

церкви и около 300 деревянныхъ домовъ, авторъ прибавляетъ, что въ немъ—» въ числѣ городскихъ удобствъ двѣ гостинницы, для просвѣщенія—Уѣзное училище, и за тѣмъ самъ Бальзакъ, плодовитый на мѣльчайшія подробности, задумался бы при описаніи пресловутаго Малмыша, котораго насущная исторія бѣла, какъ первая страница непочатой книги, нарицаемой—меморіалъ. Благодаря проливному дождю и грязи, наполнявшей улицы, я насмотрѣлся до слезъ на Малмышъ, и оттого простился съ нимъ съ трепещущими на рѣсницахъ слезами.«

По губерніи Казанской—о губ. городѣ *Казани* (имѣющей до 40 церквей и монастырей и до 56,000 жителей (не меньше-ли?), которой посчастливилось услышать о себѣ отъ путеописателя болѣе словъ и внимательности, въ сравненіи съ другими городами, и которую онъ ставитъ, послѣ столицъ, первымъ губернскимъ городомъ во всей имперіи, авторъ, между прочимъ, такъ живописуетъ: »Видъ города очень красивъ, а въ то время, когда я приближался къ Казани,—онъ былъ очарователенъ! Въ это время, солнце блистало уже около горизонта, въ волнахъ розовыхъ и синихъ облаковъ и бусилъ мѣльчайшій дождикъ. Солнечные лучи, проходя сквозь эту влажную пыль, покрывали городъ и поле оранжевымъ свѣтомъ, съ переливами свѣта и тѣни, а противъ города, на небесахъ, образовались двѣ великолѣпныя и полныя радуги, какъ двѣ волшебныя арки, основаніемъ которыхъ было блестящее изумрудное поле.—На яркой зелени кустарниковъ трепетали свѣтлыя, дождевыя капли и казались прозрачно-розовыми, поле казалось ковромъ, сотканнымъ и вышитымъ руками феи!—Окна на дачахъ, облитыхъ оранжевымъ свѣтомъ, пылали ярко-золотистымъ огнемъ! Въ восторгѣ отъ этой, неожиданной и выше всякаго описанія картины, я невольно произнесъ: »Небеса престолъ Твой, и земля—подножіе ногъ Твоихъ!« Къ довершенію очарованія,—въ городѣ раздался гулъ колоколовъ,—благовѣстъ къ заутрени.«—» Въ Университетѣ богатое собраніе физическихъ инструментовъ, и посреди двора бронзовый монументъ, поставленный Гаврилу Романовичу Державину.—Поэтъ изображенъ сидящимъ, въ задумчивости, одѣтый въ легкую одежду древнихъ и сандаліи. Мнѣ кажется, этотъ нарядъ нейдетъ Русскому?«—»Казань въ Исторіи Государства Россійскаго, составляетъ собою особый и славный эпизодъ, но тщетно искалъ я слѣдовъ, гдѣ нѣкогда обитали ея могучіе ханы! Я воображалъ встрѣтить опустѣлую алгамбру, и нашелъ грязную татарскую слободу, жители которой усердно предлагаютъ купить у нихъ шали, платки, арякчины и халаты, запрашивая за товаръ свой въ три-дорога, и отдавая за третью часть противъ

Digitized by Google

запрошенной цѣны.—Послѣ этого, я не искалъ уже слѣдовъ древности Казани, оставя безъ вниманія даже домикъ прекрасной Сумбеки, видя ясно, что нынѣ Казань—дѣятельно-торговый городъ, щеголяющій своими халатами и сафьянами.«—А вотъ и послѣднія слова автора о Казани, при выѣздѣ его изъ города: »Казань на долго останется въ моей памяти: по великолѣпному впечатлѣнію, полученному при приближеніи къ ней, по красотѣ и изяществу ея зданій, и по грязи, покрывающей ея улицы, и по гадкой водѣ, отъ которой я сдѣлался болѣнъ.«—О городѣ *Свіяжскѣ*, имѣющемъ 6 церквей и 2 монастыря мужескій и женскій; въ первомъ изъ нихъ почиваютъ мощи Св. Германа:—»Улицы въ городѣ прямыя и довольно широкія, есть немного каменныхъ зданій, деревянные дома большіе и старые, гостинный дворъ состоитъ: изъ посудесятка деревянныхъ лавокъ съ разною мѣлочью. Вообще г. Свіяжскъ—городъ бѣдный. Жители занимаются сплавомъ по Волгѣ на лодкахъ въ Казань—пассажировъ. Мѣстоположеніе города довольно красивое и веселое.«—О городѣ *Чебоксарахъ*, до коего »дорога идетъ окруженная березовою аллеею, а около города, съ версту бѣжитъ степью, скатываясь крутымъ спускомъ въ улицу г. Чебоксаръ».—въ немъ до 10 каменныхъ церквей и монастырь:—»Въ числѣ городскихъ удобствъ, есть порядочная гостинница, и какъ вездѣ, по городамъ, вывѣски на стѣнахъ домовъ возвѣщаютъ о существованіи разныхъ искусствъ и ремеслъ, въ томъ числѣ и ремесла портнаго, только едва ли Чебоксарскій портной удовлетворилъ бы прихотливый вкусъ столичнаго щеголя? Примазанные деготькомъ сапоги здѣшнихъ франтовъ мѣщанъ, тоже не даютъ идеи, чтобы здѣсь былъ артистъ сапожникъ. За то здѣсь русскій кафтанъ, съ широкою, богатырскою грудью гуляетъ на распашку по улицамъ, и подъ вечерокъ, въ гостинницѣ, гремятъ удалыя приволжскія пѣсни.«—Отъ г. Чебоксаръ до станціи стараго Сундыря $21^{3}/_{4}$ в.—»Селеніе *Старыя Сундыри*, расположено по восточному скату горы и раздѣлено рвомъ, чрезъ который перекинутъ небольшой мостъ. Въ селеніи этомъ 45 домовъ. Живутъ все Чуваши. По любви ли къ природѣ, или по любви къ скотамъ, они живутъ въ тѣсномъ союзѣ—съ телятами и поросятами, по этому у нихъ домашнее хозяйство, буквально,—подъ руками. Воздухъ въ домахъ—приличный клеву и стойлу. Тотъ же образъ жизни ведутъ Черемисы и Вотяки.«

По Нижегородской губерніи—о городѣ *Васильсурскѣ* или просто *Васильѣ*, имѣющемъ каменную церковь и до 200 домовъ:—»По положенію, казалось бы, городу надобно имѣть болѣе блестящій видъ; но онъ

Digitized by Google

существуетъ мѣлкою промышленностію. За то здѣсь каждый житель, которому не лѣнь, ежедневно можетъ имѣть къ своему столу живую стерлядь, превосходнаго вкуса и качества.—Наслажденіе—ни вочто здѣсь цѣнимое!«—О губ. г. *Нижнемъ-Новгородѣ*, въ коемъ до 16 церквей и три монастыря, очень и очень мало сказано—и о самомъ городѣ и о его ярмаркѣ,—обо всемъ—только двѣ странички, общими мѣстами, такъ что мы не знаемъ, что и выписать. Видно, что авторъ слишкомъ утомился, и двѣ губерніи, Нижегородскую и Владимірскую, съ ихъ городами, какъ будто проѣхалъ на *курьерскихъ*. А между тѣмъ онѣ такъ важны и такъ буквально идутъ къ заданной имъ самому себѣ темѣ при отправленіи въ Москву, что объ нихъ слѣдовало бы поговорить не мало.

По Владимірской губерніи о городахъ *Гороховцѣ и Вязникахъ* (въ послѣднемъ 8 церквей и до 30 каменныхъ домовъ)—авторъ сказалъ *менѣе страницы*, тогда какъ инымъ станціямъ, ни мало не интереснымъ и ни чѣмъ не замѣчательнымъ, подобно приведенной нами выше—Орловской—посвящалъ по цѣлой страницѣ и болѣе на станцію. Такая несоразмѣрная услужливость къ незамѣчательному и невнимательность къ интересному сильно вредятъ и темѣ и достоинству книги.—Но губ. городъ *Владиміръ* вызвалъ и остановилъ на себѣ вниманіе автора-путешественника—на $3^1/_2$ шутливыя страницы, впрочемъ то же безъ особыхъ историческихъ подробностей.

Нашъ разборъ книги» Описаніе пути отъ Иркутска до Москвы,« незамѣтно сдѣлался очень великъ. Этимъ мы показали, какъ дорожимъ книгами этого рода. Отъ Г-на В. П., судя по нѣкоторымъ мѣстамъ его книжки, можно было ожидать болѣе удовлетворительныхъ результатовъ и описаній такого тракта, на 5,339 верстахъ—»линіи, на протяженіи которой болѣе населенности, жизни и движенія и *развитія внутреннихъ силъ Государства*.«....

Книга напечатана опрятно и на бѣлой бумагѣ. Кромѣ типографскихъ, впрочемъ весьма не значительныхъ и не многихъ опечатокъ, самому автору принадлежитъ много весьма важныхъ ошибокъ въ собственныхъ названіяхъ городовъ, рѣкъ и проч., на примѣръ: г. Тюкала (вмѣсто Тюкалинскъ), г. Гижига (вм. Гижигинскъ), г. Канскъ (вм. Каинскъ), г. Покровскъ (вм. Покровъ), р. Арпенъ (вм. Рпень), р. Кержеть (вм. Киржачь), въ г. Вязникахъ р. Бязьма (вм. Клязьма); нѣкогда принадлежавшее Суворову село Унделъ (вм. Ундолъ), ст. Чернолѣсская (вм. Чернорѣчинская), сел. Бунисы (вм. Буньково), поле Ваганька (вм. Ваганьково) и проч. Почти всѣ эти собственныя названія являются въ книгѣ по

Digitized by Google

нѣсколько разъ — и ни разу не выставлены въ своемъ настоящемъ имени. Въ особенности не посчастливилось городу Канску, Томской губерніи: его совсѣмъ нѣтъ; ибо онъ авторомъ превращенъ въ г. Канскъ, и потому въ книгѣ его являются и описываются два Канска: одинъ въ Енисейской губерніи, другой въ Томской.

Жаль, что къ книгѣ не приложено алфавита городамъ, станціямъ, (коихъ болѣе 220), селамъ, деревнямъ, рѣкамъ, и проч. *Ив. Дм.*

Описаніе Главнаго Педагогическаго Института въ нынѣшнемъ его состояніи. Въ тип. Имп. Академіи наукъ. 1851.

Актъ шестаго выпуска студентовъ Главнаго Педагогическаго Института 23 Іюня, 1851, тамъ же.

Съ нѣкотораго времени отчеты учебныхъ заведеній возбуждаютъ вниманіе всѣхъ читателей, какъ прежде возбуждали только нѣкоторыхъ. Они даютъ имъ возможность слѣдить за ходомъ образованія въ нашемъ отечествѣ и судить объ успѣхахъ, какіе дѣлаемъ мы на поприщѣ умственнаго развитія, знакомя въ тоже время съ характеромъ, цѣлію и средствами заведеній. «Описаніе Главнаго Педагогическаго Института» представляетъ намъ основаніе, различныя преобразованія, цѣль, составъ, права и преимущества, части учебную, воспитательную, хозяйственную, составъ и штаты этого заведенія, съ приложеніемъ списковъ студентовъ прежнихъ и нынѣшняго выпусковъ и формы о принятіи воспитанниковъ въ Институтъ.

Учебныхъ заведеній, благодаря заботливости и попеченію Правительства, у насъ очень много; но немногіе знаютъ о характерѣ, назначеніи и цѣли ихъ. Нѣкоторые изъ родителей, отдавая дѣтей своихъ въ то или другое заведеніе, знаютъ только, что изъ того-то выпускаютъ учащихся въ военную службу, а изъ этого — въ гражданскую, въ одномъ даютъ такія-то права и преимущества учащимся при поступленіи ихъ на службу, а въ другомъ такія; но какое учащіеся получаютъ образованіе въ этихъ заведеніяхъ, какія средства имѣютъ заведенія для достиженія своей цѣли, словомъ, о духѣ, такъ сказать, заведеній, характерѣ и цѣли ихъ знаютъ немногіе. «Описаніе Главнаго Педагогическаго Института» даетъ полное и ясное понятіе обо всемъ этомъ въ отношеніи этого заведенія. Оно начинается исторіею Института и различныхъ его преобразованій. Выпишемъ это мѣсто «Описанія», какъ весьма любопытное.

Digitized by Google

«При С. Петербургской Императорской Академіи Наукъ, со времени «ея основанія, въ 1725 году, находилась *Гимназія*, которая до 1762 «года называлась Университетомъ. Здѣсь, подъ руководствомъ Акаде- «миковъ, образовались учители для среднихъ и низшихъ учебныхъ «заведеній.

«Въ 1782 году, когда Императрица Екатерина II составила планъ «постепеннаго и повсемѣстнаго въ Имперіи образованія Народныхъ «училищъ, основана была *Учительская Семинарія*, для приготовленія «учителей Народныхъ училищъ. При открытіи Министерства Народнаго «Просвѣщенія въ 1803 году, Мая 20 дня, Учительская Симинарія «была совершенно преобразована. Заведеніе сперва названо *Учитель- «скою Гимназіею*. По предмету своему, состоявшему въ образованіи «юношества къ учительской должности, она составляла отдѣленіе «имѣвшаго учредиться въ С-Петербургѣ Университета; почему и «повелѣно было, въ 1804 году, принять ей названіе *Педагогическаго «Института*, сообразно тому, какъ называются таковыя отдѣленія «въ другихъ Университетахъ.

«Въ 1816 году, 23 Декабря, Высочайше утверждено новое образо- «ваніе Педагогическаго Института. Институтъ, составлявшій доселѣ «временное отдѣленіе предположеннаго Университета въ С-Петербургѣ, «утвержденъ былъ въ особенномъ и непремѣнномъ существованіи сво- «емъ, подъ названіемъ *Главнаго Педагогическаго Института*. «Существенный предметъ сего Института состоялъ въ образованіи «учителей, магистровъ, адъюнктовъ, профессоровъ, для всѣхъ училищъ «въ Имперіи, подвѣдомственныхъ Министерству Просвѣщенія и не «зависѣвшихъ отъ онаго, наставниковъ для частныхъ учебныхъ заве- «деній или пансіоновъ и для домашняго воспитанія. Для достиженія «существенной цѣли Главнаго Педагогическаго Института, преподавались «въ немъ всѣ тѣ науки, (исключая медицинскія), изящныя искусства и «языки, которымъ обучаются въ Университетахъ. Главному Педагогиче- «скому Институту, имѣвшему всѣ возможныя пособія, дозволено было «учредить при себѣ *Пансіонъ*, для воспитанія дѣтей на особенномъ «положеніи. Въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ преподавались «*собственные* курсы, для образованія учителей, и *публичные*, для «чиновниковъ, гражданскою службою обязанныхъ. Собственные курсы «раздѣлялись на первый курсъ, предварительный, продолжавшійся два «года, окончательный, или высшихъ наукъ, трехлѣтній, и педагогиче- «скій однолѣтній. Курсъ высшихъ наукъ состоялъ изъ трехъ отдѣленій:

Digitized by Google

«философско-юридическаго, физико-математическаго и историко-фило-«логическаго.

«Въ 1817 году, Октября 25, учрежденъ при Главномъ Педагогиче-«скомъ Институтѣ *второй разрядъ Главнаго Педагогическаго Ин-«ститута*, для образованія въ немъ учителей Приходскихъ и «Уѣздныхъ училищъ.

«Въ 1819 году, Февраля 8, Главный Педагогическій Институтъ «преобразованъ въ *С-Петербургскій Университетъ*, а второй раз-«рядъ Главнаго Педагогическаго Института, въ 1822 году Іюня 25, «былъ упраздненъ.

«Въ 1828 году, Сентября 30, для умноженія числа достойныхъ на-«ставниковъ юношества, сверхъ существующихъ при Университетахъ «Педагогическихъ отдѣленій, учреждено въ С-Петербургѣ особое «заведеніе, подъ названіемъ *Главнаго Педагогическаго Института.* «Въ немъ, какъ и прежде, было три курса: предварительный, оконча-«тельный и педагогическій. Окончательный также состоялъ изъ трехъ «факультетовъ: философско-юридическаго, физико-математическаго и «историко-филологическаго.

«Въ 1832 году, 19 Апрѣля, открыто при Главномъ Педагогиче-«скомъ Институтѣ *отдѣленіе для малолѣтняго возраста.*

«Въ 1838 году, 14 Декабря, сверхъ малолѣтнаго возраста, присое-«диненъ къ Главному Педагогическому Институту возобновленный *второй* «*разрядъ Главнаго Педагогическаго Института*, для приготовле-«нія учителей въ Уѣздныя училища.

«Въ 26-й день Іюля, 1847 года, Государь Императоръ, по все-«подданнѣйшему докладу Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Высо-«чайше повелѣть соизволилъ отдѣленіе младшаго возраста и второй «разрядъ, какъ учрежденія, исполнившія свое назначеніе и за тѣмъ «оказавшіяся ненужными, упразднить.

«Съ приведеніемъ такимъ образомъ Института въ первоначальное «состояніе, для большей спеціальности, оный ограниченъ двумя факуль-«тетами: Историко-философскимъ и Физико-математическимъ; Юридиче-«скій же факультетъ упраздненъ. Оклады упраздненныхъ каѳедръ юри-«дическаго факультета обращены на вновь открытыя каѳедры: Астро-«номіи, Русской Исторіи и Славянскихъ нарѣчій.

«Въ 1849 году, Іюня 27, Министръ Народнаго Просвѣщенія, находя «Предварительный курсъ при Главномъ Педагогическомъ Институтѣ «исполнившимъ свое назначеніе и болѣе не нужнымъ, предписалъ «впредь не производить пріема воспитанниковъ въ сіе отдѣленіе, а

Digitized by Google

«только укомплектовать студенческій курсъ, раздѣливъ оный на старшій «и младшій, и назначивъ для каждаго изъ нихъ двухгодичный срокъ, «такъ что все воспитаніе Институтское, наровнѣ съ Университетомъ, «должно продолжаться только четыре года, вмѣсто прежнихъ шести «лѣтъ.» (Стр. 1—5).

Но мы обратимъ вниманіе на цѣль, для которой существовалъ и въ настоящее время существуетъ Педагогическій Институтъ.

«Главный Педагогическій Институтъ учрежденъ для приготовленія «Профессоровъ и Учителей въ учебныя заведенія Министерства Народ- «наго Просвѣщенія. При сей главной цѣли Института, нѣкоторые сту- «денты онаго могутъ поступать въ комнатные надзиратели пансіоновъ «при Гимназіяхъ, или другихъ казенныхъ воспитательныхъ заведеній, «въ учители по Военно-Учебнымъ заведеніямъ и въ домашніе настав- «ники» (Стр. 5).

Мы имѣли уже случай замѣтить, что многіе изъ родителей поступаютъ въ дѣлѣ образованія дѣтей бозсознательно, ощупью, а многіе изъ учившихся или учащихся берутъ на себя обязанность домашнихъ наставниковъ не по внутреннему призванію и расположенію, не по врожденнымъ способностямъ, а единственно изъ выгодъ, какія доставляетъ преподаваніе уроковъ въ домахъ. Можно злоупотреблять всѣмъ для своихъ личныхъ интересовъ, даже святымъ долгомъ воспитанія. Толкуютъ же постановленія и законы соотвѣтственно своимъ выгодамъ, женятся по расчету на знатныхъ и богатыхъ, торгуютъ совѣстію для пріобрѣтенія и обезпеченія своего имущества; отъ чего же не пуститься и въ домашніе учители и наставники, если домашнему учителю платятъ хорошую цѣну, если онъ, исполняя должность учителя, часто дѣлается еще другомъ дома, и живетъ въ совершенномъ довольствѣ и счастіи?.... Но къ чему толковать о злѣ, гдѣ бы оно ни существовало, въ какихъ бы сферахъ жизни ни являлось. Главное дѣло — врачевать болѣзнь, искоренять, или, по крайней мѣрѣ, уменьшать существующее зло. Учрежденіе Педагогическаго Института, какъ мы видѣли и изъ исторіи его, всегда имѣло въ виду образованіе учителей и наставниковъ, какъ публичныхъ заведеній, такъ и домашнихъ. Извѣстно, что и мало способный учитель, если только онъ знаетъ, какъ приняться за дѣло обученія дѣтей, гораздо болѣе успѣетъ, нежели и очень способный, но не умѣющій взяться за него. Мы говоримъ это потому, что не можетъ же быть, чтобы всѣ воспитанники Института были равно способны къ должности учителей и наставниковъ: но всѣ они, — въ этомъ всякій убѣжденъ, — какъ посвятившіе себя исключительно

Digitized by Google

на приготовленіе къ этой должности, могутъ выполнить ее несравненно отчетливѣе, сознательнѣе, превосходнѣе, чѣмъ тѣ, которые берутся за нее exprompt. Образованіе педагоговъ, кромѣ цѣли—доставленія въ публичныя заведенія и въ дома достойныхъ учителей и наставниковъ, должно дать еще общій характеръ образованію и воспитанію нашего юношества, и уничтожить ту пестроту, которая существуетъ въ настоящее время въ познаніяхъ молодыхъ людей, что одинъ слишкомъ много знаетъ, а другой, учившійся у того же учителя, почти ничего. Здѣсь разница происходитъ, не отъ способности воспитанниковъ, а отъ того, что учитель, занимаясь съ однимъ, удачно попалъ на врожденныя его дарованія, а съ другимъ таже была употреблена метода, но не пришлась по натурѣ питомца. Дай же Богъ побольше воспитанниковъ Педагогическому Институту!

«Актъ шестаго выпуска Студентовъ Главнаго Педагогическаго Института» есть какъ бы оправданіе того, что сказано въ «Описаніи Института» и служитъ къ нему дополненіемъ, потому что, при изложеніи отчета за нынѣшній годъ, дѣлаются мѣстами ссылки на «Описаніе». Въ этой книгѣ мы остановимся на рѣчи г. Вышнеградскаго.

Г. Вышнеградскій разсматриваетъ въ своей рѣчи «*какіе вопросы относятся къ области Педагогіи и какія пути прямо и надежно ведутъ къ ихъ рѣшенію*». Онъ говоритъ: «Воспитаніе, разумѣя подъ «симъ словомъ только то, которое совершается намѣренно и обду«манно, есть искуственный процессъ, въ которомъ человѣкъ нераз«витый при помощи различныхъ употребляемыхъ взрослыми мѣръ, «развиваетъ всѣ стороны своего существа соотвѣтственно той цѣли, «ради которой существуетъ человѣкъ и гражданинъ. Изъ сего понятія «о воспитаніи открывается, что опредѣленіе педагогическихъ мѣръ, «безспорно будучи цѣлью всякаго изслѣдованія о семъ предметѣ, вовсе «не составляетъ единственной и даже главной задачи педагогіи. Ибо «разумно могу предписать мѣры воспитанія только тогда, когда знаю «во 1, цѣль, ради которой воспитываю, 2, природу лица, мною вос«питываемаго. Такимъ образомъ главныхъ вопросовъ въ наукѣ о вос«питаніи три: 1, о цѣли, ради которой воспитывается человѣкъ, 2, «о его природѣ, и 3., о средствахъ, кои должны быть употребляемы «для того, чтобы воспитываемое лице достигало своей цѣли» (стр. 5).

Изложивъ такимъ образомъ главные вопросы, составляющіе содержаніе Педагогіи, г. Вышнеградскій переходитъ къ объясненію ихъ. Онъ доказываетъ, во 1-хъ, необходимость предположенія и яснаго сознанія цѣли, къ которой должно вести воспитаніе. Но цѣли воспитанія

Digitized by Google

могутъ быть различны. Пожалуй, и Манилов имѣлъ цѣль для своего сына, думая сдѣлать его дипломатомъ. Поэтому г. Вышнеградскій полагаетъ, что цѣль и сознаніе ея должны быть истинныя, а не ложныя, разумныя и нравственныя, а не химерическія и нелѣпыя, словомъ, онѣ должны быть соотвѣтственны назначенію человѣка и гражданина.

«Въ жизни человѣка»—говоритъ авторъ рѣчи, главнымъ образомъ «могутъ быть различаемы два назначенія: одно, условливаясь общечеловѣческими свойствами нашими, обще всѣмъ людямъ; для всѣхъ равно обязательно указаніе Предвѣчной Истины: *будите совершени, яко же и Отецъ вашъ Небесный совершенъ есть*. Это наша цѣль главная; это назначеніе высшее; стремленіе къ нему есть существенное условіе, необходимое для достиженія всѣхъ прочихъ цѣлей. Но по вѣчному закону Премудраго Устроителя и Верховнаго Правителя человѣческихъ обществъ (,) каждый человѣкъ въ особой формѣ и въ особой мѣрѣ долженъ развивать и проявлять въ общественной жизни тѣ силы, кои составляютъ сущность нашей природы; неравномѣрно раздѣляя между людьми разнообразныя дарованія, и такимъ образомъ поставляя насъ въ зависимости другъ отъ друга, Промыслъ не разрывно связалъ насъ одного съ другимъ узами взаимной нужды и тѣмъ самымъ положилъ незыблемое основаніе гражданскому обществу. Итакъ каждый долженъ служить Обществу тѣми способами, кои даровала ему природа, указало происхожденіе или опредѣлила Государственная власть. Какое обширное поприще, какой важный предметъ для соображеній педагога! Онъ долженъ глубоко вникнуть въ особенности различныхъ классовъ народныхъ и служеній общественныхъ, и на основаніи того опредѣлить, какое воспитаніе вѣрнѣйшимъ образомъ приготовляетъ къ той дѣятельности, которая ждетъ каждаго изъ насъ на поприщѣ служенія обществу. Такъ на-прим. (,) всѣ мы чувствуемъ, что воспитаніе женщины во многомъ должно отличаться отъ воспитанія мущины: но стоитъ только прислушаться къ разнообразнымъ, нерѣдко противоположнымъ мнѣніямъ о сущности сего различія, дабы убѣдиться въ томъ, что большинство разсуждающихъ не имѣетъ яснаго сознанія объ особенности и сущности служенія, предназначеннаго женщинѣ отъ природы. Одни требуютъ, чтобы воспитаніе ея ограничивалось пріобрѣтеніемъ тѣхъ знаній и способностей, кои необходимы для матери и хозяйки, другіе желаютъ видѣть женщину украшенною тѣми дарами, кои необходимы для возвышенія общественной жизни; одни почитаютъ совершенно ненужными для женщины тѣ сокровища умственнаго образованія, кои

Digitized by Google

«почитаются столь важными и благотворными для мущины, другіе, въ «силу разумно-человѣческой природы ея, требуютъ и для нея равной «съ мущиною доли въ общемъ достояніи человѣческой образованности. «Чѣмъ объяснить такое разномысліе касательно предмета, по видимому «простаго и всѣмъ близкаго? Отчего споры о немъ, въ которыхъ нѣтъ «недостатка, вопреки справедливому ожиданію, не приводятъ ни къ ка- «кому положительному результату? Отъ того, что большинство начина- «етъ судить объ этомъ предметѣ, не уяснивъ себѣ достаточно той «идеи, безъ которой не возможно рѣшеніе сей задачи, — идеи объ осо- «бенной цѣли, о своеродности назначенія и служенія женщины. Тѣже «трудности, тоже разногласіе и по той же причинѣ встрѣчаемъ въ «каждомъ разсужденіи о мѣрѣ, содержаніи и способахъ образованія «низшихъ классовъ общества. Посему желающій постановить твердыя «и разумныя правила касательно воспитанія долженъ, предварительно «изслѣдовать: а) общую всѣмъ людямъ цѣль жизни нашей, б) тѣ осо- «бенныя назначенія, кои условливаются націею, поломъ, сословіемъ, «будущею должностью и спеціальными природными дарованіями (стр. 7).

Переходя къ изложенію втораго вопроса науки о воспитаніи — *о природѣ человѣка*, и доказывая необходимость его существованія въ содержаніи педагогіи, г. Вышнеградскій указываетъ, какія именно стороны этого вопроса существенно необходимы для научнаго построенія педагогической системы. Здѣсь онъ объясняетъ: а) какъ относится естественный человѣкъ къ цѣли земнаго бытія своего; потомъ говоритъ о необходимомти изслѣдованія b) вопроса объ основныхъ законахъ, по которымъ совершается развитіе духовныхъ и тѣлесныхъ силъ человѣка, и наконецъ указываетъ, какіе существуютъ способы къ рѣшенію, c) имѣетъ ли человѣкъ какія либо врожденныя расположенія, или все содержаніе его души есть произведеніе внѣшнихъ явленій».

Для опредѣленія *средствъ воспитанія*, третьей задачи Педагогіи, г. Профессоръ считаетъ за первый способъ — *опытъ*, а за второй и важнѣйшій — *познаніе общихъ законовъ развитія человѣческой души*.

Разсматривая всѣ изложенные выше вопросы, которые должна имѣть въ виду Педагогія, и которые, по-этому должны составлять существенное содержаніе ея, мы видимъ, что г. Вышнеградскій обнимаетъ эту науку въ обширномъ объемѣ и съ глубокимъ сознаніемъ содержанія ея, и Грифе, напримѣръ, имя котораго упоминаетъ г. Вышнеградскій, дѣйствительно представляетъ попытки создать что-то въ родѣ науки Педагогіи, но не создалъ ея, увлекшись слишкомъ отвлеченными изслѣдованіями о психическомъ развитіи человѣка и почти совершенно

Digitized by Google

оставляя въ сторонѣ опытъ, примѣненіе своихъ началъ къ дѣйствительности. Правда, что и г. Вышнеградскій только излагаетъ въ своей рѣчи тѣ вопросы, которые должны входить въ составъ Педагогіи, а не рѣшаетъ ихъ; но важно, что эти вопросы означены, указаны, а слѣдовательно задана та задача, надъ рѣшеніемъ которой должна главнымъ образомъ трудиться Педагогія. Быть можетъ, ее рѣшитъ самъ же г. Вышнеградскій, потому что въ отчетѣ объ ученыхъ трудахъ профессоровъ Института, говорится, что онъ въ минувшемъ академическомъ году занимался составленіемъ *Руководства къ Педагогикѣ*. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ появленія въ свѣтъ этой въ вышей степени нужной книги. Не многіе отчеты могутъ сравняться съ этими въ ясности, полнотѣ и цѣлесообразности. Видѣнъ мастеръ своего дѣла.

Н. Р.-Р.

Пантеонъ и Репертуаръ Русской сцены. Іюль. Книжка первая.

I) Отдѣлъ драматическій: «Царскіе потѣшные или Кожуховскій походъ, комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, изъ временъ Петра Великаго.» Soi disante комедія «Царскіе потѣшные» — назадъ тому лѣтъ пять, играна была въ Петербургѣ, въ одинъ изъ бенефисовъ, и мирно скончалась послѣ втораго представленія. Для чего появилась она снова на свѣтъ Божій, неизвѣстно, ни ей вѣроятно, плохой комедіи, ни намъ, обязаннымъ отдавать о ней отчетъ публикѣ. «Царскіе потѣшные» носятъ на себѣ всѣ родовые признаки различныхъ драматическихъ представленій и повѣстей, заимствуемыхъ изъ эпохи Петра В. Гг. сочинители такихъ штукъ, всѣ безъ различія, какъ набившіе, такъ и не набившіе руку въ этомъ дѣлѣ, начиная съ Гг. Полеваго и Кукольника, слѣдуютъ обыкновенно одному рецепту въ изображеніи того, съ чѣмъ боролся великій Преобразователь. По рецепту написаны и «Царскіе потѣшные», которыхъ содержаніе мы разскажемъ отчасти для того, чтобы познакомить читателя съ этимъ рецептомъ.

Дѣйствіе открывается на Преображенскомъ дворѣ, въ казармахъ. На барабанахъ сидятъ нѣсколько офицеровъ и сержантовъ, и въ томъ числѣ Меншиковъ, Артамоновъ и неизбѣжный Нѣмецъ, капитанъ Пфлихтъ, отличающійся тѣмъ, что онъ коверкаетъ русскій языкъ и соотвѣственно своей фамиліи (Pflicht) говоритъ безпрестанно о долгѣ службы. Разговоръ идетъ о Кожуховскомъ походѣ. При семъ удобномъ случаѣ, Меншиковъ говоритъ:

Digitized by Google

«Конечно, это шутка, но, какъ всякая шутка нашего Царя скрываетъ «въ себѣ благую цѣль, то и этою онъ хочетъ пріучать народъ свой «къ шуму и движенію военному, вмѣстѣ съ тѣмъ искоренить невѣ«жество, предразсудки и пагубные остатки мѣстничества.... Все онъ «дѣлаетъ шутя: шутя—преобразуетъ войско, шутя—создаетъ флотъ.... «но шутки эти скоро отзовутся страхомъ для сосѣдей и враговъ Рос«сіи, онѣ прославятъ наше отечество и увѣковѣчатъ доблестную па«мять Петра Алексѣевича. Такъ, братья.... и если мы—его счастливые «сподвижники, усердно и дружно пойдемъ за нимъ, то и наши имена, «теперь небольше, какъ имена потѣшныхъ, впишутся въ исторію дѣя«ній нашего Царя....» Потомъ, Меньщиковъ остается наединѣ съ Артамоновымъ и Артамоновъ открывается ему въ пряничной любви къ дочери закоренѣлаго врага нововведеній, князя Мышецкаго....

Да позволятъ намъ читатели остановиться немного и спросить, почему до сихъ поръ еще наши драматурги не могутъ шагу сдѣлать безъ приторной любви — почему такъ мало подѣйствовали на нихъ извѣстныя слова Гоголя въ «Театральномъ разъѣздѣ» и самыя произведенія великаго поэта. Не грѣхъ вспоминать иногда хорошее старое, и мы не можемъ удержаться, чтобы не привести по этому поводу энергической выходки изъ одной, превосходной во многихъ отношеніяхъ критической статьи—1844 года: «Чуть только начнемъ мы писать ко«медію,—говоритъ ея авторъ»—выходитъ книга, въ которой много «словъ, много пошлостей, много вздора и нѣтъ нисколько истины, дѣй«ствительности. Интрига всегда завязана на пряничной любви, увѣнчи«вающейся законнымъ бракомъ, по преодолѣніи разныхъ препятствій. «Любовь у насъ во всемъ—и въ стихахъ, и въ романахъ, и въ по«вѣстяхъ, и въ трагедіяхъ, и въ комедіяхъ, и въ водевиляхъ. Поду«маешь, что на Руси, люди только и дѣлаютъ, что влюбляются, да «по преодоленіи разныхъ разныхъ препятствій, женятся, — и, замѣтьте, «всегда безкорыстно, безъ расчетовъ на приданое, на связи, на выгод«ное мѣсто, всегда на дѣвѣ идеальной, дочери бѣдныхъ, но благород«ныхъ родителей. Гоголь сказалъ правду: *Теперь сильные завязы«ваетъ драму стремленіе достать выгодное мѣсто, блеснуть и «ватмать, во что бы то ни стало, другаго, отмстить за пренс«бреженье, за насмѣшку, не болѣе ли имѣютъ теперь электри«чества денежный капиталъ, выгодная женитьба, чѣмъ любовь?*» «Но нашимъ комикамъ этого и въ голову не входило. Пошлый лю«бовникъ съ пряничными фразами, пошлая барышня, нѣчто въ родѣ «сентиментальной servante endimanchée, разлучникъ негодяй и дядя резо-

Digitized by Google

«лёръ—неизмѣнныя лица ихъ комедій. Всѣ говорятъ, словно по книгѣ «читаютъ, не услышишь живаго слова и нѣтъ признака того, что бы «ваетъ въ дѣйствительности. Оно и лучше: ни кто не узнаетъ себя и «не осердится. Волки сыты и овцы цѣлы »

На такой же прянишной завязкѣ основана и комедія «Царскіе потѣшные.» Герои ея шуты, какихъ на свѣтѣ не бываетъ или условныя куклы съ условными рѣчами, съ приторными чувствами. Артамоновъ разсказываетъ—что въ «грустномъ взглядѣ» своей любезной при встрѣчѣ съ нею, онъ «прочелъ, что она помнитъ и по прежнему любитъ его.»— «Вчера—продолжаетъ онъ—я встрѣтился съ нею на *гульбищѣ*—и былъ «пораженъ внезапною перемѣрою въ лицѣ ея; *цвѣтущія здоровьемъ «щеки были покрыты страшною блѣдностью;* отуманенные *какимъ «то* (Sic!) горемъ *глаза ея, какъ будто говорили мнѣ о близкомъ несчастіи, которое грозитъ намъ обоимъ....*» Удивительное дѣло—какъ подобныя, очевидныя, вопіющія пошлости не надоѣли еще ихъ производителямъ!... Кто, скажите на милость, можетъ принимать во всемъ этомъ участье, кому не смѣшно и не досадно, что авторъ заставляетъ принимать въ нихъ участіе Меньщикова, котораго голова занята была вѣроятно не такимъ вздоромъ?... «Бѣдняжка.... *чувствительно* говоритъ къ *чувствительному* Артамонову—«право, я начинаю принимать участіе въ твоихъ любовныхъ интригахъ.»

Приходитъ царскій шумъ Тургеневъ, прозванный кіевскимъ полковникомъ и тоже принимаетъ участіе въ любовномъ горѣ Артамонова! хотя боится идти къ князю Мышецкому. «Нѣтъ, братъ—слуга покорный, «Я ужъ тебѣ разъ на отрѣзъ отказалъ и теперь повторю, что мнѣ «свои бока еще не надоѣли, а съ княземъ шутить нельзя.»

Значитъ—поборникъ старины, князь Мышецкій, съ перваго же раза представляется въ видѣ *дантиста*, въ томъ значеніи снова, какое придаетъ ему капитанъ Копѣйкинъ, и мы, говоря словами князя Одоевскаго, имѣемъ удовольствіе видѣть изображеніе стараго боярина, списанное прямо съ его кучера. Все это—какъ и слѣдуетъ. Но ничто не можетъ сравниться въ *комизмѣ* съ сценою смотра войска, набраннаго изъ подъячихъ, стряпчихъ, жильцевъ, дворянъ и обучаемаго капитаномъ Пфлихтомъ. Это грубое малеванье *замѣчательно* по своему безобразію—и мы считаемъ долгомъ выписать всю эту сцену, съ немногими сокращеніями—чтобы познакомить читателей съ общею манерою нашихъ драматуровъ и при разборѣ всѣхъ другихъ произведеній этаго рода, только ссылаться на извѣстный уже рецептъ.

Digitized by Google

«*Потешные выводятъ на сцену толпу подлячихъ, стряпчихъ, жильцевъ, дворянъ, а сами становятся по другую сторону.*»

«*Артамоновъ.* Экой народъ-то! Чудо богатыри! Не бось, все люди «бывалые въ походахъ, *не бось съ княземъ Голицынымъ и Крымъ «бирали и татаръ бивали!...* А вонъ тамъ собралась еще ватага. «Посмотримъ что за птицы? (*уходитъ*).

«*Пфлихтъ.* Слушайте, что мой вамъ сказывалъ!

«*Одинъ изъ толпы.* Да ты еще ничего намъ не сказывалъ, бояринъ.

«*Пфлихтъ.* А, пожалуйстъ! Завтра рано будетъ вамъ здѣсь, «съ оружіемъ, кто что есть приходить и умѣть дѣлать артикулъ и всѣ «военный экзерсисъ. Ну понимаетъ?

«*Одинъ изъ толпы.* Несовсѣмъ, бояринъ.

«*Другой.* Ничего не разумѣемъ, бояринъ.

«*Пфлихтъ (съ нетерпѣніемъ)* Прошу покорно сдѣлаютъ что ни «будетъ съ такой безтолкова народъ! (*первому офицеру*) Растолкуйтъ «имъ, пожалуйстъ, г. офицеръ, ихъ *долгъ служба.*

«*Первый офицеръ.* Завтра утромъ вамъ всѣмъ надобно опять придти «сюда съ оружіемъ, какое у кого есть; вамъ покажутъ всѣ правила «строя, а потомъ будьте готовы къ походу подъ Кожухово.

«*Артамоновъ.* Теперь говорите мнѣ ваши имена и званія: я запишу «ихъ въ книгу.»

«*Всѣ вмѣстѣ. Азъ есмь....*

«*Артамоновъ.* Только не всѣ вдругъ; подходите ко мнѣ по одиначкѣ: «ты кто?

«*Одинъ изъ толпы. Азъ* изъ жильцевъ московскихъ и т. д.»

Чувствуете ли вы читатели всю силу комизма?... Не чувствуете? тѣмъ хуже для васъ. Какъ смѣшно нѣмецъ коверкаетъ русскій языкъ—какъ смѣшно *должно быть* слово: Азъ есмь! на которомъ по всей видимости сосредоточенъ комизмъ... Но это все еще цвѣточки комизма—настоящее дѣло впереди: настоящее дѣло въ Аѳонѣ, сына князя Мышецкаго, котораго неволею тащутъ на службу.

«*Аѳоня* (за сценою). Да куда же это, дядюшки, тащите вы меня? «Пустите! въ послѣдній разъ вамъ говорю, *не то, отцу пожалуюсь...*

«*Пфлихтъ.* А, вотъ еще одинъ молодца! Давай его здѣсь! (*Аѳоню «приводятъ на сцену*).

«*Аѳоня.* Умилосердитесь! Да что же это хотятъ со мной дѣлать?

«*Одинъ изъ стрѣльцевъ, приведшихъ Аѳоню.* Вотъ мы и пришли; «г. Капитанъ скажетъ, что тебѣ дѣлать.

Digitized by Google

«*Аѳоня.* (кланялсь) Разсуди, господинъ... какъ люба: авось ты «поумнѣе вотъ этихъ... вотъ я стоялъ себѣ на площади, никого не «трогалъ и ничего дурнаго не дѣлалъ, вороны не спугнулъ, на народъ «глядѣлъ только, а вотъ эти раз...то, бишь дяди, ни съ того, ни «съ другаго, цапъ царапъ — да и поволокли сюда. Отпусти меня «домой голубчикъ дядюшка, а этихъ то хорошенько, чтобъ въ другой «разъ не бойко за воротъ всякаго... Чтобъ не мяли потылицу... да «еще кому!

«*Одинъ изъ стрѣльцевъ.* Намъ велѣно было только привести его «въ Преображенскій приказъ. (*Пфлихтъ даетъ знакъ и стрѣльцы «уходятъ*).

«*Аѳоня.* Такъ я въ Преображенскомъ? Господи! Да за что жъ это?

«*Пфлихтъ.* Чего вы испугался, милодой господь, вамъ въ Пре«ображенскомъ надобно будетъ только долгъ служба показалъ.... «миножко поучиться...

«*Аѳоня. Учиться? какъ учиться? для чего учиться?* Да вы спро«сили бы меня прежде: хочу ли я учиться? *Дома всегда такъ дѣлаютъ;* «и если ужъ чего я не хочу...

2-й *Офицеръ.* А не хочешь, такъ и насильно заставятъ: здѣсь «вѣдь не дома. Да и чего бояться ученья? взялъ мушкетъ въ руки, «да знай и поигрывай имъ.

«*Аѳоня. Какъ... играть мушкетомъ? Что ты! Да отецъ мой,* «*бывало, ни подъ какимъ видомъ не велитъ и дотрогиваться до* «*мушкета: онъ десятокъ можетъ убить.*»

И это говоритъ, по странной прихоти автора, сынъ стараго боярина, котораго мужество, испытанное въ бояхъ, не подлежитъ ни какому сомнѣнію! Вообще, откуда взялъ авторъ своего Аѳоню? изъ чего клевещетъ онъ на жизнь вообще и на жизнь избранной имъ эпохи? Благо ужъ эта эпоха прошла, такъ и неси на нее всякую небывальщину!... Но, зачѣмъ, спрашивать у нашихъ борзописцевъ, *почему* пишутъ они то или другое... Докончимъ выписку.

«1-й *Офицеръ.* Вотъ для того-то и надобно учиться, какъ играть «имъ, чтобы онъ не убивалъ того, кто имъ играетъ, а другихъ, «кого нужно.

«*Аѳоня.* Брръ!.. подумать страшно. Вѣдь, если я напримѣръ, «другихъ убиваю, то и меня могутъ убить?

«2-й *Офицеръ.* Вѣстимо не пощадятъ.

«*Артамоновъ.* Скажи-ка скорѣй имя твое и званіе, и ступай на «свое мѣсто.

«*Аѳоня.* А, наконецъ-то узнаютъ, кто я. Вотъ этимъ кричалъ я «во все горло, что я дескать сынъ стольника и воеводы Князя Ѳомы Кондратьевича Мышецкаго — такъ они и усомъ не повели».

Самъ князь Мышецкій съ друзьями его, отцемъ Артамонова и Сипкимъ, изображены точно такими же красками какъ Аѳоня — княжна Марія вся насквозь пропитана конфетными чувствами. Развязка пьесы основана на томъ, что князь Мышецкій, побѣжденный на маневрахъ потѣшными, отдаетъ наконецъ руку своей дочери Артамонову. Дѣйствіе тянется вяло — нигдѣ не встрѣтили мы ни одного живаго мѣста и если

Digitized by Google

заняли читателей разборомъ одной изъ ничтожнѣйшихъ штукъ, то единственно потому, что хотѣли и себя и ихъ избавить на будущее время отъ разборовъ таковыхъ же. Есть надежда—что «Потѣшные, не послѣдняя попытка въ этомъ родѣ—такія попытки весьма многочисленны къ стыду драматургіи и сцены, многія изъ таковыхъ, — искуснѣе и ловчѣе сшитыя, имѣли и имѣютъ даже успѣхъ.

II.) Отдѣлъ Повѣствовательный. Здѣсь напечатана первая часть довольно интереснаго разсказа Габріэля Ферри «Лѣсной скиталецъ» о которомъ мы скажемъ нѣсколько словъ по его окончаніи. Теперь замѣтимъ только, что «Лѣсной скиталецъ» написанъ съ живостью и ловкостью автора «Мехиканскихъ сценъ».

III.) Исторія искусства. Въ этомъ отдѣлѣ окончена статья «начало и развитіе оперы въ Европѣ»—вообще весьма поверхностная и не представляющая большаго интереса. Другая статья «Гофманъ и его жизнь»—по видимому французская, написана довольно легко и читается безъ скуки, хотя совершенно безъ пользы.

IV.) Въ отдѣлѣ «Мемуаровъ» въ которомъ прекратились къ сожалѣнію «Записки Тальмы»—начата скучная и ничѣмъ особенно не замѣчательная автобіографія Датскаго поэта Андерсена: Сказка моей жизни безъ вымысла. Кромѣ того есть въ этомъ N Пантеона:—Панорама иностранныхъ театровъ и смѣсь «въ которой между прочимъ нашли мы любопытную статью» «товарищъ Калифорнскихъ переселенцевъ»—и прочтя ее, подивились, какимъ образомъ и почему попала она въ театральный Сборникъ. Авторъ, человѣкъ знакомый коротко съ страною, интересующею теперь Европу, предлагаетъ путешественникамъ различныя совѣты, внушенные ему практическою опытностью. Странную связь нашла редакція между этими совѣтами и драматургіею или сценою. Глава напримѣръ о «гигіеническихъ предосторожностяхъ *для* переселенцевъ въ новый свѣтъ»—или глава «о вещахъ необходимыхъ переселенцемъ»! Скажите на милость—что это за мистификація?

Балагуръ блеститъ своимъ обыкновеннымъ остроуміемъ. *Репертуаръ же русской сцены* подарилъ публикѣ водевиль г. А. Б «*Хлопчатая бумага или у страха глаза велики.* Нѣкто г. Странный, боится хлопчатой бумаги и разсказываетъ о разныхъ несчастіяхъ ею причиненныхъ. Между прочимъ онъ разсказываетъ слѣдующее.

«*Странный.* А съ другой госпожей случилась штука поинтереснѣе этой. *Я и не зналъ до сихъ поръ, что у нихъ бываетъ* «этака вата.

«*Василиса Гурьевна.* Ну, да ладно; говори скорѣй.

«*Странный.* Она была на вечерѣ, въ большомъ обществѣ, и имѣла «необдуманность подойти къ топившемуся камину.—Не прошло пяти «минутъ, что она простояла въ такомъ положеніи, какъ вдругъ выстрѣлъ «да такой что изъ твоей мортиры,—и ее отбросило сажень на пять....»

Не правда ли, что *простодушіе* нашей драматургіи—умилительно? *Г.*

Печатать позволяется. Москва, 20 Августа 1851 года. Цензоръ *Кн. Львовъ.*
Типографія В. Готье.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ.

Судебное дѣло
о насильственной смерти Густава Фуньи.
(*Процессъ Графа и Графини Бокарме*).

Мы не считаемъ нужнымъ излагать показанія свидѣтелей, весьма многочисленныхъ, потому что все важное видно изъ обвинительнаго акта, изъ рѣчей (requisitoire) королевскаго прокурора и изъ рѣчей защитниковъ. Притомъ самый способъ ихъ показаній отнимаетъ у нихъ занимательность. Они не разсказываютъ, а отвѣчаютъ на мелкіе вопросы. Изложимъ однакожь содержаніе показанія Г. Стаса о ходѣ химическихъ изслѣдованій.

Врачи, производившіе вскрытіе трупа, заключили, что смерть послѣдовала отъ поглощенія остраго яда, вѣроятно сѣрной кислоты. Слѣдователь съ этимъ заключеніемъ передалъ внутренности умершаго Г. Стасу. Достаточно было одного взгляда, чтобы увѣриться, что предположеніе было ошибочно. Однакожь онъ замѣтилъ присутствіе кислоты, и по запаху предположилъ, что это кислота уксусная. Теперь представлялся вопросъ: дѣйствительно ли это была уксусная кислота и дѣйствительно ли отъ нея умеръ Фуньи.

Языкъ былъ сверху и справа сильно окрашенъ въ тотъ цвѣтъ, какой обыкновенно замѣчается въ омертвѣвшихъ (пораженныхъ антоновымъ огнемъ) тканяхъ живаго организма. Снизу языкъ былъ красенъ. Надлежало изслѣдовать, произошли ли эти явленія отъ уксусной или другой кислоты. Оказалось, что языкъ не содержалъ другихъ кислотъ, кромѣ уксусной. Но количество кислоты, найденной въ языкѣ, никакъ не могло быть достаточнымъ для произведенія замѣченныхъ въ немъ измѣненій. Ткань языка разрушалась отъ малѣйшаго прикосновенія.— Г. Стасъ хотѣлъ увѣриться, содержится ли кислота въ желудкѣ и количество ея достаточно ли для отравленія. Половину содержимаго въ желудкѣ онъ смѣшалъ съ водою и подвергнулъ перегонкѣ. Понятно, что кислота должна

Digitized by Google

была перейти, а вещества нелетучія (fixes) остаться въ ретортѣ. Работа эта продолжалась 52 часа, и тогда химикъ замѣтилъ чрезвычайное измѣненіе въ перегоняемомъ веществѣ. Невозможно было продолжать дальше, потому что снаряды лопались каждую минуту. Предполагая возможность ошибки въ своихъ первыхъ опытахъ надъ языкомъ, онъ произвелъ ихъ снова, но опять не нашелъ ни сѣрной, ни другихъ кислотъ, ни вообще минеральныхъ ѣдкихъ веществъ, которыя бы могли произвесть измѣненія, замѣченныя въ языкѣ.

Надобно было обратиться къ изслѣдованію веществъ органическихъ, и Стасъ искалъ тѣхъ веществъ, особенно алкалоидовъ, которые въ послѣднее время нерѣдко употреблялись для отравы (стрихнинъ, бруцинъ, кантаридинъ и проч). Ихъ не было. Оставалось искать алкалоидовъ, достаточно извѣстныхъ, но на которые, какъ на яды, мало обращалось вниманія. Г. Стасъ, не зная, какъ онъ говоритъ самъ, какому святому молиться, напалъ потапу на вещества, содержавшіяся въ ретортѣ. Тотчасъ же онъ почувствовалъ чрезвычайно сильный, ѣдкій запахъ. Это убѣдило его, что здѣсь былъ одинъ изъ алкалоидовъ летучихъ. Онъ отдѣлилъ алкалоидъ обыкновенными способами. Это была пахучая жидкость. Химикъ написалъ въ своихъ замѣткахъ:

Аконитинъ или никотинъ?

Но на другой же день онъ убѣдился, сдѣланными изслѣдованіями, что это не былъ аконитинъ. Оставалось отыскивать никотинъ, притомъ такъ, чтобы въ дѣйствительномъ отравленіи Фуньи именно этимъ веществомъ никто не могъ сомнѣваться. Опыты продолжались два мѣсяца. Сначала нужно было извлечь алкалоидъ изъ отравленнаго тѣла, потомъ доказать, что это никотинъ, а не что-либо другое. Химикъ замѣчаетъ:

«Въ донесеніи моемъ я изложилъ всѣ подробности. Я не скрылъ ничего. Всѣ ошибки, какія я сдѣлалъ, обозначены, потому что я хотѣлъ дать способы желающимъ опровергать меня; но рядомъ съ ошибками я обозначилъ также и положительные факты, мною пріобрѣтенные».

Изъ содержимаго въ желудкѣ Фуньи Г. Стасъ извлекъ четыре пузырька вещества, имѣющаго слѣдующія свойства: Совершенно чистое, оно безцвѣтно, прозрачно какъ вода, запахъ сначала издаетъ слабый, потомъ постепенно сильнѣе и сильнѣе, ѣдкій, удушливый. Вкусъ этого вещества различенъ, смотря по количеству. Въ маломъ количествѣ вкусъ просто острый; но если количество сколько нибудь значительно, т. е. если вещества взять столько, *сколько можно захватить на кончикѣ очень тонкой иглы*, тотчасъ чув-

Digitized by Google

ствуютъ обжогъ, распространяющійся по всему рту. Г. Стасъ при этихъ обстоятельствахъ потерялъ на время всякую чувствительность конца языка, такъ что не почувствовалъ бы, еслибъ приложить къ языку раскаленное желѣзо. По этому невозможно опредѣлить вкусъ никотина.

Въ соединеніи съ соленой кислотой онъ даетъ четырехъ-сторонніе ромбоидальныя призмы, цвѣта болѣе или менѣе густаго; смотря по объему. Это свойство, какъ Г. Стасъ убѣдился своими изслѣдованіями, принадлежитъ исключительно одному никотину.

Хлористый палладій съ никотиномъ даетъ вещество твердое, шеколаднаго цвѣта, а при избыткѣ никотина получается жидкость, прозрачная какъ вода. Это также исключительное свойство никотина.

За тѣмъ Г. Стасъ нашелъ никотинъ въ языкѣ, въ печени, въ легкихъ. Перепонка желудка, промытая дважды водою, удержала въ себѣ количество никотина, достаточное для того, чтобы получить его въ жидкомъ видѣ.

За тѣмъ Г. Стасъ отдаетъ отчетъ въ чрезвычайно тонкихъ опытахъ надъ другими предметами, доставленными ему слѣдователемъ. Въ дощечкахъ паркета, взятыхъ изъ столовой въ Битремонѣ, онъ нашелъ никотинъ. Въ платьѣ Г. Фуньи и подсудимаго онъ опредѣляетъ пятна крови, замытыя водой и мыломъ, обозначая даже составъ послѣдняго. Панталоны Франсуа Деблики представляли множество пятенъ. Одни изъ нихъ происходили отъ кислотъ сѣрной и соленой, другія отъ кали, третьи отъ никотина, но не чистаго, а въ томъ видѣ, какъ онъ содержится въ вытяжкѣ изъ табаку. Жидкости, доставленныя слѣдователемъ, содержали воду, нашатырь, бѣлила, вино, уксусъ, желѣзо. За тѣмъ слѣдователь доставилъ ему остатки двухъ кошекъ и нѣсколькихъ утокъ, вырытыхъ изъ земли въ Битремонѣ. Одну кошку Г. Стасъ разсмотрѣлъ, и нашелъ, что она была отравлена пахучимъ алкалоидомъ. Но признаки этого алкалоида частію были сходны, частію рознились съ признаками никотина, а количество было слишкомъ мало, такъ, что Г. Стасъ, какъ экспертъ, не говоритъ ничего рѣшительно, хотя, какъ человѣкъ, и думаетъ, что это никотинъ.

Въ Февралѣ Г. Стасъ приступилъ къ опытамъ надъ дѣйствіемъ никотина, какъ яда. Первый опытъ сдѣланъ съ чистымъ никотиномъ, второй съ никотиномъ смѣшеннымъ; на третьемъ опытѣ животное было убито безъ яда, введеніемъ воздуха въ вены.

Въ первомъ опытѣ въ ротъ собаки были влиты два кубическихъ центиметра никотина. Столь значительное количество употреблено было потому, что дѣло шло не о ядовитости никотина, а

Digitized by Google

о томъ, произведетъ ли онъ дѣйствія на организмъ, замѣченныя въ тѣлѣ Фуньи. Тотчасъ по влитіи собака оставлена свободною. Она была какъ будто поражена громомъ, упала, полминуты продолжались конвульсіи, и жизнь угасла. Въ продолженіи конвульсій, языкъ высунутый висѣлъ безъ всякаго движенія. Другая собака была отравлена также и съ тѣми же явленіями.

Тотчасъ по смерти влили въ горло этой послѣдней собакѣ 30 куб. центиметровъ уксусу, взятаго въ Битремонѣ. Языкъ первой собаки сдѣлался фіолетовымъ тотчасъ по соприкосновеніи съ ядомъ, языкъ второй также. Но по влитіи уксусу пурпуровый (?) цвѣтъ изчезъ, и нельзя было замѣтить, чтобы онъ подвергался дѣйствію ѣдкаго вещества.

Третья собака убита воздухомъ для сравненія внутренностей. Вскрытіе произведено черезъ 48 часовъ. Оказалось:

Языкъ первой собаки, убитой никотиномъ безъ уксуса, былъ сильно красенъ и распухъ. Слизистая оболочка отставала при первомъ прикосновеніи. Желудокъ и печень не представляли ничего особеннаго. Легкія были точно въ томъ состояніи, какое замѣчается у умершихъ отъ обморока (asphyxia), какъ Г. Стасъ замѣтилъ и въ легкихъ Фуньи. Между первымъ и вторымъ позвонками (?) въ спинномъ мозгѣ замѣтно обильное изліяніе крови.

Языкъ второй собаки былъ синій, какъ и у Фуньи, желудокъ красный, и наружная его перепонка сильно налита. Сосуды переполнены черною кровью. Желудокъ Густава Фуньи представлялъ тѣже явленія. Печень Фуньи была кисла, печень второй собаки также. Ясно, что тѣло этой собаки, умершей отъ никотина, и которой потомъ влили уксусъ, представляло тѣже явленія, какъ и тѣло Г. Фуньи.

За тѣмъ Г. Стасъ, желая уничтожить всякое сомнѣніе насчетъ ядовитости вещества, полученнаго имъ изъ тѣла Фуньи, не придавая впрочемъ важности вопросу, никотинъ это или нѣтъ, сдѣлалъ три опыта надъ птицами, употребивъ для этого весьма малое количество яда. Первыя двѣ птицы умерли мгновенно. Въ послѣднемъ опытѣ менѣе капли влито въ ротъ большаго голубя. Тотчасъ послѣдовали конвульсіи, и животное умерло неболѣе какъ чрезъ двѣ минуты.

На вопросъ: былъ ли для отравленія Фуньи употребленъ чистый никотинъ, Г. Стасъ отвѣчаетъ положительно. Онъ утверждаетъ также, что отравленіе произведено необыкновеннымъ способомъ, т. е. не посредствомъ обмана; ибо при первомъ прикосновеніи яда къ языку, отравляемый долженъ почувствовать тотъ самое, что

Digitized by Google

онъ почувствовалъ бы при прикосновеніи раскаленнаго желѣза. Но не легко проглотить кусокъ желѣза, раскаленнаго до красна.

За тѣмъ изъ положенія тѣла Фуньи и изъ обжеговъ экспертъ выводитъ заключеніе, что ядъ былъ влитъ въ ротъ отравленному, когда онъ лежалъ, а не иначе.

Г. Стасъ на вопросы президента и проч. объясняетъ многое относительно количества никотина въ табакѣ, способовъ его приготовленія, дѣйствія реактивовъ и проч. Послѣдній вопросъ относился къ эѳиру. Подсудимый объявилъ, что въ бутылкѣ содержался никотинъ съ эѳиромъ; но эѳира не найдено. Г. Стасъ заключилъ, что, по глубокому его убѣжденію, Фуньи отравленъ чистымъ никотиномъ.

Съ 13 засѣданія началась и до 15-го включительно продолжалась рѣчь (requisitoire) Королевскаго Прокурора де-Марбе. Принявъ въ основаніе обвинительный актъ, онъ разсматриваетъ его постепенно, стараясь вездѣ доказать виновность подсудимыхъ.

Бракъ ихъ напр., говоритъ онъ, былъ совершенъ по чистому расчету. Фамилія Бокарме и женихъ искали богатства, фамилія Фуньи и невѣста, принадлежавшіе къ мѣщанству, почестей. И тѣ и другіе ошиблись. Состояніе Лидіи Фуньи оказалось ничтожнымъ, а у Графа благороднаго и почетнаго было одно имя. Здѣсь обвинитель припоминаетъ обращеніе Графа съ женою и дѣтьми и отношеніе его къ нянькамъ и горничнымъ.

Графиня играла роль большой барыни, Графъ вдавался въ безразсудныя хозяйственныя предпріятія; то и другое разстроивало имѣніе, и долги постепенно возрастали. При появкѣ кредиторовъ было въ обычаѣ или бѣжать или запирать ворота.

Графъ воспользовался однажды завѣдомо билетомъ въ 500 фр. не имѣющимъ силы; въ другой разъ онъ поддѣлалъ билетъ въ 1000 фр. За тѣмъ послѣдовало рѣшеніе отравить Густава.

Прокуроръ разсматриваетъ:

1. Пріобрѣтеніе ядовитыхъ растеній.
2. Приготовленіе къ добыванію.
3. Химическія операціи и
4. Совершеніе преступленія.

Изъ обвинительнаго акта видно, что Графъ являлся къ химикамъ и механикамъ подъ ложными именами. Къ этому присоединяется любопытный фактъ о покупкѣ растеній. Графъ является лично къ Г. Фанъ Гуту и покупаетъ одно растеніе. Въ обычаѣ было записывать имена покупателей, но Графъ на это не согласился.

Digitized by Google

Разбирая сношенія съ химиками, прокуроръ указываетъ особенно на соучастіе жены въ этомъ дѣлѣ. Оба супруга однажды приходятъ въ книжную лавку, требуютъ сочиненіе Гг. Пелуза и Фреми и отыскиваютъ въ немъ статью *никотинъ*. Прочитавъ ее, они оставляютъ лавку *очень веселые*.

Прокуроръ обращаетъ потомъ вниманіе на оклеветаніе невѣсты Густава Фуньи. Въ безъименномъ письмѣ, присланномъ покойному, читаемъ: «Вы, конечно, не останетесь безъ потомства, потому что она представила уже доказательство своего плодородія.» Подобное выраженіе содержится въ письмѣ Графини Бокарме, съ присовокупленіемъ, что у невѣсты есть уже *естественный наслѣдникъ*.

Графиня знала, что мужъ занимается приготовленіемъ никотина, знала также, что это вещество готовится для Густава, и притомъ знала это задолго до преступленія.

Относительно совершенія преступленія прокуроръ не представляетъ ничего новаго. Всѣ свѣденія содержатся уже въ обвинительномъ актѣ. Но что касается до соучастія Графини, въ рѣчи на это обращено особенное вниманіе.

Она удалила изъ столовой прислугу, зная о намѣреніи своего мужа. Она не велѣла подавать огня, когда стало темно. Столовая была съ окнами на двѣ противоположныя стороны. Еслибъ былъ огонь въ комнатѣ, преступленіе трудно было совершить, потому что все, что дѣлалось въ комнатѣ, было видно со двора.

Графиня вышла изъ залы по ея показанію въ то время, когда мужъ ея повалилъ Густава на землю. Но изъ показаній свидѣтелей видно, что она вышла не прежде, какъ крики жертвы замолкли...

Для чего она вышла и заперла за собой двери? Конечно для того, чтобы воспрепятствовать кому-либо подать помощь Густаву. По выходѣ она прислонилась между кухнею и столовою въ углу, такъ чтобы ее нельзя было видѣть.

Наконецъ прокуроръ предполагаетъ, что или она влила ядъ, или, что вѣроятнѣе, налила его на лице Густава, отъ чего онъ и лишился силъ и отъ чего прекратились крики.

За прокуроромъ говорилъ Г. Пепъ, защитникъ Графа Бокарме. Содержаніе какъ его рѣчи, такъ и рѣчи Г. Лашо, слѣдовавшей за второй рѣчью (repliqne) прокурора, въ сущности одинаково. Они стараются доказать

a) Что многія странности Г. Бокарме объясняются его воспитаніемъ. Онъ родился въ Америкѣ, первые годы велъ полудикую жизнь и удержалъ послѣ многія привычки. Въ Европѣ онъ предался наукамъ, но не могъ углубиться въ нихъ и остался мечтателемъ;

b) Что онъ былъ добрый супругъ и добрый отецъ;

Digitized by Google

c) Что никотинъ приготовлялъ онъ съ чисто коммерческою цѣлію, не имѣя въ виду отравленія;

d) Что Густавъ Фуньи отравленъ не чистымъ никотиномъ, а смѣшеннымъ съ эѳиромъ. Эѳиръ могъ испариться;

e) Что уксусъ употребленъ былъ какъ противуядіе;

f) Что Графиня обвиняетъ своего мужа злонамѣренно, желая его погибели;

g) Что наконецъ нѣтъ ни одного положительнаго доказательста, на основаніи котораго можно бы было обвинить Графа или Графиню въ намѣренномъ и насильственномъ отравленіи Фуньи.

Гг. Тусенъ и Арминьи, защитники Графини Бокарме, стараются доказать

a) Что бракъ Графини былъ весма несчастливъ по жестокости и развратности мужа; что этотъ человѣкъ какъ вообще, такъ особенно по отношеніямъ къ семейству, всегда оказывался въ высшей степени безнравственнымъ;

b) Что Графиня писала диктованныя Графомъ письма, будучи принуждена къ тому силою, и не зная, къ чему эти письма вели;

c) Что она старалась воспрепятствовать браку Фуньи потому что обманута была ложными слухами на счетъ его невѣсты, и теперь считаетъ за счастіе торжественно отречься отъ своего мнѣнія;

d) Что о химическихъ работахъ мужа она долго не знала, и только наконецъ онъ признался ей, что онъ готовитъ никотинъ;

e) Что предупредить брата она не имѣла времени, а также не могла воспрепятствовать совершенію преступленія: лично въ немъ участія не принимала и въ комнатѣ не была; но старалась скрыть преступленіе, когда оно уже совершилось, потому что не хотѣла погубить мужа.

f) Что показаніе Графа объ отравленіи Фуньи Графинею по неосторожности, есть явная нелѣпость;

g) Что напрасно Графъ и его защитники стараются показать себя не противниками, а защитниками Графини. Это обдуманный планъ скрыть свою безнравственность притворствомъ и въ тоже время выставить себя только укрывателемъ неумышленнаго проступка. Между тѣмъ уже изъ того, что Графъ столько разъ твердилъ при слѣдствіи: «я не могу говорить истины, не обвиняя моей жены,» ясно, что онъ чувствовалъ, что ему не повѣрятъ, и старался взвести обвиненіе на жену.

Прѣнія кончились тѣмъ, что оба подсудимые объявили, что они невинны.

—

14 Іюня (н. ст.) въ вечернемъ засѣданіи по окончаніи прѣній,

Digitized by Google

Президентъ предложилъ присяжнымъ восемь вопросовъ, по четыре о каждомъ подсудимомъ, и именно:

1. О совершеніи преступленія.
2. О подстрекательствѣ къ преступленію.
3. О доставленіи яда, и
4. О пособничествѣ въ преступленіи.

Присяжные разрѣшили первый вопросъ относительно Графа Бокарме положительно, всѣ остальные отрицательно.

Въ слѣдствіе чего Графиня Бокарме, какъ оправданная, немедленно освобождена, а Графъ Бокарме приговоренъ судомъ къ смертной казни, съ предоставленіемъ трехъ дней сроку для аппелляціи.

—

За тѣмъ Г. Пепъ, защитникъ Графа Бокарме, потребовалъ отъ суда выдачи свидѣтельства о томъ, что въ засѣданіе 27 Мая Лидія Фуньи спрошена въ отсутствіи Гр. Бокарме, что засѣданіе это закрыто прежде, чѣмъ президентъ объявилъ Графу Бокарме о содержаніи отвѣтовъ жены, и что 28 Мая, ни прежде ни послѣ допроса самаго Бокарме, объ этомъ содержаніи ему не было объявлено.

Свидѣтельство выдано съ тѣмъ измѣненіемъ, что Президентъ повторилъ содержаніе отвѣта Лидіи Фуньи въ самыхъ вопросахъ, предложенныхъ Графу.

Въ послѣдствіи узнали, что присяжные обвинили Графа единогласно и оправдали Графиню большинствомъ десяти голосовъ противу двухъ.

—

Что касается до новостей заграничныхъ, то очень понятно, что здѣсь прежде всего рѣчь о Лондонѣ, гдѣ теперь, выражаясь языкомъ афишъ и объявленій, *great attraction* всѣхъ націй. Если Хрустальный Дворецъ, этотъ исполинскій калейдоскопъ промышленности, вмѣщаетъ въ себѣ выставку воплощенныхъ мыслей всѣхъ народовъ, то Лондонъ представляетъ не менѣе любопытную выставку характеровъ, обычаевъ, привычекъ, мнѣній и вѣрованій всѣхъ странъ земнаго шара, въ живыхъ представителяхъ ихъ народности. Говорятъ, что надо ѣхать въ Парижъ, чтобы *смотрѣть* Англичанъ; въ обществѣ Французовъ, столь противуположныхъ Англичанамъ своими обычаями, джонъ-булизмъ этихъ послѣднихъ выдается рѣзче, замѣтнѣе. Такъ теперь и въ Лондонѣ, всѣ національные оттѣнки личностей болѣе разительны на безцвѣтномъ полѣ Британскаго неизмѣннаго характера, а странности Англичанъ свѣтлыми блестками яснѣютъ на пестрой ткани иноземныхъ обычаевъ.... Какое приволье для наблюдателя нравовъ!

Но намъ нѣтъ ни времени, ни мѣста описывать эту живую

Digitized by Google

панораму человѣческаго рода. За чѣмъ отбивать хлѣбъ у какаго нибудь романиста, который придумаетъ къ періоду выставки занимательную интригу, сладитъ неожиданную встрѣчу, выведетъ необыкновенную развязку, а описаніемъ нравовъ и обычаевъ наполнитъ цѣлый томъ. Выставка тоже не новость.—При томъ мы уже бросили бѣглый взглядъ на сокровища *cristal palace*. Заглянемъ въ театры. Но и тамъ не много новаго, особливо въ Ковентъ-Гарденскомъ.

Въ театръ Королевы, подъ дирекціей Г. *Ломлея*, привлекаютъ толпу Г-жи Зонтагъ и Софья Крувелли. Послѣдняя изъ нихъ безусловно царствуетъ на Лондонской сценѣ. Всѣ журналисты, даже извѣстный своею строгостію критикъ журнала Times, Девизонъ, осыпаютъ ее неистощимыми похвалами. На Ковентъ-Гарденскомъ театрѣ поютъ Тамбурини и Гризи. Послѣдняя особенно отличилась въ «Нормѣ». О театрахъ покуда болѣе сказать нечего. Поговоримъ о самомъ Лондонѣ, и о вліяніи, произведенномъ на этотъ городъ выставкою.

Странно, а надобно сознаться, что теперешній «сезонъ» въ Лондонѣ вовсе не такъ блестящь, какъ въ прошлые года. Успѣхи выставки были предвидѣны и теперь несомнѣнны. Неудачи Лондона не были предвидѣны, но также не подлежатъ сомнѣнію. Стеченіе иностранцевъ не такъ велико, какъ ожидали. Вотъ причина. Не средствъ не достало чужеземцамъ пріѣзжать въ Лондонъ, а любопытства. Въ этомъ виноваты Англійскіе журналы; они первые обнародовали обманутыя ожиданія Лондонскихъ жителей, и это была ошибка непростительная. Надобно было, напротивъ, заохотить гостей разсказами о многолюдномъ собраніи посѣтителей. Толпа всегда идетъ за толпою,—такъ уже ведется въ свѣтѣ, Богъ знаетъ почему. Одни идутъ за другими, машинально, безсознательно, инстинктивно, такъ что трудно остановить это безотчетное стремленіе, какъ трудно привлечь толпу къ предмету презрѣнному, покинутому. Такъ было и съ Лондономъ. Что-то остановило стремленіе туда чужеземцевъ, и ожиданія жителей обмануты. Можно насчитать до 20,000 семействъ, которыя выѣхали за городъ, въ надеждѣ отдать выгодно въ наемъ свои дома. Дома стоятъ пустые, а они платятъ за наемъ дачь. Другіе отдѣлали помѣщенія въ городѣ, заново омеблировали, украсили: а объявленія о наймѣ до сихъ поръ налѣплены на стѣнахъ ихъ домовъ. Многіе даже уѣхали въ чужіе края, опредѣливъ на издержки путешествія выручку за наемъ дома въ Лондонѣ, и изъ собственнаго кармана пополнятъ расходы на поѣздку.

Digitized by Google

Этѣ надежды, это довѣріе, что выставка привлечетъ множество пріѣзжихъ, до того овладѣли купцами, банкирами и даже недовѣрчивыми евреями квартала Сити, что составились компаніи на акціяхъ, которыя наняли по тридцати, сорока, даже по сту домовъ, отъ барскихъ палатъ до уютнаго домика, предполагая получить огромные барыши, и всѣ остались въ большомъ накладѣ.

Булочники, мясники, продавцы жизненныхъ припасовъ, не менѣе ошиблись въ расчетѣ. Всѣ сдѣлали огромные запасы. Мясо вздорожало еще до открытія выставки, а теперь многочисленныя стада бродятъ на окрестныхъ пастбищахъ, и много съѣдаютъ, не будучи съѣдены сами, къ неутѣшному сожалѣнію мясниковъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что и зданіе и предметы выставки—чудеса мысли и искусства и вполнѣ достойны вниманія; но можно было предвидѣть, что обитатели большей части западной Европы, надъ которыми 1852 годъ виситъ какъ мечь Дамоклеса, не покинутъ семейнаго очага въ эпоху столь важныхъ политическихъ работъ, чтобы за дорогую цѣну (Лондонъ всегда славился дороговизною) посмотрѣть, хотя и въ большихъ размѣрахъ, на то, что въ каждомъ городѣ найдется въ образчикахъ.

Дороговизна тоже не приманка, а въ Лондонѣ просятъ съ васъ фунтъ стерлинговъ, какъ въ другомъ городѣ талеръ, гульденъ или цѣлковый. Да хоть бы и сосѣдка Франція, кого она отправила въ Лондонъ? Своихъ выставщиковъ (exposants), ихъ родныхъ и пріятелей, дюжину журналистовъ, да нѣсколько путешественниковъ, которые, благодаря услужливой предпріимчивости оборотливыхъ компаній, ѣдутъ на восемь дней въ Лондонъ, съ расчитанными напередъ издержками, и еще изъ расходныхъ денегъ стараются сберечь что-нибудь на покупку англійскихъ рѣдкостей.

Нельзя однакоже сказать, чтобы Парижъ и всѣ приморскіе къ проливу города не заохочивали къ этой поѣздкѣ. Столица Франціи почти вся была залѣплена объявленіями, въ которыхъ на всѣхъ языкахъ разглашали дешевизну переѣзда. На примѣръ: по желѣзной дорогѣ чрезъ Руанъ, Гавръ или Діенъ можно съѣздить въ Лондонъ и обратно за сорокъ франковъ. Правда, что часовъ 8 или 10 приходится быть на морѣ и что для многихъ ничто не вознаградитъ мученій морской болѣзни. Но переѣздъ чрезъ Булонь и Фалькстонъ, быстрый и во всемъ удобный, также не дорогъ. Напившись поутру кофе въ Парижѣ, за шесьдесятъ франковъ, въ первоклассныхъ вагонахъ, вы пріѣдете вечеромъ къ чаю въ Лондонъ. Чрезъ Кале обойдется дороже, а вы не увидите Фалькстона, который какъ будто катится съ крутизны горы въ синія волны

Digitized by Google

гавани. Наконецъ можно ѣхать Темзою. Путь чрезвычайно живописный и занимательный для тѣхъ, кто можетъ выдержать нѣсколько часовъ на морѣ, прежде нежели войдетъ въ спокойныя воды рѣки, которая, убѣгая изъ своего отечества, пересылаетъ въ родной край, за свои невозвратныя струи, богатства цѣлаго свѣта. Рашель ѣхала чрезъ Фалькстонъ. Она перешла на пароходъ прямо изъ Булонскаго театра, гдѣ играла Adrienne Lecouvreur. За ней слѣдомъ отправились супруги Угальдъ, Аркаль и Дюпре, ветераны Парижской сцены. —

Кстати о ветеранахъ драматическаго искусства: Фридерикъ ле-Метръ восхищаетъ теперь Брюссельскую публику. Онъ игралъ недавно въ драммѣ: La dame de Saint-Tropez. Вотъ что пишутъ о немъ въ журналахъ.

Къ публикѣ, довольно многочисленной и шумной, собравшейся на представленіе водевиля, предшествовавшаго драммѣ, присоединилось еще много зрителей, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали начала торжества ле-Метра. Шумъ умолкъ. Великій артистъ еще не появился на сценѣ, а магическое вліяніе его таланта уже воцарило тишину вниманія въ публикѣ, эту неотъемлемую дань высокаго дарованія. Трудно найти въ одномъ актерѣ всѣ способности, всѣ превосходныя качества, которыми одаренъ ле-Метръ. Жаръ чувства, комизмъ, сила выраженія, все, что должно быть принадлежностію великаго артиста, все въ немъ есть, и онъ безнаказанно можетъ въ одной и той же, пьесѣ, въ томъ же актѣ, въ той же самой сценѣ, возбудить въ васъ трепетъ ужаса, вызвать слезу и заставить смѣяться; а неподражаемое искусство владѣть избыткомъ этихъ качествъ, согласовать ихъ съ интонаціею голоса, проявлять ихъ смѣлымъ жестомъ, придать имъ выраженіе истины, возвело ле-Метра на ступень современныхъ знаменитостей. Не подчиняйте его правиламъ, — онѣ убьютъ его геній. Оставьте ему свободу движеній, поставьте его лицемъ къ лицу съ положеніемъ труднымъ, но естественнымъ, и вы увидите, какіе жаркіе лучи правды просіяютъ въ чертахъ его, какія блестящія искры истины посыплются съ его жестовъ. Однимъ взглядомъ, однимъ движеніемъ, однимъ звукомъ послушнаго голоса, онъ вразумляетъ зрителя, вполнѣ передаетъ ему ощущенія дѣйствующаго лица. Онъ не оставитъ безъ вниманія малѣйшихъ подробностей положенія и выдастъ ихъ съ тою полнотою исполненія, безъ которой излишнее къ нимъ вниманіе было бы мелочностію. Взгляните, какъ онъ ходитъ, какъ смотритъ, какъ слушаетъ. Это верхъ искусства въ естественности подражанія; зритель забываетъ актера и видитъ только представляемое имъ лицо.

Digitized by Google

Въ драммѣ Dame de Saint-Tropez, съ третьяго акта до самаго конца, артистъ не далъ отдохнуть публикѣ отъ трепета удивленія и ужаса. Тревога то сомнѣній, то увѣренности, въ четвертомъ актѣ, гдѣ онъ говоритъ наконецъ женѣ своей: «vous etes une empoisauneuse», была торжествомъ его таланта, а выраженіе лица, въ пятомъ актѣ, когда онъ увидѣлъ въ зеркало настоящаго отравителя, вырвала у зрителей единогласный крикъ удивленія. Совокупность нравственнаго наслажденія и физическихъ страданій, выразившаяся въ чертахъ его, когда онъ объявляетъ невинность Гортензіи, и этотъ поспѣшный говоръ, которымъ онъ силится опредѣлить приближающуюся смерть, высоки невыразимо. Душевныя волненія, возбуждаемыя неподражаемой игрой Ле-Метра, такъ неотразимы, такъ глубоки, что они утомляютъ нравственныя силы зрителя. Перейдемъ отдохнуть въ Парижъ, который въ отсутствіе корифеевъ его сцены, вѣрно, придумалъ что-нибудь новое, чтобы занять праздную толпу.

И дѣйствительно придумалъ. Ничего не можетъ быть изобрѣтательнѣе нужды и спекулативной мысли Француза. Тріумвираты Парижскихъ затѣйниковъ: Горо, Пласъ и Руджіери, вздумали наложить дань на проѣзжихъ поклонниковъ выставки, которыхъ Парижское разгулье задержало въ этомъ городѣ, и на скучающихъ Британскихъ выходцевъ, пріѣхавшихъ въ столицу роскоши копить деньги. Гг. Горо, Пласъ и Руджіери намѣреваются дать непрерывный рядъ праздниковъ и увеселеній, которыя будутъ продолжаться до самаго Сентября, въ надеждѣ задержать этой нравственной сѣтью стаи перелетныхъ птицъ на Лондонскій сезонъ, присѣвшихъ отдохнуть въ Парижѣ. Они приготовляютъ неслыханные концерты, управленіе которыми поручается Берліозу, ночные и дневные спектакли, утренніе и вечерніе балы, историческія кавалькады, цѣлыя флотиліи аеростатовъ, изумительные фейерверки, словомъ, все, что только можетъ привлечь и задержать толпу всѣхъ странъ и всевозможныхъ обычаевъ. Прибавьте къ этому всѣ приманки любопытства, которыми усѣянъ Парижъ: музеи, дворцы, общественныя заведенія, смотры войскъ, маневры, и можно надѣяться, что народонаселеніе города удвоится на эти два-три мѣсяца. Теперь этотъ проектъ разсматриваютъ подлежащія власти, а между тѣмъ правительство поручило Франкони устроить на Марсовомъ полѣ его конныя представленія, въ соревнованіе съ скачками, учрежденными правительствомъ и жокей-клубомъ. Тамъ же будутъ представленія ожидаемыхъ изъ пустынь Африки и уже прибывшихъ во Францію бедуиновъ, называемыя: Fantasias, родъ

Digitized by Google

сраженій и набѣговъ пустынной скалы. Разумѣется, что не обойдется и безъ воздухоплавателей.

Вотъ что дѣлается въ Парижскомъ театрѣ:

Мы уже говорили, что туда ожидали Альбони на смѣну Віардо. Г-ну Рокеплану нужна была роль, чтобы придать настоящую цѣну таланту этой замѣчательной артистки. Нужна была роль, примѣненная къ особенностямъ ея голоса, къ ея наружности, къ ея естественности и граціи. Г. Скрибъ взялся создать такую роль, Г. Оберъ обѣщалъ музыку. Времени было не много. Г-жа Альбони была тогда въ Испаніи, но ее вскорѣ ожидали въ Парижъ, только на Май и Іюнь, а потомъ она, кажется, отправится въ Лондонъ. Скрибъ скоро нашелъ сюжетъ и еще скорѣе обработалъ его. Боялись, что Оберъ не успѣетъ. Г. Рокеплант поставилъ въ условіяхъ 50000 фр. неустойки, и все было готово къ сроку. Преданія о медленности музыкальныхъ композиторовъ начинаютъ измѣняться,—мы живемъ не въ тѣ уже времена, когда Мейеръ-Бееру нужно было годъ времени и сто репетицій, чтобы поставить большую оперу. Теперь разучиваютъ и ставятъ по три оперы въ два мѣсяца.

Вотъ какъ создалась Зерлина или Корзина апельсиновъ, Опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ, либретто Скриба, музыка Обера.

Дѣйствіе въ Палермо. Театръ представляетъ гавань. Лазарони улеглись на солнцѣ какъ ящерицы. Женщины работаютъ; мужчины отдыхаютъ послѣ трудовъ. Хоръ лѣнивый, слабый, томный едва слышенъ въ устахъ этой изнѣженной черни. — Да, мы забыли сказать, что увертюра дышетъ свѣжестью мысли, не шумна, полна прекрасныхъ фразъ и упрямо намѣкаетъ на любимый мотивъ: канцонетту Альбони. Герцогъ Рокканера выходитъ изъ дворца. Въ придворномъ шитомъ золотомъ мундирѣ, съ пунцовой лентой черезъ плечо, онъ вмѣшался въ толпу бродягъ, полуодѣтыхъ въ рубища. Лазарони и торговки фруктами составляютъ кружокъ около герцога, который поетъ, что у него нестерпимая жена, что прежняя его любовница Зерлина, пропавшая пятнадцать тому лѣтъ, была во сто разъ лучше сестры короля, на которой онъ женился по расчету и которая отравляетъ его жизнь. Пропѣвъ эту арію, онъ уходитъ. Въ роли герцога дебютировалъ баритонъ Мерли. Въ гавань пришелъ корабль съ апельсинами, вѣроятно изъ Португаліи: она одна можетъ осмѣлиться прислать апельсины въ Сицилію. Лазарони толпятся у пристани. На берегъ выходитъ Женщина Это Зерлина, о которой обинякомъ говорилъ Герцогъ. Залпъ рукоплесканій, судорожные оглушительные взрывы восторга публики, встрѣтили Альбони. Надобно имѣть величествен-

Digitized by Google

пое спокойствіе и привычку della simpatica diva, чтобы не смутиться этимъ пріемомъ, который, вѣроятно, не совсѣмъ понравился Г-жѣ Віардо. Она пропѣла привѣтствіе Сициліи; — зрители закричали *bis*, и букеты посыпались къ ногамъ пѣвицы. Зерлина, похищенная морскими разбойниками, возвращается въ Сицилію, чтобы отыскать дочь свою Джемму и — продать апельсины. Изъ дворца выходитъ дама. Маленькій негръ подаетъ ей письмо, — она отдаетъ ему въ отвѣтъ апельсинъ, купленный у Зерлины, — это условіе на тайное свиданіе. Зерлина узнала это изъ брошенной дамою записки. Является другая дама, — Джемма, дочь Зерлины. Герцогъ воспитываетъ ее во дворцѣ, какъ свою племянницу, и вскорѣ выдастъ за мужъ за маркиза Буттура, родственника короля. Зерлина узнаетъ дочь свою, но боясь разстроить свадьбу, молчитъ. За тѣмъ слѣдуетъ прекрасный финалъ, въ которомъ женскіе голоса эффектны въ своемъ соединеніи. Зерлинѣ дозволено снабжать дворецъ апельсинами. Джемму играетъ М-lle Пан; — герцогиню М-lle Dameron.

Во второмъ актѣ Зерлина приноситъ во дворецъ апельсины. Мы забыли сказать, что есть еще молодый офицеръ Родольфъ. Онъ весь въ золотѣ и любитъ Джемму, дочь Зерлины, невѣсту Буттуры. Зерлина на сторонѣ Родольфа, какъ герцогиня на сторонѣ Буттуры. Наконецъ герцогъ узнаетъ Зерлину. Рокканера въ трудномъ положеніи, ему предстоитъ выборъ: уговаривать жену, которой онъ боится, на бракъ Джеммы съ Родольфомъ, или лишиться Джеммы, которую мать уведетъ продовать по улицамъ апельсины. Приходитъ герцогиня. Зерлина узнаетъ въ ней даму, потерявшую записку о тайномъ свиданіи.

Дѣйствіе третье. Для глазъ это главное дѣйствіе. Декорація изумительно хороша и вполнѣ достойна театра оперы, у котораго не должно быть соперниковъ. Праздникъ въ садахъ герцога. Иллюминація a giorno, — цвѣты, озаренные блескомъ освѣщенія, толпятся букетами, тянутся гирляндами; изъ фонтановъ, окруженныхъ статуями, журчатъ и льются блестящія струи свѣтлой воды. Вдали дворецъ, съ ярко освѣщенными открытыми галлереями. Видъ безподобный! Сходятся гости. Эти группы нарядныя, замаскированныя, блестящія, производятъ прекрасный эффектъ въ очаровательной картинѣ. Тутъ назначено свиданіе герцогини съ маркизомъ. Герцогиня объявляетъ своему мужу, что по случаю брака его племянницы, король назначаетъ его вице-королемъ. Рокканера, восхищеный сначала, приходитъ потомъ въ отчаяніе, вспомнивъ о требованіи Зерлины, которая, видя его нерѣшимость, объявляетъ ему,

Digitized by Google

что маркизъ теперь на свиданіи съ знатной дамой. Ну, чтожъ за бѣда, отвѣчаетъ герцогъ, которому хочется быть королемъ. Тутъ начинается дивертисементъ. Рокепланъ не щадилъ ничего для самой блестящей обстановки этой оперы. Танцы прелесной группы дѣвушекъ, одѣтыхъ въ бѣлой и розовый цвѣта, восхитили зрителей; Китайскій танецъ доставилъ и удовольствіе неожиданности и случай посмѣяться. Математическая точность движеній, смѣшныя па, изученная неловкость, много позабавили публику. Герцогиня упорствуетъ и непремѣнно хочетъ обвѣнчать своего любовника съ прекрасною Джеммою. Зерлина рѣшилась отдать ее за Родольфо. Рокканера не знаетъ, что дѣлать. Какъ тутъ сладить дѣло? Очень легко. Зерлина подаетъ апельсинъ Джеммѣ и говоритъ ей: «покажи это потихоньку герцогинѣ, и скажи ей—я знаю все». Джемма исполнила приказаніе матери. Герцогиня, пораженная этими словами, сначала смутилась, но потомъ, ободрившись, остается непреклонною. Тогда подходитъ къ ней Зерлина, показываетъ записку и говоритъ: «она все знаетъ, и я все знаю». Герцогиня уступаетъ, и, обратясь, говоритъ маркизу: «онѣ все знаютъ». Наконецъ всѣ знаютъ все: одинъ только герцогъ ничего не знаетъ. Герцогиня соглашается — поютъ — всѣ счастливы. — Финалъ, въ которомъ звучитъ опять прекрасный мотивъ основной канцонеты. Альбони заключаетъ дѣйствія чудесами вокализаціи. Занавѣсъ падаетъ среди неистовыхъ рукоплесканій. Альбони, Альбони! кричитъ толпа, — Альбони является, спокойная, скромная, подымаетъ нѣсколько брошенныхъ ей букетовъ и уходитъ съ улыбкой признательности. Потомъ вызываютъ авторовъ. Успѣхъ былъ дѣломъ Альбони.

Эдуардъ Литтонъ Бульверъ написалъ комедію: Not so bad as we seem, or many Sides to a character, *не такъ мы дурны, какъ кажемся, или многосторонній характеръ*. Доходъ автора съ представленій этой комедіи назначенъ въ пользу пріюта для литераторовъ. Бульверъ, Диккенсъ и другіе заботятся объ учрежденіи этаго пріюта, и составляютъ союзъ, подъ названіемъ литературной и художественной гильдіи. Пріютъ этотъ будетъ въ связи съ однимъ изъ надежныхъ обществъ застрохованія жизни, и кромѣ окладнаго содержанія заслуженнымъ, но безпомощнымъ сочинителямъ, будетъ выдавать случайныя вспомоществованія и займы. Домъ союза будетъ построенъ на землѣ, подаренной для сего Бульверомъ; жителей будетъ избирать особый комитетъ. Они будутъ или члены (members) или товарищи (associates), и будутъ получать на содержаніе до 200 ф. ст. въ годъ, и принимаютъ за то обязанность представить для чтенія на засѣданіяхъ, не менѣе трехъ сочиненій въ годъ о пред-

Digitized by Google

метахъ, относящихся къ литературѣ, наукамъ и искусствамъ. Старость найдетъ здѣсь успокоеніе, а даровитая юность убѣжище отъ прозаическихъ заботъ о жизненныхъ потребностяхъ. Пріютъ этотъ охранитъ будущаго Чатертона отъ самоубійства, будущаго Сутея отъ сумашествія, и Борнса отъ ничтожной должности сборщика пошлинъ.

Вновь учрежденный въ Австріи департаментъ художествъ, дѣятельно заботится объ укомплектованіи и успѣхахъ недавно основанной академіи. Особенное вниманіе обращено на процвѣтавшее нѣкогда въ Вѣнѣ и вовсе упавшее искуство гравированія на мѣди; департаментъ не щадитъ денегъ на образованіе искусныхъ граверовъ.

На выставкѣ Австрійскаго Союза изящныхъ искуствъ было много хорошихъ картинъ, въ томъ числѣ прекрасная картина покойнаго Данхаузера: бабушка и внучка; Мейера, маленькая водоносщица; Энгубера, деревенскій живописецъ. Крушеніе парахода «Президентъ», кисти Ахенбаха, есть прекрасное, смѣлое, поражающее произведеніе искуства, а юный художникъ Селени превосходно изображаетъ природу въ своихъ ландшафтахъ. Въ его картинѣ: Южные Альпы, проявляется высокій талантъ. Гаушъ, Рафальтъ и Свобода, могутъ почесться достойными представителями Вѣнской ландшафтной школы. Конрадъ Грефе представилъ на выставку прекрасный ландшафтъ, гравированный на мѣди.

Живописъ all fresco, бывшая нѣкоторое время въ пренебреженіи, снова входитъ въ права свои, еще съ большими противъ прежняго преимуществами. Два Баварскіе химика изобрѣли способъ придавать удивительную прочность фрескамъ. Художникъ пишетъ особо приготовленными красками, на поверхности, покрытой массою, въ которую краски удобно всякаютъ, впитываются, и такъ сказать, соплощаются съ нею. Первое удобство новаго способа состоитъ въ томъ, что живописецъ можетъ поправлять написанное, какъ въ свѣтлыхъ мѣстахъ, такъ и въ тѣняхъ, что было невозможно прежде. Когда картина кончена, ее покрываютъ особою прозрачною обмазкою, которая, не измѣняя красокъ, предохраняетъ ихъ отъ вліянія воздуха, воды и даже огня; опыты, произведенные въ Мюнхенѣ и Берлинѣ, вполнѣ въ томъ удостовѣрили. Камень съ фресками, по новому способу, покрытый непроницаемымъ составомъ, былъ брошенъ въ жаркій огонь, и не только живопись не истребилась, но даже краски не измѣнились. Обмазка эта, въ составъ коей входитъ, вѣроятно, стекло, называется wassesglass Тотъ, кто изобрѣлъ ее, заботился единственно о предохраненіи отъ огня театральныхъ декорацій. Въ послѣдствіи онъ соединился съ профессоромъ Мюнхенской Академіи, весьма опытнымъ въ живописи *аль-фреско*, который примѣнилъ этотъ способъ къ охраненію картинъ, писанныхъ на стѣнахъ. Вотъ способъ, употребляемый Каульбасомъ и Корнеліусомъ.

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Вѣсти изъ Кіева.

Изъ всѣхъ мѣстъ благословенной нашей Россіи, Кіевъ болѣе всѣхъ привлекаетъ къ себѣ благоговѣйное вниманіе своей вѣковой святынею, и видитъ среди себя безпрерывное стеченіе богомольцевъ. Круглый годъ въ немъ бываютъ поклонники; всего болѣе встрѣтите вы ихъ весной и лѣтомъ. Не каждый годъ бываетъ одинакое стеченіе народа, но всегда оно очень значительно (отъ 50 до 80 тысячъ). Въ теченіи года почти вся Россія перебываетъ у святыни, т. е. немногіе представители всѣхъ концовъ ея являются сюда помолиться о себѣ и о присныхъ своихъ. Съ первыхъ дней весны, особенно послѣ Свѣтлаго праздника, храмы Кіева почти не затворяются: съ ранняго утра до поздняго вечера наполняются они богомольцами, которые, то безмолвно молятся тамъ, то благоговѣйно разсматриваютъ благолѣпіе храма, то слушаютъ молебенъ, часто раздающійся тогда, — такъ что непрерывный рядъ молебновъ претворяетъ день въ одинъ вседневный молебенъ; слова молитвы и благодаренія неумолчно оглашаютъ своды храмовъ. Разновидныя толпы, всякаго званія и возраста, безпрерывно снуютъ вдоль и поперегъ по широкораскинувшемуся Кіеву; шумное движеніе Кіева почти не увеличивается, потому что богомольцы вообще пѣшкомъ посѣщаютъ святыни его. Я сказалъ, что рѣшительно всякій храмъ наполняется богомольцами; кромѣ того обширныя ограды, или дворы церковные, особенно при монастыряхъ, всегда усѣяны необозримымъ множествомъ народа. Разнообразныя живописныя группы непремѣнно остановятъ на себѣ ваше вниманіе; почти на всѣхъ вы подмѣтите характеръ благоговѣйной настроенности духа, выражающійся въ словѣ, взорѣ, сердечномъ вздохѣ. Группъ этихъ особенно много на обширной площади Печерской Лавры. Смотря на безпрерывный входъ и выходъ богомольцевъ изъ Лавры, чувствуешь, что какъ нельзя болѣе кстати изображена на Святыхъ вратахъ Лавры слѣдующая пророческая надпись: «отверзутся врата твоя присно, Іерусалиме новый, день и нощь не затворятся...» И какія разнообразныя картины представятся вамъ на этой красивой Лаврской площади въ лѣтнее время, въ свѣтлый, ясный день, когда вся она, съ утра до вечера, покрыта народомъ! Наблюдательный взоръ вашъ невольно займется многими группами богомольцевъ, которыхъ увидитъ тамъ: одни изъ нихъ покупаютъ Лаврскія просфоры, записываютъ на

Digitized by Google

нихъ имена своихъ присныхъ,—и живыхъ, и усопшихъ—для поминовенія на проскомидіи, другіе спѣшатъ въ пещеры Лавры поклониться мощамъ Св. угодниковъ;—на встрѣчу имъ возвращаются многія группы, успѣвшія уже, чуть свѣтъ, обойти Св. пещеры. Вы замѣтите въ рукахъ этихъ богомольцевъ обожженныя свѣчи, съ ними они совершили поклоненіе мощамъ, ихъ заботливо берегутъ они въ воспоминаніе своего поклоненія, и дорожатъ ими, какъ священнымъ вспомогательнымъ средствомъ въ болѣзни, въ часъ смертный. Иные одѣляютъ нищихъ деньгами, хлѣбомъ, прося молиться за здравье или упокой; другіе группами сидятъ подъ тѣнію деревъ и читаютъ священныя книжки, купленныя ими въ Лаврѣ, или разсказываютъ другъ другу преданья старины о Кіевѣ и Св. Лаврѣ. Иные тутъ же отдыхаютъ отъ трудовъ и молитвы, многіе даже ночлегъ свой имѣютъ на площади Лаврской, подъ открытымъ небомъ. Иные расхаживаютъ толпами, разсматривая величественную «небеси подобную» церковь Печерскую, или любуясь исполиномъ-колокольнею, построеніе которой украшено народнымъ преданіемъ, общеизвѣстнымъ; другіе съ трудомъ и частымъ отдыхомъ взошли на 345 ступеней Лаврской колокольни, чертятъ тамъ свои имена и смотрятъ на чудные виды, открывающіеся оттуда на далекое пространство; нѣкоторые, боязь взлѣсть на колокольню, съ крыльца типографіи обозрѣваютъ очаровательное Заднѣпровье, его обширные зеленѣющіе лѣса, заливы и озера. Наконецъ, одни читаютъ живописную исторію о воздушныхъ мытарствахъ, пройденныхъ Св. Ѳеодорою (Четь-Минеи, Мартъ, 26), сопровождая чтеніе благоговѣйными замѣчаніями, сердечными вздохами; другіе разсматриваютъ надгробные памятники, украшающіе могилы извѣстныхъ людей, военноначальниковъ, пожелавшихъ избрать себѣ мѣстомъ успокоенія Св Лавру, послѣ разнородныхъ жизненныхъ брапей, съ людьми и со страстями; иные ходятъ по живописнымъ крутизнамъ и удоліямъ Кіева, любуясь съ восторженнымъ умиленіемъ дивною красотою святаго мѣста и его окрестностей!—Особенно величавое зрѣлище стекшихся богомольцевъ бываетъ на той сторонѣ Днѣпра, предъ Кіевомъ, когда усталыя толпы, забывъ изнуреніе, всѣ бѣдствія далекаго пути и нужду въ покоѣ, благоговѣйно молятся предъ святыми храмами, благодаря отъ глубины сердца Провидѣніе за то, что оно сподобило ихъ узрѣть желанную цѣль ихъ долгаго пути, который весь есть трудъ и молитва! Одинъ видъ Кіева производитъ въ душахъ поклонниковъ какое-то полное неизъяснимой радости ощущеніе. Многіе изъ нихъ уже возвращаются домой, но все еще, какъ бы

Digitized by Google

жалѣя о разлукѣ со Св. мѣстомъ, кладутъ земные поклоны Св. Лаврѣ, или стоятъ нѣсколько минутъ безмолвно, смотря на ея блестящіе куполы, на величественный, очаровательный ландшафтъ Кіева, широко раскинувшійся предъ ними. Здѣсь-то, при видѣ чудныхъ красотъ города, его дивныхъ храмовъ, стоящихъ на высокихъ горахъ, при взглядѣ на разновидныя толпы богомольцевъ, хочешь воскликнуть иной разъ, въ порывѣ религіознаго восторга: «возведи окрестъ очи твои, Сіоне, и виждь, се бо пріидоша къ тебѣ.... отъ запада, и сѣвера, и моря, и востока чада твоя....» Здѣсь, на мысленный вопросъ: откуда собрались богомольцы на поклонъ? припоминаешь прекрасные стихи Хомякова:

«Я оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ, краса степей».
«Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей».

«Край мой—теплый брегъ Эвксина».
«Край мой брегъ тѣхъ дальнихъ странъ,
Гдѣ одна сплошная льдина
Заковала океанъ».

«Дикъ и страшенъ верхъ Алтая,
Вѣченъ блескъ его снѣговъ!
Тамъ земля моя родная».
«Мнѣ отчизной—старый Псковъ.»

«Я отъ Ладоги холодной
Отъ лазурныхъ волнъ Невы».
«Я отъ Камы многоводной».
«Я отъ матушки—Москвы!»

Здѣсь встрѣтите вы, кромѣ Русскихъ поклонниковъ, Грековъ, Болгаръ, Молдаванъ и другихъ православныхъ богомольцевъ....

Говоря о богомольцахъ, очень естественно перейти къ предметамъ поклоненія ихъ—разнообразной святынѣ нашего благословеннаго города. Но я не буду останавливаться здѣсь на предметахъ общественныхъ, тѣмъ болѣе не стану повторять того, что уже нѣсколько разъ прежде и лучше было сказано объ нихъ во многихъ спеціальныхъ описаніяхъ, я передамъ здѣсь факты новые, недавно совершенные, или имѣющіе въ скоромъ времени совершиться. Ихъ, очевидно, не можетъ быть много, потому я ни одного не упущу безъ должнаго вниманія; это самое будетъ и хроникой Кіева за послѣднее время. Начну со внѣшняго.—Въ истекшемъ 1850 г. наружность храмовъ Кіева воспріяла большее благолѣпіе: куполы нѣкоторыхъ храмовъ въ Лаврѣ, Софійскаго Собора и Михайловскаго монастыря покрыты новою позолотою. Чуденъ видъ ихъ, особенно при вечернемъ блескѣ, когда не трудно смотрѣть на нихъ, когда замѣтно сверкаютъ 11 главъ Собора и 7 монастыря. Придавая общую раму замѣткамъ своимъ, я долженъ упомянуть о безпрерывно воздвигающихся и быстро производимыхъ зданіяхъ крѣпости: уже готова Николаевская башня и въ ней главные для

Digitized by Google

въѣзда ворота, и немного осталось, чтобъ соединить весь круговой рядъ казармъ, почти вездѣ уже положена закладка послѣднихъ, остающихся построекъ; болѣе 2 тысячъ чел. занято здѣсь постоянной и разнообразной работой. Упомяну еще о замѣчательныхъ частныхъ домахъ, которые составятъ собою украшеніе Кіева: Гг. Эйсмана, Миклашевскаго (на одной улицѣ), Серебрянникова, Чернышева. Передъ Университетомъ ровняется обширная площадь, на которой будетъ воздвигнутъ памятникъ насадителю Св. вѣры и просвѣщенія, равноапостольному Владиміру; близъ Университета возвышается чрезвычайно красивое зданіе 2-й Кіевской Гимназіи, строится Левашовскій Институтъ для дѣвицъ, Дворянскій домъ. Въ близъ лежащей рощѣ воздвигается зданіе Кадетскаго Корпуса. За Житомирской заставой проэктирована новая обширная часть города; она начинается отъ Университета, проходитъ близъ слободы *Кудрявецъ* (возлѣ стараго Кіева) и должна соединиться съ *Глубочицами*, примыкающими къ Подолу. Для нее отведено 409 десятинъ и 2080 саж. земли, принадлежащей вѣдомству Кіевской Палаты Государственныхъ Имуществъ. Кромѣ застроенныхъ уже нѣсколькихъ кварталовъ, предположено еще составить здѣсь 20 кварталовъ. Отъ бульварной улицы, идущей близъ Университета, начертано провесть шоссе, вмѣсто предположеннаго прежде, по Житомирской дорогѣ, и имѣвшаго 4 изгиба. Въ этой новой части города предположены многія казенныя постройки; объ нихъ—въ свое время.— Утвержденъ уже проектъ расширенія и устройства въ лучшемъ видѣ здѣшней Духовной Академіи, находящейся на Подолѣ. Отъ Подола, по правому берегу Днѣпра, до новаго строющагося моста проводится шоссе на возвышеніи 2 саженей отъ обыкновеннаго уровня Днѣпра; отъ напора воды, во время разлива, шоссе защищено фашинникомъ, во множествѣ положенныхъ подъ насыпью; отъ фашинника появились ростки и вѣтви; эта зеленая сторона шоссе чрезвычайно красива, если смотрѣть на нее по Днѣпру; такъ какъ изъ горъ течетъ множество ключей, то всѣ открытые проведены по нѣскольку вмѣстѣ, чрезъ нихъ перекинуты мосты; тамъ, гдѣ рѣка близко подходитъ къ шоссе, устроены кирпичные, тамъ же, гдѣ берегъ далеко отъ шоссе, сдѣланы деревянные мосты; всѣхъ мостовъ 15, кирпичныхъ 5, деревянныхъ 10. По срединѣ шоссе, между Подоломъ и новымъ мостомъ чрезъ рѣку, противъ воздвигнутой на Печерскѣ Николаевской башни, устроена необыкновенно прочная небольшая башня, какъ пристань собственно крѣпости. Земляная насыпь уже готова почти на всемъ разстояніи; набивка шоссе щебнемъ начнется въ это же

Digitized by Google

лѣто (*) Нечего и говорить о той пользѣ, какую принесетъ этотъ чрезвычайно удобный и вдвое близкій путь сообщенія привозныхъ изъза Днѣпра съ Подоломъ. Мы ждемъ значительныхъ, благотворныхъ для торговли послѣдствій отъ шоссе, какъ вообще отъ всего того, что созидаетъ наше заботливое и предупредительное Правительство.— О строющемся мостѣ чрезъ Днѣпръ, было уже подробно говорено въ Москвитянинѣ; здѣсь можно прибавить только то, что уже готовы четыре каменныхъ быка, остается еще сдѣлать 2 на срединѣ рѣки. Длина моста 365 саж., ширина болѣе 8 саж., цѣнность его полагаютъ въ 2.350,000 р. с. Рѣчку *Чарторей* или *Чарторой* предположено запрудить, чтобы воды ея, вливаясь прямо въ Днѣпръ и увеличивъ собой массу водъ его, сдѣлали русло его болѣе глубокимъ и удобнымъ для плаванія судовъ, тогда какъ теперь плаваніе это въ лѣтнее время производится не по Днѣпру, а по *Черторою*. Говорятъ, что въ старину *Черторой* былъ русломъ Днѣпра, нынѣшнее же русло Днѣпра есть не что иное, какъ выкопанный каналъ, сдѣланный съ тою цѣлію, чтобы суда могли прямо приставать къ Подолу, вотъ отчего русло *Чертороя* гораздо глубже (хотя уже) русла Днѣпра, котораго онъ составляетъ теперь рукавъ на пространствѣ 3, 4-хъ верстъ. — Въ своемъ разсказѣ я обошелъ кругомъ весь Кіевъ,— ворочусь опять къ храмамъ, по поводу которыхъ началъ я этотъ разсказъ о новостяхъ Кіева; коснусь теперь внутренности храмовъ.

(*) Не стану говорить здѣсь о чрезвычайной быстротѣ и сложности работъ на шоссе, на которомъ постоянно 700 человѣкъ находится въ различныхъ занятіяхъ; отчетливость и дѣятельность работъ дѣлаютъ большую честь инженерамъ, завѣдывающимъ устройствомъ шоссе; надо вспомнить при этомъ тѣ глубочайшіе рвы и огромные холмы, которые существовали здѣсь до начатія шоссе; еще не прошло и двухъ лѣтъ, а они ужъ совершенно исчезли, и на мѣстѣ ихъ вьется ровной широкой лентой изумительно-быстро явившееся шоссе. При разрывѣ вала, идущаго подъ Днѣпромъ, напротивъ восточнаго конца Царскаго сада, открытъ на этихъ дняхъ (29 Мая) огромный глиняный кувшинъ, въ которомъ заключалось около 4 пудъ какихъ-то древнихъ серебряныхъ монетъ. Свѣдѣнія объ этомъ открытіи еще не получили точной извѣстности и опредѣленности, и потому я оставляю до будущей статьи болѣе подробный и обстоятельный разсказъ объ немъ. Теперь замѣчу только, что монеты эти по величинѣ двухъ видовъ: одни какъ 75 к. сер., а другія какъ 30 к. сер.; на нихъ разнообразные причудливые орнаменты и надписи, кажется, восточныя, что и заставляетъ видѣть въ нихъ памятникъ глубокой древности. Монеты очень тонки, издаютъ глухой звукъ, но металлъ ихъ не подлежитъ сомнѣнію. *П. С.*

Я получилъ уже для образчика двѣ монеты изъ Кіева отъ другаго корреспондента, и отправилъ ихъ въ Петербургъ для разсмотрѣнія Г. Савельеву, опытному восточному нумизмату: монеты восточныя, Арабскія, а количество ихъ,—пять пудовъ, можно причислить къ тяжеловѣснымъ доказательствомъ Г. Егунова съ товарищами, что Россія въ древности торговли не производила. *М. П.*

Digitized by Google

Въ прошломъ же году вполнѣ вызолоченъ заново величественный иконостасъ соборной церкви Печерской Лавры, по усердію незабвенной Графини А. А. Орловой, пожертвовавшей милліонъ рублей на благолѣпіе Лавры. Теперь оканчивается позолота иконостаса въ Софійскомъ соборѣ; въ немъ также возобновляется старинная живопись и очищаются мозаическія изображенія. Считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ Соборѣ. — Чудная внутренность его, вся блиставшая золотомъ, мозаикою и мраморомъ въ первые дни основанія (*), подверглась опустошительному разоренію сначала, во время княжескихъ междусобій, отъ Мстислава, сына Боголюбскаго, потомъ отъ Рюрика Ростиславича и Ольговичей, наконецъ отъ Татаръ. Къ счастію остались мозаическія изображенія, остатки мрамора и нѣсколько столбиковъ изъ порфира. Къ великому удовольствію поклонниковъ и славѣ храма, оставшаяся мозаика скоро исправится въ первобытной своей красѣ, а изображенія, осыпавшіяся отъ времени или разрушенія людскаго, замѣнятся фресками, сообразно мозаикѣ, по золотому полю. Изъ остатковъ мрамора находятся: гробъ Ярослава, капители колоннъ иконостаса и вмѣсто перилъ орнаменты, высѣченные изъ камня на хорахъ; орнаменты эти одинаковой чеканки съ гробомъ Ярослава. Вотъ все, что осталось отъ великолѣпія храма Ярославова. Послѣ Татаръ, болѣе полутора вѣка пребылъ Софійскій соборъ въ запустѣніи (хотя и совершалось въ немъ богослуженіе), разрушался болѣе и болѣе, наконецъ, въ концѣ 14 вѣка, послѣдній изъ Митрополитовъ всея Россіи, Кипріанъ сталъ заботиться о возстановленіи собора и успѣлъ нѣсколько привести его въ лучшій видъ; но въ концѣ 15 столѣтія (1484) Крымскій Ханъ Менгли-Гирей опустошилъ соборъ, а въ концѣ 16 столѣтія (1596) Софійскимъ соборомъ овладѣли Уніаты. Только 35 лѣтъ владѣли они имъ, но привели его въ совершенный упадокъ. Знаменитый Митрополитъ, Петръ Могила, возвратилъ (1632 г.) Софійскій соборъ и позаботился о сохраненіи древнихъ стѣнъ его отъ разрушенія, для чего устроилъ двѣ двухъ-ярусныя галлереи, оградилъ каменными столбами или опорами, устроилъ 17 престоловъ, вмѣсто од-

(*) Кіевскій Софійскій соборъ можно почесть, кажется, самымъ древнѣйшимъ изъ всѣхъ храмовъ въ Россіи: въ 1037 г., 4 Ноября (по слову лѣтописи) онъ уже былъ освященъ. На западной сторонѣ храма, надъ главнымъ входомъ открыта недавно слѣдующая надпись: «храмъ сей святый нача создатися отъ Р. Х. 1011 года, а совершися и освятися 1038». Надпись принадлежитъ къ позднѣйшему времени, какъ видно по начертанію буквъ, но съ чего-нибудь же она да написана. Въ такомъ случаѣ откуда противорѣчіе въ показаніи года лѣтописью и надписью?...

Digitized by Google

ного, и прибавилъ многіе куполы и фронтоны, сверху древнихъ, которые остались внутри, подъ кровлею,—черезъ это совершенно измѣнился внѣшній видъ собора, который въ началѣ былъ копіей, въ маломъ видѣ, Византійскаго храма, т. е. объ одномъ куполѣ и внутри крестообразный. — Митрополитъ Гедеонъ Четвертинскій, при помощи Государей Іоанна и Петра Алексѣевичей, ревностно занимался устройствомъ и благолѣпіемъ его. Съ тѣхъ поръ, почти всѣ послѣдующіе Вѣнценосцы не оставляли соборъ своимъ попеченіемъ и часто вносили богатые вклады. Такъ какъ ничего существенно-важнаго не было сдѣлано для устройства собора до настоящей поры, то я прямо перейду къ днямъ недавно минувшимъ. Въ 1844 году, на южной стѣнѣ собора, подъ штукатуркою и пятью слоями масляной краски открыты были древніе Греческіе фрески (а впослѣдствіи во всемъ соборѣ), которыми былъ расписанъ соборъ при Ярославѣ. Академикъ Солнцевъ, которому принадлежитъ честь сего открытія, занялся, по волѣ Государя Императора, снятіемъ древнихъ рисунковъ и составленіемъ, по образу ихъ, новыхъ для всего храма (1); приняты были мѣры къ скорѣйшему и дѣятельному возобновленію собора. Прошло нѣсколько лѣтъ, пока продолжались приготовительныя работы и составлялись рисунки, наконецъ, съ 25 Іюня 1849 года поручено (хозяйственнымъ образомъ) возобновленіе собора Члену Комитета, Іеромонаху Печерской Лавры отцу Иринарху, который уже 30 лѣтъ подвизается въ живописномъ искусствѣ, въ послѣдніе годы ревностно изучилъ стиль фресковъ собора и завелъ при немъ школу для изученія фресковъ. Обильные плоды его многосторонней, подвижнической дѣятельности не замедлятъ обнаружиться: при непосредственномъ его надзорѣ и собственныхъ неусыпныхъ трудахъ, работы производятся такъ усердно и быстро, что въ теченіи настоящаго лѣта, къ храмовому празднику собора (8 Сентября) отецъ Иринархъ надѣется окончить всю отдѣлку храма. Къ этому жъ времени поставится весь вызолоченный иконостасъ собора; замѣтимъ кстати, что иконостасъ не будетъ теперь закрывать величественный мозаическій образъ Богоматери, находящійся въ олтарѣ, на полусводѣ отъ горняго мѣста и называемый *Нерушимою стѣною*, въ память восьмивѣковаго неповрежденнаго своего существованія.—Вотъ въ какомъ видѣ появится, по окончаніи всѣхъ работъ, внутренность Софійскаго собора: въ куполѣ, который весь будетъ имѣть золотое поле, въ самомъ вѣнцѣ его, Богъ

(1) Подобные памятники Византійскаго художества XI вѣка, разительно сходные, встрѣчаются въ Палермо.

Digitized by Google

Отецъ, вокругъ Него въ сіяніи 4 Серафима; потомъ первымъ рядомъ изображеній на стѣнахъ купола будутъ 12 ликовъ Архангеловъ; ниже ихъ, въ простѣнкахъ между окошками, лики святителей; на 4 углахъ, концахъ ротонды, четыре Евангелиста. Наконецъ, на стѣнахъ собственно собора, различныя изображенія лицъ, группъ, событій Евангельскихъ; на многочисленныхъ столпахъ храма (1) поясныя и во весь ростъ изображенія святыхъ и множество арабесковъ; — все это будетъ возобновлено совершенно по образцу древняго художества. Скажу еще о тѣхъ мозаическихъ изображеніяхъ, которыя остались невредимы до нашихъ временъ и явятся нѣсколько очищенные. Въ олтарѣ колоссальный образъ Божіей Матери, ниже ея божественная трапеза, еще ниже ликъ Святителей и мучениковъ. На столпахъ алтарныхъ, состороны церкви, находятся изображенія Архангела Гавріила, благовѣствующаго, и Св. Дѣвы. Внутри церкви, на восточной дугѣ подъ куполомъ образъ Спасителя, а напротивъ его, на западной дугѣ, образъ Богоматери. Изъ 4 Евангелистовъ сохранился образъ Марка и часть Евангелиста Іоанна, да еще на 15 ликахъ мучениковъ уцѣлѣла древняя мусія. Такимъ образомъ Софійскій соборъ скоро получитъ — по возможности—тотъ видъ, въ какомъ былъ онъ въ свое первое время, во время величія и славы Кіева.

Къ большему благолѣпію Собора, на колокольнѣ его, которая была доселѣ въ 3 яруса (2), воздвигается теперь четвертый ярусъ съ высокимъ куполомъ. Само собою разумѣется, что видъ колокольни, собора и всего Кіева сдѣлается еще лучше, привлекательнѣе, невагляднѣе. Работы по колокольнѣ предположено окончить также къ храмовому празднику собора.

Зима этого года въ Кіевѣ была очень малоснѣжна, поэтому разливъ Днѣпра не могъ быть значителенъ; но такъ какъ въ Россіи были большіе снѣга, и бассейнъ Днѣпра многочислененъ, то разливъ былъ довольно великъ, впрочемъ менѣе, чѣмъ въ 1845 и 1850 года. Днѣпръ вскрылся 15 Марта, а совершенно освободился отъ льда 20-го числа и до 25 Апрѣля продолжался его разливъ, съ этого дня вода стала убывать, но и до сихъ поръ Днѣпръ

---

(1) Эти столбы чрезвычайно съуживаютъ ширину собора и дѣлятъ его на множество продолговатыхъ, узкихъ четыреугольниковъ. Столбы эти сдѣлали совершенно ненужными для собора желѣзныя связи, которыхъ вовсе не было и нѣтъ

(2) Она основана въ 1746 году, при Митрополитѣ Рафаилѣ, и долго называлась *тріумфальною*, по своимъ внѣшнимъ украшеніямъ.

Digitized by Google

еще не вошелъ въ свои берега (1). Разливъ его почти всякій годъ бываетъ очень значителенъ, затопляетъ все Заднѣпровье, верстъ на 8 вдаль отъ города; особенно замѣчателенъ былъ разливъ его въ 1845 году, когда вода вливалась во всѣ улицы Подола, ведущія къ Днѣпру, и отъ многихъ домовъ выплывали на лодкахъ. Всякій годъ, впрочемъ, Днѣпръ затопляетъ низкую часть Подола, называемую *Оболонье*, и картинны бываютъ тогда маленькіе домики и сараи, окруженные со всѣхъ сторонъ водою; не ранѣе половины Іюня наводится временный мостъ чрезъ Днѣпръ, а до того времени переправа производится на баркасахъ, дубкахъ и паромахъ; послѣдніе въ этомъ году тянулись пароходомъ, который на разстояніи 5 верстъ, тащилъ всякій разъ два-три парома, совершенно нагруженные. Какъ чудно хорошъ, какъ живописенъ бываетъ, во время полнаго разлива, Подолъ, который огибается тогда съ трехъ сторонъ Днѣпромъ, и замѣтно выдаваясь однимъ концомъ въ рѣку, напоминаетъ собою Золотой Рогъ, столько славный своей красотою. Красивыя зданія Подола и частію разбросанные по немъ стройные тополи дѣлаютъ Подолъ всегда самою красивѣйшею частію города; но всего болѣе получаетъ онъ привлекательности во время разлива, особенно если смотрѣть на него съ шоссе, или съ Александровской горы, или съ паперти Андреевской церкви, откуда панорама его представляется шире, яснѣе, величественнѣе, разнообразнѣе. Къ этому виду не привыкли еще самые Кіевляне: слова восторга и очарованія часто раздаются изъ устъ гуляющихъ, при взглядѣ на ту картину, которую представляетъ собою Подолъ, во время полнаго разлива. Кіевъ богатъ очаровательными видами во многихъ мѣстахъ, но всего красивѣе, всего пепаглядпѣе тотъ же Подолъ, откуда ни взгляните на него. Горы Кіева представляютъ собою чрезвычайно удобные пункты для того, чтобы любоваться чудесною разнообразною красотою мѣстности. Самые лучшіе виды открываются съ паперти Андреевской церкви, съ кладбищенской горы Щековицы, съ Царскаго сада, съ Александровской горы и многихъ другихъ возвышенныхъ мѣстъ.

По малоснѣжью переходъ отъ зимы къ веснѣ совершился

(1) Кстати скажу, что мнѣ когда-то случилось слышать отъ простаго рыбака вотъ какую чрезвычайно удачную филологическую замѣтку о происхожденіи слова «Днѣпръ»: такъ какъ рѣка эта постоянно была стремительна и часто силою напора водъ своихъ, дѣлала для себя новое русло, то поэтому и дано было ей названіе *Дно-пръ*, т. е. что она всякій разъ претъ, выпираетъ, вытискиваетъ для себя дно; а изъ этаго уже слова *дно-пръ*, послѣ ряда измѣненій, образовалось—Днѣпръ. Передаю, что слышалъ, представляя мастерамъ своего дѣла судить, до такой степени правдива и основательна эта замѣтка.

Digitized by Google

скоро, безъ грязи, которая никогда не бываетъ велика въ нашемъ городѣ, благодаря почти вездѣ находящимся мостовымъ. Теплые, ясные, весенніе дни часто бывали въ Мартѣ, особенно въ Апрѣлѣ; погода въ Свѣтлый праздникъ была чудно хороша; но Май походилъ болѣе на Сентябрь: сильный холодъ и частые дожди, комически разстроивавшіе прогулки и поѣздки за городъ,—вотъ что было у насъ въ Маѣ; только къ концу его настали теплые дни ночи все еще прохладны, а днемъ такъ паритъ, что дождь не заставитъ себя долго дожидаться. Въ окрестностяхъ Кіева была, не разъ уже, сильная гроза, повредившая мельницы, хлѣбъ и плодовыя деревья, въ самомъ же Кіевѣ она ограничивалась проливнымъ дождемъ и чрезвычайно сильными ударами грома.

Свѣтлый праздникъ прошелъ скромно, съ обыкновенными увеселеніями: для народа на площадяхъ устроены были балаганы, палатки, качели, вокругъ которыхъ толпилось множество любопытныхъ; въ купеческомъ Клубѣ былъ одинъ вечеръ; впрочемъ въ Кіевѣ, какъ и во многихъ мѣстахъ Малороссіи, Свѣтлый праздникъ проводится почти въ семейномъ кругу: на первый день праздника посѣщаютъ родителей, или самыхъ старѣйшихъ членовъ семейства, на второй, на третій, и т. д, во всю недѣлю, собираются, по искони заведенному порядку, въ каждомъ семействѣ родныхъ поочередно, по порядку старшинства. Дѣло другое — Рождественскія святки, которыя проводятся, хотя съ такой же формальностью, но несравненно и чудѣе и разнообразнѣе. Послѣ Св. Праздника, на сценѣ здѣшняго театра, дебютировалъ пріѣхавшій изъ Харькова трагическій актеръ Г. Львовъ. Онъ участвовалъ въ трехъ или четырехъ спектакляхъ, и по всей справедливости заслуживалъ полнаго вниманія со стороны Кіевской публики; преимущественный успѣхъ его былъ въ роли Гамлета,—это очень много говоритъ въ пользу его сценическихъ дарованій. Игра его привлекала много зрителей въ театръ, который теперь очень часто пустѣетъ. Одной изъ причинъ малаго процвѣтанія нашего театра можно почесть отсутствіе ensemble-я въ составѣ актеровъ и актрисъ, другою — недостатокъ трагическихъ персонажей: часто трагическія роли раздаются лицамъ, занимающимъ амплуа Щепкина или Мартынова,—ну, можете представить, каковъ бываетъ ходъ піэсы отъ такой раздачи ролей. — Въ Маѣ явился на нѣсколько представленій пѣвецъ Соловкинъ, ученикъ Тамбурини; его участіе въ спектакляхъ пріятно разнообразило монотонныя театральныя представленія. Въ Маѣ же были даны два концерта: первый — вокальный и инструментальный дѣвицею Лелорренъ, при содѣйствіи воспитанницъ Образцоваго

Digitized by Google

Пансіона Г-жи Залѣсской; второй на кларнетѣ — слѣпцомъ Валеріемъ Вирскимъ; о первомъ скажу, что цѣна билету была 3 р. сер., о второмъ — что едва-ли на немъ были слушатели, и этого довольно объ нихъ!...

Съ первыхъ чиселъ Мая начались у насъ Дворянскіе и Городскіе выборы, продолжавшіеся до 20 Мая. Они прошли тихо, скромно, безъ всякихъ увеселеній, какими обыкновенно сопровождаются они въ другихъ мѣстахъ и какіе бывали когда-то въ нашемъ Кіевѣ, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Кандидатами на Губернскаго Предводителя Дворянства избраны Графъ Тишкевичъ и Графъ Броницкій. Градскимъ главою избранъ Кіевскій 2-й гильдіи купецъ, И. И. Ходуновъ, бывшій прежде уже нѣсколько трехлѣтій головою.

Дурная погода, стоявшая въ Кіевѣ въ теченіи Мая, мѣшала частымъ гуляньямъ Кіевлянъ въ любимомъ ихъ мѣстѣ — Царскомъ саду; но это не помѣшаетъ мнѣ сказать объ немъ нѣсколько словъ. Уже кое-гдѣ было замѣчено, что Кіевскій Царскій садъ есть одинъ изъ лучшихъ и живописнѣйшихъ садовъ во всей Россіи. Тѣмъ дѣло и оканчивалось, не потому, чтобы этой фразой все уже было сказано для яснаго представленія сада; но потому, что представить полную и наглядную картину сада не такъ легко. Я далекъ отъ мысли дать вамъ совершенное отчетливое понятіе о Царскомъ садѣ своимъ очеркомъ, тѣмъ не менѣе я съ охотою хочу кое-что сказать здѣсь объ немъ, какъ о предметѣ, достойномъ вниманія и любопытства: садъ нашъ такъ часто доставляетъ собою удовольствіе Кіевлянамъ и притомъ чуть-ли не гораздо болѣе, чѣмъ наши театры, салоны, клубы.— Почти каждый вечеръ, а по праздникамъ и воскресеньямъ непремѣнно, рѣзво мчатся въ Царскій садъ со всѣхъ сторонъ щегольскіе экипажи. Невыразимая прелесть мѣстоположенія, разновидная, пестрая, шумная толпа гуляющихъ, чудный тихій вечеръ, свѣтлое голубое небо, часто совершенно безоблачное, очаровательный, благодатный воздухъ, дивные виды, открывающіеся со многихъ мѣстъ сада,— все это такія роскошныя блага, которыя и отдѣльно могутъ доставить много удовольствія, а тѣмъ болѣе, когда всѣ они вмѣстѣ. Вотъ почему рѣшаюсь я посвятить нѣсколько строкъ слабаго описанія Кіевскому Царскому саду.

Войдемте въ него съ западной стороны. Сейчасъ по входѣ, на право и на лѣво идутъ пограничныя аллеи сада, по которымъ проложена дорога вокругъ него. Мы пойдемъ прямо, по извилистой дорожкѣ, которая ведетъ на ровную площадку, переплетенную множествомъ дорожекъ и усаженную цвѣтами; волны запаху

Digitized by Google

обнимутъ васъ здѣсь; свѣжесть, легкость воздуха благотворно подѣйствуютъ на вашъ организмъ. Густые ряды деревьевъ возвышаются съ трехъ сторонъ, огибая подковообразно площадку, на которой мы теперь стоимъ; сразу замѣтно, что виды на горѣ должны быть единственно-хороши. Холмистыя, широкія возвышенія и деревья, растущія одно надъ другимъ, манятъ къ себѣ ваши взоры. Пойдемъ далѣе: передъ нами разбѣгаются аллеи во всѣ стороны; трудно избрать, по какой пойти,— вездѣ найдемъ мы особенную прелесть, вездѣ получимъ отрадное ощущеніе, вездѣ встрѣтимъ картинные виды, которыми можно только любоваться, которые выше всякаго описанія. Мы найдемъ здѣсь и уединенныя тропинки, идя по которымъ, можно прійти въ такое тѣнистое мѣсто, что вамъ покажется, будто вы Богъ вѣсть въ какомъ далекомъ лѣсу. При самомъ началѣ прогулки по этимъ извилистымъ аллеямъ, которыя всѣ ведутъ къ главной аллеѣ сада, вамъ представится мысль, что въ немъ гораздо болѣе природы, чѣмъ искусства,—послѣднее вы замѣтите только въ проложенныхъ дорожкахъ, бесѣдкахъ и отличномъ порядкѣ, въ какомъ содержится садъ. Подымаясь все выше, вы замѣтите, что кругозоръ становится шире, разнообразнѣе, привлекательнѣе, такъ пріятно остановиться гдѣ-либо и осмотрѣть все вокругъ: съ одного мѣста вы увидите предъ собой вверху главную аллею и по ней множество гуляющихъ; вамъ бросятся въ глаза два гибкіе прямые тополя, стоящіе предъ срединой аллеи; а съ другаго мѣста предъ вами откроется здали широкій полукругъ, увѣнчанный вѣтвистыми деревьями; отъ него къ ногамъ вашимъ разстилается внизу на большомъ пространствѣ поляна, вся усѣянная деревьями и чуть мелькающими дорожками; съ третьяго мѣста представятся вамъ другіе чарующіе виды, такъ что если вы впечатлительный и воспріимчивый наблюдатель, являйтесь сюда съ записной книжкой, и вы скоро исчертите многія страницы въ ней бѣглыми описаніями и роскошными впечатлѣніями. Отъ полноты замѣчаній вы забудете набросить на бумагу множество роемъ вьющихся въ головѣ вашей мыслей; на каждомъ шагу садъ представляетъ вамъ—то въ себѣ самомъ, то въ городѣ, новые, полные плѣняющей прелести виды. А чего-чего не увидите вы изъ многихъ мѣстъ его возвышенныхъ аллей! По мѣрѣ того, какъ вы подвигаетесь, предъ вами со всѣхъ сторонъ видоизмѣняется горизонтъ: по-за вершинамъ деревъ, вдали, мелькаетъ золотой куполъ Лаврской колокольни, далѣе стройные ряды ровныхъ тополей, красиво оттѣняющихъ лучшую часть города — *Липки*, огромное зданіе Коммерческаго Банка, необыкновенно красивый, привлека-

Digitized by Google

тельный Институтъ Благородныхъ дѣвицъ съ золотымъ крестомъ, далекій, величественный Университетъ съ Гимназіей, сверкающіе куполы Софійскаго Собора, Михайловскаго монастыря; массивная Десятинная церковь, красивый Римско-Католическій храмъ и множество хорошенькихъ домовъ, на счастливомъ мѣстоположеніи. Между всѣми этими предметами разсѣяно много гибкихъ, высокихъ тополей, которые такъ пріятны глазу. И чѣмъ чаще вы будете приходить, тѣмъ болѣе будете замѣчать и уносить съ собою очерковъ, но все таки замѣтки ваши не скоро будутъ полны, память глаза и память воображенія постоянно будутъ припоминать вамъ новые оттѣнки, въ которыхъ есть своя прелесть, своя грація: такъ много величавой, очаровательной картинности во многихъ мѣстахъ нашего сада, такъ много неодолимаго обаянія въ немъ, что въ вашей памяти невольно припомнятся многія чудеса мѣстностей далекихъ странъ, вы будете думать, что видите предъ собою прелестный уголокъ Швейцаріи, Италіи.... Здѣсь именно, любуясь садомъ и окрестными мѣстами, всего скорѣе, всего чаще припоминаешь слова Гребенки: «хороша, богата природа! Невольно снимешь шапку и отъ души перекрестишься! Стоитъ-ли человѣкъ прекрасныхъ даровъ Божіихъ?» (Куликъ, пов. Гребенки).

Главнымъ мѣстомъ всеобщаго гулянья въ саду всегда бываетъ одна большая аллея, расположенная по крайней возвышенности сада, съ которой прямо начинается спускъ къ Крещатику и Подолу. На одномъ концѣ аллеи находится кондитерская; а на другомъ — очень красивая бесѣдка съ балкономъ, обращеннымъ къ Днѣпру. Съ этой бесѣдки открывается единственный видъ на Подолъ, Днѣпръ и все Заднѣпровье, синѣющее своими лѣсами, заливами, озерами и островками, покрывающими обширный лугъ. Чуденъ этотъ видъ, во время полнаго разлива Днѣпра, когда пространство верстъ на 7, на 8 вдаль покрывается водою, изъ-подъ которой чуть выказываются кустарники; по Днѣпру то и дѣло плывутъ барки, плоты, байдаки и даже пароходъ, то тянущій за собой нѣсколько судовъ, то перевозящій толпы богомольцевъ, нагромоздившихъ два-три парома! Дымъ черной лентой вьется въ синемъ небѣ, стада птицъ шумно рѣютъ въ воздухѣ, вездѣ полная жизнь природы, обновленной богатыми силами, послѣ зимняго отдыха! Чуденъ этотъ видъ во всякій лѣтній вечеръ, когда Днѣпръ тихо катитъ въ берегахъ свои воды: не слышны всплески его волнъ—по гладкой поверхности его заснуютъ вдоль и поперегъ лодки гуляющихъ, рыбаковъ, поселянъ, везущихъ въ городъ продавать дрова, сѣно,— явственно доносятся до слуха вспомогательные ободри-

Digitized by Google

тельные крики рабочихъ на чуть-чуть движущейся баркѣ; у ногъ вашихъ скалы стоятъ наравнѣ съ вершинами деревьевъ, которые растутъ кое-гдѣ у подошвы горъ; когда свечеръетъ и румяные отблески зашедшаго солнца обливаютъ окрестность плѣнительнымъ свѣтомъ и отражаются въ зеркальной лазури Днѣпра; когда, наконецъ, на ясномъ, голубомъ небѣ засверкаютъ звѣзды, блеснутъ огни на Подолѣ и вдоль по Днѣпру зажгутся во многихъ мѣстахъ огоньки;—все это надолго удерживаетъ зрителя предъ собою и повергаетъ его въ пріятное, покойное состояніе, полное ощущеній, мечтаній и думъ! Чуденъ этотъ видъ и въ раннее лѣтнее утро, когда востокъ уже весь блещетъ розовымъ цвѣтомъ, изъ-за лѣсу встаетъ солнце, золотитъ величавую гладь Днѣпра и сыплетъ яркіе лучи свои на дремлющіе деревья, въ воздухѣ уже начинается всеобщій гулъ звуковъ, среди котораго ясно отдаются переливы и трели соловья, невыразимый шопотъ деревьевъ — это дыханіе сада, стройное, звучное,—а по временамъ протяжный гулъ благовѣста; наконецъ, когда васъ проникаетъ здоровая свѣжесть, которую особенно чувствуешь по утрамъ, и притомъ въ саду, и притомъ на гористомъ мѣстѣ, близъ рѣки; совокупите все это въ одно, и воображеніе наше создастъ вамъ полную картину утра, какихъ много встрѣчаемъ мы, подъ нашимъ теплымъ небомъ, въ нашемъ плѣнительномъ Царскомъ саду! Нѣсколько ниже этой бесѣдки, изъ которой открываются такіе ненаглядные виды, на другомъ холмѣ, къ западу, высится другая бесѣдка, легкая, прозрачная, съ красивой колоннадой; она выдается къ рѣкѣ далѣе, чѣмъ первая, и видъ отсюда, уже знакомый вамъ изъ прежней бесѣдки, становится шире и сложнѣе, — отсюда видны и весь Подолъ и военный Никольскій соборъ на Печерскѣ. Главный видъ — все таже обширная даль съ волнами воды и зелени; казалось бы, что за виды на ней могутъ привлечь нашъ взоръ, а между тѣмъ даль эта полна чарующей силы и вновь останавливаетъ на себѣ наше вниманіе своей безпредѣльностью, которая такъ знакома, такъ близка душѣ нашей — частицѣ безпредѣльнаго! Вы видите, сколько красотъ вмѣщаетъ въ себѣ нашъ садъ! сколько другихъ красотъ представляется изъ него! Какой просторъ воображенію, разгулъ фантазіи и мечтамъ! Сколько предметовъ и для поэта и для художника хранитъ въ себѣ этотъ садъ, въ избранную лѣтнюю пору!...

Взглянемъ теперь на посѣтителей сада. По утрамъ, отъ 5 до 9 часовъ, садъ полонъ гуляющихъ, преимущественно пьющихъ воды. Не будемъ останавливаться на группахъ: однѣ любуются тѣми видами, которые уже знакомы вамъ, другія скоро проходятъ по

Digitized by Google

аллеямъ сада и стремятся къ заведенію минеральныхъ водъ, третьи молча проводятъ, по обыкновенію, свободный свой утренній часъ— и смотрятъ на часы, чтобы не опустить время, нужное для исполненія обязанностей. Гуляющихъ бываетъ немного и гулянье длится не долго.

Всего нарядиѣе, всего интереснѣе бываетъ садъ по вечерамъ, когда собирается въ немъ чрезвычайное множество гуляющихъ, всякаго званія, возраста и состоянія, когда широкія, тѣнистыя аллеи его полны гуляющихъ, а на главной и ходить тѣсно, когда веселые мотивы музыки возбуждаютъ довольство на лицѣ, раздается свободный, веселый смѣхъ и слышатся разные шумные звуки: то бойкая Французская рѣчь, то вкрадчивая Польская любезность, то тихій Русскій говоръ. Весело тогда ходить въ нашемъ красивомъ саду, весело глядѣть на изящные, милые уборы, на цвѣтущія красотою лица, прислушиваться къ отрывочнымъ фразамъ и созидать по нимъ пестрыя картины, вдохновляясь плѣнительными лицами.— А Кіевъ богатъ хорошенькими: это аксіома, противъ которой никто не станетъ спорить. Видѣть разомъ почти все лучшее Кіева — можно именно въ саду, особенно по Воскресеньямъ и праздникамъ, когда играетъ музыка. Вглядываясь пристально въ эту разновидную толпу гуляющихъ, скоро можно заключить, что если всѣ ходятъ по одной, главной аллеѣ, такъ это потому, что она болѣе открыта, свѣтла и, слѣдовательно, блескъ наряда и красота лица скорѣе бросятся въ глаза, скорѣе поразятъ пылкое сердце. Всматриваясь въ физіономіи гуляющихъ, ихъ походку, пріемы, можно безошибочно угадать, что одни пришли въ садъ за тѣмъ, чтобъ себя показать, другіе — чтобъ увидѣться съ тѣмъ, кого хочется видѣть, а эти — почваниться новенькимъ нарядомъ, а тѣ-вотъ — съ простой цѣлію повеселиться. Наблюдательному взору много пищи представитъ нашъ садъ, пылкому посѣтителю — много предметовъ для восторга, и самому скучному меланхолику много развлеченій: вотъ почему всѣ такъ любятъ садъ, вотъ почему въ немъ, и по утру, и въ ввечеру, всегда найдете вы гуляющихъ и, подъ-часъ, обильный сюжетъ для разсказа. Въ послѣднемъ отношеніи садъ нашъ — почва богатая, еще не тронутая, не воздѣланная. Онъ ждетъ еще досужаго пера, для котораго такъ много интересныхъ матеріяловъ найдется въ нашемъ Кіевѣ, въ его обществѣ, семейной жизни, нравахъ, привычкахъ....

Довольно! О Царскомъ садѣ не наговоришься вдоволь, если только начнешь говорить объ немъ. Въ немъ столько красотъ мѣстности, видовъ, что, въ замѣнъ всякаго подробнаго описанія, можно со ею справедливостію сказать любителю природы: «прійди и виждь!»

Digitized by Google

Въ саду помѣщается заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ. Здѣсь кстати бы сказать нѣсколько словъ объ немъ, но письмо мое давно уже перешло предѣлы письма, и потому не распространяясь много, приведу здѣсь нѣсколько статистическихъ чиселъ изъ отчета объ этомъ заведеніи за 1850 годъ. Курсъ леченія начался 14 Мая и продолжался до 1 Сентября. Въ теченіи этого времени пользовалось водами 138 лицъ, получило облегченіе 125. Дохода заведеніе имѣло 8,603 р. 88½ к.; израсходовано въ теченіи года 6,833 р. 36¼ коп. Весь капиталъ заведенія къ 10 Мая 1851 г. считается 7,739 р. 92¼ к., кромѣ приготовленныхъ водъ, матеріяловъ для составленія водъ и бутылокъ порожнихъ на сумму 2,526 р. 34 копѣйки.

Еще нѣсколько словъ о гуляньяхъ въ Царскомъ саду.— Гулянья въ немъ по вечерамъ, длятся отъ 7 до 9 часовъ и позже, особенно, когда сіяетъ луна, при свѣтѣ которой садъ получаетъ новую, невыразимую прелесть; тогда гулянье, продолжаясь долго въ саду, длится еще по красивымъ улицамъ Кіева. Группы изъ сада расходятся и теряются по всѣмъ частямъ города. И какъ хороши бываютъ эти прогулки въ тихую, лунную ночь! Какъ пріятно на сердцѣ! Какъ ненаглядно-красивъ бываетъ тогда Кіевъ, какъ привлекательно блестятъ его бѣленькіе домики, оттѣненные тополями, высокія колокольни! Какъ звучно и далеко раздаются звуки шарманки, а иногда чрезъ растворенное окно вырвутся полныя нѣги и очарованія мелодіи на фортепіано, прозвучитъ восхитительный, нѣжный голосъ!... А меломановъ у насъ такъ много! Свѣжесть воздуха, свѣжесть благоуханія, чарующая взоръ обстановка, благотворно дѣйствуютъ на расположеніе духа, незамѣтно становишься говорливѣе, добрѣе, воспріимчивѣй. Но мало по малу по дорогѣ ложатся длиннѣе и длиннѣе тѣни отъ горъ и высокихъ домовъ Кіева, тише и тише становится на улицахъ, часы уже нѣсколько разъ били четверти, наконецъ, раздаются мѣрные звуки колокола, бьетъ полночь; и Кіевляне предаются покою неохотно, медленно, какъ-бы не желая разстаться съ благодатнымъ, свѣжимъ воздухомъ чудной ночи, съ темноголубымъ небомъ, съ ненаглядными видами веселаго, красиваго Кіева!.... *П. С.*

8 Іюня, 1851 г.

Digitized by Google

Заштатный городъ Туруханскъ.

Туруханскъ одинъ изъ самыхъ сѣверныхъ городовъ Сибири. Онъ находится подъ 65° 55′ сѣверной широты и 105° 18 восточной долготы; слѣдовательно, Березовъ южнѣе его около двухъ градусовъ, Якутскъ около трехъ, Нарымъ около пяти. Въ этомъ отношеніи, изъ всѣхъ Русскихъ городовъ, положеніе которыхъ опредѣлено астрономически, преимущество предъ Туруханскомъ берутъ только Кола и Нижне-Колымскъ: оба они сѣвернѣе его около трехъ градусовъ.

Начало Туруханска относится къ XVII-му столѣтію.

Въ 1598 г. до Царя Ѳедора Ивановича дошли слухи, что на далекомъ сѣверѣ, близъ Оби рѣки, «яже двѣма устьи впаде въ Окіянъ-море» существуетъ земля Самоѣдовъ; а потому, *для провѣданія* этой земли, въ томъ же году былъ посланъ нѣкто Ѳедоръ Дьяковъ. Результаты этой экспедиціи намъ неизвѣстны, кромѣ того только, что Дьяковъ доходилъ до р. Енисея. Однако мысль овладѣть Самоѣдскою землею не оставляла наше правительство и въ послѣдующее время. Весьма вѣроятно, что поводомъ къ этому былъ слухъ, доходившій отъ времени до времени въ Тобольскъ, о богатствѣ помянутой земли. При Царѣ Борисѣ Ѳедоровичѣ, въ 1600 г., на р. Тазу былъ уже основанъ городокъ подъ именемъ Мангазеи — Укрѣпясь здѣсь, отрядные начальники постоянно посылали во всѣ стороны партіи казаковъ для сбору ясака. Въ нѣсколькихъ дняхъ пути на востокъ отъ Мангазеи, казаки нашли рѣку Туруханъ, а плывя по ней внизъ по теченію, естественно, должны были выйдти въ Енисей. При впаденіи Туруханъ, Енисей расширяется, дѣлится на нѣсколько протокъ и образуетъ довольно большой тундристый островъ, покрытый лозникомъ и самыми жалкими соснами и березками. Ровное и открытое положеніе этого острова показалось казакамъ весьма удобнымъ къ учрежденію тутъ караульнаго поста; а потому они выстроили на немъ зимовье и назвали его Туруханскимъ. Это было въ 1609 году. Вскорѣ послѣ этого, Мангазея сгорѣла, а устроивать новый городъ на томъ же мѣстѣ оказалось неудобнымъ по причинѣ нездороваго климата и болотистой почвы. Это было поводомъ къ тому, что въ 1672 году, по повелѣнію Царя Алексѣя Михайловича, всѣ жители Мангазеи переведены въ Туруханское зимовье и тутъ выстроенъ деревянный городъ, подъ именемъ Новой Мангазеи или Туруханска. Впрочемъ, то мѣсто, гдѣ была старая Мангазея, въ послѣдствіи времени снова заселилось. Нынѣ тутъ находится селеніе *Тазовское у Часовни*.

Digitized by Google

Такова *древняя* исторія Туруханска. Дальнѣйшая судьба его представляетъ весьма мало интереса. 19 Января 1782 г. онъ причисленъ къ Томской области Тобольскаго намѣстничества; 17 Марта 1785 г. ему данъ гербъ — въ зеленомъ полѣ серебряный песецъ, «потому что онаго округа песцы наилучшими почитаются»; 18 Марта 1804 г. гербъ этотъ измѣненъ: въ щитѣ, раздѣленномъ горизонтально на два, въ верхней половинѣ велѣно изображать гербъ Томска, къ вѣдѣнію котораго онъ причисленъ, а въ нижней—въ красномъ полѣ серебрянаго песца, идущаго въ правую сторону; наконецъ, въ 1822 году, при открытіи Енисейской губерніи, Туруханскъ изъ окружнаго города Томской губерніи переименованъ заштатнымъ Енисейской; присутственныя мѣста его закрыты, казна и три чугунныхъ пушки перевезены въ Красноярскъ и Тобольскъ; а для управленія дѣлами полиціи и для сбора ясака назначенъ особый чиновникъ, съ названіемъ отдѣльнаго засѣдателя.

Туруханскъ — самое скучное, самое глухое и самое нездоровое мѣсто, какое только можно себѣ вообразить.

Находясь въ 1414 верстахъ отъ своего губернскаго города Красноярска и въ 1084 верстахъ отъ окружнаго Енисейска, Туруханскъ рѣдко-рѣдко бываетъ кѣмъ-либо посѣщаемъ, и даже самая почта ходитъ въ него только одинъ разъ въ мѣсяцъ. Причина этому та, что единственный путь сообщенія съ нимъ — Енисей, весьма ненадеженъ и зимою и лѣтомъ. Енисей—рѣка бурная, которая, кажется, никогда не бываетъ спокойна. Часто случается, что какая-нибудь купеческая барка, отправляясь изъ Красноярска или Енисейска въ Туруханскъ, останавливается на полпути и цѣлыя недѣли ждетъ, пока утихнетъ вѣтеръ и представится возможность безопасно плыть далѣе. На всемъ протяженіи Енисея отъ Енисейска до Туруханска, раскинутъ рядъ бѣдныхъ деревушекъ, верстахъ въ 25 или 30 другъ отъ друга; жителей въ каждой — отъ 3 до 5 человѣкъ. Каждая барка, для большей безопасности, должна непремѣнно остановиться у каждой такой деревеньки и взять въ лоцманы кого-нибудь изъ жителей. Въ противномъ случаѣ, ей очень не мудрено стать на мель и тогда ея хозяину грозитъ неминуемый убытокъ. Зимою по Енисею поднимаются такія мятели, называемыя здѣсь *пургами*, что путешественникъ, отправляясь изъ одной деревеньки въ другую, долженъ заранѣе приготовиться ко всякаго рода непріятностямъ. Иногда пурга продолжается по нѣскольку сутокъ, при жестокомъ морозѣ, и, естественно, заноситъ совершенно и собакъ, и нарты, и людей. Поэтому, Туруханскъ никакъ не можетъ пожаловаться на частыя посѣщенія Онъ живетъ какъ будто разобщенный отъ остальнаго міра.

Digitized by Google

Все народонаселеніе Туруханска состоитъ изъ 394 человѣкъ мужескаго пола. Мѣщанъ 72 души, казаковъ считается до 45 душъ, а остальные — поселенцы. Аристократію составляютъ отдѣльный засѣдатель, казачій командиръ, помощникъ засѣдателя, лекарь, винный и соляной приставъ и мѣстный священникъ.

Туруханскіе мѣщане — совершенно нищіе, потому что не могутъ найдти ни работъ, ни особенно доступныхъ промысловъ, которые бы могли улучшить ихъ благосостояніе. Но за всѣмъ тѣмъ привязанность къ родинѣ у нихъ такъ велика, что они ни за что не хотятъ приписаться къ какому-нибудь другому городу. Впрочемъ одна изъ самыхъ главнѣйшихъ причинъ ихъ нищеты—лѣность. Трудно повѣрить, до какой степени этимъ людямъ тяжело приняться за какую-нибудь работу. Правда; что нѣкоторые изъ нихъ не подходятъ подъ это правило и, живя въ зимовьяхъ внизъ по Енисею къ Ледовитому морю, занимаются добычею пушнаго звѣря, — но это такія рѣдкія исключенія, что объ нихъ можно и не упоминать. Большая часть Туруханскихъ мѣщанъ ведетъ жизнь до того праздную, что не въ состояніи даже прокормить себя, между тѣмъ, какъ рыбы тамъ въ изобиліи, родится довольно хорошо картофель и даже можно сѣять ячмень. О дичи и говорить нечего: ея бездна.

Казаки, напротивъ, самая дѣятельная часть Туруханскаго населенія. Только они такъ заняты службою, что у нихъ едва-едва остается сколько-нибудь свободнаго времени для того, чтобы пріобрѣсти себѣ что-нибудь. Ихъ обыкновенно назначаютъ смотрителями хлѣбныхъ казенныхъ запасныхъ магазиновъ, разбросанныхъ по всѣмъ пунктамъ Туруханскаго края; ихъ употребляютъ на посылки по дѣламъ службы; наконецъ, они преимущественно занимаются сплавомъ казеннаго хлѣба по Нижней Тунгузкѣ. Послѣдняя обязанность считается самою трудною. Нижняя Тунгузка впадаетъ въ Енисей верстахъ въ двадцати пяти выше Туруханска, близъ селенія Троицко-монастырскаго; она чрезвычайно быстра и усѣяна страшными порогами, которые начинаются отъ впаденія въ нее рѣчки Подпорожной. На всемъ протяженіи Нижней Тунгузки находится четыре урочища наиболѣе посѣщаемыхъ бродячими Тунгусами и другими инородцами: Нижне-Чумское, Таймурское, Усть-Турыжское и Таймынское. Всякій годъ въ Августѣ мѣсяцѣ до тридцати казаковъ отправляются вверхъ по теченію этой рѣки на двухъ или трехъ плоскодонныхъ лодкахъ, и, приставъ у одного урочища, ждутъ выхода инородцевъ и продаютъ имъ хлѣбъ, потомъ отправляются въ другое и т. д. Такимъ образомъ, они поднимаются болѣе 1200 верстъ

Digitized by Google

противъ теченія. А какъ Тунгузка замерзаетъ весьма рано, именно въ половинѣ Октября, то очень часто случается, что казаки зимуютъ гдѣ-нибудь на берегу ея и возвращаются въ Туруханскъ по прошествіи льда, то есть не ранѣе Іюня мѣсяца. Обратное плаваніе совершается чрезвычайно быстро: 1200 верстъ проплываютъ не болѣе, какъ дней въ пять или шесть. Въ Августѣ мѣсяцѣ, тѣ же самые казаки отправляются вновь съ хлѣбомъ по Тунгузкѣ. Такимъ образомъ у нихъ почти нѣтъ свободнаго времени

Въ Туруханскѣ не получается ни газетъ, ни журналовъ, — по крайней мѣрѣ въ настоящее время. Всѣ самыя необходимыя потребности не только очень дороги, но случается даже, что ихъ нельзя пріобрѣсти ни за какія деньги Все нужно выписывать или изъ Енисейска или покупать въ три-дорога отъ торговцевъ, плавающихъ туда за вымѣномъ у инородцевъ рухляди. Говядина — рѣдкость и зимою и лѣтомъ. За то рыбы сколько душѣ угодно, и Туруханскія копченыя сельди пользуются повсемѣстною знаменитостію въ Енисейской губерніи. — Жаль только, что ихъ приготовляютъ совсѣмъ не такъ хорошо, какъ бы можно было.

Весь Туруханскъ состоитъ изъ одной кривой улицы и нѣсколькихъ кое-какъ разбросанныхъ домишекъ. Нѣтъ ни одного зданія, которое, не грѣша, можно бы было назвать домомъ; Церквей двѣ; но они ничѣмъ не замѣчательны. Гостиный дворъ почти совсѣмъ развалился.

Весна открывается въ Туруханскѣ не ранѣе конца Мая; въ началѣ Іюня только что начинаетъ пробиваться трава и распускаться ивы и вербы. Когда стаетъ снѣгъ, весь Туруханскъ покрывается грязью, которая не просыхаетъ цѣлое лѣто. Прежде во многихъ мѣстахъ сдѣланы были деревянные тротуары; но теперь они совершенно развалились. Лѣтомъ страшные жары, не уничтожая грязи, заражаютъ ее гнилостью, которая производитъ убійственныя испаренія. Къ довершенію всего, появляются миріады мошекъ. Спастись отъ нихъ одно средство — надѣть сѣтку изъ лошадиныхъ волосъ или развести курево. Мошки не даютъ покоя днемъ, а комары — ночью. Во время сильныхъ жаровъ, протоки, окружающіе островъ, на которомъ расположенъ Туруханскъ, совершенно пересыхаютъ, такъ что за водою надо ѣздить на Туруханъ, версты за четыре отъ города. Впрочемъ, жители такъ лѣнивы, что предпочитаютъ лучше брать воду изъ одного озера, находящагося не далеко отъ Туруханска, которое сплошь наполнено вшами. Все лѣто въ Туруханскѣ почти непрерывный день: едва солнце сядетъ на западѣ, какъ уже снова показывается на востокѣ. Нѣсколько дней оно и совсѣмъ не сходитъ съ горизонта.

Digitized by Google

Зимою картина перемѣняется; говоримъ зимою, потому что она наступаетъ сейчасъ за лѣтомъ, такъ что осени почти и не замѣтно. Въ началѣ, а иной годъ въ половинѣ Ноября огромные сугробы снѣга заваливаютъ Туруханскъ до того, что между ними едва замѣтны его бѣдныя лачужки. Жестокія пурги иногда по нѣскольку дней буквально не позволяютъ сдѣлать двухъ шаговъ по улицѣ. Морозы простираются до 40 и болѣе градусовъ. Съ половины Октября по Январь солнце доходитъ только до половины горизонта и потомъ скрывается, оставляя послѣ себя зарево. Зато жители Туруханска почти каждую ночь наслаждаются зрѣлищемъ превосходныхъ сѣверныхъ сіяній.

Однакожъ, не смотря на это грустное описаніе, въ которомъ и сотой доли не сказано того, что можно бы было сказать, — бываютъ дни, когда Туруханскъ какъ будто бы оживаетъ, на единственной улицѣ его замѣчается движеніе, все какъ будто принимаетъ какой-то праздничный видъ. Мы говоримъ преимущественно о томъ времени, когда въ Туруханскъ приплываютъ торговцы изъ Енисейска и Красноярска и привозится хлѣбъ для казенныхъ запасныхъ магазиновъ.

Обыкновенное время прибытія купеческихъ судовъ въ Туруханскъ—около половины Іюня. Въ это же время (весь Іюль мѣсяцъ) здѣсь бываетъ и ярмарка, на которую выходятъ Остяки и Тунгусы разныхъ родовъ. Степановъ въ своемъ описаніи Енисейской губерніи говоритъ, что въ его время эта ярмарка была довольно значительна; это очень легко можетъ быть, но теперь она совершенно ничтожна. Инородцы каждогодно жалуются на постепенное уменьшеніе звѣря, и каждогодно менѣе и менѣе выносятъ съ собой рухляди. Въ слѣдствіе этого, и торговцевъ приплываетъ въ Туруханскъ все менѣе и менѣе, потому что пріобрѣтеніе пушнины и можетъ только привлечь ихъ сюда. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ закупаютъ въ это время весьма выгодно рыбу, солятъ ее здѣсь и потомъ доставляютъ на продажу въ Енисейскъ. До Красноярска Туруханская рыба доходитъ рѣдко, а иногда даже и совсѣмъ не доходитъ, потому что ея привозится сюда въ достаточномъ количествѣ изъ Томска и продается дешевле Во время пребыванія въ Туруханскѣ Енисейскихъ торговцевъ, всѣ жители стараются запастись отъ нихъ на цѣлый годъ всѣми необходимыми вещами: хлѣбомъ, холстомъ, сукномъ, кожею, чаемъ, сахаромъ и т. п. Хотя многіе и утверждаютъ, что распространеніе въ простомъ народѣ чая спасительно въ томъ отношеніи, что уменьшаетъ

Digitized by Google

употребленіе спиртныхъ напитковъ, однакожъ это не совсѣмъ справедливо относительно Туруханскихъ мѣщанъ и поселенцевъ. Страстные охотники до чаю, который здѣсь не очень дешевъ, какъ и все, они тѣмъ не менѣе страстные охотники и до водки.

Кромѣ ярмарки, въ Туруханскѣ проявляется особенная жизнь, особенное движеніе во время годовыхъ праздниковъ, торжественныхъ дней или именинъ и крестинъ у отдѣльнаго засѣдателя. Тутъ у него перебываетъ цѣлый городъ съ поздравленіями, а аристократія приглашается и на закуску. Иногда такія закуски, съ приличнымъ количествомъ возліяній, бываютъ весьма продолжительны. Насмѣшники разсказываютъ, что одинъ разъ, давно уже тому назадъ, во время подобнаго торжества, въ Туруханскѣ, воскресенье пришлось въ понедѣльникъ. Отдѣльный засѣдатель, пригласивъ къ себѣ въ субботу всю Туруханскую аристократію, уподчивалъ ее до того, что она, имѣя до прихода своего къ нему твердое намѣреніе отстоять на другой день обѣдню, чуть чуть не отправилась въ церковь въ понедѣльникъ: ей казалось, что это было воскресенье.

Городскіе доходы Туруханска ничтожны: по десятилѣтней сложности они простираются до 150 р. с., изъ которыхъ до 120 р. получается съ откупной питейной суммы. *Кн. Костровъ.*

30 Марта, 1851 г.
Красноярскъ.

Digitized by Google

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЛѢТОПИСЬ МОСКОВСКАГО ТЕАТРА.

(А. Григорьева).

I.

Da die dramatische Darstellung, vermittelst der Gebärde und der Rede ihre Aufgabe lost, und beide zum Ansdruck der *idealen* Personlichkeit verwenden werden sollen, so ist die absolute Bedingung nach der Naturseite des Individuums, dasz die sinnliche Gestalt und der sinnliche Ton des Individuums, die Fahigkat haben zur Darstellung des Idealen Sebildet zu werden.

Rötscher. Die Kunst der dramatischen Darstellung in ihrem organischen Zusammenhange entwickelt.

Пріѣздъ въ Москву прекрасной гостьи, которая, по всему праву, можетъ занять мѣсто между истинными артистками всякой сцены, и въ настоящее время, конечно не имѣетъ соперницъ ни на одной изъ Русскихъ сценъ — послужитъ нашему журналу счастливымъ поводомъ начать постоянную и по возможности подробную лѣтопись театра.

Явленія, которыя выдаются изъ ряду вонъ къ области искусства — кромѣ того, что влекутъ къ себѣ неодолимо, что уясняютъ, дѣлаютъ сколько-нибудь осязательною положительную сторону изящнаго — дѣйствуютъ еще и отрицательно, разъясняя все то, что отстало отъ нихъ, указывая надлежащее мѣсто посредственному, отталкивая людей съ чутьемъ надолго, если не навсегда, отъ всего того, что имъ противоположно. Пронесись хотя мимолетно подобное явленіе — и вы, начинавшіе уже нѣсколько привыкать къ повседневной посредственности, начинавшіе все менѣе и менѣе быть способными оскорбляться пошлостью, вы, едва-едва не дошедшіе до тупаго сна, — вы встрепенетесь: васъ освѣжила какая-то струя чистаго воздуха, въ васъ мгновенно пробудились самыя тонкія и самыя свѣтлыя впечатлѣнія—и пусть прекрасный образъ уже далеко отъ васъ,—онъ оставилъ вамъ на память о себѣ самый лучшій даръ, какой онъ могъ оставить—отвращеніе отъ всего ложнаго.

Не знаю, согласятся ли со мною всѣ читатели, но, постоянно посѣщающіе театръ и притомъ добросовѣстные, это—conditio sine qua non—согласятся, безъ сомнѣнія, что страсть къ театру можетъ подъ часъ вовлечь въ самыя забавныя крайности даже че-

Digitized by Google

ловѣка, преданнаго не шутя искусству. Какъ вы ни вооружайтесь самыми строгими требованіями, какъ ни зовите на помощь всѣ возможныя теоріи, теоріи не спасутъ васъ отъ неизбѣжныхъ увлеченій. Разъ вы пришли въ театръ, положимъ, съ свѣжею головою, съ воспоминаніями о лучшихъ впечатлѣніяхъ: васъ поразитъ, конечно, все ложное, что вы увидите на сценѣ, ваше ухо оскорбитъ всякій мало-мальски аффектированный тонъ, всякій безъ нужды угловатый жестъ, всякое дешевое выраженіе поддѣльнаго пафоса; но вы любите искусство — вы пойдете въ другой, въ третій разъ — и увы! въ четвертый ваши отрицательныя впечатлѣнія потеряли уже много своей рѣзкости. Вы любите сцену — тѣмъ хуже! вы способны другаго обмануть самого себя, вы ловите жадно каждый звукъ, который сколько-нибудь покажется вамъ истиннымъ и вѣрнымъ, вы готовы простить за минутный, можетъ быть, совершенно случайный порывъ все то, что было нелѣпо, ложно и дико *до* или *послѣ* этого порыва. Вы вѣрите въ искусство, вы носите въ себѣ идеалъ искусства—увы! тѣмъ чаще вы подвергаетесь искушенію находить повсюду этотъ идеалъ, не подозрѣвая въ своемъ наивномъ самоослѣпленіи, что безпрестанно дѣлаете уступки. И вотъ въ одинъ прескверный вечеръ, который, однако, показался вамъ прескверными — вы попались самымъ комическимъ образомъ въ западню: подкупило ли васъ упоеніе такъ называемой толпы, которая, какъ извѣстно всѣмъ, легко ловится на удочку взрывовъ недорого купленнаго пафоса, заслонило ли отъ васъ свѣтлое воспоминаніе недостатки настоящаго — настроены ли вы были сочувствовать всему, что покажется за надежду на лучшее: дѣло не въ причинахъ, — дѣло въ томъ, что вы отступили отъ строгихъ и чистыхъ требованій, и благо вамъ, если уцѣлѣло въ васъ хоть отвращеніе къ рутинерству, которое, конечно, хуже и аффектаціи и того, что Нѣмцы называютъ бомбастомъ; благо вамъ, если вдались вы въ какую-нибудь крайность, а не пошли обычной колеей всѣхъ такъ называемыхъ театраловъ, Китайцевъ партера, съ невозмутимымъ спокойствіемъ Олимпійцевъ, встрѣчающихъ всякую гаерскую выходку, всякіе неистовые вопли, — равнодушныхъ ко всему кромѣ эксцентрическихъ танцевъ или не менѣе эксцентрическихъ куплетовъ водевилей домашняго издѣлія. Между тѣмъ, утративши рѣзкость отрицательныхъ впечатлѣній, вы не только не пріобрѣли новыхъ положительныхъ — вы нарушили порядокъ и гармонію прежнихъ.

Повторяю по Русски слова одного изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ критиковъ искусства, взятыя мною эпиграфомъ къ

Digitized by Google

статьѣ. «Черезъ посредство внѣшности и рѣчи—говоритъ Рётшеръ, «разрѣшаетъ драматическое представленіе свою задачу, и какъ «внѣшность, такъ и рѣчь, должны быть обращены въ выраженіе «*идеальной* личности: — такимъ образомъ необходимое условіе со «стороны естественныхъ данныхъ натуры артиста или артистки— «то, чтобы внѣшній видъ и тонъ были способны къ представле«нію идеальнаго». Въ другомъ мѣстѣ того же самаго сочиненія говоритъ онъ о значеніи драматическаго представленія въ отношеніи къ поэтическимъ образамъ, имъ осуществляемымъ: «То, что въ «драматической поэзіи является только рельефнымъ, посредствомъ «сценическаго представленія возводится въ цѣльный округлый об«разъ, въ нѣчто живое и дѣйствительное. Сценическое представ«леніе сообщаетъ плоть и кровь духовно-конкретнымъ созданіямъ «драматической поэзіи, вдыхаетъ въ нихъ жизнь, даетъ наслаж«даться ими какъ живымъ настоящимъ».

Привожу слова Рётшера не по пристрастію къ теоріямъ вообще и къ теоріямъ Нѣмецкихъ критиковъ въ особенности—а какъ вѣчные и простые законы искусства, которые невольно припоминаются при наслажденіи всякимъ изъ ряду выходящимъ явленіемъ потому, что прямо выведены изъ разсматриванія такихъ явленій. Да не подумаютъ, впрочемъ, чтобы въ замѣчательной артисткѣ, къ игрѣ которой прилагаются эти законы, авторъ видѣлъ самое полное ихъ осуществленіе. Явленіе, выходящее изъ ряду обыкновенныхъ, идеальное въ здравомъ смыслѣ этого слова, имѣетъ еще то благодѣтельное дѣйствіе на человѣка, наслаждающагося имъ, что даетъ возможность оцѣнить себя ни выше, ни ниже того, чего оно именно стоитъ – своею собственною идеальностью вызывая цѣльный, полный идеалъ, какъ масштабъ для оцѣнки себя.

Извѣстно, что идеалъ слагается въ душѣ изъ различныхъ частныхъ прошедшихъ или настоящихъ впечатлѣній, а не является самъ собою, такъ, ни съ того, ни съ чего. Правда, что въ душѣ человѣка, разрозненныя впечатлѣнія, прошедшія и настоящія, гармонически совокупляются въ нѣчто цѣльное и высшее ихъ, почастно взятыхъ, правда, что изъ прошедшихъ и настоящихъ они становятся, такъ сказать, будущими, т. е. возможными, имѣющими бытіе только неосязаемое, бытіе въ душѣ человѣка — но основа, подкладка этого возможнаго существованія суть явленія дѣйствительныя. Въ настоящемъ, въ данномъ случаѣ напримѣръ, въ отношеніи къ артисткѣ, подавшей поводъ ко всѣмъ этимъ разсужденіямъ—вслѣдъ за непосредственнымъ наслажденіемъ, зритель невольно начинаетъ анализировать, повѣрять свои впечатлѣнія, при-

Digitized by Google

ложить къ нимъ тотъ или другой масштабъ, сложившійся изъ данныхъ прошедшаго или настоящаго; хорошо ли, дурно ли это— это вопросъ посторонній: довольно того, что фактъ, что повѣрка является сама собою, что старая апофѳегма: «вещи познаются по сравненію», остается старою истиною.

Такъ поступаетъ и авторъ, предлагаемой статьи, при оцѣнкѣ игры Г-жи Самойловой и считаетъ необходимымъ оговориться, что идеалъ его сложился изъ впечатлѣній прошедшаго и настоящаго.... Потому прежде всего онъ будетъ говорить о *данныхъ* натуры артистки, потомъ о прежнихъ впечатлѣніяхъ, какими обязанъ онъ ея игрѣ, и наконецъ перейдетъ къ ролямъ. игранныхъ ею на Московской сценѣ.

Есть два рода артистическихъ натуръ.—Одни способны создавать цѣльные, полные типы, отрѣшаясь почти совершенно отъ собственной личности. Только что появляется на сцену лицо, созданное такимъ артистомъ или артисткой — вы, чуть что не съ перваго появленія его—ознакомились съ нимъ, знаете его привычки, образъ жизни, имѣете право гадать о психологическихъ пружинахъ, движущихъ его существованіе. Такіе артисты изъ самыхъ ничтожныхъ данныхъ создадутъ вамъ полный, округлый образъ, инстинктивно угадаютъ всѣ тончайшія черты, изъ которыхъ слагается личная особенность извѣстнаго существа. Созданія ролей такими артистами можно сравнить развѣ только съ портретами Брюлова, которые, по суду знатоковъ, схватываютъ все то, что въ лицѣ есть неперемѣннаго, подчиняя все случайное общему, и между тѣмъ не опуская никакихъ оттѣнковъ. Такихъ артистовъ и артистокъ весьма мало—но такова, напримѣръ, Фанни Эльслеръ, таковъ Г. Садовскій, таковъ Г. Самойловъ.... Таковъ былъ, вѣроятно, Гаррикъ.

Есть другія артистическія натуры, которыя на всякое созданіе налагаютъ клеймо своей собственной личности, создаютъ, такъ сказать, чертами, а не цѣлостно по силѣ, юмору или прелести ихъ личности вы противостоять не можете,— вы удивляетесь имъ не менѣе, какъ и первымъ. Это—Кинъ, это—Мочаловъ, это—Щепкинъ, это—Мартыновъ, Рѣпина, Самойлова. Случается, что представляемое лице слишкомъ близко ихъ личности, и тогда они тоже создаютъ типы. Такъ Мочаловъ былъ типомъ въ Ричардѣ III, но только мѣстами былъ Гамлетомъ; такъ Щепкинъ — типъ въ роли Чупруна, въ Городничемъ, но за то беретъ только своимъ личнымъ комизмомъ во многихъ роляхъ, а иногда прибѣгаетъ даже къ общимъ мѣстамъ; такъ Мартыновъ всюду тотъ же Мартыновъ — хотя не насмотришься на этого все того же Мартынова; такъ

Digitized by Google

наконецъ, Самойлова всюду то же, полное женской прелести и женской страсти существо, свѣтлый, воздушный образъ, влекущій васъ къ себѣ неотразимо, — и смотря на игру такихъ артистовъ, вы увлекаетесь не типомъ, а прекрасною и энергическою личностью. Если случайно подобная личность воспримете въ себя всецѣло типъ великаго поэта — она явится уже полнымъ воплощеніемъ мысли поэта, и неудержимый ужасъ и слезы или неудержимый смѣхъ пробудитъ она въ зрителѣ.

Было бы странною односторонностью одинъ родъ предпочесть другому, и весьма грубымъ педантизмомъ — не признавать втораго рода ради перваго. Правда то только, что артисты-рутинеры совершенно не могутъ создавать типовъ, и что спеціальность самаго небольшаго объема, спеціальность, ограниченная, пожалуй, однимъ видомъ типовъ, гораздо достойнѣе уваженія, чѣмъ рутинерство, налагающее на все клеймо пошлости; но вѣдь рутинеры грѣшатъ противъ искусства не перевѣсомъ личности въ игрѣ, а совершенною безличностью, такъ сказать безчертностью Высокая артистическая личность усвоитъ во всякомъ созданіи поэта доступныя ей, родныя ей черты, и выйдутъ эти черты огненными передъ зрителя; рутинеръ не видитъ ничего живаго въ образахъ поэта, мѣряетъ ихъ на общій аршинъ, усматриваетъ въ нихъ только сухую схему, родъ, можетъ пожалуй правильно разобрать разсудкомъ общія психологическія пружины страстей, подмѣтитъ общія, т. е. наиболѣе видныя и болѣе или менѣе одинаковыя ихъ проявленія; это-то и есть заученье, искусство превращать общее (das Allgemeine) въ пошлое (das Gemeine). Рутинеръ — это псевдоклассическая трагедія и комедія; но высокая артистическая личность, какова напримѣръ Рашель, умѣютъ оживить даже сухія діалектическія сцены Французскихъ трагиковъ, какъ высокая личность Мольера сверкаетъ огнемъ и силою даже въ узкихъ, условныхъ формахъ искусства, въ оковахъ суровой и ограниченной Поръ-роялской морали.

Въ каждомъ художникѣ должно разсматривать двѣ стороны— непосредственныя данныя натуры и то, что выработано самимъ художникомъ изъ этихъ данныхъ. Говорить о важности какъ той, такъ и другой стороны вообще, значило бы терять понапрасну слова. Надобно, слѣдовательно, ограничиться частнымъ явленіемъ— Г-жею Самойловой: опредѣливши, къ какого рода артистическимъ натурамъ принадлежитъ она, опредѣлить самыя качества ея натуры. Г-жа Самойлова одарена прекрасными внѣшними средствами, каковы: наружность, физіономія, голосъ. Наружность, т. е. цѣлый образъ нашей артистки, не кидается въ глаза особенной

Digitized by Google

роскошью формъ и всего менѣе античностью, — не прелесть силы, а прелесть слабости составляетъ особенное свойство ея наружности: это собственно не образъ, обозначенный рельефно, а свѣтлый призракъ, легкое, воздушное видѣніе — и потому, едва ли можно найдти что-либо лучше Г-жи Самойловой для представленія Шекспировыхъ женщинъ: и Дездемону, и Офелію, и Юлію, и Миранду и Титанію, и Розалинду и даже честолюбивую, но женственно-слабую Леди Макбетъ — съ равнымъ успѣхомъ можетъ играть Г-жа Самойлова, благодаря своей наружности. Физіономія Г-жи Самойловой — какъ сценическая физіономія — превосходна. Не только чувства, но малѣйшіе оттѣнки чувствъ обозначаются на ея лицѣ, и притомъ, что всего важнѣе, обозначаются соотвѣтственно: сильное — рѣзко, оттѣнки — легкими измѣненіями. Притомъ, у Самойловой нѣтъ несчастной манеры *стараться* выражать на лицѣ оттѣнки чувствъ: выраженіе приходитъ у нея само собою, какъ необходимое послѣдствіе психологическихъ причинъ, отзывовъ, пробуждаемыхъ положеніями въ душѣ; тогда какъ многіе артисты и артистки въ потѣ лица трудятся предъ зрителями надъ своей физіономіей. Наконецъ, Г-жѣ Самойловой данъ органъ голоса, какого нѣтъ у другихъ — то дѣтски-нѣжный, то полный серебрянаго смѣха, то стремящійся сдѣлаться рѣзкимъ и энергическимъ и звучащій между тѣмъ только энергіею слабости.... Въ этомъ послѣднемъ его качествѣ заключается, по мнѣнію однихъ, недостатокъ Г-жи Самойловой, а по мнѣнію другихъ ея высшее и лучшее достоинство ... По мнѣнію первыхъ, Г-жа Самойлова играетъ *слабо* драматическія роли. Надобно поставить вопросъ прямѣе. Что́ разумѣютъ эти господа подъ драматическими ролями? Если только роли Реганы, Гонерили (въ Лирѣ), Маргариты Анжуйской (Ричардъ III), Леди Мильфортъ (Коварство и любовь) или Марвудъ (Миссъ Сара Сампсонъ), однимъ словомъ, роли неистово-страстныя, представляющія собою извращеніе женственности, — то дѣйствительно, для созданія этихъ ролей, средства Г-жи Самойловой весьма недостаточны; но они вполнѣ удовлетворительны для чисто-женственныхъ образовъ Шекспира (отъ Юліи до Леди Макбетъ включительно) и другихъ великихъ мастеровъ. Что Г-жа Самойлова не можетъ потрясти нервы визгомъ — это такъ, но едва ли самое такое потрясеніе принадлежитъ къ числу драматическихъ въ истинномъ смыслѣ слова. Вообще, съ тѣми, для которыхъ она не высокая трагическая артистка, даже въ роляхъ, какія играла она до сихъ поръ предъ Московской публикой, для которыхъ пропали задаромъ слова:

Digitized by Google

Какъ, герцогъ, и увасъ поднимится рука
На женщину?

въ дочери Карла Смѣлаго, или движеніе, съ которымъ она откинулась назадъ, услыхавши изъ устъ любимаго человѣка имя соперницы. или стонъ, тихій, но внятный, когда она клянется принадлежать Оливье Ледѐмъ — съ тѣми, которые *пропустили* сцену окаменѣнія при словахъ Заревскаго: «я женатъ», — говорить объ искусствѣ серьёзно нельзя.... Сама натура предназначила Г-жу Самойлову быть артисткой болѣе трагической, нежели комической, и артистка сама сознаетъ это; искреннѣе, полнѣе отдается она трагическимъ ролямъ, нежели ролямъ свѣтскихъ кокетокъ, играющихъ въ чувство. Къ сожалѣнію мѣстный патріотизмъ театраловъ пустилъ въ ходъ великую истину, что Г-жа Самойлова собственно актриса комическая, — часть публики, ходящая въ театръ только въ экстраординарныхъ случаяхъ, какъ-то въ дебюты M-lle Вуато или въ представленія «Провинціалки» повѣрила на слово и вотъ новооткрытая истина гуляетъ въ публикѣ, и находитъ отпоръ себѣ только въ истинной публикѣ театра, т. е. въ немногихъ серьёзно смотрящихъ на искусство людей, да въ массѣ, понимающей многое чутьемъ и привѣтствовавшей громкими простодушными изъявленіями восторга страстные порывы поэтической, чудной Микаэлы. Играй Г-жа Самойлова только свѣтскихъ кокетокъ, будь она способна только передавать фальшивое и условное ее не за что было бы поставить выше обыкновенныхъ хорошихъ и умныхъ артистокъ. Важно то, что, когда дойдетъ дѣло до порыва, когда дойдетъ дѣло до чувства — будь легко или тяжело, свѣтло или скорбно это чувство, — въ порывѣ сказывается артистическая натура, — чувство становится осязательнымъ. Бросаетъ ли она отъ себя въ сторону дурацкій колпакъ Микаэлы, — подаетъ ли она пить Квазимодо, спрашиваетъ ли она лукаво и нѣжно Заревскаго: кого бы онъ спасъ, если бы въ горящей хижинѣ была она, да еще кто-нибудь, — нѣмѣетъ ли она какъ статуя при страшныхъ словахъ его: я женатъ, — вездѣ тутъ не рутина, а вдохновеніе — страстное, граціозное или грустное. Въ эти минуты смотрите на ея подвижную физіономію, слѣдите на ней всѣ оттѣнки душевнаго процесса, ловите жадно ея тихій стонъ, ея грудныя звуки, ея страстный шепотъ, въ эту минуту передъ вами высокая артистка — и, что̀ больше еще, передъ вами всегда женственный образъ, существо, которому дано и любить, и страдать, и веселиться *по женски*. Это — Корделія, Дездемона, Юлія, Шиллерова Луиза — хотя, конечно не Регана или Гонерилль, не леди Мильфортъ — хотя,

Digitized by Google

конечно, господъ, на нервы которыхъ подѣйствуютъ только френетическія движенія и неистовые крики—мало удовлетворитъ такой драматизмъ.... Даже, какъ комическая артистка, Г-жа Самойлова отличается искренностію, и никогда не прибѣгаетъ къ гримасамъ, хотя нельзя не сказать, что иногда, въ интонаціи нѣкоторыхъ фразъ слышится вліяніе чужой манеры, и это, какъ мнѣ кажется, составляетъ одинъ изъ важныхъ недостатковъ въ игрѣ Г-жи Самойловой.... Иногда, она *пропоетъ* фразу, вмѣсто того, чтобы сказать ее просто, и это пѣніе подѣйствуетъ всегда какъ-то непріятно, какъ нѣчто чуждое, несвойственное всей игрѣ Г-жи Самойловой: какъ будто хочетъ артистка перехитрить природу, какъ будто хочетъ присвоить себѣ чужой недостатокъ. Къ счастію, подобное *пѣніе* фразъ слышится рѣдко, и чаще, артистка впадаетъ въ крайность, свойственную своей натурѣ—въ быструю, почти лихорадочную рѣчь, и тутъ-то слышатся подъ часъ звуки слишкомъ рѣзкіе, невыработанные или лучше сказать слишкомъ молодые. Въ цѣломъ, впрочемъ, эта манера дѣйствуетъ сильно, обаятельно—держитъ васъ въ какомъ-то постоянномъ напряженіи. Эта сила увлеченія не ограничивается у Г-жи Самойловой одними только трагическими или драматическими движеніями. Въ комической роли Вельской, въ комедіи «Поѣздка за границу», въ Провинціалкѣ (въ особенности передъ бесѣдою съ Графомъ), везлѣ увлечется она сама, и въ эти минуты игра ея поражаетъ художественной истиной. Напомню сцену съ старухой-тетушкой, въ комедіи «Поѣздка за границу»: сколько злости самой неподдѣльной, хотя опять таки граціозной, женской, слышится въ ея тонѣ, какое торжество выражается на ея лицѣ, когда она бѣситъ старую сплетницу, у которой вся Москва подъ опекой.

Но не на одни только внѣшнія средства Г-жи Самойловой вооружаются тѣ, которые хотятъ видѣть въ ней только замѣчательную комическую артистку. Еще недавно, въ одномъ изъ Петербургскихъ изданій, посвященномъ исключительно театру (Пантеонъ и Репертуаръ, N 3) случилось мнѣ читать статью Г. Коні, въ которой явнымъ образомъ отдается предпочтеніе Самойловой, какъ артисткѣ комической, передъ Самойловой артисткой трагической. Статья, написанная, впрочемъ, умѣренно и благородно, видитъ, сколько мнѣ помнится, нѣкоторую холодность и вмѣстѣ напряженность въ драматизмѣ Г-жи Самойловой. Но здѣсь опять надобно разъяснить дѣло и условиться въ значеніи страстности. Прежде всего—страстность, происходящая отъ присутствія огня внутри моральнаго существа артиста или артистки, не должна быть

Digitized by Google

смѣшиваема съ сантиментальностью, плаксивостью и вообще такъ называемою теплотою—свойствомъ, какъ извѣстно, весьма обыденнымъ и дешевымъ. Съ другой стороны, понятіе о страстности нельзя ограничить одними бурными, пѣнистыми порывами: *иная* страстность первическаго существа, и *иная*, свойственная сангвическимъ темпераментамъ. Есть страстность сосредоточенная, выражающаяся своимъ особливымъ образомъ въ измѣненіяхъ лица, въ дрожаніи голоса, въ лихорадочности рѣчи—страстность, опять таки принадлежащая преимущественно слабости и, слѣдственно, вполнѣ женственная. Съ этою сосредоточенною внутри страстностью, всегда связана внѣшняя грація, не покидающая женщину даже въ минуты полнаго самозабвенія,—инымъ образомъ отдается, напримѣръ, Вакханка, и инымъ образомъ стыдливая, цѣломудренная Нимфа,—но странно было бы, по присутствію стыда и граціи заключить объ отсутствіи страстности. Поясню общее положеніе частнымъ примѣромъ. Мѣстные театралы не довольны движеніемъ Г-жи Самойловой въ роли Микаэлы, когда имя соперницы отбрасываетъ ее назадъ отъ любимаго человѣка,—поза ея кажется имъ слишкомъ искусственною только потому, что изящна,—но вѣдь виновата ли Г-жа Самойлова въ томъ, что изящно выразился у нея и самый искренній порывъ? Подразумѣвается, что въ этой сценѣ цѣнители довольны *натуральностью*, приносящей въ жертву дикому порыву всякую грацію. Когда тутъ Микаэлѣ заботиться о граціи,—скажутъ они? Да никто и не требуетъ заботливости, потому что настоящая грація—даръ природы, и столько же непосредственна, какъ и изступленный порывъ. Опять повторяю: чѣмъ виновата артистка, когда она не можетъ не быть граціозною въ самомъ порывѣ?

Отъ этихъ общихъ разсужденій, вызванныхъ болѣе или менѣе различными толками объ игрѣ артистки перехожу къ самой игрѣ ея въ тѣхъ роляхъ, въ которыхъ мнѣ удалось ее видѣть и прежде—въ Петербургѣ, и въ настоящее время — въ Москвѣ.

Первое впечатлѣніе значитъ весьма много, и оно, болѣе или менѣе, отражается въ послѣдующихъ. Бываетъ, разумѣется, что послѣдующія впечатлѣнія діагонально противоположны первому, расходятся съ нимъ окончательно, но и тогда даже, вліяніе перваго впечатлѣнія выражается отрицательно и притомъ весьма сильно. Когда ожидаемъ многаго и ожиданія не оправдываются — то, естественно, становишься чрезъ мѣру строгъ къ тому, что сильно раздражало чувство и мало удовлетворило его. Вообще при самомъ строгомъ анализѣ, весьма трудно, или лучше сказать, вовсе не-

Digitized by Google

возможно оторваться отъ этого вліянія поколику во всякое дѣло человѣческое входитъ личность.

Г-жу Самойлову видѣлъ я въ первый разъ въ роли Дездемоны — роли неблагодарной для пошлой артистки которой нужны сильные эффекты. Граціозная, чистая какъ голубица, довѣрчивая до самыхъ странныхъ промаховъ, нетерпѣливая, какъ ребенокъ до навязчивости — однимъ словомъ, Шекспировская женщина, Дездемона, поставленная въ трагическую коллизію съ энергической натурой Отелло и съ демонскимъ характеромъ Яго, отдѣляется отъ этихъ рѣзкихъ фигуръ своей воздушностью и легкостью, доходящею до призрачности. Такою именно явилась и Г-жа Самойлова: не было въ ней ни тѣни желанія блеснуть эффектомъ, кинуться въ глаза зрителю какимъ-нибудь усиленнымъ движеніемъ, но вездѣ и повсюду была она легкомысленнымъ и чистымъ ребенкомъ, но съ явнымъ отсутствіемъ всякой задней мысли приставала она къ раздраженному уже Африканскому льву съ просьбами за Кассіо, — но въ высшей степени просто отдавалась она мрачнымъ предчувствіямъ и тягостному вліянію пѣсни объ ивѣ,—нисколько не навязываясь на участіе зрителя, не выставляясь рельефно, была настоящей Дездемоною: однимъ изъ самыхъ удавшихся образовъ воздушной мечты высокаго мастера. Много артистическаго такта нужно для того, чтобы сыграть Дездемону такимъ образомъ, много даже смѣлости, по крайней мѣрѣ несравненно больше, нежели сколько потребно ея на эффектныя выходки, — и тѣмъ болѣе была достойна уваженія такая простота созданія, что Г-жа Самойлова не была еще тогда (1845) по достоинству оцѣнена публикою, привыкшей, какъ вездѣ, видѣть только рѣзкости и умѣющей восхищаться менѣе рѣзкимъ только въ признанныхъ уже талантахъ.

Черезъ годъ, если не болѣе, послѣ того, какъ я видѣлъ Г-жу Самойлову въ Дездемонѣ — она явилась Пушкинской Татьяной, — въ странной передѣлкѣ Евгенія Онѣгина. Меня, сколько я припоминаю прежнія впечатлѣнія, и повѣряю ихъ послѣдними, поразила тогда, какъ поразила и поражаетъ въ послѣднее время—какая-то дѣвственность, чистота въ игрѣ артистки. — Страстный порывъ какъ будто не досказывается вполнѣ, какъ будто оставляетъ еще чего то желать, но тѣмъ сильнѣе онъ дѣйствуетъ. Только горе или, лучше сказать, поэтическая скорбь высказывается ясно и опредѣленно.

За тѣмъ я видѣлъ прекрасную артистку въ роляхъ: *Эсмеральды*, *Луизы* (Коварство и любовь), *Анны Демби* (Кинъ), *княжны Ольги* (Заревской) и во множествѣ комедій. Если называть созда-

Digitized by Google

нiемъ только осуществленіе индивидуальныхъ типовъ — то созданія не было ни въ одной изъ поименованныхъ мною ролей, за исключеніемъ *княжны Ольги* и *Луизы*. Всюду артистка играла сама себя, или лучше сказать *женственность*, какъ Щепкинъ играетъ всюду самого себя, т. е. свой юморъ. Но за исключеніемъ Фанни-Эльслеръ, я не видалъ ни одной артистки, которая создавала бы типы — не знаю, видѣли ли мои читатели, и въ особенности тѣ, отъ которыхъ слышатся упреки на недостатокъ типичности въ образахъ, осуществляемыхъ Г-жей Самойловой. Знаю только, что лучшее истолкованіе *женственности* представляетъ собою игра Г-жи Самойловой, знаю, что для многихъ живы, и существуютъ всегда въ памяти различные моменты ея игры, что многіе, со мною вмѣстѣ видятъ въ памяти *Эсмеральду* на сыромъ полу тюрьмы съ тусклымъ взглядомъ, и слышатъ слова: мнѣ холодно.... *Луизу* въ мрачной резигнаціи, ходящую взадъ и впередъ по комнатѣ,— *Ревекку*, прощающуюся съ Ивангое, въ холодныхъ рѣчахъ которой пробивается вся скорбь затаенной и отвергнутой страсти, — *Анну Дембн*, съ нервической дрожью разсказывающую Кину свои впечатлѣнія, или скидающую вуаль и шляпку для спасенія соперницы,— *княжну Ольгу*, граціозно-гибко склонившуюся на перилы мостика, или нѣмѣющую какъ, статуя, при роковомъ признаніи Заревскаго, — а типы ли или нѣтъ эти прекрасные или грустные образы — чувство зрителя не спрашиваетъ. Мѣрять всѣхъ артистовъ однимъ масштабомъ, будь этотъ масштабъ даже глубоко уважаемый мною талантъ Садовскаго — педантизмъ или односторонность взгляда на искусство.

Собственно говоря, одинъ серьезный упрекъ можно сдѣлать артисткѣ, и упрекъ болѣе важный, нежели всѣ другіе. Не всѣ моменты роли одинаково ею прочувствованы: она какъ будто устремляетъ все свое вниманіе на points saillants, на патетическія мѣста; иногда, особенно начиная роль, она какъ будто не играетъ, а читаетъ, — читаетъ съ толкомъ, съ чувствомъ пожалуй: но слова, произносимыя ею, не перешли въ ея моральное существо, слышится какой-то начитанный тонъ. Однимъ словомъ, невыдержанность, недостатокъ художнической отдѣлки — разногласіе частей роли между собою — вотъ одинъ недостатокъ Г-жи Самойловой, и онъ проглядываетъ одинаково, какъ въ драматической, такъ и въ комической артисткѣ. Она живетъ какъ будто бы только для увлеченій, не обработываетъ среднихъ терминовъ, и отъ того, самыя искреннія порывы ея кажутся иными эффектами.

Перехожу теперь къ ролямъ, въ которыхъ являлась артистка

Digitized by Google

передъ Московской публикой. Я не видалъ перваго спектакля. Шла пошлая драма: «Окно во второмъ этажѣ» (1), и еще болѣе пошлая комедія «Странная ночь»; послѣднюю, впрочемъ, я видѣлъ и помирился, если не съ нею, этою исполненной праздной болтовни и дикой претензіи великосвѣтской комедіи, то по крайней мѣрѣ съ исполненіемъ. Въ этомъ исполненіи, впрочемъ, первенство принадлежитъ не Самойловой, которая здѣсь только умна, граціозна и женственна, — а Г. Шумскому. Его Ардатовъ — созданіе истиннаго мастера, — глубже задуманное артистомъ, нежели авторомъ. Только что входитъ этотъ человѣкъ — въ лицѣ его, въ походкѣ, въ тонѣ рѣчи — вся его натура, созданная изъ пошлыхъ претензій, пустоты, желанія оригинальничать и моральной праздности. Апатія дешево купленнаго, такъ сказать, мизернаго разочарованія, положила какое-то позорное пятно на эту самодовольную и старающуюся казаться озабоченною физіономію. Когда онъ трагическимъ тономъ зоветъ на дуэль князя, вы знаете наперед, что этой дуэли не будетъ, что это только *такъ, для эффекта*, а между тѣмъ онъ вѣдь и себя и васъ увѣрялъ въ противномъ.

Второй спектакль, въ которомъ участвовала Г-жа Самойлова, состоялъ изъ втораго акта «Дочери Карла Смѣлаго», комедіи «Провинціялка» и сцены изъ «Онѣгина». И «Микаэла», и «Дарья Ивановна», и «Татьяна» заслуживаютъ самой подробной оцѣнки.

Если взять характеръ Микаэлы — такъ, какъ онъ является въ плохой, хотя и составленной съ знаніемъ сценическихъ эффектовъ драмѣ, то выйдетъ нѣчто странное, съ одной стороны крайне неопредѣленное, съ другой — поставленное на огромныя ходули. Вся роль принадлежитъ къ числу судорожныхъ, держится только эксцентрическими положеніями и существуетъ только для нихъ, однимъ словомъ, это не образъ, а обыкновенное грубое малеванье Французскихъ мелодрамъ Анисе Буржуа и Комп., или Нѣмецкихъ романтическихъ трагедій Грильпарцера, Гальма и другихъ. Что прикажете дѣлать артисту съ подобными ролями, какую индивидуальность отыщетъ онъ въ лицѣ, которое само по себѣ ничтожно и

(1) Я видѣлъ эту нелѣпицу, которой, кажется, и нельзя никому сыграть хорошо — развѣ мѣстами. Г-жа Самойлова была прекрасна во второмъ, кажется, актѣ, гдѣ легкомысленная женщина постигаетъ свой поступокъ. Приказывая обольстителю выйти изъ спальни, она живо напомнила Рашель, которая, всего больше нравилась мнѣ въ выраженіяхъ благороднаго негодованія, оскорбленнаго чувства, сознанія собственнаго достоинства. Положеніе Самойловой, когда, сидя въ креслахъ, протягивала она руку, указывая на дверь, было безподобно. Когда она просила мужа о прощеніи, слышались звуки изъ сердца, звуки, которые рѣдко услышать можно, и которыми надѣлила природа нашу артистку. *М. П*

Digitized by Google

заимствуетъ жизнь отъ исключительнаго положенія. Остается играть отвлеченную страсть, а Г-жа Самойлова сдѣлала больше: передъ зрителями явился цѣльный и прекрасный образъ.

Странно было впечатлѣніе, произведенное на многихъ первымъ появленіемъ и первыми звуками голоса Микаэлы. Во второмъ актѣ «Дочери Карла Смѣлаго» явились сперва на сцену герцоги, графы, любовникъ и королева, которые всѣ говорили съ самымъ страннымъ паѳосомъ: такъ и слышалось какъ-то въ каждомъ словѣ, что все это лжетъ, какъ лжетъ сама драма, лжетъ грубо, дико: рѣчи любви звучали чѣмъ-то заученнымъ, — враги махали картонными мечами: все было такъ, какъ обыкновенно бываетъ на театральномъ *позорищѣ*. Но вотъ перемѣняется декорація: медленной походкой, какъ бы падая подъ гнетомъ томленія любви и мукъ презрѣннаго и исключительнаго положенія, входитъ въ своемъ фантастическомъ нарядѣ странное созданіе. Тихо, едва слышно говоритъ этотъ воздушный призракъ, но истинной скорбью проникнуты его жалобы, — но слова любви звучатъ безумною, хотя дѣвственною страстью, — но вѣрится негодованію, съ которымъ бросаетъ онъ свой дурацкій колпакъ. Является тотъ, кого любитъ Микаэла..... Задрожала она, онѣмѣла, уничтожилась, упала на колѣни передъ нимъ, въ одномъ воплѣ высказала всю дикую, нескованную приличіями страсть, слушала его рѣчи и долго не слыхала ихъ содержанія, глядѣла ему въ глаза съ упоеніемъ полнаго самозабвенія, касаясь лихорадочно-трепещущими руками его плечъ и рукъ. Тутъ была вся правда, вся сила и вся прелесть страсти женщины—полуребенка—полудикарки. Но онъ говоритъ ей: «спаси меня» — и все, все готова она отдать для его спасенія, свою честь, единственное, что есть у нея, свою тѣсную комнатку съ цѣломудреннымъ ложемъ. Онъ не хочетъ, не принимаетъ этой страшной жертвы, — но Микаэла — дикарка, страсть ея не знаетъ границъ и условій, — помедли онъ минуту — она кинулась бы въ окно, къ которому бросилась съ отчаяннымъ порывомъ. Но, слава Богу, онъ тамъ въ ея тѣсной комнаткѣ, въ комнатѣ придворной дурочки. Кто пойдетъ туда, кто станетъ искать государственнаго врага въ конурѣ домашней собачки? А между тѣмъ она тщетно старается пересилить свою лихорадку, бѣдная, дикая дочь природы, бѣдное, запуганное дитя исключительнаго положенія..... Чу—слышны шаги, это они—это преслѣдователи. Микаэла сдѣлала послѣднее отчаянное усиліе надъ своими судорожно трепещущими членами, но подозрительно это онѣмѣніе, но въ тонѣ голоса, странно напряженномъ, слышна тревога, но блѣдное лицо выдаетъ ее. Оправданія безпо-

Digitized by Google

лезны — законъ существуетъ не для нея, и съ отчаяніемъ проклинаетъ она людской законъ. Не спасетъ ли ее женственность?

Какъ, герцогъ! и у васъ поднимется рука
На женщину?....

говоритъ она съ инстинктивнымъ чувствомъ женскаго достоинства. Тщетно, все тщетно — напрасно бросается она къ двери, какъ дикій звѣрь къ своей берлогѣ, напрасно готова она, какъ собака, умереть у порога, напрасно ея дикое, отчаянное неистовство. То неистовство слабости, энергія безсилія.... Одной сильной мужской руки достаточно для того, чтобъ оттолкнуть ее — стоитъ только, чтобы эта рука посягнула на женщину!

Только врагъ, только страшный Оливье, преслѣдующій ее своею животненной страстью, спасаетъ ее, и Микаэла, дитя непосредственныхъ впечатлѣній, готова повѣрить въ великодушіе Оливье, готова благословлять его.... Но страшную цѣну полагаетъ за услугу брадобрѣй Людовика XI. Микаэла должна принадлежать ему, не за то, впрочемъ, что онъ оказалъ ей услугу, а потому, что Христіанъ любитъ другую, герцогиню Бургундскую Марію. Не вѣритъ Микаэла искусителю, но если такъ, то клянется принадлежать ему, и только слабый грудной стонъ вырывается у нея при клятвѣ, какъ будто нѣсколько самыхъ тонкихъ струнъ порвалось у нея въ душѣ. Да нѣтъ! Этого быть не можетъ, Христіанъ ее любитъ, и она съ дикимъ нетерпѣніемъ отворяетъ дверь, по уходѣ Оливье, и первое слово, которое слышитъ она изъ устъ Христіана — ненавистное имя соперницы. Какая-то страшная сила отбрасываетъ ее отъ него, и окаменѣвши въ этомъ положеніи, разражается она не дикимъ воплемъ, а стономъ новой порванной струны, послѣдней изъ золотыхъ струнъ лиры сердца.

Бѣги, бѣги—тебя я проклинаю!

Таково впечатлѣніе зрителя, и если бы, по моимъ убѣжденіямъ, цѣнилъ я во что-нибудь критику, основанную на одномъ холодномъ анализѣ, то, конечно, сталъ бы доказывать художественную правду каждаго порыва артистки въ этой роли; но я предпочелъ передать впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что оно повторилось дважды, и во второй разъ было едва ли не сильнѣе, чѣмъ въ первый. Вся роль Микаэлы во второмъ актѣ драмы состоитъ изъ порывовъ и исключительныхъ положеній—и потому здѣсь не было даже неровности, единственнаго недостатка въ игрѣ артистки. Г-жа Самойлова играла, конечно, не Микаэлу дикой драмы, а играла (какъ и вездѣ) женственность, поставленную въ исключительное положеніе. Этой-то женственностію, никогда, даже въ ми-

Digitized by Google

нуты порывовъ не перестающей быть женственностію, искренней, полной стремленій — увлеклась та часть публики, которая еще не требуетъ рацеп et circenses, неистовыхъ воплей и неестественныхъ судорогъ.

Другое дѣло роль Дарьи Ивановны въ «Провинціалкѣ».... Комедія Г-на Тургенева была разобрана въ нашемъ журналѣ, разобрана строго, т. е. съ полнымъ уваженіемъ къ блестящему таланту ея автора, на основаніи требованій совершенно справедливыхъ въ отношеніи къ нему.—Лучшія лица въ комедіи: Дарья Ивановна и графъ. Они полнѣе, цѣльнѣе другихъ, не измѣняютъ себѣ ни разу. Лучшими вышли они и въ представленіи, въ которомъ опять равно были прекрасны Г-жа Самойлова и Г-нъ Шумскій.

Будь Дарья Ивановна просто интриганка, ловкая кокетка безъ сердца — это лицо не удалось бы артисткѣ, которая даже комическому лицу Вельской, въ комедіи «Поѣздка за границу», придала что-то сердечное, внушающее участіе, женственное. Дарья Ивановна и у автора комедіи и въ игрѣ артистки — вотъ какова: воспитанная въ аристократическомъ домѣ, привыкшая къ изящнымъ, даже нѣсколько условнымъ, нѣсколько, пожалуй, ложнымъ формамъ жизни, по натурѣ очень неглупая, очень добрая, хотя съ примѣсью маленькой женской злости и охоты подурачиться насчетъ ближняго, весьма самолюбивая, — она примирилась только по крайней горькой необходимости съ окружающимъ ее бытомъ, съ мужемъ — медвѣдемъ, съ мелочною щепетильностію маленькаго хозяйства. Но она не идеалистка, или по крайней мѣрѣ не на столько идеалистка, чтобы не умѣть найтись, гдѣ бы то ни было — не на столько даже, чтобы впасть сначала въ моральную апатію, — а потомъ обратиться въ тучную барыню и отъ скуки бить своихъ дѣвокъ. Она имѣетъ вліяніе на мужа, но это вліяніе вовсе не то, чтобы она прибрала его къ рукамъ, т. е., пожалуй, онъ и въ рукахъ у нея, да руки-то эти держатъ его такъ деликатно, что онъ не вырывается изъ нихъ по другимъ болѣе тонкимъ, ему самому непонятнымъ причинамъ.... Ей самой было бы тяжело и непріятно держать его въ рукахъ въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно держатъ въ рукахъ мужей нѣкоторыя барыни — она не хочетъ *приказывать* ему, — но съ другой стороны она привыкла, чтобы онъ слѣпо исполнялъ ея просьбы, угадывалъ ея полунамеки. Воспитанная въ роскоши, въ удовольствіи, хотя, можетъ быть, выносившая много униженій, сопряженныхъ необходимо съ двусмысленнымъ положеніемъ воспитанницы знатной барыни, — она мало мирится съ бѣд-

Digitized by Google

нымъ достаткомъ своей теперешней жизни, а все-таки не хотѣла бы и прежней. Въ ней много гордости, которую въ иныхъ случаяхъ нельзя не назвать добродѣтелью, и много сознанія своего женскаго достоинства, много даже нѣсколько самолюбиваго сознанія своего превосходства надъ всѣмъ окружающимъ. Только этому превосходству суждено выказываться надъ слабымъ и простымъ мужемъ, надъ провинціальнымъ юношей—Мишей, можетъ быть, надъ городскими дамами — просто пріятными, и пріятными во всѣхъ отношеніяхъ, — и эти торжества ее не удовлетворяютъ. Ей хотѣлось бы побороться съ чѣмъ-нибудь посильнѣе: въ ея натурѣ много силъ еще не початыхъ, еще требующихъ простора. Эти силы уцѣлѣли совершенно въ сферѣ окружающаго ее быта, уцѣлѣли такъ, что, не смотря на свои двадцать восемь лѣтъ, эта женщина способна сама увлекаться, какъ ребенокъ. Однимъ словомъ, передъ нами не просто интригантка, заботящаяся о томъ, какъ бы добыть мужу мѣсто въ Петербургѣ, а даровитая, полная силъ женская натура, которая, увлекая, сама готова увлечься, которая радуется не столько результатамъ побѣды, сколько возможности бороться и побѣдить; и осуждайте вы эту женщину за ея вѣтреность, браните за самолюбіе — но все-таки сами увлечетесь ею, вы простите ей, можетъ быть много, за одинъ полудѣтскій порывъ.

И вотъ, въ глушь уѣзднаго города пріѣзжаетъ графъ Любинъ. графъ Любинъ— это ея прошедшее, ея блестящая, хотя подъ часъ и горькая жизнь въ аристократическомъ домѣ, радужныя мечты и горькія разубѣжденія. Она была дѣвочкой, когда знала его, когда онъ, вѣроятно, отъ праздной скуки, писалъ ей страстныя посланія, — она слѣпо вѣрила тогда всему, вѣрила на слово. Но теперь ужъ не такъ! И въ маленькой женской головкѣ созрѣваетъ уже планъ, и довѣрчива она только уже къ силамъ своей даровитой натуры. Вся энергія ея проснулась. Въ тревожномъ, почти лихорадочномъ волненіи, вся сосредоточенная въ свою мысль, ходитъ она по комнатѣ, почуявъ на вопросы Миши. Все въ ней готово на борьбу, и ничто не уничтожитъ этой энергической натуры. И борьба начинается. Прежде всего, Дарья Ивановна женскимъ инстинктомъ угадываетъ самое лучшее средство отдѣлить себя отъ окружающаго ее быта. Сконфузься она передъ графомъ за странности мужа, за неуклюжесть лакея—дѣло ея было бы проиграно, какъ проигрывается оно Машею и Мошкинымъ въ «Холостякѣ» Г. Тургенева; выкажи она свое полное разъединеніе съ окружающимъ ее бытомъ— графъ не сталъ бы уважать ее. Нѣтъ, она дѣйствуетъ иначе. Она прямо показываетъ, что видитъ вещи такъ, какъ они на самомъ

Digitized by Google

дѣлѣ существуютъ, но не презираетъ ихъ, не становится на ходули. Спрашивается: лжетъ ли она въ своей бесѣдѣ съ графомъ? Трудно рѣшить, — всего скорѣе, что на половину лжетъ, на половину же увлекается сама — увлекается не графомъ, а своимъ прошедшимъ. Такъ по крайней мѣрѣ поняла «Дарью Ивановну» артистка и, кажется, поняла вѣрно.

Обращаясь къ частностямъ выполненія роли, я долженъ указать почти на всѣ сколько-нибудь выдающіяся мѣста.... Необыкновенная простота и вмѣстѣ граціозность каждаго движенія, умѣнье быть на сценѣ, совершенно какъ дома, умѣнье, которое дается весьма немногимъ—вотъ что больше всего бросалось въ глаза. Сидитъ ли Дарья Ивановна за пяльцами, по видимому, вся занятая работою, а между тѣмъ не пропускающая безъ вниманія ничего, что вокругъ нея происходитъ, говоритъ ли она мужу, чтобы онъ велѣлъ снять шляпу лакею графа, — ходитъ ли она тревожно по комнатѣ, готовясь на борьбу, — стоитъ ли она передъ зеркаломъ и обращается къ своему платью — вездѣ видна была женщина, больше всего и прежде всего женщина, по преимуществу женщина... А разговоръ съ графомъ?.. Необыкновенная свобода и грація всѣхъ движеній, тонкое и умное кокетство, увлеченіе при воспоминаніяхъ, торжество самолюбія, высказывающееся въ повтореніи словъ графа: vous êtes un ange... vous êtes adorable..., дѣтски шаловливый тонъ словъ: какія у него морщинки! тонъ, который нѣкоторымъ, безъ малѣйшаго основанія, показался рѣзкимъ... А слова: ступай, ступай — которыя Дарья Ивановна говоритъ мужу, намѣревающемуся идти за нею въ садъ? Все это дѣйствовало сильно на публику.

Превосходенъ въ «Провинціалкѣ» былъ Г. Шумскій. Вѣрнѣе и ярче создать типъ невозможно. Небрежность и свобода каждаго движенія, выраженіе свѣтской апатіи на физіономіи, зѣвота праздности и скуки, самодовольство, сознаніе собственнаго *величія* и презрѣніе ко всему окружающему—вотъ общія черты образа, представляемаго Г. Шумскимъ съ такою поразительною правдою. Когда онъ входитъ и обращается съ вопросомъ къ стряпчему: вы Г. Ступендіевъ?—въ тонѣ его звучитъ не досада за дерзость заставить его— графа Любина явиться къ такому мелкому чиновнику,—нѣтъ, слышно полное, небрежное, уничтожающее презрѣніе, слышно, что и мысли объ оскорбленіи себя онъ не допускаетъ. Но вотъ графъ Любинъ встрѣчаетъ старую знакомую,—и ее, на первый разъ, обозрѣваетъ онъ съ высоты величія, и съ ней говоритъ онъ сначала съ снисхожденіемъ покровительства. Вообще видно, что онъ только пообошелся немного, и самая ласковость

Digitized by Google

его была бы оскорбительна всякому, кромѣ простоватаго Ступендьева. Движеніе, съ которымъ идетъ онъ въ кабинетъ стряпчаго, заняться дѣломъ—верхъ художественнаго совершенства.... Но все это можно еще описать, можно по крайней мѣрѣ хоть напомнить. Сцены съ Дарьей Ивановной, пѣніе романса, увлеченіе — словъ: «сердце — вы говорите: сердце, а развѣ у меня нѣтъ сердца»? и словъ: «подымите меня», обращенныхъ съ аристократической гордостью къ стряпчему въ самомъ конфузномъ положеніи,—это все нужно было видѣть, и только видѣвшіе согласятся съ нами въ томъ, что Г. Шумскій былъ въ роли Графа истиннымъ, высокимъ художникомъ.

Не таковъ былъ М. С. Щепкинъ въ роли Ступендьева, которому нельзя не пожелать больше спокойствія: странно было видѣть, какъ онъ *забѣгался*, подобно мальчику, передъ прибытіемъ Графа, какъ онъ *испугался*, подобно пойманному преступнику, заставши его на колѣняхъ передъ женою! Какъ онъ кричалъ и умолялъ! Но, разумѣется, у него, какъ великаго таланта, многія мѣста были выражены прекрасно, напримѣръ, когда онъ оставался одинъ и разсуждалъ, идти ли ему въ садъ за женою, какъ разговаривалъ съ ними.

За то лице Миши у Г. Васильева вышло несравненно удачнѣе, нежели у автора пьесы. Молодой, даровитый артистъ *создалъ* лице почти такъ же, какъ Г. Шумскій—только послѣдній, по самому значенію своей роли выдался рельефнѣе.

Остается сказать нѣсколько словъ о Татьянѣ, прочтенной Г-жею Самойловой, въ первый разъ въ этотъ спектакль, и прочтенной ею еще разъ въ одинъ изъ прощальныхъ. Это исполненіе Татьяны во второй разъ имѣло весьма мало общаго съ исполненіемъ въ первый. Въ первый разъ артистка играла въ полномъ смыслѣ слова, и никогда первая половина монолога, до прибытія Онѣгина, вложеннаго поэтомъ въ уста Татьяны, не сказалась поэтичнѣе, грустнѣе, задушевнѣе.

Это была настоящая Татьяна. Въ другой разъ было уже не то: прекрасная артистка только читала, читала умно, но холодно: (1) можетъ быть, потому, что слишкомъ взволнованная восторженнымъ пріемомъ публики, она не имѣла силы войти въ роль.

Въ слѣдующій—третій спектакль — дана была «Прихоть кокетки», одна изъ самыхъ пошлыхъ штукъ домашняго издѣлія, слу-

(1) Сцену съ Онѣгинымъ въ оба раза она не выдержала: не видать и не слыхать было ни борьбы, ни скорби,— только рѣшительность, и то не высокая. Вообще въ ней больше было Татьяны, чѣмъ Княгини. *П.*

Digitized by Google

шая которую стыдишься за Русскую драматургію, и грустишь за артистовъ, обязанныхъ по возможности вѣрно выражать самую странную ложь. Трудно отдѣлить лице представляющее отъ лица представляемаго и, не смотря на всю граціозность Г-жи Самойловой, не смотря на то, что она умѣла найти искреннія движенія въ самой ложной роли—вынести всей пьесы было совершенно невозможно. Одно только осталось у всѣхъ въ памяти—слова: «какой жалкій ребенокъ!... (1) Кромѣ Г-жи Самойловой превосходенъ былъ опять Г. Шумскій, создавшій совершенно другаго Графа, нежели Графа «Провинціалки» (2).

За симъ, Г-жа Самойлова явилась въ нашей Московской комедіи М. Н. Загоскина «Поѣздка за границу». На сколько эта комедія, хотя и далеко не лучшая изъ комедій ея даровитаго автора, хотя и написанная подъ вліяніемъ напередъ заданной темы—лучше и выше всѣхъ безобразныхъ штукъ въ родѣ «Странной ночи», «Прихоти кокетки», — оказалось при сопоставленіи ея рядомъ съ ними. Тутъ есть живыя лица, есть комическія положенія, и нѣтъ претензій.

Игра Г-жи Самойловой придала интересъ роли Вельской, и притомъ такой интересъ, который едва ли имѣлъ въ виду авторъ пьесы. Вельская у Г. Загоскина—лице смѣшное, лице съ претензіями, и до сихъ поръ, оно выходило въ представленіи карикатурнымъ. Г-жа Самойлова смягчила его, сообщила значеніе всему, что было въ немъ женскаго—и явилась женщина, возбуждающая скорѣе сочувствіе, нежели смѣхъ. Въ особенности хороша была артистка въ объясненіи съ старушкой, у которой вся Москва подъ опекой. Я замѣтилъ уже разъ, что тутъ было много женской злости, не перестающей быть граціозною, много увлеченія, много *страсти*. Наравнѣ съ Г-жею Самойловой стояли Садовскій 1, который одинъ только въ состояніи создать лице лакея изъ такихъ данныхъ, какія были у него въ роли, и Г-жа Сабурова 1—въ роли тетушки.

---

(1) Правда, тяжело, мудрено было выдержать эту утомительную піесу, но все-таки Г-жа Самойлова умѣла доставить зрителямъ много удовольствія: послѣ появленія видна была женщина пораженная. Въ ея молчаніи, въ ея положеніи видно было, что происходитъ въ ея душѣ, а какъ она довѣрчиво обратилась къ своей непріятельницѣ, какъ просила Графа—однимъ словомъ, это была не актриса. *П.*

(2) Позволяю себѣ быть другаго мнѣнія, и думаю, что такихъ вертопраховъ Г. Шумскій играть не можетъ: это не его роли. Въ Графѣ былъ онъ превосходенъ, въ Ардатовѣ также,—но въ Кокеткѣ и Камеліи—гораздо слабѣе. *П.*

Digitized by Google

Теперь, по порядку представленій, слѣдуетъ говорить о созданіи роли княжны Ольги въ «Заревскомъ». Слово «созданіе» употреблено здѣсь мною, конечно, не изъ желанія польстить артисткѣ, а потому, что оно настоящимъ образомъ выражаетъ игру Г-жи Самойловой. Но прежде, чѣмъ коснуться этой роли, я долженъ сказать нѣсколько словъ о самой драмѣ.

Авторъ драмы «Заревскій» — покойный Ефимовичъ, писавшій подъ псевдонимомъ Ивана Ралянча — по своимъ взглядамъ на искусство принадлежитъ къ Нѣмецкой школѣ драматурговъ, и притомъ не къ школѣ Шиллера и Гёте, а къ школѣ, отчасти, Виланда и Коцебу, отчасти романтической. Увлекаясь теоріями съ одной стороны и Французскими эффектами съ другой, не одаренный творческою способностью, хотя искренно и пламенно любившій искусство, онъ шелъ по самой ложной дорогѣ, хотя, конечно, болѣе всѣхъ нашихъ обыкновенныхъ драматурговъ былъ достоинъ идти по настоящей. Напередъ заданныя темы, заученные пріемы, портили ему всякое содержаніе. Растерявшись, можетъ быть самъ въ худо переварившихся въ его душѣ теоріяхъ, и между тѣмъ страстно желавшій писать для театра, Ефимовичъ рѣшился быть либреттистомъ. «Заревскій», «Музыкантъ и Княгиня», «Кощей»—все это—либретто, склеенныя изъ разныхъ матеріяловъ и написанныя для Г. Самойлова, Г. Каратыгина, Г-жи Самойловой или Г. Мартынова. Цѣня лучше другихъ дарованія этихъ артистовъ—чему доказательствомъ служатъ дѣльныя, серьезныя и отличающіяся знаніемъ искусства статьи въ Иллюстраціи,—Ефимовичъ рѣшилъ, во что бы ни стало, писать для нихъ роли. Побужденіе, какъ видите, совершенно внѣшнее, хотя болѣе благородное, чѣмъ всѣ другія внѣшнія побужденія, которыя руководствуютъ вообще нашихъ дѣятелей на поприщѣ отечественной драматургіи.

Драма «Заревскій» сложилась изъ извѣстной повѣсти Занда «Мельхіоръ», и изъ весьма несостоятельной теоріи автора «Poëtische Gerechtigkeit», которую онъ непремѣнно, во что бы то ни стало хотѣлъ проводить повсюду. Можно себѣ, не зная даже пьесы, представить, какой monstrum horribile visu долженъ родиться отсюда. Основный характеръ, на которомъ все сходится въ драмѣ, самъ «Заревскій» явнымъ образомъ не уяснился самому автору, или, лучше сказать, изъ *рода* не перешелъ для него въ *видъ*. По мысли, заданной напередъ, выходитъ грубоватый, страстный, энергическій морякъ, т. е. *родъ*,—по ходу происшествій—является человѣкъ съ крайне слабою волею, человѣкъ уже *тронутый;* вслѣд-

Digitized by Google

ствіе насильственно вложенной въ драму теоріи, Заревскій долженъ поступать совершенно вопреки своей натурѣ, скрывать неизвѣстно по какимъ причинамъ то, что скрывать онъ вовсе и не имѣетъ нужды—иначе драма пропала съ самаго перваго акта.

Княжна Ольга вышла удачнѣе героя, т. е. та княжна Ольга, какую вы видѣли публично въ Г-жѣ Самойловой. Княжна Ольга, это—свѣтская дѣвушка, хотя съ прекрасными задатками, хотя съ потребностью и способностью любить. Иначе сказать, если позволятъ ей условныя понятія—она будетъ любить, но выйти за черту этихъ понятій она не можетъ. Натура ея не бѣдна, но ограниченна. Кромѣ того, она—избалованный ребенокъ, котораго не удивитъ и даже не привяжетъ особенно, что-либо обыкновенное,—ребенокъ, жадно желающій новаго, капризный, своенравный—и вѣчно самостоятельный, даже въ отношеніяхъ съ человѣкомъ, котораго ей позволительно любить и котораго она любитъ. Судьба или авторъ пьесы ставятъ этого прекраснаго и по наружности холоднаго ребенка въ отношенія съ страстной мужской натурой, не очень умной, но за то искренней до грубости. Потребности княжны Ольги удовлетворены вполнѣ: этотъ человѣкъ и новъ для нея, т. е. не похожъ на пустыхъ свѣтскихъ господъ, ее окружающихъ, и, съ другой стороны, отецъ желаетъ, чтобъ она его полюбила, свѣтъ не запрещаетъ этой любви. Прекрасно! Но что же? Въ этой мужской натурѣ встрѣчаетъ она отпоръ: отпоръ раздражаетъ еще болѣе нетерпѣливаго ребенка, самоувѣреннаго до такой степени, что онъ не вѣритъ искренности отпора. И княжна Ольга права: она любима и дѣтски торжествуетъ свою побѣду и шалитъ съ своимъ страннымъ братцемъ. Нетерпѣливая, какъ настоящая женщина, и спокойная совершенно насчетъ всѣхъ послѣдствій, она хочетъ насильственно заставить склониться передъ собою то, что она считаетъ только гордостью въ любимомъ человѣкѣ. Она жертвуетъ собою, т. е. не то чтобы точно жертвовала, а такъ, для скорѣйшаго окончанія дѣла, идетъ въ его комнату, хочетъ поставить его въ безвыходное положеніе — или жениться на ней или сдѣлать ее посмѣшищемъ свѣта: не забудьте, что въ послѣднюю часть своей дилеммы она не вѣритъ, что по всѣмъ даннымъ предполагаетъ необходимымъ послѣдствіемъ бракъ. Но этотъ человѣкъ, который точно любитъ ее, какъ никто не могъ ее любить — онъ женатъ... И первое слово, которое вырывается у нея послѣ минуты перваго окаменѣнія: «отдай мнѣ мое доброе имя»... Оно невозвратимо — значитъ она должна погибнуть.

Вотъ характеръ княжны.— Чтобы понять и создать его такъ,

Digitized by Google

мало было искренности порывовъ: надобно было *подчинить* эти порывы строгому закону свѣтскихъ приличій, заковать ихъ въ условныя формы — и однако, заковать такъ, чтобы повсюду просвѣчивало искренее чувство, чтобы повсюду видна была женщина. Это и дѣлаетъ Г-жа Самойлова. Тонкое мастерство, оконченность отдѣлки этой роли оцѣнены немногими и весьма многими непоняты: бо́льшая часть, восхищавшихся артисткою въ этой роли, восхищалась какъ-то безсознательно—хотя, быть можетъ, ни за что не стоила она бо́льшихъ восторговъ. Въ первомъ актѣ она—граціозный, живой ребенокъ, стыдливо выслушивающій предположенія отца о бракѣ ея съ Заревскимъ, но покорно готовый на все. Странно, неловко ей при первомъ свиданіи съ Заревскимъ—но простота и рѣзкость его манеръ скоро выводятъ ее изъ затруднительнаго положенія; съ самой первой минуты уже раздражено ея женское любопытство, оскорблено немного женское самолюбіе тѣмъ, что гость предпочитаетъ сонъ разговору съ нею.... Во второмъ актѣ, ребенокъ уже выросъ — является уже дѣвушка, отдающаяся первому обаянію сладкихъ мечтаній, видна уже женщина, знающая свою власть надъ другимъ. Кругомъ ея—ореола первой любви, первыхъ обаятельныхъ грезъ — и мелодично звучатъ ея рѣчи, и неотразимой прелестью полны ея лукаво-простодушные вопросы, и такъ мило, такъ искренно пристаетъ она къ Заревскому, ставитъ его въ самыя затруднительныя положенія. Онъ сердится—значитъ она не ошиблась, значитъ онъ ее любитъ — и полудѣтски, полустрастно, съ увѣренностью самолюбивой женщины говоритъ ему она: «вы меня любите, ужь знаю, что любите». Цѣль достигнута... Опять одинъ безпечный, рѣзвый ребенокъ. Какъ серна прыгнула она на мостикъ, и дразнитъ и мучитъ оттуда своего дикаря. «Братецъ... Владиміръ Николаевичъ.... Всѣ моряки такіе сердитые?» «Всѣ». «Прощайте!»—и бѣжитъ съ звонкимъ ребяческимъ смѣхомъ....

Третій актъ: съ гордою рѣшимостью идетъ Ольга къ Заревскому, спокойно, прямо говоритъ ему, что онъ долженъ на ней жениться... но когда слышитъ отъ него слово любви, она робѣетъ, какъ будто бы услыхала что-нибудь новое, нежданное, не отвѣчаетъ страстными порывами на его ласки: ее пугаетъ страсть.... Но вотъ она слышитъ его страшное признаніе—и каменѣетъ какъ статуя. Все умерло въ ней въ одну минуту, все покрылось какой-то ледяной корою. Когда очнулась она—это была уже не прежняя Ольга, это была опять свѣтская дѣвушка—поставленная въ самое трагическое положеніе—и этимъ поясняется холодный, нѣсколько искусственный тонъ словъ: «отдай мнѣ мое доброе имя». Ей остается

Digitized by Google

только умереть....и въ эту минуту снова слышится искренній тонъ въ ея рѣчи....

Уловить всю двойственность этого характера—способна только Г-жа Самойлова....На сколько въ созданіи княжны Ольги — выше она своего либреттиста— это ясно для всякаго. Замѣчательныхъ моментовъ ея игры въ этой роли не перечислишь. Къ числу особенно выдающихся своею граціей, кромѣ извѣстнаго вопроса съ мостика,—отношу я слова: «если бы въ горящей хижинѣ и т. д. — *Кого бы вы спасли?*» Тонъ этихъ словъ былъ не одинаковъ въ различныя представленія. Иногда слышалась въ немъ женская самоувѣренность, иногда что то умоляющее, дѣтски милое, простодушное: что было вѣрнѣе и лучше—рѣшить трудно: какъ-то, такъ и другое равно свойственно характеру, созданному артисткой....Мѣсто не совсѣмъ удачное было одно, слова: «отдай мнѣ мое доброе имя»— да и то, какъ кажется, отъ того, что Г-жа Самойлова слишкомъ хотѣла выставить холодную, свѣтскую сторону роли.

Говорить объ окружающемъ Г-жу Самойлову въ «Заревскомъ»— какъ-то странно. Г. Леонидовъ, по видимому, думалъ надъ ролью Заревскаго, и одну черту характера—грубоватую, рѣзкую простоту передалъ хорошо, — но что же прикажете дѣлать, когда въ самой натурѣ артиста нѣтъ страстности?... Роль была только понята вѣрно, но не прочувствована.

Въ бенефисъ свой, Г-жа Самойлова дала *Житейскую школу*— и сдѣлала все, что только могла сдѣлать изъ своей роли.

Потомъ, она являлась въ слѣдующихъ новыхъ роляхъ, въ драматическихъ: 1) Клары д'Обервиль, 2) Терезы (Женевская сирота), 3) Габріэли (Продавецъ дѣтскихъ игрушекъ), 4) Маріи (4-й актъ «Царской невѣсты»), 5) Шарлотты (Вертеръ и Шарлотта), 6) Луизы (Старая мыза); въ комическихъ: 1) Вѣры Васильевны (Бѣлая камелія), 2) Элагинской (Андрей Степановичъ Бука), 3) Софьи Павловны (Горе отъ ума).

Я лично имѣю непреодолимое отвращеніе къ судорожнымъ ролямъ жертвъ, гонимыхъ невинностей и т. д., въ мелодрамахъ Французскаго издѣлія, но ужъ если непремѣнно надобно выносить медицинскія или полицейскія драмы,—то по крайней мѣрѣ необходимо, чтобы въ нихъ играла Г-жа Самойлова. Ея женственная натура обращаетъ все рѣзкое и аффектированное въ нѣжное, мягкое и изящное—все, что у другой артистки напрашивалось бы насильственными мѣрами (въ родѣ раздирательныхъ воплей) на участіе— въ игрѣ Г-жи Самойловой возбуждаетъ само собою или грустно-тихое чувство или дѣйствительно тревожный интересъ. Оставляю

Digitized by Google

въ сторонѣ Клару д'Обервиль, Терезу и даже царицу Мареу, (1) по совершенной безцвѣтности этихъ ролей, но не могу не говорить о Габріэли, Шарлоттѣ и Луизѣ.

Габріэль въ «Продавцѣ дѣтскихъ игрушекъ» тоже принадлежитъ къ безцвѣтнымъ ролямъ, и притомъ къ особенному genre, который пущенъ въ ходъ Скрибомъ: это слѣпая молодая дѣвушка. Роли слѣпыхъ требуютъ необходимо того, что называется tour de force,— но въ самомъ tour de force есть степени, и игра Г-жи Самойловой, въ особенности въ сценѣ, когда слѣпая Габріэль ощупываетъ стѣны—была однимъ изъ поразительнѣйшихъ tours de force, какіе мнѣ случалось видать, поразительнѣшихъ потому, что при всемъ напряженіи, артисткою хранилась постоянно женственность, что была красота въ этомъ напряженіи, была идеальность, безъ которой всѣ порывы дѣйствуютъ только раздирательно.

Совсѣмъ иное роль Шарлотты. Французская передѣлка Вертера—прегрязная пародія на произведеніе генія, и трудно вообразить себѣ что-либо болѣе дикое или нелѣпое, чѣмъ это дополненіе къ судьбѣ типа, въ которомъ сказалось настройство цѣлой эпохи. И въ психологическомъ отношеніи невѣрно, чтобы Вертеръ сдѣлался такимъ негодяемъ, какимъ угодно было его представить Г. Эмиль Сувестру, да и недостойно искусства клеймить позоромъ какое бы ни было историческое явленіе. Вертеръ не могъ иначе кончить, нежели какъ кончилъ онъ въ романѣ Гёте, а если бы даже и не застрѣлился онъ,—то все-таки, какъ одна сторона моральнаго существа самаго поэта, какъ воплощеніе задушевной мысли эпохи — выросъ бы вмѣстѣ съ поэтомъ и съ эпохою.... Но смѣшно требовать отъ Французскаго рутинера, каковъ Г. Сувестръ, уваженія къ искусству и къ историческимъ явленіямъ: все приноситъ рутина въ жертву минутному успѣху, и герои знаменитаго романа употреблены просто для заманчивости заглавія мелодрамы, Собственно, передъ вами не Вертеръ и не Шарлотта, а мужъ, измѣняющій женѣ, и жена страдающая отъ невѣрности мужа. Лице же Альберта — просто повтореніе лица доктора Анри, въ драмѣ Дюма: «Агнеса».

Стало быть, не Шарлотту, а просто, страдающую жену играла Г-жа Самойлова, и въ этомъ отношеніи, Французская штука доставила ей довольно много случаевъ высказать свои прекрасныя средства—

(1) Въ Мареѣ я видѣлъ Г-жу Самойлову, и отдамъ ей справедливость, не говоря о прочемъ, въ ея движеніяхъ, совершенно приличныхъ Русской дѣвицѣ стараго времени, не похожихъ на движенія Европейской дѣвицы. *П.*

Digitized by Google

выразить нѣсколько новыхъ моментовъ женственности. Напоминаю въ особенности сцену прощанія съ Вертеромъ въ первомъ актѣ, робкій, полуопущенный, слезящій взглядъ, дрожащій, скорбный тонъ словъ... сцену съ Вертеромъ во второмъ актѣ, отчаяніе при открытіи, что онъ любитъ другую,—сцену съ соперницей въ третьемъ актѣ и слова къ ея отцу: «пусть она назоветъ его.... если смѣетъ», сцену смерти въ четвертомъ... Все это было полно истиннаго драматизма.

Наконецъ, игра Г-жи Самойловой въ *ужасной* драмѣ: «Старая мыза» удовлетворила и охотниковъ до эффектовъ... Тутъ, она отдавалась безъ границъ порывамъ, воплямъ, стонамъ, хотя все-таки не теряла женственности. Въ особенности чтеніе письма передъ страшнымъ судьей — отцемъ было проникнуто такимъ патетизмомъ, который поразилъ всѣхъ одинаково... Все смолкло въ эту минуту, все боялось перевести дыханіе.... такъ было это глубоко прочувствовано артисткою!...

Говорить объ остальныхъ роляхъ Г-жи Самойловой я считаю излишнимъ. Разбирая игру ея въ «Бѣлой камеліи» или въ «Букѣ», надобно было бы говорить о каждомъ ея жестѣ, о каждомъ словѣ... Мудрено ли, что въ «Бѣлой камеліи» она играла три раза совершенно одинаково: къ чему и измѣнять то, что разъ создалось вѣрно, и что поразитъ своей истиной и простотою, какъ въ первый, такъ и въ третій разъ—одинаково?

Скажу въ заключеніе моей статьи, что какъ Москва о прекрасной артисткѣ, такъ, вѣроятно, и артистка о Москвѣ — сохранятъ самыя пріятныя воспоминанія. Было много трогательнаго, истиннаго въ восторгахъ публики, въ безконечныхъ вызовахъ послѣ двухъ послѣднихъ представленій. Артистка поняла съ своей стороны все, что было искренняго въ этомъ чувствѣ, и отвѣчала на него чувствомъ же. И могло ли быть иначе? Въ Москвѣ ли не найдется теплаго сочувствія къ одному изъ прекрасныхъ и граціознѣйшихъ дарованій?

1851 г., Мая 21.

Digitized by Google

Отчетъ о дѣйствіяхъ Московской Сберегательной кассы за прошлый годъ можетъ подать поводъ къ нѣсколькимъ любопытнымъ выводамъ. Дѣйствія ея возрастаютъ съ каждымъ годомъ, но, какъ кажется, не совершенно въ удовлетворительной степени относительно къ числу населенія столицы, и особенно къ тѣмъ сословіямъ, для которыхъ преимущественно существуетъ это полезное учрежденіе. Гдѣ искать причинъ этому—въ характерѣ ли Русскаго человѣка и Москвича въ особенности, у котораго послѣдняя копѣйка ребромъ идетъ, а тароватость считается почти добродѣтелью, или въ другихъ причинахъ? Приведемъ самыя данныя, и попросимъ читателей вникнуть въ смыслъ ихъ. Къ 1 Января 1850 г., въ Кассѣ оставалось капитала слишкомъ 419 тысячъ руб. серебр. Въ теченіи 1850 г. внесено было до 265½ т., такъ что, съ приписанными на прежніе взносы процентами, капиталъ, обращавшійся въ Кассѣ, составилъ болѣе 700 т. р. с. Изъ нихъ, за выдачею обратно слишкомъ 200. т. къ 1-му Января этого года оставалось болѣе 500 т. (почти по 15 т. книжекъ). Вкладовъ всего болѣе было отъ чиновниковъ (до 87 т.), потомъ отъ мѣщанъ (болѣе 47 т.); менѣе—отъ иностранцевъ (до 10 т.) и отъ *ремесленниковъ* (около 5 т.). Если подъ послѣдними обозначены одни только цеховые, то такая малая цифра легко объяснима по незначительному числу этого сословія; но если подъ словомъ «ремесленники» обозначены всѣ занимающіеся ремеслами (а они бываютъ и изъ мѣщанъ и изъ другихъ сословій), то это не слишкомъ утѣшительно, какъ свидѣтельство, что привычка довдать хлѣбъ до рукъ сильнѣе мудрой дѣдовской пословицы: «береги денежку на черный день». За то порадовали насъ взносы отъ военно-служащихъ нижнихъ чиновъ (до 23 т.) и въ пользу малолѣтныхъ (болѣе 43 т.)

Для параллели, представимъ здѣсь же нѣсколько данныхъ изъ отчета С.-Петербургской Сберегательной Кассы. Кругъ ея дѣйствій обширнѣе Московской. Къ 1 Января 1850 г., оставалось капиталовъ слишкомъ 840 т.; въ этомъ году поступило болѣе 525 т., такъ что, съ процентами, весь капиталъ, оставшійся въ Кассѣ, простирается слишкомъ до 1 мил. 400 т. р. с. За выдачею изъ него обратно 385 т., къ 1 Января 1851 г., оставалось почти до милліона р. с. Наибольшая сумма вкладовъ принадлежала крестьянамъ (107½ т.) и ремесленникамъ (96½ т.), наименьшая: —купцамъ (до 24 т.) и воспитанникамъ Воспитательнаго дома (до 8 т.). Военно-служащіе нижніе чины внесли до 60 т. Въ пользу малолѣтнихъ внесено было 55½ т. р. с.

Желательно, чтобы при отчетахъ Сберегательныхъ кассъ, были обозначаемы, если только это возможно, и лѣта вкладчиковъ. Это повело бы къ новымъ любопытнымъ заключеніямъ.

Digitized by Google

НЯНЮШКА.

(Сатирическія сцены). (*)

I.

Лѣвичья. — У большаго стола сидитъ нянюшка Іевлевна, старуха лѣтъ шестидесяти, и вяжетъ чулокъ. Рядомъ съ нею сидитъ Прасковья, двадцати-лѣтняя дѣвка, и шьетъ кисетъ для табаку изъ разноцвѣтныхъ шелковыхъ лоскутковъ.

Іевлевна.

Сыми-ка, дѣвынька, со свѣчки-то!... Ничего не разгляжу; никакъ, опять петлю спустила.

Прасковья.

Глаза-то у тебя, бабушка, не видятъ. Я недавно сымала. (*Снимаетъ со свѣчи*). Эки съемы-то! только слава, что съемы.

Іевлевна.

Какъ вечеръ, такъ тѣ и застелетъ глаза.

Прасковья.

Посмотри-ка вотъ! Ладно эдакъ будетъ: синій-то гарднапель суды — къ красной тафтицѣ?

(*) Предъ помѣщеніемъ этихъ сценъ считаемъ нужнымъ о говориться: было время въ исторіи живописи, когда идеальное была главнымъ, любимымъ предметомъ: всѣ живописцы испытывали свои силы для изображенія небесныхъ ликовъ. Священное писаніе представляло источникъ изобрѣтеній. Потомъ картины историческія, ландшафты, заняли мѣсто библейскихъ. Въ наше время въ модѣ tableaux du genre, картины житейскія, а нѣкоторыя школы отличались и всегда преимущественно ими, напримѣръ Фламандская. Поэзія, и вообще литтература, переходитъ также чрезъ разныя степени, и ищетъ вдохновенія на разныхъ высотахъ. Оды были у насъ сначала любимымъ, моднымъ родомъ сочиненій, потомъ трагедіи; нынѣ авторы, какъ живописцы, обратились къ жизни дѣйствительной, въ ея уклоненіяхъ, болѣзняхъ, недостаткахъ: господствуетъ направленіе сатирическое. Журналъ долженъ быть литтературнымъ отраженіемъ времени, и потому Москвитянинъ предлагаетъ иногда разныя статьи этого рода, требуемыя его читателями, безъ которыхъ существовать не можетъ, но вмѣстѣ считаетъ своею обязанностію помѣщать въ каждой книгѣ произведенія и изъ другихъ родовъ словесности; высшихъ, предлагать мысли и образы изъ другихъ областей чувства: такъ въ нынѣшнемъ вучерѣ, помѣщая этотъ сатирическій отрывокъ, онъ помѣстилъ повѣсть герцогини Дарбувиль и лирическое стихотвореніе г. Меи. *Ред.*

Digitized by Google

Ievlevna.

Когда не ладно! Что̀ тѣ и спрашивать! Сама знашь.... золотыя рученьки!

Прасковья.

Ну, ужь ты, бабушка!

Ievlevna.

Чего ну?... Ужь такъ. — А меня и спрашивать нѣ пошто: я что̀ смыслю?... И молода-то была, ничевохынько не умѣла: работа-то и на умъ не шла, не объ томъ думалось.

Прасковья.

Экое житье, подумашь, было прежде-то!

Ievlevna.

Да, не нонѣшнему чета, — нечего грѣха таить. (*Разглядываетъ чулокъ*). Такъ и есть,—спустила петлю. Подыми-ка, дѣвынька! (*Подаетъ чулокъ Прасковьѣ*).

Прасковья (*береть чулокъ*).

Экъ ты, баушка, намизюкала! неровно-то какъ!

Ievlevna.

Э, ничего, дѣвка! Что̀ нашего брата, стараго человѣка, хаять!... И такъ износимъ. Лишь бы только не сложа руки сидѣть. Какъ ни нахомутала — ладно! (*Бьетъ девять часовъ*).

Прасковья.

Вотъ, еще девять только!

Прасковья.

Осипъ какъ долго нейдетъ. Видно засмотрѣлся тамъ.

Ievlevna.

Экъ ты скоро больно захотѣла! Такъ вотъ и придетъ.... какже! Глазѣетъ, чать, себѣ. — Да что̀ Сашеньки не слыхать?

Прасковья.

Играетъ тамъ въ гулючки съ Дунькой да съ Катькой.

Ievlevna.

Какъ бы онъ въ потемкахъ-то не расшибся.

Digitized by Google

Прасковья.

Вотъ, расшибется.... Развѣ въ первый разъ, что-ли? (*Изъ другой комнаты слышенъ дѣтскій голосъ*: «гулю»). Слышь, играетъ себѣ!

Іевлевна.

А пусть играетъ; не ревѣлъ бы только, де не приставалъ. (*Входитъ лакей Осипъ, высокій и молодой малый*).

Прасковья.

А! вотъ и Осипъ Михалычъ. — Ну, что? насмотрѣлись?

Осипъ.

Въ милую душеньку, Прасковья Ивановна. Третью кадрель зачали, какъ пошолъ. (*Вынимаетъ изъ кармана платокъ съ орѣхами и подаетъ Прасковьѣ*). Не разсудите ли изъ нашего кармашка орѣшковъ пощелкать?

Іевлевна (*подымая глаза отъ вязанья*).

Не бось, меня, мигачъ, не поподчуешь!... И за человѣка не считаешь?

Осипъ.

Вѣдь ужь зубы-то у васъ, чать, не ахти-то тово-съ, Алена Іевлевна?

Іевлевна.

Орѣшекъ другой все сгрызу. А вотъ кабы ты да добрый былъ человѣкъ, такъ нащелкалъ бы старухѣ съ десятокъ молодыми-то зубами; а то, только и знашь, что по пусту ихъ скалишь!

Осипъ.

Съ моимъ пріятнымъ удовольствіемъ. Хоть два нащелкаю.

Прасковья.

Разскажите, Осипъ Михалычъ: что, какъ тамъ на балѣ?

Осипъ.

А вотъ позвольте сперначала къ вашей бесѣдѣ пріюртиться. (*Садится*). Что за рукодѣльице производитъ изволите? (*Беретъ за шитье Прасковьи*).

Прасковья (*вырывая у него шитье*).

Сдѣлайте одолженіе, не цапайте!... Не по вашей части.

Digitized by Google

Осипъ.

А кому, смѣю спросить?

Іевлевна *(сердито)*.

Шабру.

Осипъ.

Какому шабру-съ?

Іевлевна *(такъ же)*.

Какъ дадутъ тѣ въ руки, такъ и увидишь, какому.

Осипъ *(встряхивая плечами)*.

Понимаемъ-съ!

Прасковья.

Разскажите лучше, Осипъ Михалычъ, какъ всѣ тамъ? Полноте балагурить-то!

Осипъ.

Да что разсказывать? Извѣстное дѣло,—какъ есть балъ.... все въ должной манерѣ. Лакеи тебѣ во фракахъ, какъ слѣдуетъ. Данила цѣпь себѣ вывѣсилъ на желетку.... серебряная, позолоченая цѣпь: въ лотарею выигралъ. Все по праздничному. Барыни всѣ въ бѣлыхъ платьяхъ....

Прасковья.

Скажите!... Такъ ужь всѣ и въ бѣлыхъ?

Осипъ.

Не то, чтобы, знаете, всѣ, а много-таки. Есть и въ такихъ.... примѣромъ сказать.... развѣ, что ли!

Прасковья.

Ну, и много танцуютъ?

Осипъ.

Не перестаютъ. И все больше кадрели и валицъ.

Прасковья.

Скажите! Ну, а съ кѣмъ наша барыня танцуетъ?

Осипъ.

Валицъ все съ разными, а первыя двѣ кадрели съ моимъ бариномъ прошлась.

Digitized by Google

Іевлевна.

Съ кѣмъ было и поплясать, какъ не съ милымъ дружкомъ?

Осипъ.

Ужь и съ милымъ дружкомъ!... какое же-съ, Алена Іевлевна.

Іевлевна *сердито).*

Чего какое-же? Ты же и спорить.... молодъ еще больно, зубоскалъ.

Осипъ.

Я не спорю вѣдь, Алена Іевлевна, а такъ только.

Іевлевна.

И такъ только нечего. Чать по твоему, не кажный онъ день частитъ къ нашей-то барынѣ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ вы у насъ флигель наняли?... Барина дома нѣту, — а ужь онъ тутъ какъ тутъ.

Прасковья.

Да дай ты, бабушка, разсказать Осипу Михалычу!

Іевлевна.

А пусть его разсказываетъ!... Мѣшаю ему, что-ли?

Прасковья.

Ну, а еще кто съ кѣмъ танцовалъ, Осипъ Михалычъ?

Осипъ.

Ужь я, признаться, и разглядѣть не могъ, кто съ кѣмъ...: Такая пестрота идетъ!... Ровнешенько ничего не разберешь.

Прасковья.

А кто изъ кавалеровъ будетъ всѣхъ ловчѣе?

Осипъ.

Какъ тамъ ни прикидывай, а безъ всякой лести мой-съ.

Прасковья.

Въ мундирѣ они?

Осипъ.

Какже-съ! какъ слѣдуетъ, просто, прелесь! Видъ эдакій геройственный, знаете; одно слово — офиція.... Шпорами зве-

Digitized by Google

нить, каблуками, знаете, пристукиваетъ.... Апалеты — и все это.... Будь я дѣвица какая ни на есть, — право слово, (*показываетъ на уши*) по сѣхъ бы мѣстъ влюбился.

Прасковья.

Ужь это точно, что всѣмъ взялъ вашъ Андрей Петровичъ.

Осипъ.

Одно слово — офиція!

Прасковья.

Антикъ — офицеръ!

Іевлевна.

Я бы те покойника Семена Ефимыча, царство ему небесное, показала, — такъ ты бы не то сказала.

Осипъ.

То же изъ военныхъ былъ-съ, Елена Іевлевна?

Іевлевна.

Какъ есть военный. А мундиры тогда красные носили, аполетъ вотъ не было, а сапоги выше колѣнъ. — Вотъ какъ сейчасъ вижу, пріѣхалъ онъ, родной, на побывку.... Барина-то стараго ужь на свѣтѣ не было; барыня въ параличѣ лежала. Барышня только съ ней жила, Анна Ефимовна, вотъ что за Малининымъ, за помѣщикомъ. — Ждали мы Семена-то Ефимыча долго, роднаго. Вотъ пріѣхалъ. Вся дворня на дворъ высыпала — встрѣчать.... Я еще молодехонька тогда была, — ай-ай молодехонька.... годокъ никакъ восемнадцатый мнѣ только пошолъ. — Филатка ты, чать, помнишь, дѣвынька?.... Еще на правой-то рукѣ шесть пальцевъ было?

Прасковья.

Не помню, баушка.

Іевлевна.

Правда, онъ никакъ въ тѣ-поры умеръ, сердешный, какъ тебя къ мадамѣ въ Казань отдали.... Ты еще какъ есть ребенокъ была.

Digitized by Google

Осипъ.

Что же-съ, Елена Іевлевна, ефтотъ Филатка?

Іевлевна.

Пошолъ онъ вороты отпирать; а я тутъ у самой у калитки стояла. Сталъ онъ подворотню вынать, — да какъ, знашь, шестипалый-то былъ, подворотня-то у него и сорвись съ руки, да ребромъ-то мнѣ на ноженьку. Я такъ и не вспомнилась, слезы изъ глазъ такъ вотъ градомъ, градомъ. А молодой-то баринъ въ тѣ-поры, не захотѣлъ, знать, дождаться, покулева Филатка проклажатся, вылезъ изъ повозки-то да въ калитку. А я вотъ тутъ какъ тутъ стою. Какъ вошолъ онъ, я, дура, только ротъ разинула: на него гляжу.... молоденька, знашь, была. А онъ, родной, какъ вотъ есть красавецъ, шапочку снялъ, платочкомъ батистовымъ обмахиватся. Глаза голубые, волосы въ кудеркахъ по всей головѣ, самъ кровь съ молокомъ, усы молоденьки.... такъ только что пушокъ одинъ. Идетъ, улыбатся, всѣмъ намъ кланятся; тому «здорово», другому «спасибо». А я дура, забылась и дороги не даю, и щеки-то не вытру.... всѣ въ слезахъ. А ротъ туда же разинула! Поглядѣлъ онъ на меня, а у меня сердце вдругъ такъ и ёкнуло — и сама не знаю, съ чего.... Подошелъ онъ ко мнѣ, взялъ меня за правое за плечо, спрашиваетъ, что плачу. А у меня и языкъ не поворотился; только глаза потупила да щеки фартукомъ тру.... Изъ деревни-то, знашь, меня только-что взяли, къ городу и не привыкла еще. Да ужь старуха — у насъ ключницей тогда была, Мардарья,— скрыпача жена—Сидоровна выручила. Меня подъ бокъ толкать.... «Дура», говоритъ: «что ты разнюнилась?» Да и барину-то говоритъ: «Глупенька она, батюшка, ваше сіятельство; извѣстно, деревеньщина. Вотъ на вашу милость засмотрѣлась, да ногу себѣ зашибла». А я какъ вотъ есть вся въ огнѣ стою.

Осипъ.

А вотъ сказали вы, Алена Іевлевна, сапоги тогда носили выше колѣнъ.... Голенища тоже ваксили-съ?

Іевлевна.

А какже!

Digitized by Google

Осипъ.

Вотъ-съ, думаю я, ваксы какая махина выходила!

Прасковья.

Ну, а потомъ что же, баушка?

Ievлевна.

Ну! что потомъ!.... Ужъ я тѣ нскакъ разовъ сто разсказывала.

Осипъ.

Позвольте еще разокъ прислушать.

Ievлевна.

Ну, пріѣхалъ онъ, родимый,—Семенъ-то Ефимычъ, царство ему небесное.... Живетъ недѣлю, живетъ другую. Все больше около старой барыни сидѣлъ, у постели у ея. Только вечеромъ, бывало, къ намъ заглянетъ въ дѣвичью.... А насъ дѣвокъ-то косой десятокъ былъ, — не то что нониче.... да всѣ одна къ одной: какъ на подборъ—красавицы. Придетъ, бывало, родной; ту по щекѣ потреплетъ, ту по плечу,—съ той косынку, али платокъ съ шеи сдернетъ. Какъ теперь вотъ вижу, въ первый-то разъ пришолъ, — и ко мнѣ подошолъ. Взялъ меня сзади за оба за плеча; «какъ зовутъ?» говоритъ.... Инда духъ у меня занялся. «Аленой, ваше сіятельство», говорю.... Такъ черезъ силу и сказала-то. А онъ вынулъ изъ книжника краснаю ассигнацію—да мнѣ ее за пазуху. «Вотъ» говоритъ: «тебѣ, за то, что Аленой зовутъ!» Такой балагуръ былъ покойникъ, царство ему небесное. — А тутъ святки подошли, да и молодую-то барышню просватали. Почали мы каждый вечеръ святочныя да свадебныя пѣсни пѣть. Самъ-то, бывало, придетъ, съ нами и золото хоронитъ,— и кольцо свое въ блюдо клалъ.... Таланъ да богатство ему въ пѣсняхъ-то все выходило, да сбытья-то тѣмъ пѣснямъ не было. А со мной все заигрывалъ, сердешный. Таково-то мнѣ жутко стало; и румянецъ-то у меня пропалъ, и вся-то я перехудала.... По цѣлымъ по ночамъ не сыпала: лежу— все объ немъ думаю. Больно онъ меня зазнобилъ своей кра-

Digitized by Google

сой, родимый! — Ну, дѣвынька, извѣстно.... барскій глазъ!.... Отъ его милости не укрыдось. Такъ и такъ.... Тутъ ужь мнѣ, дѣвынька, пришла лафа.... Что не день, то праздникъ. Чего—чего мнѣ не дарилъ!.... какъ сыръ я въ маслѣ каталась.—Годъ видно эдакъ шло.... Разцвѣла я какъ маковъ цвѣтъ.

Осипъ.

А потомъ уѣхалъ-съ?

Іевлевна.

Вѣстимо. Пожилъ вдосталь, барышню пристроилъ—Анну Ефимовну, матушку утѣшилъ.... И на службу пора! Призвалъ онъ меня передъ отъѣздомъ-то своимъ къ себѣ, обнялъ меня крѣпко, въ губы поцѣловалъ ласково таково, волосы мнѣ пригладилъ. Больно мнѣ горько стало, нида слезы изъ глазъ въ три ручья. А онъ, родной.... «Не плачь!» говоритъ: «не успѣлъ я тебѣ отпускной изготовить.... Да твоей службы», говоритъ, «твоей любви не забуду.... По почтѣ», говоритъ, «вольную тебѣ вышлю!»—А я только гляжу на него, на яснаго сокола, да слезынки за пазуху—капъ, капъ.... (*Всхлипываетъ*).

Прасковья.

Полно плакать-то, баушка! — Ужь не воротишь вѣдь.

Іевлевна *(сквозь слезы)*.

Когда воротишь?.... Только-что уѣхалъ, прислалъ, родной, письмо, что походъ имъ вышелъ. Пошолъ въ чужую сторонушку,—да и возврату не было.

Осипъ.

Убили-съ, Алёна Іевлевна?

Іевлевна

Да.

Осипъ.

А вотъ сказали вы, Алена Іевлевна: апалетъ тогда не носили. Я думаю, виду того еройственнаго не было. (*Слышенъ вдали дѣтскій голосъ:* «Дунька, Дунька! я нашелъ!»).

Digitized by Google

Прасковья.

Пора, чать, и спать укладывать Сашу-то.

Іевлевна *(отирая глаза)*.

И то, пора.... Сашенька! а Сашенька!

Саша *(мальчикъ, лѣтъ пяти, вбѣгаетъ и шлепается на полъ)*.

Прасковья.

Экъ грохнулся!

Іевлевна *(подымая Сашу съ полу)*.

Ну, не плачь, не плачь, родной!

Саша *(реветъ)*.

Ааа.... колѣнку.... ааа.... колѣнку ушибъ....

Іевлевна.

Вишь ты полъ-то какой озарной: ушибъ Сашеньку. Топни въ него ножкой хорошенько! плюнь на него!

Саша.

Ааа.... ааа.... *(плюетъ и топаетъ ногой, продолжая реветь)*.

Іевлевна *(сердито)*.

Да перестань ревѣть-то, рева!

Саша.

Ааа.... Больно!

Іевлевна.

Ну! заживетъ до свадьбы.

Саша *(унимаясь и подходя къ столу)*.

Няня, дай мнѣ орѣховъ!

Прасковья.

Какихъ тебѣ орѣховъ? Видишь, одни кожуры.

Саша.

У тебя въ карманѣ есть.

Digitized by Google

Прасковья.

Нѣтъ у меня ничего въ карманѣ.

Ievлевна *(Сашѣ)*.

Полно ты просить-то! Спать пора!.... Ишь набѣгался, — весь мокрехонекъ. Пойдемъ!

Саша.

Рано еще. Я не хочу спать.

Ievлевна.

Мало ли чего не хочешь!.... Пойдемъ! Я каши молочной припасла,—въ печкѣ тамъ стоитъ. (*Беретъ его за руку*). Пойдемъ.

Саша.

Я не хочу спать.

Прасковья.

Вишь ты раскапризился!

Ievлевна.

Пойдемъ! я тебѣ конфетку изъ сахару стоплю на свѣчкѣ. (*Уводитъ Сашу*).

Осипъ.

Признаться, и меня ужь что-то клонитъ. Преполезная ефто вещица!

Прасковья.

Что такое-съ?

Осипъ.

Да сонъ-то-съ. Съ ефтой вещицей разбиваться не надобно!

Прасковья.

А у насъ клоповъ развелось просто видимо-невидимо. Заснуть не даютъ.

Осипъ.

У насъ во флигерѣ тоже-съ.... Поджигаю, поджигаю имъ, врагамъ, ноги.... Не помогаетъ!... Ужь такіе ефти народы неакуратные!

Digitized by Google

Прасковья.

Хоть бы гитару вы принесли, Осипъ Михалычъ.

Осипъ.

У барина заперта-съ въ комнатѣ, Прасковья Ивановна.

Прасковья.

Ахъ, какая досада!... А гармонью еще не починили?

Осипъ.

Нѣтъ.... сломалъ мошенникъ Андрюшка! (*помолчавъ*). Не угодно-ли орѣшковъ-съ? (*Вынимаетъ платокъ съ орѣхами*).

Прасковья.

Покорно васъ благодарю. (*Беретъ орѣховъ*). Какъ бы ефто аракулъ принести: погадать?

Осипъ *(подвигаясь ближе)*.

Какъ ни гадайте, Прасковья Ивановна, все одно выйдетъ.... Есть одинъ человѣкъ—и тому человѣку вы по самому по сердцу пришли.

Прасковья *(улыбаясь)*.

Полноте ужь вы!

Осипъ.

Ужь это вѣрно такъ. (*Помолчавъ съ улыбкой*). Какъ же-съ.... Прасковья Ивановна.... насчетъ.... какъ-бы оно-съ.... ефто-съ....

Прасковья *(толкая его локтемъ въ грудь)*.

Охъ вы любезники!

II.

Дѣтская. — Саша пьетъ кашу у стола.. Ievлевна оправляетъ постель.

Саша.

А мама съ папой пріѣдутъ скоро?... Мама хотѣла мнѣ гостинца привести.

Ievлевна.

Кушай, кушай! полно разговаривать-то!

Digitized by Google

Саша.

А что же ты конфекту обѣщала мнѣ стопить на свѣчкѣ?

Ievлевна.

А изъ чего я тебѣ стоплю? (*Подходитъ къ столу*). Кушай, кушай!... Сахару у меня нѣтъ.

Саша.

А зачѣмъ же ты говорила?

Ievлевна.

Ну зачѣмъ говорила?... Затѣмъ, что ты непослушный.

Саша.

А я спать не лягу!

Ievлевна.

А я прибью!

Саша.

А я маменькѣ скажу!

Ievлевна.

А не смѣешь сказать.

Саша (*плаксивымъ голосомъ*).

А скажу!

Ievлевна (*ласковѣе*).

Ну полно ты! Пошутить съ тобой нельзя, плакса эдакій!... Кушай что ли?

Саша.

А когда же ты мнѣ конфетку сдѣлаешь?

Ievлевна.

Когда сахару побольше отъ маменьки принесешь.

Саша.

Да она отъ сахарницы не отходитъ, когда чай наливаетъ.... какъ я возьму?

Ievлевна.

Попроси!

Саша.

Да она не дастъ.

Digitized by Google

Ievлевна.

Ты скажи, что для нянюшки!

Саша.

Все не дастъ (*молчаніе*).

Ievлевна.

Ну доѣлъ что ли?

Саша (*сердито*).

Доѣлъ.

Ievлевна.

Ну поди сюда! я тебя раздѣну.

Саша (*жалобнымъ тономъ*).

Няня! мнѣ не хочется спать...

Ievлевна.

Ну, полно, полно, родной! Такъ только кажется тебѣ; а легъ—и уснулъ.... Завтра пораньше встанешь за то. Какъ проснулся,—а ужь маменькинъ гостинчикъ на столѣ лежитъ.

Саша.

Право, няня...

Ievлевна.

Ну перестань, перестань! Поди сюда! (*Раздѣваетъ Сашу*).

Саша.

Ты мнѣ скажешь сказку?

Ievлевна.

Скажу, скажу. (*Укладываетъ ребенка въ постель*).

Саша.

Ну, скажи сказку!

Ievлевна.

Сейчасъ. А ты эдакъ не лежи! За чѣмъ внизъ лицомъ легъ? руки-то зачѣмъ такъ положилъ? Ты лягъ на бочокъ!... Эдакъ не хорошо. Вонъ, Вишняковы дѣточки все эдакъ лежали.... Папенька съ маменькой и умерли; сироточками, родные, остались.

Digitized by Google

САША *(съ испугомъ)*.

Отчего же это, няня?

ІЕВЛЕВНА.

Ну такъ ужъ быть было тому. — Ну поцѣлуй меня! *(цѣлуетъ мальчика)*.

САША.

А вотъ, няня, мама съ офицеромъ долго такъ цѣлуются!

ІЕВЛЕВНА.

А ты развѣ видѣлъ?

САША.

Видѣлъ. Мама сидитъ на диванѣ, и офицеръ на диванѣ; а мама взяла его за шею, да и стала цѣловать — долго такъ, долго.... Я прибѣжалъ, а она меня прогнала оттуда, сказала: «поди въ игрушки играть!»

ІЕВЛЕВНА.

Вишь ты!

САША *(помолчавъ)*.

Няня, а няня! нѣтъ ли у тебя сахарку?

ІЕВЛЕВНА.

Нѣту, сказала — нѣту. Вотъ ты у мамы попроси побольше!... Да какъ не станетъ давать, а ты скажи: «А я папѣ скажу, какъ ты съ офицеромъ цѣловалась!»

САША.

А какъ она не дастъ?

ІЕВЛЕВНА.

Ужь ты только скажи! Дастъ.... И чего ни попросишь у нея, — скажи только: «папѣ, молъ, скажу, какъ ты съ офицеромъ цѣловалась!» такъ все дастъ.

САША.

Такъ я всегда ей такъ говорить стану. И варенья тоже станетъ давать, няня?

ІЕВЛЕВНА.

Тоже. — Ну, ладно, родной. Спи-себѣ! Пора.

САША.

А сказочку-то, няня, скажешь!

Digitized by Google

Ивлевна.

Скажу, родимый, скажу. Лежи-знай! (*садится*).

Саша.

Ты, няня, какую скажешь? Скажи про Лутонюшку!

Ивлевна.

Долга про Лутонюшку.

Саша.

Ну про Аленушку.

Ивлевна.

Какую скажу, ту и ладно.

Саша.

Ну....

Ивлевна (*заунывно*).

Ужь-какъ жилъ-былъ козелъ съ козою. Пошолъ козелъ по лыки; пошла коза по орѣхи. Пришолъ козелъ съ лыками; нѣтъ козы съ орѣхами, нѣтъ козы съ каленьими ...

Саша (*перерывая старуху*).

Я эту сказку знаю, няня. Скажи другую!

Ивлевна.

А я не знаю другой. Подъ эту скорѣе заснешь (*Тѣмъ же заунывнымъ тономъ*). Нѣтъ козы съ орѣхами, нѣтъ козы съ каленами. Добро же тѣ, коза! Нашлю на тя волка. Волкъ нейдетъ козу рѣзать. Нѣтъ козы съ орѣхами, нѣтъ козы съ каленьими. Добро же тѣ, волкъ! Нашлю на тя людей. Люди нейдутъ волка бить; волкъ нейдетъ козу рѣзать. Нѣтъ козы съ орѣхами, нѣтъ козы съ каленьими. Добро же вамъ, люди! Нашлю на васъ медвѣдя. Медвѣдь нейдетъ людей давить; люди нейдутъ волка бить; волкъ нейдетъ козу рѣзать. Нѣтъ козы съ орѣхами, нѣтъ козы съ каленьими. Добро же тѣ, медвѣдь! Нашлю на тя огонь. Огонь нейдетъ медвѣдя палить; медвѣдь нейдетъ людей давить; люди нейдутъ.... (*Помолчавъ*). Сашенька!... Ну, заснулъ,—спитъ. (*Гаситъ свѣчу*).

М. Михайловъ.

Digitized by Google

Пенелопическій лоскутокъ

отъ Редакціи.

Новая ткань Пенелопова обѣщаетъ не уступать въ длинѣ знаменитой древней ткани Пенелопиной, и чуть ли не грозитъ бѣднымъ читателямъ даже безконечностію, а шить изъ нея нечего. Московскія Вѣдомости, послѣ мѣсячнаго молчанія, развернули вдругъ, нечаянно и неожиданно, еще нѣсколько полотнищъ, длинныхъ, длинныхъ, длинныхъ, и мы увидѣли, что ткань ткалась втайнѣ, хотя на виду и не примѣчалось работы. Эти полотнища, la quale opera, выданы, какъ послѣднее слово, зеркальное заключеніе, рѣшеніе, совершеніе, приговоръ, актъ сознанія, однимъ словомъ — конецъ, но увы, тотчасъ оказалось, что конецъ былъ не хазовый: за нимъ выкинуто еще нѣсколько аршинъ съ разсужденіемъ о личностяхъ, которое такъ дѣльно, основательно, гуманно, что мы совѣтуемъ всѣмъ рецензентамъ съ нимъ справляться чаще, а сами перенесемъ его цѣликомъ на страницы нашего журнала. «Не соглашаясь съ кѣмъ-нибудь во мнѣніи, всякій имѣетъ полное право выставлять противное ему мнѣніе такъ, какъ оно ему кажется: онъ можетъ надъ нимъ смѣяться, если оно ему смѣшно, досадовать на него, если оно ему досадно. Онъ можетъ ошибаться, но, по крайней мѣрѣ, онъ избѣгнетъ личностей, сохранитъ достоинство, будетъ столько благоразуменъ, что не подвергнетъ сомнѣнію своего собственнаго дѣла, прибѣгая къ разнымъ собрикетамъ, къ разнымъ выходкамъ, ни мало не касающимся вопроса, къ непонятнымъ намекамъ, выдержкамъ изъ сочиненій своего противника, совсѣмъ сюда не относящихся, наконецъ ко всему, въ чемъ выражается слишкомъ расходившееся самолюбіе. Есть люди, которые такъ самолюбивы, что не могутъ никакъ избѣжать его внушеній: но отъ нихъ требуется, по крайней мѣрѣ, нѣкотораго приличія въ тонѣ; слова, лишенныя болѣе существеннаго достоинства, должны, по крайней мѣрѣ, отличаться спокойствіемъ; кто никакъ не можетъ обойтись безъ личностей (по пословицѣ: утопающій хватается и за соломинку), тотъ пусть, по крайней мѣрѣ, вспомнитъ о читателяхъ, и сдѣлаетъ свои выходки хоть забавными.

«Иногда нужно пояснять свои слова примѣромъ. Представьте себѣ споръ, въ которомъ противники вмѣсто того, чтобы сосредоточить свое вниманіе на спорномъ вопросѣ, будутъ привѣтство-

Digitized by Google

вать другъ друга такъ: ты невѣжда, ты кривой, ты рыжій, маляръ-Ефремъ, и тому подобными любезностями. Скажетъ ли одинъ: по моему мнѣнію это холстина, а не бумага; а другой ему въ отвѣтъ: ты знаешь ли, что такое холстина? да ты былъ ли тамъ-то и тамъ-то?»

Мудрыя правила, любезныя наставленія, тонкія замѣчанія! Ахъ, если бы редакторъ М. В. прикладывалъ ихъ чаще къ тѣмъ статьямъ, кои онъ у себя помѣщаетъ, и помнилъ ихъ тверже, когда пишетъ свои. Но нѣтъ! На дѣлѣ выходитъ противное. Всѣ мы видимъ ясно сучья въ глазахъ ближняго, а своихъ бревенъ не примѣчаемъ! Описаны были, напримѣръ, картоны, и представлены доказательства, почему можно считать ихъ Рафаэлевыми или Рафаэлевскими. Преступленія большаго тутъ не было: мало ли картинъ приписывалось тѣмъ или другимъ мастерамъ, и мало ли есть опроверженій всякаго мнѣнія. Если мы ошибаемся безпрестанно въ произведеніяхъ Суздальскихъ иконописцовъ, то мудрено ли ошибиться въ Рафаэлѣ или Корреджіо! И сказать бы просто: мнѣніе неосновательно, по такимъ-то причинамъ. Нѣтъ, Московскія Вѣдомости напечатали: это — навязыванье, это — дружба, здѣсь нужны другіе аршины! Причины ихъ были опровергнуты. Не такъ, не такъ, восклицаютъ Московскія Вѣдомости, вотъ какъ надо было отвѣчать намъ,—и приводятъ слова Петра Перваго: Данилычъ, Данилычъ! И этого не умѣлъ ты сдѣлать! Почему же Редакція Москов. Вѣдомос. не приложила своего кроткаго примѣчанія къ этимъ строкамъ? А какъ бы кстати было сказать: «всякая личность въ литературномъ спорѣ должна считаться признакомъ, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ хорошаго тона, не совсѣмъ хорошаго вкуса». Но зачѣмъ далеко ходить намъ за примѣрами, въ доказательство, какъ легко давать уроки, и какъ трудно исполнять ихъ: въ послѣдней статьѣ, назначенной быть образцемъ и хорошаго тона, и хорошаго вкуса, не говоря уже о тѣхъ двухъ, коими вызвана статья Москвитянина, мы читаемъ слѣдующее замѣчаніе о переводѣ мѣста изъ Вазари:

«Читатели, конечно, удивлены предложеніемъ, которое начинается словомъ: *Которая*. Относительное мѣстоименіе *который* употребляется по Русски въ началѣ предложенія!

«Неужели и здѣсь надобно видѣть что-нибудь серьёзное. Видно, волненіе переводчика было слишкомъ велико, когда онъ забылъ даже сослаться на грамматику Востокова. По-Русски, въ началѣ предложенія, никогда не можетъ ставиться относительное мѣсто-

Digitized by Google

именіе *который*, и при переводѣ на Русскій языкъ необходимо употребить указательное мѣстоименіе: сей или этотъ. Неужели точно также и въ минуту болѣе спокойную перевелъ бы авторъ статьи это мѣсто? Сомнительно! Авторъ статьи, обладая знаніемъ Итальянскаго языка, еще болѣе долженъ владѣть Русскимъ языкомъ.

Переводы раздѣляются на литературные и подстрочные, слово» въ слово, которые бываютъ иногда нужны въ спорныхъ случаяхъ, гдѣ переводчикъ не заботится о своемъ языкѣ, а только о возможной близости къ подлиннику и вѣрности. Цитуемый переводъ сдѣланъ именно съ этой цѣлію, о чемъ и *предупреждены* читатели, но рецензентъ М. В. опускаетъ изъ виду подстрочность и учитъ своего противника грамматикѣ (долгъ, правда, платежемъ красенъ, но видно не всегда). Рецензентъ выбралъ это мѣсто съ особенною любовію, con amore, «чтобъ дѣлать свои выходки хоть забавными», и приводитъ другой переводъ неподстрочный, гдѣ употреблено противникомъ то же слово, заключая: не хорошо, г-нъ комментаторъ! А мы заключимъ: не добросовѣстно, г-нъ рецензентъ!

Укажемъ еще на одно мѣсто въ замѣткахъ: «Что касается до историческихъ данныхъ, говоритъ М. В., то ученый, хотя и не вѣритъ въ историческія данныя, но, какъ историкъ, убѣдился въ истинѣ своего предположенія. Онъ дѣлаетъ долгія «историческія наблюденія», и такъ какъ эти наблюденія привели его къ убѣжденію, то въ нихъ надобно видѣть главную силу доводовъ ученаго, хотя онъ и не вѣритъ тому, что его убѣдило»

Это недобросовѣстно, г-нъ рецензентъ, повторимъ мы опять! Не только въ исторіи, но и въ юриспруденціи, и въ жизни, безпрестанно встрѣчаются случаи, когда мы говоримъ, и должны говорить: все это такъ, но нельзя подумать, повѣрить... или: факты обвиняютъ такого-то, но онъ не виноватъ, наружность обманчива, и тому подобное. Слѣдовательно, въ приведенныхъ словахъ нѣтъ ничего ни смѣшнаго, ни страннаго, а смѣшнымъ можно сдѣлать все, лишь была бы охота.

Вставки объ одной соломинкѣ, за которую хватается утопающій противникъ, о двухъ соломенкахъ, на которыхъ хочетъ онъ держаться, объ умилительной привязанности его къ Вазари, о сильномъ волненіи, о душевной бурѣ, о стеченіи народа, въ числѣ доказательствъ, и другія любезности, коими испещрены всѣ замѣтки, хотя и напечатанныя однимъ шрифтомъ, нельзя принять также сильными подтвержденіями благихъ правилъ рецензента.

Digitized by Google

Что же сказать намъ въ заключеніе? Чѣмъ повершить наши замѣчанія? Споръ надоѣлъ, обратившись отъ Рафаэля къ личностямъ, и напрасно М. В. возобновляли оставленное дѣло. Не хорошо въ горячности употреблять лишнія слова, но искажать хладнокровно чужія, гораздо хуже, а пропускать умышленно важныя и распространяться о мелочахъ, какъ будто ничего и не было кромѣ ихъ, не только не хорошо, но даже очень дурно. Браниться стыдно, а бросаться каменьями или камешками, грязью, непозволительно. Сердиться, пожалуй, смѣшно: но *дразнить* недостойно.

М. П.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ.

Князь Меттернихъ въ Брюсселѣ.

Въ Брюсселѣ, на площади Grand Sablon, есть домъ, построенный въ готическомъ вкусѣ, уютный, укромный, покрытый блѣдно-желтою краскою,— самой смиренной наружности. Простое это зданіе, еще недавно почти незамѣчаемое проходящими, сдѣлалось теперь предметомъ всеобщаго любопытства, историческимъ памятникомъ города: — въ немъ живетъ Князь Меттернихъ. ...

Каждый день, по полудни, къ крыльцу этого дома подъѣзжаютъ великолѣпные экипажи, изъ нихъ выходятъ посѣтители, по видимому иностранцы, принадлежащіе къ высшему сословію общества. Пріѣздъ продолжается до самаго обѣда. Стеченіе посѣтителей чрезвычайно велико, и въ чертахъ ихъ замѣтно, что посѣщеніе ихъ не есть только дань учтивости, а усердное поклоненіе, внушенное набожнымъ чувствомъ душевнаго уваженія.

Дѣствительно, иноземцы стекаются теперь въ Брюссель на поклоненіе великому мужу; пріѣзжаютъ воздать ему честь за несомнѣнныя услуги, оказанныя Европѣ, въ теченіе его полувѣковаго поприща; и здѣсь, какъ и во всѣхъ странствіяхъ на поклоненіе, рука объ руку съ набожнымъ усердіемъ идетъ и безпокойное любопытство. Настоящее предвѣщаетъ столько грозныхъ событій въ грядущемъ, что невольно рождается желаніе вопросить о будущности одного изъ тѣхъ великихъ умовъ, которые, долго управляя событіями, привыкли ихъ предугадывать, и заключенія своей прозорливости передаютъ съ совершеннымъ безпристрастіемъ, отличительнымъ признакомъ великихъ умовъ.

«Чтобы прочесть судьбы міра сквозь мракъ, насъ окружающій; «взоры мои,—говоритъ часто князь Меттернихъ съ благородною «скромностію,—взоры мои не проницательнѣе взоровъ того, кто

Digitized by Google

«вздумаетъ разгадывать загадки. Во мнѣ должно видѣть только «живую книгу историческихъ истинъ, которая начинается нашимъ «столѣтіемъ, въ которой есть столько страницъ, сколько протекло «дней съ начала этого вѣка. Читая эту книгу, легко будетъ вывести «заключенія о будущемъ, основанныя на данныхъ прошедшаго.

Въ этой живой книгѣ, какъ называетъ себя князь Меттернихъ, замѣчательнѣе всего безучастное спокойствіе его физіономіи, когда онъ разсказываетъ бурныя событія 1848 года, и слѣдитъ ихъ вліяніе во всѣхъ его отрасляхъ. Когда онъ описываетъ Мартовскія смуты въ Вѣнѣ, которыя принудили его удалиться въ чужія края, разсказъ его, безпристрастный и ясный, какъ лѣтопись, не отзывается ни смущеніемъ, ни горечью, ни грустію Эта твердость души, почерпнутая изъ сознанія исполненнаго долга, придаетъ установленнымъ имъ, но угрожаемымъ нынѣ учрежденіямъ непобѣдимое владычество. Князь Меттернихъ достоинъ теперь удивленія нетолько какъ незыблемая вершина политическихъ убѣжденій, но какъ вершина и сила вѣдѣнія. Безуспѣшныя усилія тѣхъ, которые стремились разрушить его учрежденія, доказываютъ прочность этихъ учрежденій. Послѣ столь жаркой борьбы, совѣщаній, конгрессовъ, разрушеній и сооруженій, зданіе Германіи проявилось снова въ прежнемъ своемъ видѣ, обозначенное неизгладимою мыслію того великаго мужа, который зачалъ и соорудилъ его. По истеченіи трехъ лѣтъ, Франкфуртскій сеймъ, какъ феникъ, возникаетъ изъ своего пепла. Этотъ сеймъ, установленный въ 1815 году, примѣненный къ тогдашнимъ обстоятельствамъ, обезпечивавшій всѣ пользы Германіи, есть дѣло князя Меттерниха; какъ человѣкъ необыкновенно предусмотрительный, онъ создалъ его такъ, чтобы можно было подвергнуть его всѣмъ измѣненіямъ, которыя потребуются обстоятельствами.

Основная мысль этого сейма была соединеніе всѣхъ государствъ Германіи, чтобы общими силами противостать нашествіямъ. Цѣль была достигнута. Внезапно, въ темную зимнюю ночь, съ границъ Франціи явилось грозное провидѣніе. На челѣ его кровавымъ слѣдомъ начертана была бѣдственная цифра 1793. Ужасъ былъ неописанный. Германія возстала, и революція воздвигла амвонъ свой въ церкви Св. Павла въ Франкфуртѣ. Дѣло шло объ основаніи единства Германіи. И что же? единство Германіи еще не основано, церковь Св. Павла (Saint-paulskirche) заперта, а сеймъ 1815 возстановленъ въ полномъ тожествѣ, на тѣхъ же основаніяхъ и въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ въ 1815 году. Случайные Ликурги, собравшіеся въ этой церкви, политики Эрфуртскаго со-

Digitized by Google

бранія и даже члены Дрезденской Конференціи не нашли ничего лучшаго для благоденствія Германіи, какъ отпраздновать воскресеніе возставшаго изъ гроба Германскаго сейма. Проектъ главы Австрійской дипломатіи, цѣль коего была усилить и расширить границы союза воплощеніемъ въ конфедерацію всѣхъ владѣній Австріи, даже этотъ проектъ показался неудобоисполнимымъ, и можно подумать, что Провидѣніе не хотѣло допустить, чтобы какой либо памятникъ ознаменовалъ въ Германіи слѣды революціи 1848 г.

Можно полагать съ нѣкоторымъ убѣжденіемъ, что проектъ этотъ былъ отвергаемъ и прежнимъ первымъ министромъ Вѣнскаго Кабинета, каждый разъ, какъ онъ устранялъ влеченіе мощной своей мысли, чтобы слѣдовать внушеніямъ чисто консервативнаго благоразумія. Онъ непремѣнно постигалъ, что исполненіе этого проекта, придавая Австріи грозное могущество сочлена конфедераціи, лишитъ это государство, въ отдѣльномъ его значеніи, политической самобытности, своеобразія, собственнаго вѣса и вліянія въ равновѣсіи государствъ Европы. Не слишкомъ ли велика эта жертва для Германіи?

Это напоминаетъ остроумное изрѣченіе одной Прусской Патріотки, одаренной рѣдкимъ умомъ, княгини Б. фонъ С. Это случилось въ то время, когда Франкфуртскій Парламентъ, въ числѣ многихъ политическихъ нововведеній, вздумалъ предложить Королю Фридерику Вильгельму вѣнецъ Императора Германіи. Услыша объ этомъ, княгиня воскликнула съ живостію, въ которой просвѣчивалось негодованіе: «О, нѣтъ! Пруссія не должна исчезнуть въ Германіи!»—Что эта умная женщина сказала въ порывѣ патріотическаго изступленія, князь Меттернихъ не разъ, можетъ быть, говаривалъ про себя, думая объ Австріи. Нѣтъ сомнѣнія, что съ 1815 года много подобныхъ сему проектовъ было предложено на разсмотрѣніе этого неутомимаго ума, но почему же не сдѣлано даже и попытки къ ихъ исполненію? Записки Князя объяснятъ намъ это, если можно назвать записками замѣтки, которыя онъ каждый вечеръ кладетъ на бумагу о современныхъ людяхъ, сочиненіяхъ и событіяхъ.

Князь Меттернихъ работаетъ съ юношескимъ рвеніемъ. Онъ трудится теперь надъ сочиненіемъ, которое должно бросить лучъ свѣта на политику цѣлой его жизни. Хотя трудъ этотъ предпринятъ не столько для того, чтобы разрѣшить современные вопросы, какъ для удовлетворенія привычкѣ: давать себѣ отчетъ о всѣхъ предметахъ, по мѣрѣ ихъ проявленія, это сочиненіе броситъ свѣтъ на задушевную мысль великаго Австрійскаго Министра и на тайну его дѣйствій. Оно удовлетворитъ многостороннему любопытству.

Digitized by Google

Когда дѣло идетъ о такихъ лицахъ, какъ князь Меттерних, любопытство это; раздраженное до крайности, насыщается часто разсказами, болѣе или менѣе ложными слухами, болѣе или менѣе преувеличенными. Напримѣръ, развѣ не разсказывали, съ таинственнымъ видомъ, какъ разсказываютъ фантастическія повѣсти Гофмана, что князь Меттернихъ изъ кабинета своего дома на площади des Sablons въ Брюсселѣ, управляетъ дѣлами Австріи, и что онъ диктуетъ резолюціи надворной канцеляріи, посредствомъ тайнаго телеграфа, котораго одна оконечность примыкаетъ къ зеленой конторкѣ его кабинета, а другая къ кабинету директора этой канцеляріи въ Вѣнѣ.

Эта сказка, передаваемая великими политиками гостиныхъ, породила другую небылицу: утверждаютъ, что въ домѣ князя Меттерниха есть огромная мастерская мыслей (Gedanken Schmiede), въ которой выдѣлываются разнородные планы противъ конституціонныхъ и республиканскихъ правленій. Тамъ оттачиваютъ различныхъ родовъ орудія противъ хартій и народныхъ учрежденій.

И такъ, не только востокъ есть колыбель сказокъ и чудесныхъ выдумокъ. Князь Меттернихъ, вовсе не думая о непосредственномъ вліяніи на ходъ государственныхъ дѣлъ, и не желая этого, живетъ въ Брюсселѣ среди своего семейства, посвящая большую часть своего времени наукамъ, которыя онъ всегда любилъ. Жизнь его проста, какъ жизнь человѣка, узнавшаго тщету человѣческаго величія.

Каждое утро, хозяинъ и хозяйка скромнаго домика на площади Grand Sablon, отправляются къ обѣдни, съ своими дѣтьми и слугами. Умилительная картина лучшихъ временъ, напоминающая Родольфа Гапсбургскаго, служащаго литургію въ домовшей церкви своего замка, посреди группы своихъ набожныхъ дочерей. Воздавъ честь и поклоненіе Господу, подателю всѣхъ благъ, по возвращеніи изъ церкви, бросивъ взглядъ на корреспонденцію и на журналы, князь садится завтракать въ 11 часовъ. Ничего не можетъ быть веселѣе, свободнѣе, естественнѣе, этой семейной трапезы. Вечеромъ, за обѣдомъ, князь является человѣкомъ свѣтскимъ, государственнымъ мужемъ, около котораго, въ теченіе сорока лѣтъ, сосредоточивались важнѣйшія дѣла Европы; но поутру, за завтракомъ, князь Меттернихъ, съ непринужденнымъ умомъ и сердцемъ, самый увлекательный говорунъ. Кто хочетъ узнать истинную физіономію князя и его семейства, тотъ долженъ изучать ихъ въ эти минуты. Войдите тогда въ домъ du Grand Sablon,— вы найдете въ немъ образъ мира и семейнаго достоинства.

Digitized by Google

Теперь съ княземъ живутъ только супруга и дочери. Сыновья его въ отсутствіи, за исключеніемъ, впрочемъ, меньшаго, ввѣреннаго попеченіямъ наставника.

Во всѣхъ Европейскихъ журналахъ много писали о богатствѣ князя Меттерниха. Довѣрчивые читатели воображали, что въ его Вѣнскомъ домѣ находились несмѣтныя сокровища, и что Іоганисбергскія лозы покрыты были золотыми гроздами вмѣсто виноградныхъ. Революція разразилась надъ этими прекрасными мечтами, и онѣ разсѣялись. Князь, отъѣзжая изъ Вѣны, получилъ отъ своего банкира весьма умѣренную сумму, которой отъ долженъ былъ ограничиться на скромное содержаніе семейства во все пребываніе въ Англіи. Вмѣсто несмѣтныхъ сокровищъ, Вѣнскіе грабители, нашедши въ домѣ князя только документы на владѣнія и фамильныя бумаги, уничтожили ихъ, а агенты Франкфуртскаго общества «Германія» выпили все, что гостепріимная заботливость князя оставила въ подвалахъ дома изъ Іоганисбергскаго богатства. Теперь изгнанникъ живетъ въ своемъ Брюссельскомъ Retiro доходами, сборъ которыхъ чрезвычайно затруднителенъ въ теперешніе худые и смутные года; и таковъ навыкъ этого возвышеннаго характера, что онъ, прославленный златолюбцемъ, никогда не могъ превозмочь всегдашняго своего отвращенія заниматься собственными дѣлами по имѣнію. Онъ, кажется, забылъ, сколько Австрія должна ему быть признательна за его многочисленныя и блестящія заслуги. На утреннихъ бесѣдахъ онъ разговариваетъ о своемъ семействѣ, о дѣлахъ вообще, но никогда о личныхъ своихъ интересахъ, и какъ только рѣчь коснется этого предмета, онъ уклоняется съ вѣжливою разборчивостію гордости, которая есть отличительная черта его характера.

Послѣ завтрака князь уходитъ въ свой кабинетъ, читать или писать. Онъ читаетъ обыкновенно журналы всѣхъ партій и всѣхъ оттѣнковъ, какъ человѣкъ, знающій цѣну мнѣнія въ современныхъ политическихъ нравахъ, и желающій изучить это мнѣніе во всѣхъ его проявленіяхъ. Мы сказали уже выше, что онъ обо всемъ ежедневно пишетъ свои замѣчанія. Эти замѣчанія походятъ на бюллетени геніальнаго врача о болѣзни Европы, разгадавшаго недугъ, но лишеннаго средствъ его излечить. Въ кабинетѣ его два стола. Онъ переходитъ отъ одного стола къ другому; на одномъ пишетъ, за другимъ читаетъ и размышляетъ, покуда не начнутся по-полуденныя посѣщенія. Удивляясь его любознательной дѣятельности, семейство его опасается вредныхъ для его здоровья послѣдствій. Изрѣдка, и только когда погодный день склонитъ его уступить

Digitized by Google

настоятельнымъ просьбамъ княгини и дочерей, почтенный старецъ, не выносящій движенія экипажа, соглашается выдти, опираясь на руку своей старшей дочери графини Сондаръ, которая провела въ Брюсселѣ осень и зиму, и теперь продлила еще свое здѣсь пребываніе, чтобы пробыть и весну съ престарѣлымъ своимъ родителемъ.

Разговоры съ княземъ Меттернихомъ пріобрѣтаютъ новую прелесть участіемъ въ нихъ княгини, третьей супруги бывшаго Министра. Въ лицѣ ея, строгія черты патриціянки смягчены нѣжнымъ выраженіемъ доброты. Болѣе живая, болѣе воспріимчивая, нежели князь, она представляетъ разительную съ нимъ противоположность. Князь Меттернихъ, какъ вельможа, весьма естественный въ обращеніи, сохранилъ однако ту холодную осторожность, которую дипломатическія занятія цѣлой жизни обратили у него въ привычку. Въ княгинѣ, напротивъ того, проявляется часто какое-то восторженное одушевленіе, озаряющее внезапно рѣчь ея, и можетъ быть, что этой-то пылкости рѣчи, этому отклику чувства въ голосѣ, обязана она тою ненавистью, которую питаютъ къ ней враги ея супруга. Когда Французская революція разлилась почти по цѣлой Европѣ, можно было замѣтить, что княгиня болѣе, нежели князь, подвергалась недовѣрчивости и нападеніямъ нѣкоторыхъ партій. Въ эту эпоху, исполненную тревогъ и событій, княгиня выказала, какъ женщина, такія впечатлѣнія, которыя великій политикъ умѣлъ скрыть.

Не должно однако же судить о частной жизни княгини по ея жизни общественной и оффиціальной. Это два совершенно различныя существованія. Въ домашнемъ быту, княгиня, какъ всѣ женщины ея званія, отличающіяся умомъ и сердцемъ, имѣетъ приверженцевъ во всѣхъ сословіяхъ; и тѣ, которые видятъ, какъ она приноситъ утѣшенія скорбящимъ и помощь несчастнымъ друзьямъ своимъ, убѣждены, что доброта ея души не уступаетъ живости ея ума; но въ жизни оффиціальной, она никогда не встрѣчала въ толпѣ своихъ знакомцевъ эту помѣсь людей преданныхъ, которыхъ называютъ въ свѣтѣ *добрыми пріятелями* (gute bekannten). Всѣ знавшіе ее были или ревностные почитатели, или ожесточенные противники. Это одно изъ тѣхъ существъ, которыя привлекаютъ или отталкиваютъ, потому что они пылки, потому что душа ихъ отсвѣчивается въ каждомъ движеніи ихъ жизни; съ ними невозможно сохранить безстрастную холодность: надобно покориться ихъ вліянію или отвергнуть его.

Чтобы яснѣе обозначить различіе мнѣній или способности чувствовать князя и княгини Меттернихъ, мы разскажемъ слѣдующій случай:

Digitized by Google

Недавно, въ жару политическаго преніа, княгиня съ обычнымъ увлеченіемъ перешла поочередно всѣ событія, предшествовавшія и сопровождавшія послѣднюю революцію. Потомъ кинула пламенный взглядъ въ грядущее и описала его грознымъ и ужасающимъ. Собесѣдникъ ея возсталъ противъ этихъ страшныхъ предвѣщаній, и утверждалъ, что демократы никогда не сдѣлаются демагогагами, и что прошли времена, когда человѣчество покорялось владычеству гильотины. Въ это время князь Меттерних вошелъ въ гостиную.

Вотъ этотъ господинъ, — сказала княгиня своему супругу, съ большимъ одушевленіемъ въ голосѣ,—видитъ въ будущемъ одни только розы,—ничего, кромѣ розъ, на цѣломъ бѣломъ свѣтѣ.

Я васъ помирю,—отвѣчалъ князь. — Вы видите все въ красномъ, этотъ господинъ все въ розовомъ цвѣтѣ. Если грядущее не устлано коврами изъ розъ, оно еще не покрыто и кровавой пеленою!

Эта умѣренность покажется, можетъ быть, удивительною въ устахъ человѣка, который, по мнѣнію многихъ, былъ всегда представителемъ абсолютизма, но она только естественна въ человѣкѣ, который собственнымъ опытомъ извѣдалъ всю власть воли и всемогущество мысли на судьбы народовъ.

Гостиная князя Меттерниха, въ Брюсселѣ, не подчинена никакому оффиціальному этикету. Это блестящій пассажъ, черезъ который, не останавливаясь, проходитъ вся дипломатическая Европа. Въ Брюсселѣ, предупредительность людей государственныхъ, принцевъ, посланниковъ, высшихъ сановниковъ и всякаго рода знаменитостей, болѣе относится къ личности князя и болѣе лестна для него, какъ оффиціальное уваженіе тѣхъ же самыхъ особъ къ первому министру Австрійскаго правительства. Въ этой гостиной сходятся и представители Фламандрскаго дворянства, и избранные горожане, и дипломатическіе агенты, акредитованные при дворѣ Короля Леопольда. Въ одномъ только Брюссельская жизнь князя походитъ на Вѣнскую: онъ принимаетъ визиты, но никогда ихъ не платитъ.

Вотъ очеркъ наскоро жизни того, кто можетъ быть теперь названъ королемъ Европейской дипломатіи, и котораго изгнаніе еще болѣе возвысило, какъ и всѣхъ знаменитыхъ изгнанниковъ нашего плачевнаго времени. (Изъ Indépendance Belge).

Всемірная выставка прежде всего ознакомила весь читающій міръ съ именемъ Г. Пекстона, садовника-зодчаго, какъ прозвали его журналы всѣхъ націй. Два мѣсяца разскащица-молва не уста-

Digitized by Google

вала твердить это имя, и въ цѣломъ свѣтѣ оно стало, если не столь славнымъ, то не менѣе извѣстнымъ, какъ имя Микель-Анджело, который взбросилъ на воздухъ куполъ Пантеона, и повѣсилъ его надъ гробницею Св. Петра.

Теперь черная туча носится надъ увѣнчанной главою Г-на Пекстона, и угрожаетъ затмить лучи его славы. Вотъ въ чемъ дѣло:

Разсмотрѣвъ проекты зданія для всемірной выставки, представленные Англійскими и иностранными архитекторами, коммиссія, опасаясь завлечься въ слишкомъ значительные расходы, привѣтливо встрѣтила мысль: построить огромную теплицу изъ стекла и желѣза. Эта идея принадлежитъ Г. Пекстону.—Для исполненія проекта избранъ былъ архитекторъ—Г. Фоксъ, который развилъ, усовершенствовалъ, дополнилъ прекрасный помыслъ Г. Пекстона, принялъ на себя постройку и прибавилъ къ ней славный трансептъ, возбуждающій единодушное удивленіе всѣхъ посѣтителей выставки.

До сихъ поръ Г. Пекстонъ пользовался одинъ славою сооружителя волшебнаго *Cristal—palau.* — Теперь Г. Фоксъ, окончивъ великій трудъ свой, вздумалъ и свою утомленную главу украсить лучезарнымъ вѣнкомъ извѣстности и бросить нѣсколько тѣни на своего счастливаго сотрудника.

Граждане города Дерби, гдѣ родился Г. Фоксъ, задумали дать ему обѣдъ; приготовленныя къ этому обѣду рѣчи должны были зажечь мину, и взорвать весь избытокъ славы, переданный Г-ну Пекстону болтливою молвою. Этотъ взрывъ обѣщалъ раздолье привязчивой полемикѣ и партіи обѣихъ сторонъ, съ перьями въ рукахъ, только и ожидали открытія арены этого турнира.

Насталъ грозный день. За десертомъ Г. Фоксъ исторически разсказалъ все дѣло, начиная съ зарожденія помысла до окончательнаго его исполненія. Въ этомъ разсказѣ, онъ безъ обиняковъ присвоилъ принадлежащую ему, по его мнѣнію, долю славы, и не признавалъ даже за Г. Пекстономъ первенства помысла, находя его въ оранжереяхъ и теплицахъ, построенныхъ по распоряженію герцога Девонширскаго, у котораго Г. Пекстонъ главнымъ садовникомъ. Г. Пекстонъ, присутствовавшій на этомъ обѣдѣ, молча дозволилъ обобрать себя, и даже при своемъ тостѣ, не нашелъ что сказать, кромѣ нѣсколькихъ шутокъ насчетъ Грагамскаго шара, задѣвшаго за трансептъ. Тѣмъ и кончилось все дѣло. Ожидали ожесточенной битвы,—а увидѣли только строптиваго побѣдителя и смиренную жертву. Г. Пекстонъ, кажется, перегорѣлъ въ лучахъ своей мгновенной славы!

Digitized by Google

Какъ бы то ни было, Хрустальный дворецъ такъ несравненно прекрасенъ, что славу его строителя, безъ грѣха можно подѣлить на двоихъ,—и каждому довольно достанется на долю.

Отъ входа чрезъ трансептъ представляющійся видъ такъ восхитителенъ, что у посѣтителя невольно вырвется крикъ удивленія.

Два вѣковые дуба, которые строитель пріютилъ въ трансептѣ, спасая ихъ отъ сокрушительнаго топора прежнихъ прожектёровъ зданія, какъ будто съ умысломъ поставлены тамъ, чтобы дать сравнительное понятіе о громадности этого храма искусствъ. Ступите шагъ впередъ—и васъ окружаетъ новое очарованіе. Вы въ волшебномъ саду. Пирамиды роскошныхъ цвѣтовъ возвышаются передъ вами, какъ обломки самоцвѣтной радуги. Партеры пестрыми коврами стелются у ногъ вашихъ. Тропическіе цвѣты яркими звѣздами сіяютъ въ изумрудной своей зелени. Все это дышетъ полнотою растительной жизни, подъ говоръ волны, катящейся по уступамъ роскошныхъ бассейновъ, подъ звучный плескъ фонтановъ, подъ немолчный ропотъ свѣтлой струи, тихо льющейся изъ мраморной урны. Толпы статуй, изъ мрамора, бронзы, чугуна, глины, съ изящными формами, въ роскошныхъ позахъ, кроются за бархатнымъ пологомъ цвѣтовъ, или подъ тѣнью густой зелени, и все это обрамлено стѣнами разноцвѣтныхъ тканей, побѣдными знаменами труда и генія современной промышленности, образцовыми издѣліями народовъ цѣлаго міра.

Что можетъ быть эффектнѣе этого огромнаго хрустальнаго фонтана, помѣщеннаго въ центрѣ трансепта. Онъ, кажется, высѣченъ изъ прозрачной волны, а жидкій хрусталь струи его, играя съ лучемъ солнца, похищаетъ его радужные отблески, и дождемъ цвѣтныхъ искръ разсыпается въ воздухѣ. Это волшебная мечта Тысяча и одной ночи.

Здѣсь наслажденіе проникаетъ въ васъ всѣми чувствами. Вы вдыхаете въ себя благоуханія самаго роскошнаго цвѣтника, вы вслушиваетесь въ мелодическій стонъ волны, взброшенной играющими нядами на звонкій хрусталь, и жадно слѣдите слухомъ, какъ эти звуки хрустальной гармоники робко сливаются съ отдаленными раскатами гармонической грозы исполинскаго органа, и нѣвучихъ трубъ Сакса. Зрѣніе поражено прелестью формъ, блескомъ и изысканностію цвѣтовъ, прихотью вкуса всѣхъ націй!

Прибавьте къ этому движущійся цвѣтникъ толпы, всегда новой, всегда разнообразной, и вы сознаетесь, что можно терпѣливо сносить и угольный чадъ улицъ и туманы Лондонскаго Іюня, чтобы насладиться этимъ обворожительнымъ зрѣлищемъ.

Digitized by Google

Сколько цвѣтовъ, сколько прекрасныхъ тканей, ковровъ, статуй, вазъ. Взоръ утомляется въ этомъ лабиринтѣ изящнаго, избалованный вкусъ надолго сохранитъ свое разочарованіе среди посредственностей обычной жизни, и самая память, пораженная красотою общаго, не съумѣетъ уловить прекрасныхъ очерковъ и отличительныхъ достоинствъ частностей.

Въ отдѣленіи скульптуры много прекрасныхъ статуй. Американскія произведенія въ этомъ родѣ занимаютъ почетное мѣсто на выставкѣ. Греческая невольница (the greck slave) произведеніе Американскаго художника Повера, сдѣланная въ Римѣ и привезенная въ Лондонъ два года тому, имѣла здѣсь чрезвычайный успѣхъ. Статуя продана, какъ сказываютъ, за 2,000 ф. ст.

Лучшія произведенія Французской скульптуры суть группы: собакъ, змѣй и дѣтей А. Лешена. Говорятъ, что за эти двѣ группы и право ихъ возпроизведенія (копіи) заплачено 25,000 франковъ. Фавнъ Лекена, Св. Георгій, поражающій змія, Дюсеньера, и нѣсколько группъ Этекса достойны вниманія любителей и похвалы знатоковъ.

Бельгійскій скульпторъ, Г. Симонисъ, отличился въ грандіозномъ стилѣ статуею Готфрида Бульйонскаго, а въ наивномъ, двумя мальчиками, о которыхъ мы уже говорили въ краткомъ обозрѣніи выставки. Выраженіе одного изъ этихъ мальчиковъ съ прорваннымъ барабаномъ, такъ естественно, что работники засматривались на него, и одинъ старый плотникъ, полагая, что никто изъ его товарищей этого не видитъ, поцѣловалъ мраморнаго ребенка, воскликнувъ: poor little boy! (бѣдный мальчикъ). Завидная похвала искусству художника.

Мы не беремъ на себя заботы описывать всѣ замѣчательные предметы выставки, тѣмъ болѣе, что очень многіе изъ нихъ извѣстны уже публикѣ изъ другихъ журналовъ; мы ограничимся только исчисленіемъ предметовъ, которые первенствуютъ тамъ, по одному изъ трехъ правъ на вниманіе: *изяществу*, *пользѣ* и *эксцентричности*. Можетъ быть, мы многаго пропустимъ, многое не замѣтимъ, по недостатку или неполности получаемыхъ нами свѣдѣній; но, по крайней мѣрѣ, мы постараемся быть безпристрастными въ этой борьбѣ промышленности 78 образованныхъ націй. Вотъ эти предметы:

Модель пловучей церкви, устроенной для моряковъ въ Филадельфіи.

Фонтанъ изъ Кельнской воды (Eau de cologne) Г. Роленда.

Телеграфъ Американскихъ гостинницъ, коимъ проволоки всѣхъ нумеровъ сведены къ одному колоколу, который звонитъ число того нумера, гдѣ дернутъ звонокъ.

Digitized by Google

Платокъ, сотканный на фабрикѣ Г-жи Реатлѣ, изъ нитокъ, которыхъ фунтъ стоитъ 4,000 франковъ.

Обломки монументальнаго графина, въ которомъ человѣкъ могъ бы плавать.

Красныя рыбки въ клѣткѣ и птицы въ бокалѣ (Лондонъ).

Модель кладбища: the national necropolis, съ помѣщеніемъ на пять милліоновъ труповъ (Лондонъ).

Рубашка, на груди которой вышиты всѣ монументы Испаніи, каѳедральные храмы, театры, Эскуріалъ и Алгамбра (Англія).

Волянъ платья изъ Бельгійскаго кружева, на исполненіе рисунка коего потребно было 4,260 коклюшекъ. Другое платье изъ Брюссельскаго кружева, съ фабрики Вандерлекена, проданное за 45,000 франковъ.

Кремптонова локомотива, вѣсомъ въ 37 тонпъ.

Голландскія полотна и ковры.

Астрономическіе часы упрощеннаго механизма.

Модель вагона, который можно сейчасъ остановить, Амстердамскаго мастера Клаксена.

Подражанія Китайскимъ лакамъ (Нидерланды).

Двери, колосальныя вазы и мебель изъ малахита (Россія).

Ювелирныя и серебряныя издѣлія (Россія).

Черный алмазъ.

Оконныя стекла Мерешаля изъ Метца.

Механическій болванъ для портныхъ, принимающій по произволу мастера всѣ формы особы, съ которой снята мѣрка, стоющій около 44 тысячъ рублей серебромъ.

Одѣяло на ноги, которое можно смятое захватить въ горсть и надъ которымъ четырнадцать работницъ трудились девять мѣсяцевъ.

Огромная музыкальная труба, трехъ метровъ въ поперечникѣ и сорока восьми футовъ въ длину цилиндра, изобрѣтенія Бельгійскаго инструментальнаго мастера Сакса, которая издаетъ чрезвычайно громкій звукъ отъ дуновенія человѣческихъ губъ.

Кружевной черный уборъ, заказанный герцогинею Соммерсетъ по рисункамъ Г-жи Куде, въ ящикѣ, украшенномъ гербомъ этой фамиліи.

Англійскіе подпилки по три копѣйки мѣдью за штуку.

Фертепьяна по 25 рублей сереб.

Шведская и Норвежская желѣзная руда.

Эскильстунское холодное оружіе. Стокгольмскія ножевыя издѣлія.

Вытканный изъ шелку портретъ короля Оскара 1-го.

Digitized by Google

Мотокъ льняныхъ нитокъ въ 4,000 Французскихъ локтей (aune) длиною, вѣсомъ въ полъ-унціи, выпряденный Шведскою крестьянкою.

Статуя юнаго пастуха, Шведскаго скульптора Г. Молина.

Англійская машина для приготовленія конвертовъ для писемъ. Машина обрѣзываетъ, складываетъ и склеиваетъ конверты.

Листъ бумаги въ 300 метровъ длиною.

Снарядъ Вагнера, съ помощію коего становится ощутительнымъ и опредѣляется возрастаніе быстроты при паденіи тѣлъ.

Ліонская матерія съ узоромъ по золотому фону, стоющая по сту рублей серебромъ Французскій локоть, и вообще всѣ предметы Ліонскихъ мануфактуръ.

Тарелки изъ расписаннаго фаянса по одному пенни за штуку.

Бѣдный мальчикъ, статуя Г. Симониса.

Опустошеніе Іерусалима, по образцу Робертса. Эта литографія красками есть произведеніе Бельгійскаго художника Луи Гега, рисовальщика Англійской королевы, и имѣетъ уже на 100 тысячъ франковъ подписчиковъ.

Машина, выдѣлывающая иглы.

Толедскій клинокъ шпаги, свернутый улиткой въ футлярѣ.

Вертикальный типографическій прессъ, отпечатывающій по 10,000 экземпляровъ въ часъ.

Механическая собака-автоматъ *à la Vaucanson*, сдѣланная, чтобы замѣнить умершую собачку Леди Герріетъ Шеперсъ.

Канапе изъ каменнаго угля.

Анатомическіе препараты доктора Анзу. Человѣкъ изъ картонной массы, который раскладывается на 1,700 частей, и жукъ, составленный изъ 128 частей.

Образцы мраморовъ, изъ коихъ построены всѣ извѣстныя зданія въ Греціи.

Бриліантовый головной уборъ королевы Испанской, работы Г-жи Лемонье.

Косточка Италіянской вишни, на которой вырѣзаны рельефомъ портреты 12-ти Италіянскихъ поэтовъ.

Англійская глиняная посуда.—Подражаніе Японцамъ.

Шляпа изъ Флорентинской соломы, купленная Лордомъ Пемброкомъ за 5,000 франковъ.

Англійскія бумажныя рубашки по одному шиллингу.

Севрскія вазы. Чайныя приборы изъ фарфора, называемаго яичной скорлупою.

Новыя Ліонскія ткани, названныя туманными тканями или Crêpe aërophane.

Digitized by Google

Мужское или женское полное одѣяніе изъ шерсти, по три съ половиною рубля серебромъ уборъ.

Типы всѣхъ употребляемыхъ въ мірѣ буквъ, изъ Вѣнской Императорской типографіи.

Топографическія карты Парижскаго военнаго депо.

Рояль изъ розоваго дерева съ украшеніями изъ бронзы и подъ чернью, съ фабрики Эрарда.

Растенія, сохраненныя сдавленіемъ (par compression) по способу Г. Массона.

Выпуклые планы (enrelief) доковъ и гавани въ Ливерпулѣ.

Модели паркетовъ Русскихъ, Бельгійскихъ, Парижскихъ мастеровъ.

Хрустальный фонтанъ въ срединѣ трансепта съ Бирмингамской фабрики.

Богемскій и Англійскій хрусталь.

Портреты королевы Викторіи и принца Альберта, вытканные изъ шелка на станкѣ (Ліонъ).

Превосходно Седанское сукно съ фабрики Г. Бако, по 4 франка за метръ.

Французскія шали, подобіе кашемирскихъ, такъ тонкій, что ихъ можно продѣть въ кольцо.

Флорентинскія твердые камни (pièrres dures). Римскія Мозаики.

Статуи и группы: Амазонка Кисса; Греческая невольница Повера; Вакханка Глессингера. Фринея и другія статуи Прадье; собаки Лешена, Готфридъ Бульйонскій Симониса; голодъ, холера—Этекса.

Англійская машина для чески шерсти Гг. Линча и Инглиза.

Турецкіе ковры, вѣчный образецъ для насъ прочностію, комфортомъ и неподражаемою яркостію цвѣтовъ.

Оружіе Льежскихъ фабрикъ.

Художественныя издѣлія изъ бронзы, Барбедьена; копіи въ уменьшенномъ масштабѣ Кола.

Рефракторъ Мюнхенскихъ мастеровъ Метца и сына; ихъ микроскопъ, увеличивающій предметъ въ 1,800 разъ.

Константинопольскія сѣдла и оружіе.

Чудовищный контр-басъ въ 5 метровъ вышины, на которомъ хватки на грифѣ берутся посредствомъ клавіатуры ключей.

Англійскія поддѣльныя кружева, отъ 1 пенни до 5 шиллинговъ за одинъ ярдъ.

Каминъ изъ бѣлаго мрамора съ изваяніями, принадлежащій королю Бельгійскому.

Инструменты, изобрѣтенные и усовершенствованные Саксомъ.

Digitized by Google

Регуляторъ Детуша изъ Парижа и его математическіе инструменты.

Англійскія мозаики изъ цвѣтнаго и золоченаго стекла, въ родѣ тѣхъ, которыми украшены стѣны церкви Св. Марка въ Венеціи.

Модель храма Св. Софіи въ Константинополѣ.

Перочинный ножичекъ съ 300 лезвеями.

Маякъ съ выпуклымъ рефракторомъ, отражающій свѣтъ простой лампы Карселя на двѣнадцать миль.

Телескопъ Росса, огромнѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ.

Огромный магнитъ, поднимающій 300 киллограммовъ.

Шитый Берлинскою шерстью коверъ, для королевы Викторіи, 150-ю Англійскими дамами. — Эксминстерскіе ковры.

Платья и шали изъ шерсти кашемирскихъ козъ, разведенныхъ Принцемъ Альбертомъ въ Виндзорѣ.

Огромныя глыбы камней, повѣшенныя внѣ зданія, которыя единственно силою сцѣпленія Вестминстерской бѣлой извести (ciment white) держатъ другіе огромные же камни отъ двухъ до трехъ квадратныхъ метровъ въ объемѣ.

Кататоптрическіе и діоптрическіе снаряды для морскихъ маяковъ.

Ко-и-нуръ, — величайшій въ свѣтѣ алмазъ.

Китай вовсе ничего не прислалъ на выставку; Китайскіе предметы, находящіеся въ Cristal palace, собраны по магазинамъ и заняты въ частныхъ домахъ, на время выставки. Англійскій Консулъ прислалъ изъ Китая нѣсколько сырыхъ произведеній: красную мѣдь, воскъ, шелкъ, пеньку, зерно и химическіе препараты.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о театрѣ. Театръ Королевы находится въ срединѣ одной изъ фашіонабельныхъ частей города, называемой Гей-Маркетъ. Зданіе перестроено въ 1820 году. Наружность, украшенная портикомъ, величественна. Ковентгарденскій театръ построенъ въ 1808 году. Портикъ его есть подобіе портика храма Минервы въ Аѳинскомъ Акрополисѣ. Внутренность зданія недавно передѣлана.

Долго въ Лондонѣ былъ только одинъ театръ Итальянской оперы, театръ Королевы, которымъ дирижируетъ Г. Лоттей. Нѣсколько лѣтъ тому, когда знаменитый Импресаріо поссорился съ нѣкоторыми актерами, Ковентарденскій театръ, передѣланный для оперы, вступилъ съ нимъ въ состязаніе. Журналы много говорили о сумазбродствѣ Г. Делафильда, который въ это предпріятіе убилъ цѣлое свое наслѣдство. Два милліона поглотила бездна этого труднаго соперничества. Ветераны Итальянскихъ артистовъ

Digitized by Google

составили тогда общество и начали давать представленія въ этомъ театрѣ; потомъ нѣкто Г. Гай взялся за это дѣло, и теперь, благодаря Маріо, къ которому публика такъ расположена, благодаря двадцатилѣтней привычкѣ Г-жи Гризи вынуждать аплодисменты, благодаря, наконецъ, какому-то влеченію Королевы къ этому театру, болѣе нежели къ тому, который носитъ ея имя, и по милости нѣсколькихъ пьесъ Мейербера, въ которыхъ удачно распредѣлены роли, дѣла Ковендгарденскаго театра недурны.

Кто не видалъ огромныхъ залъ Италіянскихъ театровъ: La Scala, San Carlo, Fenice, тотъ будетъ пораженъ величественными размѣрами Лондонскихъ театровъ—Королевы и Ковентгарденскаго. Въ her Majesty's Theater пять этажей ложъ, числомъ до двухъсотъ. Внутренность ложъ обита Персидскою матеріею, по бѣлой землѣ въ густой узоръ, что представляетъ прекрасный видъ, но вредитъ туалетамъ дамъ, которыя вынуждены надѣвать вѣчно черное платье, какъ наиболѣе эффектное въ этой рамкѣ. Атласный съ золотымъ узоромъ завѣсъ украшаетъ отверстіе ложи. Въ Ковентгарденской залѣ, которая не такъ велика, завѣсы и обои пунцовыя.

Въ Италіянскихъ театрахъ, билетъ въ партеръ (pitt), стоющій три рубля серебромъ, даетъ право посѣщать всѣ мѣста театра, за исключеніемъ райка. Съ этимъ билетомъ можно посѣщать знакомыхъ въ ложахъ. Билетъ въ нумерныя стали оркестра (ближній къ сценѣ рядъ креселъ) стоитъ одинъ фунтъ стерлинговъ. Въ партеръ ходятъ и дамы, но должны быть безъ головныхъ уборовъ,—въ волосахъ. Мужчинамъ дозволены въ одеждѣ только черный и бѣлый цвѣта. Цвѣтная полоска на галстукѣ или жилетѣ преграждаетъ входъ. Въ залѣ Королевскаго театра помѣщается до трехъ тысячъ зрителей. Оркестромъ Ковентгарденскаго театра дирижируетъ знаменитый капельмейттеръ Коста, который былъ душею интриги противъ Королевскаго театра.

Фиделіо Бетговена даютъ на обоихъ театрахъ. L'enfant prodigue Обера переведенъ для Англичанъ на Итальянскій языкъ и явился здѣсь подъ скромнымъ названіемъ: Il prodigo. Переводъ либретто лишилъ музыку во многихъ партіяхъ той соотвѣтственности, даже можно сказать созвучія словамъ, которая такъ удачна въ Французскомъ текстѣ. Актеры затрудняются, согласуя пѣніе съ другимъ порядкомъ слоговъ въ словахъ, и измѣняя противъ прежняго минуты, чтобы перевести духъ. Г-жа Зонтагъ исполняетъ здѣсь роль, созданную въ Парижѣ Г-жею Дамеронъ. Талантъ ея не увядаетъ.

Digitized by Google

Г-жа Угальдъ имѣла въ Лондонѣ большой успѣхъ. Парижскія романическія приключенія не повредили этой актрисѣ въ странѣ строгихъ нравовъ. Англичане уважаютъ добрые нравы въ закулисной области, но многіе изъ нихъ, потерявъ къ актрисамъ уваженіе, тѣмъ болѣе ихъ любятъ. Голосъ Г-жи Угальдъ отзывается утомленіемъ и ничего не выигралъ въ этой огромной залѣ, но музыкальная энергія, изумительная живость и счастливая смѣлость этой кантатрисы, снискали ей всеобщее расположеніе. Колетти слишкомъ пасмуренъ въ роли веселаго жреца. Гордони слишкомъ бережетъ свой звучный теноръ. У него не дождешься этихъ порывовъ, этихъ Slancio, которые увлекаютъ слушателя.

Софья Крувелли, эта олицетворенная музыкальная драма, полная любви, полная преданности къ своему искусству, эта юная пѣвица, которая вскорѣ будетъ несравненна, часъ отъ часу лучше, внятнѣе передаетъ звучнымъ своимъ голосомъ волненія пылкой души. И что же, — толпа часто и не замѣчаетъ совершенствъ ея таланта. Въ Англіи нравится только искусство, освященное похвалами преданій. Для Англичанъ, въ искусствахъ только то хорошо, что цѣлая Европа признала прекраснымъ.

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Павловская промышленность.

Кому не извѣстны Павловскія издѣлія? Почти всякій изъ насъ обѣдаетъ съ Павловскими ножемъ и вилкою, чинитъ перо Павловскимъ ножичкомъ, носитъ платье, скроенное Павловскими ножницами, запираетъ свои пожитки Павловскимъ замкомъ, съ нѣкотораго времени и бриться стали Павловскими бритвами. Сподручно сбывать свои произведенія досужимъ Павловцамъ: Нижегородская ярмарка подъ бокомъ, къ тому же сосѣди ихъ, Вязниковскіе и Гороховскіе афени, снуя вѣкъ свой вдоль и поперегъ по Русской землѣ, доходя до Иркутска и Кяхты, разносятъ въ коробкахъ своихъ Павловскія издѣлія и извѣстность села Павлова. Тысячъ десять дюжинъ двулезвейныхъ перочинныхъ ножей Павловскихъ Персіяне ежегодно увозятъ съ Нижегородской ярмарки въ свою сторону, гдѣ затупивъ имъ остріе, дѣлаютъ своего рода вилки. Павловскіе замки, врѣзанные въ Павловскіе же и Макарьевскіе сундуки, идутъ въ Бухару, Хиву, Ташкентъ; даже на границахъ Афганистана находили эти сундуки, и видали, какъ дивуются туземцы звону отпиравшаго и запиравшаго хитростнаго замка Павловскаго.

Горячіе поклонники села Павлова называютъ его Русскимъ Бирмингамомъ. Преувѣличено это сравненіе, но тѣмъ не менѣе Павлово все-таки чрезвычайно замѣчательно по своей промышленности. Велико это селеніе, широко раскинулось оно по красивому высокому берегу Оки, въ немъ насчитается болѣе тысячи домовъ, болѣе 700 слѣсарныхъ верстаковъ, болѣе 7000 населенія, но все-таки одному селу не сдѣлать того огромнаго количества металлическихъ издѣлій, которое ежегодно расходится по бѣлу свѣту подъ названіемъ Павловскихъ. Сосѣднее съ Павловымъ село Ворсма и еще тридцать два селенія Горбатовскаго уѣзда (Нижегородской губ.) занимаются приготовленіемъ этихъ произведеній. Большая часть этихъ селеній принадлежитъ Графу Шереметеву, 7 населены государственными крестьянами.

Павловскій *слѣсарный* округъ занимаетъ до 200 квадратныхъ верстъ и ограничивается рѣками Окою и Кишмою, кромѣ того Тумботинскій приходъ на лѣвой сторонѣ Оки противъ Павлова. Въ округѣ этомъ заключаются слѣдующія селенія:

Digitized by Google

1. *Павлово* село, въ немъ.	1037 дворъ.	5,870 населен. обоего пола.	1,200 прибл. работниковъ	700 верстаковъ	
2. Меленки дер.	42	340	—	30	домов съ слес. работами
3. Заплатина дер. . . .	48	321	—	43	—
4. Завалищи дер.	30	231	—	25	—
5. Таринская дер. . . .	25	223	—	10	—
6. Крюкова дер.	22	184	—	15	—
7. Бобровское дер. . . .	12	97	—	7	—
8. Долгова дер.	12	76	—	6	—
9. *Тарка* село.	120	823	—	64	—
10. *Ворсма* село.	430	2,921	« 300 »	247	верстак. и 200 куз.
11. Ясенцы дер.	59	412	—	30	домов съ слес. замед.
12. Коровина дер.	58	424	—	33	—
13. Долоткова дер. . . .	23	123	—	22	—
14. Ворвань дер.	25	265	—	7	—
15. Кишкина дер.	33	263	—	6	—
16. Кишемская дер. . . .	22	120	—	2	—
17. *Рыбино* село.	74	273	—	12	—
18. Булатникова дер. . . .	44	291	—	38	—
19. *Давыдков. дальн.* село.	57	366	—	10	—
20. *Давыдк. ближн.* село.	111	746	—	100	—
21. Каликино дер.	47	307	—	11	—
22. *Ярымово* село.	86	519	—	7	—
23. *Мартово* село. . . .	60	325	—	30	—
24. Мартово дер.	57	363	—	19	—
25. *Золино* село.	66	486	—	42	—
26. Богданова дер. . . .	49	333	—	10	—
27. *Тумбатино* село. . .	100	740	—	93	—
28. Хрѣново дер.	35	273	—	30	—
29. Санницы дер.	53	307	—	40	—
30. Козловка дер.	17	120	—	10	—
31. Шульгина дер	15	98	—	6	—
32. Щербинина дер. . . .	50	321	—	10	—
33. *Панино* село.	172	1167	—	2	—
Всего . .	3,091	—19,736	—1,500—	947	верстак.
				200	кузниць.
				800	дворовъ.

Полагая на два двора въ деревняхъ только по три верстака, получимъ цифру 1,200; всего же верстаковъ около 2,150, и сверхъ того 200 кузницъ для чернодѣльной работы.

Digitized by Google

Земля здѣсь суглинистая, мѣстами песчаная, хлѣбъ родится плохо и требуетъ сильнаго удобренія. Въ большихъ селеніяхъ ее къ тому же мало, такъ напримѣръ при селѣ Ворсмѣ ее считается только 2,845 десятинъ, т. е. менѣе двухъ десятинъ на ревизскую душу. Въ Павловѣ немного побольше, но все менѣе трехъ десятинъ.—Землю эту отдаютъ въ кортому немногіе жители, занимающіеся хлѣбопашествомъ. Такихъ въ Ворсмѣ не болѣе 65 семействъ, въ Павловѣ десять. Берутъ землю Павловскую въ кортому и жители сосѣднихъ деревень, которые платятъ за то отъ полутора до двухъ рублей ассигнаціями за четверть (1). Въ самомъ селѣ Павловѣ лошадей почти не держатъ, ибо онѣ не нужны; мастеровому человѣку некуда ѣздить, ибо сбытъ его работы на мѣстѣ, и много такихъ домовъ найдете вы въ этомъ селѣ, которые обвѣтшали и почти развалились уже, не видавъ на своемъ, поросшемъ травою, дворѣ лошади; при многихъ домахъ и воротъ нѣтъ, одна калитка для прохода людей и коровы. — При такомъ порядкѣ вещей навозъ въ Павловѣ дорогъ, землепашцы платятъ копѣекъ по 20 ас. за возъ. Сѣно съ обширныхъ прі-окскихъ луговъ идетъ на прокормленіе коровъ, и большею частію отвозится въ лодкахъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ во время ярмарки вѣренъ и выгоденъ сбытъ его. — По деревнямъ есть семейства, которыя преимущественно занимаются земледѣліемъ, но и тутъ по зимамъ земледѣльцы садятся за верстаки. Въ приведенной выше таблицѣ подъ именемъ дворовъ съ слѣсарными заведеніями разумѣются такіе, которыхъ хозяева исключительно уже занимаются слѣсарничествомъ, вовсе незная сохи. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, напр. Меленкахъ, Заплатинѣ, Крюковѣ, занимающіеся земледѣліемъ передаютъ заботу о землѣ старикамъ, а сами только недѣли на двѣ въ лѣто оставляютъ верстакъ для пашни. — Впрочемъ, землепашество и здѣсь считается выгоднымъ. Вотъ что сказалъ мнѣ одинъ крестьянинъ въ Меленкахъ: «какъ бы земли было вдоволь, кто бы сталъ «за верстакъ; и теперь лошадь есть, такъ и ладно: паши.—Ста«рикъ-то больше пашней возметъ, нежели нашъ братъ щипцами; «у него пашня пашней, а мастерство мастерствомъ — вѣдь зимой«то и старички садись за слѣсарную работу».

Нужда, малоземельность—вотъ причины, развившія Павловскую промышленность. И если исключить изъ общаго количества работниковъ—такъ называемыхъ фабрикантовъ, т. е. тѣхъ, на которыхъ работаетъ бѣдность, словомъ если исключить тѣхъ, кото-

(1) Въ десятинѣ полторы четверти.

Digitized by Google

рыхъ народъ зоветъ хозяевами, останется около 20,000 населенія обоего пола, которое въ потѣ лица своего, при тяжкой работѣ въ круглый годъ, едва вырабатываетъ на свое пропитаніе. Бѣдность работниковъ поразительна. Заключеніе Владимірова воеводы Добрыни о богатствѣ ходившихъ въ сапогахъ Болгаръ не могло бы быть отнесено къ жителямъ Павлова, которые непремѣнно всѣ и всегда «въ сапогахъ»; здѣсь это не составляетъ признака довольства: работаетъ Павловецъ дома босикомъ, сапоги же надѣваетъ отъ только выходя изъ дому, а ему домосѣду рѣдко приходится уходить со двора и почти никогда вонъ изъ села. Сапоги для него дешевле лаптей. Не смотрите и на то, что этотъ работникъ носитъ ситцевую рубаху, а жена его ходитъ въ ситцевомъ сарафанѣ, это не роскошь; нѣтъ, нужда заставила его одѣваться въ ситецъ; у него нѣтъ земли для посѣва льна, у жены его нѣтъ ни гребня, ни ткацкаго стана, она помогаетъ своему мужу: глянчитъ ножи, полируетъ ихъ. Двадцатикопѣечный (ассиг.) Ивановскій ситецъ дешевле пестряди и холста, которые для Павловца недоступны. Бѣдный работникъ работаетъ на хозяина изъ его матеріяловъ понедѣльно; каждую субботу бываетъ разсчетъ, и онъ получаетъ до 10 р. асс. На это онъ долженъ содержать себя и весь домъ, ибо у него нѣтъ хозяйства: и хлѣбъ, и дрова, и одежда все съ базара. Болѣзнь или другая какая-либо причина остановки въ работѣ повергаетъ его въ безъисходную бѣдность.

Другой разрядъ работниковъ, которые работаютъ на себя или же по заказамъ фабрикантовъ. Имѣя маленькія деньги, онъ покупаетъ свои матеріялы и продаетъ издѣлія по вольной цѣнѣ скупщикамъ на базарахъ, раздаетъ въ долгъ афенямъ или сбываетъ богатымъ фабрикантамъ. Въ этомъ разрядѣ рабочаго класса замѣтно довольство; нѣкоторые изъ этого разряда продаютъ свои издѣлія на базарахъ, бывающихъ въ Павловѣ и Вязьмѣ, и сидятъ на мосту на Нижегородской ярмаркѣ. Изъ нихъ одни работаютъ своей семьей, а другіе имѣютъ и работниковъ; разбогатѣвъ въ слѣдствіе счастливыхъ обстоятельствъ, такой мастеровой дѣлается фабрикантомъ.

Павловская промышленность существуетъ издавна: еще при Петрѣ Великомъ здѣсь были слѣсари, которые впослѣдствіи стали дѣлать и ружья, научившись у Туляковъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Павловѣ было 270 верстаковъ, и цѣнность вырабатываемыхъ издѣлій во всемъ слѣсарномъ округѣ доходила до 105,000 руб. асс.; въ истекшей половинѣ XIX ст. особенно развилась эта промышленность. Но не болѣе 25 лѣтъ тому назадъ она получила

Digitized by Google

свою самобытность и усовершенствовалась. До того времени лучшіе мастера издѣлія свои отправляли преимущественно въ Петербургъ къ Канаплю и др.; тамъ на Павловскія издѣлія клали Англійскія клейма, и онѣ преспокойно сбывались за чужеземныя. Ворсменскій крестьянинъ *Ив. Сем. Завьяловъ* своимъ неутомимымъ усердіемъ достигъ извѣстности и первый не убоялся на издѣліяхъ клеймить *свое* имя *Русскими* буквами. Своимъ трудолюбіемъ онъ поборолъ самаго страшнаго для всякаго Русскаго фабриканта врага: предубѣжденіе, что Русскія руки неспособны сдѣлать вещь подобную иноземной. На выставкахъ Петербургскихъ, Московскихъ, Варшавскихъ и Нижегородскихъ—издѣлія Завьялова заслужили особенное вниманіе, и здѣсь всѣ убѣдились, что Русскія руки могутъ дѣлать хорошія слѣсарныя издѣлія, и тогда-то имя даровитаго мастероваго, Завьялова, стало знаемо по всей Русской землѣ.—Требованія на его вещи увеличивались съ каждымъ годомъ, работа кипѣла, и Завьяловъ едва успѣвалъ исполнять многочисленные заказы для Москвы и Петербурга. Съ легкой руки Завьялова пошли въ ходъ и другіе мастера. *Ив. Калякинъ* изъ Павлова, прежде того работавшій на Канапля, и *Петръ Горшковъ* изъ Павлова же, получившій первую извѣстность въ 1843 году на Московской выставкѣ, и доведшій свои издѣлія до такой степени совершенства, что имъ едвали не предется взять первенство предъ всѣми подобными Русскими издѣліями. Эти главные мастера, а также и другіе второстепенные держатъ въ рукахъ своихъ Павловскую промышленность, и масса рабочаго класса совершенно зависитъ отъ нихъ.—Явленіе то же самое, какъ и въ ткацкихъ мѣстностяхъ Шуйскихъ и Ивановскихъ.

Фабрика Завьялова находится въ Ворсмѣ; въ мастерской, находящейся при домѣ, въ которомъ живетъ хозяинъ, находится десять верстаковъ, при которыхъ до 40 рабочихъ, получающихъ жалованья отъ 40 до 150 руб. сер. въ годъ. Кромѣ того фабрикантъ раздаетъ работу и по домамъ, преимущественно односельскимъ рабочимъ. Сталь покупается Англійская въ Петербургѣ, Русская съ заводовъ Боронина и Шмакова въ Ворсмѣ. Той и другой на сумму 4,500 р. въ годъ. Завьяловъ работаетъ большею частію по заказамъ для Петербурга и Москвы, продаетъ также свои издѣлія на Нижегородской ярмаркѣ. Всего въ годъ онъ продаетъ на сумму до 20 тысячъ серебромъ.

На Нижегородскихъ выставкахъ 1837 и 1849 годовъ издѣлія Завьялова были оцѣнены такъ:

Digitized by Google

	На 1-й выставкѣ.	На 2-й выставкѣ.
Стол. ножи 1 сорта за дюж.	отъ 10 до 170 р. с.	отъ 5 до 15 р.
—— —— 2 сорта — ——	отъ 7 — 50 р. с.	
Братвы.....	отъ 4 р. 50 к. до 15 р.	— — — 5 р.
Перочин. ножи за штуку	отъ 70 к. до 8 р. 50 к.	— отъ 50 к. до 1 р 50 к.
Ножницы..... за штуку	отъ 57 к. до 4 р 50 к.	— отъ 70 к. до 1 р 50 к.

Изъ сличенія цѣнъ на издѣлія Завьялова, существовавшія на двухъ выставкахъ, черезъ 12 лѣтъ одна послѣ другой бывшихъ, видно, до какой степени понизились цѣны на произведенія этого фабриканта. Но не упадокъ достоинства ихъ былъ тому причиною, напротивъ, въ 12 лѣтъ Завьяловъ сдѣлалъ значительные успѣхи. Причину пониженія цѣнъ слѣдуетъ приписать: во первыхъ—увеличенію количества выдѣлки вслѣдствіе увеличившейся потребности, во вторыхъ усовершенствованію издѣлій другихъ фабрикантовъ, напр. П. Горшкова и Калякина, которые сдѣлались достойными соперниками Завьялова, въ 1837 году еще не имѣвшаго соперниковъ. Къ тому же цѣнность высшихъ сортовъ издѣлій Завьялова и всѣхъ Павловскихъ мастеровъ зависитъ не столько отъ качества выдѣлки металла, сколько отъ отдѣлки оправы, на которую употребляется разнаго рода матеріялъ отъ оленьяго рога и чернаго или кокосоваго дерева до черепахи, янтаря и другихъ дорогихъ матеріяловъ, отъ простой выдѣлки до работы рѣзной и мозаической. На выставкѣ 1849 года Завьяловъ выставилъ 24 экземпляра, которые отличались достоинствомъ стали и чистотою отдѣлки рукоятокъ, которыя были просты, но затѣйливы, но удовлетворяли требованіямъ самаго образованнаго вкуса.

Завьяловъ извѣстенъ всѣмъ; за свои издѣлія получилъ онъ много наградъ: право употреблять государственный гербъ на своихъ произведеніяхъ, медали, почетный кафтанъ, почетные отзывы. Но самою высшею наградою его было посѣщеніе его мастерской Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ въ Августѣ 1837 года. Проѣзжая черезъ Ворсму, Его Императорское Высочество нарочно остановился въ этомъ селѣ, чтобы видѣть фабрику Завьялова и разсмотрѣть въ подробностяхъ ходъ работъ въ ея мастерскихъ. Въ 1845 году Его Императорское Высочество Герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій, бывши на Нижегородской ярмаркѣ, посѣтилъ лавку Завьялова, въ 1850 году Ихъ Императорскія Высочества Великія Князья Николай и Михаилъ Николаевичи, въ бытность въ Нижнемъ-Новгородѣ, удостоили фабриканта милостивымъ пріемомъ и пожаловали ему драгоцѣнный подарокъ.

Ив. Иг. Калякинъ имѣетъ мастерскую въ Павловѣ. У него 9 верстаковъ; главные работники—онъ самъ и сынъ его—оба ук-

Digitized by Google

рашенные за свое искусство медалями. Кромѣ постоянныхъ работниковъ онъ имѣетъ у себя много мастеровъ, работающихъ въ селѣ Павловѣ по домамъ. Сталь покупаетъ Англійскую въ Петербургѣ, Русскую — въ Ворсмѣ, Горбатовѣ и Нижнемъ-Новгородѣ. Имя его извѣстно на выставкахъ Петербургскихъ и Московскихъ, издѣлія его не уступаютъ Завьяловскимъ. Но вотъ въ чемъ состоитъ преимущество Калякина предъ этимъ главою Павловскихъ фабрикантовъ. — У насъ на Руси ужъ такое заведеніе: мастеровой, когда не богатъ, такъ самъ работаетъ, трудится день и ночь, смотритъ за каждымъ мастеровымъ, за всякимъ его пріемомъ. Богъ благословитъ его, наживетъ капиталецъ, разбогатѣетъ, и зажилъ себѣ бариномъ, самъ пересталъ работать, занялся одними коммерческими дѣлами, обзавелся подмастерьями, да хорошо еще, если попалъ на хорошаго подмастерья, а иногда тутъ-то и бѣда.—Завьяловъ до нѣкоторой степени подвергся этой почти неизбѣжной участи Русскаго человѣка. Калякинъ же съ сыномъ, хотя и разбогатѣли, но до сихъ поръ не оставили мастерской, и работа въ ней постоянно идетъ подъ надзоромъ опытнаго глаза хозяйскаго. Другое обстоятельство: у Завьялова нѣтъ раздѣленія труда, каждый работникъ дѣлаетъ вещь отъ начала до конца, онъ и сталь рѣжетъ, онъ и оттачиваетъ ее и полируетъ, онъ же и рукоятку дѣлаетъ. У Калякина трудъ раздѣленъ, и отъ того работа спорѣе, да и отдѣлка-то чище.

На Нижегородской выставкѣ 1837 года Калякинъ, еще не получившій большой извѣстности, поставилъ ножи столовые за дюжину отъ 7 до 43 р. сер., перочинные отъ 43 к. до 4 р. 63 коп. На выставкѣ 1849 года отъ него было 110 экземпляровъ ножей столовыхъ, перочинныхъ и садовыхъ,—ножницъ и бритвъ. издѣліямъ его была назначена цѣна выше Завьяловской. Калякинъ имѣетъ право выставлять государственный гербъ на своихъ произведеніяхъ (1).

Петръ Ив. Горшковъ—третій изъ главнѣйшихъ дѣятелей Павловской промышленности, имѣетъ мастерскую въ Павловѣ; въ ней 8 верстаковъ, 4 ручныхъ машины, 2 горна, 110 чарковъ, 700

(1) Цѣнность вещей Калякина: столовые ножи съ ручками слоновой кости 1 N—20 р. за дюжину, то же, N 2 съ ручками чернаго дерева 14 руб., десертные ножи съ перламутровыми ручками N 1 за дюжину 24 руб., то же N 2-й 20 р. Ножи перочинные съ ручкой оленьяго рога двулезвейные 50 к. за штуку, трелезвейные 75, съ перламутровымъ черенкомъ о 4 лезвіяхъ 1 р. Садовые ножи съ ручкой оленьяго рога по 2 и по 3 р. Ножницы изъ Русской стали 50 к. и 75 к. Ножъ поварской разъемный 2 рубля.

Digitized by Google

точильныхъ пилъ и до 400 зубрильевъ, шильевъ и долотъ. Горшковъ составилъ себѣ первую извѣстность на Московской выставкѣ 1843 года, потомъ былъ на Варшавской (1845) и на Петербургской 1849, гдѣ обратилъ на себя всеобщее вниманіе, удостоился наименованія придворнаго мастера Двора Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Маріи Николаевны и получилъ право имѣть государственный гербъ на своихъ произведеніяхъ. Въ томъ же 1849 году онъ выставилъ 172 экземпляра на Нижегородской выставкѣ и получилъ почетный отзывъ. Издѣлія Горшкова превосходны, отдѣлка его вещей самой высокой работы; жаль, что она не довольно проста, но бросается въ глаза затѣйливыми формами, иногда при отсутствіи вкуса. Сравнительно съ Завьяловскими и Калякинскими издѣліями, издѣлія Горшкова при равномъ достоинствѣ дешевле, а это также не послѣднее достоинство (1).

Замѣчу другихъ мастеровъ Павловскихъ, имѣющихъ бо̀льшую или меньшую извѣстность. 1) Финеесъ *Воротиловъ*, въ Павловѣ, первый послѣ вышеназванныхъ какъ по обширности производства (6 верстаковъ), такъ и по достоинству издѣлій. Его издѣлія отличаются дешевизною: есть столовые ножи очень хорошіе съ рукольками чернаго дерева въ 3 р. за дюжину, пара бритвъ въ 1 р. 50 к. 2) *Николай Банинъ*, приготовляющій въ Павловѣ однѣ только ножницы всѣхъ возможныхъ родовъ и сортовъ. 3) *Ив. Барановъ* имѣющій мастерскую въ Ворсмѣ, дѣлающій ножи, преимущественно перочинные и садовые. 4) *Ст. Баканов*ъ, государственный крестьянинъ села Рыбица, нынѣ умершій, замѣчателенъ былъ по отличнымъ перочиннымъ ножамъ, дѣланнымъ по Англійскимъ образцамъ, которые были высланы Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ въ Гаркинскую волость для государственныхъ крестьянъ, занимающихся слѣсарною промышленностію. Баканов̀ъ человѣкъ былъ небогатый, но смышленый и трудолюбивый; умеръ молодъ, а на него можно было надѣяться, что пойдетъ далеко.—5) *Ив. Першинъ*, въ Ворсмѣ; работа его очень чиста, но сталь не на всѣхъ издѣліяхъ одинакова. 6) *Вас. Сачковъ*, государственный крестьянинъ села Мартова, дѣлающій очень хорошіе перочинные ножи. 7) *Алфей Воропаевъ* и 8) *Александръ Воро-*

(1) Цѣнность вещей Горшкова: столовые ножи съ мастиковыми и перламутровыми черенками за дюжину 24 р., тоже, слоновой и мамонтовой кости 20 р., то же, съ мраморными черенками 16 р., тоже, съ рукольками чернаго дерева N 1-й—8 р., за N 2-й—6 р., за N 3-й—5 р., за N 4-й—4 р. 50 к., за N 4-й 3 р. 70 к., за N 5-й—3 р. 45 к., за N 6-й—2 р. 86 к., за N 7-й—2 р.

Digitized by Google

паевъ, оба изъ Павлова; у того и другаго производство ножей и замковъ обширное, но еще замѣчательнѣе ихъ 9) третій *Воропаевъ* Ѳедоръ, занимающійся исключительно приготовленіемъ замковъ, доставившихъ ему большую извѣстность: они легки и прочны, чисты по отдѣлкѣ и нѣкоторые отличаются затѣйливыми секретами. 10) Трое *Теребиныхъ*, производящіе огромное количество недорогихъ столовыхъ ножей, распродаваемыхъ на Нижегородской ярмаркѣ и Вязниковскими ходебщиками. 11) *Ив. Кривдинъ*, въ дер. Мелепкахъ, работаетъ самъ съ тремя сыновьями и двумя работниками щипцы для свѣчей сотъ по пяти въ недѣлю. 12) *Якимъ Мордвиновъ* тамъ же, занимается съ пятью работниками тѣмъ же производствомъ (*).

Нельзя сказать, чтобы изъ многочисленныхъ мастеровъ Павлова, Ворсмы и др. селеній только одни Завьяловъ, Горшковъ и имъ подобные могли выдѣлывать отличныя издѣлія. Напротивъ, иногда въ бѣдности, въ безъисходной нищетѣ скрывается такой работникъ, который не только не уступитъ первостатейному мастеру, но даже превзойдетъ его. Но у него нѣтъ ни денегъ, ни извѣстности, и нужда заставляетъ его кормиться работою на богатыхъ, которые раздаютъ матеріялы изъ выработки. Трудно бѣдняку, продовольствующемуся всѣмъ покупнымъ, трудно ему при ограниченной платѣ за трудъ выйдти изъ толпы работниковъ, завести свою самобытную дѣятельность, самому продавать свои издѣлія и стать на ряду съ первостатейными. У него достанетъ и умѣнья и терпѣнья сдѣлать вещь не хуже той, которая, выходя изъ его же дома въ первоначальной степени отдѣлки, только очищается у богача, гдѣ на нее наложатъ пышное клеймо съ государственнымъ гербомъ и именемъ извѣстнаго мастера, и тѣмъ возвысятъ цѣнность въ четыре или пять разъ. — Другой и отдѣлалъ бы свою вещь точно также, и ни одинъ самый опытный глазъ не отыскалъ бы разницы

(*) Кромѣ этихъ замѣчательны по хорошей работѣ: государственные крестьяне села Рыбина—Ермолаевъ и Кирилловы, дер. Булатниковой—Рысевы, села Ворсмы Рогозинъ, Золявинъ, Ив. Рыбаковъ, Ксенофонтовъ Одинцовъ, Ѳ. Панковъ, села Павлова: Спорышевъ и Лапинъ. Все это производители ножеваго товара; изъ замочниковъ замѣчательны Минѣевы, Цвѣтовы, Бронниковы, изъ роду которыхъ былъ извѣстный путешественникъ ко святымъ мѣстамъ, издавшій описаніе своего странствованія. Замѣтимъ здѣсь кстати, что во всемъ слѣсарномъ округѣ всѣ крестьяне имѣютъ фамиліи, не прозванья, какъ это бываетъ въ другихъ мѣстахъ, но фамиліи наслѣдственныя. Здѣсь есть свои аристократы своего рода, фамильная гордость, для которой основа: хорошее мастерство, капиталъ и вклады въ церкви.

Digitized by Google

въ его издѣліи съ издѣліемъ знаменитаго фабриканта, но при его скудныхъ доходахъ, гдѣ возьметъ онъ капиталъ, необходимый и на заготовку матеріаловъ и на собственное обезпеченіе? А потомъ, какъ онъ сбудетъ свои издѣлія при недостаткѣ кредита и извѣстности?— Продастъ скупщикамъ на Павловскомъ базарѣ, отдастъ въ долгъ афенянину? Но ни тотъ, ни другой не дастъ ему хорошей цѣны, а афенянину въ долгъ ему и отдать нельзя. Правда, примѣра не бывало, чтобы ходебщикъ не заплатилъ денегъ при разсчетѣ не только съ подобными мелкими промышленниками, но даже по забору на большія суммы, (безъ всякой росписки), у богатыхъ торговцевъ на Нижегородской ярмаркѣ. Но Павловцу не стать имѣть съ нимъ дѣло: разсчетъ далекъ—мѣсяцевъ двѣнадцать, осьмнадцать. Къ тому же Вязниковецъ наровитъ взять вещь «*подешевле да посердитый*» дай ему вещь съ Англійскими буквами, которыя въ захолустьяхъ принесутъ ему нѣсколько лишнихъ процентовъ барыша.— Какая же тутъ извѣстность? И ставитъ другой на своемъ Русскомъ издѣліи Англійскія буквы часто безъ всякаго смысла, и раскупаются они многими жителями отдаленныхъ мѣстъ, вѣрующими въ сердечной простотѣ въ чужеземное происхожденіе Павловскаго товара. Много такихъ вещей съ Англійскими клеймами уходитъ и въ Персію, и, быть можетъ, иной туристъ, увидѣвъ Павловскій перочинный ножикъ, преобразовавшійся въ Персидскую вилку, подумаетъ, что она завезена изъ родной его Британіи, тогда какъ изъ Павлова свезли ее къ Макарію, а здѣсь купилъ ее Армянинъ или Персіанинъ, да и увезъ во владѣніе Шаха.

Говоря о бѣдныхъ работникахъ, нельзя не упомянуть о *Василѣ Корытцевѣ* изъ Ворсмы и *Василѣ Горшковѣ* изъ Павлова. Корытцевъ прежде работалъ въ мастерской Завьялова; онъ бѣденъ, Горшковъ, кажется, еще бѣднѣе. Случились у Корытцева деньжонки, заслышалъ онъ о Петербургской выставкѣ 1849 года, и слѣлалъ онъ 8 ножичковъ на показъ міру. На бѣду его какъ-то онъ запоздалъ—ножи не попали на выставку; подумывалъ уже онъ продать ихъ на Нижегородской ярмаркѣ въ разносъ, какъ вдругъ дошла до него вѣсть о выставкѣ Нижегородской. Выставкой этой распоряжался я. Какъ теперь помню Корытцова, подошедшаго ко мнѣ несмѣлой поступью, съ робкимъ видомъ, съ какимъ-то недовѣріемъ къ себѣ: въ рукахъ у него было восемь ножичковъ. Въ это время столы уже ломились подъ Павловскими издѣліями, великолѣпныя вещи П. Горшкова красовались по срединѣ, на первомъ мѣстѣ стоялъ патріархъ Павловцевъ—Завьяловъ, рядомъ съ нимъ — Калякинъ: пышныя, золотомъ писанныя вывѣски, государственные

Digitized by Google

гербы висѣли надъ ними, и вниманіе посѣтителей было обращено туда преимущественно; Корытцеву мѣста недоставало. Его вещи однако были приняты, равно какъ и бритвы другаго бѣдняка Вас. Горшкова, тѣ и другія поставлены были на краю линіи металлическихъ издѣлій, у самой двери. Изчезли онѣ въ огромной массѣ слѣсарныхъ вещей, бывшихъ на выставкѣ (до 3,000 экземпл.). При первой свободной минутѣ разсмотрѣлъ я вещи этихъ бѣдняковъ и удивился имъ: и въ отношеніи достоинства стали, и по чистотѣ легкой, изящной, простой и благородной отдѣлки ножи Корытцева далеко превосходили всѣ бывшіе на выставкѣ; бритвы Вас. Горшкова были также превосходны. И что за цѣны: конторскій ножикъ въ отличной перламутровой обдѣлкѣ 1 р. сер., четырехлезвейные перочинные ножи въ черепахѣ и перламутрѣ съ превосходными серебряными насѣчками 1 р., а объ двухъ лезвіяхъ 60 к. Теперь полтора года, какъ я однимъ изъ этихъ ножей рѣжу и перья, и карандашъ, и бумагу—и все, что придется, а онъ все какъ новый. Бритвы Горшкова были по 1 р., а въ черепаховой оправѣ 5 р. Не довѣряя себѣ, я пригласилъ экспертовъ: имъ отдалъ на судъ произведеніе неизвѣстныхъ дотолѣ мастеровъ. Эксперты единогласно признали ихъ лучшими.— На другой же день мастера были представлены Начальнику губерніи; на ихъ издѣліе обращено было вниманіе публики, и тотчасъ же на издѣліяхъ Корытцева и Горшкова появились билеты съ надписью: «*проданы*».—Комитетъ выставки сдѣлалъ для нихъ все, что могъ; назначилъ имъ первыя денежныя награды: Корытцеву 30, а Горшкову 25 р. Но что значили эти незначительныя выдачи этимъ даровитымъ бѣднякамъ? могли ли онѣ выдвинуть ихъ изъ ряда нищихъ—производителей? Но, благодаря Бога, у насъ на Руси такіе люди не остаются безъ помощи и поощренія. Государь Императоръ, усмотрѣвъ изъ отчета о выставкѣ Нижегородской о достоинствѣ работъ Корытцева и Горшкова, Высочайше повелѣть соизволилъ: «заказать Корытцеву ножей, а Горшкову бритвъ на тысячу рублей, для Его Императорскаго Величества». Въ 1850 году Г. Начальникомъ Нижегородской губерніи чрезъ Министра Финансовъ, приготовленныя по сему заказу вещи были представлены Державному Покровителю Русской промышленности. Съ какой наградой можетъ сравниться такая милость Царская для Русскаго человѣка!— О бѣднякахъ заговорили: «ему Самъ Царь заказывалъ ножи, онъ на Царя работалъ»—и этихъ словъ слишкомъ достаточно, чтобы доставить бѣдняку кредитъ и извѣстность. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Корытцевъ и Горшковъ пойдутъ теперь далеко.

Digitized by Google

Матеріялы получаются Павловцами изъ слѣдующихъ мѣстъ: Англійская сталь изъ Петербурга, Русская съ заводовъ Боронина и Шмакова въ Ворсмѣ, Сахариныхъ въ Горбатовѣ и съ заводовъ Нижегородскихъ. На этихъ заводахъ сталь куютъ изъ желѣза Демидовскаго и Юрузанскаго, а также и Катаевскаго. Въ Ворсмѣ выковывается до 7,660 пудъ, въ Горбатовѣ до 4,500 ежегодно. Заводъ Боронина самый старинный въ Нижегородской губерніи, но его сталь ярка и уступаетъ стали Нижегородской, которая, и особенно Рукавишникова и Пятова, отличнаго достоинства: въ полировкѣ чиста, въ изломѣ мелка, равна, безъ раковистыхъ зеренъ и безъ пленокъ.— Польское серебро, мѣдь, черепаха, перламутръ, слоновая и мамотновая кость, оленій и простой рогъ, дерево черное и кокосовое, наждакъ закупаются Павловцами на Нижегородской ярмаркѣ, всего для Павлова, Ворсмы и другихъ мѣстъ на сумму 32,000 р. сер. Угли привозятъ въ Павлово изъ-подъ Горбатова и изъ Владимірской губерніи, а въ другія мѣстности, напр. въ Ворсму, Золино и пр. изъ лѣсныхъ дачъ Графа Шереметева, Горбатовскаго уѣзда, Хвощевской и Панинской вотчинъ; почти половина потребнаго горючаго матеріяла поступаетъ отсюда. Въ Ворсму угли привозитъ по зимамъ и Мордва Терюшевской волости Нижегородскаго уѣзда. Въ сложности угли обходятся отъ 15 до 20 к. за четверть, а дрова по 2 р. 15 к. за однополѣнную сажень. Дровъ, кромѣ получаемыхъ изъ Шереметевскихъ дачъ, для одной Ворсмы покупается до 2,000 саженъ, на сумму до 4,300 р.; углей же покупныхъ до 36,000 четвертей, на сумму до 6300 р. сер. Политуру многіе мастеровые, напр. Калякинъ, приготовляютъ сами изъ окисла желѣза, которое отпадаетъ во время ковки; его растираютъ въ порошокъ, просѣваютъ, обливаютъ сѣрной кислотой, потомъ прокаливаютъ, и политура готова.

Въ Павловѣ и Ворсмѣ выдѣлывается разнаго рода ножевый товаръ, ножницы, кинжалы и шпаги. Оружіе здѣшнее, однако, далеко уступаетъ Тульскому. Въ Павловѣ дѣлаютъ также вѣсовые коромыслы; изъ заводчиковъ этого рода особенно замѣчателенъ *Бабыринъ*, котораго вѣсы съ опущеннымъ внизъ указателемъ, на Нижегородской выставкѣ 1849 года обращали на себя вниманіе, хотя и стояли рядомъ съ вѣсами Семеновскаго уѣзда и вѣсами знаменитаго Вѣсовщикова, Нижегородскаго цеховаго, котораго издѣлія считаются первыми въ своемъ родѣ и которыя заслужили золотую медаль. Кромѣ того въ Павловѣ работаютъ молотки, щипцы сахарные и свѣчные, щетки для суконныхъ и шелковыхъ фабрикъ, замки и пр. Работаютъ также сундуковъ тысячъ по шести и болѣе, и сбываютъ ихъ на Нижегородской ярмаркѣ Бухарцамъ и Армянамъ.

Digitized by Google

По деревнямъ занимаются выдѣлкою того или другаго издѣлія исключительно. Такъ напр. въ Меленкахъ работаютъ только свѣчные щипцы и замки. Въ Завалищахъ, Золинѣ, Заплатинѣ, Крюковѣ, Богдановѣ исключительно одни значки, равно какъ и въ Папинѣ, гдѣ впрочемъ всего только два слѣсарныхъ заведенія. Въ Вязовкѣ—однѣ ножницы, въ Таринскомъ—ножи и замки, въ Миртовыхъ селѣ и деревнѣ, Хрѣновѣ, Тумбожинѣ, Долотковѣ, Булатниковѣ, Рыбинѣ, Давыдковѣ, Козловкѣ, Шульгинѣ и Щербининѣ—одни ножи, въ остальныхъ селеніяхъ ножи и ножницы. Въ селѣ Сосновскомъ, не входящемъ, впрочемъ, въ составъ Павловскаго округа, но находящемся неподалеку отъ него, есть также замочники, и кромѣ того дѣлаютъ тамъ глухари (звонки для лошадей).

Кромѣ того въ Ворсмѣ находится 200 кузницъ для *чернодѣльной работы*. Работа здѣсь безпрерывная: дѣлаютъ топоры, крестьянскіе ножи и множество ножницъ для стрижки овецъ. Для точенія топоровъ, мотыгъ, долотъ и лопатъ на этихъ кузницахъ находится двадцать колесъ, приводимыхъ въ движеніе лошадьми, и болѣе 80 точильныхъ колесъ для точенія ножей; эти приводятся въ движеніе руками работниковъ.

Выдѣлывается разнаго рода издѣлій Павловскихъ: въ Ворсмѣ на 53,000 р., въ Павловѣ на 37,000, въ другихъ селеніяхъ на 25,000; всего на 115,000 р. сер.

Цѣнность нѣкоторыхъ вещей удивительно низка: такъ работники дер. Меленокъ продаютъ въ Павловѣ свои щипцы по гривеннику и менѣе, а щипцы съ пружинами за двугривенный. Есть ножи столовые по 1 р. за дюжину, перочинные ножи о двухъ лезвіяхъ за дюжину 20 к. сер. Эти-то ножи отправляются на Востокъ.

Сбываютъ свои произведенія скупщикамъ, которые берутъ товаръ на базарахъ Павлова и Ворсмы; огромные транспорты, по Окѣ, отвозятся ежегодно на Нижегородскую ярмарку, гдѣ на мосту и въ особыхъ желѣзныхъ рядахъ вы можете увидать огромнѣйшій запасъ Павловскихъ издѣлій. Фабриканты продаютъ высшія сорты въ Москвѣ и въ Петербургѣ; мало вещей раскупается на ярмаркѣ Ростовской и въ Малороссіи; Вязниковскіе афени развозятъ Павловскія вещи повсюду; чернодѣльная работа Ворсмы идетъ на Нижегородскую ярмарку; ножницы для стрижки овецъ въ огромномъ количествѣ отправляются въ южныя губерніи.

Такова Павловская промышленность, столь замѣчательная по своему развитію и оборотамъ. Не упоминаю здѣсь о другихъ вѣтвяхъ промышленности Павлоской: мыловареніи, свѣчномъ производствѣ и пр. Говоря объ этихъ предметахъ, я вышелъ бы за

Digitized by Google

предѣлы Павлова.—Современемъ поговорю и объ этомъ предметѣ въ общей связи съ сальною промышленностію Нижегородскаго края, теперь же ограничусь краткимъ описаніемъ селъ Павлова и Ворсмы—какъ главныхъ мѣстъ такъ называемаго Павловскаго производства.

Павлово не смотритъ селомъ; это городъ и городъ не рядовой. По высокому, чрезвычайно красивому берегу Оки расположены узкія кривыя улицы, мѣстами мощенныя деревомъ; девять церквей, которыя можно назвать великолѣпными, красуются по горѣ; тридцать обширныхъ каменныхъ домовъ, тысяча деревянныхъ городской постройки, усады, обнесенные досчатыми заборами, кипучая дѣятельность, многолюдные базары, пристань, все это придаетъ Павлову видъ одного изъ хорошихъ уѣздныхъ городовъ. Народъ здѣсь красивъ, и хотя и бѣденъ, но щеголеватъ; за то здѣсь же рядомъ съ бѣдностью живутъ такіе богачи, какіе и въ городахъ на рѣдкость; отсюда, напр. вышелъ въ купцы Акифьевъ, живущій теперь въ Нижнемъ-Новгородѣ, владѣтель нѣсколькихъ милліоновъ. Много жителей средней руки—очень зажиточныхъ. Всѣ они особенно отличаются набожностію, приверженностью къ Св. церкви и дѣлаютъ значительные вклады въ храмы Господни. Покойный Преосвященный Іаковъ не могъ равнодушно говорить о Павловцахъ и ихъ усердіи къ вѣрѣ. Въ двухъ церквахъ села Павлова сохраняются пастырскія письма этого святителя, такъ рано погибшаго для церкви и для науки.— Въ этихъ письмахъ Преосвященный Архіепископъ высказываетъ тѣ чувства, которыми былъ онъ проникнутъ при видѣ Павловцевъ въ храмахъ Господнихъ.— Здѣсь нѣтъ ни одного раскольника, бывшіе прежде обратились къ единовѣрію и построили двѣ каменныя церкви, изъ которыхъ одну можно назвать тоже великолѣпною. Въ ней чрезвычайно богата ризница, особенно замѣчательно одѣяніе на престолъ, сдѣланное изъ Ліонской шелковой матеріи. Оно было, говорятъ, заказано для облаченія на престолъ Успенскаго Московскаго Собора, ко дню коронованія Императора Павла I, но присылка его въ Россію почему-то запоздала, и потому куплено было оно Павловцами. Замѣчательны ризницами церкви: Соборная, въ которой риза на старинной иконѣ Смоленской Богородицы цѣнится въ 3,000 р. сер.; Евангеліе въ серебряномъ вызолоченномъ окладѣ вѣсомъ пудъ тридцать два фунта; дарохранительница серебряная вызолоченная въ 26 ф.; ризы на иконахъ серебряныя по 20 и 26 фунтовъ; колоколъ въ 1,000 пудъ; высокой работы плащаница; ризы бархатныя, шитыя золотомъ, глазетовыя, дородоровыя. Одинъ Акифьевъ въ эту церковь пожертвовалъ

Digitized by Google

ризницы на сто тысячъ.— Въ Никольской церкви множество ризъ бархатныхъ, шитыхъ золотомъ, низанныхъ жемчугомъ, елейная лампада изъ чистаго золота, риза на иконѣ Смоленской Богоматери, низанная крупнымъ жемчугомъ, котораго болѣе полутора фунта. Въ Воскресенской церкви на иконѣ Казанской Богородицы 32,549 жемчужинъ и 42 бриллианта; на Смоленской Богородицѣ риза изъ 11 ф. серебра съ 22,323 жемчужинами. Во всѣхъ церквахъ чугунные полы, золоченые рѣзные иконостасы. А прихожанъ немного, такъ напр. при Вознесенской церкви только 660 человѣкъ.

Изъ стариннаго въ Павловѣ замѣчу: Троицкій соборъ, строенный въ 1653 г. и прекрасно сохранившійся; подъ нимъ подвалъ, въ которомъ многіе еще помнятъ, какъ сохранялись луки, стрѣлы, копья и сулицы. Это оружіе древняго Павлова-Острога мальчишки растаскали. Замѣчательная въ соборѣ икона—семейный образъ князя Якова Куденстовича Черкасскаго, храмоздателя: онъ изображаетъ Іакова Персянина и преподобныхъ Евдокію и Дарію. Царскія двери лѣваго (Пятницкаго) придѣла, обложенныя золоченымъ серебромъ, писаны изографомъ Дорофеевымъ, который писалъ въ половинѣ XVII ст. въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ; храмоздданный каменный крестъ 1653 года; запрестольный крестъ XVII ст., обитый золоченою мѣдью, антимисъ, освѣщенный въ 7163 г. Изъ писцовыхъ книгъ видно, что были здѣсь вклады царя Михаила, но они утрачены. Никольская церковь—строенье 1682 года; въ Воскресенской церкви, оставшейся послѣ упразднепнаго мужскаго монастыря, напрестольный крестъ 1705 г. съ надписью: икона Казанской Богоматери, списокъ современный съ явленія.

Соборъ стоитъ на особой горѣ, которая зовется *Острожною*; кое гдѣ сохранились остатки вала, неподалеку одна улица—*Острожная*, другая *Стрѣлецкая*. Часть села отъ собора за р. Таркой называется *Слободою*.

Ворсма въ 12 верстахъ отъ Павлова на большой дорогѣ, послѣ построенія Московско-Нижегородскаго шоссе, называющейся «старою Московскою». Оно расположено по косогору надъ рѣкой Кишмой и широкимъ прекраснымъ озеромъ, разлившимъ свои воды, посреди которыхъ какъ бы изъ озера выходятъ бѣлыя стѣны и зданія монастыря Островоезерскаго. Ворсма не такъ красива, какъ Павлово, но также, какъ и оно, имѣетъ городской видъ: улицы широки и прямы, усады обнесены досчатыми заборами, красивыя церкви, сады, при красивыхъ домахъ, и къ тому же кипучая промышленность, вѣчное движеніе.— Церкви также довольно

Digitized by Google

богаты, жители набожны, и здѣсь нѣтъ раскольниковъ, которые всѣ обращены къ единовѣрію и построили въ Ворсмѣ каменную церковь. *П. Мельниковъ.*

Макарьевъ на Волгѣ.

ПИСЬМО.

КЪ РЕДАКТОРУ ИЗЪ ШУИ.

Съ живѣйшимъ удовольствіемъ имѣю честь представить вамъ три подлинныя письма, извѣстныхъ въ историческомъ мірѣ особъ. Два изъ нихъ Графа Петра Ивановича Шувалова, писанныя къ Ярославскому воеводѣ Шубину, а послѣднее Графа Михаила Михайловича Сперанскаго—къ зятю его, протоіерею села Черкутина, М. Ѳ. Третьякову. Жалѣю, что другое письмо Графа, къ его же зятю, бывшее у меня въ рукахъ, не могло попасть ко мнѣ. Оно было писано въ достопамятный 1812 годъ, изъ Нижняго-Новгорода, вѣроятно въ то время, когда Французы, занявши Москву, покушались приблизиться съ однимъ изъ своихъ отрядовъ къ г. Покрову. Между тѣмъ слухи о приближеніи дошли и до Черкутина, которое находится недалеко отъ покрова; а какъ, по Русской пословицѣ: у страха глаза велики, то Протоіерей О. Третьяковъ, опасаясь незваныхъ гостей, рѣшился удалиться изъ своего села и отъ своей паствы, и испрашивалъ на то совѣта Михаила Михайловича. Отвѣтомъ на это былъ совѣтъ — лучше оставаться въ селѣ, и между прочимъ прибавлены слова Св. Писанія: что же будетъ стадо, неимущее пастыря, и пастырь, оставившій своихъ овецъ? Такія черты души Сперанскаго истинно драгоцѣнны для Русскаго сердца.

Доставляя вамъ письма, предлагаю еще нѣсколько краткихъ моихъ замѣтокъ о разныхъ предметахъ, показавшихся на мои глаза нѣсколько интересными. Если замѣтки эти покажутся для васъ стоющими вниманія, то не откажите дать имъ мѣстечко въ вашемъ Москвитянинѣ. Не упоминаю вамъ о настоящихъ археологическихъ поискахъ и раскопкахъ въ г. Суздалѣ: они вамъ извѣстны лучше моего. Прошедшимъ лѣтомъ привелось мнѣ быть въ селѣ Лучкинѣ, отстоящемъ отъ Шуи въ 32 верстахъ, по направленію къ г. Коврову. Село это, въ старину, принадлежало, какъ видно изъ моихъ бумагъ, Спасо-Евѳиміеву Суздальскому монастырю, близъ коего, между запаханными хлѣбомъ полями, находится старинное кладбище, окопанное небольшимъ валомъ и извѣстное у мѣстныхъ

Digitized by Google

крестьянъ подъ именемъ *Княжескаго*. Изъ выкапываемыхъ тутъ надгробныхъ, древней формы, памятниковъ, сильно попорченныхъ временемъ или неискусными руками крестьянъ, замѣченъ мною одинъ камень съ слѣдующимъ остаткомъ надписи: «Князь.... во иноцѣхъ....» Какіе же положены были тутъ князья, я не могъ догадаться. Если бы порыться, покопать, то, можетъ быть, нашлися бы камни и съ неповрежденными надписями. Удивительно, что усыпальница эта не при церкви, или не подъ церковью села, потому что, особенно въ старину, значительныхъ лицъ погребали болѣе подъ церквами, или близъ нихъ, въ особыхъ зданіяхъ извѣстныхъ подъ названіемъ *усыпальницъ*, напримѣръ въ слободѣ Мстерѣ (Вязниковскаго уѣзда) погребены подъ церковью тѣла Князей Ромодановскихъ; въ селѣ Тейковѣ (Шуйскаго уѣзда) погребенъ родъ Князей Прозоровскихъ; въ Ковровѣ, въ особомъ зданіи близъ собора, погребенъ родъ Князей Ковровыхъ.

Прошедшаго 1850 года, въ 21 N Москвитянина, въ статьѣ Г. Мельникова—о смутномъ времени 1612 года было сказано: «А въ начальники кому идти подъ Москву, выбрали (Нижегородцы) Стольника Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, который былъ въ то время въ своей вотчинѣ, въ Суздальскомъ уѣздѣ; но не въ Пурехъ, который, между прочимъ, тогда не принадлежалъ Пожарскому, а пожалованъ былъ ему Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ». Я, съ своей стороны, полагаю—не въ Пурихѣ, не въ Ландехахъ Нижнемъ и Верхнемъ, и не въ Мыту, какъ нѣкоторые предполагаютъ, потому что эти волости и села тоже пожалованы Пожарскому Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, а вѣроятнѣе всего К. Пожарскій тогда находился въ своей родовой вотчинѣ Мугреевской, (1) находящейся (нынѣ Вязниковскаго уѣзда) при рѣкѣ Лукѣ, въ 15 верстахъ отъ Нижняго Ландеха и Мыта, внизъ по р. Луху, и въ 40 верстахъ отъ Пуреха. Мугреевская вотчина извѣстна и до сихъ поръ; она состоитъ изъ трехъ селъ: Мугреева-Никольскаго, Мугреева-Дмитревскаго и Мугреева-Лукина съ деревнями. Села эти расположены между собою на пространствѣ пяти верстъ.

Означеніи мѣщанъ у насъ встрѣчаются разныя мнѣнія. Мнѣ попался въ руки подлинный актъ, который это слово довольно объясняетъ. Вотъ слова сего акта: «Царю, Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу, бьетъ челомъ и являетъ холопъ твой *мѣщенинъ* Дорофейко Кузьминъ, сынъ Угримовъ, на Суздальца, на Никиту Иванова, сына

(1) Акты Историч. Археограф. Комм., томъ II, N 87.

Digitized by Google

Карпова. Въ нынѣшнемъ, Государь, 165 году Маія въ 25 день, поѣхалъ я, холопъ твой, на твою Государеву на службу, и заѣхалъ я ко церкви, престолу Преображенья Господа Бога Нашего — помолитца и съ родителми проститца, и пришелъ ко мнѣ тотъ Никита Ивановъ, сынъ Карповъ, съ людьми своими и со крестьяны своими, учалъ меня бить и грабить, и людишекъ моихъ билъ и грабилъ, и грабежу Государь съ меня снялъ и съ людишекъ съ моихъ тотъ Никита Ивановъ сынъ Карповъ съ людьми своими и со крестьяны денегъ и збруи служивыя, пистолей, и сабель, и платья, и седѣлъ, на сто рублевъ съ полтиною, и впредь онъ, Никита Ивановъ, сынъ Карповъ, съ людьми своими и со крестьяны на меня холопа твоего и на людишекъ моихъ похвалитца убійствомъ смертнымъ и пожегомъ и иными дѣлами лихими. Милосердый Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичь всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, пожалуй меня холопа своего, вели Государь мое челобитье и явку записать. Царь. Государь смилуйся, пожалуй.» — На оборотѣ челобитной написано: «165-го (1657) года, Іюня въ 9-й день подалъ явку *мѣщанинъ* Дорофей Кузьминъ, сынъ Угримовъ (въ Шуѣ), земскому старостѣ Григорью Игнатьеву сыну, съ товарищи». Подобный же актъ у меня былъ и другой, но на этотъ разъ я не могъ его отыскать. Оффиціально слово *мѣщанинъ*, кажется, въ первый разъ употреблено было въ Регламентѣ Петра Великаго. Можно думать, что слово это перешло къ намъ въ Россію изъ Польши.

Я нашелъ также нѣкоторыя древнія извѣстія о Шуѣ; какъ-то: о воеводахъ, иконописцахъ, богадѣленной избѣ, которыя не попали въ мою книгу (Описаніе Шуи). «1703 года, Октября 15 дня, по указу Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, и по памяти изъ ратуши, за приписью бурмистра Курдюмова, Шуйскіе земскіе бурмистры Борисъ Ламановъ съ товарищи съ Шуи, съ посаду, выслали къ Москвѣ къ Государеву дѣлу рѣщика, да четырехъ человѣкъ *иконниковъ*.» — Лѣта 7178 (1670) года (слова акта) Шуйскій земскій староста Лука Андреевъ съ земскими цѣловальники Московскихъ стрѣльцовъ головѣ Василью Трегубову показали, что «въ Шуѣ на посадѣ бѣглыхъ солдатъ нѣтъ, а живетъ-де у нихъ на посадѣ старый солдатъ охочихъ людей Ивашко Семеновъ, сынъ Щеголевъ, а живетъ-де онъ въ мірской богадѣленной избѣ». *В. Борисовъ*

Іюня 30, 1851 г.

Digitized by Google

Изъ Петербурга.

Извлекаемъ нѣкоторыя данныя изъ отчета по Министерству Народнаго Просвѣщенія за 1850 г.—Университетовъ, лицеевъ и вообще высшихъ учебныхъ заведеній въ Имперіи и въ Царствѣ Польскомъ находилось 10; дворянскихъ институтовъ, гимназій и равностепенныхъ имъ среднихъ учебныхъ заведеній 71; уѣздныхъ училищъ 457; приходскихъ, волостныхъ и начальныхъ 2,418; частныхъ заведеній 734; всего 3,710. Учащихся въ нихъ: въ высшихъ слишкомъ 3½ т., въ среднихъ болѣе 23 т., въ низшихъ и частныхъ болѣе 173 т., всего около 200 т. челов. (болѣе противъ 1849 г. почти 5 т.). Кромѣ того, Еврейскихъ училищъ въ Имперіи считалось слишкомъ 3 т., болѣе нежели съ 33 т. учащихся. — Ученыхъ степеней и разныхъ медицинскихъ званій удостоено болѣе 1,000 чел.—Публичныхъ библіотекъ въ губернскихъ и нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ считалось 48; изъ нихъ наибольшее число книгъ находилось въ Тамбовской библіотекѣ (слишкомъ 13 т.), наименьшее въ Орловской (Вятск. губ.) (до 500); въ Карамзинской Симбирской библіотекѣ было до 4,700 томовъ. — Ученыхъ и литературныхъ обществъ въ вѣдѣніи Министерства состояло 15; пять изъ нихъ получаютъ пособіе отъ правительства. — Сложность вышедшихъ въ свѣтъ въ прошедшемъ году оригинальныхъ сочиненій простирается до 663, переводныхъ до 33. Первыя заключаютъ въ себѣ, взятыя въ одномъ экземплярѣ, болѣе 6,400 листовъ, вторыя до 400. Періодическихъ изданій выходило съ разрѣшенія цензуры 56; они составляли около 5,800 л. Общій итогъ печатныхъ листовъ въ книгахъ и періодическихъ изданіяхъ, взятыхъ въ одномъ экземплярѣ, простирается до 12,600. (Противъ 1849 г. число книгъ уменьшилось почти 170-ю, а объемъ до 1,400 л.) Иностранныхъ книгъ ввезено въ Россію болѣе 640 т. томовъ (болѣе противъ предшествовавшаго года почти 77-ю т.), да въ Царство Польское слишкомъ 58 т. — Въ отчетѣ за 1849 г. было упомянуто о назначенномъ умершимъ Д. С. С. Ивановымъ, по духовному завѣщанію, въ распоряженіе Академіи Наукъ капиталѣ въ 5 т. р. с. По представленію Г. Министра послѣдовало Высочайшее соизволеніе: согласно желанію завѣщателя, означенный капиталъ внести въ Опекунскій Совѣтъ для приращенія процентами, и когда онъ возрастетъ до 40 т. р. с., предоставить Академіи Наукъ отдѣлить 10 т. р., для употребленія изъ нихъ 7 т. въ награду за лучшее

Digitized by Google

сочиненіе «О премудрости и неспостижимости Творца вселенной», а остальные на напечатаніе онаго; затѣмъ 30 т. р. обратить въ неприкосновенный капиталъ, со внесеніемъ въ одно изъ кредитныхъ установленій, и получаемые чрезъ каждыя 50 лѣтъ проценты употреблять, по усмотрѣнію Академіи, въ награду за сочиненіе по части нравственной и физической. — Государю Императору благоугодно было соизволить на безденежный отпускъ изъ Спб Монетнаго двора до 500 пудовъ мѣди для сооружаемаго Крылову памятника, модель коего составляется Барономъ Клотомъ. Памятникъ этотъ будетъ поставленъ въ Лѣтнемъ саду, на площадкѣ предъ кофейнымъ домомъ.—Въ концѣ 1842 г. Высочайше разрѣшено было Академику Устрялову, предпринявшему написать Исторію царствованія Петра Великаго, разсмотрѣть въ государственныхъ архивахъ нашихъ подлинныя дѣла и бумаги временъ преобразователя Россіи. Въ послѣдствіи времени дозволено этому ученому отправиться въ Вѣну для пополненія собранныхъ матеріяловъ выписками изъ тамошняго тайнаго государственнаго архива. Наконецъ, въ прошломъ году Академикъ Устряловъ посѣтилъ Москву и губерніи Южной Россіи, для изслѣдованія въ тамошнихъ архивахъ историческихъ матеріяловъ и для обозрѣнія мѣстъ, ознаменованныхъ подвигами Петра. Въ Московскомъ архивѣ, гдѣ хранится необъятное множество документовъ для исторіи царствованія Петра Великаго, онъ нашелъ любопытныя свѣдѣнія о Гетманахъ: Самойловичѣ, Мазепѣ, Скоропадскомъ и Полковникѣ Полуботкѣ; но самое главное пріобрѣтеніе заключается въ снятомъ имъ спискѣ съ подлиннаго розыскнаго дѣла по доносу Кочубея и Искры на Мазепу. Сверхъ того, онъ сдѣлалъ множество выписокъ изъ огромнаго собранія бумагъ Князя Меншикова, въ которыхъ, какъ Царь, такъ и любимецъ его являются въ истинномъ свѣтѣ. Въ актахъ временъ Петра В., хранящихся въ Воронежѣ, есть нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о строеніи на тамошней верфи военныхъ судовъ и о бывшихъ на рѣкѣ Воронежѣ корабельныхъ экзерциціяхъ. (Въ этомъ же архивѣ оказалось значительное собраніе подлинныхъ рескриптовъ Императрицы Екатерины II, въ томъ числѣ нѣсколько собственноручныхъ, къ Воронежскимъ воеводамъ и намѣстникамъ.) Изъ Воронежа Академикъ Устряловъ отправился въ Полтаву для изученія мѣстности, которое послужитъ немалымъ пособіемъ къ вѣрному описанію совершавшейся тамъ битвы. Обозрѣвъ южныя степи, гдѣ болѣе 250 лѣтъ мы боролись съ Крымскими Татарами, и развалины столь страшныхъ для насъ въ прежнее время Перекопскихъ укрѣпленій, Устряловъ посѣтилъ и Кіевъ, но не нашелъ

Digitized by Google

здѣсь другихъ матеріяловъ для Исторіи Петра, кромѣ извѣстныхъ уже по сочиненіямъ Митрополита Евгенія. (1)

Заимствуемъ также главныя данныя изъ отчета Почтоваго Управленія за 1850 годъ. Почтовые сборы, произведенные въ 1849 г., составили слишкомъ 4 милл. 190 т. р. с. На содержаніе всѣхъ почтовыхъ мѣстъ государства употреблено болѣе 9 милл. 450 т., платежъ прогонныхъ денегъ за возку почтъ и эстафетъ составилъ болѣе 1 м. 270 т., и иностраннымъ почтамтамъ за заграничную корреспонденцію слишкомъ 130 т. За исключеніемъ этихъ расходовъ, очистилось почтоваго дохода около 1 м. 330 т. р. с. Сборы въ столичныхъ почтамтахъ составляли болѣе ¼ почтоваго дохода (19% изъ Спб. губ. и около 11% изъ Московской). Количество частныхъ отправленій было: писемъ простыхъ до 9 милл. 625 т., денежныхъ до 1 м. 285 т., страховыхъ до 825 т, посылокъ до 267 т., всего около 12 милліоновъ. Казенныя отправленія произведены были въ числѣ почти 16½ милл. пакетовъ простыхъ, денежныхъ и посылокъ. Самыя большія цифры по отправленію корреспонденціи представляютъ, кромѣ столицъ, губерніи: Лифляндская, Кіевская, Ярославская, Тверская, Новгородская и Одесса; самыя меньшія: Олонецкая, Архангельская и Астраханская. Подано было къ отправленію капиталовъ казенныхъ и частныхъ слишкомъ 414 милл. 340 т. (казенныхъ почти на 206 м 550 т., частныхъ слишкомъ на 207 м. 790 т.) (Суммы, пересланныя по почтѣ въ биletахъ кредитныхъ установленій, трансфертахъ, векселяхъ и другихъ бумагахъ, представляющихъ капиталы, въ это исчисленіе не входятъ, посылаясь чрезъ почту какъ документы.) Казенныхъ посылокъ, съ которыхъ, по объявленной имъ цѣнѣ, были заплачены страховыя, отправлено съ небольшимъ на 40 т., а частныхъ слишкомъ на 6 милл. р. с Вообще надобно замѣтить, что въ первое десятилѣтіе, съ 1829 по 1839 г., денежныя пересылки умножились на 73 милл., въ послѣднее же десятилѣтіе на 176 милл.—Въ первые шесть мѣсяцевъ 1850 г. поступило почтоваго сбора болѣе 2 милл. 160 т. р. с. На почты подано было къ отправленію частныхъ писемъ и посылокъ болѣе 6½ милл., казенныхъ 7 милл. 615 т. — По особенной значительности столичныхъ почтамтовъ представляется обозрѣніе ихъ дѣйствій за весь 1850 годъ:

(1) Изъ отчета Академіи Наукъ узнаемъ, что Г. Устряловъ уже окончилъ два тома Исторіи Петра, въ которыхъ событія доведены до большой Сѣверной войны; но къ печатанію ея онъ предполагаетъ приступить не прежде, какъ по окончаніи всего сочиненія, которое должно составить 10 томовъ. Отрывокъ изъ перваго тома былъ напечатанъ въ Ж. М. Н. П.: «Лефортъ и потѣхи Петра В. до 1689 года».

Digitized by Google

	С. Петербургскаго.	Московскаго.
Доходовъ поступило.....	772,000	452,000
Капиталовъ и посылокъ получено и отправлено на сумму.....	201,220,000	75,705,000
Получено и отправлено писемъ и посылокъ.....	6,000,000	3,000,000
По городской почтѣ.....	1,288,000	241,000 (1).

Упомянувъ въ предпрошедшей книгѣ о юбилеѣ Н. М Лонгинова, считаемъ умѣстнымъ сказать здѣсь о состояніи одного изъ благодѣтельныхъ учрежденій, состоящихъ подъ покровительствомъ Государыни Императрицы, именно *Дѣтскихъ Пріютовъ*. Не смотря на недавнее существованіе ихъ въ нашемъ отечествѣ, великая польза, приносимая ими, оцѣнена всѣми сословіями, и сочувствіе къ нимъ выражается болѣе или менѣе повсемѣстными пожертвованіями, въ числѣ которыхъ найдете и щедрое даяніе жертвующаго отъ своихъ избытковъ, и скромное, но безцѣнное по чувству жертвователя, приношеніе отставнаго солдата.... Изъ отчета Комитета Главнаго Попечительства Дѣтскихъ Пріютовъ узнаемъ, что къ началу 1850 года число пріютовъ въ Россіи простиралось до 71. Кромѣ столицъ, они находились слишкомъ въ 40 городахъ, именно: въ Вильнѣ, Архангельскѣ, Кіевѣ, Астрахани (по 2), Казани (3, въ томъ числѣ одинъ мусульманскій), Тулѣ, Екатеринославлѣ, Ростовѣ (Екатеринослав. губ.), Минскѣ, Черниговѣ, Харьковѣ, Старобѣльскѣ, Саратовѣ, Вологдѣ, Владимирѣ, Гаврилковѣ (посадъ Суздальску. Владим. г.), Томскѣ, Псковѣ, Полтавѣ, Витебскѣ, Нижнемъ-Новѣгородѣ, Рязани, Пензѣ, Кишиневѣ, Твери, Смоленскѣ, Ярославлѣ, Могилевѣ, Одессѣ, Калугѣ, Костромѣ, Тамбовѣ, Воронежѣ, Ковно, Красноярскѣ, Уфѣ и Петрозаводскѣ (по 1). Въ С. Петербургѣ находилось 16 пріютовъ (и по 1 въ Царскомъ Селѣ, Петергофѣ и Павловскѣ), въ Москвѣ 9. Число дѣтей, посѣщавшихъ эти пріюты, простиралось до 7,360. Въ 1850 году открыты были пріюты въ Перми и Новочеркасскѣ. Кромѣ того, въ Пермской же губерніи существуютъ, съ 1849 г., три пріюта въ имѣніяхъ владѣтельницы Нижнетагильскихъ заводовъ, Г-жи Карамзиной, которая учредила ихъ на собственный счетъ, для призрѣнія дѣтей обоего пола. Равнымъ образомъ положено основаніе къ устройству пріютовъ въ городахъ Верхотурьи и Кунгурѣ, той же губерніи. Приняты мѣры къ ско-

(1) Значительный перевѣсъ въ Спб. происходитъ отъ разсылки по городской почтѣ періодическихъ изданій (болѣе 855 т. экз.); въ Москвѣ же эта разсылка не существуетъ. Число пересланныхъ писемъ по г. п. въ Петербургѣ болѣе Москвы почти на 190 т., а вышитыхъ билетовъ только 5-ми т.

Digitized by Google

рому открытію пріюта въ Иркутскѣ, для чего тамошнее попечительство имѣетъ, уже достаточныя средства. Попечительства съ цѣлію устройства пріютовъ открылись въ Орлѣ и Симферополѣ; а въ Гроднѣ, Новѣгородѣ, Динабургѣ, Симбирскѣ, Херсонѣ, Таганрогѣ и Тобольскѣ сосредоточены, для этой же цѣли, нѣкоторыя денежныя средства. По одному новому пріюту, кромѣ существующихъ, предполагается устроить въ Твери и Смоленскѣ. Владимирское попечительство считаетъ возможнымъ приступить, въ непродолжительномъ времени, къ учрежденію, по примѣру пріюта въ посадѣ Гаврилковскомъ, подобныхъ же пріютовъ по губерніи, въ чемъ ощущается сильная потребность по промышленнымъ городамъ и селамъ оной, гдѣ при множествѣ мастеровыхъ и фабричныхъ дѣти ихъ остаются безъ надзора. Таковы: Шуя, Александровъ, Переяславль, села: Иваново, Тейково; Васильевское, Лежнево, и также горные, металлическіе и хрустальные заводы Мелешковскаго, Покровскаго и Судогодскаго уѣздовъ. Дай Богъ, чтобы всѣ эти предположенія осуществились въ самомъ скоромъ времени, и дали бы право еще болѣе радоваться утѣшительнымъ проявленіямъ общаго сочувствія къ безпомощному дѣтству, обнаруживаемаго во всѣхъ краяхъ нашего отечества. Это сочувствіе доказывается тѣмъ, что денежныя средства пріютовъ, состоящія главнѣйше изъ пожертвованій, не оскудѣваютъ: въ 1849 г. въ попечительства поступило всего до 308 т. р. с., такъ что, за исключеніемъ расходовъ въ продолженіе этого года (болѣе 233½ т.), къ началу слѣдующаго оставалось суммы, принадлежащей пріютамъ, слишкомъ 520 т. р. с. Кромѣ того, пріюты имѣютъ собственныхъ домовъ 34. Такова внѣшняя часть. Что касается до внутренней, т. е. попеченія о призрѣніи дѣтей, то, кажется, нѣтъ нужды говорить, что она болѣе нежели удовлетворительна. Замѣняя въ нѣкоторомъ отношеніи для малютокъ семейство, пріютъ заботится объ нихъ съ нѣжностію и предусмотрительностію истинно родительскою....

23 Іюня, въ Педагогическомъ Институтѣ происходилъ шестой выпускъ студентовъ, окончившихъ курсъ ученія. Изъ трудовъ студентовъ десять сочиненій признаны достойными напечатанія. Съ особеннымъ удовольствіемъ назовемъ изъ нихъ тѣ, которыя относятся къ Русской Исторіи: Воцареніе Михаила Ѳеодоровича, описанное по современнымъ источникамъ, П. Лаврова; Завоеваніе Рюгена Вольдемаромъ Датскимъ; О Реймскомъ Евангеліи, и Русскія былины о пирахъ Владимира и богатыряхъ его времени, его же; Исландскія саги, К. Ленстрема.

П. В. Голубковъ, которому Русская наука обязана уже мно-

Digitized by Google

гими приношеніями, представилъ въ Археологическое Общество слишкомъ 3 т. р. с. на изданіе одного изъ древнѣйшихъ памятниковъ отечественной словесности: «Сказанія о Св. Борисѣ и Глѣбѣ», съ современными рисунками.

Прошедшій мѣсяцъ вообще не бѣденъ литературными новостями. «Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи», изд. Географическимъ Обществомъ; «Исторія судебныхъ учрежденій въ Россіи», соч. К. Троцины; «О литературной собственности вообще и въ особенности правахъ сочинителей въ Россіи», разс. Проф. Калмыкова; «О паровыхъ машинахъ», соч. Фелькнера; (изданная, вторая часть «Космоса» Гумбольдта; впрочемъ, въ Москвѣ); «Исторія морскихъ сраженій войнъ временъ Республики и Имперіи: 2-е изданіе «Ботаники» В. И. Даля: все это болѣе нежели щедро для средины лѣта, когда, по заведенному порядку, литература наша справляетъ свои каникулы.....

Провинціальная литература наша также не уменьшаетъ своей дѣятельности. Въ Тифлисѣ объявлено объ изданіи новаго литературнаго журнала, на Грузинскомъ языкѣ, подъ редакціею Князя Эристова. Содержаніе его: Грузинская словесность, переводы, науки и художества и сельское хозяйство. Онъ будетъ выходить ежемѣсячно, брошюрами. Выручка отъ этого изданія назначается въ пользу Тифлисскаго заведенія Св. Нины. Въ Тифлисѣ же вышелъ «Обзоръ дѣйствій Намѣстника Кавказскаго для развитія сельскаго хозяйства съ 1845 по 1850 годъ». Изъ этой замѣчательной книги, составленной, по порученію Кавказскаго Общества Сельскаго Хозяйства, членомъ его Х. И. Колодѣевымъ, мы надѣемся представить впослѣдствіи извлеченіе.

Подобныя извѣстія, доказывающія, что просвѣщеніе быстро распространяется въ Кавказскомъ краѣ, мы сообщаемъ почти въ каждой книгѣ Москвитянина. Съ радостію можно сказать теперь, что и другое просвѣщеніе—свѣтъ истинной вѣры—начинаетъ проникать въ полудикія племена, населяющія Закавказье. Недавно, и именно на Свѣтлой недѣлѣ, нѣсколько старшинъ Енгилоевцевъ, живущихъ въ горахъ Елисуйскихъ, и бывшихъ въ древности христіанами, приняли святое крещеніе въ Тифлисѣ. Этотъ примѣръ и ревность проповѣдниковъ слова Божія принесли желанные плоды: для новыхъ дѣтей Церкви будетъ учреждена архіерейская каѳедра въ Абхазіи, издревле просвѣщенной христіанствомъ, слѣды котораго сохранились и въ памятникахъ страны, и въ вѣрованіяхъ ея жителей...

Digitized by Google

Скажемъ нѣсколько словъ объ этихъ слѣдахъ. Въ горахъ Осетіи и другихъ ущельяхъ горскихъ племенъ видны и теперь разрушенныя церкви и каменныя груды ихъ развалинъ. Дремучіе лѣса, крутыя скалы и вершины горъ Абхазіи, Сванетіи и Осетіи наполнены подобными слѣдами процвѣтавшаго нѣкогда христіанства. Уваженіе къ этимъ остаткамъ питаютъ и самые горцы. Осетины оказываютъ особенное благоговѣніе къ церквамъ: Архангела Михаила въ Трусовскомъ ущельѣ, Божіей Матери въ Закхинскомъ, Св. Георгія въ Жамурскомъ, и друг. Они разсказываютъ о чудесахъ, которыхъ сами были свидѣтелями, и торжествуютъ христіанскіе праздники. Во время годовыхъ праздниковъ, около церкви совершаются договоры и примиренія между враждебными фамиліями. Постъ предъ Рождествомъ Христовымъ и весь Великій постъ соблюдаются довольно строго. Имъ извѣстны дни: Ваій, Свѣтлаго Воскресенія, Благовѣщенія Господня, Св. Георгія, имя пророка Иліи, и проч. Абхазы, обитающіе по берегамъ Чернаго моря, донынѣ празднуютъ три дня Пасху и употребляютъ крашеныя яица, день сошествія Св. Духа и Рождества Христова. Развалины древней церкви почитаются и у нихъ священными и клятвенными мѣстами, даже въ обыкновенныхъ условіяхъ общественнаго быта.

Изъ Одессы есть одна литературная новость. Общество Сельскаго Хозяйства Южной Россіи объявило о вторичномъ возобновленіи предложенной имъ еще въ 1846 г. задачи: написать въ вопросахъ и отвѣтахъ «Руководство для Новороссійскаго крестьянина». Срокъ для присылки сочиненій назначается по 15 Марта 1853 г. Награда состоитъ изъ золотой медали въ 150 червонцевъ. На первый конкурсъ по этой задачѣ представлено было 4 сочиненія, изъ коихъ наиболѣе удовлетворительнымъ оказалось написанное Директоромъ Таганрогской гимназіи Флоренсовымъ, и поэтому было награждено серебряною медалью.

Въ Оренбургѣ вышелъ мѣстный адресъ-календарь, въ которомъ, между прочимъ, заключаются любопытныя этнографическія свѣдѣнія о губерніи. Подобная же справочная книга издана и въ Вильнѣ, тамошнимъ статистическимъ комитетомъ, который вообще готовитъ много матеріяловъ для мѣстной исторіи, географіи и этнографіи.

Во Владимирѣ, какъ, вѣроятно, уже знаютъ наши читатели изъ газетъ, найдено, въ предпрошломъ мѣсяцѣ, нѣсколько старинныхъ монетъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ оказалась надпись: *Князь Велики Игорь всея Руси....* Извѣстіе это было немедленно перепечатано въ столичныхъ газетахъ, и одна изъ нихъ, подумавъ, вы-

Digitized by Google

разила сомнѣніе въ правильномъ чтеніи надписи: вмѣсто Игорь, *вѣроятно*, должно читать: и Государь. Но сомнѣваться тутъ нечего; лѣтъ 25 тому назадъ этотъ Игорь производилъ много шума въ Петербургѣ. Найденные вмѣстѣ съ монетами перстни гораздо любопытнѣе.... Но какъ бы то ни было, а за подобныя извѣстія нельзя не благодарить редакціи Владимирскихъ Вѣдомостей, также какъ и за всѣ свѣдѣнія, относящіяся къ тому краю, столь богатому историческими воспоминаніями. И тѣмъ страннѣе встрѣтить въ этихъ же Вѣдомостяхъ, въ нѣсколькихъ нумерахъ, «Пиръ Святослава». Что это такое? Историческій разсказъ, легенда, мѣстное преданіе? Ни то, ни другое, а просто Телеграфская исторія, отрывокъ изъ напечатаннаго романа Полеваго. Не понимаемъ и придумать не можемъ причины, по какой вздумалось Г. Редактору тревожить этотъ отрывокъ, давно покоящійся сномъ забытья въ памяти той публики, которая когда-то почитывала романическія исторіи Телеграфа.

Наконецъ, вотъ нѣсколько ученыхъ извѣстій изъ Гельсингфорса, сообщенныхъ Профессоромъ Гротомъ.—Въ минувшемъ осеннемъ полугодіи явились здѣсь три диссертаціи, изданныя для полученія различныхъ каѳедръ при Александровскомъ Университетѣ, и двѣ изъ нихъ принадлежатъ ученымъ, которые далекими и смѣлыми путешествіями снискали уже нѣкоторую извѣстность въ Европѣ. 7 Октября, Г. Кастренъ защищалъ диссертацію на званіе Профессора вновь учрежденной каѳедры Финскаго языка. Содержаніе ея, важное для сравнительной филологіи, совершенно ново въ области этой науки. По строго соблюдаемому правилу здѣшняго Университета, это сочиненіе, какъ и всѣ диссертаціи въ подобныхъ случаяхъ, написано на Латинскомъ языкѣ; оно состоитъ въ разсмотрѣніи «личныхъ приставокъ Алтайскихъ языковъ» (De affixis personalibus linguarum Altaicarum). Подъ именемъ Алтайскихъ авторъ разумѣетъ языки Финскіе, Самоѣдскіе, Турецкіе, Монгольскіе и Тунгузскіе. Онъ нашелъ, что, по чрезвычайному обилію и особенному свойству личныхъ приставокъ, всего болѣе замѣчательны языки Самоѣдскіе; подобныя же частицы встрѣчаются и въ остальныхъ, исчисленныхъ здѣсь языкахъ: изслѣдованіе сущности, значенія, происхожденія, образованія и сродства этихъ приставокъ въ Алтайскихъ языкахъ—вотъ предметъ диссертаціи Г. Кастрена.—Черезъ нѣсколько дней послѣ этого ученаго, другой филологъ защищалъ диссертацію, написанную имъ для полученія каѳедры Восточныхъ языковъ. Въ то время, когда Г. Кастренъ странствовалъ по тундрамъ Сибири, Г. Баллинъ изучалъ языки и бытъ Востока, принимая на себя видъ туземца, на бере-

Digitized by Google

гахъ Нила или въ знойныхъ степяхъ Аравіи. Послѣ многолѣтныхъ странствованій на Востокѣ, онъ прибылъ въ Гельсингфорсъ, и написалъ диссертацію, подъ заглавіемъ: «Элегическая поэма Ибнъ-уль-Фарида, съ объясненіями Абдъ-уль-Гани» (Carmen elegiacum Ibn-ul-Faridi, etc).—Вскорѣ послѣ того, Г. Тернегренъ, желая занять каѳедру Всеобщей Исторіи Литературы, защищалъ диссертацію «О Макіавелѣ» (De Machiavello), въ которой онъ старается представить главный трудъ этого писателя «Il Principe» съ новой точки зрѣнія, и защитить его отъ нѣкоторыхъ обвиненій, взводимыхъ на него потомствомъ.

Г. Акіандеръ, лекторъ Русскаго языка при Александровскомъ Университетѣ, преимущественно посвятилъ свои труды изученію теоріи этого языка. Плодомъ его трудовъ была Русская грамматика, написанная на Шведскомъ языкѣ и уже имѣвшая три изданія. Въ 1844 г. Г Акіандеръ напечаталъ составленную имъ тоже по-Шведски Русскую исторію до Петра Великаго (Rysca rikets historia)—трудъ выполненный по Карамзину, Устрялову и Эверсу. Наконецъ, въ 1849 г., онъ издалъ «Извлеченіе изъ Рускихъ лѣтописей» (Utdrag ur Ryska Annaler). Здѣсь собраны, въ буквальномъ. Шведскомъ переводѣ, не только всѣ мѣста нашихъ лѣтописей, относящіяся къ Финскимъ племенамъ въ Финляндіи и вообще въ Россіи, но и всѣ, заключающіяся въ этихъ источникахъ, извѣстія о явленіяхъ природы, народныхъ бѣдствіяхъ, солнечныхъ и лунныхъ затмѣніяхъ. Для исторіи Финскихъ народовъ самымъ богатымъ матеріяломъ служатъ Новогородскія лѣтописи; но Г. Акіандеръ не ограничился ими въ своемъ сборникѣ, и принялъ въ основаніе одиннадцать различныхъ источниковъ Русской исторіи; сверхъ того почерпнулъ многое изъ примѣчаній, приложенныхъ къ Исторіи Карамзина. Извлеченія собирателя, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ, оканчиваются 1710 г. Нѣтъ сомнѣнія, что они принесутъ существенную пользу тѣмъ изъ Финскихъ и Шведскихъ ученыхъ, которые, не зная Русскаго языка, занимаются исторіею Сѣвера и понимаютъ важность нашихъ лѣтописей для своихъ занятій.

Нѣкоторые изъ литераторовъ Гельсингфорскаго Университета согласились читать поочереди о какомъ-нибудь предметѣ, по выбору каждаго, безплатно, для всей городской публики. Мѣстомъ чтеній назначена была университетская зала; съ 1849 г. они происходили постоянно, за исключеніемъ вакаціоннаго времени, въ двѣ недѣли разъ, по вечерамъ, и собраніе слушателей всегда было чрезвычайно многочисленно. Всѣ дамы здѣшняго образованнаго круга считали обязанностію посѣщать эти литературные вечера.

Digitized by Google

Они продолжаются и нынѣ. Обыкновенно бываетъ по два чтенія, и каждое должно длиться не долѣе ¾ часа. Послѣ оба чтенія печатаются въ одной книжкѣ, которое продается въ пользу Финскаго литературнаго общества. Содержаніе напечатанныхъ доселѣ чтеній довольно разнообразно. Самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ, по новости предмета и по характеру собственнаго изслѣдованія, Г. Гротъ называетъ разсужденіе Г. Кастрена: «О первобытной родинѣ Финновъ». Авторъ считаетъ ихъ въ ближайшемъ родствѣ съ Самоѣдами и Туркачи, и эти три племени составляютъ, по его мнѣнію, особую группу народовъ, занимающую средину между племенами Монгольскими и Кавказскими.

Но довольно ученыхъ извѣстій. Нѣтъ ли какихъ другихъ новостей?

Ярославль, и въ настоящемъ своемъ видѣ очень красивый городъ, долженъ скоро сдѣлаться еще красивѣе съ окончаніемъ предпринятыхъ построекъ. Недавно начата постройкою больница при заведеніяхъ Приказа Общественнаго Призрѣнія, которая, по обширности и красотѣ фасада, займетъ почетное мѣсто между городскими зданіями. Предположено устроить постоянный мостъ чрезъ Которость, мостъ черезъ Медвѣдицу и еще мостъ надъ Семеновскимъ спускомъ съ Волги, губернаторскій домъ на берегу Волги, корпусъ для полиціи и гаубвахты, на Ильинской площади, зданіе для складки комиссаріатскихъ вещей, гостиный дворъ, разрушенный пожаромъ, набережную по Которости, общественныя бани, больницу для инвалидовъ и зданіе почтамта. Нѣкоторыя изъ этихъ работъ уже начаты.... Другое предполагаемое нововведеніе въ Ярославлѣ, это—устройство школы ткачества, въ слободѣ Тальковской, среди бѣднаго народонаселенія, для дѣтей котораго это заведеніе должно принести несомнѣнную пользу, тѣмъ болѣе, что школа будетъ родъ пріюта. Подобная же школа пряденія будетъ устроена въ селѣ Великомъ.

Лѣтомъ очень бы кстати поговорить о погодѣ, о надеждахъ на урожай; но толки о первой прискучили всѣмъ, а о послѣднемъ нельзя сказать еще ничего вѣрнаго. До слѣдующей книги остаются за нами извѣстія менѣе случайныя. Объ обрушившемся мостѣ во Владимирѣ, о страшномъ пожарѣ въ Архангельскѣ вы, навѣрно, знаете уже изъ газетъ, и вносить подробности этихъ печальныхъ происшествій въ нашу лѣтопись у насъ недостаетъ духа... Изъ Архангельска у насъ есть другое извѣстіе. Тамошній почетный гражданинъ Петръ Куйкинъ, въ память совершенія двадцатипятилѣтія царствованію Государя Императора, предпринялъ построить

Digitized by Google

на свой счетъ каменное зданіе для богадѣльни при городскомъ кладбищѣ Архангельска.....

Наконецъ, изъ дальнаго края Россіи, изъ Омска, передадимъ извѣстіе о событіи, случившемся нѣсколько лѣтъ тому, но дошедшимъ сюда лишь недавно Событіе это такого рода, что говорить о немъ, гордиться имъ, восхищаться — никогда не поздно.... Это было зимою 1837 года, въ Голодной степи, одной изъ Киргизскихъ. Хорунжій Алексѣй Рытовъ шелъ съ командою изъ 33 казаковъ. Вдругъ, 5 Декабря, встрѣчаетъ онъ партію мятежныхъ Киргизъ, числомъ до тысячи человѣкъ. Что тутъ дѣлать? Не ужели защищаться, тѣмъ болѣе думать о нападеніи? *Одинъ противъ тридцати трехъ* — кажется, здѣсь не можетъ быть и мысли о борьбѣ, и навѣрное никто не счелъ бы безчестнымъ для себя уступить такому превосходству, сложить оружіе предъ непріятелемъ. Но Рытовъ былъ Русскій офицеръ; а для Русскаго воина лучше «лечь костьми», по завѣту предковъ, нежели сдаться въ плѣнъ, измѣнить святости присяги. Онъ рѣшился защищаться съ горстью своихъ храбрецовъ. Киргизы не замедлили ринуться на эти три десятка безстрашныхъ, повидимому обреченныхъ гибели; но казаки не дрогнули и отразили нападеніе. Снова бросились Киргизы — и снова устояли казаки. Эти неудачи, разумѣется, должны были раздражить врага, который уже разсчитывалъ кому какой ясырь достанется при дѣлежѣ; нападенія сдѣлались ожесточеннѣе, но не поколебали стойкости нашего отряда, который почти три дня выдерживалъ натискъ Киргизовъ. Наконецъ, 7 Декабря, Рытовъ отважно бросился съ своими казаками на штурмъ непріятельскаго укрѣпленія. Онъ былъ впереди и первый палъ подъ ударами ятагановъ; но его смерть открыла казакамъ дорогу къ овладѣнію укрѣпленіемъ.... Ура! отомстимъ за командира!.... и врагъ обращается въ бѣгство.... Что за богатырскіе подвиги, что за геройскій духъ, какая преданность долгу службы!.... Память о храбромъ офицерѣ не умретъ. По прекрасному обычаю, имена тѣхъ воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній, которые положили животъ свой за вѣру и отечество, начертываются на черной мраморной доскѣ, находящейся въ церкви заведенія: а Рытовъ былъ воспитанникомъ Войсковаго казачьяго училища, что нынѣ Сибирскій Кадетскій Корпусъ....

Digitized by Google

Дѣйствія Художественнаго Общества. Число членовъ Общества къ началу этого года простиралось слишкомъ до 190 (почетныхъ 19, дѣйствительныхъ 172). Цѣль его — развести водвореніе искусства въ древней столицѣ нашей — достигается преимущественно посредствомъ Училища живописи и ваянія, и въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ Москвичи съ удовольствіемъ видятъ ежегодно возрастающіе успѣхи этого заведенія. Учениковъ въ немъ состоитъ около 140, въ томъ числѣ 2 архитектора, 7 скульпторовъ, всѣ остальные — живописцы. Занятія ихъ свидѣтельствуютъ сколько объ искусствѣ даровитыхъ преподавателей Училища, каковы М. И. Скотти, Н. А. Рамазановъ, К. И. Рабусъ, — столько же и объ ихъ собственныхъ дарованіяхъ. Пособія живописныя, исходатайствованныя отъ Академіи, особенно копія съ Мадонны Рафаэлевой, имѣютъ уже благотворное вліяніе на образованіе вкуса учениковъ. Рисунокъ, въ отношеніи къ рельефу, производимому искусствомъ свѣтлотѣни, достигаетъ замѣчательной степени совершенства. Искусство колорита, можно сказать, пріобрѣтено Училищемъ: талантъ Новоковича въ этомъ отношеніи есть явленія достойное всякаго вниманія и поощренія. Дѣятельность художниковъ-преподавателей, оживляющая ихъ мастерскія, одушевляетъ учениковъ и развиваетъ новыя дарованія. Талантъ Шарвуда въ композиціи и группировкѣ обѣщаетъ необыкновенное развитіе, если будетъ выдержанъ и поправленъ изученіемъ великихъ образцевъ. Питомцы Училища по части перспективы и пейзажа приносятъ очевидную пользу не только искусствомъ своимъ, но даже изученіемъ памятниковъ и видовъ разнообразной мѣстности по всѣмъ концамъ Россіи (напр. Гг. Шухвостовъ, Рыбинскій, Соврасовъ, Бочаровъ, Герцъ, Милюшинъ, Соленовъ, Аммонъ). Искусство оживлено, примѣнено къ потребностямъ отечества, таланты изъ всѣхъ сословій къ Училищу, и молодый нашъ разсадникъ постоянно цвѣтетъ новыми надеждами и укрѣпляется въ силахъ, благодаря неутомимой и единодушной дѣятельности всѣхъ преподавателей Училища....

Digitized by Google

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Гомеопатическая больница. На Самотекѣ, въ приходѣ церкви Троицы, что въ Троицкой, въ глухомъ переулкѣ, рядомъ съ самою церковью, стоитъ небольшой одноэтажный домъ, довольно скромной наружности, почти нисколько не отличающійся отъ сосѣднихъ. Домъ жилой, но кто живетъ тутъ, объ этомъ знаютъ и заботятся не многіе въ Москвѣ. Почти каждое утро изъ него выходятъ нѣсколько стариковъ и старухъ, идутъ въ церковь, и, отстоявъ службу, возвращаются опять домой. Болѣе, въ другое время, ихъ и не увидишь. По утрамъ же иногда встрѣтятся на крыльцѣ этого дома двое-трое очень скромно одѣтыхъ людей, на лицѣ которыхъ написана забота, горе и еще что-то, отъ чего со стороны жаль становится человѣка. Въ полдень промелькнутъ въ домъ нѣсколько женщинъ съ узелкомъ подъ мышкой.... Болѣе ничего не замѣтите. Да.... аккуратно каждый день подъѣзжаетъ къ крыльцу экипажъ, изъ экипажа выходитъ кто-то, и, побывъ въ домѣ часъ-два, уѣзжаетъ обратно. Что же это за домъ, и ужъ не таинственность ли какая скрывается въ немъ? Таинственности нѣтъ никакой. Въ домѣ находится богадѣльня, устроенная Графомъ А. И. Остерманомъ-Толстымъ, и гомеопатическая больница, заведенная его племянникомъ, Княземъ Л. М. Голицынымъ. О больницѣ-то мы и скажемъ слова два. Слишкомъ пять лѣтъ какъ существуетъ она, но извѣстна очень немногимъ. Между тѣмъ, имѣя 20 кроватей, она приносила и не перестаетъ приносить пользу страждущимъ, по мѣрѣ своихъ средствъ. Въ продолженіе 5 лѣтъ (1845—50) она призрѣла слишкомъ 640 человѣкъ больныхъ, изъ которыхъ болѣе $^2/_3$ выздоровѣли совершенно; умершихъ въ ней было 1 изъ 15. Сверхъ того приходило за медицинскими совѣтами и пособіями до 480 ч., и изъ нихъ большая часть выздоровѣли. Кромѣ этихъ очень удачныхъ результатовъ, представляемыхъ гомеопатическимъ заведеніемъ, замѣчательно еще то обстоятельство, что медикаменты для всѣхъ вообще больныхъ стоили ежегодно не болѣе *двадцати рублей серебромъ!*.... Предоставляемъ гг. врачамъ рѣшать, что лучше—аллопатія, гидропатія, гомеопатія, электропатія или еще какая *патія*: а намъ, болѣющимъ, все равно, въ какомъ бы источникѣ не отыскалась живая вода, хотя бы близъ Самотеки.... Описаніе болѣзней, отъ которыхъ пользуемы были обращавшіеся въ гомеопатическую больницу, можно видѣть въ самомъ заведеніи....

Digitized by Google

Надежды шелковой промышленности. Не говоря уже о давнемъ времени, даже и теперь не всякій повѣритъ, чтобы Русскія шелковыя издѣлія, сработанныя въ Москвѣ простымъ мужичкомъ, по указаніямъ своего хозяина, чтобы они могли когда-нибудь соперничать съ знаменитыми Ліонскими и по красотѣ, и по прочности, и по цѣнѣ. А между тѣмъ, возможности этого соперничества уже нельзя опровергать: есть ясное доказательство, или, если угодно, фактъ. Шелковыя ткани съ фабрики Московскаго купца Кондрашева заслуживаютъ полное одобреніе на Лондонской выставкѣ и не боятся сравненія съ Ліонскими. Разумѣется, успѣхъ этотъ важенъ особенно по ожидаемымъ отъ него послѣдствіямъ: онъ долженъ разсѣять предубѣжденіе большинства потребителей противъ мѣстныхъ произведеній, возвысить довѣріе къ производителямъ и имѣть значительное вліяніе на развитіе шелковой промышленности. Развитію этому, по счастливому случаю, обѣщаетъ содѣйствовать еще одно обстоятельство, возникшее именно тогда, какъ Москвичи любовались, въ Московскомъ магазинѣ, шелковыми тканями Г. Кондрашева, приготовленными для всемірной выставки. Извѣстно, что на Московскихъ фабрикахъ потребляется въ годъ не менѣе 20 тысячъ пудовъ такъ называемаго Шемахинскаго, шелку получаемаго изъ Закавказья. Но Шемахинскій шелкъ много дешевле иностраннаго, и именно по причинѣ его дурной размотки, которая производится туземцами Закавказья какъ попало. Но почему же бы не разматывать этотъ шелкъ здѣсь, въ Москвѣ? спросите вы: кстати, у насъ же разводятъ шелковицу, есть Комитетъ шелководства. Объ этомъ-то и думали давно, но вѣдь задумать и исполнить — не одно и то же. Наконецъ, благодаря стараніямъ Комитета и въ особенности Секретаря Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, С. А. Маслова, дѣло двинулось. Сынъ одного изъ здѣшнихъ фабрикантовъ, А. И. Шабунинъ, отправился на Кавказъ съ цѣлію закупки шелковичныхъ коконовъ и доставленія ихъ въ Москву для размотки. Общество снабдило его письмами и наставленіями, Намѣстникъ Кавказскій оказалъ ему свое просвѣщенное покровительство, — и Г. Шабунинъ закупилъ въ Нухѣ нѣсколько пудовъ прошлогднихъ коконовъ, сдавилъ ихъ и отправилъ въ Москву, чтобы тамъ сдѣлали опытъ ихъ размотки. Если опытъ этотъ будетъ имѣть желанный успѣхъ (въ чемъ нельзя сомнѣваться: говорятъ, что двое здѣшнихъ капиталистовъ, уже намѣрены устроить шелково-размотное заведеніе въ обширномъ видѣ), тогда Г. Шабунинъ приступитъ къ самому дѣлу: онъ станетъ покупать коконы на мѣстѣ, сдавливать ихъ и отвозить

Digitized by Google

въ Москву чрезъ Баку, Астрахань и Нижній Новгородъ. Теперь онъ вѣроятно уже приступилъ къ этому опыту, развитіе и успѣхъ этого новаго предпріятія обѣщаютъ много выгодъ какъ для покупателей, такъ и для продавцевъ. Оно произведетъ поощрительное для производителей повышеніе цѣнъ коконовъ. Хорошая и правильная размотка шелка возвыситъ цѣнность его, тогда какъ настоящій образъ размотки только понижаетъ ее. Самая размотка будетъ стоить дешевле въ Москвѣ, нежели на мѣстѣ. Этотъ способъ доставитъ возможность отправлять въ Россію произведенія Кавказскаго шелководства водою, чего до сихъ поръ не было, потому что если отправлять не въ видѣ коконовъ, а шелкомъ, то нельзя успѣть размоткою до закрытія навигаціи. Въ Москвѣ же откроется новая промышленность для рукъ женщинъ и дѣтей. О выгодахъ покупателей уже не говоримъ: онѣ очевидны сами по себѣ.

Кромѣ Закавказья, мѣстомъ для покупки коконовъ, хотя далеко не въ столь большомъ количествѣ, можетъ служить и Малороссія, гдѣ разведеніе шелковичныхъ червей увеличивается болѣе и болѣе. Комитетъ шелководства объявилъ, что онъ съ своей стороны готовъ оказать всякое содѣйствіе лицамъ, которыя согласились бы закупать коконы въ этомъ краю.

Лѣтъ за семь тому, учрежденіе Комитета шелководства при Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства казалось многимъ совершенно неумѣстнымъ. На опыты разведенія шелковицы здѣсь, въ Москвѣ, нерѣдко смотрѣли съ улыбкой; размотка шелка, производившаяся въ Земледѣльческой школѣ, привлекала любопытныхъ, но немногіе понимали прямую пользу отъ однихъ опытовъ. Теперь сомнѣвающіеся должны замолчать передъ очевидностью и допустить богатыя надежды на будущее: сѣмя пустило глубокіе ростки....

—

Справка въ Гамптонкуртѣ.

Всѣхъ, слѣдившихъ полемику о Рафаэлевскихъ картонахъ, будетъ, конечно, интересовать справка, которая сдѣлана въ Гамптонкуртѣ. Объявлено было мнѣніе, что живописные холстинные картоны Лухманова—копіи съ Гамптонкуртскихъ. Этому мнѣнію противорѣчили: убавка двухъ фигуръ и нѣкоторыя измѣненія въ картонѣ—Смерть Ананіи, надпись и особенно прибавка ниши съ статуею и цоколя внизу съ двумя миѳологическими фигурами на картонѣ: Ослѣпленіе Волхва или Обращеніе Проконсула Сергія.

Digitized by Google

Говорили, что убавить фигуры и сдѣлать измѣненія въ позахъ, по какимъ-нибудь случайнымъ причинамъ, кописту будто бы возможно; говорили, что надпись не требуетъ подлинника: надпись не картина; но ужъ прибавить цѣлый бокъ къ картинѣ, копистъ, конечно, не имѣетъ никакого права. Я зналъ, что по описаніямъ и по гравюрамъ Гамптонкуртскаго картона этихъ фигуръ на немъ не было; но все-таки необходимо было навести справку на самомъ мѣстѣ.

Такъ какъ меня въ этомъ дѣлѣ интересовала истина, то я съ своей стороны употребилъ средства для того, чтобы навести эту справку. К. А. Коссовичъ, пребывающій въ Лондонѣ для библіографическихъ порученій Императорской Публичной Библіотеки, по моей личной просьбѣ, удѣлилъ мнѣ праздничное утро и въ Гамптонкуртѣ произвелъ необходимую справку, въ слѣдствіе которой оказалось, что ни ниши со статуей, ни цоколя съ двумя миѳологическими фигурами, однимъ словомъ, всей этой чудной камневидной живописи, которая такъ плѣняла знатоковъ искусства на живописной холстинѣ, на Гамптонкуртскомъ картонѣ нѣтъ. Что касается до надписи, то она есть, и выведена черными буквами, а на холстинѣ желтыми, подъ цвѣтъ золота. Теперь уже, кажется не можетъ быть никакого сомнѣнія, что Лухмановскія живописныя холстины не могутъ быть копіями съ Гамптонкуртскихъ картоновъ.

С. Шевыревъ.

P. S. Скоро надѣюсь получить и сочиненіе Гана о картонахъ и коврахъ, самое подробное.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ИГРОКА.

РУКОПИСЬ НЕИЗВѢСТНАГО,

изданная П. Вистенгофомъ.

I.

А добродѣтельный человѣкъ все-таки не взятъ въ герои. И можно даже сказать, почему не взятъ. Потому что пора наконецъ дать отдыхъ бѣдному добродѣтельному человѣку.... потому что обратили въ лошадь добродѣтельнаго человѣка ..

Н. Гоголь. Мерт. душ.

На 19 году я кончилъ курсъ моего воспитанія и былъ выпущенъ изъ пансіона. Я освободился отъ моего опекуна, вступилъ въ управленіе маленькимъ имѣніемъ и поступилъ на службу въ одну изъ временныхъ коммиссій, бывшихъ тогда въ Москвѣ. Порядочное жалованье, доходъ съ деревни могли бы быть достаточными для безбѣдной жизни.

Я посѣщалъ лучшіе дома Московскаго общества: хотя отецъ мой былъ небогатый человѣкъ, но одинакую со мною фамилію носили нѣсколько значительныхъ семействъ, принадлежавшихъ къ высшему кругу, а родственныя связи моей матери и участіе благодѣтеля моихъ родителей сдѣлали для меня доступными салоны высшаго общества; но уже я былъ несчастливъ, я страдалъ, сильно страдалъ, червь самолюбія уже точилъ мое испорченное сердце, зависть отравляла все мое существованіе, мнѣ хотѣлось быть замѣтнымъ въ толпѣ; всѣ мои желанія стремились къ тому, чтобъ меня видѣли и мнѣ завидовали. Каждый балъ, каждый вечеръ растравлялъ все болѣе и болѣе мое самолюбіе и мой мрачный взглядъ на жизнь; я видѣлъ въ салонахъ—безпечныхъ, веселыхъ богачей, которые, ничего не дѣлая, могли наслаждаться жизнію, видѣлъ предпочтеніе, имъ оказываемое, видѣлъ, какъ одна и та же дѣвушка была совершенно другимъ существомъ со мною бѣднымъ чиновникомъ канцеляріи—и съ денди, возвратившимся изъ-за границы, гдѣ онъ сумазброднымъ образомъ промоталъ сотни тысячъ рублей. Покрой платья, манеры богача, словомъ, все то, что себѣ можетъ позволить счастливецъ и чего не простятъ ни кѣмъ непри-

Digitized by Google

мѣченному, все это меня подвигало на какое-то страшное чувство ненависти къ жизни и къ людямъ. Правда, и у меня были всегда чистыя перчатки, клѣтчатые чулки, по модѣ сшитый фракъ, приличная квартирка, даже ямская карета, чтобъ ѣхать на балъ.... Но что же это? Это дѣлалось все какъ-то на живую нитку.... Чтобъ нанять карету, я долженъ былъ отказать себѣ въ другомъ необходимомъ, а фраки мои долженъ былъ беречь и не могъ мѣнять ихъ такъ часто, какъ перчатки.... Я видѣлъ ясно, что во многихъ домахъ меня принимали потому, что нужны кавалеры для танцевъ.— Нѣтъ, не этого хотѣлъ я,—я хотѣлъ, чтобъ обо мнѣ говорили, чтобъ женщины за мною гонялись, ловили меня въ обществѣ, чтобъ мнѣ завидовали мущины. Хотя я былъ не красавецъ, но недуренъ собою, чего же мнѣ не доставало для достиженія моей цѣли? Умъ? Я былъ очень очень, не глупъ. Воспитанія? Я былъ весьма хорошо воспитанъ—для гостиныхъ. Добраго поведенія? Но порочныхъ мыслей моихъ не зналъ никто.... Нѣтъ, для достиженія моихъ цѣлей нужно было только одно богатство, одни деньги!... Онѣ-то и составляли предметъ моихъ помышленій; я видѣлъ, что безъ денегъ не было наслажденія.... Какъ же достать ихъ? Служить, чтобъ получить выгодное мѣсто съ большимъ жалованьемъ; но на это надо употребить по крайней мѣрѣ десятокъ лѣтъ сильнаго труда, погубить лучшую часть жизни въ заботахъ и лишеніяхъ. Заняться какою-нибудь наукою—это было для меня невозможно: я получилъ образованіе энциклопедическое.... играть въ карты,—но надобно было бы и умѣть играть, и имѣть счастіе, а также и деньги.... Жениться на богачкѣ,—но я хотѣлъ, чтобъ меня самого искали красавицы-невѣсты, какъ богатаго жениха.... бракъ казался мнѣ уже послѣднимъ средствомъ къ обогащенію. Словомъ, голова моя терялась въ предположеніяхъ ...

Одно происшествіе еще болѣе поссорило меня съ жизнію; это происшествіе была неудачная любовь.... Изъ всѣхъ дѣвушекъ, которыхъ я встрѣчалъ въ Московскихъ обществахъ, обращала на себя мое вниманіе Лиди Мистерина. Ея бойкій умъ, блестящая красота, большіе голубые глаза, блѣдное, благородное, гордое лицо, рѣзко оттѣненное густыми локонами волнистыхъ русыхъ волосъ, не покидали ни на минуту моего воображенія. Мать Лиди имѣла открытый домъ въ Москвѣ, и хотя говорили въ обществахъ, что дѣла Мистериной были разстроены, но она жила большой рукой. Увлекательная, непринужденная, всегда острая въ разговорахъ, Лиди была лучшимъ украшеніемъ Московскаго общества. Многіе денди вздыхали о ней напрасно. Всегда гордая, хотя и до-

Digitized by Google

ступная для свѣтскаго разговора, она умѣла искателей своихъ держать въ почтительномъ отдаленіи. Скоро замѣтилъ я, что Лиди оказывала мнѣ явное предпочтеніе предъ другими мужчинами, искавшими жадно ея ласковаго взора.

«Отчего вы такъ рѣдко ангажируете меня танцовать?—спросила она меня на одномъ балѣ.

— Отъ того, что я боюсь надоѣсть вамъ,— отвѣчалъ я, — я слишкомъ признателенъ и за тѣ немногія минуты, которыя вы удѣляете мнѣ въ нашемъ краткомъ разговорѣ.

«Развѣ я вамъ показала, хотя однажды, что я съ вами скучаю?»

— Нѣтъ, я этого не замѣтилъ, но это я отношу къ вашему уму и образованію, притомъ же я не хочу отнимать удовольствія у другихъ. Развѣ вы не видите, какъ всѣ спѣшатъ уловить ваше ласковое слово...

«Вы очень великодушны. Но это великодушіе весьма обидно для женщины; тотъ, кто предпочитаетъ женщину другимъ, бываетъ болѣе эгоистъ, чѣмъ вы. Вы сегодня не искренны со мною.

— Конечно, какъ и всегда,—отвѣчалъ я, ободренный свободнымъ, привѣтливымъ разговоромъ дѣвушки, гордость которой была всѣмъ извѣстна.

«Стало вы всегда притворялись, во всемъ, что ни говорили со мною? а я иногда такъ любила васъ слушать, мнѣ такъ нравились ваши всегдашніе парадоксы ...

— Нѣтъ, не все же я лгалъ. Все, что я сказалъ вамъ во время нашего знакомства, были мои убѣжденія; но кто знаетъ, можетъ быть, въ моемъ молчаніи заключалась вся моя неискренность, можетъ быть, говоря съ вами много, я умолчалъ именно то, что умѣю лучше всего чувствовать. Стало быть, я точно былъ не искренъ съ вами....

«Что касается до меня, то я ни съ кѣмъ не была такъ откровенна, какъ съ вами....

— Все это правда, но разговоръ нашъ касался больше общихъ предметовъ, разныхъ сторонъ жизни человѣка, а не моей; я вамъ ни разу не говорилъ о моихъ чувствахъ....

«Они должны быть очень испорчены и непостоянны.

— Почему жъ вы это заключаете?

«По вашей недовѣрчивости въ счастіе жизни.

— Это происходитъ отъ того только, что я не встрѣчалъ до сихъ поръ существа, которое бы умѣло убѣдить меня въ противномъ; это отъ того, что я еще не испытывалъ, что значитъ взаимная любовь.

Digitized by Google

«Это суще пустяки, отвѣчала Лиди, стараясь скрыть внутреннее волненіе и, перекосивъ нѣсколько свои розовыя губки, она сдѣлала принужденную улыбку, которая весьма шла къ ней. Потомъ она прибавила:

L'amour est une bonne chose
Quand on n'en prend qu'une legère dose.

Читали ли вы эту истину на конфектномъ билетѣ?

— Я никакъ не думалъ, чтобъ вы дали такой жесткій отвѣтъ,—сказалъ я съ примѣтнымъ неудовольствіемъ.

«А почему жъ?

— Потому что въ этомъ отвѣтѣ даже не заключается уваженія къ тому, съ кѣмъ вы говорите, не только какого-нибудь сочувствія....

«Кто же вамъ сказалъ, что дѣвушка на балѣ должна быть всегда искренною?

— Но если бъ я просилъ васъ?...

«Надобно попробовать.... не знаю.... это зависитъ отъ минуты....

— Теперь, или никогда, будьте со мною искренны.

«Извольте; такъ искренна, какъ предъ моимъ лучшимъ другомъ.

Я позабылъ тогда, что Лиди имѣла даръ и способность очаровывать каждаго, съ кѣмъ говорила; она любила это кокетство, которое составляетъ красоту женщины, она желала нравиться всѣмъ, даже и тѣмъ, которыхъ не только не замѣчала, но презирала, а я былъ молодъ, я счелъ слова Лиди о дружбѣ за слова близкія къ взаимной любви....

— Дайте мнѣ слово, что разговоръ этотъ останется между нами и его не узнаетъ никто, никогда.

«Но для чего это, развѣ мы сдѣлаемъ какое-нибудь преступленіе, говоря откровенно?

— Нѣтъ, но онъ можетъ окончиться невыгодно для меня.

«Извольте....

— Я люблю васъ давно искренно.... спрашиваю васъ теперь, можете ли вы любить меня?

«Могу....

— Что слышу я! стало я счастливъ?... я могу просить вашу руку....

«Нѣтъ, никогда....

— Никогда?...

«Никогда.... потому что матушка моя не согласится на нашъ бракъ.

— Но мы можемъ обвѣнчаться тайно...

Digitized by Google

«Это невозможно!...

— Почему жъ? я всѣмъ пожертвую для моей любви къ вамъ, почему жъ это невозможно?

«Потому, что я сама не хочу быть вашей женой....

— Но не вы ли сказали, что вы меня любите?

«Да и еще разъ повторяю, если бы вы обладали милліонами, носили блестящее имя и не были тѣмъ, что вы есть и по наружности, и по уму,— я не любила бы васъ.... Вы мнѣ давно очень нравитесь; но я столько же самолюбива, какъ и вы. Я старѣе васъ нѣсколькими годами и уже люблю не въ первый разъ. Когда ваша любовь ко мнѣ пройдетъ, то что отъ нея останется для меня? Неизвѣстное имя, холодный мужъ. Я тщеславна!... если бъ вы имѣли огромное богатство, блестящее имя, я бы васъ избрала перваго... Но я съ вами говорю, какъ съ другомъ: вы еще молоды; для женщины, какъ я, одной любви недостаточно, я хочу наслажденій, а они безъ богатства невозможны; изысканный кругъ, въ которомъ вы меня всегда видите, сдѣлался моею привычкою, и богатая жизнь, которую мы ведемъ,— только наружна; дѣла наши разстроены, у меня нѣтъ приданаго.... мы съ вами должны бы были питаться незабудками....

— Но ежели я буду богатъ?... я употреблю всѣ силы.....

«Этого нельзя сдѣлать въ одну минуту.... а впечатлѣнія мѣняются: кто поручится, что завтрашній же день не истребитъ васъ совершенно изъ моего воображенія....

Кадриль кончилась, и я, какъ ошеломленный, остался одинъ среди толпы. Бѣшенство, обиженное самолюбіе тѣснили грудь мою; я бросился опрометью съ проклятаго бала, проклиная адскія условія свѣта.... проклиная свои дерзкія желанія... свои несбыточныя предположенія.....

—

Когда человѣкъ еще чего-нибудь надѣется въ жизни, тогда онъ счастливъ. Пусть надежда его будетъ мыльный пузырь, самая безобразная, несбыточная мечта; пока лелѣетъ ее въ груди человѣкъ, до тѣхъ поръ онъ счастливъ по своему: у него есть планъ для дѣйствій, цѣль для жизни. Но какъ скоро увидалъ человѣкъ, что надежды его разрушены, тогда прощай счастіе, малодушный впадаетъ въ уныніе, навсегда пылкій безпокойно устремляется къ другой цѣли... Мнѣ казалось, что надежды мои на достиженіе Лиди еще не кончились, я видѣлъ, что мнѣ недоставало только одного богатства.... И что же сдѣлалъ я?.... Я распустилъ слухъ, что получилъ богатое наслѣдство; оставилъ службу, потому что уже не могъ ничѣмъ заниматься, у меня

Digitized by Google

была одна цѣль: пріобрѣтеніе,—одна мысль—блистать въ обществѣ, прослыть богачемъ. Я продалъ свое имѣніе, нанялъ большую квартиру, завелъ дорогіе экипажи и повелъ такой образъ жизни, что долженъ былъ въ полгода остаться безъ гроша. Иные вѣрили, а иные сомнительно смотрѣли на мой образъ жизни. Встрѣчаясь съ Лиди въ обществѣ, я ограничивался одними вѣжливыми поклонами, иногда даже разговаривалъ съ нею, но уже не дѣлалъ никакого намека о любви. Хотя она никогда не спрашивала меня, почему я пересталъ бывать у нихъ, однако отъ пріятелей моихъ узналъ я, что ее очень занимало все, что касалось до меня; она всячески старалась узнать причину моего наружнаго богатства.

Вотъ образчикъ моего дня: я вставалъ къ двумъ часамъ послѣ полудня, пересвиставъ нѣсколько арій изъ оперъ, одѣвался, садился въ красивый фаэтонъ и отправлялся на кузнецкій мостъ; тамъ я покупалъ всѣ прихоти для моего щегольскаго туалета, заѣзжалъ на Тверской бульваръ, на репетицію въ театръ, дѣлалъ нѣсколько визитовъ, и къ 5-ти часамъ являлся обѣдать и хвастать въ клубъ, потомъ летѣлъ навѣстить знакомую танцовщицу или швею; въ 8 часовъ былъ въ театрѣ, потомъ на балѣ, или опять отправлялся хвастать въ клубъ, гдѣ уже началъ вести игру въ палки. Я не рѣшался еще играть въ большую, мой проигрышъ и выигрышъ составлялъ всегда не болѣе 1000 руб. ассигнаціями. Ведя такую жизнь, я еще болѣе сблизился съ богатыми молодыми людьми; но жизнь моя поглощала столько денегъ, что мнѣ угрожала совершенная нищета, если я не прибѣгну къ какимъ-либо способамъ для поддержанія моего шаткаго существованія.

Между всѣми праздными богачами, съ которыми я видался ежедневно, все мое вниманіе обращалъ на себя молодой человѣкъ Оребуровъ, въ короткое время сдѣлавшій себѣ огромное состояніе счастливою игрою въ палки. Про него были двѣ молвы въ городѣ: одни говорили, что онъ игралъ нечисто, другіе, напротивъ, его удачу въ игрѣ приписывали чудному случаю счастія, тѣмъ болѣе, что состояніе себѣ онъ выигралъ на глазахъ у всѣхъ, играя въ клубахъ съ людьми, которые были вдвое его старѣе и опытнѣе въ игрѣ.

Однажды я пріѣхалъ къ нему утромъ, когда онъ былъ еще въ постелѣ.

«Откуда такъ рано? спросилъ меня съ удивленіемъ Оребуровъ, зная, что я люблю спать по утрамъ.

— Я нарочно всталъ рано, чтобъ застать тебя одного, мнѣ нужны большія деньги, или ничего,— мнѣ надоѣло *тянуть кани-*

Digitized by Google

тель и путаться по маленькой, прибавилъ я, говоря игрецкимъ языкомъ, я хочу съ тобой пройтись въ *серьезное разсужденіе*.

«Почему жъ и не такъ, отвѣчалъ Оребуровъ, потягиваясь, *карта бумага, не жареное—не пахнетъ;* а во что будемъ мы играть?

— Въ тентире.

«Это надоѣдаетъ и въ клубахъ. У себя дома я ни во что больше не играю, какъ въ банкъ; пойдемъ—сказалъ онъ, поднимаясь съ постели, *попутаемся... попутаемся....*— Мы вошли вмѣстѣ въ большой кабинетъ, въ которомъ было нѣсколько разложенныхъ карточныхъ столовъ.

«Я буду метать тебѣ отвѣтный, продолжалъ Оребуровъ, ставь что хочешь, а вотъ двѣ шкатулки золота, они къ твоимъ услугамъ. Сказавъ эти слова, онъ открылъ обѣ шкатулки и высыпалъ груды золота на зеленый столъ....

— Сколько тутъ денегъ? спросилъ я его, смотря съ жадностію на золото.

«Тутъ триста пятьдесятъ тысячъ на ассигнаціи,— если этого мало, мы добавимъ, вотъ банковые билѣты на 700 т. рублей.

Передо мною былъ милліонъ чистыхъ денегъ! Онъ представлялъ въ умѣ моемъ всѣ прелести жизни, наслажденія любви, покой и беззаботность, словомъ, все, что составляетъ здѣсь счастіе,— за чѣмъ гонится юноша, взрослый и старикъ. У меня въ карманѣ было 30 т. рублей ассигн.; это было все мое состояніе.... я въ четверть часа могъ быть и нищій и богачъ.... я не сталъ колебаться, гадкая посредственность равнялась нищетѣ, я хотѣлъ или взять этотъ милліонъ или отдать послѣднее.

«Въ моей игрѣ нѣтъ мѣлу, — сказалъ Оребуровъ, давая мнѣ снимать, — ставь на карту, что можешь.

Кровь застыла въ моихъ жилахъ... я разсчелъ, что мелкой маркой идти было хуже, можно было дробью отдать всѣ деньги, почему рѣшился поставить на одну карту все мое состояніе. Я выдернулъ изъ колоды тройку и, бросивъ на нее деньги, сказалъ: идетъ 30 т. руб.

«Ты понтируешь, какъ Испанскій грандъ, сказалъ, улыбнувшись, Оребуровъ, и началъ метать.

По второму абцугу тройка была дана. Кровь отвалила отъ моего сердца. Я могъ теперь спрятать свои деньги и играть на деньги моего противника, но я этого не сдѣлалъ, мнѣ все казалась мелка марка, я загнулъ пароле на тройкѣ... Кровь опять подступила у меня и къ сердцу, и къ головѣ... Оребуровъ началъ метать. Прошло почти половина таліи: тройка не выходила.

Digitized by Google

— Атанде! сказалъ я. Позволь мнѣ уменьшить, я ставлю на пе.....

«Вишь какой гусь! прервалъ, смѣясь, Оребуровъ, гдѣ ты это такъ понаторѣлъ? а, кажется, давно ли играешь? какже позволю я тебѣ теперь уменьшить, когда всего осталось въ талiи только шесть картъ, тройка или плюе, или непремѣнно убита.— Въ самое это время тройка упала на лѣво, а у банкомета въ оставшихся четырехъ картахъ на рукахъ были три тройки. Оребуровъ побѣднѣлъ, досада примѣтно выразилась на его лицѣ. Онъ тотчасъ отсчиталъ мнѣ 90 т. рублей Я ободрился и отодвинулъ назадъ отсчитанную мнѣ сумму, въ которой были и золото и билеты банка.

— Не надо, сказалъ я, идетъ на 7-мь кушей,— и загнулъ на тузѣ два угла.... Мертвое молчанiе воцарилось тогда между играющими.... Дѣло шло о 210 т. рубляхъ.

«Ты, кажется, хочешь меня сего дня заставить пить чай безъ сахару, сказалъ, улыбаясь, Оребуровъ; голубчикъ тузикъ, удружи!.. Тузъ упалъ на лѣво... Оребуровъ опять побѣднѣлъ, у меня сердце забилось пуще прежняго. Теперь у меня уже было порядочное состоянiе... Но этого было еще мало для меня.

«Ты продолжаешь? спросилъ меня недовѣрчиво Оребуровъ.

— Продолжаю, отвѣчалъ я. Это слово сорвалось у меня съ языка, это слово было выраженiе фанфаронства, мнѣ хотѣлось блеснуть моею дерзостiю предъ противникомъ, который сначала такъ небрежно принялъ мой вызовъ на гробовую игру,—Идетъ 210 т. на пе, сказалъ я, перегибая на туза.

«И тридцать тысячъ мазу, прибавилъ Оребуровъ, взявъ другую колоду, или я не бью, возьми свои деньги.

По мнѣ пробѣжала лихорадочная дрожь...

— Хорошо, отвѣчалъ я.

Но первому абцугу тузъ упалъ направо....

Дыханiе у меня сжалось, я сталъ нищимъ изъ богача....

Не показывая ни малѣйшаго вида, что происходило у меня въ душѣ, я до крови разодралъ всю мою грудь ногтями и, между тѣмъ улыбнулся.....

Оребуровъ равнодушно придвинулъ къ себѣ деньги.

— Ты знаешь мою карету и лошадей, сказалъ я Оребурову, мои картины и дорогiе часы и вотъ это кольцо? Позволь мнѣ все это поставить на карту въ 15 т. рублей ассигн.

«Изволь.

— Идетъ дама, сказалъ я.

Оребуровъ началъ метать, и дама была убита. Желая показать, что я спокоенъ, я медленно зѣвнулъ.

Digitized by Google

— Хорошо, я тебѣ сейчасъ все это пришлю, теперь завду на репетицію... прибавилъ я, какъ будто уже позабывъ о проигрышѣ.

«Однако ты сегодня ловко *простудился*, прервалъ меня Оребуровъ, я воображаю въ какой ты теперь *подмазкѣ*... Ты долженъ быть въ самыхъ *дикихъ* обстоятельствахъ.... Но послушай!... Тебѣ могутъ быть нужны лошади и вещи, оставь ихъ у себя, я могу подождать.

— Нѣтъ, мнѣ ничего ненужно, сказалъ я, стараясь задавить въ душѣ моей стыдъ, испытываемый при предложеніи помощи моимъ же достояніемъ.

«Ну, полно церемониться, перебилъ Оребуровъ, вѣдь я знаю, что ты небогачь, полно передо мною корчить магната, вѣдь я знаю, что ты мнѣ проигралъ сегодня все, что могъ проиграть; я вижу въ тебѣ характеръ и аккуратность, этого довольно для игрока.... Возьми назадъ и деньги.... Я тебѣ предлагаю ихъ взаймы, отдашь когда будешь въ состояніи... Только, чтобъ это осталось между нами. Будемъ въ тайнѣ друзьями и товарищами по игрѣ. Ты мнѣ будешь нуженъ, очень нуженъ, мы другъ другу будемъ полезны и будемъ равно богаты, только слушайся меня... Я давно тебя люблю и давно искалъ твоей дружбы, одному играть и выигрывать невозможно..... Вотъ тебѣ мой дружескій совѣтъ.... Бѣги по возможности всякихъ счетовъ въ игрѣ, не выигривай никогда въ долгъ, столько, сколько человѣкъ не въ состояніи отдать, береги свою репутацію, притворяйся невиннымъ ягненкомъ и не играй ни когда иначе, какъ навѣрное,—на счастіе играютъ одни дураки, понимаешь ли ты меня?

— Но я не умѣю, отвѣчалъ я, я не знаю никакихъ секретовъ въ игрѣ....

«Нужды нѣтъ, я тебя выучу.

— Но если меня поймаютъ?

«Тогда тебя, разумѣется, назовутъ подлецомъ; но есть, братецъ, такія вещи на свѣтѣ, которыя не уловимы и для мудрецовъ, а ихъ могутъ знать дураки. Повѣрь, что честность въ игрѣ, какъ и вездѣ, совершенные пустяки; всякій, кто играетъ, желаетъ выиграть, какъ бы добродѣтеленъ человѣкъ не былъ; а кто играетъ на все состояніе, тотъ желаетъ выиграть во что бы то ни стало, и еслибы можно было только, почесавъ переносицу, всѣ деньги друга перевести въ свой карманъ, то, вѣрь мнѣ, что всѣ самые добродѣтельные игроки ходили бы съ расчесанными до крови переносицами; если же иной и играетъ честно, это только потому, что еще не просвѣтился и боится пощечины.

Digitized by Google

— Да какъ же ты самъ сей часъ проигрывалъ мнѣ большой кушъ?

«Ну это было твое ослиное счастіе, которое, конечно, другой разъ въ жизни уже не повторится; я метилъ тебѣ баламуть, въ которомъ только и выигрываютъ двѣ карты, надобно же, чтобъ ты на нихъ именно попалъ.... Это судьба, братецъ.

Въ это время послышался стукъ подъѣхавшей кареты.

«Перемѣнимъ разговоръ, сказалъ торопливо Оребуровъ, кто-то пріѣхалъ; будь у меня завтра рано, я потолкую съ тобою серьезно объ одномъ важномъ дѣлѣ, и научу тебя необходимымъ вещамъ въ игрѣ....

Мы замолчали;—въ это время повернулась ручка у замка, и вошелъ человѣкъ среднихъ лѣтъ съ черными, какъ смоль, усами.

«Угодно ли попугаться, М-г Каркановъ? сказалъ хозяинъ.

— Отъ чего бы и не такъ, отвѣчалъ вошедшій.

«Гордоновъ, хотите ли метать пополамъ? спросилъ меня Оребуровъ.

— Извольте.

Игра кончилась въ десять минутъ, мы выиграли по 15 тысячъ.

«Пріѣзжай же завтра, теперь мнѣ некогда,— мы будемъ имѣть продолженіе прерваннаго разговора, сказалъ Оребуровъ.

—

II.

На другой день рано утромъ отправился я къ Оребурову. Его парадныя комнаты еще только что убирались; въ дверяхъ, ведущихъ въ залъ, я долженъ былъ остановиться, ибо въ это время выметалась туча картъ, загромоздившихъ собою входъ

— Баринъ проснулся? спросилъ я слугу.

«Проснулся и приказали просить.»— Я вошелъ въ кабинетъ Оребурова. Оребуровъ сидѣлъ въ халатѣ передъ большимъ столомъ, на которомъ лежали груды запечатанныхъ картъ; въ фарфоровой вазѣ была горячая вода, на столѣ было разложено множество стальныхъ инструментовъ, употребленіе которыхъ мнѣ было вовсе неизвѣстно, клочекъ хлопчатой бумаги, очки, два большихъ бинокля, циркуль, треугольникъ и утюгъ....

«Вотъ ты одинъ изъ весьма немногихъ, сказалъ мнѣ Оребуровъ, которыхъ я принимаю въ моемъ кабинетѣ въ то время, когда онъ представляетъ такую милую мастерскую. Но какъ вчера ты выигралъ на вѣрное, то сталъ товарищъ мнѣ по ремеслу, и какъ ты обѣщался быть моимъ вѣрнымъ сотрудникомъ, то пора тебѣ сбро-

Digitized by Google

сить эту невинность, которая ведетъ только къ нищетѣ, и пора посвятить тебя во всѣ таинства азартной и вѣрной игры. Это, братъ, не то, что подкладывать лишнюю черносливную косточку между большимъ и указательнымъ пальцемъ, нѣтъ, тутъ нужна снаровка похитрѣе; во первыхъ: надо умѣть составить и свесть игру; во вторыхъ: надо приготовить игру сообразно съ умомъ и степенью догадливости игрока; а въ третьихъ: надо умѣть выиграть столько, чтобъ выигравши можно было получить деньги. Видишь ли ты всѣ эти вещи на столѣ,—онѣ лежатъ здѣсь не даромъ, каждая изъ нихъ приноситъ пользу умному человѣку и додѣлываетъ то, чего никакъ не хочетъ додѣлать Александровская фабрика. Теперь я научу тебя разнымъ *штучкамъ изъ Лодоиски*, садись-ка. Вотъ я прежде всего покажу тебѣ, какъ надобно подпечатывать колоду.

Я устремилъ все мое вниманіе на Оребурова. Оребуровъ взялъ одну изъ лежащихъ передъ нимъ запечатанныхъ колодъ.

«Заприка дверь ключемъ,—прибавилъ онъ,—осторожность не мѣшаетъ; конечно, теперь еще такъ рано, никто не взойдетъ, но все лучше.—Когда я заперъ дверь, тогда Оребуровъ отщипнулъ клочекъ хлопчатой бумаги, помочилъ его въ горячей водѣ и началъ то прикладывать, то отнимать отъ штемпеля, которымъ придерживался бэндероль колоды. Не болѣе пяти минутъ продолжалась эта работа, какъ штемпель отсталъ отъ бандероля; тогда Оребуровъ осторожно отмочилъ тою же хлопчатою бумагою одну сторонку бандероля и, открывъ отверстіе у одного бока колоды, высыпалъ всѣ карты на столъ.—Вотъ видишь ли, какъ это все просто дѣлается, продолжалъ онъ,—возми-ка отбери въ этой колодѣ четъ и нечетъ.—Когда я исполнилъ его приказаніе, тогда онъ взялъ четныя карты, началъ каждую изъ нихъ по одиначкѣ класть на стальную дощечку, имѣвшую на оконечностяхъ выпуклости и маленькую впадину на серединѣ. Положа карту на эту дощечку, онъ прикрывалъ ее подобною ей, такъ что каждая карта находилась въ тискахъ отъ 2-хъ до 3-хъ минутъ. Когда всѣ четы подверглись такому процессу, тогда онъ смѣшалъ ихъ съ прочими картами колоды и, обратясь ко мнѣ, сказалъ: по игрецки это называется, братецъ, созданіе самой *невинной верховочки*; выгода этой игры состоитъ въ томъ, что когда мой противникъ будетъ метать банкъ, то по съемкѣ я всегда могу узнать, четъ или нечетъ верхняя карта, и потому всегда избѣгну несчастія попасть подъ первый абцугъ.

— Ну это самый пустой авантажъ! сказалъ я, для этого не стоитъ такъ долго трудиться.

Digitized by Google

«Чтобъ авантажъ былъ не пустой, отвѣчалъ Оребуровъ, надо понтировать семпелями и не такъ крупно; онъ весьма важенъ à la longue.

Потомъ Оребуровъ распечаталъ подобнымъ же манеромъ нѣсколько другихъ колодъ. На одной онъ отмѣтилъ всѣхъ тузовъ циркулемъ, сдѣлавъ на бокахъ едва примѣтныя точки.—Это, братецъ, необходимо для палочной игры, прибавилъ онъ, вотъ напримѣръ, ты далъ противнику карту, а тебѣ, видишь, идетъ тузъ, то, разумѣется, ты, чтобъ избѣгнуть его, передернешь.—И дѣйствительно Оребуровъ передернулъ карту такъ искусно, что я, сидя подлѣ него и смотря внимательно на его руки, ничего не замѣтилъ.—Эта игра не проигрывается, сказалъ Оребуровъ, но для этого надобно упражнять свои руки ежедневно,—я тебѣ совѣтую, ты всякій день, какъ встанешь и покуда сидишь дома въ халатѣ, бери колоду и упражняйся.... Это все равно, что игра на скрипкѣ: не поиграй недѣлю какой-нибудь артистъ, совсѣмъ не та легкость и мягкость въ смычкѣ....

На другой колодѣ Оребуровъ намѣтилъ всѣхъ фигуръ, тоже дѣлая маленькія, едва замѣтныя точки циркулемъ. Когда такимъ образомъ онъ перемѣтилъ всѣ колоды, то опять вложилъ ихъ въ пакеты, обернулъ бандеролями и намазавъ штемпеля кисточкою, обмоченною въ вишневый клей, опять приклеилъ ихъ къ бандеролямъ.

«Хорошо ли идетъ моя фабрикація, Гг. подмастерье?—спросилъ онъ.

— Отлично, — отвѣчалъ я.

«Хотя, братецъ, ты долженъ непремѣнно метать, потому что понтируютъ одни дураки, но иногда бываютъ случаи, продолжалъ серьезно Оребуровъ, гдѣ и умный человѣкъ долженъ дѣлать глупости, для того, чтобъ показать, что онъ дѣлаетъ то же, что и другіе, слѣдовательно, на случай, если тебѣ придетъ необходимость понтировать, то я дамъ тебѣ и на этотъ случай фортель. Вотъ, напримѣръ, возми колоду и дай мнѣ срѣзать, я тебѣ всегда такъ срѣжу, что буду въ состояніи поставить вѣрную карту.—Я далъ срѣзать Оребурову. Онъ срѣзалъ.—Идетъ десятка, сказалъ онъ.—Я началъ метать, и десятка дана была по второму абцугу.

«Что, хитро? спросилъ меня Оребуровъ, а просто сущіе пустяки: вотъ видишь ли ты этого трефоваго валета, которымъ я рѣзалъ, видишь ли ты его поясъ? тутъ вставленъ стальной крючекъ, который имѣетъ такой размѣръ, что когда ты прорѣзываешь колоду картою, онъ прорѣзываетъ собою еще четыре карты, и ты,

Digitized by Google

сидя съ боку, можешь видѣть четвертую карту, которая при меткѣ падаетъ во второмъ абцугѣ налѣво. Эта игра называется, братецъ, по-игрецки: *подцѣпи на крючекъ*. А то вотъ еще очень авантажная игра,—продолжалъ Оребуровъ весьма серьезно: *напиток*.

— Какъ же это?

«Это весьма просто, напримѣръ: вотъ видишь тройку? ты ее ставишь; если банкометъ тебѣ тройку далъ, ну и хорошо, а если тройка упала направо, то ты молчи, она у тебя сдѣлаться можетъ двойкою.—И въ самое это время онъ приложилъ руку къ очку, бывшему на серединѣ карты,—очко осталось у него въ рукѣ, а карта представляла двойку.

«А то вотъ Польскія фигуры, продолжалъ Оребуровъ, показывая мнѣ на королей; ну мечи, прибавилъ онъ, поставя одного изъ королей.

Я началъ метать и убилъ короля.

— Убилъ, сказалъ я.

«Неправда, отвѣчалъ Оребуровъ, у меня идетъ дама; и онъ показалъ мнѣ половину карты,—это была дѣйствительно дама; когда же онъ открылъ всю карту, то оказалось, что другая половина карты была приставлена отъ короля. Подобныя же понтерки онъ показалъ мнѣ изъ пятерокъ, которыя отвѣчали и за пятерку и за туза, ибо два верхнія очка пятерки съ одной стороны были искусно уничтожены.

«Теперь я выучу тебя, какъ складывать баламутъ и круглый питосъ; смотри: надо сперва положить даму и даму, потомъ тройку и даму, пятерку и тройку, четверку и пятерку, короля и тройку, семерку и короля, туза и короля, и т. п., чтобы только направо всегда выходила новая карта, а налѣво какая хочешь. Тасовать же станешь, то ихъ тасуй вѣеромъ, вотъ такъ, они никогда не растасуются.—Тутъ дѣйствительно Оребуровъ раздвинулъ всѣ карты на подобіе дамскаго вѣера и повидимому прорѣзалъ одну карту чрезъ другую, такъ что онѣ всѣ перетасовались, а на самомъ дѣлѣ онѣ остались въ томъ же порядкѣ, какъ были сложены.—Чтобъ тебѣ удобнѣе было различать крапъ и мѣтки на картахъ, совѣтую, братъ тебѣ носить очки какъ у меня.—И тутъ онъ подалъ мнѣ свои очки. Когда я ихъ надѣлъ и посмотрѣлъ на карты, то каждая изъ нихъ была съ полѣно, до того стекла увеличивали предметы и ясно показывали малѣйшее пятнышко на рубашкѣ карты.

«Теперь я выучу тебя, какъ дѣлать *широкій листъ*, сказалъ Оребуровъ; смотри!—Онъ взялъ изъ колоды одну карту, окунулъ ее всю въ воду, потомъ наложилъ на нее платокъ и началъ гладить утюгомъ. Послѣ чего онъ положилъ ту карту между двумъ

Digitized by Google

стальными дощечками, представлявшими родъ пресса, и накрѣпко завинтилъ ихъ бока. Когда карта полежала между дощечками минутъ пять, тогда онъ ее вынулъ, вложилъ въ колоду и подалъ мнѣ снять.—Ощупай широкую карту и снимай подъ нее, сказалъ онъ мнѣ. Я безъ труда ощупалъ карту, которая дѣйствительно была шире другихъ, и снялъ подъ нее —Это игра *для татарки*,— прибавилъ Оребуровъ, водъ средство всегда, когда надо снимать сжику.

«Ну на первый разъ довольно, сказалъ Оребуровъ, теперь займемся, поговоримъ посерьезнѣе; я знаю, что съ тобой очень друженъ одинъ милый человѣкъ.

— Кто это?

«Баронъ Брунстбаръ.

— Друженъ.

«Надо его немного пощипать; ну на что ему деньги? онъ, говорятъ, глупъ, какъ пробка и скупъ какъ настоящій Гарпагонъ.

— Да онъ не играетъ въ карты.

«Это пустяки! ты только дай мнѣ честное слово, что не продашь его никому кромѣ меня; даешь ли честное слово?

Баронъ Брунстбаръ былъ мнѣ товарищъ по воспитанію, человѣкъ нѣсколько разъ оказавшій мнѣ знаки искренней дружбы.

— Не можешь ли ты мнѣ указать кого-либо другаго? сказалъ я,—этого человѣка я люблю, мы съ нимъ дружны съ дѣтства.

«Ты просто оселъ! прервалъ меня Оребуровъ: да если человѣкъ, желающій обогатиться посредствомъ игры, будетъ разбирать родство и дружбу, то онъ насидится безъ хлѣба; дѣло-то въ томъ и есть, любезный, что въ игрѣ только и можно скорѣе всего поддѣть друга; вѣдь нынче враги, или даже малознакомые страхъ какъ осторожны; за наши наслажденія должны непремѣнно платить одни друзья; или сиди дома и соси лапу. Ну что же ты молчишь? Впрочемъ, ну, если не съ тобою, то я съ другимъ достану этого Брунстбара, убытокъ будетъ только на твоей сторонѣ; нѣтъ, братъ,— я тебѣ предсказываю, что съ твоими понятіями надо служить въ канцеляріяхъ, а не метать банки; тутъ, братецъ, филантропія ведетъ прямо въ яму....

— Хорошо, я тебѣ доставлю случай познакомиться съ барономъ, но онъ играть не будетъ, ты самъ увидишь.

«Ужъ это не твое дѣло, а мое, отвѣчалъ Оребуровъ.

—

Digitized by Google

III.

После совершеннаго разрыва съ Лиди, у меня явилась странная мысль, во что бы то ни стало, разорять именно тѣхъ, кто ей нравится, и особенно того, кому она отдаетъ предпочтеніе предъ другими.

Вдругъ распространился слухъ, будто Баронъ Брунтсбаръ ищетъ руки Мистериной; слухъ этотъ былъ основателенъ; Баронъ былъ выгодный женихъ въ городѣ, всегда восхищался Лиди и принадлежалъ къ толпѣ ея ревностныхъ обожателей. Зависть, сильнѣйшая изъ моихъ страстей, примѣшалась тутъ вмѣстѣ съ ревностію и оскорбленнымъ; самолюбіемъ; мнѣ пришла рѣшительная мысль разорить Брунтсбара... Но всѣ мои происки оставались тщетными; на многихъ завтракахъ и обѣдахъ Баронъ, не смотря на различныя ухищренія, примѣтно уклонялся отъ игры; мы долго толковали съ Оребуровымъ и наконецъ согласились исполнить наше намѣреніе на дачѣ. Я нанялъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы загородный домъ со всѣми удобствами для сельской жизни. Въ одинъ изъ самыхъ дожливыхъ дней я пригласилъ Барона и Оребурова. Разнесшіяся по небу сѣрыя тучи и пузыри въ лужахъ предвѣщали, что дождь обложился на нѣсколько дней. Мы играли на биліардѣ, болтали, завтракали, дождь лилъ ливмя,—намъ становилось скучно. День уже склонялся къ вечеру, дождь все не умолкалъ, мы уговорили Барона остаться ночевать; когда онъ отослалъ карету, и мы были обезпечены, что онъ не уѣдетъ, тогда я сказалъ Оребурову: мечи банкъ, я пойду по малѣнькой, и началъ понтировать по 10 рублей на *чучелу* (1),—между тѣмъ подавали шампанское.

— Что ты дѣлаешь, когда тебѣ скучно?—спросилъ я Барона.

«Ничего,—отвѣчалъ тотъ.

— Почему жъ ты не играешь?

«Потому что это занятіе для меня скучнѣе всякой скуки.

— Вы правы, сказалъ Оребуровъ, съ вашимъ состояніемъ нѣтъ никакого шанса для игры: проигрышъ не можетъ сдѣлать разницу, а выигрышъ вамъ не принесетъ никакого удовольствія—кажется, вы ни въ чемъ не терпите нужды. Вамъ если можно играть, то это развѣ на орѣхи или на конфекты.

---

(1) Игрецкое выраженіе—играть не въ чью съ своимъ пріятелемъ, для завлеченія другаго.

Digitized by Google

Баронъ не отвѣчалъ ничего. Мы продолжали играть, такъ прошла и полночь, мы проиграли до пятаго часа утра.... Я остался въ выигрышѣ около шести тысячъ рублей.

— Хорошо, ребятишкамъ на молочишко, сказалъ я, потряхивая червонцами.

«Да ты теперь богаче меня,—сказалъ Брунтсбаръ управляющій меня обманулъ и я теперь сижу безъ гроша.

— Возми у меня вотъ эти деньги въ займы.

«Съ большимъ удовольствіемъ, я возвращу тебѣ чрезъ мѣсяцъ.

— Когда хочешь.

На другой день опять шелъ дождь. Послѣ завтрака Оребуровъ мнѣ сказалъ: послушай Гордоновъ, дѣлать теперь нечего, я въ лютой подмазкѣ; ты непремѣнно долженъ дать мнѣ ревансъ; я хочу хоть немного отыграться.

— Изволь,—отвѣчалъ я. Разложили столъ, мы опять начали играть, Баронъ курилъ трубку и зѣвалъ, дождь лилъ ливмя. Я проигралъ выигранныя деньги и еще тысячъ десять своихъ; игра продолжалась.....

— Поставь на счастье карту, Брунтсбаръ,—сказалъ я Барону,—для поддержки таліи, ты видишь какъ мнѣ нейдетъ.

«Нѣтъ, я далъ себѣ слово никогда не играть, да и нѣтъ денегъ; я знаю, Г. Оребуровъ играетъ въ большую.

— Помилуйте, развѣ вы не видите, что это игра не для денегъ, а для удовольствія.

«Пожалуйста поддержи талію, сказалъ я опять Барону; ну, Оребуровъ, позволь ему ставить на карту вмѣсто денегъ конфекты.

— Съ большимъ удовольствіемъ.

«Ну, идетъ фунтъ конфектъ!—сказалъ Баронъ, и поставилъ карту.

Я продолжалъ тоже понтировать. Карта Барона была убита, онъ поставилъ другую, тоже убита, было убито 20 картъ.

«Однако, почемъ же фунтъ конфектъ я вамъ проигрываю?

— Почемъ хотите, отвѣчалъ Оребуровъ.

«Вы слишкомъ великодушны, по крайней мѣрѣ по пяти рублей.

— Очень хорошо.

Въ полчаса Баронъ проигралъ 100 фунтовъ конфектъ; игра продолжалась.—Баронъ сталъ горячиться; чрезъ десять минутъ Баронъ проигралъ 1000 фунтовъ конфектъ.

— Приведите это въ деньги,—сказалъ онъ въ замѣшательствѣ, и Оребуровъ записалъ за нимъ пять тысячъ. Баронъ пошелъ маркой въ 500 рублей, и въ полчаса за нимъ было написано 120,000 руб.

Digitized by Google

— У меня теперь нѣтъ денегъ, сказалъ Брунстбаръ, но Г. Гордоновъ за меня поручится, вотъ вамъ моя росписка.

«Достаточно вашего слова, отвѣчалъ Оребуровъ.

—

Ровно черезъ мѣсяцъ Баронъ заплатилъ деньги Оребурову, но какъ человѣка аккуратнаго и скупаго этотъ проигрышъ его разбѣсилъ. Ему хотѣлось непремѣнно отыграться, онъ началъ играть въ палки въ клубѣ, каждый день искалъ игры съ Оребуровымъ; мы играли пополамъ, и неболѣе какъ въ полгода всѣ деревни Барона были проданы, а деньги остались у меня съ Оребуровымъ; онъ еще перебивался нѣсколько мѣсяцевъ и потомъ началъ продолжать.... Баронъ у Мистериныхъ получилъ отказъ; быстрое разореніе его сдѣлалось извѣстнымъ; въ городѣ всѣ, кого онъ называлъ друзьями, въ томъ числѣ я и Оребуровъ, отстали отъ него по немногу; всякій бѣжалъ человѣка, который могъ попросить взаймы денегъ. Вскорѣ у Брунстбара уже не было ни лошадей, ни порядочной квартиры.... Онъ окончательно *покатился*.... Наконецъ, несчастнаго можно было встрѣтить на большихъ Московскихъ улицахъ, всего въ заплатахъ, иногда безъ шинели во время проливнаго дождя.... Такъ быстро совершилось паденіе богача, но въ большомъ городѣ, гдѣ происшествіе смѣняется происшествіемъ, объ этомъ поговорили нѣсколько дней и забыли; другая новость замѣнила разсказы о разорившемся Баронѣ.....

МАЛОЧЕ.

«О счастіи съ младенчества тоскуя,
Все счастьемъ бѣденъ я;
Ужель вовѣкъ его не обрѣту я
Въ пустынѣ бытія?»

Такъ говоритъ Баратынскій. (Замѣчаемъ это для тѣхъ господъ, которые считаютъ себя въ правѣ не читать ничего, кромѣ своихъ собственныхъ произведеній, да, изрѣдка, трудовъ своихъ пріятелей, — господъ, которымъ ничего не стоитъ, однимъ почеркомъ пера, разбить славу Ломоносова, Державина, Богдановича, Дмитріева, Карамзина: «это, дескать, старье, въ архивъ давно пора его, да развѣ въ хрестоматіи напечатать изъ милости, и то со звѣздочкой, для предостереженія молодаго поколѣнія; а вотъ, не угодно ли прочесть мою статейку. Гриша (мы съ нимъ недавно обѣдали у Излера) клянется, что Жюль-Жанену и во снѣ не приснится такого фельетона. Славный малой этотъ Гриша, и пишетъ не дур-

Digitized by Google

но, очень не дурно. Сказать правду, я да онъ, да развѣ еще Андрей Андреевичъ—только и есть литераторовъ въ высокомъ, полномъ значеніи этого слова».... Да-съ, видно птицу по полету, робко замѣчаетъ читатель, ошеломленный фельетончикомъ, гдѣ литературный штукарь, на диво всѣмъ, отъ устрицъ переходитъ къ «беллетристикѣ», потомъ патетически восхищается вистомъ-ералашью, приходитъ въ «экстазъ» отъ цыганъ, рядитъ и судитъ о музыкѣ, коверкаетъ теорію художествъ, и въ заключеніе, pour la bonne bouche своего фельетоннаго винегрета, глумится надъ «Душенькой», не находя въ ней ни граціи, ни женственности, и, главное, ни капли *шику*, которымъ такъ щедро надѣлены Парижскія гризетки и лоретки....) Но обратимся къ дѣлу.—«О счастіи съ младенчества тоскуя».... такъ говоритъ Баратынскій, такъ говорило и повторяетъ, хотя не въ стихахъ, почти все человѣчество, съ различными измѣненіями, смотря по тому, какъ кто понимаетъ счастіе, и не тревожатъ эти слова лишь тѣхъ невинно-безмятежныхъ людей, для которыхъ уже самый процессъ вещественной жизни составляетъ полное счастіе. Но неужели все тосковать, неужели нѣтъ никакихъ средствъ быть счастливымъ? — «Какъ не быть, отвѣчаетъ вѣковая мудрость: довольствуйся тѣмъ, что есть, помни златую средину, aurea mediocritas, (но не будь посредственностью въ жизни), держи умъ въ ладу съ сердцемъ».... «Позвольте, позвольте, прерываетъ искатель счастія: этою моралью прожужжали мнѣ всѣ уши. Не трудитесь продолжать: напередъ знаю, что скажете. Въ любой азбукѣ найдешь эти утѣшительныя нравоученія. Вы давайте мнѣ то, что можно приложить прямо къ жизни, не мораль, не пустую отвлеченную теорію, за которую я и гроша не дамъ, а дѣльную практику.» Понимаете? Мудрость безмолвно откланивается, но не успѣла она еще выйти изъ дверей, къ искателю счастія является какой-то господинъ, благообразной наружности, одѣтый весьма прилично, съ порядочными манерами; подъ мышкой у него изрядная кипа.—Что вамъ угодно? не совсѣмъ учтиво спрашиваетъ искатель счастія.—«Имѣвъ удовольствіе слышать, что вы находитесь въ несчастіи отъ недостатка счастія, я осмѣлился предложить вамъ мои всепокорнѣйшія услуги».... (при этомъ господинъ галантерейно расшаркивается и принимаетъ самое почтительное положеніе). —Да вы кто такой? — «Современность, животрепещущая современность, честь имѣю рекомендоваться». — А, очень пріятно. Извините, что я васъ не узналъ. Садитесь пожалуйста. Такъ что же вы.... я не вслушался давича? — «Да насчетъ счастія-съ». — Что же, вы изобрѣли его? — «Помилуйте, всѣ силы свои

Digitized by Google

употребилъ на это, не жалѣлъ, можно сказать, ни крови, ни поту, единственно для блага человѣчества. Вотъ-съ, извольте, соблаговолите принять съ нашимъ почтеніемъ». — Что это такое? — «Книга-съ: «Правила честнымъ образомъ пріобрѣтать себѣ довольство въ жизни, умножать доходы и достигать благополучія, или изложеніе средствъ сдѣлаться со временемъ, если не весьма богатымъ, то по крайней мѣрѣ достаточнымъ, въ какомъ бы званіи кто ни былъ». Извольте обратить особенное вниманіе, что тутъ говорится: честнымъ образомъ; это, можно сказать, благоденствіе для совѣсти». — Да, честь нынче ужасно возвысилась въ цѣнѣ; всѣ кричатъ о чести, о добросовѣстности. — «Такъ ужъ вы на этотъ счетъ будьте спокойны: честь останется при васъ, а богатства и счастія не оберетесь».—Г-мъ! Позвольте-ка взглянуть на ваше изобрѣтеніе Да вѣдь это, кажется, не новая книга? — «Справедливо изволите говорить. Только теперь къ ней прикленна новая обертка, для близиру-съ, понимаете? — и продается она по уменьшенной цѣнѣ: три гривенника, для блага человѣчества, а не изъ какихъ-нибудь выгодъ. Не извольте безпокоиться».—Помню я эти три гривенника. Заплатилъ послѣдніе за Ротшильдовскій способъ разбогатѣть: куда, Ротшильдъ надулъ! Потомъ какой-то господинъ А. Б. выѣхалъ съ «Нѣчто большее объ искусствѣ наживать деньги»: тоже три гривенника. Я съ-дуру и купилъ это «Нѣчто». Надуванція, чистѣйшая надуванція. Учитъ, какъ обѣдать на чужой счетъ: знаю я эту систему и безъ него. Толку мало; эти обѣды у меня въ горлѣ пѣтухомъ поютъ.... «Повѣрьте честному слову, это совсѣмъ не то, не такой работы; здѣсь дѣло на совѣсти. Останетесь довольны»... Искатель счастія не рѣшается, однако, пріобрѣсти драгоцѣнныя «Правила». — А это что у васъ такое? спрашиваетъ онъ, видя, что господинъ Современность вынимаетъ еще какую-то книгу.—«Это уже извѣстное публикѣ, одобренное ею Россійское сочиненіе: Истинный способъ быть здоровымъ, долговѣчнымъ и богатымъ, въ 3 частяхъ, 3-е изданіе; тоже по уменьшенной цѣнѣ.... для блага человѣчества. Ужъ въ этомъ не извольте сомнѣваться». — Ну, этотъ «Способъ» я знаю: устарѣлъ.—«Такъ возьмите «Правила».—Право не знаю, что дѣлать: папиросокъ надо бы купить.... а я въ чертовскомъ безденежьѣ. — «Помилуйте-съ, да вамъ скоро регаліи будутъ ни по чемъ. Всего-то три гривенника: на всю жизнь купите счастіе, вѣкъ будете благодарить меня. Я не изъ корысти какой-нибудь — единственно для общей пользы, ей-Богу-съ». Убѣжденный искатель счастія со вздохомъ вынимаетъ изъ портъ-монеда два пяти-алтынныхъ и отдаетъ ихъ господину Современности. —

Digitized by Google

«А позвольте еще спросить, осмѣлюсь безпокоить, продолжаетъ этотъ послѣдній: у васъ нѣтъ дражайшей супруги?» — Нѣтъ Мнѣ не везетъ ни въ картахъ, ни въ любви. Ни одной порядочной партіи. — «Жаль-съ. А я приготовилъ было для васъ: «Искусство быть любимой и счастливой въ супружествѣ». Новѣйшее, отличнѣйшее сочиненіе». — Ну, когда женюсь, такъ пожалуй возьму. А теперь вы ступайте съ этимъ «Искусствомъ» къ моей сосѣдкѣ, она жаждетъ любви. — «Мое почтеніе-съ!»

— Хлопочемъ мы о счастіи, — не упускаемъ изъ виду и другихъ вспомогательныхъ средствъ, содѣйствующихъ услажденію нашей земной жизни. «Ручная книга Русской опытной хозяйки» вышла седьмымъ изданіемъ, исправленная и дополненная; «Стряпуха»— поддѣлка подъ знаменитые труды Г-жи Авдѣевой — дожила до втораго изданія; явилась «Русская постная повариха»; Слѣпецъ-старецъ Герасимъ Степановъ тиснулъ 2-мъ изд. свой «Послѣдній поваренный трудъ» — лебединая пѣснь автора пяти кухонныхъ книгъ; нашелся «Новый способъ приготовлять лучшіе водки и ликеры въ нѣсколько минутъ»; напечаталось «Наставленіе приготовлять отличныя игристыя кислыя щи, квасъ и пиво»; къ ярмаркѣ печатается третье изданіе энциклопедіи, составленной обществомъ кухарокъ.... И всѣми этими благами подарила насъ половина текущаго урожайнаго года! Раздолье желудку, катайся какъ сыръ въ маслѣ, жарь, вари, пеки, распространяйся въ объемѣ и прибавляй себѣ жизненной полноты, turgor vitalis, какъ говорятъ медики...

— Впрочемъ, сказать по правдѣ, кухня и ея произведенія — предметы первостепенной, безъ всякаго преувеличенія, міровой важности. Что бы ни говорили иные умники, увѣряющіе, вслѣдъ за древними философами, что человѣкъ живетъ не для того только, чтобы ѣсть, а напротивъ, ѣстъ для того, чтобы жить, — гастрономія никогда не перестанетъ услаждать большинство человѣчества, и желаніе покушать хорошо всегда будетъ для многихъ, и очень многихъ, единственною цѣлью жизни.—Со всего свѣта съѣзжаются теперь въ Лондонъ гости на всемірную выставку. Одного влечетъ сюда любознательность, другаго простое любопытство, третьяго желаніе людей посмотрѣть, себя показать, четвертаго (и такихъ людей наберется много) желаніе получить право говорить: «когда я былъ въ Лондонѣ, на выставкѣ».... И всѣ эти тысячи тысячъ посѣтителей хрустальнаго дворца, разумѣется, каждый будутъ обращать особенное вниманіе на то, что болѣе занимаетъ кого: здѣсь чудеса механики, тамъ малахитовая мебель, тутъ золотой самородокъ, безцѣнный алмазъ ко-и-нуръ, дальше кашемирскія шали,

Digitized by Google

восхитительныя ткани (1), музыкальные инструменты... всего не перечтешь. Но гдѣ будетъ собираться больше посѣтителей, гдѣ слышно будетъ больше восклицаній, радостнаго изумленія, похвалъ и гомерическаго восторга? Навѣрно, въ томъ небольшомъ уголку, гдѣ красуется исполинскій пирогъ, испеченный Голландіею, и гдѣ рядомъ съ нимъ высятся два другія чуда гастрономіи: пяти-пудовой свадебный пирогъ и сахарная модель хрустальнаго дворца, названная «пирогомъ всѣхъ націй».... Право, слюнки потекутъ у иного при взглядѣ на эти блистательныя доказательства современнаго умѣнья кушать, и не одинъ посѣтитель позавидуетъ присяжнымъ судьямъ выставки, имѣющимъ право оцѣнивать всѣ произведенія и слѣдовательно, пробовать, узнавать достоинства этихъ баснословныхъ пироговъ.... А рядомъ съ хрустальнымъ дворцомъ, въ Горъ-Гоузѣ, современная знаменитость кухни — Лондонскій поваръ Сойе открылъ «всемірный симпозіумъ», гдѣ обѣщаетъ заразъ накормить до шести тысячъ человѣкъ, а потомъ еще обѣщаетъ читать лекціи о поваренномъ искусствѣ, которыя, по его словамъ, должны произвести переворотъ, впрочемъ благодѣтельный, потому что, по его новоизобрѣтенной системѣ, содержаніе стола будетъ обходиться вполовину дешевле, чѣмъ теперь. (Г. Сойе нельзя не вѣрить: онъ далъ великолѣпный обѣдъ всѣмъ журналистамъ, собравшимся въ Лондонъ.) Послѣ такихъ фактовъ нечего и говорить о важности гастрономіи. — Но спрашивается: что, если господа кухмистеры и пирожники удостоятся награды за свои произведенія (а это легко можетъ случится), какую медаль слѣдуетъ дать имъ? Уже, конечно, не такую, какая назначена для прочихъ выставщиковъ (экспонентовъ); приличнѣе всего, съ портретомъ Карема или Вателя, а еще приличнѣе наградить ихъ бронзовымъ вертеломъ или 7-мъ изданіемъ «Русской опытной хозяйки». Въ наше время, когда всѣ національности сближаются, ни Французскому, ни Англійскому повару ни чуть не унизительно посвятить свои способности, свою профессію — печенію Русской кулебяки по наставленію «Постной поварихи». Да и почему бы нашей кулебякѣ не занять почетнаго мѣста между Голландскимъ пирогомъ, или Стразбургскимъ паштетомъ? Почему бы, спрашиваемъ, не устроить всемірной выставки гастрономической, куда каждый бы народъ явился съ произведеніями своей кухни, съ предметами, служащими ему пропитаніемъ. Зрѣлище было бы — если не поучительное, то, по крайней мѣрѣ, любопытное и усладительное для тѣхъ господъ, современные во-

(1) Замѣтимъ кстати, что *первыми* изъ предметовъ, представленныхъ :: выставку, были два модные чепчика. Какое счастливое предзнаменованіе!...

Digitized by Google

просы которыхъ ограничиваются привозомъ устрицъ или ухою-объяденьемъ въ клубѣ. Притомъ, такая выставка наглядно доказала бы положеніе естествоиспытателей, что человѣкъ — всеядное животное.... Авось ревнители общественной пользы, съ гастрономіей впереди, займутся этимъ проэктомъ, и заслужатъ себѣ вѣнокъ изъ лавровъ съ окорока Вестфальской ветчины, или 7-е изданіе «Хозяйки» въ бархатномъ переплетѣ....

— Читаемъ мы гастрономическія книги, не забываемъ и тѣхъ, кто непосредственно служитъ нашему желудку. Одно животное, очень уважаемое на кухнѣ, являющееся на столѣ въ двадцати видоизмѣненіяхъ, и всегда къ полному удовольствію гастрономовъ, — оно даже удостоилось неслыханной почести. Если вамъ когда случится (въ Москвѣ) проходить по одной изъ тѣхъ улицъ, гдѣ въ каждомъ окнѣ развѣшены и разставлены самыя соблазнительныя приманки для глазъ, и этимъ путемъ всевозможной «галантерейности» вы дойдете наконецъ до гастрономическаго (попросту съѣстнаго) магазина — взгляните вверхъ. Горитъ какъ жаръ, но не жаръ-птица, а именно то самое животное, о которомъ упомянуто выше, животное, измѣнившее судьбу размолвки Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, животное, составлявшее предметъ сердечной страсти господина Скотинина, словомъ.... но вы позволите намъ не называть этого животнаго по имени. Стоитъ оно *на пьедесталѣ*, во всей красѣ, созерцательно опустивъ голову и уши внизъ, и видѣясь на всю улицу блескомъ своей позолоты. И такіе «монументы» встрѣтятся не въ одномъ, а въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и жаль, что они не снабжены приличными надписями, которыя свидѣтельствовали бы о признательности человѣчества къ означенному животному. Но положимъ, что этотъ монументъ замѣняетъ вывѣску: здѣсь, дескать, можно вкусить «блюда боговъ», по выраженію древнихъ гастрономовъ. Это ничего. Сочувствіе наше простерлось далѣе. Года четыре тому назадъ, между нашими филантропами завязался жаркій споръ о томъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ животными. «Это варварство, какъ мы мучаемъ безвинныхъ тварей», кричали защитники угнетаемыхъ лошадей, коровъ и собакъ: «гуманность должна проявляться во всемъ. Освободите животныхъ отъ тиранніи, предоставьте каждое природѣ, не ѣшьте мяса, потому что человѣкъ дичаетъ отъ него», и проч. и проч.—»Докажите намъ, возражала противная сторона, что съ животными слѣдуетъ обращаться гуманно, что мы дѣлаемъ преступленіе, похищая цыпленка изъ-подъ крыла наседки,—докажите, и мы станемъ питаться щавелемъ, салатомъ, чѣмъ прикажете». Послѣ-

Digitized by Google

рили, поспорили—тѣмъ дѣло и кончилось. Животныя не получили никакихъ привиллегій, даже не составилось въ пользу ихъ ни одного скотолюбиваго или филоктинческаго общества. Но теперь оказывается, что споръ о гуманности не пропалъ даромъ. Въ 111 № Московскихъ Полиц. Вѣдомостей этого года мы имѣли удовольствіе прочесть слѣдующее объявленіе: «Нужна кухарка готовить кушанье и ходить за коровой немолодыхъ лѣтъ....» Если бы мы жили въ Индіи, то такое объявленіе очень естественно приписать вліянію Браманизма, для послѣдователей котораго корова — священное животное. Но здѣсь дѣло объясняется просто: гуманность, и все тутъ. Притомъ же, во время цвѣтущей молодости, корова эта, вѣроятно, приносила густѣйшія сливки и вкуснѣйшее молоко, приносила въ изобиліи, и отличалась благонравіемъ (напримѣръ, не бѣгала со двора: въ наше время, какъ видно тоже изъ объявленій, и коровы, подражая собакамъ, нерѣдко дезертируютъ). Почему же не позаботиться о такой примѣрной коровѣ, когда она достигла немолодыхъ лѣтъ? почему не нанять кухарку для ухаживанья за нею? почему, по смерти, не почтить ея памяти портретомъ? Дѣло бывалое....

— Но довольно о гастрономіи и ея принадлежностяхъ. Обратимся снова къ выставкѣ. Если конецъ вѣнчаетъ дѣло, то и начало все-таки много значитъ. Стоило Лондону первому устроить всемірную выставку, и вслѣдъ за нимъ не замедлили явиться претенденты на подобное же соединеніе всѣхъ народовъ въ средѣ своей. Въ Америкѣ уже составленъ проэктъ покупки и перевозки хрустальнаго дворца изъ Лондона въ Нью-Іоркъ для выставки въ слѣдующемъ году, и Янки заранѣе разсчитываютъ барыши отъ этой спекуляціи. За Нью-Іоркомъ, по всѣмъ правамъ на имя всемірной столицы, выступитъ Парижъ, съ Парижа сдѣлаетъ контрфакцію Брюссель, а потомъ отъ такой блистательной роли не захотятъ отстать и прочія Европейскія столицы, и всемірная выставка сдѣлается, пожалуй, самой обыкновенной вещью.... Но это впереди, и въ ожиданіи этого будущаго Парижъ пока сильно хлопочетъ, какъ бы привлечь къ себѣ въ гости большую часть иностранцевъ, которые съѣдутся въ Лондонъ. Какъ ни сумрачень политическій горизонтъ Франціи, но удовольствія идутъ своимъ чередомъ. Устроиваютъ огромную художественную выставку; но она врядъ ли сравняется своею занимательностію съ другимъ зрѣлищемъ, которое добрый градъ Парижъ, быть можетъ, приготовитъ для своихъ посѣтителей; по крайней мѣрѣ составленъ проэктъ постройки національнаго театра, въ которомъ вмѣщалось бы до 12 т.

Digitized by Google

зрителей и который «служилъ бы для Французовъ *средствомъ къ изученію исторіи, нравственности и любви къ отечеству!!!*» Ridendo castigat mores....

— Впрочемъ, какихъ нѣтъ путей для изученія чего бы то ни было: главное, нужна смышленость. Было, напримѣръ, у насъ, въ незапамятныя времена, довольное число людей, которые бѣгали Русскаго духа, а потомъ познакомились съ нимъ отрицательнымъ способомъ, между прочимъ—посредствомъ Французскаго языка. Хотя не часто, но и теперь еще представляются подобные способы. Помните Мужика-польку и Акулину-польку? По случаю наступленія рабочей поры, они уволены изъ танцкласса въ деревню; а чтобъ М-г танцмейстеръ не былъ безъ дѣла, прикомандирована къ нему для упражненій «Аѳросинья-полька» (вѣроятно, это какая-нибудь деревенская баба, жившая въ Москвѣ въ кухаркахъ). Кавалеромъ къ «Аѳросиньѣ» назначенъ polka: «Вареная патока съ имбиремъ». Въ первый день появленія въ танцовальную залу этихъ двухъ новичковъ, многимъ, невидавшимъ ихъ прежде, какъ-то странно было читать: dans l'entracte l'orchestre éxécutera le; polkas «Аѳросинья» et «Вареная патока съ имбиремъ.... «Аѳросинья—это еще понятно; но warenaia patoka.... qu'est ce que cela»? Въ отвѣтъ выскачила сама Патока съ своими пришѣвами о дядѣ Семіонѣ и теткѣ Аринѣ, отработала свой урокъ съ Аѳросиньей, и удалилась со сцены при громѣ рукоплесканій зрителей, граціозно раскланиваясь и присѣдая.... Рекомендуемъ Гг. композиторамъ, для ихъ вдохновеній, особенно по части модныхъ шотишей, ералашей и редовъ,—рекомендуемъ изъ той же деревни, откуда Патока, варепую грушу, макъ жареный, медовой, и въ особенности раскатистую «по ягоду по клюкву, по Владимирскую по крррруппу!» Изъ этой послѣдней искусная рука можетъ составить грандіозную сонату à la Верди, т. е. съ приличнымъ употребленіемъ дюжины литавръ, трубъ и Турецкаго барабана. А Комаринскаго нашего Гг. композиторы, промышляющіе «Мужиками-польками», его вы не трогайте: позвольте намъ знать его въ томъ видѣ, какимъ вышелъ онъ на свѣтъ, да еще восхищаться фантазіею М. И. Глинки на его мотивы, тою самою фантазіею, въ которой вы и такъ называемые глубокіе знатоки музыки не нашли ничего классическаго. Гг. знатоки! нашъ «Бычокъ», нашъ «Комаринской» тѣмъ именно и хорошъ, что въ немъ нѣтъ ничего классическаго, что отъ его звуковъ сердцу просто весело, плечи сами собою шевелятся въ ладъ, а въ ногахъ чувствуется какой-то позывъ... А отчего это—того не скажетъ вамъ ни одно руководство къ изученію классической музыки....

Digitized by Google

— Хороши новыя польки, очень хороши.... но Лондонская выставка не идетъ съ умъ. О чемъ ни заговори, все думается о ней, и откуда бы ни зашла рѣчь, непремѣнно склонится она къ Лондону. Кого не будетъ тамъ? Чего нельзя найдти на всемірной выставкѣ?—Извѣстное дѣло: птичьяго молока, простодушно замѣтитъ Русскій мужичекъ. Нѣтъ, братъ, и это пожалуй будетъ. Есть штуки еще помудренѣе; вотъ ихъ-то врядъ ли отыщешь на выставкѣ. Недавно была въ Москвѣ труппа вольтижеровъ, «артистовъ своего искусства», пріѣхавшая прямо изъ Рима, для удовольствія почтеннѣйшей публики. Множество диковинокъ привезла съ собою: напримѣръ, цѣлый олимпъ, состоящій изъ 16 дѣвицъ, дитя-купидона, Турецкую миѳологію, ученаго бульдога, грамотную лошадь; но всего рѣдкостнѣе, всего замѣчательнѣе былъ одинъ изъ членовъ труппы, называвшійся, по словамъ афиши, «*Англійскій клопъ*, комикъ гимнастики!» Что за чудо, толковали зрители, перечитывая афишу: знаемъ мы, что иные туристы, преимущественно занимающіеся своею особою, разсказываютъ ужасныя вещи о претерпѣнныхъ ими мученіяхъ на станціяхъ и постоялыхъ дворахъ отъ провинціальныхъ клоповъ; читали когда-то, что въ Персіи водится такъ называемый Міанскій клопъ, любопытный для естествовѣдовъ и очень опасный для туземцевъ; но что такое Англійскій клопъ, исправляющій должность комика гимнастики, рѣшительно не понимаемъ.—А ларчикъ просто открывался. За обогащеніе естественной исторіи новымъ насѣкомымъ надобно благодарить новое правописаніе. Извѣстенъ былъ у насъ прежде клоунъ (clown), родня паяцу, и клопа изъ него нельзя было сдѣлать. Вздумалось преобразователямъ языка приблизиться къ Англійскому выговору, и грѣхъ попуталъ ихъ....

— Есть еще новость, которая—не знаемъ, имѣется ли на выставкѣ, но во всякомъ случаѣ любопытна: это «непремѣнный механическій контролеръ». Какой же это контролеръ? «Новѣйшее, наиполезнѣйшее изобрѣтеніе,» но ужъ навѣрно не Русской работы. «Сіе изобрѣтеніе, говоритъ объявленіе, чрезвычайно полезно, какъ для всѣхъ помѣщиковъ, равно и для каждаго торгующаго промышленника, потому что посредствомъ сего механическаго контролера они прелегко могутъ бдительность ихъ подчиненныхъ повѣрять съ точностью. Изъ всѣхъ случаевъ, въ которыхъ непремѣнный механическій контролеръ можетъ быть употребленъ, мы упомянемъ слѣдующіе. Помѣщикъ, желаетъ ли удостовѣриться, что сторожъ находился при должности всю ночь и обходилъ вездѣ въ назначенные часы, то на другой день утромъ, не выходя изъ своей

Digitized by Google

комнаты, онъ можетъ это узнать посредствомъ механическаго контролера, не спрашивая о томъ сторожа, которому, можетъ быть, даже не извѣстно, какимъ образомъ хозяинъ угадалъ бдительность или неисправность его. Механическій контролеръ показываетъ даже часы сна или отсутствія. — Купецъ, приказавъ своему прикащику приходить въ разное время въ назначенное мѣсто, можетъ узнать посредствомъ механическаго контролера, исполнилъ ли наложенную обязанность. — Госпожа, подозрѣвающая горничную или лакея, украдкою отворяющихъ двери или ящикъ, можетъ основательность своихъ подозрѣній увидѣть посредствомъ механическаго контролера, который ей покажетъ, была ли открыта дверь, и въ какіе часы, въ продолженіе ея отсутствія. Изъ оныхъ примѣровъ видно, въ сколь многихъ случаяхъ можно сей инструментъ приспособить, и при видѣ онаго всякій убѣдится въ математической точности онаго. «Разумѣется, этимъ обиліемъ сихъ и оныхъ нельзя убѣдиться: надобно посмотрѣть на удивительное изобрѣтеніе. Смотримъ (оно выставлено у Г. Готье, на Кузнецкомъ мосту), и почти ничего не понимаемъ. Нѣчто въ родѣ телеграфа: но примѣненіе его?—«Увидите на дѣлѣ.»—То есть надобно купить контролеръ. А сколько стоитъ?—«Устроенный на одни сутки 50 р. с.,» а на всю недѣлю, который особенно полезенъ, 225 р. с.—Ну, нельзя сказать, чтобъ это было дешево. Конечно, совѣсть каждаго, подчиненнаго дѣйствію механическаго контролера, должна будетъ держаться въ струнку, трудно станетъ покривить ею, — но вѣдь трудно не значитъ невозможно, и у кого нѣтъ контролера въ душѣ, того не наставятъ на путь никакіе механическіе, какъ бы замысловато ни было ихъ устройство....

— Но положимъ, что недобросовѣстность, неаккуратность, вольная и невольная, будутъ убиты въ конецъ механическимъ контролеромъ: когда-то еще наступитъ это отрадное будущее, а мы уже теперь убиты.... надгробною литературою. Ростетъ она, хотя не быстро, но все-таки ростетъ и распространяется. Зловѣщія объявленія (въ Спб. Вѣдомостяхъ) отъ фабрики надгробныхъ монументовъ «въ новѣйшемъ вкусѣ» не перестаютъ появляться время отъ времени. Впрочемъ, глаза уже нѣсколько привыкли къ этому memento mori, и сердце рѣдко тревожится печальнымъ предчувствіемъ. Но какой недобрый духъ занесъ эти объявленія въ Москву, кто просилъ ихъ сюда? «Имѣются въ готовности разные чугунные памятники, кресты разной величины и кресты ажурные (!!!) на разныхъ постументахъ» (?) и т. д. Недостаетъ только новѣйшаго вкуса и ручательства за прочную отдѣлку. И это печатается, окру

Digitized by Google

женное бордюрой, разъ десять къ ряду. Извольте радоваться. Да помилуйте господа! Конечно, очень понятно желаніе сбыть свои издѣлія, да зачѣмъ же на ближняго-то нагонять тоску? Ваши издѣлія не нуждаются въ публикаціяхъ, они и безъ того обезпечены въ вѣрности сбыта, и хотя мы усердно желаемъ процвѣтанія всякой промышленности, но для вашей позвольте сдѣлать исключеніе; человѣчество ничего не потеряетъ отъ этого....

— За то, другая, почти столь же юная, литература заставляетъ насъ забывать непріятности, испытываемыя отъ надгробной это литература чайная. Началась она очень недавно, года четыре тому, и именно по случаю оправданія чайныхъ торговцевъ отъ взведенныхъ на нихъ обвиненій, а особенно процвѣла въ послѣднее время. Г. Климушинъ далъ ей особенное движеніе своими *остробукетно-медвяно-затхлисто-розанистыми* нововведеніями. Старики *ляпсинъ* и мыюконъ, фучанъ и ванза ополчились противъ Г. Климушина, и сперва одинъ неизвѣстный доказалъ ему, что имя значитъ много не только въ чаяхъ — и вездѣ, а потомъ Г. Поповъ еще подробнѣе развилъ эту же мысль. Для насъ, потребителей, все равно какъ бы ни назывался чай, лишь былъ бы хорошъ («какъ хочешь зови, лишь хлѣбомъ корми»); но производители приняли горячо къ сердцу нововведенія Г. Климушина и опроверженія его противниковъ. Ратоборцы раздѣлились, и время отъ времени не перестаютъ раздаваться выстрѣлы то съ той, то съ другой стороны, хотя числомъ вообще берутъ консерваторы перевѣсъ надъ прогрессистами. Пошли увѣренія въ добросовѣстности и честности. Публика въ недоумѣніи, а мы радуемся, что всѣ эти споры, даже самыя объявленія пишутся болѣе чѣмъ грамотно — литературно. Пишите господа, не утомляйтесь въ полемикѣ, а когда заключите миръ, составьте общими силами «чайяду», поэму, гдѣ бы достойнымъ образомъ была воспѣта брань ляпсино-мыюконовъ съ остробукетно-медвяно-розанисто-затхлистыми....

— Еще болѣе были пріятны намъ слѣдующія строки изъ отчета Общества посвященія бѣдныхъ за Февраль мѣсяцъ этого года: «получено отъ NN, по поводу бенефиса В. В. Самойловой, вмѣсто обычнаго букета талантливой бенефиціанткѣ, въ пользу дѣтскаго ночлега 12 р. 60 к. с. «(См. Сѣв. Полиц. Вѣд. N 111). Навѣрно, Г-жа Самойлова поблагодаритъ неизвѣстнаго своего поклонника, который въ честь ея ссоставилъ такой прекрасный букетъ....

Digitized by Google

— Еще одно слово о Лондонской выставкѣ. Французы, какъ извѣстно, не слишкомъ жалующіе своихъ сосѣдей, подсмѣиваются надъ названіемъ ея «всемірною». Помилуйте, кричатъ они: да здѣсь нѣтъ такой-то и такой націи; мало того: Джонъ-Буль поддѣлалъ, сочинилъ Китай, да и Персидскія издѣлія на выставкѣ смотрятъ очень подозрительно. Дѣло въ томъ, что Китайскіе предметы, привлекающіе зрителей на выставкѣ, присланы не изъ Китая, а взяты изъ магазиновъ въ Бондъ-Стритѣ. Срединное царство очень обидѣлось даже мыслью, что его смѣютъ приглашать на состязаніе съ западными варварами, и не прислало ничего; а между тѣмъ на выставкѣ есть и Китайскія ткани, и фарфоровая башня, и даже цѣлое семейство Китайцевъ, ангажированное какимъ-то спекуляторомъ....

— Процессъ Бокарме также доставилъ Французамъ случай пошутить «Мало того, говоритъ le Corsaire, что Бельгійская контрфакція наноситъ огромный вредъ нашей книжной торговлѣ, — даже Бельгійскіе процессы не совсѣмъ безубыточны для насъ. Такъ, кто бы могъ подумать, что процессъ Бокарме причинитъ нашимъ финансамъ убытокъ въ нѣсколько милліоновъ? А между тѣмъ, это фактъ. По послѣднему бюджету, табачный акцизъ доставлялъ 117 милл. франковъ: сумма порядочная. Теперь, по извѣстіямъ Парижскаго откупа, продажа табаку, со времени Монесскаго процесса, чрезвычайно уменьшилась. Всѣ провинціальныя дамы не позволяютъ своимъ мужьямъ курить, на томъ основаніи, что они вдыхаютъ въ себя частицы никотина; а что никотинъ смертельный ядъ, объ этомъ прекрасный полъ узналъ лишь изъ процесса Бокарме. Также выходитъ изъ моды подчиванье другъ друга табакомъ, и обычай предлагать сосѣду свою табакерку, освященный правилами вѣжливости, начинаетъ становиться подозрительнымъ, особенно если предлагающее лицо имѣетъ надежду на полученіе наслѣдства отъ того, кому предлагаетъ. Словомъ, смерть Густава Фуньи обойдется Французскимъ государственнымъ доходамъ въ 5 милл. франковъ».

— Теперь время жаркихъ состязаній между лошадьми различныхъ породъ, скакунами и рысаками. Англійскіе спортмены придумали по этому довольно оригинальный способъ испытанія, именно бѣгъ лошади противъ гонки гребнаго судна. Такое состязаніе, разумѣется на огромные заклады, происходило недавно въ Портсмутѣ, между легкою гичкою на сильной греблѣ и лошадью на скорой рыси. Гичка была длиною 28 футовъ; гребцовъ на ней было четверо, изъ лучшихъ перевозчиковъ, и рулевой. Она от-

Digitized by Google

правился отъ Пойнтъ-бича къ пристани въ Порчестерѣ, а всадникъ поѣхалъ рысью отъ того же мѣста, по дорогѣ къ Порчестерскому замку. Теченіе благопріятствовало гичкѣ. Разстояніе, которое ей должно было прогрести, составляло около 3½ миль, а для рысака около 8 миль. Гичка обогнала, потому что пришла къ замку въ 27 минутъ, а рысакъ въ 32 минуты.

— На этотъ разъ мы заключимъ «Мелочи» извѣстіемъ очень не мелочнымъ для многихъ. Ловъ устрицъ при берегахъ Франціи въ нынѣшнемъ году былъ необыкновенно обиленъ, почти вдвое болѣе противъ прошлогодняго. 83 милліона черепокожныхъ подарило море туземнымъ рыбакамъ на мѣстѣ, это огромное количество стоитъ не болѣе 580 т. франковъ, (по 7 франковъ за тысячу), но цѣна его, вѣроятно, удесятерится, когда корабли и пароходы развезутъ дорогія лакомства по всѣмъ Европейскимъ столицамъ, считая сдѣсь Москву и Петербургъ. Avis aux gastronomes!

—

Журнальныя замѣтки

— Въ 140 № Сѣв. Пчелы, среди замѣчаній о Разсужденіи Г. Вешнякова (О причинахъ возвышенія Московскаго Княжества), Московскіе Князья объявлены «старшинами въ родѣ потомства Рюрикова». Смѣю увѣрить достопочтеннѣйшаго Ѳаддея Венедиктовича, что Московскіе Князья были не только не старшими, даже и не средними, а самыми младшими въ родѣ потомства Рюрикова. Еще болѣе: они были младшими не только въ потомствѣ Рюрика, но даже и въ потомствѣ втораго родоначальника ихъ, Ярослава Всеволодовича. А именно: отъ старшаго брата Ярославова —Константина происходятъ Князья Ростовскіе, Угличкіе и проч. Отъ старшаго сына Ярославова—Андрея произошли Князья Суздальскіе и Нижегородскіе. Нечего говорить о старшинствѣ предъ ними Князей Рязанскихъ, Смоленскихъ, Галицкихъ. И изъ сыновей Невскаго Московскіе происходятъ отъ меньшаго, Даніила.

И даже сыновья Даніиловы—Георгій и Іоаннъ Калита искали себѣ Великаго княженія предъ старшимъ своимъ дядей, Михаиломъ Ярославичемъ Тверскимъ, вопреки понятію о старшинствѣ. Слѣдовательно, для исторіи первыхъ Князей Московскихъ можно взять девизомъ Евангельское слово о послѣднихъ, которые будутъ первыми, а идея Г. Булгарина, впрочемъ совершенно справедливая, не имѣетъ здѣсь приложенія. *М. П.*

Digitized by Google

— Въ 7-й книжкѣ Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ помѣщена любопытная статья: «О торговыхъ сношеніяхъ между туземцами сѣверо-восточнаго берега Азіи и сѣверо-западной Америки». Главные производители этой торговли—Оленные Чукчи, которые вымѣниваютъ у Русскихъ товары и снабжаютъ ими, вмѣстѣ съ своими произведеніями, пространство Американскаго берега на протяженіи почти 1,700 верстъ. Сообщивъ множество подробностей о торговлѣ этихъ предпріимчивыхъ дикарей, статья оканчивается слѣдующими словами: «Замѣтимъ въ заключеніе, что имѣя передъ глазами такіе факты, странно заподозрѣвать или и совершенно отвергать, какъ дѣлаютъ нѣкоторые ученые изслѣдователи наши, существованіе древней торговли Россіи съ Азіею, свидѣтельствуемой и Арабскими географами, и множествомъ куфическихъ монетъ, найденныхъ и безпрестанно находимыхъ на пространствѣ Имперіи — потому только, что Россія въ IX и X вѣкѣ была покрыта лѣсами, а жители ея находились на весьма низкой ступени гражданскаго развитія. Роль Чукочь играли тогда по преимуществу Волжскіе Болгаре, и торговцамъ изъ Мавраннагрде и съ береговъ Тигра и Евфрата пробираться на Волгу было едва ли не легче, чѣмъ теперь нашимъ купцамъ на берега Анюя или Анадыра. Малороссійскій табакъ, составляющій одну изъ главнѣйшихъ статей Русско-Чукоцко-Американской торговли, долженъ совершить сухопутьемъ, чтобы дойдти только до Чукочь, болѣе 12 тысячъ верстъ! Относительно же степени образованности, не говоря уже о Волжскихъ Болгарахъ, Русь и сосѣдніе съ нею Финскіе народы не могли стоять ниже Чукочь, Азіагмютовъ, Кускоквимцевъ и подобныхъ имъ дикарей.»

Опечатка.

Въ Современныхъ извѣстіяхъ N 12, стр. 338, строка 28, вмѣсто *воскрещающему*, должно читать: *воскрешающему*.

Digitized by Google

КРОАЗИЛЬ.

ПОВѢСТЬ АЛЬФРЕДА ДЕ МЮССЕ.

I.

Въ началѣ царствованія Людовика XV, одинъ молодой человѣкъ, по имени Кроазиль, сынъ золотыхъ дѣлъ мастера, возвращался изъ Парижа въ Гавръ, на свою родину. Отецъ поручалъ ему одно коммерческое дѣло, которое и кончилось въ ихъ пользу. Спѣша принести добрыя вѣсти отцу, онъ шелъ веселѣй и скорѣй обыкновеннаго, потому что, несмотря на значительную сумму денегъ въ своихъ карманахъ, онъ странствовалъ пѣшкомъ для своего удовольствія. Это былъ юноша веселаго нрава, не глупый, но до того разсѣянный и вѣтреный, что слылъ у всѣхъ за дурака. Жилетъ застегнувши на сторону, распустивши волосы по вѣтру, съ шляпкой подъ мышкой онъ пробирался по берегамъ Сены, то съ мечтаніями въ головѣ, то съ пѣснями на устахъ; вставалъ съ солнцемъ, ужиналъ въ харчевнѣ, вполнѣ довольный своимъ странствованіемъ по прекраснѣйшей сторонѣ Франціи. Опустошая по дорогѣ Нормандскія яблони, онъ искалъ риѳмъ въ своей головѣ (потому что всякій вѣтреникъ немножко поэтъ) и придумывалъ мадригалъ для одной хорошенькой дѣвушки, своей землячки. То была дочь главнаго фермера, мамзель Годо, жемчужина Гавра, богатая наслѣдница, за которой многіе ухаживали. Кроазиль попалъ къ г. Годо, разумѣется, случайно: онъ относилъ иногда къ нему на домъ вещи, закупленныя у его отца. М-г Годо, котораго имя, не очень громкое, плохо шло къ его огромному богатству, вознаграждалъ себя спесью за незнатность рожденія, и при всякомъ случаѣ, выказывалъ себя

Digitized by Google

страшно и безжалостно-богатымъ. Онъ, стало быть, вовсе не былъ такимъ человѣкомъ, чтобъ открыть свой салонъ для сына золотыхъ дѣлъ мастера; но у мамзель Годо были лучшіе глаза въ мірѣ, Кроазиль же былъ очень не дуренъ собой, и какъ ничто не мѣшаетъ хорошенькому мальчику влюбиться въ хорошенькую дѣвушку, то и Кроазиль обожалъ мамзель Годо, которая не была оттого въ горѣ. Объ ней думалъ онъ и теперь, приближаясь къ Гавру; но какъ въ жизнь свою ни о чемъ онъ не думалъ серьёзно, то и теперь, не заботясь о неодолимыхъ препятствіяхъ, разлучившихъ его съ возлюбленной, онъ ломалъ себѣ голову надъ словомъ, которое риѳмовало бы съ ея именемъ. Мамзель Годо звали Жюли, и риѳму подобрать было не трудно. Кроазиль, достигши Гонфлёра, сѣлъ на корабль, довольный въ душѣ, съ деньгами и мадригаломъ въ карманѣ, и едва высадился на берегъ, побѣжалъ къ отцовскому дому.

Онъ нашелъ лавку запертою, и постучался нѣсколько разъ, не безъ удивленія и страха, потому что день былъ не праздничный;—никто не шелъ. Онъ сталъ звать отца, но напрасно. Онъ зашелъ къ сосѣду спросить, что случилось; вмѣсто отвѣта, сосѣдъ отворотился, какъ будто не хотѣлъ и узнать его. Кроазиль повторилъ свои вопросы; и тогда онъ узналъ, что его отецъ, запутавшись въ своихъ дѣлахъ, обанкрутился и бѣжалъ въ Америку, оставивъ кредиторамъ все свое имущество.

Не почувствовавъ еще вполнѣ своего несчастія, Кроазиль былъ сперва пораженъ мыслью, что онъ, можетъ быть, не увидитъ болѣе отца своего. Ему казалось невозможнымъ, чтобы его вдругъ такъ оставили, онъ непремѣнно хотѣлъ войти въ лавку, но ему объяснили, что она запечатана; онъ сѣлъ на порогѣ и, отдаваясь своему горю, залился горячими слезами, не слушая утѣшеній окружавшей толпы, призывая безпрестанно отца, хотя и зналъ, что онъ далеко отъ него; наконецъ, онъ всталъ, устыдившись собравшагося народа, и въ глубокомъ отчаяніи побрелъ къ пристани.

Достигши берега, онъ бродилъ вдоль его, какъ заблудившійся, не зная куда идетъ и что съ нимъ будетъ.

Digitized by Google

Онъ считалъ себя погибшимъ безъ возврата, — ни убѣжища, ни средства къ спасенію, и ужъ конечно, ни друзей. Одинъ, бродя по берегу моря, онъ радъ былъ умереть; преслѣдуемый этою мыслью, онъ взбирался уже на возвышенный валъ, какъ подошелъ къ нему Жанъ, старикъ, служившій нѣсколько лѣтъ его семейству.

— А, это ты, бѣдный мой Жанъ! — воскликнулъ онъ.— Ты знаешь, что случилось здѣсь безъ меня. Неужели мой отецъ бросилъ насъ безъ извѣщенья, безъ прощанья?

— Онъ уѣхалъ, — отвѣчалъ Жанъ, но не уѣхалъ не простясь съ вами.

Въ тоже время онъ вынулъ изъ кармана письмо и отдалъ его своему молодому господину. Кроазиль узналъ руку отца, и не распечатывая письма, съ восторгомъ поцѣловалъ его; но въ письмѣ было только нѣсколько словъ. Не усладилось горе молодаго человѣка, — увеличилось вдвое. Честный до сихъ поръ и слывшій за такого, разоренный неожиданнымъ несчастьемъ (банкрутствомъ товарища), старикъ оставлялъ сыну нѣсколько словъ утѣшенія, и только надежду,— послѣднее благо, долѣе другихъ не покидающее человѣка.

— Жанъ, другъ мой, ты носилъ меня на рукахъ,—говорилъ Кроазиль, прочитавши письмо, и ты одинъ можешь любить меня на свѣтѣ; это отрадно мнѣ, но тяжело для тебя, потому что, какъ правда-то, что отецъ мой отплылъ отсюда,— брошусь и я въ это море, его носившее, не передъ тобой, не сейчасъ, но завтра или позже, потому что я погибъ.

— Что вы хотите дѣлать? — возразилъ Жанъ, показывая видъ, что не понялъ его словъ, но удерживая Кроазиля за полу его—платья; что вамъ дѣлать въ морѣ, господинъ мой? Вашего батюшку обманули; онъ ждалъ денегъ, которыя не дошли, а это была не бездѣлица. Могъ ли онъ здѣсь остаться? На моихъ глазахъ тридцать лѣтъ устроивалъ онъ свое состояніе; при мнѣ дѣлалъ онъ свои обороты, и деньги доставались ему по грошамъ. Это былъ честный человѣкъ и искусный; съ нимъ поступили жестоко Послѣдніе дни я былъ еще при немъ, на моихъ глазахъ уходили деньги, столько

Digitized by Google

лѣтъ на моихъ же глазахъ къ нему приходившія. Вашъ батюшка уплатилъ все, что могъ, въ продолженіе цѣлаго дня, и когда конторка его опустѣла, онъ не удержался, и сказалъ мнѣ, указывая на ящикъ, гдѣ осталось всего шесть франковъ: «здѣсь было сто тысячъ франковъ, сегодня утромъ!» Это не банкрутство, государь мой, такое дѣло не безчеститъ человѣка!

— Я не сомнѣваюсь въ честности моего отца, — отвѣчалъ Кроазиль, — какъ не сомнѣваюсь въ его несчастьи. Я не сомнѣваюсь также въ его любви; но мнѣ хотѣлось бы обнять его, и — что же мнѣ дѣлать? Я не созданъ для бѣдной жизни, у меня нѣтъ на столько ума, чтобъ начинать снова свое состояніе. И будь даже умъ—нѣтъ отца моего. Если онъ работалъ тридцать лѣтъ, чтобъ разбогатѣть, сколько же работать придется мнѣ для поправленія этого несчастія? Несравненно болѣе. И доживетъ ли онъ до тѣхъ поръ? разумѣется, нѣтъ; онъ умретъ тамъ, и я не могу даже идти къ нему; одна смерть соединитъ насъ.

Не смотря на все огорченіе, Кроазиль имѣлъ много вѣры въ душѣ. Отчаяніе заставляло его желать смерти, но онъ колебался въ своемъ намѣреніи. Съ первыхъ словъ этого разговора, онъ оперся на руку Жана, и оба возвращались въ городъ. Удалившись на большое разстояніе отъ берега и взошедши въ центральныя улицы города, Жанъ началъ свою рѣчь къ Кроазилю.

— Мнѣ кажется, — говорилъ онъ, что добродѣтельный человѣкъ долженъ любить жизнь, и что несчастье ничего не доказываетъ. Если батюшка вашъ, благодаря Бога, не лишилъ себя жизни, какъ можете вы думать о смерти? Если уже нѣтъ на васъ безчестія, и весь городъ знаетъ про то, — что же подумаютъ объ васъ? Что вы не могли перенести бѣдности. Это недостойно человѣка и христіанина; потому что, въ сущности, что такое пугаетъ васъ? Есть люди, которые родились въ бѣдности и никогда не знали отца и матери. Я знаю, что человѣкъ на человѣка не приходитъ, да вѣдь, наконецъ, нѣтъ же ничего невозможнаго для Бога. Что бы вы стали дѣлать въ такомъ случаѣ? Батюшка вашъ не родился богатымъ, не въ обиду вамъ будь сказано, и это-то, можетъ

Digitized by Google

быть, утѣшаетъ его. Были бъ вы съ нами послѣдній мѣсяцъ, вы были бы тверже. Да, сударь, разориться можно, никто не избѣгнетъ банкрутства, но вашъ батюшка, смѣю сказать, былъ человѣкомъ, хотя и уѣхалъ немного раненько. Но что же дѣлать? Не всякій день корабли ходятъ въ Америку. Я провожалъ его до пристани, и если бъ вы видѣли его печаль! какъ завѣщалъ онъ мнѣ заботиться о васъ, извѣщать его о вашей судьбѣ!... Нѣтъ, сударь, не слѣдуетъ вамъ за топоромъ бросать топорище. У всякаго бываетъ горе на землѣ, и я былъ солдатомъ прежде, чѣмъ попалъ въ слуги. Я жестоко страдалъ, но я былъ молодъ; я былъ въ вашихъ лѣтахъ въ ту пору, и мнѣ казалось, что Провидѣніе не можетъ покинуть человѣка двадцати пяти лѣтъ. Отчего не хотите вы предоставить Богу исправить несчастіе имъ ниспосланное? Отдайтесь ему, и все устроится со временемъ. Если я смѣю вамъ совѣтовать, подождите года два или три, и бьюсь объ закладъ, что не станете жалѣть больше. Всегда есть время разстаться съ жизнію! Зачѣмъ же выбирать на то дурную минуту?

Все время, пока Жанъ старался убѣдить своего господина, Кроазиль шелъ молча, и какъ часто страждущіе люди, смотрѣлъ по сторонамъ, какъ бы ища предмета, который бы могъ привязать его къ жизни. Случаю угодно было, чтобы тѣмъ временемъ, мамзель Годэ, дочь главнаго фермера, проходила мимо ихъ съ своей гувернанткой. Домъ ея былъ недалеко оттуда, и Кроазиль видѣлъ, что она пошла къ себѣ. Эта встрѣча произвела на него болѣе дѣйствія, чѣмъ всѣ убѣжденія въ мірѣ. Я говорилъ уже, что онъ былъ немножко вѣтренъ и всегда уступалъ первому движенью. Не думая долго и безъ всякихъ объясненій, онъ оставилъ старика-слугу и пошелъ стучаться къ дверямъ М-г Годэ.

II.

Вообразите себѣ теперь, что называлось прежде откупщикомъ (financier), и вамъ представится огромное брюхо, коротенькія ножки, страшный парикъ и широкая рожа съ трёхъярусьымъ подбородкомъ, — и вовсе не даромъ при-

Digitized by Google

выкли всѣ представлять себѣ подобную особу. Всѣ знаютъ, къ какимъ злоупотребленіямъ привели королевскія фермы, и, кажется, въ природѣ существуетъ законъ, по которому жирнѣе прочихъ становятся люди, жирѣющіе не только отъ своей праздности, но и отъ трудовъ своихъ собратій.

М-г Годо былъ одинъ изъ самыхъ классическихъ откупщиковъ, то есть, одинъ изъ самыхъ толстыхъ; на ту пору онъ страдалъ подагрой, модной болѣзнью того времени, то же, что нынче мигрень. Разлегшись въ длинныхъ креслахъ, закрывши въ половину глаза, онъ нѣжился въ углу своего будуара. Зеркала, его окружавшія, отражали во всѣ стороны его величественную фигуру; мѣшки, набитые золотомъ, лежали на столѣ; вокругъ него, мебель, панели, двери, замки, каминъ, потолокъ—все было позолочено; платье было позолочено тоже; не знаю, мозгъ его былъ ли тоже позолоченъ. Онъ разсчитывалъ обороты одного маленькаго дѣльца, которое должно было доставить ему нѣсколько тысячъ луидоровъ; онъ улыбался наединѣ этой мысли, когда доложили ему о приходѣ Кроазиля, который вошелъ скромно, но рѣшительно, со всей безпорядочностью человѣка, желающаго утопиться. М-г Годо немного удивился этому нежданному посѣщенію; онъ подумалъ, что дочь его сдѣлала какую-нибудь покупку; онъ утвердился въ этой мысли, увидя ее входящую въ одно почти время съ молодымъ человѣкомъ. Онъ сдѣлалъ знакъ Кроазилю не садиться, но говорить. Мадмоазель усѣлась на софѣ, и Кроазиль, стоя, началъ рѣчь почти такими словами:

— Милостивый государь, отецъ мой обанкрутился. Банкрутство товарища принудило его прекратить свою уплату, и не въ силахъ глядѣть на свое посрамленіе, онъ убѣжалъ въ Америку, отдавши кредиторамъ все, до послѣдней копѣйки. Меня не было здѣсь, когда это случилось; я только что изъ дороги, и всего два часа какъ узналъ объ этомъ происшествіи. У меня нѣтъ вовсе средства къ жизни, и я рѣшился умереть. По всей вѣроятности, по выходѣ отъ васъ, я брошусь въ воду. Нѣтъ сомнѣнія, что я бы утопился, если бъ случай не свелъ меня сейчасъ съ вашей дочерью. Я люблю ее, милостивый государь, всей полнотой моего сердца; уже два года

Digitized by Google

я влюбленъ въ нее, и молчалъ до сихъ поръ, сдерживаемый уваженіемъ къ ней; но теперь, объявляя вамъ это, я выполняю священную обязанность, и я оскорбилъ бы Бога, если, готовясь къ смерти, не пришелъ къ вамъ просить о вашемъ согласіи на мой бракъ съ мамзель Жюли. Я не имѣю вовсе надежды получить это согласіе, но я долженъ просить васъ, потому что я добрый христіанинъ, милостивый государь, а когда добрый христіанинъ до того несчастенъ, что не можетъ переносить болѣе жизни, онъ долженъ, покрайней мѣрѣ, смягчить свое преступленіе, испытавши всѣ неудачи прежде, чѣмъ рѣшится на послѣднее средство.

Въ началѣ этой рѣчи, М-г Годо полагалъ, что пришли занять у него денегъ, и благоразумно прикрылъ платкомъ лежавшіе подлѣ него мѣшки, заранѣе готовя учтивый отказъ, потому что онъ всегда былъ расположенъ къ отцу Кроазиля. Но выслушавши до конца, и смекнувъ, въ чемъ дѣло, онъ не сомнѣвался болѣе въ помѣшательствѣ молодаго человѣка. Ему приходила даже мысль позвонить и велѣть его вывести; но твердая осанка, рѣшительное лицо такъ поразили откупщика, что ему жаль стало этого спокойнаго помѣшательства. Онъ велѣлъ только дочери удалиться, чтобъ не слыхала она болѣе подобныхъ неприличностей.

Во время рѣчи Кроазиля, мамзель Годо краснѣла, какъ перецъ въ августѣ мѣсяцѣ. По приказанію отца она вышла. Молодой человѣкъ отвѣсилъ ей глубокій поклонъ, котораго она, повидимому, не замѣтила. Оставшись наединѣ съ Кроазилемъ, М-г Годо откашлялся, всталъ, потомъ опять опустился на свои подушки, и сказалъ, стараясь принять отеческій видъ.

— Мой другъ,—я вѣрю, что ты не смѣешься надо мною и дѣйствительно лишился разсудка. Не только извиняю тебѣ твою выходку, но не хочу даже наказать тебя. Мнѣ очень жаль, что бѣднякъ, отецъ твой, обанкрутился и уѣхалъ отсюда; это больно, и я понимаю, что это могло лишить тебя ума. Я хочу что-нибудь для тебя сдѣлать; возьми стулъ и садись сюда.

— Это лишнее, милостивый государь,—отвѣчалъ Кроазиль;—вы отказали мнѣ, и я ухожу. Желаю вамъ всѣхъ возможныхъ благъ.

Digitized by Google

— Куда же идешь ты?

— Написать къ отцу и проститься съ нимъ.

— Э, чортъ возьми! ты говоришь, пожалуй, правду; ты идешь топиться, или чортъ меня побери.

— Да, милостивый государь; покрайней мѣрѣ я такъ думаю, если не измѣнитъ рѣшимость.

— Славная выходка! Фу ты, глупость какая! Садись-ка, говорю тебѣ, и выслушай меня.

М-г Годо разсудилъ очень вѣрно, что непріятно, если станутъ говорить, что человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, утопился по выходѣ отъ него. Онъ откашлялся опять, взялъ табакерку, бросилъ разсѣянный взглядъ на свое жабо, и продолжалъ:

— Ты глупъ, вѣтренъ, ребенокъ еще, это ясно, ты не знаешь самъ, что говоришь. Ты разорился, вотъ въ чемъ дѣло. Но этаго, любезный другъ, недовольно; надо подумать о житейскихъ дѣлахъ. Еслибъ ты пришелъ ко мнѣ просить... чего бы.... ну, хоть добраго совѣта, изволь, это бы ничего; но чего же ты хочешь? Ты влюбленъ въ мою дочь?

— Да, милостивый государь, и я повторяю вамъ, что далекъ отъ надежды получить ее въ супружество; но какъ одно это можетъ привязать меня къ жизни,—если вы вѣруете въ Бога, въ чемъ я нимало не сомнѣваюсь — то вы поймете, зачѣмъ я пришелъ къ вамъ.

— Вѣрую ли я въ Бога или нѣтъ, это до тебя не касается; я не люблю подобныхъ разспросовъ; отвѣчай прежде: гдѣ ты видѣлъ мою дочь?

— Въ лавкѣ моего отца и въ этомъ домѣ, когда приносилъ сюда закупки мамзель Жюли.

— Кто тебѣ сказалъ, что ее зовутъ Жюли? Каковы времена, прости Господи. Но, зовутъ ли ее Жюли или Жавотъ, знаешь ли ты, что нужно напередъ, чтобъ осмѣлиться разсчитывать на руку дочери главнаго фермера?

— Не знаю ничего, развѣ чтобъ быть богатымъ, какъ и она.

— Другое нужно, любезный, — нужно имя.

— Такъ что жъ! меня зовутъ Кроазиль.

Digitized by Google

— Тебя зовутъ Кроазиль, несчастный! Развѣ это имя— Кроазиль?

— Клянусь честью, милостивый государь, по душѣ и по совѣсти, это имя такое же хорошее, какъ и Годо.

— Ты грубіянъ, и поплатишься мнѣ за это.

— И, Боже мой! не сердитесь пожалуйста; я не хочу вовсе обижать васъ. Если тутъ есть что нибудь-для васъ обидное и вы хотите наказать меня,—вамъ не изъ чего гнѣваться; я сейчасъ иду, утопнюсь.

Хотя М-г Годо обѣщалъ себѣ выпроводить Кроазиля какъ можно тише, во избѣжаніе всякаго скандала, благоразуміе его не могло, однакожъ, устоять противъ нетерпѣнія оскорбленной гордости; разговоръ, на который онъ пытался обречь себя, казался ему уже невыносимымъ въ душѣ. Прошу подумать, что чувствовалъ онъ, выслушивая подобныя рѣчи.

— Постой, сказалъ онъ почти внѣ себя, съ твердой рѣшимостью прекратить переговоры, ты вовсе не такъ глупъ, чтобъ не оставалось въ тебѣ капли здраваго смысла.... Богатъ ли ты?... нѣтъ. Имѣешь ли имя?... тоже нѣтъ. Какая же безумная мысль привела тебя? ты надоѣдаешь мнѣ, хочешь застращать глупой выходкой; ты очень хорошо знаешь, что это не поведетъ ни къ чему; ты хочешь свалить свою смерть на мою шею. Въ чемъ же можешь ты на меня пожаловаться? долженъ ли я хоть копѣйку твоему отцу? виноватъ ли въ твоемъ несчастьи? Эхъ, чортъ возьми, люди топятся и молчатъ.

— Я и попробую это; вашъ покорнѣйшій слуга.

— Постой еще! Пусть же не говорятъ, что я отпустилъ тебя безъ помощи. Возьми, братъ, вотъ тебѣ четыре луидора; ступай, отобѣдай на кухнѣ, и чтобъ я не слыхалъ о тебѣ больше.

— Весьма благодаренъ, я не голоденъ и не нуждаюсь въ вашихъ деньгахъ!

Кроазилъ вышелъ изъ комнаты, и откупщикъ, успокоивши свою совѣсть сдѣланнымъ предложеніемъ, уткнулся опять въ свое кресло и пустился въ прежнія мечтанья.

Мамзель Годо, въ это время, была ближе, чѣмъ думали;

Digitized by Google

она ушла, правда, повинуясь отцу, но не пошла въ свою комнату, а остановилась прислушаться за дверью. Не понимая дерзости Кроазиля, она, однакожъ, не оскорблялась ею, потому что любовь, съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, ни разу не считалась за оскорбленье; съ другой стороны, не сомнѣваясь болѣе въ отчаяніи молодаго человѣка, мамзель Годо разомъ поддалась двумъ чувствамъ болѣе всего опаснымъ для женщинъ, — состраданію и любопытству. Когда разговоръ кончился, и Кроазиль готовъ былъ уйти, она быстро прошла черезъ залу, и чтобъ не застали ее, направила шаги къ своей комнатѣ; но почти въ ту же минуту она воротилась назадъ. Мысль, что Кроазиль, можетъ быть, дѣйствительно погубитъ себя, невольно смутила ея сердце. Не понимая сама, что дѣлаетъ, она пошла къ нему навстрѣчу; зала была велика, и молодые люди шли медленно одинъ къ другому. Кроазиль былъ блѣденъ какъ смерть, и мамзель Годо напрасно искала слово, которое выразило бы ея чувства. Проходя мимо его, она уронила букетъ изъ фіалокъ, который держала въ рукѣ. Онъ тотчасъ нагнулся, поднялъ букетъ, и подалъ его дѣвушкѣ; но она не взяла его, продолжала идти, не говоря ни слова, и вошла въ кабинетъ своего отца. Кроазиль, оставшись одинъ, положилъ букетъ къ сердцу и вышелъ изъ дому, встревоженный духомъ, не зная, что и подумать объ этомъ происшествіи.

III.

Не успѣлъ пройти онъ нѣсколько шаговъ по улицѣ, какъ увидѣлъ вѣрнаго Жана, бѣгущаго къ нему на встрѣчу съ радостнымъ видомъ.

— Что случилось? спросилъ онъ,—какое еще извѣстіе несешь ты мнѣ?

— Милостивый государь, отвѣчалъ Жанъ, надо сказать вамъ, что вашъ домъ распечатали, и вы можете занять его. Всѣ долги вашего батюшки заплачены, вы хозяинъ его дома. Правда, что повынесли оттуда все серебро и каменья, даже мебели не оставили; но все-таки же домъ принадлежитъ вамъ,

Digitized by Google

и вы не все еще потеряли. Я бѣгаю цѣлый часъ, ищу васъ вездѣ, и я надѣюсь, сударь, что поступите теперь благоразумно.

— Да что же я сдѣлаю такое?

— Продайте этотъ домъ, сударь, это все ваше богатство; онъ стоитъ около тридцати тысячъ франковъ. Съ этими деньгами, покрайней мѣрѣ, не умрешь съ голоду; и кто же вамъ мѣшаетъ накупить товаровъ и торговать себѣ на здоровье?

— Мы увидимъ это, — отвѣчалъ Кроазиль, спѣша къ своему дому. Онъ съ нетерпѣніемъ желалъ увидѣть отцовское жилище; но когда онъ вошелъ въ него, грустное зрѣлище открылось ему, и онъ остановился на порогѣ. Лавка въ безпорядкѣ, пустыя комнаты, разоренная спальня его отца, вездѣ бѣдность во всей ея наготѣ. Не оставалось ни одного стула, всѣ ящики были перешарены, конторка взломана, касса похищена; ничего не ускользнуло отъ жадныхъ розысковъ кредиторовъ и блюстителей правосудія, которые, разграбивши домъ, исчезли, оставивъ растворенными двери, какъ бы свидѣтельствуя тѣмъ проходящимъ, что обязанность ихъ исполнена.

— Такъ вотъ, — воскликнулъ Кроазиль, вотъ что осталось отъ тридцати лѣтъ работы и честнаго житья, — и все оттого только, что въ назначенный день, не чѣмъ было расплатиться за неосторожную подпись руки.

Въ то время, какъ молодой человѣкъ прохаживался взадъ и впередъ, томимый грустными мыслями, Жанъ находился въ какомъ-то странномъ замѣшательствѣ. Онъ полагалъ, что его господинъ былъ безъ денегъ, можетъ быть, даже безъ обѣда. Онъ всячески пытался выспросить его объ этомъ и предложить ему, въ случаѣ нужды, часть своей экономической суммы. Измучившись цѣлые четверть часа въ отыскиваньи приличнаго приступа къ дѣлу, онъ ничего не выдумалъ, подошелъ къ Кроазилю, и спросилъ его нѣжнымъ голосомъ:

— Любите ли вы, сударь, по прежнему куропатокъ подъ капустой?

Бѣднякъ произнесъ эти слова такимъ шуточнымъ и вмѣстѣ трогательнымъ тономъ, что Кроазиль, не смотря на свою тоску, не могъ удержаться отъ смѣху.

— А къ чему ведетъ этотъ вопросъ?—сказалъ онъ.

Digitized by Google

— А къ тому,—отвѣчалъ Жанъ,—что жена моя готовила мнѣ къ обѣду куропатокъ, и если вы еще по прежнему любите ихъ....

Кроазиль вовсе забылъ до этой минуты о суммѣ, которую онъ несъ своему отцу; предложеніе Жана заставило его вспомнить, что карманы его полны золотомъ.

— Благодарю тебя отъ всего сердца,—сказалъ онъ старику,—и принимаю съ радостью твой обѣдъ; но если ты безпокоишься объ моемъ существованіи, разувѣрь себя, у меня есть деньги, даже больше чѣмъ нужно сегодня на ужинъ, который въ свою очередь ты раздѣлишь со мною.

Говоря это, онъ положилъ на каминъ четыре мѣшка, туго набитыхъ, развязалъ ихъ и нашелъ въ каждомъ по пятидесяти луидоровъ.

— Хотя эта сумма не принадлежитъ мнѣ, — прибавилъ онъ,—я могу воспользоваться ею на день или на два. Къ кому нужно отнестись, чтобъ передать ее моему отцу?

— Вашъ батюшка,—отвѣчалъ поспѣшно Жанъ, поручилъ мнѣ сказать вамъ, что эти деньги ваша собственность, а не говорилъ я вамъ объ этомъ потому, что не зналъ, какъ кончились ваши дѣла въ Парижѣ. Батюшка вашъ не будетъ имѣть тамъ ни въ чемъ недостатка; онъ остановится у одного изъ нашихъ корреспондентовъ, который приметъ его какъ нельзя лучше; притомъ же онъ захватилъ съ собой что ему нужно, увѣренный вполнѣ, что оставляетъ здѣсь еще много, и что оставилъ онъ здѣсь, — то все ваше, сударь; онъ пишетъ объ этомъ въ своемъ письмѣ, и мнѣ поручено нарочно повторить вамъ это. Это золото, стало быть, ваша собственность, какъ и домъ, гдѣ мы теперь. Я могу даже привести вамъ въ точности тѣ слова, которыя говорилъ мнѣ вашъ батюшка, уѣзжая отсюда: «пусть мой сынъ проститъ мнѣ, что я его оставляю; пусть помнитъ онъ, изъ любви ко мнѣ, что я еще живъ, и пусть воспользуется онъ всѣмъ оставшимся отъ уплаты моихъ долговъ, какъ своимъ наслѣдствомъ». Вотъ его собственныя выраженія, сударь; такъ спрячьте же это въ карманъ, и если вы хотите отобѣдать со мной—пойдемте, прошу васъ, ко мнѣ домой.

Digitized by Google

Радость и чистосердечіе, блиставшія въ глазахъ Жана, не оставляли больше сомнѣнія въ душѣ Кроазиля. Отцовскія слова растрогали его до того, что онъ не могъ удержаться отъ слезъ; съ другой стороны, четыре тысячи франковъ въ подобное время была не шутка. Что же касается до дому, это было пособіе не совсѣмъ еще вѣрное; выгадать на немъ можно только продавши его, — а продать-то не такъ легко и скоро. Все это, однакожъ, значительно поправило состояніе молодаго человѣка; онъ вдругъ почувствовалъ себя мягче, раздумался надъ своимъ страшнымъ намѣреніемъ, и ему стало, такъ сказать, и легче и грустнѣе на душѣ.

Закрывши ставни въ лавкѣ, онъ вышелъ изъ дому вмѣстѣ съ Жаномъ, и проходя снова по городу, не могъ не задуматься, какъ ничтожны наши печали, если они иногда открываютъ неожиданную радость въ едва свѣтящемся лучѣ надежды. Съ этой мыслью онъ сѣлъ за столъ рядомъ съ своимъ старымъ слугою, который во время обѣда старался всѣми средствами забавлять своего господина.

У людей легкомысленныхъ одинъ счастливый недостатокъ: они скоро огорчаются, но имъ даже нѣтъ времени утѣшать себя, такъ легко имъ бываетъ отдаться развлеченью. Напрасно бы сочли вы ихъ безчувственными или эгоистами; они чувствуютъ, можетъ быть, живѣе другихъ и въ состояніи посадить себѣ пулю въ лобъ въ минуту отчаянія; но пройдетъ эта минута и останутся они въ живыхъ, въ нихъ является потребность пообѣдать, поѣсть и попить, какъ водится, чтобы залиться послѣ слезами ложась въ постель. Радость и горе не скользятъ надъ ними; они пролетаютъ какъ стрѣлы надъ ихъ головами: это чудныя и крѣпкія натуры, умѣющія страдать, но неумѣющія лгать, въ которыхъ читаешь все какъ въ книгѣ, натуры не хрупкія и пустыя какъ стекло, а полныя и прозрачныя какъ горный кристаллъ. Пообѣдавъ и выпивъ съ Жаномъ, Кроазиль не утопился, а пошелъ въ театръ. Стоя въ серединѣ партера, онъ вынулъ изъ жилета букетъ мамзель Годо, и втягивая его благовоніе, углубился въ себя, и сталъ спокойнѣе думать объ утреннемъ происшествіи. Подумавши нѣсколько минутъ, онъ ясно увидѣлъ истину, а

Digitized by Google

именно, что дѣвушка, оставляя свой букетъ въ его рукахъ и отказываясь принять его, хотѣла выказать ему свое вниманіе; ибо иначе отказъ и молчаніе были бы признакомъ ея презрѣнія, а предположеніе такое было невозможно. Кроазиль рѣшилъ потому, что мамзель Годо добрѣе и мягче своего отца, и ему не трудно было припомнить, что на лицѣ дѣвушки, когда она проходила черезъ залу, выразилось смущеніе, тѣмъ болѣе истинное, что казалось невольнымъ. Но смущеніе это, было ли то любовь или только сожалѣніе, или еще меньше, можетъ быть, просто состраданіе? Боялась ли мамзель Годо, что дѣйствительно умретъ онъ, Кроазиль, или боялась она быть причиной смерти человѣка вообще, кто бы онъ ни былъ? Букетъ хотя и завялъ и облетѣли листы съ него, но запахъ его былъ такъ тонокъ, связанъ онъ такъ граціозно, что, глядя на него и вдыхая его ароматъ, Кроазиль невольно ощущалъ надежду въ душѣ. Это была гирлянда изъ розъ вокругъ пучка фіалокъ. Сколько чувствъ, сколько тайнъ прочиталъ бы Турокъ въ этихъ цвѣтахъ, разгадывая ихъ языкъ! Но не для чего быть и Туркомъ въ этомъ случаѣ. Цвѣты, падающіе съ груди хорошенькой женщины, и въ Европѣ, какъ и на Востокѣ, никогда не бываютъ нѣмы; разскажутъ ли они, что видѣли сами, покоясь на хорошенькой шеѣ, и того уже довольно для влюбленнаго, а это дѣйствительно разсказываютъ они. Любовь очень сходна съ ароматомъ; есть даже люди, утверждающіе, что любовь есть своего рода ароматъ; несомнѣнно одно, что цвѣтокъ, его издающій, лучшій цвѣтокъ въ мірѣ созданій.

Въ то время, какъ Кроазиль передумывалъ это, обращая мало вниманія на играемую трагедію, сама мамзель Годо показалась въ ложѣ напротивъ его. Ему и не приходило въ голову, что когда она замѣтитъ его, ей покажется страннымъ видѣть его здѣсь послѣ всего случившагося. Напротивъ, онъ всячески старался подойти къ ней, но ему не удавалось. Пріѣхала фигурантка изъ Парижа сыграть *Меропу*, и толпа была страшная, никакой возможности двинуться съ мѣста. Дѣлать нечего: онъ удовольствовался тѣмъ, что направилъ свои взоры на красавицу, и не сводилъ съ нея глазъ ни минуты. Онъ за-

Digitized by Google

мѣтилъ, что она занята чѣмъ-то, недовольна и отвѣчаетъ всѣмъ съ какой-то досадой. Ея ложа, разумѣется, была окружена Нормандскими щеголями, сколько ихъ было въ городѣ; всякій старался пройтись мимо нея въ галлерею, потому что войти къ ней въ ложу всѣмъ было невозможно: одинъ почтенный батюшка ея, своей персоной, занималъ болѣе трехъ четвертей ложи. Кроазиль замѣтилъ еще, что она не лорнируетъ и не слушаетъ пьесы. Облокотясь на балюстраду, поддерживая рукой подбородокъ, оглядывая все разсѣяннымъ взоромъ, она казалась, посреди своихъ уборовъ, статуей Венеры, переодѣтой въ маркизу; роскошь ея платья и прически, румянецъ, подъ которымъ угадывалась блѣдность, вся граціозность ея туалета еще рѣзче выдавала ея неподвижность. Никогда Кроазиль не видалъ ее такъ прекрасной. Урвавшись въ антрактѣ изъ толпы, онъ побѣжалъ взглянуть черезъ рѣшетку ложи, и, странное дѣло, едва прислонился онъ головой, какъ мамзель Годо, неподвижная болѣе часа, вдругъ обернулась. Она слегка вздрогнула, увидѣвъ его, и бросила на него бѣглый взглядъ; за тѣмъ приняла прежнюю позу. Было ли въ этомъ взглядѣ удивленье, безпокойство, радость или любовь; говорилъ ли онъ: «Какъ! вы не умерли!» или: «слава Богу! вы еще живы!» не рѣшаюсь сказать навѣрное; но все таки, послѣ этого взора, Кроазиль поклялся въ душѣ или умереть, или заставить полюбить себя.

IV.

Изъ всѣхъ препятствій, вредящихъ любви, самое большое есть, безъ сомнѣнія, то что называютъ ложнымъ стыдомъ, — который, впрочемъ, стыдъ очень истинный. Кроазиль не имѣлъ этого жалкаго недостатка, происходящаго отъ спѣси и робости; онъ былъ не такой человѣкъ, чтобъ нѣсколько мѣсяцевъ увиваться, вертѣться около любимой женщины, какъ кошка около птицы въ клѣткѣ. Рѣшился онъ не топиться — ему оставалась одна забота, передать своей дорогой Жюли, что онъ живетъ для нея одной, но какъ сказать ей это? Идти вто-

Digitized by Google

рично къ главному фермеру, — нѣтъ сомнѣнія, что М-г Годо велитъ его вытолкать въ двери. Выходя пѣшкомъ изъ дому, Жюли была всегда съ гувернанткой; поэтому нечего было за ней бѣгать. Проводить ночи подъ окнами возлюбленной, безспорно, любимое дѣло любовниковъ, но теперь оно было бы вовсе некстати. А какъ лучшее средство, хотя и самое опасное, писать людямъ, если нельзя говорить съ ними, то и написалъ онъ къ ней на другой же день. Въ его письмѣ, разумѣется, не было ни складу, ни ладу. Оно было написано почти въ слѣдующихъ словахъ:

«Мадмоазель!

е мнѣ навѣрное, умоляю васъ, сколько денегъ нужно имѣть, чтобъ осмѣлиться просить вашей руки. Я вамъ дѣлаю странный вопросъ; но я васъ люблю безнадежно, и не могу не сдѣлать его, а вы единственная особа въ мірѣ, къ которой я могъ съ нимъ обратиться. Мнѣ показалось, вчера вечеромъ, что вы смотрѣли на меня въ театрѣ. Я хотѣлъ умереть, лучше бы я умеръ дѣйствительно, если ошибаюсь и если этотъ взглядъ былъ не для меня! Скажите мнѣ, неужели случай можетъ быть такъ жестокъ, что обманываетъ себя человѣкъ такъ жалко и такъ отрадно? Я думалъ, что вы повелѣваете мнѣ жить. Вы богаты, хороши собою, я знаю; вашъ батюшка спѣсивъ и жаденъ, и вы имѣете право быть гордой; но я люблю васъ, остальное все сонъ. Взгляните на меня этими прелестными глазами, подумайте о томъ, что можетъ любовь, потому что я страдаю, подумайте, что я могу бояться, и съ какимъ невыразимымъ наслажденіемъ пишу я къ вамъ это безумное письмо, которое навлечетъ на меня, можетъ быть, вашъ гнѣвъ; но подумайте также, что есть частица вашей вины въ этой глупости. Зачѣмъ оставили вы мнѣ этотъ букетъ? Станьте, прошу васъ, на мое мѣсто, если можно; я смѣю думать, что вы меня любите, и смѣю просить васъ отвѣтить на это письмо. Простите меня, заклинаю васъ. Я отдалъ бы свою жизнь, чтобъ увѣриться, что не оскорбляю васъ, и что вы любовь мою выслушиваете съ этой ангельской улыбкой, которой обладаете рѣдко вы. Что бы вы

Digitized by Google

ни сдѣлали, вашъ образъ остался во мнѣ; вы изгладите его не иначе, какъ вырвавши мое сердце. До тѣхъ поръ вашъ взоръ будетъ жить въ моемъ воспоминаньи, пока этотъ букетъ сохранитъ свой ароматъ, пока слово любви будетъ имѣть значеніе, я сохраню въ душѣ своей надежду».

Запечатавши письмо, Кроазиль пошелъ къ дому откупщика и прохаживался взадъ и впередъ по улицѣ, до тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ кого-то выходящаго отъ М-г Годо. Случай, всегда готовый на услуги любовникамъ, устроилъ такъ, что горничная мамзели Жюли пошла въ этотъ вечеръ покупать себѣ чепчикъ. Она пробиралась къ модисткѣ, когда подошелъ къ ней Кроазиль, сунулъ ей въ руку лундоръ и просилъ передать свое письмо. Сдѣлка была заключена; горничная взяла деньги на чепчикъ, и обѣщалась исполнить его коммиссію изъ благодарности. Кроазиль въ восторгѣ прибѣжалъ домой и сѣлъ на порогѣ въ ожиданіи отвѣта.

Прежде чѣмъ говорить объ этомъ отвѣтѣ, надо сказать словечко о мадмоазель Годо.

Она не была вовсе лишена отцовской спѣси, но природная доброта спасала ее. Она была балованнымъ ребенкомъ, въ всемъ смыслѣ этого слова. Обыкновенно говорила она мало, и никто не видалъ ее съ иголкою въ рукахъ; она проводила дни за туалетомъ, а вечера на софѣ, какъ бы не слушая, что говорится кругомъ. Что касается до ея уборовъ, она была страшная кокетка, и собственное лицо, безъ сомнѣнія, было знакомо ей больше всего на свѣтѣ. Складка на воротничкѣ, черненькое пятнышко на пальцѣ, привели бы ее въ отчаяніе; за то уже, если нравилось ей платье, ничто не можетъ передать послѣдняго взгляда, который бросала она въ зеркало, выходя изъ своей комнаты. Она не показывала ни сочувствія, ни отвращенія къ удовольствіямъ, которыя такъ любитъ дѣвушка; она охотно ѣхала на балъ и отказывалась отъ него также безъ всякаго непріятнаго чувства, иногда безъ всякой причины; театръ наводилъ на нее скуку, и она обыкновенно засыпала въ немъ. Когда отецъ, любившій ее безъ памяти, предлагалъ ей выбрать себѣ подарокъ по своему вкусу, она цѣлый часъ не могла рѣшиться,—не могла отыскать себѣ удо-

Digitized by Google

вольствія. Когда М-г Годо принималъ или давалъ обѣды, случалось, что Жюли не выходила въ залу: она проводила вечеръ одна у себя въ комнатѣ, прохаживалась взадъ и впередъ въ полномъ нарядѣ, съ вѣеромъ въ рукѣ. Если ей говорили комплименты, она отворачивалась; пытались ухаживать за ней, она отвѣчала только взглядомъ, до того блестящимъ и строгимъ, что останавливался всякій дерзкій. Никогда острое слово не вызывало въ ней смѣха, ни разу оперная арія, тирада изъ трагедіи не трогали ее, никогда, наконецъ, сердце ея не отдавалось влеченью, и глядя на нее, проходящую во всемъ блескѣ ея небрежной красоты, вы подумали бы, что это красавица-лунатикъ, обтекающая здѣшій міръ въ полуснѣ.

Такое равнодушіе и такое кокетство, повидимому, не вяжутся вмѣстѣ. Одни говорили, что она ничего не любитъ, другіе, что она любитъ только сама себя. Одно слово, впрочемъ, могло бы объяснить ея характеръ: она ждала. Съ четырнадцати лѣтъ, она безпрестанно слышала, что лучше ея нѣтъ ничего на свѣтѣ; она была увѣрена въ этомъ, и заботилась потому о своемъ туалетѣ: небрежность въ отношеніи къ своей особѣ сочла бы она нарушеніемъ святыни. Лучше сказать, она рядилась въ свою красоту, какъ ребенокъ рядится въ праздничное платье; но она не думала вовсе, чтобъ этой красотѣ суждено остаться непризнанной; подъ наружной безпечностью скрывалась тайная, непоколебимая сила воли воля тѣмъ болѣе твердая, что не показывалась наружу Кокетство обыкновенныхъ женщинъ, растрачиваемое въ глазкахъ, жеманствѣ и улыбкахъ, казалось ей гибельнымъ, пустымъ, почти презрительнымъ маневромъ. Она чувствовала, что обладаетъ сокровищемъ, и ей казалось недостойнымъ расточать его по мелочамъ: ей нуженъ былъ равный соперникъ; но, привыкшая видѣть предупреждаемыми свои желанія, она не искала этого соперника; скажу больше, ее дивило, что онъ не является. Почти пять лѣтъ выѣзжала она въ свѣтъ, выставляя на показъ свои фижмы, фалбалы и прекрасныя плечи; и ей непонятно было, что бы она могла не внушить сильной страсти. Если бъ пришлось ей высказать задушевную мысль, она съ радостью отвѣчала бы

Digitized by Google

своимъ обожателямъ: «Такъ чтоже! если я въ самомъ дѣлѣ, такъ хороша, отчего не стрѣляетесь вы за меня?» Отвѣтъ, который, впрочемъ, сдѣлали бы многія дѣвушки, и который у многихъ, не говорящихъ ни слова, лежитъ на днѣ души, иногда таетъ на устахъ.

И что же въ самомъ дѣлѣ можетъ быть невыносимѣе для женщины, когда она молода, хороша, богата, смотрится въ зеркало, видитъ свои наряды, вполнѣ способная нравиться, готовая заставить полюбить себя, и въ тоже время говоритъ себѣ: «Мнѣ удивляются, всѣ находятъ меня очаровательной, и никто не любитъ меня. Платье мое отъ первой мастерицы, кружева мои изумительны, прическа безукоризненна, лицо, какого нѣтъ въ мірѣ, талія тонка, нога изящно обута; и все это для того только, чтобъ зѣвать въ углу залы! Говоритъ ли со мной молодой человѣкъ, онъ смотритъ на меня, какъ на ребенка; ищутъ ли моей руки, то вѣрно для моего приданаго; сожметъ ли кто мнѣ руку въ танцахъ, это вѣрно провинціальный франтъ; войду ли я, вездѣ пробѣжитъ шопотъ удивленія, но никто не скажетъ мнѣ наединѣ слова отъ души, отъ котораго забилось бы мое сердце. Мнѣ слышно, какъ хвалятъ меня наглецы, въ двухъ шагахъ отъ меня, и ни одного робкаго, искренняго взора, который искалъ бы меня. Во мнѣ кипитъ душа, полная жизни, а я все-таки выхожу нарядной куклой, которую водятъ, заставляютъ прыгать на балу, которую гувернантка одѣваетъ утромъ и разоблачаетъ вечеромъ, чтобы завтра снова повторить туже пѣсню».

Вотъ что не разъ говорила себѣ мамзель Годо, и были дни, когда эта мысль наводила на нее тяжелую скуку, и она по цѣлымъ часамъ сидѣла неподвижной, нѣмою. Въ такомъ же расположеніи духа была она и теперь, когда Кроазиль написалъ ей письмо. Она пила шеколадъ и мечтала, развалясь въ мягкихъ креслахъ, какъ вошла къ ней горничная и съ таинственнымъ видомъ вручила ей письмо. Она взглянула на адресъ и, не узнавая руки, погрузилась снова въ задумчивость. Горничная принуждена была тогда объяснить, въ чемъ дѣло, и объяснила довольно смутившись, не зная, какъ примутъ ея выходку. Мамзель Годо слушала не-

Digitized by Google

подвижно, раскрыла письмо и бросила на него одинъ только взглядъ; за тѣмъ потребовала она листъ бумаги и небрежно написала эти нѣсколько словъ:

«И, Боже мой! я вовсе не горда. Будь у васъ сто тысячъ экю, я бы пошла за васъ съ радостью».

И этотъ отвѣтъ горничная сейчасъ же принесла Кроазилю, который далъ ей еще луидоръ за ея труды.

V.

Сто тысячъ экю, какъ говорится, не подымешь на улицѣ; и будь Кроазиль недовѣрчивъ, онъ могъ бы подумать, читая письмо мамзели Годо, что она дура или смѣется надъ нимъ. Онъ не подумалъ, впрочемъ, ни того, ни другаго; онъ видѣлъ только, что любезная Жюли его любитъ и что ему нужно сто тысячъ экю, и съ этихъ поръ онъ только и думалъ, какъ достать эту сумму.

Двѣсти луидоровъ было уже у него въ рукахъ, за тѣмъ домъ, стоившій, какъ я говорилъ уже, около тридцати тысячъ франковъ. Что же дѣлать теперь? Какъ быть, чтобъ эти тридцать четыре тысячи франковъ выросли вдругъ въ триста тысячъ? Первая мысль, которая пришла молодому человѣку, была поставить на карту все свое состояніе; но для этого надо было продать домъ. Кроазиль наклеилъ сначала на воротахъ записку, что домъ продается; потомъ, мечтая, что бы сдѣлать съ вырученными деньгами, онъ сталъ выжидать покупателя.

Прошла недѣля, потомъ другая; не явилось ни одного покупателя. Кроазиль по цѣлымъ днямъ горевалъ съ своимъ Жаномъ, и отчаяніе начинало уже овладѣвать имъ, когда какой-то жидъ-мѣняло позвонилъ у его дверей.

— Этотъ домъ продается, господинъ. Вы его хозяинъ?

— Такъ точно.

— А что стоитъ онъ?

— Тридцать тысячъ франковъ, какъ мнѣ кажется; по-крайней мѣрѣ, такъ говорили моему отцу.

Жидъ обошелъ всѣ комнаты, влѣзалъ наверхъ, спускался въ погреба, стучался въ стѣны, пересчитывалъ ступени

Digitized by Google

на лѣстницахъ, пробовалъ, какъ отворяются двери и запираются замки, открывалъ и затворялъ окна; потомъ, въ заключеніе, осмотрѣвши, что нужно, не говоря ни слова, не дѣлая никакого предложенія, поклонился Кроазилю и ушелъ.

Кроазиль, цѣлый часъ слѣдившій за нимъ съ трепещущимъ сердцемъ, не мало пораженъ былъ этимъ молчаливымъ уходомъ. Онъ полагалъ, что жидъ хотѣлъ дать себѣ время подумать и что онъ вскорѣ придетъ опять. Онъ ждалъ его цѣлые восемь дней, не выходилъ изъ дома, боясь прогулять его посѣщеніе, и глядѣлъ въ окно съ утра до вечера; но все было напрасно: жидъ не приходилъ. Жанъ, вѣрный своей жалкой роли резонёра, читалъ, какъ говорится, мораль своему господину, отговаривая его продавать домъ такъ поспѣшно и для такой безразсудной цѣли. Умирая отъ нетерпѣнія, скуки и любви, въ одно прекрасное утро, Кроазиль взялъ съ собой двѣсти луидоровъ и вышелъ изъ дому, попробовать счастія съ этими деньгами, если ему не предвидѣлось уже другихъ. Картежные дома въ то время не были еще публичными, не была въ ходу еще эта утонченность цивилизацій, чтобъ любой изъ насъ могъ разориться во всякое время, лишь бы желаніе зародилось въ душѣ. Вышедши на улицу, Кроазиль остановился, не зная куда идти ему рисковать своими деньгами. Онъ смотрѣлъ на сосѣдніе дома, мѣрилъ ихъ глазами и мыслью, стараясь отыскать въ нихъ что-нибудь подозрительное снаружи, и угадать, чего ему нужно. Молодой человѣкъ благовидной наружности, щегольски одѣтый проходилъ въ это время мимо его. Судя по внѣшности, это былъ батюшкинъ сынокъ. Кроазиль учтиво подошелъ къ нему.

— Милостивый государь, — сказалъ онъ ему,—извините мою нескромность. У меня двѣсти луидровъ въ карманѣ, и я умираю отъ охоты проиграть ихъ или выручить больше. Не можете ли вы указать мнѣ честный домъ, гдѣ дѣлаются такія дѣла. При этомъ странномъ вопросѣ молодой человѣкъ залился громкимъ смѣхомъ.

— Вотъ и прекрасно, отвѣчалъ онъ, если вы ищете безчестнаго дома, пойдемте за мной,—я туда....

Кроазиль пошелъ за нимъ, и черезъ нѣсколько минутъ

Digitized by Google

они очутились оба въ домѣ богатой наружности, гдѣ были приняты какъ нельзя лучше почтеннымъ джентльменомъ хорошаго тона. Нѣсколько молодежи сидѣло уже за зеленымъ столомъ. Кроазиль скромно занялъ мѣсто среди ихъ, и не болѣе какъ въ часъ времени его двѣсти луидоровъ были проиграны.

Онъ вышелъ мрачный, на сколько можетъ быть мраченъ человѣкъ, сознающій себя любимымъ. Ему не на что было пообѣдать, но не объ томъ безпокоился онъ.

— Что мнѣ дѣлать теперь, спрашивалъ онъ самого себя, откуда достать денегъ? къ кому обратиться въ здѣшнемъ городѣ? Кто дастъ сто луидоровъ за этотъ домъ, котораго я не могу сбыть съ рукъ?

Въ минуту этого замѣшательства подвернулся ему жидъ-мѣняло. Онъ обратился къ нему, и въ качествѣ вѣтренника, высказалъ ему, въ какомъ онъ находится положеніи. Жиду вовсе не было большой нужды въ покупкѣ дома; онъ зашелъ заглянуть въ него изъ любопытства, или вѣрнѣе, для успокоенія совѣсти, какъ собака мимоходомъ забѣгаетъ въ кухню черезъ отворенную дверь, чтобы взглянуть, нельзя ли стащить что-нибудь; но онъ увидалъ Кроазиля въ горѣ, въ отчаяніи, безъ всякихъ средствъ къ жизни, и не могъ устоять противъ влеченія воспользоваться его бѣдностью, рискуя понести убытокъ въ покупкѣ дома. Онъ предложилъ ему почти четверть настоящей цѣны. Кроазиль прыгнулъ ему на шею, назвалъ его своимъ другомъ и спасителемъ, подписалъ безобразнѣйшій контрактъ, и на другой день, съ четырьмя стами луидоровъ отправился снова къ зеленому столу, гдѣ такъ быстро и учтиво обобрали его наканунѣ.

По дорогѣ проходилъ онъ мимо пристани. Корабль готовился къ отплытію; вѣтеръ былъ тихъ, море покойно. Со всѣхъ сторонъ приходили и уходили негоціанты, матросы, морскіе офицеры въ своихъ мундирахъ. Носильщики таскали огромные тюки съ товарами. Пассажиры прощались; легкія барки скользили со всѣхъ сторонъ; на всѣхъ лицахъ читали страхъ, нетерпѣнье или надежду; и посреди этого смятенія величественный корабль покачивался мѣрно, раздувая свои гордые паруса.

Digitized by Google

— Чудное дѣло, думалъ Кроазиль, рисковать такъ своимъ имуществомъ и за морями искать опаснаго счастія! Съ какимъ смущеніемъ провожаешь этотъ корабль, нагруженный столькими богатствами, благосостояніемъ столькихъ семействъ! И какъ же весело за то встрѣтить его опять, возвращающагося съ двойнымъ достояніемъ, съ бо́льшей гордостью и съ бо́льшимъ богатствомъ! Отчего я не купецъ, какъ они! отчего нельзя мнѣ также рисковать своими четырьмя стами лундоровъ! отчего не купить мнѣ нѣсколько тюковъ шолку и полотна? кто запретитъ мнѣ, если у меня есть деньги? отчего бы этому капитану не взять моихъ товаровъ? и какъ знать? вмѣсто того, чтобъ оставить эту жалкую и единственную сумму на зеленомъ столѣ, можетъ быть, я удвою ее, утрою честнымъ промысломъ. Если Жюли истинно любитъ меня, она подождетъ нѣсколько лѣтъ, и останется вѣрной мнѣ до тѣхъ поръ, когда мнѣ можно будетъ на ней жениться. Торговля доставляетъ иногда бо́льшія выгоды, чѣмъ думаютъ; сколько примѣровъ видимъ мы, что вдругъ рождались и возрастали богатства на этихъ измѣнчивыхъ волнахъ; отчего же Провидѣніе не захочетъ благословить попытку. ведущую къ такой похвальной цѣли, вполнѣ достойной Его покровительства? Изъ этихъ купцовъ, нажившихъ такія богатства и посылающихъ корабли во всѣ концы земнаго шара, не одинъ, можетъ быть, началъ торговлю на сумму еще меньше моей. Они разбогатѣли съ Божьею помощью; отчего же не разбогатѣть и мнѣ? Мнѣ кажется, попутный вѣтеръ дуетъ въ эти паруса, и корабль вселяетъ во мнѣ довѣріе къ себѣ. Идетъ, жребій брошенъ, пойду къ капитану, его лицо мнѣ нравится; напишу потомъ Жюли и сдѣлаюсь искуснымъ негоціантомъ.

Величайшее несчастіе людей нѣсколько вѣтренныхъ состоитъ въ томъ, что минутами теряютъ они вовсе голову. Жалкій юноша, не думая долго, привелъ въ исполненіе свою фантазію. Накупить товаровъ, когда есть деньги въ карманѣ, и не знаешь ни въ чемъ толку,—дѣло самое пустое Капитанъ съ видомъ покровительства сводилъ Кроазиля къ одному фабриканту, который продалъ ему полотна и шолку, на сколько могъ онъ уплатить; и все это сейчасъ же было сложено

Digitized by Google

въ тележку и перевезено на бортъ. Кроазиль, полный радости и надежды, собственноручно огромными буквами написалъ свое имя на своихъ тюкахъ. Съ чувствомъ невыразимой радости глядѣлъ онъ, какъ ихъ укладывали; насталъ часъ отъѣзда, и корабль отплылъ отъ берега.

VI.

Нечего и говорить, что вслѣдствіе этаго предпріятія ничего не осталось денегъ у Кроазиля. Съ другой стороны, домъ его былъ проданъ; отъ всего добра оставалось ему только платье на его плечахъ; жилища не было, денегъ тоже. Несмотря на все свое доброе желаніе, Жанъ никакъ не могъ полагать, что бы господинъ его дошелъ до такого состоянія; Кроазиль не то чтобы былъ гордъ, но слишкомъ беззаботенъ, чтобъ говорить объ этомъ; онъ рѣшился спать подъ открытымъ небомъ, а что касается до обѣда, разсчелъ слѣдующимъ образомъ: по его предположенію корабль долженъ былъ воротиться въ Гавръ черезъ полгода; онъ продалъ, скрѣпя сердце, золотые часы, подарокъ отца, который удалось ему сберечь до сихъ поръ, и выручилъ за нихъ тридцать шесть ливровъ. Съ этими деньгами, по четыре су на день, можно было прожить почти полгода. Онъ былъ совершенно увѣренъ въ своемъ разсчетѣ, и написалъ къ мамзель Годо, извѣщая ее о своихъ дѣлахъ; онъ ни слова не говорилъ ей о своей бѣдности; напротивъ, онъ писалъ ей, что предпринялъ великолѣпную торговую операцію, которой результаты близки и несомнѣны; онъ объяснялъ, что *Флёретъ*, наемный корабль, въ полтораста тоннъ, везетъ въ Бальтійское море его шолкъ и полотна; онъ умолялъ ее остаться вѣрной ему въ продолженіе года, не осмѣливаясь просить большаго срока, и съ своей стороны, самъ клялся ей въ вѣчной любви.

Когда мамзель Годо получила это письмо, она сидѣла въ углу передъ своимъ каминомъ и держала въ рукѣ, вмѣсто экрана, торговый бюллетень, объявляющій о приходѣ и выходѣ кораблей изъ гавани и объ ихъ несчастіяхъ на морѣ. Никогда, конечно, и въ голову не приходило ей заняться по-

Digitized by Google

добными вещами, и она ни разу и строчки не прочла на этихъ листкахъ. Письмо Кроазиля было причиной, что она читала бюллетень, который держала въ рухахъ; первое слово, поразившее ея глаза, было имя *Флёрета*; корабль погибъ у береговъ Франціи въ первую же ночь послѣ своего отплытія. Экипажъ спасся съ большими усиліями, но товары пошли всѣ ко дну.

Мамзель Годо, при этой новости, забыла вовсе, что Кроазиль писалъ ей о своей бѣдности; ее опечалило это извѣстіе, какъ будто дѣло шло о милліонерѣ. Въ одну минуту ужасъ бури, разъяренные вѣтры, крики утопающихъ, разореніе человѣка ее любящаго, цѣлая сцена изъ романа представилась ея мысли; бюллетень и письмо выпали у ней изъ рукъ; она встала въ страшномъ смятеніи, грудь ея волновалась, глаза готовы были облиться слезами, и она пустилась ходить большими шагами, твердо рѣшившись дѣйствовать, и спрашивая себя, что ей дѣлать въ этомъ случаѣ.

Надобно отдать справедливость любви, что чѣмъ препятствія сильнѣе, яснѣе, неотразимѣе, словомъ, чѣмъ меньше благоразумія въ ней, тѣмъ сильнѣе раздражается страсть, тѣмъ больше любится. Прошедши нѣсколько разъ по комнатѣ, не забывая, разумѣется, ни дорогаго вѣера, ни бѣглаго взгляда въ зеркало мимоходомъ, Жюли опустилась опять въ свои кресла. Кто поглядѣлъ бы на нее въ эту минуту, тотъ бы насладился чуднымъ зрѣлищемъ: глаза ея искрились, щеки горѣли; она испустила долгій вздохъ и прошептала съ очаровательной радостью и печалью:

Бѣдный мальчикъ! онъ разорился для меня!

Независимо отъ состоянія, которое должно было достаться ей послѣ отца, мамзель Годо владѣла, какъ собственностью, имѣніемъ, оставшимся ей послѣ матери. Она и не думала объ немъ никогда; въ эту минуту, въ первый разъ въ жизни вспомнила она, что можетъ располагать полмилліономъ франковъ. Она улыбнулась этой мысли; предпріятіе странное, смѣлое, чисто женское, почти такое же безразсудное, какъ и

Digitized by Google

самъ Кроазиль, пробѣжало въ ея головѣ; она лелѣяла эту мысль нѣсколько времени, потомъ принялась приводить ее въ дѣло.

Она пустилась розыскивать, нѣтъ ли у Кроазиля кого нибудь изъ родныхъ или друзей; горничная отряжена была для этихъ поисковъ. Перебрали всѣхъ и нашли наконецъ въ четвертомъ этажѣ одного стараго дома, какую-то тетку, полуразбитую параличомъ, которая не вставала съ своихъ креселъ и пять-шесть лѣтъ не выходила изъ дому. Эта бѣдная женщина, очень немолодыхъ уже лѣтъ, казалось, поставлена была въ мірѣ, или вѣрнѣе, оставлена въ мірѣ какъ образецъ немощей человѣческихъ. Слѣпая, страждущая подагрою, почти оглохшая, она жила одна на своемъ чердакѣ; но природная веселость, на зло несчастьямъ и болѣзни, поддерживала ее въ восемьдесятъ лѣтъ и заставляла любить еще жизнь; сосѣди никогда не проходили мимо, не зашедши посидѣть съ ней, и устарѣлыя пѣсни ея восхищали дѣвушекъ во всемъ кварталѣ. Она жила небольшимъ пожизненымъ доходомъ, для нея вполнѣ достаточнымъ; пока длился день, она занималась вязаньемъ; все, что происходило послѣ смерти Людовика XIV, было ей неизвѣстно.

Къ этой-то почтенной особѣ отправилась тайно Жюли. Она разрядилась въ пухъ, не пощадила ни перьевъ, ни кружевъ, ни лентъ, ни бриллiантовъ; она хотѣла соблазнить; но истинная красота ея въ эту минуту была мысль, обладавшая ею. Она вошла къ старушкѣ по крутой и темной лѣстницѣ, и поклонившись граціозно, говорила ей почти слѣдующими словами:

— У васъ есть, милостивая государыня, племянникъ, по имени Кроазиль, который любитъ меня и просилъ моей руки; я люблю его также и хотѣла бы за него выдти; но мой отецъ, М-г Годо, главный откупщикъ здѣшняго города, не соглашается на нашъ бракъ, потому что племянникъ вашъ не богатъ. Я ни за что въ свѣтѣ не подамъ повода къ безславію и ни кому не сдѣлаю огорченья; я не смѣю и думать распорядиться собой безъ согласія моего семейства. Я пришла попросить васъ объ одной милости, въ которой, умоляю

Digitized by Google

васъ, не откажите мнѣ; вамъ надобно самимъ сдѣлать предложеніе моему отцу. У меня, благодаря Бога, есть небольшое состоянье, которое все къ вашимъ услугамъ; возьмите, когда вамъ угодно, пятьсотъ тысячъ франковъ у моего нотаріуса; скажите, что эта сумма принадлежитъ вашему племяннику, и она дѣйствительно принадлежитъ ему; это не подарокъ, который я хочу ему сдѣлать, а долгъ, который я ему уплачиваю, потому что я причиной разоренья Кроазиля, и должна исправить его. Мой отецъ не скоро согласится; вы должны настаивать и дѣйствовать съ твердостью; я съ своей стороны буду стараться объ этомъ же. Никто въ свѣтѣ, кромѣ меня, не имѣетъ права на эти деньги, никто и не узнаетъ, какъ попали они въ ваши руки. Вы тоже не богаты, я знаю, и, пожалуй, побоитесь удивить всѣхъ, давая такія деньги вашему племяннику; но вспомните, что отецъ мой васъ не знаетъ, что вы мало показываетесь въ городѣ, и что поэтому вамъ не трудно будетъ прикинуться возвратившейся изъ какого-нибудь путешествія. Это дѣло, разумѣется, не обойдется вамъ безъ затрудненій, вы должны будете оставить ваше кресло, но вы осчастливите двоихъ, и если вы когда знали любовь, я надѣюсь, вы не откажете мнѣ.

Почтенная старушка, во время этой рѣчи, поддавалась попеременно удивленью, безпокойству, нѣжности и очарованію. Послѣднее слово убѣдило ее.

— Да, дитя мое,—повторила она нѣсколько разъ,—я знаю любовь, знаю ее! ..

Говоря это, она сдѣлала усиліе, чтобы встать; ослабѣвшія ноги едва удержали ее. Жюли подошла къ ней и протянула ей руку чтобъ помочь ей; и вдругъ, почти невольно очутились они въ объятіяхъ одна у другой. Уговоръ былъ сдѣланъ; сердечный поцѣлуй запечатлѣлъ его, и за нимъ воспослѣдовали и всѣ необходимые переговоры.

По окончаніи всѣхъ объясненій, благодѣтельная дама вынула изъ ящика почтенное тафтяное платье, хранившееся со дня ея свадьбы. Этой древней мебели было не менѣе пятидесяти лѣтъ; но ни одно пятнышко, ни одна пылинка не оставили на ней слѣда; Жюли была отъ него въ восхищеніи.

Digitized by Google

Послали нанять карету, лучше которой не было въ цѣломъ городѣ. Благодѣтельная дама приготовила рѣчь для произнесенія передъ М-г Годо; Жюли научила ее, какъ тронуть сердце ея отца, и не скрыла отъ нея, что спѣсь — его щекотливая струна.

— Придумайте только средство польстить ему съ этой стороны, — сказала она, — и мы будемъ въ выигрышѣ.

Благодѣтельная дама глубоко задумалась, окончила свой туалетъ, не говоря ни слова, пожала руку будущей племянницы, и сѣла въ карету. Скоро подъѣхала она къ дому М-г Годо; входя по лѣстницѣ, она выпрямилась, какъ будто помолодѣла десятью годами. Величественно прошла она чрезъ залу, гдѣ выпалъ букетъ у Жюли, и когда отворилась дверь въ будуаръ, она сказала твердымъ голосомъ шедшему впереди лакею:

— Доложите о вдовствующей баронессѣ де-Кроазиль.

Это слово рѣшило счастіе двухъ любовниковъ; М-г Годо былъ ослѣпленъ имъ. Хотя пять-сотъ тысячъ франковъ и считалъ онъ бездѣлицей, но рѣшился на все, чтобъ сдѣлать свою дочь баронессой, и она стала баронессой; кто бы смѣлъ оспоривать у ней это титло? По моему, она вполнѣ заслужила его....

Digitized by Google

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ.

30 Іюня было въ г. *Лиллѣ* большое музыкальное торжество. Въ огромной залѣ, гдѣ на устроенныхъ кругомъ галлереяхъ помѣщалось до 8,000 посѣтителей, собралось девять-сотъ восемдесятъ артистовъ обоего пола, которые исполнили замѣчательнѣйшія музыкальныя произведенія, подъ дирекціею Г. Жирара, капельмейстера концертнаго общества Парижской консерваторіи.

Подобныя торжества были уже въ *Лиллѣ* въ 1829 и 1838 годахъ, но торжество настоящаго года далеко превзошло прошедшія, не смотря, что тогда оркестромъ дирижировалъ Габенекъ.

Удивительно, что эти музыкальные праздники учредились въ *Лиллѣ*, городѣ преимущественно промышленномъ; еще удивительнѣе, что, тогда какъ вездѣ музыкальные праздники даются обыкновенно по какимъ-либо вовсе не музыкальнымъ случаямъ, здѣсь единственная цѣль торжества есть музыка..

Мѣсяца четыре тому назадъ учредилась коммисія изъ 200 членовъ, которые постановили построить для этаго торжества особое зданіе, по принятому ими плану Гг. Бевинья и Дюэза.

Г. Военный Министръ далъ обществу для зданія мѣсто, въ паркѣ артиллерійскаго арсенала (parc a boulets), и постройка шла такъ успѣшно, что чрезъ шесть недѣль въ новой залѣ можно было уже начать репетиціи.

Коммисія была не менѣе дѣятельна. Члены ея въ скоромъ времени собрали до 300 пѣвицъ изъ любительницъ музыки, которыя, участвуя въ концертахъ, платили еще и за входъ. Пѣвцовъ собралось также около трехъ-сотъ. Прежній капельмейстеръ Лильскаго театра г. Бенаръ, началъ репетиціи, и когда г. Жираръ пріѣхалъ изъ Парижа, все было уже такъ слажено, что ему оставалось только придать исполненію художественную отдѣлку.

Digitized by Google

Коммисія имѣла прекрасную, благонамѣренную идею, допустить въ программу концерта, въ среду музыкальныхъ знаменитостей, каковы Бетговенъ, Гайднъ, Марселло и проч., имена двухъ Лильскихъ композиторовъ: Гг. Бауманна и Лавенна.

Концертъ начался двумя отрывками симфоніи съ fa г. Бауманна; первая часть и скерцо (scherzo) этой симфоніи, исполненные оркестромъ съ удивительнымъ совершенствомъ, были приняты публикою съ лестнымъ для юнаго таланта одобреніемъ.

За симъ слѣдовала Херувимская пѣснь Бортнянскаго, бывшаго директора хора придворныхъ пѣвчихъ въ С.-Петербургѣ, умершаго въ 1826 году.

Хоръ этотъ написанъ безъ акомпанимента. Девять-сотъ артистовъ съ изумительнымъ согласіемъ и точностію исполнили эту высокую, трогательную, напечатлѣнную безстрастною восторженностію музыку, и восемь тысячь слушателей проникнуты были торжественнымъ, благоговѣйнымъ восхищеніемъ (*).

(*) Херувимскую пѣснь и многія другія сочиненія покойнаго Бортнянскаго вывезъ въ Парижъ г. Берліозъ. По возвращеніи изъ Петербурга, онъ помѣстилъ въ Journal des Debats отъ 19 Октября 1830 года письмо, въ которомъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное на него хоромъ придворныхъ пѣвчихъ. Сообщаемъ кстати читателямъ Москвитянина переводъ этаго письма, (полученный нами изъ Тары):

«Правила Греческой Церкви воспрещаютъ употребленіе музыкальныхъ «инструментовъ и даже органовъ въ православныхъ церквахъ, поэтому Русскіе пѣвчіе поютъ безъ акомпанимента. Придворные пѣвчіе такъ искусны, «что не нуждаются даже въ регентѣ, чтобы подать тонъ или показать мѣру.

«Нельзя вообразить ненарушимаго согласія и изумительной точности, съ которыми этотъ хоръ, оставленный, такъ сказать, самому себѣ, внезапно переходилъ изъ одного тона въ другой, отъ нѣжія протяжнаго «къ живому; и даже речитативы и стихи, не подчиненные мѣрѣ, исполнялъ «съ неимовѣрною стройностію. Двадцать четыре человѣка пѣвчихъ, одѣтые «въ богатый костюмъ, двумя равными хорами поставлены были по обѣимъ «сторонамъ алтаря (на крилосахъ), одинъ противъ другаго. Басы составляли «рядъ наиболѣе отдаленный отъ средины, передъ ними стояли тенора, а впереди дѣти: дисканты и альты. Неподвижные, въ глубокомъ молчаніи ожидали они минуты, чтобы начать пѣніе, и вдругъ, по непринѣтному для предстоявшихъ знаку, даннаму, вѣроятно, однимъ изъ нихъ, запѣли они осьми-«голосный концертъ, одно изъ самыхъ грандіозныхъ сочиненій Бортнянскаго. «Въ этой гармонической ткани были такія части, которыя казались неисполнимыми: то паузы, то какіе-то неопредѣленные стоны, похожіе на тѣ, «что слышатся въ сонныхъ грезахъ; а иногда проявлялись такіе звуки, какъ «вопли, вырвавшіеся изъ стѣсненной груди страдальца. Потомъ все это утихаетъ, въ постепенномъ пониженіи звуковъ, неземнѣрмомъ, чуть слышномъ, «заоблачномъ, небесномъ, какъ будто эту пѣснь поетъ хоръ ангеловъ, возносящихся съ земли и исчезающихъ постепенно въ высотахъ эѳира.

Digitized by Google

Передъ этой пѣснію, г. Лавенъ сыгралъ на органѣ приличный ритурнэль. Потомъ слѣдовали: квартетъ изъ Карла VI, который г. Галеви переложилъ на этотъ случай на 16 голосовъ, впрочемъ, эти 16 голосовъ составляли только 4, въ четыре созвучія каждый;—прекрасное *O filii* Лейфинга, нѣмецкаго композитора и пастора, жившаго въ началѣ XVII вѣка, написанное на два хора безъ акомпанимента. Превосходный хоръ изъ Сотворенія міра Гайдна заключилъ первую часть концерта. Вторая часть началась увертюрою изъ Оберона. За симъ слѣдовалъ гимнъ солнцу изъ оперы: Павелъ и Виргинія, Лесюера. Лучшей пьесой концерта былъ псаломъ Марселло: *Icie limmensi navanno*. По требованію публики, артисты повторили его и исполнили съ увлекательнымъ совершенствомъ. *Inflammatus* изъ *Stabat mater* Россини, самое религіозное мѣсто изъ этаго сочиненія, имѣло чрезвычайный успѣхъ, тѣмъ болѣе, что соло, пропѣтое г-жею Жюльенъ, показало въ полномъ блескѣ прекрасный голосъ артистки. Наконецъ, въ заключеніе этаго музыкальнаго торжества, исполнено Lacrymosa изъ Requiem Берліоза. Пьеса эта полна какого-то дикаго величія, странной энергіи. Впечатлѣніе этой музыки могущественно, но оно болѣе поражаетъ, нежели восхищаетъ удивленнаго слушателя. Нѣтъ сомнѣнія,

---

«Артисты Парижскаго филармоническаго общества, желая хотя нѣсколько ознакомить нашу публику съ талантомъ Бортнянскаго, пытались исполнить одну изъ самыхъ простыхъ пьесъ его богатаго репертуара. Они разучили въ теченіе двухъ мѣсяцевъ четырехъголосную кантату: «*Иже Херувимы*», и поютъ ее такъ, какъ она поется по-Русски, иногда съ оттѣнками, «приподнимающими мнѣ издали Петербургскихъ придворныхъ пѣвчихъ. Къ несчастію, намъ не достаетъ ни Русскихъ дискантовъ, доставляемыхъ Украйною, ни этихъ мужскихъ голосовъ, которыхъ производитъ одинъ только «холодный климатъ, голосовъ исключительныхъ, не ходящихъ до sol, третьей «струны контрбаса, при посредствѣ которыхъ низкія ноты концерта сдваиваются низшею октавою, какъ въ органѣ, съ помощію педали. Намъ недостаетъ особаго заведенія, гдѣ бы наши хористы, занимаясь постоянно ученьемъ, хорошо направленнымъ, могли съ одной стороны забывать грубыя «привычки въ пѣніи, къ которымъ навыкаютъ въ театрахъ, и съ другой стороны, пріобрѣтать такія достоинства, которыхъ никогда отъ нихъ не спрашивали. Не знаю, въ какую именно эпоху жилъ Бортнянскій. Кажется, что придворная Капелла нѣсколько лѣтъ была подъ его дирекціей. Въ числѣ Русскихъ композиторовъ, преемниковъ Бортнянскаго въ этой должности, сохранившихъ вѣрно стиль его твореній, надобно упомянуть о М. Глинкѣ, многія сочиненія котораго, исполненныя оригинальности, лѣтъ 8 тому назадъ «мы слышали въ Парижѣ, и о генералѣ Львовѣ, виртуозѣ и композиторѣ величайшаго достоинства. Теперь придворная Капелла состоитъ подъ его дирекціей».

Digitized by Google

что Берліозъ принадлежитъ къ числу великихъ современныхъ композиторовъ, но это геній строгій, жосткій, лишенный иногда нѣжности, составляющей прелесть музыки.

Расходы на это трехдневное торжество простираются до ста тысячь франковъ (25,000 рубл. серебр.). 57,000 фр. собрано подпискою. Постройка залы, порученная г-ну Газаруза за 30,000 фр., стоила ему болѣе 110,000, при самой заботливой бережливости. Размѣщеніе оркестра ново, оригинально и очень эффектно: это подобіе горы, съ долинами, рвами, стремнинами. Хоры покрываютъ впереди двѣ діагональныя покатости, устроенныя въ ступени. Лѣвая покатость занята дамами. Нельзя выразить всю прелесть эффекта, при видѣ 300 дѣвушекъ, юныхъ, свѣжихъ, почти всѣхъ прекрасныхъ, одѣтыхъ съ однообразною простотою. Въ самомъ верху оркестра поставленъ органъ, нарочно сдѣланный для сего торжества, въ коемъ устроено семь строевъ въ срединѣ и одинъ регистръ педалей отдѣльно.

Первое музыкальное торжество въ *Лиллѣ* учредилось также по подпискѣ. Король Карлъ X пожертвовалъ 200 франковъ, герцогиня Беррійская 100 фр., герцогъ Орлеанскій 100 фр., герцогиня Орлеанская 50 фр., меръ г. *Лилля* 1,700 фр. и проч.

На первый случай, общество это исполнило въ церкви Св. Маврикія обѣдню, составленную изъ отрывковъ разныхъ композиторовъ: *Kyrie* Бетговена, *Gloria* Гайдна, *Credo* и *Ecce panis* Керубини, *Sanctus* Гайдна, *Benedictus* Бетговена; прочія части Мегюля, Моцарта, Ансіота. Въ заключеніе сыграли увертюру изъ Оберона. Странная мысль!

Сегодняшній концертъ, вообще менѣе строгаго стиля, чѣмъ вчерашній, привлекъ еще болѣе посѣтителей. Концертъ начался седьмою симфоніею Бетговена. Кто не знаетъ этаго превосходнаго творенія? Излишне было бы говорить о немъ. Скажемъ нѣсколько словъ о двухъ пьесахъ, заслужившихъ особенное вниманіе публики, и которыя, по ея требованію, были повторены; одна изъ нихъ принадлежитъ XVI, другая XVII вѣку.

Первая—это павана (la pavane), плясовая пѣсня, соч. Туано-Арбо. Павана есть старинный испанскій танецъ, прозванный такъ потому, что танцующіе кружатся одинъ около другаго, какъ павлины, коихъ испанское названіе присвоено танцу. Павана Арбо взята изъ собранія плясовыхъ пѣсенъ, изданнаго имъ въ 1579 году. Мелодія эта написана для хора. Г. Венерлинъ придумалъ для концертовъ Св. Сециліи въ Парижѣ, ко второму и третьему куплету этой пѣсни, родъ акомпанимента въ контрапунктъ, исполненный въ

Digitized by Google

первый разъ однимъ гобоемъ, а во второй флейтами и фаготами въ октаву. Тимпанъ (tambour de basque), отбивающій ритмъ въ третьемъ куплетѣ, производитъ прекрасный эффектъ. Павана была превосходно пропѣта и принята громомъ рукоплесканій публики.

Другая пьеса есть хоръ изъ *Кастора и Полюкса*, соч. Рамо, съ акомпаниментомъ только смычковыхъ инструментовъ. Не странное ли дѣло, этотъ успѣхъ старинной музыки, простой и выразительной. Мы столько употребляли во зло эффекты гармоніи, что влеченіе къ старинной музыкѣ можно почесть реакціею вкуса противъ современной музыки. Кто знаетъ?—Можетъ быть мы возвратимся къ простому, невычурному выраженію чувства, освобожденному отъ оглушительной свиты громкихъ звуковъ, которые часто затемняютъ его теперь. Но тогда мы будемъ богаты опытомъ; мы будемъ искусно естественны и обдуманно-просты.

Г. Эзе пропѣлъ за симъ арію перваго акта изъ оперы *Блудный сынъ*. Это была ошибка. Трудно, чтобы одинокая арія произвела эффектъ въ такой огромной залѣ, хотя бы и была сопровождаема хоромъ и спѣта отличнымъ артистомъ. Тоже можно сказать о пѣвицѣ, исполнившей арію изъ Нормы.

Хоры изъ Эвріанты пропѣты были прекрасно.

Проповѣдываніе анабаптистовъ, коимъ оканчивалась первая часть концерта, есть, безъ сомнѣнія, одно изъ лучшихъ мѣстъ *Пророка*, но музыка Мейербеера такъ примѣнена къ сценѣ, такъ хорошо сливается съ драматическимъ дѣйствіемъ, что отдѣльно производитъ только второстепенный эффектъ.

Тріо изъ Вильгельма Теля, исполненное Гг. Мералътомъ, Эзе и Обеномъ, шло неподражаемо хорошо. Г. Мералътъ пропѣлъ извѣстную кантилену: «*Ses jours, qu'ils ont osé proscrire*», съ такою полнотою чувства, что оно перелилось въ слушателей, и пѣвца поминутно прерывали самыми восторженными похвалами.

Увертюра изъ «*Юный Генрихъ*» подтверждаетъ сказанное нами о старинной музыкѣ. Охотничья пѣсня, вставленная въ эту увертюру, произвела на публику изумительное впечатлѣніе. Что ни говори, а публика всегда права. Она любитъ силу, энергію, но любитъ ее въ самомъ чувствѣ, а не въ оглушительномъ трескѣ звуковъ, которымъ нынѣ передаютъ силу чувства.

Остается упомянуть о знаменитомъ маршѣ изъ *Iudas Machabée*, и объ отрывкахъ изъ Весталки, коими заключается программа концерта и музыкальное торжество. Отрывки изъ Весталки были уже собраны самимъ композиторомъ Спонтини для концерта, дан-

Digitized by Google

наго въ честь ему обществомъ концертовъ Парижской консерваторіи. Предъ исполненіемъ этихъ пьесъ, депутація коммисіи торжества подпесла г-ну Жирару, при восторженныхъ рукоплесканіяхъ публики, выбитую въ честь ему золотую медаль. Вторые дирижеры оркестра, Гг. Мюллеръ и Бенаръ, также получили медали. Въ заключеніе концерта, по единогласному требованію публики, повторена была *Lacrymosa* Берліоза.

На слѣдующій день, въ залѣ концертовъ, великолѣпно освѣщенной, былъ балъ. Пространство въ 4,000 кв. метровъ, наполненное блестящей толпою, при ослѣпительномъ блескѣ освѣщенія по извѣстному способу Шарансона, представляло очаровательное зрѣлище. Огромнымъ оркестромъ (болѣе 150 музыкантовъ) дирижировалъ Страусъ, и балъ открытъ вальсомъ, сочиненнымъ имъ нарочно по случаю этаго торжества. Послѣ бала, въ теченіе пятнадцати дней, публикѣ дозволено будетъ осматривать залу; потомъ она будетъ сломана. Но слѣды торжества не изчезнутъ въ обломкахъ его храма. Кто былъ свидѣтелемъ, тотъ навсегда сохранитъ воспоминаніе объ этомъ величественномъ праздникѣ.

Опера Тальберга, «Флоринда или Мавры въ Испаніи» (the Moors in Spain) играна недавно въ первый разъ въ Лондонѣ. Сценаріо написанъ Скрибомъ и переведенъ на Италіянскій языкъ какимъ-то господиномъ, котораго фамилія оканчивается буквою *i*. Предметъ не новъ и не занимателенъ. Король соблазнилъ Флоринду, дочь графа Жюльена, который, чтобы отомстить королю, предаетъ государство Маврамъ. Нельзя написать содержанія оперы короче этаго. Роль графа Жюльена игралъ Лаблашъ, Флоринды— Софья Крувелли. Кольцолари, Симсъ-Ривсъ и Колетти исполнили прочія роли. Лемлей не смѣлъ никого отказать знаменитому піанисту, сдѣлавшемуся зятемъ знаменитаго басса.

Въ Лондонѣ успѣхъ еще ничего не означаетъ. Кто, какъ г. Тальбергъ, имѣетъ имя, друзей, сношенія, ему не трудно попасть въ славу. Пять или шесть лордовъ и пара журналовъ, могутъ обладать мнѣніемъ публики. Въ Парижѣ дѣло другое. Какую бы ни возбудилъ симпатію сочинитель, его судятъ и часто осуждаютъ, не смотря на то, что говоритъ импрезарій и журналы-друзья. Доказательствомъ тому можетъ служить la corbeille des oranges, которую лицепріятіе журналовъ не могло заставить понравиться публикѣ; но вѣроятно г. Тальбергъ хорошо зналъ все это, и вѣрно зналъ, что дѣлалъ. Но доволенъ ли онъ успѣхомъ? Надобно спросить объ этомъ у его совѣсти, а не у его свѣтскости. Ему апплодировали—это извѣстно;—но каковъ былъ сборъ,—это неизвѣст-

Digitized by Google

но.... И въ Англійской публикѣ есть люди (исключеній гдѣ не бываетъ!), которые въ состояніи судить о музыкѣ и не подчинять себя вліянію лордовъ и г. Ломлея. Эти люди могутъ разсказать въ Парижѣ, Миланѣ, Берлинѣ, Петербургѣ, Вѣнѣ *и проч.*, что г. Тальбергъ музыкантъ, гармонистъ, ученый контрапунктистъ, но что лучь мелодическаго вдохновенія не освѣтилъ Флоринды. А притомъ, зачѣмъ дебютировать большою оперою. Два-три акта, переплетенные пѣвучими фразами, обрамленные звучной оправой оркестра, могли бы сойти съ рукъ и безъ вдохновенія, между тѣмъ какъ четыре длинные акта медленно тянутся безъ мелодической основы. Не смотря на неопредѣленную симфонію увертюры, не смотря на ученую, сухую строгость перваго акта, можно было еще надѣятся, зная искусство и ученость г-на Тальберга и всѣ огромные его ресурсы, что драматическая прелесть и сила творчества, необходимыя въ лирической музыкѣ, разовьются вмѣстѣ съ страстію драмы, но ожиданія были тщетны: все ученыя комбинаціи, даже слишкомъ ученыя, трудъ старательный, добросовѣстный, хитрости въ оркестрировкѣ изумительныя, но нѣтъ жаркой мысли, нѣтъ пламенной страсти! И наконецъ очень много шума если не изъ ничего, то изъ немногаго. Этотъ крикъ утомителенъ не для однихъ только пѣвцовъ. Г. Тальбергъ хотя родомъ Нѣмецъ, но онъ немножко и Италіянецъ. Онъ хотѣлъ принести жертву богамъ Авзоніи формою, оставаясь Германцемъ въ сущности. Эта лирическая двойственность не могла угодить ни одной сторонѣ. Нельзя не отдать справедливости г-ну Тальбергу, какъ искусному исполнителю и прекрасному композитору для фортепьяно, тѣмъ болѣе, что талантъ его всегда избѣгалъ безстыднаго шарлатанизма, въ которомъ многіе изъ музыкальныхъ знаменитостей искали и къ несчастію нашли часть своего успѣха. Талантъ его скроменъ при всемъ сознаніи своего достоинства. Жалко, что мы не можемъ похвалить его оперу, какъ не можемъ не хвалить его игры и высокихъ артистическихъ качествъ. Если Флоринда выказала въ невыгодномъ свѣтѣ творческія способности г. Тальберга, то доказала геніяльныя драматическія способности Софьи Крувелли, создавшей роль Флоринды. Сколько таланта развила она при исполненіи этой тяжелой роли, сколько искусства и знанія проявилось въ ея пѣніи! Лаблашъ, который уже нѣсколько лѣтъ поетъ только одни речитативы и *les morceaux d'ensemble*, гдѣ остатокъ его сильнаго голоса беретъ такія звучныя октавы, Лаблашъ измѣнилъ на этотъ случай своему обычаю. Онъ игралъ съ чувствомъ, съ достоинствомъ. Кольцолари, игралъ

Digitized by Google

любовника. Любовь его была холодна какъ равнодушіе. Англичанинъ Симсъ-Ривсъ былъ пламенные Итальянца. У него есть прекрасные оттѣнки въ голосѣ. Коллети все еще прекрасный bassobonoge и талантъ совершенный. Marie Крувелли, въ роли Пажа незамѣтна, потому что роль ея ничтожна. Кто умѣетъ цѣнить сладость контръ-альта, и знаетъ, какъ поетъ M-lle Marie, пусть ожидаетъ ея дебюта въ другой оперѣ. Для нея готова роль въ Семирамидѣ.

Кстати о Семирамидѣ—разскажемъ кое-что о Россини.

Лѣнивецъ заснулъ съ послѣднимъ актомъ Вильгельма Телля. Изрѣдка клеветники-журналы увѣряли, что онъ написалъ ту или другую оперу,—ложь обнаруживалась и подобнымъ разсказамъ перестали вѣрить. Вотъ что разсказываютъ теперь люди, заслуживающіе вѣроятія: Недавно Россини гостилъ въ деревнѣ у маркиза Цумпіери, близь Болоньи. Охотились, удили, ловили перепелокъ, форелей. Занимались и музыкою. Россини понадобилась тетрадь съ канцонетами, которая была заперта въ его городской квартирѣ. Г. Ронкони, ѣхавшій въ Болонью, предложилъ привести тетрадь. Маэстро согласился. Вотъ ключь,—сказалъ онъ—тетрадь въ конторкѣ, но пожалуйста, caro mio, не трогай свертка бумаги, который лежитъ тамъ же. Ронкони отправился, входитъ въ домъ Россини, объявляетъ, зачѣмъ пріѣхалъ, и его вводятъ въ кабинетъ. Онъ отворяетъ конторку, беретъ тетрадь, но какъ противустать искушенію, увидя свертокъ? — Любопытство превозмогло разборчивую нерѣшительность. (Ронкони самъ это разсказывалъ въ Лондонѣ). Это, какъ онъ и ожидалъ, была музыка,—слова маркиза Цумпіери, музыка Джіакино Россини. На первомъ листѣ написано слѣдующее:

Elena, opera in cinque atti.

Non sarò rappresentato che dieci anni dapo la mia morte (не будетъ представлена прежде десяти лѣтъ по моей смерти).

Вѣроятно, неблагодарный лѣнивецъ полагалъ, что если онъ проживетъ еще нѣсколько лѣтъ, то по его смерти достаточно будетъ и одного десятилѣтія, чтобы музыкальный вкусъ Европы, оглушенный криками и тромбонами настоящаго, пришелъ въ себя, какъ приходитъ къ чистому источнику человѣкъ, упившійся крѣпкими, поддѣльными напитками.

Дагеръ умеръ недавно въ окрестностяхъ Парижа, 62 лѣтъ отъ роду, пользуясь національною наградою, назначенною ему Палатою, за чудесное изобрѣтеніе, которому придано его имя. Дагерръ долго былъ декораціоннымъ живописцемъ театровъ. Ученикъ Миланскаго живописца Деготти, онъ писалъ уди-

Digitized by Google

вительныя декораціи прежняго Ambigu: лунныя сіянія, солнечные восходы, эффекты свѣта, которые прославили его кисть, прежде нежели ученая ихъ комбинація составила его славу. Онъ написалъ, вмѣстѣ съ Цицери, славныя декораціи *Аладина или волшебной лампы* для театра оперы. Потомъ онъ устроилъ діораму, которая сдѣлала его извѣстнымъ и — раззорила. Тогда-то, съ помощію г-на Ніэпса изъ Дижона, онъ искалъ средства упрочить картины, которыя передаетъ камера-обскура. Успѣхъ увѣнчалъ его труды, и онъ надѣлилъ отечество открытіемъ, котораго усовершенствованія быстро ведутъ къ результатамъ почти невѣроятнымъ. На сихъ дняхъ открытъ способъ упрочивать и цвѣта передаваемыхъ предметовъ. Воздухъ все еще имѣетъ вліяніе на эти цвѣтныя изображенія, которыя лучь свѣта оставляетъ на іодѣ;—со временемъ и цвѣта будутъ неизгладимы, какъ очерки, и тогда фотографія совершенно убьетъ акварельную живопись.

Лѣтній садъ въ Парижѣ продается. Жалко этаго цвѣтника подъ крышей, гдѣ давались премилые праздники. Тогда какъ Лондонъ собирается преобразовать въ лѣтній садъ свой Хрустальный дворецъ, гдѣ будутъ прогуливаться пѣшкомъ, верхомъ и въ экипажахъ, грѣхъ Парижу не сохранить своего садика, хотя онъ въ сравненіи съ Лондонскимъ и похожъ на букетъ цвѣтовъ подъ хрустальнымъ колоколомъ.

До сихъ поръ не появилось еще ни одного романа изъ событій Лондонской выставки, но драматургія воспользовалась уже этимъ случаемъ. Недавно давали въ Парижѣ, на театрѣ Porte S-te Martin, пьесу подъ названіемъ: Palais du cristal, которая впрочемъ не имѣла успѣха. На театрѣ *Monpensier* также играли на дняхъ: *The english exhibition*, забавную эксцентрическую шалость. Въ Берлинѣ г. Родольфъ Жене и въ Вѣнѣ г. Фельдманъ также вывели на сцену нѣсколько случаевъ выставки.

Комедія Леона Гозлана: la fin d'un roman, въ которой дебютировала на Théâtre Français, хорошенькая Дельфина Марке, бывшая въ труппѣ театра Varietes, очень хорошо принята публикою.

Одеонъ закрытъ на четыре мѣсяца. Въ послѣднее время, не смотря, что тамъ играла одна изъ сестеръ г-жи Рашель, *Сара*, такъ схожая съ нею чертами, театръ этотъ часто бывалъ пустъ, и это подало поводъ Французскимъ каламбуристамъ прозвать Одеонъ *Пустынею Сары* (Саары). Les contes d'Hoffmann, фантастическая драма Жюля Барбье и Мишеля Карре нѣсколько поддерживала этотъ театръ.

La corbeille d'Oranges, опера Скриба и Обера, о которой мы

Digitized by Google

недавно говорили, обманула ожиданія и автора, и композитора, и публики. Только несравненная Альбони охраняетъ ее отъ совершеннаго паденія.

Лѣтніе жары увлекаютъ публику въ Елисейскія поля. Всѣ бѣгутъ изъ Сенегальской атмосферы бульварныхъ театровъ въ циркъ г-на Дежана. Иранъ Франклинъ Американецъ, превосходящій въ силѣ и легкости все, что до сихъ поръ насъ удивляло, изумляетъ публику своимъ искусствомъ. Съ помощію трамполина, чрезвычайно упругаго, называемаго *la baloude*, онъ дѣлаетъ невѣроятныя штуки и прыгаетъ такъ высоко, что его воздушныя вылазки можно скорѣе почесть полетомъ птицы, чѣмъ скачкомъ безкрылаго животнаго. Недавно онъ прошелъ, или, лучше, пролетѣлъ цѣлую воздушную гамму въ 46 скачковъ, 46 разъ рискуя сломить себѣ шею. Зѣваки толпятся и аплодируютъ.

Въ Іюнѣ, на театрѣ комической оперы, давали въ первый разъ новую оперу *Raymond ou le secret de la reine*, г-на Амбруаза Тома, автора: *Каида*, *Сна лѣтней ночи и пр.*, преемника важнаго Спонтини въ институтѣ музыки. Либретто не принадлежитъ на этотъ разъ вѣчному и неизбѣжному г. Скрибу, — а Гг. Розье и Левенъ. Эта опера поддержитъ успѣхи театра комической оперы. Желѣзныя дороги, спектакли на открытомъ воздухѣ, публичные сады и аэростаты сдѣлали заговоръ противъ Парижскихъ театровъ; но г. Перенъ, директоръ комической оперы, открылъ калифорнскую розсыпь въ любопытствѣ публики, и мастерски ее разработываетъ, такъ что театръ всегда полонъ.

Оберъ, знаменитый директоръ Парижской консерваторіи, написавшій, не считая неудачной *Corbeille d'Oranges*, 50 прекрасныхъ партицій, въ томъ числѣ двѣ или три образцовыхъ, получилъ отъ Прусскаго Короля орденъ: *за достоинство въ наукахъ и искусствахъ*. Этотъ орденъ имѣютъ только шестдесятъ кавалеровъ: 30 Прусскихъ подданныхъ и 30 иностранцевъ, въ томъ числѣ Франсуа Араго, Мейербееръ, Горацій Верне и другія знаменитости.

Маэстро Верди заказана партиція для открытія сезона Италіянской труппы. Либретто будетъ написано по-Итальянски Французомъ, знающимъ хорошо языкъ Метастазія. Верди имѣлъ новый успѣхъ въ Неаполѣ.

Общество взаимныхъ пособій драматическихъ артистовъ, подъ предсѣдательствомъ барона Тейлора, собирается на свое годичное засѣданіе для отчета о своихъ дѣйствіяхъ. Теперь это общество имѣетъ 22,000 фр. дохода. Балъ, данный прошлой зимою въ залахъ Комической оперы, принесъ въ очистку 30,000 фр., большая лотерея артистовъ 80,000 фр.

Digitized by Google

На Марсовомъ полѣ открываютъ новый ипподромъ. Арена будетъ имѣть 500 метровъ длины. Съ разрѣшенія правительства за входъ на Марсово поле въ дни представленій будетъ платиться 50 сантимовъ. Въ день открытія, г. Пуатевенъ подымется на аэростатѣ, съ женою и экипажемъ, запряженнымъ парою лошадей. Арабскія *фантазіи*, о которыхъ мы говорили, привлекаютъ вниманіе любопытной публики. Аэронавты братья Гогаръ царствуютъ въ воздушной области прежняго ипподрома при заставѣ *de l'Etoile*.

Теноръ Шапюи дебютировалъ въ операѣ. Онъ ученикъ Консерваторіи. Говорятъ, что онъ беретъ грудное ut, (l'ut depoitrine), эту баснословную ноту, которую берутъ теперь всѣ теноры, хотя бы ея и не имѣли. Этотъ фениксъ появился въ *Пророкѣ*. Чрезъ нѣсколько дней на томъ же театрѣ дебютировалъ другой теноръ, пріѣхавшій изъ Бордо, г. Делагровъ. Директоръ оперы г. Рокпланъ пытался привлечь на свою сцену дѣвицу Софью Крувелли и и сестру ея Марію, чтобы восхищать публику въ новой операѣ Галеви *le juif errant*, но не смотря на всѣ старанія г. Рокплана и на щедрыя его предложенія, M-lle Cruvelli отказалась изъ опасенія пѣть съ Французскимъ текстомъ. Напрасно ей ставили въ примѣръ Альбони, такъ чудесно успособленную г-мъ Ганри Пуатье, наставникомъ пѣнія въ академіи музыки,—застѣнчивая красавица не убѣдилась. Она почитаетъ себя слишкомъ неопытною на сценѣ, чтобы принять на себя отвѣтственность, возлагаемую на нее раннею славою ея имени, при удовлетвореніи драматическимъ требованіямъ первой Парижской сцены. Вполнѣ оправдывая скромность, внушившую этотъ отказъ, нельзя не пожалѣть объ этой неувѣренности въ актрисѣ, прославившейся въ Европѣ въ первыхъ попыткахъ на самомъ трудномъ поприщѣ. Парижская опера есть капитолій закулиснаго міра; только тамъ можно получить вѣнокъ Европейской славы. Впрочемъ, Парижъ вскорѣ увидитъ Крувелли подъ эгидою г-на Лумлея, и здѣшняя публика съумѣетъ оцѣнить талантъ, на какомъ бы языкѣ ни были его торжественныя проявленія.

Кстати о г. Лумлеѣ. Онъ сыгралъ прекрасную шутку съ Ковентгарденскимъ театромъ въ Лондонѣ. Принцъ Альбертъ пожелалъ слышать Фиделіо Бетговена, забытаго послѣ знаменитой Малибранъ. Труппа Ковентгарденскаго театра должна была исполнить эту оперу. Г. Лумлей приходитъ къ Крувелли. «Можете ли вы спѣть это чрезъ восемь дней?»—Но я не знаю еще и первой ноты этой партіи. — «Вы имѣете восемь дней времени.» — Правда, чрезъ восемь дней я готова.—Чрезъ недѣлю г. Лумлей давалъ Фиделіо—это было во вторникъ, а Ковентгарденская труппа еще со-

Digitized by Google

мѣвалась, что приготовитъ эту оперу къ четвергу. Королева, принцъ Альбертъ и вся знать собрались на представленіе, и Крувелли такъ исполнила свою роль, что она сдѣлалась теперь трудною и для искусной Гризи.

M-lle Madeleine Brohan исполнила нѣсколько новыхъ ролей,— новыхъ или въ репертуарѣ, или для нея. Успѣхамъ ея мѣшаетъ нѣсколько участіе къ M-lle Elise Denain. Ея протекторы считаютъ себя обязанными защитить ее отъ вторженія юнаго таланта въ область ея репертуара. Г. Скрибъ передалъ дѣвицѣ Броганъ многія роли своихъ пьесъ, которыя занимала M-lle Denain, и кассиръ театра говоритъ, что г. Скрибъ умно сдѣлалъ.

Въ Парижѣ загорѣлась новая мысль: устроить *народный театръ*. Проектъ этотъ поссорилъ много убѣжденій и много своекорыстныхъ видовъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ передалъ прошеніе объ этомъ въ коммисію театровъ, которая рѣшила отказать. Но прежектеры еще не отчаяваются въ успѣхѣ. Проектъ этотъ подало общество подъ названіемъ *драматическій Орфеонъ*, состоящее изъ авторовъ, артистовъ и композиторовъ. Они предполагаютъ представлять для народа образцовыя произведенія поэзіи и музыки. Другое общество извѣстнѣйшихъ лицъ, большею частію партіи легитимистовъ, предлагаетъ открыть Theatre de la famille, на которомъ будутъ даваться для народа сочиненія самой строгой нравственности. Говорятъ, что общество этого театра, благодаря участію значительныхъ лицъ, имѣетъ уже въ своемъ распоряженіи милліонъ основнаго капитала.

На лѣвый пьедесталъ фасада биржи, отъ улицы Notre-dame des victoires, поставлена уже одна изъ четырехъ статуй, которыя будутъ украшать углы этаго зданія. Статуя эта, работы г. Прадье, изображаетъ промышленность. Г. Прадье, чувственный геніецъ современной скульптуры, такъ же искусенъ въ строгомъ стилѣ монументальныхъ украшеній. Его *промышленность* отличается помысломъ, прекраснымъ положеніемъ тѣла, смѣлымъ наброскомъ драперій и изящнымъ расположеніемъ и мягкостію складокъ. Впрочемъ, по нѣкоторымъ деталямъ, статую эту выгоднѣе видѣть изъ окрестныхъ домовъ, чѣмъ съ земли,—а это ошибка художника.

Кромѣ цирка г-на Дежана, кромѣ ипподрома Арно, кромѣ театровъ *du peuple u de la famille*, кромѣ множества пѣвучихъ кіосковъ, (kiosques chantants), музыкальныхъ кофейныхъ, танцовальныхъ садовъ, и проч. и проч, явились въ Парижѣ *народныя арены*, построенныя менѣе чѣмъ въ одинъ мѣсяцъ, при входѣ въ предмѣстье St-Antoine. Арены эти имѣютъ 100 метровъ длины на 60 ши-

Digitized by Google

рины, то есть едвали менѣе Нимскихъ аренъ, построенныхъ Римлянами, нашими наставниками въ публичныхъ увеселеніяхъ. Это зданіе странно украшено—въ готическомъ вкусѣ!

Нѣкто Тибодо, родъ сумасброда, давалъ долгое время странное направленіе театру *Variétés*. Англичанинъ Bows, Bowes или Boss, который по праву собственности поручилъ г-ну Тибодо эксплуатацію этаго театра, истративъ огромныя суммы, наконецъ наскучилъ неуспѣхомъ и закрылъ на время этотъ театръ. Во время закрытія передѣлана зала, въ уровень по комфорту съ залами Водевиля и Gymnase. Открытіе послѣдовало въ прошломъ мѣсяцѣ подъ руководствомъ г. Карпье, извѣстнаго за человѣка искуснаго и дѣятельнаго. Дѣйствительно, г. Карпье успѣлъ въ пятнадцать дней преобразовать залу, установить новый репертуаръ, сдѣлать нужныя перемѣны въ труппѣ, изгладить невыгодные слѣды прошедшаго и искусно приготовить будущее. Зала прекрасна и удобна. Три пьесы открытія имѣли успѣхъ, и артисты одушевлены этимъ усердіемъ, которое рождаетъ совокупность выгодъ, какъ необходимая рамка для замѣчательныхъ талантовъ, которые обогащаютъ тѣ театры, гдѣ ихъ умѣютъ употребить. Арналь, Леклеркъ, Барду, Шарль-Пере, г-жи Дежазе, Пажъ и проч.—имена такъ привлекательныя, что г. Карпье скоро вознаградитъ понесенныя этимъ театромъ потери.

Въ Іюнѣ было восемнадцать театральныхъ новостей: одна опера, двѣ комедіи, двѣ драмы и тринадцать водевилей, тридцати трехъ сочинителей.

Въ Парижѣ много вещей дѣлается *на вѣтеръ* (en l'air), но и тамъ ничего не было вѣтренѣе помысла г. Тома Дарвиля, который обѣщаетъ олицетворить сказку объ Икарѣ. Онъ намѣренъ удивить Парижскую публику большимъ воздушнымъ полетомъ, съ двумя своими сыновьями, на крыльяхъ, которыя будутъ имѣть пятнадцать футовъ въ размахѣ, и которыя, по словамъ г. Дарвиля, подадутъ возможность тому, кто будетъ ими снабженъ, дѣлать въ воздухѣ какія угодно эволюціи, погружаться въ пространствѣ, подниматься отвѣсно вверхъ, плыть горизонтально надъ землею, словомъ, принимать всѣ алюры ласточки, съ свойственною ей легкостію.

Впрочемъ, г. Дарвиль въ прошломъ мѣсяцѣ перелетѣлъ уже на крыльяхъ чрезъ Сену. Мы живемъ въ такое время, въ которое можно всего ожидать и ничему нельзя удивляться. Люди гуляютъ подъ водою, летаютъ по воздуху, а несгораемымъ и счету нѣтъ. Любопытно видѣть, какъ г. Дарвиль сдѣлаетъ быль изъ басни Икара, если не сдѣлаетъ баснею своего объявленія. Если искусство

Digitized by Google

летать усовершенствуется, то мечта Кобдена объ уничтоженіи таможенныхъ границъ между государствами, вскорѣ осуществится. Тогда граница не будетъ преградой для крылатыхъ контрабандистовъ; развѣ что заведутъ летучіе кордоны таможенной стражи....

Театръ *de la porte S-t Martin* закрытъ въ 87-й разъ съ первоначальнаго открытія. Послѣдній его директоръ г. Курнье, имѣвшій порядочное состояніе, совсѣмъ разорился. г. Курнье написалъ драму *Вѣра и сомнѣніе*. До сихъ поръ онъ вѣровалъ въ пріобрѣтеніе богатства, теперь ему не осталось и сомнѣнія въ томъ, что онъ разорился. Считая славный *Theatre Historique* и Водевиль, теперь уже три дирекціи обанкрутились. Многія еще послѣдуютъ за ними, если какое новое спеціальное узаконеніе не придетъ въ помощь искусству и промышленности, которыми живетъ на счетъ Франціи цѣлая Европа, и отъ которыхъ умираютъ съ голода во Франціи.

Г. Глезингеръ, авторъ-художникъ знаменитой вакханки, сдѣлалъ новую статую, изображающую Луизу Савойскую, мать Франциска 1-го. Статуя эта поставлена въ Люксенбургскомъ саду. Недавно толпа собралась около пьедестала и начала аплодировать какъ въ операѣ. Знаменитый художникъ не былъ свидѣтелемъ своего торжества.

Говорятъ, что Дженни Линдъ уничтожила свой контрактъ съ Бернумомъ и возвращается въ Европу. Въ четырнадцать мѣсяцевъ она пріобрѣла милліонъ триста тысячъ франковъ; Бернумъ сдѣлалъ при этомъ два милліона.

Г. Мерль, драматическій авторъ и ученый журналистъ, бывшій мужъ покойной г-жи Дорваль, извѣстной актрисы, въ слѣдствіе разстроеннаго здоровья, вынужденъ былъ покинуть свой критическій фельетонъ de l'Union, тридцать лѣтъ помѣщаемый въ Quotidienne. Г. Мерль всегда былъ авторитетомъ въ драмматическихъ вопросахъ. Фельетонъ *de l' Union* переходитъ въ руки Теодора Мюре, автора нѣсколькихъ романовъ. Только что этотъ Несторъ критики положилъ перо, театръ Ambigu-comique возобновилъ двадцать восемь лѣтъ забытую фантастическую драмму le Monstre, въ сочиненіи которой онъ участвовалъ и успѣхъ которой не истощили триста представленій.

Фридерикъ Лемэтръ, возвратившись изъ Бельгіи, вступитъ снова на сцену театра Gaité, вмѣстѣ съ Клариссою Мируа, въ *Dame Saint-Tropez*.

Черито, возвратившаяся изъ Мадрида, ангажирована въ Лондонъ. Еще г. Ломлей! Г. Сенъ-Леонъ остается въ театрѣ Оперы.

Digitized by Google

Актеръ Парижской оперы Роже играетъ съ большимъ успѣхомъ въ Берлинѣ творенія Мейербеера. Въ этой столицѣ намѣреваются возобновить забытую оперу Моцарта *Belmonte et Constance.* Извѣстная пѣвица г-жа Бабнигъ и теноръ Мартенсъ займутъ первыя роли въ этой пьесѣ. Осенью будутъ тамъ играть новую оперу Дорка *Le Prevost de Paris.*

Въ Берлинѣ предполагаютъ дать комедію съ страннымъ названіемъ: *Вотъ какъ строютъ дома.* Это 58 пьеса, сочиненная г-жею Бирхъ-Пфейферъ, Прусскимъ Скрибомъ.

Старшій артистъ Германскихъ театровъ, и вѣроятно, театровъ цѣлаго свѣта, есть г. Августъ Пихлеръ, который находится теперь режисеромъ въ Оснабрукѣ, въ Гановрѣ. Ему 80 лѣтъ. День его рожденія праздновали недавно его многочисленная семья и депутаціи театровъ: Вѣнскаго, Берлинскаго, Ганноверскаго, Дрезденскаго, Веймарскаго, Лейпцигскаго, Брауншвейгскаго, Гамбургскаго, Детмольдскаго и проч., и всѣхъ городовъ, гдѣ восмидесятилѣтній импрезарій былъ при этой должности. Владѣтельный герцогъ Липпе Детмольдскій прислалъ своего камергера привѣтствовать почтеннаго старика, а городъ Пирмонъ выдалъ ему грамату на званіе почетнаго гражданина.

Въ Вѣнѣ учреждается должность каппельмейстера Австрійской арміи.

Жители Вѣны восхищаются картиною г. Павла Деларош: «Наполеонъ въ Фонтенебло 31 Марта 1814 года». Всѣ Вѣнскіе журналы отзываются съ большою похвалою объ этой картинѣ, и даже въ честь художника написаны стихи. Это образцовое произведеніе принадлежитъ г-ну Шлеттеру, Лейпцигскому консулу. Выставка этой картины, дозволенная владѣльцемъ по ходатайству Австрійскаго общества изящныхъ искусствъ, посѣщена была слишкомъ 150,000 лицъ и принесла сбора до 25,000 франковъ. Общество это, существующее не болѣе восьми мѣсяцевъ, помѣщало до сихъ поръ на выставкѣ только произведенія Нѣмецкихъ, Бельгійскихъ и Голландскихъ художниковъ, и сдѣлало теперь весьма лестное исключеніе для Французской школы. Этотъ успѣхъ поощритъ, вѣроятно, Французскихъ художниковъ, присылать свои произведенія на выставку этаго общества, откуда они легко перейдутъ въ кабинеты любителей искусствъ.

Между тѣмъ какъ Г-жа Альбони покупала на Елисейскихъ поляхъ въ Парижѣ домъ въ 200,000 франковъ, г-жа Фанни Эльслеръ купила въ Вѣнѣ домъ слишкомъ въ милліонъ франковъ. Лю-

Digitized by Google

бопытно знать, что заплатитъ Дженни Линдъ за пріютъ, гдѣ будетъ отдыхать послѣ заатлантическихъ трудовъ.

Одна изъ дочерей Мейербеера приняла христіанскую вѣру.

Въ концѣ Іюля умеръ въ Парижѣ маршалъ Горацій Себастіани, о которомъ сообщаетъ слѣдующія подробности, можетъ быть, нѣсколько пристрастныя, Independance Belge. Мы говоримъ—пристрастныя, потому что помнимъ одну статью о Себастіани, помѣщенную лѣтъ шесть тому назадъ въ Revue de deux mondes, которая была къ нему гораздо строже, и выставляла между прочимъ съ смѣшной стороны его хвастовство и щегольство.

Біографія генерала Себастіани, обильная важными политическими фактами, составитъ памятную страницу въ современной исторіи. Мы должны ограничиться тѣсною рамкою некрологической статьи; постараемся изложить вкратцѣ замѣчательнѣйшія подробности жизни маршала, въ четыре эпохи его многолѣтняго поприща Его историкъ разскажетъ потомству, что сдѣлалъ онъ, будучи воиномъ, что совершилъ въ званіи дипломата, что говорилъ въ камерѣ депутатовъ и что предпринялъ, когда былъ министромъ.

Горацій Себастіани, котораго король Іосифъ самъ изъявилъ желаніе возвести въ званіе герцога Мурціи, былъ сынъ Корсиканскаго бочара. Еще въ юномъ возрастѣ, по непонятной странности, онъ убавлялъ себѣ лѣта, и 18 брюмера увѣрялъ, что ему 23 года, то есть, что онъ родился въ 1775 году, между тѣмъ какъ онъ родился 19 Ноября 1771 года.

Прекрасный собою, одаренный тѣми качествами, которыя бросаются въ глаза проницательнымъ начальникамъ, Себастіани Делла Порта (названіе деревни, откуда онъ родомъ), обратилъ на себя вниманіе Наполеона, который быстро двинулъ его на пути славы. Его прекрасная наружность много содѣйствовала его личнымъ достоинствамъ въ пріобрѣтеніи успѣха на многообразныхъ поприщахъ, гдѣ онъ всегда успѣвалъ, или храбростію или искусствомъ убѣждать и умѣньемъ властвовать. Онъ началъ службу секретаремъ губернатора своей родины, потомъ перешелъ въ драгуны подпоручикомъ, произведенъ подъ Арколемъ въ эскадронные командиры, а въ 1799 на полѣ сраженія подъ Вероною генералъ Моро назначилъ его полковникомъ. Онъ попалъ въ милость къ Наполеону, когда сей послѣдній былъ въ борьбѣ съ Директоріею. 17 Брюмера Наполеонъ поручилъ ему занять съ отрядомъ драгунъ мостъ, называемый тогда pont-tournant, и конвоировать его съ его квартиры при улицѣ Chantereine въ Тюльери. Когда совѣтъ старѣйшинъ (conseil des Anciens) назначилъ будущаго Императора

Digitized by Google

Комендантомъ Парижа, и когда законодательное собраніе (le corp legislatif) переведено было въ Сенъ-клу, молодой полковникъ отправился съ своимъ полкомъ къ зданію совѣта пяти-сотъ, чтобы быть *въ ассистенціи* при утвержденіи этой мѣры. Дѣло рѣшено безъ преній. На другой день онъ находился въ Сенъ клу и дѣятельно участвовалъ въ событіяхъ, измѣнившихъ систему правленія. Съ этаго дня установилась его счастливая будущность на политическомъ поприщѣ.

По восшествіи на Императорскій престолъ, Наполеонъ, вспомоществуемый военною славою Себастіани, женилъ его на дѣвицѣ знатнаго рода. Всѣмъ извѣстно, съ какимъ искусствомъ Императоръ слаживалъ, такъ называемыя имъ, *сліянія* (fusions), сочетая свои юныя боевыя знаменитости съ старинными историческими именами Французской знати, которая кое гдѣ еще осмѣливалась на него коситься. Наполеонъ выбралъ для Себастіани молодую красавицу знатнаго рода, ту самую, которою плѣнился Андрей Шенье въ Консьержери, откуда она какимъ-то чудомъ освободилась: дѣвицу Куаньи, сестру теперешняго герцога этаго имени. Въ замѣнъ за согласіе на этотъ бракъ, Императоръ возвратилъ дѣвицѣ Куаньи конфискованное ея имѣніе. Себастіани былъ такъ благороденъ, что отдалъ Герцогу своему тестю слѣдующую ему по раздѣлу часть. Въ послѣдствіи, Герцогъ былъ почетнымъ кавалеромъ при дворѣ Герцогини Орлеанской. Отъ этаго брака маршалъ имѣлъ дочь,— несчастную супругу Герцога Пралена.

Женитьба Себастіани ознаменовала новую эпоху въ его политической жизни. Произведенный, послѣ сраженія подъ Аустерлицемъ, въ начальники дивизіи, онъ былъ нѣсколько разъ посыланъ съ порученіями на Востокъ, и въ 1806 году назначенъ посланникомъ въ Константинополь. Это была лучшая эпоха его карьеры. Къ большому удивленію и оскорбительному соблазну гарема и дивана, коихъ обычаями пренебрегалъ Себастіани, онъ первый осмѣлился явиться къ Султану въ мундирѣ и въ сапогахъ.

Его удивительная дѣятельность, его величественный видъ и рѣшимость способствовали ему преодолѣвать множество препятствій и торжествовать надъ личными опасностями. Онъ старался возстановить упавшее мужество султана Селима, испуганнаго угрозами двухъ первенствующихъ въ Европѣ державъ, и придать отчаявшейся столицѣ Турціи видъ грозной обороны. Британскій флотъ вынужденъ былъ выйдти изъ Босфора и имя Наполеона прогремѣло въ Турецкихъ мечетяхъ.

Digitized by Google

Во время пребыванія своего въ Константинополѣ, Себастіани лишился своей первой супруги. Въ послѣдствіи онъ женился на Герцогинѣ де Граммонъ, вдовѣ Генерала Давыдова, удалившейся во время революціи въ С. Петербургъ. Сестра ея, Леди Тенкервиль была одна изъ замѣчательнѣйшихъ женщинъ въ Англіи.

Въ Испаніи Себастіани покрылъ себя славою. Онъ взялъ Гренаду и овладѣлъ Малагою. Тогда-то Король Іосифъ хотѣлъ возвести его въ званіе Герцога Мурціи, но Наполеонъ, пожаловавшій ему уже титулъ Графа Имперіи, не дозволилъ принять званіе Герцога. Въ Германіи, куда онъ за симъ отправился, продолжалъ онъ стяжать лавры, и вскорѣ, участвуя въ войнѣ противъ Россіи, онъ первый вступилъ въ Москву. Послѣ вторженія Французовъ въ Саксонію, оказавъ большія заслуги подъ Лейпцигомъ, и во время войны во Франціи, онъ былъ при сдачѣ Парижа. Онъ, можетъ быть, нѣсколько поторопился согласіемъ на сверженіе Наполеона, и, можетъ быть, слишкомъ охотно принялъ орденъ Св. Лудовика, но когда Наполеонъ прибылъ съ острова Эльбы, Себастіани возвратился подъ знамена своего благодѣтеля. Не смотря на то, послѣ вторичнаго отреченія Наполеона, Король назначилъ маршала Себастіани членомъ коммисіи, коей поручено было трактовать съ союзными державами о мирѣ, послѣ чего онъ удалился въ Саксонію. Наскуча миромъ и не предвидя войны, онъ возвратился во Францію попытаться счастія въ законодательномъ собраніи. Корсика выбрала его своимъ депутатомъ, и онъ присоединился въ палатѣ къ партіи лѣвой стороны. Тамъ, если онъ не былъ вовсе либераломъ, то по крайней мѣрѣ держался оппозиціи. По примѣру Фуа и Ламарка, онъ всегда былъ на сторонѣ войны и держалъ сторону Италіи противъ Австріи, измѣнивъ впрочемъ свое мнѣніе въ послѣдствіи, когда сталъ министромъ. Корсика не избрала его снова въ 1824 году, но въ 1826, округъ де Вервень (de Vervins), гдѣ онъ имѣлъ большія помѣстья, возобновилъ его выборъ. Онъ снова принялся за оппозицію, но съ умѣренностію человѣка, который ожидаетъ отъ судьбы министерскаго портфеля. Въ 1831 году надежда эта осуществилась. Мы говорили уже о его мужествѣ, о его военныхъ доблестяхъ,—здѣсь мѣсто упомянуть о его способностяхъ. Себастіани говорилъ мало. Его главное достоинство состояло въ политическомъ инстинктѣ, чрезвычайно вѣрномъ, и въ изумительномъ хладнокровіи, которое ничѣмъ нельзя было поколебать. Это не былъ умъ частностей, умъ находчивый, какъ напримѣръ адмиралъ де Риньи; онъ не былъ богатъ помыслами, но имѣлъ умъ прямой, съ которымъ онъ, какъ въ ясновидѣніи, видѣлъ ясно и

Digitized by Google

далеко, а его хладнокровіе вело безуклонно къ цѣли. Въ 1830 году, когда самые искусные политики опасались нарушенія мира, Себастіани, измѣня направленіе своихъ рѣчей, и сдѣлавшись изъ воина государственнымъ мужемъ, поддерживалъ Казимира Перье и удивилъ даже Тайлерана, эту древнюю развалину, на которую опирался тогда не одинъ изъ Европейскихъ троновъ.

Сдѣлавшись министромъ, онъ измѣнилъ свой взглядъ на вещи, какъ обыкновенно бываетъ съ человѣкомъ, который, взобравшись на высоту, видитъ многое, чего не видалъ прежде. И дѣйствовалъ онъ нѣсколько различно съ тѣмъ, какъ прежде говорилъ.

Оставя кабинетъ въ 1831 году, вслѣдствіе отказа палатъ въ ратификаціи трактата касательно Американскаго долга въ 25 милліоновъ, Себастіани отправленъ былъ посланникомъ, сначала къ Неаполитанскому двору, а потомъ въ Лондонъ Тогда можно было сказать, что карьера его была кончена. Людвигъ Филиппъ, который много любилъ его, возвелъ его въ 1840 году въ званіе маршала Франціи. Люди, бывшіе долго близкими къ маршалу Себастіани, увѣряютъ, что кто его зналъ хорошо, тотъ находилъ въ немъ еще болѣе душевныхъ качествъ, чѣмъ умственныхъ достоинствъ. Беранже, знаменитый здравымъ смысломъ и вѣрностію сужденія еще болѣе, чѣмъ своимъ умомъ, такъ заключаетъ о Себастіани, съ которымъ онъ былъ коротокъ: Сначала высокомѣрный до оскорбленія, покойный маршалъ становился добрымъ, и даже добрымъ человѣкомъ, съ тѣмъ, кто ему нравился.

Когда онъ принялъ министерство Иностранныхъ Дѣлъ, онъ нашелъ тамъ одного чиновника изъ числа высшихъ умовъ, по вѣрности взгляда, правотѣ и хладнокровію, словомъ, самую надежную практическую подпору для государственнаго человѣка. Это былъ г. Десажъ, умершій въ прошломъ году, человѣкъ скромный, углубленный въ самаго себя и еще болѣе молчаливый, чѣмъ Себастіани, который, въ воспоминаніе о востокѣ, прозвалъ его *нѣмымъ сераля*. Вскорѣ, узнавъ этотъ возвышенный характеръ, этотъ умъ твердый и скромный, министръ не могъ уже обойтись безъ г. Десажа; онъ сдѣлался для него домашнимъ геніемъ, демономъ Сократа. Г. Десажъ былъ долгое время повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Турціи, по отъѣздѣ оттуда генерала Гильемано, и только о востокѣ, объ одномъ востокѣ становился разговорчивъ и вызывалъ на разговоръ министра Оба были полны воспоминаній объ этой странѣ чудесъ, въ которой каждый изъ нихъ игралъ свою роль: одинъ на поприщѣ славы, другой на пути пользы. Генералъ Себастіани становился почти болтливымъ дома. Онъ былъ, чего мно-

Digitized by Google

гіе не знаютъ, человѣкъ весьма образованный, любилъ древнихъ авторовъ, и оставилъ богатую библіотеку. Зная его уже въ старости, можно было понять, что прежде онъ обладалъ вполнѣ даромъ нравиться. Никто болѣе его не сдѣлалъ сердечныхъ побѣдъ, и юность его длилась долго, какъ юность герцога Ришелье.

Обладая богатымъ имѣніемъ Куаньи, въ мирное время онъ жилъ великолѣпно, съ щеголеватою изысканностію женщины. Онъ любилъ давать и давалъ щедро, только любилъ также, чтобы о томъ помнили. Истина, равно какъ и честолюбіе преобладали въ этой замѣчательной жизни, которая окончилась въ безучастномъ эгоизмѣ, вѣрномъ признакѣ младенчества въ старости. Лѣта привели многія изъ умственныхъ способностей въ дѣтство, лишивъ ихъ силы мышленія и оставя имъ одни инстинктивныя побужденія. Этой безчувственности обязанъ онъ былъ тѣмъ, что не такъ сильно почувствовалъ ударъ, нанесенный судьбою его отеческому сердцу въ самомъ томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ. Комната, въ которой герцогиня погибла насильственной смертію, находилась въ нижнемъ этажѣ того дома, котораго бель-этажъ занималъ ея отецъ. Дверь этой комнаты заперли на ключъ, и младенческая безсознательность графа дозволяла ему безъ содроганія проходить мимо этой двери. Когда покойный маршалъ лежалъ уже на катафалкѣ, внучата его играли въ саду, подъ окномъ той самой комнаты, гдѣ погибла злополучная ихъ мать. Теперь, по смерти маршала, вѣроятно удалятся они отъ этаго жилища скорби и преступленія.

—

Жюльенъ и Сойе.

Мы уже сказали въ одномъ изъ предшествовавшихъ номеровъ нашего журнала, что умѣнье взяться за дѣло, есть самое дѣльное умѣнье. Эту дилемму въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ доказываютъ въ Лондонѣ два Француза, искусные шарлатаны: Жюльенъ—музыкантъ, и Сойе—поваръ. Стоитъ разсказать ихъ продѣлки, не столько для того, чтобы выказать ихъ оборотливую изобрѣтательность, какъ съ тѣмъ, чтобы показать, какими странными средствами можно успѣть у Англичанъ

Жюльенъ былъ извѣстенъ въ Парижѣ еще до своего отъѣзда въ Англію. Онъ дирижировалъ концертами въ Турецкомъ саду (Jardin Turc), куда Парижская публика съѣзжалась погулять въ миніатюрныхъ рощицахъ и пить сорбетъ, приправленный пылью. Жюльенъ царствовалъ въ этомъ садикѣ, стоя на возвышеніи и держа въ рукахъ, облеченныхъ въ палевыя перчатки и оторо-

Digitized by Google

ченныхъ огромными манжетами, капельмейстерскій жезлъ эмблему его музыкальной власти. Въ эту эпоху его занимательной жизни онъ имѣлъ удивительный поединокъ, который много помогъ его извѣстности; примѣры подобныхъ подвиговъ случались только между баснословными героями Аріоста. Поссорившись съ однимъ изъ музыкантовъ, бывшихъ нѣкогда полковымъ фехтмейстеромъ, Жюльенъ былъ вызванъ. Онъ просилъ восемь дней отсрочки, чтобы приготовиться къ дуэли. Наконецъ, насталъ роковой день. Противникъ Жюльена проколотъ его насквозь, такъ что эфесъ шпаги плотно прикрылъ рану. Натурально, что противникъ выпустилъ изъ рукъ шпагу. Тогда Жюльенъ бросился къ нему и нанесъ ему жестокій ударъ, послѣ чего остановился съ шпагою въ груди, конецъ которой торчалъ изъ его спины. Никто не рѣшался вынуть оружія; Жюльенъ самъ вытащилъ изъ раны шпагу, такъ чудесно проскользнувшую мимо важнѣйшихъ жизненныхъ органовъ. Мѣсяцъ спустя, Жюльенъ опять надѣлъ палевыя перчатки, вооружился своимъ музыкальнымъ жезломъ и продолжалъ дирижировать концертами, въ обычныхъ элегическихъ позахъ, къ которымъ очень шла болѣзненная блѣдность его лица. Цѣлый Парижъ стекался посмотрѣть этаго Орфея-дуэлиста.

Обстоятельства, понудившія Жюльена удалиться изъ Франціи были странны какъ и цѣлая жизнь этаго артиста. Недовольный мѣстнымъ начальствомъ, чтобы отомстить, онъ выдумалъ чудесную афишку, въ которой совокупность нѣкоторыхъ буквъ, болѣе замѣтныхъ, нежели прочія, составляли, смотря издали, оскорбительное выраженіе противъ полиціи. Не имѣя большаго желанія посидѣть въ исправительной тюрьмѣ, Жюльенъ бѣжалъ въ Англію. Этому будетъ лѣтъ двѣнадцать. Тогда былъ въ Лондонѣ нѣкто Элейзонъ, который давалъ музыкальныя прогулки, довольно безуспѣшныя. Жюльенъ, какъ знатокъ дѣла, взялся за эту спекуляцію, устроилъ это очень оригинально, пустился по провинціямъ съ ватагою музыкантовъ, и привлекъ вниманіе новизною предпріятія и эксцентрическими уловками. Онъ, напримѣръ, не входилъ по ступенямъ на подмостки, гдѣ стоялъ его пульпитръ, а внезапно подымался къ нему изъ подполья сквозь отверстія, сдѣланныя въ этихъ подмосткахъ, окруженный театральными молніями и въ лучезарномъ сіяніи Бенгальскаго огня Костюмъ его былъ самый вычурный, съ фантастическимъ шитьемъ по швамъ, а вѣчныя палевыя перчатки подавалъ ему на серебряномъ блюдѣ лакей въ богатой ливреѣ. Послѣ каждой пьесы онъ падалъ, какъ бы въ изнеможеніи, на кресла. Всѣ эти способы были еще неизвѣстны, и пуб-

Digitized by Google

лика толпилась, чтобы поглядѣть на Г. Жюльена,—а пожалуй и послушать.

Впрочемъ догадливый проказникъ всегда держалъ въ своей капеллѣ какого-нибудь искуснаго артиста, человѣка съ истиннымъ талантомъ. Сначала это былъ знаменитый Кеннъ, артистъ на кларнетѣ, котораго мелодическое дыханіе и непостижимая бѣглость пальцевъ по клавіатурѣ пистоновъ, умѣли сотрясать упорные фибры Англійскаго слуха. Жюльенъ вошелъ въ моду и вскорѣ началъ дирижировать концертами и балами большаго свѣта, увлеченнаго приманкою рожковъ, пистоновъ и палевыхъ перчатокъ. Извѣстность Жюльена вскорѣ отразилась и на женѣ его, Англичанкѣ, цвѣточницѣ съ улицы *Медокса*, такъ что Англичанки не иначе пріѣзжали слушать музыку мужа, какъ съ букетомъ цвѣтовъ, заплаченнымъ два или три фунта стерлинговъ, супругѣ счастливаго музыканта.

Жюльенъ искусно пользовался своимъ счастіемъ. Онъ открылъ при *Regent-Street* обширный музыкальный магазинъ, который и до сихъ поръ существуетъ подъ его фирмою, хотя въ немъ и другой хозяинъ. Вскорѣ, въ своихъ концертахъ смѣнилъ онъ инструментальную музыку пѣніемъ; это нововведеніе также ему удалось Впрочемъ на свѣтломъ небѣ нашего спекуланта бывали и бури. Жюльенъ, зная, что съ Англичанами можно на многое отваживаться, иногда слишкомъ много отваживался. Въ одинъ изъ его наѣздовъ на Дублинъ, тамошняя публика, негодуя за какое-то не приличіе, закидала его эстраду дохлыми кошками, грязью и проч., и въ него самаго бросала тухлыя яица. Въ Лондонѣ, гдѣ этотъ случай надѣлалъ шуму, всѣ полагали, что Жюльенъ уже не встанетъ послѣ Дублинскаго паденія; ничуть не бывало!—Онъ вскорѣ явился съ новою полькою, безстыдно названною: *полька-яичница*! — Толпа, побѣжденная этой цинической отвагою, снова бросилась слушать Жюльена.

Съ тѣхъ поръ расположеніе къ нему публики дошло до восторженія. Его имя, его портреты, появились на всемъ и вездѣ. Подобіе его выдѣлывали изъ фарфора, изъ каучука, изъ шоколада, изъ пряниковъ. Изображенія его красовались и на помадныхъ банкахъ и на чашкахъ и на столовой посудѣ. Балъ не въ балъ, если музыкой дирижировалъ не Жюльенъ. Даже дворъ допустилъ его въ свое святилище. Онъ вскорѣ пріобрѣлъ огромныя деньги и имѣлъ четыре дома на Лондонской набережной: его музыкальный магазинъ, цвѣтный магазинъ его жены, загородный домъ въ модной деревнѣ Гемпстедѣ и большой домъ въ городѣ при улицѣ Герлей, гдѣ всѣ покои

Digitized by Google

блистали позолотою. Въ этомъ-то истинно царскомъ жилищѣ устроилъ онъ *королевскую Академію Англійской музыки*, которую правильнѣе было назвать Англійскою королевскою Академіею музыки. Цѣль его была создать въ Англіи *національную музыку*. Эта мысль польстила жителямъ Лондона и понравилась Двору. Пособія, участіе, поощренія,—посыпались къ нему со всѣхъ сторонъ. Надобно было открыть театръ;—избрали Дрюри-Ленскій. Фантастическій маэстро въ устроенной въ его Герлей-Стритскомъ домѣ эстрадѣ, обитой бархатомъ, принималъ артистовъ и давалъ аудіенціи. Театръ открытъ (въ 1847 году) пьесами, написанными по-Англійски или переведенными на этотъ языкъ: опера Бальвора The Maid of honor, потомъ Линда и Лучія Доницетти, потомъ многія другія, въ коихъ пѣли Г-жи Дорусъ и Симсъ Ривсъ. Г. Берліозъ дирижировалъ оркестромъ, который развѣ потому только былъ Англійскій, что былъ въ Лондонѣ!

Никогда не бывало такой роскоши на какомъ-либо театрѣ. Жюльенъ одѣлъ хористокъ какъ прима-донъ, и передняя завѣса была изъ шелковаго бархата. Началось все прекрасно, но кончилось дурно, такъ что въ одно доброе утро Г. Жюльенъ оказался несостоятельнымъ на 400 т. франковъ. Четыре дома Жюльена исчезли, расположеніе публики охладилось и приходилось начинать снова чѣмъ-либо другимъ.

Хуже всего было возмущеніе Англійскаго дилетантизма, которому надоѣли эксцентрическіе успѣхи любимца публики. Люди богатые и степенные составили общество, и ангажировали всѣхъ лучшихъ артистовъ, на которыхъ только Жюльенъ могъ разсчитывать, такъ что ему не съ чѣмъ было начать. Всѣ полагали, что Жюльенъ пропалъ,—но публика худо его знала, или, лучше сказать, Англійская публика худо знала Англичанъ!

Жюльенъ выписалъ изъ Парижа двѣнадцать барабанщиковъ національной гвардіи и красавца тамбуръ-мажора. Барабаны подстроили, онъ сочинилъ чудовищный кадриль (un quadrille monstre) и пустился по провинціямъ, привлекая толпы слушателей и собирая опять огромныя деньги. Даже въ Лондонѣ возставшія противъ него коализія богатыхъ людей и отличныхъ артистовъ, была побѣждена, и барабанщики Жюльена имѣли огромный успѣхъ, до того, что Life's guards (лейбъ-гвардія) давала праздникъ этимъ краснымъ эполетамъ въ казармахъ Альбани-Стритъ, и лига истинныхъ *любителей* музыки, которыхъ самолюбіе и любовь къ искусствамъ были возмущены музыкальнымъ шарлатанизмомъ Жюльена, не устояла противъ *громкихъ* успѣховъ непобѣдимаго.

Digitized by Google

Жюльенъ самъ сознается, что въ десять лѣтъ пріобрѣлъ отъ Англійской публики до двухъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, которые разошлись какъ на издержки для эксцентрической обстановки его фарсовъ, такъ на щедрую плату артистамъ и на удовлетвореніе его склонности къ мотовству. Теперь Жюльенъ дирижируетъ оркестромъ, въ зоологическомъ саду Соррея, гдѣ сборъ простирается иногда до 25,000 франковъ (6,250 руб. сер.) въ вечеръ, а по окончаніи сезона, разъѣзжаетъ по провинціямъ съ какимъ нибудь знаменитымъ артистомъ. Теперь у него есть удивительный контръ-басистъ Боттесини, который на гигантскомъ контръ басѣ дѣлаетъ все, что Г. Беріо на скрипкѣ. До сихъ поръ Жюльенъ вполнѣ пользуется расположеніемъ публики, оправданнымъ даже иноземцами. На Лондонской выставкѣ много иностранныхъ предметовъ съ изображеніями Жюльена. Портретъ его находится на ящикахъ Германскаго таможеннаго союза; на люстрѣ, присланной изъ-за Рейна, знаменитый капельмейстеръ изображенъ съ своимъ магическимъ жезломъ. Въ Лондонѣ онъ сдѣлался героемъ многихъ пантомимъ; Дулькамара (въ Любовномъ напиткѣ) старается ему подражать, а въ народныхъ театрахъ безпрестанно его копируютъ.

Поваръ Сойе, не столько по уму и смѣтливости, какъ по произведенному эффекту, есть достойный сподвижникъ Жюльена. Описаніе ихъ продѣлокъ не такъ интересно, можетъ быть, въ отношеніи собственно къ ихъ личностямъ, но оно рѣзко выказываетъ отличительныя черты Англичанъ. Народъ этотъ, въ совокупности, какъ общество, какъ нація, какъ правительство, способенъ на великія и полезныя дѣла, но индивидуально, во многихъ случаяхъ, Англичанинъ поступаетъ совсѣмъ иначе, чѣмъ поступилъ бы Нѣмецъ, Французъ, Испанецъ и другіе европейцы. Excentricity, это слово, созданное для Англичанъ, хорошо обрисовываетъ ихъ обычай выходить изъ обыкновеннаго круга дѣйствій въ частной жизни. Сколько фактовъ подтверждаютъ эту истину. Англія, пренебрегшая Бэйрономъ, двадцать лѣтъ восхищалась тщеславнымъ щеголемъ, который даже не былъ умнымъ человѣкомъ, за то мастерски повязывалъ галстукъ,—лордомъ Броммелемъ!...

Горъ-гаузъ (Gore-House) домъ, въ которомъ Сойе, нѣсколько мѣсяцевъ тому, сосредоточилъ свои приманки, давно уже пользуется въ Лондонѣ нѣкоторою извѣстностію. Тамъ жила Леди Блессингтонъ Многіе старались найти сближеніе между Gore House и l'Abbaye-aux-Bois, но это ошибка. Знатнѣйшія, наиболѣе уважаемыя дамы цѣлой Европы съѣзжались въ современный Hôtel

Digitized by Google

Rambouillet, гдѣ за недостаткомъ новаго тартюфа читали Memoires d'outre tombe, тогда еще не изданныя, между тѣмъ какъ ни одна порядочная Англичанка не переступила бы чрезъ порогъ Леди Блессингтонъ.

Маргарита Паверъ (Pawer), въ послѣдствіи леди Блессингтонъ, родилась въ Ирландіи. Отецъ ея былъ Sollicitor, родъ адвоката-прокурора, и умеръ не оставя никакаго состоянія. Его три дочери, красавицы, всѣ выгодно вышли замужъ: одна за лорда Кенторбори, другая за капитана Фарлейга, а третья, проведя молодость болѣе пышно, чѣмъ нравственно, встрѣтила лорда Блессингтона уже въ старости, который на ней и женился.

Леди Блессингтонъ жила въ *gore-house* съ двумя племянницами, дочерьми ея брата, этой загадочною жизнью, въ которой пышность и нищета тѣсно соединяются и гдѣ искусство умѣетъ сокрыть нищету и придать двойной блескъ великолѣпію. Леди Блессингтонъ писала, промышляла торговлею мѣняльныхъ лавокъ. Есть ея сочиненія: *Опасности свѣтской жизни*, *Англійскія красавицы*, и другія. Она шаталась по отдаленнымъ улицамъ Лондона, собирая рѣдкости, которыя продавала богатымъ лордамъ, съѣзжавшимся къ ней на чай. Часто экипажъ ея останавливался на *Wardour-Street*, средоточіи Лондонскихъ мѣняль, гдѣ археологическія свѣдѣнія обѣдиѣвшей леди находили множество предметовъ, которымъ она умѣла придать историческое достоинство и которые изъ ея рукъ переходили въ кабинеты ея богатыхъ знакомцевъ.

Правда, что никто изъ женщинъ не посѣщалъ леди Блессингтонъ, но за то у ней съѣзжались всѣ знаменитости нашей эпохи. Въ числѣ ея славныхъ посѣтителей были поочередно: Лордъ Бэйронъ (который нѣкогда любилъ ее), Сутей, Ландсоумъ, Вордсвортъ, Томасъ Муръ, Кемпбль, Роджерсъ, Диккенсъ, Вашингтонъ-Ирвингъ, Корстеръ, Теккерей, Норменби, Бульверъ и многіе другіе артисты, писатели, государственные люди. Прибавьте къ этому аристократическую свиту богатыхъ лордовъ, и вы составите себѣ понятіе о блестящемъ кругѣ посѣтителей леди Блессингтонъ, до того времени, какъ безпощадные кредиторы напали на это жилище и разхитили все, что въ немъ было.

Продажа движимости изъ Горъ-Гауза принесла огромныя суммы. Лорды скупили по невѣроятнымъ цѣнамъ вещи, принадлежащія ихъ пріятельницѣ. Долги уплачены, хотя они и простирались до 4 000 фунтовъ стерлинговъ.

По выѣздѣ изъ Gore-House Леди Блессингтонъ, домъ этотъ занялъ Г. Сойе. Онъ былъ поваромъ въ Reforma-club, гдѣ полу-

Digitized by Google

чалъ 40,000 франковъ (10,000 рублей серебромъ) въ годъ и экипажъ. Ожидая большаго съѣзда на выставку, Сойе, какъ искусный спекулантъ, вздумалъ воспользоваться привычкою знати съѣзжаться въ Gore-House, и устроилъ тамъ гастрономическое заведеніе.

Фельетонисты Европейскихъ журналовъ, бывшіе на открытіи выставки, разсказали, съ какою роскошью Сойе отдѣлалъ этотъ домъ, желая заставить молву говорить о его заведеніи. Онъ созвалъ всѣхъ представителей Европейской журнальной литературы на пиръ и угостилъ ихъ по-царски. Только мѣсто отступника Жюль-Жанена осталось не занятымъ. Его аристократическая гордость не уступила увѣщаніямъ Амфитріона.

Горъ-Гаузъ стоитъ при улицѣ, ведущей изъ Гайдъ-Парка, возлѣ Кенсингстона, въ двухъ шагахъ отъ *Cristal-Palace*. На стѣнѣ, вдоль по улицѣ, Сойе сдѣлалъ слѣдующую надпись:

SOYERS universal Symposium.

Буквы имени навыворотъ. На дверяхъ осталась прежняя надпись *Gore-House*, какъ при Леди Блессингтонъ.

При входѣ платится шиллингъ, за который выдаютъ билетъ. Этотъ билетъ можно отдать въ счетъ за расходы.

Маленькія сѣни названы, по находящейся тамъ надписи, *the cupola of Iupiter tonans* (куполъ Юпитера громовержца); сѣни эти окрашены небѣсно-голубою краскою, а на потолкѣ приклеена изъ серебряной бумаги рука съ снопомъ молній изъ того же матеріала. Въ передней, неискусной кистью нарисованы всѣ монументы Европы. Эта комната называется *рабочая Микель Анжела* или the hall of architectural Wenders.

Прежняя столовая зала (теперь всѣ комнаты столовыя) украшена голубыми обоями, покрытыми газомъ съ серебряными и бумажными звѣздами. Кое-гдѣ налѣплены бумажныя пальмы, которыхъ откленвшіяся отъ сырости листья висятъ фестонами. Эта комната прозвана Перувіянскимъ лѣсомъ, или the night of Stars (звѣздная ночь). Рядомъ, бывшая библіотека ученой леди обтянута бѣлымъ, розовымъ и свѣтлоголубымъ каленкоромъ. На полкахъ для книгъ уставленъ столовый хрусталь. Эта комната названа залой парнаса или the Blessington temple of the muses. Большая сосѣдняя зала, гдѣ собиралось описанное выше общество, обита зеленымъ глянцованнымъ коленкоромъ, усѣяннымъ металлическими слезками. Здѣсь table d'hôte по шести шиллинговъ съ особы.

Войдемъ въ бель-этажъ. По стѣнамъ, около лѣстницы изображены, какъ попало, всѣ современныя знаменитости: Лордъ Веллингтонъ, Г. Сойе, Викторъ Гюго, и проч. Спальня Миледи преобразилась въ свадебную залу Данаи, или the Shorme of Gems. Изъ нея сдѣлали газовый гротъ съ сталактитами изъ серебряной бумаги. Комната племянницъ графини названа уборною à la Pompadour, или the alcove of camelias. Обои тамъ изъ желтаго газа,

Digitized by Google

съ орнаментами изъ краснаго коленкора и съ гирляндами изъ бумажныхъ цвѣтовъ. Наконецъ, чтобы з ключить описаніе, скажемъ, что комната Г. Сойе запирается массивною дубовою дверью, которой четвертую часть занимаетъ тюремный замокъ, а на немъ виситъ, крестообразно, продѣтая въ два огромныя кольца, тяжелая желѣзная цѣпь, на которой можно бы повѣсить корабельный якорь. Кто пойметъ цѣль этого сумасбродства, тотъ можетъ похвастаться своею смѣтливостію.

Изобрѣтатель всѣхъ этихъ чудесностей водрузилъ англійскій флагъ на крышѣ своего храма.

Украшенія сада приложены къ украшеніямъ дома. Въ концѣ устроена палатка и названа *the campment of all nations* и *Pavillon d'Amphytrion*. Скатерть вытканa нарочно въ 300 футовъ длиною. Недавно какой-то проказникъ отрѣзалъ и укралъ порядочный кусокъ этой скатерти. Названія всѣхъ націй висятъ по стѣнамъ въ рѣзныхъ рамкахъ. Слово *Франція* написано трехцвѣтными буквами на бурныхъ облакахъ.... Мысль не дурна! — Кое-гдѣ разбросаны палатки съ столами изъ бѣлыхъ досокъ, покрытыхъ клеенкою. Толпа находитъ все это прекраснымъ и бѣжитъ въ *Symposium*, не извѣстно почему такъ названный. Нерѣдко тамъ обѣдаетъ 800 и болѣе особъ. Если считать среднимъ числомъ по шести шиллинговъ, — сумма порядочная!

Одинъ изъ павильоновъ въ саду украшенъ картинами работы Г-жи Сойе, которая была артисткою, воспитанницею поселившагося въ Лондонѣ французскаго живописца Г. Симоно. Сойе лишился жены нѣсколько тому лѣтъ и соорудилъ ей великолѣпный памятникъ. Желая, чтобы эпитафія вполнѣ выразила его горесть, онъ обратился къ одному изъ славнѣйшихъ поэтовъ Англіи. Сей послѣдній долго заставилъ ожидать надгробной надписи, и наконецъ, уступая просьбамъ Г. Сойе, написалъ ему:

SOYEZ TRANQYILLE.

Эпитафія-каламбуръ не понравилась знаменитому повару.

Сойе теперь лѣтъ 45 отъ роду. Онъ одѣвается также странно, какъ странны украшенія его дома. Покрой его платья, даже обувь отличны отъ употребляемыхъ фасоновъ. Впрочемъ, онъ добрый малой, любитъ пожить, болѣе привязанъ къ славѣ, чѣмъ къ деньгамъ, и воображаетъ, что вся Европа ему удивляется Дуракомъ назвать его нельзя, и сумасбродъ онъ — безъ всякаго сомнѣнія.

Вотъ человѣкъ, который вмѣстѣ съ Жюльеномъ овладѣлъ вниманіемъ Лондона. Жюльенъ побѣдилъ, съ своими барабанщиками, партію избранныхъ артистовъ и богачей; мудрено-ли, что Сойе какимъ-нибудь новымъ блюдомъ, какъ *un Soufflé monstre à la Clontarf*, произведетъ диверсію противъ *M-lle Rachel*.

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВѢСТИ ИЗЪ ОДЕССЫ.

Въ Воскресенье 17-го Іюня совершено было въ нашемъ городѣ заложеніе часовни во имя *Всѣхъ Святыхъ Россійскихъ*, воздвигаемой у берега моря, внизу огромной лѣстницы, ведущей къ берегу отъ приморскаго бульвара. Высокопреосвященный Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій, первый возъимѣвшій мысль соорудить святое зданіе, положилъ и первый краеугольный камень въ его основаніе. При заложеніи присутствовали также: ея Сіятельство, статсъ-дама Ея Императорскаго Величества, супруга Намѣстника Кавказскаго, Елисавета Ксаверіевна Воронцова, прибывшая предъ тѣмъ въ Одессу, господинъ Одесскій Градоначальникъ и другіе городскіе чины; многочисленное стеченіе народа напоминало собою городской праздникъ. — Часовня эта предназначена для помѣщенія тѣхъ списковъ изъ Чудотворныхъ иконъ и изображеній Угодниковъ Русскихъ, которые юная Одесса получила въ благословеніе ко дню перваго новоучрежденнаго торжества (22 Августа 1849 года) отъ церквей и обителей Русскихъ городовъ, какъ священные символы Вѣры, охранявшіе города эти въ продолженіе многихъ столѣтій. Въ непродолжительномъ времени воздвигнется это хранилище святыни, въ которомъ мореплаватели, отправляясь въ открытыя моря, предъ ликами Святыхъ Угодниковъ будутъ возносить молитвы свои о благополучіи предстоящаго имъ путешествія, а прибывшіе къ порту — благодареніе о совершенномъ уже подъ Божіемъ охраненіемъ странствіи; такъ что Святыня эта въ символѣ водруженнаго на часовнѣ креста будетъ осѣнять отправляющихся въ далекій и опасный путь мореплавателей животворною, умаляющею опасности, надеждою, а совершившимъ его напоминать о той предвѣчной любви, съ которою Небесный Промыслитель заботится о всѣхъ *странствующихъ и путешествующихъ*, проводя ихъ чрезъ неизмѣримыя пространства и

Digitized by Google

пучины морскія.—Изящно составленный планъ этой нововоздвигаемой часовни приложенъ при Новороссійскомъ календарѣ на настоящій годъ. — 20 Іюня Ришельевскій лицей праздновалъ окончаніе академическаго года. По совершеніи въ Лицейской церкви Божественной литургіи родители и родственники воспитывающагося юношества и студенты Лицея собрались въ залѣ этого заведенія. Актъ начался молитвою «Царю небесный», потомъ Профессоръ чистой математики Г. К. Брунъ произнесъ рѣчь о изложенномъ имъ рѣшеніи численныхъ уравненій по способамъ Горнера и Греффе, въ которой представилъ ту важность, какую имѣютъ для науки эти два способа, до сего времени почти неизвѣстные въ отечествѣ нашемъ. Сколько намъ извѣстно, мы не имѣли еще рѣшеній уравненій степеней выше четвертой, и хотя многіе и рѣшали численныя уравненія въ 6-й, или даже въ 8-й степени, но рѣшенія эти не даютъ совершенно конечныхъ результатовъ: каждому, не посвященному въ знаніе математики, легко теперь судить, какую важность для науки имѣетъ настоящій трудъ почтеннаго Профессора, окончательно рѣшившаго численныя уравненія 12-й степени'—Вслѣдъ за рѣчью Г. Бруна Профессоръ Русской Словесности К. П. Зеленецкій прочелъ рѣчь: «Объ идеальной основѣ, свойствахъ и видахъ изящнаго». Въ сочиненіи этомъ, составляющемъ какъ бы курсъ эстетики, авторъ самостоятельно представилъ характеристику изящнаго, его зарожденія и развитія, и, разсматривая главнѣйшіе виды изящнаго, указалъ на факты въ произведеніяхъ отечественной словесности, что не могло не имѣть сочувствія въ слушателяхъ.—Во время послѣдовавшаго за симъ чтенія отчета о годичномъ состояніи и дѣйствіяхъ Ришельевскаго лицея розданы были студентамъ награды, за представленныя ими сочиненія на заданныя въ началѣ года темы. За рѣшеніе темы по предмету Русской статистики: «Описать моря, озера и рѣки Россіи въ отношеніи къ торговлѣ внѣшней и промышленности внутренней», удостоенъ *золотой медали* студентъ Юридическаго отдѣленія III курса Іона Галаганъ, и *серебряной* студентъ того же отдѣленія и курса баронъ Николай Остенъ-Сакенъ. За рѣшеніе темы по предмету Исторіи Русскаго права: «Представить историческое обозрѣніе памятниковъ Русскаго законодательства со времени изданія Судебника Царя Іоанна IV до изданія уложенія 1649 года», удостоенъ *золотой медали* студентъ III курса Юридическаго отдѣленія баронъ Владиміръ Остенъ-Сакенъ. Разсужденіе студента Галагана своею дѣльностію обратило на себя особенное вниманіе Совѣта Лицея. Актъ кончился народнымъ гимномъ «Боже, царя храни!»

Digitized by Google

Послѣ чего Высокопреосвященный Иннокентій благословилъ каждаго изъ окончившихъ въ настоящемъ году курсъ наукъ студентовъ на предстоящее имъ поприще государственной службы. Ея Сіятельство Княгиня Елисавета Ксаверіевна Воронцова удостоила и это ученое празднество своимъ просвѣщеннымъ присутствіемъ.

Италіанская опера. Русскій театръ. Загородные концерты. Оркестріонъ.

Въ рѣдкіе годы Одесса представляла столько различныхъ мѣстъ для общественныхъ удовольствій, сколько представляетъ ихъ въ настоящее время. Скажемъ объ нихъ по порядку важности. Первое мѣсто, разумѣется, занимаетъ Италіанская опера. Одессисты не помнятъ, чтобы когда-нибудь была здѣсь Италіанская опера столь многосложная и въ такой мѣрѣ богатая талантливыми артистками и артистами, какъ въ настоящій сезонъ; достоинствами этими опера начала хвалиться съ тѣхъ поръ, какъ содержаніе ея принялъ на себя здѣшній почетный гражданинъ Андросовъ, который не щадилъ никакихъ издержекъ для того, чтобы довесть оперу до того совершенства, какое она можетъ имѣть при мѣстныхъ средствахъ; и въ самомъ дѣлѣ достигъ его: опера наша такова, лучше и полнѣе какой и не льзя требовать въ Одессѣ. Полагая, что подробный обзоръ и, такъ сказать, *поголосный* разборъ всѣхъ артистокъ и артистовъ нашей труппы не можетъ быть занимателенъ для иногороднаго читателя, я упомяну здѣсь объ однихъ только замѣчательностяхъ въ оперѣ. Въ прошедшій сезонъ въ труппѣ находились пять примадоннъ; изъ нихъ двѣ, *Брамбилла* и *Басседжіо*, привлекая къ себѣ вниманіе и любовь публики, дарили ее истинными восторгами искусства. Такъ какъ человѣкъ и въ природѣ и въ искусствѣ не хочетъ признавать двухъ предметовъ совершенно равныхъ по достоинству, хотя бы они казались таковыми, и стремится возвысить одинъ, унижая другой, то и даровитыя артистки наши подверглись подобному же человѣческому своенравію. Лишь только онѣ начали плѣнять и восторгать публику своими удивительными голосами, въ публикѣ начали уже обнаруживаться двѣ партіи, изъ которыхъ одна отдавала преимущество таланту Брамбиллы, другая — Басседжіо; такое раздѣленіе диллетантовъ обнаружилось до того яснымъ, что въ прошедшій сезонъ въ Одесскомъ Вѣстникѣ появилось нѣсколько статей, изъ которыхъ одни ратовали за Брамбиллу, другія за Басседжіо. Въ настоящее время эти партіи диллетантовъ, хотя еще существуютъ, но уже не съ такимъ, какъ прежде, энтузіазмомъ: на сторонѣ той

Digitized by Google

и другой ратуютъ, впрочемъ, нѣкоторые изъ записныхъ театраловъ, стараясь выразить свое усердіе числомъ бросаемыхъ артисткамъ букетовъ. Не принадлежа, по счастію, къ числу энтузіастовъ и не давая воли увлеченію, я, сколько ни слыхалъ обѣихъ пѣвицъ, до сихъ поръ не могъ сдѣлаться ни *брамбиллистомъ* ни *басседжистомъ*; между тѣмъ какъ достоинства той и другой пѣвицы найдутъ сужденіе въ моемъ впечатлѣніи. Вотъ оно: голосъ Брамбиллы — голосъ страсти: нѣжный, гибкій, вьющійся около сердца, проникающій въ душу какою-то магнетическою силою; слушая его, переходишь изъ одного настроенія чувства въ другое какъ-то незамѣтно, сладостно, какъ бы на мелодическихъ переливахъ этого голоса;—это практическая сторона голоса Брамбиллы, въ теоретическомъ же отношеніи въ немъ слышится строгая обработанность, очаровательная свѣжесть и чистота. Голосъ Басседжіо—голосъ чувства; звуки его прямо дѣйствуютъ на чувство слушателя; чарующему вліянію его на чувство покоряешься какъ-то осязательно для души; переливы его мужественны, энергичны; онъ овладѣваетъ чувствомъ и вниманіемъ вашимъ съ какою-то насильственною, магическою властію; если хотите, въ немъ болѣе жизни, болѣе восторга, чѣмъ въ голосѣ Брамбиллы, но качествомъ этимъ онъ не превосходитъ голоса этой послѣдней пѣвицы, который въ свою очередь, какъ мы дали понять, имѣетъ болѣе тихой, мелодической сладости, болѣе душевной теплоты. Голосъ Басседжіо, также какъ и голосъ Брамбиллы, звучитъ теоретическою обработкою и правильностію; но въ немъ мѣстами слышится какой-то *лирическій безпорядокъ*, который придаетъ пѣнію такую же прелесть, какою отзывается это качество въ одѣ лирическаго поэта. Роли, избранныя артистками для своихъ дебютовъ, совершенно согласны съ характеромъ ихъ голосовъ. Брамбилла отличается въ операхъ лирико-драматическихъ, Басседжіо въ трагическихъ. И такъ, обѣ пѣвицы имѣютъ каждая и свои особенныя и общія между собою достоинства; по этому нужно быть энтузіастомъ и человѣкомъ односторонннимъ, чтобы увлечься какою-либо партіею: истинный цѣнитель искусства, по нашему крайнему разумѣнію, есть тотъ, вниманіе и удивленіе котораго возбуждаютъ всѣ стороны искусства, который не увлекается однимъ моментомъ, однимъ мѣстомъ прекраснаго, но съ постоянною душевною трезвостію опредѣляетъ значеніе и другаго его момента, и другой стороны изящнаго; въ противномъ же случаѣ, личность, анализирующая изящное, выказываетъ свою односторонность (partialité), критическую слабость и неустойку критеріума при сужденіи объ изящномъ.

Digitized by Google

При началѣ настоящаго сезона, когда Брамбилла и Васседжіо поочередно увлекали публику, пронеслась вѣсть, что въ скоромъ времени пріѣдетъ въ Одессу сестра нашей примадонны, Брамбилла старшая, primma donna assoluta, объ успѣхѣ которой на Италіанскихъ театрахъ мы до того слыхали въ частныхъ бесѣдахъ. Ожиданіе это скоро оправдалось: Брамбилла пріѣхала, театралы зашумѣли, засуетились; за три дня впередъ до представленія нельзя было найдти ни одного билета въ кассѣ. Первый дебютъ новопріѣхавшей пѣвицы была Норма, въ роли которой она съ тѣхъ поръ только и является на нашей сценѣ. Наслышавшись много хорошаго о г-жѣ Брамбиллѣ, я съ нетерпѣніемъ желалъ услышать ее: въ третій дебютъ ея, когда любопытство публики удовлетворилось и театръ сдѣлался свободнѣе, и я имѣлъ возможность удовлетворить своему любопытству. Оказалось, что Брамбилла дѣйствительно поетъ хорошо, голосъ ея обработанъ до nec plus ultra; но сладости, той упоительной сладости, какою отличается голосъ сестры ея, нашей старой знакомки, я не нашелъ въ голосѣ новопріѣхавшей. «Гдѣ же та dolcezze della voce, о которой вы говорили мнѣ?» спросилъ я своего пріятеля, слыхавшаго Брамбиллу въ Неаполѣ и бывшаго свидѣтелемъ тѣхъ восторговъ, какіе она производила въ артистической странѣ своего отечества. «La dolcezze della voce passa colla dolcezze degli anni, caro mio» (1), отвѣчалъ онъ мнѣ. Дѣйствительно, въ голосѣ Брамбиллы слышится что-то такое, что напоминаетъ прежнюю силу его: къ этому особенно приводитъ та правильность и то строгое соотвѣтствіе въ переливѣ звуковъ, какое слышится въ этомъ голосѣ; но весь характеръ голоса, если позволено будетъ такъ выразиться, колоритъ пѣнія далеко не удовлетворяетъ праву его на безукоризненную пріятность; въ немъ замѣтна какая-то тусклость, которую, можетъ быть, нужно приписать времени, этимъ всеразрушающимъ *anni*, какъ сказалъ мой пріятель. Впрочемъ, роль Нормы, которую пѣвица эта исполняетъ, можетъ быть выслушана съ начала до конца не безъ удовольствія,— возбужденію этаго удовольствія въ слушателѣ много способствуетъ игра Брамбиллы, которую справедливо можно назвать прекрасною актрисой: естественность и увлекательность игры ея иногда заставляютъ забывать о неудовлетворительности самаго пѣнія, и въ этомъ-то отношеніи, т. е. въ отношеніи игры, Брамбилла составляетъ собою весьма замѣтное пріобрѣтеніе въ труппѣ.

Въ настоящемъ же сезонѣ начали дебютировать дѣвицы примадонны: *Гверини* и *Рамбурѣ*. Изъ нихъ Гверини, по характеру

(1) Пріятность голоса проходитъ съ пріятностію лѣтъ.

Digitized by Google

своего голоса контръ-альто и по его достоинствамъ, сдѣлалась необходимостію въ труппѣ: нельзя, напримѣръ, исполнять роли савояра (въ Linda di Chamuni) удовлетворительнѣе того, какъ исполняетъ ее Гверини. Серебряный голосокъ ея звучитъ неподражаемою чистотою, какою-то свѣтлостію и прозрачностію; правда, его еще не коснулась строгая теоретическая обработка; но природная сила этого голоса, живительно дѣйствующая на душу, заставляетъ забывать о нѣкоторыхъ его погрѣшностяхъ противъ требованій искусства.—О г-жѣ Рамбуръ нельзя сказать многаго ни pro, ни contra. Это одна изъ тѣхъ пѣвицъ, которыя не вызовутъ изъ души вашей восторговъ и не возбудятъ возмутительнаго негодованія: голосъ ея довольно слабъ и тихъ, хотя тоже довольно правиленъ и обработанъ. При хорошей примадоннѣ, исполненіе ею ролей довольно пріятно: такъ она исполняетъ роли Адалджиды (въ Нормѣ) и (при игрѣ г-жи Гверини) Линды (въ Lind'ѣ di Chamuni); прочія второстепенныя и третьестепенныя пѣвицы удовлетворяютъ каждая своему мѣсту въ труппѣ. Теперь обратимся къ пѣвцамъ. При началѣ настоящаго сезона, опера имѣла чувствительный недостатокъ въ тенорѣ. Г-нъ Віани, дебютировавшій въ продолженіе прошедшаго сезона, во всѣхъ отношеніяхъ былъ самымъ отраднымъ явленіемъ въ оперѣ: его сильный голосъ, его превосходная, истинно артистическая игра, его красивый видъ и осанка, составляли качества, которыя рѣдко соединяются въ одномъ хорошемъ пѣвцѣ. Имя Віани было какимъ-то магнетическимъ именемъ, при появленіи котораго на афишѣ, можно было впередъ сказать, что театръ будетъ полонъ. Къ крайнему сожалѣнію мѣстный климатъ не поблагопріятствовалъ здоровью этого пѣвца, заставившему его удалиться подъ голубое небо своего цѣлительнаго отечества. Послѣ него четыре тенора, одинъ за другимъ, явились на нашей сценѣ, но ни одинъ изъ нихъ не могъ не только замѣнить Віани, но даже достоинствами своими сколько-нибудь соотвѣтствовать прочимъ сюжетамъ труппы. Наконецъ, теноръ *Ноденъ*, недавно пріѣхавшій изъ Италіи, достойно замѣняетъ теперь своего даровитаго предшественника. Въ прекрасномъ голосѣ этаго пѣвца слышится строгая обработанность и къ удивительной чистотѣ звуковъ присоединяется какая-то восторженная, лирическая увлекательность. Пѣвца этаго можно упрекнуть только за его жестикуляцію, которая иногда не соотвѣтствуетъ внутреннему смыслу пѣнія; но за то выраженіе звуковъ, осмысленное характеромъ роли, обнаруживаетъ въ Ноденѣ сознаніе и, такъ сказать, душевное усвоеніе этой роли; безъ этого послѣдняго качества самый счастливый голосъ не можетъ выска-

Digitized by Google

зать себя во всей силѣ и достойно понравиться. Впечатлѣніе, которымъ даритъ Ноденъ въ роли Эдгардо (въ операѣ Lucia di Lammermoor), это глубокое, потрясающее душу и вмѣстѣ съ тѣмъ восторгающее впечатлѣніе, не скоро изгладится изъ души слушателя. То мѣсто, въ которомъ Эдгардо удостовѣряется, что невѣста его Лучіа подписала согласіе на бракъ ея съ Артуромъ, и, отдавъ ей обручальное ея кольцо, срываетъ съ руки ея свое и поетъ:

Hai tradito il cielo e l'amor!...
Maladetto sia l'istante
Che di te mi rese amante....
Stirpe iniqua, abbominata
So doveva da'te fuggir!...
Ah! di Dio la mano irata
Ti disperda.... (*)

это лирическое мѣсто составляетъ торжество таланта Нодена, и, такъ сказать, *maximum* восторговъ публики: bravo, единодушное, незадуманное bravo срывается тогда не съ языкъ, но выходитъ изъ-подъ самаго сердца; это легко замѣтитъ въ публикѣ. Будемъ надѣятся, что пѣвецъ этотъ еще долго будетъ даритъ насъ подобными восторгами, для чего пожелаемъ ему здоровья и другихъ житейскихъ благъ въ нашемъ городѣ!... Дарованія двухъ другихъ теноровъ составляютъ довольно удовлетворительныя посредственности. За то оба баритона *Ронкони* и *Оттовіани* выходятъ изъ ряда посредственностей, какъ своими голосами, такъ и игрою. Ронкони въ драматическихъ роляхъ, какъ, напримѣръ, въ роли отца Линды (въ операѣ Линда ди Шамуни), привлекаетъ всеобщее вниманіе своею превосходною игрою. Оттовіани чрезвычайно хорошъ въ ролѣ Рикарда (въ операѣ I puritani e i cavalieri); игра его вездѣ носитъ характеръ самостоятельнаго развитія и сознаннаго драматизма. Стоитъ еще упомянуть о комикѣ-буффо г. Фрицци, который въ операѣ «Леонора» успѣлъ понравиться публикѣ какъ нельзя болѣе. Прочіе пѣвцы не замѣчательны въ отдѣльныхъ личностяхъ, но всѣ вмѣстѣ служатъ прекрасному ensembl-ю.

Кромѣ Италіанской оперы у насъ есть и Русскій театръ—*водевиль*. Русскіе спектакли въ настоящемъ сезонѣ начались весьма недавно, а потому мы и не успѣли еще совершенно познакомиться

(*) Ты измѣнила небу и любви!.. Да будетъ же проклята та минута, въ которую я полюбилъ тебя.... Я долженъ былъ убѣгать отъ тебя, несправедливое, гнусное отродье!.. А! . пусть же погубитъ тебя раздраженная рука Божія!...

Digitized by Google

съ нѣкоторыми изъ новоприбывшихъ къ намъ дебютантовъ. Впрочемъ, въ г-жѣ Ливкѣевой, артисткѣ, дебютировавшей прежде на Петербургскомъ Александринскомъ театрѣ, мы нашли самое пріятное знакомство: развязная, безъискусственная, свободная игра ея оживляется пріятнымъ голосомъ, которымъ владѣетъ Ливкѣева. Въ пьесѣ «Комедія съ дядюшкой» она обнаружила еще одинъ талантъ, талантъ ловкой танцовщицы, который публика признаетъ въ ней, если вѣрить какому-нибудь значенію букетовъ, летящихъ на сцену въ то время, когда танцовщица (роль г-жи Ливкѣевой) удивляетъ дядюшку своей качучей. Превосходный талантъ Ливкѣевой мы особенно замѣтили въ пьесѣ барона Корфа «Бѣлая Камелія»: нельзя понять и исполнить роли Вѣры Васильевны совершеннѣе того, какъ понимаетъ и исполняетъ ее г-жа Ливкѣева. Жаль, что игра jeune premier г. *Толченова* не соотвѣтствуетъ игрѣ этой даровитой артистки; въ игрѣ Толченова, какого бы характера ни была исполняемая имъ роль, всегда замѣтно притязаніе на какой-то надутый драматизмъ, иногда совершенно искажающій роли. Пройдя молчаніемъ всѣхъ остальныхъ актеровъ и актрисъ, изъ которыхъ ни одно лице не выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ посредственностей, мы, удовлетворяя требованію справедливости, упомянемъ о г. Воробьевѣ. Игра этого актера-комика такого свойства, что при появленіи его на сцену невольно пробуждается вниманіе зрителя, какъ бы сухо не было содержаніе пьесы и какъ бы плохо ни исполнялась она прочими актерами. Не смотря на двухлѣтнее появленіе Воробьева на Одесской сценѣ, публика всегда съ новымъ удовольствіемъ смотритъ на него даже въ тѣхъ пьесахъ, которыя повторяются довольно часто: скорѣе наскучаетъ пьеса, но игра г. Воробьева всегда занимательна.

Терпѣливому читателю, я увѣренъ, не станетъ терпѣнія слушать мой незанимательный разсказъ о театрѣ; въ настоящее лѣтнее время вниманію его становится жарко оставаться такъ долго въ театрѣ; я это чувствую, а потому приглашаю любопытнаго читателя, хоть ради отдыха, отправиться въ такое мѣсто, гдѣ плещутъ морскія волны, движется свѣжій, упоительный воздухъ и грудь дышетъ вольнѣе, но не думайте, что бы я намѣревался угостить васъ однимъ воздухомъ и моремъ; такъ думать, значило бы подозрѣвать въ читателяхъ нашихъ чистыхъ мечтателей: я хочу доставить имъ болѣе существенное эстетическое наслажденіе, наслажденіе слышить прекрасную музыку. Для этого стоитъ только отправиться на прекрасную приморскую дачу *«Belle vue,»* находящуюся въ полуторѣ верстѣ отъ города. Если разстояніе это пока-

Digitized by Google

жется вамъ слишкомъ большимъ, чтобы пройти его пѣшкомъ, садитесь въ омнибусъ, который находится подлѣ театра: омнибусъ свезетъ васъ на дачу за 20 коп. сереб. Два раза въ недѣлю въ Belle vue играетъ оркестръ, составленный изъ здѣшнихъ любителей-артистовъ «Музыкальные вечера» ихъ, начавшіеся еще съ прошедшаго лѣта, продолжаются по настоящее время; зимою артисты давали ихъ въ залѣ одной изъ лучшихъ здѣшнихъ гостинницъ, а съ появленіемъ весны снова перевели ихъ на дачу. Нельзя было избрать лучшаго мѣста для этихъ «вечеровъ.» Belle-vue находится у самаго берега моря и заслонена отъ города возвышеннымъ скатомъ, такъ что городская пыль, распространяющаяся далеко по окрестностямъ, вовсе недоступна къ Belle-vue, а потому воздухъ здѣсь всегда чистъ и растворенъ упоительною морскою прохладою. Въ вечерахъ принимаютъ участіе до 15 артистовъ, а иногда и болѣе; въ программѣ концерта всегда находится нѣсколько пьесъ серьезной музыки: отрывки изъ оперъ, фантазіи, сонаты, въ промежуткахъ между которыми исполняются танцовальныя и другія легкія пьесы, часто композиціи котораго-нибудь изъ самыхъ же исполнителей. Особенное вниманіе публики обращаетъ на себя талантъ молодаго артиста Якеша, играющаго на флигель-горнѣ. Таланты Нергеборна (первая скрыпка), Гримма (волторнъ), Урбанска (кларнетъ) тоже далеко выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ музыкальныхъ способностей. Публика наша должна быть очень благодарна артистамъ, которые за самую ничтожную плату (входъ 25 к. с.) сдѣлали возможнымъ каждому слышать прекрасное исполненіе лучшихъ, образцовыхъ композицій. Кромѣ удовольствія, вообще отъ подобныхъ концертовъ можетъ быть и частная польза: въ такомъ городѣ, какъ Одесса, мы предполагаемъ существованіе многихъ молодыхъ людей, занимающихся музыкою, но не имѣющихъ средствъ къ своему развитію; въ «музыкальныхъ вечерахъ» они имѣютъ случай услышать исполненіе болѣе трудныхъ пьесъ и тѣмъ доставятъ себѣ несомнѣнную пользу.

Теперь, по принятому нами порядку, мы упоминаемъ и объ *оркестріонѣ*. Подъ этимъ именемъ существуетъ въ нашемъ городѣ огромная музыкальная машина, помѣщенная въ городскомъ саду, въ одной изъ гостинницъ. Одна величина этой машины (8 аршинъ длины и 6 ширины) уже обращаетъ на нее вниманіе; вниманіе сопровождается удивленіемъ, когда слышишь игру этаго великана-инструмента: въ звукахъ его отзываются звуки полнаго музыкальнаго оркестра. Подобныя вещи невольно заставляютъ подумать о тѣхъ успѣхахъ механики, какіе она сдѣлала въ послѣднее время.

30 Іюня 1851 г. *Н. Бѣльскій.*

Digitized by Google

Изъ Троицка Обыкновенно съ 1 Мая до глубокой осени Троицкъ измѣняетъ свою физіономію. Промышленность извѣстнаго класса людей оживаетъ. Это въ слѣдствіе прибытія Средне-Азіатскихъ караванов, которые на дняхъ только, въ числѣ 1000 верблюдовъ, появились предъ здѣшнимъ мѣновымъ дворомъ. Такое позднее прибытіе объясняется слишкомъ позднею и вмѣстѣ бѣдственною весною, какъ на линіяхъ, такъ и въ степи. Да и вообще, изъ Киргизскихъ степей, въ нынѣшнемъ году, вѣсти доносились неблагопріятныя. Опустошительные бураны зимою, и глубокіе снѣга, лежавшіе на низменныхъ мѣстахъ еще въ Маѣ, много причинили горя и убытковъ жителямъ (*).

Въ ожиданіи, пока совершенно завяжется мѣна и торговля, т. е. когда подойдутъ вновь еще Средне-Азіятскіе караваны и дальніе Киргизы, считаю не лишнимъ сказать кое-что и о состояніи золотыхъ пріисковъ здѣшняго края, въ 1850 году, большая часть которыхъ съ весны начинаетъ свою дѣятельность. (Зимнихъ промывокъ очень не много). Золотопромышленность въ Оренб. краѣ въ послѣдніе годы нисколько не подвинулась впередъ, хотя число пріисковъ и увеличилось. Причины, мѣшающія ея развитіи, заключаются: съ одной стороны въ бѣдности капиталовъ у нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ—и за тѣмъ несвоевременной высылкѣ денегъ на пріиски, въ неменьшей бѣдности рабочихъ рукъ, въ худомъ устройствѣ пріисковъ (исключая немногихъ) и неимѣнію на нихъ машинъ даже посредственныхъ; съ другой-же—въ разныхъ спорахъ, несогласіи между компаньонами, и проч.

Оренбургскіе золотые пріиски, состоящіе изъ казенныхъ и частныхъ, находятся въ Троицкомъ и Верхнеуральскомъ уѣздахъ. Казенные пріиски, въ числѣ 40, подъ общимъ названіемъ *Міясскихъ*, какъ и всегда, шли своимъ обычнымъ путемъ и въ прошломъ году, рѣзко отличаясь во всемъ отъ частныхъ. Количество добытаго на нихъ золота составляло: 51 пудъ, 14 фун. и 72 зол., изъ 24,299,152 пудъ золотосодержащаго песку, промывка которыхъ стоила казнѣ, каждые сто пудъ, по 61⅞ коп. с.

Частные промыслы, въ числѣ слишкомъ 45, находятся въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ на земляхъ Тептярскихъ казенныхъ и на Башкирскихъ кортомленныхъ; въ Троицкомъ же на земляхъ Оренб.

(*) Главное богатство жителей—скотъ, въ здѣшнихъ мѣстахъ ходитъ круглый годъ на тебеневкѣ: (на подножн. корму).

Digitized by Google

казачьяго войска. Количество золота, добытаго на нихъ въ прошломъ году, равнялось: 51 пуд. 33 фун. 3 зол. и 35 дол. Большею дѣятельностію и удачною промывкой отличались пріиски на Тептярскихъ земляхъ: *Ильтабановскіе*, Генералъ-Лейт. Жемчужникова, съ 509 рабочими, гдѣ намыто 9 п. 39 ф. 91 зол. 80 дол.; и въ Троицкомъ уѣздѣ, Комп. Гайп. Сов. Жуковской—съ 300 раб.,—13 пуд. 3 ф. 56 зол. 74 дол.; меньшій-же—купца Болотова,—съ 100 раб. 1 фунтъ, 17 зол. 57 дол. — Рабочіе люди большею частію крестьяне и казаки, также Башкирцы, Мещеряки и Киргизы. Число ихъ простиралось до 3000. Поденная плата производилась отъ 15—50 к. на каждаго.

Вообще, добыча чистаго золота въ Оренбургскомъ краѣ, въ въ прошломъ году, какъ на казенныхъ, такъ и частныхъ пріискахъ, равнялась: 103 пуд. 7 фун. 75 зол. 35 дол. —

26 Іюня, 1851 г. *М. Н. Ястребовъ.*

P. S. Въ первыхъ числахъ Августа, въ редакцію доставится статья: «о Среднеазіятской торговлѣ въ 1850 г.»

—

Изъ Тары. Въ сочиненіяхъ многихъ нашихъ изслѣдователей обращено вниманіе на народныя прозвища. У насъ въ Тарѣ слышится иногда въ укоръ прозвище *Коловичей*; вотъ его происхожденіе: по указу 5 Февраля 1722 года Тарскіе жители должны были принять присягу тому наслѣднику престола, кого наименуетъ Царствующій Государь. Тарскій Козачій Полковникъ Подушинъ затруднился въ исполненіи указа—какъ присягнуть неизвѣстному, и, посовѣтовавшись съ другими, не присягнулъ и увлекъ за собою всѣхъ. По этому случаю, въ 1724 году пріѣхалъ въ Тару на слѣдствіе Петрово-Соловово, человѣкъ корыстолюбивый, злой и сластолюбивый; принялся за это дѣло круто: многихъ сажалъ на *коль*, другихъ вѣшалъ за ребра—словомъ, казнилъ по своему произволу. По преданію, въ это несчастное время разорено до 500 домовъ (слова статистики Тарской 1786 года). Нынѣ Тарскихъ мѣщанъ называютъ въ укоризну — *Коловичами*. *С. Т.*

—

Изъ Красноярска. Нынѣшняя весна въ Енисейской губерніи ознаменовалась такимъ сильнымъ разлитіемъ рѣкъ, какого давно никто не запомнитъ. 27 Апрѣля вскрылась рѣка Канъ, и хотя она отстоитъ отъ Канска около версты, но вода въ ней отъ напору льда такъ возвысилась, что вошла въ самый городъ и затопила его. Чтобы имѣть

Digitized by Google

хоть какое-нибудь понятіе объ этомъ наводненіи, достаточно сказать, что жители въ это время спасались на лодкахъ, а часовой при провіантскомъ магазинѣ принужденъ былъ взлѣсть на крышу. Вода стояла въ одинаковомъ положеніи около трехъ сутокъ и потомъ стала постепенно убывать. Убытковъ жители потерпѣли до 15 т. руб. сер. Подобнаго наводненія въ Канскѣ не было съ 1825 года.—Рѣка Енисей въ г. Красноярскѣ вскрылась 31 Апрѣля, и воды большой въ это время не было; около половины Мая она стала постепенно прибывать и возвысилась до того, что затопила такія мѣста, которыя съ незапамятныхъ временъ не покрывались водою. У самаго Красноярска берега Енисея весьма круты и высоки; по этому воды въ городъ не заходило. Но ниже Красноярска она затопила многія селенія, такъ что священникъ села Ладейскаго, отстоящаго отъ Красноярска въ 9 верстахъ, нашелъ замѣтку въ одной изъ церковныхъ книгъ, что подобное наводненіе было въ селѣ Ладейскомъ только въ 1748 году. Въ городѣ Минусинскѣ, который стоитъ на небольшомъ протокѣ Енисея, верстахъ въ шести отъ главнаго русла, нельзя бы было, кажется, ожидать особеннаго возвышенія воды; однако же, этотъ протокъ 18 Мая вышелъ изъ береговъ и затопилъ всю эту часть города, которая прилегаетъ къ рѣкѣ. Наводненіе продолжалось двѣнадцать сутокъ и нанесло убытковъ до 1000 р. сереб. Рѣки менѣе замѣчательныя въ сравненіи съ Енисеемъ,— Абаканъ, Аекызъ, Таштыпъ, Оя, Юсъ и Туба также разливались весьма сильно и причинили не мало убытковъ жителямъ Минусинскаго округа. Къ счастію,—смертныхъ случаевъ почти нигдѣ не было. *К. Костровъ.*

20 Іюня 1851 г.

Два слова о статьѣ Московскихъ Вѣдомостей противъ книги о Фонъ-Визинѣ.

Не помню гдѣ-то и когда то, только очень давно, Князь Вяземскій остроумно замѣтилъ, что счастливъ бываетъ авторъ, если находитъ читателя, который понимаетъ его вполнѣ. Прочитавъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ статью (во многихъ отношеніяхъ основательную и благонамѣренную, коей мы отдаемъ полную справедливость) противъ его книги о Фон-Визинѣ, нельзя не пожалѣть, что такаго счастія не досталось ему въ лицѣ почтеннаго господина Ф. В—на. Г. Ф. В—нъ обвиняетъ Князя Вяземскаго въ пристрастіи къ энциклопедистамъ, и приводитъ множество современныхъ свидѣ-

Digitized by Google

тельствъ объ ихъ безправственности, низости, наглости, самолюбіи, корыстолюбіи, и проч. Эти свидѣтельства очень уважительны, принимаются нами совершенно, и подъ ними вѣроятно изъ первыхъ подпишется Князь Вяземскій, раздѣляющій мнѣніе объ энциклопедистахъ со всѣми благочестивыми и благонамѣренными нашими современниками, для которыхъ вопросъ принадлежитъ давно къ числу порѣшенныхъ. Но не за энциклопедистовъ вступался Князь Вяземскій въ прекрасномъ своемъ сочиненіи о Фонъ-Визинѣ, а вообще за авторовъ, которыхъ творецъ Недоросля и Бригадира осудилъ слишкомъ рѣзко, *безъ исключенія*, не обращая вниманія на ихъ достоинство и значеніе. Можетъ быть, въ благородномъ своемъ движеніи за сословіе, къ которому самъ принадлежитъ, онъ выразился нѣсколько сильно (точно какъ Фонъ-Визинъ въ своемъ осужденіи), но за одно-другое выраженіе непозволительно взводить на него преступленіе ученое и литературное, давая частному положенію общій смыслъ. А что касается до уваженія Князя Вяземскаго къ нашему безсмертному комику, то въ немъ, кажется, никто сомнѣваться не можетъ. Вся его книга считается по справедливости *достойнымъ панегирикомъ* этому примѣчательнѣйшему изъ русскихъ умовъ, съ которымъ самъ онъ имѣетъ наиболѣе сродства. Я почелъ обязанностію объяснить недоразумѣніе почтеннаго автора статьи, потому что Московскія Вѣдомости имѣютъ обширный кругъ читателей, и обвиненія ихъ могутъ разноситься далеко, а мы должны дорожить славою такихъ людей, какъ Фонъ-Визинъ, или какъ Князь Вяземскій, потому что она принадлежитъ намъ всѣмъ.

М. Погодинъ.

30 Іюля.

Digitized by Google

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЛѢТОПИСЬ МОСКОВСКАГО ТЕАТРА.

(А. Григорьева).

II.

Г. Полтавцевъ въ роляхъ — Гамлета, Гюга Бидермана и Чацкаго.

Появленіе трагическаго артиста, подразумѣвается, даровитаго, составляетъ событіе весьма важное въ исторіи каждаго театра — тѣмъ болѣе важное, что повторяется довольно рѣдко. Много нужно, въ-самомъ-дѣлѣ, даровитости для того, чтобы заставить зрителя пережить различныя болѣе или менѣе сильныя чувства, заставить его перенестись въ болѣе или менѣе необыкновенныя положенія трагическаго героя, — но съ другой стороны, нѣтъ ничего и легче для даровитаго артиста, какъ, овладѣвши разъ зрителемъ, заставить его смотрѣть на себя съ особенною симпатіей.

Еще недавно — тому назадъ четыре года — необыкновенное, громадное, почти геніальное дарованіе держало подъ какимъ-то обаяніемъ всю многоразличную массу посѣтителей театра. Да извинятъ меня читатели, что по поводу игры новаго трагика, я невольно вспоминаю о томъ—чей голосъ волновалъ не разъ всѣ фибры и моего и, можетъ быть, ихъ сердца. Странный это былъ голосъ, въ-самомъ дѣлѣ, то мелодически передававшій рѣчи любви, то страшнымъ, повсюду слышнымъ шопотомъ ревности или отчаянія подымавшій каждый волосъ на головѣ дыбомъ. Еще болѣе странна была эта много-подвижная физіономія, съ ея, метавшими молніи, глазами.... Все, казалось, соединилось въ этомъ любимцѣ природы для того, чтобы создать великаго артиста — и дѣйствительно такимъ былъ онъ, но былъ, къ сожалѣнію, только минутами. Мочаловъ не былъ художникомъ въ настоящемъ значеніи этого слова: нельзя было поручиться ни за одно его представленіе, хотя не было почти ни одного, когда бы, въ самой ничтожной роли,

Digitized by Google

у него не вырвалось какого-нибудь слова, которое надолго, на всегда уносилъ съ собой очарованный или пораженный ужасомъ зритель. И все прощалось ему за одно какое-нибудь слово, за одну какую-нибудь свѣтлую минуту; на этой физіономіи отпечатлѣвались всѣ безвыходныя муки Отелло, все мрачное отчаяніе Гамлета; этотъ человѣкъ дѣйствительно способенъ былъ «залить слезами весь театръ», и «преступленье заставить содрогнуться», и «заморозить кровь въ жилахъ у зрителей». Да почіетъ въ мирѣ прахъ великаго артиста.... Мы не возмутимъ его исчисленіемъ недостатковъ, можетъ быть, столько же громадныхъ, какъ и самыя достоинства.... Надобно сказать только, что зрители почти на столько же виноваты были въ недостаткахъ артиста, сколько и самъ онъ. Мочаловъ былъ вполнѣ идоломъ тѣхъ, на кого онъ разъ глубоко подѣйствовалъ. Его поклонники готовы были высиживать цѣлые часы, выжидая его свѣтлыхъ минутъ, выносили и нелѣпыя тѣлодвиженія, и рутинерство, и однообразіе тона, и, можетъ быть, тѣмъ съ большимъ энтузіазмомъ привѣтствовали взрывы настоящаго паѳоса.

Но Мочаловъ былъ явленіе исключительное, и снисхожденіе къ его недостаткамъ, хотя и бывшее въ высшей степени вреднымъ для артиста, еще имѣетъ за себя оправданія. Часто сама строгая критика молчала, пораженная взрывами этой волканической натуры.... Нельзя сказать, чтобы она была права въ своемъ молчаніи. Еще болѣе будетъ она неправа, если позволитъ себѣ безграничное увлеченіе въ отношеніи къ новому избраннику, которому, какъ кажется, суждено быть преемникомъ Мочалова. Да не ждетъ же г. Полтавцевъ снисхожденія отъ нашей скромной лѣтописи: онъ слишкомъ завладѣлъ симпатіями массы и нашими собственными симпатіями, мы не сомнѣваемся въ силѣ его таланта, и не позволимъ себѣ въ отношеніи къ нему никакихъ уступокъ. Судъ критики въ отношеніи къ нему долженъ быть строгъ до придирчивости.

Прежде всего разсмотримъ непосредственныя данныя г. Полтавцева, и рѣшимъ вопросъ, въ какой мѣрѣ эти непосредственныя данныя удовлетворяютъ идеалу трагическаго артиста, или иначе— способенъ ли по своимъ внѣшнимъ средствамъ г. Полтавцевъ къ представленію идеальнаго? Наружность вообще, физіономія, голосъ, движенія—вотъ въ чемъ заключаются внѣшнія средства артиста. И такъ во первыхъ: *наружность*. Извѣстно, что Лекенъ былъ безобразенъ, что Бербеджъ былъ очень толстъ, Гаррикъ—не высокъ ростомъ, Кинъ—худо сложенъ, Мочаловъ неуклюжъ—но такими были всѣ эти артисты *только* до появленія на сцену: на театрѣ, они, такъ

Digitized by Google

сказать, преображались, и никто не узнавалъ безобразнаго Лекена въ прекрасномъ Оросманѣ, неуклюжаго Мочалова въ страстномъ Фердинандѣ. Наружность сценическая вовсе не то, что наружность въ обще-принятомъ значеніи, какъ декораціи вовсе не то, что картины, и, можетъ быть, нѣкоторые недостатки наружности въ обще-принятомъ значеніи слова являются достоинствами наружности сценической. Разумѣется, не должно входить въ крайность и нельзя утверждать, чтобы наружность вовсе ничего не значила. Странно было бы, напримѣръ Гамлета, Отелло или даже Короля Лира вообразить съ наружностью нашего знаменитаго комика М. С. Щепкина; странно было бы тоже, напримѣръ, вообразить г-жу Косицкую въ роляхъ Юліи или Дездемоны. Уродливъ былъ и покойный Мочаловъ, когда подъ конецъ своего поприща явился въ роли Ромео; но, въ приведенныхъ нами примѣрахъ, наружность находится уже въ слишкомъ явномъ разладѣ съ поэтическимъ образомъ, сложившимся въ нашей головѣ изъ данныхъ, представляемыхъ упомянутыми драмами. Вообще же на наружность артиста должно смотрѣть съ той точки, на сколько она способна къ осуществленію представляемыхъ имъ идеаловъ. Съ этой точки зрѣнія, наружность г. Полтавцева, весьма красивая даже и въ обыкновенномъ смыслѣ—можетъ быть истинно-прекрасною сценическою наружностью для типовъ Гамлета, Отелло, Коріолана, Макбета, однимъ словомъ, для всякаго *мужескаго* типа; нисколько даже не повредитъ она артисту и въ роли Ромео, хотя на первый взглядъ, нѣкоторая тучность и противорѣчитъ, повидимому, понятію о юномъ любовникѣ Юліи: можно надѣяться, что внутренній жаръ и пылъ молодой страсти будутъ парализировать это, чисто внѣшнее, впечатлѣніе. Что касается до *физіономіи* г. Полтавцева, то, далеко уступая физіономіи Мочалова въ энергичности и мужеской красотѣ очертаній,—уступая даже физіономіи г. Леонидова въ правильности и чистотѣ линій, она одарена, однако, самымъ важнымъ качествомъ—подвижностью, а это-то качество именно и нужно для физіономіи трагическаго артиста. Притомъ, есть физіономіи, способныя выражать только одни ощущенія, измѣняться, такъ сказать, только въ направленіи одной страсти, такова, напримѣръ, физіономія г-жи Косицкой, необыкновенно выразительная и прекрасная въ передачѣ чувствъ напряженной скорби и напряженнаго отчаянія, и совершенно неспособная къ отраженію болѣе легкихъ нюансовъ; есть еще другія сценическія физіономіи, обладающія, по видимому, необыкновенною подвижностью, но подвижность которыхъ есть только форсировка и слѣдствіе долгой рутины, дѣйствующая всегда непріятно на зри-

Digitized by Google

теля какъ нѣчто слишкомъ явно поддѣльное, чисто-внѣшнее, несвязанное съ внутренними ощущеніями — такова иногда физіономія г. Самарина 1. — Лицо г. Полтавцева способно къ передачѣ многообразныхъ ощущеній, и никогда не бываетъ такъ хорошо сценически, какъ въ минуту страшной душевной бури или энергическаго порыва отчаянія, гнѣва, вражды. Больше всего должно остерегаться молодому артисту того сладкаго выраженія, которое часто беретъ его физіономія, какъ будто на прокатъ у другой. Это непріятно-чувствительное выраженіе вредитъ ей постоянно.... Третьимъ качествомъ, необходимымъ для трагическаго артиста — *голосомъ*, г. Полтавцевъ награжденъ природою въ высшей степени щедро. Этотъ звучный, металлическій и обширный органъ голоса дѣйствуетъ иногда обаятельно: въ немъ соединяются и сила и нѣжность,—притомъ, сила почти никогда не выражается въ оскорбительной для слуха рѣзкости, какъ у другихъ—даже знаменитыхъ трагическихъ артистовъ, каковы, напримѣръ, Каратыгинъ 1, Кунстъ, — и съ другой стороны, нѣжность не перестаетъ быть мужескою и только по волѣ самого артиста переходитъ часто въ нѣчто сантиментальное и приторное, отзывающееся манерою г. Самарина 1. Г. Полтавцевъ, по видимому, на столько еще молодъ, что не знаетъ всѣхъ своихъ средствъ, и въ особенности противозаконно поступаетъ онъ съ лучшимъ изъ нихъ, съ своимъ превосходнымъ голосомъ. Общіе недостатки его въ этомъ отношеніи заключаются, во первыхъ — въ неумѣстномъ крикѣ, къ которому почти постоянно прибѣгаетъ онъ во всѣхъ патетическихъ мѣстахъ безъ различія, и во вторыхъ,—въ сантиментальности и пѣвучести тона. Пока не дошло дѣло до взрыва, въ которомъ скажется энергическая, сильно чувствующая и страдающая душа, — г. Полтавцевъ поетъ по нотамъ, поетъ точно также, какъ г-жа Косицкая или г. Самаринъ 1, не хуже и не лучше ихъ, ударяя по преимуществу на прилагательныя и дѣлая изъ рѣчи какую-то жалобную рапсодію. Извѣстно, что и покойный Мочаловъ прибѣгалъ очень часто къ этому жалобному пѣнію, и надобно предполагать, что примѣръ его вреднымъ образомъ подѣйствовалъ на г. Полтавцева. Во всякомъ случаѣ долгъ честной критики сказать г. Полтавцеву разъ навсегда, что онъ идетъ по ложной дорогѣ, что, не сойдя съ нея, не передѣлавши *совершенно* своей манеры, онъ не сдѣлается такимъ артистомъ, какимъ онъ и можетъ, и долженъ быть. Для его успѣховъ не льзя не пожелать, чтобы онъ на время вдался въ противоположную крайность — въ рѣзкость и отрывочность. Продолжая говорить рапсодически и вдаваясь въ слезливую сантиментальность, онъ

Digitized by Google

можетъ усвоить несчастную манеру, которая погубитъ его талантъ и, рано или поздно, поставитъ его на одну доску съ рутинерами. Остается наконецъ сказать о *движеніяхъ* г. Полтавцева: — въ отношеніи къ нимъ должно замѣтить только то, что они, или совершенно соотвѣтствуютъ душевнымъ порывамъ и въ гармоніи съ ними являются изящными, благородными, энергическими, — или уже такъ неловки, странны, рутинны, что становится больно за прекрасное и сильное даровaніе, позволяющее себѣ такую недобросовѣстную небрежность въ одной изъ самыхъ важныхъ сторонъ исполненія. Положимъ, что это—сторона внѣшняя, но вѣдь и артистъ играетъ не одною только душою: на всего себя онъ долженъ смотрѣть какъ на грубый матеріалъ, подлежащій переработкѣ въ идеальное изваяніе. Внѣшностью производятся часто величайшіе сценическіе эффекты — стоитъ только вспомнить Каратыгина—Велизарія передъ Сенатомъ, закрывшагося тогою на подобіе Агамемнона при жертвоприношеніи Ифигеніи, или Каратыгина же Коріолана и Людовика XI (*). Дѣло не въ томъ, далась ли поза непосредственнымъ вдохновеніемъ или наглядnымъ изученіемъ статуй — дѣло въ истинѣ позы, рельефно выставляющей поэтическій образъ, въ энергіи, красотѣ или прелести жеста, поясняющаго слово: есть вещи, которымъ не учитъ непосредственное вдохновеніе, которыя достигаются честнымъ, серьёзнымъ трудомъ. Самыя душевныя движенія, на сколько они выражаются во внѣ, должны быть изучаемы въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ. Гаррикъ не даромъ изучалъ физіономіи сумасшедшихъ, когда сбирался играть Лира. Собственное чувство пусть остается при артистѣ какъ неотъемлемое, неоцѣненное сокровище, но оно должно быть пополняемо, повѣряемо, изощряемо опытомъ и наблюденіемъ. Воспріимчивой, т. е. настоящей художнической натурой наблюденія и опыты обращаются въ ея собственность; потому-то она и художническая, что можетъ стоять въ уровень со всѣмъ, переселяться въ какой угодно міръ, въ какое угодно положеніе—сама оставаясь свободною, цѣльною, непричастною частнымъ явленіямъ. Не будь она такою—и выражай только сама себя, она скоро истощила бы собственный запасъ — скажу еще больше: она была бы разбита первымъ эксцентрическимъ положеніемъ, первымъ порывомъ.

Конечно, г. Полтавцевъ еще такъ молодъ, что нельзя и требовать отъ него совершеннаго спокойствія, полнаго владѣнья собою,

(*) Вотъ кто долженъ быть идеаломъ нашихъ артистовъ, во всемъ, что касается до этой внѣшней части драматическаго искусства. *М. П.*

Digitized by Google

но за то ужъ, если онъ въ настоящую минуту только актеръ по вдохновенію, нельзя прощать ему и рутины, несовмѣстной съ вдохновеніемъ, убивающей его.

Разсмотрѣвши внѣшнія средства молодаго артиста, приводящія къ заключенію самому благопріятному, я перехожу къ внутреннимъ, къ тѣмъ, безъ которыхъ ничтожны всѣ внѣшнія данныя. Три главныхъ внутреннихъ свойства необходимы трагическому артисту: 1) трагическій пафосъ или, пожалуй, страстная организація, — 2) способность переноситься душою въ исключительныя положенія, и 3) любовь къ дѣлу, безъ которой невообразимъ артистъ вообще и слѣдственно артистъ трагическій. Удивятся, вѣроятно, многіе, что я не упоминаю о способности создавать типы, но мнѣ кажется, что прежде всего способность къ созданію тѣхъ, или другихъ, притомъ бо́льшаго или мéньшаго числа типовъ, т. е способность отрѣшаться отъ себя самого и изъ себя создавать нѣчто другое — присуща всякой художнической натурѣ и заключается въ каждомъ изъ исчисленныхъ условій, образующихъ *спеціально* трагика, какъ заключается въ каждомъ изъ условій, образующихъ *спеціально* комика. Чѣмъ шире въ художникѣ объемъ этой способности, чѣмъ многообразнѣе доступные ему типы—тѣмъ ближе онъ къ недосягаемому почти идеалу артиста вообще, не комика и не трагика исключительно, а творца—Гаррика—Лира и Фальстаффа въ одно и тоже время, Тальмы, Шредера, Иффланда. Но теперь, я говорю исключительно о наклонности художнической натуры къ олицетворенію трагическихъ образовъ.

Хотя, по словамъ великаго поэта нашей эпохи «равно дивны стекла, отражающія движенія мелкихъ насѣкомыхъ и движеніе свѣтилъ небесныхъ», хотя въ настоящую минуту смѣшно говорить о преимуществѣ комическаго или трагическаго представленія жизни, но все таки нельзя не согласиться, что на воображеніе молодое, еще не тронутое, сильнѣе дѣйствуютъ грандіозныя, рѣзкими штрихами обозначенныя фигуры, нежели обыкновенныя, хотя выражающія не менѣе глубокій смыслъ лица. Вопросъ не въ томъ, справедливо ли подобное предпочтеніе—но существованіе его есть фактъ несомнѣнный и въ особенности въ молодыхъ натурахъ. Естественно, что молодому артисту, посвящающему себя на олицетвореніе различныхъ образовъ, прежде всего кидаются въ глаза, напрашиваются, такъ сказать, на сочувствіе, герои съ исключительными страстями. Въ послѣдствіи, разумѣется, артистъ, приглядѣвшись къ этимъ лицамъ, увидитъ, что многія изъ нихъ далеко уступаютъ какимъ-нибудь мелкимъ фигурамъ Подколесина, Хлестакова

Digitized by Google

и т. д., — что дѣло не въ томъ, въ какое положеніе поставленъ драматическимъ поэтомъ его герой, а въ томъ—на сколько въ этомъ героѣ заключается *человѣчности*; но сначала, разумѣется, пріятнѣе ему вообразить себя какимъ-нибудь Прокофьемъ Ляпуновымъ, выкидывающимъ за окно Нѣмца Фидлера, чѣмъ Подколесинымъ, который самъ скачетъ въ окно, обладаемый паническимъ страхомъ; къ этой, весьма понятной наклонности человѣческаго самолюбія, надобно присовокупить еще и лирическое настройство, свойственное извѣстному возрасту. Гораздо легче служить идеаламъ человѣческаго благородства и величія, живущимъ въ каждой благоустроенной душѣ, читая во славу имъ великолѣпныя тирады о любви, дружбѣ, патріотизмѣ и т. д., однимъ словомъ, о *высокомъ* и *прекрасномъ*, чѣмъ съ истиннымъ самоотреченіемъ служить орудіемъ смѣха и возбуждать его «сквозь незримыя міру слезы».

Но не такое обыкновенное лирическое настройство, которое, замѣчу мимоходомъ, весьма скоро истощается, повлекло, повидимому, г. Полтавцева на амплуа трагическаго актера. Въ немъ есть истинный трагическій пафосъ, безъ котораго не могъ бы онъ быть такъ изумительно, хотя рѣдкими минутами, высокъ въ Шекспировомъ Гамлетѣ. Подъ трагическимъ пафосомъ не должно, однако, никакъ разумѣть сантиментальнаго расположенія души, проявляющагося въ вѣчной готовности проливать слезы, терзать слухъ воплями и рыданіями, жалобнымъ пѣніемъ по нотамъ и прочемъ; трагическій пафосъ не дешевая теплота чувства, пригодная только во Французскихъ мелодрамахъ и въ сценахъ свиданія дѣтей съ дражайшими родителями: это—пламень страсти, взрывы внутренняго волкана, блески молніи, несущей смерть и гибель; этотъ пафосъ проявится не одними слезами и рыданіями, не однимъ адскимъ хохотомъ, сопровождаемымъ взъерошеніемъ волосъ, нѣтъ! часто вспыхнетъ онъ въ глазахъ артиста, въ судорожномъ движеніи, и озаритъ всю фигуру какимъ-то роковымъ, зловѣщимъ свѣтомъ; часто прозвучитъ онъ въ одномъ словѣ, какъ звучалъ недавно въ вопросѣ Гамлета—Полтавцева о тѣни отца:

И блѣденъ?

какъ отозвался онъ у него тихимъ стономъ безвыходнаго отчаянія въ словахъ:

А я пойду, куда влечетъ меня мой жалкій жребій,
Пойду молиться—

и присутствіе его, этого истиннаго пафоса ощутите вы прежде всего на самомъ себѣ, потому что сообщительный пламень пробѣжитъ по всему вашему существу электрической искрой...

Digitized by Google

Такой-то ничѣмъ незамѣнимый паѳосъ данъ природою молодому артисту,—но покамѣстъ онъ находится еще у него на степени чистаго лиризма. Отъ этого—паѳосъ Г. Полтавцева неровенъ, проявлялсь иногда съ ужасающею силою въ мѣстахъ, которымъ онъ подъ вліяніемъ лирическаго настройства способенъ сочувствовать. Цѣльнаго образа представляемаго имъ лица передъ нимъ еще не обозначается: въ немъ не развилась еще способность усвоивать себѣ цѣлый типъ,—и не развилась отъ двухъ причинъ, во первыхъ отъ молодости, а во вторыхъ (жаль, что мы должны высказать весьма горькій упрекъ) отъ страннаго, поразительнаго неуваженія къ своему дѣлу. Г. Полтавцевъ не только не обдумываетъ представляемыхъ имъ характеровъ, но даже, говоря по просту, не знаетъ ролей, въ чемъ можетъ уличить его всякій, маломальски знакомый съ играемыми пьесами. Онъ какъ будто разсчитываетъ только на эффектныя мѣста; избалованный публикою, вызывающею его по нѣскольку разъ за двѣ или за три хорошихъ минуты,—онъ не заботится ни о чемъ, *кромѣ* этихъ минутъ, прибѣгая даже къ рутинѣ, при истощеніи лиризма. Жестоко ошибается молодой артистъ, если онъ думаетъ, что все въ искусствѣ зависитъ отъ вдохновенія и покрывается вдохновеніемъ. Вдохновеніе, конечно, вещь хорошая—но, вотъ что говоритъ о немъ одинъ изъ *вдохновеннѣйшихъ* артистовъ, именно Тальма. Къ одному изъ друзей своихъ онъ пишетъ, напримѣръ (1814 года): «Plus je vis mon «ami, plus je réflechis, plus j'ètudie, plus je me confirme dans «mon opinion sur l'inégalité des acteurs, qui jouent d'ame. Il ne «faut s'attendre de leur part à aucune unité; leur jeu est alterna«tivement fort et faible, chaud et froid, plat et sublime». Кромѣ того, эту же самую мысль, великій артистъ въ другомъ мѣстѣ подтверждаетъ своимъ собственнымъ примѣромъ: «J'ai joué long«temps d'inspiration,—говоритъ онъ—m'abandonnant à mes sen«sations du moment et oubliant tout-à-fait, que j'étais Talma, pour «me croire Achille ou Orosmane, mais *sans parler de l'épuisement* «où me laissait cette mèthode, j'étais inégal; bon quand j'étais bien «disposé, mauvais lorsqu'un souci personnel me ramenait malgré moi «à la rèalitè. Le comédien doit en effet agir sur la foule et pour y «parvenir, il faut qu'il soit maitre de lui».

Ежели артистъ, съ постоянною добросовѣстностью изучавшій каждую роль, признается въ недостаточности вдохновенія, въ необходимости владѣнья собою, то тѣмъ болѣе долженъ бояться исключительной довѣренности къ вдохновенію Г. Полтавцевъ, на котораго падаетъ упрекъ въ незнаніи, или, по крайней мѣрѣ, не

Digitized by Google

твердомъ знаніи ролей. Невозможно перечесть всѣхъ ошибокъ, пропусковъ, искаженій, сдѣланныхъ имъ въ Бидерманнѣ, Чацкомъ и даже (!) въ Гамлетѣ. Да не оскорбится артистъ этимъ упрекомъ, происходящимъ отъ самаго искренняго желанія добра его таланту. Вѣроятно, гораздо страннѣе было ему встрѣтить о своей игрѣ такой отзывъ — что «Г. Полтавцевъ беретъ не столько своими средствами, какъ *глубокимъ знаніемъ и изученіемъ* роли», что онъ «глубоко постигаетъ Шекспира» (Репертуаръ и Пант., N 5, Май. Театр. Лѣтоп., стр. 25, 26). Подобные отзывы показываютъ совершенное незнакомство съ дѣломъ въ пишущемъ, и предполагаютъ таковое же въ томъ, о комъ они пишутся.

Перехожу теперь къ самому исполненію Г. Полтавцевымъ ролей—Гамлета, Гюга и Чацкаго, въ которыхъ явился онъ по возвращеніи изъ Петербурга. Замѣчу прежде всего, что молодой трагикъ явился какъ будто новымъ человѣкомъ: послѣднее представленіе Гамлета, не смотря на всѣ недостатки, было совершенно не похоже на зимнія представленія.

О Гамлетѣ вообще писано такъ много, что къ этому многому трудно прибавить что-нибудь новое и истинное, въ особенности послѣ замѣчательной въ высшей степени статьи знаменитаго Гервинуса въ его курсѣ о Шекспирѣ. Величайшая заслуга Гервинуса — въ томъ, что онъ взглянулъ на этотъ многосторонній, запутанный характеръ съ многихъ сторонъ, но въ этомъ же заключается, можетъ быть, и главный недостатокъ его статьи. Глубокій, многосторонній, до мелочей подробный анализъ поглотилъ здѣсь всякій синтезисъ, такъ, что человѣку, неломавшему самому головы надъ Гамлетомъ, не перечитавшему многаго и хорошаго и нелѣпаго, написаннаго о Гамлетѣ и Нѣмцами, и Французами, и Англичанами — трудно представить себѣ на основаніи взглядовъ Гервинуса цѣлый характеръ. Можетъ быть, это происходитъ и отъ причинъ лежащихъ въ самой драмѣ, дѣйствительно темной и загадочной — и въ числѣ другихъ, совершенно ясныхъ и спокойныхъ созданій великаго мастера, представляющей собою нѣчто совершенно особенное. Гамлетъ — какъ остроумно выразился Бёрне—какая-то колонія Шекспирова духа. Надобно предполагать, конечно, что моральный процессъ Гамлета имѣетъ далекую связь съ моральными процессами, пережитыми самимъ поэтомъ,—нельзя не видѣть также, что это произведеніе слишкомъ близко душѣ самого творца, нельзя не видѣть, что казнь, совершенная имъ надъ безвольнымъ героемъ, слишкомъ дорого стоила ему самому,— нельзя, наконецъ, удержаться, отъ тайной, тревожной симпатіи къ болѣзненному, полному безпощаднаго эгоизма мечтателю.

Digitized by Google

Этотъ грустный, странный образъ останется всегда поэтическимъ для васъ, хотя бы вы и убѣдились съ Гервинусомъ въ справедливости карающей его Немезиды; хотя бы вы и упрекнули его вмѣстѣ съ знаменитымъ критикомъ въ жестокости, въ черствомъ фатализмѣ. Дѣло въ томъ, что этотъ образъ остается для васъ всегда неразгаданнымъ.—Гамлетъ, таковъ, каковъ онъ дѣйствительно—существовалъ только до начала драмы. Въ драмѣ — эта богатая, многообразная, глубокая натура—потрясена, разбита въ основахъ еще до явленія привидѣнія. Это—хаосъ съ проблесками свѣта, по которымъ мы можемъ догадываться о прежнемъ цѣльномъ и полномъ существованіи. Передъ вами съ самаго начала трагедіи — блѣдный, больной мечтатель, утомленный жизнію прежде еще, чѣмъ успѣлъ узнать онъ жизнь, отыскивающій тайнаго смысла ея явленій, растерзанный еще прежде, чѣмъ узналъ онъ истину темными предчувствіями—что міръ вышелъ изъ своей колеи; разбитый противорѣчіями между своимъ *я* и окружающею его дѣйствительностью, готовый обвинять самого себя за эти противорѣчія и жадно схватывающій оправданіе своей вражды, вызванное имъ изъ мрака могилъ. И въ каждой жилѣ чувствуетъ онъ «крѣпость могучихъ львиныхъ силъ», въ первую минуту этого страшнаго оправданія своего разлада..... Но эта крѣпость далась ему только на минуту. Вотъ онъ опять возвращенъ къ своей обыкновенной жизни, онъ опять тотъ же блѣдный, слабый, страдающій Гамлетъ—онъ робѣетъ уже передъ борьбою, ибо въ его болѣзненной, мечтательной натурѣ лежитъ грустное сознаніе безплодности борьбы; онъ знаетъ, что, не созданный дѣлать то, что дѣлали до него другіе,—онъ, представитель иной эпохи, иного поколѣнія, пойдетъ туда «куда, влечетъ его жалкій жребій»—пойдетъ молиться» — но пойдетъ не тѣмъ уже, какимъ пришолъ. Нѣтъ! страшное сознаніе правды уже озарило его, онъ вызвалъ загробный міръ для оправданія предчувствій души своей, и, облеченное ужасомъ, предстало ему это оправданіе, и оправданныя требованія его больнаго *я*, явились уже теперь *долгомъ* Онъ не можетъ сомнѣваться, какъ прежде — предчувствія его правы, но что же въ этой *правдѣ* ему, больному, разбитому, безсильному? И разражается онъ только ропотомъ на жизнь и Провидѣніе, ропотомъ, готовымъ обнаружиться передъ пустымъ старичишкой Полоніемъ, передъ ничтожными Розенкранцемъ и Гильденстерномъ. Онъ знаетъ, что онъ правъ—и потому слова его звучатъ гордой, злобной ироніей, но онъ чувствуетъ, что сознаніе правды влечетъ за собою необходимость дѣйствія, и, неспособный перевести мысль

Digitized by Google

въ дѣло, наединѣ съ самимъ собою предается послѣдней степени отчаянія,—презрѣнію къ самому себѣ. «О Гамлетъ, Гамлетъ — говоритъ онъ—позоръ и стыдъ тебѣ!»—но тутъ же, вопреки очевидности, готовъ сомнѣваться въ открытой ему правдѣ: ибо такому человѣку страшно самосознаніе; за все, за самую нелѣпость готовъ онъ схватиться какъ за доску спасенія, прежде чѣмъ приметъ страшную правду. И вотъ Гамлетъ опять впадаетъ въ сомнѣніе, опять попалъ въ тотъ заколдованный кругъ, изъ котораго не выбиться его натурѣ; и никогда не былъ онъ болѣе способенъ предложить себѣ вопросъ: «Быть иль не быть».... Но, снова нельзя сомнѣваться,—должно дѣйствовать—онъ только заливается адскимъ смѣхомъ, и вмѣсто того, чтобы убить молящагося Клавдія, обманываетъ самъ себя утонченнымъ разсчетомъ мести.... Только случайность могла разрѣшить эту путаницу, и случайность разрѣшаетъ ее—и все гибнетъ, доброе и злое, темное и свѣтлое — и «Смерть торжествуетъ страшную рѣзню». Гибнетъ Король, какъ представитель отжившей, чреватой злодѣяньями эпохи — гибнетъ Гамлетъ—слабая заря лучшаго будущаго и больное чадо прошедшаго, гибнетъ все вокругъ Короля и Гамлета, какъ зараженное уже тлетворнымъ дыханіемъ того или другаго—и «Судьба передаетъ вѣнецъ» юному, смѣлому, крѣпкому Фортинбрасу.

Таковъ смыслъ трагедіи, или, лучше сказать, таково впечатлѣніе, ею производимое. Нигдѣ, можетъ быть, всѣ отдѣльныя частности несодѣйствуютъ въ такой степени основной мысли, и потому нигдѣ урѣзыванія и сокращенія не могутъ быть такъ вредны. Покойный Полевой передѣлалъ Гамлета, такъ сказать, *на Русскіе нравы*, лишилъ языкъ лицъ колорита и энергіи, ввелъ беззаконнымъ образомъ мелодраму, уничтожилъ нѣсколько явленій, показавшихся ему лишними; время и рутина довершили это дѣло искаженія, и то драматическое представленіе, которымъ угощаютъ теперь публику подъ названіемъ: «Гамлетъ, принцъ Датскій»—отстоитъ весьма недалеко отъ Дюсисовскихъ передѣлокъ Шекспира. Выпускаются такія сцены, которыя рельефно выставляютъ характеръ главнаго лица или поясняютъ смыслъ драмы, какъ, напримѣръ, сцена IV акта —встрѣча Гамлета съ Фортинбрасомъ и полный значенія монологъ Гамлета, оканчивающійся словами:

Кровь будетъ мысль единая, иль вовсе
Въ душѣ не будетъ мысли ни единой.

Выпускается послѣдняя сцена V-го акта — появленіе Фортинбраса, вслѣдствіе чего, въ драмѣ нѣтъ окончанія. Что касается

Digitized by Google

до сокращеній—ихъ даже и не исчислишь. Надобно надѣяться, что когда талантъ г. Полтавцева созрѣетъ—онъ дастъ намъ настоящаго Гамлета въ другомъ переводѣ, съ другою обстановкою.

Покамѣстъ, надобно довольствоваться тѣмъ, что есть—отрывками изъ Шекспировой драмы.

Игра г. Полтавцева явнымъ образомъ двоилась: то былъ онъ такъ высокъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ дай Богъ быть самому созрѣвшему таланту, то являлся рутинеромъ. Сцена перваго появленія Гамлета и его первый монологъ:

О для чего ты не растаешь, ты не распадешься прахомъ,

не обѣщали еще ничего особеннаго, но за то, въ сценѣ съ Горація и Марцелло, въ распросахъ о явленіи тѣни отца, въ смущеніи, растерянности, лихорадочности тона было истинное пониманіе роли, а нѣсколько словъ, какъ-то, вопросъ объ отцѣ:

И блѣденъ?

и въ особенности восклицаніе о немъ же:

Человѣкъ онъ былъ—

не напомнили только, а возвратили зрителямъ тѣ впечатлѣнія, которыя, по видимому, уже умерли вмѣстѣ съ Мочаловымъ.

Являясь на свиданіе съ привидѣніемъ, г. Полтавцевъ былъ слишкомъ веселъ: онъ забылъ, кажется, что Гамлета бьетъ въ эту минуту внутренняя лихорадка, что къ самому пьянству Клавдія придирается онъ только для того, чтобы хоть на минуту отвлечься отъ страшнаго ожиданія. При появленіи тѣни, г. Полтавцевъ оказался актеромъ еще весьма неискуснымъ: лицо свое онъ скрылъ отъ публики и это еще извинительно—можно надѣяться, что современемъ г. Полтавцевъ и покажетъ намъ свое лицо въ эту минуту—но шляпа сбита была имъ очень неловко у себя съ головы,—шпагу вынималъ онъ и опускалъ въ ножны совершенно не кстати,—бросился за провалившимся привидѣніемъ безъ увлеченія. За то—въ сценѣ съ друзьями по уходѣ привидѣнія, въ клятвѣ надъ мечемъ—нельзя было уже узнать г. Полтавцева: игра его отличалась глубокимъ пониманіемъ положенія—и даже пластически прекрасенъ былъ артистъ во все продолженіе сцены.

Во второмъ актѣ, г. Полтавцевъ былъ почти постоянно слабъ: мало было иронiи въ разговорахъ съ Полоніемъ, а изліянія души передъ Розенкранцемъ и Гильденстерномъ перешли у него въ нѣчто сантиментальное... Слова: «Какое величіе являетъ собою человѣкъ» и другіе подобныя были произнесены съ тѣмъ ложнымъ и, такъ сказать, ходульнымъ пафосомъ, который называется у Нѣмцевъ технически бомбастомъ; съ комедіантами, г. Полтавцевъ былъ уже черезъ-чуръ веселъ. Вообще, тутъ-то, въ этомъ актѣ,

Digitized by Google

требующемъ въ артистѣ по преимуществу размышленія—и выказалась неполнота созданія; поэтическій образъ Гамлета вышелъ какъ-то тривіаленъ. Что касается до знаменитаго монолога:

Я одинъ теперь...
Какое я ничтожное созданье—
и т. д.,

то въ первой половинѣ его, до словъ:

О Гамлетъ, Гамлетъ!
Позоръ и стыдъ тебѣ,

включительно,—артистъ опять видимо выросталъ—и тутъ снова высказывался неподдѣльный, поражающій пафосъ, который заставлялъ забывать недостатки цѣлаго акта; тутъ было умѣстно и прекрасно все—интонаціи, выраженіе физіономіи, движенія. Опять явился передъ зрителями огромный талантъ, но за то, все окончаніе монолога, вмѣстѣ съ жестомъ, сдѣланнымъ ради эффекта при уходѣ—все это окончаніе по крикливости, вычурности, ходульности—достойно было только рутинера, а не даровитаго артиста. Недостатокъ ли только обдуманности виною этому или уже ржавчина рутины успѣла въѣстся въ прекрасное и могучее дарованіе?..

Начался третій актъ. Авторъ статьи, какъ и многіе, напередъ ожидалъ, что монологъ: «Быть или не быть» пройдетъ незамѣтно,—ибо убѣжденъ многими примѣрами, что эта внутренняя сосредоточенная дума, почти не можетъ быть передана какъ слѣдуетъ, или, лучше сказать, что не найдется ни одного актера, который бы рѣшился не жертвовать тутъ ничѣмъ эффекту — но не ожидалъ я никакъ, чтобы г. Полтавцевъ пожертвовалъ этимъ монологомъ грубому вкусу толпы въ такой степени. Монологъ онъ прокричалъ, и, конечно, былъ награжденъ рукоплесканіями. Въ сценѣ съ Офеліей—мѣсто горькой и скорбной ироніи заняла довольно пошлая сантиментальность, или, такъ называемая, теплота чувства, свойственная только рутинерамъ. Такъ же обыкновенно прошла и сцена представленія комедіи—по сценою съ Розенкранцемъ и Гильденстерномъ по уходѣ Короля, словами: «Ты не умѣешь играть на этой флейтѣ, а хочешь играть на душѣ моей»—снова было выкуплено все. Лучше нельзя сыграть этой сцены. Въ монологѣ надъ молящимся королемъ недоставало самаго важнаго—колебанія, перѣшимости, овладѣвающихъ Гамлетомъ передъ совершеніемъ дѣла; кромѣ того, г. Полтавцевъ былъ тутъ нехорошъ пластически, а отъ пластической красоты много зависитъ эффектъ этого мѣста. Не было мрачной скорби на физіономіи, лихорадоч-

Digitized by Google

ности въ движеніяхъ... пусть фигура Каратыгина слишкомъ уже грандіозна и грозна въ этой сценѣ,—пусть движенія Мочалова уже слишкомъ напоминали тутъ тигра, готоваго броситься на добычу—въ этомъ односторонпемъ представленіи все-таки болѣе истины и поэзіи, чѣмъ въ безцвѣтности выполненія г. Полтавцева. Въ этомъ мѣстѣ—нельзя себѣ и вообразить Гамлета иначе, какъ съ зловѣщимъ выраженіемъ взора—тутъ онъ, на нѣсколько мгновеній, по крайней мѣрѣ, подъ вліяніемъ ада, который, по его выраженію, дышетъ ужасами. Все демоническое, что только есть въ этой натурѣ, должно выступить ярко и рѣзко въ эту минуту и смѣниться потомъ выраженіемъ безвыходнаго, безсильнаго отчаянія.

Но, дай Богъ, чтобы когда-либо, у другаго ли артиста, у самого ли г. Полтавцева, вышла такъ *вся* сцена съ матерью,—дай Богъ, чтобы опять повторились съ такою дикою радостью слова:

Убитъ, червонецъ объ закладъ, убитъ,

чтобы опять звучали такимъ же пронзающимъ сердце и вмѣстѣ полнымъ безконечной любви укоромъ рѣчи Гамлета къ его матери:

Стыдъ женщины, супруги, матери забыть—
и т. д.,

чтобы гробовымъ холодомъ и леденящимъ сердце ужасомъ, повѣяло опять такъ же на зрителей отъ словъ:

Смотри, какъ все такъ мрачно и уныло,
Какъ будто наступаетъ страшный судъ!

Вся эта сцена была—вдохновеніе таланта безспорнаго, вся безъ исключеній, отъ искренняго ужаса при появленіи тѣни—до грустной, болѣзненной иронія въ обращеніи къ трупу Полонія, отъ отвѣта:

Ничего не дѣлать!

на вопросъ матери:

Скажи, что дѣлать, Гамлетъ?

до горестнаго, унылаго прощанія:

Спокойной ночи, королева...

Тутъ былъ весь Гамлетъ—весь съ его нѣжною, впечатлительною и вмѣстѣ съ тѣмъ скептической натурой, съ его энергіей и съ его болѣзненной слабостью.....

Однимъ словомъ, это была опять та истинная трагедія, о существованіи которой даже успѣли и позабыть многіе по смерти Мочалова.

Точно такъ же былъ г. Полтавцевъ истиннымъ Гамлетомъ въ сценѣ IV акта, въ желчныхъ и полныхъ глубокаго смысла отвѣтахъ—и тутъ на всей фигурѣ его лежала печать чего-то дѣйствительно зловѣщаго и роковаго. Оставалось жалѣть только о томъ,

Digitized by Google

что артистъ измѣнилъ мрачному и сосредоточенному тону въ словахъ: «Впередъ лисицы—собака за вами», произнесенныхъ съ ложнымъ пафосомъ,—да о томъ еще, что Гамлетъ не встрѣтился съ контрастомъ своимъ, Фортинбрасомъ, и еще разъ не заклеймилъ позоромъ своего собственнаго уничиженія:

Три четверти здѣсь трусости постыдной
И только четверть мудрости святой....

Пятый актъ. Гамлетъ возвращается въ отечество. Два злодѣйства—смерть Полонія и злобная продѣлка съ невинными и пустыми Розекранцемъ и Гильденстерномъ, тяготѣютъ на его душѣ, но онъ, великій софистъ и скептикъ, дошелъ уже до крайней степени паденія—до черствaго и спокойнаго фатализма: ничто не тревожитъ уже этой натуры, обманувшей себя лукавыми и мечтательными отвлеченіями... На кладбищѣ, куда завела его случайность, посреди могильныхъ памятниковъ и свѣжихъ, только что выкопанныхъ могилъ, посреди тлѣющихъ костей и череповъ—его міръ! Какъ диллетантъ бесѣдуетъ онъ съ нѣмыми жильцами этого міра: меланхолическая сторона его натуры отдается мрачнымъ впечатлѣніямъ беззавѣтно и даже безпечно. Ему, скептическому мыслителю, привольно и любо въ царствѣ мертвыхъ, и никто, кажется мнѣ, удачнѣе живописца Поля Деларoша не схватилъ этого момента драмы. Вечерѣющее сѣверное небо; Гамлетъ сидитъ спокойно на могилѣ съ безцѣльнымъ взглядомъ, съ черепомъ въ рукѣ, весь отдавaясь отвлеченному мышленію.... Изъ этого состоянія вырываетъ его погребеніе той, которую онъ нѣкогда любилъ—и только на минуту, только на одинъ порывъ просыпается прежняя, любящая и способная къ любви натура. За тѣмъ, онъ опять впадаетъ въ софистическій фатализмъ и гибнетъ такъ же случайно, какъ случайно жилъ и дѣйствовалъ.

Только порывъ страсти и отчаянія былъ понять и переданъ г. Полтавцевымъ—и надобно сказать, переданъ съ поразительною истиною. Обо всемъ остальномъ онъ нисколько не позаботился.

Этимъ, по возможности подробнымъ разборомъ игры г. Полтавцева, авторъ статьи хотѣлъ засвидѣтельствовать всю симпатію свою къ прекрасному таланту.

Въ роли «Бидерманна» въ драмѣ: «Смерть или честь»—были у г. Полтавцева въ каждомъ актѣ почти прекрасныя минуты, хотя цѣлое созданіе лица страдало сантиментальностью.

Digitized by Google

Въ *Чацкомъ* г. Полтавцевъ, за исключеніемъ словъ:

Какъ хороша!

въ первомъ актѣ,—монолога въ третьемъ:

Въ той комнатѣ незначущая встрѣча...

обращенія къ Софьи въ четвертомъ:

Когда подумаю, кого вы предпочли—

и заключенія послѣдняго монолога—не оставилъ никакихъ особыхъ впечатлѣній. Вообще, сантиментальность тона, пѣніе по нотамъ и незнаніе ролей—вотъ три главныхъ врага, которые вредятъ покамѣстъ артисту, имѣющему полное право—на значеніе въ будущемъ—таланта замѣчательнаго. Все зависитъ, конечно, отъ пути, который изберетъ г. Полтавцевъ.

1851, Іюня 20.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ.

Нашъ вѣкъ чудеситъ не на шутку! Мало ему земли, мало неизвѣданныхъ равнинъ океана, — нѣтъ, нужно еще вторгнуться въ заповѣдныя степи воздушной области, въ царство сильфовъ, куда и самая мысль нашихъ прадѣдовъ не слишкомъ отваживалась заноситься, гдѣ доселѣ жили одни громы, кочевали облака, блуждали метеоры, парили орлы и летала пестрая семья его крылатыхъ соплеменниковъ. Зачѣмъ бы, кажется, забираться туда безкрылому животному, которому и такъ слишкомъ много простора на морѣ и на сушѣ? Но властолюбіе и жажда корысти — страсти неугомонныя! они-то бросили его въ пучины океана, завели въ безводные пески Сахары, они-то увлекаютъ его теперь въ безбрежныя пустыни эфира. Гдѣ же предѣлъ его пытливой любознательности? гдѣ граница могуществу его помысловъ?

Читая газетные разсказы о летучихъ господахъ Діегахъ и Дарвиллахъ, которые не хуже коршуновъ задаютъ круги на воздухѣ, поднявшись на нѣсколько сотъ футовъ отъ земли, невольно спрашиваешь себя: полно сказка ли это, повѣсть о летучемъ деревянномъ конѣ Ивана купеческаго сына, которою нянюшки убаюкивали насъ въ младенчествѣ; не существовалъ ли въ самомъ дѣлѣ, блаженной памяти, затѣйникъ Икаръ, и мы ли, наслушавшись этихъ басней, попали на мысль смастерить летучій снарядъ, или сказки эти суть ни что иное, какъ темныя преданія о былой дѣйствительности?... Какъ ни думай — ни гадай, а г. Дарвиль, 1 августа, нынѣ быстро-летящаго года, изволилъ возноситься въ Нельи, на изобрѣтенномъ имъ снарядѣ, въ присутствіи многихъ ученыхъ, многихъ представителей Парижскихъ журналовъ и въ вожделѣнномъ здравіи спустился опять назадъ

Вотъ что пишутъ о томъ въ *Independance Belge*:

Digitized by Google

Заимствуемъ изъ *Chronique de Paris* любопытныя подробности о воздушномъ полетѣ, исполненномъ г. Дарвилемъ 1 августа въ Нельи, близъ Парижа.

Парижскіе журналы не безъ причины были взволнованы статьями одного изъ вечернихъ журналовъ, о недавно изобрѣтенной машинѣ, способствующей возноситься и летать по воздуху. Объяснительныя письма двухъ изобрѣтателей: Саламанкскаго уроженца Г. Діего и природнаго Француза Тома Дарвиля, придали новую занимательность этому удивительному изобрѣтенію

Многіе члены изъ Академій Наукъ, различныя художественныя ремесленныя училища, обратили также вниманіе на эту новость въ искусствахъ, и заботливо слѣдятъ за опытами, производимыми въ Мадридѣ и Парижѣ.

Чтобы приступить къ сравнительному изслѣдованію системъ Гг. Діего и Дарвиля, намъ хотѣлось прежде видѣть ихъ на опытѣ. Послѣ неоднократныхъ отказовъ, г. Дарвиль рѣшился наконецъ произвести опытъ, въ присутствіи нѣсколькихъ журналистовъ, трехъ-четырехъ ученыхъ и двухъ искусныхъ металло-токарныхъ мастеровъ, которые дѣлали его летучій снарядъ.

Г. Дарвиль пригласилъ насъ именными билетами прибыть въ Нельи 1 августа, въ четыре часа утра. Мѣсто опыта избрано было на берегу Сены, возлѣ *Красной мельницы* (Moulin Rouge). Литераторовъ и журналистовъ собралось двадцать человѣкъ, въ томъ числѣ Гг. Леонъ Гозланъ, Мери, Рене-де-Ровиго, Эмиль Фонтенъ Дюпоръ, Палье, сотрудникъ журнала Patrie, прежде всѣхъ описавшій машину г. Діего, и другіе сотрудники журналовъ Siècle, Union, Gazette de France, Messager, Charivari и прочихъ. Ученый механикъ-любитель г. Діего-де-Шамборъ, также присутствовалъ при опытѣ, и еще привезенный г. Гозланомъ, Англійскій туристъ Сэръ Вильямсъ Вэксонъ, которому, вѣроятно, хотѣлось усвоить это изобрѣтеніе своему отечеству.

Жюль Жаненъ и Амеде Ашаръ, были нездоровы и не могли пріѣхать въ Нельи.

Въ пять минутъ пятаго г. Дарвиль пріѣхалъ съ двумя своими механиками. Машина и крылья привезены въ двухъ закрытыхъ ящикахъ.

Раскланявшись съ присутствовавшими, г. Дарвиль принялся слаживать машину, что продолжалось не болѣе пяти минутъ; потомъ, обратясь къ намъ, сказалъ: «господа! я приступаю къ опыту; не пугайтесь, и предоставьте мнѣ свободу движеній, не дѣлая никакихъ замѣчаній».

Digitized by Google

Ставши на свой контрфорсъ, г. Дарвиль сказалъ намъ: «теперь къ дѣлу», и вмѣстѣ съ этими словами, придавивъ ногами педали N 1 и N 6, величественно поднялся на воздухъ въ отвѣсномъ направленіи. Снабженный тонкою нитью, въ сто метровъ длиною, съ маленькимъ свинцовымъ отвѣсомъ на концѣ, г. Дарвиль вскорѣ доказалъ, что поднялся на триста футовъ отъ земли.

Невозможно описать удивленія, или, скорѣе, ужаса предстоявшихъ въ первую минуту. Вскорѣ раздались самые восторженные крики одобренія.

Потомъ г. Дарвиль сказалъ намъ, съ подоблачной высоты, въ маленькой рупоръ: «теперь, господа, я приступаю къ косвенному и непрерывному полетамъ», и дѣйствительно, перемѣнивъ педали, онъ леталъ во всѣхъ направленіяхъ, по произволу, плавно, безъ замѣтныхъ сотрясеній и, должно сказать, безъ видимой опасности.

Облетѣвъ пространство, не менѣе обширное, какъ Марсово поле, г. Дарвиль спустился къ намъ съ быстротою, съ которою листъ бумаги, брошенный изъ окна высокаго дома, слетитъ на землю въ тихую погоду.

Поблагодаривъ насъ за наши привѣтствія, г. Дарвиль, обратясь къ г. Палье, сказалъ: «теперь вы видѣли, и сами разсудите, можетъ ли г. Діего состязаться со мною? Я изучилъ его систему: она исполнена неудобствъ. Онъ долженъ летать стоя на доскѣ; руки его заняты. Машина его имѣетъ движеніе висячихъ качелей, отъ котораго стошнитъ самую крѣпкую натуру. Къ тому же, по письму его изъ Мадрита отъ 18 іюля сего года, помѣщенному въ журналѣ *Patrie* 24 іюля, я видѣлъ, что у него пѣтъ руля, безъ котораго онъ не можетъ поворачивать ни вправо, ни влѣво».

Послѣ нѣсколькихъ возраженій, г. Палье, прекрасно описавшій машину г. Діего въ журналѣ Patrie 11 іюля, вынужденъ былъ сознаться, что г-ну Діего далеко до г. Тома Дарвиля въ искусствѣ плавать по воздуху, что его система гораздо лучше, и одна кажется исполнимою, представляя наименѣе опасностей.

Между 20 и 25 августа, г. Дарвиль произведетъ публичный опытъ на Марсовомъ полѣ. Вѣроятно, цѣлый Парижъ будетъ присутствовать на этомъ торжественномъ праздникѣ искусства.

Какъ много ожидаемыхъ и непредвидѣнныхъ послѣдствій повлечетъ за собою усовершенствованіе искусства летать по воздуху. Какъ широко раздвинетъ оно завѣтный очеркъ возможнаго для человѣческихъ усилій Далеко ли до полюсовъ? скажетъ человѣкъ, помѣстясь въ тепломъ домикѣ, снабженномъ летучимъ снарядомъ

Digitized by Google

и всѣмъ нужнымъ на дорогу, гдѣ недосягаемыя вершины горъ, непроходимыя дебри Австраліи, неизвѣданныя страны средней Африки, недоступныя верховья первенствующихъ въ свѣтѣ рѣкъ. Чѣмъ помѣшаютъ ему песчаныя замѣти Сахары, топи Понтинскихъ болотъ, и непроходимыя заросли Ость-Индіи? На сушѣ, на морѣ, на воздухѣ—вездѣ ему раздолье, вездѣ доступъ. Сколько способовъ изысканій, изслѣдованій, сколько незыблемыхъ доселѣ учрежденій измѣнитъ эта неожиданная новость? И многаго невозможно предвидѣть, не зная въ точности предѣла, до котораго могутъ достигнуть усовершенствованія въ этой новой попыткѣ. Удовольствуемся покуда тѣмъ, что изобрѣтательная мысль осуществила для человѣка старинную Русскую поговорку: *куда хочу, туда лечу*, которую можно теперь употреблять и безъ метафоры.... Дай Богъ здоровье Испанцу Діего и г. Дарвилю.

Возвращаясь изъ Лондона, г-жа Рашель остановилась на четыре представленія въ Брюсселѣ. Представленія эти начались 2 августа (нов ст.) въ Théâtre du Cirque. Въ первый вечеръ давали *Phèdre* и *le Moineau de Lesbie*.

Театръ былъ, въ буквальномъ смыслѣ, полонъ. Вся знать, всѣ знаменитости Брюссельскаго гражданства, собрались видѣть несравненную артистку, и вся эта толпа, одушевленная одною мыслію, однимъ чувствомъ, составляла, такъ сказать, одно цѣлое.

Г-жа Рашель создана артисткой, а внѣшнія обстоятельства много благопріятствовали этому призванію. Во первыхъ она была счастлива уже тѣмъ, что предъ вступленіемъ на сцену не видала ни одной трагической знаменитости, и не попала въ колею *обычнаго*, если можно такъ назвать сценическія привычки, превратившіяся почти въ непремѣнныя условія. На первомъ шагу своего артистическаго поприща, ступила она на подмостки перваго въ свѣтѣ театра, и вошла на нихъ смѣло, безъ опасенія неудачи, даже—безъ сознанія опасности.

Не имѣя предъ глазами артистическихъ образцовъ, она въ житейской школѣ училась выражать страсть, скрывать мятежное чувство, и наблюдательнымъ умомъ своимъ, ловила тѣ непроизвольныя движенія, то едва замѣтное выраженіе въ чертахъ, которыми чувство это, въ избыткѣ своемъ, невольно въ насъ обличается. Создавая роль и усвоивая положеніе дѣйствующаго лица, она не обдумывала, а только припоминала себѣ, что ей должно дѣлать, и какъ играть въ данномъ случаѣ. *Искусство въ томъ,*

Digitized by Google

чтобъ скрыть искусство, сказалъ одинъ изъ нашихъ остроумныхъ поэтовъ, и этимъ-то искусствомъ въ особенности отличается г-жа Рашель. Въ ней не замѣтно старанія выразить какое-либо ощущеніе, не замѣтно усилія воплотить въ себя страсть, потому что она, такъ сказать, не выдумываетъ позы, жесты, выраженіе, интонацію голоса, а изучила ихъ въ природѣ, и передаетъ, какъ видѣла, какъ замѣтила. Даръ ея преимущественно заключается въ томъ, что она умѣла понять и схватить тѣ признаки страстей и чувствъ, которые составляютъ отличительное характеристическое ихъ выраженіе. Изучая свое искусство въ природѣ, а не копируя его съ великихъ артистовъ, она усвоила достоинства этихъ артистовъ, пріобрѣтенныя ими въ томъ же источникѣ—въ природѣ, и избѣгла ихъ недостатковъ и ошибокъ, вкравшихся въ ихъ талантъ, или по невѣрному взгляду на жизнь, или изъ подражанія другимъ ошибавшимся талантамъ.

Конечно, въ роляхъ г-жи Рашель есть положенія, которыхъ она не могла изучать въ событіяхъ вседневной жизни,—но тогда ей помогаетъ умѣнье къ нимъ примѣниться, и создать изъ запаса своихъ наблюденій естественность неизвѣданнаго и незнакомаго ей положенія.

Г-жа Рашель играетъ роли царицъ съ истинно царскимъ величіемъ. Осанка, поступь, пріемы, рѣчь, все дышетъ достоинствомъ, величіемъ,—царственностію. Ни артистка, ни мы не знаемъ, гдѣ она этому научилась; но кто видѣлъ ее въ этихъ роляхъ, тотъ сознается, что игра ея естественна, что въ ней не замѣтно и тѣни принужденія, столь часто встрѣчаемаго и въ житейскомъ быту, при несвойственности положенія.

Она воскресила образцовыя произведенія Французскихъ трагиковъ, обреченныя театромъ на вѣчное забвеніе. Публикѣ наскучили не превосходныя творенія Корнеля и Расина, а несовершенство игры артистовъ. Явилась Рашель, и толпа стекается рукоплескать ей въ тѣхъ самыхъ трагедіяхъ, гдѣ прежде зѣвала со скуки. Со временъ Дюшенуа и Тальмы, никто не шелъ въ театръ смотрѣть Французскую трагедію, а теперь двѣнадцать лѣтъ постоянныхъ успѣховъ г-жи Рашель въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Брюсселѣ, Франкфуртѣ, подтверждаютъ сказанное нами. Ея артистическія путешествія—истинная разработка Калифорнской розсыпи. *Федра*, *Роксана*, *Герміона*, *Марія-Стуартъ*, могли бы выдать заемное письмо на публику, и публика несомнѣнно заплатила бы по *предъявленію*. Афишка съ именемъ г-жи Рашель, есть чистое золото, какъ вексель дома Ротшильдовъ.

Digitized by Google

Г-жа Рашель, какъ мы уже сказали, дастъ въ Брюсселѣ только четыре представленія, на которыя почти всѣ билеты уже разобраны, со дня первой афишки.

Роль Федры есть совершенство драматическаго помысла. Со временъ Дюшенуа никто не рѣшался ее исполнить, а г-жа Рашель въ этой роли несравненно выше своей предшественницы. Г-жа Дюшенуа была до того дурна собою, что ея безобразіе вошло въ пословицу, и талантъ ея долженъ былъ бороться съ этимъ безобразіемъ. Ея главное достоинство составлялъ обворожительный голосъ, который точно проникалъ въ душу зрителя, но въ ней не было драматическаго творчества, способности создать индивидуальность дѣйствующаго лица, и въ переходахъ она была слишкомъ горяча, слишкомъ порывиста. Она съ крикомъ и съ выраженіемъ упрека говорила Энонѣ извѣстный стихъ:

C'est toi qui l'a nommé!

Рашель произноситъ его съ трогательною покорностію судьбѣ, и впечатлѣніе ея на зрителя гораздо сильнѣе.

Выходъ г-жи Рашель на сцену есть торжество искусства въ мимикѣ. Никто не съумѣлъ такъ хорошо сохранить выраженія лица Федры, гдѣ рѣзкіе слѣды опустошительныхъ страстей и угрызенія совѣсти не могли изгладить отпечатка поразительной красоты.

Красота эта является во всемъ своемъ блескѣ, во второмъ актѣ, когда Федра признается въ любви Ипполиту. Взоръ ея, свѣтившійся въ первомъ актѣ тусклымъ огнемъ сердечныхъ угрызеній, разсыпаетъ молніи страсти; и жестъ и выраженіе въ чертахъ, и голосъ, все совокупилось въ одно созвучіе, чтобы произнести:

Que de soins m'eut coutés cette tête charmante!

этотъ стихъ, предсказывающій послѣдующіе. Съ какою изступленною энергіею выхватываетъ она мечъ Ипполита, и въ какомъ унынія, съ какимъ душевнымъ оцѣпенѣніемъ предается она совѣтамъ Энопы, узнавъ о прибытіи Тезея, и скрывается отъ взоровъ супруга.

Всѣ эти внезапные переходы отъ одного чувства къ другому, совершенно противоположному, отъ пылкихъ порывовъ страсти къ бездѣйственности отчаянія, такъ естественны въ г-жѣ Рашель, что они терзаютъ душу зрителя.

Омертвѣніе, съ которымъ она выслушала тайну любви Ипполита къ Ариціи, слѣдующій за симъ монологъ, гдѣ каждый стихъ бросаетъ новый зловѣщій лучъ свѣта на ея изтерзанное сердце, и и сцена проклятія съ Энопою, исполнены были съ такимъ совершенствомъ, что зрители, въ невольномъ волненіи, ловили каждое

Digitized by Google

слово, падавшее съ устъ великой артистки. Когда она умолкла, толпа долго еще молчала, какъ бы онѣмѣвшая отъ изумленія, и вдругъ, движимая одно мыслію, однимъ общимъ чувствомъ, изступленными криками и громомъ рукоплесканій выразила восторгъ свой. Г-жа Рашель до того овладѣваетъ полнымъ вниманіемъ публики, что даже превосходные артисты театра Французскаго въ Парижѣ остаются при ней почти незамѣченными, но въ этотъ спектакль, г-жа Ребека, также превзошедшая всѣхъ своихъ соперницъ въ роли Ариси, какъ сестра ея въ роли Федры, снискала полное одобреніе публики, тѣмъ болѣе заслуженное, что роль Ариси чрезвычайно безцвѣтна и однообразна. Г-жа Ребека умѣла *разработать* эту роль съ большимъ искусствомъ, и видя, какъ она воспользовалась всѣмъ, что могло придать хотя нѣсколько значенія этому ничтожному лицу, не мудрено понять ея чрезвычайный успѣхъ въ роли *Анжело*, за созданіе которой она принята въ общество театра Французскаго.

Въ *Moineau de Lesbie* г-жа Рашель была очаровательна. Сколько неподражаемаго кокетства въ ея улыбкѣ, въ пріемахъ, въ словахъ! Сколько упрека и любви къ невѣрному Катуллу (1) въ ея пламенныхъ взорахъ! Какъ ѣдки ея сарказмы на счетъ смѣшнаго любовнаго тріумвирата, мечтающаго замѣнить въ ея сердцѣ любимаго поэта! Только г-жа Рашель можетъ возстановить отдаленную эпоху, такъ искусно воскрешая современные пріемы, навыки и костюмы. Этотъ роскошный, блестящій уборъ первой сцены, который она какъ-будто сняла съ одной изъ статуй древнихъ прелестницъ, населяющихъ нижній этажъ Лувра,—только г-жа Рашель можетъ носить съ ея граціозной небрежностью. Она неподражаема въ искусствѣ разлить гармонію на всѣ частности своихъ созданій. Мы говоримъ о ея искусствѣ одѣваться, но взгляните, что у нея за осанка! Мы удивляемся ея прекрасному, звучному голосу, но посмотрите, что у нея за поступь, какъ она ходитъ, въ особенности какъ умѣетъ слушать! Умѣнье слушать есть верхъ сценическаго искусства, и намъ понятна досада знаменитой г-жи Марсъ, которая, видя первые успѣхи юной питомицы Мельпомены, воскликнула: *«я тридцать лѣтъ учусь хорошо слушать, а эта дѣвчонка слушаетъ еще лучше меня»!* Это случилось на представленіи *Андромахи*, когда *эта дѣвчонка*, въ роли Герміоны была также безукоризненно прекрасна, какъ теперь въ роли Федры.

(1) **Мы опасаемся, чтобъ Отечественныя Записки не ошиблись опять, смѣшавъ Катулла съ Тибуллом, и обращаемъ ихъ вниманіе, что здѣсь идетъ рѣчь о Катуллѣ, о Катуллѣ. *Ред.***

Digitized by Google

Г-жа Рашель будетъ еще играть: Adrienne Lecouvreux, Angélo и Horace et Lydie, и въ послѣдній спектакль Polyeucte и второй актъ Аталіи. Мы будемъ сообщать о ея успѣхахъ по мѣрѣ полученія о нихъ извѣстій.

4-го августа давали на театрѣ Cirque въ Брюсселѣ *Adrienne Lecouvreux*, драму гг. Скриба и Легуве. Это было второе представленіе г-жи Рашель. Говоря о представленіи Федры, мы сказали, что театръ былъ буквально полонъ. Не знаемъ, какое слово употребить теперь, чтобы выразить, какъ полна была огромная зала этаго театра во время представленія *Adrienne Lecouvreux*. Это было настоящее наводненіе публики. Волны толпы, наполнивъ залу, переливались даже въ коридоры. Жители Брюсселя не видали еще г-жу Рашель въ драмѣ, и спѣшили убѣдиться, сохранитъ ли и здѣсь эта единственная представительница классической трагедіи, свое несомнѣнное превосходство; съумѣютъ ли эти уста, выражающія съ такою звучною полнотою величественные стихи классиковъ протекшаго столѣтія, передать поэзію чувствъ языкомъ неблагодарной прозы; наконецъ, не утратитъ ли великая артистка, въ сценахъ Скриба и въ діалогахъ Легуве, ту невыразимую прелесть, то магическое очарованіе, которыми она отличается въ геніальныхъ твореніяхъ Расина и Корнеля? Многіе упрекали г-жу Рашель, что она приноситъ жертвы ложнымъ богамъ; многіе находили, что артистка, которая могла усвоить слово Лудвика XIV и сказать: *трагедія — это я*, имѣла уже прекрасный, обширный удѣлъ въ области сцены, и ей нечего было гоняться за другимъ; но эти господа обрекали и артистку и публику на вѣчное служеніе вкусу прошлаго столѣтія.

Не такъ думала г-жа Рашель, и мы убѣждены, что публика за это не пожалуется, тѣмъ болѣе, что въ этомъ преобразованіи своего таланта, она явила новую силу своего многосторонняго искусства. Твореніе Скриба послужило ей ступенью въ переходѣ къ совершенной драмѣ, съ которою мужественное самолюбіе артистки давно желало состязаться. Она знала, что г. Скрибъ не заведетъ ее на сбивчивый путь, такъ называемаго, романтизма, и была убѣждена, что изобрѣтательный искусный академикъ придумаетъ для нея положенія выгоднѣе, рельефнѣе созданныхъ мудрыми соображеніями древнихъ властелиновъ театральной сцены.

Въ *Adrienne Lecouvreux* г-жа Рашель почти не сходитъ со сцены въ послѣдніе четыре дѣйствія, и этимъ именно сочинители обезпечили успѣхъ пьесы. Главная роль затмеваетъ всѣ прочія, и только талантъ г-на Рафаэля могъ хотя нѣсколько поддержать свою роль, хотя и довольно важную по сюжету, по самую неблагодарную

Digitized by Google

въ игрѣ. Слушая, какъ г-жа Рашель читаетъ прозу, можно подумать что она цѣлую жизнь изучала одно это искусство; когда же она декламируетъ стихи Расина или Лафонтена, помѣщенные въ этой пьесѣ, кажется, что она вѣкъ свой говорила стихами. Во всемъ невѣроятная естественность. Наблюдая внимательно игру г-жи Рашель, нельзя не удивляться искусству ея придавать каждой рѣчи, каждому умышленному слову, выраженіе настоящаго его значенія. Даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ текстъ не довольно ясно, не такъ полно выражаетъ мысль, краснорѣчивый взоръ или рѣзкій, вразумительный жестъ, внятно передаетъ вамъ точный смыслъ сказанной фразы. Какъ нѣжна, какъ дѣтски-довѣрчива она во второмъ дѣйствіи. Съ какою очаровательной простотою прочла она извѣстную басню Лафонтена: *Два голубя*. Тѣнь безсмертнаго баснописца заслушалась этаго разсказа, если онъ на томъ свѣтѣ отвыкъ отъ своей всегдашней разсѣянности. Въ третьемъ дѣйствіи самыя разнообразныя чувства волнуютъ ее. Она попеременно, то довѣрчива, то подозрительна, то великодушна, то повелительна, то ревнива. Ночная сцена, такъ искусно обдуманная, лучшая изъ цѣлой пьесы, обличаетъ все могущество таланта г-жи Рашель. Постепенное измѣненіе голоса, въ каждой фразѣ прерывистаго діалога, такъ вѣрно изображающее волненіе ея души,—есть верхъ сценическаго искусства. При началѣ разговора, рѣчь ея плавна и дышетъ спокойствіемъ; потомъ голосъ ея дрожитъ тревогой сомнѣнія, прерывается нерѣшимостью страсти, трепещетъ порывами ревности и звучитъ негодованіемъ гнѣва. Эта буря страстей передана съ такимъ совершенствомъ выраженія, съ такимъ неодолимымъ увлеченіемъ, что въ зрителѣ отзываются всѣ сотрясенія страждущей души Адріенны, сердце его терзается, глядя на неутолимую скорбь страдалицы, и если бы опускающаяся завѣса не припомнила ему, что все это мечта, вымыселъ, обольщеніе искусства, онъ почелъ бы дѣйствительностію превосходное подражаніе.

Въ четвертомъ актѣ только одна сцена прекрасна, но она такъ хорошо приведена, что публика ее предчувствуетъ. Искусство приготовлять такія сцены можно причесть къ исключительнымъ достоинствамъ таланта г-на Скриба. Въ настоящемъ случаѣ даръ сочинителя могъ сдѣлаться камнемъ преткновенія для артистки. Ей оставалось или пасть или превзойти себя,—и она превзошла себя въ полномъ значеніи этаго слова. Въ этой сценѣ, предъ гнѣвнымъ потокомъ нареканій Адріенны къ принцессѣ Бульонской, есть взоры, есть слова, которыхъ ни описать, ни достойно оцѣнить невозможно. Это вспышка молній, предвѣщающихъ грозу. Эта

Digitized by Google

женщина, тихая и почти застѣнчивая, когда она входитъ въ аристократическую гостиную, гдѣ, по словамъ ея, она пришла искать образцовъ для подражанія, и гдѣ она находитъ соперницу, становится разъяренной львицей въ схваткахъ съ терзающею ее ревностію. Здѣсь является г-жа Рашель во всемъ своемъ блескѣ. Печаль покинутой любовницы, упоеніе мгновеннаго торжества, съ неимовѣрной выразительностію отражаются въ чертахъ ея воспріимчивой физіономіи, въ звукахъ ея голоса, въ рѣзкомъ краснорѣчіи ея жеста. Энтузіазмъ и умиленіе овладѣли публикою, рукоплесканія загремѣли, и юная артистка предстала въ новомъ вѣнцѣ своемъ, благодарить благосклоннаго, но справедливаго судью своего.

Послѣ мщенія—смерть; послѣ измѣны—позднее раскаяніе любовника,—вотъ содержаніе пятаго дѣйствія, въ которомъ г-жа Рашель такъ нѣжна, такъ радостно счастлива, какъ была неукротима и ужасна сначала. Она придаетъ этой неустанной истомѣ страсти опасный отпечатокъ истины, что возбуждаетъ невольное удивленіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ терзаетъ насъ слишкомъ болѣзненными ощущеніями; но такова г-жа Рашель, что даже этотъ упрекъ есть новая похвала несравненному ея таланту.

Брюссельская публика съ нетерпѣніемъ ожидаетъ представленія *Анжело*. Это еще испытаніе для г-жи Рашель въ новой драмѣ. Между *Adrienne* и *Angelo* такое же разстояніе, какъ между Федрою и Адріенною. Въ этотъ же спектакль она будетъ играть въ новой *древней* комедіи Понсара Horace et Lydie, которой достоинство можно тогда только оцѣнить, когда талантъ г-жи Рашель бываетъ представителемъ таланта г-на Понсара.

---

11 Августа, въ 8 часовъ вечера скончался въ Цирихѣ, отъ истощенія силъ, знаменитый нѣкогда Профессоръ Окенъ. Въ двадцатыхъ годахъ слава его гремѣла по всему ученому міру Германіи, гдѣ онъ вмѣстѣ съ Шеллингомъ производилъ переворотъ въ наукѣ. Эхо доходило и до Россіи. Мы помѣстимъ здѣсь кстати въ слѣдующемъ нумерѣ одно мѣсто изъ путешествія Редактора Москвитянина, гдѣ онъ описываетъ печальную свою встрѣчу съ Океномъ, дорогою изъ Милана въ Парму.

Times жестоко насмѣхается надъ своими Бургомистрами и членами городоваго управленія. По поводу ихъ путешествія въ Парижъ, выставляетъ ихъ образцами обжорства, неповоротливости, торгашества, и другихъ подобныхъ добродѣтелей, — и проситъ Парижанъ не судить о Лондонѣ по Лорду-меру и его сотрудникамъ.

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

РУССКОЕ СЛОВО

ОЧЕВИДЦА.

ОСВЯЩЕНІЕ ЦЕРКВИ ПРАВОСЛАВНОЙ

въ казенномъ селеніи Гавриловцахъ, Подольской губерніи.

Было время, тяжкое время, когда западный край необъятной Россіи, подъ игомъ фанатическаго изувѣрства, окруженный хитрыми происками враговъ православія, съ горестію видѣлъ храмы Божіи или совсѣмъ уничтожаемыми или обращаемыми въ домы иноязычнаго служенія. Было время, когда малое стадо людей православныхъ, укрываясь отъ зоркаго преслѣдованія хищниковъ своихъ, робко спѣшило къ убогому храму, изъ милости лишь оставленному тѣмъ, которые не покорялись властолюбивымъ видамъ чуждой іерархіи, которые, сберегая въ глубинѣ сердецъ своихъ чистое свѣтъ истины, скорбѣли о бѣдствіи издревле православнаго края, и съ боязнію ставили крестъ православія на деревянномъ срубѣ, осмѣливаясь едва возвышать его надъ убогими хижинами своими. Было время, когда пронырливый орденъ, ославившій себя передъ вселенной хитростями и коварствомъ, вымыслилъ средство беззаконнаго единенія, съ обидой и крайнимъ угнетеніемъ одной стороны и къ явному возвеличенію другой, забывшей, что *царство Христово нѣсть отъ міра сего*. Было оно и — благодареніе Богу!—прошло невозвратно. Православіе, отряхнувъ прахъ отъ ногъ своихъ, возстало чистое, какъ истина, свѣтлое, какъ первый день созданья, благодатное, какъ благовѣстіе Архангела. Но на храмахъ православныхъ все еще лежала печать прежняго убожества, и хотя вѣрные сыны Церкви уже безъ опасенія шли къ дому святой молитвы, но взорамъ ихъ представлялись тѣ же посѣрѣвшіе отъ времени срубы съ желѣзными крестами, тѣ же тѣсные храмы, за прагомъ которыхъ сѣдовласые старцы слушали сладкія пѣснопѣнія святой Церкви, имѣя предъ глазами своими живое свидѣтельство минувшихъ скорбей и лишеній, и ожидая отъ внуковъ своихъ обновленія храмовъ, любимаго пристанища ихъ старости. И не скоро бы, конечно, исполнились ихъ благочестивыя ожиданія, если бы во всю землю Русскую не *изыде вѣщаніе* Великаго, Православнаго, Благочестивѣйшаго Государя нашего, Императора Николая

Digitized by Google

Павловича, да святится имя Божіе въ храмахъ, сообразныхъ славѣ и величію древле-Апостольской, всегда единой и неизмѣнной Вѣры.

Въ 1845 году Благочестивѣйшій Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, Высочайше утвердить соизволилъ опредѣленіе Святѣйшаго Синода о мѣрахъ къ скорѣйшему приведенію къ окончанію постройки и исправленія православныхъ церквей въ казенныхъ имѣніяхъ западныхъ губерній. Во исполненіе сего особыми Указами предписано мѣстнымъ Архіереямъ сего края всѣ дѣла по этому предмету, производившіяся въ духовныхъ Консисторіяхъ, передать въ мѣстныя Палаты Государственныхъ Имуществъ, и работы, подъ непосредственнымъ распоряженіемъ Господина Министра Государственныхъ Имуществъ Графа Павла Дмитріевича Киселева, пошли съ необыкновенной быстротою и успѣшностью. Въ одной Подольской губерніи въ самое короткое время воздвиглись церкви новыя, поддержаны и украшены старыя, снабжены многія изъ нихъ церковною утварію и иконостасами. Православіе, за полвѣка зрѣвшее надъ собой грозу безпокойнаго и мрачнаго Запада, содержимое въ въ тяжкомъ усыпленіи и почти не видѣвшее яснаго Востока, на которомъ всегда горѣло незаходимое солнце правды и истины, съ торжествомъ воспрянуло отъ томительнаго сна, бывъ поднято мощной рукою Отца-Монарха, и съ радостію простерло дрожащія руки къ храмамъ, сіяющимъ красотой небесной и благолѣпіемъ. Возвращенные отъ чуждыхъ нѣдръ западной іерархіи, сыны древняго православія идутъ нынѣ съ благодарственными гимнами уже не въ прежніе убогіе храмы, а въ новые, свѣтлые, какъ горній Іерусалимъ Царь православный, какъ отецъ сердобольный, устроившій нѣкогда вечерю и праздникъ для блуднаго сына, возвратившагося изъ страны далече, пріемлетъ новыхъ чадъ православія, ожидая ихъ на ступеняхъ храмовъ, Имъ же самимъ созданныхъ и украшенныхъ, и радостно дарствуетъ ихъ этимъ священнѣйшимъ даромъ отъ имени Церкви, Престола и Отечества. *Господи! спаси же Царя* нашего Великаго, *и услыши ны въ онь же аще день призовемъ тя* въ сихъ храмахъ, воздвигнутыхъ Твоимъ Вѣщеносимъ Помазанникомъ!

Не вдалекѣ отъ Австрійской границы стоитъ селеніе Гавриловцы, принадлежавшее въ древнія времена помѣщику Лянцкоронскому, переходившее потомъ изъ рукъ въ руки и наконецъ поступившее въ казенное управленіе. По близкому сосѣдству съ крѣпостью Хотиномъ, бывшею театромъ кровопролитныхъ сраженій Поляковъ съ Турками, потомъ Русскихъ съ Поляками и

Digitized by Google

Турками,—селеніе это подвергалось всѣмъ ужасамъ войны и жестокостямъ, со стороны поклонниковъ Ислама.

При послѣднемъ нападеніи ихъ на Каменецъ-Подольскъ, сел. Гавриловцы, находящееся на пути къ сему городу, было разорено въ конецъ, и церковь, бывшая въ томъ селѣ, сожжена и истреблена до основанія. Памятникомъ этой кровавой эпохи осталось доселѣ одно Евангеліе, напечатанное во Львовѣ въ 1690 году, и неизвѣстно какимъ случаемъ спасенное отъ руки Турокъ, которые однакожъ изсѣкли каждую страницу его своими ятаганами. Около 1780 года, по освобожденіи этого края отъ Турокъ, жители селенія Гавриловецъ собственнымъ иждивеніемъ построили во имя Св. Параскевы убогій храмъ, въ которомъ съ большимъ трудомъ могло помѣститься человѣкъ до двадцати. Построенный изъ простаго лѣса, безъ всякаго изящества и благолѣпія, храмъ этотъ только крестомъ однимъ и гонтовой крышей разнился отъ окружавшихъ его крестьянскихъ хижинъ. Соразмѣрно малому пространству, оставленному для молящихся, олтарь, отдѣленный скуднымъ иконостасомъ, былъ невообразимо тѣсенъ. Разстояніе жертвенника отъ престола такъ было мало, что трудно пройти между ними; не много больше оно было между престоломъ и царскими вратами, но и здѣсь едва оставалось мѣсто для земнаго поклона; а боковые врата, по тѣснотѣ своей, представляли рѣшительную невозможность, во время большаго выхода, выходить съ Святыми Дарами, и священникъ долженъ былъ являться народу царскими дверями. Вообще, смотря на этотъ въ высшей степени убогій и малый храмъ, невольно переносишься мыслію къ тѣмъ временамъ, когда первобытные Христіане, подъ страхомъ смерти и лютыхъ гоненій, собирались тайно въ домъ кого-либо изъ вѣрныхъ, и въ тишинѣ совершали тамъ свои священнодѣйствія.

За три года предъ симъ положенъ былъ первый камень въ основаніе новой церкви въ сел. Гавриловцахъ. Мѣсто, выбранное для ней, отстоя менѣе, чѣмъ на полверсты отъ большой дороги, было самое выгоднѣйшее, и церковь, выстроенная здѣсь, открывается за нѣсколько верстъ, ѣдущимъ изъ г. Каменца, а съ противной стороны изъ-за Днѣстра—видна вся какъ на ладони, пылая въ небѣ серебряными своими пятью главами. И путникъ, вступающій изъ сосѣдней Австріи на святую землю Русскую, на первомъ шагу встрѣчаетъ благодатный привѣтъ православія, осѣняющій его съ высоты новосозданной церкви, и спѣшитъ далѣе, унося съ собой пріятное впечатлѣніе.

Тотчасъ по заложеніи церкви, жители сел. Гавриловецъ,

Digitized by Google

навъ, кто виновникъ ихъ неожиданной, духовной радости, единодушно пожелали передать вмѣстѣ съ церковію дальнему потомству Державное Имя Вѣнценоснаго своего Благодѣтеля, и немедленно вступили съ прошеніемъ къ Преосвященному Архіепископу Арсенію (что нынѣ Архіепископъ Варшавскій), о посвященіи новостроящагося храма имени Святителя и Чудотворца Николая, Державному Сонменнику котораго обязаны они счастіемъ видѣть на родной землѣ своей такое благолѣпіе. Вѣрноподданническое, святое усердіе ихъ тогда же увѣнчалось Архипастырскимъ разрѣшеніемъ, и сѣдовласые старцы молили Бога продлить дни ихъ жизни для принесенія благодарственнаго слова за Вѣнценоснаго Отца-Монарха, и, конечно, многіе изъ нихъ въ душѣ своей произнесли потомъ прощальную молитву Симеона Богопріимца: *нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ, яко видѣста очи наши спасеніе Твое, еже еси уготовалъ предъ лицемъ всѣхъ людей, свѣтъ во откровеніе языковъ и въ славу людей Твоихъ.*

3 Іюля нынѣшняго года было днемъ празднованія Гавриловскихъ жителей. На этомъ праздникѣ Господь привелъ и мнѣ быть. Свѣтло, *яко женихъ, исходяй отъ чертога своего*, взошло утреннее солнце, озаривъ толпы народа, который въ праздничныхъ одѣяніяхъ спѣшилъ къ новосозданному храму. У многихъ изъ богомольцевъ были въ рукахъ большія восковыя свѣчи, какъ видно, нарочно приготовленныя ими для сего высокоторжественнаго случая. Жители г. Каменца, Хотина и окрестныхъ селеній сходились и съѣзжались на праздникъ торжествующаго нынѣ православія, и забывъ на этотъ разъ различіе вѣроисповѣданій, въ духѣ христіанскаго единомыслія спѣшили къ храму, освящаемому во имя ревностнаго защитника вѣры, *заданной на основаніи Апостолъ и Пророкъ, сущу краеугольну самому Іисусу Христу*. Многочисленный соборъ духовенства, облеченнаго въ свѣтлыя ризы, множество развѣвавшихся вокругъ церкви хоругвій, народъ, разноцвѣтною тканью раскинувшійся по площади въ оградѣ церковной, ярко сіявшія отъ солнца серебристыя главы храма—все это представляло картину, стоющую кисти художника, животворно перенесшаго на полотно противоположный сему предметъ не благодатнаго созиданія, а страшнаго разрушенія.

По прибытіи въ сел. Гавриловцы Преосвящ. Евсевія, Епископа Подольскаго и Брацловскаго, немедленно начался торжественный обрядъ освященія храма. Надо вникнуть въ высокое значеніе этого обряда, надо вслушаться въ эти горячія молитвы

Digitized by Google

вѣрующихъ, произносимыя устами Архипастыря, надо видѣть тайнозрительно пустынность мірскаго великолѣпія, еще не возведеннаго въ значеніе благолѣпія небеснаго, когда всѣ свѣщи въ новосозданномъ храмѣ остаются до времени невозжженными, когда ѳиміамъ кадильный не пронесся еще въ высотѣ дома Божія свѣтлымъ облакомъ, таинственно образующимъ вѣяніе Духа Святаго,—надо все это выразумѣть умомъ и сердцемъ, чтобы всѣмъ существомъ вострепетать потомъ при громкомъ возгласѣ Архіерея Божія, стоящаго внѣ храма предъ затворенными дверьми: *возмите врата, князи, ваша и возмитеся врата вѣчная, и внидетъ Царь славы!*—и при тихомъ ангельскомъ пѣніи клира, вопрощающаго изъ внутри церкви: *кто есть сей Царь славы?* О, не понесешь тогда съ собою въ храмъ Божій *суеты и крушенія духа*, когда услышишь, что, входящій сюда, *Господь силъ, той есть Царь славы!* Отложишь тогда всякое попеченіе житейское, поймешь, что *нѣсть мѣсто сіе, но домъ Божій и сія врата небесная!...*

И вотъ оконченъ торжественный обрядъ освященія. На стѣнахъ храма еще не засохли миромъ назнаменованные кресты; возжены уже свѣчи, все облагоухано священнымъ ѳиміамомъ, и домъ сей сталъ уже домомъ Божіимъ и имя Господа Сиѣ будетъ святиться въ немъ отъ нынѣ и до вѣка. Закономъ должна быть принесена первая молитва за Того, Кто создалъ сей домъ, кто обогатилъ его славою и велелѣпіемъ—за Благочестивѣйшаго, Самодержавнѣйшаго, Великаго Государя нашего Императора Николая Павловича и за весь Августѣйшій Домъ Его! Счастливы мы—кровные сыны Россіи—не растлѣнные ядомъ, растущимъ по дебрямъ Запада, что умѣемъ молиться за Царя нашего! Стократъ счастливы, что Господь Самъ и Царь славы далъ намъ такого сильнаго и славнаго Царя! *Господи! да возвеселится же Царь нашъ силою Твоею и о спасеніи Твоемъ возрадуется зѣло! Желаніе сердца Его далъ еси Ему и хотѣнія устнъ Его не лишилъ Его!*

—«Что, любезные,»—спросилъ я группу поселянъ, стоявшихъ близъ ограды церковной,—«хороша у васъ церковь?»

—Э, пане, пане! хочь бы у царствіи небесному дала Царыця небесна такую радость!

—А кто-жъ вамъ построилъ ее?

—Та звисно хто; нехай Тому Богъ пошле счастье и Царыци Іого и Дяткамъ Іого!

—Молитесь, друзья мои!

—До вжежь молымся и будемъ молиться!

И добрые, простодушные поселяне, съ полными слезъ глазами, принялись класть земные поклоны передъ церковью.

—Слава Тоби, Господи!—проговорилъ одинъ старикъ, стоя на колѣняхъ и крестясь большимъ крестомъ:—доживъ вику своего; побачивъ, чого мини и не снылось, теперь хочь бы и умерты!

И снова преклонилъ онъ сѣдую голову свою къ землѣ, въ ко-

Digitized by Google

торую не чрезъ долго положитъ онъ старыя кости свои, унося съ собой въ могилу миръ и благословеніе за радость, освѣтившую темные сумерки послѣднихъ дней его жизни...

Любо видѣть и чулть Русскимъ сердцемъ, что всѣ, отъ мала до велика, не остаются холодными къ такимъ свѣтлымъ праздникамъ православія! Въ западномъ краю участіе первыхъ сановниковъ губерніи въ такомъ дѣлѣ, какъ освященіе православнаго храма, имѣетъ ощутительно благодѣтельныя послѣдствія. Многіе изъ нихъ присутствовали при самомъ обрядѣ; другіе поспѣшили прибыть на литургію, которая кончилась ровно въ часъ пополудни. Въ первомъ ряду молящихся, видны были Г. Начальникъ губерніи *Владиміръ Егоровичъ Анненковъ 3*, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Александръ Андреевичъ Половцевъ*, Вице-Губернаторъ Статскій Совѣтникъ *Владиміръ Филипповичъ Пфеферъ*, и другіе первостепенные губерискіе чиновники. Преосвященный Евсевій произнесъ въ высшей степени назидательное слово, въ которомъ изложилъ полно и ясно тѣ чувствованія, какія обязанъ имѣть всякій христіанинъ, посѣщающій храмъ Божій. Отъ людей, неединомыслящихъ съ нами по православію, слышалъ я восторженныя похвалы простому, одушевленному слову нашего Архипастыря, и радовался искренно *помазанію отъ святаго*, почивающему въ сердцѣ его.

Литургія кончилась. Г. управляющій Палатою Государственныхъ Имуществъ, *Аѳанасій Андреевичъ Абаза*, - дѣятельному усердію и ревности котораго обязанъ этотъ край успѣшнымъ исполненіемъ Высочайшей воли и распоряженій Его Сіятельства Графа Павла Дмитріевича Киселева, пригласилъ всѣхъ на обѣдъ сельскій, приготовленный въ уютномъ, но красивомъ домѣ, принадлежавшемъ прежде помѣщику Комру. За первымъ тостомъ о здравіи Государя Императора, Виновника настоящаго торжества, отличнѣйшій хоръ пѣвчихъ Его Преосвященства пропѣлъ, всегда такъ глубоко отдающійся въ сердцѣ Русскаго, народный нашъ гимнъ *Боже, Царя храни!* Вслѣдъ за тѣмъ провозглашенъ былъ тостъ за Его Сіятельство Министра Государственныхъ Имуществъ Графа Павла Дмитріевича Киселева,—потомъ за Преосвященнаго Евсевія, Г. Начальника губерніи, Его Превосходительство Александра Андреевича Половцева, наконецъ за Г. Управляющаго Палатою Государственныхъ Имуществъ А. А. Абазу и за всѣхъ благодѣтелей и благотворителей новосозданнаго храма. Въ промежуткахъ между тостами, пѣвчіе пѣли концерты и гимнъ Россіи, положенный на музыку для пѣвческаго хора Подольскимъ Совѣстнымъ Судьей В. Аскоченскимъ.

Заключаю мое Русское, искреннее слово святою, народною молитвой:

Боже, Царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу намъ!

В. А . . . . скій.

Digitized by Google

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

19-го числа сего Августа въ 11½ часовъ по полудни изволили осчастливить здѣшнюю столицу Своимъ прибытіемъ, Ихъ Императорскія Величества: Государь Императоръ и Государыня Императрица, Ихъ Императорскія Высочества: Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Государыня Цесаревна, Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Николай Александровичъ и Александръ Александровичъ, Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ, Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Ольга Николаевна и Супругъ Ея Его Королевское Высочество Наслѣдный Принцъ Виртембергскій, Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Екатерина Михайловна и Супругъ Ея Его Высочество Принцъ Мекленбургъ-Стрелицкій, Принцъ Карлъ Прусскій, Его Высочество Наслѣдный Принцъ Саксенъ-Веймарскій, Наслѣдная Принцесса Саксенъ-Веймарская, Его Высочество Принцъ Ольденбургскій и Его Высочество Принцъ Гессенскій.

Прибытіе Царя и Его Августѣйшаго семейства всегда бываетъ высокимъ и радостнымъ торжествомъ для древней Столицы Русскаго Царства. Но нынѣ Москва встрѣчала Монарха къ тому великому дню, въ который, за двадцать пять лѣтъ предъ симъ, Онъ посреди Московской Святыни воспріялъ вѣнецъ Свой на царство.

Москва, обыкновенно столь тихая, оживляемая лишь празднествами Церкви и торжествами Царскими, была и въ сей день исполнена движенія и жизни.

Съ 5 часовъ по полудни народъ съ однимъ помысломъ, съ однимъ чувствомъ спѣшилъ по одному направленію. Но общее движеніе направлялось не въ ту сторону, куда обыкновенно выходила Москва на встрѣчу своему Монарху. Инымъ путемъ Москва ждала этого посѣщенія. Государю Императору угодно было обновить, по Его повелѣнію устроенную, доселѣ небывалую внутри Русской земли дорогу. Придавая новую славу, новое величіе странѣ, Богомъ Ему ввѣренной, нашъ Царь заботливо открываетъ намъ внутреннія источники и пути благодѣянія. Желѣзная дорога, теперь оконченная, свяжетъ воедино двѣ Столицы Русскаго Царства, и откроетъ для нашего быта и промышленности новую эпоху.

Вчера, 20-го Августа, въ 12-ть часовъ дня, Государь Императоръ съ Ихъ Императорскими Высочествами: Государемъ

Digitized by Google

Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великими Князьями Николаемъ Александровичемъ, Александромъ Александровичемъ, Николаемъ Николаевичемъ и Михаиломъ Николаевичемъ, Ихъ высочествами Наслѣднымъ Принцемъ Виртембергскимъ, Принцемъ Меленбургъ-Стрелицкимъ, Принцемъ Карломъ Прусскимъ, Наслѣднымъ Принцемъ Саксенъ-Веймарскимъ, Принцемъ Ольденбугскимъ и Принцемъ Гессенскимъ, при колокольномъ звонѣ и радостныхъ восклицаніяхъ наполнявшаго Кремль народа, изволили шествовать изъ Никольскаго Дворца въ Успенскій Соборъ, и у входа, по прибытіи туда Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы съ Ихъ Императорскими Высочествами Государынею Цесаревною, Великими Княгинями Ольгою Николаевною, Екатериною Михаиловною и Принцессою Саксенъ-Веймарскою, Ихъ Императорскія Величества были встрѣчены Высокопреосвященнѣйшимъ Филаретомъ, Митрополитомъ Московскимъ, съ Епископами и прочимъ духовенствомъ, въ предшествіи Святыхъ иконъ, и привѣтствованы отъ Его Высокопреосвященства краткою рѣчью. Приложившись ко Святому кресту и принявъ окропленіе Святою водою, Ихъ Императорскія Величества съ Ихъ Императорскими Высочествами вступили въ Соборъ, гдѣ послѣ обычнаго молебствія прикладывались къ мѣстнымъ иконамъ и мощамъ, въ Соборѣ почивающимъ, и за симъ изволили выйдти въ предшествіи Митрополита со Святымъ крестомъ, при колокольномъ звонѣ, при непрерывныхъ кликахъ народнаго восторга, и продолжали шествіе въ Большой Императорскій Дворецъ чрезъ Красное крыльцо, на которомъ встрѣчены были Придворнымъ Духовенствомъ.

По осмотрѣ Дворца, Его Императорское Величество изволилъ присутствовать при разводѣ отъ 1-го баталіона Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка. *(Изъ Моск. Вѣд.)*

Въ одномъ изъ прежнихъ нумеровъ Москвитянина мы говорили о проѣздѣ чрезъ Москву на югъ Гг. *Айвазовскаго*, *Меера*, *Фрикке* и *Лагоріо*, и желали имъ хорошаго лѣта, какъ писателямъ красотъ природы, и свѣжихъ силъ на новые труды. Къ послѣднимъ числамъ Іюля мѣсяца воротился сюда Е. И. Мееръ, изъ имѣнія Г-жи Сухово-Кобылиной, не мало жалуясь на дождливое время; но не смотря на эту невзгоду, онъ привезъ прекрасный *Сельскій видъ*, картину средней величины, которая пріобрѣтена Дѣйствительнымъ Членомъ Московскаго художественнаго Общества, любителемъ К. Т. Солдатенковымъ. Такъ какъ успѣхи художниковъ не мало зависятъ отъ вниманья цѣнителей искусства, то, надѣясь вскорѣ сообщить читателямъ Москвитянина любопытную біографію Г. Меера, сочтемъ пріятнымъ долгомъ упомянуть въ тоже время и о прекрасныхъ пріобрѣтеніяхъ Г. Солдатенкова, доказывающихъ, что у насъ, между частными людьми, хотя и не въ большомъ числѣ, но есть любители изящнаго. Послѣднее произведеніе кисти Г. Меера будетъ однимъ изъ лучшихъ украшеній выставки, предполагаемой въ ны-

Digitized by Google

нѣшнемъ году въ Училищѣ Живописи и Ваянія;—по этому публикѣ предоставится право произнести свой судъ надъ трудомъ въ высшей степени замѣчательнаго художника.

Еще мы не успѣли налюбоваться пейзажемъ Г. Меера, какъ изъ Крыма пріѣхалъ въ Москву И. К. Айвазовскій, съ двумя картинами самаго любопытнаго содержанія для всѣхъ Русскихъ, и въ особенности для Москвичей. Эти два произведенія кисти столь извѣстнаго художника, какъ Г. Айвазовскій, вѣроятно, также украсятъ выставку Училища Живописи и Ваянія, и, безъ сомнѣнія, принесутъ большое наслажденіе всѣмъ любителямъ прекраснаго. *Н. Р.*

Все вниманіе Московскихъ жителей устремлено на станцію желѣзной дороги. Толпы народа смѣняются безпрестанно передъ нею. Въ день прибытія Августѣйшей фамиліи народъ покрывалъ пространство на нѣсколько верстъ, даже до Останкина.

Въ отечественное Хранилище мое поступили: псалтырь Виленскій, въ 12 долю, 1587 года, неупомянутый даже въ спискѣ Г. Сахарова; крестъ свинцовый съ изображеніями главныхъ праздниковъ, очень древній; одинъ примѣчательный Житейникъ, хоть и не старый; письмо Царевны Екатерины къ одной Кіевской Игуменьѣ, 1712 года; два письма Графа Петра Ивановича Шувалова, знаменитаго учредителя артиллеріи при Царицѣ Елисаветѣ; письмо Сперанскаго къ священнику Третьякову, его зятю. Отрывокъ одного харатейнаго Евангелія 15 вѣка. Слышатся пріятныя извѣстія изъ Казани, Чернигова, Новагорода, Пензы. *М. П.*

8 Августа скончался въ Москвѣ одинъ изъ почтенныхъ и полезныхъ гражданъ—Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Николай Ѳедоровичъ Смирной, старый воспитанникъ Московскаго Университета, служившій Секретаремъ при Графѣ Платовѣ, въ войну 1812 года, и описавшій жизнь его. Послѣдняя служба его состояла въ начальствѣ надъ Московскимъ Коммерческимъ банкомъ. Погребеніе (въ Дѣвичьемъ монастырѣ) почтено многими чиновниками и знакомцами покойнаго. Любовь къ словесности не покидала его никогда.

—

Есть надежда, что второй томъ Мертвыхъ Душъ скоро выйдетъ въ свѣтъ. Первый же томъ отпечатается третьимъ изданіемъ, значительно умноженнымъ.

Нашъ неутомимый Жуковскій прислалъ цѣлый томъ новыхъ своихъ сочиненій въ прозѣ. Онъ занимается теперь переводомъ Иліады.

С. Т. Аксаковъ окончилъ большое сочиненіе объ охотѣ, которое, вѣрно, сдѣлается дорогимъ подаркомъ, не только для охотниковъ, но и для ученыхъ, для литераторовъ.

Редакція Москвитянина получила слѣдующія новыя повѣсти: Адамъ Адамовичъ,—Г. Михайлова, Вильма—Г. Герца, Райля—Г. Архипова, Комикъ—Г. Писемскаго, которыя будутъ напечатаны въ слѣдующихъ книгахъ, равно какъ и слѣдующія статьи:—Аня—Г. Иванова, Свитежанка—Г. Мея.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

КЛАДБИЩЕ НА БЕРЕГУ МОРЯ,

разсказъ Карла Диккенса.

Кладбище на берегу моря! Какая трогательная лѣтопись безчисленныхъ опасностей въ жизни моряка и рыболова. Только блуждая посреди надгробныхъ памятниковъ этихъ людей, можно вполнѣ понять ихъ преданность обязанностямъ, принятымъ ими или по выбору или по необходимости. Мы любимъ, въ погодное время, смотрѣть на неизмѣримую равнину океана, когда онъ, блестя и играя, развиваетъ предъ нами голубую пелену свою. Съ какою жадностію внимательный взоръ нашъ ловитъ на гребнѣ волнъ бѣлѣющій призракъ далекаго паруса; съ какимъ участіемъ слѣдимъ мы за быстрымъ пароходомъ, обозначающимъ безслѣдный бѣгъ свой длинною струею сизаго дыма, и переносящимъ пассажировъ въ иныя страны, къ новымъ зрѣлищамъ, новымъ впечатлѣніямъ. Мы любуемся, какъ заботливые приморцы спускаютъ съ берега рыбачьи ладьи свои, или возвращаются въ нихъ съ моря, при очаровательномъ полусвѣтѣ едва занявшейся зари. Тогда море и оживляющіе его люди, пріодѣваются въ глазахъ нашихъ какимъ-то праздничнымъ блескомъ; труды, безсонныя ночи, тяжкія страданія, смерть, ускользаютъ отъ нашей мысли при видѣ великолѣпной декораціи, насъ окружающей, и спокойной, беззаботной поступи актеровъ этой сцены. Но какая разница, когда мы взглянемъ на полную обстановку жизни рыбака, если мы не устранимъ зимы и бури отъ картины этаго тревожнаго существованія. Не многіе изъ насъ могутъ слѣдить за моракомъ въ существенномъ быту его, но кто пожелаетъ имѣть полное понятіе о его жизни, тотъ можетъ ознакомиться со всѣми тревогами этой драмы, посѣтивъ прикорское кладбище.

Недавно бродилъ я по двумъ кладбищамъ на приморьѣ Іоркшейра; постараюсь передать здѣсь впечатлѣнія, тогда на скоро набросанныя на бумагу. Сперва посѣтилъ я кладбище при селеніи Фейлей. Деревня эта хорошо извѣстна путешественникамъ, по окружающимъ ее печальнымъ степямъ и по грозному величію, такъ называемаго, *Фейлейскаго моста* — скалистой полосы земли, вдавшейся далеко въ море, проходимой только во время отлива. Когда море возвышается, и волны прилива съ шумомъ разбиваются о скалистые берега этой косы, ничто не можетъ сравниться съ дикою прелестью этаго мѣста.

Digitized by Google

Въ зимнія бури, мостъ этотъ становится для моряковъ истиннымъ *мостомъ вздоховъ*. Много судовъ, даже большихъ кораблей, претерпѣли крушеніе отъ этихъ утесовъ.

На одномъ изъ надгробныхъ камней, на которомъ прежде, чѣмъ на другихъ, остановился взоръ мой, я прочелъ слѣдующую надпись: «*Въ память Ричарда Ричардсона, погибшаго въ морѣ 29 Ноября 1799 года*», а на другомъ сосѣднемъ камнѣ: «*Елисавета, жена его, умершая 19 Января 1833 года, 89-ти лѣтъ отъ роду.*»

Несчастный морякъ погибъ на скалахъ; жена его три мѣсяца отыскивала его тѣло. Въ этой скорбной заботѣ ее поддерживало упорное предчувствіе, что она непремѣнно найдетъ его. Въ теченіе цѣлой зимы слѣдила она за отливомъ моря, и по мѣрѣ, какъ оно сливало съ береговъ, ея пламенный взоръ безпокойно осматривалъ каждый выдавшійся утесъ, погружался въ разсѣды каменистыхъ скатовъ, обѣгалъ каждую площадку земли между скалами, и рылся въ ступняхъ морскихъ травъ, нанесенныхъ грозою. Напрасно сосѣди убѣждали ее отказаться отъ тщетной надежды отыскать тѣло мужа; напрасно говорили ей, что эти трудные поиски во время зимней стужи могутъ быть для нея гибельны,—каждый день она снова появлялась на берегу, не смотря на холодъ и бури. Наконецъ ея неутомимыя старанія увѣнчались успѣхомъ; она нашла трупъ своего мужа, и могла, по крайней мѣрѣ, предать его землѣ. Какою душевною силою была одарена эта женщина, прожившая тридцать четыре года послѣ такаго трогательнаго подвига супружеской любви и достигшая девяносто-лѣтней старости!

Неподалеку оттуда находится надгробный камень, поставленный въ память заслуженнаго моряка и его жены, погибшихъ въ переѣздѣ изъ Лондона въ Шильдсъ. Другой морякъ умеръ на пути въ Квебекъ. Вотъ памятникъ двумъ братьямъ: одинъ утонулъ въ Темзѣ, другой погибъ въ Константинополѣ. Большая часть надгробныхъ камней поставлены только въ память усопшихъ, погибшихъ или умершихъ въ странахъ далекихъ, и не покрываютъ ихъ бренныхъ останковъ. Всѣ надписи просты и трогательны. Въ нихъ отражается та истинная чувствительность, которой мы тщетно ищемъ въ подкупныхъ хвалахъ эпитафій на великолѣпныхъ памятникахъ городскаго кладбища.

Иногда крушеніе корабля, изсѣченное на камнѣ, изображаетъ участь того, кто подъ нимъ покоится. Далѣе, на могильномъ камнѣ счастливаго мореходца изображенъ корабль на всѣхъ парусахъ, съ надписью, въ которой воздаютъ благодареніе Всевышнему за неоднократное спасеніе его при жизни отъ опасностей его состоянія.

Digitized by Google

Фейлейское кладбище хранитъ не менѣе преданій о погибшихъ на землѣ, какъ и морскихъ легендъ. Одно изъ этихъ преданій, еще недавнее, въ особенности привлекаетъ вниманіе посѣтителя. При самомъ входѣ, съ лѣвой стороны, на одномъ изъ памятниковъ начертаны имена Елисаветы Кемишъ, умершей въ Августѣ 1848 года 22-хъ лѣтъ отъ роду, и инженера Роберта Снарра, погибшаго въ Мартѣ 1849 года 32-хъ лѣтъ. Елисавета Кемишъ умерла отъ грудной болѣзни. Она была обручена съ Робертомъ Снарромъ, который такъ горячо любилъ ее, что по ея смерти, почиталъ ея родителей своими, жилъ вмѣстѣ съ ними, и покидалъ ихъ только тогда, когда ходилъ на могилу своей возлюбленной. Получивъ должность въ Нортомберлендѣ, онъ пришелъ проститься съ прахомъ своей невѣсты. Мать Елисаветы сказала ему: «Робертъ! въ моей горести, я забыла расплатиться съ лекаремъ, пользовавшимъ мою бѣдную дочь;—я пойду заплатить слѣдующіе ему двадцать фунтовъ стерлинговъ».—Это уже сдѣлано, матушка, отвѣчалъ Робертъ, и ни за что не согласился чтобы мать покойницы возвратила ему эти деньги. «Матушка, говорилъ онъ, оставьте эти деньги у себя; если со мною случится несчастіе, вы ими заплатите за мое погребеніе, но покуда я живъ, я не возьму ихъ. Если бы Елисавета жила, все мое принадлежало бы ей, и я чувствовалъ какое-то грустное наслажденіе заплатить за нее». Спустя полчаса послѣ этаго разговора, съ желѣзной дороги, по которой отправился Робертъ, принесли окровавленный трупъ его, и оставленныя имъ деньги употреблены были въ точности по его назначенію. Онъ похороненъ въ одной могилѣ съ Елисаветою. Поэзія еще не вовсе изчезла на свѣтѣ, когда и желѣзныя дороги платятъ ей дань.

Если продолжать странствіе между гробами, повѣствующими намъ тревожную жизнь моряка, Скарборское кладбище имѣетъ полное право на наше вниманіе. Древняя церковь во имя Пресвятой Дѣвы Маріи, возвышается при подошвѣ горы и владычествуетъ надъ окружающими ее надгробными памятниками. Это мѣсто, вѣроятно, было долгое время складомъ смерти. Надобно полагать, что на этомъ кладбищѣ покоится не одна жертва изъ племени воиновъ, жившихъ въ то время, когда Саксоны обладали страною, когда Датчане опустошали приморье съ Регнеромъ Лодброгомъ, укрѣпили мысъ Фламбро, и построили Вайти, бѣлый городъ, гдѣ Петръ Гавестонъ, съ войсками Эдуарда II, командовалъ замкомъ, подъ стѣнами котораго убитъ Джонъ-Мильдронъ, вождь Парламентскихъ войскъ.

Сколько надгробныхъ камней поставлены здѣсь въ память по-

Digitized by Google

гибшимъ въ далекихъ странахъ всѣхъ частей свѣта! Кладбище это представляетъ исторію ихъ бѣдствій.

Здѣсь прочтете вы участь судовъ, претерпѣвшихъ крушеніе: *Слава* (изъ Ярмута) погибла съ цѣлымъ экипажемъ; *Бельси* и *Анна* поглощены волнами; *Дружба* разбилась о скалы; *Надежда.* въ минуту гибели, потеряла свой якорь, а *Счастливый возвратъ* не могъ войти въ гавань. Читая эти гранитныя страницы лѣтописи мораковъ, невольно подумаешь, что только безумецъ можетъ ввѣрить себя грозной прихоти океана; но взгляните на смуглыя лица, встрѣчающіяся вамъ на пути, и вы не увидите на нихъ ни унывія, ни даже грусти. *Морской волкъ* вездѣ и всегда тотъ же; онъ поетъ свою веселую пѣсню въ гавани, и отправляясь въ далекое плаваніе, на новыя опасности, на гибельныя предпріятія, повторяетъ старую поговорку: «когда-нибудь вѣдь надо же умереть».

Это случилось 5 Ноября 1821 года. Съ утра еще поднялся сѣверо-восточной вѣтеръ и ежечасно усиливался. Рыбачьи лодки и суда угольщиковъ, посѣщающія эти берега, стекались со всѣхъ сторонъ искать убѣжища въ Фейлейской и Скарборской гаваняхъ, за которыми, исключая ненадежной Берлингтоновской бухты, берегъ, на дальнее разстояніе, не представляетъ удобнаго пристанища. День былъ пасмурный и грозный. Жители смотрѣли изъ оконъ своихъ жилищъ, какъ суда входили на рейдъ. Издали, на высотахъ видѣлись люди, которые, съ трудомъ сопротивляясь вѣтру, старались узнавать суда, оставшіяся въ открытомъ морѣ, и замѣтить угрожавшую имъ опасность. Одна мысль, грустная и неотступная, овладѣла всѣми жителями: въ такой бурный день, при сильномъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, который всегда сноситъ суда на прибрежныя скалы, не обойдется безъ ужасныхъ бѣдствій. Съ полудня, по морю покатились грамадныя волны, стряхая на верхи утесовъ пѣну гребней своихъ, а вѣтеръ, завывая въ ущеліяхъ, разносилъ по воздуху унылые свои стоны. Многіе изъ судовъ съ трудомъ входили въ гавань, избѣгнувъ, стараніями экипажа, опасности попасть на сосѣднія скалы.

Въ числѣ судовъ, искавшихъ убѣжища въ Фейлейскомъ заливѣ, было одно, принадлежащее молодому человѣку, по прозванію Жоржъ Жолифъ. Съ скудными средствами, оставленными ему покойнымъ отцомъ его, и съ неутомимою дѣятельностію, Жоржъ Жолифъ, вскорѣ по смерти отца, сдѣлался хозяиномъ рыбачьей лодки съ пятью работниками. Дѣла его шли не дурно. Лодка составляла все его состояніе, и не рѣдко въ долгіе часы ночи, когда сѣти его были закинуты въ море, грустная дума тяготѣла у него на

Digitized by Google

сердцѣ: что станется съ нимъ, если съ его *Красавицей Сусанной* случится несчастіе. Лодка эта носила имя его жены, и когда онъ воображалъ себѣ свою пригожую добрую Сусанну съ двумя дѣтьми, въ опрятномъ его жилищѣ на одной изъ небольшихъ улицъ Скарборо, онъ не могъ не содрогнуться отъ ужаса, при мысли, что съ его лодкою можетъ, какъ и съ другими, случиться бѣда. По счастію, это были пролетныя мысли; не оставляя глубокихъ слѣдовъ, онѣ усугубляли только его дѣятельность и бдительность.

Нѣсколько уже дней Жоржъ находился на Деггерской отмели, для ловли трески, какъ вдругъ состояніе атмосферы начало предвѣщать близкую бурю. Онъ стянулъ свои сѣти, подобралъ паруса, и съ обычною ловкостію направилъ свое судно къ берегу. Вскорѣ и всѣ бывшіе тамъ рыбаки послѣдовали его примѣру, и ихъ ладьи вмѣстѣ плыли къ заливу. Но прежде чѣмъ Жоржъ завидѣлъ землю, вѣтеръ быстро началъ крѣпчать, и когда берегъ былъ уже въ виду, онъ убѣдился, что ему не возможно добраться до Скарборской бухты, и хорошо, если удастся войти въ Фейлейскую. Послѣ долгихъ, неимовѣрныхъ усилій, 5 Ноября по полудни, достигъ онъ безопаснаго пристанища, и бросилъ якорь среди другихъ судовъ. Утомленные, промокшіе, истощенные продолжительными усиліями, четыре товарища Жозифа взбирались съ нимъ на гору къ деревнѣ Фейлей; внезапно вниманіе ихъ было поражено необычною толпою матросовъ и рыбаковъ около маяка, изъ которыхъ многіе смотрѣли въ зрительныя трубы, обращенныя къ морю. Это заставило ихъ оглянуться, и они увидѣли прекрасное купеческое судно, безъ парусовъ и, вѣроятно, не повинующееся уже рулю, которое разъяренныя волны несли прямо къ группѣ скалъ, окруженныхъ моремъ, и называющихся «*Спектанъ*». Много судовъ разбилось на этихъ гибельныхъ утесахъ.

«Ничто не спасетъ ихъ теперь», сказали нѣсколько голосовъ, съ спокойствіемъ, которое чужеземецъ почелъ бы безчувственнымъ равнодушіемъ. Между тѣмъ, въ толпѣ пробѣжало внезапное движеніе. Жоржъ и его товарищи поняли, въ чемъ дѣло. Многіе изъ свидѣтелей этаго случая намѣревались подать помощь экипажу судна, обреченнаго на неизбѣжную гибель. Мало было надежды для пассажировъ; гряда скалъ тянулась на нѣсколько миль, и на всемъ протяженіи со стороны моря образовала отвѣсную стѣну, футовъ въ двѣсти вышиною. Волны, набѣгая на этотъ непреодолимый оплотъ, съ громовымъ гуломъ разсыпались въ брызги у его подножія. Хотя изнеможенный отъ усталости, Жоржъ однако рѣшился немедленно присоединиться къ тѣмъ, которые собирались

Digitized by Google

подать помощь несчастнымъ, столпившимся на палубѣ гибнувшаго корабля, или, покрайней мѣрѣ, показать имъ въ послѣднее утѣшеніе принимаемое участіе въ ихъ бѣдственномъ положеніи.

Забѣжавъ въ ближайшій питейный домъ, онъ выпилъ кружку пива, захватилъ кусокъ хлѣба и сыру, и вскочилъ въ тележку, отправлявшуюся къ берегу, съ многими рыбаками. Только одинъ изъ его товарищей согласился ему сопутствовать; это былъ его младшій братъ. Прочіе три объявили, что они едва живы отъ усталости и остались въ деревнѣ.

Быстро помчалась тележка. Толпа молодыхъ моряковъ, избравъ ближайшую дорогу, бѣгомъ пустилась къ прибрежнымъ скаламъ. Жоржъ и его спутники, подъѣхавъ на нѣкоторое разстояніе къ этому мѣсту, высѣли изъ тележки, и также пустились бѣгомъ, неся съ собою круги веревокъ и одежду для тѣхъ, которыхъ удастся спасти. Время отъ времени раздавался съ корабля сигнальный выстрѣлъ гибели. Сначала казалось, что экипажъ, стоявшій на палубѣ, надѣется спасти судно отъ опасности и привести его на якорь, но вскорѣ страшная дѣйствительность ихъ положенія ясно предстала предъ очами несчастныхъ жертвъ, и предстоявшіе, видя ихъ неизбѣжную гибель, бросились къ скаламъ. Сигналъ: «*бѣдствую*» повторялся чаще и чаще.

Когда Жолифъ и его товарищи достигли вершины скалъ, день начиналъ вечерѣть. Вѣтеръ былъ силенъ и порывистъ; море волновалось ужасно. Толпа смотрѣла на гибнущій корабль въ мертвомъ молчаніи; одна изъ мачтъ—сломанная лежала вдоль палубы, на которой нѣсколько человѣкъ, съ воздѣтыми къ нему руками, взывали о помощи. Когда корабль подносило ближе къ скаламъ, онъ встрѣтилъ сильный отбой волнъ, которыя, ударясь объ утесы и отхлынувъ назадъ, вскорѣ повалили судно на бокъ. Въ этомъ положеніи несло его къ берегу.

Волны безпрестанно заливали палубу и сносили столпившихъ на ней несчастливцевъ; ихъ раздирающіе крики слышались даже и въ шумѣ бури. Собравшіеся на берегу зрители трепетали отъ ужаса. Сознавая, что ихъ присутствіе безполезно, они все не могли отвратить взоровъ отъ этого ужасающаго зрѣлища. Какъ будто удерживаемые непреодолимою силою, смотрѣли они въ оцѣпенѣніи на злополучныхъ, которыхъ каждое мгновеніе приближало къ гибели. Вдругъ показался на палубѣ старикъ съ сѣдыми волосами, покрытыми морскою пѣною. Держась одною рукою за снасти мачты, онъ поднялъ другую къ зрителямъ, и устремилъ на нихъ умоляющій взоръ, какъ бы ожидая отъ нихъ спасенія. Внезапное

Digitized by Google

волненіе пробѣжало по толпѣ. Корабль поднялся на хребтѣ волнъ и вдругъ низринулся въ бездну, почти возлѣ самыхъ скалъ. Еще нѣсколько секундъ—и все будетъ кончено. Съ берега бросали веревки, но отдаленіе и сильный вѣтеръ не допускали ихъ до цѣли, и онѣ опадали внизъ по скалистой стѣнѣ, не достигая судна. Наконецъ, старикъ поймалъ конецъ одной изъ брошенныхъ веревокъ. Цѣлая толпа вскрикнула отъ радости, хотя въ настоящемъ положеніи нельзя было допустить и малѣйшей надежды. Корабль безпрестанно приближался къ утесамъ. Всѣ взоры были устремлены на старика,—всѣ старались замѣтить, успѣлъ ли онъ укрѣпить веревку около себя. Онъ видимо пытался это сдѣлать, держась за мачту, изъ опасенія, чтобы волны, достигающія палубы, не увлекли его, но казалось, что силы его совсѣмъ были истощены. Въ толпѣ слышались слова: *«онъ не въ состояніи,—ему не удастся»*. Въ эту минуту новая волна съ ревомъ хлынула на палубу и покрыла несчастнаго. Когда волна слила, онъ все еще держался за мачту, поднялъ руку, провелъ ею по лицу, какъ бы старался отереть глаза отъ воды, и возвелъ взоръ къ небу, съ судорожнымъ усиліемъ держа конецъ поданной ему веревки, не имѣя силъ обвязать ее около себя. Наконецъ корабль, съ страшнымъ трескомъ взброшенный на прибрежные рифы, заколебался, покачнулся назадъ и до половины опустился въ бездну; потомъ какъ бы собственнымъ усиліемъ вдругъ рванулся впередъ,—большая мачта съ трескомъ упала, а срубъ, казалось, разсѣлся. Тогда черная корма судна, какъ призракъ поднялась изъ опѣненныхъ волнъ, и изчезла въ кипящей безднѣ, оставя за собою горестный слѣдъ уродливыхъ обломковъ, которые гнѣвныя волны гнали къ негостепріимному берегу.

На другое утро вѣтеръ опалъ, и съ разсвѣтомъ множество лодокъ пустилось въ море, пытаясь захватить что-либо изъ выброшенныхъ моремъ предметовъ. Жоржъ отправился одинъ изъ первыхъ. Черты сѣдаго старца, коего гибели онъ былъ свидѣтелемъ, глубоко запечатлѣлись въ его памяти. Цѣлую ночь ему снился этотъ несчастный, и тогда какъ другіе искали добычи, онъ искалъ заботливымъ взоромъ обломокъ мачты, возлѣ которой старикъ стоялъ на канунѣ. Хотя вѣтеръ и стихъ, но море еще сильно волновалось, и опасно было приближаться къ утесамъ. Другіе рыбаки собирали все, что осталось отъ кораблекрушенія,—Жоржъ искалъ обломка мачты, и наконецъ увидѣлъ его, но весьма далеко. Немедленно направилъ онъ свою лодку къ этому мѣсту, и вскорѣ убѣдился, что не ошибся. Виднѣвшаяся изъ волнъ рука держалась за веревку, обвитую около обломка мачты. Сильное волненіе не

Digitized by Google

допускало лодку приблизиться, но послѣ многихъ усилій Жоржу удалось накинуть петлю на руку утопленника и подвести къ лодкѣ обломокъ. Тогда, ударомъ топора обрубилъ онъ веревку, опутанную около мачты, и вытянулъ въ лодку старика, который тщетно умолялъ ихъ наканунѣ о помощи. Старикъ былъ лѣтъ семидесяти, высокаго роста и величественной наружности.

— Эти черты показываютъ человѣка не простаго рода, сказалъ Жоржъ.—Смерть его причинитъ гдѣ нибудь много горя.

Разсуждая такъ, Жоржъ увидѣлъ на рукѣ покойника нѣсколько драгоцѣнныхъ перстней; онъ снялъ ихъ, показалъ товарищамъ, примолвя: «замѣтьте, сколько счетомъ», и положилъ ихъ въ карманъ. Потомъ снялъ съ него обвязанный около тѣла кожаный поясъ, въ которомъ находился общитый въ клеенку запечатанный пакетъ, и старательно сложенная бумага, нѣсколько подмокшая. Жоржъ бережно развернулъ ее: это былъ адресъ значительнаго торговаго дома въ Гуллѣ.

— Я это самъ вручу этимъ негоціантамъ, сказалъ Жоржъ.

— А наша доля? воскликнули его товарищи.

— Это не принадлежитъ ни мнѣ, ни вамъ, отвѣчалъ Жоржъ. Если Богъ намъ пошлетъ какую добычу за исполненіе долга, мы ею подѣлимся. Что же касается до этихъ предметовъ, я готовъ защищать ихъ до послѣдней капли крови. Теперь попытаемся, не отыщемъ ли чего еще на разживу.

Товарищи Жоржа, недовольные при первыхъ словахъ его, успокоились окончаніемъ этой рѣчи, и приготовились начать поиски. Чрезъ нѣсколько часовъ они возвратились съ богатой добычей.

Жолифъ, желая избѣжать вмѣшательства полиціи въ дѣла старика, вылѣзъ изъ лодки въ той части залива, откуда ближе было пробраться на дорогу въ Гулль. На пути встрѣтилъ онъ дилижансъ, и въ тотъ же вечеръ пріѣхалъ въ городъ, а на слѣдующее утро явился въ контору торговаго дома, по найденному при старикѣ адресу, разсказалъ, что случилось, и отдалъ бумаги и перстни. Негоціянты были, по видимому, поражены этимъ событіемъ. «Несчастный Эйкерсвордъ»! восклицали они. Потомъ вскрыли конвертъ, совѣщались между собою, и одинъ изъ нихъ, обращаясь къ Жоржу, сказалъ: «Вы поступили какъ честный человѣкъ. Можемъ увѣрить васъ, что поступокъ вашъ не останется безъ награды. Не скроемъ отъ васъ, что бумаги эти весьма для насъ важны; онѣ охраняютъ весьма значительныя дѣла. Одинъ изъ насъ отправится вмѣстѣ съ вами, чтобы отдать послѣдній долгъ нашему другу и сотоварищу. Вотъ покуда десять фунтовъ стерлинговъ для васъ, и столько же для вашихъ товарищей».

Digitized by Google

Тѣло утопшаго погребено въ главной Скарборской церкви.

Въ наступившую зиму, Жоржъ самъ лишился ладьи своей. Въ густой туманъ *Красавица-Сусанна* разбилась о Фейлейскія скалы, братъ его утонулъ, и онъ самъ едва могъ спастись. Жена его, пораженная этимъ бѣдствіемъ, родила прежде времени, и отъ послѣдствій здоровье ея вовсе разстроилось. Лишенный всего состоянія, Жоржъ пошелъ въ работники, и за скудную плату переносилъ всѣ труды моряка и суровую зиму.

Насталъ Апрѣль. Больная Сусанна въ первый разъ вышла подышать свѣжимъ воздухомъ. Мужъ свелъ ее подъ руку на пригорокъ къ замку. Послѣ прогулки возвращались они къ своей бѣдной хижинѣ. Бѣдная Сусанна, блѣдная, истощенная страданіями, вела за собой двухъ дѣтей своихъ. У порога ихъ хижины увидѣли они молодаго, статнаго человѣка, который разговаривалъ съ г-жею Брайтъ, ихъ сосѣдкою.

— А вотъ и самъ г. Жолифъ, воскликнула сосѣдка, завидя ихъ.

Незнакомый снялъ шляпу, почтительно поклонился Жоржу, и голосомъ, въ которомъ отзывалось сильное душевное волненіе, сказалъ ему: «Мое имя Энкерсвордъ».

— Энкерсвордъ! вскричалъ Жоржъ, и забытое воскресло въ его памяти.

— Я сынъ того, чье тѣло вы отыскали въ морѣ, послѣ крушенія корабля *Денкмода*. Мнѣ нужно съ вами поговорить.

Они вошли въ комнату.

— Вы Англичанинъ? спросилъ Жоржъ молодаго человѣка.

— Я Датчанинъ, отвѣчалъ чужеземецъ, но я былъ воспитанъ въ Гуллѣ, и почитаю Англію своимъ вторымъ отечествомъ, которымъ такіе люди, какъ вы, г. Жолифъ, заставили бы меня гордиться, если бы я и не имѣлъ другихъ къ тому поводовъ.

Жоржъ смѣшался. Глаза г-жи Жолифъ заблистали радостію и самодовольствіемъ, и она не старалась скрывать это. Послѣ непродолжительнаго объясненія, г. Энкерсвордъ узналъ всѣ бѣдствія бѣднаго семейства, съ тѣхъ поръ, какъ Жоржъ отыскалъ въ морѣ трупъ его отца, и охранилъ его права на значительное имѣніе.

— Провидѣніе хотѣло, сказалъ г. Энкерсвордъ, чтобы признательность наша имѣла полную цѣну. Я былъ задержанъ зимою въ Архангельскѣ, когда получилъ извѣстіе о смерти моего отца, иначе я давно былъ бы здѣсь. Именемъ матери моей, жены, сестры, брата и сотоварищей моихъ по торговлѣ, прошу васъ, г. Жолифъ, принять отъ насъ лучшее рыбачье судно, какое только есть теперь въ Гуллѣ на продажу. Если не найдется судна перваго сорта, можно

Digitized by Google

построить на заказъ. Примите также сто фунтовъ стерлинговъ, какъ маленькій капиталъ на случай непредвидѣнныхъ бѣдствій, столь частыхъ въ вашемъ быту. Если когда-либо случится, что это слабое доказательство нашей признательности наведетъ васъ на мысль, что мы еще не сдѣлали для васъ всего, что желали бы сдѣлать, обратитесь тогда къ намъ, и вѣрьте, что вы не тщетно къ намъ обратитесь

Нужно ли говорить, какое благополучіе принесло въ домъ несчастнаго семейства посѣщеніе Г. Энкерсворда, и какъ онъ самъ былъ доволенъ, исполнивъ долгъ свой. Г-жа Жолифъ вскорѣ выздоровѣла, а Жоржъ часто любовался, какъ новая *Красавица-Сусанна* неслась на всѣхъ парусахъ по синей равнинѣ залива. Я распрашивалъ въ Скарборской гавани, нѣтъ ли еще между рыбачьими судами *Красавицы-Сусанны*, но мнѣ не удалось отыскать ее, а сказывали мнѣ, что веселый капитанъ купеческаго судна *Гольджеръ-Донскъ*, содержащаго сообщеніе между Копенгагеномъ и Гулемъ, мужчина лѣтъ пятидесяти, называется Жоржъ Жолифъ, и что сынъ его, молодой человѣкъ рѣдкихъ способностей, служитъ повѣреннымъ при торговомъ домѣ Давидсенъ, Анкерсвордъ и *комп.*, которому принадлежитъ *Гольджеръ-Донскъ*. Радостно было подумать, что благородный поступокъ рыбака встрѣтилъ сердца, умѣвшія понять и оцѣнить его.

—

ИСКАТЕЛИ ЗОЛОТА ВЪ СРЕДНИХЪ ВѢКАХЪ.

Раймондъ Луллій.

Родъ человѣческій, во всѣ эпохи своей жизни, томится жаждою неизвѣстнаго. Каждое столѣтіе порождало Прометеевъ, которые, пытаясь отыскать безусловное начало старались изучить тайны науки, проникнуть тайны природы, даже извѣдать пути Провидѣнія. Это стремленіе нашего ума непреодолимо: напрасно перстъ Всемогущаго начерталъ рубежъ для человѣческой мысли, напрасно караетъ Онъ безумную отвагу этихъ титановъ науки,—они снова возникаютъ съ неукротимой дерзостію, и ничто не въ силахъ, удержать порывовъ ихъ генія. Они стремятся похитить огонь небесный.

Парацельсъ и Раймондъ Люль должны, кажется, занять первыя мѣста въ этой страшной школѣ, въ особенности послѣдній изъ нихъ, имѣвшій еще въ семнадцатомъ вѣкѣ пылкихъ приверженцевъ, какъ медикъ и какъ философъ.

Личность Раймонда Люлля и его жизнь, такъ романическая и вмѣстѣ философская, вполнѣ достойны изученія. Медикъ, никогда

Digitized by Google

не учась, алхимикъ мысли и науки, онъ увѣрялъ, что нашелъ универсальное искусство, и доказалъ, по крайней мѣрѣ, своею отвагой и успѣхами, что онъ достаточно постигъ ерготизмъ и лжемудріе современной эпохи, умѣвъ въ ней преобладать.

Раймондъ Люлль принадлежалъ къ одной изъ благороднѣйшихъ фамилій Испаніи. Еще въ семнадцатомъ вѣкѣ, члены этой фамиліи были очень сильны въ Фландріи. Отецъ его, также по имени Раймондъ, былъ одинъ изъ храбрѣйшихъ военачальниковъ короля Арагонскаго Іакова 1-го, прозваннаго Побѣдителемъ. Онъ содѣйствовалъ своему властелину въ завоеваніи королевствъ Валенціи и Мурціи, и присоединеніи ихъ къ его державѣ. Сопутствуя ему во всѣхъ походахъ, онъ предпринялъ изгнаніе Мавровъ съ Балеарскихъ острововъ, чтобы присоединить къ Арагоніи эту страну, подобіе земнаго рая. Ему удалось отбить Маіорку и Минорку, за что король Іаковъ пожаловалъ ему въ ленное владѣніе часть завоеванной имъ области. Такимъ образомъ содѣлался онъ владѣльцемъ горы Рапды, Рунхуата, Мирамора и проч.

Въ Палмѣ, столицѣ Маіорки, родился у него въ 1236 году сынъ, который наслѣдовалъ его именемъ, его славою и его достояніемъ, и который въ послѣдствіи владычествовалъ надъ нравственнымъ міромъ своего времени, подъ именами: Медика-Иллюмината и Раймонда-Чудеснаго (Raymond le fantastique).

Въ тѣ времена, когда чудесное имѣло столько власти надъ умомъ толпы, что наука почиталась чернокнижіемъ, что Естественной Исторіи, Космографіи и Физикѣ давали неблагозвучныя названія Судебной Астрологіи, Алхиміи и чародѣйства, повѣрныя преданія слились съ исторіею, чтобы украсить жизнеописаніе ученаго философа. Современники приписываютъ Раймонду Люллію изобрѣтеніе эликсира долговѣчія и открытіе великаго дѣла (le grand oeuvre). Многіе изъ повѣствователей увѣряютъ, что онъ жилъ триста лѣтъ и былъ современникомъ историческихъ событій трехъ вѣковъ. Басня эта вскорѣ снискала довѣріе, во-первыхъ потому, что отецъ и сынъ Раймонда носили одно съ нимъ имя, во-вторыхъ, что онъ, такъ сказать, размножилъ свою личность, странствуя по цѣлому свѣту, и всюду проповѣдуя свое великое искусство, свои философическія идеи, и оставляя въ каждой странѣ неизгладимые слѣды своего пребыванія.

Что касается до приписываемыхъ ему неимовѣрныхъ открытій, ученость его, необыкновенная въ его время, не мало содѣйствовала распространенію этаго убѣжденія. Можетъ быть онъ и самъ воображалъ, что прожилъ цѣлую вѣчность въ одинъ часъ невы-

Digitized by Google

носимыхъ страданій. И точно, не открылъ ли тотъ эликсира долгой жизни, чьи дни медленно тянутся въ истомѣ безнадежной тоски?

Юность Раймонда протекла въ мечтахъ и бездѣйствіи. Напрасно родители Раймонда покушались занять ученьемъ пылкость его удивительнаго ума. Онъ съ отвращеніемъ отвергъ науку безполезную и исполненную лжи и безсмыслицъ, которую хотѣли передать ему современные наставники. Ребенокъ этотъ родился послѣ войны, во времена мирныя, въ самомъ благословенномъ климатѣ, и полюбилъ спокойную сладость бездѣйствія и красоты природы. Пятнадцати лѣтъ отъ роду, вмѣсто того, чтобы изучать древнихъ писателей Рима и Греціи, вмѣсто того, чтобы углубляться въ *начала* св. Изидора Севильскаго, читать Косму Индикоплевста, Веніамина Тудельскаго и Петачію, онъ предпочиталъ рѣзвиться въ тѣни роскошныхъ рощей, гдѣ померанцовыя деревья сыпали на луга благовонный иней бѣлыхъ цвѣтовъ своихъ; онъ любилъ погружать безпокойный взоръ свой въ бездонную синеву Испанскаго неба или въ прозрачную пучину спокойнаго моря. Какое дѣло было ему до жизни и ея волненій, до науки и ея заблужденій? Предъ нимъ разстилалась свѣтлая будущность, озлащенная лучами надежды, и ему отраднѣе было пробѣгать по цвѣтущей области мечты, чѣмъ по безплоднымъ степямъ, по которымъ повело бы его ученье. Какъ прекрасенъ былъ міръ въ мечтахъ юноши! Подъ тѣнистымъ наметомъ роскошной растительности, мысль его сладко дремала, и душа жадно ловила мимолетные призраки творческихъ сновъ. Онъ вдыхалъ въ себя благовонную струю теплаго воздуха, слагалъ стихи, грезилъ о грядущемъ, о славѣ, о любви, и беззаботно смотрѣлъ на игру прихотливой волны.

Но эта сладкая бездѣйственность не могла продлиться; она не совмѣстна была съ нравами того времени, а семейство Раймонда желало въ немъ видѣть достойнаго преемника славы предковъ. Вскорѣ онъ вынужденъ былъ покинуть деревню и переселиться ко Двору. Миловидный пажъ, не безъ сожалѣній въ первое время, вскорѣ привыкъ къ своей новой жизни. Женщины любили его, — онъ любилъ женщинъ. Вскорѣ даже онъ доказалъ имъ, что не хуже другихъ умѣетъ объясниться въ любви и сложить сонетъ на ихъ черныя очи.

Съ тѣхъ поръ, онъ день-ото-дня входилъ въ большую милость при Дворѣ, его осыпали почестями, и сколько по уваженію его личныхъ достоинствъ, столько и въ вознагражденіе заслугъ его отца, король сдѣлалъ его Сенешалемъ острововъ, Меромъ дворца, и женилъ его на богатой наслѣдницѣ, отъ которой онъ имѣлъ трехъ

Digitized by Google

потомковъ. Раймондъ и послѣ женитьбы не покинулъ волокитства и не переставалъ писать любовные стихи. Въ парчевомъ полукафтанѣ, подъ богатымъ бархатнымъ кафтаномъ, съ закрученнымъ къ верху усомъ, молодой гидальго умѣлъ нравиться блестящимъ сеньорамъ Двора, и если любовь эта не занимала его сердца, она наполняла, по крайней мѣрѣ, пустоту его жизни.

Настало однакоже время, когда любовь истинная, восторженная, неукротимая, вторглась въ его душу. Онъ встрѣтилъ молодую генуэзку Амброзію ди Кастелло, красота которой равнялась ея добродѣтели. Юношескіе сны его воскресли; казалось, все существо его возобновилось, и юность уступила въ немъ мѣсто возмужалости. Невѣрныя обольщенія чувствъ ему наскучили, свѣтъ представился ему лживымъ и пустынымъ, и жизнь безъ любви страстной, вѣчной, казалась ему пустымъ, ничтожнымъ призракомъ. Онъ всюду слѣдовалъ за Амброзіей, не страшась упиваться ядомъ безнадежной любви. Когда обязанности и строгія условія свѣта ихъ разлучали, онъ удалялся отъ общества, чтобы внимать въ уединеніи упоительнымъ рѣчамъ своего любящаго сердца, и писать для своей возлюбленной страстные стихи. Однажды, стоя близъ нея въ церкви, когда сердце его сильно билось, и уста трепетали пламенной мольбою, онъ сочинилъ сонетъ, который дышалъ всею дерзостію страстной неги.

Амброзія, не равнодушная къ столь сильной любви, но добродѣтельная супруга и нѣжная мать, отвѣчала на посланіе Раймонда, стараясь его образумить и отвлечь отъ любви, виновной во всѣхъ отношеніяхъ. Вотъ это письмо, сохранившееся въ архивахъ Пальмы:

«М. Г. Сонетъ, который вы мнѣ прислали, показываетъ мнѣ все «превосходство вашего ума, недостатки, или заблужденія вашего «разсудка. Какъ не повѣрить, что вы искусны въ описаніяхъ кра«соты, когда вы умѣли украсить безобразіе? Но зачѣмъ вы тратите «божественный вашъ геній на похвалу горсти праха, подцвѣчен«наго краскою жизни? Вы должны были употребить ваше умствен«ное могущество, чтобы погасить любовь свою, а не на то, чтобы «выявлять ее.

«Это не потому, чтобы вы были недостойны привязанности «первыхъ дамъ въ мірѣ, но вы ошибаетесь, посвятивъ свое служе«ніе послѣдней изъ нихъ. И должна ли душа, способная постигать «величіе Создателя, прилѣпляться страстію къ ничтожному созда«нію? должна ли душа эта, прозрѣвшая въ свѣтѣ истины, затем«нять слѣпотою ясный взоръ свой?

Digitized by Google

«Забудьте, М. Г., пожирающую васъ страсть, и не забывайте «заботиться о вашей славѣ, для пріобрѣтенія того, чего вы ни- «когда не получите. Если вы не перестанете себя обманывать, я «сама васъ разочарую, доказавъ вамъ, что предметъ вашей при- «вязанности долженъ быть предметомъ вашего отвращенія. Я от- «вергаю любовь вашу, можетъ быть, именно потому, что слиш- «комъ люблю васъ.»

Письмо это, не только не погасило любви Раймонда, но еще болѣе воспламенило ее. Въ этихъ разсудительныхъ рѣчахъ, въ этой благоразумной воздержности, онъ видѣлъ взаимную любовь. Онъ хотѣлъ повергнуться къ ногамъ Амброзіи, вымолить у ней обѣтъ или признаніе, но дверь ея была заперта для слишкомъ отважнаго любовника, и ни просьбы, ни слезы не помогли.

Раймондъ, терзаемый отчаяніемъ, понялъ, что вся жизнь его сосредоточилась въ его любви. Онъ возненавидѣлъ и свѣтъ и Дворъ, и почувствовалъ, что страсть его возрасла до такой степени, что ему оставалось на выборъ: или любовь Амброзіи, или смерть.

Однажды, прогуливаясь верхомъ по городу, чтобы разсѣять тоску свою, онъ встрѣтилъ женщину въ черной мантильѣ, и узналъ въ ней предметъ своей страсти. Не повинуясь ни гласу благоразумія, ни сознанію своихъ обязанностей, онъ слѣдовалъ за ней, верхомъ, даже въ церковь. Тамъ бросился онъ къ ея ногамъ, воскликнувъ:

—Амброзія, я люблю тебя!... я люблю тебя безумно.... Ужели ты хочешь убить меня?...

Сенора ди Кастелло, смущенная такою любовью и такою отвагой, и желая поскорѣе его отправить и не сдѣлать происшествія гласнымъ, обѣщала его выслушать. Раймондъ удалился, но не прежде, какъ получивъ обѣщаніе тайнаго свиданія.

Ожидая этой желанной минуты, онъ чувствовалъ, что вся кровь его прилила къ сердцу, и силы удвоились. Пламенные взоры его видѣли свѣтъ и природу совершенно въ другомъ видѣ. Солнце казалось ему лучезарнѣе, небо синѣе и глубже, море безпредѣльнѣе.... Въ день назначеннаго свиданія, онъ былъ какъ сумасшедшій.

Свидѣвшись, онъ упалъ къ ея ногамъ, не имѣя силъ произнести ни одного слова; біеніе его сердца, безумный взглядъ его, разсказали за него повѣсть его страсти. Бѣдная Амброзія не менѣе его страдала.... Могла ли она устоять противъ столь сильной страсти?...

Digitized by Google

— Раймондъ,— воскликнула она,—о Раймондъ! вы отважились на все, чтобы услышать признаніе, которое можетъ погубить насъ обоихъ. Когда уже ничто не могло остановить васъ, когда ваша страсть довела и меня до безумія васъ выслушать, такъ знайте же—и я люблю васъ!—Но узнайте также. что это признаніе есть приговоръ къ вѣчной разлукѣ съ вами. Что бы вы ни дѣлали, на что бы ни отважывались, вы болѣе меня не увидите. У меня остались еще въ этомъ свѣтѣ обязанности, которыя я должна исполнить. Онѣ есть и у васъ, Раймондъ. Подумайте о нихъ и соберите свои силы. У насъ обоихъ есть семейства, которымъ мы должны отдать отчетъ въ нашихъ дѣйствіяхъ, и которыя требуютъ отъ насъ жизни безъ пятна.... Любовь наша преступленіе, — перестанемъ любить другъ друга. Не забывайте Неба и его законовъ, и помните, что нашъ проступокъ будетъ наказанъ вѣчнымъ отверженіемъ. Прощайте, Раймондъ.... мужайтесь!...

Сказавъ это, Амброзія хотѣла удалиться, но Раймондъ схватилъ ее съ такимъ выраженіемъ отчаянія, что въ ея сердцѣ зажглась искра любви и сожалѣнія.

Она схватила его горячія руки: «О Раймондъ,—сказала она,—если бы возможно было продлить жизнь вѣчно!... если бы наука разгадала тайну безсмертія!... Если бы грядущіе вѣка принадлежали намъ.... Раймондъ, другъ души моей, я ушла бы съ тобою за моря и за горы, я сокрылась бы съ тобой въ самый отдаленный уголокъ земли, и тамъ, пренебрегая свѣтомъ и его законами, забывъ самое небо, я предалась бы тебѣ и наполнила бы блаженствомъ цѣлую нашу вѣчность.

Амброзія также безумствовала. Добродѣтель ея возвратила ей разсудокъ. Съ быстротою молніи вырвалась она изъ объятій безумца, и исчезла навсегда..

На этотъ разъ Раймондъ не старался удержать ее. Съ неподвижнымъ взоромъ, съ пламенѣющей головою, онъ не трогался съ мѣста, какъ пораженный громомъ. Любимая имъ женщина открыла предъ очами его генія неизмѣримое поле дѣятельности; она произнесла предъ нимъ магическое слово: Наука! —Наука? Раймондъ никогда не подумалъ объ этомъ. Можетъ быть наука доставитъ ему любовь Амброзіи! Къ чему колебаться, зачѣмъ сомнѣніе, для чего откладывать? Онъ исторгнетъ у невѣдомаго его завѣтныя тайны; онъ откроетъ эликсиръ вѣчной жизни, онъ будетъ наслаждаться съ любимицей души своей вѣчнымъ, невозмутимымъ блаженствомъ.

Съ этой минуты судьба Раймонда Люлля была рѣшена. Онъ покинулъ всѣ свои должности при Дворѣ и вышелъ въ отставку,

Digitized by Google

продалъ часть своего имѣнія, обезпечилъ остальнымъ свое семейство и удалился въ уединеніе.

Тамъ онъ принялся учиться со всею пылкостію и могуществомъ дѣвственной мысли, впервые углубившейся въ науку, во всей полнотѣ своей возмужалой силы. Онъ прочелъ съ жадностію всѣхъ Герметическихъ философовъ, существовавшихъ до его времени. Онъ совокупилъ ихъ всѣхъ въ извлеченіи всего изъ нихъ лучшаго. Вскорѣ чтеніе сдѣлалось для него недостаточнымъ. Онъ объѣзжаетъ Европу и Востокъ, онъ пользуется уроками и совѣтами всѣхъ адептовъ своего времени. Онъ выслушиваетъ учениковъ Аверроя и Альберта Великаго; онъ ѣдетъ во Флоренцію повидаться съ Брунетто Латини, наставникомъ Данта. Наконецъ наука раскрыла для него таинственную глубину свою, и въ каждой книгѣ, имъ прочитанной, въ каждой лабораторіи, имъ посѣщенной, онъ подстерегъ, онъ исхитилъ тайну.

Между тѣмъ время летѣло. Года смѣнялись годами; Раймондъ Люлль не замѣчалъ ихъ. Горячка любознательности овладѣла имъ, и казалось излечила горячку любви. У Раймонда была своя лабораторія. Онъ топилъ металлы и пытался добыть чудесный порошокъ (poudre de projection) химическимъ соединеніемъ соли, мѣди и ртути. Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Наконецъ красноватый порошокъ показался на поверхности кипящей амальгамы. Онъ бережно собираетъ его, приводитъ въ жидкость и наполняетъ двѣ стклянки этою красноватою жидкостію.

О восторгъ, о восхищеніе, о благополучіе! Эликсиръ долгой жизни открытъ. Онъ жадно пилъ чародѣйскую влагу.

Исполненный восторга и той самой непобѣдимой любви, которая побудила его предпринять это великое дѣло, онъ летитъ къ Амброзіи. «Другъ души моей,—писалъ онъ прежде,—я открылъ тайну безсмертія, я везу къ тебѣ всесильный напитокъ. Твоя красота, какъ путевая звѣзда, свѣтитъ мнѣ на горизонтѣ; я лечу къ ногамъ твоимъ!...«

Когда онъ прибылъ къ Сеноръ ди Кастелло, старая, дряхлая женщина встрѣтила его.

Старый другъ мой,—сказала она;—я счастлива, видя, что ты не забылъ меня. Мнѣ пріятно твое посѣщеніе; теперь я безъ опасенія могу принять тебя.

Раймондъ въ ужасѣ отскочилъ отъ нея.

— Амброзія! воскликнулъ онъ;—моя возлюбленная Амброзія!

— Ты не узнаешь меня, сказала она;—лѣта многоизмѣняютъ, не правда ли? Ты не считалъ ихъ со времени нашей разлуки. И ты,

Digitized by Google

дорогой другъ, и ты много измѣнился; волоса твои посѣдѣли, морщины покрыли чело.... Вѣрь мнѣ, — забудемъ о безсмертіи; намъ досталась бы въ удѣлъ вѣчная дряхлость.

Съ этими словами она подала Раймонду зеркало. Страшный свѣтъ озарилъ умъ Раймонда.

—Несчастная!— воскликнулъ онъ, но я уже пилъ элексиръ жизни. Неужели ты хочешь опять меня покинуть и оставить одного навсегда,—навсегда! О пей, пей умоляю тебя, говорилъ онъ, подавая ей стклянку.—Я нашелъ безсмертіе;—найду красоту и юность.

— Сжалься и надо мной, и надъ собою; посмотри что ты хочешь обезсмертить!

Алхимикъ, въ судорожномъ движеніи, поднялъ руку къ глазамъ; стклянка выпала, разбилась,—элексиръ испарился. Несчастливецъ впалъ въ припадокъ отчаянія. Его отнесли домой, и тамъ, въ ужасныхъ страданіяхъ болѣзни, онъ бился на своей постели, призывая смерть.

—Великій Боже!—восклицалъ онъ,—ужели я въ самомъ дѣлѣ безсмертенъ, какъ осужденный на вѣчныя муки?

Если къ длинному итогу скорбей и ошибокъ человѣка, прибавить еще одну скорбь и одну ошибку; если счесть одну по одной всѣ муки сердца и совокупить ихъ вмѣстѣ, все это будетъ слабымъ выраженіемъ страданій несчастнаго Раймонда. Но къ чему описывать ихъ! Каждый изъ насъ, живущихъ на этомъ свѣтѣ, каждый испыталъ, хотя однажды въ жизни, хотя одинъ день, одинъ часъ, одно мгновеніе, эту неописанную муку. Много существъ предопредѣленныхъ избранныхъ, которые, стоя какъ онъ, между ненавистнымъ прошедшимъ и погубленною будущностію, не чувствуютъ въ себѣ пламенѣющей, жгучей струи эликсира долгой жизни!

Послѣ продолжительной болѣзни, Раймондъ возвратился наконецъ къ ненавистному ему существованію; онъ удалился на гору Рондо, въ подземелье, гдѣ у подножія Креста Искупителя велъ жизнь отшельника, въ молитвахъ, постѣ и покаяніи.

Небо умилостивилось надъ нимъ, и одинъ сонъ возвѣстилъ ему смерть мученическую, Въ то же время онъ увидалъ дерево, на листьяхъ котораго были начертаны писмена всѣхъ языковъ, какъ бы указывая ему, что онъ долженъ идти проповѣдывать слово Божіе всѣмъ народамъ міра. Раймондъ пришелъ въ восхищеніе. Универсальное искусство (l'art universel) сдѣлалось ему ясно, и уста его повторяли нѣсколько разъ слово, выражающее Творца и творенія: O bonitas!

Digitized by Google

Высокомѣріе человѣка было побѣждено: страсти, волновавшіе сердце поклонника свѣта, поэта и Алхимика—умерли. На этомъ пеплѣ пылало одно только пламя, свѣтлое и неугасаемое: пламя любви божественной, ученія истиннаго, и ревности къ обращенію въ Вѣру Христіанскую.

Изнемогая въ болѣзняхъ, которыя не могли лишить его жизни, терзаемый угрызеніями совѣсти, Раймондъ несъ тяжелый крестъ свой съ терпѣніемъ и покорностію. Онъ присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ Амброзіи, и безъ смятенія, не воспоминая прошедшаго, сопровождалъ къ Господу эту душу, которая будетъ ожидать его тамъ и за него молиться. Будучи давно уже вдовымъ, онъ возложилъ власяницу и монашескую рясу, основалъ Францисканскую Коллегію, для обученія восточнымъ языкамъ; потомъ оставилъ Маіорку, и пустился по свѣту вѣщать слово истины и обрѣсти скорбь, страданія и смерть.

Смерть! смерть, которую призывалъ онъ ежечасно, какъ единственную надежду, единственную будущность. Смерть, которая не внимала его моленію, и указывая на свѣтъ, отвѣчала ему: впередъ, впередъ!

Это былъ старецъ, убогій, безъ покрова, съ сѣдыми власами, съ потемнѣвшимъ отъ скорби взоромъ, съ горькою улыбкой. Время избороздило морщинами чело его, и ничего уже въ природѣ не могло возмутить его безстрастной души. Плачевная развалина человѣка, онъ безъ отдыха пробѣгалъ разныя страны свѣта, города и селенія, въ ведро и ненастье, не обращая вниманія: зеленью ли покрыты лѣса или морозный иней лежитъ на нихъ. Увы! онъ не разъ уже видѣлъ привѣтъ румяной зари, онъ давно уже зналъ, что весною зеленѣютъ лѣса, что осенью желтѣетъ и спадаетъ листъ. Давно, давно уже повторялъ онъ грустную истину: Ничто не ново подъ луною!

Тогда-то настала эпоха, въ которую Раймондъ Люлль владычествовалъ надъ умствешнымъ міромъ среднихъ вѣковъ. Онъ преподавалъ свою философію во всѣхъ университетахъ Европы. Онъ былъ принятъ при всѣхъ Дворахъ, присутствовалъ на всѣхъ Соборахъ. Папы, Императоры, Короли, поколѣнія,—смѣнялись и слѣдовали одни за другими, а Раймондъ, все одинъ, все тотъ же, проповѣдывалъ слово Божіе Сарацынамъ, *великое искусство* ученымъ, и единство вѣры и ученія, единство общественное—мужамъ государственнымъ и владыкамъ міра.

Иногда его встрѣчали съ восторгомъ, и ученики его, въ фанатическомъ изступленіи, торжественно носили его на рукахъ своихъ;

Digitized by Google

иногда его обвиняли, сажали въ темницу и осыпали ругательствами и оскорбленіями — враги, соперники и невѣжды. Но Раймондъ съ твердостію, неустанно продолжалъ начатое. Онъ основывалъ вездѣ монастыри для обученія языкамъ, преслѣдовалъ ереси и приверженцевъ Аверроя, и во всѣхъ важныхъ современныхъ событіяхъ является или дѣятелемъ или зрителемъ.

Онъ былъ свидѣтелемъ послѣднихъ подвиговъ Крестоносцевъ, видѣлъ кровопролитную борьбу Гвельфовъ и Гибелиновъ. Онъ былъ современникомъ Данта, Рожера Бакона, Флавіо Джіойи, Чимабуи, Джіотта, Жана де Мёна, Гильома де Лорри, Жуанвиля и Доктора Скотта, съ которымъ онъ имѣлъ знаменитые диспуты. Онъ жилъ въ царствованіе Михаила Палеолога и видѣлъ разрушеніе царства Латиновъ, царствованіе Генриха III въ Англіи и учрежденіе представительнаго правленія, царствованіе Лудовика Святаго во Франціи и Рудольфа Габсбургскаго въ Австріи. Онъ былъ свидѣтелемъ *Сицилійскихъ вечерень* и соперничества Карла Анжуйскаго и Петра Арагонскаго; при немъ Бенуа Каэтанъ, въ послѣдствіи Бонифацій VII, отнялъ владѣнія у папы Целестина V; при немъ совершилось великое раздѣленіе церкви, при немъ были богоотступные совѣты Филиппа Прекраснаго и несправедливое осужденіе Рыцарей Храма.

Болѣе трехъ сотъ томовъ остались памятникомъ чудесной жизни Раймонда Люлля. Онъ составлялъ энциклопедіи о великомъ искусствѣ, написалъ реторику, логику, сочиненія о разумѣ, о памяти и волѣ о законахъ, о нравственности, о богословіи и политикѣ; о философіи, о физикѣ, о метафизикѣ, математикѣ, медицинѣ и химіи. Онъ трудился, ожидая смерти, которая все отвергала его мольбы и усилія.

Слуга его, Мавръ, напрасно покушался убить его; напрасно претерпѣвалъ онъ нѣсколько разъ кораблекрушенія; напрасно невѣрные терзали его, — жизнь его не уступала покушеніямъ ее исторгнуть. Почти при послѣднемъ издыханіи, изнуренный, избитый и съ поврежденными членами, онъ ощущалъ въ себѣ сверхъестественную силу безсмертія.

Настало однако же время, и Господь явилъ милосердіе къ покаянію грѣшника и мукамъ страдальца. Въ 1315 году, на равнинахъ Пуниса, Африканскіе Мавры раздавили его подъ глыбами камней. Два Генуэзскіе купца, Этьенъ Колонна и Люи де Пасторга, увидѣли въ наступившую ночь, на берегу моря, фосфорическое сіяніе. Они приблизились, разобрали камни и нашли Раймонда Люлля, измозженнаго, уродливую массу костей и тѣла, но все еще живаго!.... Они перенесли его на свой корабль и

Digitized by Google

отправились въ Испанію. Но часъ милосердія насталъ: Раймондъ Люлль, прозванный *чудеснымъ*, или докторомъ-*иллюминатомъ*, умеръ въ 3-го Іюльскія календы, въ виду своей отчизны, острова Маіорки.

Увы! горести, труды, уединеніе безжалостно длятъ быстрое время. Раймондъ Люлль умеръ не старѣвосьмидесяти лѣтъ отъ роду!

Раймондъ Люлль принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, слава которыхъ всегда остается сомнительною, потому что геній ихъ былъ слишкомъ эксентричнымъ, его открытія или помыслы не могли всенародно быть извѣстны. Утопія Раймонда, по мнѣнію однихъ—смѣшная, по словамъ другихъ—высокая, была его *великое искусство*, цѣлью котораго было: уничтоженіе всѣхъ сочиненій метафизическихъ и наукъ спекулативныхъ, и разрушеніе до основанія схоластики, замѣнивъ всѣ теоріи реалистовъ универсальнымъ средоточіемъ Идеализма.

Докторъ-иллюминатъ пытался, если можно такъ выразиться, создать высочайшее существо въ наукѣ, и хотѣлъ надѣлить человѣчество обрѣтеніемъ безусловнаго начала въ нашей мысли. Знаменитый адептъ въ ученіи Гермеса, какъ и всѣ ученые въ его время, слѣдуя закону подобій, онъ открылъ родъ алхиміи разума. Древо науки предстало ему въ минуту религіознаго изступленія, и онъ возмечталъ, что не только можетъ раздѣлить плоды его всему человѣческому роду, но сохранить и произрастить семена тѣхъ плодовъ.

Одинъ лучь умственнаго свѣта открылъ ему средоточіе всякаго свѣта, и онъ полагалъ, что изъ устремленія идей въ это средоточіе, онъ произведетъ для всѣхъ универсальность человѣческихъ знаній. Однимъ словомъ, онъ хотѣлъ обрѣсти синтезисъ, до того неоспоримый, чтобы никакой анализъ сталъ не нуженъ непосредственно не восходящій къ этому же синтезису. Онъ изобразилъ идею безусловнаго начала однимъ словомъ: bonitas (благость). Изъ этой идеи благости онъ сдѣлалъ оселокъ и признакъ всякой истины, утверждая, что нѣтъ истины безъ благости, и на оборотъ. Такъ понялъ онъ и объяснилъ существо и всемогущество Бога.

Раймондъ полагалъ представить своимъ ученикамъ науку врожденную и универсальную, ключь къ всевозможнымъ изысканіямъ и тайну ораторской импровизаціи. По его мнѣнію, каждый помыселъ происходитъ отъ воззрѣнія (intuition) на предвѣчное слово, и, потому, какъ въ ограниченномъ, такъ и безконечномъ, онъ видитъ только дѣйствіе слова и результатъ этого дѣйствія. Изъ этого понятія онъ хотѣлъ выводить всѣ дефиниціи, которыя служатъ основаніемъ въ ученыхъ трудахъ.

Digitized by Google

По его понятіямъ, дефиниція тогда только правильна, когда выражаетъ причину, дѣйствіе и результатъ: именительный падежъ, глаголъ и подлежащее. Онъ не вѣрилъ, чтобы въ метафизикѣ и въ физикѣ могли быть равно-значенія (синонимы) и самъ употреблялъ въ дефиниціяхъ наименованіе опредѣляемаго предмета, что въ глазахъ толпы казалось ошибкой или избыткомъ простодушія. Напримѣръ, по его способу дефиниціи, *изобрѣтеніе* слѣдовало бы опредѣлить такъ: дѣйствіе изобрѣтателя, который изобрѣтаетъ изобрѣтеніе; по его понятіямъ полная дефиниція заключается въ совокупленіи этихъ трехъ выраженій: *изобрѣтатель*, какъ причина или именительный падежъ; *изобрѣтаетъ*, какъ глаголъ или дѣйствіе, и *изобрѣтеніе*, какъ результатъ. Понять это было то же, что постичь духъ опредѣляемаго слова, имѣя его силепсисъ, анализъ и синтезисъ.

Раймондъ *Люлль* надѣялся во всемъ предупредить умозрѣніе науки схоластической и замѣнить отвлеченность существенностію. Это было, въ особенности въ то время,—произвести революцію въ метафизикѣ. Эта революція преобразовала бы университеты, уничтожила бы тоги докторовъ и дипломы бакалавровъ,—вотъ почему и встрѣтилъ такое противудѣйствіе докторъ-иллюминатъ, опредѣливщій предметы ихъ собственнымъ наименованіемъ, и предлагавшій: для полученія понятій о всѣхъ вещахъ, сравнивать съ критеріумомъ качествъ, коего основаніемъ была благость, то есть Богъ.

Онъ въ древности еще подалъ мысль къ методѣ Жакото, пытаясь создать интеллектуальную машину, которая должна была привести подъ одинъ уровень всѣ умы и сдѣлать ихъ равномѣрно способными къ геніальнымъ помысламъ и къ дарамъ таланта.

Разрушая такимъ образомъ подмостки противурѣчивой науки среднихъ вѣковъ, Раймондъ Люлль, какъ новый Прометей, поклонникъ слова, хотѣлъ покончить начатое дѣло, установивъ великое единство и изгладивъ слѣды столпотворенія Вавилонскаго. Для этого онъ изучилъ всѣ языки, сравнилъ всѣ ихъ первобытныя начала, сблизилъ ихъ корни, и, такъ сказать, открылъ Европѣ языки восточные, то есть первобытные.

Философъ, который въ тринадцатомъ столѣтіи дѣлалъ подобныя усилія для образованія, противуставя ученіе такъ неожиданное изворотамъ доктора Скотта—*хитраго* или тонкаго, долженъ былъ подать обильную пищу преданію. Раймондъ *чудесный* слылъ странствующимъ рыцаремъ ума; а мечтатели противуставили его великому иносказанію Вѣчнаго Жида. Многіе думали, что Раймондъ совершаетъ торжественное покаяніе за какое-нибудь нечелове-

Digitized by Google

ческое преступленіе, и имя его осталось окруженнымъ суевѣріемъ и ужасомъ.

Не былъ ли Раймондъ дѣйствительно преступенъ, покушаясь открыть человѣку знанія, которыхъ онъ не долженъ былъ вѣдать? Не разгласилъ ли онъ тайны Элевзиса? не разодралъ ли безразсудно завѣсу храма? Кто можетъ это сказать теперь, когда его *великое искусство*, мечта цѣлой его жизни, идеалъ этого страдальца, содѣлался для насъ только философической рѣдкостью, которая вызываетъ улыбку ученыхъ.

Къ чему можетъ послужить ключь, когда нѣтъ замка?

Къ чему же было бы теперь покушеніе возстановить ученіе философа, какимъ былъ Раймондъ Люлль? Безпристрастная исторія исторгла его изъ числа чернокнижниковъ, чтобъ помѣстить въ число безумцевъ. По какому праву можемъ мы возставать противъ этого? Что знаемъ мы изъ вопросовъ, которые будятъ воспоминаніе о немъ.

Безумецъ!... онъ точно былъ безумцемъ своего вѣка, потому что не былъ понятъ. Мудрость не можетъ находиться внѣ предѣловъ здраваго смысла.

—

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЖИЗНИ ИГРОКА.

IV.

У каждаго большаго игрока есть непремѣнно свой ассистентъ въ родѣ подмастерья. Онъ обязанъ присутствовать при играхъ, сводить игры, угождать любовницѣ своего патрона и нерѣдко хозяйничать въ его домѣ. Ассистентъ почти всегда бываетъ самый дерзкій шуллеръ и почти всегда безъ гроша. По необразованности, безсредственности и недостатку энергіи ему бываетъ недоступно высшее игрецкое общество, онъ не приглашается на игры къ игрокамъ, но ѣздитъ всегда вмѣстѣ съ своимъ патрономъ. Хозяинъ дома его не замѣчаетъ, ибо, принимая настоящаго игрока, принимаетъ его ассистента за одно съ нимъ существо. — Ассистентъ есть круперъ игрока, когда тотъ мечетъ банкъ; обязанность его состоитъ въ томъ, чтобъ какъ возможно искуснѣе общитывать и приписывать лишнее, часто даже нарочно устроеннымъ мѣломъ. Вообще ассистентъ, бывая самъ у игрока въ десятой, двадцатой, а иногда даже въ сороковой долѣ, предохраняетъ его отъ разныхъ недосмотровъ, промаховъ въ игрѣ, предостерегаетъ отъ вѣрныхъ игръ, или, смотря по обстоятельствамъ, самъ продаетъ своего патрона.

Моимъ всегдашнимъ ассистентомъ былъ Кесарь Михеичъ Хлопиковъ. Онъ былъ мнѣ необходимъ какъ по удивительной

Digitized by Google

дерзости въ передержкахъ, такъ по фундаментальному знанію игры и испытанной вѣрности. Самого Кесаря Михеича судьба зашила въ черную шкуру; онъ имѣлъ такую забитую физіономію, что никакъ не имѣлъ смѣлости вызвать порядочнаго человѣка на бой, а всегда только сводилъ игры. Все выигранное имъ въ *умную* игру, или полученное за сводъ игры, онъ обыкновенно проигрывалъ, играя на счастіе, и почти всегда былъ безъ гроша. Я платилъ ему пичтожныя доли за сводныя игры, платилъ за его квартиру, бралъ ему кресло въ театрѣ, дарилъ свое платье, угощалъ въ кофейныхъ; и за все это онъ обязанъ былъ сопровождать меня въ баню, быть au petit soin подлѣ моей любовницы, заботиться о моемъ благосостояніи, предохранять отъ вѣрныхъ игръ, смѣшить меня, когда мнѣ скучно, и разсказывать анекдоты, ходить пѣшкомъ, ѣздить въ экипажѣ и верхомъ, однимъ словомъ, жить какъ мнѣ вздумается.

Продѣлки Кесаря Михеича въ маленькихъ игрецкихъ кругахъ до того смѣшили меня, что въ свободное время для меня не было лучше наслажденія, какъ разсказы Кесаря Михеича, который похвастать былъ не послѣдній въ своемъ родѣ. У него была страсть не пріобрѣтенія, а просто страсть игры, и какъ бы ни былъ незначителенъ выигрышь, онъ равно приносилъ ему наслажденіе. Такимъ образомъ Кесарь Михеичъ съ восторгомъ выигрывалъ у нищаго сохранную росписку въ 25 руб.; за которую нельзя получить и копѣйки, съ тѣмъ же самымъ восторгомъ выигрывалъ онъ у своихъ пріятелей шинели, панталоны, чубуки, скрипку, словомъ все, что хотите; мысль, что этотъ выигрышъ былъ — а не,—составляла для него уже наслажденіе, и онъ не заботился о цѣнности вещей, и самаго сомнительнаго плюса достаточно было для того, чтобъ Кесарь Михеичъ находился въ самомъ пріятномъ расположеніи духа. Но въ то время, которое я описываю, дѣлишки Кесаря Михеича были въ весьма дурномъ положеніи, а именно: Кесаря Михеича посѣтилъ тотъ самый бичъ, который распространился по всему земному шару изъ Азіи,—это адская мучительная болѣзнь любовь, болѣзнь, которую влилъ въ людей искуситель для того, чтобъ она подвигала ихъ на разныя странныя, глупыя жертвы и нерѣдко на разныя гадости, смотря потому, на что былъ человѣкъ способенъ, на глупое или на гадкое дѣло; любовь, [говорю, сильно задѣла Кесаря Михеича; онъ влюбился страстно въ одну Марью Павловну, на которой и женился....

Марья Павловна Хлопикова была молоденькая женщина лѣтъ двадцати двухъ, миленькая брюнеточка, съ носикомъ вздернутымъ

Digitized by Google

къ верху; ея малый ротъ при ея миленькомъ личикѣ придавалъ ей совершенно видъ хорошенькаго ребенка, и всѣ ея пріемы оттѣнялись тою дѣтскою наивностію, которую мы видимъ не въ женщинѣ, а въ дѣвушкѣ, занятой еще игрушками. Если Марья Павловна читала книгу вслухъ, то это походило точь въ точь на лепетъ тринадцатилѣтней дѣвочки, которая, бѣгая въ рекреаціонной залѣ института, твердила свой урокъ передъ приходомъ учителя; когда же она въ деревнѣ, одѣтая въ легкомъ бѣленькомъ платьицѣ и соломенной шляпкѣ, бѣгала по полямъ, то была какъ двѣ капли воды похожа на маленькую дѣвочку, гонявшуюся за бабочками. Добрая сердцемъ отъ природы, Марья Павловна была однакожъ несносна своими капризами въ домашнемъ быту. Воспитанная не матерью, а мачихою при больномъ отцѣ, Марья Павловна получила весьма поверхностное воспитаніе, которое заключалось въ умѣньи кой-какъ лепетать по-Французски, играть на фортепьяно нѣсколько романсовъ да двѣ качучи, и въ умѣньи вальсировать самымъ увлекательнымъ образомъ въ три такта. Къ тому присовокуплялось: граціозное смотрѣніе безъ всякой нужды въ лорнетку, умѣнье дѣлать безъ всякой надобности самые сладострастные, сентиментальные глазки, вовремя выказывать бѣлые, какъ жемчугъ, зубки, и выставлять маленькую стройную ножку болѣе, нежели сколько требовало приличіе. Съ такими данными въ одинъ изъ вторниковъ Машеньку Прытчеву вывезли въ благородное собраніе. Появленіе милой дѣвушки не осталось непримѣченнымъ цѣлымъ обществомъ. Даже блѣдныя дѣвушки высшаго Московскаго круга навели на нее свои равнодушно-гордыя лорнетки и выговаривали ей почти подъ носъ: Quelle jolie petite fille!... Отецъ Машеньки былъ человѣкъ не чиновный; онъ служилъ при почтамтѣ и остановился на чинѣ титулярнаго совѣтника. Приданаго у его дочери было не много, почему онъ и не думалъ нисколько манериться, когда послѣ двухъ вторниковъ мачиха Машеньки объявила ему, что за его дочь сватается женихъ: Рязанскій помѣщикъ, Кесарь Михеичъ Хлопиковъ. Гдѣ служилъ Кесарь Михеичъ, я ужъ этого не помню, знаю только, что онъ былъ въ отставкѣ, носилъ усы и всячески избѣгалъ разговоровъ о военной и гражданской службѣ. — Что касается до Машеньки, то она долго упрямилась. Ей очень нравились другіе молодые люди, а именно: одинъ гусарскій корнетъ, который часто танцовалъ съ нею въ собраніи, одинъ студентъ — князь; и еще одинъ, хоть и штатскій, но каммеръ-юнкеръ съ крестиками и съ фризурою на Французскій манеръ. Однакожъ всѣ эти три купидона помахивали своими крылышками на Машеньку,

Digitized by Google

какъ говорится, только мимоходомъ; корнетъ былъ очень молодъ и ужасно какъ занимался своимъ рысакомъ и цыганками. Студентъ, по видимому, не думалъ еще ни о службѣ, ни о будущемъ семейномъ счастіи, а камеръ-юнкеръ наровилъ быть министромъ и связями женитьбы упрочить свое повышеніе и богатство. Одинъ только Кесарь Михеичъ присталъ, какъ говорится, съ ножемъ къ горлу, всякій день то и твердилъ, бывало, мачихѣ: «Марью Павловну въ одной рубашкѣ возьму, мнѣ съ женою, а не съ имѣніемъ жить! — А если не получу руки, говорилъ Хлопиковъ, то ей-Богу застрѣлюсь!» Мачиха Машеньки тоже не долго противилась и дала слово Хлопикову. Основаній къ тому было множество: приданаго, какъ выше сказано, у Машеньки были одни тряпки; другая же, главная, причина была та, что Машенька была дѣвочка вострухa и составляла товаръ, который, какъ говорятъ Московскія свахи, скоро портится. И вотъ ей день-деньской жужжали въ уши, то отецъ, то мачиха, что Кесарь Михеичъ Рязанской помѣщикъ и прекрасный мужъ, обстоятельный мужъ; если въ службу пойдетъ, скоро до капитана дослужится, потомъ маіоромъ будетъ, тамъ полковникомъ, а тамъ генераломъ, а тамъ ему и звѣзду дадутъ. Наконецъ, Машенькѣ все это страшно надоѣло; въ одно утро, когда къ ней приставали и мачиха и больной отецъ, она сказала: да ну—иду! и въ тотъ же день объявила Хлопикову: ну хорошо-съ, я васъ люблю-съ. Восхищенный Кесарь Михеичъ принялъ это слово за то чистенькое, сладенькое гармоническое люблю, которое говоритъ восторженная дѣвушка, кидаясь на шею человѣку, замѣняющему для нея весь міръ, и котораго голосъ одинъ велитъ ей принесть всякую жертву. Хлопиковъ воспламенился, какъ лава Везувія, при этомъ магическомъ словѣ, почему, приподнявъ при семъ удобномъ случаѣ свои плечи, произнесъ на манеръ, какъ говорятъ актеры въ трагедіяхъ: — теперь я твой.... я твой до гроба!... я весь твой до самой смерти.... только коварная смерть разлучитъ насъ!....

Когда Машеньку вѣнчали, то она плакала подъ вѣнцемъ, свѣча ея два раза гасла, она послѣ жениха стала на подножку; лошади на возвратномъ пути изъ церкви шибко бѣсились. Во время обряда нѣсколько старухъ говорили въ одинъ голосъ: — ахъ, какая она худенькая, да маленькая, куропаточка точная, а онъ-то какой дебелый! Нѣтъ, худо будутъ жить, притомъ же въ Маѣ вѣнчаются, всю жизнь маяться будутъ!—Точно такъ и вышло: съ самаго перваго дня молодые начали жить какъ кошка съ собакой.

Кесарь Михеичъ Хлопиковъ былъ самый хвастливѣйшій изъ

Digitized by Google

всѣхъ хвастуновъ, какихъ когда-либо видалъ свѣтъ Божій. Самая главная его страсть была выдавать себя за богача, за игрока и за отчаяннаго дуэлиста. Онъ немилосердо хвасталъ каждому то о покупкѣ никогда небывалыхъ гнѣдыхъ лошадей, то фаэтона. Иногда увѣрялъ, что у своего пріятеля выигралъ не отгибаясь 20 т. руб., тогда какъ весь выигрышъ кончался какою-нибудь сотнею рублишекъ, да и то написанныхъ мѣлкомъ въ обведенномъ кружечкѣ, какъ обыкновенно дѣлается, когда оба играющіе бываютъ пріятели и когда у обоихъ, при дурной погодѣ, нѣтъ ни гроша въ карманѣ; много-много выигрывался тутъ же какой-нибудь Черкесскій кинжалъ Тульской работы, старая ермолка, да пеньковая трубка и тому подобный хламъ; что же касается до дуэлизма Кесаря Михеича, то хотя дѣйствительно онъ между знакомыми слылъ какою-то занозою, но бывалъ задоренъ только тогда, когда ужъ черезъ чуръ кутнетъ и начнетъ сильно напирать, чтобъ его товарищъ *прорѣзалъ* (1) хоть маленькую; такъ что всѣ его претензіи на дуэли кончались обыкновенно мировою и прорѣзаніемъ. Всѣ, кто зналъ Кесаря Михеича, такъ привыкли къ его вызовамъ на дуэли, что, бывало, чуть Кесарь Михеичъ упомянетъ слово: я чувствую оскорбленіе,—какъ другой и говоритъ: нечего дѣлать, давай, прорѣжемъ маленькую! Тѣмъ дѣло и кончалось. Случаи же, которые Кесарь Михеичъ принималъ себѣ за оскорбленіе, были весьма многочисленны, и главнѣйшіе изъ нихъ заключались въ неотдачѣ ему картежнаго долга, въ требованіи съ него самаго долга тѣмъ, кому онъ запаливалъ *чернячка*, и въ произнесеніи въ его присутствіи слова супъ, которое рѣшительно составляло тайну, почему такъ остервенялся за него Кесарь Михеичъ. Что это слово Хлопиковъ ненавидѣлъ, разсказалъ какой-то Рязанскій помѣщикъ, но почему—того никто не зналъ. Наконецъ, самымъ величайшимъ оскорбленіемъ Хлопиковъ считалъ, если въ то время, когда онъ хвасталъ, пріятели замѣчали ему: ну, братъ, ты, кажется, зарапортовался!—Тутъ онъ обыкновенно говорилъ: повторите, повторите, милостивый государь,—что, разумѣется, повторялось при самыхъ мирныхъ послѣдствіяхъ. Зарапортовывался же Кесарь Михеичъ просто на всякомъ шагу; онъ до того прывыкъ лгать, что уже въ послѣдствіи и самъ не понималъ, что говорилъ; его самого можно было увѣрить, что, сказанная имъ нечаянно правда была ложь, а ложь была правда, ибо въ головѣ у него рѣшительно все перепу-

(1) Прорѣзать значитъ на языкѣ нѣкоторыхъ снять проволоку съ бутылки шампанскаго.

Digitized by Google

талось отъ безпрестанной лжи. Бывало, встрѣтитъ знакомаго, и на вопросъ: что васъ такъ давно нигдѣ не видно? навретъ, напримѣръ, что онъ былъ на гауптвахтѣ за какую-нибудь выдуманную дуэль, или наскажетъ, что былъ въ Петербургѣ, да еще передастъ поклонъ отъ какого-нибудь общаго знакомаго, котораго будто видѣлъ у Беранже; иногда встрѣтится, и навретъ, что навѣщалъ васъ и не засталъ дома, то наскажетъ, что былъ на огромномъ балѣ, или на великолѣпныхъ похоронахъ, и все такъ просто, безъ всякой причины.

Но при такомъ малодушіи, въ картежныхъ игрокахъ Кесарь Михеичъ былъ ума палата. Онъ имѣлъ необыкновенную сноровку тотчасъ смѣкать, кого на сколько можно было пустить, дорываясь до материка. Чтобъ знать, кого на сколько можно было пустить, дорываясь до материка, Кесарь Михеичъ употреблялъ слѣдующій способъ наблюденія: онъ быстро окидывалъ однимъ взглядомъ человѣка, съ которымъ шелъ на бой, и рѣшалъ: если у знакомаго были часы, кольцо и шуба, то пускать его отъ ста до двухъ-сотъ рублей; если же у пріятеля не было часовъ, а вмѣсто шубы шинель на ватѣ съ какимъ-нибудь страннымъ, сомнительнымъ воротникомъ, желавшимъ походить на бобра, то Кесарь Михеичъ рѣшалъ пускать въ долгъ не болѣе какъ на 25 р. ассигн., какъ бы тотъ ни приставалъ къ нему при подмазкѣ. Отъ этого правила Хлопиковъ не отступалъ ни на шагъ, какъ до брака, такъ и послѣ брака, тѣмъ болѣе, что увеличившіеся расходы при брачной жизни требовали еще сильнѣйшихъ мѣръ для увеличенія маленькихъ приходовъ Хлопикова. Но какъ-то все не клеилось; къ непріятностямъ въ семейномъ быту присоединилась и непріятность проигрышей: съ самой женитьбы, исполненной разныхъ огорченій для Кесаря Михеича, ему ни разу не удавалось выиграть въ умную игру, ни на счастье; умной игры какъ-то не представлялось, а на счастье что ни поставитъ, все было бито. Это еще болѣе дѣлало его недовольнымъ въ семействѣ. Былъ у него лакей Сидорка, котораго онъ прежде очень любилъ. Этотъ Сидорка по будиямъ былъ его движимое имѣніе, а по праздникамъ напиваясь положительно, былъ почти всегда недвижимое; но прежде все ему сходило отъ барина, а женившись, Хлопиковъ своего Сидорку началъ колотить всякій день ни за што, ни про што, а самъ сталъ всякій день одинъ, даже безъ знакомыхъ, сильно прорѣзать. Говорили, что будто онъ иногда захочетъ приласкать жену, а она куда тебѣ, просто чуть въ лицо не плюнетъ; что Кесарь Михеичъ сперва будто и покорностію, и почтеніемъ, и разными подарочками при-

Digitized by Google

голубливалъ Марью Павловну, даже три раза, чтобъ угодить ей, бралъ ложу надъ бель-этажемъ, на виовь поставленные балеты, и купилъ ей новомодный бурнусъ; но упрямая Марья Павловна возметъ бурнусъ, съездитъ себѣ и въ балетъ, а съ мужемъ просто слова добраго не скажетъ, вотъ что хотите дѣлайте! Наконецъ Кесарь Михеичъ выбился изъ силъ и началъ Марью Павловну иногда опезпокоивать по части ея косы.... Къ этому же до свѣдѣнія его дошло отъ вѣрнаго Сидорки, что онъ только что со двора, какъ и пойдутъ слоняться по переулку, въ которомъ онъ жилъ, то студентъ, то корнетъ, то камеръ-юнкеръ. Хлопиковъ сдѣлался *ревнивъ какъ турка*. Выключая меня, онъ ревновалъ ко всякому свою миленькую Марью Павловну, и уѣзжая изъ дома, сталъ запирать ее на замокъ.... Просто, дѣла Кесаря Михеича были въ ужасномъ положеніи....

—

V.

Кесарь Михеичъ пріѣхалъ ко мнѣ однажды такъ рано, что еще, какъ говорится, и черти на кулачки не бились. Было только 10 часовъ утра, и я спалъ мертвымъ сномъ, потому что цѣлую ночь металъ банкъ одному пріѣзжему Сибирскому купцу на особой половинѣ, гдѣ приглашались одни разночинцы *для* того, чтобъ люди хорошаго тона не встрѣтились съ ними.

«Что это тебя нелегкая принесла такъ рано? видно профершпилился и въ подмазкѣ; чай, денегъ надо!

— Совсѣмъ нѣтъ.... Ты знаешь, что я честный человѣкъ, сказалъ, не робѣя при этомъ словѣ, Кесарь Михеичъ; ты знаешь, я не какой-нибудь подлецъ, какъ другіе!...

«Ну что намъ хвастать своими добродѣтелями, отвѣчалъ я, въ особенности tête a tête; ну, разумѣется, ты за свои доблестныя качества будешь непремѣнно награжденъ, это я тебѣ еще вчерась предсказалъ.

— У тебя все шутки да насмѣшки на умѣ, прервалъ важно Кесарь Михеичъ, тебѣ хорошо валяться на бархатѣ, да смотри, вѣчно ли такъ будетъ; знаешь ли ты, что тебѣ готовится гробъ?

«Sacristi! воскликнулъ я.

— Ну этого я не понимаю, отвѣчалъ съ неудовольствіемъ мой наперсникъ, а ты слушай дѣло, я не балагурить пріѣхалъ.

«Что жъ такое мнѣ готовится? какая-нибудь стачка игроковъ? Какъ будто это новость? Ты съ такимъ удивленіемъ пришелъ ска-

Digitized by Google

зать о вещи, которою всегда начинается нашъ день; я не знаю, какъ ты, а я всякій день просыпаюсь съ мыслію, что могу сдѣлаться нищимъ, быть твоимъ pendant,—прибавилъ я улыбаясь,—но я всегда спокоенъ.

— Это все шутки, а я тебѣ говорю, я пріѣхалъ не смѣяться, и если не хочешь слушать, то я сей-часъ же уйду.

«Ну говори, чортъ тебя возьми, сказалъ я потягиваясь и зѣвая.

— Такъ знай же: Оребуровъ твой врагъ.... Его всего розыграли, и онъ злится, что ты объигралъ купца Толманова и вотъ этого сибиряка безъ него, говоритъ: Гордонова надо проучить, привесть къ одному знаменателю, и вчера присылалъ мнѣ съ своимъ Изжогинымъ предложеніе тебя спустить.... Но ты знаешь, что я не подлецъ.... Я далъ видъ, что согласенъ.... Мнѣ предлагаютъ 30 к. съ рубля, но я весь твой; видишь; каковъ я?

«Я знаю, что ты олицетворенная честь, отвѣчалъ я улыбаясь.

— Ну слушай же: Оребуровъ устроитъ на дняхъ игру у Чернохвостова; пригласятъ тебя и еще одного штукаря, который недавно пріѣхалъ изъ Одессы; его выдадутъ за богача;—онъ такъ дергаетъ, что просто хоть на рукахъ лежи—ничего не увидишь. Потомъ я узналъ игру, на которую хотятъ тебя взять.

— Ну говори.

«Тебя хотятъ взять на новую штуку.

— На какую же?

«На мазь!—сказалъ Кесарь, сдѣлавъ загадочную физіономію, и желая удивить меня такимъ страшнымъ отвѣтомъ.

— Стало я буду имѣть дѣло съ аптекаремъ, отвѣчалъ я улыбаясь.

«Тебѣ будутъ метать золотообрѣзною колодою; едва примѣтная марка будетъ показывать всѣ три съ бока и фигуры; если на лѣво будетъ идти твоя карта, то стоитъ только пожать немного колоду, какъ карта, слѣдовавшая на лѣво, прилипнетъ подъ идущую на право.

«Это уморительно! сказалъ я; ктоже выдумалъ такія нѣжности?

— Пріѣхавшій изъ Одессы.

«Я не поѣду на эту игру, отвѣчалъ я, пускай они сами мажутся этою мазью....

— Какой вздоръ! прервалъ меня Кесарь, поѣзжай, ты можешь выиграть множество денегъ; помилуй, ты ихъ поймаешь на дѣлѣ; что выигралъ, то твое, а что проигралъ, то сотрешь....

Digitized by Google

Точно ты малолѣтный! будто не знаешь, какъ эти вещи дѣлаются! а трусить игры смѣшно.... вѣдь, братъ, тутъ избѣгнешь, въ другомъ мѣстѣ оборвешься хуже еще безъ меня. Волковъ бояться, такъ въ лѣсъ не ходить!

«Оно такъ.... но досадно мнѣ, что Оребуровъ на меня сердится: какъ ни говори, вѣдь онъ меня поставилъ на ноги....

— Ну да сколько же онъ у тебя и бралъ на вѣрное.

«Что ты говоришь!

— Ну да ужь это я знаю....

«Неужели?

— Онъ тебя спускалъ безпрестанно.... и Кукуеву не дальше, какъ третьяго дня спустилъ.

«Но дай же ты мнѣ какой-нибудь авантажъ для игры у Чернохвостова.

— Изволь, это я могу.... когда игра разгорится, я пойду съ тобою метать ... мнѣ предложено тебя спустить; помни это, будетъ вотъ какъ: когда я буду метать, то первыя четыре карты, вышедшія на право, я не буду тасовать въ слѣдующую талію, а подавая снимать, дамъ противнику посмотрѣть низъ; выйдетъ такъ: если низъ данъ, то четыре карты идутъ какъ лежали по порядку, стало противникъ будетъ имѣть двѣ вѣрныя карты; если же низъ будетъ убитъ, то по нерастасованнымъ четыремъ картамъ противникъ можетъ знать, что ставить; но я, тасуя колоду, положу на верхъ одну лишнюю карту, и потому все выйдетъ на выворотъ; намъ, братецъ, даромъ отдадутъ деньги! Аха, ха, ха!...

«Ну, а что же ты, если тебя прибьютъ!

— Никогда.... скажу: обдернулся, или еще увѣрю, что они сами какъ-нибудь сбились.

«Ахъ какой ты миленькой»! сказалъ я: ты настоящій Малекъ-Адель по своей безпримѣрной мнѣ вѣрности, ей, ей, ты подлецъ до самоотверженія!

— Спасибо, спасибо! Шалапутъ ты этакой.

«Хочешь завтракать?

— Хочу, хочу. Ты знаешь, что я никогда ни отъ чего не отказываюсь, ѣсть мое наслажденіе, а завтракъ есть тотъ же для желудка.

«Человѣкъ! принеси маіонезъ и шампанскаго. Вотъ тебѣ на память.... честнѣйшему изъ шуллеровъ, прибавилъ я, подавая ему бриліантовый перстень; носи его подобно Карлу Моору въ ознаменованіе своихъ великихъ подвиговъ.

Digitized by Google

— Ужь острить умѣетъ, отвѣчалъ Кесарь, улыбаясь и надѣвая съ довольнымъ видомъ кольцо на свой энергическій палецъ.

Долго бы, можетъ быть, я еще шутилъ на счетъ честности моего Кесаря, но доложили о пріѣздѣ гостей, надо было выйти изъ кабинета.

«На дняхъ воръ у вора дубинку украдетъ, сказалъ я.

— Тото будетъ хорошо, отвѣчалъ Кесарь, потирая руками, и мы пошли въ парадныя комнаты.

Дѣйствительно, спустя нѣсколько дней, ко мнѣ заѣхалъ Оребуровъ съ знаками прежней дружбы, и объявилъ, что изъ Одессы пріѣхалъ богачь, съ которымъ бы не худо было сразиться, что онъ завтра будетъ у Чернохвостова, и Чернохвостовъ меня приглашаетъ.

«Какая будетъ игра? спросилъ я.

— Игра должна быть на счастье, отвѣчалъ Оребуровъ, потому что пріѣзжій понимаетъ игру, и ты знаешь, Чернохвостовъ ханжа и никакихъ авантажей не допуститъ.

«Очень хорошо, я буду, отвѣчалъ я; хочешь ли ты метать со мною по поламъ?

— Тамъ увидимъ, отвѣчалъ Оребуровъ.

На другой день, когда я пріѣхалъ къ Чернохвостову съ Кесаремъ, тамъ уже находились Оребуровъ и неизвѣстный мнѣ человѣкъ съ рыжими большими усами. Былъ второй часъ по полудни; присутствовавшіе завтракали. Разложенный столъ и нѣсколько колодъ изломанныхъ картъ давали видъ, что будто уже была игра.

— Вотъ счастливо мечетъ; — сказалъ Оребуровъ, показывая на рыжіе усы, въ пять минутъ взялъ у меня 30 тысячь, а я шелъ малой маркой. Сдѣлаемъ ему вмѣстѣ банчикъ; тѣмъ игрокъ хорошъ, что при выигрышѣ идетъ понтировать, да еще семпелями.

«За чѣмъ же, я самъ пойду понтировать, отвѣчалъ я.

— Что ты, съ ума что ли сошелъ? сказалъ мнѣ Оребуровъ, отводя къ окну.

«Не расположенъ метать, отвѣчалъ я, желая не быть въ долѣ съ Оребуровымъ.

— Странно!

«Что же? бываютъ вещи еще страннѣе, а тутъ ничего нѣтъ мудренаго: у меня есть лишнія деньги, я ихъ хочу бросить въ мое удовольствіе.

— Пойдемъ двумя марками, я у тебя буду въ долѣ, а ты у меня.

«Нѣтъ, будемъ сего-дня играть каждый для себя.

Digitized by Google

Оребуровъ съ неудовольствіемъ отошелъ.

«Мечите мнѣ банкъ, сказалъ я рыжимъ усамъ.

— Очень хорошо-съ.

«Вы сколько дѣлаете? спросилъ я.

Усы затруднились отвѣчать.

— Александръ Петровичъ крупенъ, сказалъ хозяинъ дома.

«Извольте метать со мною по полямъ, прервалъ Оребуровъ, мы мечемъ отвѣтный.

Я поставилъ туза и положилъ на него банковый билетъ въ 50 т. рублей, И усы, и руки, и носъ пріѣзжаго задрожали. Онъ пробѣжалъ нѣсколько абцуговъ, пало плюэ; примѣтная радость выразилась тогда на лицѣ всѣхъ присутствовавшихъ, исключая моего Кесаря, который сидѣлъ и не шевелился, былъ тише воды, ниже травы. Онъ боялся, что на него падетъ подозрѣніе въ открытіи мнѣ тайны, ибо сколько онъ держался меня, столько же отчасти ему бывалъ нуженъ и Чернохвостовъ и Оребуровъ, отъ которыхъ онъ получалъ себѣ иногда работу и поживу.

— Отыгрывается и 50 т. мазу! сказалъ я, кладя другой билетъ. Тогда сговорившіеся противники увидали, что всѣ ихъ приготовленныя игры будутъ безуспѣшны, что игра должна будетъ кончиться въ пользу чьей-либо стороны въ пять минутъ, и какъ у нихъ нѣ было даже столько денегъ,—ибо Оребуровъ былъ почти весь проигранъ,—то они рѣшились прибѣгнуть къ послѣднему средству, о которомъ не зналъ даже и Кесарь. Когда я срѣзалъ, то рыжіе усы задрожали пуще прежняго; я легъ почти къ нему на руки и вооружился моимъ лорнетомъ, который необычайно увеличивалъ предметы, чтобъ удостовѣриться, былъ ли на колодѣ особый крапъ. Прошло болѣе полуколоды, карта не выходила; наконецъ я замѣтилъ, что усы нѣсколько позамялись: онѣ начали сморкать, имѣя пріемы навольтъ, и замѣтно старались большою своею рукою прикрыть колоду.

«Мы Москвичи, сказалъ я ему, и любимъ говорить открыто; когда, сударь, карта идетъ на 100 т. рубл., и играютъ люди незнакомые, то я имѣю привычку и кашлять и сморкаться послѣ, а колоду держу за уголокъ двумя пальчиками, вотъ такъ; и тутъ я показалъ ему, взявъ порожнюю колоду.

— Это замѣчаніе совершенно лишнее, отвѣчали мнѣ рыжіе усы, пріостановясь метать; люди хорошаго общества такъ не говорятъ, есть законы вѣжливости....

«Не вамъ, сударь, меня учить имъ, отвѣчалъ я, что такое люди

Digitized by Google

хорошаго общества. Кто же вамъ сказалъ, что мы всѣ здѣсь люди хорошаго общества?

— Какъ такъ? спросили меня дерзко три голоса.

«Да такъ же; по моему мнѣнію истинно честные люди и люди хорошаго общества среди бѣлаго дня не играютъ въ такія игры, которыя въ пять минутъ дѣлаютъ изъ богача нищаго; наше пріятное занятіе, господа, есть тотъ же денной грабежъ.

— Мнѣ странно, милостивый государь, что вы это говорите! продолжали рыжіе усы, держа уже двумя пальцами колоду.

— Вотъ новости! сказали Чернохвостовъ и Оребуровъ.

«Теперь мнѣ не время доказывать вамъ истину моихъ словъ, и нѣтъ надобности, извольте продолжать.—Усы кинули на право и на лѣво, и карта моя, тузъ, была дана. Я преспокойно положилъ въ карманъ свои деньги.

«Прошу мнѣ прислать, сказалъ я. Между тѣмъ усы прехладнокровно стасовали колоду и весьма хладнокровно спросили меня: 100 т. руб; прикажете получить или записать?

«Какъ получить? вскричалъ я въ бѣшенствѣ, я долженъ получить съ васъ, сударь, карта дана.

— Какъ дана? закричали въ одинъ голосъ Оребуровъ и Чернохвостовъ.

«Тузъ убитъ, прибавилъ Оребуровъ, мы всѣ видѣли.

— Ваша карта убита, сказалъ хозяинъ дома, вы не замѣтили, разгорячившись.

«Милостивый государь! позвольте вамъ замѣтить, что я не дамъ себя дурачить.

— Да какъ же вы будете спорить противъ всѣхъ? не ужели всѣ подлецы, а вы одинъ здѣсь честный человѣкъ? вотъ и Кесарь Михеичъ тоже правду скажетъ, спросите его....

Всѣ обратились на Кесаря.

«Говорите, сказалъ я Кесарю.

Тотъ смѣшался: — право, я невидалъ, отвѣчалъ онъ.

«Какъ, вы не видали, что мнѣ дали туза? спросилъ я въ запальчивости.

— Кажется мнѣ, что тузъ упалъ куда-то.... я, право, въ это время смотрѣлъ на потолокъ, тамъ вонъ крючекъ какой-то.

Я понималъ положеніе Кесаря, и потому оставилъ его; но трое приставали ко мнѣ рѣшительно, чтобъ я заплатилъ 100 т. руб; иначе, прибавляли они, дѣло можетъ кончиться худо для меня.

Digitized by Google

— Такъ, сударь, дѣлаютъ одни.... сказалъ мнѣ Оребуровъ, подойдя весьма близко.

«Очень хорошо, я васъ понимаю, отвѣчалъ я; стало, я виноватъ?

— Вы дѣлаете низость, милостивый государь, вы хотите воспользоваться чужими деньгами, вы подлецъ....

Я схватилъ со стола бутылку и хотѣлъ ее разбить объ голову Оребурова, но меня удержали.

«Завтра, сударь, сказалъ я, я приглашаю васъ раздѣлаться, такъ какъ раздѣлываются порядочные люди; что же касается до денегъ, извольте, господа, я подарю ихъ вамъ тогда, когда, не отходя отъ стола, вы мнѣ докажете, что могли заплатить мнѣ то, что проигрывали.

Всѣ молчали: у нихъ не было такой суммы. Я отбросилъ стоявшій подлѣ меня стулъ и сказалъ: прощайте же, милые, честные люди.... Я жду вашего посредника, прибавилъ я Оребурову, и вышелъ изъ комнаты. Никто не остановилъ меня.

Кто вызоветъ на дуэль и говоритъ, что онъ можетъ проводить спокойно время до условленнаго часа, тотъ лжетъ.... Я не могъ не вызвать на поединокъ; этотъ вызовъ предупредилъ оскорбленіе, не смываемое даже кровью.... я порочный человѣкъ, но струсить мнѣ казалось величайшею подлостію, хуже воровства. Притомъ же, я давно уже питалъ нерасположеніе къ Оребурову: этотъ человѣкъ одинъ изъ людей, посѣщавшихъ общество, зналъ, что я занимаюсь мошенничествомъ, этотъ человѣкъ оскорбилъ теперь меня при многихъ, и не такъ давно въ обществѣ весьма дерзко при мнѣ смѣялся надъ моею неудачною любовью къ Лиди, прибавя, что хотя у меня и очень ловкіе руки, но Лиди отказалась отъ моей руки; а на другой день разнесшаяся исторія по городу разсказывалась съ разными прибавленіями между играющими, изъ коихъ многіе говорили, что самъ Оребуровъ разсказывалъ, будто я нечаянно моею щекою дотронулся до его ладони.... Я рѣшился быть убитымъ, или къ имени вора прибавить имя убійцы.

«Ну, Кесарь, сказалъ я, исторія такъ грязна, что въ нее нельзя путать людей порядочныхъ, съ которыми я знакомъ; она должна остаться между нами, и потому я прошу тебя быть моимъ секундантомъ.

— Что ты! что ты! прервалъ Кесарь, который былъ естественный трусъ; неужели ты будешь драться? что за охота, или убьютъ, или отдадутъ въ солдаты, или еще, пожалуй, въ Сибирь сошлютъ.

Digitized by Google

«Что же дѣлать, нельзя же это такъ оставить.

— Слава Богу, что деньги-то спасъ; а Оребуровъ самъ не захочетъ дуэли.

«Да я-то не позволю себя ругать въ лицо.

— И ну, что же за бѣда? какъ будто гдѣ на балѣ! ну въ кабинетѣ, такъ и останется.

«Нѣтъ, не могу.

— Да онъ у тебя будетъ прощенія просить, и мы вмѣстѣ прорѣжемъ...

«Нѣтъ, не могу.... ты мой секундантъ.

— Нѣтъ, воля твоя, избавь меня.

«Ну мнѣ не надо секунданта.

Спустя нѣсколько минутъ, ко мнѣ пріѣхали рыжіе усы. Когда доложили о пріѣздѣ какого-то Бурцовскаго, я догадался и велѣлъ просить. Оребуровъ сначала хотѣлъ меня пристращать, почему Бурцовскій вошелъ весьма серьезно и объявилъ, что мой противникъ прислалъ его уговориться со мною объ условіяхъ, или назначить для сего секунданта съ моей стороны.

«Я буду драться безъ секунданта, отвѣчалъ я; дѣло такъ черно, что я не хочу привлекать къ нему другихъ, а мира между мною и Оребуровымъ быть не можетъ. Часъ поединка будетъ въ семь часовъ сегодня въ рощѣ за Рогожской заставой, оружіе—пистолеты, разходиться на 10 шаговъ, вотъ и все тутъ. Я поклонился, и мы разстались. Чрезъ полчаса пріѣхали опять рыжіе усы. Парламентеръ теперь уже былъ шелковый; онъ говорилъ, что Оребуровъ меня любитъ, что хотя онъ искусный стрѣлокъ, но онъ считаетъ несчастіемъ посягать на жизнь друга, готовъ лучше подвергнуть себя смерти и выстрѣлить на воздухъ, что причиною ссоры одно недоумѣніе и излишнее вино, что онъ готовъ даже просить прощенія.

Я отвѣчалъ, что условія сдѣланы и дуэль должна состояться. По мѣрѣ того, какъ слабѣлъ мой противникъ, во мнѣ вкоренялось фанфаронство смѣлаго человѣка, и секундантъ Оребурова меня оставилъ, не склонивъ на миръ никакими убѣжденіями. За три четверти часа до назначеннаго времени, я выпилъ почти залпомъ бутылку шампанскаго, и взялъ свои пистолеты. Кесарь сидѣлъ у меня въ задумчивости.

«Кесарь, кому все это достанется? сказалъ я тихо, запирая шкатулку, гдѣ лежали деньги, векселя и ломбардные билеты; въ это время камердинеръ подавалъ мнѣ одѣваться.—Отыщутся какіе-нибудь дальніе наслѣдники, которые и не помянутъ меня, окаянные,

Digitized by Google

и которыхъ я въ глаза не видалъ.... Или все это будетъ вымороченное. Кесарь, я бы все это завѣщалъ тебѣ, да потому не дѣлаю, что ты тогда еще пожалуй меня самъ подстрѣлишь.

Кесарь молчалъ.—Сумасбродъ ты этакой, сказалъ онъ, тебѣ бы лучше покаяться, вѣдь на смерть идешь.

Я окинулъ въ послѣдній разъ не безъ трепета мою богатую квартиру.—Никаноръ, сказалъ я камердинеру, пошли кого-нибудь къ Лизѣ, сказать, что меня сего-дня не будетъ дома до завтра; прощай....

Когда мы доѣхали до назначенной рощи, то Кесарь остался въ фаэтонѣ, а я пошелъ пѣшкомъ во внутрь; мнѣ попались лошади Оребурова.

«Гдѣ баринъ? спросилъ я кучера.

— Тутъ недалеко, отвѣчалъ онъ, гулять изволятъ съ Черноxвостовымъ и Бурцовскимъ.

Спустя нѣсколько минутъ я повстрѣчался съ ними.

«Господа, сказалъ я, я здѣсь, одинъ между вами, мы здѣсь всѣ участники ссоры, въ которой, признаюсь, не много намъ чести. Я не взялъ себѣ даже секунданта, не желая примѣшивать въ исторію лицей посторонніхъ. Я думаю, что тотъ, кто рѣшается отнимать насильно деньги, можетъ еще не рѣшиться посягнуть какимъ-нибудь постыднымъ образомъ на чужую жизнь.... Жизнь и деньги есть еще большая разница....—Мой серьезный тонъ сдѣлалъ ихъ серьезными

— Мы приняли на себя посредство примирить двухъ равно благородныхъ друзей.... поссорившихся въ слѣдствіе недоумѣнія, отвѣчали несвязно Бурцовскій и Черноxвостовъ... Оребуровъ стоялъ нѣсколько поодаль и молчалъ.

«Примиреніе невозможно, сказалъ я, я слишкомъ оскорбленъ.

— И оно ненужно, закричалъ тогда Оребуровъ. Скорѣе къ дѣлу, сударь!

«Я безъ секунданта, господа! и потому вотъ мои пистолеты; они заряжены оба. Г. Оребуровъ, выбирайте!—Онъ взялъ молча пистолетъ.

Секунданты отмѣряли намъ шаги и отошли отъ барьера.

Я цѣлился въ Оребурова, но не стрѣлялъ, а онъ выстрѣлилъ, сдѣлавъ не болѣе двухъ шаговъ. Пуля слегка ранила меня въ плечо. Тогда я попросилъ Оребурова подойти къ барьеру. Мы стали въ двухъ шагахъ другъ отъ друга, и я приставилъ свой пистолетъ почти къ самому лбу моего противника. Онъ былъ блѣденъ какъ полотно, и при всемъ томъ рѣшился улыбнуться.

Digitized by Google

Видя невозможность спасенія и желая блеснуть своею неустрашимостію, онъ проговорилъ дрожащимъ голосомъ: однако вы мнѣ хотите сдѣлать прекрасную фероньерку! «Я хочу убить васъ», отвѣчалъ я весьма равнодушно и спустилъ курокъ....

Пистолетъ осѣкся.

Дуель окончена! закричали тогда секунданты.

Неправда! отвѣчалъ я, осѣчка не есть выстрѣлъ. Они замолчали, а я снова взвелъ курокъ и началъ цѣлиться въ полумертваго Оребурова. Рука моя дрожала, и я самъ весь дрожалъ; убить человѣка также тяжело, какъ и стать подъ дуло пистолета. Я цѣлился долго, но медленность моя имѣла уже совсѣмъ другую причину,—это было желаніе избѣгнуть убійства.... Наконецъ Оребуровъ не вытерпѣлъ и побѣжалъ отъ барьера. Я далъ по немъ выстрѣлъ; рана была очень далеко отъ головы, имѣла много комическаго, но была совсѣмъ не смертельною.

— Я, сударь, имѣю право еще разъ стрѣлять, сказалъ я ему, но я дарю вамъ эту жизнь, живите для украшенія вселенной! ... И сказавъ эти слова, я удалился. Оребуровъ выздоровѣлъ скоро; черезъ недѣлю онъ уже могъ сидѣть; насмѣшка вездѣ сопровождала его; онъ вскорѣ оставилъ Москву, и мы уже больше не встрѣчались.

Digitized by Google

МОДЫ.

— Іюль—самое глухое время для моды, поэтому не легко будетъ намъ теперь удовлетворить всегда неутомимому любопытству нашихъ читательницъ. Постараемся, впрочемъ, познакомить ихъ, во первыхъ, съ новою, недавно изобрѣтенною матеріей, названной знакомымъ именемъ Orléans. Эта матерія соткана изъ бумаги и шолку; она легка, тонка, мягка и глянцовита. Мы не рекомендуемъ ее для нарядныхъ платьевъ, но она несравненна для утреннихъ неглиже, для загородныхъ платьевъ и лѣтнихъ амазонокъ. Для лѣта это просто находка, потому что легче и удобнѣе въ жары нельзя ничего и выдумать.

— Еще новость—это гренадиновые платки, подобные платкамъ Stella. Эти платки одноцвѣтные съ яркими и пестрыми кoймами, затканными шелкомъ, совершенно въ родѣ коймъ турецкихъ шалей. Ничего не можетъ быть лучше этихъ легкихъ и прозрачныхъ платковъ, съ коймами изъ блестящихъ и яркихъ арабесокъ, великолѣпіе которыхъ напоминаютъ намъ Тысячу одну ночь.

— Изъ новыхъ мантилій замѣчательны особенно двѣ: — мантилья изъ бѣлаго крепу-де-шинъ съ бѣлымъ же шитьемъ гладью на оба лица. Она имѣетъ форму мантильи-шарфа безъ воротника, отворотовъ и другихъ подобныхъ украшеній и отдѣлана одной только очень широкой китайской бахрамой.

— Мантилья jardinière почти такого же покроя какъ и креповая мантилья, но сдѣланная изъ тафты, вышитой разноцвѣтными шолками и обшита двумя рядами бахрамы, изъ коихъ первый очень пестрый, а второй, т. е. нижній, совершенно бѣлый.

— Въ настоящее время платья дѣлаютъ большею частью рединготами. Фасонъ этотъ очень удобенъ и какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ лѣни, которая вообще какъ то овладѣваетъ вами въ жаркій день. Поэтому появилось множество матерій, затканныхъ на переднемъ полотнищѣ полосками, идущими вдоль всей юбки и лифа. Иногда полоски замѣняются гирляндами цвѣтовъ или арабесокъ, что еще красивѣе и наряднѣе полосокъ.

Digitized by Google

— Бастовыя шляпки считаются самыми нарядными. Ничего не можетъ быть изящнѣе и красивѣе, напр. такой шляпки:—тулья бастовая; поля составлены изъ бастовыхъ полосокъ и тюлевыхъ прошвъ, закрытыхъ маленькой блондочкой, пришитой въ видѣ волана; на поляхъ букетъ маленькихъ марабу, а подъ полями букеты вишенъ съ вишневымъ цвѣтомъ. — Эта шляпа изобрѣтенье г-жи Н., у которой мы видѣли также слѣдующіе головные уборы:

— Шляпа, составленная изъ соломеннаго кружева и бархатца синяго цвѣта; поля составлены изъ трехъ рядовъ этого кружева, отдѣленнаго синимъ бархатцемъ; тулья образуетъ косыночку fanchon; съ обѣихъ сторонъ полей букеты васильковъ; тѣже цвѣты, перемѣшанные съ колосьями, подколоны подъ полями.

— Шляпа Victoria, составленная изъ креповыхъ біе, отдѣленныхъ мѣстами довольно широкой блондой; край полей сдѣланъ изъ блонды, пришитой à jour; на поляхъ бѣлыя марабу, а подъ ними небольшіе бѣленкіе цвѣточки; подвязушки изъ бѣлыхъ лентъ.

— Шляпа, сдѣланная изъ волосянаго аграманту чернаго цвѣта и розовыхъ тѣневыхъ лентъ, поля составлены такимъ образомъ: въ край три ряда лентъ пришитыхъ въ видѣ оборокъ, потомъ широкій аграмантъ, далѣе опять три оборки изъ лентъ и, опять аграмантъ. На тульѣ оборочки и аграмантъ пришиты въ видѣ косыночки Marie Stuart. Внутри шляпа подбита вся лентами, сшитыми вмѣстѣ; подъ полями ленты; капотъ изъ лентъ, обшитый волосянымъ аграмантомъ.

— Шляпка, сшитая изъ блонды и соломеннаго аграманту, пришитыхъ на всей тульѣ и на краю полей. Средина же полей сдѣлана изъ тюля—Illusion собраннаго буфой и украшена сверху и внутри множествомъ миніатюрныхъ полевыхъ цвѣточковъ, перемѣшанныхъ съ кончиками разноцвѣтныхъ ленточекъ.

— Вообще полевые цвѣты въ употребленіи; впрочемъ, фрукты скоро замѣнятъ ихъ. Война Флоры и Помоны; послѣдняя будетъ скоро праздновать побѣду и на нашихъ шляпкахъ и уборахъ въ видѣ трофей будутъ красоваться вѣтки смородины, вишенъ, винограда и проч.

— Соломка въ такомъ употребленіи, что изъ нее дѣлаютъ даже браслеты. Да, браслеты изъ соломки и бусъ, на подобіе тѣхъ, которые дѣлали прежде изъ шелковаго аграманта и бусъ, также съ кистями. Соломкой вышиваютъ также вуали, что очень мило. Много также вышиваютъ вуалей шелкомъ золотаго цвѣта; вѣроятно такія вуали будутъ въ модѣ и зимой.

Digitized by Google

МОДЫ.

— Самымъ лучшимъ загороднымъ неглиже считается теперь такой нарядъ: юбка фуляровая, жаконетовая или тафтяная пестрая и батистовая бѣлая кофточка шитая à l'anglaise или просто обшитая въ нѣсколько рядовъ узенькимъ кружевцемъ; это легко, нарядно и не жарко: три главныя качества лѣтняго костюма. Часто эти кофточки дѣлаютъ гладкія батистовыя, отдѣланныя кругомъ широкой буфой, въ которую продернута цвѣтная лента, и подбитыя флорансомъ Мы видѣли такую кофточку, на розовомъ флорансѣ, съ розовой лентой въ буфѣ, надѣтую на сѣрую фуляровую юбку, съ розовыми клѣтками, оборки которой были фесто трованны розовымъ шелкомъ.

— Еще нарядъ въ этомъ же родѣ состоялъ изъ кофточки, обшитой вокругъ рюшемъ изъ голубыхъ лентъ: рукава и воротъ были украшены бантами голубыхъ лентъ. Юбка была фуляровая, голубая, съ бѣлыми мушками.

— Дамы носятъ много бѣлыхъ кисейныхъ пеньоаровъ, шитыхъ въ тамбуръ, гладью, или и въ тамбуръ и гладью вмѣстѣ. Ихъ украшаютъ кружевомъ и буфами, въ которыя продергиваютъ розовыя ленты; талью означаетъ длинная лента, завязанная поясомъ. Рукава дѣлаютъ очень широкіе и приподнятые бантиками изъ розовыхъ лентъ, при чемъ, конечно, необходимы бархатные браслеты съ хорошенькими пряжечками. Эти пеньоары дѣлаются распашные на богато-вышитыхъ юбкахъ. Иногда къ нимъ дѣлаютъ перелины, округленныя сзади и образующія спереди острые и длинные концы, доходящіе почти до колѣнъ. Впрочемъ, такой фасонъ болѣе идетъ къ батистовымъ и жаконетовымъ пеньоарамъ, а не къ кисейнымъ.

— Каждый изъ этихъ неглиже будетъ еще красивѣе, если при немъ будетъ надѣтъ одинъ изъ прелестныхъ маленькихъ чепчиковъ Г-жи Г., которые она дѣлаетъ съ такимъ искусствомъ и тактомъ. Она дѣлаетъ ихъ тюлевые или кисейные шитые и убираетъ.

Digitized by Google

безчисленнымъ множествомъ маленькихъ бантиковъ изъ узенькихъ тафтяныхъ лентъ, очень граціозно-перемѣшанныхъ съ узенькимъ Валансіенскимъ кружевцемъ.

— Появилось новое пардесю, называемое laitière; оно дѣлается изъ тафты съ капишономъ и широкими рукавами, обшитыми, равно какъ и самое пардесю, гофрированной оборкой изъ тафты же, обшитой внизу узенькимъ чернымъ кружевцемъ. Талья означена длиннымъ и довольно широкимъ поясомъ изъ тафты, который также обшитъ чернымъ кружевомъ. Мы говоримъ такъ подробно объ этомъ пардесю laitière потому, что оно, какъ кажется, будетъ любимымъ пардесю всѣхъ живущихъ за городомъ и на водахъ.

— Нѣсколько словъ о дѣтскихъ модахъ: — дѣвочки отъ 9-ти до 12 лѣтъ носятъ большею частью легкія платья и мантильи шарфы изъ тафты, обшитые аграмантикомъ или кружевцемъ. Дѣвочкамъ меньшаго возраста дѣлаютъ большею частью платья съ одинаковыми кофточками безъ тальи или совершенно узкія, какъ угодно.

— До семи лѣтъ дѣти носятъ круглыя шляпы изъ Итальянской соломки: это общая мода. Старше носятъ капоты соломенные съ тафтяными задками или совершенно тафтяные.

— Для мальчиковъ ничего не можетъ быть лучше блузы — tunique изъ парусины-нанки, обшитой бумажной тесьмой или изъ кашемиру и валансіи, отдѣланной бархатцемъ или сутажемъ. Часто на эти блузы накидываютъ курточки или очень коротенькія пальто безъ тальи изъ бархату.

— Шляпы въ видѣ тока à la Charles IX изъ чернаго бархату съ чернымъ перомъ, завитымъ вокругъ — считаются самыми модными.

— Каждый дѣтскій нарядъ дополняется бѣлыми батистовыми панталончиками, шитыми à l'anglaise полосатыми чулками и черными полу-сапожками съ лаковымъ носкомъ и союзомъ, застегнутыми сбоку маленькими каменно-угольными пуговицами.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R L

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google